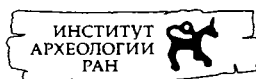

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы
II (XVIII)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в Суздале

Том II

Ответственные редакторы
Академик *А.П. Дервянко*
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*

Москва 2008

УДК 902/904
ББК 63.3
Т78

Организация II (XVIII) Всероссийского археологического съезда и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке Президиума РАН, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 08-01-14001 г.) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 08-06-06098 г.).

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, А.Н. Гей, Е.Г. Дэвлет, В.И. Завьялов, С.Д. Захаров, Л.В. Кольцов, Д.С. Коробов, Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке, Н.В. Лопатин, Н.А. Макаров, М.Б. Медникова, М.Г. Мошкова, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова, А.Ю. Скаков, А.В. Чернецов, С.З. Чернов, А.В. Энговатова

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – 560 с.: ил.

*Посвящается 100-летию
со дня рождения академиков
А.П. Окладникова,
Б.Б. Пиотровского,
Б.А. Рыбакова*

**Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда
(Суздаль, 20–25 октября 2008 г.)**

Институт археологии РАН, Москва

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета – академик А.П. Деревянко,

чл.-корр. РАН Н.А. Макаров.

Заместитель председателя Оргкомитета – чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков.

Секретарь Оргкомитета – д.и.н. Е.Г. Дэвлет.

Члены Оргкомитета – академик В.И. Молодин, академик В.Л. Янин,

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко,

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,

чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных,

чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш. Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. В.В. Бобров,

д.и.н. М.С. Гаджиев, д.и.н. Н.И. Дроздов, д.и.н. В.Л. Егоров, д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин,

д.и.н. С.И. Кочкуркина, д.и.н. Н.Н. Крадин, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. Д.Г. Савинов,

д.и.н. А.В. Седов, д.и.н. А.Ф. Шорин, д.и.н. М.В. Шуньков, к.и.н. О.И. Богуславский,

к.и.н. С.И. Валиулина, к.и.н. Н.В. Лопатин, к.и.н. В.Е. Родинкова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДОВ II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

От оргкомитета II (XVIII) Всероссийского археологического съезда

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии: расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда
2. Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита
3. Неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география
4. Эпоха ранней и средней бронзы Евразии
5. Эпоха поздней бронзы Евразии

Том II

Секционные доклады

6. Скифо-сарматская эпоха: кочевники и их окружение
7. Античные памятники Причерноморья и Средней Азии
8. Ранний железный век лесной зоны Евразии
9. Раннее средневековье Евразии: культурно-исторические процессы
10. Средневековая археология: урбанизация, расселение, материальная культура
11. Археология Московского государства и Российской империи

Том III

Секционные доклады

12. Проблемы изучения первобытного искусства
13. Охранная археология в современной России
14. Вопросы теории археологии
15. Историография отечественной археологии
16. Современные методы полевой и кабинетной археологии
17. Археология в современной культурной среде
18. Мультидисциплинарные и палеоэкологические исследования в археологии

СЕКЦИЯ 6

СКИФО-САРМАТСКАЯ ЭПОХА: КОЧЕВНИКИ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

А.Г. Акулов

Хакасский республиканский археологический музей

Е.Д. Паульс

Санкт-Петербург

К изучению тагарской курганной архитектуры

Курганная архитектура тагарской культуры – первостепенный по важности исторический источник. Внешний облик и размеры курганов, структура и пространственная позиция курганного могильника содержат информацию об истории соорудившего его клана, статусе и престиже в обществе каждого погребенного в индивидуальном кургане, о внутреннем содержании и смене социальных и культурных фаз. При понимании законов развития курганной архитектуры нет необходимости раскапывать курган для того, чтобы определить, к какому этапу или даже фазе тагарской культуры он относится. В особенности это характерно для престижных курганов (см. ниже).

В течение нескольких лет мы составляли планы курганных могильников с подробными обмерами сооружений. Анализ полученного материала позволил выделить могильники и курганы различного статуса, определить последовательность их сооружения, выявить пространственные схемы, строительные приемы, архитектурные стили, региональные варианты и локальные традиции крупных могильников, увидеть нюансы истории отдельных властных кланов и тагарского общества в целом. Проведенные исследования убедили нас в необходимости создания периодизации развития тагарской архитектурной традиции.

Каждый новый сезон углубляет и корректирует наше понимание исследуемых памятников, и данные тезисы носят промежуточный характер.

В своем исследовании мы исходим из ряда допущений, более или менее очевидных и не противоречащих наблюдаемым фактам.

1. Все «престижные» курганы принадлежат лю-

дям, имевшим в обществе четко определенный статус главы большой семьи, рода, клана.

2. Значимые инновации в курганном строительстве (новые строительные и конструктивные приемы, изменения планировочных схем и стилистического оформления) возникали и отрабатывались именно и только при строительстве курганов высокого статуса.

3. Распространение инноваций в строительстве курганов высокого статуса было очень быстрым, фактически в пределах активной жизни одного поколения.

В тагарском обществе курган, в особенности курган элиты, репрезентировал статус и престиж как погребенного в нем индивидуума, так и клана, к которому он принадлежал. На протяжении первых двух третей существования культуры мы наблюдаем в курганном строительстве «гонку за престижем», в которой участвуют кланы знати. Небольшие размеры территории обусловили быстрое распространение в их среде инноваций, впоследствии используемых и при строительстве рядовых могильников.

Упорядоченность наследования социальных статусов в отсутствие масштабных конфликтов дает возможность выстраивать относительную хронологию курганов на крупных могильниках знати по поколениям. Неизбежные погрешности при более или менее продолжительном существовании могильника в основном взаимно компенсируются.

Изложим наше понимание хода развития тагарской архитектурной традиции (рис. 1).

Формативная ступень А (3–4 поколения). На основе предшествующей карасукской традиции формируется инвариант тагарского кургана – под-

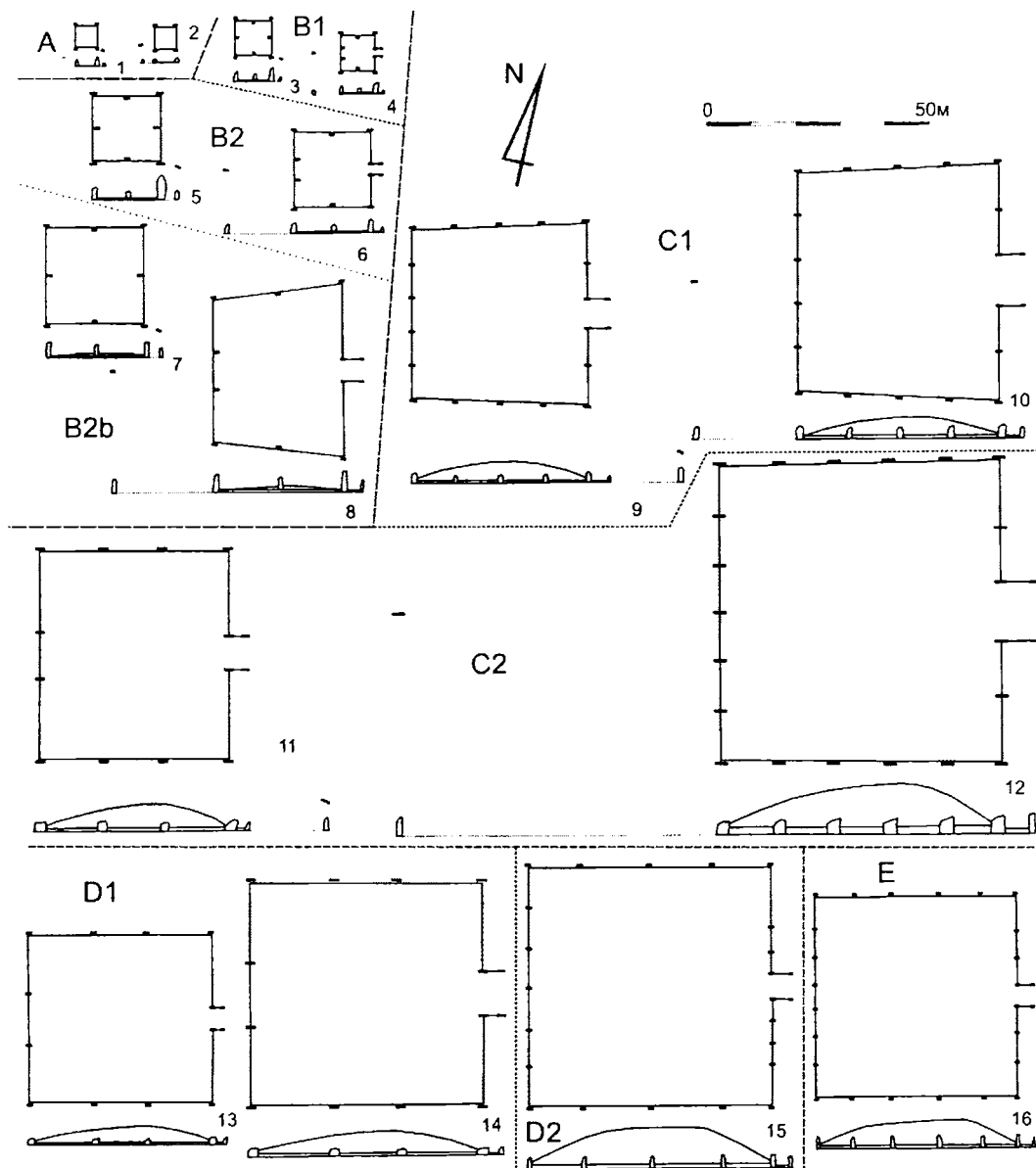

Рис. 1. Курганы высшей элиты. Тагарская культура. А – названия фаз; В1 – ступеней; В1b – горизонтов; 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13 – «восточники»; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14–16 – «западники». 1 – Усть-Таштып; 2 – Жемчужный; 3 – Апчинаев; 4 – Читыхыс; 5 – Сафронов; 6 – Харатигей; 7 – Сафронов; 8 – Узун-Оба; 9 – Кизлас; 10 – Кара-курген; 11 – Кизлас; 12 – Большой Салбык; 13 – Кизлас; 14 – Салбык; 15 – Барсучий Лог; 16 – Троицкое.

квадратная или подпрямоугольная каменная ограда с вертикальными плитами или стелами по углам, ориентированная по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Абсолютно преобладают четырехкаменные курганы. Размер их не превышает 5–6 м (под размером ограды или кургана мы понимаем среднюю длину стороны ограды). Ограда относительно высокая (0,3–0,5 м). Стелы престижных курганов достигают в высоту 2,5 м и представляют собой плиты из «дикого», «рваного» камня. Престижные курганы находятся среди рядовых, их ка-

нон не сформирован, выносные камни могут стоять с отклонением, прообраз ворот – каменный ящик в центре восточной стороны. Единой схемы пристроек у рядовых курганов нет.

Начало разложения родового общества. Курганы значимых людей обретают архитектурный объем и становятся видимыми издали мавзолеями, мемориалами.

Ранний тагар. Ступень В. Фаза В1 (бельтирская) (3–4 поколения). Архитектурные каноны престижных курганов полностью сформировались. На

основной территории это десятикаменный курган с воротами и выносным камнем к западу от кургана («западники»). Непосредственно в ограде стоит 10 камней – 4 угловых, по 2 промежуточных с восточной и западной сторон, по 1 – с северной и южной. У престижных курганов добавляется пристройка с двумя стелами в середине восточной стороны (ворота) и стела напротив середины западной стороны на расстоянии, примерно равном длине стороны кургана (выносной камень). Промежуточные и добавочные стелы несколько меньше. Основная форма стел – подпрямоугольная или трапециевидная, высокой гранью к востоку. В сочетании с асимметричностью насыпи более поздних курганов это придает динамику архитектурному образу. Впредь мы будем называть восточную сторону фронтальной, западную – тыловой, северную и южную – боковыми.

На юго-западе ареала распространен другой канон – восьмикаменный курган с выносным камнем у юго-восточного угла ограды («восточники»). Ворота здесь отсутствуют.

На рядовых могильниках обоих вариантов следующие курганы часто пристраиваются к боковым сторонам предыдущих (так называемые «трамваи»).

От компактных массивов рядовых могильников обособляются компактные группы, состоящие из крупных престижных курганов с небольшим количеством сопутствующих рядовых оградок (челяди?). Размеры престижных курганов достигают 8–9 м, высота стел – 3–3,5 м.

Формирование новой, клановой, «протофеодальной» элиты, пока еще локальной («колпаконосцы»).

Фаза В2 (сафроновская) (3 поколения). Расцвет раннетагарского курганного зодчества.

На эталонном для всей ступени В Сафроновском могильнике после трех «престижников» предыдущей фазы строятся три «суперпрестижных» кургана размерами 15–22 м и высотой стел до 5,5 м. Подобные курганы известны и на целом ряде других могильников Минусинской котловины, хотя у большинства компактных групп курганы этой фазы увеличиваются незначительно. У «западников» и «восточников» появляются признаки заимствования друг у друга отдельных архитектурных элементов. К концу фазы распространяется новый архитектурный стиль «обелисков-ножей» с длинными высокими стелами. Уменьшается относительная высота ограды и увеличивается – насыпи. Отдельные престижные курганы начинают строиться в открытой степи.

Время расслоения элиты, возвышения отдельных «княжеских» домов и соперничества между

ними. Черту под эпохой подводит «терминатор», погребенный в Узун-Обе. Курган в стиле «обелисков-ножей» и раннетагарской по устройству могилой имеет размеры 39 x 29 м, высоту насыпи 1,2, стел – 3,5–4 м.

Акме. Ступень С. Фаза С1 (тигейская) (2–3 поколения). В престижных курганах могила размерами от 3 x 3 до 4 x 4 м начинает строиться как индивидуальный склеп с лазом. Функция создания архитектурного объема переходит к насыпи, высота которой к концу фазы достигает 4,5 м. Размеры курганов высшей элиты группируются по рангам – около 30 м («колпаконосцы»), около 40 м («князья») и около 50 («рексы»). Для курганов рексов модифицируется канон. В результате добавления по каждой стороне двух стел получается восемнадцатикаменный курган. Распространяется более приземистая форма стел. У рядовых курганов также увеличивается насыпь, кроме того, возрастает среднее количество погребенных в одной могиле.

В степи начинают строиться отдельные могильники высшей знати – большие рассредоточенные курганные поля открытых пространств – Уйбатское кластерное, Салбыкское, Баргяковское, Кизласское, Туимское, Ширинское. В тигейскую фазу курганы рексов – Тигей II, Кара-Курген I – строятся на Уйбатском поле. На Кизласском поле возникает «гибридный» могильник, престижные курганы которого сочетают ворота и выносной камень с востока.

По архитектурным признакам (пропорции насыпи и стел) выделяются два горизонта – ранних и классических тигейцев.

К концу фазы гегемония переходит к клану Салбыкского поля.

Фаза С2 (салбыкская) (2–3 поколения). Резко растет высота насыпи, прежде всего у царских курганов. Уже у первого бесспорного рекса центральной группы Салбыка – восемнадцатикаменника размером 56 м – она составляет более 10 м. На других могильниках высшей элиты высота индивидуальных престижников также растет до 5–6 м.

Происходит переход к двенадцатикаменному канону престижных курганов (по 2 промежуточные стелы с каждой стороны) и двадцатикаменному – царских. В начале фазы еще строятся десятикаменные (финальные) тигейцы, в конце – только двенадцатикаменники. Один из двадцатикаменников Салбыкского поля (68 x 66, 10,7 м) раскопан С.В. Киселевым.

На рядовых могильниках переходят к строительству относительно крупных (до 30 м) двенадцати – или десятикаменных коллективных склепов. Среди них также есть престижные, с воротами (но

без выносных камней) и рядовые. Многие рядовые могильники закладываются заново.

Конец фазы – прекращение строительства индивидуальных престижников (в том числе царских курганов) на Салбыкском и связанном с ним Баргяковском поле.

Ступень С – акме тагарской курганной архитектуры – отражает эпоху скифского царства Минусинской котловины, раннеклассового общества с ранговой аристократией. Резко активизируются внутрисоциальные процессы, еще более – внешние связи, что способствует быстрым изменениям в различных сферах культуры. Сам внешний облик курганов высшей элиты меняется под воздействием общестепных стандартов.

В этой связи падение Салбыкского Дома рассматривается нами как контрреакция социума и возвращение к спокойному, уравновешенному обществу, пребывающему в относительной изоляции.

Поздний тагар. Ступень D. Фаза D1. Абсолютно преобладают двенадцатикаменные склепы. Лишь в начале фазы на некоторых курганных полях высокого статуса еще возводятся индивидуальные престижные курганы. Размеры крупных престижных склепов иногда превышают 40 м.

Рядовые могильники строятся компактными массивами небольших (15–25 м) склепов. Элита продолжает хоронить на больших рассредоточенных курганных полях в крупных (до 40–45 м размер, до 5 м высота) престижных склепах. Интенсивно строятся новые курганные поля – Троицкое и Чарковское, достигающие расцвета в более поздние эпохи.

По архитектурному облику курганы очень похожи друг на друга, отличаясь лишь размерами и признаками престижа.

В периферийных областях (север, юго-восток) распространяются курганы с уменьшенными каменными конструкциями или вовсе без них.

Гомеостаз. Устойчивая традиция спокойного общества, без изысков и шедевров, характерных для времен «гонки за престижем».

Фаза D2 (новоселовская). С одной стороны, нарастает безразличие к курганному строительству. Все больше становится курганов без каменных конструкций. Уменьшается высота насыпи в рядовых склепах, увеличивается число погребенных в одном склепе (до 100). Распространяются курганы без стел, с горизонтальной кладкой в качестве ограды. С другой стороны, опять оживляется интерес к стро-

ительству крупных престижных курганов (Новоселово, Барсучий Лог). Размер (54 м) и высота (более 8 м) позволяют отнести последний к числу царских курганов. Вновь появляются многокаменные курганы, правда, никаких следов канона мы уже не наблюдаем. Стелы становятся более узкими.

Начало распада элементов архитектурной традиции в условиях нового социального оживления.

Финальный тагар. Ступень E (тесинская). Еще более, иногда до нескольких сот, возрастает количество погребенных в склепе. Крупные курганы стоят в одиночку или парами, иногда продолжая строиться на курганных полях. Единой конструктивной схемы нет, на одном поле могут встречаться как курганы без стел, так и многокаменные (до 30 стел). На крупнейшем Троицком курганном поле размеры тесинских курганов достигают более 40 м, высота – более 6 м.

Ворота у престижных курганов крайне редки. Выносные камни отсутствуют. Имеются случаи оформления камнем входа в склеп с западной стороны. Высокие и тонкие стелы окончательно превращаются в необязательный элемент архитектурного декора.

Распад традиции в условиях мультиэтничной ситуации, что не мешает появлению ярких памятников.

Данная периодизация, основанная на памятниках курганной архитектуры, в целом коррелирует с традиционными, однако имеет два важных отличия. Формативная ступень, в отличие от баиновского этапа М.П. Грязнова, не рассматривается как устойчивое состояние культуры. Это определяет ее меньшую продолжительность. Второе, более существенное. Середина тагарской культуры, традиционно рассматриваемая как переход от подгорновского к сарагашенскому этапу, предстает в курганной архитектуре как отдельная ступень и время наивысшего социального и культурного подъема. Подобный взгляд позволяет внести существенные коррективы в понимание происходивших социокультурных процессов.

Об абсолютной хронологии. Реперы немногочисленны и небесспорны. Представляются справедливыми датировки С.В. Киселева. В первом приближении можно датировать возникновение тагарской культуры концом X в. до н.э., тигейскую фазу VIII–VII вв. до н.э., господство Салбыкского Дома – VII–VI вв. до н.э.

А.Ю. Алексеев

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

«Старшие» келермесские курганы

1. Один из ключевых памятников эпохи скифской архаики – Келермесский могильник – неизменно связывается исследователями с событиями скифских походов в Переднюю Азию в VII в. до н. э. Надежным подтверждением этому служат многочисленные находки предметов ближневосточной торевтики в курганах Келермеса. При этом нередко считается, что практически в каждом из шести раскопанных Д.Г. Шульцем и Н.И. Веселовским курганов были найдены такие предметы.

2. После работ, проведенных в 1980–1990-х гг. Л.Г. Галаниной, Г. Коссаком, И.Н. Медведской и др., утвердилось представление о существовании «старшей» (курганы, раскопанные Н.И. Веселовским) и «младшей» (курганы, раскопанные Д.Г. Шульцем) групп келермесских курганов, отразивших два хронологических этапа роста этого небольшого могильника в рамках или первой половины – середины (Галанина, 1983; Kossack, 1987; Медведская, 1992), или середины – второй половины VII в. до н.э. (Галанина, 1997; Алексеев, 1992; 2003). В настоящее время анализ топографии могильника не только подтверждает выделение двух групп курганов, но и дает основание для вывода о существовании двух цепочек скифских курганов, одна из которых, ранняя, была «встроена» в курганный могильник эпохи бронзы (два кургана, раскопанные Н.И. Веселовским), а вторая, поздняя, была сооружена рядом и параллельно основной линии курганов могильника (три кургана, раскопанные Д.Г. Шульцем). Местоположение кургана 1 Д.Г. Шульца остается до сих пор не установленным.

3. Присутствие в комплексах «старших» курганов собственно предметов, изготовленных в Передней Азии, а также некоторых переднеазиатских традиций (в кургане 31=2 Веселовского это может быть серебряный наконечник/подток рукояти секиры и характер украшения некоторых конских уздечек, а в кургане 27=1 Веселовского – конские фалары с перегородчатой инкрустацией: Галанина, 1991), не является в настоящее время совершенно очевидным, т. к. не исключен собственно скифский характер этих изделий. В то же время, безусловные ближневосточные изделия, датирующиеся VIII–VII вв. до н.э., были найдены во всех курганах, раскопанных Д.Г. Шульцем.

Учитывая отличия в составе сохранившихся вещевых наборов, данные археологической хро-

нологии древностей, синхронных келермесским, – датировка по античному керамическому импорту временем ок. 600 г. до н.э. к 16 могильника Ново-заведенное II (Петренко, Маслов, Канторович, 2000. С. 246), близкого, вероятно, по времени кургану 24=3/4 Шульца, – и радиоуглеродную датировку образцов из двух келермесских курганов (к. 2 Веселовского – 810–540 cal. BC, и к. 3 или 4 Шульца – 760–390 cal. BC), можно высказать предположение, что «старшие» курганы Келермеса были сооружены еще до начала переднеазиатских походов скифов, т. е. ранее начала 670-х гг. до н.э. (при этом не исключается VIII в. до н.э.), тогда как «младшие» курганы – или после возвращения на Северный Кавказ скифов поколения царя Бартатуа в середине VII в., или скифов царя Мадия в самом конце VII в. до н. э.

4. Комбинированная радиоуглеродная дата самого раннего келермесского кургана 2 Веселовского (2556±24 BP) чрезвычайно близка датам трех других эталонных памятников древнескифской эпохи (Евразия... 2005), относящихся при этом к различным культурно-историческим вариантам (раннескифскому, предскифскому, «новочеркасскому») и к удаленным друг от друга географическим зонам: кургана 15 могильника Стеблев в Приднепровье (2577±25 BP), п. 3 Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье (2564±26 BP) и кургана Уаши-ту в Закубанье (2540±35 BP). Эти данные надежно свидетельствуют об одновременном существовании в Восточной Европе в VIII–VII вв. до н.э. носителей разных по происхождению этнокультурных традиций эпохи ранних кочевников.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника: Скифы в VII–IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк. СПб.

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.

Галанина Л.К., 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 24.

Галанина Л.К., 1991. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 31.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М. Т. 1.

Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб, 2005.

Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. № 3.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до

н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М. Kossack G., 1987 Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. H. 98.)

Н.А. Берсенева

Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский филиал, Челябинск

Погребение как ансамбль: гендерные стереотипы и погребальная практика саргатской культуры*

Концепция гендера и его связи с биологическим полом широко обсуждается в рамках социологии и психологии (Carsten, 2004; Берн, 2007). Главная идея здесь заключается в установлении различий между биологическим полом (sex) и социальным (gender). Пол (мужской или женский) – биологически детерминирован набором хромосом, гендер создается внутри общества и представляет собой социально-биологическую характеристику личности. Гендер «культурно прививается» с раннего возраста, когда дети начинают усваивать гендерные роли – т. е. ожидаемые образцы поведения (нормы) для мужчин и женщин. Гендерный стереотип представляет собой устоявшееся мнение о личностных качествах групп людей (Берн, 2007. С. 22).

В последнее время идеи о различиях между биологическим полом и гендером проникли в «социальную» археологию. Несомненно, что гендерные стереотипы и схемы имели огромную важность и в древних обществах. Изучение гендерных отношений в дописьменный период истории представляет собой большую проблему. В подавляющем большинстве случаев главным источником информации о древних людях являются погребальные памятники. Археологически гендерная принадлежность умершего может быть выражена в погребальном источнике через локализацию погребения в пространстве, структуру погребального сооружения и состав и/или композицию сопроводительных артефактов.

Погребальный обряд саргатской культуры был, в своих основных чертах, единым для индивидов различного возраста и пола. Для взрослых не наблюдается особенностей, связанных с глубиной или шириной могильной ямы, которые можно было бы объяснить принадлежностью покойного к тому или иному полу. В большинстве случаев наиболее фун-

даментальным и глубоким сооружением в кургане является центральная могила, где захоранивались преимущественно мужчины (68 % взрослых погребенных в центральных ямах).

В мировой этнографии известно множество примеров, когда гендер погребенного символизировался в погребальной сфере через определенные сопроводительные предметы или/и их сочетание. Как правило, эти предметы ассоциировались с конструкцией «женственности» или «мужественности», принятой в обществе, и могли символизировать роли, исполняемые индивидами различного пола (Ucko, 1969).

Вопрос о существовании и, соответственно, составе мужских и женских «погребальных наборов» неоднократно поднимался исследователями саргатских памятников (Корякова, 1988; Могильников, 1992; Матвеева, 2000). Однако возможности источника далеко не исчерпаны.

В данной работе была использована методика, предложенная С. Люси (Lucy, 1997. P. 150–168). Каждое погребение рассматривалось автором как своеобразный ансамбль, и анализу подвергались, соответственно, не изолированные предметы по категориям, а их контекстуально связанный набор. Для анализа были взяты все непотревоженные погребения Среднего Прииртышья (общим числом 191), чтобы констатация отсутствия или присутствия предмета в каждом конкретном случае предполагала его преднамеренное исключение или включение в погребальный ансамбль.

К сожалению, в рамках одного курганного могильника таких погребений насчитывается слишком мало, поэтому в выборку вошли могилы из разных памятников. Необходимо уточнить, что в этом случае речь идет почти исключительно о периферийных могилах, поскольку центральные практически

все ограблены. Зато благодаря индивидуальности периферийных могил принадлежность вещей конкретному индивиду не вызвала сомнений.

Все погребения были разделены на четыре «ансамбля». В первую очередь были отделены все погребения с оружием. Ансамбль артефактов «оружие» включал все предметы вооружения (оружие ближнего боя, дистанционного боя и защитный доспех) и детали конской упряжи. К этому ансамблю были отнесены все погребения, содержавшие хотя бы один из названных предметов. Далее из оставшихся были выделены погребения с ансамблем «украшения» (более 20 бусин и/или хотя бы пара металлических украшений). Третий – «нейтральный» – состоял из артефактов, не попадающих в первые две группы: сосуды, кости животных, бытовые ножи, пряжки от одежды, единичные украшения, пряслица и некоторые другие предметы. Условность подобного разделения понятна, однако наглядность выводов, изложенных ниже, демонстрирует, что искажение не могло быть большим. Отдельную группу составили погребения без сохранившихся артефактов. Нетрудно заметить, что первый ансамбль традиционно связывается с мужчинами, а второй – с женщинами.

Во избежание возможных неточностей было проведено два варианта подсчетов. В первом учитывались все погребения (191), включая детские, коллективные и кенотафы. Во втором принимались во внимание лишь индивидуальные погребения взрослых с установленным биологическим полом (87 могил). Оба варианта представляли собой распределение погребений по «ансамблям артефактов», при этом один ансамбль всегда соответствовал одному погребению.

В результате группировки получилось, что 49,7% от общего количества погребений не содержали ни оружия, ни большого количества украшений, т. е. вещей, которые более или менее недвусмысленно могли бы указать на пол умершего. Это погребения с «нейтральным» ансамблем. Погребения с оружием составили 31,1% от общего количества, а с украшениями и того меньше – 12%.

Сопоставление инвентарных ансамблей с результатами биологической идентификации пола позволило получить следующие результаты.

Более половины «оружейных» погребений являются мужскими, женские и детские составляют 27%. Этот факт не вызывает удивления, т. к. в общем характерен для курганных могильников лесостепной и степной полосы Евразии. Среди погребений с «нейтральным» ансамблем 49% составляют детские. Интересно, что большая часть кенотафов также относится к этой категории. В категории

«украшения» женские погребения доминируют, но с небольшим перевесом (31%). В двух случаях большим количеством украшений сопровождалась мужчины. Категория «без инвентаря» включает относительно небольшое количество погребений (12). Все группы погребенных представлены здесь почти в равной степени, но дети по отношению ко всем взрослым составляют меньшинство.

Если из предыдущей выборки исключить детские погребения, коллективные могилы и кенотафы, оставив индивидуальные погребения взрослых с установленным биологическим полом (87 индивидов), то акценты несколько сместятся. Среди мужских погребений теперь доминируют с «оружием» (31 против 16), а среди женских – «нейтральные» с небольшим перевесом (21 против 19). Безынвентарные погребения вполне равномерно распределяются по различным группам. Видимо, они не составляют единого целого, т. е. не характеризуют какую-то общественную группу.

Таким образом, 46% (40 могил) от общего количества погребенных демонстрируют определенную взаимосвязь между гендером умершего и предметами, сопровождающими его: мужчина = оружие (31 могила); женщина = украшения (9 могил). Интересно, что в гораздо большей степени это связано с мужчинами (как минимум, 60% мужских погребений содержали те или иные предметы вооружения). Женщины гораздо реже сопровождалась большим количеством украшений.

Такая вариабельность может свидетельствовать о том, что гендерные характеристики, при всей своей несомненной важности, очевидно, не были единственными при выборе погребального инвентаря, об этом говорит, прежде всего, большое количество гендерно-нейтральных погребальных ансамблей. Оружие, конская узда и украшения, несмотря на то что часто имели непосредственное отношение к полу погребенного, не выступали маркерами биологического пола как такового. Скорее, эти предметы можно назвать маркерами социального пола – гендера. Значительное количество женских погребений с оружием, а также наличие погребений мужчин, женщин и детей с нейтральными по отношению к биологическому полу предметами, подтверждает сказанное. Выводы, полученные в результате проделанной работы, в общем таковы:

- 1) гендерные структуры древних обществ, нормы и стереотипы, им присущие, были гораздо сложнее, чем представляется сейчас, и не сводятся к простому бинарному разделению на мужчин-воинов и женщин-домохозяек;

- 2) несмотря на то что наиболее полно представлена в погребальном источнике гендерная категория

мужчин-воинов, значительное количество мужчин (не менее 30 %) было погребено с «нейтральным» набором артефактов;

3) различия между индивидами, погребенными с «нейтральными» наборами инвентаря, и индивидами со «стереотипными» наборами, возможно, следует искать в области не только гендерных, но и вертикальных статусных отношений;

4) предполагая, что количество мужчин и женщин в живущем обществе должно быть приблизительно равным, факт дисбаланса среди погребенной популяции следует объяснять, по-видимому, или особенностями погребальной практики, регулируемыми способами отдаления для женщин; или экономическими причинами, когда семья не могла гарантировать устройство сложного погребения всем женщинам; или повышенной смертностью мужчин в силу их занятий;

5) что же касается социальных ролей мужчин и женщин, то погребальный обряд не дает оснований констатировать их полную несовместимость или «непересекаемость». В некоторых сферах жизни, не исключая управленческую, производственную и военную, их роли могли быть вполне сравнимы. Несмотря на то что круг предметов, обнаруженных в женских могилах, достаточно широк, в мужских он в целом более разнообразен. В связи с этим можно предположить, что и в жизни социальные роли жен-

щин были более ограничены (но и более стабильны), нежели роли мужчин.

* Работа подготовлена в рамках исследований по гранту РГНФ, проект 08-01-85118а/У, и комплексного интеграционного проекта УрО и СО РАН.

Берн Ш., 2007. Гендерная психология: Законы мужского и женского поведения. СПб.

Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.

Матвеева Н.П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск.

Могильников В.А., 1992. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР.)

Шарапова С.В., Берсенева Н.А., 2006. Социальная символика: система понятий и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. № 14.

Carsten J., 2004. After Kinship. Cambridge.

Lucy S.J., 1997. Housewives, warriors and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology / J. Moore and E. Scott (Eds.). London; New York.

Ucko P.J., 1969. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. № 1.

Е.С. Богданов, И.Ю. Слюсаренко

Институт археологии и этнографии СО РАН

Бронзовое зеркало с «тамгообразным» знаком из могильника Коол 1 (р. Актру, Горный Алтай)*

В 2003 г. в среднем течении р. Актру (Юго-Восточный Алтай), на границе степи со среднегорными лесными ландшафтами, был открыт памятник Коол 1. Всего на памятнике зафиксировано 636 разнотипных объектов – это курганные цепочки скифского времени, одиночные насыпи, поминальники, стелы и балбалы, выкладки неизвестного назначения. Авторам статьи удалось исследовать часть объектов на могильнике, и результаты были опубликованы (Богданов, Слюсаренко, 2003. С. 272–276). Среди находок особое место занимает бронзовое зеркало, найденное в пазырыкском кургане. Именно ему и посвящена данная публикация.

Маленькое бронзовое медалевидное зеркало с петелькой (рис. 1: 1) и тремя подвесками из от-

шлифованных зубов марала (рис. 1: 3) находилось на тазовых костях женщины, которая лежала вдоль южной стенки сруба на правом боку, головой (пробита чеканом) на восток, с поджатыми к тазу ногами и скрещенными в районе пояса кистями рук. Судя по всему, зеркало лежало в маленьком кожаном мешочке и завязывалось шнурком с бусиной (рис. 1: 2). Инвентарь, найденный в погребении, достаточно стандартен для этого типа памятников и датируется в пределах III–I вв. до н.э. В северной части сруба были обнаружены раздавленный глиняный сосуд вазообразной формы, позвонки барана, а также вотивный бронзовый нож (Там же. С. 273. Фото 1).

Зеркала с петельчатой ручкой очень часто встречаются в малых курганах пазырыкской культуры на

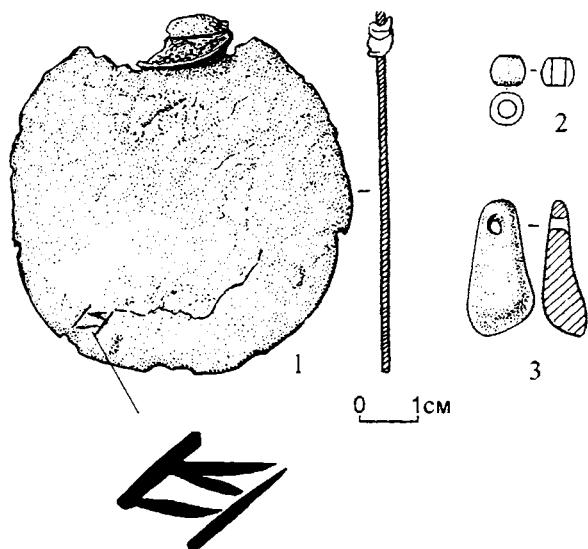

Рис. 1. Зеркало и сопровождавшие его предметы из могильника Коол 1.

территории Алтая, а также среди материалов тагарской культуры Минусинской котловины, в погребениях гунно-сарматского времени Монголии, Тувы и Забайкалья (Кубарев, 1991. С. 99, 100). Однако у зеркала, найденного в кургане 4 могильника Коол 1 есть отличительная особенность, а именно, выбитый на одной из сторон «тамгообразный» знак (рис. 1: 1). Насколько нам известно, это первый случай подобного способа нанесения, не характерный в целом для скифского времени. Так, в очень подробной подборке, составленной В.Д. Кубаревым, на центрально-азиатских зеркалах встречаются лишь прочерченные линии – гравировки, в основном в виде животных (Кубарев, 2002. С. 63–77. Рис. 1; 3). Только на зеркале из кургана 23 могильника Юстыд XII над схематичным изображением животного расположено несколько тамгообразных знаков (Кубарев, 1991. Табл. LII, 25). В нашем же случае знак не просто прочерчен или прорезан, он выбит, и скорее всего, металлическим орудием. В то же время, как отметила В.Н. Полторацкая, «знаки на вещах из алтайских курганов имеют одну особенность: они почти всегда расположены на оборотной стороне предметов, и нанесены тонкими, едва заметными линиями» (Полторацкая, 1962. С. 88). В специальной статье исследовательница привела многочисленные примеры нанесения знаков на глиняные сосуды, оружие, бронзовые серпы, астрагалы и т. д. с территории Казахстана, Минусинской котловины и Приобья, и пришла к выводу, что в одних случаях это метки мастеров (элементы счетной системы или разметки), в других – тамгообразные знаки владельцев (Там же. С. 83–87). У А.П. Бородавского (1993. С. 62) сложилось такое же мнение:

«чисто графическое начертание этих меток имеет очень большое сходство со знаками собственности». В.Д. Кубарев (1995. С. 101), анализируя костяные наконечники с процарапанными или глубоко гравированными знаками, высказывает предположение, что некоторые из них «напоминают буквы известной надписи из Иссика или буквы арамейского, возможно прототюркского, письма». Однако знак, выбитый на зеркале из кургана 4 могильника Коол 1, больше напоминает по своим начертаниям иероглиф. Об этом свидетельствует не только расположение линий, но и определенная последовательность, четкость их нанесения. Вместе с тем, специалисты по китайскому языку отвергают это предположение. Поэтому остается сказать, что, вероятно, мы имеем дело с родовой тамгой. Наибольшее удивление вызывает сам факт нанесения такого сложного тамгообразного знака на довольно стандартное и «невзрачное» зеркало. Причем сделано оно из бронзы не лучшего качества (при нанесении тамги металл треснул). Интересно, что нами был исследован еще один курган (11) из соседней пазырыкской цепочки на могильнике Коол 1, где в женском погребении было найдено такое же зеркальце, но без каких-либо знаков на нем (Богданов, Слюсаренко, 2003. С. 273. Фото 1).

Возможно, дальнейшие исследования в этом районе дадут новый материал, который позволит сделать более определенные выводы по поводу тамгообразного знака на зеркале из кургана 4 могильника Коол 1.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта НШ-1648.2008.6. и проекта № 21.2 по программе РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., 2003. Археологические исследования на памятнике Коол 1, в долине р. Актуру (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск. Т. IX. Ч. 1.

Бородавский А.П., Бородавская Е.Л., 1993. Экспериментальная археология (с детьми) с методическими рекомендациями для 2-го года обучения и материалами. Новосибирск. Вып. 2.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1995. Знаки на стрелах древних кочевников Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края: Мат. конф. Барнаул. Вып. V. Ч. 1.

Кубарев В.Д., 2002. Древние зеркала Алтая // АЭАЕ. № 3.

Полторацкая В.Н., 1962. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в горном Алтае // АСГЭ. Вып. 5.

А.П. Бородавский

Институт археологии и этнографии СО РАН

Деревянное защитное вооружение скифского времени Горного Алтая*

Впервые изучение деревянного защитного вооружения скифского времени горного Алтая стало возможным после исследования М.П. Грязновым в 1929 г. кургана с мерзлотой в урочище Пазырык. К настоящему времени получена уже достаточно представительная коллекция, включающая более 20 щитов, поножи и фрагменты деревянного панциря эпохи раннего железа.

Щиты пазырыкского времени сохранились в основном в «конских» отсеках погребений (Первый, Третий Пазырыкские курганы, Первый Тузкитинский курган, Ак-Алаха 1, 5, Бертек, Берель, Ташанта I, Уландрык IV, Олон-Курин-Гол 10). Для расположения щитов на лошадях характерно несколько вариантов: прикрепление к седлу – Олон-Курин-Гол 10 (Молодин, Парцингер, Цэвээндорж и др., 2006, С. 432); с правой стороны у седла – Первый Пазырыкский курган (Грязнов, 1950. С. 28, 29. Рис. 8; 9, 35; 13), Ак-Алаха 1 (Полосьмак, 2001. С. 288); поперек спины животного – Ак-Алаха 5 (Полосьмак, 2001. С. 296), Уландрык IV (Кубарев, 1987. С. 74); у головы лошади – Ташанта I (Кубарев, 1987. С. 75. Рис. 26). В Уландрыке I на щите был уложен погребенный (Кубарев, 1987. С. 74. Рис. 2. Табл. XI). Такое размещение щитов предполагает несколько вариантов его интерпретации. Во-первых, размещение для транспортировки. Во-вторых, предназначение щитов для защиты самих животных. В-третьих, расположение предметов исходя из ритуальных соображений. Неоднозначны оценки и функциональной принадлежности пазырыкских щитов из органических материалов. Одни исследователи полагают, что эти предметы сделаны специально для погребений (Грязнов, 1950. С. 63, 73; Кубарев, 1987. С. 74). Другие считают их вполне функциональными (Горелик, 1987. С. 126; Полосьмак, 1994. С. 35). Причинами такой неоднозначной интерпретации являются несколько факторов: размер, конструктивные особенности и имитации.

По размеру щиты из органических материалов подразделяются на малые (от 27,5 x 38 до 46 x 50 см) и большие (от 82 x 36 до 51 x 56 см) (Полосьмак, 2001, С. 54, 55). Это, возможно, связано с их различным предназначением (Горелик, 1987. С. 126). В зависимости от использованных материалов разли-

чаются два вида щитов: цельнодеревянные (рис. 1: 4–6) и кожаные (рис. 1: 1–3) со вставленными деревянными палочками (Руденко, 1960. С. 111; Полосьмак, 1994. С. 34).

Деревянные щиты изготовлены из цельного фрагмента древесины, в двух случаях (Первый Тузкитинский курган, Ак-Алаха 1) нанесен резной имитационный орнамент, воспроизводящий составную конструкцию из нескольких деревянных планок, скрепленных деревянной основой (рис. 1: 4–6). В одном случае (Первый Тузкитинский курган) представлена наиболее полная имитация (Руденко, 1960. С. 111. Табл. XI, 4). В рельефной резьбе воспроизведено 37 «планок», шириной около 1 см, раскрашенных на различных участках в желтый, красный, коричневый и синий цвета и отражающих кожаную основу. Подчеркнем, что количество планок в реальных составных щитах – от 47 до 56. В других случаях имитация более условна (рис. 1: 4). Представлен рельеф только из 28 (Ак-Алаха 1) или 19 (Ташанта I) «планок». Имитация кожаной основы отсутствует. С воспроизведением этой части реальных составных щитов косвенно можно соотносить орнамент, вырезанный в виде вписанных друг в друга треугольников (рис. 1: 5), вершины которых сходились в центре (Ак-Алаха 1, Бертек, Олон-Курин-Гол 10). Такой декор может быть связан с имитацией сложной системы крепежных отверстий (до тысячи) в исходной кожаной основе, расположенных по рядам параллельных, наклонных линий, пересекающихся в различных направлениях. Мнение о том, что этот орнамент копирует рисунок раскраски щитов, а не их конструкцию (Полосьмак, 1994. С. 34), не противоречит высказанному предположению, поскольку кожаная основа на составных щитах из Первого Пазырыкского и Тузкитинского курганов также имеет окраску. Кроме того, точное воспроизведение на цельнодеревянном щите из Тузкиты позволяет говорить, что имитации из Ак-Алахи 1 (рис. 1: 5) и Олон-Курин-Гола 10 свидетельствуют о ее существенном упрощении. С этой же точки зрения следует рассматривать и резной орнамент на деревянном щите из Ак-Алахи 5 (рис. 1: 6).

По форме цельнодеревянные пазырыкские щиты подразделяются на подквадратные (Первый Ту-

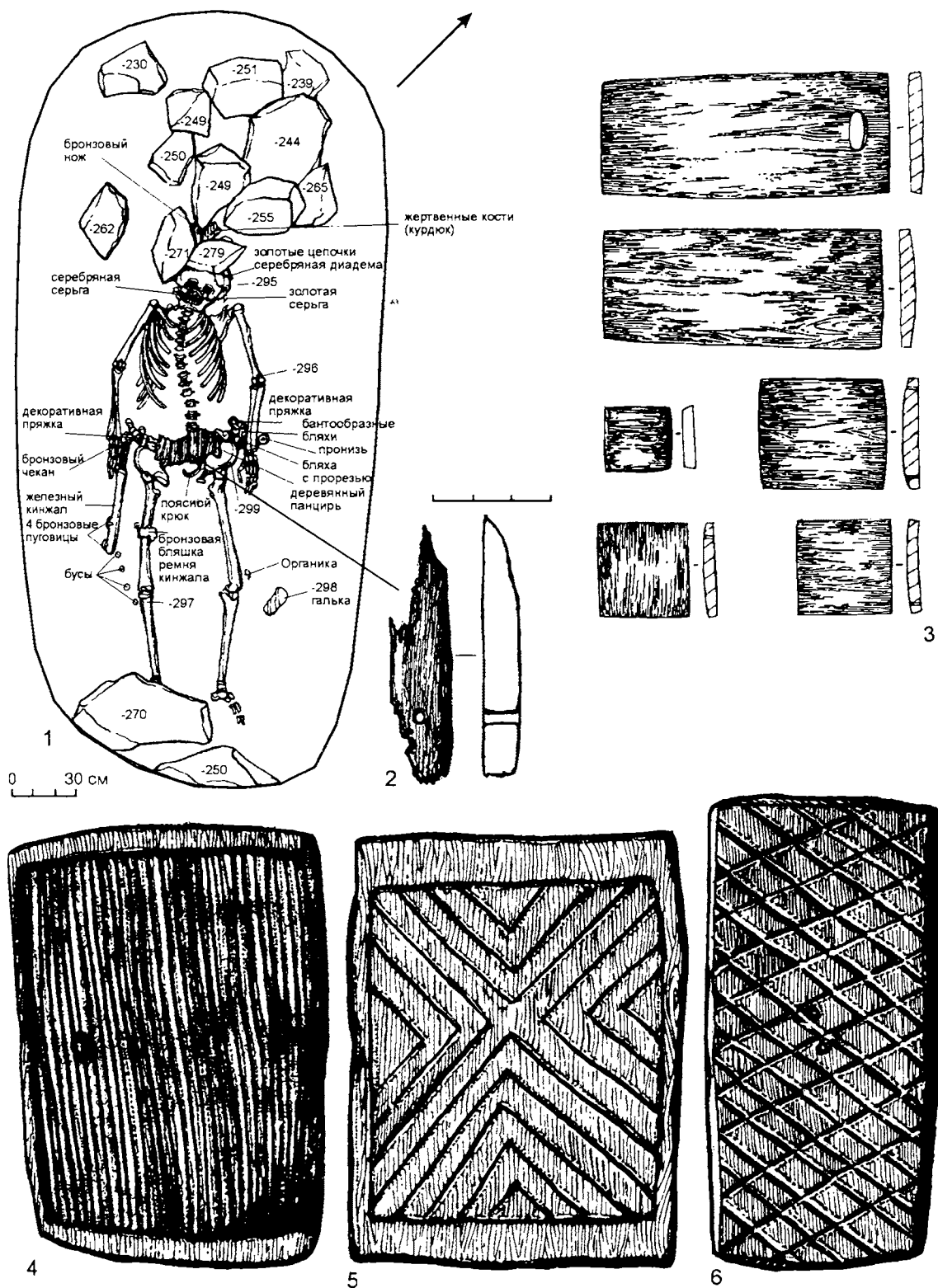

Рис. 1. Деревянное защитное вооружение Горного Алтая скифского времени. 1 – захоронение Чултукова Лога 1 (к. 13) с остатками деревянного панциря (раскопки А.П. Бородавского); 2 – фрагмент деревянной панцирной пластины из Чултукова Лога 1; 3 – деревянные поясные пластины из Верх-Кальджина II, к. 3 (раскопки В.И. Молодина); 4, 5 – деревянные щиты из Ак-Алахи 1, к. 1 (раскопки Н.В. Полосьмак); 6 – деревянный щит из Ак-Алахи 5, к. 1. (раскопки Н.В. Полосьмак). Масштаб предметов разный.

эктинский курган, Ак-Алаха 1, Олон-Курин-Гол 10; рис. 1: 4, 5) и подпрямоугольные (Ак-Алаха 5; рис. 1: 6).

Составные кожно-деревянные щиты (Первый Пазырыкский, Тузкитинский курганы, Берель) имеют в основном подквадратную форму (рис. 1: 1–3). Только щиты Третьего Пазырыкского кургана имели дугообразную форму верхнего края (Руденко, 1960. С. 243). Основу каждого из трех щитов Первого Пазырыкского кургана составляют 35 деревянных палочек, скрепленных куском тонкой кожи. Все палочки продеты через прорезанные отверстия, образующие переплет, напоминающий плетение ткани. Формы узора на щитах обусловлены техникой их выполнения (Грязнов, 1950. С. 63, 73. Рис. 28, 2–4. Табл. X). М.П. Грязнов не исключал связи такой техники с плетением циновок. Любопытно, что на некоторых костяных панцирных пластинах эпохи поздней бронзы (Синий Гай-А) (Бородовский, Соловьев, 2006) и раннего железа (Польце) Дальнего Востока прослеживаются признаки имитации плетеных тростниковых (Синий Гай-А) и бамбуковых (Польце) защитных приспособлений.

По данным немецких экспериментаторов, кожно-деревянные составные щиты имеют достаточно интересные функциональные свойства при защите от наконечников стрел. Подвижные деревянные планки, закрепленные в кожаной основе, при соприкосновении с выпущенным металлическим

наконечником приводили к сильной деформации и искривлению его острия, подобно тому, как это происходило при столкновении жала наконечника с достаточно прочными материалами – костью и металлом. Тогда как просто плетеную основу щита из прутьев металлические наконечники пробивали навывлет. Поэтому считать составные кожно-деревянные щиты нефункциональными вряд ли оправданно. В качестве более позднего и косвенного подтверждения эффективности схожей защиты следует привести скрепленные из канатов «жалюзи», прикрывавшие от пуль и осколков бойницы артиллерийских позиций г. Севастополя в Крымскую войну 1854–1855 гг.

Тем не менее, вопрос о непосредственном использовании деревянных и кожно-деревянных изделий в качестве щитов, частей панциря или конской защиты, на наш взгляд, остается пока открытым, поскольку их расположение в археологических комплексах далеко не однозначно. В основном они сопутствуют конским захоронениям, тогда как в составе сопроводительного инвентаря погребенного встречается крайне редко. В качестве общих аналогий этим пазырыкским кожно-деревянными щитам следует привести очень близкие по конструкции и декору панцири калифорнийских индейцев и глиняков (Collins, 1991. P. 129. Fig. 163, 33).

К другим предметам цельнодеревянного защитного вооружения пазырыкского времени относятся

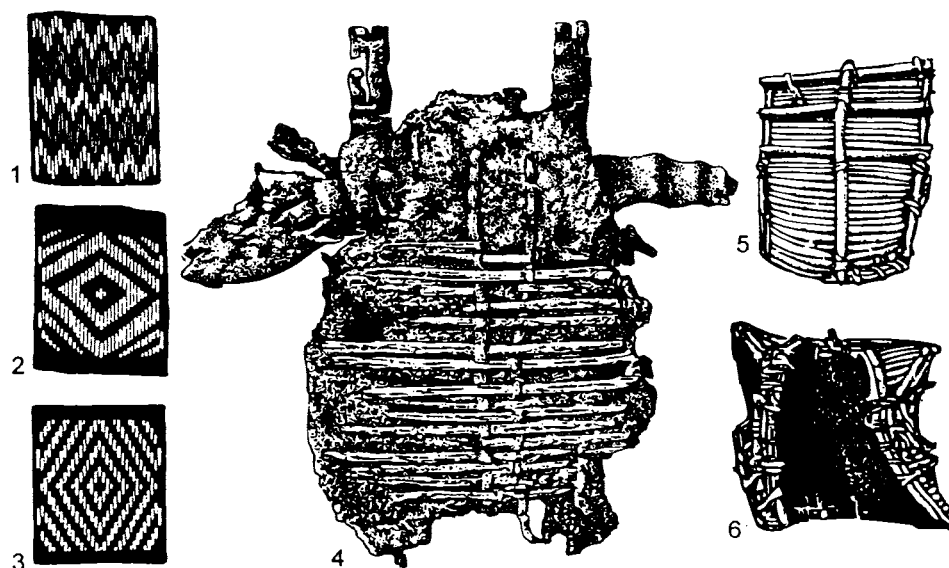

Рис. 2 Плетеное защитное вооружение Горного Алтая. 1–3 – щиты из прутьев, Первый Пазырыкский курган (Грязнов, 1950. С. 73. Рис. 28); 4 – плетеный из прутьев панцирь, Бертек 20; 5, 6 – реконструкция плетеного панциря, Бертек 20 (Деревяно, Молодин и др., 1994. С. 122, 123). Масштаб предметов разный.

поножи (Руденко, 1960. Табл. LIX). Любопытно, что орнаментация, воспроизведенная на них, напоминает кожаные аппликации. По мнению М.В. Горелика, деревянные поножи из Первого Туэктинского кургана являются локальным сакским, или точнее пазырыкским, изобретением (Горелик, 1987. С. 126).

Интересным образцом органического защитного снаряжения является недавняя находка автором фрагмента деревянного составного панциря (рис. 1: 1) в кургане 13 Чултукова Лога I на Нижней Катунь. На поясе погребенного благодаря обильным окислам от лежавших ниже бронзовых поясных пластин сохранился целый ряд деревянных планок с отверстиями (рис. ...: 2). Все они были ориентированы длинной стороной вверх и имели отверстия по краям. Размеры деревянных пластин составляют 10 x 4 x 1 см, диаметр отверстий – 0,25 см. Сохранился тлен от 4 предметов. Расположение деревянных пластин и наличие под ними пояса с бронзовыми бляхами позволяют интерпретировать их как часть панциря. По конструкции эти изделия близки деревянным накладкам пояса (рис. 1: 3), возможно, также имеющим отношение к защитному снаряжению.

Для территории Горного Алтая традиции защитной экипировки из органических материалов можно считать достаточно устойчивыми. Подтверждением тому служит плетеный деревянный панцирь (рис. 2: 4) из позднесредневекового погребения Бертека 20 на плоскогорье Укок (Деревянко, Молодин, Савинов, 1994. С. 122, 123). Основная часть прутьев была уложена в горизонтальный ряд, скрепленный сверху вертикальными планками, плотно сплетенными между собой кожаными ремешками (рис. 2: 5, 6). Аналогии этому панцирю известны среди снаряжения из органических материалов этнографического времени Азии (Там же. С. 127) и Северной Америки (Collins, 1991. P. 129, 163).

В целом для скифского времени Горного Алтая

характерен комплекс деревянного защитного вооружения различных конструкций (цельного и составного), включающий щиты, поножи, пояс и панцирь. Он представлен в погребальных комплексах различных социальных слоев общества пазырыкского времени (от элитных до рядовых курганов древних кочевников), что свидетельствует о его самобытности.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 06-01-00326а.

Бородовский А.П., Соловьев А.И., 2006. «Костяные» панцирные пластины эпохи бронзы в Сибири // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. АС. Новосибирск. Т. I.

Горелик М.В., 1987. Сакский доспех // Центральная Азия (новые памятники письменности и искусства). М.

Грязнов М.П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Савинов Д.Г. и др., 1994.

Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др., 2000. Феномен алтайских мумий. Новосибирск.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П. и др., 2006. Мультидисциплинарные исследования российско-германско-монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Вып. XII. Ч. I.

Полосьмак Н.В., 1994. «Стерегиущие золото грифы». Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. – Л.

Collins R., 1991. The native Americans. The indigenous people of North America. New York.

П.В. Герман

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

Локальные различия и проблема генезиса тагарской культуры

1. Обширная территория распространения памятников тагарской культуры, а также наличие в некоторых могильниках своеобразных, отличающихся от «классических», форм различных категорий погребального инвентаря и способов курганного

строительства, стали поводом к постановке вопроса о выделении ее локальных вариантов. В настоящее время не вызывает сомнения обоснованность выделения северного (лесостепного) варианта культуры. Еще в конце XIX в. Д.А. Клеменц, проводивший рас-

копки тагарских курганов на территории Ачинско-Мариинской лесостепи, отметил одну из особенностей здешних курганов – отсутствие каменной ограды (Клеменц, 1886). В работах С.А. Теплоухова и С.В. Киселева лесостепные (северные) курганы тагарской культуры не выделяются в локальный вариант, но о памятниках данной территории говорится отдельно (Теплоухов, 1929. С. 41–62; Киселев, 1951. С. 286). Позднее по результатам крупномасштабных археологических работ в Кемеровской обл. А.И. Мартынов дал обобщающую характеристику культуры лесостепных тагарских племен (Мартынов, 1979). По мнению исследователя, памятники, расположенные на северо-востоке Кемеровской обл., на территории Назаровской котловины и в районе современного г. Красноярска, следует относить к лесостепному варианту тагарской культуры. Его отличительные особенности заключались в сооружении ограды из дерна и/или дерева, относительно обилии предметов из бронзы, наличием сосудов со сливом и горшков с боковыми ручками, специфической изобразительности в зверином стиле. Но поскольку в лесостепном районе пока не известны ранние тагарские памятники, следует полагать, что тагарская культура появилась в лесостепи уже в сложившемся виде. В это же время выходит статья Р.В. Николаева (1979), в которой автор предложил разделить памятники района г. Красноярска от лесостепного варианта и объединить их в отдельный вариант тагарской культуры. В данном районе, так же как и в Кемеровской обл., известны тагарские памятники V–IV вв. до н.э. и более поздние.

Попытки выделения локальных вариантов на раннем этапе культуры и внутри «минусинского варианта» предпринимались ранее исследователями, однако не получили дальнейшего осмысления в литературе. Еще в довоенные годы В.П. Левашева исследовала два кургана тагарской, по мнению исследовательницы, культуры, обряд погребения в которых отличался от «классического». Погребения в курганах у Капчальского рудника действительно необычны и не вписываются в общую картину древних захоронений в Минусинских котловинах в целом. Что же касается комплекса близ улуса Мохов, наиболее вероятно, в данном случае в карасукскую могилу было совершено впускное тесинское захоронение (Левашева, 1958). Таким образом, попытку выявить локальные особенности на данном материале следует признать неудачной. М.А. Дзвлет отмечает различия между памятниками, расположенными на правом и левом берегах Среднего Енисея. По ее мнению, разница заключается в орнаментации сосудов и навершиях бронзовых ножей. И все же ис-

следовательнице «... не удалось проследить местные отличительные черты в погребальных конструкциях и обряде на какой-то значительной территории» (Дзвлет, 1966. С. 14). В результате М.А. Дзвлет приходит к выводу, что различия между правобережным и левобережным локальными вариантами настолько незначительны, что «приходится скорее удивляться общности в материальной культуре тагарских племен этих областей, разделенных таким мощным барьером, как Енисей, чем тем различиям, которые нам удалось проследить» (Там же. С. 15). Н.Л. Членова выделяет в период сложения тагарской культуры несколько территориальных групп, памятники которых различаются по керамическому комплексу: подкунинско-кокоревская и карасукско-тагарская группы в степи и лугавская и байновская группы близ горно-лесных окраин или сосновых боров (Членова, 1972. С. 118–131). В то же время, Н.Л. Членова отмечает, что четких различий в инвентаре и обряде не прослеживается.

2. Учитывая специфику наших представлений о тагарской культуре, известной преимущественно по погребальным комплексам (ПК), при выявлении ее локальных особенностей необходимо оценить степень вариативности погребального обряда. Для этого обратимся к физико-географическому районированию территории Центрального Присяянья. Всю Минусинскую тектоническую впадину делят на четыре самостоятельных котловины: Назаровскую, Чулым-Енисейскую, Сыда-Ербинскую и собственно Минусинскую. Они тянутся цепочкой вдоль Енисея и отделены друг от друга невысокими поперечными хребтами. На основании подобного разделения представляется возможным соотнести все исследованные раннетагарские могильники с вышеуказанными котловинами.

Для Минусинской котловины наибольшая концентрация исследованных раннетагарских ПК находится в Аскизском р-не Республики Хакасия (24 могильника/142 ПК/206 погребений). Данную группу назовем аскизской. В Сыда-Ербинской котловине исследованные курганы концентрируются на левом (7/32/66) и правом (5/25/51) берегах Енисея. Таким образом, для этой территории выделим две основные группы концентрации исследованных погребальных памятников: левобережную и правобережную. Исследованные тагарские могильники Чулым-Енисейской котловины также локализованы в приенисейской зоне, но только на левом берегу (12/98/176). Данную группу памятников назовем чулым-енисейской. Памятники Назаровской котловины (4/11/17) объединяет относительно компактное расположение нескольких могильников. Все

памятники, расположенные на территории Назаровской котловины образуют назаровскую группу. Такая предварительная группировка раннеетагарских ПК позволит в результате обозначить ряд локальных признаков. В ходе решения поставленной задачи был проведен сравнительный анализ, как между территориальными группами, так и внутри каждой из них. При статистическом анализе во избежание серьезного статистического «шума» были исключены «переходные» (предсарагашенские) и «элитные» тагарские ПК (Герман, 2007). В результате были отмечены некоторые особенности погребальной практики раннеетагарского населения для вышеуказанных групп.

Наиболее очевидны изолированность памятников юго-запада Минусинской котловины (аскизская группа), которая привела к развитию ряда компонентов погребальной архитектуры (так называемые «указатели», «выносные камни»), не получивших распространения на других территориях, а также устойчивость традиции помещения в могилу только одного сосуда и распространение украшений с обкладкой из золотой фольги. Кроме того, аскизская группа резко отличается от приенисейских типами погребальных сооружений. Для трех приенисейских групп характерны погребальные сооружения целиком из камня (от 73,8 до 100%), тогда как в аскизской группе подобные сооружения составляют лишь 25,8%, а доминируют сооружения из дерева (51,7%). Только для аскизской группы отмечено преобладание комплексов с боковыми пристройками. Причем пристройки подобного типа имеет каждый третий комплекс. Для остальных групп боковые пристройки не характерны. В частности, в чулым-енисейских комплексах отмечена наименьшая частота встречаемости боковых пристроек, при увеличении в два раза встречаемости осевых. К вышеперечисленным отличиям следует добавить специфику погребального ритуала в детских захоронениях: в юго-западных ПК умершим в возрасте от 2 до 6 лет клали в могилу один сосуд и мясной набор, а в приенисейских группах не клали вовсе.

3. Таким образом, есть все основания выделить большинство юго-западных комплексов в аскизский локальный вариант раннего этапа тагарской культуры. Соответственно, памятники Чулым-Енисейской и Сыда-Ербинской групп следует отнести к приенисейскому локальному варианту. Нужно добавить, что отличия в генезисе, структуре и динамике развития

погребальной практики юго-западных и приенисейских памятников прослеживаются на протяжении всей эпохи поздней бронзы минусинских котловин (Поляков, 2007; Лазаретов, 2007). По мнению исследователей, одной из причин тому является культурное влияние, с одной стороны, центральноазиатских племен, а с другой – культур андроновской круга. В связи с этим наиболее вероятно, что в процессе генезиса тагарской культуры исторические процессы на данных территориях также отличались, что выразилось в специфике культурного влияния пришлых племен на племена эпохи поздней бронзы.

Что касается наиболее северных памятников (назаровская группа), то здесь даже в наиболее архаичных тагарских комплексах проявляются переходные (предсарагашенские) черты. Поэтому по отношению к другим территориальным группам назаровская – более поздняя. Это наблюдение в очередной раз подтверждает предположение о распространении тагарских племен с юга Минусинских котловин на север, в Ачинско-Мариинскую лесостепь.

- Герман П.В., 2007. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Дэвлет М.А., 1966. Племена бассейна среднего Енисея в раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Клеменц Д.А., 1886. Древности Минусинского музея. Томск.
- Лазаретов И.П., 2006. Заключительный этап эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Левашева В.П., 1958. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры // СА. № 1.
- Мартынов А.И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.
- Николаев Р.В., 1980. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
- Поляков А.В., 2006. Перниодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Теплоухов С.А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2.
- Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.

А.А. Горбенко, В.М. Косяненко

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

Редкие хроноиндикаторы из некрополя Паниардиса – Крепостного городища (г. Азов)

Паниардис – Крепостное городище – располагалось на левом берегу р. Дон в округе древнего Танаиса и являлось одним из первых поселений, построенных меотами – выходцами из Прикубанья. Сейчас на его могильнике открыто около 200 погребений.

Остановимся на наиболее редких хроноиндикаторах памятника. В погребении 2 (К) 1972 было обнаружено зеркало, представляющее собой круглый диск с валиком по краю, небольшим коническим утолщением в центре и ручкой-штырем подтреугольной формы (рис. 1: 1). Основываясь на классификации зеркал, разработанной на материалах

коническим утолщением в центре, которые появляются на рубеже н.э. (Абрамова, 1971. С. 121; Марченко, 1996. С. 27). Также открыты в могильнике более плоские зеркала-подвески, с орнаментом на оборотной стороне, характерные уже для II в. н.э. (Косяненко, 1994. С. 76).

В погребениях могильника представлены редкие фибулы. В погребении 9 (К) 1972 в состав инвентаря входила шарнирная, с хорошо выраженной кнопкой в конце пластинчатого приемника, фибула с плоской дужкой, изогнутая в виде дуги (рис. 1: 3). Она относится к типу 2 группы 5 раннеримских шарнирных дуговидных фибул и датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Амброз, 1966. С. 27. Табл. 4, 18). Фибула-брошь из погребения 10 (К) 1972 представляет собой круглый диск с небольшими округлыми выступами по краю. В центре имеется круглое небольшое отверстие, вокруг которого проштампованы три вписанные друг в друга окружности с точечным орнаментом между ними. К центру фибулы прикреплен шарнир из двух стоек (рис. 1: 5). Подобные фибулы найдены в Кобяковом и Нижне-Гниловском могильниках на Дону. Фибулы соответствуют группе 8, по А.К. Амброзу (1966. С. 31) и датируются I – началом II в. н.э. В нескольких погребениях обнаружены фибулы типа «Авцисса» (рис. 1: 6). Подобные фибулы известны из Танаиса, Хапровского, Кобяковского и Нижне-Гниловского могильников на Дону. А.К. Амброз такие фибулы относит к группе 5 и датирует первой половиной I в. н.э. Фибулы из погребений 18 (К) 1972 (рис. 1: 4) и 5 (О) 1988 относятся к группе 15, серии VI («лебяжинской»), варианту 2, и относятся преимущественно к I в. н.э., но заходят и в первую половину II в. н.э. (Амброз, 1966. С. 56. Табл. 10, 5). Эмалевая фибула представлена одним экземпляром в форме диска с большим круглым отверстием в центре и четырьмя округлыми выступами (рис. 1: 8). Она относится к группе шайбообразных с эмалью, по европейской классификации, и датируется первой половиной II в. н.э. (Vaday, 1988–1989. S. 84).

С конца I в. до н.э. в одежде оседлого населения Нижнего Дона появляются серии фибул упрощенных форм. Одна из таких фибул из некрополя Крепостного городища представлена вместе с амулетом (рис. 2: 5).

Среди случайных находок на могильнике есть

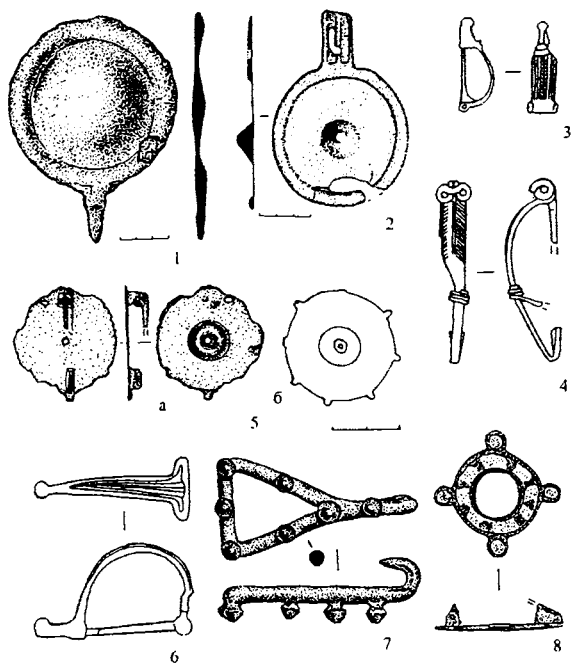

Рис. 1. Металлические находки из некрополя Паниардиса.
1 – зеркало, п. 2 (К) 1972; 2 – зеркало, п. 3 (К) 1972; 3 – фибула, п. 9 (К) 1972; 4 – фибула, п. 18 (К) 1972; 5 – фибула, п. 10 (К) 1972 (а – после реставрации, б – до реставрации); 6 – фибула, п. 16 (К) 1972; 7 – пряжка, случайная находка, 1972; 8 – фибула, п. 1 (Л) 2004

кубанских памятников, зеркало можно отнести ко второй половине I в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 23). В некоторых погребениях Крепостного могильника были обнаружены зеркала-подвески (рис. 1: 2) диаметром 8–7 см, с удлиненной ручкой и высоким

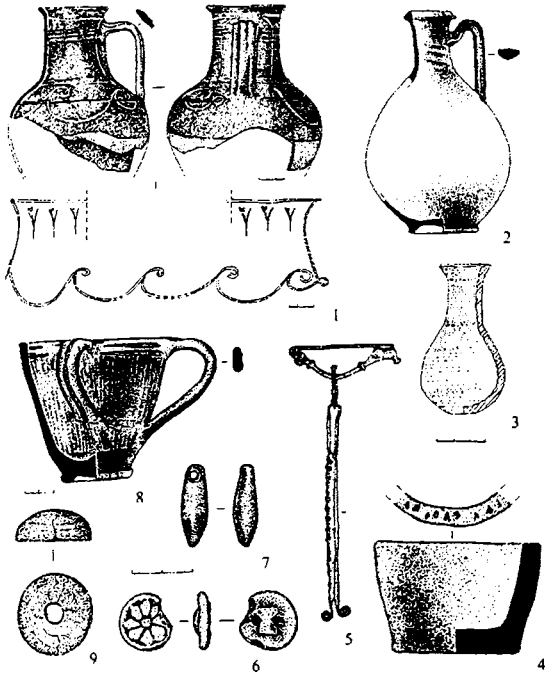

Рис. 2. Керамика и украшения из некрополя Паниардиса. 1 – кувшин, случайная находка, 1982; 2 – лекифы, случайная находка, 1972; 3 – флакон, п. 5 (Г) 2006; 4 – курильницы, п. 9 (К) 1972; 5 – фибула с амулетом, п. 3 (Л) 1981; 6 – подвеска, случайная находка 1972; 7 – бусина, п. 2 (К) 1972; 8 – кубок, п. 8 (К) 1972; 9 – подвеска, п. 10 (К) 1972

пряжка, выполненная из бронзового прута диаметром 0,5 см. Рамка пряжки имеет форму равнобедренного треугольника, от вершины которого отходит небольшой стержень, заканчивающийся крючком. Внешняя поверхность пряжки украшена семью коническими утолщениями (рис. 1: 7). Идентичных изделий неизвестно. Пряжки круглой формы со стержнем, заканчивающимся крючком и украшенные коническими утолщениями, известны из могильника Неаполя Скифского. Они относятся ко II–I вв. до н.э. (Сымонович, 1983. С. 104). Пряжка из Крепостного могильника, таким образом, может быть отнесена к I в. до н.э.

В могильнике Крепостного городища представлена различная посуда. Наиболее интересный экземпляр кувшина был обнаружен в ходе наблюдений над земляными работами в 1982 г. (рис. 2: 1). Кувшин относится к типу, который характеризуется отогнутым наружу венчиком со скосом внутрь, цилиндрическим горлом, округлым туловом, вертикальной ручкой и поддоном. Особенность его в том, что по горлу и верхней части тулова проходит сложный орнамент, исполненный накладкой белой краской. Рисунок состоит из двулистных с бутонами и линий, которые вместе образуют законченную композицию. Подобной формы кувшины датируются в

Крыму (Корпусова, 1977. С. 54) и в Танаисе (Арсеньева, 1977. С. 54) I в. до н.э.

Лекифообразный сосуд – также случайная находка 1972 г. (рис. 2: 2). Аналогичные изделия из ряда крымских могильников относят к началу и первой половине I в. н.э. (Корпусова, 1983. С. 38, 99, 101, 110). Краснолаковый флакон (рис. 2: 3) из погребения 5(Г) 2006 характерен для первой половины I в. н.э. (Вязьмитина, 1972. С. 19; Корпусова, 1983. С. 53). Краснолаковая ойнохойя небольшого размера обнаружена в погребении 1 (Г) 2006. Вместе с ней найдена железная пряжка редкой формы, которая датируется в Центральной Европе началом н.э. (Madyda, 1977. S. 362. Tabl. 1, 5).

Среди сероглиняной керамики могильника Крепостного городища – канфар из погребения 1 (К) 1972 с вертикальными стенками, сужающимися к ложному поддону, с двумя ручками, украшенными горизонтальными выступами с орнаментом в виде «елочки». Он является подражанием краснолаковой посуде и характерен для I в. до н.э. – I в. н.э. Сероглиняный кубок (рис. 2: 8) из погребения 8 (К) 1972 характерен для второй половины I в. н.э. (Анфимов, 1951. С. 191; Марченко, 1996. Таблицы). Как правило, лепная керамика редко привлекается в качестве датирующего материала. Однако две курильницы (рис. 2: 4) из погребения 9 (К) 1972 датируются I в. н.э. (Глухов, 2000. С. 37, 38).

В инвентаре погребений Крепостного городища встречаются различные украшения из египетского фаянса, сердолика, гешира и стекла. Остановимся на редкой бусине-подвеске из гешира от портупейного ремня, найденной рядом с мечом в погребении 10 (К) 1972 (рис. 2: 9). Дата – I в. н.э. Этим же временем датируются и гешировые бусы (рис. 2: 7) стрелковидной формы (Алексеева, 1978. С. 15, 18).

Редким экземпляром является пуговица-подвеска из египетского фаянса (рис. 2: 6). Она круглой формы, щиток украшен рельефным орнаментом в виде 8-лепестковой розетки. Экземпляры, происходящие из Фанагории, Поволжья, Кубани, относятся к III–I вв. до н.э. Наша подвеска может быть отнесена к I в. до н.э.

Таковы некоторые хроноиндикаторы из материалов Крепостного могильника. Исходя из полученных данных, можно относить возникновение памятника к последней четверти I в. до н.э. Предметов позднее второй половины – конца II в. н.э. на могильнике не встречено.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30.

- Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. № 23.
- Арсеньева Т.М., 1977. Некрополь Танаиса. М.
- Вязьмитина М.И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.
- Глухов А.А., 2000. Глиняные курьельницы из средне-сарматских погребений междуречья Волги и Дона // Донская археология. Ростов-на-Дону. № 2.
- Корпусова В.Н., 1983. Некрополь Золотое. Киев.
- Косяненко В.М., 1994. К вопросу о ритуально-магической роли бронзовых зеркал некрополя Кобякова городища // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов. Вып. 13.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
- Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства. Киев.
- Madyda R., 1977. Sprzeczki i okucia pasa na ziemiach Polskich w okresie rzymskim // Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne. T. IV. Warszawa.
- Vaday A. Y., 1988–1989. Die sarmatischen denkmaler des komitats Szolnok // Antacus communicationes ex instituto archaeologico academiae Scientiarum Hungaricae. 17–18. Budapest.

В.И. Гуляев

Институт археологии РАН

Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам курганов Среднего Дона скифской эпохи)

К настоящему времени на территории Среднего Дона (Воронежская и Белгородская области) за 100 лет раскопок исследовано около 200 курганных комплексов скифской эпохи. И в этом обширном и разнообразном материале немалое место занимает почти полностью раскопанный Донской археологической экспедицией ИА РАН курганный могильник V–IV вв. до н.э. у сел Терновое и Колбино (в 90 км к югу от Воронежа). Всего здесь изучено 70 курганов скифского времени, причем все эти работы осуществлялись комплексно (с участием антропологов, палеозоологов, палеоботаников, палеогеографов). Столь значительный по объему пласт информации, наряду с привлечением данных из других, исследованных ранее, курганных могильников Лесостепного Подонья, вполне позволяет, на мой взгляд, попытаться реконструировать местный погребальный обряд с выходом на определенные этноисторические выводы. Это особенно важно для решения дискуссионного вопроса об этнокультурной принадлежности людей, погребенных в среднедонских курганах скифского периода.

Одни исследователи считают местное население «нескифским» (меланхлены, будины, гелоны, савроматы – упоминаемые Геродотом), другие – ираноязычными скифами. Последней точки зрения придерживается и автор. В качестве одного из главных аргументов в этом научном споре может выступить погребальный обряд, являющийся наиболее надежным этническим признаком любой древней культуры.

Погребальный обряд – это совокупность ритуально-практических действий, совершаемых с

целью захоронения умершего (но в соответствии с господствующими в конкретном обществе религиозно-мифологическими нормами). Результатом совершения погребального обряда является погребальный комплекс – сложный физический объект, включающий в себя: тело умершего, погребальное сооружение, ряд сопутствующих элементов и конструкций (жертвоприношения, тризны, погребальный инвентарь) (см.: Ольховский, 1991). Под воздействием природных и антропогенных факторов погребальные комплексы так или иначе деформируются и превращаются в погребальные памятники. Именно их и изучают археологи.

Учитывая довольно хорошую изученность погребального обряда (включая и его этноисторическую интерпретацию) скифов Северного Причерноморья (Ольховский, 1991; 1999; Мозолевский, 1979; Мозолевский, Полин, 2005; Скорый, 2003; и др.) и собственный взгляд на характер среднедонской культуры V–IV вв. до н.э., будет вполне логично сопоставить погребальные традиции Степной Скифии и Лесостепного Подонья.

Следует сразу оговорить здесь один немаловажный момент: в степной зоне у скифов основным типом погребальных сооружений в конце V и, особенно, в IV в. до н.э. были катакомбы, а в лесостепи Восточной Европы (от Днепра до Среднего Дона) – подкурганные ямы с деревянными конструкциями или деревянные гробницы на древнем горизонте. Обычно «катакомба» и считается главным признаком истинной «скифскости». Но уместно напомнить, что у скифов на

протяжении не менее чем 300 лет, в VII–V вв. до н.э., господствующей формой были именно захоронения в ямах с деревянными конструкциями, как в степи, так и в лесостепи. Перелом произошел на рубеже V и IV вв. до н.э. И убедительно объяснить это явление пока никто не может. Вряд ли речь может идти о резкой смене в среде ираноязычных кочевников основных идеологических концепций. Скорее, можно предполагать приток в Северное Причерноморье новых кочевых, родственных скифам, групп с востока и привнесение ими своих взглядов и установок в местную среду. Правда, эти взгляды и установки победили не везде: в лесостепи сохранился традиционный вид захоронений – в ямах с деревянными конструкциями; не исчезли они окончательно и в степи вплоть до конца IV в. до н.э. Однако общие идеологические концепции относительно судьбы человека после смерти оставались в среде ираноязычных кочевников (и старых, и вновь пришедших) прежними.

Совместными исследованиями археологов, историков и лингвистов еще в XX в. была доказана ираноязычность скифов Северного Причерноморья и возможность использования для реконструкции их идеологии данных античных письменных источников, древнеиранских, индоиранских и даже индоарийских пластов информации (Раевский, 1977; 2006; Ольховский, 1999; см. также работы М.И. Ростовцева, В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля, С.С. Бессоновой и др.).

Тем не менее, обратимся сначала к скифским погребальным памятникам – курганам. Основные их конструктивные элементы, постоянно повторяющиеся и в рядовых, и в элитных захоронениях: насыпь конической или полусферической формы, сложенная в основе своей из пластов дерна; культовый кольцевой ровик вокруг кургана с проходом-перемычкой (или двумя) с западной или восточной стороны (или – с обеих); кольцевой выклад материковой глины вокруг могилы или входной ямы в катакомбу; наличие в могиле напутственной пищи (части туши лошади, реже – овцы) с железным ножом; следы поминальных пиров – тризны – в разных слоях насыпи (по мере ее сооружения) и в кольцевом ровике (особенно возле проходов-перемычек, и опять преимущественно в виде костей лошади); наличие в погребениях знати захоронений (в отдельных ямах) нескольких коней в полном снаряжении, а в рядовых курганах – либо одного коня, либо его имитации в виде конской сбруи; важная роль огня в погребальном ритуале («очищение» огнем подкурганной поверхности, частичное сожжение деревянных гробниц и т. д.). Что касается инвентаря, то здесь следует отметить обязательное помещение в мужские могилы какого-либо вида оружия (обычно, в рядовых захоронениях, – колчан со стрелами, копье,

дротик); наличие в ряде значимых погребений бронзовых котлов на ножках с вертикальными ручками (с остатками напутственной пищи внутри – овца, части туши лошади); наличие в ряде случаев деревянных чаш с обкладками из золота. Необходимо отметить и особую роль золота в погребальном ритуале скифов. Не только элитные захоронения напичканы изделиями из золота и серебра, но и многие рядовые покойники сопровождаются предметами из железа, кожи, дерева, обернутыми в тонкую золотую фольгу. Даже учитывая повальное ограбление скифских курганов во все времена, то, что остается на долю современных археологов, впечатляет.

Скифский курган, по мнению многих ученых, это своеобразная модель Вселенной. Насыпь визуально олицетворяла собой «Мировую Гору», «Верхний Мир» (мир богов, небесно-воздушная сфера); древняя подкурганная поверхность – «Средний Мир», мир людей и живых существ; и, наконец, все, что лежало ниже, в погребальной камере, – «Нижний Мир», мир мертвых и мир хтонических богов. Кольцевой ровик вокруг кургана как бы зримо отделял мир живых от мира мертвых. Эталонный скифский погребальный комплекс – его идеальная модель – в плане представляет систему концентрических замкнутых и незамкнутых окружностей, делящих подкурганное и околокурганное пространство на несколько кольцевых зон. Разграничителями зон (по горизонтали) выступают кольцевой вал (у больших курганов), кольцевой ровик, граница самой насыпи, кольцо материкового выкида вокруг могилы. Все эти «разграничители» являлись к тому же и хорошо заметными физическими преградами, затруднявшими доступ к центру подкурганного пространства и погребальному сооружению. Обобщив все имеющиеся источники, В.С. Ольховский выдвинул весьма обоснованную гипотезу о наличии у скифов представления о «посмертном путешествии» мифического героя, путь которого повторяли все умершие. Ученый предложил считать перечисленные выше физические преграды в качестве зримого воплощения преград мифологических, которые преодолевал на пути в «царство предков», в Загробный мир, герой (и, соответственно, умерший).

Существенной преградой был кольцевой ровик, наполнявшийся во время дождей водой. Он символизировал пропасть, реку или иной водный источник и после преодоления его (по узкому «мостику»-перемычке) герой вступал в «зону смерти». Это было очень опасное препятствие. Герой (судя по индоиранской мифологии) преодолевал его верхом на коне, хотя конь при этом часто погибал. Видимо, не случайно основные скопления остатков тризны – амфорной тары и костей животных (среди них абсолютно преоб-

ладают кости лошади) – встречаются в ровиках именно возле проходов-перемычек. Далее, через разрыв в кольце материкового выкида (вторая преграда) умершего подносили к могиле и опускали его вниз, что имитировало спуск в Подземный мир. О 40-дневном «посмертном путешествии» (со дня смерти до похорон) по подвластным землям скифского царя пишет Геродот. Тот же ритуал соблюдался (в более скромных масштабах) и в отношении рядовых скифов.

Украинские исследователи Б.Н. Мозолевский и С.В. Полин считают, что дерновые пласты использовались при сооружении практически всех скифских курганов – больших и малых. Этнокультурной чертой скифского погребального ритуала является, по их словам, и то, что в качестве напутственной пищи в могилы скифов клались в основном части туш лошади и, реже, овцы. Отмечают они также, что у всех ираноязычных кочевых племен (согласно индоиранской мифологии) важную роль в посмертной судьбе мифического героя играл его конь. Именно он совершал перемещение умершего из мира живых в мир мертвых.

Вполне естественно, что многие из названных выше признаков погребального обряда свойственны не только скифам Северного Причерноморья, но и родственным им ираноязычным кочевым племенам Евразии – от Тувы, Алтая и Казахстана до Волги и Дона. Однако, как справедливо отметил С.А. Скорый, когда весь этот комплекс черт «всаднической культуры» появляется вдруг в зоне автохтонного оседлого населения восточноевропейской лесостепи, то речь здесь может идти только о вторжении извне волны (или, точнее, нескольких волн) ираноязычных кочевников, каковыми в VII–IV вв. до н.э. могли быть только скифы (Скорый, 2003).

Предварительный анализ погребальных комплексов скифского времени из Лесостепного Подонья (включая материалы из раскопок Донской экспедиции курганного могильника у сел Терновое и Колбино в 1993–2007 гг.) позволил выделить среди них как общеиранские кочевые, так и чисто скифские черты обряда: кольцевые культовые ровики (с одним проходом) вокруг насыпи кургана; материковый выкид глины, уложенный вокруг могилы; надмогильные деревянные перекрытия в виде «шатра»; частичный обжиг деревянных конструкций; наличие мясной напутственной пищи в погребениях (с абсолютным преобладанием костей лошади – свыше 90%, реже – овцы); конская упряжь (от одного до шести комплектов), символизирующая конское захоронение; сооружение насыпи из кусков дерна; концентрация следов тризны в ровиках вокруг проходов-перемычек (среди костей животных абсолютно преобладает лошадь); наличие бронзовых котлов на конической ножке; довольно частая встре-

чаемость деревянных ритуальных чаш с золотыми обкладками. Наконец, несмотря на сплошное ограбление среднедонских курганов V–IV вв. до н.э., в них постоянно встречаются следы былого богатства – изделия из золота, серебра и цветных металлов, включая такой дорогостоящий античный импорт, как круглодонные серебряные кубки (с изображениями и без таковых), серебряные с позолотой ритоны, золотые массивные серьги, золотые и серебряные гривны. Симптоматично и стремление местных жителей покрыть золотыми нашивными бляшками одежду, обувь, головной убор, погребальный полог умершего, обернуть в тонкую золотую фольгу (только для ритуала похорон) предметы из дерева и железа (пряжки-застежки, рукояти мечей), что вполне вписывается в идеологические концепции ираноязычных кочевников Евразии (включая скифов). Вспомним погребения «золотых людей» – от Иссыка в Казахстане до Куль-Обы в Крыму, Чертомлыка в Степном Приднепровье и Пятибратнего (№ 8) кургана в дельте Дона.

Таким образом, если судить по ряду важнейших черт погребального обряда, то люди, похороненные в курганах Лесостепного Подонья V–IV вв. до н.э., ближе всего стоят к погребальным традициям причерноморской Скифии.

Не противоречат этому выводу и антропологические данные из наших раскопок могильника у сел Терновое и Колбино (анализу подверглись останки около 90 индивидов). «Палеодемографические характеристики, – отмечает антрополог М.В. Добровольская, – указывают на ярко выраженный кочевой образ жизни населения и (если судить по краниологическим показателям) на более вероятное сближение среднедонской группы со степными вариантами».

Мозолевский Б.Н., 1979. Товста Могила. Київ.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В., 2005. Курганы Скифского Герроса IV в. до н.э. Киев.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.

Ольховский В.С., 1999. К изучению скифской ритуальности: посмертное путешествие // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. М.

Ольховский В.С., 2003. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М.

Раевский Д.С., 2006. Мир скифской культуры. М.

*Л.Н. Ермоленко**Кемеровский государственный университет*

О троичной и двоичной композиционных структурах в искусстве Скифии

Тернарные и бинарные структуры и их взаимосвязь в сюжетных композициях греко-скифского искусства были проанализированы Д.С. Раевским на примере пекторали из Толстой Могилы. Хотя пектораль имеет трехъярусное членение, а центральное положение в сюжетных регистрах занимают строенные образы (трехчастная сцена с руном в верхнем ярусе и триада тройственных сцен терзания грифонами лошади в нижнем), автор обоснованно выявляет «тенденцию к дихотомическому толкованию космоса», модель которой воплощает эта вещь (Раевский, 1985. С. 190).

Ритмичное построение, уравновешенность при-суши абсолютному большинству многофигурных композиций греко-скифского искусства. В декоре многих изделий наблюдается сочетание троичных и двоичных структур. Например, на тулове сосуда из Частых Курганов изображены три пары персонажей, причем во всех парах действует общий персонаж (Раевский, 1977. С. 31).

Ритм может усложняться за счет включения в композицию «дублирующих» элементов. Сосуд из Гаймановой Могилы украшен изображениями двух пар взаимодействующих персонажей и двух «статистов» за спинами одной из пар («беседующей»). Фигуры двух «зрительниц» фланкируют одну из трех пар женских персонажей на серебряном канфаре из Солохи. Точно так же в декоре сахновской пластины есть четыре пары персонажей, объединенных действием, и два персонажа, сопричастных главной паре – богине и предстоящему ей скифу. Это удвоение двоичного построения, вероятно, призвано усилить значимость основных, связанных интеракцией, персонажей. Иногда имеет место удвоение (обоих) крайних компонентов триады. Так, на пластине из Карагодеуашха по сторонам богини располагаются по два персонажа; из каждых двух с богиней явно взаимодействует один. Здесь троичная структура (адорант – божество – адорант) присуща композиции из пяти фигур, так же как в сцене «укощения» коня двумя парами скифов на чертомлыкской амфоре. Д.А. Мачинский предложил толкование сцены на амфоре как акта жертвоприношения коня и отметил, что она занимает среднюю позицию на центральной оси сосуда. Выше изображена сцена терзания оленя двумя грифонами, ниже находится «кран для возлиания» в виде головы «мифического коня» (Мачинский, 1978.

С. 132). Таким образом, все составляющие этой вертикально выстроенной триады равно ассоциируются с идеей жертвоприношения. Компоненты же числового кода, детализирующего данную триаду (3:5:1), соотносимы друг с другом (см. об этом: Раевский, 1985. С. 98; Фрейденберг, 1997. С. 140).

Д.А. Мачинский указал на «сходство систем изображений» на амфоре из Чертомлыка и пекторали из Толстой Могилы. На оси пекторали расположены тернарные сцены «растягивания» руна (шитья, по Мачинскому) и терзания коня грифонами. По мнению А.П. Мошинского, первая сцена воспроизводит передачу символа власти – руна – от правого персонажа левому (Мошинский, 2002. С. 86). Данное толкование смысла обряда представляется убедительным, но, возможно, сам обряд заключался не в передаче, а в перетягивании или же разрывании руна (победителем становился обладатель большей доли). В таком случае сцена обрядового состязания тождественна по смыслу сцене терзания, также воплощающей идею борьбы.

Троичная вертикальная компоновка двухфигурной сцены «беседы» и трехфигурных сцен терзания (хищниками копытного и грифонами кошачьего) наблюдается на выступлениях обкладки чертомлыкского горита и однотипных изделий. (Ритмичность свойственна всему декору обкладок этого типа.) Согласно Д.С. Раевскому, мотив терзания является образительным эквивалентом жертвоприношения. Наряду с этим, терзание (еда/поедание) есть метафора борьбы (Фрейденберг, 1997. С. 66). Мотив «беседы» в греко-скифском искусстве Раевский оправданно связывает с темой сакрального испытания, в том числе состязательного (Раевский, 1985. С. 168).

Основным элементом декора сосуда из Солохи являются две тройственные сцены конной «героической» охоты (охотник – зверь – охотник). К «вспомогательным» участникам сцены, сопричастным охотникам, принадлежат кони и, в одной из сцен, собаки. Двоичная структура свойственна организации остальных зооморфных образов, размещенных на ручках сосуда и под ними. Трехчастные сцены «героической» охоты, по всей видимости, метафоричны троичным сценам терзания хищниками жертвы, нападения грифонов на воина. Везде крайние образы триады выступают антагонистами центрального образа.

Сочетание троичной и двоичной структур, реализованных посредством зооморфного и антропоморфного кодов, мы видим также на обложке горита из Солохи. Поверхность основной части обложки разделена на три горизонтальных фриза – два фигуративных и один орнаментальный. Верхний фриз содержит (тройственную) сцену терзания лани львом и грифоном. На фризе, расположенном ниже, представлена сцена сражения двух групп воинов, состоящих, соответственно, из двух (пеший и всадник) и трех (два пеших и всадник) участников. Все воины в скифском костюме (один полуобнажен), конные бородаты, пешие безбороды. Фриз со схваткой воинов М.В. Русяева трактуется как иллюстрацию Геродотовой легенды о битве молодых и старых скифов, причем перевес сил на стороне молодых. Облик бородатых (старых) скифов, по ее мнению, утрирован (Русяева, 1996. С. 46). Однако было бы странно, если бы греческий мастер проявлял симпатию к сыновьям рабов и, более того, если бы это устраивало скифского заказчика. Нижний выступ горита состоит из двух фризов. На верхнем изображено противостояние двух фантастических хищников, нижний фриз орнаментальный. В целом, обнаруживается параллелизм одноструктурных сцен баталии/терзания/противостояния, свидетельствующий, на наш взгляд, о синонимии образов антропоморфного и зооморфного кода, а также смысла самих сцен.

Данное наблюдение значимо и в отношении солохского гребня. На скульптурном навершии гребня запечатлено сражение трех воинов: всадника и устремившихся к нему с обеих сторон двух пеших бойцов. Ниже располагается фриз из пяти лежащих фигурок оскалившихся львов. Большинство исследователей считают всех трех воинов скифами. Однако относительно характера взаимодействия персонажей мнения разделились. Одни авторы (А.П. Манцевич, А.Ю. Алексеев и др.) полагают, что всаднику, вместе со следующим за ним пешим соратником, противоборствует пеший воин, конь которого пал. Другие (Б.Н. Граков, М.В. Русяева и др.) трактуют сцену как бой пеших воинов с всадником. В пользу последнего объяснения можно привести следующие доводы. Позы обоих пеших воинов на гребне совершенно одинаковы, и с какой бы стороны гребень ни рассматривался, изменяется лишь позиция центральной конной фигуры. Образ пешего бойца здесь как бы раздваивается/удваивается. Мультипликация персонажа способствует усугублению совершаемого им действия. По смыслу же троичная структура (враг – герой – враг) редуцируется в двоичную (герой – враг). Это предположение, кажется, подтверждается анализом композиции «львиного» фриза. Как верно отметила

А.П. Манцевич, средняя фигурка льва ориентирована головой в ту же сторону, что и всадник. Добавим, что лев «соответствует» всаднику также тем, что находится прямо под ним. Фигурки других четырех львов расположены попарно по обе стороны от средней, головами друг к другу. Это тройственная композиция, в которой две пары агрессивно противостоящих хищников симметричны относительно центральной одиночной фигуры. «Основному» хищнику, вероятно, повторны образы ближних с обеих сторон львов. С помощью приема утроения раскрываются взаимоотношения центрального образа фриза с крайними и дублируется интеракция воинов на навершии.

В центре композиции на куль-обском сосуде, подобно тому, как на «львином» фризе гребня из Солохи, изображен одиночный персонаж, натягивающий лук. Помимо него показаны три пары воинов, объединенных разными действиями, в том числе «беседующих». На округлой поверхности сосуда эти четыре элемента композиции располагаются крестообразно. Напротив отдельного персонажа оказывается сцена бинтования раны. По аналогии с «львиным» фризом можно допустить, что одиночный образ повторяется в каждой из трех пар.

Конус из Передериевой Могилы декорирован двумя трехфигурными батальными сценами: молодой воин повержен на колени между двумя воинами-противниками. Один из них (бородатый) орудует мечом, другой (безбородый) дротиком. М.В. Русяева, вслед за А.А. Моруженко, трактует изображение исходя из упомянутого ранее сообщения Геродота (Русяева, 1996. С. 45). Защитником воина, поставленного на колени, по ее мнению, является воин с дротиком. Однако С.А. Яценко справедливо отмечает, что в одной из сцен коленопреклоненный воин пытается защититься от воина с дротиком (вынимает клинок из ножен), в другой – от воина, вооруженного мечом (старается убрать его руку с собственной головы) (Яценко, 2000. С. 96). Кроме того, во второй сцене оба крайних скифа, кажется, претендуют на такие трофеи, как голова и рука среднего персонажа. Судя по всему, на передериевском конусе изображено соперничество двух воинов из-за трофея.

Итак, в ритмично организованных сюжетных композициях греко-скифской торевтики варьируются схемы, в основе которых лежат (соотносимые) бинарные и тернарные структуры. Эти структуры воплощены в образах зоо-, антропоморфного, а также вещного кодов. Усложнение схем достигается дублированием основных образов, связанных интеракцией, или обособлением (главного) образа в ряду групповых сцен с его участием. Крайние образы триад (в антропоморфном выражении – одноэт-

ничные персонажи), как правило, изофункциональны, т. е. одинаково воздействуют на центральный образ.

- Мачинский Д.А., 1978. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л.
- Мошинский А.П., 2002. Пектораль из Толстой Могилы как символ царской власти // Донская археология. Ростов-на-Дону. № 1–2.

- Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Русяева М.В., 1996. Зіставлення свідчень античних авторів із зображеннями кочових скіфів на пам'ятках торевтики // Археологія. № 1.
- Фрейденберг О.М., 1997. Поэтика сюжета и жанра. М.
- Яценко С.А., 2000. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степей Евразии // ВДИ. № 4.

Г.И. Зайцева

Институт истории материальной культуры РАН

А.А. Ковалев

НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ, Санкт-Петербург

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

В.Г. Дирксен

Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, Петропавловск-Камчатский

Радиоуглеродная хронология культур Тувы, Алтая и Монголии начала раннего железного века*

В настоящем сообщении обобщены новые данные по хронологии культур начала раннего железного века регионов Тувы, Алтая и Монголии, которые начали развиваться в начале I тыс. до н.э. Появление новых дат для этих регионов позволит соотносить в дальнейшем исследованные материалы с памятниками Китая, что важно для решения вопросов генезиса культур раннескифского времени.

Наиболее известным памятником Центральной Азии является курган Аржан 1, исследованный в 1970-е гг. на севере Тувы. Это ключевой археологический комплекс для древнего периода всей Евразии. В настоящее время существуют две системы взглядов на его хронологию. Более предпочтительно рассматривать Аржан 1 в качестве раннего памятника скифского типа в Центральной Азии. На основании дендро- и радиоуглеродных определений его датировка обозначена рубежом IX–VIII вв. до н.э. (Зайцева, Чугунов, Алексеев и др., 2007).

Раннескифским временем датируется могильник алды-бельской культуры Усть-Хадынныг 1, исследованный А.В. Виноградовым в Западной Туве. Там найден небольшой, но достаточно представительный

материал, позволивший высказать предположение о синхронности его кургану Аржан 1 (Грач, 1980; Виноградов 1980). Две даты получены ускорительным методом ($Ua-15228, 2805 \pm 75$ BP и $Ua-15229, 2635 \pm 70$ BP) для органики из непо потревоженного погребения 3 кургана 4. В первом случае для исследования был взят фрагмент древка стрелы. Вторая дата была получена по коже колчана. В целом имеющиеся результаты не противоречат хронологическому соотношению могильника Усть-Хадынныг 1 с курганом Аржан 1. Однако следует заметить, что в наибольшей степени археологическим представлениям соответствует верхняя граница калиброванного значения возраста. Датировка непо потревоженного погребения в кургане 4, из которого отбирались образцы, возможно, отражает время появления памятников алды-бельской культуры в Туве. При этом полная синхронизация с комплексом Аржан 1 едва ли возможна на основании сравнительно-типологического анализа археологического материала. Набор стрел, обнаруженный в могиле, содержал шесть наконечников разного типа, но только один из них может быть сопоставлен с экземплярами, найденными в Аржане 1. Бронзовые поясные обоймы из то-

го же комплекса совершенно аналогичны найденным в одном из погребений кургана Аржан 2 (Chugunov, Partsinger, Nagler, 2004), что позволяет ограничить дату Усть-Хадынныга 1 в пределах VII в. до н. э.

На Алтае памятники, относящиеся к раннескифскому времени, до недавнего времени практически не имели радиоуглеродных дат. Прогресс наметился лишь в последние годы, когда радиоуглеродный метод стал активно внедряться в археологическую практику. К памятникам начала железного века относятся курганы и сооружения бийкенской и маймирской культур, для которых пока получено не более 10 дат (Тишкин, 2007). По костям лошади из кургана 17 памятника Бийке определена дата 2590 ± 90 BP (Ле-7430). Курган 10 этого же комплекса также по костям лошади датируется временем 2330 ± 50 BP (Ле-7431). Более представительная серия необходимых показателей имеется для археологического комплекса Тыткескен VI. Она получена по двум курганам: 85 – 2595 ± 35 BP (GU-14927) и 74 – 2320 ± 35 BP (GU-14926) и 2500 ± 120 BP (Ле-7469). Причина разброса дат почти на 200 радиоуглеродных лет, вероятно, связана с тем, что объекты относятся к разным этапам развития культуры. Проблема может заключаться и в том, что бийкенские захоронения расположены в основном близко к уровню древней поверхности. Работы по датированию объектов начала раннего железного века Алтая продолжают.

Датирование памятников Монголии также начато совсем недавно. Раскопки там совместно с монгольскими коллегами с 2001 г. проводит Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция (МЦАЭ) под руководством А.А. Ковалева. В ходе работ были открыты четыре неизвестные ранее культуры бронзового века, впервые проведены полные научные раскопки ритуальных и ритуально-погребальных комплексов с оленными камнями, исследованы погребальные памятники скифского времени и средневековья. Для построения культурно-хронологической схемы древней истории Монголии радиоуглеродные даты имеют особое значение.

В 2001 г. МЦАЭ были предприняты раскопки херексура Хар говь на территории Мунх-Хайрхан сомона Ховд аймака (Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2003; 2007а), с которым были связаны оленные камни «саяно-алтайского» и «смешанного» типов (Савинов, 2007). На дне гробницы были расчищены сохранившиеся *in situ* фрагменты костей ноги и руки человека, расположение которых дает основание предположить, что погребенный был уложен на левый бок в скорченном положении, головой в западный сектор. По костям погребенного была получена радиоуглеродная дата (Ле-6931) 2730 ± 90 BP. Она соответствует датам ритуаль-

ного комплекса Улаан Толгой в Хубсугульском аймаке (оленные камни классического монголо-забайкальского типа), полученным методом ускорительной техники по костям лошадей: 2530 ± 40 BP (В-193738), 2950 ± 40 BP (В-193739), 2810 ± 40 BP (В-193740), 2790 ± 70 BP (В-207205), 2740 ± 70 BP (В-207206) (Fitzhugh, 2005). Соответственно, вполне обосновано предположение о сосуществовании оленных камней различных изобразительных традиций на протяжении как минимум X–IX вв. до н.э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007а).

Кроме херексуров на Монгольском Алтае известны и «рядовые» курганы с такой же конструкцией насыпи, но без лучей и колец. В Мунх-Хайрхан сомоне исследован курган «с высокой цистой» Адууг 2/1. В цисте на горизонте было расчищено погребение мужчины на правом боку. Радиоуглеродная дата по костям найденного скелета: 2420 ± 90 BP (Ле-6940). Можно предположить, что традиция сооружения куполообразных курганов с высокой многослойной цистой – как с «лучами», так и без таковых – сохранялась на Монгольском Алтае вплоть до позднескифского времени (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007б).

Другим направлением исследований МЦАЭ являлись поиски истоков «аржанской» погребальной традиции – захоронения в обширной наземной деревянной конструкции. Не исключено, что она зародилась на территории Заалтайской Гоби, где в конце II – начале I тыс. до н.э. склоны гор были покрыты черневой лиственничной тайгой. Там исследованы два безымянных кургана, имевшие, предположительно, наземные деревянные камеры диаметром около 4 м (наличие их восстанавливается путем фиксации западов камней насыпи): Хух удзуур 1 (близ Ховдын Булгана) и Уластайн дээд дэнж 1/1 (в горах Байтаг-Богдо между Алтаем и Тянь-Шанем). Дата по костям погребенного из кургана Хух удзуур 1: 2400 ± 220 BP (Ле-7216). Из-за возможных загрязнений органическими остатками более позднего времени костей этого скелета, лежавшего на глубине 40–50 см от поверхности насыпи, дата не может считаться опорной для определения абсолютной хронологии памятников этого вида.

Рядом с этим курганом был раскопан курган Хух удзуур 2, содержащий каменную цисту с погребением подростка на левом боку. Конструкция насыпи и цисты этого кургана весьма схожа с конструкцией памятников бийкенской культуры Алтая. Радиоуглеродная дата по костям погребенного – 2685 ± 110 BP (Ле-7213).

Памятники Тувы (Ua-15228, Ua-15229) и Монголии (В-193739, В-93740, В-207205, В-207206, Ле-7213) имеют более древние календарные даты (рис. 1), попадающие, главным образом, в интервал с конца I тыс. до н.э. до начала VIII в. до н.э. Кален-

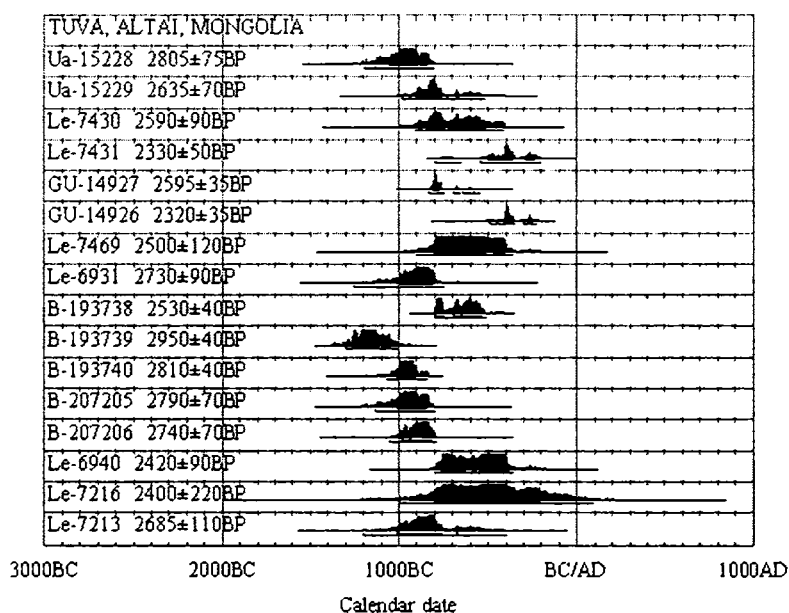

Рис. 1. Распределение календарных дат памятников Тувы, Алтая и Монголии

дарные даты памятников Алтая лежат в основном в интервале VIII–V вв. до н.э.

Здесь приведена практически первая сводка дат памятников начала раннего железного века Тувы, Монголии и Алтая. Поскольку работы продолжают, то возможны не только дополнения, но и уточнения хронологических позиций.

Очевидно, что появление культурных инноваций при переходе от бронзового века к раннему железному произошло практически одновременно на большом пространстве Евразии, что, несомненно, связано с природными изменениями. Начало наиболее интенсивного освоения территории степей носителями культур раннескифского времени хорошо совпадает с началом гумидной фазы около 2800 л. н., обеспечившей максимальную биопродуктивность горно-лесных, лесостепных и степных геокмлексов котловин региона. Эти данные хорошо согласуются с материалами из аридных областей Китая и Монголии, расположенных за пределами современной границы распространения Азиатского муссона. Принимая во внимание достаточно тесную связь между природными изменениями и динамикой археологических культур, выявленной в регионе, можно не только говорить о специфике климатического сценария развития Азиатской аридной зоны в голоцене, но и предположить существование единой культурно-экологической области в центре Азиатского материка.

* Работа выполнена по проекту Президиума РАН

«Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы» и при частичной поддержке РФФИ (проект 07-06-00341).

Батмөнх Б., 2000. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Виноградов А.В., 1980. Памятники алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.

Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенов А.А., Кук Г., Скотт М., Ван дер Плихт Й., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгнер Х., Соннинен Э., 2007. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007б. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками. Барнаул.

Савинов Д.Г., 2007. Об оленных камнях «смешанного» ти-

- па // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул.
- Тишкин А.А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул.
- Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А., 2003. Хиригсуур, буган чулун хӨшӨг холбон Үзэх нь // Угсаатан судлал (Studia ethnologica). Улаанбаатар. Т. XV. Fasc. 1–16.
- Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А., 2007. Монгол Алтай дахь буган хӨшӨгтэй хиригсуур // ТҮҮхийн судлал (Studia historica). Улаанбаатар. Т. XXXVII. Fasc. 1–17.
- Chugunov K.V., Partsinger H., Nagler A., 2004. Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzhan 2 complex according to archaeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia / Eds. M. Scott, A. Alekseev and G. Zaitseva. Dordrecht; Boston; London. (NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences. Vol. 42.)
- Fitzhugh W., 2005. The Deer Stone Project: Exploring Northern Mongolia and its Arctic Connections // The Deer Stone Project: Anthropological Studies in Mongolia 2002–2004. Ulaanbaatar.

А.Р. Канторович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Редуцированные изображения конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы

1. Характерная черта репертуара скифо-сибирского звериного стиля – большая доля редуцированных изображений. Одна из наиболее популярных тем в искусстве восточноевропейского скифского звериного стиля – редуцированное изображение хищных зверей, а именно их голов, иногда с шеями (в профиль, анфас и объемно), протом и, наконец, передних или задних конечностей в сочетании с плечевой и бедренной частью либо просто обособленных ног и преувеличенных лап. Но если мотивы головы и протомы типичны для многих художественных направлений в анималистическом искусстве, то манера воспроизводить обособленные конечности животных или их окончания специфична именно для скифо-сибирского звериного стиля.

2. В скифском искусстве почти все изображения обособленных ног или лап, атрибутируемых как конечности хищного млекопитающего или грифона, оформляли элементы конского снаряжения, прежде всего уздечные бляхи (в основном нащечники). М.И. Артамонов в связи с этим предположил, что «расчленение образа зверя, в частности выделение в самостоятельный декоративный мотив задних ног или лап», в собственно скифском зверином стиле – это реликт или «сокращенный вариант» пазырыкской практики полнофигурного изображения зверя по поверхности конской маски, налобную часть которой составляла скульптурная протома, а нащечные части оформлялись в «разложенные» по сторонам задние конечности хищника (Артамонов, 1971. С. 31).

Действительно, в некоторых случаях, учитывая продольную направленность ряда парных блях-нащечников с изображением конечностей по линии соответствующего ремня (о чем свидетельствует поперечное положение ременной петли на оборотной стороне бляхи), можно считать эти «ноги» относящимися к обособленной голове хищника или грифона, оформляющей отдельный налобник/наносник того же уздечного комплекта и составляющей в совокупности некую протому с подложенными под голову ногами или даже полнофигурную композицию. В тех случаях, когда при наличии таких нащечников вышеназванный налобник/наносник в составе конского убора отсутствует, можно предполагать, что голова/протома хищника подразумевается как компонент убора. Однако есть примеры, когда изображение сдвоенных обособленных ног или одной ноги украшают единственную бляху, являющуюся конским налобником/наносником.

3. Как бы то ни было, мы встречаемся здесь, как во всем скифском зверином стиле, с передачей не только и не столько образов животных, сколько доминирующих в них качеств (это, прежде всего, функции движения и поражения), абстрагированных и символизируемых соответствующими частями организма. Не исключено, что данные изображения выполняли апотропеическую функцию и были средством магической защиты коня, «охватывая» его голову, подобно тому, как в древнегреческих изображениях Геракла с накинутой львиной шкурой голова героя оказывалась в пасти убитого им льва, а передние лапы льва охватывали шею.

4. Весь массив, или категория, изображений обособленных конечностей хищных зверей может быть разделен по степени редуцированности на две группы – отображение пары ног или одной ноги. Критерием принадлежности к первой группе является наличие в изображении двух голеней/предплечий (в соответствии с тем, какие именно ноги отображаются – задние или передние, что не всегда однозначно определимо) и двух лап – даже если изображено единственное бедро/плечо. Критерием принадлежности ко второй группе следует считать наличие в изображении одной голени/предплечья.

В рамках этих групп можно дифференцировать два отдела по композиционному критерию – взаиморасположению пальцев и остальной части ноги, т. е. по наличию/отсутствию изогнутости лапы по отношению к ноге в целом. Это во многом определяет сюжетное содержание изображения, характер действия подразумеваемого персонажа.

Если трактовать обособленную конечность в качестве элемента подразумеваемого полнофигурного изображения, как горизонтально направленную и (коль скоро это передняя нога) подложенную под голову или (коль скоро это задняя нога) под туловище лежащего или припавшего к земле зверя, то следует дифференцировать 1) горизонтально направленные ноги с изогнутыми лапами и 2) горизонтально направленные ноги с выпрямленными лапами.

Если же воспринимать обособленные конечности как вертикально направленные, то наличие/отсутствие изогнутости лапы по отношению к ноге в целом означает соответственно: 1) опору пальцеходящего хищника на землю (т. е. опору той частью стопы, которую образуют фаланги пальцев) – полную (с пальцами, перпендикулярными остальной части ноги) или частичную (с пальцами, отходящими наискось вниз, что вполне нормально для пальцеходящих в природе – это опора окончаниями лап при быстром движении); 2) свисание конечностей вниз при статичном положении передних ног – с прямыми пальцами, отходящими вниз и продолжающими линию ноги (в природе это возможно при условии опоры на задние ноги). Иначе говоря, дифференцируются ноги стоящие/идушие и ноги «свисающие».

Все эти композиционные схемы встречаются в полнофигурных изображениях хищников в скифском зверином стиле и, очевидно, именно на них и ориентировались мастера при создании редуцированных изображений.

Наконец, в рамках отделов могут быть выявлены изобразительные типы. Критерием дифференцирования типов должна быть совокупность особенностей моделирования изображения, трактовки анатомиче-

ских деталей и декорирования изображений. Давая описание типов, их для краткости удобно именовать по археологическим памятникам, из которых происходят эталонные изображения (ср. практикуемый принцип обозначения типов уздечных элементов предскифской эпохи).

5. Группа I, отдел 1. К типу «Красноперекопск – Тузла» относятся изображения второй половины V в. до н.э. из кургана 15 у г. Красноперекопска и кургана у с. Первомаевка в Нижнем Поднепровье, а также из вышеупомянутого Тузлинского некрополя в Прикубанье (реплика изображений этого типа присутствует в памятниках «савроматской» культуры в Южном Приуралье – Филипповка I, курган 28). Это сдвоенные задние/передние конечности, показанные в профиль при воспроизведении обеих голеней. Они представлены или в узком «шаге», или же, что вероятнее, лежащими вплотную друг к другу в таком положении, что верхняя нога перекрывает нижнюю.

К типу «Тузла – Чмырева Могила» относятся практически тождественные изображения второй половины V в. до н.э. из Тузлинского некрополя в Прикубанье и из кургана 66 у с. Бобрица в Среднем Поднепровье. Здесь представлены рельефные сдвоенные задние конечности в профиль в широком шаге, при воспроизведении обеих голеней и хвоста, проходящего между ними. Данную композиционную линию замыкают схематизированные плоскостные ажурные изображения середины – третьей четверти IV в. до н.э. из Чмыревой Могилы в Нижнем Поднепровье, с рудиментом хвоста и завитком в центре бедра, а также с рифленным обрамлением по контуру, в чем сказывается влияние фракийской стилистики.

Тип «Бердянский – Петровка» конца V – начала IV в. до н.э. представлен бляхами из эпонимных памятников Приазовья и Нижнего Поднепровья, оформленными в виде геометризованных сдвоенных задних/передних конечностей в профиль, в узком «шаге», с «жемчужником» (имитация шерсти?), обрамляющим бедро/плечо, с прямоугольным изломом в районе пятки при переходе от предплечья/голеней к стопе, с лапами, имитированными кружками.

6. Группа I, отдел 2. К типу «Нимфей – Аксютинцы» относятся изображения первой половины – третьей четверти V в. до н.э. на бляхах из эпонимных памятников в Крыму и Среднем Поднепровье. Эти изображения представляют сдвоенные выпрямленные передние конечности в плане, т. е. в полном развороте к зрителю, – скорее всего, свисающие или опирающиеся на землю концами пальцев. При этом бляха первой половины V в. до н.э. из Аксютинцев (курган 2 в урочище Стайкин Верх), в отличие от нимфейской, одновременно является фасом хищника (это достиг-

нуто посредством добавления глаз, ушей и ноздревых впадин). Этим изображениям композиционно соответствуют синхронные налобники в виде профильных фигур хищников с головой анфас, а предшествуют в качестве эталонов фигуры кошачьих хищников с туловищем и задними ногами в профиль, с повернутой анфас головой и фронтальными передними ногами, слитыми в одно целое, типа пантеры из Золотого Кургана в Крыму, датируемого рубежом первой – второй четверти V в. до н. э.

Тип «Арцыз – Солоха» составляют изображения середины V – середины IV в. до н. э. в виде уплощенных геометризованных сдвоенных задних/передних конечностей в профиль со «свисающими» лапами, продолжающими направление голени/предплечий, с преувеличенными когтями, как правило, трансформированными в птичьи головы. Эти изображения, сочетающие фракийские (уплощенность, ребристый кант) и традиционно скифские стилистические черты, происходят из погребения 13 в кургане у г. Арцыз и из кургана у г. Дубоссары в Приднестровье, из группы Гаймановой Могилы и из Чмыревой Могилы в Нижнем Поднепровье.

7. Группа II, отдел 1. К типу «Ак-Бурун – Острая Могилы» относятся изображения V в. до н. э., в которых овальное мощное бедро/плечо переходит через короткую голень/предплечье под прямым или тупым углом в лапу, которая как бы опирается на горизонтальную основу либо полной плоскостью фаланг, либо окончаниями пальцев, но в любом случае не «висит». Это изображения из комплексов V в. до н. э. – кургана Ак-Бурун в Крыму, Острой Могилы, кургана 15 у г. Красноперекоска и из кургана у с. Подгородное в Нижнем Поднепровье, а также из кургана 2 у с. Волковцы в Среднем Поднепровье, из кургана 9/1 у с. Никольское в Нижнем Поднепровье и из Тузлинского некрополя в Прикубанье.

К типу «Нимфей – Завадская Могилы» относятся изображения второй половины V – IV в. до н. э., в которых представлена задняя нога с хвостом, причем преувеличенное овальное бедро непосредственно переходит в гипертрофированную лапу, сформированную изогнутыми пальцами с акцентированными загнутыми когтями; голень практически не отображена, что придает сходство с птичьей ногой и заставляет предположить, что здесь представлена специально нога грифона (ср., напр., полнофигурное изображение грифона V в. до н. э. из с. Защита). К этому типу относятся изображения второй – третьей четверти V в. до н. э. из Крыма – с террасы Нимфейского (раскопки 1951 г.), из Нимфейского некрополя (курган I), а также из Акташского могильника.

Особо следует выделить тип «Первомаевка – Ни-

колаевка» второй половины V в. до н. э., к которому относятся изображения лап хищника с прямыми пальцами на окончаниях S-видных псалиев с копытом на противоположной стороне. Показанные в плане, эти лапы в то же время находятся под прямым углом к стержню псалия, занимающему позицию предплечья/голена, что позволяет говорить об изогнутости ноги в целом. Именно эта композиционная деталь заставляет отделять изображения данного типа от характеризующих ниже изображений типа «Ак-Бурун – Корнеевка», представляющих ноги с аналогичными лапами, но выпрямленные. Помимо изображений из Первомаевки (курган 2) в Нижнем Поднепровье и Николаевки в Одесской обл. (курган 8, погребение 14) на территории Степной и Лесостепной Скифии, в Прикубанье и в Центральном Предкавказье известен целый ряд псалиев конца VI – IV в. до н. э., окончания или щитки которых оформлены в виде когтистой лапы с четырьмя (а позднее тремя) пальцами, однако эти лапы справедливо трактуются большинством исследователей скорее не как лапы хищного зверя, а как птичьи (и одновременно в ряде случаев – как перевернутые олени рога), а псалии в целом – как ноги птицы (Переводчикова, 1994. С. 163; Полидович, 2004. С. 152–156, 159, 160. Рис. 6–8; Канторович, Эрлих, 2006. С. 66–68, 89, 90).

8. Группа II, отдел 2. Тип «Ак-Бурун – Корнеевка», V–IV вв. до н. э. В изображениях этого типа, происходящих с территорий Среднего и Нижнего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Крыма, лапа, продолжающая линию основной части ноги, показана всегда в плане и, как правило, не четырехпалая, как у кошачьих, а пятипалая – т. е. как у человека, медведя и ряда представителей семейства волчьих. Бедро/плечо имеет вытянутые по вертикали овалы очертания, и в ранних изображениях этого типа середины V в. до н. э. передано в профиль (Ак-Бурун); затем эта профильность становится менее отчетливой (Корнеевка, V в. до н. э., центральная могила Солохи рубежа V–IV вв. до н. э.) или же бедро/плечо в изображениях второй половины V – IV в. до н. э. либо разворачивается в план, либо вовсе атрофируется (изображения на бляхах из Арциза, п. 13, Бердянского кургана, Кошеватого, Галущина, к. 2, Берестняк, к. 4, Журовки, к. 398, Крячковки, к. 1, из с. Аксютинцы и с. Хитцы).

Самой многочисленной составляющей мотива обособленных конечностей являются изображения, относящиеся к типу «Солоха – Чертомлык» второй половины V – конца IV в. до н. э. Это крайне схематизированные изображения с практически утраченной зооморфностью, представляющие собой искажающее копирование изображений ряда вышеописанных типов V – первой половины IV в. до н. э., в первую очередь таких как «Бердянский – Петровка» и «Арцыз

– Солоха». Многочисленные бляхи с изображениями такого рода происходят из комплексов Нижнего Поднепровья (курганы Солоха, боковое погребение, Бабина Могила, Чертомлык, у с. Петровка, на Гаймановом поле (к. 29), у с. Нововладимировка), Среднего Поднепровья (с. Волковцы, к. I, с. Кошеватое, с. Михайловка), Крыма (Беляусский могильник) и Нижнего Поднепровья (п. 13 в кургане у г. Арцыз). На всех этих нащечниках показана практически одна и та же изобразительная схема (с очень незначительными вариациями). Представлено округлое бедро/плечо с рельефной спиралью на плоскости, обрамленное широкой полоской с крупным рифлением. Бедро/плечо переходит в невнятный конгломерат ноги, состоящей из двух или трех рельефных линий и завершающейся трехлепестковым выступом. Все это придает данным конечностям вид цветков.

9. Анализ изображений обособленных конечностей хищника приводит к выводу, что в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы этот мотив использовался в рамках V–IV вв. до н.э. и прежде всего был задействован для украшения элементов конского убора, в первую очередь наременных блях. Эволюция этого мотива в V–IV вв. до н.э. состоит в переходе от подражания соответствующим элементам синхронных полнофигурных изображений и от сочетания элементов натурализма с имманентными скифскому звериному стилю принципами зооморфных превращений – к схематизации и геометризации, к полному отрыву от параллельно развивающегося мотива фигуры хищника и, в конечном счете, к утрате зооморфной основы. В результате десемантизации во второй половине IV в. до н.э. мотив обособленных конечностей хищника стал в ряде случаев композиционной основой для

реализации иных мотивов – таких как синкретические «петушки», фигуры птиц и др.

При этом изображения обособленных конечностей хищника составляют наиболее традиционный раздел среди различных вариаций реализации темы хищника в скифском искусстве с точки зрения преобладания в них местного художественного элемента, причем в первую очередь сказанное относится к изображениям конечностей в шаге, которые в тенденции преобразуются в единую конечность или приобретают сходство с птичьей лапой (возможно, именно так они впоследствии и воспринимались), – ср. вышеупомянутые изображения птичьих лап на концах псалиев. Отдельные проявления инокультурных влияний в этом разделе скифского искусства связаны, прежде всего, с фракийскими источниками конца V–IV в. до н.э., при том, что в самом фракийском искусстве изображения обособленных конечностей изначально появились, скорее всего, именно под влиянием скифского звериного стиля (Мелюкова, 1976. С. 112).

Артамонов М.И., 1971. Скифо-сибирский звериный стиль (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. (МИА. № 177.)

Канторович А.Р., Эрлих В.Р., 2006. Бронзолитнейное искусство из курганов Адыгеи. М.

Мелюкова А.И., 1976. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. М.

Полидович Ю.Б., 2004. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах. Донецк. № 15: Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности.

Е.А. Коробкова, Л.В. Яворская
Волгоградский государственный университет

Комплексы костей животных в погребальных памятниках сарматских культур (по материалам могильников бассейна реки Есауловский Аксай)

Напутственная и жертвенная пища для многих археологических культур является одним из вариативных признаков погребального обряда. Строгая регламентация как выбора части туши животного, так и местоположения ее в погребении, несет в себе знаковое содержание, которое изменялось в процес-

се модификации погребального обряда и культуры в целом. Довольно ярко изменение состава жертвенных животных прослеживается на примере сарматских культур. Для анализа было взято 66 погребальных комплексов сарматского времени, расположенных в бассейне р. Есауловский Аксай, поскольку

здесь прослеживается некоторая обрядовая преемственность всех трех сарматских культур: раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской.

Археозоологическое и статистическое исследование показали, что в погребениях и насыпях курганов всех трех культур встречаются почти исключительно кости домашних животных – овцы (*Ovis aries*), лошади (*Equus caballus*), быка домашнего (*Bos Taurus*), – среди которых решительно преобладают кости овцы. Крайне редко в погребальных памятниках данной группы встречены кости других животных: из домашних – кости собаки (*Canis familiaris*), а из диких – сайгака (*Saiga tatarica*). Все жертвенные комплексы можно разбить на две группы: 1) кости животных, обнаруженные в насыпи кургана, – условно назовем ее «тризна»; 2) кости животных, положенные в погребение, – назовем это «заупокойной пищей».

В курганах раннесарматского периода кости животных в насыпи встречаются лишь в 40% комплексов. Это кости мелкого – МРС (46%), и крупного (КРС) рогатого скота (61%). Нужно отметить, что довольно часто кости этих видов были встречены вместе в одной насыпи и на них не отмечено следов кухонной разделки.

В качестве заупокойной пищи в раннесарматский период преобладают кости МРС в сочленении: передняя конечность с лопаткой, но без костей подиального отдела. В 60% случаев фрагмент левой стороны тела животного был положен в могилу у левой ноги погребенного. Остальные левые конечности жертвенных животных расположены иначе. В 15% погребений обнаружена правая конечность овцы с лопаткой, но системы в ее расположении по отношению к погребенному не наблюдается. В 70% погребений встречены железные ножи, половина из которых находилась среди костей животных. Возраст жертвенных животных не превышает трех лет (для МРС это возрастные классы «juvenile» и «subadultus»). В двух погребениях одного кургана раннесарматского времени зафиксированы фрагменты передней конечности КРС с характерными кухонными сломками.

В среднесарматских комплексах увеличивается количество курганов с наличием костей животных в насыпи (до 58%), происходит изменение состава тризны. Помимо костей МРС (41,5% от всей совокупности курганов с тризной) и КРС (50%), появляются кости лошади (60%). Решительное большинство фиксируемых костей крупных домашних животных несло на себе следы кухонной разделки.

В погребениях среднесарматского времени, так же как и в предыдущей группе, преобладают кости молодой овцы до 3 лет, положенной целым куском

(94%). В 3 случаях в погребениях встречены кости КРС, а в 2 – лошади, все со следами кухонной разделки. В качестве заупокойной пищи преобладает передняя часть туши МРС. В большинстве случаев (55%) это передняя конечность с лопаткой без костей подиального отдела. Иногда это оказывается только передняя конечность без лопатки (22%). Однако еще 23% заупокойной пищи в погребениях этого времени составляют кости задней конечности МРС. Встречаются кости МРС других отделов скелета – позвонки и ребра. Все кости жертвенных животных расположены у ног погребенных. Определенной корреляции между сторонами тела погребенного человека и стороной тела жертвенного животного не наблюдается. В 83% погребений встречены ножи, половина из которых находилась среди костей животных.

По сравнению со среднесарматским периодом в позднесарматских памятниках уменьшается процент курганов с тризной (46%), но состав костей животных в тризне становится разнообразнее. Помимо обычного для памятников сарматского времени набора костей МРС (58% из совокупности курганов с тризной), КРС (50%), лошади (33%), в насыпях были обнаружены кости собаки (1 случай) и сайгака (2 случая). Следов кухонной разделки на костях из насыпей зафиксировано меньше, чем в предыдущих выборках, за исключением костей КРС, которые все имели кухонные сломы.

В погребениях этой группы кости животных встречаются несколько реже (61% погребений). Так же как и в предыдущие периоды, в них преобладают кости молодой овцы, в возрасте до 3 лет (57% от всей совокупности погребений с заупокойной пищей). Однако до 37,5% возрастает количество погребений, в которые в качестве напутственной пищи кладутся кости взрослой овцы, старше 3 лет (возрастной класс «adultus»). Количество костей крупных домашних животных в погребениях этого времени уменьшается до 5,5% (кости КРС – 2 случая, кости лошади – 1 случай). В комплексах заупокойной пищи в погребениях этой группы абсолютно преобладает задняя часть туши МРС. Как правило, это половина таза и задняя конечность животного без метаподий. На заупокойной пище не фиксируется следов кухонной разделки. Как видно, в погребениях этой группы обряд изменяется. Совершенно исчезает передняя конечность и лопатка овцы, столь характерная для раннесарматского времени и преобладающая в среднесарматский период. Соотношение между сторонами туши МРС для погребений позднесарматского времени таково: правая часть – 63%, левая – 37%. Большая часть костей животных (50%) расположена у головы погребенного (за головой – 25%, и справа от черепа – 25%),

аходились у левой ступни. Остальные случаи чны. В 20% случаев кости животных лежали в за головой погребенного, среди костей находиднолезвийные железные ножи.

ким образом, можно еще раз подчеркнуть, что чные культуры сарматского времени имеют еленные, по-видимому строго регламентированые, обычаи, связанные с ролью жертвенного пного в погребальном обряде. При статистиче-бработке элементов погребального обряда бы-ослежены существенные изменения в составе льных остеологических комплексов в погребетрех сарматских культур. В особенности эти :формации заметны при изменении среднесар-ой культуры носителями погребальных тра-й позднесарматской культуры. В отношении логических комплексов можно заключить, что элее неустойчивым, переходного типа, являетряд среднесарматского времени, т. к. в нем при-вуют черты прежнего раннесарматского обря-появляются элементы, характерные для поздне-атских памятников. В позднесарматское время довые действия по отношению к жертвенным лным предельно унифицируются.

) различных традициях в использовании раз-ых частей туш животных, и в частности овцы, етельствуют и данные этнографии.

Захчинов при поминальном обряде соверша-«преподношение пищи умершему», при ко-м «с каждого готового блюда брали в чашку многу, в середину клали варенную плечевую ь» (Мэнс, 1992. С. 123).

У монголов голова, крестец и лопатка овцы счи-сь наиболее престижными частями. Тазовая ь выдавалась гостю, ее обязательно следова-юльностью обглодать, в противном случае в от-тие тазовой кости мог проникнуть злой дух – сур – и причинить семье несчастья (Жуковская, 2. С. 156, 158).

Наиболее почетной частью туши у некоторых «язычных народов являются голова и задняя а или таз с ляжкой (Кызласов, 1979. С. 101).

У киргизов «высшими» костями считались тазо-; вторыми – коленные, третьими – вышеколен-; четвертыми – плечо или лопатка (Горбунова, 3. С. 65).

В нартовском эпосе задняя часть туши бара-упоминается несколько раз: ее приносят в дань гучей фамилии Нартов Ахсартаггата», видимо символ власти и богатства (Нарты, 1989. С. 10). ску барана с пивом подавали новобрачному у На-з на свадьбе после молитвы о богатстве и плодо-ии семьи (Там же. С. 347).

У осетин голова доставалась всегда руководи-телю поминальной церемонии, шейная часть – ува-жаемым старейшинам, а курдюк, по свидетельству осетинской поговорки, «для молитвы предназна-чен». Остальные части туши при ритуальных трапе-зах доставались рядовым участникам (Яценко, 1998. С. 70). Вместе с тем, лопатка и курдюк могли менять свое назначение в ритуальной трапезе (Уарзиати, 1993. С. 161). По-видимому, можно говорить о том, что у носителей сарматских погребальных традиций доля покойного – это то, что оставалось после раз-дачи почетным гостям и жертвоприношения богам, т. е. обычная доля участника трапезы.

Интересно отметить значение стороны тела жертвенного животного, зафиксированное у осетин. У головы барана, выставленного для поминок, отрезалось только левое ухо, а во время обряда куывда – правое ухо. Таким образом, можно было сразу понять, по какому поводу происходит трапеза (Калоев, 1984. С. 92). В целом, в осетинской погребальной обрядности левая сторона имеет большое значение (например, вестник держит плеть в левой руке).

Но в то же время, кости животного в погребении могли играть не только роль напутственной пищи или определять социальный статус, но иметь сразу несколько значений; так, например, у туркмен суще-ствует верование, что душа барана помогает душе человека пройти через мост, ведущий в рай. А в Хо-резме полагалось резать барана в тот момент, когда покойного выносили из дома, чтобы два духа, две ушедшие жизни, соединились и отправились вместе на тот свет (Литвинский, 1981. С. 108). Этот факт интересен и в связи с тем, что кости животных в ис-следуемых сарматских погребениях не обнаружива-ют следов термической обработки.

Таким образом, на основании этнографических данных можно сделать предположение, что преобладание определенной части туши животного в погребени-ях сарматских племен содержит определенную риту-альную символику, возможно, маркирует социальный статус погребенного, а может быть – и этническую принадлежность населения, оставившего памятник.

Горбунова Н.Г., 2003. О погребенной пище в могильниках скотоводов Средней Азии // Археологический сбор-ник. СПб. Вып. 36.

Жуковская Н.Л., 2002. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.

Калоев Б.А., 1984. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М. Т. VIII.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.

- Литвинский Б.А., 1981. Семантика древних верований и обрядов памирцев // *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура)*. М.
- Мэнес Г., 1992. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // *Традиционная обрядность монгольских народов*. Новосибирск.
- Нарты, 1989: Осетинский героический эпос. В 3-х кн. М. Кн. 2.
- Уарзиати В.С., 1993. Ритуально-престижная трапеза у осетин // *Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С. Жизнь осетинской семьи (этносоциологический аспект)*. Владикавказ.
- Яценко С.А., 1998. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // *РА. № 3*.

Л.А. Краева

Оренбургский государственный педагогический университет

Сарматская керамика с примесью талька из Южного Приуралья

Сарматская керамика часто привлекалась в качестве источника для реконструкций историко-культурного характера, а также хронологического индикатора. При этом исследователи нередко обращались к определениям примесей в глине, которые производились лишь визуально. Особенно острой и дискуссионной в науке стала проблема появления и исчезновения так называемой «тальковой» керамики.

Как «тальковая» в литературе рассматривается керамика без характеристики морфологических признаков с искусственной примесью талька в тесте, которая поддается визуальному определению. Однако, на наш взгляд, данный термин является не совсем корректным, т. к. визуальное определение примеси талька часто может оказаться ошибочным и, как правило, тальк является не единственной примесью в формовочной массе такой посуды. Кроме того, примесь талька в незначительной концентрации визуально не всегда фиксируется.

Причины появления и исчезновения «тальковой» керамики в Южном Приуралье неоднократно излагались исследователями. Можно выделить две точки зрения на эту проблему (Краева, 2007. С. 260–262):

1) «миграционную», в соответствии с которой появление «тальковой» керамики у сармат в IV в. до н.э. связано с миграцией племен зауральской лесостепи, а исчезновение – с возобладанием традиции более многочисленной местной группы населения (Мошкова, 1974. С. 22; Таиров, 1998. С. 93);

2) «контактную»: появление «тальковой» керамики связано не с миграцией лесостепного населения, а с ростом контактов сарматов с этим населением в IV в. до н.э., а исчезновение ее в III в. до н.э. – с прекращением прежних контактов и переориентацией интересов номадов на запад и юг (Железчиков,

Пшеничнюк, 1994. С. 8; Могильников, 1999. С. 133, 134; Савельев, 1999, С. 139, 140).

Исследование керамики с помощью микроскопа по методике А.А. Бобринского позволило прийти к следующим выводам (Бобринский, 1978; 1999; Краева, 2008).

В IV в. до н.э. (рубеж V – IV вв. до н.э.) в Южном Приуралье фиксируется появление лепной посуды, отличной от «савроматской». Она имеет грушевидное тулово с округлым дном, резко отогнутый венчик и сложный орнамент (рис. 1: 1–3). Изготовлена она из не характерной для ранних кочевников VI–V вв. до н.э. формовочной массы – глина+тальк+органика – или из тальковой глины с добавлением органических добавок; конструирование произведено лоскутным налепом с помощью формы-модели, а орнаментация нанесена штампованием.

Процент такой посуды невелик (8%). Попадание ее в среду ранних кочевников, на наш взгляд, нельзя объяснить исключительно брачными контактами или влиянием «моды», т. к. это противоречит закономерностям развития гончарного производства. Именно приход носителей рецепта формовочных масс глина+тальк+органика оказал значительное влияние на сложение технологических традиций в раннесарматском гончарстве. Следствием смешения этих пришлых групп с местными группами населения стали: 1) массовое появление круглодонной посуды, а также плоскодонной посуды с плавным переходом стенок в неустойчивое дно; 2) изменение в орнаментации (уменьшение доли орнаментов в виде пиктограмм; усложнение композиций; приоритетное украшение плечевых зон); 3) появление новых способов орнаментации; 4) массовое появление смешанных рецептов формовочных масс ИПС+шамот+тальк+органические добавки; 5) сло-

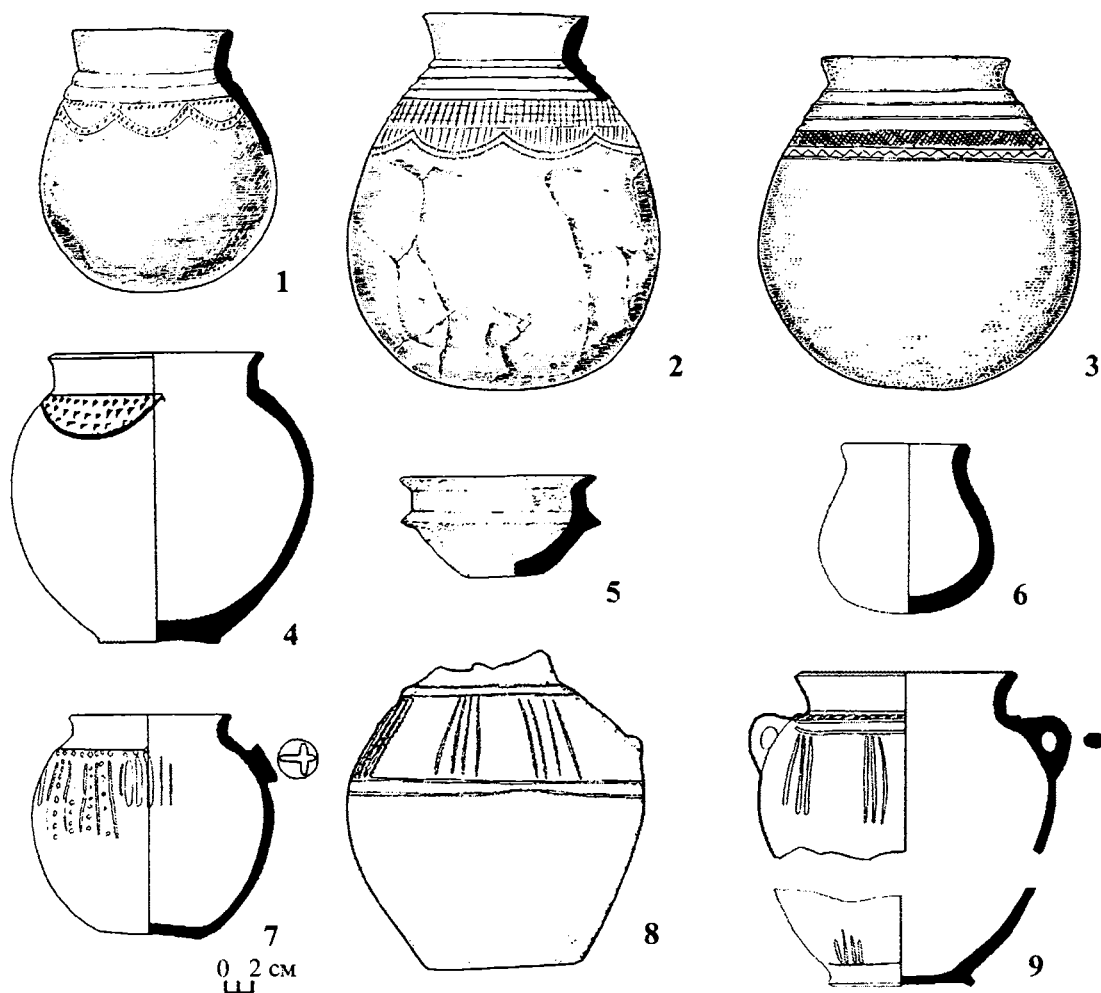

Рис. 1. Сарматская керамика с примесью талька из курганных могильников (1–7, 9) и одиночного кургана (8). 1, 2 – Мечет-Сай, к. 8, п. 1; 3 – Новый Кумак, к. 21, п. 2; 4 – Мечет-Сай, к. 7, п. 10; 5 – Бердянка V, к. 5, п. 3; 6 – Болдырево I, к. 1; 7 – Чкаловский, к. 4, п. 4; 8 – Благославенка, п. 4; 9 – Чкаловский, к. 4, п. 13

жение общих навыков в конструировании полых тел при сохранении разных программ конструирования начинов; 6) появление новых поколений гончаров, которые еще придерживались старых программ конструирования начинов (емкостно-донный и донно-емкостный спирально-жгутовой), но полые тела начали делать лоскутным налепом по спирали; 7) массовое использование при изготовлении посуды форм-моделей.

Перечисленные коренные изменения, наблюдаемые в керамическом комплексе IV–I вв. до н.э., не могли возникнуть без непосредственного участия самих носителей новых традиций. В начале IV в. до н.э. произошла инфильтрация в скотоводческие коллективы какого-то инокультурного населения, имеющего свои традиции в изготовлении керамики. По-видимому, совершенно права М.Г. Мошкова, связавшая появление традиции добавления талька с племенами из лесостеп-

ного Зауралья, т. к. именно в этом регионе имеются залежи талька и была широко распространена традиция его использования среди населения начиная с бронзового века (Мошкова, 1974. С. 6, 22; Гутков, 1995. С. 141). Вероятно, одной из первых групп населения, раньше всех вошедших в контакт с лесостепными племенами из Зауралья, была Орско-Кумакская группа. Именно в этой группе зафиксировано наибольшее количество плоскодонной и круглодонной керамики с резко отогнутой шейкой и грушевидным туловом, а также рецептов с примесью талька (глина+тальк+органика; глина+тальк+шамот+органика). В этой же группе еще в VI–V вв. до н.э. появились единичные экземпляры круглодонной керамики, которые изготавливались из формовочной массы глина+выжимка. В IV в. до н.э. круглодонная и плоскодонная керамика этой группы изготавливалась уже из состава глина+древса+органика, характерного для этой группы в VI–V вв. до н.э. Одна-

ко на дресву в IV–III вв. до н.э. стали дробиться тальковые породы, а не песчаник, как раньше.

Следует отметить, что при визуальном определении примесей у исследователей часто складывается впечатление, что посуда IV в. до н.э. имеет значительную примесь талька. Это ощущение возникает в результате того, что при составлении рецептов формовочных масс на шамот шли черепки от сосудов со значительной примесью талька (концентрация 1:2), и происхождение большей части частиц талька связано с шамотом, при дроблении которого частицы талька выпадают.

Изучение керамики под микроскопом показало, что на самом деле присутствие значительной примеси талька фиксируется только в формовочной массе посуды первой половины IV в. до н.э. (а также во II–I вв. до н.э.), когда происходил процесс инфильтрации пришлого населения.

Впоследствии «гончары-мигранты», вступая в контакт с местными гончарами, в среде которых была распространена традиция глина+шамот+органика, стали добавлять в свои формовочные массы (глина+тальк+органика) еще и шамот. Концентрация шамота была меньшей, чем талька (например, концентрация талька 1:3/4, а шамота 1:6). Эти факты свидетельствуют о том, что происходило зарождение новой традиции, которая могла возникнуть только в результате попадания гончаров в среду с иными гончарными традициями. Анализ шамота показал, что на него дробились в основном сосуды, изготовленные из формовочной массы глина+тальк+органика с большой концентрацией талька. Возможно, они были привезены ими или изготовлены из привезенного первоначально сырья (талька). Не случайно, что количество сосудов с большой концентрацией талька незначительно (8%), т. к. в основном они, видимо, были раздроблены на шамот.

В течение IV–III вв. до н.э. доля концентрации шамота в рецептах глина+тальк+шамот+органические добавки возросла, а талька – уменьшилась. В то же время, продолжают существовать сосуды, где концентрация талька более значительная, чем шамота (рис. 1: 4–6).

Анализ результатов технологического исследования керамики второй половины IV–III вв. до н.э. показал, что смешанных рецептов (ИПС+шамот+органика; ИПС+тальк+шамот+органика), при которых на шамот дробилась посуда со значительной концентрацией талька, значительно больше, чем самой посуды, изготовленной по рецепту ИПС+тальк+органика. Этот факт свидетельствует о культурной интеграции, т. е. о проникновении более или менее массовых инокультурных явлений и возникновении на

этой основе устойчивой культурной неоднородности населения (Цетлин, 1998. С. 59, 60).

На сегодняшний день в сарматской археологии широко распространено основанное на визуальном наблюдении мнение, что традиция добавления талька практически исчезает в III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1974. С. 22; Зуев, 1999. С. 28; Клепиков, 2000. С. 100; 2002. С. 58; Гуцалов, 2004. С. 36).

Микроскопическое исследование керамики из могильников Южного Приуралья показало, что во II–I вв. до н.э. существовала посуда со значительной примесью талька (1:2/3). Таким образом, ни о каком «исчезновении» в это время традиции добавления талька говорить нельзя.

Вся посуда II–I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы с добавлением талька, была плоскодонной и по морфологическим особенностям идентичной сарматской (рис. 1: 7–9). В то же время, технология этой керамики характеризуется рядом общих особенностей, отличающих ее от «тальковой» керамики IV–III вв. до н.э.: 1) гораздо более сильной степенью ожелезненности глины; 2) характерными естественными примесями в глине минералов в виде непрозрачных включений белого цвета или прозрачных друз; 3) более разнообразными способами конструирования.

На основании этих фактов можно предположить, что во II–I вв. до н.э. либо существовала группа гончаров в среде сарматов, которые продолжали составлять формовочные массы «по старому рецепту» глина+тальк+органика, либо произошла инфильтрация новых групп населения из Зауралья.

Примечательно, что керамика II–I вв. до н.э., изготовленная из такой массы, в Самарском Заволжье пока не обнаружена, что, возможно, объясняется удаленностью этого региона от источников добычи талька (Иванова, Мышкин, 2006. С. 389).

Таким образом, термин «тальковая» керамика – очень условен. Примесь талька фиксируется в сарматской керамике Южного Приуралья на протяжении IV–I вв. до н.э. Появление данной традиции у сарматов связано с инфильтрацией в их среду носителей традиции использования талька из Зауралья.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.

Гутков А.И., 1995. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.

- Гуцалов С.Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск.
- Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. конф. Волгоград.
- Зуев С.Ю., 1999. Проблема III в. до н.э. в периодизации памятников сарматской эпохи (по материалам Поволжья и Приуралья // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тез. докл. СПб.
- Иванова Н.В., Мышкин В.Н., 2006. К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V–I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 4.
- Краева Л.А., 2007. Проблемы изучения сарматской керамики второй половины I тыс. до н.э. // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа.
- Краева Л.А., 2008. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Клепиков В.М., 2000. К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 3.
- Клепиков В.М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград.
- Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Могильников В.А., 1999. К характеристике контактов кочевников Южного Зауралья с населением лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск.
- Савельев Н.С., 1999. «Зауральские автохтоны»: идентификация, роль в формировании прохоровской культуры, дальнейшая судьба // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск.
- Таиров А.Д., 1998. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Цетлин Ю.Б., 1998. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // ТАС. Вып. 3.

Т.М. Кузнецова

Институт археологии РАН

Келермес – единый скифский памятник периода архаики

Могильник Келермес является основным памятником периода скифской архаики (VII–VI вв. до н.э.). Он состоит из насыпей эпохи бронзы, среди которых обнаружены могилы, содержавшие богатейший материал раннего железного века. Могильник находится у станицы Келермесской, в 25 км к северу от г. Майкоп.

1. История исследования могильника началась в 1903 г. раскопками «горного техника» Д.Г. Шульца, который вскрыл 4 кургана скифского времени. В 1904 г., после отстранения Д.Г. Шульца от раскопок, работы продолжил профессор Н.И. Веселовский, вскрывший 2 кургана (Галанина, 1997). Исследовавшая курганная группа насчитывала 31 насыпь (к раннескифскому времени относятся могилы в 6 курганах).

В 1980–1995 гг. было предпринято исследование курганов, которое проводилось Эрмитажем; при этом, в 1989 и 1990 гг. работы велись совместно двумя экспедициями: Келермесской ГЭ (рук. А.Ю. Алексеев) и Гиагинской ИА РАН (рук. Т.М. Кузнецова). В 1981 г. между курганами эпохи бронзы был обнаружен «грунтовый» (бескурганый) могильник, где выявлено 57

погребений, соотносимых с раннескифским временем, и 4 могилы эпохи бронзы (Галанина, Алексеев, 1990).

2. Этническая атрибуция Келермесских могильников имеет несколько вариантов в историографии. Курганы Келермеса определяются и как киммерийские, и как меотские, и как скифские (Галанина, 1997. С. 194–221; Эрлих, 2007. С. 199).

Открытие «грунтового» некрополя привело исследователей к заключению «о существовании в данной части меотского этнокультурного региона военного объединения под главенством скифской знати», представители которой были погребены в курганах (Галанина, Алексеев, 1990. С. 50), поэтому Келермес определяется и как «двуэтнический памятник», в создании которого приняло участие местное население и пришлые элементы – скифы (Галанина, 1997. С. 194–196; Рябкова, 2006).

Однако структура «грунтового» могильника не позволяет однозначно определить его дату и атрибуцию, т. к. памятник включает значительное число могил без сопроводительного инвентаря. Исходя из того, что в составе Келермеса обнаружены могилы, относящиеся как к эпохе бронзы, так и к неопреде-

ленному времени, связывать все «безынвентарные» могилы с раннескифским периодом представляется недостаточно корректным.

3. Дата сооружения Келермесского могильника до начала 1970-х гг. определялась по времени возвращения скифов «из переднеазиатских походов» (рубеж VII–VI – начало VI в. до н.э.).

Поскольку в курганах Келермеса были обнаружены предметы, относящиеся к периоду от VIII до VI в. до н.э., было высказано предположение о поэтапном сооружении курганов: одни были возведены «ранее начала 670-х гг. до н.э. (при этом не исключается VIII в. до н.э.)», другие – в середине VII в. или в самом конце VII в. до н.э. (Алехеев, 2007). Время формирования «грунтового» могильника соответствует времени возведения курганов (Галанина, Алексеев, 1990).

Однако такая дата значительно опережает сроки, связанные с появлением скифов в Северопричерноморском и Северокавказском регионах, что и ставит под сомнение скифскую атрибуцию Келермеса, т. к. присутствие ближневосточных предметов в памятниках киммерийцев также возможно, поскольку об их набегах в Переднюю Азию известно и из клинописных текстов, и по сведениям греческих авторов.

Исследование показало, что данные Геродота о скифах, рассмотренные в той последовательности, как они были им изложены, приводят к согласованию четыре вида источников (астрономический, документальный, литературный и археологический), уточняя и время появления «скифов царя Мадия, сына Прототия/Бартатуа» в Северном Причерноморье (между 613 и 608 гг. до н.э.), и время вторжения «скифов царя Мадия» в Мидию (608 г. до н.э.), и время скифского пребывания («взбунтовавшиеся скифы» и «скифы царя Мадия») в Передней Азии – с 614/613 гг. до н.э. по 585 г. до н.э. (Кузнецова, 1993; 2007а; 2007б; 2008). Учитывая то, что скифы, вытесненные из Азии массагетами и/или исседонами, впервые появляются в Северном Причерноморье («придя, заняли безлюдную страну»: Herod. IV, 11) в интервале между 613 и 608 гг. до н.э., сооружение Келермесских курганов не могло произойти ранее 613 г. до н.э., даже если предположить, что часть из них возведена до похода в Переднюю Азию (Алехеев, 2007).

Соотнесение этого памятника с более ранним временем – периодом правления царя Бартатуа, было бы возможно при наличии сведений о пребывании этого царя в Предкавказье и Северном Причерноморье, однако источники указывают, что только его сын Мадий пришел в Северопонтийский регион, прошел оттуда через Кавказ в Переднюю Азию и вернулся, – следовательно, обитание скифов, возглавляемых царем Бартатуа, не было связано с указанными регионами.

Возраст людей, погребенных в «грунтовом» Келермесском могильнике, и состав сопроводительного инвентаря при них позволили предположить, что начало сооружения этого могильника приходится на время продвижения скифов царя Мадия из Северного Причерноморья в Переднюю Азию – лето 608 г. до н.э. (Кузнецова, 1991; 2008).

Использовать результаты радиоуглеродного анализа для рассматриваемого могильника (курганы 2 Веселовского – 810–540 cal. BC, и 3 или 4 Шульца – 760–390 cal. BC; Алехеев, 2007) представляется недостаточно продуктивным, т. к. они показывают очень широкий хронологический интервал и поэтому не дают убедительного ответа на спорные вопросы.

4. Скифское присутствие в Северокавказском регионе зафиксировано письменной традицией (последнее десятилетие VII в. до н.э. и второе десятилетие VI в. до н.э.), связано оно с походом скифов царя Мадия через Кавказ в Переднюю Азию (Herod. I, 103), их бесславным возвращением и борьбой с «потомками рабов» (Herod. IV, 3, 4).

Обитание скифов на Кавказе в период архаики в источниках не отражено, т. к. сведения Диодора об их жизни «под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя», когда «они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях – побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса» (Diod. II, 43), относятся, скорее всего, ко времени победителя персов – Иданфирса (другого, столь же удачливого, царя скифов источники не называют), а это – последнее десятилетие VI в. до н.э. (509 г. до н.э.; Кузнецова, 1992; 2007а; 2007б; 2008).

5. Критериями для определения этнической принадлежности населения, оставившего Келермесские могильники, служат составляющие погребального обряда: форма могил, ориентировка погребенных и сопроводительный инвентарь при них.

Дополняя критику, представленную по поводу определения киммерийской и меотской принадлежности курганов Келермеса (Галанина, 1997. С. 196–198), следует отметить, что сведения о курганах Келермеса по нескольким позициям соответствуют данным письменных источников о скифах. Присутствие ближневосточных материалов показывает, что могильник принадлежал скифам царя Мадия, а скифский погребальный «канон», известный по «Истории» Геродота (Herod. IV, 71–73), наиболее полно отражается в погребальном обряде Келермеса.

Данные о том, что недалеко от Меотиды «скифы терпели поражения в многократных битвах» (Herod. IV, 4), также позволяют считать Келермес усыпальницей скифских воинов царя Мадия, возведенной в

- ском временном интервале (Кузнецова, 1993). Отсутствие материалов, аналогичных келермесским, в кенотафе Мельгуновского кургана (Бокий, 1992), сооруженного в лесостепной зоне Северного черноморья, свидетельствует о быстром перемещении скифов в Лесостепь.
- Детали погребального обряда как курганного, и «грунтового» могильников Келермеса, имеют сходство не только между собой, но и с данными о погребальном обряде скифов, представленными в письменных источниках, причем соответствий с письменными источниками в «грунтовом» могильнике несколько больше.
- Сообщение Геродота о том, что скифы над умершими царями «насыпают курган», а «частных людей» после их смерти сорок дней возят «по друзьям», затем погребают (Herod. IV, 73), свидетельствует о возможном захоронении скифов и вне кургана (Кузнецова, 1992).
- В составе сопроводительного инвентаря курганов держатся бронзовые котлы – сакральные предметы: (погребались в могилах верховных правителей), связанные с кочевым миром, что не согласуется с характеристикой в письменных источниках и киммерийского, и меотского населения (Кузнецова, 2002б; Ю7в; 2007г).
- В курганном и «грунтовом» могильниках обнаружены предметы, связанные только со скифами, бронзовые зеркала, имеющие центральную ручку (Кузнецова, 2002а. С. 43). Причем в «грунтовом» могильнике присутствуют зеркала, являющиеся «индикатором» скифской археологической культуры. Наличие таких зеркал в инокультурных памятниках могло быть вызвано только их захватом у врага в качестве трофеев, что исключает предположение о «нескифской» принадлежности «грунтового» могильника.
- Келермесские могилы раннего железного века, объединенные материалами кочевнического облика, представляют единый (многоуровневый в социальном отношении) этнокультурный комплекс, скифская принадлежность которого подтверждается как письменными источниками, так и распределением археологического материала в Северокавказском и Северочерноморском регионах.
- Кузнецова Т.М., 1992. Киммерийцы и скифы // Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь.
- Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.
- Галанина Л.К., 1985. К проблеме взаимоотношения скифов с меотами // СА. № 3.
- Галанина Л.К., Алексеев А.Ю., 1990. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Вып. 30.
- Кузнецова Т.М., 1991. Этюды по скифской истории. М.
- Кузнецова Т.М., 1992. Памятники бассейна Кубани в контексте скифской архаики // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Майкоп.
- Кузнецова Т.М., 1993. Как возник Келермес // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар.
- Кузнецова Т.М., 2002а. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. М. Т. I.
- Кузнецова Т.М., 2002б. Котлы Келермеса // XXII «Крупновские чтения»: Тез. докл. конф. Ессентуки.
- Кузнецова Т.М., 2007а. Скифы и государства Ближнего Востока (хронология VII – VI вв. до н.э.) // Номады казахской степи: Этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: Тез. докл. междунар. науч. конф. Астана.
- Кузнецова Т.М., 2007б. Северопричерноморская фольклорная традиция о скифах и Ближний Восток // Восток в эпоху древности: Новые методы исследования, междисциплинарный подход, общество и природная среда: Памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского: Тез. докл. конф. М.
- Кузнецова Т.М., 2007в. Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.
- Кузнецова Т.М., 2007г. Скифские котлы (сакральный маркер социума) // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок: Тез. докл. конф. СПб.
- Кузнецова Т.М., 2008. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // Stratum plus. Кишинев. № 3.
- Рябкова Т.В., 2006. К вопросу об этнокультурной принадлежности курганов Келермеса // Liber archaeologicae. Краснодар.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Протомеотская группа памятников. М.
- Alexeev A.Y., 2007. Die Kurgane von Kelermes in ihrem historischen Kontext // Reiternomadische Eliten der Eurasischen Steppe: Der Skythenkongress. Berlin.

П.М. Леус

Институт истории материальной культуры РАН

Терезин – новый памятник гунно-сарматского времени в Центральной Туве (предварительное сообщение)*

В 2007–2008 гг. отдельным отрядом Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН проводились обследования могильника Терезин, расположенного в Чаа-Хольском кожууне республики Тува, на южном берегу Саяно-Шушенского водохранилища, где в период наибольшего подъема уровня воды происходит активный процесс береговой абразии. В ходе работ здесь была обследована береговая полоса и возвышающиеся над ней песчаные обрывы, в результате чего на участке длиной 1,5 км обнаружены разрушающиеся и уже совершенно разрушенные погребения (упавшие с высоты 5–10 м на берег) и собрана коллекция подъемного материала. Погребения могильника, вероятно, расположены несколькими группами, отдаленными друг от друга на расстояние до нескольких сотен метров. Какие-либо сооружения над могилами отсутствуют или же полностью занесены песком, так что более точная информация о планиграфии могильника может быть получена только после запланированной здесь геофизической разведки.

В 2008 г. на могильнике Терезин было раскопано два погребения (2 и 3).

Погребение 2 представляло собой ящик подпрямоугольной в плане формы, размерами 160 x 70 см, составленный из каменных плит. К моменту раскопок ящик стоял на краю обрыва глубиной 5 м, и одна из его стенок (западная) и часть плит перекрытия уже съехали вниз, открыв частично кости скелета и ряд деталей погребального инвентаря. Глубина могилы составляла, вероятно, 1–1,5 м. Ящик был ориентирован длинной стороной по оси север – юг, с незначительным отклонением к СВ и ЮЗ соответственно. Погребенный здесь мужчина зрелого возраста лежал на правом боку, с подогнутыми вправо ногами, головой на север (с незначительным отклонением в несколько градусов к СВ). В результате смещения вниз плит перекрытия череп погребенного оказался перемещен в область живота, а правая лопатка и плечевая кость – к северной стенке ящика. В остальном погребение осталось непо потревоженным. Вдоль восточной стенки ящика стояли два целых керамических сосуда: за спиной погребенного – плоскодонный сосуд грубой лепки, с широким горлом и двумя налипшими ушками; в нем

и возле него находились кости овцы; второй сосуд, кувшинообразной формы с узким горлом, стоял за согнутыми коленями погребенного. Сосуд был изготовлен, видимо, на примитивном гончарном круге, о чем свидетельствует квадратный штамп от поворотной подставки на его дне. Поверхность серого цвета, покрыта полосами вертикального лощения. Вдоль западной стенки ящика был положен лук с костяными накладками. К сожалению, часть накладок так и не была обнаружена, а остальные были смещены со своего первоначального места. Сохранилась сломанная пополам срединная фронтальная накладка. Середина сужена, концы несколько расширены, внешняя поверхность имеет наклонные срезы, один из которых покрыт насечками. Чуть выше него вырезан тамгообразный знак. Также сохранились две парные и одиночная концевые накладки сегментовидной формы, с небольшими вырезами для надевания тетивы. Здесь же располагался колчан со стрелами, от которого сохранились компактно лежавшие слева перед ступнями погребенного семь костяных наконечников стрел: шесть черешковых, из которых три с раздвоенным насадом и округлой в сечении боевой частью, и один втульчатый, со скрытой втулкой и подтреугольным профилем. На поясе погребенного находились пряжка из рога и комплекс железных предметов очень плохой сохранности, возможно нож, шило и детали поясного набора. На ступнях были обнаружены два небольших железных предмета плохой сохранности. Большая берцовая кость правой ноги была сломана в двух, а малая берцовая – в одном месте. Переломы полностью срослись, как минимум, за несколько лет до смерти погребенного.

Погребение 3 располагалось в 4 м к югу от погребения 2, на той же созданной выдувом террасе берега. Погребение было совершено в каменном ящике, к моменту раскопок сместившемся не менее чем на 1 м в сторону и вниз с места изначальной установки. Соответственно, кости погребенного здесь ребенка были частично утеряны в осыпи обрыва, а частично раздавлены и перемешаны с каменными плитами. Среди костей скелета обнаружен сильно корродированный железный нож с остатками деревянных ножен.

Вдоль береговой линии водохранилища были осмотрены 4 скопления каменных плит – остатки упавших в обрыв каменных ящиков. Судя по расстоянию от современного края осыпи, большинство из них упало несколько лет назад. Под плитами одного из них (п. 5) была обнаружена большая прямоугольная ажурная поясная пластина, украшенная решетчатым орнаментом и изображениями голов животных. В 3 м от этого скопления была найдена ажурная бронзовая поясная бляшка с изображением двух голов быков. Совершенно аналогичные поясные пластины с решетчатым орнаментом и изображением голов животных известны среди случайных находок в Минусинской котловине (Дэвлет, 1980. Табл. 16, 17). Среди прочих находок следует упомянуть бронзовый ложечковидный наконечник ремня, украшенный изображением стилизованной головы животного, ажурную орнаментированную ремennую бляху из бронзы и железный трехлопастной наконечник стрелы.

В 2007 г. в обрыве было расчищено погребение, совершенное на левом боку с подогнутыми ногами, головой на север. На поясе погребенного была ажурная бронзовая поясная пластина с орнаментом в виде змей. Тогда же на берегу была обнаружена половина китайского зеркала из «белой», оловянистой бронзы, датирующегося временем династии Хань. Такое же целое зеркало, точнее, местная копия китайского изделия, было найдено в могильнике Яломан II на Алтае (Тишкин, 2006. С. 113, 114. Рис. 1: 3). Появление зеркал этого типа ограничивается II – концом I в. до н.э. (Масумото, 1993. С. 251).

Погребальный обряд и характер материальной культуры позволяют предварительно датировать могильник Терезин II в. до н.э. – I в. н.э. Наряду с рудиментами скифской традиции погребального обряда – захоронение на боку с подогнутыми ногами в каменном ящике – здесь, вместе с тем, присутствует практически весь классический набор материальной культуры сюнну: ажурные поясные пластины, ложечковидный наконечник ремня, характерная керамика, костяные накладки на лук и наконечники стрел, ханьское зеркало. Ориентировка погребенного головой на север также указывает на традиции сюнну (Миняев, 1998. С. 41). Таким образом, здесь представлена еще не окончательно сформировавшаяся местная постскифская культура, уже полностью воспринявшая материальную культуру сюнну, но пока не отказавшаяся от элементов погребального обряда скифского времени. Аналогии обнаруженным в могильнике Терезин материалам можно найти в таких опорных для изучения культуры сюнну памятниках Забайкалья, как Дырестуйский могильник (Миняев, 1998.

Рис. 13-14, 18), Иволгинские городище и могильник (Давыдова, 1995. Табл. 177, 180). Ажурные поясные пластины хорошо известны на территории Южной Сибири, Забайкалья и Монголии (Дэвлет, 1980). Они датируются II в. до н.э. – I в. н.э.

На территории Центральной Тувы известны памятники этого времени. Так, на могильнике Урбюн III раскопано впускное погребение в каменном ящике, в котором найдена ажурная поясная бляха со сценой терзания (Савинов, 1969). На противоположном, левом, берегу р. Чаа-Холь была исследована большая группа погребений гунно-сарматского времени – Аймырлыг XXXI: около 200 могил с различными видами погребального обряда – от классического обряда сюнну (вытянуто на спине, головой на север, в деревянных гробах) до аналогичного тому, который мы наблюдали в п. 2 могильника Терезин (на боку с подогнутыми ногами, в каменном ящике). Несмотря на значительное количество раскопанного материала, он до настоящего времени остается не введенным в научный оборот. Опубликованы лишь незначительная общая информация и отдельные находки (Стамбульник, 1983; Мандельштам, Стамбульник, 1992).

Сформировавшийся образ культуры гунно-сарматского времени представлен в материалах могильника Кокэль в Западной Туве. Его материалы были частично опубликованы авторами раскопок (Вайнштейн, Дьяконова, 1966; Дьяконова, 1970) и позднее переизданы и заново проанализированы в Германии (Kenk, 1984). Таким образом, несмотря на наличие значительного материала по проблеме формирования и развития культуры гунно-сарматского времени в Туве, тема продолжает оставаться недостаточно раскрытой, главным образом, по причине неопубликованности большей части этого материала.

Дальнейшие раскопки могильника Терезин, проведенные с использованием современной методики исследований и датирования, позволят, вероятно, дать ответ на ряд вопросов этой проблематики в Туве

* Работы проводились при поддержке Общества по изучению Евразии (Швейцария) – Gesellschaft zur Erforschung EurAsiens.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Тр. ТКАЭЭ. Т. II. М. – Л.

Давыдова А.В., 1995. Иволгинское городище // Иволгинский археологический комплекс. СПб. Т. 1.

Дьяконова В.П., 1970. Большие курганы-кладбища на мо-

- гильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Тр. ТКАЭЭ. Т. III. М. – Л.
- Дэвлет М.А., 1980. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. Вып. Д4-7. М.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У., 1992. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология.)
- Масумото Т., 1993. О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул. Ч. 2.
- Миняев С.С., 1998. Дырестуйский могильник. СПб.
- Савинов Д.Г., 1969. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. Вып. 119.
- Стамбульник Э.У., 1983. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Тишкин А.А., 2006. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. № 4.
- Kenk R., 1984. Das Gräberfeld von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. München.

С.И. Лукьяшко

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

Нижнедонская Скифия

В 1952 г. Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова, выделяя основные археологические культуры скифского времени в Приазовье и Причерноморье, называли кубанскую, северо-западную поднестровскую, молдавскую, киевскую, посульскую и среднедонскую группы (Граков, Мелюкова, 1952). О Нижнем Доне из-за отсутствия материала речь шла только в контексте Елисаветовского городища и сопровождающего его могильника, который тогда, по мнению авторов доклада, относился к меотскому культурному пласту. В системе представлений К.Ф. Смирнова Нижний Дон был пограничной территорией: на его восточном берегу располагались савроматы, а западный был территорией распространения скифской культуры (Смирнов, 1964.) Этот вывод разделял В.Е. Максименко (1983). Основанием для умозаключения служили античные письменные источники. Археологических обоснований было явно недостаточно.

В результате масштабных исследований 1970–1980-х гг. накоплен значительный материал, позволяющий решать эту задачу археологическими методами.

Первые бесспорно скифские материалы появляются на Нижнем Дону не ранее конца VII в. до н.э. Это Криворожский, Хоперский и Константиновские комплексы (Книпович, 1935; Кияшко, Кореняко, 1976). С рубежа VII–VI – начала VI в. до н.э. на донском левобережье появляется практически синхронная этим скифским комплексам группа погребений, характеризующаяся впускными подбойными могильными сооружениями и характерными наборами сопровождающего инвентаря. Сравнительный анализ археологического комплекса и письменных источни-

ков позволил сделать вывод о соответствии его иксоматам античной письменной традиции (Лукьяшко, 1988), в которых К.Ф. Смирнов видел западную группу савроматского массива.

Сравнительная характеристика предметов материальной культуры скифского времени донского левобережья и правобережья подтверждает зафиксированную в письменной традиции этнокультурную разницу и пограничный характер реки Танаис.

Расположенные на острове в дельте Дона Елисаветовское городище и сопровождающий его могильник не имеют ярко выраженной этнокультурной характеристики. Все попытки связать их со скифским, савроматским или меотским культурными массивами не имеют бесспорных оснований. Материальная культура жителей Елисаветовского городища отличается от культуры как левобережья Дона, так и правобережья. Тем не менее, исследователи Елисаветовского комплекса все настойчивее утверждают скифоидность культуры его населения. При этом понятие «скифоидность» не имеет ясно обозначенных границ и вносит еще больше неопределенности в попытки культурной атрибуции комплекса. Памятнику все чаще приписывается потестарное значение. Возникшая неопределенность во многом связана с отсутствием качественной обработки комплекса предметов материальной культуры поселения и могильника. Что составляет сегодня актуальную задачу науки.

На правом берегу Дона имеются выразительные памятники скифской культуры VI–IV вв. до н.э. – погребения в Ростовских и Левинцовских курганах, Беглицкий могильник.

В конце IV – начале III в. до н.э. яркие памятники

скифской культуры появляются на левобережье Дона. Это погребения в катакомбах в курганах с кольцевыми ровиками. Их появление на Дону связывалось нами с событиями боспорского династического конфликта и объективно фиксировало политическую активность скифов на восточных границах Великой Скифии.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется достаточно аргументов в пользу выделения нижнедонского региона как ареала одного из вариантов культуры скифского времени на Юге России.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1952. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях

Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Книпович Т.Н., 1935. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII–V вв. до н.э. // Изв. ГАИМК. Вып. 104.

Кияшко В.Я., Коренько В.А., 1976. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. № 1.

Лукьяшко С.И., 1988. Этнические процессы на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI–IV вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. конф. Азов.

А.В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет

***Venadisarmatae* античных памятников: традиция этнического сближения венедов и сарматов в свете данных современной археологии и этнографии**

Особый характер венедо-сарматских отношений в первые века н.э. зафиксирован в позднеантичном источнике – так называемых Певтингеровых таблицах – римской дорожной карте, составление которой датируется в основном III–IV вв. Имя венедов на карте встречается дважды: в VII.1 в виде *Venadisarmatae* (= *Venedi Sarmatae*) и в VII.4 в виде *Venedi*.

Заслуживает внимания первый случай. Имя *Venadisarmatae* помещено на самом побережье Северного океана и находится над Дунаем, к северо-западу от Бастарнских Альп (*Alpes Bastarnice*), т. е. Карпат. Следовательно, венеды-сарматы расположены на карте северо-западнее Карпат, территория которых связывается с местом обитания бастарнов.

Какие реальные исторические события могли привести к возникновению традиции этнического сближения венедов и сарматов? Ответить на этот вопрос непросто. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении научные данные позволяют наметить пути возможного поиска и получить некоторые предварительные результаты.

Обращаясь к сведениям Тацита, В.Д. Королюк указывает на два обстоятельства, характеризующие образ жизни венедов, которые 1) жили не только в лесах или лесостепях, но и в горах; 2) передвигались с большой быстротой. «Венеты, безусловно, не были кочевниками. Но можно предполагать, что

двойное название венетов-сарматов было связано с тем, что часть венетов занималась пастушеством и тем самым в какой-то мере по образу жизни приближалась к сарматам» (Королюк, 1985а. С. 156, 157).

По данным исторической этнографии, в Карпатском регионе отмечаются следы существования славянского населения, для которого основным видом занятий являлось пастушеское скотоводство. Наиболее ранние сведения такого рода относятся к XII в. В последующие столетия количество известий о славянском пастушестве на горных полонинах Карпат увеличивается, что позволяет говорить о возрастающей роли этого вида хозяйственной деятельности (Тиводар, 1972. С. 20).

Пастушеское скотоводство как основная отрасль хозяйства – явление совершенно нетипичное для хозяйства славян, земледельческого в своей основе. Тезис Л. Нидерле, доказывавшего, что скотоводство, хотя и имело место в хозяйстве древних славян, никогда не являлось их основным занятием, поскольку славяне были, прежде всего, земледельцами, в настоящее время стал общепринятым и нашел подтверждения в многочисленных археологических материалах ранних славянских культур Восточной и Центральной Европы.

Пастушеский тип скотоводства также не вполне соответствовал образу жизни основной массы древ-

них славян, а также восточных славян в VII–IX вв. Оседлый образ жизни обуславливал иной тип животноводства – стойлово-выгонный. Это означает, что ночью животные находились в хлеву или кошаре в селении или в непосредственной близости от него, а днем в теплое время года их выгоняли на пастбища (Бунятян, 1989. С. 32.).

И только в некоторых районах славянского ареала сложились особые локальные типы животноводческого хозяйства. Сказанное прежде всего касается Украинского Прикарпатья и Карпатского региона в целом, а также некоторых пристепных и степных районов, отличавшихся особыми природно-географическими и ландшафтными условиями. Здесь в весенне-летние месяцы часть животных находилась на пастбищах, значительно удаленных от постоянных поселений, и, таким образом, преобладала выгонная форма содержания скота (Магомедов, Пачкова, 2000. С. 115).

Для приселищного типа скотоводства характерно разведение тех пород скота, которые по своим физическим данным не способны к длительным переходам, – прежде всего свиней и крупного рогатого скота. Содержание таких видов животных, в особенности свиней, не требует участия пастухов и постоянного присмотра. Свиньи, судя по этнографическим данным, могут питаться остатками пищи человека непосредственно на поселении или свободно пастись в близлежащих лесах и на полях после сбора урожая (Пачкова, 1974. С. 51).

Именно приселищный тип животноводства практиковало население зарубинецкой и черняховской культур. Его развитию способствовало наличие богатой кормовой базы в условиях более влажного и теплого климата. Изучение остеологического материала показало, что стадо зарубинецкого населения состояло, прежде всего, из свиней, второе место принадлежало крупному и мелкому рогатому скоту, коневодство было развито сравнительно слабо (Максимов, Русанова, 1993. С. 32).

В период существования черняховской культуры крупный рогатый скот по своему удельному весу выходит на первое место. Сокращению поголовья свиней способствовало освоение степных пространств, более пригодных для разведения мелкого рогатого скота и лошадей. Однако вековые традиции свиноводства продолжались даже в самых южных районах черняховского ареала (Гей, Сымонович, 1993 С. 155). Для региона Верхнего Днестра и Западного Буга в хозяйстве славян периода черняховской культуры разведение крупного рогатого скота и свиноводство имели примерно равное значение (Баран, 1998. С. 223).

Изменению традиционного типа животноводческого хозяйства способствовали, очевидно, не только особые природно-географические и ландшафтные условия. В районах Прикарпатья, где пастушеское скотоводство сохраняло значение ведущей отрасли хозяйства славян на протяжении многих веков, главную роль в его развитии играл фактор внешнего культурного влияния. Исследования историков и этнографов показывают, что в XV–XVII вв. славянское пастушество в Карпатах развивалось под непосредственным влиянием волошского пастушеского населения, распространявшимся в связи с волошской колонизацией данного региона (Бромлей, Грацианская, 1973. С. 65, 66). Об этом же свидетельствует обширный лингвистический материал (Клепикова, 1974).

Совершенно очевидно, что значительное культурное влияние со стороны различных кочевых этносов, ведущих пастушеское хозяйство, славянское население Восточной Европы испытывало и в более ранний период. Особенно это касается контактных зон на границе расселения и в районах совместного проживания славянских племен и степных кочевых этносов. Отсутствие письменных источников до определенной степени компенсируется данными археологии, позволяющими установить изменение состава домашнего стада древних славян в южных районах Лесостепи, где на второе место после коров выходит мелкий рогатый скот и заметно увеличивается количество лошадей. По мнению исследователей, подобные факты, безусловно, свидетельствуют о влиянии кочевого хозяйства, для которого характерно преобладание овцеводства и коневодства (Баран, 1998. С. 224).

Этот вывод подтверждается сопоставлением остеологических материалов, показывающим, что, в отличие от пород крупного рогатого скота и свиней, которые у славян лесостепной полосы отличались от пород скота скифских племен, лошади черняховского и скифского населения по размерам и строению скелетов обнаруживают определенное сходство (Гей, Сымонович, 1993. С. 155).

Соответствующие изменения хозяйственного уклада можно наблюдать и в других районах Европы, где происходили тесные контакты земледельческого и скотоводческого населения. В связи с этим представляет интерес пример из истории пастушеского населения Паннонии, жившего там в период, предшествовавший венгерскому завоеванию, – «римских пастухов», как их называет венгерский средневековый источник. Паннония, как считали венгры, «первоначально принадлежала королю Атилe, и после его смерти князь римлян захватили

о Паннонии до Дуная, где поселили своих пастухов» (Scriptores rerum... 1937. P. 48).

ими «римскими пастухами», по-видимому, есть древнее волошское население Подунавья, которое также и древнерусской летописи, приобщается к пастушескому скотоводству, вероятно, в результате влияния гуннского и аварского завоевания. Первоначально признавая власть гуннов, оно впоследствии перешло под протекторат Византийской империи, отсюда и название – «римские пастухи», значащее в себе не столько этнический, сколько политический смысл. Вытесненное венграми, это население было вынуждено переселиться в районы Прикарпатья (Королюк, 1985б).

Очевидно, что сходные по своему характеру и условиям контакты земледельческого и кочевого населения могли происходить и в более раннее время, в частности в эпоху сарматских завоеваний, захвативших районы Прикарпатья, Среднего и Нижнего Подунавья.

Источники сохранили сведения, прямо указывающие на подчинение сарматами земледельческого населения Подунавья (Нидерле, 1956. С. 51, 52). Римская власть могла выражаться в двух наиболее традиционных формах: как в уплате дани, так и в выполнении каких-либо повинностей. В числе последних могла оказаться и пастушеский труд для той части населения, которая проживала в районах пригодных для пастушеского скотоводства.

Очень удивительно поэтому, что, согласно наиболее распространенной среди лингвистов гипотезе, одним из древнейших славянских этнонимов – хорваты, – начавший племенной союз древних славян, живший в Прикарпатье, имеет иранское происхождение. Это название может являться одной из ранних фонетических разновидностей этнонимов и этимологически связывается с понятием «ж скота» (см.: Фасмер, 1996. С. 262, 860; Этимологический словарь... 1981. С. 151).

Баран В.Д., 1998. Давні слов'яни. Київ.

Бромлей Ю.В., Грацианская Н.Н., 1973. Этнографические аспекты карпатоведения // Советское славяноведение. № 6.

Бунятян Е.П., 1989. Классификация и типология скотоводства // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ.

Гей О.А., Сымонович Э.А., 1993. Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.

Клепикова Г.П., 1974. Славянская пастушеская терминология. Ее распространение в языках карпатского ареала. М.

Королюк В.Д., 1985а. Пастушество у славян в I тыс. н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы // Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М.

Королюк В.Д., 1985б. Славяне, вlahи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима» // Там же.

Магомедов Б.В., Пачкова С.П., 2000. Економічний розвиток слов'янського суспільства у I тис. н. е. // Давня історія України. Київ. Т. 3.

Максимов Е.В., Русанова И.П., 1993. Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.

Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.

Пачкова С.П., 1974. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери (за матеріалами зарубинецької культури). Київ.

Тиводар М.П., 1972. Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины // Карпатский сборник. М.

Фасмер М., 1996. Этимологический словарь русского языка. СПб. Т. IV.

Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. М., 1981. Вып. 8.

Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Budapestini, 1937. Vol. I.

В.Е. Максименко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Особенности археологических памятников кочевого населения Нижнего Дона эпохи раннего железа и проблемы их этнической интерпретации

Исследователи, занимающиеся изучением памятников Нижнего Подонья, единодушно во мнении, что эта территория в древности являлась своеобразной контактной зоной, местом столкновения племенных объединений, различных по этнокультурным признакам и хозяйственному укладу. Материальная и духовная культура населения этого региона всегда носила смешанный характер. Тем не менее, некоторые исследователи, являясь проводниками глобального подхода, полагают, что на территории Подонья в определенные периоды раннего железного века существовала единая археологическая культура, без особых локальных различий, и население считают либо скифским (до II в. до н.э.), либо меотским (в дельте Дона), либо савроматским или, позднее, сарматским.

Если принимать во внимание совокупность характерных признаков погребального обряда (поза и ориентировка, конструкция погребальных сооружений, наличие огненного ритуала, пигментов, характер жертвоприношений), то для раннего железного века в степном Подонье можно выделить ряд регионов с локальными вариантами погребальной обрядности и особенностями материальной культуры.

Комплексы VI–V вв. до н.э. дают сравнительно большое разнообразие обрядов на всей территории Подонья, что, вероятно, связано с их трансформацией под влиянием социальных и этнических процессов. Изменения в ритуале погребений, начавшиеся еще в переходный период (Максименко, 1983. С. 62), выразились в это время в смене скорченности или положения на боку вытянутым положением на спине, в увеличении количества погребений с западной ориентировкой. Западная ориентировка и вытянутое положение костяков в нешироких или продолговатых, с закругленными углами, ямах, в сопровождении погребального инвентаря и жертвенной пищи в виде частей туш барана, становятся в это время ведущей деталью обряда в западных районах Подонья, близких к дельте. С V в. до н.э. этот обряд стабилизируется на долгое время на островах дельты (Елизаветовский могильник). По-видимому, в это время, может быть даже в конце VI в. до н.э., происходит активное заселение ее определенной группой

населения, которая вплоть до III в. до н.э. сохранила свои погребальные традиции без изменений. Что касается прилегающих районов, то, хотя в целом обряд погребения и близок обряду погребений островной дельты, здесь значительно чаще встречаются и скорченное положение костяков, и северо-восточная ориентировка, причем это явление наиболее характерно для левобережной группы донских памятников. Оно было вызвано тем, что в низовьях Дона долго сохранялись погребальные традиции населения эпохи бронзы, потомки которого продолжали жить на данной территории в скифо-савроматский период.

В восточных районах Подонья (т. е. в районах восточнее Северского Донца и Маныча) в памятниках VI–V вв. до н.э. наблюдается несколько иной ритуал. Захоронения совершались в больших квадратных ямах, иногда забитых камнем (Константиновский курган, курган у хут. Арбузова), с интенсивными следами огненного ритуала, с пигментами (мел), с западной ориентировкой погребенных, иногда в позе, характерной для группы погребений переходного периода (западная ориентировка, положение на боку, слегка подогнутые ноги). К сожалению, количество ранних комплексов из этого района пока невелико.

Для памятников V–VI и IV–III вв. до н.э. степного Подонья мы можем отметить следующие явления.

В захоронениях из районов, близких к дельте, наблюдается обряд, в целом близкий погребальному обряду населения островов дельты. Преобладают погребения в сравнительно узких, продолговатых ямах, в которых костяк лежит вытянуто на спине, головой на запад. Начиная с IV в. до н.э. на данной территории Подонья появляются захоронения в камерных могилах, под индивидуальными насыпями, с ровиками, с богатыми тризнами, что характеризует, по всей видимости, не только определенные сдвиги в социально-экономическом развитии кочевников, но и этнические влияния. К этому же времени относится появление на указанной территории коллективных захоронений с южной ориентировкой погребенных (Койсуг, к. 5, п. 26) и погребений в ямах с нишами-подбоями, в которых находят части

туш крупного и мелкого рогатого скота и лошади. Наиболее яркий пример подобного захоронения у п. Северного (к. 2, п. 3) и в Сладковском могильнике (к. 25). Среди нижнедонских захоронений конца V – III в. до н.э. выделяется группа в районе Миусского п-ова. По инвентарю, положению и западной ориентировке погребенных она не отличается от одновременных погребений района дельты, но по некоторым деталям обряда (камерные могилы с неоднократными подзахоронениями) стоит особняком.

Если появление катакомбных захоронений в районах, близких к дельте, следует объяснить усилением скифского влияния, то обряд захоронений в ямах с нишами-подбоями и южной ориентировкой погребенных – несомненное влияние восточных районов савромато-сарматского мира.

В общей массе нижнедонских памятников скифо-савроматского периода выделяются захоронения к востоку от Северского Донца. Одна из групп погребений, обнаруженных в курганах междуречья Дона и Северского Донца (Шолоховский и Кашеевский курганы, курганы Сладковского могильника), характеризуется коллективными захоронениями, в основном с южной ориентировкой погребенных, в больших квадратных ямах под индивидуальными насыпями со сложными деревянными конструкциями, с дромосами, с интенсивным огненным ритуалом, при наличии пигментов (мел, реальгар), жертвенной пищи в виде частей туш крупных животных (лошади или быка) и туш баранов, положенных в ниши-подбоя. Вторая группа – в районах, близких к излучине Дона (Карнауховский, Ясыревский курганы и др.), – имеет обряд в целом тот же, но квадратные ямы меньше размером и нет сложных деревянных конструкций. В III в. до н.э. погребения с подобным обрядом появляются западнее р. Северский Донец (Новочеркасское погребение, 1973 г.).

В целом, если погребальные памятники V–III вв. до н.э. из районов, близких к дельте (западная группа), характеризуются определенной обособленностью на общем фоне всех кочевнических захоронений этого времени в Подонье и некоторыми чертами, сближающими их с памятниками Скифии, то погребальные комплексы из восточных районов Нижнего Дона обнаруживают явное единство с памятниками савроматской археологической культуры, причем не только междуречья Дона и Волги, но и, до некоторой степени, Поволжья и Приуралья. Нельзя не отметить и сходство памятников междуречья Северского Донца и Дона со среднедонскими памятниками скифского времени.

Изменения, происходящие в погребальных традициях кочевого населения степной зоны Подонья,

можно наблюдать не только в деталях обряда, но и в характере инвентаря.

Материальная культура скифо-савроматского периода представлена на Дону большим количеством находок, она достаточно выразительна. Поэтому мы с большей долей уверенности можем судить о ее особенностях. Во-первых, вплоть до IV в. до н.э. наблюдается преемственность в традициях изготовления лепной лощеной керамики. Во-вторых, особенно на ранних этапах, явно прослеживается связь между керамикой эпохи поздней бронзы (позднесрубной) и раннего железного века (баночные сосуды, сосуды со сливом). В целом лепная керамика VI–III вв. до н.э. правобережья и левобережья (исключая дельту) сходна не только по формам и технологии изготовления, но и явно тяготеет к восточным «савроматским» аналогам.

Предметы вооружения раннесавроматского периода на Дону представлены чаще всего колчанными наборами, характерными для раннескифской эпохи Северного Причерноморья. Спектральный анализ бронзовых наконечников стрел позволяет установить их восточное, приуральское, происхождение. То же самое прослеживается и по анализам других изделий из цветных металлов. Это говорит о прочных и традиционных экономических связях населения Подонья с восточными районами, но не более. Очень мало найдено в погребениях на Дону предметов конской сбруи, мечей, кинжалов, копий. В общем, материалы VI–V вв. до н.э. не позволяют подметить локальные особенности в материальной культуре населения Нижнего Дона. Довольно заметно они начинают проявляться лишь с V в. до н.э. Именно с этого времени на общем фоне всей материальной культуры населения степной зоны резко выделяется культура населения дельты Дона и непосредственно прилегающих к ней береговых районов, особенно правобережного. Своеобразные формы лепной керамики и оружия, более «скифские», чем в остальных степных районах Дона, где они не получили широкого распространения, а также большое количество импортной греческой керамики позволяют говорить о локальном отличии материальной культуры этого донского региона от других районов Подонья.

Создается впечатление, что в дельте в начале V в. до н.э. появляется группа населения с характерными, присущими только ей, чертами материальной культуры, хотя и обладающими определенным сходством со скифской и савроматской, но явно своеобразной, сохраняющей эти черты вплоть до III в. до н.э.

В степной зоне Подонья, особенно с V по III в. до н.э., в каждом из районов прослеживается куль-

турное влияние смежных областей скифо-меото-савроматского мира.

В междуречье Северского Донца и Дона материальная культура (особенно керамика) обнаруживает явное сходство с савроматской археологической культурой Поволжья и Приуралья. Явно приуральского происхождения изделия из цветных металлов (стрелы, зеркала, колчаные крючки, бронзовые котлы). Очень много общего с культурой населения Среднего Дона, особенно в предметах вооружения, конской сбруи и украшениях, хотя некоторые изделия, например мечи с брусковидным навершием и без металлического перекрестья, являются характерной принадлежностью воинов степной зоны Подонья, причем не только правобережной (к востоку от Северского Донца), но и всего левобережья. Материальная культура населения левобережья, до р. Маныч, обнаруживает некоторое влияние Прикубанья. Более восточные районы тяготеют к Нижнему Поволжью. Однако в своей основе материальная культура кочевников Подонья степной зоны (исключая дельту и территорию, особенно правобережную, примыкающую к ней) более близка савроматской

культуре населения Поволжья и Южного Приуралья, нежели скифской на территории Украины. Доказательством тому служат сходные формы керамики, оружия, украшений, предметов туалета.

На левобережье Нижнего Дона начиная с III в. до н.э., а на правобережье – со II в. до н.э., в материальной культуре кочевников начинают происходить заметные изменения, которые выразились в появлении нового погребального обряда, новых форм и типов керамики, оружия и других предметов, характерных для сарматской культуры (Максименко, 1983. С. 43–45)

Со II в. до н.э. памятники сарматской культуры занимают всю территорию степного Подонья. Однако при ближайшем рассмотрении даже среди них можно выделить локальные особенности в отдельных районах (Максименко, 1998).

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов. Вып. 6.

Л.С. Марсадоллов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Историография и ритмичность процессов (на примере истории изучения памятников кочевников Алтая I тыс. до н.э.)

Линейная последовательность событий является основой при изучении исторических процессов. Не отрицая этого и считая это главным в любом историческом и археологическом исследовании, вероятно, следует обратить внимание и на другие явления, например периодичность и ритмичность. Наряду с последовательным перечислением событий, вероятно, это позволит выработать в будущем дополнительные обобщающие историографические критерии. Не стоит забывать и того, что археологические источники являются лишь небольшой частью сложного природно-общественного процесса. Проблемы влияния ритмических процессов на события общественной жизни неоднократно рассматривались в работах К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, А.Л. Чижевского, П.Н. Савицкого, Л.Н. Гумилева, А.В. Шнитникова, Е.В. Максимова, Н.В. Ловелиуса и многих других ученых.

Максимальное совпадение исторической реальности с теоретическим моделированием и реконструкциями является одним из основных критериев в научных исследованиях. Хотя моделирование и реконструкции в определенной мере огрубляют и схематизируют реальные исторические процессы, они позволяют глубже понять закономерности и связи между явлениями, иногда только кажущимися стихийными и разрозненными.

В природе и обществе наблюдается много циклов-периодов-ритмов, разных по мощности, продолжительности и их влиянию друг на друга. По уровню своего воздействия ритмы подразделяются учеными на космические (в масштабах Вселенной), геологические (на планете Земля), климатические, биологические, социальные, экономические, технологические, экологические, демографические, исторические, ноосферные и др. Цикличность,

вероятно, является одним из подразделов теории противоположностей=полярности: сил действия и противодействия, дуализма, янь-инь, материи-духа, добра-зла, света-тьмы и т. п. Понять циклы можно, только разложив их на отдельные составляющие и проследив несколько более мелких повторяющихся циклов. Относительно «полный» цикл складывается из двух основных частей – максимума (подъема) и минимума (спада). Каждый большой период-цикл складывается из ряда более мелких подпериодов/подциклов. Недостаточно пока изучены исторические, политико-экономические, социологические, духовные, культурологические и другие ритмы.

Следует различать такие понятия как «цикл», «период» и «ритм».

Цикл – это идеализированное понятие, отражающее многократное повторение процессов без изменений, возвращение к исходному моменту. В принципе, такого многократного возврата системы в природе и обществе нет или система может функционировать только относительно короткое время. Снашиваются детали даже в циклическом машинном двигателе внутреннего сгорания или в часах.

Природные нормы – это периодичность и ритмичность. Периодичность подразумевает равновеликий характер временных интервалов. Это время оборота Земли вокруг своей оси (одни сутки, смена дня и ночи); период обращения Земли вокруг Солнца (один год, смена времен года) и т. п. С уверенностью можно сказать, что на Земле не найдется ни одного примера даже одинакового периодического повторения событий с интервалом в минуту и менее, час, сутки, год, век, тысячелетие (температура, влажность, смена времен года и т. д.). Взаимосвязи этих явлений хорошо выразил древнегреческий философ Гераклит Эфесский в конце VI – начале V в. до н.э., отметивший: «В одну реку нельзя войти дважды», или «все течет» и изменяется.

Еще сложнее ритмические процессы. Хотя «глубинные корни» ритмичности не совсем ясны, но ее разнообразные проявления несомненны и сейчас выявлены учеными во многих областях науки о природе и обществе. Ритмика и периодичность не самостоятельные, а взаимосвязанные и взаимообусловленные явления, и тем сложнее поиск их внешних и внутренних закономерностей. Например, периодичен ежегодный прирост ранней и поздней древесины на дереве, но от ритмичности природных процессов зависит величина этого прироста, которая может быть большей или меньшей. Е.В. Максимов отмечал, что ритмичность не бывает хронологически строга и потому интервалы повторения многофакторных явлений могут быть и не одинаковы. Си-

стема не приводится в исходное положение потому, что в природе существует многократное наложение ритмов разной продолжительности и силы из-за взаимовлияния различных объектов и явлений. Ритмичность проявляется через активизацию солнечного излучения; колебания магнитного, гравитационного, радиоактивного полей Земли; через явления биосферы, атмосферы, литосферы, гидросферы и многое другое.

История исследования археологических памятников древних кочевников Алтая I тыс. до н.э. является частью общего процесса познания древней истории на территории России и Евразии. 300-летняя история научного открытия памятников Алтая, а также итоги их изучения нашли отражение в работах В.В. Радлова, М.П. Грязнова, С.В. Киселева, С.И. Руденко, А.П. Уманского, М.А. Дёмина, Л.С. Марсадолова, А.С. Суразакова, В.Д. Кубарева, Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина, П.К. Дашковского и других археологов.

В данной статье за основу взяты историко-культурные периоды Евразии, адаптированные для Алтая и Центральной Азии, основанные на повторяемости 12- и 60-летних периодов, и в то же время свидетельствующие о том, что в каждом из них есть неповторяющееся ритмическое своеобразие. На основе 60-летней периодичности, слагающейся из пяти 12-летних подпериодов, уже более двух тысяч лет используемой народами Азии, можно выделить наиболее значимые этапы в многовековой истории изучения памятников Алтая. В основе 12-летнего подпериода лежат глобальные астрономические и геофизические явления – корреляции движения таких объектов как Земля, Луна и Юпитер.

Именно историко-культурологическое осмысление процессов помогает наиболее точно и емко охарактеризовать основные археологические явления, характерные для того или иного исторического периода в Центральной Азии. Интересно отметить 60-летние совпадения: Большой Берельский и Катандинский курганы были раскопаны на Алтае в 1865 г., а в 1924–1925 гг. – открыты Пазырыкские курганы и изучены малые курганы в Катанде на Алтае, а также произведены исследования на Ноин-Улинских курганах в Монголии. Майэмирский клад на Алтае был найден в 1911 г., а в 1971 г. начаты раскопки кургана Аржан в Туве. Все эти памятники – одни из самых значимых для археологии Центральной Азии, но каждый из них своеобразен, что и послужило основой для выделения археологами культурно-хронологических этапов: аржанского – в Туве, майэмирского и пазырыкского – на Алтае, берельского – в Казахстане и ноин-улинского – в Монголии.

Критериями для выделения ритмов в историографии могут служить исторические, политико-экономические, социальные, духовные и другие признаки. Историографическую периодизацию также можно построить, взяв за основу разные критерии (табл. 1), например социальные – по сословиям, которые внесли наибольший вклад в научное изучение археологических памятников (царский, дворянский, разночинный, профессиональный периоды); по политико-экономическим периодам (землеописания, присоединения, местного просвещения, капитализма, социализма, глобализма) и т. п. Для Алтая по культурно-историческим признакам выделено семь последовательных 60-летних периодов, иногда перекрывающих друг друга, но отличающихся целями и разными подходами к памятникам, методикой их раскопок и фиксации, последующей обработкой и интерпретацией археологического материала, изменением представлений о датировании археологических объектов (табл. 1).

На основе обобщения данных о 20 элитных курганах Центральной Азии, раскопанных за один 60-летний период (1924–1983 гг.), можно выявить ряд важных тенденций:

1. Временная: если в 1924–1925 гг. раскапывались поздние объекты (I в. до н.э. – I в. н.э., Ноин-Ула), затем большие курганы V–IV вв. до н.э. (Шиббе, Пазырык), то в 1950-е гг. – предшествующие им объекты VI в. до н.э. (Башадар, Туэкта), а в 1960–1970-е – наиболее ранние археологические памятники VIII–VII вв. до н.э. (Чиликта, Улуг-Хорум, Аржан).

2. Пространственно-временная: исследование больших курганов было начато в Монголии в 1924–1925 гг., продолжено в более северных районах Алтая (1920–1950-е гг.), затем велось на ЮЗ в Казахстане (1960 г.) и завершилось на СВ в центре Азии – в Туве (1960–1970-е гг.).

3. Метрическая: если раскопанные в Монголии в 1924–1925 гг. курганы имели размеры насыпей от

Таблица 1. Основные периоды, цели, организации и исследователи памятников древних кочевников Алтая I тыс. до н.э.

Период	Цели	Сословия	Организации, экспедиции	Создание музеев	Основные исследователи
Грабительский	Личное обогащение	Соплеменники и инородцы (в разное время)		-	
Землеописания (1684-1743 гг.) [Царский]	Интерес к древностям (подарки + покупки)	Вначале иностранцы, затем царь и губернаторы	Правительство	В столице создан 1-й музей в России - Кунсткамера - 1718 г.)	Н.Витсен, Пётр-И, Г.Ф. Миллер
Присоединения (1744-1803 гг.)	Попутные, во время научных путешествий	Иностранцы + чиновники	Правительство + Ведомства	Пополнение Кунсткамеры	П.С. Паллас, И.П. Фальк и др.
Местного просвещения (1804-1863 гг.) [Дворянский]	Интерес к древностям своего края + личное коллекционирование	Дворянство + разночинцы (местные и иностранные)	Ведомства (местные и центральные)	Создание местных музеев (Барнаул - 1823 г.). Передача коллекций в Эрмитаж - 1852 г.	П.К. Фролов, Г.И. Спасский, А. Гумбольдт, А. Меньс и др.
Красоведения (1864-1923 гг.) [Капитализма]	Повышенный интерес к местной истории + передача коллекций в музеи.	Краеведы-любители + ссыльные, разночинцы	Центральные Географическое и Археологическое Общества и их отделения	Пополнение столичных и создание местных городских музеев (Бийск, Горно-Алтайск - 1920 г.)	В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.И. Гуляев, А.В. Адрианов и др.
Профессионализма (1923-1983 гг.) [Социализма]	Научное изучение Прошлого. Пополнение базы научных и музейных источников. Создание культурно-хронологических схем и периодизаций.	Интеллигенты-профессионалы (в начале из столичных, а затем из разных городов России)	Музеи + Научные археологические институты + Университеты	Пополнение столичных, местных и институтских музеев (Новосибирск); начало создания сельских (посёлок Балыктыюль), и школьных музеев	С.И. Руденко, М.П. Грязнов, С.В. Киселёв, С.С. Черников, С.С. Сорокин, В.Д. Кубарев, В.А. Могильников, А.С. Суразаков и др.
Глобализма (с 1984-г....)	Обобщение предшествующих материалов. Новые комплексные исследования, борьба научных школ.	Профессионалы. Местные археологи. Иностранцы. Грабители.	Музеи, научные археологические институты, университеты + зарубежные организации	Создание новых местных, университетских (Барнаул), институтских и школьных музеев	Л.С. Марсаолов, Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодин, Ю.С. Худяков, З.С. Самашев и др.

18 до 35 м, а изученные в 1920–1950-е гг. на Алтае объекты – до 68 м, то исследованный в 1971–1974 гг. курган Аржан был одним из самых больших в Центральной Азии – до 110 м в диаметре.

Изученные в 1920-е гг. курганы имели самые глубокие могильные ямы (до 13 м, Ноин-Ула), алтайские объекты – от 4 до 7 м, а в курганах, раскопанных в 1960–1970-е гг., погребения в древности были совершены в неглубоких ямах – до 1 м (Чиликта) или на уровне древней дневной поверхности (Улуг-Хорум, Аржан).

Все хорошо знают о 300-летнем правлении династии Романовых в России. Как пять 12-летних подпериодов образуют более значимый 60-летний период, так и пять 60-летних периодов создают новый, бо-

лее глобальный, 300-летний период. Отметим такие 300-летние точки переломных периодов в России: 1380-е гг. – изменение мировоззрения после Куликовской битвы (отечественная перестройка, объединившая разрозненные народности в государство; устремленность на Восток); 1680-е гг. – вступление на царствование Петра I, начало петровской перестройки (имперская; устремленность вначале на Запад, а затем – на Восток); 1980-е гг. – начало перестройки М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина (глобалистская).

Намеченные в данной статье проблемы требуют дополнительной проверки на более крупных историко-географических работах, на более детальном изучении природных и общественных процессов в древности и в современности.

С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул

Хронологические и территориальные особенности погребального обряда населения Горного Алтая хуннуско-сяньбийского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.)

Известные на сегодняшний день в Горном Алтае погребальные комплексы хуннуско-сяньбийского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) отражают существование булан-кобинской археологической культуры, генетически не связанной напрямую с традициями предшествующей скифо-сакской эпохи (Тишкин, 2007; Тишкин, Матренин, 2007).

Определение хронологической и территориальной специфики погребальной практики кочевников булан-кобинской культуры является одним из важных условий для реконструкции этнокультурных и социальных процессов в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. Для решения подобной исследовательской задачи нами были обработаны доступные результаты раскопок 676 курганных захоронений на 32 некрополях (Айрыдаш I, Аккол I, Белый-Бом II, Берель, Бийке, Боочи, Бош-Туу I, Булан-Кобы IV, Бике I, Верх-Уймон, Верх-Еланда II, Дялян, Карбан I, Катанда I, Кальджин 6, 8, Кок-Паш, Курайка, Пазырык, Сальдьяр II, Сары-Бел, Семисарт I, Тыткескен VI, Усть-Бийке III, Усть-Чоба I, Улита, Улуг-Чолтух I, Урочище Балчикова 3, Усть-Балыктыюль, Усть-Эдиган, Чендек, Яломан II). Количественное распределение этих материалов по отдельным районам Горного Алтая выглядит следую-

щим образом: Северный – 305, Центральный – 284, Восточный – 54, Юго-Восточный – 18, Южный – 11, Юго-Западный – 2, Северо-Западный – 2. В хронологическом отношении они соотносятся со всеми этапами булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005. С. 160, 161): усть-эдиганским (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомским (II – первая половина IV в. н.э.), верх-уймонским (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.). Изучение этого корпуса данных предполагало сначала анализ всех реализованных элементов погребальной практики, а затем вариантов погребального обряда, выделенных на основе сочетания наиболее важных переменных признаков (Матренин, 2005а; 2005б; Матренин, Тишкин, 2007). В итоге нами были получены следующие результаты.

Выделяется довольно четко комплекс признаков погребального обряда, общий (отмечен не менее чем в 50% объектов) для всей территории Горного Алтая на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э.: компактное расположение курганов плотными рядами цепочек меридионально и с разными отклонениями; небольшие насыпи (размер до 5 м, средняя высота 0,35 м) с кольцевой крепидой вокруг одной могилы различной формы; неглубокие (до 1,5 м) ямы с отвесными стенками, ориентированные длинной

осью по линии запад – восток и со всевозможными отклонениями; одиночная ингумация головой в восточный и западный сектор, преимущественно на спине; погребальная камера в виде ящика из каменных плит, реже дерева, выполненная на основе сочетания этих материалов.

Относительная хронологическая специфика погребений булан-кобинской культуры проявляется таким образом. На усть-эдиганском этапе отмечено стабильное сосуществование нескольких типов поз умерших людей в могиле (на спине с прямыми и согнутыми ногами, правом и левом боку, промежуточные сочетания), тогда как со II в. н.э. повсеместно господствует положение вытянуто на спине. Новыми чертами, характерными для II–V вв. н.э., являются пристройка курганов, «сотовая» планировка могил (не менее трех надмогильных сооружений, имеющих смежные части конструкции), насыпи с многослойными выкладками-стенками кольцевой формы, высотой иногда более 1 м, прямоугольные крепиды и многослойные стенки, могильные ямы с заплечиками и подбоями, исключительная редкость помещения в могилу керамической посуды. На бело-бомском и верх-уймонском этапах более широкое распространение получают захоронения без внутримогильных конструкций. В количественном отношении данные показатели заметно уступают обозначенному выше комплексу признаков и обнаруживают неодинаковое соотношение по районам Горного Алтая. Как на более частный момент можно указать на изменения оформления каменных ящиков. Камеры II в. до н.э. – I в. н.э. выполнялись из грубых, обычно массивных плит. Ящики II–V вв. н.э., напротив, изготовлены из хорошо подработанных тонких плит, имеют форму вытянутого «прямоугольника», «трапеции», «ладьи», как правило, с достаточно короткими торцовыми стенками, иногда без перекрытия и нескольких стенок.

С учетом современного состояния археологических источников можно отметить следующие локальные особенности погребальной практики булан-кобинских кочевников. В Центральном Алтае чаще, чем в других частях рассматриваемого региона, фиксируется «сотовая» планировка курганов. Основанием надмогильной конструкции не менее чем 25% захоронений является кольцевая выкладка-стенка из нескольких ярусов плит. Захоронения с такими сооружениями составляют достаточно компактную группу на участке Катунь от Чуи до Б. Ильгуменя. Специфической чертой, зафиксированной на некрополе Верх-Уймон, являются довольно многочисленные могилы с подбоями. Наблюдается самая высокая встречаемость каменных ящиков на протяжении

всего хуннуско-сяньбийского времени (около 70% погребений района, или 64,9% всех ящиков булан-кобинской культуры) и редкость каменных обкладок. В центрально-алтайских комплексах представлено больше всего сопроводительных захоронений лошадей (около 25%, или 77,4% всех случаев погребения с этим животным), уложенных «сверху» или в «ногах» человека, обычно над погребальной камерой или за ее задней стенкой. Существенно реже животное укладывалось вдоль длинной стенки ямы (в основном это погребения второй половины IV – первой половины V в. н.э.). Известен пока единственный случай, когда в погребении II в. до н.э. – I в. н.э. человек ориентирован головой на запад.

Для погребального обряда населения Северного Алтая характерна немногочисленность многослойных выкладок-стенок (только кольцевой формы), при этом всегда небольшой высоты. Наблюдается относительно частая встречаемость деревянных ящиков, каменных обкладок, ориентации умерших людей головой в западном направлении с отклонением к северу. В этой части Алтая заметно реже (8,1%) встречается ингумация с лошастью. Самый высокий процент таких свидетельств приходится на усть-эдиганский этап, тогда как из 265 погребений II–V вв. н.э. кони находились только в 13 (4,9%). Количественно доминирует традиция размещения животного «сбоку» от человека, вдоль длинной (обычно северной) стенки могилы. В абсолютном большинстве погребений II – первой половины IV в. н.э. отмечено отсутствие таких черт погребального ритуала, как мясная пища (кости овцы) и снабжение покойного деревянной посудой.

В суммарной серии погребений из Восточного, Южного и Юго-Восточного Алтая выявляется большая редкость случаев пристройки курганов друг к другу, наличие надмогильных построек в виде прямоугольных выкладок-крепид или многослойных стенок, почти полное отсутствие сопроводительных захоронений лошадей. Единственное погребение человека с конем исследовано на могильнике Кальджин 6 (Молодин и др., 2004. С. 160. Рис. 259). Достаточно широкое распространение имеют каменные обкладки и деревянные колоды, пока неизвестны каменно-деревянные ящики. Погребения в каменных ящиках крайне редко совершались в курганах с прямоугольными насыпями. Встречается много могильных ям глубиной более 1,5 м. На некрополе Кок-Паш зафиксирована ориентация умерших людей головой в южный сектор с разными отклонениями, связанная с особенностями топографии данного памятника, который расположен в узком ущелье, ограниченном с западной и восточной сторон

высокими отвесными скалами. Немногочисленные археологические материалы из Северо-Западного и Юго-Западного Алтая пока не позволяют составить четкого представления о своеобразии погребальной обрядности проживавшего там булан-кобинского населения.

Сделанные наблюдения подтверждает анализ распределения типологических групп погребений, полученных на основе сочетания переменных показателей: основное направление ориентации людей по сторонам горизонта (восток, запад); наличие/отсутствие захоронения лошади; размещение животного в могиле («сверху/в «ногах», «сбоку» человека); форма надмогильного сооружения (кольцевая, прямоугольная) (Матренин, 2005а. С. 111–119; 2005б).

В целом погребальный обряд булан-кобинской культуры остается переменным на протяжении всего времени ее существования и поэтому не является надежным хронологическим индикатором. Памятники бело-бомского и верх-уймонского этапов обнаруживают преемственность с традициями, появившимися во II в. до н.э. – I в. н.э. Принципиальных новаций в погребальной практике во II–V вв. н.э. не появляется, что свидетельствует об отсутствии, в отличие от хуннского времени, массовой миграции нового населения.

Матренин С.С., 2005а. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по ма-

териалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Матренин С.С., 2005б. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул.

Матренин С.С., Тишкин А.А., 2007. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. Вып. 3.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В., 2004. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 3.)

Тишкин А.А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул.

Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. Вып. 3.

Б.А. Раев

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр

В отличие от проблем взаимодействия античного и варварского мира, динамика и механизм взаимоотношений кочевого и оседлого населения варварской периферии античного мира до настоящего времени не являлись областью специального исследования. Для античных авторов эти вопросы чаще всего лежали за границами их интересов; если какие-то события в жизни варварского окружения не были непосредственно связаны с интересами античного мира, они, как правило, не находили отражения в письменной традиции. Археологически взаимодействие оседлого и кочевого населения в пределах ойкумены выражается в находках тех или иных видов продукции жителей

поселений и городищ в подкурганых погребениях. Обычно археологи ограничиваются абстрактной констатацией существования «обмена» между оседлым и кочевым населением. Чаще всего речь может идти о находках керамической посуды, производство которой существовало если не на всех, то на большинстве поселений (Анфимов, 1985. С. 82, 83). Производства бус, иных стеклянных или металлических украшений и сосудов на поселениях до настоящего времени не выявлено. Поступление последних видов товаров к жителям степи связано или с городами Причерноморья, или с непосредственными контактами кочевников и античного мира.

Территория Прикубанья представляется наиболее удобной как для построения теоретической модели взаимоотношений кочевого и оседлого населения, так и для попыток найти их археологические реалии. В самом деле, здесь на протяжении почти восьми веков сосуществовали оседлое земледельческое население и разные кочевые племена. Первые оставили многочисленные городища по берегам крупных рек – Кубани, Лабы, Урупа, Кирпилей и др. (Каменецкий, 2000а; 2000б. С. 74, сл.), вторые – сотни курганов, как в степи, так и в непосредственной близости от земледельческих (меотских) поселений. В среднем течении р. Кубань, в среднем и нижнем течении р. Лабы городища меотов расположены настолько плотно, что расстояния между их «цитаделями» порой не превышают нескольких сот метров. Применительно к верхним террасам правобережья этих двух рек можно говорить о сплошной «полосе обитания», протяженность которой исчисляется несколькими десятками километров.

В непосредственной близости от меотских поселений расположены многочисленные курганные могильники, некоторые из них топографически связаны с грунтовыми могильниками городищ. Под курганные погребения и захоронения в грунтовых могильниках городищ сопровождаются аналогичным набором инвентаря. Это керамическая посуда местных мастеров, оружие и конская сбруя – или принесенные кочевниками, или изготовленные местными мастерами, – привозные украшения. Большой процент оружия в захоронениях грунтовых могильников городищ не позволяет делать вывод о сугубо земледельческом и мирном характере местного населения. Скорее можно говорить о возникшем здесь симбиозе пришлого кочевого и местного населения, вовлеченного в военные предприятия кочевников.

Одним из основных источников, которые можно использовать для реконструкции этого симбиоза, являются данные смежных наук, и прежде всего этнологии. В силу застойности кочевого скотоводческого хозяйства, этнографические параллели и исторические источники могут быть ретроспективно использованы для восстановления отношений кочевников и «внешнего мира» (Хазанов, 2000).

Из классических моделей взаимоотношений с земледельческими народами (Крадин, 2007а. С. 156; 2007б. С. 177) в Прикубанье кочевниками (скифами, сарматами, а затем аланами) была выбрана, вероятно, данническая. В этом убеждает и расположение оставленных номадами богатых курганов вблизи меотских городищ, и характер слоев на городищах. Последние не несут в себе следов пожаров и разрушений, которые можно было бы связать с воен-

ной активностью кочевников. Эта форма зависимости характерна для оседлого населения, которое не имеет государственного устройства (Хазанов, 2000. С. 356, сл.). Вторая модель – дистанционная эксплуатация – осуществлялась номадами по отношению к окружающему античному миру, и, скорее всего, совместно с военизированными группами меотского населения.

Свидетельствами династических браков – непременного атрибута даннических отношений, – являются, на мой взгляд, не частые, но зафиксированные в слоях нескольких кубанских городищ первых веков н.э. находки серолощенной посуды с налепными валиками в форме тамгообразных знаков. Уникальная однотипная тамга была прочерчена на каменных оселках, один из которых был найден в богатом кочевническом погребении начала II в. н.э. (Кончукохабль), другой – в слое городища Казанское I того же времени.

В истории меотов Прикубанья есть и труднообъяснимые события, которые не отражены в письменных источниках, но четко прослеживаются на археологических материалах. Речь идет о одновременном возникновении аналогичных поселений на правобережье нижнего течения Дона. Самые ранние из них – Подазовское и Крепостное – возникают в самом конце I в. до н.э. на левом берегу Дона, остальные – в середине I в. н.э. уже на правом берегу (Шелов, 1972. С. 174, сл.; Каменецкий, 1993. С. 151. Табл. 38). Исследователи подчеркивают тождественность материальной культуры кубанских и донских городищ, при том что последние были основаны выходцами из Прикубанья (Каменецкий, 1993. С. 6). Недавно И.С. Каменецкий переиздал свою незаслуженно забытую работу, в которой связывает переселившееся население с язатами, а сам процесс – со многими оговорками – с повышенной активностью Боспора (Каменецкий, 2000в. С. 229, сл.).

Мне кажется, этот феномен может быть объяснен иначе, если, исходя из упомянутых выше особенностей номадизма, обратиться к географически далеким, но чрезвычайно информативным китайским источникам. В силу характера и продолжительности контактов Китая с номадами Внутренней и Центральной Азии, в них всесторонне и глубоко отражены многие аспекты взаимоотношений земледельческих государств и окружающего кочевого мира. Общеизвестно, что в скотоводческих обществах рабство в его классическом виде не получило распространения. Тем не менее, есть свидетельства того, что военнопленные занимались теми видами производства, которые призваны были обеспечить продукцией неавтаркичное кочевое население. На

новом месте в поселениях, специально созданных для этого кочевниками, переселенцы воссоздавали характерные для них социальную организацию и производство (ср.: Крадин, 2007а. С. 135; 2007б. С. 189). Недавно была сформулирована гипотеза о переселении сарматами постзарубинецких мастеров далеко на восток, ближе к территории их обитания (Щукин, 1994. С. 236, сл.; ср.: Воронятов, Еременко, 2006. С. 91).

Возникновение двух наиболее ранних городищ на Нижнем Дону совпадает с приходом в Северо-Восточное Причерноморье первой аланской волны, которая представлена погребениями «зубовско-воздвиженского» типа (Раев, Яценко, 1993; Раев, 2008). Эти городища были заложены на левом берегу Дона около г. Азова, т. е. ближе к тем памятникам, с которыми связывает их возникновение И.С. Каменецкий. Да и «зубовско-воздвиженские» погребения кочевников привязаны не только к эпонимному району, но и к Восточному Приазовью; в Нижнем Подонье их раскопано всего два. Они никогда не бывают основными в курганах, что соответствует периоду «освоения территории» мигрантами-номадами.

Возникновение в середине I в. н.э. городищ на правом берегу Дона связано с волной тех переселенцев, которые создают серию могильников на правом берегу р. Кубань, объединенных общим названием «Золотое кладбище». Основную часть переселенцев этого времени составляли, вероятно, жители городищ среднего течения Кубани, перемещенные на Дон вместе с основным ядром кочевников. В экологическом отношении высокая терраса правого берега Дона в полной мере соответствовала покинутому в Прикубанье ландшафту, а близость Танаиса создавала дополнительные условия для взаимовыгодной торговли и обмена под патронажем номадов.

Для детальной проработки предложенной схемы у нас, к сожалению, слишком мало материалов из раскопок городищ как в Прикубанье, так и на Нижнем Дону. При скудости письменных источников,

лишь накопление археологического материала из многослойных городищ позволит безусловно доказать эту рабочую гипотезу.

- Анфимов И.Н., 1985. Меотские гончарные печи I–III вв. н.э. (Старокорсунское городище № 2) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Воронятов С.В., Еременко В.Е., 2006. Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж–Рахны–Почеп: попытка интерпретации // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Мат. тематич. науч. конф. СПб.
- Каменецкий И.С., 1993. Городища донских меотов: Вопросы датировки. М.
- Каменецкий И.С., 2000а. Городища на Кирпилях // И.С. Каменецкий. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар.
- Каменецкий И.С., 2000б. Меотская территория // Там же.
- Каменецкий И.С., 2000в. О язаматах // Там же.
- Крадин Н.Н., 2007а. Общественный строй Жужаньского каганата // Кочевники Евразии. Алматы. (Перепечатано из: История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000.)
- Крадин Н.Н., 2007б. Структура «варварской империи»: киданьская династия Ляо (907–1125) // Там же. (Перепечатано из: Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2002. Вып. 4.)
- Раев Б.А., 2008. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Мат. междунар. конф. Алматы. (В печати.)
- Раев Б.А., Яценко С.А., 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Хазанов А.М., 2000. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы.
- Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.

Т.В. Рябкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Чешуйчатые панцири раннескифского времени

Благодаря авторитету А.И. Мельюковой и Е.В. Черненко в научной литературе утвердилась точка зрения М.И. Ростовцева о заимствовании панцирного доспеха с территорий древневосточных цивилизаций, разделяемая многими авторами (Мельюкова, 1964. С. 73; Черненко, 1968. С. 142, 143; Белинский, Дударев, 2007. С. 134; Горелик, 1993. С. 106; Галанина, 1997. С. 116; Есян, 1986. С. 48; Иванчик, 2001. С. 257; и др.).

Находки чешуек в кочевническом погребении в Норшунтепе свидетельствуют о том, что кочевники пользовались чешуйчатыми панцирями уже во время походов в Переднюю Азию (Иванчик, 2001. С. 116), а в кургане 15 у с. Стеблев – что еще на рубеже VIII–VII вв. до н.э., задолго до переднеазиатских походов (Алексеев, 2003. С. 59, 60; Клочко, Скорий, 1993. С. 81). Находки панцирей в п. 4 могильника Индустрия 1, погребении у Кабан-Горы, кургане Уашхиту 1, кургане 2 у с. Хаджох, погребениях коня на могильнике Индустрия 1 и воина у подножия г. Бештау документируют распространение их еще в доскифское время (Эрлих, 2007. С. 115; Белинский, Дударев, 2007. С. 126; Дударев, Фоменко, 2007. С. 10). Эти находки интерпретируются как доказательство использования кобанцами панциря ассирийского типа вне связи с передвижением скифов в Предкавказье (Афанасьев, Козенкова, 1981. С. 176; Козенкова, 1995. С. 96); как свидетельство военных контактов доскифской поры с Закавказьем и Передней Азией протомеотского населения (Эрлих, 2007. С. 115); как результат «участия номадов и их северокавказских партнеров в походах в Западную Азию» в позднейшее предскифское время (Дударев, 1998. С. 82).

На гипотезе о передневосточном генезисе чешуйчатых панцирей основано утверждение о военных походах кобанцев, «протомеотов», «новочеркасцев» в Переднюю Азию, до сих пор не подтвержденное археологически (об аргументах *pro* и *contra* присутствия носителей культур доскифского типа в Передней Азии см.: Алексеев, 2003. С. 140–147). Эта гипотеза явилась следствием недостаточной проработанности вопроса о том, какие именно виды доспеха были распространены на Кавказе, в Урарту, Ассирии и Закавказье. Изучение способов бронирования позволит определить, правомерно ли связывать появление чешуйчатого доспеха у кочевников с этими регионами Древнего Востока.

Чешуйчатое бронирование предполагает нашивание пластинок на мягкую основу за отверстия в их верхней части (Горелик, 1993. С. 102). К пластинчатым относятся панцири с мягкой основой, в которых пластины пришиты за отверстия по периметру или петлю на изнанке (Там же. С. 95). Пластины ламеллярного доспеха имеют много отверстий, расположенных по всей поверхности, они соединялись непосредственно между собой, без основы, при помощи сложной системы креплений.

Панцири Северного Кавказа и Закавказья. На Кавказе были распространены пластинчатые доспехи (Горелик, 1993. С. 99). На раннем этапе кобанской культуры доспехи укреплялись крупными бляхами с петлями (Козенкова, 1995. С. 96, 97). Находки чешуйчатых панцирей сопровождалась предметами кочевнического облика: в погребении у Кабан-Горы найдена узда и наконечники стрел новочеркасского типа (Афанасьев, Козенкова, 1981. С. 175); в кургане 1 могильника Уашхиту – двуколычатые удила, трехмуфтовые псалии, бляхи с солярными знаками (Эрлих, 1994. С. 30–32); инвентарь курганов у с. Хаджох характерен для новочеркасского вещевого комплекса, а погребальный обряд свидетельствует о принадлежности их кочевникам (Сазонов, 2000. С. 55). Предметы новочеркасского и раннескифского типа найдены в погребении воина у г. Бештау (Дударев, Фоменко, 2007. С. 10) и в конском захоронении могильника Индустрия 1 (Белинский, Дударев, 2007. С. 134).

В тех редких случаях, когда комплекс не имел признаков «всаднических традиций», чешуйки найдены в единичных экземплярах и, видимо, использовались в качестве украшений – Пседахский могильник, п. 1 (Козенкова, 1986. С. 139); Каменноостровский могильник, п. 8; Кисловодский могильник, п. 16; Заюковский 1 могильник, к. 1, п. 3 (Козенкова, 1995. С. 95). Единственным случаем совместной находки в погребении чешуйчатого панциря и кобанских топоров является п. 4 могильника Индустрия 1 (Виноградов, 1972. Рис. 18), однако то, что аналогии панцирю, отделанному пластинами с ромбами, происходят из к. 524 у с. Жаботин, не позволяют однозначно соотносить этот панцирь с вещевым комплексом кобанской культуры (Рябкова, 2005. С. 242) (рис. 1). На Северном Кавказе все памятники с остатками чешуйчатых панцирей зафиксированы вне ареала кобанской культуры, в контактных зонах (Козенкова, 1989. С. 16). Подобная

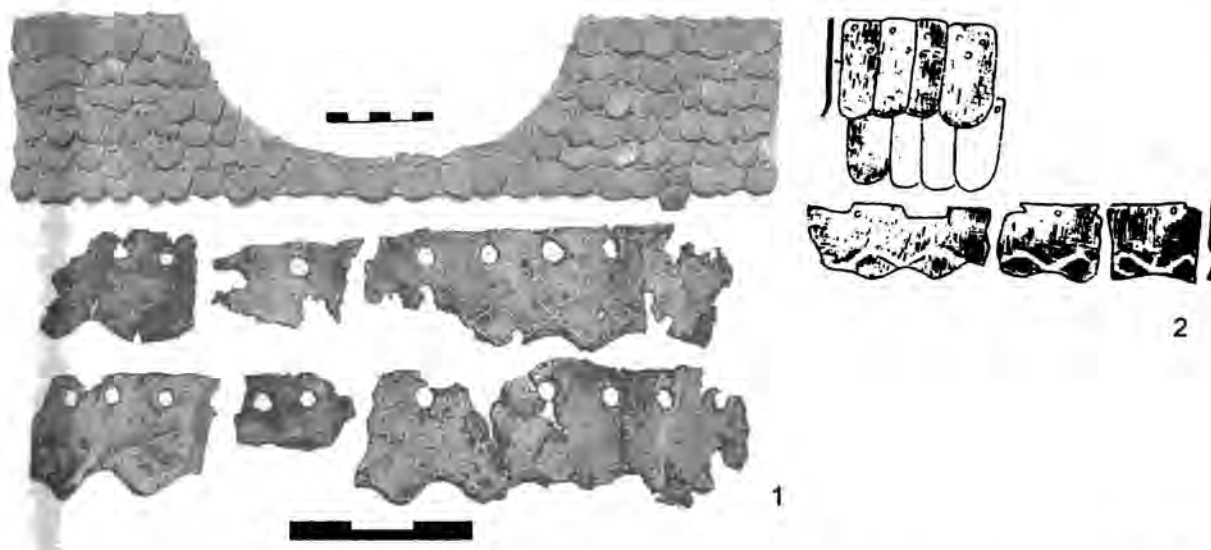

Рис. 1. Чешуйки и пластины панциря. 1 – курган 524 у с. Жаботин (ГЭ, инв. № ДН 1913 2/20, ДН 1913 2/13, 14, 16, 20); 2 – п. 4 могильника Индустрия 1 (по: Виноградов, 1972)

ситуация может объясняться тем, что панцири с чешуйчатым бронированием являются кочевнической инновацией на территории Северного Кавказа.

Пуговицы и круглые диски различного диаметра, бронировавшие кожаные и матерчатые панцири, найдены в могильниках Закавказья (Лчашен, Артик, Кармирберд, Лори-Берд, Дилижан, Головино и др.: Есаян, 1986; Пицхелаури, Менабде, 1982. Табл. VIII, XII; Пицхелаури, 1979. С. 100). Встречены и панцири с ламеллярным набором, неверно определенные как чешуйчатые. Такая интерпретация панциря из Нор-Баязета (Есаян, 1986. С. 46) позволила А.И. Иванчику утверждать, что «чешуйчатые панцири не были для Закавказья новацией в VII и даже в VIII в.в. до н. э.». (Иванчик, 2001. С. 261), однако крупные размеры пластин из Нор-Баязета и расположение отверстий на них указывают на то, что они составляли самостоятельную панцирную рубашку, а не нашивались на основу.

Ассирийские и переднеазиатские панцири. В Нимруде, в форте Салманасара, обнаружены прямоугольные панцирные пластины с ребром жесткости и многочисленными отверстиями, скипевшиеся фрагменты свидетельствуют о ламеллярном наборе. Пластинки с вертикальным ребром жесткости и многочисленными отверстиями на краях, аналогичные нимрудским, происходят из Алтын-Тепе, Богазкея, Хасанлу (Иванчик, 2001. Рис. 128, 1, 2, 5–7; Muscarella, 1988. P. 54). В Зивие найдены крупные прямоугольные пластины с ребром жесткости и четырьмя отверстиями (Ghirshman, 1979. Pl. I, 9).

Панцири Урарту. Панцирь царя Аргишти I из Тейшебаини относится к типу ламеллярных доспехов: об этом свидетельствует количество отверстий и слож-

ность их расположения на пластинах, которые не имеют ребра жесткости (Пиотровский, 1955. С. 32–35). К типу ламеллярных относится и панцирь из Аргиштихинили из железных пластин с продольным рельефным ребром и концевыми отверстиями, через которые продевались металлические нити скрепления (Мартirosян, 1974. С. 112).

Условия находки трех железных чешуйчатых панцирей из Тейшебаини не позволяют связать их с вооружением урартов, поскольку два из них (пом. 38 и 40) обнаружены в слоях обрушившихся перекрытий и, вероятно, принадлежали нападавшим. Третий панцирь, из пом. А., наряду с деталями конской узды и роговыми поделками мог относиться к предметам, принадлежавшим скифскому гарнизону крепости.

Чешуйчатые панцири распространяются в Передней Азии, по-видимому, уже после скифских походов, поскольку именно в ахеменидское время ламеллярный доспех почти совсем вытесняется чешуйчатым (Горелик, 1993. С. 124). Геродот упоминает о персидских «пестрых хитонах с рукавами из железных чешуек, наподобие рыбьей чешуи», и о таком же вооружении мидян (VII, 61), отмечая, что вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское. По всей видимости, чешуйчатые панцири вошли в состав мидийского защитного вооружения в результате заимствования у кочевников-скифов, о взаимодействии с которыми свидетельствует Геродот (I, 73, 103, 104; IV, 12).

Скифский чешуйчатый доспех. Чешуйчатые доспехи из бронзы, железа и кости обнаружены более чем в 40 погребениях предскифского и раннескифского времени (рис. 2). Скифский доспех сочетал высокие защитные свойства и простоту изготовления. Че-

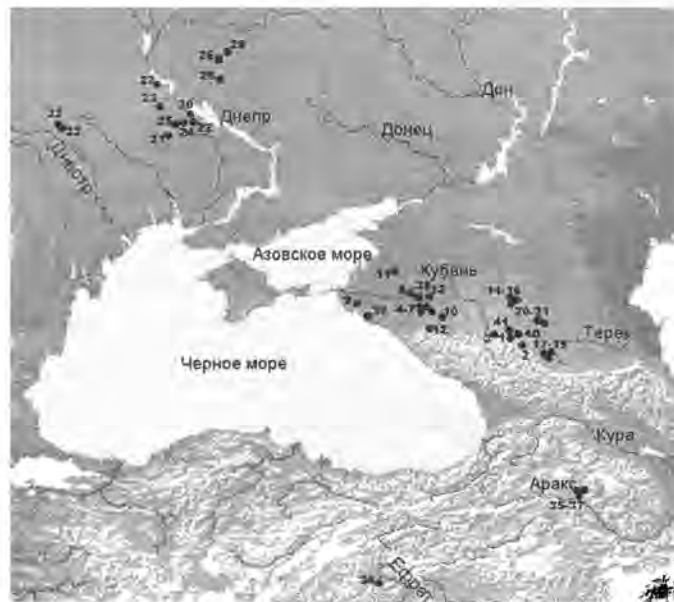

Рис. 2. Карта-схема распространения памятников с чешуйчатыми панцирями предскифского и раннескифского периодов (масштаб произвольный). 1 – Индустрия 1, п. 4; 2 – п. у Кабан-Горы; 3 – Клинь-Яр III, п. 16; 4 – Келермес, к. 19, п. 5; 5 – Келермес, к. IШ; 6 – Келермес, к. 24; 7 – Келермес, к. 29; 8 – Усть-Лабинск, к. 2; 9 – Крымская, к. 1 (Мазепинский); 10 – Костромской курган; 11 – Новокорсунская, к. 2, п. 3; 12 – Хаджох I/2; 13 – Уашхиту I; 14 – Красное Знамя, к. 1; 15 – Красное Знамя, к. 6; 16 – Красное Знамя, к. 9; 17 – Нартан, к. 20; 18 – Нартан, к. 16; 19 – Нартан, к. 15; 20 – Новозаведенное II, к. 13; 21 – Новозаведенное II, к. 17; 22 – Жаботин, к. 524; 23 – Стеблев, к. 15; 24 – Райгород, к. 1; 25 – Райгород, к. 2; 26 – курган у хут. Шумейко; 27 – Щучинка, к. 2; 28 – Старшая Могила; 29 – курган у с. Луки; 30 – Гуляй-Город, к. 38; 31 – Журовка, к. 432; 32 – Долиняны, к. 2; 33 – Долиняны, к. 3; 34 – Норшун-Тепе, п. 2; 35 – Кармир-Блур, помещение А; 36 – Кармир-Блур, помещение 38; 37 – Кармир-Блур, помещение 40; 38 – Ульский могильник, к. 1 1908 г.; 39 – разрушенный курганный могильник в Цемдолине на окраине Новороссийска; 40 – Индустрия 1, разрушенное погребение коня; 41 – погребение у восточного подножия г. Бештау

шуйки перекрывали нижние на половину их высоты, образуя в каждом месте панциря слой покрытия из трех-четырех пластин. Все они имеют стандартную форму: прямой верхний край с двумя-тремя отверстиями и закругленный, слегка вогнутый нижний. Техника изготовления небольших по размеру чешуек из металла (длина от 1,5 до 3 см, ширина от 1,1 до 2,2 см) была стандартной: прокованный лист разрубался на полосы, ширина которых равна ширине чешуек, полоса рубилась на прямоугольники, после чего при помощи рубящего и абразивного инструментов закруглялся один из краев. Отверстия для крепления к основе пробивались, возможно, даже без предварительной разметки. Вогнутость нижнего края, придающего чешуйке дополнительную прочность, обеспечивалась проковкой края пластины молотком на небольшой наковальне (Черненко, 1968. С. 25, 31; Минасян, 1988. С. 49).

Применение простых и экономичных способов обработки бронзы, железа и кости в процессе изготовления чешуйчатых панцирей делает вероятным предположение о существовании развитой традиции изготовления. Среда, в которой бытовала эта традиция, безусловно, должна определяться как кочевниче-

ская. Наличие чешуйчатых панцирей в памятниках, даты которых предшествуют времени переднеазиатских походов (к. 524. у с. Жаботин; к. 9 могильника Красное Знамя; к. 2 у с. Хаджох; к. 1 могильника Уашхиту; к. 15 могильника Стеблев* и др.), и полное отсутствие подобных панцирей в переднеазиатских и закавказских материалах этого времени позволяют предположить, что чешуйчатый панцирь бытовал в кочевой среде в допоходное время вне всякой зависимости от переднеазиатских и кавказских влияний, и уже после скифских походов в Переднюю Азию чешуйчатые панцири получили там широкое распространение из-за своих высоких защитных качеств и простоты в изготовлении.

* О синхронизации комплекса кургана 15 у Стеблева с Уашхиту I и Хаджохскими курганами см.: Алексеев, 2003. С. 59, 60.

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография европейской Скифии. СПб.

Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И., 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. № 2.

Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2007. К датировке комплек-

- сов позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Восточной Европы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. Вып. VII: Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение.
- Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
- Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.
- Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.
- Дударев С.Л., 1998. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. № 4.
- Дударев С.Л., Фоменко В.А., 2007. Новые данные о связях населения Каминвод с внешним миром в VIII–VII вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Мат. XII междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону.
- Есаян С.А., 1986. Доспех древней Армении. Ереван.
- Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. М.
- Клочко В.И., Скорый С.А., 1993. Курганы біля Стеблева у Поросі // Археологія. № 2.
- Козенкова В.И., 1986. Пседахский могильник кобанской культуры // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-6.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. М.
- Мартirosян А.А., 1974. Аргиштихинили. Ереван.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д-14.
- Минасян Р.С., 1988. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля // АСГЭ. № 29.
- Пиотровский Б.Б., 1955. Кармир-Блур III. Ереван.
- Пицхелаури К.Н., 1979. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси.
- Пицхелаури К.Н., Менабде Ц.Н., 1982. Археологические памятники с. Гадрекли. Тбилиси.
- Рябкова Т.В., 2005. Курганы 524 у с. Жаботин // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. Краснодар.
- Сазонов А.А., 2000. Хаджожские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник Майкоп. Вып. 3.
- Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.
- Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.
- Barnett R.D. Assyrian sculpture in the British Museum. Toronto, 1975.
- Ghirshman R., 1979. Tombe princière de Ziwiyé et le Début de l'Art animalier Scythe. Paris.
- Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. New York.

В.А. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН

Уюкско-саглынская культура

Впервые термин «уюкско-саглынская» культура был предложен мной в 1992 г. (Семенов, 1992. С. 63–65) и прижился в среде петербургских археологов. Он объединяет два типа памятников, которые сосуществовали в Туве, но были оставлены, по-видимому, разными этносами, что в свое время было отмечено Л.Р. Кызласовым (1979. С. 32). Л.Р. Кызласов, как и А.М. Мандельштам, все типы памятников скифского времени объединял в одну уюкскую культуру. Однако различия между ними достаточно велики, для того чтобы говорить не об одной, а о нескольких археологических культурах, не всегда сменявших друг друга, как последовательные этапы развития, а зачастую долгое время сосуществовавших друг с другом. Следует оговорить, что памятники аржанского этапа, к которому относятся курганы монгун-тайгинского

типа и керексуры, а также алды-бельские курганы, к уюкско-саглынской культуре не относятся.

Уюкская культура, изученная по некрополям скифского времени в Уюкской котловине, определяется по ряду признаков, на основании которых можно опознать памятники этой культуры с достаточной долей уверенности.

1. Визуально определяемые признаки надмогильных сооружений и курганов – каменные выкладки незначительной высоты, окруженные кольцом (могильник Бегреда), земляные курганы (Кош-Пей 1, 2), земляные курганы, облицованные булыжником (Мапиновка), иногда такие курганы окружал ровик.

2. Внутримогильные сооружения представлены срубными площадью в среднем от 3 до 5 м², поставленными в ямы глубиной от 2,5 до 4,5 м. Срубы ори-

ентированы углами по странам света, пол в срубках в подавляющем большинстве случаев настлан в том же направлении, что и перекрытие. Сруб сложен, как правило, в три венца.

3. Захоронения коллективные (от 1 до 7 человек), костяки ориентированы в западный сектор, уложены на левом боку с согнутыми в коленях ногами. Нет каменных подголовников (подушек).

4. В погребальный инвентарь не входит керамика. Не найдено ни одной бронзовой пряжки со шпеньком.

Саглы́нские памятники в Туве и Северо-Западной Монголии (за исключением Аймырлыга) рассматриваются по материалам могильников: Саглы-Бажи, Кюзленги, Даган-Тэли, Дужерлиг-Ховузу, Улуг-Оймак, Кокэль, Озен-ала-Белиг (Западная Тува); Суглуг-Хем I и II, Хайыракан (Центральная Тува) и Улангом в Северо-Западной Монголии. Всего 88 срубов. В 16 из них отсутствует керамика: она не входила в сопроводительный инвентарь или о ней не было информации. Максимальное число срубов имеет площадь от 6 до 11 м². Глубина подавляющего большинства ям в саглы́нских могильниках – от 2 до 3 м. Большинство саглы́нских срубов сложено в четыре венца. Из всех учтенных 58 срубов ориентированы по странам света углами, 28 – сторонами. У 47 срубов пол и перекрытие настланы в противоположных направлениях, у 20 – в одном (то есть параллельно). Дно 7 срубов в Улангоме выстлано каменными плитами.

Большая часть погребенных (170) ориентирована головой на ЗСЗ. На ВСВ – 45, на ЮЮЗ, ЮВ – 15 костяков. На левом боку учтено 116 костяков, на правом – 105. Кроме того, встречаются труположения ничком и вытянуто на спине, но это единичные случаи. Таким образом, видно, что у саглы́нцев доминирует ориентация срубов углами по странам света, пол и перекрытие настилаются в противоположных направлениях, ориентация погребенных на ЗСЗ, но положение на правый и левый бок существенного значения не имеет (105 в одном положении, 116 – в противоположном).

Основной чертой погребального обряда, отличающей саглы́нцев от уюкцев, является использование каменных подушек, керамики и бронзовых со шпеньком поясных пряжек. Всего в саглы́нских срубках учтено 196 глиняных сосудов. Бронзовых пряжек со шпеньком – 62, и это при том, что подавляющее большинство срубов разграблено. Повидимому, в уюкской среде не пользовались таким способом крепления пояса.

К уюкско-саглы́нской культуре может быть отнесена часть захоронений на могильнике Аймырлыг,

который расположен на левом берегу р. Чаа-Холь, левостороннего притока Улуг-Хема. Срубы по большей части не имели надмогильных сооружений. А.М. Мандельштам отмечал наличие более чем 40 отдельных групп. В ряде случаев объекты были отмечены на поверхности степи несколькими камнями, а иногда – только пятнами растительности или прогибом, так называемой срубной западиной. В цепочки срубов (от 3–4 до 7–10) входят большие каменные ящики, равнозначные срубам, и более мелкие, образующие скопления вокруг срубов, которые в этих случаях могут рассматриваться как «центры» своеобразных микро-групп в составе отдельных цепочек. Вероятно, здесь были ранние памятники, которые можно было датировать VII–VI вв. до н.э., однако А.М. Мандельштам подчеркивал, что на левобережье Улуг-Хема памятники алды-бельского типа неизвестны (Мандельштам, Стамбульник, 1980. С. 48; Мандельштам, 1983. С. 9–14). Он выделял ранние погребения по другим признакам – форма ямы, конское снаряжение, наборы наконечников стрел. Диагностирующим здесь являлось соотношение длины черешка и размеров боевой части наконечника. Самые поздние комплексы датируются рубежом III–II вв. до н.э. на основании предметов, характерных для культуры сюнну. А.М. Мандельштам отмечал наличие большого сходства между памятниками второй половины I тыс. (V–I вв. до н.э.) и VII–VI вв. до н.э., на основании чего считал несомненной их принадлежность к одной культуре (Мандельштам, 1980. С. 52).

По архивным материалам Саяно-Тувинской экспедиции 1968–1971 и 1973–1975 гг. учтено 243 объекта – 105 срубов, 124 ящика, 12 захоронений в ямах, 2 каменных склепа. В срубках было захоронено 326 человек, из них 268 взрослых, 58 детей. В ящиках и ямах – 146 человек, из них детей 78.

Многие срубы сильно разграблены, поэтому положение устанавливается не для всех погребенных. 119 костяков сильно разрушены и их положение не установлено. 169 погребенных лежали на левом боку (82% от установленного числа) и 38 – на правом (18%). В срубках преобладала западная ориентация погребенных – 215 человек (84%), на север обращено 34 костяка (13%) и на юг – ЮЗ – 7 костяков (3%). Для 70 погребенных первоначальное положение не выяснено.

Срубы отличаются по своим конструктивным особенностям, ориентации углами по основным или промежуточным странам света, продольным или поперечным положением плах пола и перекрытия. Определенное значение имеет соотношение площади сруба и глубины ямы. Эти данные демонстрируют взаимосвязь (корреляцию) с наличием в срубках

керамики. Также как индикатор в ряде случаев выступают каменные подголовники («подушки»). В ранних уюкских срубках каменные подголовники отсутствуют, а в поздних саглыньских они есть всегда, но иногда камнем выстлали пол или только часть пола в срубке, а также отмечали определенные уровни в яме, и тогда при ограблении плиты могли попасть на дно срубка, что создает возможность ошибки.

В 100 срубках есть пол и перекрытие. Здесь фиксируются определенные соотношения между направлениями досок пола и перекрытия (продольное или поперечное), ориентацией самого срубка (углами или сторонами по странам света), наличием подголовников – каменных подушек – и керамики. Ориентация срубка и положение пола и перекрытия не имеют жесткой связи. Керамика находилась в 45 из них, вместе с каменными подголовниками, – эти срубки соответствуют общим нормам саглыньской традиции. В 37 курганах их нет. Уюкской традиции соответствуют 24 срубка, где перекрытие настлано параллельно полу, в других 13 курганах отсутствие керамики и подголовников может быть вызвано рядом других причин (например, многократным ограблением срубков). В 16 срубках есть каменные подушки, но нет керамики, здесь можно видеть также пережитки уюкского влияния или какие-то формы аккумуляции в зонах взаимодействия обеих традиций.

Всего на могильном поле Аймырлыг нами учтено 180 керамических сосудов (но по отчетам и публикациям мы можем говорить только о 165) – 144 из них происходят из срубков, 36 из ящиков. Здесь представлены все основные виды керамики, выделенные нами для могильников озен-ала-белигского этапа саглыньской культуры (Семенов, 2003. С. 64–75).

На могильнике Аймырлыг было обнаружено 124 погребения в каменных ящиках и 14 в грунтовых ямах. В основном это одиночные неглубокие погребения, которые окружают срубки. В ящиках захоронены в большинстве случаев дети (75 человек). Взрослых погребений – 58. В ямах, напротив, больше взрослых – 12 человек, и 3 детей. Достаточно много ящиков без костей погребенных, много разрушенных (22 случая). Каменные ящики и грунтовые ямы имеют прямоугольную (овальную) форму; ящики чаще всего ориентированы длинной осью по линии СЗ–ЮВ (54), затем запад – восток (33), север – юг (15), ЗСЗ–ВЮВ (12), СВ–ЮЗ (10); ямы – СЗ–ЮВ

(8), запад – восток (4), СВ–ЮЗ (2). Соответственно в них ориентированы и погребенные, т. е. преобладает СЗ – западная ориентация. Погребенные лежат в скорченном положении на левом боку (46 скелетов), реже на правом (19). Установить положение погребенных удается в редких случаях, т. к. все могильные сооружения очень неглубокие и в древности были видны на дневной поверхности, поэтому в большинстве своем погребения повреждены, а детские скелеты частично истлели. По большей части ящики и срубки были индивидуальными могилами, но встречаются и захоронения двух (обычно взрослый и ребенок) и более человек (до 6). Есть случаи двухслойных погребений. Ящиков с коллективными погребениями 22, в трех из них инвентарь представлен железными заколками, ножами, костяными наконечниками стрел, а в 6 ящиках были керамические сосуды. Всего было обнаружено 36 керамических сосудов и их обломков в 29 ящиках, и 3 сосуда – в трех грунтовых ямах. Все вещи находят аналоги в срубках позднего этапа саглыньской культуры. Это длинные железные заколки, пластинчатые железные ножи, костяные черешковые наконечники стрел, бронзовые кольца, костяные костыльки, бронзовые и костяные рамчатые поясные пряжки с неподвижным прямым носиком.

Исследование инвентаря из ящиков Аймырлыг и Суглуг-Хема свидетельствует, что в данном случае мы имеем дело не с особой улуг-хемской культурой, а с сопутствующими саглыньским срубкам захоронениями того же времени.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.

Мандельштам А.М., 1983. О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // Информационный бюллетень Международной ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 4. М.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У., 1980. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.

Семенов Вл.А., 1992. Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск. Ч. II.

Семенов Вл.А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.

И.В. Сергацков

Волгоградский государственный университет

Проблемная ситуация в хронологии среднесарматской культуры

В сарматской археологии нет ни одной точно установленной абсолютной даты. За последние несколько десятилетий довольно хорошо разработана относительная хронология сарматской культуры, включая ее локальные варианты, определены общие временные рамки сарматской культуры. Что касается абсолютной хронологии, то в сарматской археологии изначально, с момента самых первых разработок М.И. Ростовцева, П.С. Рыкова и П.Д. Рау, стояла проблема абсолютной датировки отдельных памятников и целых этапов сарматской культуры. Первая попытка разработки хронологии сарматских древностей первых веков н.э. была предпринята П.С. Рыковым на материалах Сусловского могильника (Рыков, 1925. С. 15, 16). Эта попытка оказалась неудачной. Основы современной хронологии среднесарматской культуры были заложены в работе П.Д. Рау. Она строилась на фибулах, античных импортах и на кубанских аналогиях сероглиняной гончарной керамики, оружия и зеркал. В его периодизации памятники, относимые сейчас к среднесарматской культуре, составили ступень А (Stufe A) раннеримского времени и датировались с конца I в. до н.э. до конца II в. н.э. (Рау, 1927. С. 64–104, 110).

Несмотря на небольшой по объему материал – основные и самые многочисленные памятники среднесарматской культуры будут раскопаны позже, – Б.Н. Граков в своей эпохальной работе выделил памятники ступени А периодизации П.Д. Рау в третью ступень своей схемы (сарматская, или сусловская культура) и дал им весьма подробную характеристику (Граков, 1947. С. 114). В датировке сусловских памятников он исходил из разработок своего ученика К.Ф. Смирнова. Тот же считал, что П.Д. Рау, придерживаясь взглядов М. Эберта на Нижнее Поволжье как на далекую периферию античного мира, значительно омолодил среднесарматские памятники. Основываясь на погребениях зубовско-воздвиженской группы Кубани, К.Ф. Смирнов полагал, что основные типы вещей «среднесарматской стадии» появляются в них с конца II – начала I в. до н.э. Хронологические рамки всей культуры им были определены в пределах конца II в. до н.э. – I в. н.э. (Смирнов, 1947 С. 76). Эта датировка надолго вошла в отечественную археологическую литературу и никем не подвергалась сомнению. Первые несоответствия возникли в середине 1960-х гг. после выхода труда А.К. Амброза о фибулах Восточной Европы. К.Ф. Смирнов относил появление лучковых фи-

бул в памятниках Кубани еще ко II в. до н.э. и считал, что в погребениях Нижнего Поволжья они появляются в это же время. В хронологических построениях К.Ф. Смирнова эта категория находок играла ведущую роль, соответственно, и начальная дата среднесарматской культуры им была определена концом II – началом I в. до н.э. А.К. Амброз, основываясь на весьма обширном материале Восточной Европы, датировал самый ранний вариант лучковых застежек не ранее I в. н.э. (Амброз, 1966. С. 48). Возникшее противоречие в датировках начало усиливаться в 1980–1990-х гг., по мере появления нового материала из памятников финальной стадии раннесарматской культуры и погребений собственно среднесарматской культуры. Анализ вещевого материала в позднепрохоровских погребениях, в частности среднелатенских, «воинских», лучковых и некоторых других типов фибул, сковородок типа «Айлесфорд», некоторых типов античной керамики, позволил отнести финал раннесарматской культуры к I в. до н.э., с вероятным заходом и в начало I в. н.э. С другой стороны, начало среднесарматской культуры было отодвинуто до рубежа эр (Скрипкин, 1989. С. 155, 156; 1990. С. 214–222; Симоненко, 1989. С. 119; Ильюков, Власкин, 1992. С. 230; Сергацков, 1995. С. 148–157; 2000. С. 165–168). Существует и иная точка зрения, в соответствии с которой среднесарматские древности датируются начиная с I в. до н.э. Эта дискуссия нашла отражение в материалах конференции «Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии» (2004 г., Анапа) и на первом семинаре «История и культура сарматов» 2005 г., посвященном проблемам соотношения ранне – и среднесарматской культур (Мошкова, 2004а; 2004б; Сергацков, 2004; 2006; Глебов, 2004; 2006; Симоненко, 2004; 2006; Щукин, 2004; Раев, 2006).

Весьма оживленная дискуссия о хронологии сарматских древностей во многом обусловлена состоянием наших источников и методикой их исследований. Мне понятен скепсис Б.А. Раева по поводу весьма ограниченных возможностей использования античных и западноевропейских импортов в качестве «хроноиндикаторов», позволяющих привязать кочевнические древности к европейской хронологической шкале (Раев, 2002. С. 135–137; 2006. С. 98, 99). Эти возможности действительно невелики без привлечения керамики, фибул и иных материалов из нижнедонских меотских поселений и некрополя Танаиса. В среднесарматских

памятниках Нижнего Дона и Поволжья, особенно в погребениях знати, нередко находки бронзовой и серебряной посуды времени эллинизма. Довольно интересен факт концентрации в Нижнем Поволжье позднелатенской посуды в курганах, твердо датированных фибулами, стеклянными и металлическими сосудами I в. н.э.

В среднесарматских комплексах – а их известно на сегодняшний день около 1500 – нет ни одного случая находок фибул среднелатенской схемы, которые датировали бы их II–I вв. до н.э. В сарматских комплексах в Волго-Донских степях насчитывается уже более 2 десятков среднелатенских, «воинских» фибул, фибул-брошей и лучковых застежек самого раннего варианта (по А.С. Скрипкину), дата которых лежит в пределах I в. до н.э. но эти погребения по всем признакам погребального обряда и по вещевому материалу являются позднепрохоровскими. Они маркируют финал раннесарматской культуры как массового явления. Нет в среднесарматских памятниках, которые можно было бы отнести к I в. до н.э., и традиционных для раннесарматской культуры мечей с серповидными навершиями и брусковидными перекрестьями. Что особенно показательно в этом отношении, их нет в диагональных погребениях, где присутствуют мечи и кинжалы с кольцевыми навершиями, составляющие основу комплекса клинкового оружия среднесарматской эпохи. Между тем, диагональные захоронения, вместе с иными видами погребений среднесарматской культуры с античными импортами, в частности бронзовой и серебряной посудой, датируются не ранее рубежа эр. Наиболее продуктивно для хронологических разработок использование массовой продукции – ковшей, ситул, ситечек, кованых котлов, тазов и т. д. В среднесарматских памятниках они представлены экземплярами, относящимися к периодам B1 и B2 периодизации Х. Эггерса. При условии совпадения сарматской и европейской хронологических схем проблема с датировками сарматских древностей решалась бы просто, что и делалось довольно часто в отечественной археологии в прошлом веке (Капошина, 1967; Шилов, 1975. С. 133–166; Кропоткин, 1970. С. 23–27). Однако довольно быстро стало ясно, что эти схемы не совпадают, а попытки увязать их между собой на основе находок римской импортной посуды в сарматских погребениях оказались неудачными (Sergackov, 1994). Посуда периодов B1 и B2 встречается и в позднесарматских памятниках и в качестве хроноиндикаторов среднесарматской культуры может выступать с известной долей условности. Наши датировки тех или иных комплексов по сути являются лишь определенными временными интервалами, в рамках которых они и помещаются. Посуда периода B1 (по Х. Эггерсу) опре-

деляет нижнюю хронологическую границу довольно большой серии среднесарматских погребений, являющихся ключевыми, опорными для хронологии всей среднесарматской культуры. В них сконцентрированы основные диагностирующие признаки среднесарматской эпохи: захоронения под индивидуальными насыпями, форма могил (квадратные, широкие и средние прямоугольные, подбойные), ориентировка погребенных в южный сектор и пр. Вместе с «воинскими» фибулами, лучковыми фибулами серии 1 варианта 1 (по А.К. Амброзу), застежками типа *Avcissa*, брошами со шитками в виде фигурки барана, стеклянными канфарами типа III а варианта 4, по классификации И.П. Засецкой и И.И. Марченко, античной и сероглиняной гончарной керамикой, бусами и некоторыми другими материалами бронзовая посуда массовых типов (своего рода ширпотреб) дает дату для среднесарматских погребений не ранее рубежа эр. Однако это лишь нижняя дата серии хорошо датированных комплексов, но, строго говоря, она не является начальной датой археологической культуры. Между археологической датой и реальной датой становления культурного комплекса лежит какой-то отрезок времени, в течение которого он прошел стадию зарождения, формирования, распространения и уж затем отложился в археологическом памятнике.

В носителях новаций, которые определили «лицо» среднесарматской культуры, дали импульс ее формированию, многие исследователи видят ранних аланов (Сергацков, 2006. С. 45, 46). Первое упоминание об аланах имеется в труде римского поэта и философа Сенеки около середины I в. н.э. Впрочем, возможно, они уже в 35 г. н.э. участвовали в борьбе Рима с Парфией за Армению в Закавказье (Перевалов, 2000. С. 203–210). Скудость и фрагментарность письменных источников (если вдруг не обнаружится совершенно новый нарративный памятник, но надежды на это чрезвычайно малы) вряд ли позволят нам узнать, когда аланы реально появились в Европе. В своих поисках истоков среднесарматской культуры мы все время вольно или невольно пытаемся совместить четыре события и три разных даты: дату реального появления аланов в восточноевропейских степях (она нам неизвестна); дату их первого упоминания в письменных источниках (она дискуссионна и не определена); время формирования культурного стереотипа в некогда живом кочевом обществе (конкретной даты не имеет – это хронологический интервал); начальную археологическую дату среднесарматской культуры (дискуссионна). Последняя дата по сути своей относительная, а не абсолютная. Нельзя не согласиться с Б.А. Раевым, что сделать ее более или менее точной может лишь сопоставление материалов из степных сарматских погребений с мас-

совым материалом из меотских могильников Нижнего Дона и некрополя Танаиса (Раев, 2006. С. 98, 99). К сожалению, абсолютное большинство этих материалов не только не опубликовано, но и не обработано. Пока сделано в этой области, за редкими и счастливыми исключениями (Косяненко, 2008), очень мало, хотя именно от этой работы зависит успешное решение проблемы хронологии сарматских древностей первых веков н.э.

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1-30. М.
- Глебов В.П., 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Глебов В.П., 2006. К полемике о проблемах становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Мат. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград. Вып. I.
- Граков Б.Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Капошина С.И., 1967. Итальянский импорт на Нижнем Дону // Зап. Одесского археологического общества. Одесса. Т. II (35).
- Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Азов. Вып. 9.
- Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27.
- Мошкова М.Г., 2004а. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Мошкова М.Г., 2004б. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России. (МИАР. № 6.)
- Перевалов С.М., 2000. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н. э.: три довода в пользу аланов // ВДИ. № 1.
- Раев Б.А., 2002. О характере и путях проникновения итальянских и восточно-эллинистических импортных изделий в северные регионы Евразии // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск.
- Раев Б.А., 2006. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Мат. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград. Вып. I.
- Рыков П.С., 1925. Суловский курганный могильник. Саратов.
- Сергацков И.В., 1995. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. № 1.
- Сергацков И.В., 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград.
- Сергацков И.В., 2004. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Сергацков И.В., 2006. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Мат. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград. Вып. I.
- Симоненко А.В., 1989. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор: Археологич. мат. конф. памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск.
- Симоненко А.В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Симоненко А.В., 2006. Несколько замечаний по поводу разного подхода // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Мат. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград. Вып. I.
- Скрипкин А.С., 1989. О хронологии сарматской культуры // Археология восточноевропейской степи. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Смирнов К.Ф., 1947. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Докл. и сообщ. историч. ф-та МГУ. М. Вып. 5.
- Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Щукин М.Б., 2004. Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена, римского времени и сарматской археологии (пятнадцать апрельских тезисов) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Rau P., 1927. Die Hügelgraber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.
- Sergackov I.V., 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies. Napoli.

А. Ю. Скаков

Институт археологии РАН

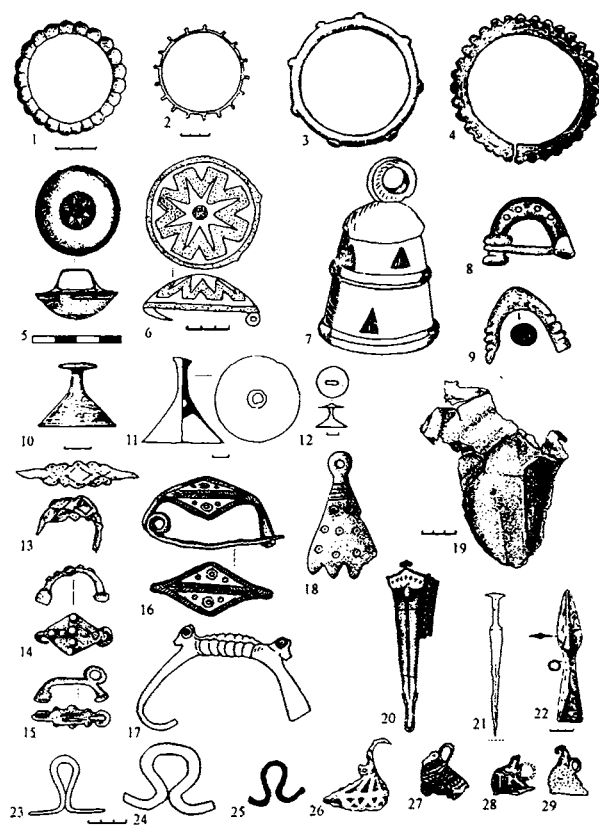
Урарту и Колхида: к вопросу о связях

В свое время, критикуя хронологические построения А.И. Иванчика и выделяя хронологические реперы для памятников Колхиды эпохи раннего железа, мы констатировали, что «несомненные следы урартского влияния практически отсутствуют на территории Абхазии» (Скаков, Эрлих, 2005. С. 219). Теперь, после более углубленного анализа материала, такое утверждение кажется нам несколько поспешным.

На территории Колхиды*, и в частности Абхазии, в настоящее время известен ряд предметов, являющихся, очевидно, импортами из Урарту и Южного Закавказья. Колокольчик из Мухурчи (Элиава, 1987. Табл. 23, № 560) (рис. 1: 7), безусловно, как

отмечалось и Д.Б. Апакидзе (1991. С. 67), является урартским импортом, хотя известные нам аналоги обычно граненые и имеют не треугольные, а прямоугольные отверстия (Muscarella, 1988. P. 427, 428). Аналогичные колокольчики известны из гробницы у поста Алишар, Восточной Анатолии и Кармир-Блура, при этом некоторые из них имеют надписи Менуа и Сардури II. Кроме того, предполагается урартское происхождение фибул с подвижной иглой и круглопроволочной дужкой из Мухурчи и Шорапани (Sulawa, 2005. Taf. 9, 3, 4) (рис. 1: 8, 9). В урартских древностях находит аналогии фрагмент доспеха из Анухвы (Доманский, 1979. Рис. 8, 2) (рис. 1: 19). Возможно, к импорту можно также отнести браслеты с рубчатой поверхностью и с восьмью наружными выступами из погребения 2 могильника Куланурхва (Трапш, 1969. Табл. III, 8, 9) (рис. 1: 3, 4), датированного рубежом VIII/VII – началом VII в. до н.э. Браслеты с сильно выраженной рубчатой поверхностью (Калакент, Игдыр, Ошакан, Головино) (рис. 1: 1) и с редко расположенными шишечными выступами (Головино) (рис. 1: 2) хорошо представлены в Южном Закавказье. При этом браслеты и гривны с рубчатой поверхностью в Центральной Колхиде (Ингури-Рионская культура) также появляются на рубеже VIII–VII вв. до н.э. и живут на протяжении VII в. до н.э. (Скаков, Эрлих, 2005. Рис. 8). Вероятно, их производство в Центральной Колхиде возникает под южно-закавказским влиянием.

В ряде случаев мы, скорее, можем говорить не об урартском импорте, а о моде, распространившейся на значительные территории, хотя сами типы изначально могли появиться именно на территории Южного Закавказья. В частности, это относится к бронзовым пекторальям (Нижняя Эшера, Анухва, Абгархук, Бештау, Султан-Гора 1, Клинь-Яр III – 2 экз., Верхняя Рутха, Фаскау – 2 экз.) (Вальчак, Скаков, 2003) и железным кинжалам с рамочной Т-образной рукоятью (п. 5 могильника Куланурхва, Эргета I, п. 6, Эргета III, п. 4) (рис. 1: 21). Если «пекторали» уверенно датируются концом VIII – началом VII в. до н.э., то железные кинжалы с рамочной рукоятью относятся уже к VII в. до н.э., ближе к его второй половине, и могут заходить в VI в. до н.э. К этому же ряду можно отнести бронзовые и железные якоревидные подвески с отогнутыми в противоположные стороны концами (Мухурча, Эргета III, п. 1, Эрге-

1 – Ошакан; 2 – Головино; 3, 4 – Куланурхва, п. 2; 5, 14, 15, 26 – Калакент; 6 – Ачадара; 7, 9, 25 – Мухурча; 8 – Шорапани; 10 – Алишар; 11 – Осиа-рху; 12 – Гагра, п. 1971 г.; 13 – Ожора; 16 – Сухумская гора, кремационное погребение 1; 17 – Синапле; 18 – Мингечаур; 19 – Анухва; 20 – с. Колхида; 21 – Куланурхва, п. 5; 22 – Горячеводский; 23, 24 – Лори-Берд; 27–29 – Джантух

та III, п. 4, Уреки, п. 3, Эшерское городище) (рис. 1: 25), также датируемые в Колхиде в рамках VII в. до н.э. Аналогичные подвески хорошо известны в синхронных памятниках Южного Закавказья (Лори-Берд) (рис. 1: 23, 24). В колхидских могильниках VII в. до н.э. (Эргета I, п. 6, Мухурча) встречаются и характерные для Южного Закавказья (Калакент, Мингечаур) ажурные подтреугольные привески с вырезами по нижней грани (Nagel, Strommenger, 1985. Taf. 42, 2, 3; 61, 5 и др.) (рис. 1: 18). Наконец, являющиеся одним из культурных маркеров Бзыбской колхидской культуры конические бляшки с гвоздеобразной головкой, датируемые второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Скаков, 2008. С. 22, 23) (рис. 1: 11, 12), имеют бесспорные урартские прототипы (Алишар, Малаклю, Ереванская гробница) (рис. 1: 10).

Влияние со стороны Южного Закавказья прослеживается и на некоторых других артефактах Колхиды. В частности, изображение звезды, украшающее характерные для Бзыбской колхидской культуры умбоновидные пряжки второй половины VIII – VII в. до н.э. (рис. 1: 6), не было характерно для кобано-колхидского искусства. Такое изображение встречается здесь лишь на нескольких бронзовых (Лайлаши, Гижгид) и костяных (могильник Индустрия) бляхах, датирующихся второй половиной VIII – рубежом VIII/VII вв. до н.э. (Скаков, 2008. С. 25). Вероятно, изображения звезды на бляхах и пряжках синхронны и восходят к характерным для Южного Закавказья (Калакент) бляхам с аналогичным изображением (Nagel, Strommenger, 1985. Taf. 13, 3–5; 62, 3) (рис. 1: 5).

Уникальными не только для Западного Закавказья, но и для всего Кавказа, являются орнаментированные бронзовые ножны акинака из погребения в с. Колхида (Трапш, 1970. Рис. 20) (рис. 1: 20). Судя по акинаку, этот комплекс может быть датирован концом VII – первой половиной VI в. до н.э. На территории Армении в эпоху поздней бронзы хорошо известны ножны клинков, украшенные, как и ножны из с. Колхида, декором из треугольников и рельефными изображениями змей. Вероятно, ножны колхидского акинака были изготовлены именно под влиянием южно-закавказских культурных традиций (Бжания, Скаков, 2004. С. 342). То же самое можно сказать и о других уникальных ножнах с синкретичным декором, обнаруженных недавно в ст. Баговской (Кубань) в комплексе второй половины VIII – начала VII в. до н.э. (Дударев и др., 2007. С. 70. Рис. 1).

Обратим внимание также на несколько редких бронзовых наконечников копий с втулкой, не являющейся продолжением пера, но имеющей свернутые

края, прикрывающие основание пера. Такие наконечники известны из погребения 46 в Ошакане (Есаян, Калантарян, 1988. С. 83, 84, 100. Табл. LXIX, 7), фондов Гудаутского музея «Абазгия» и п. Горячеводский на правом берегу р. Юца (Козенкова, 1995. С. 39. Табл. VII, 2) (рис. 1: 22). Судя по форме пера и пропорциям, последняя находка относится к закавказской традиции.

Наконец, к южно-закавказским прототипам восходят, на наш взгляд, несколько типов украшений, характерных для позднеколхидского времени. Это, во-первых, показательные для Бзыбской позднеколхидской культуры фибулы V–IV вв. до н.э. с пластинчатым ромбическим или овальным орнаментированным расширением на дужке (рис. 1: 16). Фибулы с пластинчатой орнаментированной дужкой хорошо известны в урартских и постурартских комплексах Закавказья (Кармир-Блур, Эребуни, Аргиштихинили, Макарашен, Калакент), в том числе на территории Восточной и Центральной Грузии (Двани, Ожора, Грмахевистави) (Nagel, Strommenger, 1985. Taf. 11, 22; Sulawa, 2005. Taf. 9, 8–11) (рис. 1: 13, 14). Свои прототипы в Южном Закавказье (Калакент) (Nagel, Strommenger, 1985. Taf. 12, 9) (рис. 1: 15) находят и также характерные для Бзыбской позднеколхидской культуры фибулы с округлым ажурным и окруженным грибовидными выступами расширением в средней части дужки, напоминающим розетку (рис. 1: 17). Кроме того, характерные для Западно-Кобанской культуры и для Джантухско-Лариларского варианта Ингури-Рионской культуры ажурные подвески в виде птичек VII–V вв. до н.э. (Скаков, 2006б. С. 82. Рис. 1: 17–23, 26, 28) (рис. 1: 27–29), хотя и отличаются типологически от восточно-закавказских (рис. 1: 26), все же, вероятно, восходят именно к ним.

Таким образом, кроме безусловного импорта, на территории Колхиды выделяется целая серия типов предметов, изготовленных по южно-закавказским, и в частности урартским, образцам. В распространении таких «подражаний» и реплик прослеживаются два этапа, первый из которых относится ко второй половине VIII – началу VII в. до н.э., второй – ко второй половине VII – началу VI в. до н.э. По нашему мнению, первый этап связан с «киммерийскими», второй – со «скифскими» походами, учитывая, что и те и другие имели многократный характер. Значительная часть местного населения – а в Западном Закавказье в VIII – первой половине VII в. до н.э. наблюдался демографический взрыв – была вовлечена в эти походы, следствием чего и стала активизация связей между кобано-колхидскими племенами и культурами Южного Закавказья.

* Напомним, что в настоящее время на территории Западного Закавказья нами выделяются бзыбская, ингурионская и лечхумо-имеретинская колхидские культуры, входящие в кобано-колхидскую культурно-историческую общность (Скаков, 2006а).

- Апакидзе Д.Б., 1991. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Тбилиси.
- Бжания Д.С., Скаков А.Ю., 2004. Новые находки колхидской бронзы из Абхазии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.
- Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. № 3.
- Доманский Я.В., 1979. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Тр. ГЭ. Л. Т. XX.
- Дударев С.Л., Сазонов А.А., Фоменко В.А., 2007. Новые находки «киммерийского» времени с Северного Кавказа // Ранній залізний вік Європи: До 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна: Мат. Міжнар. наук. конф. Київ; Чигирин.
- Есаян С.А., Калантарян А.А., 1988. Ошакан I: Основные результаты раскопок 1971–1983 гг. Ереван.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5.
- Скаков А.Ю., 2006а. Проблемы выделения археологиче-

ских культур эпохи поздней бронзы – раннего железа в Западном Закавказье // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. археологич. съезда (23–28 октября 2006 г.). Новосибирск. Т. I.

- Скаков А.Ю., 2006б. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа. // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Мат. тематич. науч. конф. СПб.
- Скаков А.Ю., 2008. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. № 1.
- Скаков А.Ю., Эрлих В.Р., 2005. Еще раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В.С. Ольховского. М.
- Трапш М.М., 1970. Тр. Сухуми. Т. 1: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии.
- Элиава Г., 1987. Археологические материалы Петрес Накару. Тбилиси.
- Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York.
- Nagel W., Strommenger E., 1985. Kalakent: Fruheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovobad/Jelisavetopol // BBV. 4. Berlin.
- Sulava N., 2005. Die kaukasischen Fibeln // Metalla. № 12 ½. Bochum.

А.Ю. Скаков

Институт археологии РАН

А.И. Джопуа

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования

Вплоть до настоящего времени сохраняется определенная диспропорция в степени изученности археологических памятников Западной и Восточной Абхазии эпохи поздней бронзы – раннего железа. Кроме того, усилия исследователей были главным образом сосредоточены на приморских памятниках, в то время как район предгорий и, тем более, горная часть, оставались белым пятном. Одним из немногих исключений были работы 1981, 1983 и 1985 гг. (Шамба, 1984; Шамба и др., 1985; Кобахия и др., 1987; Шамба, Шамба, 1990) на Джантухском могильнике у п. Акармара (г. Ткуарчал, Республика Абхазия).

В ходе работ 1980-х гг. было исследовано три комплекса. Наиболее ранний из них (рубеж VIII–VII вв. до н.э.) представлял собой частично сохранившуюся яму-колодец с кремацией на стороне. Над ранним захоронением находилась кремационная яма овальной формы длиной около 5 м и глубиной 2,2 м, заваленная и частично обложенная камнями. Рядом было обнаружено еще одно в значительной степени разрушенное захоронение размером 8 м² и глубиной 1,2 м, также, возможно, обложенное камнями. В этих двух одновременных (в первом из них, в отличие от второго, не было обнаружено античной импортной керамики) погребениях кремация производилась на

месте. Уточнить датировку погребений не представляется возможным, т. к. материал был опубликован без разделения на комплексы.

Опубликованные находки с горы Джантух привлекали внимание по целому ряду причин. Здесь были встречены разновременная античная импортная керамика (ионийская середины VI в. до н.э., аттическая чернолаковая, эллинистическая), целая серия предметов, связываемых с раннекифской культурой (наконечник стрелы, клювовидная пронизь, акинаки). Наконец, материалы Джантухского могильника любопытным образом сочетали «колхидские» и «кобанские» черты.

В 2005 г. мы возобновили изучение Джантухского могильника. В результате работ на его северо-западном участке исследованы две погребальные ямы V – первой половины III в. до н.э., погребальная яма конца VIII в. до н.э., два частично сохранившихся погребения в ямах-колодцах IX в. до н.э. (Скаков, 2007б; Скаков, Джопуа, 2008).

Древнейший (IX в. до н.э.) этап существования могильника (рис. 1: 1–13) представлен двумя индивидуальными погребениями в ямах-колодцах (диаметр 1,15–1,2 м, глубина 0,5–0,7 м) с кремацией на стороне. По своему инвентарю (гривны с закрученными концами, кинжалы с подтреугольным черешком, пуговицы с перекладиной, круглая бляха с петлей) погребения находят аналоги в ранних комплексах Ингури-Рионской колхидской культуры,

но уникальной для Западного Закавказья является архаичная дуговидная фибула. Проникновение данного комплекса инвентаря в Западное Закавказье мы связываем с «кобанским» культурным импульсом с территории Центрального Кавказа.

Следующий хронологический этап (конец VIII в. до н.э.) представлен погребальной ямой (размеры 7,65 x 2,85 м, глубина ок. 0,2 м), забутованной камнями и предназначенной для коллективных захоронений по обряду кремации на стороне. Таким образом, наблюдается изменение погребального обряда. В яме обнаружены (рис. 1: 14–29) сердоликовые и стеклянные бусы и пронизь, бронзовые колокольчик с железным язычком, втулка копья (?), бубенчик-погремушка, бляшка в виде скульптурного изображения лежащего кошачьего хищника, часть упряжи колесницы – фрагмент подвижной привески в виде стержня с бляшкой, полуовальная пряжка со спиральным орнаментом, полуовальная железная пряжка, двуручный сосуд, миска. Часть инвентаря (зооморфная бляшка, сосуд), как и погребальный обряд, можно отнести к Ингури-Рионской культуре. Бубенчик и орнаментированная пряжка, напротив, выглядят необычно для Колхиды и связаны своим происхождением с кобанскими древностями. Отметим также единственную для Закавказья находку фрагмента колесничной упряжи – первое на территории Абхазии зримое свидетельство киммерийских походов.

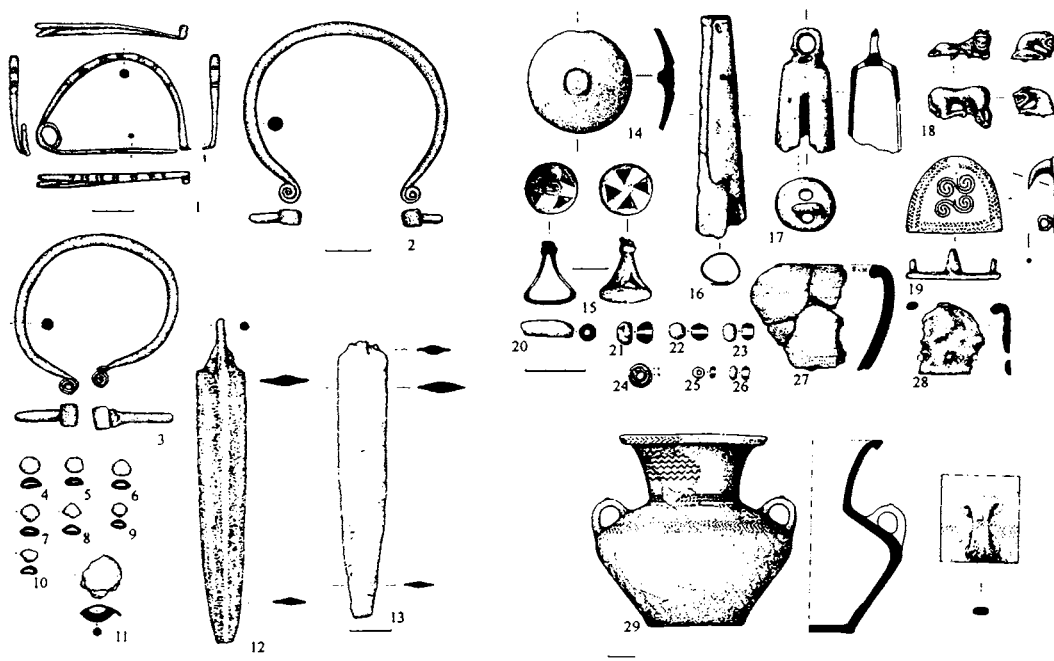

Рис. 1. Джантухский могильник, раскопки 2005–2007 гг. Инвентарь ранних погребений. 1–13 – погребения IX в. до н.э.; 14–29 – погребение второй половины VIII в. до н.э.

К следующему хронологическому периоду относятся две в значительной степени ограбленные погребальные ямы. Они синхронны и по достаточно многочисленному античному керамическому импорту могут быть датированы V – первой половиной III в. до н.э. Здесь мы видим обряд неоднократных коллективных вторичных погребений с частичной кремацией на месте. Отметим, что в это время в памятниках Колхидской низменности такой погребальный обряд уже исчезает, сменяясь скорченными на боку труположениями с восточной и северной ориентировкой. Таким образом, преемственность в погребальном обряде прослеживается только на периферии культуры. Размеры первой погребальной ямы 5,22 x 2,5–2,7 м, глубина 0,4–0,7 м, к ней примыкает искусственная площадка, также со следами захоронений. Вторая погребальная яма имеет размеры 10 x 5,85 м, глубину 0,25–1,17 м. Первая из них по краям была частично обложена камнями и имела каменный заклад, причем некоторые из камней носили следы обработки.

Специфика местной материальной культуры V–III вв. до н.э. определяется «пережиточным» обликом ряда типов инвентаря (рис. 2) и погребального обряда. Особенно характерны катушковидные и крестообразные подвески, биспиральные подвески на цепочках, пронизи с ажурным утолщением, зоо-

морфная пластика, костяные орнаментированные бусы (в других памятниках аналоги им неизвестны, хотя костяные бусы с параллельными врезными линиями известны в скифских памятниках Поднепровья), пастовые и сердоликовые бусы различных размеров. Зооморфная пластика представлена головами оленя и барана, фигурками птиц, в том числе ажурными, фигурками собак и кошачьих хищников, стилизованными изображениями с петельками. Уникальны находки бронзовых ножен кинжала с серповидным лезвием, псевдовитой ручки сосуда, подвески в виде домика, модели оселка. Ряд предметов (фрагменты удила и акинака, серьга с округлым щитком грибовидной формы) связан со скифским миром. Фрагмент удила с петлей и устражающей деталью в виде проволочной обмотки в 2 оборота находит аналогии в скифских древностях Среднего Подонья (Дуровка, курган 14; Горки I, курган 10), датируемых первой половиной – концом третьей четверти IV в. до н.э. Отметим также бронзовые щиток перстня, скобы с крючками неизвестного назначения, целые и фрагментированные браслеты различных типов, фрагменты разнообразных гривен, пуговицы и бляшки, спиральные пронизи, колокольчики и подвески в виде колокольчиков, стеклянные пирамидальные подвески (надежно датируются в пределах IV–III вв. до н.э.), пронизи, глазчатые бусины, подвески из ко-

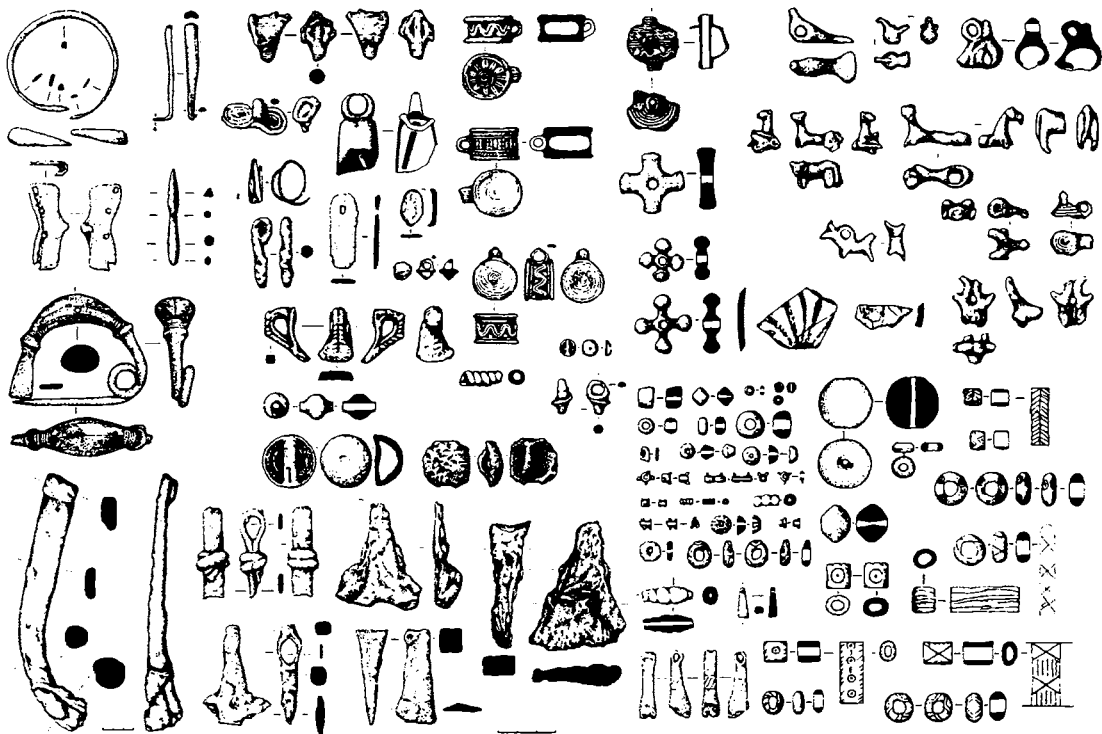

Рис. 2. Джантухский могильник, раскопки 2005–2007 гг. Инвентарь погребений V – первой половины III в. до н.э.

стей фаланг, железные ножи (в том числе с костяной рукоятью), булавки с петлевидным ушком, топоры и их модели, вток, глиняные и каменные пряслица, оселки. Местная керамика представлена как типологически ранними сосудами с широкими каннелюрами, геометрическим орнаментом и зооморфными ручками, так и тонкостенными подражаниями эллинистическим формам.

Учитывая своеобразие материальной культуры Джантухского и близкого к нему Лариларского (Сванетия) могильников, можно говорить о выделении локального варианта в рамках позднеколхидской Ингури-Рионской культуры. Аналогичный погребальный обряд и сходную материальную культуру мы встречаем также в могильнике Шубара 2 (горная часть Центральной Абхазии), близкие по своему облику находки известны и в Усахело (Лечхуми). Наличие как «кобанских», так и «колхидских» черт, а также предметов, связываемых с культурой ранних кочевников, и античного импорта, объясняется местоположением могильника на древнем торговом пути, связывавшем Колхиду и Центральный Кавказ по ущельям рек Галидзга, Ларакваква, Ингури, Накра (Скаков, 2007а) и получившем позднее название Мисимианского. Население, оставившее Джантухский могильник, обеспечивало функционирование важнейших для того времени торговых маршрутов. Вероятно, к Джантухско-Лариларскому локальному варианту относятся также могильники Шубара 2 и Усахело, в таком случае очевидно, что племена, оставившие эти памятники, контролировали практически все перевальные пути между Колхидой и Северным Кавказом.

Такая трактовка памятников типа Джантух и Ларилари позволяет предложить гипотезу, объясняющую появление на территории Абхазии во второй половине IV в. до н.э. меотских комплексов. Как предполагает М.Ф. Высокий (2004. С. 404, 405), контингенты представителей меотской культуры выполняли функции пограничной охраны, будучи нанятыми на службу Диоскурией. Было бы логично допустить, что расширение зоны контроля населения, оставившего Джантухский могильник, на всю территорию горной части Северо-Западного Закавказья и установление его господства над перевальными коммуникациями серьезно обеспокоило как Диоскурию, так и местных правителей, и, возможно, стало причиной прекращения жизни на городище греческого полиса Гизноса в начале IV в. до н.э. Именно в связи с этим происходит приглашение

на территорию современной Абхазии меотского воинского контингента, при том что меотские племена Северо-Западного Кавказа, бесспорно, сами были заинтересованы в бесперебойном функционировании перевальных коммуникаций. Опасное усиление племен Джантухско-Лариларского варианта объясняет и другой факт, уже привлекавший внимание исследователей: необычную для Западного Закавказья насыщенность оружием захоронений местного населения в районе современного Сухума (Эшера, Гуадиху, Красный Маяк, Сухумская гора). Кроме того, в этих захоронениях полностью отсутствуют какие-либо предметы, связанные своим происхождением с Джантухско-Лариларским вариантом, что также указывает на конфронтационный характер отношений между двумя группами древнего населения Абхазии.

- Высокий М.Ф., 2004. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск. Вып. XIV.
- Кобахия Б.С., Шамба Г.К., Шамба С.М., 1987. Раскопки и разведки в Сухуми, Эшера и Ткварчели // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси.
- Скаков А.Ю., 2007а. К вопросу о функционировании перевальных коммуникаций на Западном и Центральном Кавказе в древности // Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда: Тез. конф. М.
- Скаков А.Ю., 2007б. Позднеколхидские памятники у перевалов Главного Кавказского хребта // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок: Мат. междунар. науч. конф. СПб. Ч. II.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., 2008. Джантухский могильник – памятник локального варианта Ингури-Рионской колхидской культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Владикавказ.
- Шамба Г.К., 1984. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми.
- Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К., 1985. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Изв. Абхазского института языка, литературы и истории. Тбилиси. Т. XIII.
- Шамба Г.К., Шамба С.М., 1990. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси.

Н.Ю. Смирнов

Институт истории материальной культуры РАН

Предстоящие у Древа: принципы трансформации культурных рецептов в среде горно-степного населения Евразии в I тыс. до н. э.*

*«Два орла, два связанных друг с другом товарища,
Обхватили одно и то же древо.
Один из них ест сладкую винную ягоду,
Другой наблюдает, не вкушая.»*

РВ I, 164, 20

Изучение памятников первобытного искусства – семиотической системы, нацеленной на структурирование и упорядочение мира человека той эпохи, на символическое и лаконичное отражение особенностей присущего ему мировоззрения, – напрямую связано с возможностью (и способностью исследователя) адекватно реконструировать означаемое исключительно с помощью наличных означающих (знаков и символов – образов и сюжетов искусства) мифологических представлений. И если в рамках искусствоведческого или археологического исследования типологии конкретных образов достаточно установить исходный сюжет-модель (здесь и далее мы употребляем термины В.Б. Мириманова (2004. С. 187. Прим. 19) «сюжет-модель» и «сюжет-эйдос» в авторской трактовке), то для типологии культурных процессов (рецепций, трансформаций и трансмутаций) необходимым условием является еще и установление исходного сюжета-эйдоса. (Определенным, но устранимым препятствием к адекватной реконструкции сюжета-эйдоса может в ряде случаев служить его архетипичность. Но здесь приходит на помощь параллельное типологическое исследование стилистических деформаций сюжета-модели.)

В нашей статье пойдет речь о закономерностях трансформации культурных рецептов в области искусства (как отражающего идеологические представления) населения горно-степных территорий Евразии на примере конкретного сюжета, широко проявившегося в середине I тыс. до н.э. в декоре оружия (кинжалы-акинаки) и деталей конского снаряжения (подпружные пряжки, наременные украшения).

Во второй половине XX в. на территории Новосибирского Приобья был обнаружен интереснейший предмет, чье уникальное значение, с нашей точки зрения, так и не оценено большинством исследователей скифо-сибирского звериного стиля. Это подпружная пряжка из кургана 19 могильника Новый

Шарап I (Троицкая, Бородавский, 1994. Табл. XIX, 1). Среди сопроводительного инвентаря мужского погребения 2 была обнаружена пара подпружных бронзовых пряжек простой подковообразной формы. Концы одной из них украшены привлечшими наше внимание фигурами (рис. 1: 1, 2). Т.Н. Троицкая, автор раскопок, в публикации описала изображения

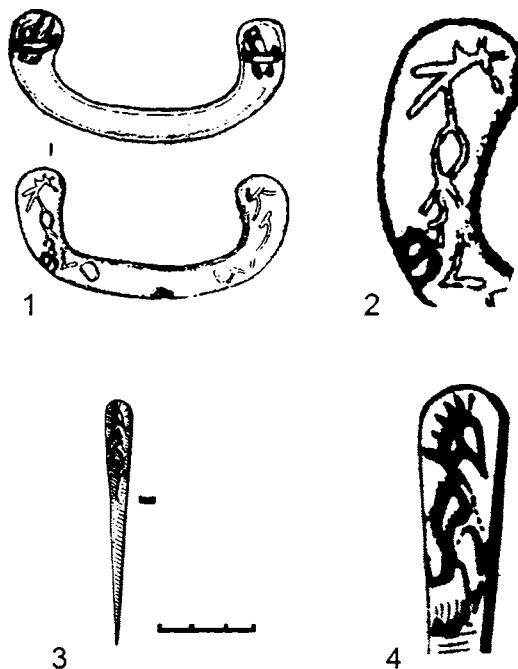

Рис. 1. Предметы с изображением орнито-антропоморфного персонажа. 1, 2 – подпружная пряжка, Новый Шарап I, к. 19, п. 2 (по Т.Н. Троицкой и А.П. Бородавскому); 3, 4 – шило, Аймырлаг, пом. Д-7 (по А.М. Мандельштаму)

на пряжке как «неясный растительный орнамент» (Там же. С. 36). И это – как будто бы единственное его описание, существующее в литературе. Недавно П.И. Шульга привлек пряжки из Нового Шарапа I в качестве аналогии при рассмотрении всего массива «подковообразных» подпружных и поясных пряжек конца VI – V в. до н.э. с территории Саяно-Алтая (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005. С. 46, 47. Рис. 61, 37). Однако и он не уделил внимания орнаменту на одной из пряжек.

Рассмотрим внимательнее представленный сюжет (рис. 1: 2). При увеличении изображения, расположенного на левой дужке пряжки, становится понятно, что перед нами изображение некоего существа. Этот персонаж сочетает в себе как орнитоморфные – клюв, гребень-«прическа», крыло, – так и антропоморфные черты – общее решение фигуры. По всей вероятности, вторая, плохо сохранившаяся фигура, расположенная на правой дужке пряжки, идентична первой (к сожалению, нам пока не удалось осмотреть пряжку *de visu*, и мы вынуждены работать только с имеющейся иллюстрацией из первой публикации памятника). Таким образом, ни о каком растительном орнаменте речи и быть не может!

Существуют ли аналогичные изображения? Существуют, но также не привлекая внимания исследователей. В 1960–1970-е гг. на территории Тувы в рамках работ СТЭАН А.М. Мандельштам исследовал могильник Аймырлыг, материалы которого были опубликованы только частично (Мандельштам, 1992. Табл. 76, 38; 77). Именно из этого могильника, из сооружения Д-7, происходит шило (?) с аналогичным, но местами более проработанным изображением (рис. 1: 3, 4). Здесь уже четко видно, что голова персонажа – птичья, несколько отличается проработка гребня-«прически», но общее решение фигуры повторяет изображения на пряжке из Нового Шарапа I (рис. 1: 2, 4). Этим, пожалуй, и исчерпывается фонд подобных изображений орнито-антропоморфных персонажей**.

Уникальны ли рассматриваемые изображения? И да, и нет. С точки зрения качественной и количественной деформации исходного сюжета-модели – данная трактовка, безусловно, уникальна (известно всего три изображения на двух вещах, возможно имевших отношение к одной мастерской или происходящих с одной территории***). С точки зрения лежащего в основе сюжета-эйдоса появление орнито-антропоморфных персонажей на концах дужек подпружной пряжки не только не является плодом художественного воображения отдельно взятого древнего мастера, но напротив, вписывается в рамки определенного канона передачи конкретного мифологического сюжета.

Какой же сюжет скрывается за нашими изображениями? Весьма архаический в рамках мировой культуры. Он связан с архетипической идеей Мирового древа и образом двух птиц (орлов) на его вершине, а также традицией «поклонения (предстояния) Мировому древу». Именно этот сюжет-эйдос лежит в основе целого ряда по сути инвариантных изобразительных схем – противопоставленные (смотрящие друг на друга) головки или фигуры хищных птиц (в том числе мифологического облика), – массово

проявляющихся в искусстве населения евразийских степей в конце VI – V в. до н.э.

Но что могло быть исходным сюжетом-моделью? Вышеописанная изобразительная схема по принципу синекдохи транслирующая сюжет «птицы на вершине Мирового древа/поклонение Мировому древу» является экзогенной инновацией в искусстве звериного стиля конца VI – V в. до н.э. В определенной мере в качестве ее субстратной основы можно рассматривать изображения хищных птиц (или только их головок), известные в искусстве кочевого населения восточной части евразийских степей еще с VII в. до н.э. Однако все они выполнены в рамках иного канона и, по всей видимости, маркируют иную идеологию. Найти ключ к решению этой проблемы позволяют персонажи, изображенные на пряжке из Нового Шарапа I. Они, также по принципу синекдохи, с определенной долей условности, но вниманием к знаковым деталям, копируют, на наш взгляд, конкретный сюжет-модель: поклонение (предстояние) орлиноголовых божеств-гениев Мировому древу, прекрасно известный нам по ассирийским дворцовым рельефам начиная как минимум с эпохи Ашшурнацирапала II (IX в. до н.э.) (Дандамаева, 2004. Рис. 16, 16). Если мы внимательно посмотрим на орлиноголовых божеств у Мирового древа (Древа жизни) на рельефах из Кальху (дворец Ашшурнацирапала II) или Дур-Шаррукина (дворец Саргона II, конец VIII в. до н.э.) и сравним их с персонажами на пряжке из Нового Шарапа I и шиле из Аймырлыга, то обнаружится, что в основных, знаковых, с точки зрения стилистической деформации и предпочтительных способов обобщения моментах они чрезвычайно близки: это профильные изображения стоящих птицеголовых существ с гривой-«прической» и крыльями (рис. 2: 5).

Отметим несколько моментов, важных при анализе принципов трансформации культурных рецепций в среде кочевого населения горно-степных территорий Евразии в середине I тыс. до н.э. При включении в знаковую систему образов и сюжетов, проявившихся в процессе экзогенных (для кочевой культуры) инноваций, изобразительные схемы и сами образы подвергаются двум типам трансформаций. При попадании в культурное пространство реципиента схемы и образы, как явления семиотической системы, в плане семантики, синтактики и прагматики (из всех трех планов мы наиболее адекватно (типологически) способны реконструировать лишь синтактический) редуцируются по законам и на основе субстратной традиции с возможной и вероятной ассимиляцией сюжета-эйдоса. Как явления искусства, те же схемы и образы подвергаются стилистической деформации, в первую очередь основанной на ретрансляции инновационного потенциа-

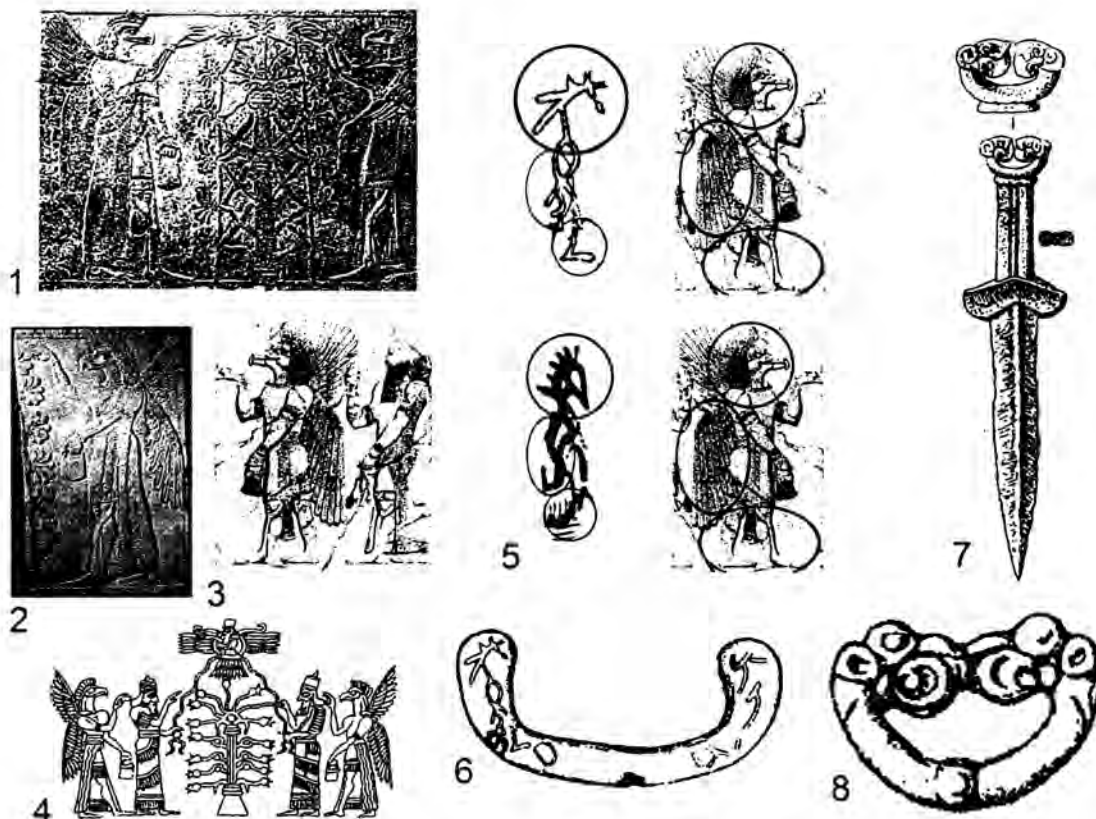

Рис. 2. Трансформация сюжета «поклонение Мировому древу/птицы на вершине Мирового древа» в искусстве кочевого населения горно-степных областей Евразии в I тыс. до н.э. 1, 2 – рельефы из дворца Ашшурнацирапала II (по М.М. Дандамаевой); 3 – рельеф из дворца Саргона II (по Р. Albenda); 4 – ритуал перед Священным деревом, прорисовка с печати (по М.М. Дандамаевой); 5 – сопоставление изображений орлиноголовых гениев из Дур-Шаррукина и орнито-антропоморфных персонажей на изделиях (по Р. Albenda, Т.Н. Троицкой и А.П. Бородовскому, А.М. Мандельштаму); 6 – подпружная пружка, Новый Шарап I, к. 19, п. 2 (по Т.Н. Троицкой и А.П. Бородовскому); 7 – кинжал, Семиречье, Алма-Ата (по К.А. Акишеву); 8 – пружка, Новый Кумак, к. 19, п. 1 (по К.Ф. Смирнову)

ла с максимально возможным в рамках современно-го развития культуры следованием сюжету-модели.

* Исследовательский проект поддержан «Фондом содействия отечественной науке».

** Мы обратили внимание на неясные, но близкие по пропорциям и общим очертаниям изображения на рукоятках двух пластинчатых ножей из собрания Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова, однако их адекватная трактовка затруднена чрезвычайной схематичностью самих фигур. Приношу благодарность ст. н.с. Минусинского музея Н.В. Леонтьеву, любезно предоставившему возможность осмотреть интересующие нас материалы de visu.

*** А.П. Бородовский и Т.Н. Троицкая, основываясь на результатах анализа изделий из цветных металлов из п. 2 к. 19 могильника Новый Шарап I, специально отмечали одновременность (и, возможно, разные мастерские? – Н.С.) изготовления деталей конского снаряжения, особо выделяя «подковообразные» подпружные пружки (Тро-

ицкая, Бородовский, 1994. С. 54). К сожалению, анализ состава металла изделий из сооружения Д-7 могильника Аймырлыг не проводился в силу недоступности коллекций на данный момент. П.И. Шульга выдвинул предположение о том, что изначально «подковообразные» пружки появились в Туве и предгорьях Алтая в первой половине VI в до н.э., а оттуда распространились вплоть до Приуралья (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005. С. 47).

Дандамаева М.М., 2004. Древняя Месопотамия. СПб.

Мандельштам А.М., 1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР)

Мириманов В.Б., 2004. Императив стиля. М.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005. Могильник скифского времени Рогозиха I на левобережье Оби. Барнаул.

Н.А. Сулягина

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Наборный пояс в культуре Шацзин (по материалам некрополей провинции Ганьсу, КНР)

Особенности географического положения памятников культуры Шацзин на территории провинции Ганьсу нашли отражение в уникальном наборе сопроводительного инвентаря. Наиболее многочисленными находками являются предметы, составляющие гарнитуру наборного пояса.

В погребениях культуры Шацзин были обнаружены как целые пояса, так и отдельные детали поясной гарнитуры (Отчет, 2000; Пу Чаоба, Пань Яосянь, 1990). На основании различий форм бляшек были выделены несколько групп. Наиболее многочисленными являются «бусиновые», «зигзагообразные», S-видные накладки; «бабочковидные», прямоугольные, «розетки» исчисляются единицами. Особенности технического исполнения бляшек указывают на то, что они являются репликами оригинальных изделий. В большинстве погребений их количество не превышает 1–5 изделий. Бляшки часто обнаруживают в области тазовых костей. Можно предположить, что они служили заменителями целого пояса. В некоторых случаях их использовали в качестве украшений одежды.

Пряжки также представлены различными типами: круглые, с квадратной рамкой. Встречаются пряжки особых форм, аналогии которым неизвестны.

Интересно отметить, что в погребениях были зафиксированы кожаные ленты или отдельные куски. Китайские исследователи полагают, что они являлись основами для поясов. В большинстве случаев здесь же находят и отдельные накладки.

Такие находки характерны для мужских, женских и детских погребений.

На основании планов погребений культуры Шацзин можно говорить о наличии наборных поясов как минимум в восьми погребениях (Сиган, п. М24, М140; Чайванган, п. М72, М4, М8, М53, М61; Хамадунь, п. М5). Вероятно, их количество было намного больше, однако отсутствие планов не позволяет достоверно определить их наличие. Данная категория находок также характерна для мужских, женских и детских погребений.

Обнаруженные пояса представлены двумя типами. Находки первого типа состоят из последовательных скрепленных бляшек, колец, пронизок. Вместо

кожаной основы фиксируются кожаные ленточки, которые скрепляли детали между собой. Во втором случае мы имеем наборы из одного-двух типов бляшек, которые крепились к кожаной основе пояса. Иногда к ним добавляли подвески в виде различных украшений.

Сцепление пояса производилось несколькими способами. В двух случаях фиксируются кольца, которые крепились кожаной ленточкой и использовались в качестве пряжки (Сиган, п. М140, Чайванган, п. М53). Одновременно в составе пояса могли встречаться и кольца, и пряжки.

Детали наборного пояса (бронзовые бляшки, пряжки) имели и иное функциональное назначение. Они являлись украшениями одежды, что видно из представленных в отчете планов погребений (Сиган, п. М365, Чайванган, п. М8). Интересно, что в некоторых случаях бляшки одного типа могли составлять наборный пояс, а другого – являться декоративным оформлением одежды (Чайванган, п. М8). Вероятно, и пряжки не всегда использовались по своему прямому назначению. Об этом могут свидетельствовать неестественное функциональное положение пряжки или их количество в погребении.

Большое разнообразие типов бляшек позволяет проследить аналогии на территории различных регионов Центральной Азии. Наиболее широкий спектр представлен в северных провинциях Китая. Самые ранние находки «бусиновых» бляшек были сделаны экспедицией Й.Г. Андерсона на территории уезда Цинин в памятниках культуры Каюэ (провинция Ганьсу) (Andersson, 1943. P. 187–189). Типологически близкие вещи найдены при исследованиях могильников Фаньцзяшэнь культуры Каюэ (восточные уезды провинции Цинхай) и Сюйцзянянь культуры Сыва (п. М94) (южные уезды провинции Ганьсу). Обе культуры существовали синхронно в пределах XI–VIII вв. до н.э. (Гао Дунлу, Хэ Чжэнь, 1996; Институт археологии китайской Академии... 2006. С. 109, 110, 158).

Аналогии были обнаружены в могильниках позднего этапа периода Чуньцю – Чжаньго, по китайской хронологии (V–IV – начало III в. до н.э.): Янлан в уезде Гуюань (Институт археологии провинции Нинся... 1993.С. 13–56), Юйцзячжуан в уез-

де Пэнбао провинции Нинся (Чжун Кань, Чэн Сяохуа и др., 1995. С. 79–105), Маоцингоу, Таохунбала (Тянь Гуаньцзин, Го Сусинь, 1988; Маоqinggou... 1992), Госяньяоцзы (Вэй Цзянь, 1989. С. 57–81) в провинции Внутренняя Монголия, Чжуанчан и Чжандоу в провинции Хэйлуцзян (Ли Чэци и др., 1989. С. 1087–1102; Ян Чжицзюнь и др., 1990) и др. В ряде погребений могильника Маоцингоу на тазовых костях зафиксированы «бабочковидные» бляшки, составляющие единый пояс (п. М3, М43, М45 и др.). Интересно отметить, что пояса встречаются не только в мужских, но и в женских, и даже в детских погребениях (Тянь Гуаньцзинь и др., 1988). А в могильнике Чжуанчан (Пинъян) набор из «зигзагообразных» бляшек расположен в области шеи погребенного и, вероятно, служил украшением горловины одежды (Ян Чжицзюнь и др., 1990).

В памятниках староалейской культуры Верхнего Приобья составные пояса были обнаружены в погребениях могильника Обские Плесы 2 (могилы 2 и 33). Аналогичные предметы были найдены и в других погребениях староалейской культуры (Ведянин, Кунгуров, 1996. С. 112, 113; Кирюшин, Кунгуров, 1996. С. 116, 133, 134). Единственная находка, близкая зубчатой бляшке из погребения М23 могильника Сиган, была обнаружена в могильнике Н. Шарап I, к. 6, п. 1 (Могильников, 1997. С. 71–74). Краткий анализ распространения и хронологии «бусиновых» бляшек провел Я.В. Фролов. Исследователь датирует такие комплексы VI–V вв. до н.э. (Фролов, 2004. С. 44, 45). В памятниках культуры плиточных могил изредка встречаются зигзагообразные бляшки (Гришин, 1981. С. 130; Цыбиктаров, 1998. С. 239; Харинский, 2004. С. 134–150). Территорию распространения и стилистические особенности «бабочковидных» бляшек рассматривал В.А. Семенов (1997. С. 19). Он же предложил рассматривать такие находки в качестве возможных хронологических индикаторов для кочевых культур от Ордоса до Верхнего Приобья V–IV вв. до н.э. (Семенов, 2000. С. 179, 182). На территории Тувы в могильнике Догээ-Баары II (курган 17) обнаружены «бабочковидные» бляшки и кожаная основа, которые, вероятно, представляли собой единый пояс (Чугунов, 1999). Близкие перечисленным изделиям находки с территории Новосибирского и Томского Приобья А.П. Уманский, А.Б. Шамшин, П.И. Шульга (2005. С. 56) предложили датировать серединой VI – первой половиной V вв. до н.э.

Проведенный анализ вещей, составляющих гарнитуру наборного пояса, позволил сделать следующие выводы. В культуре населения Ганьсуского коридора наборные пояса получили распространение

в V–IV вв. до н.э. В могильнике более позднего периода (Хамадунь) накладки пояса встречаются в небольшом количестве и, видимо, уже не играют столь важной роли. Находки поясов в мужских, женских и детских погребениях свидетельствуют о том, что такой пояс являлся знаковой вещью для определенного слоя населения.

Сочетание различных групп и типов находок в погребениях свидетельствует о широких контактах населения Ганьсуского коридора. Особенности использования бляшек показывают, что их место в культуре населения данного региона неоднозначно. Различные типы наборных поясов, состав бляшек, пряжки указывают на внешнее происхождение данной категории.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996. Грунтовый могильник Староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Горного Алтая. Барнаул.

Вэй Цзянь, 1989. Могильник Госяньяоцзи в уезде Цзинчэн (Цзинчэн Госяньяоцзи муди) // Каогу сюэбао. № 1. (На кит. яз.)

Гао Дунлу, Хэ Чженъя, 1996. Могильник Фаньцзяшэнь культуры Цяюэ в среднем течении Хуанхэ, Сясыхэ, провинция Цинхай (Цинхай Хуанчжун с сясыхэ Фаньцзяшэнь Цяюэ вэньхуа муди) // Каогу сюэ янлань. № 8. (На кит. яз.)

Институт археологии китайской Академии социальных наук. Могильник Сюйцзянянь культуры Сыва (Сюйцзянянь сыва вэньхуа муди). Пекин, 2006. (На кит. яз.)

Институт археологии провинции Нинся, музей провинции Гуюань. Могильник Янлан бронзового века (уезд Гуюань, провинция Нинся) (Нинся Гуюань Янлан цин тун вэньхуа муди) // Каогу сюэбао. 1993. № 1. (На кит. яз.)

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Горного Алтая. Барнаул.

Ли Чэци, Хао Сидэ, 1989. Сообщение о раскопках могильника Пинъян Чжуанчан (уезд Цинлай, провинция Хэйлуцзян) (Хэйлуцзян Цинлай сянь пинъян чжуанчан муди фацзюэ цзянбао) // Каогу. № 12. (На кит. яз.)

Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.

Отчет о раскопках могильников Сиган и Чайванган культуры Шацзин в уезде Юнчан, провинция Ганьсу (Юнчан Сиган Чайванган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао). Ланьчжоу, 2001. (На кит. яз.)

Пу Чаоба, Пань Яосянь, 1990. Памятники культуры Шацзин Саньцзяочэн и могильник Хамадунь в уезде Юнчан, провинция Ганьсу (Юнчан Саньцзяочэн юй Хамадунь Шацзин вэньхуа ицунь) // Каогу сюэбао. № 2.

- (На кит. яз.)
- Семенов Вл. А., 1997. Монгун-Тайга. СПб.
- Семенов Вл. А., 2000. Проблемы выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н.э. в Туве // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул. Вып. 11.
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. Бронзы ордосского стиля (Ордосы ши цингунци). Пекин. (На кит. яз.)
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005. Могильник скифского времени Рогозиха 1 на левобережье Оби. Барнаул.
- Фролов Я.В., 2004. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Барнаул.
- Харинский А.В., 2004. Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (по материалам могильника Байкальское XXXI) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ. Вып. 2.
- Цыбиктаров А.Д., 1998. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ.
- Чжун Кань, Чэн Сяоху, Янь Шичжун, 1995. Могильник Юйцзячжуан (уезд Пэнбао, провинция Нинся) (Нинся Пэнбао Юйцзячжуан муди) // Каогу сюэбао. № 1. (На кит. яз.)
- Чугунов К.В., 1999. Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары II // Круг знаний. № 2.
- Ян Чжицзюнь, Хао Сидэ, Ли Чэци, 1990. Могильник Пиньян (Пиньян муцзан). Пекин. (На кит. яз.)
- Andersson J.G., 1943. Researches into the prehistory of the Chinese // The Bulletin of the Museum of Far Eastern antiquities. 15. Stockholm.
- Maoqiggou: Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-region (Inner Mongolei) // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Mainz am R., 1992. Bd. 50.

А.Д. Таиров

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Пути глобальных миграций кочевого населения в евразийском поясе степей

Под миграциями мы понимаем перемещение относительно больших групп людей в сравнительно короткий промежуток времени, в отличие от инфильтраций – передвижений небольших групп или отдельных лиц в короткий промежуток времени, и переселений – растянутого во времени продвижения групп людей на новые территории. На наш взгляд, миграции можно разделить на локальные, региональные и глобальные.

Локальные миграции – перемещения в пределах историко-культурного региона, границы которого определялись его природными условиями. Локальные миграции, в свою очередь, следует разделить на регулярные, традиционные, и экстраординарные. Первые, обусловленные естественно-географическими особенностями, являются формой хозяйственного использования природных ресурсов региона. В степной зоне Евразии эта форма выразилась в сложении пастбищно-кочевой системы, или системы посезонного распределения пастбищ и водных источников. Вторые, экстраординарные, вызывались повторяющимися в той или иной части региона неблагоприятными климатическими условиями отдельных сезонов года, что создавало угрозу пол-

ной потери скота в результате пастбищной бескормницы, эпизоотии и т. п. Необходимо подчеркнуть, что достаточно часто экстраординарные локальные миграции определялись социально-экономическими и политическими причинами. Изредка локальные миграции могли быть направлены и за пределы историко-культурного региона. Очевидно, что именно локальные миграции приводили к формированию культурного и этнического единства населения в пределах определенных территорий.

Региональные миграции – передвижения значительных масс людей за пределы ранее обжитого региона. В отличие от локальных экстраординарных, они охватывают не отдельные, пусть и большие, группы населения, а подавляющую его часть. В большинстве своем эти миграции вызывались динамикой природной среды региона, обусловленной изменениями климатических условий, связанными, в свою очередь, с наступлением аридных эпох. Направлены они были в первую очередь в близкие по природным условиям регионы, в которых наступление аридных эпох или отставало по времени, или интенсивность протекания там процессов аридизации была менее выражена. Лишь в исключительных

случаях миграции этого типа были направлены в районы с резко отличными природными условиями. Приход мигрантов на новые территории приводил либо к вытеснению местного населения, либо, что бывало чрезвычайно редко, к его полному уничтожению, либо к смешению с ним. В случае вытеснения аборигенного населения региональная миграция имела тенденцию перерастания в глобальную, охватывающую последовательно несколько достаточно крупных регионов. Смещение же пришлого и местного населения в условиях продолжающейся аридной эпохи неизбежно приводило к новой региональной миграции.

Региональные миграции меридионального направления, т. е. выходящие за пределы пояса степей, как правило, быстро затухали. Так же быстро затухали и региональные миграции субширотного направления «запад – восток». Если миграции «запад – восток» в большинстве случаев были обусловлены экономическими или политическими интересами, то региональные миграции субширотного направления «восток – запад» вызывались преимущественно резкими изменениями природной среды, вызванными динамикой климатических условий. Следует подчеркнуть, что региональные миграции последнего типа, особенно начинавшиеся на крайнем востоке степного пояса Евразии, имели ярко выраженную тенденцию к превращению в глобальные миграции, под которыми мы понимаем перемещения относительно больших групп людей, охватывающие несколько крупных регионов. В принципе, любая глобальная миграция первоначально имеет характер региональной.

Природные условия и геополитическое положение на крайнем востоке евразийских степей – в Центральной Азии (северные и северо-западные районы современного Китая и Монголия) – в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. были таковы, что любое более или менее значительное ухудшение природных условий или политической ситуации в этой области вынуждало кочевников, желавших сохранить свой привычный образ жизни и свою политическую или этническую самостоятельность, двигаться на запад. Это движение, начавшись в каком-либо регионе Центральной Азии, если оно по тем или иным причинам не затухало в скором времени, неизбежно приводило не только к перегруппировке населения, но и к оттоку части его (чаще всего кочевников Восточного Туркестана) за пределы области – в Урало-Казахстанские степи. Далее процесс миграции приобретал либо форму переселения более или менее значительных масс людей в регионы, находящиеся на значительном удалении от Восточного Туркестана, либо последовательных региональных миграций, приводив-

ших к подвижке всего массива кочевников евразийских степей с востока на запад.

От Урало-Казахстанских степей Центральная Азия отгорожена почти непрерывной цепью хребтов, разделенных двумя основными проходами: долиной Иртыша и Джунгарскими воротами. Пройдя через них, кочевники устремлялись на Запад северным и южным путем. Северный путь – вниз по Иртышу, а затем к Ишиму и Тоболу. Южный – через Семиречье и Среднюю Сырдарью на Нижнюю Сырдарью. Оба пути, пройдя через Южный Урал, соединялись в заволжских степях (Пьянков, 1987. С. 73, 74).

В I тыс. до н.э. миграции центральноазиатских кочевников на Запад проходили в основном южным путем. Северный был задействован, вероятно, лишь однажды – в конце VIII или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. В последующей истории по северному пути шло расселение кыпчаков и калмыков. Преимущественное использование южного пути было обусловлено, очевидно, наличием в степях Северного и Центрального Казахстана и/или в Зауральско-Западносибирской лесостепи достаточно мощных кочевых или полукочевых объединений, которые не допускали массовых переселений через контролируемые ими территории.

В случае если геополитическая ситуация не позволяланомадам Центральной Азии двигаться на запад через Семиречье и Приаралье (южный путь), переселение шло северным путем: сначала на северо-запад – вдоль западных и северо-западных предгорий Алтая в Обь-Иртышское междуречье. Далее мигранты, осваивая Тоболо-Ишимо-Иртышское междуречье (Северный и Центральный Казахстан), выходили в Южное Зауралье и Приуралье. Отсюда, при благоприятных обстоятельствах, они двигались в Волго-Уральское междуречье и далее в Волго-Донские степи до Предкавказья.

Следует подчеркнуть, что любое крупное перемещение номадов с востока степной Евразии на запад проходило через Южный Урал. Поэтому данному региону принадлежит особое место в изучении процессов миграций, протекавших в евразийских степях в древности и средневековье. Анализ же погребальных памятников ранних кочевников восточной части Южного Урала (Южного Зауралья) I тыс. до н.э. показывает определенную периодичность резких изменений погребальной обрядности и материальной культуры, связанных с притоком нового населения с востока степной Евразии. Такие перестройки стереотипов культуры кочевого населения Южного Зауралья достаточно отчетливо фиксируются во второй половине VI в. до н.э. и в конце V в. до н.э. Менее отчетливо эти перестройки отмечают-

ся для конца IV в. до н.э., второй половины II в. до н.э. и рубежа I в. до н.э. – I в. н.э., что связано с незначительным количеством памятников конца IV в. до н.э. – I в. н.э.

Выявленные на материалах Южного Зауралья ритмы миграций кочевого населения Центральной Азии в западные регионы степной Евразии вполне отчетливо соотносятся с квазивековыми циклами развития природы, обусловленными периодичностью глобальных климатических изменений. В настоящее время не вызывает сомнений то, что значительную роль в этих глобальных изменениях климата играет солнечная активность, имеющая определенные, в том числе и квазивековые, циклы.

Отметим также, что периоды резких трансформаций культуры кочевников Южного Урала I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. вполне отчетливо соотносятся

с периодами аналогичных трансформаций культур кочевников других регионов Евразии (Туву, Алтай, Казахстана, Северного Причерноморья). Отсюда, на наш взгляд, следует вывод о том, что периоды резкой перестройки культур населения степной Евразии происходят синхронно и связаны они с глобальными квазивековыми ритмами изменений климата, обусловленными соответствующими циклами солнечной активности. Как представляется, данное обстоятельство открывает новые возможности для синхронизации этапов археологических культур степной Евразии.

Пьянков И.В., 1987. Движение степного населения в Евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

Памятник Яломан II как показатель культурно-исторических процессов на Алтае в хуннское время*

В 203–202 гг. до н.э. население Южной Сибири было подчинено в ходе завоевательного похода шаньюя хунну Маодуня (Модэ). В результате Алтай вошел в состав формировавшейся империи. Сопоставление имеющихся данных указывает на радикальные изменения, произошедшие в Центральной Азии и на сопредельных территориях в конце III – II в. до н.э., что было связано с сокрушительными походами хунну, в ходе которых этнокультурная ситуация стала иной по сравнению с предыдущим периодом (Боровкова, 2005). Не везде результаты воздействия хуннского влияния оказались одинаковыми.

О хунну/сюнну имеется обширная литература, базирующаяся на китайских письменных источниках. Идет и процесс накопления археологических материалов. Для их адекватного понимания необходимо знать события, связанные с периодом хуннского владычества. Традиционно годом основания империи Хунну считается 209 г. до н.э. (Крадин, 2001). Эта дата в настоящее время оспаривается Л.А. Боровковой (2005), которая называет ее не обоснованной и ошибочной, считая, что о создании державы сюнну Маодунем можно говорить лишь после завоевания им северных народов (203–202 гг. до н.э.) и разгрома войск Хань (201–200 гг. до н.э.). Важны

ми являются следующие известные сведения (Воробьев, 1994; Крадин, 2001; Боровкова, 2005): 199 г. до н.э. – договор о мире и родстве с империей Хань; 174 г. до н.э. – смерть Маодуня и вступление Лаошаня на «трон» шаньюя; 165 г. до н.э. – окончательная победа хунну над царством «Большое Юэцжи»; 162–126 гг. до н.э. – время правления Цзюньченьшаньюя и усиление могущества державы; 123 г. до н.э. – перенос ставки хуннских шаньюей на север Монголии; 119 г. до н.э. – завершение успешной для Хань войны (133–119 гг. до н.э.) с Хунну; и др. Н.Н. Крадин (2001) выделил четыре этапа развития кочевой империи Хунну, основываясь на отношениях с ханьским Китаем.

Народы, проживавшие на территории северной периферии обширной державы Хунну, пока изучены слабо. В этом плане Алтай не является исключением. До середины 1980-х гг. археологических комплексов, достоверно датированных II в. до н.э. – I в. н.э., выявлено не было. Это определило весьма схематичное представление об истории кочевников в хуннское время. Такая ситуация породила несколько гипотез относительно судьбы племен пазырыкской культуры и обусловила на долгие годы искусственную затянутость верхней

хронологической границы скифо-сакского периода (Тишкин, Матренин, 2007). Полученные за последние 20 лет массовые материалы предоставили возможности для исследования историко-культурных процессов, имевших место на Алтае в хуннское время. Прекращение существования пазырыкской культуры (вторая половина VI – III в. до н.э.) отражает начало раннего этапа становления и развития булан-кобинской общности. Между ними нет прямой преемственности, основанной на автохтонном развитии. Это резко проявляется и в погребальном обряде, и в вещевом комплексе. Кроме того, получено множество свидетельств о массовых разграблениях пазырыкских захоронений, произошедших именно в хуннский период. Это и другие обстоятельства отражают приход на Алтай нового населения, агрессивно настроенного по отношению к прежним жителям.

В настоящее время к хуннскому времени относятся курганы (более 75), раскопанные на могильниках Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (восточная группа), Яломан II (западная группа), Пазырык (курганы 23, 24, 42), которые расположены в северной, центральной и восточной частях Алтая. Все они относятся к булан-кобинской археологической культуре, выделенной Ю.Т. Мамадаковым (1990), и определяют ее усть-эдиганский этап (Тишкин, Горбунов, 2005), названный по исследованному Ю.С. Худяковым (1997; 1998 и др.) памятнику Усть-Эдиган. Датируется весь накопленный материал в рамках II в. до н.э. – I в. н.э., что подтверждается как анализом археологического материала, так и калиброванными показателями радиоуглеродного датирования (Тишкин, 2007).

Погребальный обряд, зафиксированный при исследованиях курганов усть-эдиганского этапа, отражает достаточное своеобразие, но в вещевом комплексе прослеживается преобладающее влияние культуры хунну. Одним из археологических комплексов, наиболее ярко демонстрирующих такую особенность, является памятник Яломан II, расположенный в Центральном Алтае. В 2002–2003 и 2007 гг. экспедициями АлтГУ раскопана компактная группа ранних булан-кобинских захоронений, содержащих разнообразный сопроводительный инвентарь (Тишкин, Горбунов, 2003; 2006; Тишкин, 2007).

Курганная группа Яломан II располагается на четвертой надпойменной террасе Катуня, на небольшом участке у гор, дистанцировавшись от пазырыкских курганов. Среди надмогильных сооружений преобладают небольшие каменно-земляные насыпи округлой, реже подпрямоугольной, формы

с обозначенной крепидой из более крупных камней. На могильном поле курганы образуют подобие тесных параллельных цепочек. Под насыпями находятся могильные ямы, в большинстве которых сооружены каменные ящики из массивных плит; реже встречаются деревянные или комбинированные (каменно-деревянные) конструкции. Способы погребений представлены одиночной ингумацией в сопровождении верхового коня и без него, а также кенотафами (с конем и без животных). Умершие люди располагались либо на боку с согнутыми ногами, либо вытянуто на спине. Выделяются два направления ориентации погребенных и сопровождавших коней: в западный и восточный сектор (с преобладанием последнего). Лошади располагались на боку на перекрытии ящика, со смещением «в ноги человека» (Тишкин, Горбунов, 2003; 2006).

Значительная часть обнаруженных на памятнике Яломан II изделий имеет очень близкие или идентичные аналогии среди находок из памятников, оставленных хунну в Монголии и Забайкалье. Следует указать, что материалы комплекса являются хорошо изученными, в том числе с применением естественнонаучных методов. В частности, сделан спектральный анализ всех изделий из цветных металлов, осуществлены ксилотомические определения остатков древесины, проведен химический анализ найденного лака, имеются палеокарпологические данные, разнопланово изучаются кости людей и лошадей, осуществляются дендрохронологические и другие исследования. Опубликованы радиоуглеродные датировки, полученные в лабораториях России и за рубежом (Тишкин, 2007).

Найденное вооружение включает комплекты накладок на сложносоставные луки, наконечники стрел, панцирные пластины и др. Подробный анализ их уже проделан (Горбунов, Тишкин, 2007). Снаряжение человека представлено поясной и портупейной гарнитурой. Среди этих предметов выделяются две ажурные бронзовые пряжки в виде ящериц и позолоченные бляхи с изображением двух кошачьих хищников. Обнаруженным золотым накладкам в виде голов дракона имеются аналогии в Забайкалье (Миняев, Сахаровская, 2007. Рис. 3, 1).

Снаряжение верхового коня включает удила с псалиями, распределители ремней, бляхи-обоймы и другие предметы, которые также встречаются в памятниках хунну (Коновалов, 1976; Миняев, 1998).

Среди орудий труда и предметов быта к хуннскому кругу вещей относятся: роговые наконечники стрел, железные ножи, бронзовый котел, некоторые керамические сосуды.

В общей сложности около 70% всех предме-

тов, обнаруженных в ранней группе погребений Яломана II, находят аналогии непосредственно в материалах памятников культуры хунну (Тишкин, Горбунов, 2005). Это свидетельствует о том, что население, принявшее участие в формировании буланкобинской культуры, находилось под сильным влиянием доминирующей традиции или было носителем ее. Такая ситуация, скорее всего, была возможна при полном политическом господстве на Алтае хунну, вещевой комплекс которых относился к престижным предметам.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-000341) и гранта Президента России (НШ-5400.2008.6).

- Боровкова Л.А., 2005. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М.
- Воробьев М.В., 1994. Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2006. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // АЭАЕ. № 4.
- Коновалов П.Б., 1976. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ.
- Крадин Н.Н., 2001. Империя Хунну. М.
- Мамадаков Ю.Т., 1990. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

- Миняев С.С., 1998. Дырестуйский могильник. СПб.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М., 2007. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. № 1.
- Тишкин А.А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX. Ч. I.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005. Предметный комплекс из памятника Яломан II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск. Ч. I.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. № 3.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. Вып. 3.
- Худяков Ю.С., 1997. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск.
- Худяков Ю.С., 1998. Зеркала могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск. № 3.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

С.В. Хаврин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Рентгенофлюоресцентный анализ золотых изделий из памятника Бугры (северо-западные предгорья Алтая, скифо-сакское время)*

В 2007 г. экспедициями Алтайского государственного университета (АлтГУ) и Государственного Эрмитажа (ГЭ) были начаты совместные раскопки на памятнике Бугры в Рубцовском р-не Алтайского края (Тишкин, 2007а). В ходе исследований кургана 4 в юго-восточном секторе зафиксированы две могилы и дромос. Из них происходит коллекция золотых изделий, которая в настоящее время хранится в ГЭ. Одному из аспектов изучения обнаруженных предметов из благородного металла посвящено данное сообщение.

В Отделе научно-технической экспертизы ГЭ осуществлен рентгенофлюоресцентный анализ более 100 находок: 10 – из дромоса, 73 – из могилы 3, 23 – из могилы 4. В результате оказалось, что все исследованное золото (Au) самородное. Из него изготовлены бляхи-накладки, пронизи, фольга для аппликаций, «нити», а также составная серьга с подвеской. Основными примесями в этих изделиях являются медь (Cu), доля которой колеблется от 0,3 до 4%, и серебро (Ag). Содержание самого золота в проанализированных укра-

шениях довольно высокое и составляет от 70 до 96%.

Предметы из могилы 4 (рис. 1) имеют наименьший разброс в пробности: от 83 до 96%. В отдельную группу попадают шесть фрагментов фольги, которая, по всей видимости, была сделана из одного самород-

могил. Особо следует отметить, что состав нашивки в виде «стрелки» практически идентичен показателям по фрагментам высокопробной фольги из могилы 4.

Поскольку это уже не первое исследование, посвященное изучению состава золотых изделий Алтая

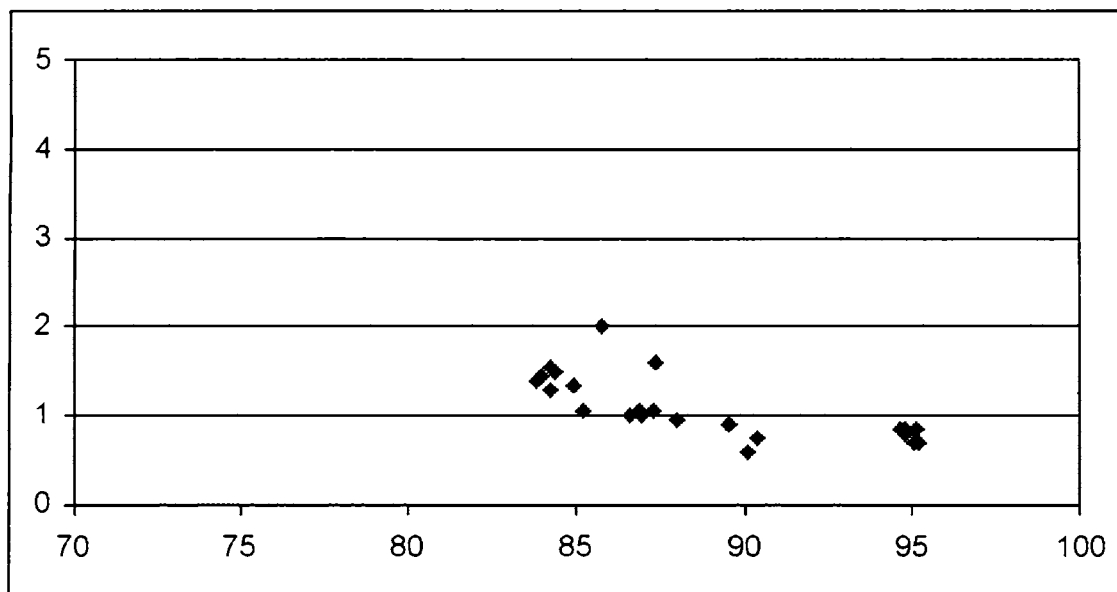

Рис. 1. График содержания золота и меди в золотых изделиях из могилы 4 кургана № 4 памятника Бугры.

ка высокой пробы. Основанием для данного заключения является очень малый разброс показателей по содержанию золота, серебра и меди. Остальные проанализированные изделия (четыре фрагмента фольги, бляхи-накладки различной формы, «нити») попадают в аморфную группу, где даже одинаковые по форме украшения могут отличаться по составу. Так, семь выпуклых блях-накладок, вероятно, изготовлены из двух самородков.

В составе золота из могилы 3 (рис. 2) выделяется группа из 20 круглых блях-нашивок, имеющих высокую пробу (93–95%). Остальные 15 аналогичных изделий выполнены из менее высокопробного самородка (87–89%). Многочисленные (22 шт.) прямоугольные бляхи-нашивки по составу металла не демонстрируют единую группу. Они, по-видимому, откованы из нескольких (не менее пяти) мелких самородков. Одна из групп прямоугольных блях имеет значительное сходство по составу металла с тремя полушаровидными нашивками. Остальные изделия немногочисленны и не представляют компактных серий. Различаются по составу и детали серьги с подвеской.

Небольшая группа предметов из золота происходит из дромоса (рис. 3). При этом все вещи значительно отличаются по составу и имеют сходство с изделиями из

скифо-сакского времени, то у нас имеется возможность сравнить имеющиеся материалы. Правда, эти данные не столь многочисленны, как по находкам из памятника Бугры.

Золотых предметов в комплексах раннескифского времени, которые раскопаны в горах и предгорьях Алтая, пока обнаружено небольшое количество. Они происходят из памятников бийкенской и майэмирской культур. Практически все известные изделия из золота опубликованы (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, 20076). Специальное исследование таких находок для получения данных о составе металла не проводилось. Исключением являются серьги, найденные на памятнике заключительного этапа бийкенской культуры Бойтыгем II (Тишкин, 1999). Ныне они хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ. В Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ получены результаты полуколичественного спектрального анализа указанных изделий (исполнитель Е.Д. Агапова). Первая серьга, условно обозначенная как «сломанная», имеет такой состав (в весовых процентах): Au (>0,1), Si (0,03), Cu (0,01), Fe (0,01), Ag (0,005), Mg (0,003), Al (0,003), Na (0,003), Sn (0,001), Ca (0,001), Bi (0,0003). Вторая серьга («целая») сделана довольно качественно. В ней выявлены следую-

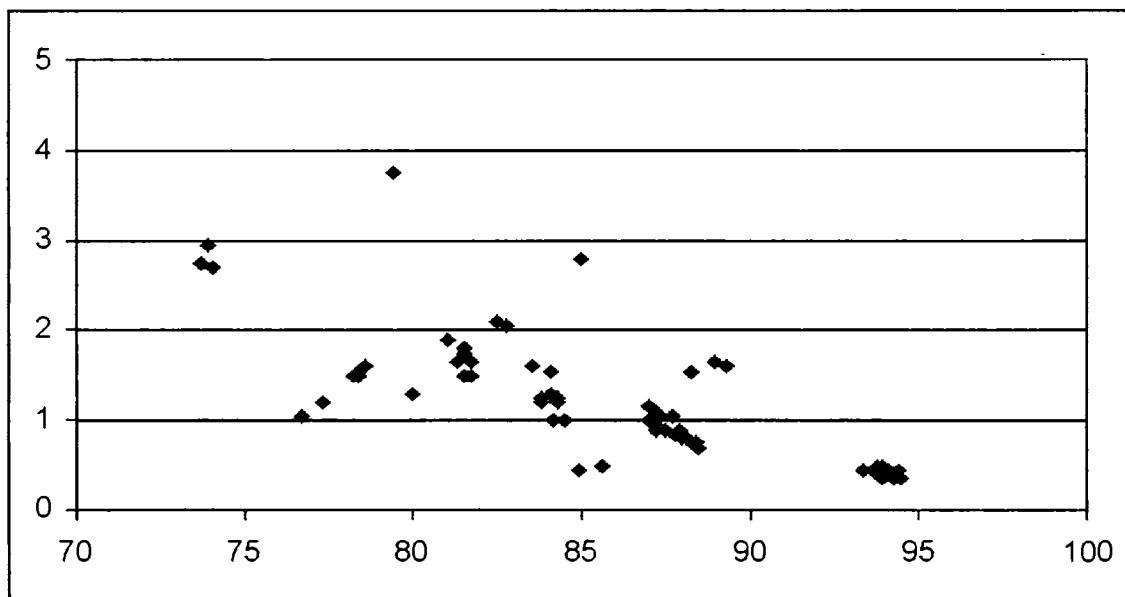

Рис. 2. График содержания золота и меди в золотых изделиях из могилы 3 кургана № 4 памятника Бугры.

щие компоненты: Au ($> 0,1$), Ag (0,002), Cu (0,001), Mn (0,001), Ca (0,001).

Более представительна изученная группа золотых предметов (14 образцов), происходящих из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский Дол (Дашковский, Тишкин, Хаврин, 2007). Основная часть изделий этого крупного комплекса выполнена из золота невысокой пробы (58–71%) и со значительным содержанием серебра (26,5–40,8%). Ближе всего по составу к золоту из кургана 4 памятника Бугры имеют золотые

апликации головного убора и обкладка гривны из кургана 9 Ханкаринского Дола (Au – 80–84% и Cu – 2,5–3,1%). Точно такой же состав отмечен у накладки на бляху и у апликации из памятника Балык-Соок 1 (Хаврин, 2007. С. 279, 280), а также у фольги из кургана 2 могильника Башадар (ГЭ, колл. 1793/422).

Единственный проанализированный фрагмент золотой фольги из кургана 7 Пазырыка (ГЭ, колл. 2064/6) сходен по составу с изделиями, происходящими из дромоса кургана 4 памятника Бугры и имеющи-

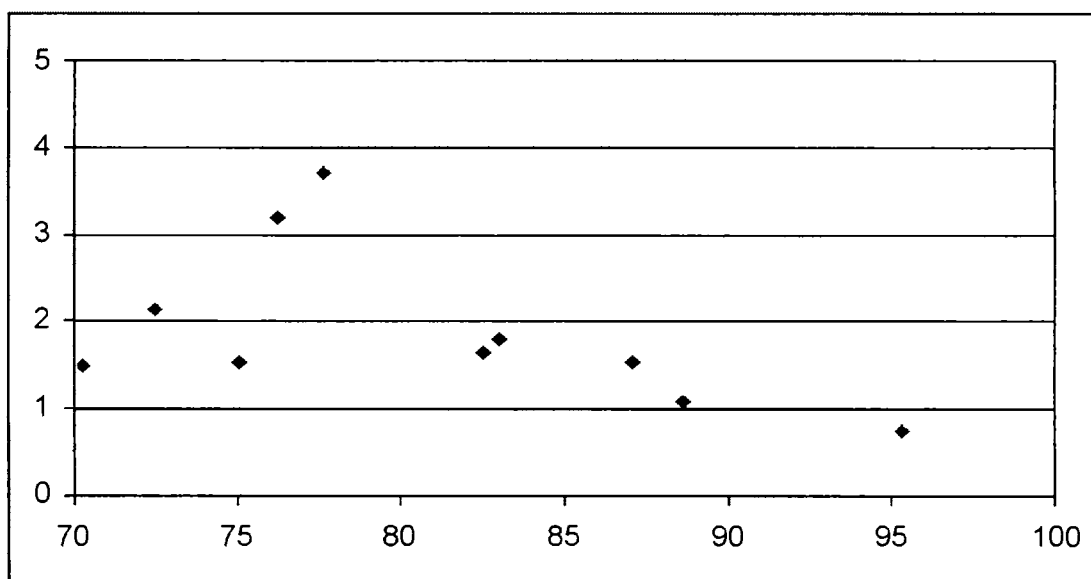

Рис. 3. График содержания золота и меди в золотых изделиях из дромоса кургана № 4 памятника Бугры.

ми невысокую пробу. Предметы из золота невысокой пробы отмечены и среди пазырыкских находок с плато Укок (Малахов и др., 2000; Щербаков, Рослякова, 2000). Следует заметить, что нет никаких данных, подтверждающих тезис о том, что «фольга была изготовлена из самородного золота, переплавленного с добавлением серебра и, возможно, меди» (Малахов и др., 2000. С. 171). В той же монографии (Феномен... 2000) приведены данные по составу самородного золота четырех месторождений Алтая (Щербаков, Рослякова, 2000. С. 186, 187), где разброс пробности золота достаточно велик и охватывает все полученные результаты. Судя по соотношению золота и серебра в самородном золоте алтайских месторождений, большая часть исследованных изделий из могильников Ак-Алаха 1, Ак-Алаха 3, Ак-Кол, Верх-Кальджин II, Кальджин IV, Кутургунтас, Пазырык (к. 7), Ханкаринский Дол (к. 4–7) ближе к составу золота Зырянского и Риддеровского (Лениногорского) месторождений. Золотые изделия с более высокой пробой из кургана 4 могильника Бугры, как и предметы из кургана 9 Ханкаринского Дола, из кургана 3 Балык-Соока 1, фольга из кургана 2 Башадара, имеют состав, близкий к составу самородного золота Синюхинского и Змеиногорского месторождений. Источником для этой группы находок могло быть и золото Мурзинского россыпного месторождения (Розен, 1995).

Могильник Бугры расположен в северо-западных предгорьях Алтая, поэтому имеет смысл сравнить полученные данные с результатами исследования элементного состава золотых изделий скифо-сакского времени Казахстана. В статье Э.Ф. Кузнецовой и С.Ш. Мадина (1990) опубликованы интересующие нас данные по 53 золотым предметам из Семиречья (из них 33 происходят из кургана Иссык), по шести из Центрального Казахстана и четырем из Северного Казахстана. В получившейся выборке также преобладает золото невысокой пробы: 44 из 63 изделий содержат менее 75% золота. В других зафиксировано золото с очень низким содержанием меди (в 8 экз. оно не превышает 0,3%). Четыре предмета выполнены из золота с повышенным содержанием меди (4,5–8,2%). Подобный показатель встречен также и среди золота невысокой пробы. Он достигает 10,8% в составе сплава фигурной бляхи из могильника у совхоза Панфиловский (Кузнецова, Мадина, 1990. Табл. 2, 7). Но в этом случае, вероятнее всего, сплав был легирован, поскольку повышенное содержание меди сопровождается аномально высоким количеством олова в сплаве (2,3%)*. Это наблюдение свидетельствует о том, что золото было легировано оловянистой бронзой. В остальных случаях нет достаточных оснований рас-

сматривать использование легирующих добавок к золоту.

Проведенный анализ указывает на перспективность дальнейшего изучения золотых предметов скифо-сакского времени. Одним из основных направлений является накопление репрезентативной базы данных о составе золота по Алтаю и сопредельным территориям. После этого появится возможность для широких и эффективных исследований.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 07-06-00341).

** Подвеска из могильника Кайнар (Кузнецова, Мадина, 1990. Табл. 2, 22) содержит даже 16,6% олова, однако памятник датируется III–V вв. н. э.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2007. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // *Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками*. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Алтая. Барнаул. Ч. I: Культура населения в раннескифское время.

Кузнецова Э.Ф., Мадина С.Ш., 1990. Исследование древнего золота Казахстана // *СА*. № 2.

Малахов В.В., Власов А.А., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Краевская И.Л., Цыбуля С.В., Степанов В.Г., 2000. Вещественный состав находок из «замерзших» захоронений пазырыкской культуры // *Феномен алтайских мумий*. Новосибирск.

Розен М.Ф., 1995. Россыпи, связанные с известными коренными источниками рудного золота // *Золото Алтая: история и современность*. Барнаул.

Тишкин А.А., 1999. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул.

Тишкин А.А., 2007а. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск. Т. XIII.

Тишкин А.А., 2007б. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул. Вып. 3.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Хаврин С.В., 2007. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // *Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула)*. Барнаул.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В., 2000. Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // *Феномен алтайских мумий*. Новосибирск.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

К.В. Чугунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая

В 2007 г. археологическими экспедициями Алтайского госуниверситета (АлтГУ) и Государственного Эрмитажа (ГЭ) были начаты раскопки на двух курганах памятника Бугры в Рубцовском р-не Алтайского края. Данной работе предшествовал подготовительный период, в рамках которого реализовался ряд научно-исследовательских мероприятий.

Сведения о земляных надмогильных насыпях («буграх») в Сибири и Казахстане имеются в архивных материалах известных барнаульских краеведов С.И. и Н.С. Гуляевых, в также в работах В.В. Радлова, Н.М. Ядринцева, В.М. Флоринского и других дореволюционных ученых и путешественников (Демин, 1989). Среди этих данных пока не обнаружены точные свидетельства, касающиеся больших курганов около села с характерным названием «Бугры». Тем не менее, стоит привести результаты архивных изысканий. Так, С.И. Гуляев на основе сведений, поступавших к нему от разных корреспондентов, в свое время (вторая половина XIX в.) подготовил рукописные работы: «Раскопки древних курганов юга Сибири»; «О буграх или курганах в Сибири»; «Заметки о чудских буграх» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 212, 213, 215). В этих очерках краевед отметил, что много археологических объектов расположено в окрестностях Локтевского завода. Вызывают интерес описания, связанные с территорией, близкой к месту проводимых исследований в Рубцовском р-не. С.И. Гуляев отметил, что в 19 верстах (20,3 км) к северу от Локтевского завода, по дороге к д. Половинкиной, на высоком увале располагалась курганная группа «Злыдыри», состоявшая из семи объектов. Местные жители называли этот археологический памятник из-за того, что там при грабительских раскопках ими не были обнаружены ценные вещи. В 20 верстах (21,3 км) на северо-восток от того же Локтевского завода, близ урочища Черный Камень, также зафиксирована группа крупных курганов. Диаметр некоторых из них достигал до 25 сажень (53,3 м), а высота – до 4 сажень (8,5 м). Эти не совсем точные показатели по двум памятникам наиболее близки для сравнения с археологическим комплексом Бугры.

Впервые большие курганы, находящиеся у с. Бугры в Рубцовском р-не Алтайского края, осматривались специалистом-археологом в 1989 г. Тогда А.Б. Шамшин, сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АлтГУ, при выполнении хозяйственного договора с Институтом «Алтайгипроводхоз» обследовал участок площадью 300 га, попадавший в зону проектируемого орошаемого участка в колхозе «Страна Советов». В результате им была отмечена и кратко описана курганная группа из пяти объектов. В связи с тем, что одно из древних сооружений находилось в непосредственной близости от зоны предполагаемого строительства водоема, были запланированы его раскопки и сделаны соответствующие обоснования. Предполагалось, что изучением аварийного кургана займется один из авторов данного сообщения.

В 1990 г. старший научный сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея Я.В. Егоров, находясь в составе Юго-Западной экспедиции АлтГУ, провел разведки на землях колхоза «Страна Советов». В результате им был сделан глазомерный план памятника Бугры и дано примерное описание пяти объектов (Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996. С. 152).

В 1990-х гг. мелиоративное строительство было приостановлено, а в последующие годы вообще прекратилось. Поэтому раскопки на памятнике не осуществлялись. Курганную группу удалось поставить на государственный учет и дополнительно обследовать в ходе плановой инвентаризации объектов культурно-исторического наследия в первой половине 1990-х гг. Краткие сведения об археологическом комплексе вошли в свод памятников юго-западных районов Алтайского края (Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996).

Территория, на которой располагается курганная группа Бугры, относится к Алейской степи и тяготеет к предгорьям. В 2006 г. она зафиксирована с помощью тахеометрической съемки и GPS-навигатора, а также детально описана. Длина памятника, который находится к западу и северо-западу

от села (на полях СПК «Страна Советов»), составляет около 1,2 км. Все насыпи задернованы, заросли степным разнотравьем и сорняками. Координаты триангуляционного знака, стоявшего на самом высоком центральном кургане 3, следующие: N – 51° 18.337'; E – 081° 29.194' (Тишкин, 2006. С. 491). Мероприятия по обследованию памятника Бугры реализовывались совместной экспедицией АлтГУ и ГЭ. Они являлись подготовительной работой для осуществления запланированных раскопок, перед началом которых на двух объектах могильника были проведены геофизические исследования. В них дополнительно участвовала группа специалистов из Института нефтегазовой геологии и геофизики и Института археологии и этнографии СО РАН. Были применены метод электромагнитного индукционного частотного зондирования и магнитометрия. Кроме получения сведений о внутреннем устройстве насыпей и особенностях использования прикурганной территории, изыскания были нацелены на продолжение разработки методики комплексных геофизических исследований (Тишкин и др., 2007; Чемякина и др., 2007). Такая работа в предгорьях Алтая на памятнике скифо-сакского времени осуществлялась впервые.

Летом 2007 г. курган 1 исследовался под руководством К.В. Чугунова. Насыпь имеет максимальную высоту 3,85 м. Максимальный диаметр рва по внешней границе устанавливается на основании геофизического плана и равен 115 м. Диаметр насыпи, окруженной рвом на расстоянии 15 м, составляет около 75 м. На ее поверхности хорошо заметны многочисленные повреждения – грабительские воронки и другие выемки грунта. Наиболее обширные и глубокие из них располагаются в центре и в северо-западном секторе. Эти ямы являются следами деятельности древних грабителей и «бугровщиков», хотя некоторые повреждения поверхности насыпи могли возникнуть и в новейшее время. Количество воронок может свидетельствовать о том, что памятник содержит не только центральную могилу, но и боковые захоронения. Основной целью раскопок в 2007 г. было выявление структуры наземного сооружения кургана. Для этого на его площади в южной части были заложены три взаимосвязанных раскопа общей площадью 365 м². Раскопы разбивались с учетом геофизических данных и привязывались к системе реперов, расположенных по меридиональной оси насыпи, а также к основному базовому реперу за пределами памятника. Грунт в раскопах снимался до материка (плотная желтая глина). Все слои в разрезах и пятна фиксировались на планах. В результате были получены данные о структуре

курганной насыпи, окружающего рва и вала, выявленного по внутренней его границе как раз на месте отрицательной магнитометрической аномалии.

В процессе раскопок зафиксировано несколько фрагментов керамических сосудов, а также получена небольшая коллекция костей животных, основная часть которых может быть уверенно синхронизирована со временем постройки и функционирования памятника. Особо следует отметить остатки черепа лошади во рву и обнаруженные недалеко метаподии и фаланги этого животного. Данные находки могут свидетельствовать о ритуалах, связанных с жертвоприношениями коня.

Экспедиция АлтГУ под руководством А.А. Тишкина исследовала курган 4 в северной части могильника. Этот объект располагается на распаханном поле и имеет размеры 59,5 x 56 м. Высота насыпи от уровня современной поверхности составила 2,6–2,65 м. За полевой сезон вручную была снята значительная часть юго-восточного сектора насыпи. На вскрытой площади исследованы два захоронения и часть дромоса, ведущего от края кургана в центральную погребальную камеру.

Могилы, расположенные по обе стороны от дромоса, были полностью ограблены. Тем не менее, в заполнении ям сделаны находки, свидетельствующие о богатстве захоронений. Там обнаружено несколько десятков разнообразных украшений из золота и другие предметы. В одной из могил прослежены остатки погребальной камеры, сделанной с использованием камней и дерева. Наиболее интересные находки оказались в дромосе. Вероятно, первоначальное ограбление центрального захоронения было произведено в древности через этот ход, т. к. около входной ямы обнаружена часть мумифицированного тела женщины и остатки одежды. Рядом собраны многочисленные бронзовые изделия, некогда украшавшие погребальный наряд. Некоторые из них были покрыты золотой фольгой. Кроме нашитых блях найдены фрагменты лака и кожи, часть декорированного золотом железного предмета и деревянная фигурка лежащего хищника (голова утрачена). Все находки из кургана 4 поступили на постоянное хранение в Отдел археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ. Часть мумии и одежда взяты монолитом. Их изучение будет продолжено в камеральных условиях после соответствующих реставрационных работ.

В 2008 г. планируется продолжение исследований на памятнике Бугры.

Демин М.А., 1989. Первооткрыватели древностей. Барнаул.

- Тишкин А.А., 2006. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XII. Ч. I.
- Тишкин А.А., 2007. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XIII.
- Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996. Рубцовский район: Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул.
- Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А., 2007. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул.
- Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., 2006. Предварительные итоги геофизических исследований курганного могильника Бугры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XIII.

А.А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, Владикавказ

Начало позднесарматского периода на территории современной Северной Осетии

Позднесарматские памятники появляются на территории современной Северной Осетии, насколько можно судить на сегодняшний день, не позднее второй половины II в. н.э. (Габуев, Малашев, 2007; Мошкова, Малашев, 1999. С. 190; Arzhantseva, Deorik, Malashev, 2004. P. 246). Они представляют собой основные подкурганные погребения в катакомбах I типа (по К.Ф. Смирнову). Фиксируются околокурганные ровики. Подобные погребения исследованы как в степной зоне – в Моздокском р-не (у ст. Виноградная, хут. Октябрьский), так и непосредственно в предгорной – на Владикавказской равнине (у с. Брут, г. Беслан). Известны и грунтовые погребения в подобных катакомбах. К настоящему времени исследовано несколько сот подкурганных погребений.

Но только у с. Брут еще в 1995 г. В.Л. Ростуновым (Ростунов, Березин, 2007. С. 24) было зафиксировано около 1200 курганов, а также наличие грунтовых погребений. Вполне аргументировано заключение (Ковалевская, 2005. С. 99), что благодаря исследованиям, например, брутских катакомб сегодня исчезла та хронологическая лакуна, которая отделяла отмечаемые аланские подкурганные катакомбы от грунтовых горных катакомб раннесредневекового периода. Кроме того, учитывая данные по Бесланскому и Брутскому могильникам, а также могильнику Зарагиз II (Кабардино-Балкария), сегодня уже нельзя согласиться с выводом о том, что распространение подкурганных центральных катакомб

алан в степных районах Центрального Предкавказья происходило заметно ранее, чем в предгорной полосе.

Входные ямы катакомб (прямоугольной или трапециевидной формы) могли соединяться с камерами (овальной или прямоугольной формы, своды стрельчатые, купольные или узкие горизонтальные с наклонными стенками) посредством дромоса, а дно камеры катакомбы находилось заметно ниже уровня dna входной ямы (ступенька). Входные ямы имели как меридиональную, так и широтную ориентировку, когда камеры примыкали к их северным или западным торцовым стенам. Для спуска во входной яме вырезались ступени в углу или вдоль одной из продольных стен, вдоль противоположной от входа в камеру торцовой стенки во всю ее ширину, несколько беспорядочно или в форме «винтовой лестницы». Во всех зафиксированных случаях погребенный лежал вдоль длинной оси камеры, т. е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. Часто использовалась угольная посыпка dna камеры. Следы поминальных тризн и горения отмечаются на уровне древней дневной поверхности, под курганной насыпью. Сопровождающий покойников инвентарь мог располагаться не только в камере катакомбы, но и во входной яме. Отмечены случаи погребения во входных ямах лошадей.

По конструктивным особенностям погребальных сооружений и погребального обряда могильники у г. Беслан и с. Брут близки материалам могильника

Экажево I (Ингушетия). Эта группа, в свою очередь, сближается с памятниками у ст. Виноградная и хут. Октябрьский, с которыми объединяются погребения у с. Братское (Чечня). Но степная, северная группа имеет и некоторые собственные отличия. К ней тяготеет и группа могильников у сел Алды, Алхан-Кала (Чечня).

У ст. Моздок (Северная Осетия) были исследованы основные подкурганые погребения, которые по конструкции могли представлять собой не катакомбы, а подбои (Виноградов, 1963. С. 79, 80). Редко отмечаются погребения в ямах и подбое на Брутском некрополе.

Несмотря на во многом объективные на сегодняшний день возражения (Горбунова, 1991. С. 21; Мошкова, Малашев, 1999. С. 189; Абрамова, 2007. С. 65), наиболее перспективной, как представляется, остается гипотеза (Габуев, 1986. С. 20; 1999; Берлизов, 1990. С. 8–10) о появлении подобных катакомбных погребений с приходом новой волны кочевников из Азии, где зафиксированы катакомбы «кенкольского типа».

Последние сближают с северокавказскими погребениями ориентировка, размеры и формы входных ям и камер, наличие в яме ступеней для спуска, ступени и дромоса при переходе из ямы в камеру, формы сводов камер и наличие в них ниш, заклады входов в камеру каменными плитами и деревом, примеры забивания входных ям булыжником, зольная подсыпка дна камеры, обряд искусственной деформации черепов погребенных. Появление восточных мигрантов могло определяться некоторыми военно-политическими событиями в азиатском регионе (Гумилев, 1960. С. 123, 124; Боковенко, Засецкая, 1993. С. 85; Мошкова, 1994. С. 22; Яценко, 1998. С. 86). С ними могло быть связано появление образцов среднеазиатской керамики и среднеазиатских строительных традиций на Зилгинском городище, с которым непосредственно связан Бесланский могильник.

Вместе с тем, некоторые черты погребальных сооружений и погребального обряда подкурганых катакомбных захоронений на территории современной Северной Осетии, возможно, имеют параллели в кочевнических памятниках предшествующего периода. При сближении Т-образных подкурганых катакомб с Т-образными грунтовыми катакомбами предшествующего местного населения (Абрамова, 1993. С. 186; Малашев, 2000. С. 211), видимо, следует учитывать и появление данных о более ранних, но впускных в курганы подобных погребениях кочевников Северного Кавказа (Туаллагов, 2007. С. 211; Прокопенко, 2007. С. 227), а также данных о подоб-

ных грунтовых погребениях на Северо-Западном Кавказе (могильники городищ Прочноокопское 3, Спорное 1).

Наличие околочурганного ровика фиксируется, например, в кургане 4 у ст. Казанская. Околочурганые ровики или ровики в насыпях курганов изредка отмечаются в памятниках среднесарматской культуры. Данная конструктивная деталь известна и с более раннего времени в кочевнических погребениях (Ковалевская, 2005. С. 81; Габуев, Малашев, 2007. С. 464, 465; Туаллагов, 2007. С. 216). Наличие дополнительных детских впускных погребений сопоставимо с данными по «Золотому кладбищу» (Абрамова 2007. С. 55). Во входных ямах катакомб у ст. Тбилисской фиксируются как угловые, так и поперечные ступени для спуска. Изредка встречаются дромосы (курган 25, п. 9 у ст. Михайловская, курганы 1, 8 у ст. Тбилисская).

В части курганов, раскопанных у ст. Тбилисской, отмечается обряд погребений коней как в отдельных ямах, так и во входных ямах катакомб на слое земляного заполнения. Прежде всего, следует отметить, что погребения коней, как отдельные, так и во входных ямах катакомб, известны по материалам сарматского курганного некрополя у с. Заманкул (Северная Осетия). Следует обратить внимание и на захоронения коней на мощном слое заполнения входных ям катакомб в грунтовых могильниках городища Спорное I и Прочноокопского городища. Позднее погребения лошадей во входных ямах на слое заполнения отмечаются в аланских катакомбах могильников Клинь-Яр III и у с. Брут.

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Абрамова М.П., 2007. Курганые могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.

Берлизов Н.Е., 1990. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. СПб. № 3.

Виноградов В.Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. Чечено-Ингушского НИИ. Грозный. Т. IV.

Габуев Т.А., 1986. История племен центральных районов Северного Кавказа в I–VII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2007. Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.

- Горбунова Н.Г., 1991. Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур) // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции: Тез. докл. науч. конф. СПб.
- Гумилев Л.Н., 1960. Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ. № 4.
- Ковалевская В.Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Пушино.
- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ремненных гарнитуров позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону. Вып. I.
- Мошкова М.Г., 1994. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. междунар. конф. Волгоград.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград.
- Прокопенко Ю.А., 2007. К вопросу об этнополитической истории населения Центрального Предкавказья II в. до н.э. – I в. н.э. // NARTAMONGÆ: The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris; Vladikavkaz. Vol. IV. № 1, 2.
- Ростунов В.Л., Березин Я.Б., 2007. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ. Ч. 2.
- Туаллагов А.А., 2007. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан. Владикавказ.
- Яценко С.А., 1998. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II–IV вв. н.э.) // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 4.
- Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V., 2004. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archeologiques en Crenee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston; Köln. (Colloquia Pontica. Vol. 5.)

К.Б. Фирсов, Ю.В. Демиденко, О.Б. Лантратова

Государственный исторический музей, Москва

Уникальные одежды из Большого Катандинского кургана на Алтае: проблемы сохранения археологических памятников из собрания ГИМ

В Государственном Историческом музее хранится комплекс предметов (ГИМ 54746. Оп. Б 1803), происходящих из Большого Катандинского кургана на Алтае (совр. Республика Горный Алтай, Усть-Коксинский р-н, с. Катанда). Эти предметы поступили в музей в 1921 г. из расформированного Румянцевского музея в числе разнообразных археологических коллекций. Среди них находились уникальные меховые одежды, так называемые «халат» и «фрак».

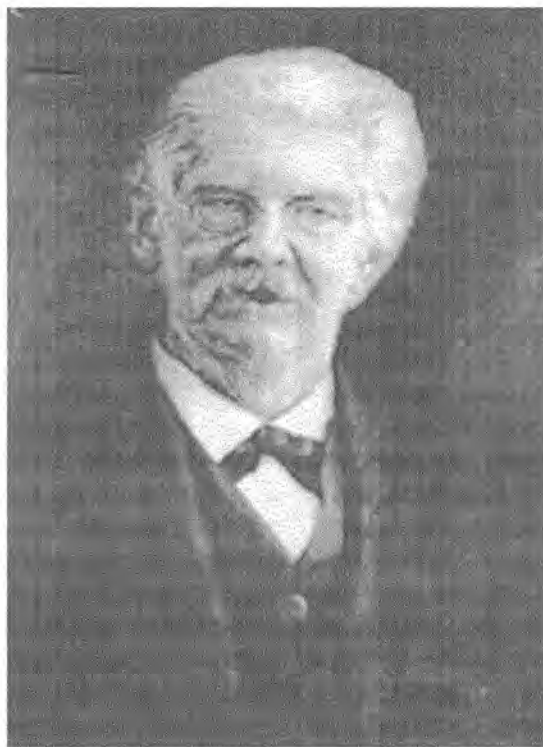
Первые обширные раскопки на Алтае в 1863–1869 гг. осуществил академик В.В. Радлов (1837–1918) (рис. 1: 1) – выдающийся востоковед, основоположник российской тюркологии, лингвист, фольклорист, этнограф, археолог.

В 1865 г. экспедиция В.В. Радлова между реками Верхняя и Нижняя Катанда раскопала курган, который впоследствии получил широкую научную известность под названием Большого Катандинского (Радлов, 1884; 1896; 1989; Radloff, 1893; Захаров,

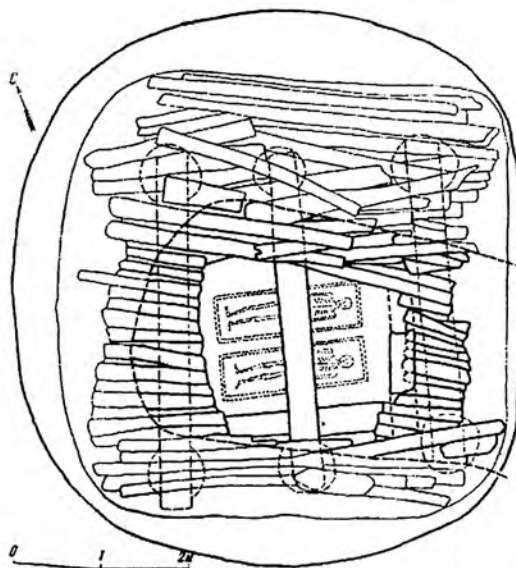
1926; Zakharov, 1925; Киселев, 1951. С. 339–345). Позднее, в 1954 г., этот курган был исследован Катандинским отрядом Горно-Алтайской экспедиции под руководством А.А. Гавриловой (1957. С. 250–268).

Каменно-земляная насыпь Катандинского кургана достигала 2,1 м в высоту, а диаметр с севера на юг составлял 29,5 м. В центральной части кургана под многослойным накатом из бревен, опирающимся на балки и столбы, была обнаружена деревянная камера с двойными стенками и потолком (рис. 1: 2). Стенки погребальной камеры сложены из бревен в 6–7 венцов.

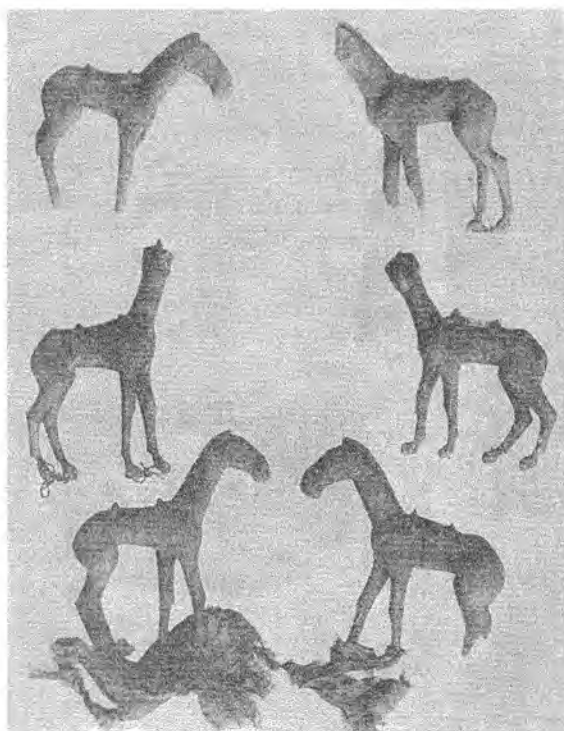
Основное погребение при раскопках В.В. Радлова находилось в слое мерзлоты. Погребенные, обнаруженные исследователем на дне могилы, представляли собой мумифицированные трупы и лежали в полном анатомическом порядке головой на восток на двух низких деревянных столиках-ложах или скамьях с конусообразными ножками (рис. 1: 2) (Рад-

1

2

3

4

Рис. 1. Большой Катандинский курган (раскопки В.В. Радлова, 1865 г.; А.А. Гавриловой, 1954 г.). 1 – В. В. Радлов (1837–1918); 2 – план погребального сооружения (по: Гаврилова, 1957. Рис. 4); 3 – резные деревянные фигурки лошадей (по: Захаров, 1926. Табл. V); 4 – резные деревянные предметы (по: Радлов, 1896. Табл. VI).

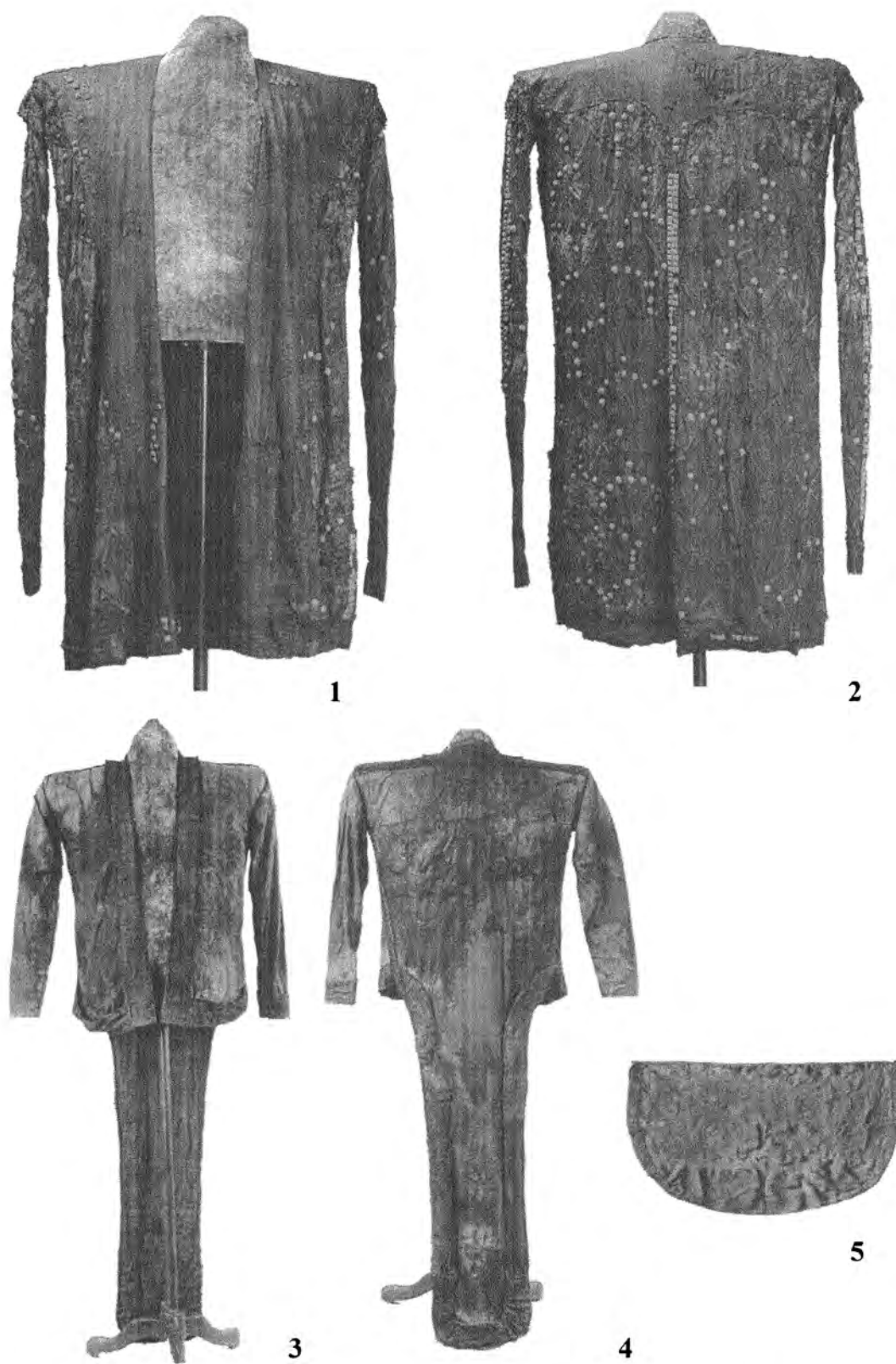

Рис. 2. Большой Катандинский курган (раскопки В.В. Радлова, 1865 г.). 1 – «халат»-шуба/кафтан (мех, кожа, ткань, дерево, золото), вид спереди; 2 – то же, вид сзади; 3 – «фрак» (мех, кожа, ткань), вид спереди; 4 – то же, вид сзади; 5 – нагрудник/передник (мех, кожа, ткань).

лов, 1896. С. 37–40. Табл. V–VII; 1989. С. 444–449. Табл. 6, 7; Захаров, 1926. С. 80–92).

При исследовании кургана А.А. Гавриловой в 1954 г. здесь было выявлено конское захоронение, которое находилось между северными стенками камеры и могильной ямы. Здесь лежали в три слоя кости 22 коней (Гаврилова, 1957. С. 261–263).

Погребение было ограблено, однако в камере остались нетронутыми многие интересные вещи. Это деревянные скульптурные резные предметы, выполненные в «зверином стиле» (рис. 1: 4), которые первоначально были покрыты листовым золотом (Радлов, 1896. Табл. VI), а также резные фигурки лошадей и фантастических животных (рис. 1: 3) (Захаров, 1926. Табл. IV–V).

На одной из балок перекрытия могилы в куске льда была найдена свернутая кожаная одежда, напоминающая по форме фрак с длинной фалдой (рис. 2: 3, 4), а немного ниже, также в куске льда, между слоями бересты найдено платье из меха, окрашенного в зеленый и красный цвета, так называемый «халат»-шуба или кафтан (рис. 2: 1, 2) (Захаров, 1926. Табл. III; Видонова, 1938. С. 169–175; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 59–61. Рис. 2.31, 2.34). В шубу были завернуты различные вещи, в их числе покрытый шелком и обшитый золотой пластинкой меховой передник или нагрудник (рис. 2: 5). К нему были прикреплены вырезанные из дерева фигурки лошадей (рис. 1: 3).

По размеру и строению насыпи, по особенностям конструкции погребального сооружения, наличию конского захоронения Катандинский курган сближается с другими широко известными памятниками кочевой знати – Шибинским, Берельским и некоторыми другими курганами, хотя и стоит несколько особняком в ряду «царских» захоронений Горного Алтая (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 58). Указанные памятники большинство исследователей относят к периоду существования ярчайшей культуры скифского времени – пазырыкской, датирующейся в целом в настоящее время в рамках V – начала II в. до н.э., и, вероятно, к ее заключительному этапу (конец IV – начало II в. до н.э.) (Степная полоса... 1992. С. 170).

Катандинская степь в верховьях р. Катунь, где располагался курган, окаймлена со всех сторон горными хребтами со снежными вершинами и находится в непосредственной близости от зоны распространения вечной мерзлоты (Гаврилова, 1957. С. 251). Именно присутствием льда в погребении объясняется достаточно хорошая сохранность органических материалов. В этой связи необходимо упомянуть в качестве примера знаменитые памятники

из других районов Алтая. Это Пазырыкские курганы, донесшие до нас великолепно сохранившиеся образцы различных изделий из войлока, кожи, дерева, шерсти, раскопанные в середине прошлого века М.П. Грязновым (1950) и С.И. Руденко (1953; 1960). А также курганы алтайского плато Укок, где были найдены мумифицированные останки погребенных с хорошо сохранившимися татуировками и предметами одежды, исследованные в последние годы В.И. Молодиным (2000. С. 86–119) и Н.В. Полосьмак (2000. С. 57–85).

При поступлении в ГИМ в 1921 г. одежды из Катандинского кургана находились в таком состоянии, что их нельзя было изучать и экспонировать, т. к. с момента раскопок и до начала реставрации предметы просуществовали 71 год.

Первая реставрация древних одежд была начата в 1935–1936 гг. К музейным реставраторам «халат» и «фрак» попали в виде свертков пересохшей, покоробленной кожи. После размягчения «халат» представлял собою влажную тяжелую массу темно-коричневого цвета. Меховая ткань верха особенно пострадала от времени и предыдущих условий хранения. Целыми сохранились оплечье, кожаные полосы переда, полосы из кожи на рукавах. Мех большей частью вытерся. Листовое золото, которым были покрыты деревянные бляшки и квадратики из кожи, не сохранилось; лишь в немногих местах были видны его крошечные следы (Видонова, 1938. С. 169–176).

«Халат» представляет собой меховую одежду на меховой подкладке (рис. 2: 1, 2). Покрой одежды широкий; более узкий в плечах, к подолу он сильно расширяется. Мех покрашен в зеленоватый и красноватый тона и выложен узором по типу инкрустации. Одежда отделана полосами кожи, деревянными бляшками-украшениями, нарезанными из кожи квадратиками разных размеров и свитым из узких полосок кожи шнурком.

Всего на шубе было укреплено до 8000 деревянных и около 3000 кожаных, обложенных листовым золотом, бляшек. По стану «халата» покрашенный мех, сшитый из небольших кусочков, расположен узором в виде «чешуек».

Рукава «халата» узкие, длинные, прямого покроя, к низу суживаются и, вероятно, имеют чисто декоративный характер, т. е. шуба просто набрасывалась на плечи (Видонова, 1938. С. 170–174. Табл. 1–3; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 59–61. Рис. 2.31, 2.34). По всей видимости, катандинские «халат» и «фрак» представляли собой особый, парадно-представительский вид одежды, призванной подчеркнуть высокий статус носившего его человека (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 58).

Таким образом, в результате реставрации 1930-х гг. состояние одежд стабилизировалось, они были укреплены, разрушающие процессы приостановлены. И «халат», и «фрак» приобрели экспозиционный вид, и длительное время выставлялись в V зале Исторического музея.

В относительно стабильном состоянии одежды просуществовали до 1988 г., когда «халат» был вывезен на выставку «Цивилизации Шелкового пути» в Японию (The Silk Road, 1988. P. 130, 131).

После возвращения с длительного экспонирования в течение ряда лет на кожаной основе «халата» были отмечены необратимые изменения, которые постепенно развивались и поставили под угрозу сохранность предмета.

В частности, были отмечены многочисленные следы механической деформации кожаной основы, расслоение подкладки, отрыв фрагментов «халата» и деревянных бляшек. Наиболее угрожающим выглядело появление так называемых «мокнущих» частей шубы. Отдельные участки кожаной основы как бы превращались в мокрое, липкое и вязкое смолоподобное вещество. Этот процесс достаточно быстро развивался и приводил к возникновению ряда утрат. В 1990-х гг. были предприняты первые попытки исследовать и остановить эти процессы. В частности, были исследованы физико-механические свойства материалов накладных украшений «халата» (Юсупова и др., 1999. С. 13–22).

Состояние «фрака» тоже было далеко от идеального. Но он, в отличие от «халата», не имел «мокнущих» мест. Напротив, его кожаная основа была чрезмерно пересушена, что привело к многочисленным разрывам и надломам сухой кожи.

Для возможного предотвращения будущих разрушений «халат» и «фрак» были сняты с постоянной экспозиции и помещены в специальные герметичные контейнеры в атмосфере инертного газа аргона в отсутствии света. Ведется периодический мониторинг состояния этих памятников.

В последние годы начаты предреставрационные исследования кожи «халата» и «фрака», цель которых – установить степень и причины деструкции материала, а также найти оптимальные методы консервации памятников.

Координацию исследований древних одежд методами естественных наук осуществляет в.н.с. ГИМ О.Б. Лантратова. В работе принимают участие специалисты в области биополимеров из НИУМЦ биомедицинских технологий (Лаборатория при Мавзолее В.И. Ленина) – В.В. Семикин, Е.В. Виноградова, В.А. Дубинская.

В частности, была исследована структура кожи,

определены ее биохимические параметры. Выяснено, что кожа на лицевой стороне «халата» имеет крайнюю степень деструкции и представляет собой, по сути дела, смолоподобный материал, утративший большинство основных первоначальных морфологических, структурных и биохимических признаков. Установлено, что внутри материала, из которого изготовлен «халат», непрерывно происходят процессы окислительно-гидролитического разрушения.

Исследование экстрактов из образцов кожи и летучих продуктов, выделяющихся из нее, дало основание предположить, что в процессе деструкции участвуют факультативные анаэробные микроорганизмы. В связи с этим к работе были привлечены микробиологи Биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.П. Петушкова и Ю.А. Петушкова. В настоящее время из образцов «халата» выделены два вида бактерий.

Не менее важной и сложной задачей является выбор методов реставрации и консервации материала «халата». Для решения этой задачи специалисты НИИ им. Л.Я. Карпова, А.В. Пибалк и К. Маилян, предложили использовать уникальное полимерное покрытие поли-пара-ксилилен (парилен), которое широко используется для реставрации сильно разрушенной бумаги. Имеется опыт реставрации археологических материалов из дерева, керамики и металла с помощью парилена в Государственном Эрмитаже. Пробная обработка образца кожи «халата» париленом из газовой фазы дала положительные результаты. Кожа при этом упрочнилась без потери эластичности.

Таким образом, в настоящее время ведется работа по изучению этих уникальных археологических объектов с помощью методов естественных наук. Надеемся, что продолжение исследований катандинских одежд позволит найти оптимальные пути для приостановления деструктивных процессов и дальнейшей реставрации этих археологических памятников мирового значения. Важную роль здесь будет играть кооперация специалистов из России и Германии в рамках предполагаемого совместного проекта.

Видонова Е.С., 1938. Катандинский халат: По материалам реставрационной мастерской ГИМ // Сб. статей по археологии СССР. М. (Тр. ГИМ. Вып. VIII.)

Гаврилова А.А., 1957. Раскопки Второго Катандинского могильника: Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции 1954 г. // СА. XXVII.

Грязнов М.П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.

Грязнов М.П., 1992. Алтай и приалтайская степь // Степ-

- ная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР)
- Захаров А. А., -1926. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. // Тр. ГИМ. Вып. 1. Разряд археологический. М.
- Киселев С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Молодин В. И., 2000. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск.
- Полосьмак Н. В., 2000. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха 3 // Там же.
- Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л., 2005. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск.
- Радлов В. В., 1884. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. СПб.; М. Т. XI.
- Радлов В. В., 1896. Сибирские древности: Из путевых записок по Сибири / Пер. А. А. Бобринского // Зап. Императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. VII. СПб.
- Радлов В. В., 1989. Из Сибири: Страницы дневника // Этнографическая библиотека. М.
- Руденко С. И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. (Археология СССР.)
- Юсупова М. В., Алиев А. Д., Савенко В. И., 1999. Исследование физико-механических свойств материалов накладных украшений Катандинского халата // Реставрация музейных ценностей: Научные и практические работы. М. (Тр. ГИМ. Вып. 107.)
- Radloff W., 1893. Aus Sibirien: Löse Blätter aus meinem Tagebuch eines reisenden Linguisten. Leipzig. Bd. II.
- The Silk Road: The Oasis and Steppe Routes // The Grand Exhibition of Silk Road Civilizations. Nara, 1988.
- Zakharov A., 1925. Antiquities of Katanda (Altai) // Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. LV.

Я. В. Фролов

НПЦ «Наследие», Барнаул

К вопросу о реконструкциях этнокультурной ситуации в лесостепном Алтае в эпоху раннего железа*

Для реконструкций этнокультурной ситуации в древности всегда являлось перспективным привлечение материалов этнографии и истории. В связи с этим для нас интересны данные по развитию хозяйства и истории этнокультурных взаимодействий в лесостепном Алтае в XVI – начале XVIII в., которые можно почерпнуть в русских письменных источниках. Этот период важен для понимания того, как в древности формировались и действовали механизмы этнокультурных взаимодействий и процессов, проходивших в регионе в эпоху железа; какие локальные территории с разными природно-климатическими условиями привлекали то или иное население, как влиял политический фактор на развитие культур, по каким путям продвигались миграционные потоки.

Общую канву этнокультурных взаимодействий в конце XVI – начале XVIII в. на территории Верхнего Приобья, на основе исследований А. П. Уманского и Л. И. Шерстовой (Уманский, 1980; 1995; Шерстова, 2005), можно реконструировать следующим образом. В конце XVI – начале XVII в. западные

монголы-ойраты из-за поражений в борьбе с халха-монголами и казахами были вынуждены продвигаться на северо-запад. Они занимают западную часть Горного Алтая, продвигаются в Восточный Казахстан и дальше в междуречье Оби и Иртыша. Это привело к серьезным подвижкам населения, обитавшего ранее на этих территориях. Кочевавшие в Горном Алтае тюркоязычные племена телеутов вынуждены продвигаться на северо-восток, в Восточный Алтай и в северные предгорья Алтая (Шерстова, 2005. С. 45–48). Дальнейшее продвижение монголов в начале XVII в. вынудило телеутов уйти в Верхнее Приобье на правобережье Оби и затем еще дальше, в Кузнецкую котловину. В периоды серьезной опасности (1606, 1609–1615 гг.) телеуты кочуют в «одном дне конного хода» от Томска. В 1617–1619 гг., когда основная часть ойратов уходит южнее, телеуты переходят опять на левобережье Оби. Затем, в начале 1620-х гг., когда ойраты опять решают кочевать в междуречье Оби и Иртыша, а в период наибольшего кризиса (1621 г.) часть монгольских родов даже зимует на правобережье Оби

в устье р. Чумыш, телеуты вынуждены вновь продвинуться северо-восточнее. Очередное смещение ойратов к югу позволяет телеутам после 1622 г. вернуться на левобережье Оби. После 1635 г. – образования Джунгарии – одна часть телеутов (улус Мачика) опять смещается в Приобье, а другая часть (улус Коки Абакова) остается на реках Бачате и Мерети. В период ойрато-телеутских войн, после 1655 и до 1663–1664 гг., телеуты кочуют снова на правобережье Оби и в Кузнецкой котловине. После ряда ударов по ним русских отрядов в 1661–1663 гг. телеуты окончательно уходят из Кузнецкой котловины, где остаются только «выезжие телеуты», принявшие русское подданство. В конце 1660-х и до 1680-х гг., в период подчинения Джунгарии, телеуты снова летом кочуют на левобережье Оби в районе устьев рек Барнаулка, Алей, Чарыш, иногда смещаясь на Правобережье. Зимуют на юго-западе – в северных предгорьях Алтая, Алейских степях, на реках Алей и Чарыш. В 1680-1690-х гг. телеуты смещаются еще южнее. Затем, после 1717 г., джунгары переселяют телеутов в Восточный Казахстан и Западную Монголию.

Следует подчеркнуть, что этнические процессы в XVII – начале XVIII в. в Верхнем Приобье были значительно сложнее. Ни телеуты, ни ойраты не представляли собой монолитных групп. Отдельные роды, группы родов кочевали самостоятельно. На территории междуречья Оби и Иртыша проживали отдельные группы тувинцев – орчаки и кужегеты. В Кузнецкой котловине, Горной Шории, Салаире и на Бийско-Чумышской возвышенности обитали различные разрозненные группы тюркоязычного населения – тогульцы, тагапцы, абинцы, куманда, аз-кыштымы и т. д., платившие ясак и алман как в Кузнецк и Томск, так и телеутам и джунгарам. На правобережье Оби кочевали и отдельные улусы монголов – черных калмыков.

Отрывочность сведений позволяет выделить только основные факторы развития этнокультурной ситуации в регионе.

В изменениях мест проживания, миграциях телеутов и других кочевников в лесостепном Алтае первостепенную роль играл политический фактор. Активизация военных столкновений в центральной Азии и продвижение оттуда на север групп кочевников-аутсайдеров приводило к цепной реакции смещения всех групп кочевников в северном и северо-восточном направлениях. Более слабые и небольшие по численности группы скотоводов, проживавших в лесостепях, ищут спасения к северу, вплоть до границы южно-таежной зоны. В лесостепном Алтае в периоды военной опасности скры-

ваются группы кочевников из Горного Алтая, Тувы, Монголии. При любой возможности кочевники стараются вернуться южнее. Отсутствие достаточного количества зимних пастбищ в регионе не позволяло постоянно проживать здесь большим группам скотоводов. Кочевые группы, вынужденные долгое время оставаться в лесостепном Алтае, не имеют возможности для развития, у них уменьшается поголовье скота, часть из них, уже не имеющая возможности вести полноценное кочевое хозяйство, вынуждена переходить к полукочевому скотоводству. Только наиболее сильные группы кочевников используют Кулунду, Алейские степи и левобережные районы Барнаульского Приобья как летние пастбища, уходя на зимовку в Рудный Алтай и Восточный Казахстан.

Миграции кочевого населения в пределах разных зон лесостепного Алтая даже в пределах одного века довольно многочисленны. Границы между разными ландшафтными зонами прозрачны – это наглядно можно представить на примере миграций телеутов в XVII в.

Наиболее значимое направление миграций в лесостепной Алтай – с юго-запада, из Восточного Казахстана и Прииртышья, через Рудный Алтай и Кулунду. На этом направлении нет серьезных природных препятствий, и оно связано с сезонными перекочевками. Юго-восточное направление миграций гораздо менее интенсивно. Через Туву и Восточный Алтай проникали небольшие кочевые группы и отдельные военные отряды, осуществлявшие набеги и сбор алмана. Соответственно и политический вектор связан с юго-западным направлением.

Наблюдаются две тенденции изменения культурного облика кочевого населения в лесостепном Алтае и на сопредельных территориях. Первая, широко распространенная: кочевые этносы перенимают традиции доминирующей этнической группы. Так, сначала элита телеутов, а затем и рядовое население, перенимает ряд традиций ойратов (Шерстова, 2005).

Другая тенденция связана с вынужденным впитыванием пришлыми коллективами бывших кочевников, осевших на землю, хозяйственных, а затем и других бытовых традиций местного оседлого населения, связанных с адаптацией к природным условиям. Этот вариант культурных изменений хорошо прослеживается на примере тюркских и тюркизированных групп оседлого и полуоседлого населения маргинального характера из районов восточной части северных предгорий Горного Алтая, Присалаирья, Северо-Восточного Алтая, Горной Шории и других территорий – абинцев, тогульцев, тагапцев,

кумандинцев и т. д. Это маргинальные районы, в которые постоянно проникает новое население из степей – кочевники-аутсайдеры, вынужденные отказываться от более продуктивного кочевого хозяйства и осваивать оседлый образ жизни. Здесь можно говорить о продолжительной трансляции автохтонных традиций, связанных с глубокой древностью. Детально исследованы процессы тюркизации на этих территориях, но если предложить еще большую ретроспекцию, то можно говорить и о «скифизации» в более раннее время этих районов.

С учетом вышесказанного основные тенденции формирования и развития культур раннего железного века видятся следующим образом. Формирование староалейской культуры произошло в результате мощной миграции – спровоцированной, вероятно, политическими событиями в конце VII – начале VI в. до н.э., – в район Верхнего Приобья кочевой группы, вытеснившей, а возможно и частично истребившей, местное большереченское население. Исходные районы миграции – Тува, Центральная Азия – через Юго-Восточный Алтай и долину Средней Катунь и северные предгорья Алтая. Эта миграция привела к смене культурного облика не только в Верхнем Приобье (формирование староалейской и кижировской/шеломокской культур), но и в других регионах (появление подгорновского и большепичугинского типов памятников и похожих памятников в Кузнецкой котловине).

В Барнаульском Приобье новое население, вероятно, включает местные группы большереченской культуры. Возможно, перенимает часть традиций аборигенного населения. Исчезновение культуры могло быть связано как с уходом части кочевого населения обратно в Туву, так и с затуханием культуры, уменьшением численности населения, оставшегося в Приобье и уже не способного вести полноценно скотоводческое хозяйство, а также с ассимиляцией доминировавшими в регионе с V в. до н.э. группами населения каменной культуры. Данные процессы можно сравнить с механизмами развития тюркизированных маргинальных этнических групп «степных волостей» восточной части лесостепного Алтая и Кузнецкой котловины.

Формирование каменной культуры большинство исследователей также рассматривает как результат миграции в Кулунду и Верхнее Приобье в конце VI – начале V в. до н.э. уже с юго-западного направления, из районов Восточного Казахстана. На основе пришлых кочевых групп, при включении в себя части населения междуречья Оби и Иртыша, проживавшего здесь ранее, и взаимодействии со староалейским, быстрянским и кижировским населением, формируется каменная культура.

На протяжении V–III вв. до н.э. каменное население занимает обширные пространства междуречья Оби и Иртыша и правобережную зону Приобья, причем наиболее самобытные в культурном отношении памятники раскопаны именно в Приобской зоне. В Кулунде и юго-западных районах Алтайского края этническая ситуация была, видимо, сложнее. Здесь раскопаны памятники, в культурном отношении несколько отличные от «классических» каменных, – могильники Михайловский VI, Локоть IVa и др.

Серьезные изменения в этнокультурной ситуации наблюдаются после II в. до н.э. Каменное население, вероятнее всего, под влиянием политического фактора, сдвигается в Приобье, в основном на правобережье Оби. Подобные же процессы наблюдаются и по материалам саргатской культуры, которая сдвигается в свой северный ареал. Длительное существование каменных групп в новых условиях приводит к деградации и постепенному затуханию культуры, ассимиляции другими этносами (новосибирский вариант кулайской культуры). Наиболее поздние каменные памятники датируются рубежом эр – I–II вв. н.э.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 60-01-00510a.

Уманский А.П., 1980. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск.

Уманский А.П., 1995. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул.

Шерстова Л.И., 2005. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск.

К.В. Чугунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2

Своеобразие отдельных групп предметов прикладного искусства, происходящих из погребально-поминального комплекса Аржан 2 (Čугунов, Parzinger, Nagler, 2003. S. 113–162), позволяет выделить предварительно четыре манеры их исполнения (Чугунов, 2004. С. 273–276). В этой работе рассматриваются вопросы композиции, иконографии образов и некоторых аниконических мотивов из комплекса памятника.

В целом для искусства Аржана 2 характерна асимметричность построения изображения. Однако встречены предметы, где изображения расположены симметрично. Как правило, это изделия, сама форма которых диктует подачу их декора по принципу зеркальной симметрии. К таковым относятся подковообразная портупейная пряжка с головами птиц (рис. 2: 4), а также акинак (рис. 1: 1) и кинжал, где гарды и навершия выполнены в виде симметричных фигур хищников.

В основном захоронении Аржана 2 некоторые предметы декорированы в манере «загадочных картинок» (рис. 2: 5). Заметим, что обширный bestiary звериного стиля Аржана 2 не включает ни одного синкретичного образа, поэтому, как отмечалось Е.В. Переводчиковой (1994. С. 95), едва ли можно согласиться с тем, что для «загадочных картинок» характерно совмещение в одной фигуре черт различных животных (Грач, 1980. С. 79). Все изображаемые животные, когда они могут быть определены, имеют реальных прототипов в природе. Даже в схематизированных образах, когда из-за мелких размеров невозможно сказать, что за животное изображено, уверенно определяется только одно – хищный это зверь или травоядный. Вероятно, именно эта оппозиция была важна для решения смысловой задачи, стоящей перед мастером. Поэтому едва ли следует отказывать композициям «загадочных картинок» в наличии в них сюжетной основы (Кадырбаев, 1966. С. 397). Что касается такой компоновки изображений на предметах, то возможно она и восходит к традиции взаимовписывания фигур на оленьих камнях монголо-забайкальского типа (Переводчикова, 1994. С. 96), однако представляется, что это утверждение скорее относится к другому композиционному приему, рассмотренному ниже.

Этот прием – последовательное чередование изображений одинаковых или разнообразных жи-

вотных – можно условно назвать «шествием зверей». Показательным примером такого рода построения композиции являются ряды зверей на стержнях шпилек женского головного убора (рис. 2: 1) и на гривне мужчины-«царя» из основной могилы кургана. Здесь не возникает сомнений в том, что взаимосвязанные ряды образов изображались сознательно. Учитывая, что бляшки или обоймы, выполненные в виде отдельных фигурок зверей, образовывали на костюме, поясе или портупейном ремне последовательные ряды, этот композиционный прием становится ведущим и наиболее значимым для искусства Аржана 2.

Вместе с рассмотренными композиционными построениями, образованными совмещением отдельных изолированных фигур, в коллекции Аржана 2 присутствуют и связанные сюжеты – так называемые сцены терзания. Вероятно, такие повествовательные композиции только начали создаваться в это время, т. к. сюжет терзания травоядного животного хищником показан на некоторых предметах достаточно условно. Наиболее отчетливо он изображен на трех портупейных обоймах акинака, где морда антилопы помещена в разверстую пасть зверя (рис. 1: 2). На обойме, располагавшейся на конце ножен, терзание барана обозначено помещением двух фигур хищников по обе стороны от него. Совсем условно этот сюжет показан аппликацией на наконечнике стрелы: перед хищной птицей лежит голова антилопы (рис. 2: 6). По сути, здесь только обозначена тема некоего взаимодействия двух образов. Можно предположить, что этот же «текст» показан в «шествию зверей» на центральной оси акинака путем ритмического акцентирования чередования изображений тигров и травоядных (рис. 1: 1).

Известно, что для искусства скифского времени характерны устойчивые иконографические схемы изображений животных. Они, безусловно, несли определенную семантическую нагрузку и были «читаемы» именно в том виде, в каком их показывали древние мастера. Среди них есть изображения, распространенные по всей зоне расселения племен скифского типа, – например, олень с подогнутыми ногами. То же можно сказать и об изображении свернувшегося в кольцо хищника – наиболее характерного образа архаического пласта кочевнических древностей. Свернувшаяся «пантера» из Аржана 1 –

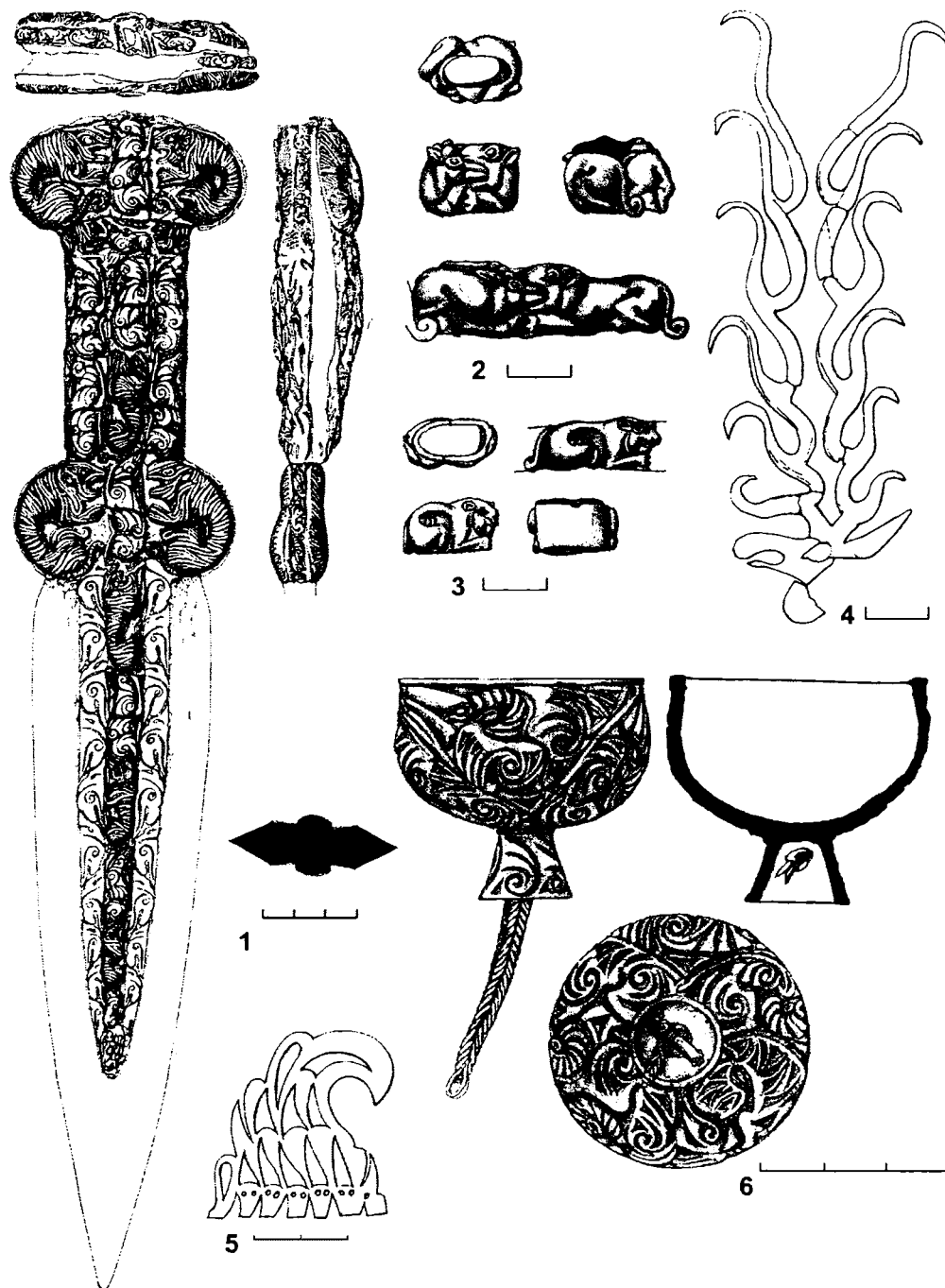

Рис. 1. 1 – акиак; 2, 3 – обоймы от портупей акиака и развертки изображений на них; 4 – аппликация на луке; 5 – ажурная нашивка на головной убор; 6 – подвеска к поясу в виде котла. (1 – железо и золото; остальное – золото).

яркий пример такой трактовки. Интересно и едва ли случайно отсутствие этого образа в обширной иконографии bestiaria Аржана 2. В то же время, здесь присутствуют изображения кошачьих хищников, показанных в специфической позе – с подвернутой под бедро задней лапой (рис. 1: 1, 3; 2: 5). Иногда мастер изображал когти, торчащие из-за бедра. Зве-

ря в такой позе можно условно назвать полусвернутым. Спина его, как правило, согнута дугой, а конец длинного хвоста загибается кольцом. Рассматриваемая иконография, несмотря на свою специфичность, находит аналогии в искусстве других областей скифского мира (Samašev, 2007. S. 164. Foto 5; Акишев, 1976. С. 183–185. Рис. 1; Rahaman, 1990.

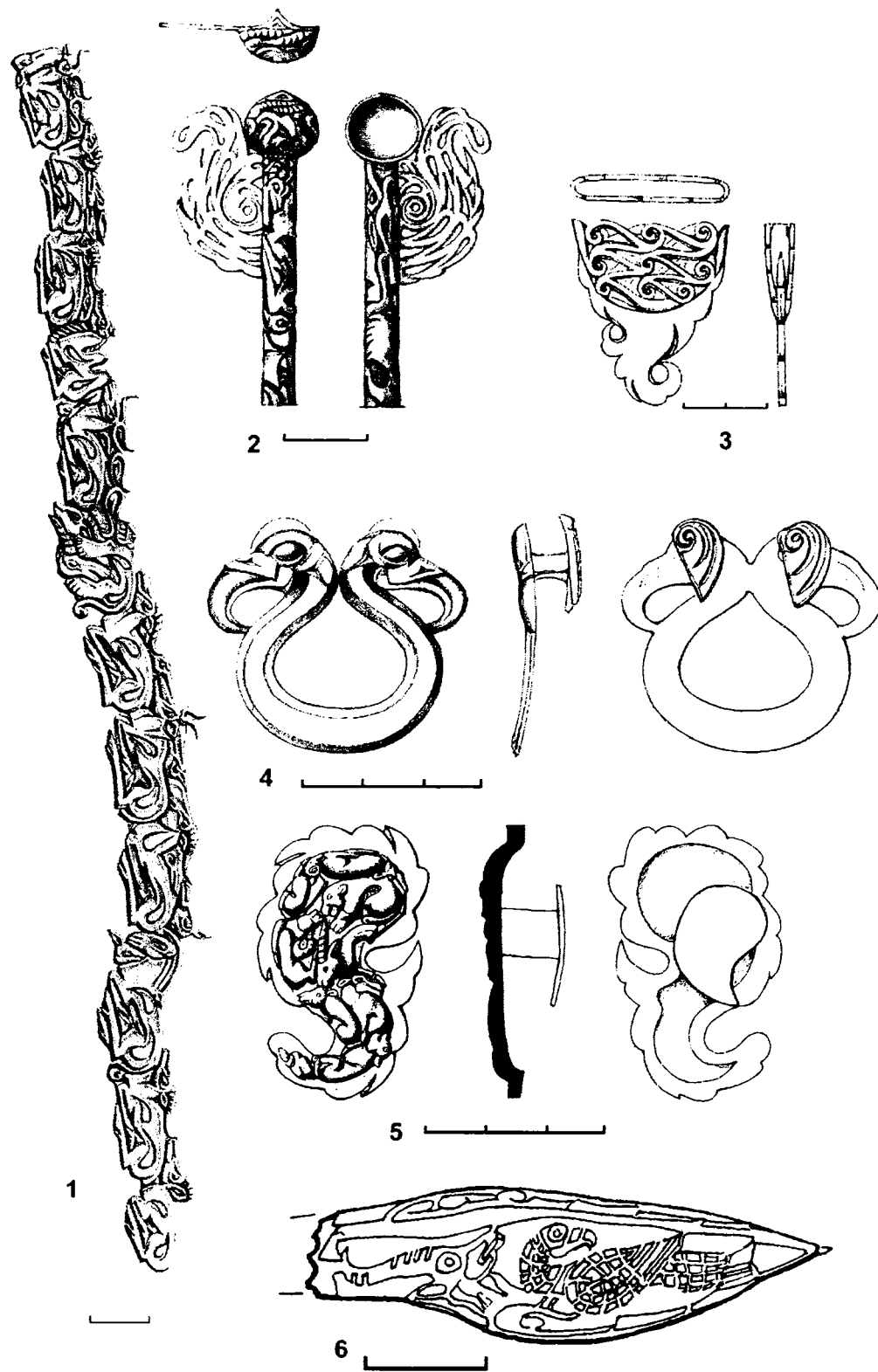

Рис. 2. 1 – развертка изображений на стержне золотой шпильки с навершием в виде оленя; 2 – верхняя часть шпильки с навершием в виде ложечки; 3 – пряжка пояса; 4 – пряжка портупеи горита; 5 – бляха-застежка портупеи акинака; 6 – наконечник стрелы. (6 – железо и золото; остальное – золото).

Р. 5–17. Pl. 5; Итина, Яблонский, 1997. С. 22. Рис. 44, 1). На связь искусства Аржана 2 с территориями, расположенными довольно далеко от Тувы, указывают и другие зафиксированные здесь специфические мотивы, которые необходимо рассмотреть особо.

Речь идет о своеобразном мотиве «сложного завитка», широко представленном в материалах Аржана 2 (рис. 1: 5; 2: 2, 3, 5). Этот «сложный завиток», состоящий из направленных в противоположные стороны клювообразных отростков, дополненных полукруглыми фестонами, трудно описать, т. к. на разных предметах у него свои особенности. Как правило, он имеет S-образные очертания, но иногда изображалась лишь его часть. Рассматривая разные варианты трактовки этого мотива, необходимо отметить, что завиток в ряде случаев имеет не острое, напоминающее клюв хищной птицы, окончание, а заканчивается овальной петлей или пластиной. На первый взгляд, мотив «сложного завитка» аниконичен, хотя устойчивые сочетания завитков, повторяющиеся на разных изделиях, заставляют предполагать заключенный в этом образе особый, понятный в древности смысл. П.И. Шульга считает, что таким образом в раннескифское время изображалась комбинация из орлиных голов, которая позже трансформировалась в образ грифона (Шульга, 2003. С. 250–258). М.П. Завитухина видела в подобных изображениях на тагарских бронзах растительные мотивы (Завитухина, 1983. С. 92, 185, 186). Не исключено, что в различных культурных средах он воспринимался по-разному. Однако для понимания путей формирования искусства звериного стиля такие устойчивые иконографические схемы очень важны, т. к. позволяют установить взаимосвязь достаточно удаленных друг от друга регионов.

Кроме этого мотива, предметы из Аржана 2 украшены и более простыми изображениями, которые иногда образуют довольно сложные композиции. Одна из наиболее распространенных – орнамент, составленный из пламевидных фигур в форме изогнутого вытянутого треугольника. Часто одна из фигур закручена в спираль, как на поддоне миниатюрного котелка или на кнопках портупейной пряжки (рис. 1: 6; 2: 4).

Еще один орнаментальный мотив использован при украшении клинка акинака (рис. 1: 1). Спиральные завитки и криволинейные фигуры, об-

рамляющие его nervюру, зеркально симметричны относительно центральной оси. Подобные мотивы известны на китайских изделиях начиная с эпохи Восточного Чжоу. В китайской историографии такой декор имеет особое название, которое переводится как орнамент в виде облаков. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с произведением мастера, хорошо знакомого с этим художественным приемом, а возможно, и носителя традиции.

Акишев А.К., 1976. Новые художественные изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Завитухина М.П., 1983. Древнее искусство на Енисее (скифское время). Л.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.

Шульга П.И., 2003. Орлы и грифоны скифского времени в Южной Сибири (разграничение и датировка образов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул. Кн. 1.

Чугунов К.В., 2004. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Мат. тематич. науч. конф. СПб.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A., 2003. Der skythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva: Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002 // Eurasia Antiqua. Mainz am R. Bd. 9.

Rahaman S., 1990. Unique find of Gold Ornaments from Pattan (Kohistan) // Journal of Central Asia. Vol. XIII, № 1. July.

Samašev Z., 2007. Die Fürstengräber des Siebenstromlandes // Im Zeichen des goldenen Greifen: Königsgräber der Scythen. München; Berlin; London; New-York.

М.А. Шайхетдинов

Центр этнологических исследований УНЦ РАН, Уфа

К вопросу об импортах в культурах племен лесостепного Приуралья

Лесостепное Приуралье представляет собой интереснейший объект для изучения обмена и торговли в раннем железном веке. В этот период можно говорить о двух направлениях товарообмена: 1) обмен между носителями различных хозяйственно-культурных типов; 2) обмен с другими экономическими областями. Но основная часть импортных вещей попадала племенам лесостепного Приуралья при посредничестве южно-уральских кочевников, путем обычной торговли. Сарматы находились в тесном контакте с римскими колониями в восточном Причерноморье (Раев, 1979; Шилов, 1975. С. 138).

А.П. Смирнов затрагивал ряд важных проблем, касающихся воздействия античных центров на культуру племен, населявших дальнюю периферию цивилизации того времени. Автор показал, что, несмотря на преобладающее влияние на племена Северо-Восточной Европы соседних культур, античное воздействие на указанный регион нельзя сбрасывать со счетов. Исследователь высказал ряд положений относительно проникновения отдельных античных элементов в жизнь населения Урало-Поволжья, в частности в культуру пьяноборских племен. В могильниках последних встречается большое количество импортных вещей. Особенно богат такими находками пьяноборский могильник у с. Новосасыкулево, исследованный С.М. Васюткиным и В.К. Калининым (1986).

Среди копий выделяются три наконечника, найденные В.К. Калининым, типологически отличающиеся от всех остальных пьяноборских наконечников (Иванов, 1984. С. 38). Это копия с длинными втулками и вытянутыми листовидными перьями с полукруглым ребром и наконечник дротика с треугольным пером, имеющим опущенные концы.

Несомненно импортным был меч с фигурным железным перекрестьем в виде секир, на лицевой стороне которых было нанесено украшение в технике перегородчатой эмали. В центральной части перекрестья находился трехлепестковый цветок, а по бокам располагались по три лепесточка. Контуры лепестков выполнены из белой бронзы, а пространство заполнено эмалью желтого цвета (Васюткин, Калинин, 1986. С. 115).

В состав ожерелий (стекло и фаянс) входят бусы

в виде фигурок львов, жуков-скарабеев, виноградных гроздей, амфор, мужских гениталий (Васюткин, Калинин, 1986. С. 103). При датировке бусинного материала раннего железного века большинство археологов обращается к капитальным трудам Е.М. Алексеевой, связывая появление импортных бус в Приуралье именно с Причерноморьем. Однако в Северном Причерноморье рассмотренные типы бус не производились, а появились здесь из стран Средиземноморья. Бусы Средиземноморского бассейна VI–V вв. до н.э. распространялись не только в Причерноморье, но и в лесостепь и степные районы. В Приуралье подобные импортные бусы попадали в основном именно из Причерноморья через сармат, хотя не исключен импорт и из других регионов (например, из Средней Азии).

На основании находок 14 античных фибул в 13 погребениях С.М. Васюткин и В.К. Калинин (1986. С. 97, 106, 107, 121, 122) датировали могильник I–III вв. н.э. Б.Б. Агеев (1992. С. 79) считает, что фибулы типа «Авцисса» не могли попасть в могилы раньше фибул II–III в. н.э., и они запаздывают и не датируют памятник.

Возможности использования античных импортов для абсолютной датировки представляются ограниченными (Раев, 2006. С. 89). По большей части нам неизвестны обстоятельства попадания той или иной вещи к пьяноборцам, ведь путь мог быть довольно долгим, а также время ее захоронения могло запаздывать по отношению ко времени ее производства и использования в античном мире.

Агеев Б.Б., 1992 Пьяноборская культура. Уфа.

Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.

Иванов В.А., 1982. Вооружение и военное дело финноугров Приуралья в эпоху раннего железа. М.

Раев Б.А., 1972. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I – III вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Раев Б.А., 2006. К абсолютной хронологии римского импорта в Азиатской Сарматии // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск. Т. II.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

*О. В. Шаров**Институт истории материальной культуры РАН*

Культовый комплекс Таракташ в горном Крыму

В ходе раскопок, проведенных в 1995, 2002–2007 гг. Горно-Крымской (Крымский филиал Института археологии НАН Украины), Славяно-Сарматской (ГЭ) и Таракташской (ИИМК РАН) археологическими экспедициями на склонах горы Таракташ у с. Дачное Судакского р-на АР Крым, были открыты святилища Таракташ I, Таракташ II и Таракташ III. Вблизи них выявлены и исследованы комплексы саманных построек на каменных фундаментах (поселение Таракташ I), которые занимают западный и южный склоны горы. Они относятся к трем хронологическим горизонтам: I в. до н.э. – I в. н.э., II в. н.э. и конец II – начало III в. н.э.

Представленный на святилищах Таракташ II (раскоп II) и Таракташ III (раскоп I) материал относится к двум последним этапам: II в. н.э. и концу II – первой половине III в. н.э., в то время как материал святилища Таракташ I, раскопанного в 1995 г. Горно-Крымской экспедицией говорит о периоде его более длительного использования в течение середины I – середины IV в. н.э. При этом весь материал середины – второй половины I в. н.э. происходит только с уровня фундамента алтаря и основания каменного фундамента храма I святилища Таракташ I. Слои заполнения храма I, в котором обнаружены 250 краснолаковых сосудов, черешковые трехлопастные наконечники стрел, глиняные алтарики и курильницы, свидетельствует о том, что основное время функционирования святилища падает также на конец II – первую половину III в. н.э. При этом среди краснолаковых сосудов представлены фрагменты блюда поздней группы африканской сигилляты, которые свидетельствуют о том, что данное святилище могло использоваться и в середине – второй половине IV в. н.э. Вполне возможно, что именно это блюдо и фиксирует время оставления храмов, время разборки деревянных конструкций и закладывания алтаря и фундамента камнями.

На основании открытого на поселении и святилищах археологического материала мы полагаем, что на втором и третьем этапах – во II – начале III в. н.э. – появляется новое население, которое приносит с собой новые культурные традиции. Это выразилось, прежде всего, в иной строительной технике: на крутых горных склонах появились саманные постройки на впущенных глубоко в культурный слой первого строительного горизонта фундаментах, сло-

женных из необработанных мелких и средних камней на известковом растворе. Часть лепной керамики отличается от местной позднескифской и имеет аналогии в материалах джетысарской и арысской культур (Приаралье и среднее течение Сыр-Дарьи). Материал святилищ также указывает на среднеазиатские параллели – это и антропоморфные идолы, и курильницы с квадратными основаниями и выступами по бокам резервуара на высоких ножках, и подквадратные алтарики.

Находки скульптур, происходящие из поселений и святилищ Крыма, дают обширный материал для сопоставлений с материалами прежде всего Средней Азии, где с первых веков н.э. зафиксирован и археологически, и письменными источниками ряд культов, атрибутами которых были антропоморфные изображения. В китайской хронике «Тай Шу» приводятся сведения о том, что «в Западном Цао, на северо-востоке, есть храм духу Дэси. Жители поклоняются ему. В этом храме есть золотая утварь с надписью, что сия утварь пожалована сыном Неба из династии Хань»

В хронике «Вей Шу» приводятся более подробные сведения об этом культе: «В сем владении Цао есть дух Дэси, которому поклоняются во всех владениях, лежащих от Западного края на восток. Он представлен в виде образа золотого истукана в 15 футов в объеме с соразмерной вышиной. Ежедневно в жертву ему закалывают 5 верблюдов, десять лошадей и сто баранов. Число жертвующих простирается до тысячи человек и не могут съесть всего». Древнее Западное Цао – это Канцзюй письменных китайских источников. А.Н. Подушкин помещает 5 владений Канцзюя в области средней Сыр-Дарьи и горного массива Каратау.

Культе божеств-покровителей дома известен по материалам Авесты. В этом источнике фигурируют и духи дома и семьи, умершие родичи – «иманья», которые после смерти заботятся о благополучии семьи. В Авесте упоминаются и духи рода и племени. В.А. Лившиц сопоставляет их с авестийскими «фравашами» – ангелами-хранителями, героизированными предками. Он полагает, что «иманья» изображались в виде идолов, которые ставились в доме. Авеста их рисует в виде сидящих в торжественном молчании величественных существ женского пола. По Авесте, 10 дней до Нового года совершались

подношения и жертвоприношения «фравашам». Эти дни фраваши проводили в родных домах и требовали к себе внимания. Не случайно в жилых комплексах поселения Семеновка все антропоморфные фигурки лежали в углах комнат. И.Т. Кругликова предполагает, что они стояли на полках. В ряде случаев они найдены у очагов в тех же комнатах.

Часто отмечалась также связь культа «фравашей» и культа предков в целом, хотя знак равенства поставить, конечно, нельзя.

Кульм предков был значительно шире и проявлялся в различных сферах.

Первоначально эти обряды, сопровождаемые жертвоприношениями, совершались на кладбищах у могилы или же в специальных постройках, принадлежащих общине на кладбище. Впоследствии обряды почитания и поклонения предкам были перенесены в специальные святилища или храмы, где останки умерших были заменены их изображениями. Можно обнаружить некоторые параллели крымским материалам в материалах из раскопок ферганского святилища Кайрагач, хотя они датируются более поздним временем. Главный обряд проходил в большой комнате перед постаментом у южной стены, где стояли большие статуи, являющиеся объектом поклонения всего коллектива, а в первой проходной комнате перед нишей, где лежали маленькие антропоморфные статуэтки, совершали обряды поклонения отдельные представители общины или семьи. Обряд совершался приношениями и возжиганием огня. Отсюда происходят также и курьницы на высоких ножках.

Анализируя Авесту, Ю.А. Раппопорт пришел к выводу, что с развитием земледелия обряды в честь умерших стали важной частью аграрного культа. Ритуалы поклонения предкам совершались весной и осенью, т. е. во время посадки и сбора урожая. Вероятно, это имеет место в Илурате, где найден и

штемпель для оттискивания культовых рельефов на лепешках с изображением божества, очень напоминающим лепные фигурки, но у которого вместо личины – колос пшеницы. Там же найдены и антропоморфные идолы в специальном помещении в центре крепости.

С культом предков связан и культ плодородия. Одним из таковых был фаллический культ. Фаллос – символ производящей силы природы. И все обряды, связанные с ним, имели целью обеспечить плодородие полей и благополучие природы. Атрибутами этого культа можно считать статуэтки и налпные изображения с подчеркнутыми признаками пола. Вероятно, эти культы часто совмещались и были неразрывно связаны между собой. О связи с культом плодородия может говорить и рельефное изображение на сосуде, происходящем из комплекса первой половины III в. поселения Таракташ, и таракташские антропоморфные статуэтки с их вертикальной направленностью и нерасчлененностью объема. В то же время, акцент, сделанный на личину, и их подчеркнутая индивидуальность говорят о неразрывной связи с культом предков, конкретным для каждой семьи и общины.

Исходя из этих фактов, мне кажется, что перед нами материал, который можно связать с переселением во II – первой половине III в. н.э. какой-то части населения (поздних сарматов) из Средней Азии.

В настоящее время практически во всех научных изданиях, посвященных этнической истории Крыма, указывается, что основной массив сарматских племен, пришедших во второй половине II – III в. в Крым составляли аланы – выходцы с Кавказа. Наши материалы указывают и на другое, достаточно перспективное, направление поисков генетических корней отдельных сарматских племен данной эпохи – на регион Приаралья и средней Сырдарьи.

Е.В. Шелпнова

Алтайский государственный университет, Барнаул

Изучение ритуальных комплексов кочевников Алтая раннескифского времени (бийкенская культура)*

Совокупность стереотипно-символических (реальных, целесообразных, нормированных) действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, которые несут идеологическую

нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего, а также спустя определенное время после захоронения, составляют сущность погребально-поминального обряда (Ольховский,

1999. С. 115). Соблюдая определенную программу поведения в ходе его реализации, коллектив преодолел критическую точку бытия – смерть (Байбурин, 1991. С. 26, 27). Одним из аспектов реконструкции такой схемы поведения и соответствующих ей обрядов у кочевников разных эпох является изучение «ритуальных», «поминальных» и «жертвенных» сооружений.

На основе изучения памятников бийкенской культуры Алтая (конец IX – вторая – третья четверть VI в. до н.э.) была выявлена определенная модель организации сакрального пространства. Ее основными элементами являлись погребальные сооружения, а также вертикально установленные объекты (стелы, изваяния, «балбалы»), кольцевые и подквадратные выкладки или вымостки. Они исследованы на следующих некрополях: Бийке, Усть-Бийке III, IV, Кызык-Телань I, Кор-Кобы I, Тыткескень I, VI, Чоба 7, Ак-Алаха II, Мойнак, Нижний Тюмечин II, Песчаная I, Семисарт, Мухор-Тархата I, Кызыл (Тишкин, Матренин, 2007; Полосьмак, 1993; Ларин, Суразаков, 1994; Суразаков, 1990а; 1990б; Суразаков, Тишкин, 2007; Киришин, Тишкин, 1997; Кочеев, Суразаков, 2003; Шульга, Демин и др., 2003; Марсадолов, 1998; 2001; Тишкин, Горбунов, 2005; Ларин, Могильников, Суразаков, 1994; Тишкин, 1994; 2000; Марсадолов, Самашев, 2000; Молодин, Черемисин, Новиков, 2004).

Выделены две категории ритуальных объектов. Первую составляют сооружения округлой формы: кольца-выкладки (ограничены выложенными по периметру камнями) и вымостки (внутри заполнены камнями в один-два слоя, а по периметру иногда ограничены более крупными камнями). По отношению к погребению они занимают следующее положение:

I. Соответствуют конкретному кургану:

1) одна выкладка или вымостка а) с севера (2 памятника); б) с юго-запада (1); в) с юго-востока (9);

2) две выкладки или вымостки с разных сторон кургана: а) с северо-востока и юго-востока (1 памятник); б) с севера и северо-востока (1); в) с юга и востока (1).

II. Находятся между курганами или в одной цепочке с ними, в стороне от погребений, вытянуто по линии запад – восток (или ЮВ–СЗ). Такие сооружения «примыкают» к внешнему кольцу кургана или находятся на некотором удалении от него; отмечено их размещение на одной линии с погребальной камерой. Приоритетной стороной их устройства являлся восточный и/или западный сектор околочурганного пространства. В результате раскопок названных объектов обнаружены кальцинированные кости живот-

ных (корова, лошадь и овца), фрагменты керамики с характерной орнаментацией или без нее, следы кострищ. На могильниках Айрыдаш I, Кызык-Телань I и Тыткескень I под выкладками с юго-восточной стороны курганов, в отдельных ямах, находились конские захоронения, ориентированные, как и погребения человека, головой на северо-запад.

Ряд сходных приемов организации сакрального пространства обнаруживается по памятникам раннескифского времени Монголии, Тувы и Забайкалья. Так, одним из элементов архитектурной композиции памятников типа херексурсов являются округлые выкладки и вымостки, «курганчики», составляющие комплексы довольно сложной конфигурации. Они занимают обычно восточный и/или западный сектора околочурганного пространства (Новгородова, 1989. С. 201, 202; Коновалов, 1999. С. 21, 22, 27; Волков, 2002. С. 16. Табл. 53; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 104; Цыбиктаров, Данилов, 2000. С. 103–105). При раскопках объектов восточного сектора находят конские черепа. В Монголии исследованы целые «жертвенные» комплексы, с восточной стороны которых под «курганчиками» нередки находки остатков лошадиных голов (Волков, 2002. Табл. 9, 11, 21, 30, 46, 50). Другим элементом таких комплексов являются «оленные» камни.

Для погребального обряда бийкенской культуры характерно захоронение лошади отдельно от человека, с юго-восточной (благоприятной) стороны (Тишкин, Леонова, 2005. С. 287). Выкладки или вымостки с захоронениями конских голов соответствуют также восточной стороне. У древних индийцев с этой стороной связано совершение жертвоприношений (Подосинов, 1999. С. 94). Надо полагать, что частью обрядовых действий являлось преднамеренное отчленение конской головы, которая затем использовалась для совершения ритуальных действий в пределах выкладок и вымосток.

Таким образом, выкладки и вымостки, занимающие восточный сектор курганов, являлись своеобразными жертвенниками. Цели жертвоприношений могли быть разнообразными (жертва-дар, жертва-посланник и др.). Жертвовалась часть вместо целого, осуществлялось приношение жидкой пищи (ее разбрызгивание) (Жеребина, 2000. С. 28). Посредством жертвы устанавливалась коммуникация, связь, обмен между профанным и сакральным мирами; восстанавливалось все то, что возникало в акте первотворения (Жуковская, 1993. С. 79; Новик, 1984. С. 135, 136; 1994. С. 146; Дмитриева, 2000. С. 12, 13, 16, 20; Топоров, 2005. С. 493).

Реконструкция обряда жертвоприношений в бийкенской культуре может производиться с при-

влечением текстов Ригvedы, а также Упанишад, создание которых приходится на раннескифское время. Обязательным элементом жертвоприношений было возлияние священного жертвенного напитка – сомы (РВ, I, 3, 5). Жертва обращалась к востоку – в сторону солнечного восхода (РВ, I, 86, 5; РВ, I, 188, 4; РВ, III, 6, 10). Объектом жертвоприношения являлась лошадь, в особенности голова коня (РВ, I, 84, 14; РВ, I, 116, 12; РВ, I, 117, 22; РВ, I, 162, 4; РВ, IV, 2, 5; Елизаренкова, 1989. С. 453, 454). Лошадь неоднократно упоминается в одном контексте с небом и солнцем (РВ, I, 115, 3; РВ, I, 121, 13; РВ, IV, 45, 6). Жертвовался и мелкий рогатый скот (РВ, I, 162, 4).

Сооружения западного сектора имели, видимо, другое назначение – для поминовения умерших. Во многих культурах запад является классическим местом расположения страны мертвых. Представление о нахождении загробного мира у носителей бийкенской культуры не является исключением. Именно в эту сторону ориентированы человек и лошадь в погребениях (Тишкин, 2007. С. 112; Тишкин, Горбунов, 2005. С. 46, 48, 51, 71. Рис. 11, 12, 15, 33). Немаловажное значение в жертвенных и поминальных обрядах имел огонь. Сожжение жертвы считалось знаком полного отделения ее от профанного мира, устранения из мирской среды (Антонова, 2005. С. 115). Передача жертвы богам, как сказано в Ригvedе, осуществлялась посредством бога огня (Агни) (РВ, I, 36, 6–9; РВ, I, 44, 2; РВ, III, 10, 7–9).

Ко второй категории ритуальных объектов отнесены стелы, обелиски и «оленные» камни, предназначенные для установки в вертикальном положении и выявленные в конструкции разнотипных памятников: курганов и жертвенных комплексов.

1. Надкурганные стелы и изваяния высотой, как правило, более 1 м являлись элементом конструкции погребального сооружения, помещались на курганной насыпи (16 памятников).

2. Околокурганные стелы и изваяния высотой до 0,6 м отличает расположение на расстоянии от курганов:

а) установлены только с одной стороны кургана, обычно с западной (6 памятников), реже восточной (2) стороны. Некоторые из таких камней помещены на одной линии с погребальной камерой (ЮЗ–СВ – Тыткескен VI, курган 55);

б) помещены с разных сторон курганов – с западной и восточной (3 памятника).

3. Являлись частью жертвенных комплексов:

а) установлены на выкладках с захоронениями лошадей (2 памятника);

б) «оленные» камни в одном комплексе с

кольцами-выкладками и херексурами (Юстыд; Кубарев, 1979. С. 13–22. Рис. 3–11).

На территории Монголии, Тувы, Восточного Казахстана известны практически аналогичные способы связи «оленных» камней с погребениями и жертвенными комплексами (Волков, 1981. С. 21, 27–29, 66, 71–73. Табл. 33; 34, 2; 80; Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 1998. С. 262, 263; Марсаолов, Самашев, 1998. С. 8).

Очевидно, в раннескифское время стелы и изваяния-«оленные» камни были связаны с погребальным обрядом. Способы их установки и сакральной ориентировки, видимо, обуславливались общей ориентацией погребальной камеры (некоторые стелы располагались с ней на одной линии) и погребенного в ней человека. Камни, помещавшиеся на насыпи курганов, могли выполнять функцию «памятного знака» (Савинов, 1994. С. 51; Суразаков, Тишкин, 2007. С. 77). В ситуации нахождения с разных сторон погребального сооружения – указывали направление, по которому душа умершего должна следовать в загробный мир. Околокурганные стелы незначительных размеров, уплощенной формы, без следов обработки предназначались, вероятно, для использования в качестве «балбалов»-коновязей. В какой-то мере доказательством этого может служить обнаружение захоронений лошадей под выкладками с установленными на них стелами (Суразаков, Тишкин, 2007). Не исключено также коммуникативное назначение таких памятников (связь мира живых с миром мертвых). Д.Г. Савинов (1994. С. 139, 147) указывает на связь «оленных» камней с обрядом жертвоприношения.

Рассмотренные материалы позволяют сделать некоторые выводы. В раннескифское время на территории Алтая и сопредельных регионов отмечено зарождение и распространение определенных традиций структурирования сакрального пространства. Среди основных – совмещение в единый комплекс пространств погребального, жертвенного и поминального обряда.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (НШ-540.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»).

Байбурин А.К., 1991. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М.

Волков В.В., 2002. Оленные камни Монголии. М.

Волков В.В., 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.

Дмитриева Т.Н., 2000. Жертвоприношение: поиски исто-

- ков // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1989. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.
- Жеребина Т.В., 2000. Система жертвоприношений у шаманистов Северной Азии (к проблеме типологии) // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.
- Жуковская Н.Л., 1993. Жертвоприношения // Религиозные верования (свод этнографических понятий и терминов). М.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул. Ч. I: Культура населения в раннескифское время.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул. (Тр. САИПИ. Вып. 3.)
- Коновалов П.Б., 1999. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ.
- Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е., 1998. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994. Раскопки могильника Мухор-Тархата I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск.
- Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994. Раскопки могильника Чоба VII // Археология Горного Алтая. Барнаул.
- Марсадоллов Л.С., 2001. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб. (Мат. СААЭГЭ. Вып. 4.)
- Марсадоллов Л.С., 1998. Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае // Археологический сборник. СПб. Вып. 33.
- Марсадоллов Л.С., Самашев З.С., 2000. Изучение археологических памятников Западного Алтая. СПб.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В., 2004. Оленные камни Аргамджи (плоскогорье Укок) // АЭАЕ. № 4 (20).
- Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.
- Новик Е.С., 1984. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.
- Ольховский В.С., 1999. К изучению скифской ритуальстики: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.
- Подосинов А.В., 1999. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.
- Полосьмак Н.В., 1993. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. Новосибирск. № 2.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989.
- Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999.
- Савинов Д.Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.
- Суразаков А.С., 1990. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Суразаков А.С., 1990. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул.
- Тишкин А.А., 1994. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск.
- Тишкин А.А., 2000. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.
- Тишкин А.А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул.
- Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005. Погребальная практика носителей бийкенской культуры: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т. II.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007. Курганы бийкенской культуры на памятнике Тыткескень VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул. Вып. XVI.
- Топоров В.Н., 2005. Исследования по этимологии и семантике. М. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения.
- Цыбиктаров А.Д., Данилов С.В., 2000. К вопросу о культурной принадлежности оленных камней монголо-забайкальского типа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ.
- Чугунов К.В., 2007. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: Сб. науч. тр. Барнаул. (Тр. САИПИ. Вып. 3.)
- Шульга П.И., Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф., 2003. Работы в долине реки Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. Вып. XIII.

П.И. Шульга

*Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН
и Алтайского государственного университета*

Особенности снаряжения лошади на Саяно-Алтае в раннескифское время*

В настоящее время мы располагаем довольно крупными и вполне сопоставимыми коллекциями предметов раннескифского конского снаряжения из предгорий Алтая, Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины. Анализ этого материала подтверждает мнение об особых путях развития культуры в указанных регионах (Грязнов, 1980. С. 59; 1983).

Минусинская котловина. Почти все снаряжение лошади представлено уже рассматривавшимися случайными находками (Членова, 1967; Боковенко, 1986), но с течением времени это собрание приобретает все большее значение для понимания особенностей формирования и эволюции снаряжения лошади. Достаточно сказать, что 14 из 20 бронзовых псалиев, датируемых до начала VI в. до н.э., типологически более ранние, чем в Аржане 1, и почти не имеют аналогий на сопредельных территориях. Прежде всего, это псалии с отверстиями в разных плоскостях, с грибовидными и кольчатými окончаниями (рис. 1: 15–17). Совершенно необычны трехдырчатые S-видные бронзовые псалии с отверстиями в одной плоскости (рис. 1: 9–14). Хронологически близкими являются и два псалия с петлевыми центральными отверстиями и шляпкой на одном конце (рис. 1: 7, 8). На прилегающих территориях подобных экземпляров также нет, и лишь один псалий сопоставим с аржанскими (рис. 1: 6). К этому времени (IX–VIII вв. до н.э.) могут быть отнесены двое удил с малыми овальными или подтреугольными отверстиями во внешних окончаниях (рис. 2: 1, 2). Почти все остальные удила также существенно отличаются как по оформлению окончаний, так и по соотношению типов. В Минусинской котловине из примерно 130 раннескифских удил у 102 экземпляров окончания имеют дополнительное колечко (рис. 2: 3–6, 11), и только у 30 они стремечковидные без колечка (рис. 2: 7–10). Для сравнения: на Алтае и прилегающей территории Восточного Казахстана из 54 раннескифских удил со стремечковидными окончаниями дополнительные отверстия имели лишь 7, а в Туве такие удила известны всего в двух уздечках из Аржана 1 и Аржана 2. Особый путь развития конского снаряжения в Минусе прослеживается и в

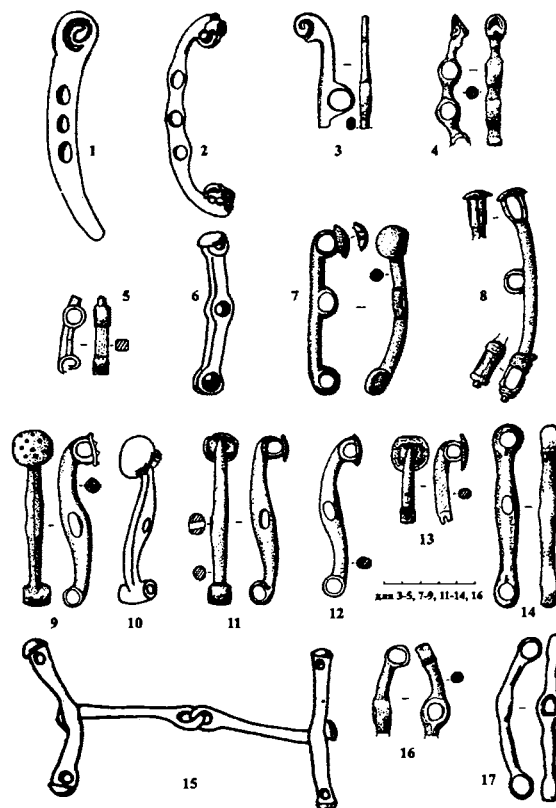

Рис. 1. Бронзовые псалии из Минусинской котловины IX – начала VI в. до н.э. 1, 2, 6, 10, 15, 17 – по: Членова, 1967; остальное – находки из Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова, рисунки автора

первой половине – середине VI в. до н.э., когда там в большом количестве распространились почти не встречающиеся на Алтае и в Туве удила с рамками повода и увеличенными кольцами под вставлявшиеся псалии (рис. 2: 12, 13). Как видим, псалии и удила из Минусинской котловины имели свой особый путь развития примерно с IX до середины VI в. до н.э. Специфичность снаряжения из Минусы как будто подчеркивается и наличием оригинальных ажурных бронзовых изделий с шипами, выделенных в особую группу «строгих псалиев» (Членова, 1967. С. 74, 75; Боковенко, 1986. С. 12, 13). Однако после проведенного автором дополнительного осмотра этих изделий можно с уверенностью утверждать,

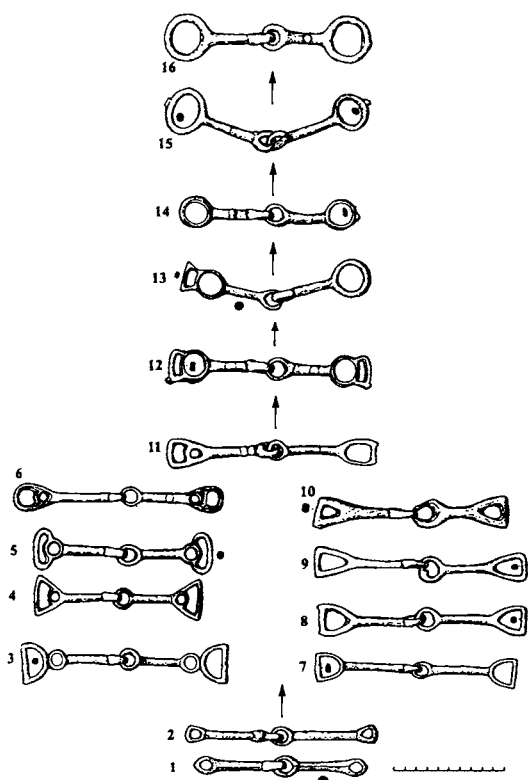

Рис. 2. Эволюция бронзовых удиц в Минусинской котловине. Материалы Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова, рисунки автора

что никакого отношения к псалиям («трэнзелям») и узде лошади они не имеют.

Тува. В эволюции раннескифского конского снаряжения в Туве выделяются два основных этапа. Первый представлен наиболее ранним комплексом из Аржана 1, где почти вся функциональная фурнитура состоит из псалиев и удиц (Грязнов, 1980). На фоне подавляющего большинства известных раннескифских сбруйных наборов Саяно-Алтая и прилегающих территорий этот комплекс выглядит совершенно чужеродным, что, по всей видимости, обусловлено тремя взаимосвязанными факторами: 1) более ранним временем кургана (предположительно в рамках VIII в. до н.э.); 2) местными особенностями самостоятельно сформировавшегося в Туве снаряжения; 3) принадлежностью снаряжения из Аржана 1 не верховым, а упряжным лошадям (Савинов, 2002. С. 65).

На втором этапе, в VII в. до н.э., в Туве фиксируется совершенно иное конское снаряжение. Обнаружены детали от более чем 30 наборов (Чугунов, 2005). На их облике сказались имевшие место унификация и, вероятно, прямые контакты с населением

из предгорий Алтая (наборы с У-образными псалиями) и Казахстана (наборы с напускными псалиями из Аржана 2). Однако все они имеют свою специфику, отражающую местное культурное своеобразие.

Алтай. В рамках Республики Алтай, Алтайского края и прилегающей территории Восточного Казахстана выявлено около 85 раннескифских псалиев и 50 удиц, обнаружено значительное количество наиболее информативных на Саяно-Алтае сбруйных наборов VII – начала VI в. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007. С. 112–131). К раннему этапу относятся лишь четыре погребения с роговыми трехдырчатыми колеччатыми псалиями, похожими на найденные в Аржане 1. Все остальные сбруйные наборы и отдельные детали, как и в Туве, относятся к VII – началу VI в. до н.э. Большинство из них найдено в северо-западных предгорьях и в Восточном Казахстане, откуда происходит более половины псалиев и удиц. Псалии там бронзовые, преобладают У-образные или со шпеньком в центральной части. В собственно же бийкенских захоронениях в Горном Алтае обнаружено всего 11 псалиев и почти все они (9 экз.) роговые. Эти и другие сбруйные детали существенно отличаются от майэмирских в предгорьях. В последние десятилетия ряд исследователей, включая и автора, делал попытки объяснить некоторые процессы на Алтае и в Туве в VII–IV вв. до н.э. влиянием культур соседнего Синьцзяна. Однако, судя по опубликованным материалам, в раннескифское время там не просматривается достаточно мощных культурных образований, способных оказать значительное воздействие на прилегающие территории. В частности, представительных сбруйных наборов в Синьцзяне, как будто, вовсе неизвестно, хотя отдельные детали встречаются.

Общая характеристика эволюции конского снаряжения. Появление специального конского снаряжения в Южной Сибири фиксируется по находкам роговых (костяных) псалиев на поселениях эпохи поздней бронзы и на памятниках переходного времени в Минусинской котловине, Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях. В это время бронзовые псалии и удила фиксируются только в Минусинской котловине с ее обширными остепненными пространствами. В процессе формирования раннескифских культур в VIII в. до н.э. на поселениях эпохи поздней бронзы и в единичных рядовых погребениях на Алтае и в Туве встречаются лишь роговые псалии. Только в двух элитных курганах имеются бронзовые псалии и удила (Аржан 1, Ак-Алаха 2). Фактически, в это время из снаряжения лошади представлены только уздечки, значительная часть которых, вероятно, относились к упряжным

лошадям. Достоверные данные о наличии седел и седельных ремней отсутствуют.

Классическая верховая сбруя раннескифского времени, замечательно представленная в Казахстане, на Алтае и в Туве, появляется «внезапно» (примерно на рубеже VIII–VII вв. до н.э.), с детально разработанным стандартизированным набором бронзовой фурнитуры, насчитывавшим до ста и более деталей. Наиболее интенсивно этот процесс шел в сакском мире, оказавшем большое влияние на Алтай и Туву, но в каждой из этих областей сформировался особый облик сбруи и звериного стиля. В это же время складывается единый сложный набор сбруйной и поясной фурнитуры, являвшейся престижным атрибутом воина-всадника и обеспечивавшей эффективное управление лошадью во время военных действий. Очевидно, революционные изменения в снаряжении лошади и всадника произошли в связи с военизацией общества кочевников, усложнением его социальной структуры и образованием крупных конных отрядов, принимавших участие в масштабных военных действиях на отдаленных территориях вплоть до Китая и Передней Азии.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 08-01-00309а «Хронология погребальных памятников VII–III вв. до н.э. кочевников Саяно-Алтая и Китая» и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

- Боковенко Н.А., 1986. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.
- Грязнов М.П., 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул.
- Савинов Д.Г., 2002. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.
- Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Чугунов К.В., 2005. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул.

В.А. Кисель

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Σαυάρις Геродота в арсенале древних кочевников

В IV книге «Истории» Геродота, так называемом «Скифском логосе» (V в. до н.э.), подробно описываются особенности бытовой и культурной жизни скифов, населявших Северное Причерноморье, а также их вооружение. Одним из наиболее интересных предметов является обоюдоострая секира – *σαυάρις*. Она встречается в «Скифском логосе» дважды. В первый раз секира фигурирует в этногенетической легенде скифов, согласно которой золотые *σαυάρις*, плуг, ярмо и чаша упали с небес, что позволило утвердить право на царскую власть Колаксаю – прародителю скифского племени паралатов (Hdt. IV. 5). В другом случае секира служит символом заключения клятвенного договора. В ритуал скрепления клятвы входило погружение *σαυάρις*'а вместе с акинаком, стрелами и дротиком в смесь вина и крови (Hdt. IV. 70). Судя по приведенным фрагментам, обоюдоострая секира играла важную роль в скифском обществе, выступая главным сакральным предметом вооружения и входя в разряд наиболее популярного оружия.

В истории военного дела народов Евразии двулезвийные топоры занимают сравнительно скромное место. Впервые они появляются в III тыс. до н.э. в Восточном Иране и Эгеиде (Горелик, 1993. С. 44–45). Возможно, на это изобретение могут претендовать разные культуры. Во II тыс. до н.э. двулезвийные топоры распространились в Южной Европе, Палестине, Сиро-Месопотамии, Средней и Центральной Азии, Индии (Мелюкова, 1979. С. 203; Горелик, 1993. С. 45–47, 49). При этом далеко не все образцы создавались для военных действий. Например, минойский *λάβρυς*, скорее всего, использовался как культовый атрибут (Никулина, 1999. С. 220), а ряд ближневосточных топоров – в качестве рабочего инструмента (Горелик, 1993. С. 46, 50).

В конце II – начале I тыс. до н.э. в очертаниях боевых топоров происходят значительные изменения. Благодаря уменьшению ширины и увеличению длины лезвия появляются новые типы. Отчасти на их базе создаются и иные виды оружия, такие как

клевец и чекан. Чекан имел узкий боек и притупленный, молотовидный обух. Но порой обух уплощался и заострялся, что придавало ему функцию бойка. По меткому определению М.В. Горелика, чекан явился «абсолютным» оружием ближнего боя, так как против его пробивной способности могло устоять только очень массивное защитное вооружение (Горелик, 1993. С. 53).

До сих пор окончательно не определен центр формирования чеканов. Большинство исследователей склоняется к тому, что Южная Сибирь и Центральная Азия (в традиционном понимании) стали «первичным очагом» (по крайней мере, наиболее архаичных экземпляров, снабженных головкой хищной птицы между бойком и втулкой). Распространение их от Сибири до Ближнего Востока считается результатом продвижения азиатских кочевников на Запад (Курочкин, Субботин, 1992. С. 60–61; Никоноров, 1992. С. 171; Горелик, 1993. С. 55; Иванчик, 2001. С. 48–49; Алексеев, 2003. С. 50–51). В то же время существует иная точка зрения, предполагающая два независимых истока «восточных» и «западных» чеканов (Членова, 1997. С. 15). Слабые и сильные стороны этой гипотезы были обозначены М.В. Гореликом (Горелик, 1993. С. 55).

Наибольшую популярность узкие двулезвийные топоры и чеканы приобрели среди фракийцев, азиатских кочевников и оседлых подданных Ахеменидской державы (Мелюкова, 1979. С. 95, 202–203; Горелик, 1993. С. 51). В этот период новое оружие было заимствовано народами Китая и Дальнего Востока. Позднее двулезвийные топоры вошли в арсенал Римской империи (*secūris anceps/bipennis*), но только среди союзников (фон Винклер, 1992. С. 69).

Сообщение Геродота о наличии у скифов *σαύρις* закрепилось в научной и художественной литературе. На первый взгляд, это находит подтверждение в скифском монументальном творчестве. На каменных изваяниях, как отмечал В.С. Ольховский, среди предметов вооружения изображены «равноплечные топоры (лабрисы?), короткообушные топоры и топоры-молотки, клевцы, секиры (сагарисы?)» /курсив мой – В.К./ (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 71). Правда, в количественном отношении топоры и чеканы встречаются гораздо реже лука и меча (Ольховский, 2005. С. 114).

Эллино-скифская тореvetica воспроизводит только однолезвийные топоры и секиры. Пожалуй, единственным исключением является серебряный с позолотой сосуд из Частых курганов, на котором представлен двухконечный(?) чекан (Galanina, Grach, 1986. Pl. 171).

Археологические находки демонстрируют явное предпочтение населением Скифии однолезвийных топоров, секир и обычных чеканов (Иллінська, 1961. С. 29–51; Мелюкова, 1964. С. 65–68; Черненко, 1984. С. 45; Есаян, Погребова, 1985. С. 87–88). Редкие двулезвийные образцы, по мнению А.И. Мелюковой, явились скифской переработкой фракийской идеи (Мелюкова, 1979. С. 203). То же можно сказать о секирах с парными лезвиями из скифских комплексов Румынии (Roska, 1937. Abb. 9, 1; 23, 1). Эти изделия, очевидно, копировали фракийские оригиналы (если не были импортом).

Можно предположить, что *σαύρις*’ами могли именоваться не только двулезвийные топоры/секиры, но и любое оружие, снабженное парой горизонтально расположенных клинков любой формы. Однако, приняв во внимание даже этот вариант, оказывается, что на территории Скифии, включая кавказский регион, выявлено очень мало вещей, отвечающих таким требованиям (Горелик, 1993, табл. XXIV, 63, 79, 80; XXV, 9, 20–22, 25; XXVIII, 101). В кочевнических же культурах Волго-Урала, Средней и Центральной Азии, Монголии, Северного Китая отмечается изобилие различных двухконечных чеканов, комбинаций топора с чеканом, а также двулезвийных топоров и секир (Горелик, 1993, табл. XXIV, 100, 102, 103; XXV, 37, 40–44, 61–65, 69, 70, 76, 98, 101; XXVIII, 59, 62, 64, 65, 69, 76, 77, 79, 81, 82, 109, 110, 112). Сам Геродот, описывая войско персидского царя Дария, упомянул кочевников саков, вооруженных *σαύρις*’ами (Hdt. VII. 64).

Петроглифическое искусство Южной Сибири и Центральной Азии запечатлело множество воинов с чеканами и топорами. Но, к сожалению, из-за схематичности петроглифов среди изображений невозможно выделить двухконечные образцы (Кубарев, 2004. Рис. 14, 5, 6; 22, 11, 13, 14; Советова, 2005. Рис. 1, 3, 5; 2; 3, 10–12; Советова, 2005а. Рис. 28, 29, 35. Табл. 20, 13, 14; 24, 2, 4–6, 12; 25, 1–4; 26, 1, 2, 5; 27, 7, 8; 28, 8; 30, 2–5; 31, 1, 6, 9). На других памятниках – оленных камнях – легче опознать обычные чеканы, но среди встречающихся «Т»-образных фигур также не удается определить оружие с двумя клинками (Савинов, 1994. Табл. III, 5; IV, 4; V, 1, 4; VII, 5). Единственным несомненным изобразительным свидетельством является рельеф из Персеполя, на котором в колонне саков, несущих дары, представлен воин с парой узких двулезвийных топоров или секир (Ghirshman, 1964. № 229).

Все вышеперечисленное указывает на непривлекательность обоюдоострых секир для скифов. Более того, ставит под сомнение правомерность отождествления собственно скифской секиры с *σαύρις*’ом. В

связи с этим возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие в сведениях, приведенных Геродотом. Конечно, можно представить сообщение в этногенетической легенде как анахронизм, воспоминание о неких стародавних временах, когда *σαυάρις* являлся важнейшим оружием предков скифов (что объясняет и присутствие их на каменных изваяниях, изображающих героя-предка). Однако описание бытовой реалии – клятвенного договора – явно не соответствует вооружению скифского общества. Противоречие может быть разрешено, если предположить, что данные Геродота относятся не к скифскому, а азиатскому кочевническому миру.

Ранее автор, анализируя описанную Геродотом скифскую «парильню», пришел к выводу, что бытование ее никак не подтверждается находками из Скифии, но находит ряд доказательств в азиатском регионе (Кисель, 2007). Теперь уместно вновь поднять вопрос об автопсии Геродота и попытаться выявить в «Скифском логосе» фрагменты неизвестного ныне письменного источника, посвященного кочевникам Азии.

* Большинство историков и археологов считают названия «чекан» и «клевец» синонимами, относя их к молотовидному оружию. Нередко встречается пояснение, что клевец – это чекан с изогнутым бойком. Однако никак не объясняются конструктивные различия – стержневидная и ножевидная ударные части. Такое разделение позволяет предполагать разные прототипы – молоток и топор, кирка. Может быть, уместно к чеканам отнести оружие с стержневидным бойком, а к клевцам – с ножевидным, независимо от их изогнутости.

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.

Винклер фон П., 1992. Оружие. М.

Горелик М.В., 1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М.

Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-

исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.

Іллінська В.А., 1961. Скіфські сокири // Археологія. Т. XII.

Кисель В.А., 2007. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3.

Кубарев В.Д., 2004. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // АЭАЕ. № 3.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов (САИ. Вып. Д1-4). М.

Мелюкова А.И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.

Никоноров В.Д., 1992. Среднеазиатские чеканы и клевцы // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию М.П. Грязнова. СПб.

Никулина Н.М., 1999. Ритуальные молоты-топоры из Троянского клада «L» (К вопросу о датировке данного археологического комплекса) // ВДИ. № 2.

Ольховский В.С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VIII–III вв. до н.э. М.

Савинов Д.Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Советова О.С., 2005. О возможности использования наскальных изображений в качестве источника по истории военного дела племен тагарской эпохи // АЭАЕ. № 4.

Советова О.С., 2005а. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск.

Черненко Е.В., 1984. Скифо-персидская война. Киев.

Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.

Galanina L., Grach N., 1986. Scythian Art. Leningrad.

Ghirshman R., 1964. Perse. Proto-iraniens Mèdes Achéménides. Paris.

Roska von M., 1937. Der Bestand der skythischen Altertümer Siebenbürgens // Eurasia Septentrionalis Antiqua. № XI. Helsinki.

СЕКЦИЯ 7

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

А.А. Березин

Московский подводно-археологический клуб

Изучение подводно-археологических памятников античной эпохи Северного Причерноморья в досоветской России

Первые отрывочные данные о проявленном научном интересе российской общественности к античному наследию, скрытому водами акваторий Черного и Азовского морей относятся к XVIII в., т. к. именно в это время, а точнее 13 февраля 1718 г., был издан указ Петра I, где в частности говорилось: «...Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенными, также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, таже приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены...».

Теоретически, именно с этого момента можно говорить о государственной политике в отношении изучения и сохранения подводно-археологических памятников. Однако современная наука не располагает какой-либо источниковедческой базой о систематических и планомерных работах на данном поприще в указанный период, не считая небольшого количества разношерстных сведений, где подводная археология упоминается лишь вскользь.

Тем не менее, нам известно, что в 1780-е гг. через Таманский п-ов проезжал видный академик мирового значения – П.С. Паллас, автор «Разных замечаний касательных до острова Тамань», составленных ученым для Новороссийского наместника Г.А. Потемкина. В главе «О древних развалинах» Петр-Симон обращает внимание на то, что «от древнего города Корокондамы, от которого и весь южный Кубанский

лиман Корокондамис назван был, ныне нет никаких уже следов, и уповательно, что место, на котором он был построен, покрыто теперь водою. Равным образом не видно ныне никаких уже следов и от другого столь же древнего города, который назывался Фанагориею». Тот же «приговор» Паллас огласил и для Гермонассы.

В следующее, XIX столетие ситуация стала принимать более динамичный характер, как в России, так и за рубежом. С одной стороны, это объясняется ростом интереса общества к изучению памятников исторического наследия в целом, с другой – огромным рывком человечества в научно-техническом прогрессе. Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, путешествовавший по югу России в самом начале 1820-х гг., опираясь на рассказы местных жителей, составил план древней Ольвии, на котором размстил ее восточную границу на полсотни метров мористее имеющейся береговой линии. На этом же плане Муравьевым было отмечено местонахождение в воде каменных плит, которые, по его мнению, представляли собой остатки древней пристани.

Также эти годы ознаменовались случайными находками на мелководье близ Фанагории двух античных статуй львов, которые теперь украшают вход в Феодосийский музей, и непродолжительными попытками подъема мраморных колонн храма Ахилла у косы Чушка, что в Керченском проливе, возглавлявшимися И.И. Бларамбергом и П.А. Дюбрюксом. С середины века изыскания на Черном море увлекли основателя Московского Археологического общества, графа А.С. Уварова. В своих двух монографиях, 1851 и 1856 гг., Алексей Сергеевич изложил результаты работ, проведенных им в прибрежной

части Ольвии, близ Очакова, на о. Березань и Тигульском лимане. В 1870 г. появилась достаточно подробная монография профессора МГУ К.К. Герца об археологических памятниках на дне Таманского залива, о которых сам ученый написал, что «их можно увидеть только над поверхностью воды».

Со второй половины XIX в. у ученых появилась возможность более детально заниматься изучением подводно-археологического наследия благодаря более широкому распространению водолазного снаряжения, сопутствующих аксессуаров, и самое главное – профессиональных кадров, умеющих работать с этим оборудованием. Уже в самом конце этого столетия при проведении дноуглубительных работ в акватории Феодосийского порта под руководством инженера – и по совместительству вице-президента Одесского общества истории и древностей – Александра Львовича Бертье-Делагарда, были обнаружены припортовые сооружения, относящиеся к античному времени.

Уже осенью 1900 г. близ города Антикиферы моряки греческого торгового флота в ходе проведения плановых водолазных работ обнаружили остатки античного судна, перевозившего непревзойденные статуи. В ряде работ специалистов всего мира именно эта дата считается отправной точкой в развитии

подводной археологии. Не осталась в стороне и отечественная школа. В 1902 г. Б.В. Фармаковский предпринял, наверное, одну из первых в нашей стране полноценную подводно-археологическую экспедицию, во время которой он и его соратники пытались с помощью специально оборудованного ковша поднять из моря в районе Ольвии исторические артефакты. Свои работы Борис Владимирович возобновил в 1910 г., и продолжались они вплоть до Первой мировой войны.

Начало XX в. ввело в историографическую базу отечественной подводной археологии имя директора Симферопольского исторического музея Л.П. Колли. В 1905 г. он организовал работы в Феодосийской бухте, где водолазы под его руководством на глубине 5 м обнаружили 15 ликийских амфор. Также им были проведены успешные работы, в ходе которых найдены и подняты наверх предметы античного быта в районе о. Березань, Пантикапея, Нимфея и крымского мыса Ай-Тодор.

К сожалению, последующие военно-политические катаклизмы, постигшие Россию, отодвинули среди прочего и продолжение научных подводно-археологических изысканий вплоть до второй половины 1920-х гг.

А.М. Бутягин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Боспорская аристократия IV в. до н. э.: археологические свидетельства

Несмотря на то что в настоящее время история Боспорского царства в IV в. до н.э. изучена сравнительно хорошо, недостаток письменных и эпиграфических источников оставляет широкое поле для исследователя. Нам хотелось бы обратиться к группе, существование которой в рамках структуры Боспора вполне очевидно, но которая достаточно редко становится объектом научного исследования. Это аристократия, окружавшая боспорского царя, – так сказать, костяк государства, обеспечивавший прочность управления.

В последнее время характер правления династий Археанактидов и Спартокидов неоднократно становился объектом обсуждения. Тем не менее, в этом вопросе остается много неясного. Фактически нет данных о ситуации, в которой оказалось Боспорское

царство при Археанактидах, а характер и размеры их «государства» не ясны.

Еще более интересен характер власти Спартокидов. Общепринятым является мнение, что власть их была тиранической (Молев, 1997. С. 92, 93; Сапрыкин, 2003. С. 11–35). В недавней работе Спартокиды признаются относящимися к Старшим тиранам (Суриков, 2007. С. 140–155). Однако именно это исследование вызывает вопросы относительно столь позднего появления старшей тирании на Боспоре, а главное – о ее совершенно необычайной живучести, позволившей династии просуществовать непрерывно до конца II в. до н. э.

Как представляется, исследователи политической истории Спартокидов упускают из виду такой существенный момент, как чрезвычайно тесные

греко-варварские отношения, которыми отличалось правление этой династии, впрочем, как и всех последующих правителей Боспора, вплоть до исчезновения государства на берегах пролива. Само время прихода к власти Спартокидов (438 г. до н.э.) характеризуется нормализацией обстановки на Боспоре и восстановлением греческих поселений после разрушений второй четверти V в. до н.э. Возникает желание связать эти моменты и подумать об участии варваров в установлении новой династии. Хотя автор и является убежденным сторонником негреческого происхождения Спартокидов, в данном случае этот момент не является определяющим, т. к. тесные отношения с окружающими варварами несомненны при любом происхождении Спартока.

Установление этих отношений прошло несколько этапов. Как представляется, наиболее важной здесь была деятельность царя Сатира I, который, как это было неоднократно засвидетельствовано источниками, отдавал своих дочерей в жены своим соратникам и варварским правителям (Isocr. XVII. 3–11; Polyae. VIII. 55). Число их неизвестно, но можно предположить, что синдский царь Гекатей не был единственным. Находясь в тяжелых условиях войны на два фронта, боспорский царь был заинтересован в любых союзниках, в том числе и на территории Крыма, так что, возможно, и здесь он активно пытался привязать к себе варварских вождей посредством браков.

Каким образом выглядели вельможи Боспора, мы можем только предполагать, т. к. данные письменных источников чрезвычайно скудны. Однако не приходится сомневаться, что в период войны они выступали как элитная конница, что произошло, например, в ходе битвы на реке Фат (Diod. XX, 22). Заметим, что выступление Евмела в этой битве во главе пехоты, помимо прочих причин, могло быть связано с невысокой поддержкой претендента в среде царской аристократии. Широкие заимствования из варварской военной практики очевидны у греков Северного Причерноморья, и нет ничего удивительного в том, что аристократия формировала конницу, совершенно необходимую для контроля над прилегающими степными территориями. Заметим, активное подчинение Боспору варварских племен в IV в. до н.э. было бы невозможно без наличия конного войска. Завершением истории аристократии Спартокидов является восстание Савмака, которое в таком контексте вполне можно рассматривать как дворцовый переворот, т. к. присутствие варваров среди окружения царя должно было быть весьма значительным.

Как кажется, основные письменные и эпиграфи-

ческие свидетельства, касающиеся классического и эллинистического Боспора, относятся к системе управления полисами, находящимися под управлением династии. В то же время, отношения с варварами находятся в тени. Можно выдвинуть предположение, что чрезвычайная жизнеспособность династии объясняется ее двойственным характером. С одной стороны выступая по отношению к греческим городам как тираны, с другой боспорские династии вступали в отношения с варварами как равные им варварские властители, сформировав своеобразную двойственную культуру, необходимую при управлении государством на краю греческого мира. Отметим, что другие поселения Северного Причерноморья, не сумевшие сформировать сходную систему, были вынуждены постоянно полагаться на мощь своих укреплений, а порой попадать под власть или протекторат варварских властителей.

Доказательства такого характера боспорской аристократии, при скудности письменных источников, могут быть обнаружены только в археологическом материале. При этом результаты многолетних раскопок городов Боспора Киммерийского не могут в данном случае обеспечить нас нужной информацией, т. к. здесь мы всегда будем сталкиваться с, так сказать, «полисной» составляющей царской власти. Основными памятниками, которые могут нам помочь, являются многочисленные курганы Боспора, раскопанные преимущественно в XIX – начале XX в. Синкретический культурный характер этих памятников вполне очевиден, а периодически возникающая дискуссия о том, греку или варвару принадлежит каждый конкретный курган, как кажется, часто не имеет смысла. В данном случае мы имеем дело со своеобразной культурой боспорской аристократии, которая сформировалась в тесном греко-варварском общении. Заметим, что старшие Семибратние курганы и старшая группа Нимфейских курганов, относящиеся к середине V в. до н.э., еще не затронуты этим процессом и являются погребениями варварских аристократов, хотя и несомненно связанных с греческими поселенцами. Курганы же группы Юз-Оба, группы к западу от горы Митридат, вероятно Царский курган и некоторые другие памятники, вполне могут быть связаны с царской династией и высшей аристократией Спартокидов. Помимо особенностей комплекса захоронений, сочетающих в себе греческие и варварские черты, нужно обратить внимание на сами предметы, происходящие из этих захоронений.

В искусстве Северного Причерноморья давно выделена «варварская» составляющая, в которую, как правило, включаются предметы, несущие на

себе следы влияния скифской культуры. К ним относят и предметы из драгоценных металлов (бляшки, гривны, сосуды), обнаруженные в погребениях знати. На основе этих памятников искусства часто пытаются выяснить какие-либо особенности мифологии и религии скифов или других варварских племен. Между тем, целесообразнее рассматривать эти вещи, в том числе, например, и знаменитую чашу из кургана Куль-Оба, как предметы, предназначенные в первую очередь для обслуживания синкретической культуры боспорской аристократии, которая совмещала в себе греческие и варварские черты. Не исключено, что она выполняла роль своеобразной «культурной прослойки» между греками и скифской аристократией, а многие предметы, вошедшие в историографию как явления скифской культуры, были рассчитаны на вкусы именно аристократии Спартокидов.

Обитая в греческих городах, участвуя в жизни

полисов Боспора, эта знать одновременно выступала в степи как хорошо вооруженная конница, о чем свидетельствуют многочисленные находки вооружения в захоронениях (панцири, шлемы, копья, мечи, дротики, наконечники стрел). Прояснить культуру этого слоя может только внимательный анализ боспорских курганов, который, как кажется, несколько скорректирует наш взгляд и на скифское искусство Северного Причерноморья.

Молев Е.А., 1997. Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород.

Сапрыкин С.Ю., 2003. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. № 1.

Суриков И.Е., 2007. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадильно-типологический контекст // Из истории античного общества. Вып. 9–10.

М.Ю. Вахтина

Институт истории материальной культуры РАН

Порфмий – греческий город на восточной границе Европейского Боспора (некоторые итоги и перспективы исследования)

Греческий город Порфмий, который большинство исследователей отождествляет с городищем, расположенным у с. Жуковка, к северо-востоку от современной Керчи, относится к так называемым «малым» городам Боспорского государства. С 1953 г. этот памятник исследовался Боспорской археологической экспедицией ИИМК РАН/ЛОИА АН СССР. До 1985 г. основные усилия экспедиции, работавшей под руководством Е.Г. Кастанаян, были сосредоточены на изучении строительных остатков эллинистического времени, относящихся к последнему периоду существования поселения. Этой исследовательнице мы обязаны тем, что в настоящее время Порфмий является наиболее полно изученной боспорской крепостью второй половины III – первой половины I в. до н.э. (Кастанаян, 1972; 1975; 1983). В 1986–1990, 2002–2007 гг. был открыт ряд объектов, связанных с начальным периодом существования городища (Vachtina, 2003; Вахтина, 2006), велись работы на некрополе (Вахтина, Стоянов, 2006), обследовались окрестности памятника (Вахтина, 2002). В настоящее время имеется достаточно материалов, чтобы судить об облике этого поселения

и позволяющих приблизиться к пониманию особенностей его истории.

Порфмий был основан в середине VI в. до н.э. на естественном скальном плато площадью около 0,7 га. Размеры этого плато определяли размеры города на протяжении всей его истории. Название этого поселения вполне прозрачно и происходит от греческого слова «переправа» (порфμος). Действительно, греческое поселение было основано близ самого узкого участка Керченского пролива, наиболее удобного для переправ на Азиатский Боспор (Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005. С. 214, сл.). В непосредственной близости от поселения проходил и другой морской путь – из Черного моря в Азовское, из Пантикапея – в Танаис, о существовании которого мы также знаем из письменной традиции. По-видимому, на функционировании этого поселения отражались все принципиальные моменты дестабилизации, имевшие место в районе традиционных переправ через Киммерийский Боспор (Вахтина, 2005. С. 44–48). Раскопки памятника позволили выявить целый ряд свидетельств, иллюстрирующих периоды нарушения стабильной жизни

греческих поселенцев. Некоторые из имеющихся в нашем распоряжении материалов хорошо «увязываются» с нашими представлениями о «переломных моментах» в истории Боспорского государства, другие еще ждут своего осмысления. В настоящее время накоплено достаточно данных, чтобы высказать предположение об основных периодах существования города.

1. Архаический период. Исследования памятника показали, что поселение было укрепленным с самого начала своего существования. Строительные остатки, относящиеся ко второй половине VI – началу V в. до н.э., были выявлены в восточной и юго-восточной частях городища. Здесь были обнаружены следы архаических фортификационных сооружений, являющихся не только древнейшими для данного памятника, но также одними из самых ранних, открытых на Боспоре и в настоящее время сопоставимыми по времени возведения и технике сооружения лишь с оборонительными стенами древнего Мирмекия (Vinogradov, 1999. Fig. 3, 1, 2; Вахтина, Виноградов, 2001). То обстоятельство, что древнейшие греческие оборонительные сооружения, известные на Европейском Боспоре, были открыты на памятниках, расположенных ближе всех к месту традиционных переправ через Боспор Киммерийский, вряд ли можно считать случайным.

Остатки древнейших фортификационных сооружений выявлены в разных частях городища. Лучше всего они представлены в восточной его части, где был раскрыт цоколь восточной архаической оборонительной стены, сохранившийся на 12,8 м в длину и 1,2 м в высоту. Археологический материал, найденный по трассе оборонительных стен, позволяет относить время их функционирования ко второй половине VI в. до н.э. В конце начального периода своего существования, не позднее рубежа VI–V вв. до н.э., Порфмий переживает катастрофу: на всей площади, где были выявлены архаические остатки, прослежены следы пожара.

Жилища первых греческих поселенцев Порфмия выявить пока что не удастся, об их конструкции можно говорить лишь предположительно. Скорее всего, они представляли собой наземные сырцовые конструкции, развалы которых иногда удастся проследить. Следов землянок, характерных для ранней застройки греческих поселений как Боспора (Толстикова, 1992. С. 59–62; Бутягин, 2001. С. 36–41; Виноградов, 2005. С. 229, сл.), так и всего Северного Причерноморья в целом (Виноградов, Рогов, 1997), в Порфмии не обнаружено. Возможно, их открытие здесь – дело будущего.

Сооружение оборонительных стен Порфмия,

очевидно, диктовалось суровыми реалиями жизни, о чем красноречиво свидетельствует катастрофа, которую переживает поселение в самом конце VI – на рубеже VI–V вв. Реконструировать причины этого нарушения стабильной жизни на поселении пока не представляется возможным. Отметим только, что аналогии ему можно увидеть в материалах Мирмекия, где также зафиксированы следы пожаров, датированных этим временем.

2. V в. до н.э. Сразу после этой катастрофы Порфмий очень быстро отстраивается заново. Здесь появляются постройки, возведенные в технике, известной по исследованиям других боспорских памятников. Эти объекты носят следы разрушений и пожаров, которые можно датировать концом первой трети V в. до н.э., свидетельствующих о другой, более поздней по времени катастрофе. Следы нестабильности, выявленные для этого времени на городище, находят аналогии на многих памятниках Европейского Боспора (Толстикова, 2001. С. 45–48). Этот период справедливо считается временем дестабилизации, нарушения привычного уклада жизни как на Боспоре (Виноградов, 2005. С. 239, сл.), так и во всем Северном Причерноморье (Виноградов, Марченко, 1991. С. 149–151; Алексеев, 2003. С. 207, сл.).

3. IV в. до н.э. Мы вынуждены отметить крайнюю недостаточность наших знаний об облике Порфмия IV в. до н.э., вызванную почти полным отсутствием для этого времени «ярких» археологических комплексов и материалов. Все выразительные объекты, обнаруженные на городище, относятся либо к VI – первой половине V, либо к III–I вв. до н.э. Возможно, большинство построек IV в. до н.э. было уничтожено при нивелировке поверхности для последующего строительства эллинистической крепости.

4. Эллинистическое время – заключительный период существования городища. Во второй половине III в. до н.э. происходит тотальная перестройка и перепланировка Порфмия. В это время по единому плану возводятся новые оборонительные сооружения и жилые кварталы (Кастанаян, 1975; 1973). Возможно, эти масштабные работы также были связаны с нестабильной ситуацией в районе пролива, требовавшей возведения новых оборонительных сооружений, которые отвечали бы требованиям эллинистического фортификационного искусства. Вероятно, этот период можно назвать самым благоприятным в истории города. Для этого времени фиксируются следы широкого освоения ближайшей округи поселения. Жизнь на городище прекратилась примерно в середине I в. до н.э. Крепость была за-

- брошена и никогда больше не восстанавливалась. Никаких следов разрушений в позднем Порфмийском зафиксировано не было. Очевидно, жители города покинули его после Митридатовых войн, в эпоху затянувшегося кризиса.
- Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.
- Бутягин А.М., 2001. Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Тез. докл. науч. конф. СПб.
- Вахтина М.Ю., 2005. Античный Порфмий: основные этапы существования // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф: Мат. VI Боспорских чтений. Керчь.
- Вахтина М.Ю., 2006. Об архаическом Порфмийском (по материалам раскопок 1986–1990, 2002–2005 гг.) // Боспорские исследования. Керчь. Т. 13.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., 2001. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Тез. докл. науч. конф. СПб.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я., 1980. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. № 4.
- Вахтина М.Ю., Стоянов Р.В., 2006. Новые данные о некрополе античного Порфмийского (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // Археологические Вести. СПб. Вып. 13.
- Веселов В.В., 1952. Древние городища в районе Сипягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмийского) // Археология и история Боспора. Симферополь. Т. 1.
- Виноградов Ю.А., 2005. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // СА. № 1.
- Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я., 1997. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Stratum + ПАВ. СПб.; Кишинев.
- Кастанаян Е.Г., 1972. Раскопки Порфмийского в 1968 г. // КСИА. Вып. 130.
- Кастанаян Е.Г., 1975. Итоги раскопок Порфмийского эллинистической эпохи // Новейшие открытия советских археологов. Киев. Ч. 2.
- Кастанаян Е.Г., 1983. Порфмийский // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. 13.
- Толстикова В.П., 1992. Пантикапей – столица Боспора. Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Толстикова В.П., 2001. Археологические открытия на акрополе Пантикапей и проблема боспоро-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Тез. докл. науч. конф. СПб.
- Vachtina M. Ju., 2003. Archaic buildings of Porthmion // The cauldron of Ariantas. Black Sea Studies. Aarhus. Vol. 1.

В.А. Гаубов

Институт археологии РАН

Образ царя в искусстве Маргианы парфянского времени

Парфянская держава, возникшая в середине III в. до н.э., после завоевания Парфии (совр. Южный Туркменистан и Северный Иран) кочевыми племенами парнов во главе с их предводителем Аршаком, сумела в короткий срок отразить все попытки Селевкидов вернуть утраченные территории и, в свою очередь, начать экспансию сразу в нескольких направлениях. На западе были завоеваны области Ирана и Месопотамии. Здесь парфяне в I в. до н.э. впервые столкнулись с римлянами, став на несколько столетий их главной «головной болью» на Востоке. На востоке завоевания парфян простерлись на

Арею, Систан, часть Бактрии и даже, на какой-то период, северо-западный Индостан. Одной из важнейших областей на востоке, подпавшей под власть Аршакидов, была Маргиана, расположенная вдоль нижнего и среднего течения р. Мургаб на юге Туркменистана. Эта огромная историко-культурная область, буквально «напичканная» памятниками разных эпох, к сожалению, до сих пор остается весьма мало исследованной. Особенно плачевно обстоят дела с изучением искусства Маргианы парфянского времени. По сути, до недавнего времени эта сфера материальной и духовной культуры региона была

известна лишь по терракотовым статуэткам, в большом количестве встречавшимся на памятниках. И лишь относительно недавно арсенал ученых пополнила новая категория находок, проливающая новый свет на большой круг вопросов, связанных с экономической историей Парфянского царства, но также и с его идеологией и искусством, – буллы, полученные в ходе многолетних раскопок Гебеклы-депе (Кошеленко, Гаилов, 2006).

Гебеклы представлял собой небольшую пограничную крепость на северо-западе Мервского оазиса (размеры примерно 100 x 100 м), с мощными стенами и башнями. В центре крепости в парфянское время было возведено большое здание, состоявшее из центрального комплекса в пять комнат, открытого двора (айвана?) и системы из трех обводных коридоров, опоясывавших здание с трех сторон. Здание, очевидно, являлось резиденцией командира гарнизона. Гарнизон и обслуживающий персонал, видимо, занимали небольшие помещения, расположенные вдоль стен обводных коридоров, окружавших центральный комплекс, а также помещения, примыкавшие к крепостным стенам. В настоящее время этот комплекс является единственным зданием парфянского времени в Маргиане, которое вскрыто полностью.

Раскопки Гебеклы-депе, продолжавшиеся в течение 20 лет (1981–2001 гг.), дали весьма значительный материал, важный для изучения материальной и духовной культуры Маргианы парфянского времени. Однако наибольший интерес среди всех находок представляет коллекция булл – комьев глины разных размеров с оттисками печатей, – служивших для опечатывания различной тары и помещений. Основная часть из более чем 3000 экземпляров булл была найдена в обводных коридорах и периферийных помещениях, служивших, по всей вероятности, местом, где контейнеры с товарами (сосуды, тюки, ящики), запечатанные буллами, распаковывались (и/или переупаковывались для дальнейшей транспортировки). Печати на буллах, очевидно (Koshelenko, 1997), ставили чиновники, которые были ответственны за отправку различного рода товаров из столицы Маргианы – Антиохи – в эту пограничную крепость, выполнявшую в этом случае также роль перевалочного и таможенного пункта. Транспортировка, таким образом, являлась не частью торговой деятельности независимых купцов, а результатом действий государственной администрации. Следовательно, мы можем рассматривать печати, которыми наносились оттиски на буллы, как печати официальные, принадлежавшие чиновникам разных рангов. Соответственно, эти печати могут дать представление о том,

какова была официальная идеология, существовавшая в Маргиане этого времени.

На буллах оттиснуты самые разные изображения: антропоморфные, зооморфные, растительные, орнаментальные. Но особое внимание привлекает группа оттисков печатей с изображением сцен и сюжетов, которые, по нашему мнению, отражают идею прославления царской власти.

Наиболее явным примером, связанным с означенной темой, является изображение на печати всадника, над которым летит богиня Победы Ника с венком в руке (Гаилов, Кошеленко, 2001). Победа на поле боя – главное доказательство легитимности власти в условиях древнего мира (рис. 1: а). Иногда царь-всадник предстает с парящим над ним орлом, держащим в клюве диадему или ленту. В данном случае птица выступает субститутом богини Ники. Впрочем, орел (в геральдической позе) интерпретировался в парфянском искусстве как царь среди птиц и властелин небес (Colledge, 1977. P. 85) и поэтому вполне мог выступать как самостоятельный символ царской власти. Очевидно, большая группа булл Гебеклы-депе с изображением орла с распростертыми крыльями и лентами или диадемой/инвеститурным кольцом в клюве может быть причислена к рассматриваемой категории (рис. 1: б).

Вообще, сочетание «царь – богиня Ника» довольно часто встречается в официальном искусстве Маргианы парфянского времени. Изображения Ники, очевидно заимствованные с эллинистических прототипов, были весьма характерны для парфянского искусства. Помимо упомянутой выше сцены можно назвать несколько других вариаций такого тандема.

На одной из фрагментированных булл изображена мужская (?) фигура, восседающая на троне с вытянутой рукой, на которой стоит фигурка Ники, в свою очередь протягивающая сидящему гирлянду или кольцо (рис. 1: в). К сожалению, сама печать была выполнена грубо и оттиск получился некачественным. Однако, поскольку сходный сюжет присутствует на многих парфянских монетах (Sellwood, 1980. № 48, 1–5; 54, 1–6), можно предполагать, что в этом случае мы имеем изображение царя, держащего богиню победы Нику на вытянутой руке. Важным элементом в этой композиции является изображение гирлянды, вероятно перевитой лентами. Очевидно, в этом случае мы имеем дело с изображением либо диадемы, либо «кольца власти», часто появляющихся на памятниках искусства позднепарфянского и раннесасанидского времени в сценах инвеституры, когда божество вручает ее царю или верховный правитель передает ее вассалу (Kawami, 1987. P. 45–51). Можно предположить, что диадема, являвшаяся ти-

Рис. 1. Изображения на буллах и керамике из Гебеклы-депе.

пичным символом власти в эллинистическом мире, была прототипом этого «кольца власти».

Присутствует эта богиня и в сцене «царской охоты», представленной штампом на стенке кувшина из раскопок Гебеклы-депе 1982 г. Здесь изображен всадник, натягивающий тетиву для стрельбы в муфлона или оленя, а позади него парит крылатая богиня Ника с венком в руке (рис. 1: г). Именно присутствие в сцене Ники позволяет интерпретировать охотника как царя (или местного правителя). При этом следует учитывать и популярность сцены царской охоты в парфянской и сасанидское время, правда, в основном на рельефах и изделиях торевтики (Bader, Gaibov, Koshelenko, 1998. P. 24–37).

Своеобразной реминисценцией сцены инвеституры богиней Никой царя является, возможно, сюжет, представленный на группе из четырех булл (вероятно, оттиснутых одной печатью). На печати изображены два персонажа (мужской и женский), стоящие по обе стороны от находящегося между ними алтаря огня. Позади каждого из участников церемонии имеется надпись, представляющая собой, вероятно, их имена (рис. 1: д). К сожалению, надпись до сих пор не прочитана. Нельзя, конечно, определить в женской фигуре Нику, скорее здесь изображена другая богиня – Анахита, одна из наиболее почитаемых богинь древнеиранского пантеона, культ которой был чрезвычайно популярен на всем Переднем Востоке начиная с глубокой древности. Сцена инвеституры царя женским божеством была весьма популярна в различных районах иранского мира начиная с ахеменидского периода.

Еще одним несомненным свидетельством отражения образа царя в искусстве Маргианы является уникальная булла с изображением царя-всадника перед алтарем огня с парящим за его спиной орлом (Гаиров, 2004. С. 69–74). От множества других эта булла отличается как размерами, так и качеством изображения и глины, что позволяет увидеть много интересных деталей, важных для определения сюжета (рис. 1: е). Гривна на шее всадника; предмет, напоминающий плетень, как символ власти в вытянутой правой руке; парящий орел с лентой в клю-

ве; алтарь огня, – все это не оставляет сомнений в определении сцены как отражения официальной идеологии, прославляющей царскую власть. Сама же печать, судя по ее размеру, качеству исполнения и сюжету, очевидно, принадлежала одному из высокопоставленных функционеров, находившихся в столице. Сама рассмотренная булла уникальна, но сюжет, представленный на ней, был весьма распространен и встречается на других экземплярах коллекции Гебеклы-депе.

Возможно, к рассматриваемой категории булл можно отнести и небольшую группу из 3 экземпляров, на которых изображена сцена боя, в котором всадник стремится длинным копьём поразить противостоящего ему пехотинца (рис. 1: ж). Здесь уместно вспомнить о том, что в Парфии, как и во всем эллинистическом и постэллинистическом мире, царь доказывал свое право на власть военными победами.

Материалы из раскопок Гебеклы-депе значительно расширяют наши представления об официальной идеологии Парфянской державы, в частности о таком ее аспекте, как прославление царской власти.

Гаиров В.А., 2004. Маргианская булла с изображением царя-всадника // ВДИ. № 2.

Гаиров В.А., Кошеленко Г.А., 2001. Буллы из раскопок Гебеклы-депе (Туркменистан) // ВДИ. № 2.

Кошеленко Г.А., Гаиров В.А., 2006. Новое о парфянской культуре: раскопки в Мервском оазисе // Вестник истории, литературы, искусства. М. Т. II.

Bader A., Gaibov V., Koshelenko G., 1998. Monarchic Ideas in Parthian Margiana as Shown on Seals // *The Art and Archaeology of Ancient Persia*. London.

Colledge M.A.R., 1977. *Parthian art*. New York.

Kawami T.S., 1987. *Monumental Art of the Parthian Period in Iran*. Leiden.

Koshelenko G., 1997. Bulla from Gobekly-depe: General Problems and Main Subjects // *Archives et Sceaux du monde hellénistique* / Ed. M.-F. Boussac et A. Invernizzi. Paris. (BCH. Suppl. 29.)

Sellwood D., 1980. *An Introduction to the Coinage of Parthia*. 2nd ed. London.

Ю.В. Горлов, Г.В. Требелева

Институт археологии РАН

Раннехристианский архитектурный комплекс в Севастополе*

В результате исследований Черноморской экспедиции ИА РАН, работающей в сотрудничестве с АБИГИ им. Д.И. Гулиа, были открыты остатки неизвестного ранее храма, получившего рабочее название «базилика 2001», и еще одной культовой постройки с трехгранной апсидой.

Сохранились нартекс, центральный неф, южный и северный приделы, пятигранная апсида с заплечиками, синтрон из серовато-белой цемянки, алтарная часть, остатки алтарной преграды (рис. 1), от которой остались отдельные фрагменты мраморных столбиков. Стены базилики сложены из морской гальки на известковом растворе, применялись обработанные

известняковые блоки вторичного использования. В отдельных случаях присутствует плинфа.

Центральный неф базилики имел уникальный, не имеющий прямых аналогий пол, выполненный из фигурного кирпича (т. н. *opus sertille*) со вставками (круглыми, квадратными, треугольными) из проконесского мрамора. Орнамент пола представляет собой следующее. К алтарной преграде примыкают два квадрата, обрамленные прямоугольными и заполненные квадратными кирпичами с круглыми мраморными вставками. Квадраты со всех сторон окаймлены одним рядом косых крестов, образованных шестиугольными кирпичами с квадратными

мраморными вставками. Пол в западной части центрального нефа выложен в виде трех треугольников, заполненных орнаментом в виде косых крестов и окаймленных линиями из прямоугольных кирпичей. Вероятно, декор пола несет в себе христианскую символику.

Находка шестиугольного кирпича из пола базилики в кладке одного из погребений в мавритианской церкви, который примыкал к октогональной церкви, позволяет говорить о хронологии возникновения и существования раннехристианского комплекса Севастополя. Время его создания пока твердо не установлено. Предложенную Л.Г. Хрушковой (2002) дату строительства октогона (конец IV – начало V в.), основанную на особенностях планировочного решения и аналогиях, нельзя признать достаточно аргументированной.

Археологические материалы из слоя разрушения «базилика 2001» датируются временем Юстиниана I. Аналогии имеются в керамических комплексах городищ Китей, Кепы, Тиритака 2/4 VI в., Ильич 3/4 VI

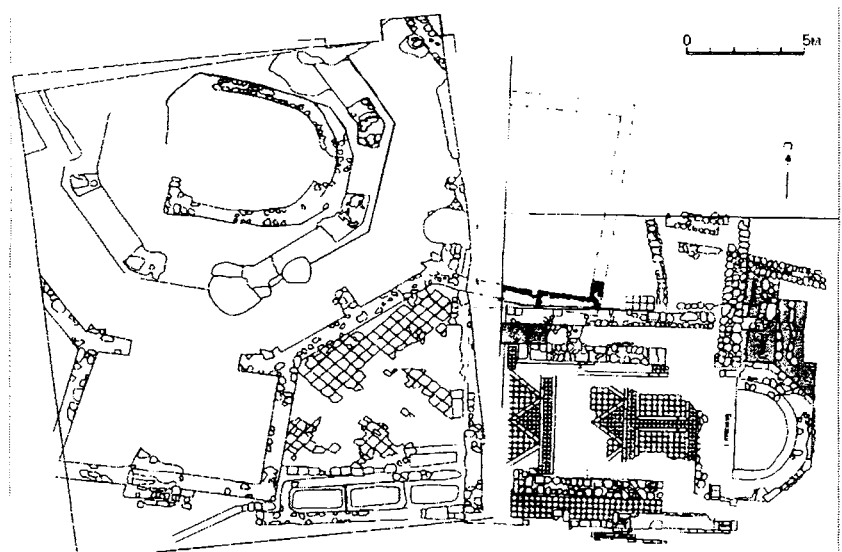

Рис. 1. Архитектурный комплекс в Севастополе: а – базилика и ортогональная церковь относительно друг друга; б – вид на западную часть базилики с юга.

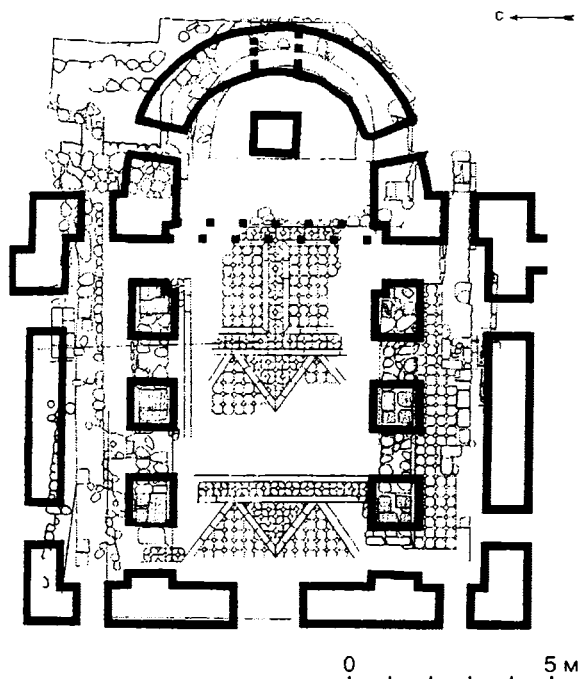

Рис. 2. Совмещенные планы базилики №1 из Сухумской крепости и базилики из Сиени.

в., Цибилума, Дранд середины VI в. Среди находок особый интерес представляют фрагменты краснолаковых мисок типа LRC (рубежа V/VI – середины VII в.) с клеймами и граффити, в частности речь идет о сосудах формы 3 (тип Н), имеющих также аналогии в комплексах городищ Тиритака, Ильич, Херсонес (середина VI – середина VII в.).

Уточнение стратиграфии комплекса и тщательный анализ строительных остатков позволили выделить несколько строительных периодов в существовании комплекса. К первому относятся сохранившиеся фундаменты базилики, которая в этот период представляла собой трехнефную постройку с нартексом, северная часть которого была открыта (рис. 1), но не интерпретирована, во время раскопок мавриция. Конструктивные особенности апсиды свидетельствуют о том, что на этом этапе она была не пятигранной, а полуциркулярной. Особой интерес вызывает сравнение планов нашего памятника и базилики в Сиени. Налицо почти полное совпадение архитектурно-планировочного решения (рис. 2). Позднее апсида была заменена на пятигранную, что было обычным явлением в середине – второй половине VI в. не только на территории Абхазии. Она соответствовала второму строительному периоду, во время которого северный и южный нефы после закладки пространства между колоннами превращаются в приделы. Также был расширен так назы-

ваемый «восточный открытый портик» октогона, при сооружении фундамента которого строители «прорезали» фундамент северного нефа, позднее северного придела «базилики 2001».

Это может оказаться свидетельством в пользу того, что на смену «базилике 2001» пришла октогональная церковь, после разрушения которой возводится небольшая базилика с трехгранной апсидой. При этом следует еще раз заметить, что точка зрения о времени сооружения октогональной церкви представляется недостаточно обоснованной, хотя полностью исключить возможное сосуществование на каком-то этапе «базилики 2001» и октогона у нас нет оснований.

Абсолютная хронология возникновения и эволюции раннехристианского комплекса Севастополиса остается пока весьма сложным вопросом. Это объясняется, с одной стороны, непростой стратиграфией этого участка городища, вызванной более поздними разрушениями, а с другой стороны – различиями во взглядах на типологию и хронологию позднеантичной и раннесредневековой керамики. Мы опираемся на типологию амфор и краснолаковой керамики, а также на результаты исследований синхронных памятников Причерноморья и Средиземноморья.

Нам представляется, что возникновение комплекса следует отнести ко времени не ранее второй половины V в. Один из этапов его существования, возможно, связан с христианизацией апсилон в 20–30-е гг. VI в. Разрушение и последующее запустение заманчиво связать с оставлением византийским гарнизоном Севастополиса в 542 г. (Proc. Caes. De b. Goth., VIII, 4,6), однако это как будто лежащее на поверхности объяснение требует серьезных археологических доказательств, как и попытка связать восстановление и перестройку «базилики 2001» или, например, сооружение октогональной церкви с возвращением византийского гарнизона в 555 г. и началом активного строительства и расцвета городов в этом регионе (Proc. Caes. De aed., III, 7). Не исключено, что мы можем иметь дело с последствиями иных явлений, политических или природных, которые носили локальный характер. Использование для датировки памятника особенностей его строительной техники также не дает ответа на поставленный вопрос. Сохранившиеся элементы декоративных деталей могут лишь косвенно свидетельствовать о строительстве «базилики 2001» в V в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 06-01-12103в) и РФФИ (проект 07-06-00295-а).

Хрушкова Л.Г., 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VI века). М.

Д.В. Григорьев

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

К вопросу о торговых связях эллинских колоний Северного Причерноморья и местного населения в VII в. до н. э.

Ранний период взаимодействия эллинских колонистов и местного населения в Северном Причерноморье не освещается письменной традицией. Поэтому важное значение в изучении этого периода приобретают археологические материалы.

Момент установления связей между колонистами и аборигенами, их цели и содержание оказываются серьезным аргументом в дискуссии о характере греческой колонизации в Северном Причерноморье. В связи с этим мы рассмотрим известные артефакты, обнаруженные в архаических курганах варварской знати и на некоторых варварских поселениях, которые часто используют для обоснования существования ранних торговых связей эллинов и варваров Северного Причерноморья (Онайко, 1966). Известно, что существуют и другие интерпретации данных фактов.

Поскольку речь идет о варварской территории, то существенную роль в изучении проблемы играют работы скифологов. Свою задачу мы видим в определении масштабов раннего греческого импорта на варварских памятниках Северного Причерноморья, чтобы понять характер существовавших связей.

Первая группа объектов – это курганы варварской знати. Здесь среди специалистов существуют разногласия по поводу выделения наиболее ранней группы курганов, которые могут быть соотнесены с наиболее ранними поселениями эллинов в Северном Причерноморье.

Памятники в степях Северного Причерноморья, которые более или менее уверенно относят к VII в. до н.э., единичны. А.И. Мелюкова называет Криворожский курган на р. Калитве, Темир-Гору в Восточном Крыму, Филатовку на Перекопе (Мелюкова, 1988. С. 15). При этом она ссылается на сводку в работе В.Ю. Мурзина. Мурзин сравнительно уверенно датирует VII в. до н.э. два памятника: Темир-Гора (40–30-е гг. VII в. до н.э.; Мурзин, 1984. С. 19) и захоронение в кургане у с. Любимовки (вторая половина VII – начало VI в. до н.э.; Мурзин, 1984. С. 18). Остальные памятники, в том числе и Криворожский курган, он сводит к рубежу VII–VI вв. до н.э. или даже относит к VI в. до н.э. Погребение у с. Филатовка он даже не упоминает. Вероятно, это связано с очень плохой сохранностью памятника из-за деятельности грабителей.

Кроме того, А.И. Мелюкова относит к ранним

курганам Старшую Могилу, правда с очень широкой датировкой – вторая половина VII – первая половина VI в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 17).

Составители сводного каталога скифских погребений Северного Причерноморья выделили свою группу памятников, датируемых VII в. до н.э. Погребение второй половины VII в. до н.э. у с. Болтышка (Скифские погребальные памятники... 1986. № 71. С. 18, 226), Литой, или Мельгуновский, курган VII – начала VI в. до н.э. (Там же. № 75. С. 19, 227), разрушенный курган у г. Никополь конца VII – начала VI в. до н.э. (Там же. № 109. С. 23, 238), Темир-Гора в Восточном Крыму – середина – третья четверть VII в. до н.э. (Там же. Погр. 81. С. 43), курган 11, п. 1 у с. Филатовка на Перекопе – вторая половина VII в. до н.э. (Там же. № 266. С. 44, 297), грунтовое погребение у с. Кирово VII–VI вв. до н.э. (Там же. № 274. Погр. 2. С. 45, 301), курган 2, п. 1 у с. Константиновка VII–VI вв. до н.э. (Там же. № 369. С. 55, 342). Погребение у с. Любимовка в каталоге датируется VI в. до н.э. (Там же. Кург. 14. Погр. 3. № 201. С. 37). Криворожский курган не упоминается, т. к. каталог ограничивается территорией Украины. Вероятно, данный памятник необходимо исключить из группы самых ранних, поскольку горло кувшина из группы Фикеллур датируется второй – третьей четвертью VI в. до н.э. (Сидорова, 1962. С. 50).

С другой стороны, к списку наиболее ранних погребений с античным импортом добавляются отдельные погребения из Подонья: одно из могильника Красногоровка III (последняя четверть VII – первая треть VI в. до н.э.) и комплекс у станции Хапры (конец VII – первая половина VI в. до н.э.) (Монахов, 1996. С. 42). Правда, и в этом случае мы наблюдаем некоторую условность датировок.

В итоге можно говорить о девяти погребениях скифского облика в Северном Причерноморье, которые либо датируются VII в. до н.э., либо захватывают конец VII в. до н.э.

Вопрос датировки ранних скифских погребальных комплексов долго будет оставаться предметом дискуссии. Для нас следующим шагом является выделение тех памятников, которые содержат греческие вещи. К данной группе относятся Темир-Гора и погребение у Филатовки в Крыму, погребения из

Красногоровки III и Хапров и у с. Болтышка. Пять из девяти погребальных памятников содержат греческий импорт. Обращает на себя внимание тяготение погребений с греческими вещами к северо-восточной части Причерноморья, к Крыму либо Подонью. При этом донские памятники (Красногоровка и Хапры) очень компактно примыкают к устью Дона. Крымские погребения располагаются в разных районах полуострова. Это может свидетельствовать о разных условиях существования родовых групп в указанных районах. Крым более благоприятен для кочевания.

Сравнение греческих сосудов из донских и крымских памятников наводит на мысль о разных источниках их попадания к скифам. Очевидно, в устье Дона греческая керамика появилась в связи с существованием Таганрогского поселения, основание которого относят к третьей четверти VII в. до н.э. (Копылов, 2006. С. 88). Здесь преобладает керамика с Самоса, Хиоса, из Милета (Там же. С. 85). В погребениях у Филатовки и Темир-горы господствует родосско-ионийская керамика (Яковенко, 1972), которая преобладает во второй половине VII в. до н.э. на Березанском поселении (Виноградов, Доманский, Марченко, 1990. С. 81; Копейкина, 1986). Очевидно, что в Крыму и в устье Дона существовали самостоятельные племенные или, скорее, родовые группы. Немногочисленность предметов в курганах знати VII в. до н.э. едва ли имеет отношение к собственно торговле, как обычно считается (Онайко, 1966; Копылов, 2006). В начале колонизации Березанское и Таганрогское поселения не обладали необходимыми ресурсами для широкой торговли со скифами. При этом они занимали территорию, подконтрольную кочевникам. Военная слабость эллинов требовала проявления дипломатического искусства. Поэтому указанные греческие предметы в погребениях варваров можно обозначить как дары родовому вождю или вручение престижного предмета с целью предотвращения военного конфликта либо переориентации агрессии кочевников на другой объект.

Несколько иной характер могут иметь находки греческой керамики в ранних слоях варварских поселений Северного Причерноморья. Называются Немировское, Жаботинское, Трахтемировское, Бельское городища, но находки на их территории единичны (Доманский, 1970. С. 49). В последнее время количество античной керамики на Бельском городище увеличилось. Автор очерка для описания находок использует такие обозначения, как «два фрагмента», «несколько фрагментов», «в небольшом количестве» (Задников, 2007. С. 44, 45). С дру-

гой стороны, обращает на себя внимание то, что керамика обнаружена в зольниках. Это может свидетельствовать о появлении греческой керамики VII в. до н.э. на городище независимо от торговли.

Таким образом, факты появления греческой керамики VII в. до н.э. в погребениях скифской знати и на варварских поселениях Северного Причерноморья, на наш взгляд, могут объясняться не торговыми связями, а необходимостью налаживания престижного обмена с местным населением с целью обеспечения безопасности колоний. В зольники Бельского городища керамика могла попасть в результате сакральных приношений. Тем не менее, вопрос остается открытым и требует дополнительного исследования.

- Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К., 1990. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси.
- Доманский Я.В., 1970. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н.э. // АСГЭ. Вып. 12.
- Задников С.А., 2007. Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб. Ч. II.
- Копейкина Л.В., 1986. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения культурных и торговых связей // АСГЭ. Вып. 27.
- Копылов В.П., 2006. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб.
- Мелюкова А.И., 1964. Скифское оружие. М.
- Мелюкова А.И., 1988. Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тбилиси.
- Монахов С.Ю., 1996. Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону.
- Мурзин В.Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.
- Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье. VII–V вв. до н.э. М.
- Сидорова Н.А., 1962. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. № 103.
- Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986.
- Яковенко Э.В., 1972. Раннескифские погребения Восточного Крыма // Древности Степной Скифии. Киев.

Д.В. Журавлев

Государственный исторический музей, Москва

У. Шлотцауер

Евразийский отдел Германского археологического института, Берлин

Новые исследования на Таманском полуострове

Боспорская археологическая экспедиция ГИМ совместно с Евразийским отделом Германского археологического института проводит исследования на территории Таманского п-ова (Темрюкский р-н Краснодарского края). Комплексный характер экспедиции, наличие в ее составе специалистов различного профиля позволили за короткое время получить интересные результаты.

Геофизиками из университета г. Марбурга была произведена магнитная разведка на памятниках Голубицкая 2, Ахтанизовская 1, гора Бориса и Глеба, Сенной 11, Стрелка 2, Юбилейный 5, Красноармейский 6. Так, по данным аэрофотосъемки на территории памятника Юбилейный 5 прослеживалась трасса античной дороги. В результате магнитной разведки эта трасса была четко выявлена. Эта дорога, идущая по Фанагорийскому острову, связывала столицу Азиатского Боспора – Фанагорию – с поселением Ахтанизовская 4. Ее протяженность была равна 16 км (Паромов, 1998. С. 221). Вдоль дороги на магнитной съемке отчетливо видны объекты – возможно, постройки или усадьбы античного времени. На территории этого придорожного поселения присутствует подъемный материал, который датируется начиная со второй половины VI в. до н.э.

Большие перспективы для дальнейших исследований имеет поселение Ахтанизовская 1, где по данным магнитной разведки были зафиксированы остатки конструкций. Подъемный материал группируется вокруг двух выявленных магнитной разведкой структур и относится к IV–III вв. до н.э. и к I–III вв. н.э. Среди находок – терракотовая статуэтка Геракла. На горе Бориса и Глеба вокруг раскопа Н.И. Сокольского магнитной разведкой обнаружен ряд аномалий, возможно, имеющих отношение к комплексу святилища Артемиды Агротеры.

Составной частью проекта является работа группы геоморфологов из университета г. Марбурга. По мнению многих исследователей, в античное время Таманский п-ов представлял собой своеобразный архипелаг и состоял из нескольких островов – Киммерийского, Фанагорийского, Синдики, Кандаура и Голубицкого. Противником этой теории выступает Ю.В. Горлов и участники российско-французского

Таманского проекта, считающие, что «современный Таманский полуостров в середине I тыс. до н.э. представлял собой остров, ограниченный на севере Меотидой, на востоке лиманами в дельте Кубани, на юге – Понтом, и на западе – Боспорским проливом» (Горлов, 1996. С. 71). В 2007 г. под руководством Д. Кельтербаума были проведены бурения в ряде пунктов Таманского п-ова, в том числе на западной и восточной оконечностях предполагаемого Голубицкого острова. Эти исследования убедительно подтвердили существующую точку зрения о Голубицком острове. Важно отметить, что данные бурений пока не подтверждают точку зрения о водной границе, якобы разделявшей Киммерийский и Фанагорийские острова.

Наиболее интересные результаты получены на поселении Голубицкая 2, расположенном на берегу Ахтанизовского лимана. Значимость этого поселения определяется в том числе выгодным географическим положением: вместе с расположенным на противоположном берегу лимана поселением Ахтанизовская 4 (у современного Пересыпского гирла) оно контролировало выход из Ахтанизовского лимана и, соответственно, из дельты р. Кубань, в Азовское море.

Магнитной разведкой был выявлен ров, защищавший поселение с единственной уязвимой стороны – с востока (рис. 1). Наличие рва убедительно подтверждено раскопками 2007 г. Ширина рва составляла около 7,5 м при глубине до 3,2 м, а ширина вала – не менее 6 м. Общая площадь поселения в пределах укреплений – около 6,3 га.

Наиболее ранней из обнаруженных на поселении Голубицкая 2 находок можно считать фрагмент коринфской котилы, орнаментированной концентрическими кругами на дне. Обычно подобные сосуда относят к 590–550 гг. до н.э. Еще один найденный фрагмент коринфского производства можно отнести к 560–500 гг. до н.э. Среди наиболее ранних фрагментов ионийского происхождения – блюда северо-ионийского или эолийского производства, относящиеся к 575–550 гг. до н.э. Другой фрагмент южно-ионийского кубка типа В1 датируется 570–530 гг. до н.э. Фрагмент амфориска или ойнохои милет-

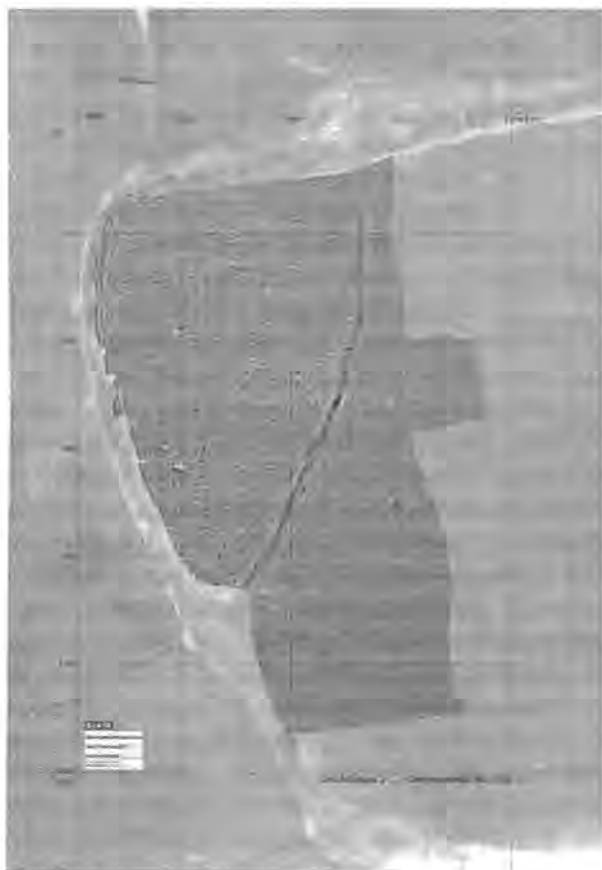

Рис. 1. Поселение Голубицкая
Результаты магнитной разведки.

ского производства относится к периоду между 570 и 530 гг. до н.э. На поселении в подъемном материале также были найдены обломки закрытых сосудов, украшенных орнаментом в виде волны и относящихся к VI – началу V в. до н.э. Чернофигурная керамика аттического производства представлена фрагментом закрытого сосуда с изображением головы Диониса или сатира. Среди фрагментов тарных амфор, наряду с многочисленными хиосскими и эолийскими сосудами, можно выделить обломки клазоменских амфор, датировка которых укладывается во вторую половину VI в. до н.э.

Все эти находки дают возможность датировать время возникновения поселения Голубицкая 2 в пределах второй четверти VI в., синхронно с расположенным на противоположном берегу лимана поселением Ахтанизовская 4.

Суммарная датировка находок из слоя вала не выходит за пределы середины V в. до н.э. Они представлены фрагментами эолийских, хиосских амфор, амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне. Нижний горизонт заполнения рва – период его бытования – дает несколько более позднюю дату,

которая, тем не менее, укладывается в пределы V в. до н.э. Прекрасно осознавая, что в нашем распоряжении пока находится слишком незначительный материал, тем не менее, можно сделать предварительный вывод, что строительство фортификационных сооружений на Голубицкой 2 можно отнести к первой половине – середине V в. до н.э.

Время гибели поселения также определяется суммарной датировкой керамического материала, значительного количества амфорных клейм и бо-спорских монет из слоя заполнения рва. Поселение погибло в огне большого пожара, явно связанного с вражеским нападением. Стены были срыты, ров засыпан, и жизнь на поселении не возобновлялась долгое время. Пока мы можем говорить лишь о том, что это произошло в пределах середины – второй половины III в. до н.э. Среди находок из слоя заполнения рва – костяная накладка на шкатулку с изображением девушки, играющей на музыкальном инструменте (рис. 2: 2), железный нож с костяной рукояткой (рис. 2: 4), бронзовый перстень с печатью (рис. 2: 1) и др.

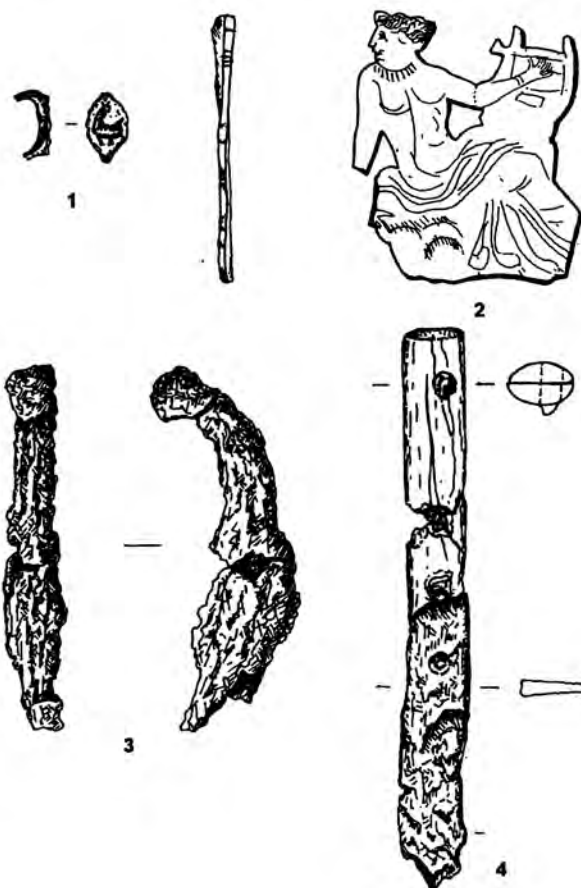

Рис. 2. Поселение Голубицкая 2.
Находки из слоя заполнения рва.

Палеозоологические данные, полученные на поселении Голубицкая 2, показали, что среди домашних животных преобладала корова, достаточно велико количество костей овец и свиней. Из диких животных обитатели поселения охотились на волка,

зайца, кабана, различных птиц и морских черепах. Но наиболее неожиданным результатом стало значительное количество костей лошади (14,7%). Кстати, в засыпи рва был обнаружен и фрагментированный железный двудырчатый псалий (рис. 2: 3).

А.А. Завойкин, Н.В. Завойкина

Институт археологии РАН

Святилище элевсинских богинь на Азиатском Боспоре

Памятник религиозно-культурной жизни греческого населения Азиатского Боспора был открыт в 1987 г. Б.Г. Петерсом в центральной части поселения Береговой 4, на западной оконечности Фонталовского п-ова, на берегу Керченского пролива. Раскопки выявили в верхнем горизонте культурного слоя обломки и почти целые терракотовые статуэтки, кувшинчики, монеты, наконечники стрел, бусы, светильники. В 1999–2002 и 2004 гг. исследования были продолжены: на площади 500 м² был целиком вскрыт уникальный комплекс, связанный с культом богинь плодородия.

Отправляемые здесь обряды были тесно связаны со стихиями воды и огня (Завойкин, 2006б. С. 61–76), что может быть соотнесено с особенностями местоположения святилища. Овраги, отрезающие мыс, на котором оно располагалось, представляют собой устьевую часть водотоков, берущих начало на склоне горы Горелой (Куку-Оба). В настоящее время у основания мыса сооружена плотина, отрезающая южную балку от моря, в результате чего образовался Орловский пруд, подпитываемый грунтовыми водами и не пересыхающий даже в засушливый сезон. В 2 км восточнее святилища возвышается грязевой вулкан – гора Горелая, «прямой путь в преисподнюю», – последнее извержение которого 24 февраля 1794 г. сопровождалось мощным выбросом газов, огня и черного дыма (Паллас, 1883. С. 80–83). С такими местами у греков часто связаны культы хтонических божеств (например, святилище на горе Майской к югу от Фанагории; Марченко, 1962; 1963).

Культурный слой святилища (до 0,5–0,6 м) образовывал на древней поверхности небольшой холмик, хорошо различимый на аэрофотоснимках. Слой плавно убывает к периферии, сходя на нет. Строго говоря, сплошной насыпи культурного слоя на святилище не образовалось: она состоит из серии разновременных и разнохарактерных комплексов и

«обрамляющего» их грунта, связанного с естественным почвообразованием. Перекопы на нем выявлены, исключая серию ям-эсхар, заполненных углями и золой, в северо-западном углу святилища. Таким образом, с учетом того, что на исследованном памятнике на протяжении почти 500 лет его формирования и до наших дней никогда ничего иного кроме святилища не было, все осталось на своих местах в том положении, как было оставлено адептами культа.

Возникновение святилища относится к концу VI в. до н.э., а завершается его жизнедеятельность примерно в середине I в. до н.э., поскольку более поздние вещи в нем почти не представлены; исключения составляют три краснолаковых светильника III в. н.э. (Журавлев, Завойкин, 2007. Кат. 33–35) и бронзовая монета 47–30 гг. до н.э. (Зограф, 1951. Табл. XLIV, 9).

Определяющую роль в установлении верхней даты играет отсутствие светлоглиняных амфор с двуствольными ручками. Однако монеты и отсутствие «мегарских чаш» боспорской группы позволяют ставить вопрос о первой четверти I в. до н.э. в качестве финальной даты.

В истории святилища выделяются два периода: ранний – конец VI – первая половина V в. до н.э., и поздний – не ранее второй половины IV – первая половина I в. до н.э. Отсутствие в коллекции ряда групп массового материала заставляет считать, что на протяжении целого века (если не больше) святилище пребывало в запустении. Несмотря на этот временной разрыв, наблюдается преемственность в отправлении культа, хотя и прослеживаются некоторые изменения в его конкретных проявлениях.

Отсутствие граффити, казалось бы, лишает оснований для уверенной атрибуции божеств, которых здесь почитали. Однако направленность культа на плодородие, хтонический его аспект, приоритет

женского начала в репертуаре коропластики (Деметра, Кора-Персефона; в «поздний» период добавляются изображения Афродиты, Диониса, Кибелы и Аттиса) вводят нас в элевсинский круг мифологических представлений. Само отсутствие в святилище посвященных надписей, упоминающих имена чтимых божеств, свидетельствует в пользу мистериального характера культа. Имеется и еще более ясный критерий для атрибуции «безымянных богинь». На красноглиняном гидриске в одном из поздних комплексов-кострищ отчетливо читается пометка белой акварельной краской: QQE. Это инициалы элевсинской триады (богиня [Деметра], богиня [Персефона], Евбулей). Наконец, видимо, не случайно в ряде комплексов представлены приношения трех или двух сосудинок божествам: Деметре и Коре/Персефоне в любом случае (Завойкин, 2002; 2003а).

Не имея возможности характеризовать детали и варианты обряда, предлагаем его обобщенное описание, характеризующее основные культовые действия. На подготовленной площадке возжигался огонь, обычно открытый, изредка – ограниченный переносным керамическим кольцевидным очагом. Слабая степень прожженности грунта и незначительность золистых остатков говорит о том, что огонь не был сильным (возможно, сжигались травянистые растения). Отсутствие костей животных говорит о преимущественно бескровных жертвах (в слое и в других объектах найдены кости птицы (утка, перепел), собаки, свиньи, реже – мелкого и крупного рогатого скота, зайца и др.; Завойкин, Добровольская, 2006. С. 117–125). Рядом с кострищем (или в него, после того как пламя угасало) клали приношения, которые закрывали камкой и землей. В числе votivov найдены чаще других миниатюрные сосуды (два или три), и прежде всего гидриски. Этот тип сосудов фигурирует также в виде наклепов на кольцевидных керносах, фрагменты которых тоже клали как votivov после использования в качестве предметов ритуального обихода. Представлены также миниатюрные ольпы: простые, с крашеными венчиком и верхней частью ручки; тонкостенные полосатые аттического производства; чернолаковые. Однажды найдена миниатюрная чернофигурная ойнохоя (Завойкин, 2003а. С. 117. Рис. I, 3а, б; 4а; 5а, б; 4б).

В небольшом количестве найдены терракотовые votivov в виде грозди винограда, косточки миндаля, коробочки мака или плода граната, цветка арацеи, и медальоны: один позолоченный с изображением головы Афины, один – с горгонеионом (Завойкин, 2003б).

Образцы коропластики найдены в большинстве

случаев фрагментированными (иногда намеренно измельченными). В коллекции представлены в основном изображения богинь круга Деметры – Коре/Персефоны различных типов и в разных позах (сидящие на троне и стоящие; протомы с плодом граната и цветком; и т. д.). Или же это изображения мифологических персонажей, связанных с их культом. Необходимо обратить особое внимание на парные статуэтки богинь (рис. 1) и две статуэт-

Рис. 1. Парная статуэтка богинь.

ки богинь на тронах, найденные вместе (Завойкин, 2003а. С. 118. Рис. 1–3). В верхнем горизонте найдены образцы масок Диониса (рис. 2; конец II – первая половина I в. до н.э.) и статуэтка юного Диониса, играющего с собачкой (Завойкин, 2006а). Отметим и верхнюю часть фигурного сосуда в виде головы Вакха или кого-то из членов его фиаса, а также голову статуэтки «Силена». В верхнем же слое найдены статуэтки Кибелы, «Афродиты, сидящей на скале», и т. д. (Завойкин, 2007. С. 179–185).

Помимо упомянутых приношений встречаются скромные женские украшения: кольца, серьги, бусы, браслеты. Возможно, в качестве votivov фигурируют редкие бронзовые наконечники стрел. В верхнем слое присутствуют медные монеты последней чет-

Рис. 2. Маска Диониса.

верти IV – первой четверти I в. до н.э. (Болдырев, Завойкин, Сударев, 2004).

Найдены разрозненные и немногочисленные обломки намеренно битых чаш. Иногда бытовые предметы использовались вторично в культовых целях. Об этом говорит и соотношение верхних и нижних (преобладают) частей сосудов (Завойкин, 2005), и то, что нередко нижние части зафиксированы «вотпанными» в землю донцем вверх. Подобного рода находки распространены в погребальных памятниках Боспора (Сорокина, Сударев, 2001. С. 134–136). Не вызывает сомнений, что такое расположение этих предметов – элемент обрядовых действий. Среди вотивов встречаются раковины моллюсков и гальки яйцевидной формы, что вполне понятно в контексте культа плодородия.

Помимо комплексов-кострищ обнаружены объекты из камня. Это кольцевидная выкладка с дном из плоских камней. В ней найдена крупная протомы Деметры в стефане и покрывале, крашенном красной краской; рядом с терракотой – упомянутый медальон с изображением головы Афины в шлеме, гальки, кости утки. Другая эсхара – прямоугольная в плане, сложенная из вертикально поставленных плоских камней, – тоже имела дно из камня. В ее

заполнении – зола, угольки, кости утки, перепела, зайца, ежа; в углу стоял однорожковый светильник.

На уровне 0,2–0,4 м в центральной части комплекса были открыты элементы ограды из сырцового кирпича, имевшей в плане прямоугольные очертания (расчетная длина стороны – около 12,8 м) и ориентированной углами по сторонам света. К стенам ограды, сооруженной не ранее II в. до н.э., с внешней и внутренней сторон примыкали конструкции (алтари, «вымостики»), тоже сделанные из сырцового кирпича.

Над руинами этой постройки зафиксирована прослойка камки, на поверхности которой были совершены завершающие в жизни святилища культовые действия. В северной части этого участка они сопровождалась приношением терракотовых статуэток, а в южной – большого количества ритуальных многоярусных светильников (гончарных и лепных), в большинстве своем битых на мелкие части по месту (Журавлев, Завойкин, 2007. С. 125, сл. Табл. I–XI). Здесь же фиксировались донца сосудов, в том числе поддоном вверх.

Выше всех других располагался объект, не характерный для иных уровней культурного слоя. Это компактное скопление измельченных костей мелкого рогатого скота – по-видимому, остатки последней культовой трапезы. То, что это не «случайный» мусорный сброс, бесспорно, поскольку среди костей присутствовал кувшинчик, расколотый надвое: верхняя его часть горловиной впущена в грунт, а нижняя вставлена в него донцем. Смысл этого действия непонятен, скорее всего, совершалось возлияние подземным богам.

Наконец, упомянем своеобразные объекты из камней (одного или нескольких), располагавшиеся на той же площади, что и ямы-эсхары с углями и золой, в северо-западной части святилища. Они, вероятно, служили маркерами, отмечавшими место рядом с ямками, в которые захоранивались приношения, или же выполняли какую-то другую, непонятную для нас функцию.

Вследствие своей «чистоты», исследованное полностью скромное по размерам и оформлению святилище Деметры и Керы на Береговом 4 представляет значительный интерес для исследования верований рядового населения Боспора в VI–I вв. до н.э.

В.Н. Зинько

Центр археологических исследований БФ «Деметра», Керчь

А.А. Масленников

Институт археологии РАН

А.В. Поротов

Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Реконструкции прибрежной полосы хоры в районе античных поселений Восточного Крыма (на примерах Тиритаки и Чокракского озера)*

При изучении палеотопографии античных поселений на побережье Керченского пролива и Азовского моря большой интерес представляет ряд вопросов, связанных с реконструкцией рельефа и очертаний береговой линии и их изменений под влиянием подъема уровня Черного моря. В ходе трансгрессивной фазы, охватывающей последние 1,5 тыс. лет, поднятие относительного уровня моря примерно на 4,4–5,5 м сопровождалось не только пассивным затоплением прибрежной полосы, но и активной абразионно-аккумулятивной переработкой береговой зоны. Результатом этих морфодинамических процессов, протекавших на фоне сравнительно высоких темпов подъема уровня моря, явилось изменение плановых очертаний береговой линии, сопровождавшееся ее отступанием на участках размыва и выдвиганием на участках аккумуляции наносов. Район побережья в пределах предполагаемых хор приморских городов Нимфея и Тиритаки является примером, демонстрирующим достаточно яркий характер подобных изменений. В частности, согласно результатам подводных археологических разведок, здесь произошло затопление приморской полосы шириной 300–400 м. Данный участок между античным Нимфеем и оз. Тобечик подвержен устойчивому отступанию со скоростями 0,4–0,8 м/год, а вершина Камыш-Бурунского залива оказалась заполненной мощным покровом прибрежных наносов, существенным образом видоизменившим очертания предшествующей береговой линии.

Побережье Керченского пролива в пределах Камыш-Бурунского залива, на границе предполагаемых хор античных Тиритаки и Нимфея, представляет самостоятельный интерес также в связи с вопросом локализации гавани Нимфея. Сравнительно обстоятельно современное состояние вопроса изложено в статье Д. Беленького (1998), который высказал предположение о местонахождении ее к

югу от мыса Камыш-Бурун. На наш взгляд, существенную роль при локализации гавани Нимфея в античное время играют палеогеоморфологические реконструкции прибрежной низменной полосы, представляющей собой осушенную внешнюю часть палео-Чурубашского лимана. Использование архивных картографических и геологических материалов, а также проведенные геологические исследования, показали, что современный рельеф прибрежной суши Камыш-Бурунского залива является как бы серией древних генераций Камыш-Бурунской косы, формировавшихся в ходе последовательного заполнения палеозалива на месте устьевой зоны Чурубашского лимана. Средняя ширина зоны аккумуляции и, как следствие, выдвигания береговой линии в Камыш-Бурунском заливе составляет 2–2,5 км. Согласно предварительным данным, эта зона прибрежно-морской аккумуляции сложена достаточно однородной толщей раковинных песков, мощностью 3,5–4,5 м. Современная Камыш-Бурунская коса – это наиболее молодая генерация береговых валов. Под относительно недавно сформировавшимся покровом песчаных наносов древнебереговых валов бурением был выявлен горизонт тонких раковинных песков, вскрытых практически повсеместно в пределах прибрежной низменности. Формирование его связано с существованием обширного мелководного полуизолированного водоема, существовавшего на месте Чурубашского лимана. Западная граница этого палеолимана непосредственно прилегала к коренному берегу, обрамляющему современный Камыш-Бурунский залив. Ряд радиоуглеродных датировок, полученных по раковинному материалу из лиманных песков, а также фрагменты керамики, обнаруженные как при бурении вблизи южной окраины Тиритакского городища, так и известные по литературе (Федоров, 1978), позволяют отнести время существования этого водоема к середине II тыс. до

н.э. – I тыс. н.э. Таким образом, палеогеографические данные позволяют предполагать существование припортовых частей античных поселений в этом месте в пределах внутренних участков палео-Чурубашского лимана.

Материалы подводных археологических разведок (Зинько, 2003), а также результаты проведенных нами геологических исследований Камыш-Бурунской косы, показывают, что это наносное образование является сложной полигенетической формой, прошедшей длительную эволюцию. Возникновение ее относится к началу II тыс. до н.э., т. е. периоду, когда уровень Черного моря впервые достигал своего современного положения. По-видимому, в пределах южной половины Камыш-Бурунской косы существовал древний береговой барьер, сформировавшийся 4,5–3,5 тыс. л. н. и первоначально отчленявший внутренние части палео-Камыш-Бурунского залива в I–II тыс. до н.э. В античное время, несмотря на относительное понижение уровня моря, коса продолжала выступать в роли барьера, отделявшего мелководный палео-Чурубашский лиман от акватории Керченского пролива. Повышения уровня моря за последние 1,5 тыс. лет сопровождались размывом мористой части косы и общим ее смещением в сторону суши. В ходе последующего повышения уровня часть материала была размыва и поступила на формирование древних генераций косы, заполнявших внутренние участки палеозалива. Подобная схема развития прибрежной территории Камыш-Бурунской бухты не противоречит геологическим данным, хотя и нуждается в более надежном геохронологическом подтверждении.

Вторым ключевым участком локальных реконструкций динамики ландшафтно-геоморфологических условий побережья восточного Крыма являлась пересыпь оз. Чокрак, представляющая интерес в плане палеотопографии района, связанного с расположением значительной усадьбы эллинистического времени на Чокракском мысу (Масленников, 1998). Существующие историко-географические представления (Клюкин, 1987; Масленников, 1995; 1998; 2004) демонстрируют ограниченность палеогеографической информации, которую можно было бы использовать для дополнения письменных источников. В частности, своеобразной лакуной в палеогеографии Восточного Крыма в античную эпоху являются очертания и палеотопография лиманов в условиях относительно более низкого положения уровня моря.

Проведенный обзор результатов предшествующих

исследований по эволюции побережья Крымского Приазовья (Хрусталева, Щербаков, 1974), а также полученные нами новые материалы по строению, литологии, биостратиграфии и геохронологии прибрежных отложений, показали, что под мало-мощным покровом молодых прибрежно-морских песков залегают грубые раковинные пески, слагающие древнюю барьерную форму. Она соединяла скалистый останец мыса Зюк с сушей в период основной фазы новочерноморской трансгрессии 3,5–4,5 тыс. л. н. К этому времени относится и зарождение северной ветви томболо, соединившей Казантипский массив с основной сушей. На Чокракском участке в результате формирования восточной ветви песчаного барьера произошло отчленение палеолимана от моря. В античный период относительно более низкое положение уровня моря выступало в качестве дополнительного фактора, препятствовавшего использованию акватории Чокракского оз. в качестве внутренней гавани упомянутого поселения. Более уверенно это можно будет утверждать после проведения дополнительных исследований в районе озера.

Приведенные выше результаты существенно расширяют наши представления о палеотопографии хор античных поселений в прибрежной полосе Европейского Боспора и показывают эффективность междисциплинарного подхода при решении ряда историко-археологических задач.

* Исследования проведены при поддержке Центра археологических исследований БФ «Деметра» и гранта Президиума РАН «Палеоэкологические аспекты в этнокультурогенезе и палеоэкономике Киммерийского Боспора в IV тыс. до н.э. – I тыс. н.э.».

Балабанов И.П., Измайлов Я.А., 1988. Изменение уровня и гидрохимического режимов Черного и Азовского морей за последние 20 тысяч лет // Водные ресурсы. № 6.

Беленький Д.Б., 1998. Прогноз локализации гавани Нимфея на основе палеогеографических реконструкций береговой линии // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск. Вып. 5.

Благоволин Н.С., Щеглов А.Н., 1968. Колебания уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 2.

Зинько В.Н., 2003. Хора Боспорского города Нимфея. Симферополь; Керчь.

Федоров П.В., 1978. Плейстоцен Понто-Каспия. М.

*С.В. Кашаев**Институт истории материальной культуры РАН*

Уникальные материалы грунтового некрополя Артюшенко 2

Сельское поселение античного времени Артюшенко 2 находится на берегу Черного моря, в 15 км к юго-востоку от ст. Тамань – древней Гермонассы (Темрюкский р-н Краснодарского края). В 2002 г. к востоку от поселения был обнаружен относящийся к нему грунтовой некрополь. Со следующего сезона Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН начал его раскопки. Весь памятник Артюшенко 2 расположен на высоком обрывистом берегу Черного моря и постоянно разрушается в результате интенсивной абразии.

В 2003–2007 гг. на некрополе исследован участок площадью около 1500 м², вытянутый вдоль берегового обрыва. В настоящее время обрыв ограничивает некрополь с юга. В 2006 г. была обнаружена западная граница некрополя, она располагается примерно в 180 м от восточной границы поселения и проходит по вытянутой с севера на юг линии сырцовых гробниц. Определение северной и западной границ позволит в дальнейшем судить о сохранившихся размерах могильника.

За указанный период обнаружено 51 захоронение с различным погребальным инвентарем – оружием, украшениями, керамикой. Набор керамических изделий в погребениях чрезвычайно разнообразен – от мисок и кувшинов до амфор, аттической чернолаковой и лепной керамики. В целом инвентарь из погребений можно датировать началом V – началом IV в. до н.э., большинство обнаруженных захоронений относится к первой половине V в. до н.э. Во время раскопок некрополя Артюшенко 2 и при анализе полученного материала удалось выявить и систематизировать некоторые элементы погребального обряда, шесть из которых являются наиболее устойчивыми. Это могильные сооружения, инвентарь погребений, ориентация захороненных, тризны, надмогильные сооружения, кенотафы. Почти все выделенные элементы представлены несколькими вариантами.

Раскопки некрополя Артюшенко дают многочисленные и интересные археологические материалы, изучение которых поможет исследованию целого ряда принципиальных проблем, связанных с освоением греками Азиатского Боспора, типом хозяйственной деятельности, торговыми и культурными связями поселенцев. В круге этих проблем одной из самых важных является проблема контактов между греками и местным населением региона. Традици-

онно надежным индикатором присутствия выходцев из варварской среды в составе жителей античных городов и поселений считается лепная керамика. Именно эта группа находок привлекает особое внимание исследователей при рассмотрении вопросов наличия на поселении варварского населения, его происхождения и численности.

При общем анализе погребальный инвентарь можно разделить на семь основных групп – керамические сосуды, оружие, украшения, монеты, предметы обихода и инструменты, кости животных, необычные (редкие) предметы. Наиболее массовой категорией находок в погребениях являются различные керамические сосуды, другие группы находок не отличаются таким количеством и разнообразием. Только в редких случаях при наличии в погребении других предметов керамика отсутствует (п. 22).

Весь комплекс керамики из погребений можно разбить на несколько подгрупп. В большинстве могил присутствует «основной набор» керамических изделий, состоящий из трех предметов – сосуда для вина, чаши для питья и миски. Чаще всего в качестве сосудов для вина клали ойнохои (п. 6, 10, 13, 27, 28, 32, 37, 43, 44). Именно они являются наиболее часто встречаемой находкой и представлены сосудами различных форм и размеров. Иногда в качестве сосуда для вина клали кувшин (п. 16) или амфору (п. 3, 24, 40, 45, 47). В относительно «богатой» могиле, содержавшей останки двух тел, найдены и ойнохои и амфора (п. 32).

Сосудами для питья являются чернолаковые чаши – различные виды киликов и скифосов. Это импортные товары аттического или малоазийского производства. Простые красноглиняные миски, как и ойнохои, присутствуют во многих могилах. Большинство из них может быть местного, боспорского, производства, но встречены образцы предположительно импортного производства, отличающиеся качеством, составом глиняного теста и орнаментацией.

Чернолаковые солонки представлены в могилах качественными сосудами аттического производства (п. 25, 32), но имеются два случая, когда солонки были сделаны (выточены) из частей других сосудов (кувшина и килика). Обнаружено несколько тарелочек небольшого диаметра (10–12 см). Среди них имеются образцы, покрытые лаком (п. 28), и без него (п. 21).

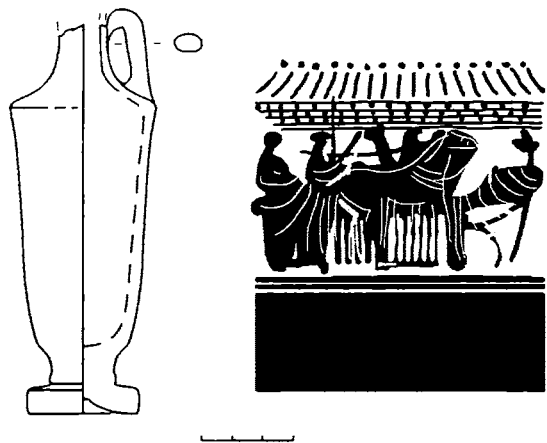

Рис. 1. Лекиф из погребения № 51.

К туалетным сосудам относятся лекифы трех типов – цилиндрические (рис. 1), арибаллические и с шаровидным туловом. В эту же группу можно отнести и два амфориска: один аттический чернолаковый, со штампованным орнаментом (п. 27), второй из желто-голубого финикийского стекла (п. 6). В женских погребениях (10, 16, 43, 45) обнаружены небольшие мисочки с ручкой, применявшиеся предположительно для косметических целей.

В подгруппу редких отнесены сосуды, представленные пока единичными экземплярами. Дальней-

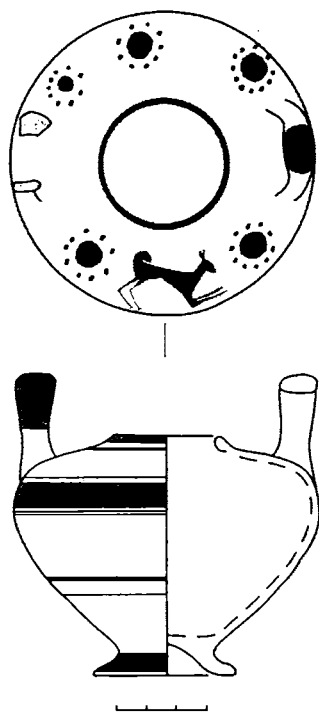

Рис. 2. Кальпида из погребения № 39.

шие раскопки могут дать новые результаты и существенно изменить содержание этой подгруппы. К сосудам редких типов относятся кальпида (п. 18, 39; рис. 2), гидриск (п. 17), гуттус (п. 39), миниатюрная ойнохоя – детская или игрушечная (п. 30).

В погребениях некрополя обнаружено различное оружие – мечи, копья, стрелы, ножи. Все оружие сделано из железа, только наконечники стрел изготавливали из железа и бронзы. Все обнаруженные в погребениях мечи относятся к различным видам акинаков, нет ни одного меча, который можно было бы отнести к махайрам или ксифосам. Наконечник копья чаще всего находится справа от черепа, острием к востоку (п. 7, 13, 24, 34, 40), если имеется несколько наконечников копий, они также лежат справа от черепа (п. 24, 25). Вток копья располагается в районе ступни правой ноги, что вполне соотносится с положением наконечника.

Наконечники стрел зафиксированы в разных частях погребений – в ногах, в головах и пр. Только в одном случае (п. 24) можно говорить, что удалось зафиксировать первоначальное расположение наконечников стрел. Меч и пять стрел были аккуратно положены вдоль южной стенки на некотором расстоянии друг от друга. В одних погребениях имеются только бронзовые наконечники, в других – только железные, в третьих – и те и другие. Помимо боевых типов стрел, в погребениях клали наконечники, как представляется, специального назначения (п. 10, 34). Они могли использоваться для особых видов боя, например как «броневойные», или для охоты и пр.

Украшения обнаружены в индивидуальных женских или в коллективных могилах, где присутствуют останки женщин. В нескольких могилах обнаружены бронзовые перстни со щитками (п. 24, 37, 45). На щитках можно различить остатки гравированного изображения, но восстановить его точно бывает затруднительно в силу плохой сохранности металла. В одном случае это растительный орнамент, в другом – изображения животных. Также встречаются простые бронзовые колечки, по виду очень похожие на современные узкие обручальные кольца.

Так называемые спиральные подвески находятся в районе черепа. Имеются экземпляры из бронзы (п. 24), посеребренной бронзы (п. 27) и серебра (п. 6, 45).

В нескольких погребениях встречены бусины (подвески) из разных материалов – золота, серебра, стекла, гагата. Чаще всего в погребении находят одну-две бусины (п. 6, 24, 25), в одном случае (п. 16) в районе шеи было обнаружено около 40 разнообразных по форме и материалу бусин. К другим

видам подвесок можно отнести раковины каури (п. 21) и морского гребешка (п. 25), стеклянные пирамидки (п. 25).

Часть инвентаря составляли предметы обихода и инструменты. Шкатулки, зеркала, иглы, шилья обнаружены в женских погребениях (3, 6, 16, 17); иглы, колокольчики, ворворки – в мужских (п. 13, 34); пряслица – и в женских, и в мужских (п. 17, 21). Астрагалы найдены в детском погребении (12), а бронзовые киафы – в мужских (п. 27, 40). Шкатулки были обнаружены двух типов – керамические и деревянные. Керамические пиксиды состоят из двух частей – основания и крышки (п. 10, 47). У деревянной шкатулки корпус не сохранился. От нее обнаружены украшавшие стенки костяные накладки с вырезанным на них меандром. Только в одном погребении (33) под правым локтевым суставом обнаружена монета, другого инвентаря в этом погребении не было.

Кости животных, положенные в качестве заупокойной пищи, встречаются во многих погребениях (3, 6, 10, 12, 16, 24, 25, 32, 40, 45, 47) и являются устойчивым элементом погребального обряда. По определению А.К. Каспарова, это кости коровы и козы. Имеется исключительный случай (п. 15), когда кроме кости животного в могиле не обнаружено ничего.

К необычным (редким) предметам отнесены два вида находок, не вошедшие ни в одну из предыдущих групп, – скелеты змей и небольшие камни. Наличие их в погребениях представляется неслучайным, но окончательные выводы об их предназначении пока делать рано.

Скелеты змей обнаружены в пяти погребениях (6, 17, 24, 25). Все они не имели головы, что затрудняет точное определение вида пресмыкающегося. Змеи обнаружены в женских погребениях или коллективных, где имеется скелет женщины. Если удавалось зафиксировать положение скелета змеи, то он был положен в виде буквы «S». Можно предположить, что змей клали в могилы женщин в каких-то ритуальных целях. Возможно, змея считалась проводником, союзником или помощником женщин в загробном мире или неким оберегом. Вторым видом необычных находок являются небольшие камни. Они были обнаружены как среди инвентаря, так и между костей скелета (п. 16, 24, 27, 43).

Раскопки некрополя Артюшенко 2 позволяют ввести в научный оборот новые материалы, свидетельствующие о взаимопроникновении и смешении на Боспоре двух культур – греческой и варварской, каждая из которых представлена своим набором находок.

А.Б. Кисельников

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

История освоения кратчайшего морского пути от мыса Карамбий до мыса Криу Метопон

История освоения греческими мореплавателями бассейна Черного моря изучена достаточно хорошо. Вместе с тем, по-прежнему нет единого мнения относительно времени открытия пути между мысом Карамбий на малоазиатском берегу и мысом Криу Метопон на Таврическом п-ове.

Противоположные точки зрения нашли отражение в работах М.И. Максимовой (1954. С. 45–57), считавшей, что подобный маршрут мог возникнуть лишь в конце V – начале IV в. до н. э., и В.Ф. Гайдукевича (1969. С. 11–19), выдвигавшего ряд аргументов в подтверждение более раннего функционирования пути. Затрагивался этот вопрос и в связи с другой

важной проблемой – определением характера колонизации юго-западного Крыма. Вслед за А.А. Тюменевым и С.Ф. Стржелецким историк А.А. Зедгенидзе полагает, что причиной основания Херсонеса были аграрные интересы колонистов-гераклеополитов. В результате экономического развития полиса где-то к середине IV в. до н. э. «основателями Херсонеса был проторен краткий путь» (Зедгенидзе, 1979. С. 90–92). С критикой подобной формулировки выступил В.И. Кац, считающий, что важнейшее место в экономике позднеклассического Херсонеса занимала торговля. Поэтому Херсонес возник как эмпорий, когда маршрут был уже известен. «По крайней

мере, к концу первой четверти IV в. до н. э. он функционировал» (Кац, 1990. С. 97–111). Соглашаясь с выводами В.И. Каца относительно причин основания Херсонеса, отметим, что если решение вопроса связывать исключительно с экономической активностью Херсонеса, Гераклеи и Синопы, мы никогда не сможем выйти за рамки конца V – начала IV в. до н.э.

В VI–V вв. до н. э. из Эгеиды в Северное Причерноморье ввозилось значительное количество вина и оливкового масла. Объем поступавшего импорта, даже в сравнении с позднеклассическим временем, был весьма солидным (Монахов, 1999. С. 29, 30). Обратные суда возвращались нагруженные зерном (Herod. VII. 147). Можно предположить, что рейсы совершались более или менее регулярно. Почему же, используя благоприятные ветра и течения (Золотарев, 1979. С. 95–99), моряки не могли проходить маршрутом, который короче перехода Синдика – Фемискира (Herod. IV. 99) минимум на 70 миль? Сложившееся в историографии представление, что судоходство в доэллинистический период было исключительно прибрежным, переросло в твердую уверенность, что мореплаватели должны были избегать открытого моря. В качестве главных аргументов, как правило, признавались отсутствие навигационных инструментов, «неустойчивость» античных судов (Лазаров, 1978. С. 47), неточные представления о береговой черте. Подобная оценка уровня развития морского дела требует пересмотра.

Утверждение М.И. Максимовой, что греки до конца V в. до н. э. не имели представления о географии Крыма, вызывает сомнение (Гайдукевич, 1969. С. 16). К тому же мореплавателям, следовавшим вдоль западного побережья Крыма, достаточно было определить положение солнца относительно линии горизонта, чтобы понять, каким курсом идет корабль – на юг или на восток. Отсутствие указаний на эксплуатацию пути у Геродота и у Псевдо-Скилака также не означает, что путь не был известен. За редким исключением (Ps. Arg. Periplus), древние авторы, «не будучи сами моряками... брались за дело совершенно им незнакомое» (Боголюбов, 1879. С. 60). Периплы могли служить лишь источником некоторой полезной информации (Гайдукевич, 1969. С. 11, 12). Называя периплы руководством, мы допускаем ошибку. Не считали их таковыми и греческие моряки, поскольку записи делались со слов последних.

Обращает на себя внимание интерпретация некоторых понятий, заимствованных из профессионального языка моряков. Исследователи нередко подразумевают под «каботажным плаванием» плавание «вдоль берега». Между тем, французское сло-

во «cabotage» означает судоходство между портами одной страны. Различают большой каботаж (плавание между портами разных морей) и малый каботаж (между портами одного или двух смежных морей). Если обратиться к политической истории греческих полисов, становится очевидным, что плавание древних лишь отчасти можно признать каботажным. Но оно отнюдь не было только прибрежным.

Плавание вблизи берега опаснее, нежели в открытом море, поскольку парусное судно не имеет достаточного простора для маневра. Следует помнить, что судовое вооружение античных кораблей не позволяло достаточно эффективно бороться со встречными ветрами, прибрежными течениями, сносами (Tacit. Ann. II. 23–24). Это подтверждают как анализ кораблекрушений – «Улу Бурун» (Bass, Pulak, 1989. P. 29), «Гелидония» (Bass, 1961. P. 267–270), «Тектас Бурун» (Carlson, 2003. P. 581), «Серке Лимани» (Pulak, Townsend, 1987. P. 33), – так и морская практика. Опасность подобного плавания объяснялась не только навигационными причинами. Шанс распрощаться с кораблем и жизнью представляли пираты (Herod. IV. 103; Thuc. I. 5; Strab. VII. 6; Ps. Arg. 20). Поэтому если курс корабля и совпадал с направлением береговой линии, то в большинстве случаев он должен был проходить «в виду берега» – на значительном расстоянии, но в пределах видимости береговых ориентиров. Когда мореплаватели впервые проходили через незнакомый район, они могли держаться видимого берега, но как только путь становился известным, выбирали более прямой маршрут. Подтверждением тому служат остатки крушения двух финикийских судов «Танит» и «Элисса», обнаруженные в 30 милях от берега на линии курса, соединяющего Ашкелон с Египтом и Карфагеном (Ballard, 2002. P. 151–169).

Интересно упоминание Страбона, что мореплаватели могли пересекать Понт Эвксинский по курсу мыс Карамбий – мыс Криу Метопон не теряя из виду землю (Strab. VII.4). Применяя формулу, используемую в навигационных задачах для определения дальности видимости предметов в море:

$$D_p = 2,1 \sqrt{e} - 1,2\gamma + \sqrt{(2,1 \sqrt{e} - 1,2\gamma)^2 + 4,41(h - e)},$$

где e – высота глаза наблюдателя (в м), $2,1$ – среднее значение атмосферной рефракции, h – высота предмета, γ – разрешающая способность глаза = 1, поочередно вычислим дальность видимости горы Ай-Петри в Крыму ($h = 1231$ м; $D_p = 73$ мили) и горы Яралыгез на малоазиатском берегу ($h = 1985$ м; $D_p = 89,5$ миль). Кратчайшее расстояние между крымским и малоазиатским берегами 145 миль, между Яралыгезом и Ай-Петри – 161 миля. Радиусы види-

мости покрывают друг друга. В принципе, Страбон не ошибался, но это только теоретически.

Античные грузовые суда были не столь маневренны и быстроходны, как боевые, но превосходили последние по своим мореходным качествам. Уже в эпоху бронзы появляются два типа парусников, чьи конструктивные особенности в полной мере отразили стремление строить суда, пригодные к плаванию в открытом море и в штормовых условиях. О том, насколько решение было удачным, говорит тот факт, что обводы их корпуса не претерпели существенных изменений вплоть до римского времени (рис. 1; 2). К первому типу относятся суда, корпус которых имел

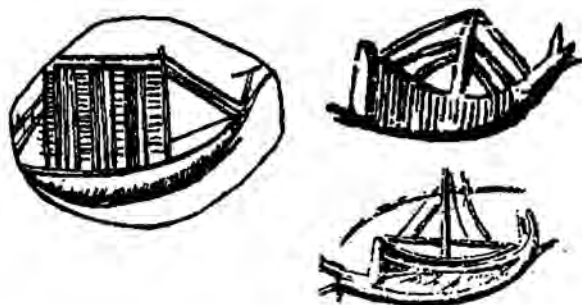

Рис. 1. Изображение судов на критских печатях, ок. 2000 г. до н.э. (Raban. A. The Thera Ships: Another Interpretation// AJA. 1984. Vol. 88. № 1. Fig. Ш.2.)

Рис. 2. Римские корабли. (Мозаика. Остия. II в. н.э. <http://ravensgard.roman.html>)

широкие борты и почти закругленные оконечности при грузовой ватерлинии. Высокие штевни обеспечивали незаливаемость, а широкий развал бортов способствовал удержанию палубы параллельно поверхности гребней, давая возможность судну в условиях шторма продолжать движение лагом. Расчет плавучести и остойчивости «Улу Бурун» показывает, что 15-метровое судно могло принять груз весом до 20 т, и при создании нагрузки на одном из бортов до 500 кг не имело крена. Ко второму типу относят-

ся корабли с асимметричными оконечностями. Их форштевень имел удлиненный выступ в продолжение киля, напоминающий бульб. Бульб обеспечивал невсхожесть судна на волну, а высокая корма облегчала выход на требуемый курс при сильном ветре. Корабль с такими обводами мог достаточно долго штормовать в открытом море носом на волну. Пытаясь как можно лучше приспособить судно к взаимодействию с окружающей стихией, моряки искали верное техническое решение, предъявляя к судну требования исходя из условий безопасности мореплавания и транспортировки грузов (Кисельников, 2006. С. 313–333; 2007. С. 178–195).

Одновременно шел процесс накопления навигационных знаний (Hom. *Odyssea*. V. 270; Herod. I. 1; Callimach. *Iambi*. Fr. 191 Pfeiffer I, 167; Strab. XVI. 2; Ps. Luc. *Asinus*. I. 18). Самая древняя «астролябия» найдена на месте кораблекрушения I в. до н. э. «Антикитира» (Solla Price, 1974. P. 1–70). Но создание подобных механизмов стало следствием многовекового опыта дальних морских переходов, а не наоборот. Ярким примером может служить кораблекрушение III в. до н. э., обнаруженное в 200 милях от Кипра, на пути, соединяющем о. Родос и Александрию.

Из этого следует вывод, что в Черном море, как и в других морях, практиковалось смешанное плавание (как прибрежное, так и плавание открытым морем). Установить точно, когда греческие мореходы впервые пересекли Понт Эвксинский в его самой узкой части, практически невозможно. Есть смысл рассматривать вопрос о наиболее ранних плаваниях по курсу мыс Карамбий – мыс Криу Метопон. Способствовать решению вопроса могли бы находки кораблекрушений. Пока, к сожалению, поиски результатов не дали (Ballard, Niebert, 2001. P. 607–623). Несмотря на отсутствие прямых доказательств, есть основания считать, что уже в первой четверти V в. до н. э. подобные рейсы могли стать обычной практикой. Свидетельством тому служат географические и навигационные знания, накопленные благодаря развитию экономических и культурных связей в бассейне Средиземного и Черного морей, а также конструктивные особенности и техническая оснащённость торговых судов XIV–VI вв. до н. э.

Боголюбов Н.П., 1879. История корабля. М. Т. 1.

Гайдукевич В.Ф., 1969. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. Вып. 116.

Зедгендзе А.А., 1979. К вопросу о причинах основания Херсонеса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.

Золотарев М.А., 1979. Новые данные о древних морских

- путях в Понте Эвксинском // Там же.
- Кац В.И., 1990. Эмпорий Херсонес // Античный мир и археология. № 7.
- Кисельников А.Б., 2006. К вопросу о классификации греческих и римских торговых судов V в. до н. э. – II в. н.э. // Античный мир и археология. № 12.
- Кисельников А.Б., 2007. Морские перевозки грузов в античное время // ПИФК. Вып. I.
- Лазаров М., 1978. Потерянная флотилия. Л.
- Максимова М.И., 1954. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. № 33.
- Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов.
- Ballard R.D., 2002. Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon // AJA. Vol. 106. № 2.
- Ballard R.D., Hiebert F.T., 2001. Deepwater Archaeology of the Black Sea: The 2000 Season at Sinop, Turkey // AJA. Vol. 105. № 4.
- Bass G.F., Pulak C., 1989. Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun: 1986 Campaign // AJA. Vol. 93. №1.
- Bass G.F., 1961. The Cape Gelidonya Wreck // AJA. Vol. 65. № 3.
- Carlson D.N., 2003. The Classical Greek Shipwreck at Tektax Burnu, Turkey // AJA. Vol. 107. № 4.
- Pulak C., Townsend R., 1987. The Hellenistic Shipwreck at Serce Limani, Turkey // AJA. Vol. 91. № 1.
- Solla Price D., 1974. Gears from the Greeks. The Antikythera Mechanism: A Calendar Computer from ca. 80 B. C. // TAPS. Vol. 64 № 7.

Г.А. Кошеленко

Институт археологии РАН

Монеты первых парфянских царей*

Парфянское государство, управлявшееся династией Аршакидов, являлось одной из «мировых держав» древности, основным соперником Рима начиная с I в. до н.э. Вместе с тем, история этого государственного образования изучена явно недостаточно. Особенно трудны для исследования проблемы его возникновения. В современной литературе наибольшим признанием пользуются идеи известного польского историка И. Вольского. Наиболее полное выражение его концепция нашла в монографии (Wolski, 1993). Суть его взглядов состоит в следующем. События, связанные с возникновением Парфянского царства, отражены в двух вариантах античной традиции: сообщениях Страбона – Юстина (Помпея Трога) и данных, восходящих к утраченному труду Арриана «Парфика», которые представлены в очень краткой форме у очень поздних авторов (Фотия, Синкелла, Зосимы).

Основные различия между двумя традициями состоят в том, что в первом варианте основатель государства Аршак представлен как предводитель группы кочевников-парнов, который завоевывает Парфию. Он ведет долгие и успешные войны и оставляет могущественное царство своему сыну, имеющему то же самое личное имя. Во втором варианте основателей два: братья Аршак и Тиридат. Они организуют восстание против селевкидского наместника после его сексуального насилия над од-

ним из братьев. Аршак гибнет в самом начале борьбы против Селевкидов, так что реальным создателем государства здесь выступает Тиридат.

Концепция И. Вольского дает в основном достаточно обоснованную анализом источников картину. Он правильно считает, что исторической является только та картина, которая отражена у Юстина и Страбона, однако в схеме И. Вольского имеется несколько слабых пунктов: не ясно, какие причины привели к появлению второго варианта рассказа о ранней истории Парфии, имеются совершенно необъяснимые хронологические несоответствия и т. д.

Мне кажется, что одной из главных причин слабостей в построениях И. Вольского является то, что объектом его анализа была только литературная традиция, вне его внимания остались парфянские остраки из раскопок Старой Нисы и монеты. Однако, как известно, среди остраков имеется несколько, представляющих собой «памятные записки» о восшествии на престол того или иного царя. Особую ценность имеет один остракон (№ 1760), который позволил установить причину появления второй версии литературной традиции: согласно ему, после царствования Аршака II (сына Аршака I) власть перешла к потомкам Тиридата (Кошеленко, 1976. С. 31–37). Столь же важным источником для данной проблемы являются и парфянские монеты.

К сожалению, ранний чекан парфянских царей

изучен еще недостаточно. До середины XX в. большинство исследователей склонно было рассматривать парфянскую культуру как чрезвычайно низкую, подражательную, лишенную творческой силы, причиной чему было следование оценкам греческих и римских авторов, для которых парфяне были исконными врагами. Только начало широкомасштабных исследований парфянских археологических памятников изменили эти оценки (Кошеленко, 1966. С. 8–10). Такой же подход был распространен и на монетное дело. Большинство исследователей еще совсем недавно полагали, что чеканка монеты в Парфии началась лишь со времени Митридата I, предшествующие же цари ее не выпускали. Только открытие большого клада, содержащего как ранние греко-бактрийские, так и парфянские монеты (Abgarians, Sellwood, 1971), привело исследователей к уверенности в том, что начало чеканки парфянской монеты относится к периоду возникновения государства (Sellwood, 1980. P. 20).

К сожалению, в отношении исследования проблем нумизматики можно повторить то же, что говорилось в отношении истории. Как историки, подобно И. Вольскому, не обращают внимания на монеты, так и нумизматы, распределяя отдельные выпуски среди царей, чаще всего руководствуются только чисто техническими наблюдениями, мало согласуя их с историческими событиями. Даже самый авторитетный исследователь проблем парфянской нумизматики Д. Селлвуд в своем очерке раннего монетного дела Парфии (Sellwood, 1980. P. 20–35) не дает практически никакого обоснования своему распределению отдельных выпусков.

В настоящее время все исследователи согласны с тем, что древнейшая группа парфянских монет представлена целым рядом типов, которые отличаются от всех последующих двумя особенностями портрета правителя, изображенного на лицевой стороне монеты: 1) он имеет юношеский облик, у него отсутствует борода, являющаяся непременной чертой портретов царей последующей эпохи; 2) на голове правителя – кочевнический башлык, что также резко расходится с принятым позднее канонам, для которого характерны либо тиара, либо одна диадема. Я не буду в данной работе рассматривать причины этой особенности ранней иконографии. В данном случае достаточно принять эту черту, как данность.

Почти все монеты этой группы чеканились из серебра, являясь преимущественно драхмами по номиналу. Число мелких фракций серебра и бронзовых монет чрезвычайно мало. Лицевая сторона драхм несла, как мы отмечали, изображение головы правителя. Канон изображения еще не устоялся,

и она бывает повернута либо влево, либо вправо. Обратная сторона представляет собой изображение персонажа, одетого в кочевническую одежду и держащего в вытянутой руке лук. Он изображался сидящим на стуле (без спинки) или на омфале. Как и изображения на лицевой стороне, данный персонаж может быть повернут и влево, и вправо. Отмечу, что в последующее время лучник всегда повернут вправо. На оборотной стороне имеется легенда (греческая или арамейская). На оборотной стороне некоторых монет также появляются отдельные буквы или монограммы. Иногда их считают «марками» монетных дворов, где производилась монета, но это крайне сомнительно.

Естественно, что данные монеты в той или иной степени отражают военно-политическую историю ранней Парфии. В самых общих чертах ее первый этап выглядит следующим образом (Бонгард-Левин, Кошеленко, 2007. С. 73–83). Около 250 г. до н.э. от власти Селевкидов отпадают два правителя восточных сатрапий: Диодот в Бактрии и Андрагор в Парфии. В этих условиях группа кочевников парнов из дахской племенной конфедерации, обитавших на границах Бактрии, опасаясь поползновений Диодота, начинает движение на запад. В результате этого парны захватывают Парфию, в сражении погибает Андрагор. Вскоре после этого происходит торжественное провозглашение Аршака царем и в его честь возжигается «вечный огонь». В дальнейшем Аршак захватывает Гирканию, что еще более усиливает вновь созданное государство.

Мне представляется, что имеющиеся выпуски монет надежно отражают эти этапы деятельности Аршака. Самой ранней монетой, чеканившейся им, с моей точки зрения, является та (типы 5,1; 6,1; 7,1 и 8,1, по: Sellwood, 1980), на которой бюст царя на аверсе изображен влево, на реверсе же лучник, сидящий на омфале, повернут вправо, слева от его фигуры легенда – ΑΡΣΑΚΟΥ, т. е. «[монета] Аршака».

Второй этап представлен двумя вариантами. Один из них характеризуется греческой легендой, второй же – наличием легенды на двух языках: греческом и арамейском. В свою очередь первый вариант состоит из двух типов. Первый из них (тип 1,1, по: Sellwood, 1980): лицевая сторона – голова правителя вправо; обратная сторона – лучник на стуле влево, легенда из двух слов: справа – ΑΡΣΑΚΟΥ, слева – ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ, что означает «[монета] полномочного военачальника Аршака» (рис. 1). Второй тип полностью подобен первому, с одним только отличием – голова правителя на аверсе повернута влево (тип 2,1, по: Sellwood, 1980). Второй вариант также представлен двумя типами. Первый из них

Рис. 1. Монета Аршака I с легендой «Аршака Автократора».

с точки зрения изображений полностью повторяет предыдущий, отличие только в легенде: справа ΑΡΣΑΚΟΥ, слева под луком – арамейская легенда kt'y (рис. 2). Значение этого термина определено

Рис. 2. Монета Аршака I с двуязычной легендой.

уже давно – под арамейской оболочкой скрывается иранское слово «каран», которое возможно перевести как «верховный главнокомандующий». Таким образом, эти два термина одинаковы по значению.

Третий этап представлен типом (9,1–4, по: Sellwood, 1980), который абсолютно идентичен предшествующим, но на реверсе легенда выглядит по иному: справа от лучника (сверху вниз) ΑΡΣΑΚΟΥ,

слева (также сверху вниз) – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, что означает «[монета] царя Аршака».

Выстроенная таким образом последовательность чекана первого из Аршакидских правителей достаточно сильно отличается от схемы Д. Селлвуда, однако, как я думаю, она гораздо лучше согласуется с логикой развития военно-политической ситуации этого времени. Отмечу также, что начало чеканки с типа, где представлено только имя без каких-либо иных обозначений, не является чем-то необычным: прямой предшественник Аршака во власти над Парфией Андрагор также выпускал такие монеты (Кошеленко, Гаилов, Бадер, 1999. С. 294–309). Вероятно, они и послужили «моделью» для Аршака.

Точно так же специального рассмотрения требует и чекан остальных ранних парфянских царей.

* Доклад подготовлен в рамках выполнения проекта РФФИ, грант № 06-06-80171а.

Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., 2007. Политизированная мифология в Парфии // *Линия судьбы: Сб. ст., очерков, эссе*. М.

Кошеленко Г.А., 1966. *Культура Парфии*. М.

Кошеленко Г.А., 1976. Генеалогия первых Арсакидов (еще раз о нисийском острове № 1760) // *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века)*. М.

Кошеленко Г.А., Гаилов В.А., Бадер А.Н., 1999. *Монеты Андрагора как источник по ранней истории Парфии // Проблемы истории, филологии, культуры*. М.: Магнитогорск. Т. VII.

Abgarians M., Sellwood D., 1971. A Hoard of Early Parthian Drachms // *Numismatic Chronicle*. Vol. 103.

Sellwood D., 1980. *An Introduction to the Coinage of Parthia*. 2nd ed. London.

Wolski J., 1993. *L'Empire des Arsacides*. Louvain.

А.П. Медведев

Воронежский государственный университет

Исследование Восточного некрополя Фанагории (2005–2007 гг.)*

В 2005–2007 гг. исследование Восточного некрополя античной Фанагории проводил отряд Воронежского университета, работающий в составе Таманской экспедиции Института археологии РАН. В центральной части Восточного некрополя заложены два раскопа общей площадью 3994 м². Мощность

наслоений в некрополе составляла в среднем около 2 м. Погребения залегали на глубине от 0,4 до 5 м от современной поверхности. За три года работ открыто 120 разновременных погребений, совершенных по обряду ингумации. Из них 26 определенно относились к эллинистической эпохе, 44 – к римской,

24 – к позднеантичной. Кроме того, исследовано 8 конских захоронений, обнаружены тризны, жертвенники, надгробья, а также кольцевой ровик. В 2005 г. в восточной части раскопа встречены остатки двух построек и хозяйственные ямы, свидетельствующие о том, что до использования этого участка в качестве некрополя здесь находились какие-то бытовые комплексы классической эпохи. В раскопе 2006–2007 г., расположенном рядом с шестиметровым курганом, выявлен подстилающий слой темной гумусированной супеси, довольно сильно насыщенный фрагментами амфор V в. до н.э. при практически полном отсутствии прочих находок бытового характера. С ним явно связаны ямы и жертвенник 2007 г., содержащие тот же набор амфор (протофасосские, хиосские пухлогорлые и др.), что и нижний слой некрополя.

Эллинистические погребения. Первые захоронения появляются в исследованной части некрополя не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. Однако большинство захоронений эллинистического времени датируется II–I вв. до н.э. Как правило, они совершались в простых грунтовых могилах, реже ямах с заплечиками, в двух случаях в каменных ящиках. При двух эллинистических погребениях находились каменные надгробья без рельефов. Лишь два захоронения грудных детей были совершены в сосудах (амфоре и кувшине). Ориентировка погребенных неустойчивая, примерно половина погребений головой на восток, другая половина головой на ЗЮЗ. Сопровождающий инвентарь представлен веретенообразными унгентариями, чернолаковыми и буролаковыми тарелками, леканами, акварельными пеликами и кувшинами местного фанагорийского производства, а также украшениями (серьги, браслеты, перстни, бусы), очень редко зеркалами. В 6 погребениях встречены серебряные и медные монеты пантикапейского чекана. В погребении 74 встречен массивный бронзовый перстень с портретом Арсиной III. Отметим находку пяти терракот в погребении 98, совершенном в каменном ящике. Наиболее интересна терракотовая фигура всадника, скорее всего передающая облик местного варвара (плоское безбородое лицо, «скифские» одежда и обувь). На правой щеке коня отчетливо заметен округлый налп, видимо, изображающий фалар. Сероглиняный веретенообразный унгентарий датирует этот комплекс II в. до н.э.

Погребения римского времени. Основная масса погребений римского времени приходится на I в. н.э. Ведущие типы погребальных сооружений те же, что и ранее, но к ним добавляются еще и грунтовые склепы. В 2006–2007 гг. исследовано 10 склепов I–III вв. Все они были однокамерными и, как правило, имели мощные каменные заклады. В

ранних склепах заклады сложены из специально заготовленных известняковых плит и блоков. Более поздние склепы второй половины II – III в. имели заклады из старых рельефных надгробий и массивных архитектурных деталей. Склепы римского времени обычно содержали останки 3–5 костяков (исключения: п. 84 – не менее 10 человек, п. 100 – не менее 8). Как правило, погребения совершались в деревянных гробах или саркофагах, в двух склепах украшенных фигурными гипсовыми прилепами. Погребенные в склепах I–II вв., как, впрочем, и в других типах погребальных сооружений этого времени, чаще всего уложены головой на юг в сторону дромоса. Однако с конца II – начала III в. в Восточном некрополе получает распространение противоположная, северная ориентировка. Укажем, что начиная с I в. н.э. в Восточном некрополе появляются такие обрядовые особенности, как положение кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голени ноги. Несмотря на разграбленность, инвентарь склепов римского времени более богат и разнообразен, нежели в предшествующую эллинистическую эпоху. Это различные типы местной круговой красноглиняной и сероглиняной посуды, реже краснолаковой керамики, стеклянные сосуды (кувшины, кубки, тарелки, чаши, бальзамарины), светильники, как правило, местного производства и очень редко краснолаковые, украшения, фибулы, монеты. В погребениях с I в. уже встречаются сероглиняные сосуды с зооморфными ручками, в том числе изготовленные на гончарном круге (п. 46). В склепе погребения 84 найден золотой медальон с рельефным изображением богини, близкий одному из медальонов Артюховского кургана (Максимова, 1979. Рис. 20), а также небольшой золотой жетон с гравированным изображением мужского божества. Его гермообразная фигурка передана весьма схематично – лицо круглое, волосы намечены точечными вдавлениями, напоминающими лучи, признаки пола подчеркнуты.

В склепах римского времени найдено около двух десятков терракот. Помимо обычных изображений женских божеств встречены две статуэтки, заслуживающие особого внимания. В погребении 100 находилась терракота с изображением скачущего всадника. От известных боспорских статуэток этой серии она отличалась наличием за спиной воина большого круглого щита. Среди набора терракотовых фигурок из погребения 104 обращает на себя внимание статуэтка «воин со щитом». Юноша в башлыке, с длинными, достигающими плеч волосами, одет в короткий, распахнутый снизу кафтан, на его спину накинута длинная плащ. Его обнаженные ноги скрещены. Левая рука закрыта большим ши-

том овальной формы с вертикальным скрепляющим ребром. В центре щита имеется эмблема в виде распластанной фигуры животного. В произведениях греческого искусства такой щит символизировал галатов (Пругло, 1966. С. 208).

В некрополе римского времени чаще встречались надгробия: плоские, иногда с орнаментом, нанесенным красной или голубой краской, рельефные, антропоморфные. В закладе склепа погребения 71 найдено двухъярусное рельефное надгробие. Верхний ярус: усопший возлежит на ложе с кубком в левой руке, перед ним столик с яствами, в его ногах восседает на кресле женщина, сзади внизу – маленькая фигурка стоящего слуги. Нижний ярус: в центре всадник с горитом на поясе, перед ним стоит слуга с кубком в руке, сзади изображение второго всадника. Из заклада склепа погребения 72 того же года происходит хорошо сохранившееся надгробие со сценой прощания. Справа сидящая на кресле женщина в позе печали, у ее кресла стоит маленькая фигурка слуги, держащего сосуд. Слева – стоящий длинноволосый юноша в короткой куртке, опирающийся локтем правой руки на колонку, его левая ладонь лежит на плоском вершине той же колонки. Два рельефных надгробия (мужское и женское) найдены вне комплексов в северо-западной части раскопа 2007 г. В склепе погребения 80 обнаружена мужская голова от скульптурного надгробия, из желтоватого керченского известняка. Несмотря на довольно сильную эрозию, скульптура явно передает индивидуальные особенности пожилого фанагорийца с весьма суровыми чертами лица. Наконец, из погребения 88 происходит скульптурное надгробие неплохой сохранности, использованное вторично в качестве перекрытия детского погребения I в. Оно запечатлело образ женщины зрелого возраста с довольно грубыми чертами лица. Ее левая рука сжимает плод яблока или граната. находка принадлежит третьему типу так называемой синдской скульптуры (Сокольский, 1967. С. 196-198. Рис. 3).

Позднеантичные погребения. В 2005 г. открыт участок некрополя, где абсолютно преобладали позднеантичные погребения. Они концентрировались вокруг кольцевого ровика диаметром 15 м, оказавшегося в северо-западной части раскопа. Большинство из них совершено в узких грунтовых ямах, три в подбоях, пять в склепах. Все позднеантичные склепы имели заклады из сырцовых кирпичей плохого качества. В это время умерших хоронили на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Неоднократно отмечены случаи положения кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голени ноги. Инвентарь большинства погребений довольно беден.

Обычно он представлен сероглиняными лошеными кувшинами и бронзовыми, реже железными, пряжками с массивными хоботковидными язычками, загнутыми за край рамки. В склепе погребения 34 встречен набор из шести пряжек, в том числе одной в стиле клуазонне. Вместе с ними найден массивный железный наконечник копья, распределитель ремней от обуви, краснолаковая мисочка и стакан с каплями синего стекла типа I B-б классификации Н.П. Сорокиной. В погребении 17/2 найдена римская фибула Келлер 2 A/B, а в склепе погребения 30 – три бронзовые фибулы (две двухпластинчатые на груди и еще одна прогнутая подвязная).

Подбойные позднеантичные погребения имели входные шахты правильной удлиненно-прямоугольной формы. Их инвентарь заметно богаче, чем в простых грунтовых ямах: в двух подбоях встречены золотые украшения. Особый интерес вызывает погребение 39. В нем на дне подбоя было совершено погребение мужчины 45–50 лет на спине, вытянуто, головой на север с небольшим отклонением к западу. Обращает на себя внимание заметная кривизна бедренных костей, скорее всего, от частой верховой езды. В изголовье стоял сероглиняный одноручный кувшин с приземистым биконическим туловом и коротким растробовидным горлом, покрытый пролощенным орнаментом. На шее найдено рассыпавшееся золотое ожерелье. Оно состояло из круглых подвесок, украшенных по краю выпуклым точечным орнаментом вокруг знака в виде волюты, рубчатых трубочек и ромбических пронизок в виде маленьких коробочек с двумя сквозными отверстиями, которые служили для продевания нитей. Ожерелья, составленные из точно таких же золотых украшений, известны в погребениях начала эпохи Великого переселения народов в Танаисе, Крыму, на Верхнем Дунае, в Северной Галлии и Южной Испании (Maćczyńska M., 2005. P. 247–255). Фанагорийская находка на сегодняшний день является самой восточной. Скорее всего, этот тип украшений маркирует маршрут миграции алан на запад в самом начале V в. н.э.

Большинство позднеантичных погребений датируется ступенью D1, реже D2 средневропейской системы хронологии, т. е. концом IV – первой половиной V в. Ни одного более позднего комплекса в раскопе 2005 г. не оказалось. Обращает на себя внимание обилие сармато-аланских элементов в культуре и обрядности фанагорийского населения, совершавшего захоронения в этой части некрополя. Особенно интересна серия сероглиняных лошених кувшинов с зооморфным оформлением ручек или полыми носиками-сливами, а также лепных сосу-

дов. В то же время, следует отметить, что в некрополе Фанагории не встречено ни одной Т-образной катакомбы, характерной для центральнокавказских алан и алан-танаитов Нижнего Дона IV в. н.э. Хотя большинство раскопанных захоронений датируется раннегуннским временем, никаких специфически гуннских элементов в их инвентаре или обряде не выявлено. По-видимому, в составе населения Фанагории до середины V в. гуннов еще не было. Складывается впечатление, что на исследованном в 2005 г. участке Восточного некрополя в конце IV – первой половине V в. погребали людей, которые по своей материальной культуре и обрядности были скорее варварами, нежели греками. Не исключено, что это были потомки тех самых греко-сарматов, которых упомянул в своем хронографическом сочинении христианский епископ Ипполит Портский (Lib. gen., 34). Массовый материал из раскопок Восточного

некрополя Фанагории не подтверждает однозначно концепцию культурного континуитета античного и раннесредневекового Боспора, по крайней мере, для его Азиатской части.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект 06-06-880395.

Максимова М.И., 1979. Артюховский курган. Л.

Пругло В.И., 1966. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М.

Сокольский Н.И., 1967. Синдская скульптура // Античное общество. М.

Maćzyńska M., 2005. La question de l'origine des pen-deloques en forme de lunules a décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Aix-en-Provence.

С.В. Мокроусов

Институт археологии РАН

Архитектура сельских поселений Восточного Крыма ранневизантийского времени (по материалам поселения Зеленый Мыс)

Период IV–VI вв. н.э. (ранневизантийский) является рубежным в истории Северного Причерноморья. Он подводит черту под более чем тысячелетней античной историей региона и открывает эпоху средневековья. Происходят изменения в материальной и духовной культуре, формируется качественно новая этнополитическая ситуация. В основе перемен лежат процессы, связанные с Великим переселением народов и возрастающей активностью Восточно-Римской империи (Византии).

Вплоть до недавнего времени все исторические реконструкции строились на основании фрагментарной информации письменных источников, а также данных, полученных при раскопках городских центров. Рядовые поселения оставались вне поля зрения специалистов, что было связано с крайне слабой их изученностью и скудностью введенных в оборот данных. Важность рядовых памятников состоит в том, что их материал дает возможность восполнить ряд существенных лакун стратиграфической колонки городов и, таким образом, более полно реконструировать историю региона.

Интенсивные работы по исследованию рядовых поселений IV–VI вв. н.э. ведутся Восточно-Крымской экспедицией ИА РАН. Слои и комплексы этого времени зафиксированы на следующих памятниках Крымского Приазовья: Мыс Зюк, Зеленый Мыс, Сиреневая Бухта, Генеральское Восточное, Кюль-тепе и Золотое Восточное в бухте. Наиболее полно они исследованы на поселении Зеленый Мыс. Регулярные раскопки ведутся здесь с 1984 г. на трех участках – Цитадель, Склон, Предградье.

Хронологическая шкала включает три крупных блока: 1) конец III в. до н. э.; 2) II – середина III в. н.э.; 3) вторая половина IV – 70–80-е гг. VI в. н.э., или ранневизантийский. Последний распадается на два этапа: 1) вторая половина IV в. н.э. – начало второй четверти VI в. н.э. и 2) начало второй четверти – 70–80-е гг. VI в. н.э. Финальный этап наиболее репрезентативен в плане архитектуры и находок. Такое доминирование объясняется тем, что в начале второй четверти VI в. н.э. поселение после пожара было отстроено заново и в ходе нивелировочных работ практически полностью были уничтожены следы предшествующей застройки.

1) Вторая половина IV в. н.э. – начало второй четверти VI в. н.э. Возобновление жизни на поселении после пожара середины III в. н.э. отмечено появлением субструкций. Наиболее многочисленными конструкциями этого времени являются хозяйственные ямы, разнообразные по форме (цилиндрические, колбовидные, колоколовидные) и размерам. Уцелели также отдельные участки вымосток и небольшое прямоугольное сооружение типа ларя. Остатками какой-то постройки рассматриваемого этапа является вскрытая на верхней террасе стена 69.

При всей фрагментарности и малочисленности сохранившихся структур ряд косвенных данных позволяет говорить о неординарности поселения, прежде всего его архитектуры, на первом этапе. Очевидно, постройкам этого времени принадлежит большая часть прекрасно обработанных блоков, плит и архитектурных деталей, вторично использованных в кладке стен поздних построек. Можно предположить, что в это время формируется террасная планировка Цитадели и Склона.

По всей видимости, с первым строительным периодом следует связывать найденную в слое 70–80-х гг. VI в. н.э. уникальную мраморную капитель феодосианской группы.

Поселение первого строительного периода гибнет в пожаре начала второй четверти VI в. н.э.

2) Начало второй четверти VI в. н.э. – 570–580 гг. н.э. В начале второй четверти VI в. н.э. Зеленый Мыс отстраивается практически заново. На Цитадели осуществляется основательная нивелировка поверхности за счет подсыпок и субструкций. На Склоне отмечено некоторое увеличение площади нижней террасы путем устройства весьма своеобразной платформы. Выделен слой плотной глинистой субструкции.

Доминируют жилые постройки. На Цитадели это помещения 4 и 11 (нижняя терраса) и 12, 14–16, 18, 20 (верхняя). Предположительно как жилая определяется и постройка 1 Склона. В большинстве своем это прямоугольные в плане конструкции. Особняком стоят помещения 16 и 20 Цитадели, имеющие соответственно трапециевидную и Г-образную формы. Кладка стен иррегулярная, двухлицевая. Весьма аккуратная, она выполнена на глиняном растворе, главным образом из бутового камня (довольно крупного и средней величины). Обработанный камень использован при оформлении проемов и углов и, за редким исключением, в кладке тела стены практически не зафиксирован. Исключением является помещение 15 – здесь бутовый и обработанный представлены в примерном соотношении 60% на 40% соответственно. Отдельные крупные камни уклады-

вались поперек кладки, выходя торцами на оба фаса, что придавало стене дополнительную прочность.

Полы помещений – плотно утрамбованная желто-коричневая глина толщиной 5 см, нанесенная на субструкцию. На отдельных участках, в частности у устьев топочных отверстий печей, пол мог быть покрыт плитами известняка.

Единственным обязательным элементом интерьера являлись печи. В большинстве своем это прямоугольные конструкции из плит известняка, обмазанные по внутренней поверхности глиной и с глиняным же перекрытием. В помещениях 14 и 15 оно опиралось на каменные столбики. Еще одной конструктивной особенностью последних является наличие трапециевидного выступа напротив топочного отверстия. Подом служил слой плотной светло-желтой глины, поверх которого в одном случае (помещение 11) были уложены небольшие плоские камни. Выделяется «печь» помещения 4, которая, скорее, может рассматриваться как открытый очаг. В большинстве своем печи занимали один из углов построек, и лишь в помещении 20 печь расположена на некотором удалении от угла. По композиционному решению как стенок, так и внутреннего пространства она является уникальной для поселения.

Предположительно как дополнительные очаги интерпретированы небольшие конструкции из плит известняка, выявленные в помещениях 11 и 15. К их числу, вероятно, относится и «пристройка» к печи помещения 15.

В помещениях 4 и 15 расчищены остатки ларей. Недалеко от входа в помещение 15 располагалась ступа из известняка. В западном углу помещения 20 зафиксированы три вкопанные в подстилающий слой амфоры «с перехватом». Синхронные помещениям хозяйственные ямы выявлены в постройках 1 Склона и 4 – Цитадели.

Следует отметить находки фрагментов оконного стекла, которых не так уж мало.

Установленная площадь большинства прямоугольных открытых дворов колеблется от 14 до 18 м². Поверхность практически всех вымощена плитами известняка, и лишь в одном случае – «северный» двор 1998 г. – это глинистая субструкция. Этот двор, кстати, стоит особняком. Значительно превосходящий остальные по площади (более 50 м²), он состоит из двух частей, которые разделяют два небольших пилообразных выступа ограничивающих его стен. В западном углу двора у помещения 15 было устроено прямоугольное дренажное отверстие. Дворы либо сообщались с жилыми помещениями через дверные проемы (в большинстве случаев), либо примыкали к ним и представляли собой самостоятель-

ные структурные единицы (например, двор к западу от помещения 4).

Теперь остановимся на постройках, которые имели иное назначение, нежели рассмотренные выше. Прежде всего, это помещение 17 с двумя ларями-«жертвенниками». Отметим также наличие поверх пола слоя мелкой морской ракушки. Ряд наблюдений позволяет рассматривать данное сооружение как культовое.

Не имеет типичных для жилых построек деталей интерьера и помещение 13. Единственным элементом его является довольно мощный скальный выступ. Назначение помещения непонятно, но нежилой характер его очевиден.

Убеждает в этом и примыкающей к помещению с запада прямоугольный замкнутый двор с конструкцией из трех бутовых камней и двумя жертвенниками. По организации внутреннего пространства он является уникальным для поселения. Видимо, как и помещение 17 (а возможно, и помещение 13), двор связан с культовой практикой.

К числу рассматриваемых построек следует отнести и помещение 2 Склона «апсидальной» формы.

Первые серьезные катаклизмы происходят на поселении ближе к концу второй четверти VI в. н.э. В пожаре гибнут и уже не восстанавливаются постройки первой террасы Цитадели – помещения 1 и 11 и двор. Напротив, сооружения второй террасы продолжают функционировать. Следы ремонтных работ зафиксированы практически повсеместно – подсыпки и субструкции, перестройки внутри помещений и, в ряде случаев, новые уровни полов либо ремонт прежних. В помещении 13 возводится поперечная стена, разделившая единую прежде структуру на две части – появилась единственная зафиксированная на данный момент двухкамерная постройка Зеленого Мыса.

Достаточно уверенно можно говорить, что этот пожар затронул лишь некоторые участки. В неизменном виде продолжают существовать постройки южного и восточного сегмента Цитадели – помещения 14–20, а также конструкции Склона.

Куда более серьезные последствия имел пожар начала третьей четверти VI в. н.э., затронувший все поселение.

Существенно сокращается число построек Цитадели. Некоторые прежде застроенные участки теперь представляет собой единое открытое пространство, разделенное на несколько сегментов непонятно с какими целями оставленными над уровнем новой дневной поверхности фрагментами ряда старых стен. С новым строительным периодом связано появление новых нивелировочных слоев.

В то же время, некоторые постройки и конструкции ремонтируются и продолжают функционировать. В помещениях отмечены определенные изменения интерьера. Появляются некоторые новые сооружения.

Восстановительные работы на Склоне документируются появлением новых субструкций, перекрывших ряд конструкций первого строительного периода. В то же время, ряд других продолжает функционировать. К этому времени относится и строительство помещения 2.

В заключение отмечу, что вопрос интерпретации некоторых помещений остается открытым. Остатки одних крайне фрагментарны, другие же вскрыты частично. Тем не менее, в двух случаях (помещения 3 и 4 Склона) можно говорить о необычности построек. Это дает основание надеяться, что установленная номенклатура сооружений будет расширена за счет новых типов.

В.Н. Пилипко

Институт археологии РАН

Археологические данные о Старой Нисе

Старая Ниса – памятник неординарный во многих отношениях. В научный оборот его материалы ввели не археологи, а историки. Еще в XIX в., изучая сохранившиеся письменные источники, они пришли к выводу, что, упомянутая Исидором Харакским Парфавниса, с расположенными в ней могилами парфянских царей, может быть отождествлена с

остатками средневекового города Ниса, который, в свою очередь, уверенно локализовали неподалеку от современного Ашхабада.

В XX в. археологи были призваны подтвердить эту догадку. Многие годы они усердно искали царские захоронения. Конечный итог этой истории – раскопки продолжаются почти 80 лет, на городище исследова-

ны практически все «подозрительные» всхолмления, но искомые гробницы так и не найдены.

Помимо развития этой основной фабулы археологические раскопки дали массу других важных находок и наблюдений. Эта информация получила разнообразную интерпретацию в работах заинтересованных лиц. Сами археологи, занимавшиеся раскопками Нисы, многократно меняли свое мнение о назначении исследуемых объектов и о времени их существования.

В настоящее время в познании Нисы наблюдается определенный кризис. Представления о времени основания крепости часто базируются не на данных археологии, а на косвенных показаниях письменных источников. Например, долгое время бытовала версия, что Ниса – первая аршакидская столица, соответственно, делались выводы о ее относительно раннем строительстве. Затем стало известно древнее название крепости – Михрдаткерт, и это привело к доминированию утверждения о ее строительстве Митридатом I. Существует версия о создании комплекса Селевкидами, навеянная ярким эллинистическим обликом некоторых нисийских находок.

В этих условиях попытаемся отмежеваться от показаний письменных источников, субъективных исторических реконструкций и опираться только на археологические данные, полученные в ходе долговременных раскопок.

При исследовании нового памятника, не отягощенного показаниями письменных источников, археологи прежде всего стремятся определить его принадлежность к той или иной категории археологических объектов, установить время его функционирования, внутреннюю периодизацию, культурную принадлежность и дать его функциональное определение, т. е. ответить на четыре основных вопроса: что это, когда, кем и для каких целей создано.

Типологическое определение. В рамках первичной археологической классификации, основанной лишь на учете внешних признаков, данное городище следует отнести к числу крепостей: сравнительно небольшие размеры, мощная, четко выраженная система фортификации, разреженная внутренняя застройка. Однако в ходе широких раскопок получены данные, значительно расширяющие наши представления о внутренней структуре городища. Но они будут рассмотрены ниже, при обсуждении вопроса о функциональном назначении объекта.

Вопросы хронологии. На Нисе наиболее успешно решены вопросы относительной датировки. Еще раскопки Здания с квадратным залом (ЗКЗ) показали, что в Нисе-Митридаткерте имели место два крупных периода строительства.

Второму из них соответствует возведение Центрального ансамбля (ЦА), специального монументального архитектурного комплекса, возведенного по единому замыслу (рис. 1). Планировочным его ядром был Главный двор, вокруг которого группировались основные входящие в ансамбль сооружения: Юго-Западное (ЮЗС), Башенное (БС), Здание с квадратным залом (ЗКЗ), Северо-Восточное (СВС). Если убрать хотя бы одно из этих зданий, то ансамбль перестанет существовать как единое целое. Соответственно, строительство ансамбля принято за второй период. Особо следует подчеркнуть, что СВС, ЗКЗ, БС и Блок круглого зала (БКЗ) строились практически одновременно.

Археологическими наблюдениями установлено, что созданию ЦА предшествовал достаточно продолжительный период, получивший название первого. При раскопках ЗКЗ установлено, что под ним находятся остатки нескольких более древних монументальных сооружений. В пределах СВС обнаружен так называемый Центральный дом, который явно возник раньше остальных конструкций этого сооружения. Раскопки ЮЗС показали, что оно сначала существовало как отдельная изолированная постройка, а затем, во второй период, к нему были пристроены БКЗ и БС.

Суммируя все наблюдения, к остаткам конструкций первого периода следует также относить фортификационные сооружения и систему водоснабжения, без которых Ниса не могла существовать как самостоятельный градостроительный объект. Ранняя застройка внутри огороженного пространства имела парадный вид. Для нее характерна свободная планировка, что отличает ее от ЦА, созданного по строго заданной схеме.

С определением абсолютной хронологии успехи более скромны. Дата основания крепости пока не может быть уточнена в пределах III – первой половины II в. до н.э. Объясняется это тем, что широкие раскопки ранних слоев на Нисе еще не проводились.

В этих условиях сохраняется почва для предположений, что Старую Нису основали Селевкиды (подробнее см.: Пилипко, 2001. С. 338, 339). Но, констатируя это обстоятельство, необходимо отметить, что фактов, поддерживающих эту версию, в археологическом материале также нет. Находок фрагментов греческой керамики, которую следовало бы ожидать в резиденции или святилище Селевкидов, на Нисе нет даже в перемещенном виде. Находки настенных росписей и скульптуры эллинистического облика происходят из относительно поздних сооружений Центрального ансамбля.

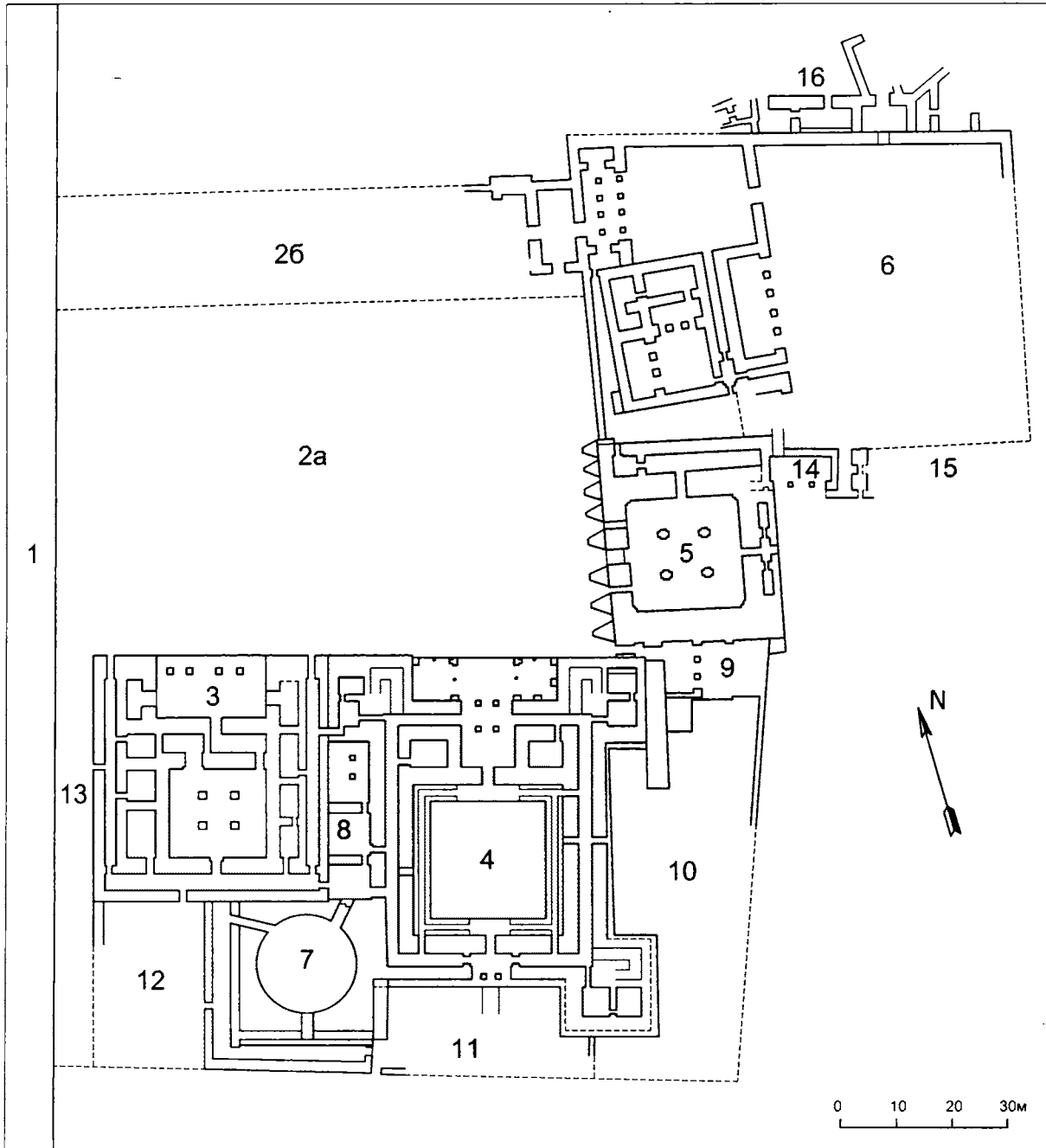

Рис. 1. Общая планировочная схема Центрального ансамбля Старой Нисы. 1 – северо-западная внешняя стена городища; 2 – Главный двор (ГД); 3 – Юго-Западное сооружение (ЮЗС); 4 – Башенное сооружение (БС); 5 – Здание с квадратным залом (ЗКЗ); 6 – Северо-Восточное сооружение (СВС); 7 – Блок круглого зала (БКЗ); 8 – Срединный блок (СБ); 9 – дополнительный участок платформы; 10 – юго-восточный внешний двор; 11 – юго-западный двор; 12 – западный двор; 13 – проход вдоль внешней стены; 14 – древний портик; 15, 16 – застройка с внешней стороны СВС

С определением времени строительства ЦА также существуют проблемы, т. к. его объекты в период функционирования поддерживались в «идеальной» чистоте. Культурных отложений, т. е. мусора, в них нет. Косвенные данные позволяют относить его строительство ко II в. до н.э. В конце II – первой

половине I в. до н.э. в ансамбле был осуществлен капитальный ремонт.

Бóльшие успехи достигнуты в установлении времени прекращения функционирования ЦА. Наблюдения, сделанные при раскопках, показывают, что в середине I в. н.э. он уже находился в руинах.

После этого продолжали использоваться только некоторые помещения БС, но уже с бытовыми целями. Следы освоения городища в Сасанидскую эпоху – отсутствуют.

Относительно культурной принадлежности Старой Нисы особых разногласий нет. Это памятник парфянской культуры, расположенный на исконно парфянской территории. Элементы эллинской культуры (искусства), обнаруженные в Нисе, – это специфика данного памятника, обусловленная тем, что комплекс создавался по повелению парфянских царей, благосклонно относившихся к эллинской культуре и пользовавшихся при обустройстве данного объекта услугами греческих мастеров.

О назначении Старой Нисы в первый период функционирования из-за скудности исходных данных ничего определенного сказать нельзя. Для второго периода имеется более обширный материал. Проведены широкие раскопки Северного комплекса, имеются четкие представления об общем устройстве ЦА. Это позволяет предполагать, что ЦА был сакральным ядром всего нисийского ком-

плекса. Все остальные объекты, расположенные на городище, имели вспомогательный характер и были призваны обеспечить четкое, бесперебойное функционирование ЦА. Это были в основном складские сооружения. Среди них особо выделяется БКД, уверенно определяемый как сокровищница.

В Центральном ансамбле можно выделить объекты трех категорий: сакральные, представительские (публичные) и технические. К числу первых следует отнести БС, ЗКЗ, БКЗ, ЮЗС. Первые три сооружения – это храмы, конкретные функции которых еще нуждаются в уточнении. ЮЗС, по моему мнению, – это мемориальный объект, оставленный от ранней застройки. К публичным объектам принадлежат: Главный двор, место концентрации основной массы посетителей комплекса, и СВС – сооружение, предназначенное для проведения ритуальных коллективных трапез. Особо следует подчеркнуть, что жилые, дворцовые сооружения в составе ЦА отсутствуют, и надо окончательно отказаться от продолжающегося встречаться в публикациях его определения как «дворцово-храмового комплекса».

СЕКЦИЯ 8

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ

А.Н. Башенькин

Вологодский государственный педагогический университет

М.Г. Васенина

МОУ ДОД «Дворец творчества детей и молодежи», Вологда

Комплекс памятников раннего железного века и средневековья у д. Куреваниха на р. Мологе в Вологодской области

Комплекс памятников у д. Куреваниха Устюженского р-на состоит из 30 поселений и могильников, датирующихся от эпохи мезолита до средневековья. Городище Куреваниха I и курганные группы II, III известны с XIX в., неоднократно обследовались археологами и краеведами (Никитин, 1967). В 1987–2007 гг. Северорусской экспедицией под руководством автора здесь открыто более 20 памятников; 12 исследованы раскопками, на остальных заложены шурфы. Памятники располагаются на правом берегу р. Мологи в 1,2–7 км от д. Куреваниха на протяжении 9 км. К эпохе РЖВ относятся 18 памятников: 3 городища, 7 селищ, 2 грунтовых могильника, 6 погребальных сооружений – «домиков мертвых»; к эпохе средневековья V–XIII вв. – 15: 1 городище, 8 селищ, 5 курганных и 1 грунтовый могильник.

Начало железного века в лесной зоне Восточной Европы традиционно определяется VIII–VII вв. до н.э. Однако даты по С-14 – 2890±80 (ЛЕ-3559) – городище Куреваниха XIII, с «чистым» комплексом сетчатой керамики и 2800±40 (ГИН-6622) – грунтовый могильник Куреваниха XXа с погребениями по обряду кремации на стороне, располагавшийся в 150 м от городища, – позволяют предполагать, что этот переход произошел несколько ранее, в начале I тыс. до н.э. (Башенькин, 1995. С.5–7; Башенькин, 1996. С.141–150). На городище Куреваниха XIII зафиксированы 4 полуземляночных жилища, отсутствуют грузики «дьякова» типа. По ряду признаков оно относится к ранним дьяковским городищам. Городище Куреваниха I в устье р. Кати с сетчатой лепной и гладкостенной керамикой, грузиками «дьякова» типа, рукояткой ножа с грибовидным навер-

шием, относится ко II пол. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. Наиболее позднее городище Куреваниха XII по лепной гладкостенной керамике, отсутствию сетчатой, ножу с горбатой спинкой, двушипной стреле датируется III–V вв. н.э. В V в. н.э. сооружение городищ в Молого-шекснинском междуречье прекращается до IX–X вв. Наряду с городищами у д. Куреваниха на всем протяжении РЖВ существуют селища. Они располагаются в топографии, характерной для городищ, их площади в несколько раз превышают размеры городищ. Для ранних селищ характерно преобладание сетчатой керамики, часть орнаментирована шнуровым и длинным гребенчатым штампом. На наиболее позднем селище Куреваниха V (II четв. I тыс. н.э.), сетчатая керамика отсутствует. Характерны лепная гладкостенная керамика позднедьяковского облика, в т.ч. подлощенная, уплощенные грузики «дьякова» типа (11 экз.). Найдены подвеска-лунница, якоревидная подвеска, нож с прямой спинкой и др. вещи. На поселении располагался синхронный могильник Куреваниха VI с погребениями по обряду кремации на стороне и помещением костей в ямки. Комплекс Куреваниха V, VI значительно отличается как от предшествующих финно-угорских памятников с сетчатой керамикой, зооморфными украшениями, «домиками мертвых», о которых речь пойдет далее, так и от последующих памятников культуры псковско-новгородских длинных курганов (КДК). По-видимому, поселение и могильник Куреваниха V, VI оставлены балтским населением, проникшим во II четв. I тыс. н.э., еще до распространения КДК так далеко на северо-восток (Башенькин, 2007а. С. 156–160).

Погребальные памятники РЖВ представлены сооружениями – «домиками мертвых»; материалы четырех раскопанных в 1990–2005 гг. (Куреваниха XVIa, XVII, XX, XXVI) опубликованы (Башенькин, 1995. С. 8–11; 1996. С. 141–162; Васенина, Башенькин, 2006. С. 74–82). «Домики мертвых» располагались на окраине поселений или поблизости от них, представляли собой срубы размером около 5 x 4 м. Внутри остатки погребений по обряду кремации на стороне, часть их находилась в глиняной посуде или органических емкостях. Среди костей большое количество инвентаря: фрагменты мечей, наконечники стрел, ножи, шилья, привески к поясу, бронзовые ажурные бляхи, зооморфные подвески (медведи, водоплавающие птицы и птицы с широко раскрытыми крыльями), булавки, бусы и др. предметы.

В 2006 г. раскопаны еще два сооружения в могильнике Куреваниха XIVa, располагавшемся на окраине поселения Куреваниха XIV. На нем выявлены остатки длинной постройки столбовой конструкции 15 x 3,2–4 м, ориентированной параллельно линии берега. Значительно преобладает сетчатая керамика, находки – глиняные грузики (8 экз.) (рис. 1), серповидный нож, скобель, гарпун, бронзовые предметы (рис. 2: 9–10, 18, 19, 25). Одно из погребаль-

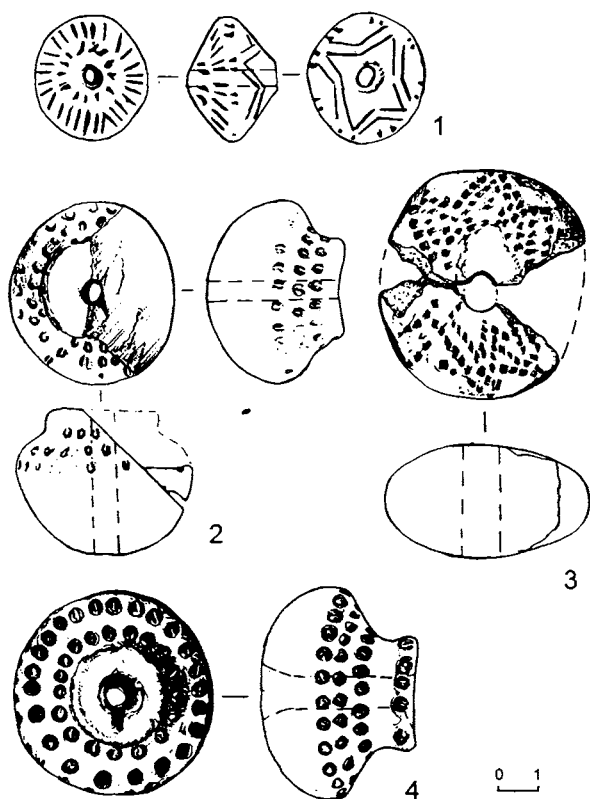

Рис. 1. Поселение Куреваниха XIV. Глиняные грузики.

ных сооружений размерами 4 x 4,8 м, ориентированное по линии берега, перекрыло эту постройку. Находки из него типичны – бляхи-пронизи, фрагменты круглых ажурных блях, подвеска-медведь, птички с раскрытыми крыльями, железные и бронзовые пряжки, в том числе с насечками, фрагменты ременных обойм, костяные пуговицы, стеклянные и пастовые бусы (рис. 2: 1–8, 11–17), двушипные наконечники стрел, фитильные трубки, ножи.

Второе сооружение располагалось в 18 м от первого, имело подпрямоугольные очертания, размером 4,4 x 6,4 м. Внутри – 3 скопления из обожженных валунов, с плашками и углем вокруг, образовывавшие прямой угол со сторонами 3 и 3,2 м, развалы сетчатых сосудов (есть ошлакованные). Здесь значительно больше пережженных костей, но меньше вещей, чем в первом – железные наконечники стрел, фрагмент подвески-лапки, фрагмент булавки, коническая подвеска, костяная буса, оселок (рис. 2: 20–24, 26, 28). Возможно, это место, где производилась и кремация умерших. По углю получены даты 1970+25 л.н., 1980+30 л.н. (ЛЕ-7764, ЛЕ-7768), что не противоречит датировке инвентаря – конец I тыс. до н.э. – рубеж эр. За пределами сооружения найдены сетчатые орнаментированные сосуды, стоявшие целыми на материке или в ямке, в т.ч. с пережженными костями. Городища и селища с сетчатой керамикой, «домики мертвых» принадлежат финно-угорскому населению.

В V в. н.э. ситуация кардинальным образом изменяется, старые городища и селища оставляются, прекращает существование традиция погребений в «домиках мертвых». Здесь появляются памятники КДК – 2 больших селища: Куреваниха IV, 360 x 140 м, и Куреваниха VIII, 4 курганных группы. В группе Куреваниха III, расположенной рядом с селищем Куреваниха IV, было 20 насыпей, в т.ч. 12 сопковидных, высотой до 7 м; раскопаны 2 сопковидных и 3 невысоких насыпи (Башенькин, 1995. С. 28; Башенькин 2002. С. 8; Башенькин, Васенина, 2007. С. 42–49). Ранние погребения с вещами КДК (бляшки-обоймицы, подвеска-лунница) в насыпи № 5 высотой 6 м, диаметром 32–34 м, имеют даты 1460+90, 1260+30 (ГИН-2707, ЛЕ-3456). В насыпи № 15 диаметром 18–20 м, высотой 1,2 м, находились два погребения взрослых людей, одно погребение младенца в лепном горшке и конское с предметами упряжи. В погребении № 1, где найден бронзовый спиральный перстень, определены когти медведя (10 шт.), видимо, 2 лапы, и кости крупного копытного животного. По инвентарю насыпь № 15 датируется VII в. В кургане № 16 диаметром 16 м, высотой 0,3 м обнаружено 6 погребений по обряду кремации на стороне, с вещами КДК:

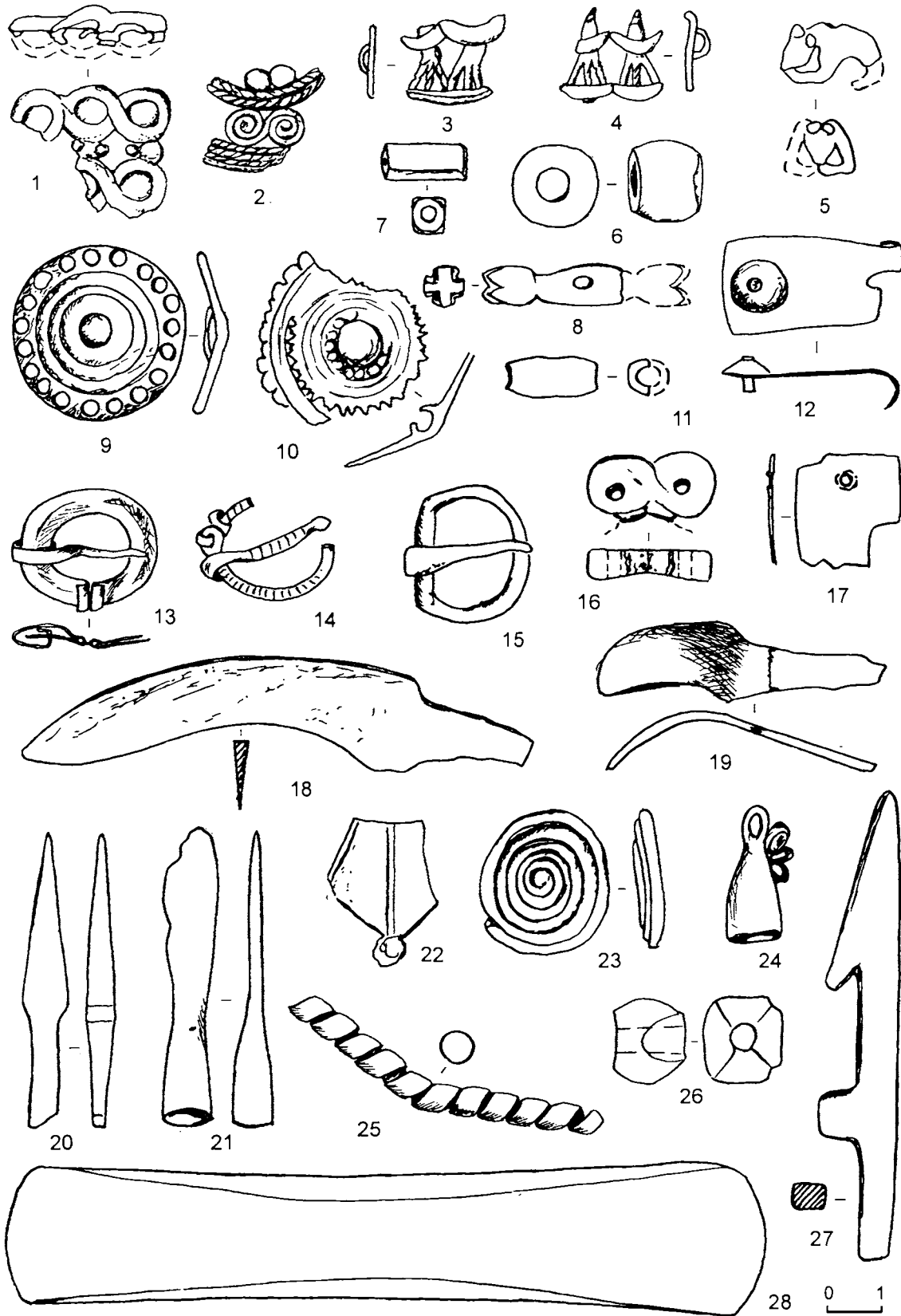

Рис. 2. Куреваниха XIV. Находки из погребальных сооружений.

бляшки-обоймицы, пряжка с вогнутыми сторонами, синие 14-гранные и глазчатые бусы. Но в погребениях есть и вещи, датируемые не позднее V вв. н.э. – бронзовый язычок пряжки с широким основанием, пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты с нарезным орнаментом, поясные бляшки (Башенькин, Васенина, 2007. С. 42–49). На поселении Куреваниха IV вскрыто 152 кв. м., найдена лепная гладкостенная керамика, глиняные пряслица, ножи с прямой спинкой, льячка, фрагменты тиглей, шилья, оселки, бусы.

К древнерусскому времени относятся городище и курганный могильник Куреваниха I, II, селища XVI, XIX. На Куреванихе XVI вскрыто 388 кв. м, найдена грубая лепная керамика, ромбические наконечники стрел, ножи с двумя уступами, гарпун, серебряный салтовский перстень, бусы. По находке салтовского перстня раннего типа поселение может быть датировано IX в. (Башенькин, Васенина, 2006. С. 413–415). В могильнике Куреваниха II, состоящем из 4 сопковидных и более 20 невысоких, А.В. Никитиным в 1967 г. раскопано 11 курганов, датированных II пол. X – I пол. XI вв. Нами раскопано шесть курганов X–XII вв. (Башенькин, Васенина, 2007. С. 53–62). Погребения совершены по древнерусскому обряду с западной ориентировкой. Особенностью является наличие скандинавских вещей: серебряных бус с зернью, подвесок с изображением дракона, браслета, поясной накладки, деталей ларца. По результатам многомерного статистического анализа, выполненного антропологом С.Л. Санкиной, серия мужских черепов однозначно отнесена к скандинавским (Санкина, 1998. С. 243–240).

Памятников позднее XIII в. на этом участке Мологи не выявлено. Вероятно, население смещается

на места современных деревень, стоящих в 1–5 км от реки, в окружении полей.

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Славяно-русские древности. Вып.3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.

Башенькин А.Н., 1996. «Домик мертвых» Куреваниха XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып.1. Вологда.

Башенькин А.Н., 2002. Исследования памятников I тыс. н.э. в бассейне р. Мологи // У истоков Новгородской земли. Любытино.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г., 2006. Поселение и погребальное сооружение Куреваниха XVI и XVIa на р. Мологе // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль.

Башенькин А.Н., 2007. Финны, угры, балты, славяне и скандинавы на Шексне и Мологе // Труды по русской истории. Сб. статей в память 60-летия И.В. Дубова. М.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г., 2007. Исследования комплекса памятников на р. Мологе у д. Куреваниха в 2004–2005 гг. // Археология Севера. Вып.2. Череповец.

Васенина М.Г., Башенькин А.Н., 2006а. Комплекс «домиков мертвых» у д.Куреваниха на р. Мологе // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.

Никитин А.В., 1967. Отчет о раскопках Вологодской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №334.

Санкина С.Л., 1998. О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха II (к историографии норманнской проблемы в археологии) // Археологические вести. Вып. 5. СПб.

С.В. Берлина

Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета

Реконструкция типов фортификационных сооружений саргатской культуры и их оборонительных возможностей

Фортификационное строительство в Западной Сибири до сих пор является малоизученным, основное внимание при исследовании уделялось классификации городищ по формам, размерам рвов и валов (Стоянов, 1969; Борзунов, 1992 и др.). Частично это объясняется малыми объемами раскопок фортификаций по сравнению с жилищами и могильниками.

Большую степень изученности представляют материалы саргатской культуры – раскопки фортификаций были проведены на городищах Ак-Тау в Приишимье, Коловском, Павлиново и Рафайлово в Приисетье, Инберень-4, Розановское в Прииртышье, по материалам отдельных городищ были произведены реконструкции их фортификаций, датировка, про-

слежена эволюция строения (Матвеева, 2005; Хабдулина, 1993).

Для определения строения фортификационных стен (высота, характер стены – плетень, частокол и т.д.) и их обороноспособности можно использовать метод предельных состояний, используемый в архитектуре, и метод определения уровня естественной защищенности городищ – они адаптированы и апробированы А.В. Коробейниковым в работе «Новый иднакар» (Коробейников, 2006).

Суть первого метода состоит в том, чтобы определить устойчивость заглубленной части стойки от ветровой нагрузки и, при малейшем наклоне, должны учитываться нагрузки от веса самой конструкции (в зависимости от градуса наклона). Опрокидыванию опорных столбов из земли противодействует масса грунта, которую он должен оторвать, и сила сцепления частиц грунта. Подробно данная методика описана в работе А.В. Коробейникова (2006), поэтому мы не будем здесь повторяться.

Устойчивость и высота конструкций напрямую зависит от грунта, в котором она закреплена – при этом глинистые грунты на порядок лучше держат фундамент стен, чем супеси, кроме того, вид фундамента – отдельные стойки-столбы или целиком заглубленная стена – также сильно влияет на сопротивление конструкции опрокидыванию и обрушению. Еще один фактор, влияющий на устойчивость конструкций – это строение ее верхней части – при одинаковой ветровой нагрузке на определенную площадь вес ее был различен в зависимости от строения – был это плетень, стена в технике заплота или частокол.

Уровень естественной защиты городища определяется его топографически выгодной позицией. По гипотезе В.А. Коробейникова, можно рассчитать глубину визирования площади, на которой люди, расположенные на территории городища, могли стать предметом прицельной стрельбы (Коробейников, 2006. С. 95–98). При применении данных методик были получены следующие результаты.

На городище Ак-Тау конструкция вала, по нашему мнению, представляла собой плетень, возвышающийся над валом на 2–3 м, при этом форма вала была приближена к треугольнику (соответственно сила, удерживающая основание, делиться пополам). Материковый грунт на городище – плотная глина, из плотных суглинков был сложен и вал, основание стены было углублено в грунт примерно на 2 м. Расчеты на устойчивость стены-плетня высотой 2 м показали, что она имела 12-кратный запас прочности, при высоте стены в 3 м, и небольшом ее наклоне запас прочности резко снижался до 6-кратного. То

есть здесь мы можем наблюдать большой запас прочности стены, которая даже ослабевающая со временем (гниение и т.д.) могла простоять достаточно долго. При проведении расчета уровня естественной защиты городищ выяснилось, что территория поселения, просматриваемая и простреливаемая с поймы, составляла 2,6 м от края мыса – на остальной части защитники были попросту невидимы. Для защиты насельников достаточно было возведения легкого плетня по краю мыса.

При расчете устойчивости стены построенной в технике заплота на второй линии фортификации Коловского гор., грунты которого представляли собой супеси, вал которого был относительно ровным, а стена была углублена на 1 м., выяснилось, что при высоте стены в 2 м она также могла длительно существовать, и даже при небольших наклонах иметь 14-кратный запас прочности, однако при высоте этой же стены в 3 м при таком же небольшом наклоне запас прочности падал до 5-кратного. Скорее всего, стена не была очень высокой, так как со временем, при деформации дерева, она могла быстрее разрушиться. На третьей линии обороны Коловского городища реконструируется плетень, который был углублен в тело вала на 1 м, кроме того, вал здесь также представлял собой в разрезе подобие треугольника – в данной конструкции при высоте стены в 2 м нагрузки были уже большими – запас прочности составлял 1,2. При небольшом наклоне такая стена могла и обрушиться. В данном случае большую роль в «неустойчивости» системы играло то, что вал был сложен из супеси, и имел треугольную форму, а стена крепилась на стойках-бревнах, в то время как в наземной части конструкции вес и площадь были больше (предполагается, что стойки стояли с интервалом в 2 м). То есть высота в 2 м была уже критической.

Расчеты на Рафайловском городище, где грунты также сложены из супесей, однако стена в технике заплота была заглублена полностью (Матвеева, 2005), а не одни стойки, показали, что при заглублении фундамента на 1 м высота наземной части могла составлять 2–2,5 м – при этом даже при небольшом ее наклоне оставался 7–5-кратный запас прочности, однако при высоте в 3 м запас прочности резко падал (до 1,4). Вероятнее всего, стена на Рафайловском городище не превышала 2,5 м, так как на других участках высота вала была меньше, и запас прочности был минимальным.

Расчет уровня естественной защиты городища показал, что по его краям со стороны поймы также требовалась деревянная изгородь (минимум в человеческий рост), которая была скорее всего установ-

лена на валу, фиксирующемся по краю поселения, кроме того, склоны останца были искусственно эскарпированы.

Расчеты по Розановскому городищу (Генинг, Зданович, 1965), где была зафиксирована канавка от частокола с внутренней стороны рва, показали, что стена была устойчивой, причем с большим запасом прочности. Этому способствовало углубление бревен (диаметром до 60 см) частокола на глубину 2 м, при этом со стороны рва они были плотно утрамбованы суглинком. Высота ее могла составлять 2–3 м.

Таким образом, мы выявили, что в целом схема построения фортификаций была одинаковой – валов линия с расположением на валу каркасных деревянных конструкций, различны были только параметры и виды. Среди конструкций деревянных стен выделяются плетень, стена в технике заплота, частокол. При этом на одном памятнике могли сочетаться разные виды оборонительных стен. Видимо, саргатское население владело эмпирическими знаниями о свойствах грунтов, и устраивало деревянные стены с их учетом. Интересно, что в некоторых конструкциях присутствовал большой запас прочности – видимо, это способствовало более долгой службе стен. На ряде памятников рвы немного отстоят от тела вала – возможно, это было связано со стремлением обеспечить телу вала большую устойчивость и не допустить обрушения его в ров. Там, где рвы были устроены у основания вала, фиксировались следы деревянных «одежд» – на городище Ак-Тау, Рафайловском, дерево-земляная конструкция была зафиксирована на первой линии обороны Коловского городища (Матвеева Н.П. и др., в печати).

Оценивая объективно строение фортификаций, следует отметить, что эти городища не могли выдерживать какую-либо длительную осаду, особенно если на их территории не было источников воды. Кроме того, все эти фортификационные сооружения были сильно уязвимы от пожара – вполне можно было совершить их поджог путем поднесения горящего дерева или травы к основанию стены на конце длинной жердины. Возможно, что как раз пожары и были причиной падения крепостей, так как практически на всех памятниках есть следы пожаров. Видимо, укрепления городищ создавались на случай отражения внезапных нападений, или в качестве превентивных мер обороны.

В целом для определения эффективности заграждений следует оценить уровень милитаризации

общества, выявить частоту и характер возможных нападений. Саргатская общность занимала территорию лесостепи от среднего Приисетья до Барабы, являясь своего рода гегемоном на данной территории, подчинив и включив в свой состав местное население (Матвеева, 2000). То есть опасность нападения существовала либо со стороны соседних общин – конфликты могли быть вызваны спорами за территории и ресурсы, либо со стороны насельников пограничных территорий – таежного и степного мира. Возможно, периодически возникали конфликты и с остатками местного населения – носителями баитовской и гороховской культур, с которыми они проживали чересполосно. Следует отметить еще один факт: за пределами укрепленной площадки обычно функционировали селища, при этом жилая застройка подходила вплотную к фортификациям. Поэтому либо население скрывалось в крепости в момент опасности, бросив свои дома и пожитки, либо угроза нападения была не столь серьезной. Скорее всего, фортификации саргатской культуры вполне осуществляли ту функцию, которая была на них возложена – защита от внезапного нападения, место концентрации и сохранения накопленных богатств, сосредоточенных в руках верхнего сословия, отражение социально-экономического статуса поселения.

- Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б. Отчет о раскопках Розановского городища на р. Иртыш, произведенных Уральской археологической экспедицией в 1965 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 3152.
- Коробейников В.А., 2006. Новый Иднакар: очерк историко-культурной реконструкции. Ижевск.
- Матвеева Н.П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск.
- Матвеева Н.П., 2005. Фортификации саргатской культуры (по материалам Рафайловского городища) // РА. № 1. М.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск.
- Стоянов В.Е., 1969. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. Вып. № 119..
- Хабдулина М.К., 1993. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург.

Е. М. Данченко

Омский государственный педагогический университет

А. В. Полеводов

Национальный археологический и природный парк «Батаково»

Среднее Прииртышье в древности и средневековье: на стыке культурных общностей*

Бассейн Среднего Иртыша занимает пространство между таежной и степной зонами, что во многом обусловило особенности историко-культурного развития этой территории. На протяжении тысячелетий здесь происходило взаимодействие различных хозяйственно-культурных традиций, этнических и языковых групп, результатом чего стала многокомпонентность формировавшихся культур, которые, не смотря на определенную локальную специфику, в свою очередь включались специалистами в более масштабные общности, сменявшие друг друга с эпохи камня до средневековья. При этом в различные периоды воздействие степных и таежных импульсов на культурные процессы в Среднем Прииртышье не было одинаковым.

В эпоху бронзы южное влияние в регионе особенно ощущается в связи с продвижением степняков-андроновцев, результатом чего стало формирование андроновидной общности. В раннем железном веке прииртышская лесостепь, занятая населением саргатской культуры, становится частью северной периферии скифо-сибирского мира. В средневековье с юга началось проникновение тюркских групп в лесостепные и южнотаежные районы, а впоследствии осуществлялся контроль над территорией сложившихся здесь государственных образований.

Роль северных таежных культур становится наиболее заметной на рубеже бронзового и железного веков и накануне эпохи средневековья, причем в обоих случаях это было связано с проникновением в Среднее Прииртышье традиций фигурно-штамповой орнаментации – сначала крестово-струйчатых, восходящих к атлымской культуре, а несколько столетий спустя – саровских и карымских.

Остается добавить, что определенную роль в культурном развитии региона сыграли также западные связи с Зауральем и восточные – с районами Барабы и Приобья.

Таким образом, на протяжении различных эпох внешние влияния неоднократно обуславливали изменение культурного облика населения Среднего Прииртышья.

Вместе с тем, говоря о роли пришлых компонентов, следует отметить, что их расцвет, как правило, не был продолжительным, а периоды последующего ослабления неоднократно сопровождались одновременным усилением гребенчато-ямочных черт в орнаментации посуды, что расценивалось как результат ассимиляции пришельцев местным населением (Труфанов, 1988. С. 21).

Гребенчато-ямочные традиции впервые проявляются на среднеиртышской керамике в конце эпохи неолита и, то угасая, то усиливаясь, доживают до средневековья. В эпоху бронзы они характерны для предсузгунских, сузгунских и красноозерских комплексов, в раннем железном веке отчетливо фиксируются на керамике богочановской культуры, историческая судьба которой остается невыясненной в силу того, что в южнотаежном Прииртышье пока не известны памятники рубежа эр. Возникший хронологический разрыв, продолжающийся до раннего средневековья, отчасти заполняют комплексы саровского и карымского этапов с фигурно-штамповой керамикой, появление которых вероятно стало результатом миграции населения из более северных и восточных районов Приобья. В раннесредневековую эпоху доля фигурных штампов падает, а на посуде усть-ишимской культуры IX–XIII вв. вновь появляются орнаментальные схемы, сопоставимые с богочановскими и сузгунскими (Данченко, Полеводов, 2007. С. 128).

Волнообразность процесса затухания и возрождения орнаментальных традиций на керамике нельзя объяснить лишь заглушающими внешними воздействиями. Даже в периоды, не отмеченные какими-либо инокультурными влияниями, те же гребенчато-ямочные черты проявлялись в неодинаковой степени и в разных вариантах, типологическое разграничение которых бывает сложным из-за уже отмечавшейся многокомпонентности и взаимных контактов. Так, на сузгунской керамике эпохи поздней бронзы могут одновременно сочетаться гребенчато-ямочные, андроновидные, ирменские и «крестовые» черты. Появление крестово-струйчатых орнаментов в атлым-

ской культуре Нижнего Приобья рассматривается как результат трансформации гребенчато-ямочной традиции. В материалах Нарымского и Сургутского Приобья эпохи раннего железа исследователи усматривают генетическую преемственность керамики белоярско-васюганского, саровского и карымского этапов (Чиндина, 1984, с. 115, 116; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 34–48), что по логике означает формирование фигурно-штамповой орнаментации на гребенчато-ямочной основе. Все это показывает, что одни и те же традиции могут находить разнообразные формы внешнего выражения и развития.

Не менее сложной выглядит ситуация в южнотажном Прииртышье, где богочановские комплексы обнаруживают определенное типологическое сходство с памятниками сразу двух гигантских общностей раннего железного века: таежной белоярско-васюганской и лесостепной саргатской, испытавшей влияние кочевого мира. Причем близость богочановских и саргатских древностей может объясняться не только взаимными контактами, но и наличием общего сузгунского компонента формирования, в составе которого, как говорилось, отчетливо фиксируются гребенчато-ямочные черты. Однако неодинаковая роль других компонентов, различные направления связей приводят в начале железного века к складыванию двух самостоятельных культур. Подобная ситуация наблюдается и в эпоху развитого средневековья, когда усть-ишимские и бакальские керамические комплексы, хорошо различающиеся типологически, тем не менее демонстрируют черты, восходящие к богочановским и сузгунско-ирменским орнаментальным схемам. Примечательно, что формированию названных культур – и раннего железного века и средневековья – предшествовало распространение в Среднем Прииртышье фигурно-штамповых традиций.

Другими свидетельствами возрождения исчезнувших на несколько столетий или даже тысячелетий элементов декора могут служить сходство позднесредневековой керамики сибирских татар с саргатской посудой эпохи раннего железа, а также орнаменты на берестяных изделиях и одежде современных обских угров, аналогичные геометрическим композициям на андроновских сосудах бронзового века.

Вопрос о том, что способствовало сохранению «генетической памяти», позволяющей вновь возрождать традиции, угасшие тысячелетия назад, чрезвычайно сложен. Однако ситуация не выглядит безнадежной, если рассматривать культурогенез не только как результат плавной трансформации или механического смешения компонентов, непо-

средственно предшествовавших формирующейся культуре. Важно учитывать и другие виды процессов культурных изменений, одним из которых является реинтерпретация, при которой традиционные значения могут приписываться новым культурным элементам, а новые ценности способны изменять смысл прежних форм (Herskovic, 1964. P. 190).

Отсутствие у древнего населения способов письменной фиксации, разработанных систем летосчисления обуславливали выстраивание исторической картины прошлого в координатах мифологического времени, повышали роль генеалогических легенд и иных элементов фольклора, создателям которых помимо прочего приходилось объяснять и наличие на своей территории следов пребывания предшественников. Временное исчезновение и последующее возрождение культурных элементов в некоторых случаях может объясняться именно переосмыслением в соответствии со своей системой ценностей традиций и символики более ранних культур, в том числе орнаментов на керамике с заброшенных поселений, стилистики их культового литья и т. п. В сочетании с историческим фольклором и религиозными представлениями такой «подъемный материал» мог становиться образцом для воссоздания и интерпретации прошлого на свой лад. Поэтому истоки некоторых культурных традиций, по-видимому, следует искать не только в комплексах, непосредственно предшествовавших формированию изучаемой культуры. (Данченко, 2007. С. 94).

Среди специалистов до сих пор нет единства о том, что стоит за однообразием керамического стиля, и чему соответствуют общности, выделяемые по керамике. Их границы могут не совпадать с территорией распространения других категорий инвентаря (например, металлопластики или предметов вооружения, связываемых с кулайской культурой), не говоря уже об этнических, языковых или хозяйственно-культурных ареалах (Шнирельман, 2002).

Сказанное убеждает в том, что, по-видимому, не следует переоценивать значение типологических признаков керамики как культурно-диагностирующих, а тем более этнопоказательных маркеров. Так, процесс тюркизации является фактом, установленным этнографами и лингвистами, однако распространение тюркского языка и изменение этнического состава населения Прииртышья в ходе этногенеза сибирских татар трудно уловить в керамическом материале, в котором, напротив, проявляются архаичные черты, восходящие к местным традициям. Преемственность или ее нарушение, прослеживаемые по керамике, отражают лишь неко-

торые направления развития древних культур, традиции которых могли выражаться и другими способами, что обеспечивало их живучесть.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-01-00198А.

Данченко Е.М., 2007. К изучению процессов культурной динамики по археологическим данным // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск.

Данченко Е.М., Полевиков А.В., 2007. Сузгунское наследие и культурогенез южнотаежного Прииртышья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Сб. статей. Курган.

Труфанов А.Я., 1988. Переходное время от бронзового

века к железному в лесостепном Прииртышье // Археология Западной Сибири (история, краеведение и музееведение Западной Сибири). Тез. докл. к конф. Омск.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург.

Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск.

Шнирельман В.А., 2002. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 5. Омск.

Herskovits, M. J., 1964. Cultural Dynamics. New York.

А.Н. Завитаев

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Строительные сооружения городецкой культуры на территории Прихопёрья

К строительным сооружениям на территории Прихопёрья, относящимся к городецкой культуре, мы отнесли фортификационные сооружения городищ и селищ, жилища, хозяйственные и очажные ямы. Постройки производственного и культового назначения пока на городецких поселениях Прихопёрья не выявлены.

На предмет оборонительных сооружений нами исследованы Дурникинское, Никольевское городища и селище Пады. Никольевское городище (рис. 1: 1) находится в 1,5 км с северо-запада от с. Никольевка и расположено на мысу (мысовое) правого, коренного берега р. Хопёр. Данная форма городища характерна для городецкой культуры (Смирнов, Трубникова, 1965. С. 11). Городище занимает пространство между оврагом и чашеобразной старицей Хопра. Примерная площадь городища 5 390 м². С напольной стороны хорошо просматривается ров и вал, заросший взрослыми деревьями (Хреков, Завитаев, 2007. С. 82). Кроме того, в раскопанной траншее прорезающей ров и вал, были обнаружены остатки тына в виде маленьких черных пятен небольшого размера.

Дурникинское (Богатырка) городище (рис. 1: 2) самое уникальное поселение городецкой культуры

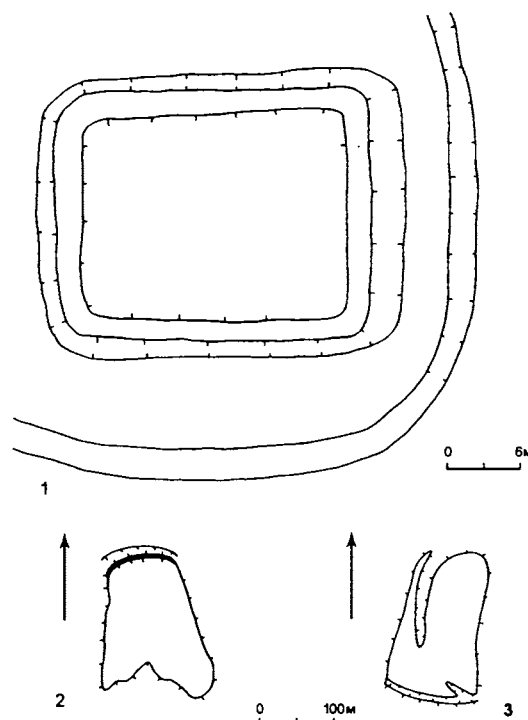

Рис. 1. Схематические планы укреплений Дурникинского (1), Никольевского городища (2) и селища Пады (3).

на всей территории Прихопёрья. Во-первых, это единственный монокультурный памятник в Прихопёрье. Во-вторых, он не имеет аналогов по своим конструктивным характеристикам на всей территории распространения культуры. И, в-третьих, он исследован лишь рекогносцировочно, а значит, весьма перспективен для изучения всей городецкой культуры в целом.

Дурникинское городище находится в 2 км к западу от с. Подгороное (бывшее с. Дурникино) Романовского района Саратовской области на высоком мысу правого коренного берега р. Карай. С юга на север террасу прорезает овраг Богатырка, образуя с восточной стороны выступ, на котором расположено городище. От подножия оврага с юго-запада вверх, в сторону городища проходит лощина. Нам кажется, что лощина служила своеобразным подъездом к городищу (помимо напольного). С напольной стороны мыс отделен рвом и валом. Длина внешнего вала 55 м. На расстоянии 5,7 м к западу от внешнего вала зафиксировано еще одно земляное сооружение подквадратной формы, размером 26 x 29 x 34 м. По всему периметру оно было окружено невысоким валом и рвом. Общая площадь городища 4 050 м², земляного сооружения 841 м². Мощность культурного слоя 40–45 см. Особенный интерес вызывает внутреннее подквадратное сооружение. Аналогий среди городецких городищ данное сооружение не имеет, да и не характерно для городецкой культуры. Нет похожих по форме городищ и на скифской территории Днепро-Донского междуречья. Загадка необычной формы Дурникинского городища остается. (Морузенко, 1985. С. 160–176).

Интересно по своим конструктивным особенностям Падовское селище (рис. 1: 3). Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого берега реки Хопра. В 1,5 км к северу от памятника находится село Пады. Селище занимало пространство между Хопром и небольшим озером. Примерные размеры (150 x 65) м. Южную часть поселения представляет собой площадку, которая тянется между Хопром и древним руслом реки. Эту площадку прорезает «корневой» ров, который через некоторое расстояние от берега Хопра расходится на два самостоятельных рва.

Исследовав укрепления прихопёрских городищ, мы пришли к некоторым выводам. Конструктивные особенности укрепленных поселений Прихопёрья во многом зависят от топографических условий, а количество рвов и валов на городищах определяется, скорее всего, лишь степенью внешней опасности и не имеет характера какой-либо (хронологической, локальной и т.д.) закономерности (Мионов, 1976.

С. 14.). Городища использовались как в качестве убежищ, так и в качестве постоянного места жительства.

На территории Прихопёрья на поселениях Шапкино I дюна 4 и Шапкино VI исследованы два жилища (полуземлянки) городецкой культуры. В восточной части раскопа Шапкино I дюны №4 выявлено жилое сооружение (Рис 2: А). Жилище со стоянки

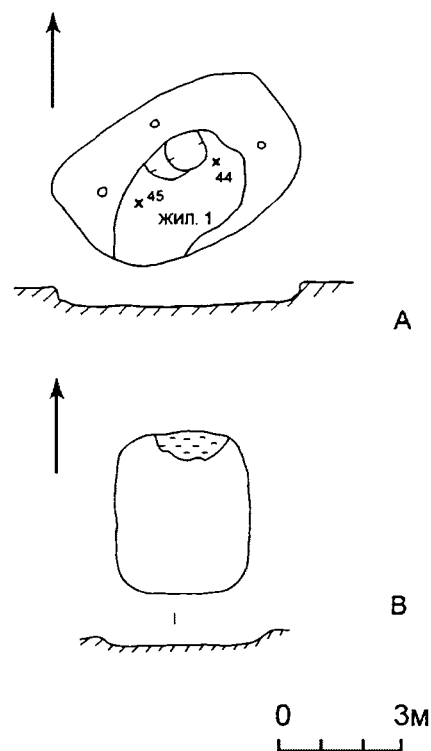

Рис. 2. Схематический план жилищ. А-план и разрез постройки поселения Шапкино I, дюна №4. В- план и разрез постройки Шапкино VI.

Шапкино I дюна 4 в плане подпрямоугольной формы с закругленными углами. Длинной осью жилище ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Размеры по верху 6,1 x 3,8 м и глубина в материке 0,5 м. По периметру зафиксированы приступки шириной от 0,1 до 0,2 м, углубленные в материк до 0,1 м, вероятно выполняющие роль своеобразных лежанок (Смирнов, Трубникова, 1965. С. 12), и две столбовые ямки. В центре располагался очаг. Кроме того, на утрамбованном дне жилищной впадины при разборке заполнения встречены: фрагменты городецкой керамики, миниатюрный сосудик, обломок дротика (?), каменный зооморфный предмет и несколько кремневых отщепов. Рядом с жилищем обнаружена рукоять, от биметаллического ножа выполненная в зверином стиле. По конструкции это была полуземлянка каркасно-

столбовой конструкции, покрытая по принципу шалаша наклонными друг на друга жердями (Хреков, 2000. С. 65). Похожие каркасно-столбовые конструкции были отмечены на Чардымском городище на Нижней Волге (Рыков, 1933. С. 59–60.) и на поселении Студеновка III на Верхнем Дону (Медведев, 2003. С. 110).

Жилище со стоянки Шапкино VI тоже подпрямоугольной (почти квадратной) формы (рис. 2: Б) с закругленными углами, размером 415 x 365 см и глубиной 30 см. Дно ровное и заметно утрамбованное. У северной стенки зафиксировано скопление угольков, видимо, остатки очага. Заполнение постройки состояло из темной супеси, в которой встречались отдельные фрагменты рогожной керамики, отщепы и угольки. На дне жилища обнаружены: обломок железного ножа; глиняное цилиндрическое пряслице и грузик дьякова типа; скопления угольков и керамики городищской культуры, украшенной рогожной и текстильным орнаментом. Почти в центре постройки находился развал горшковидного толстостенного сосуда, поверхность которого заглажена небрежными бороздами-штрихами (Хреков, 2000. С. 67). Аналогичные сооружения постройкам Шапкино I, дюна 4 и Шапкино VI исследованы на Дону и Нижней Волге (Мионов, 1976. С. 15). Эти сооружения относительно невелики по площади, отличаются от известных в городищской культуре больших вытянутых полуземлянок и напоминают, скорее, лесостепные скифоидные жилища (Разуваев, 2006. С. 193).

Видимо, жилище с Шапкино I дюна 4, судя по находке рукоятки биметаллического ножа скифского облика по близости от сооружения, нужно отнести к раннему времени не позднее VI–V вв. до н.э., а жилище с поселения Шапкино VI, датировать концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. Об этом говорит наличие на дне постройки железного ножа и грузика дьякова типа.

К городищской культуре принадлежат котлованы от хозяйственных ям и очагов открытого типа, обнаруженных на Никольевском городище. Ямы заполнены расколотыми костями животных, угольками, золой, камнями и рогожной керамикой. В одной

яме есть кусочки шлака. Все ямы в плане овальной формы. Возможно, обнаруженные остатки открытого очага, свидетельствуют о наличии наземного жилища.

Кроме того, на поселении Шапкино II в пяти хозяйственных ямах и очаге и на стоянке Шапкино I дюна 5 в четырех хозяйственных ямах с типично постзарубинецкой грубой и лощеной посудой обнаружена рогожная керамика. Судя по заполнению ямы, вряд ли «рогожка» оказалась здесь случайно, что, возможно, является поводом для их частичной синхронизации. Сочетание лощеной и рогожной посуды, со сглаженными и небрежными отпечатками, отмечено на таком позднем памятнике, как Троице-Пеленицкое городище

Таким образом, полученные сведения о строительных сооружениях городищских поселений Прихопёрья, проливают нам свет на некоторые культурно-хозяйственные традиции строительства местного населения.

- Медведев А.П., 2003. Городищская культура на Дону и тиссагеты Геродота (Herod.IV. 22) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. – Рязань.
- Мионов В.Г., 1976. Памятники городищской культуры и проблема ее локальных вариантов. Автореф. канд. дис. М.
- Моруженко А.А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н.э. // СА. №1.
- Рыков П.С., 1933. Чардымское городище // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. VI. Саратов.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городищская культура // САИ. Вып. Д1-14. М.
- Хреков А.А., 1980. Исследование в бассейне р. Хопер // Археологические открытия 1979 года. М.
- Хреков А.А., 2000. Городищские поселения лесостепного Прихопёрья // Поволжский край. Саратов.
- Хреков А.А., Завитаев А.Н., 2007. Легенды и загадки Богатырки // Прихопёрье и Саратовский край в панораме веков. Саратов.

О.Ю. Зимина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Некоторые проблемы в изучении комплексов переходного времени – начала раннего железного века Притоболья

На рубеже бронзового – раннего железного веков в Западной Сибири появляются своеобразные комплексы с посудой, орнаментированной крестовым либо мелкоструйчатым штампом: атлымские, молчановские, большещеченские завьяловские (Приобье), красноозерские (Ишимо-Иртышье), гамаюнские (Зауралье).

На территории Притоболья керамика, украшенная крестовым штампом, встречается в небольшом количестве на поселениях эпохи поздней бронзы (бархатовская культура) (Аношко, 2006). Достаточный представительный комплекс керамики гамаюнского типа обнаружен на расположенном у южной кромки лесостепи городище Усть-Утяк 1 (Кайдалов, Сечко, 2006). В материалах этого памятника исследователи выделяют примерно одинаковое количество сосудов бархатовского и гамаюнского типа, а также комплекс керамики, сочетающей гончарные традиции бархатовской и гамаюнской культур, и сосуды близкие по облику красноозерским и позднеримским. На остальной территории гамаюнское присутствие обозначено небольшим количеством памятников тюменского варианта гамаюнской культуры (Борзунов, 1992) и немногочисленными сериями гамаюнской керамики из разведочных сборов и раскопок многослойных памятников.

Пришедшие в Зауралье гамаюнские группы оказали влияние на формирование иткульской культуры (VII–III (II) вв. до н.э.), что нашло отражение в облике второго типа керамики, более раннего по Г.В.Бельтиковой (1977). По мнению В.А. Борзунова, оба типа иткульской керамики синхронны. Посуда первого типа тяготеет к горно-лесной части Зауралья, превалирует на памятниках с остатками металлургического производства и существует несколько дольше второго типа посуды (до III в. до н.э.). На лесостепных равнинных неукрепленных поселениях больше керамики второго типа (Борзунов, 1992).

В Нижнем Притоболье (подтаежная зона) было выявлено значительное количество поселений иткульской культуры. Они представлены преимущественно городищами с кольцевой планировкой. Своеобразие этих комплексов позволило выделить их в восточный локальный вариант иткульской культуры, проследить его динамику и датировать в

рамках VII (возможно, конец VIII) – VI вв. до н.э. (Зимина, 2006). На памятниках раннего этапа (конец VIII – VII вв. до н.э.) присутствует только керамика иткульского второго типа. На поселениях позднего (VI в. до н.э.) – керамика вак-куровского типа, обозначенная по названию городища Вак-Кур 2.

Керамика вак-куровского типа существенно отличается от иткульской первого типа (Бельтикова, 1977) и находит больше аналогий с баитовским керамическим типом Тоболо-Ишимья (Матвеева, 1989). Однако в отличие от баитовской вак-куровская посуда более тонкостенная, с небольшим содержанием песка, большее количество сосудов слабо профилированы, некоторые крупные емкости имеют конусовидную форму придонной части, в отличие от баитовских, преимущественно круглодонных. Помимо традиционных для баитовской керамики узоров из оттисков гребенчатого штампа и наколов в сочетании с пояском жемчужин или ямок на шейке (Матвеева, 1989), в вак-куровском комплексе присутствуют узоры, нанесенные волнистым штампом. В композициях отмечены взаимопроникающие фигуры, на шейках сосудов – ряды из горизонтальных линий, нанесенных оттисками гребенчатого штампа, в переходной зоне к плечу иногда встречается двойной ряд неглубоких вдавлений и др. Эти элементы орнамента не характерны для баитовской посуды и больше ассоциируются с орнаментацией иткульских сосудов, обнаруженных на городищах Притоболья.

Более определенную связь между иткульскими и вак-куровскими комплексами Притоболья демонстрирует способ организации жилого пространства в виде городищ с кольцевой структурой и традиции домостроительства в виде построек наземного типа без котлована. Наиболее отчетливо это прослеживается по материалам городищ Юртоборовского археологического микрорайона, особенно показательным является двухплощадочное городище Карагай Аул 1, на разных площадках которого присутствуют керамические комплексы иткульского второго типа (площадка Карагай Аул 1/А) и близкого вак-куровскому (площадка Карагай Аул 1/Б) (Зах, 1995; Зимина, 2004, 2006).

Определенное сходство вак-куровской и баитов-

ской керамики вызывает у некоторых исследователей сомнение в правомерности включения памятников с керамикой вак-куровского типа в иткульскую культуру. Однако, как мы попытались показать выше, связь между иткульскими и вак-куровскими комплексами существует. Проблема заключается в следующем, является ли появление керамики вак-куровского типа результатом эволюции в Притоболье иткульского комплекса второго типа, сформировавшегося, как мы полагаем, при участии бархатовского (местного) и гамаюнского (пришлого) населения, направленной на изживание пришлых черт в культуре. Либо формирование вак-куровского типа керамики происходило на какой-то другой основе (например, участие сузгунского и т.п. компонентов), что мало вероятно и пока не прослеживается. Не исключено также, что вак-куровский тип керамики сложился под влиянием формирующейся в лесостепном Притоболье байтовской культуры. По имеющимся сейчас данным, время бытования вак-куровских и байтовских комплексов на определенном этапе совпадает. Первые были датированы второй половиной VII (материалы городища Карагай Аул 1) – VI вв. до н.э., формирование вторых исследователи относят к этому же времени. Но основной массив памятников байтовской культуры располагается в лесостепной зоне Тоболо-Ишимья, а поселения с керамикой вак-куровского типа восточного варианта иткульской культуры обнаружены пока в пределах подтаежной зоны Притоболья.

Таким образом, проблема формирования вак-куровского керамического типа окончательно не решена. Она связана с установлением точной хронологической позиции и генезиса байтовской культуры начального этапа раннего железного века Притоболья, в связи с которыми существуют различные точки зрения.

Н.П. Матвеева датировала байтовскую культуру от кон. VIII–VII до V – нач. IV вв. до н.э., а ее происхождение ряд исследователей связывает с трансформацией бархатовских древностей Притоболья (Матвеева, 1989; Матвеев, 1999; Аношко, 2006). По мнению Л.Н. Коряковой, в основе байтовских комплексов, формирование которых она относит к предсаргатскому периоду (VII–VI вв. до н.э.), с доминантой ямочно-накольчатых орнаментов, лежат бархатовские традиции при участии сузгунского компонента, определившего высокий удельный вес ямочных узоров. Часть байтовских комплексов, наряду с другими культурными типами начала раннего железного века Зауралья, с преобладанием гребенчатой орнаментики с включением ямочных узоров, складываются на основе межовско-бархатовских

(Корякова, 1991). В предложенных схемах представлен процесс постепенной трансформации поздне-бронзовой основы.

В связи с открытием памятников восточного варианта иткульской культуры, В.А. Захом была предложена более сложная схема культурно-исторического развития в Притоболье в течение достаточно короткого срока – VIII–VI вв. до н.э.: взаимодействие местных позднебронзовых коллективов с инокультурным (гамаюнским) населением, изживание пришлых традиций (в период существования иткульской культуры), и формированием нового (байтовского) культурного типа. Таким образом, по мнению В.А.Заха, генезис байтовской культуры непосредственно связан с этапами развития и трансформации комплексов восточного варианта иткульской культуры Притоболья (Зах, 2007).

- Аношко О.М., 2006. Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: Автореф. дис... канд. ист. наук. Тюмень.
- Бельтикова Г.В., 1977. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.
- Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург.
- Зах В.А., 1995. Кольцевые укрепления рубежа бронзового и железного веков в Нижнем Притоболье // Третьи исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск.
- Зах В.А., 2007. К вопросу о формировании байтовских комплексов в Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 8. Тюмень.
- Зимина О.Ю., 2004. Исследование городища Карагай Аул 1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии, этнографии. № 5. Тюмень.
- Зимина О.Ю., 2006. Иткульская культура в Нижнем Притоболье (восточный локальный вариант): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А., 2006. Материалы переходного времени от бронзы к железугородища Усть-Утяк 1 (по результатам исследований 2002–2006 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 7. Тюмень.
- Корякова Л.Н., 1991. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург.
- Матвеев А.В., 1999. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск.
- Матвеева Н.П., 1989. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень.

П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Комплексы раннего железного века енисейского Приангарья

Планомерными двадцатилетними археологическими исследованиями на территории Енисейского Приангарья раскопаны десятки разнообразных памятников раннего железного века. Четкая стратификация многослойных поселений, наличие грунтовых могильников и углубленных жилищ на однослойных селищах и городищах, вместе с данными радиоуглеродных датировок и естественнонаучных исследований, делают возможным выделение ряда культурно-хронологических комплексов (рис. 1), существовавших параллельно на обозначенной территории. Основным культуроопределяющим признаком для них выступает керамика, а сопровождающие ее вещи важны как аналоги, позволяющие установить хронологию памятников и направление контактов населения.

К началу эпохи железа в Енисейском Приангарье складываются комплексы с керамикой нижнепорожнинской культуры (VII–III вв. до н.э.), представленные могильниками Нижнепорожнинский и Усть-Шилка II (погребения № 2 и № 3), селищами Шилка X и XIII, поселениями Бобровка (к.с. 4Б), Шилка IX (4 к.с.), Нижнепорожнинское I (1 к.с.) и др.

Погребения устраивались в овальных ямах в обряде труположения без обожжения, на поздней стадии появляются каменные надмогильные кладки. Костяки монголоидного антропологического типа положены на спину, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, головой на ЮЮЗ, позднее ЮЮВ. Поселки состояли из четырех-восьми жилищ, расположенных одним рядом. Изменение формы и устройства жилищ, возможно, связано с генезисом культуры. На ранней стадии жилища были округлыми, видимо, в форме чума площадью до 12 кв. м. Они продолжают традицию развития жилищ предшествующего, переходного от бронзы к железу времени. На поздней стадии жилища становятся прямоугольными, возможно, с двускатной формой перекрытия. Предполагается, что их форма и устройство заимствованы у соседей.

Инвентарь памятников включает бронзовые двухшковые кельты, трехлопастные черешковые наконечники стрел, однодырчатые и однопетельные ножи, шилья с грибовидной шляпкой, иглы, четырехлепестковые бляшки, колоколовидную подвеску, различные пронизки, подвески, бусы. Встречаются редкие изделия из железа. На поселениях найдены керамические и каменные скребки, каменные молотки для обработ-

ки металлических изделий, грузила, точильные камни и др. Посуда лепилась ручным способом. Внешняя поверхность большинства черепков гладкая, на некоторых отмечаются отдельные вафельные отпечатки. Характерны банки закрытой формы с плоским дном и утолщенным краем венчика. Встречены сосуды с роговыми ручками. Гипотетически реставрируются плоская и сосуды-дымокуры с прямоугольными и трубчатыми налепными ушками. В орнаментации использовались гладкие и рассеченные налепные жгутиковые валики, которые строились горизонтально, наклонно или концентрическими дугами. Также применялись ряды накольчатых оттисков приостренного орнамента, а в одном случае пояс «жемчужин». Анализ керамики позволяет говорить о местном лесостепном происхождении нижнепорожнинской посуды, о формировании культуры ее носителей на берегах Енисея под влиянием юго-западных соседей и при участии тагарского населения.

Ареал культуры включает южно-таежные и лесостепные районы Енисейского Приангарья, Красноярской и Канской лесостепи. Отдельными фрагментами нижнепорожнинская керамика отмечается на Ангаре и Подкаменной Тунгуске. В районах Западной Сибири она неизвестна.

Параллельно нижнепорожнинцам на территории Енисейского Приангарья существовали комплексы с керамикой каменско-маковского типа (VII–II вв. до н.э.), представленные селищами Стрелковское II, Маковское, поселениями Язаевка, Зимовейное, Стрелковское I, Каменка, Шилка XII, XIII и др., а также погребениями № 8 и № 10 могильника Усть-Шилка II.

Известны погребения VI–V вв. до н.э., которые выполнялись в обряде трупорасчленения или вторичного захоронения и устраивались в прямоугольных ямах. От костяков присутствуют фрагменты костей конечностей и черепа с европеоидными чертами. Поселки состояли из восьми – десяти углубленных жилищ прямоугольной формы площадью не менее 22 кв. м.

Инвентарь памятников включает бронзовые кельты ангарского типа с геометрическим орнаментом, трехлопастной втульчатый наконечник стрелы, ножи с кольчатым навершием и орнаментированной треугольными вдавлениями ручкой, антропоморфное изображение, пронизки из пасты и серпентинита. На поселениях отмечаются железные петельчатые ножи,

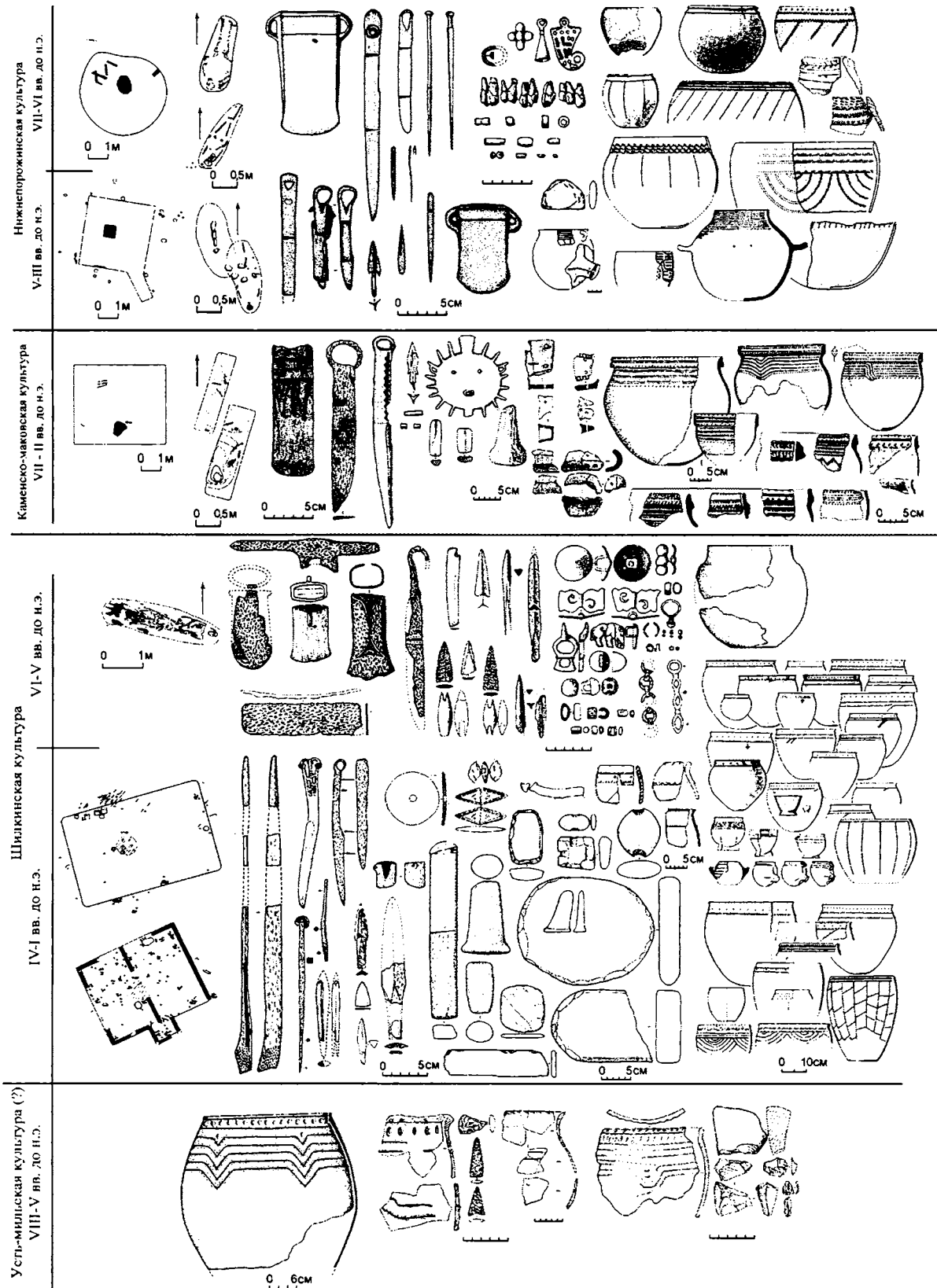

Рис. 1. Культурно-хронологические комплексы раннего железного века енисейского Приангарья.

точильные камни, каменные грузила, молотки, песты и скребки из фрагментов керамики. Посуда гладкостенная. Преобладают горшки с раздутым туловом, реже банки. Есть сосуды-дымокуры с языковидными, прямоугольными и трубчатыми налепными ушками. Венчик всех сосудов утолщался широкой или узкой налепной лентой и украшался отступами и наколами одного орнамента с приостренным гладким или рельефным (мелкозубчатым) концом. Горизонтальный мотив иногда сочетается с ломаной линией и дополняется поясом ямок или прочерченной ромбовидной личиной. Интересна керамическая зооморфная фигурка соболя(?), покрытая накольчатым орнаментом.

Генезис каменско-маковской культуры показывает ее развитие на местной основе раннего и позднего бронзового века. Ее носители расселились в долине Енисея севернее Красноярской лесостепи и долине Ангары западнее Илимска. В ареал следует включить и Чуно-Ангарье, а также, очевидно, долину нижнего Енисея и Подкаменной Тунгуски.

В VI в. до н.э. в Енисейском Приангарье появляются памятники, которые характеризуют своеобразную культуру южно-таежного населения, получившую название шилкинской. К настоящему времени она представлена могильником Усть-Шилка II (погребения № 4 и № 5), городищами Усть-Шилка II, Шилка II, селищами Каменка, производственной площадкой Шилка VI, поселениями Островки I (1 к.с.), Шилка IX (4 к.с.), Нижнепорожнинское I (1 к.с.) и др.

Погребения устраивали в овально-прямоугольных ямах в обряде труположения с обожжением в могиле. Покойников обряжали в одежду, надевали головной убор и укладывали на спину, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, головой на запад. Костяки принадлежат монголоидному антропологическому типу. Изученные городища укреплялись деревянной стеной типа тына, имели один вход, возле которого за пределами укрепленной площадки размещалась хозяйственно-культурная постройка, конструкция которой аналогична жилищам. Внутри городищ жилища размещались одним рядом. Они были углубленными, прямоугольной формы площадью не менее 22 кв. м и имели пирамидальную кровлю, покрытую корой и кусками дерна.

Инвентарь памятников включает железные чеканы, кельты, петельчатые ножи, шилья, бронзовые кельт, нож с ажурной рукояткой, бляшки поясной гарнитуры, пронизки, обоймы, пряжки, концевые накладки лука из рога, бусы, серьги и др. Разнообразны бронзовые, каменные и костяные наконечники стрел. Интересен сосуд, изготовленный проковкой листовой бронзы. На поселениях отмечены разнообраз-

ные каменные орудия труда для обработки металла, твердых материалов и выделки шкур. Много камней с выемками-перехватами, скребков из черепков сосудов. Уникальны наперсток лучника из рога, нашивка с орнаментом из песчаника и скульптурка соболя из глины. Посуда с плотными гладкими стенками. Преобладают горшки, украшенные под венчиком двумя налепными рассеченными валиками, нередко дополненными поясом ямок. Много сосудов-дымокуров с трубчатым ушком. Также отмечаются банки, сосуды с роговыми ручками и миниатюрные кубки.

Ареал шилкинской культуры занимает всю южно-таежную подзону Средней Сибири. Сложение культуры необходимо, очевидно, связывать с проникновением в автохтонную среду пришлого населения из районов Забайкалья и Прибайкалья. Появившись на Енисее, а может быть и во время своего продвижения, оно испытало влияние со стороны кочевников Саяно-Алтая.

Памятники с керамикой усть-мильского облика. На поселениях Язаевка (3 к.с.), Стрелковский порог (1 к.с.), Лесосибирское III (2 к.с.), Костылевка (1 к.с.) и других объектах раннего железного века Енисейского Приангарья отмечается посуда, демонстрирующая особый тип керамики. Она украшалась тонкими волнистыми или прямыми налепными валиками. Орнамент наносился в верхней половине формы и строился руками мастера: край венчика обязательно оформлялся пальцевыми защипами, а с внешней стороны стенки покрывались валиками, которые наносились путем налета тонкого жгута, прищипанного пальцами. Под венчиком валики проходят горизонтально, а в зоне плечиков – клиновидными зигзагами.

Для Енисейского Приангарья эта керамическая традиция привнесенная, она не имеет здесь автохтонных корней. Ее следует связывать с межплеменными контактами или проникновением отдельных охотничьих групп из северо-восточных районов ангаро-тунгуско-ленского водораздела. Возможно, это были какие-то группы населения, принявшие участие в сложении и усть-мильской культуры на территории Якутии. Косвенным подтверждением этому может служить сопровождение такой керамики изделиями из камня, обработанными в неолитических традициях.

Таким образом, представленные комплексы отражают многосоставную культурно-этническую обстановку в раннем железном веке Енисейского Приангарья, указывающую на сосуществование в южно-таежной зоне Средней Сибири различных археологических культур, сформированных из элементов таежного, лесостепного и степного миров.

Материалы могильника Бобровка как источник для реконструкции этнокультурных процессов в верхнем Приобье в переходное время от бронзы к железу

Несмотря на то, что в последнее время изучению переходного времени от бронзы к железу Верхней Оби уделяется значительное внимание, вопросы, связанные с реконструкцией погребального обряда этого периода относятся к категории наименее изученных. В первую очередь, это связано с не разработанностью источниковой базы и географической неравномерностью представленных материалов. Основной массив погребальных памятников расположен в южной части региона, на территории лесостепного Алтайского Приобья, исключением является Томский могильник, расположенный на территории современного г. Томска.

Наиболее исследованным из алтайских памятников является комплекс могильников на Ближних Елбанах (БЕ). Здесь М.П. Грязновым было исследовано 87 погребений отнесенных им к переходному времени, в пунктах БЕ VII раскопано 63 могилы, БЕ XII – 14 могил и БЕ XIV – 10 (Грязнов, 1956, С. 57, 64, 66). Бобровский грунтовый могильник (БГМ) является вторым по значимости после БЕ, на нем в разные годы было вскрыто 58 погребений. Его особенность заключается в том, что он монокультурен и, кроме того, отсюда получена единственная в Западной Сибири представительная антропологическая коллекция переходного времени (Шамшин, Фролов, Медникова, 1996; Тур, 2001).

Краниологическая серия из Бобровского могильника хотя и немногочисленна (16 мужских и 11 женских черепов), однако фактически является единственной серией, представляющей население переходного времени. Исследование краниометрических и одонтологических данных показывает, что население, оставившее Бобровский могильник, имеет несомненное сходство с населением поздней бронзы, и сформировалось на его основе (Тур, 2001. С.73). Возможности межгруппового антропологического анализа в данном случае существенно ограничены тем, что к эпохе поздней бронзы антропологическое своеобразие различных групп населения, представляющих не только разные локально-территориальные варианты одной культуры, но и разные культуры, в частности ирменскую и еловскую, в значительной мере нивелируется. Кроме

того, до сих пор отсутствуют антропологические данные, характеризующие корчажнинское население, влияние которого на формирование культуры населения переходного времени отчетливо прослеживается по другим источникам.

Дополнительную информацию можно получить при изучении внутригрупповой изменчивости антропологических признаков. Анализ внутригрупповой изменчивости краниометрических данных, проведенный на основе попарных коэффициентов корреляции признаков и $U(\rho)$ -группировки для разделения неоднородной совокупности на однородные подсовкупности по одному из признаков, показывает, что в составе исследованной группы, как мужской, так и женской, выделяются два комплекса признаков, что в целом соответствует представлениям о формировании культуры населения переходного времени на двухкомпонентной – ирменско-андроноидной – основе. Следует отметить, однако, что погребальный обряд Бобровского могильника, несмотря на смешанное происхождение, достаточно однороден – элементы двух разных традиций образуют, как правило, диффузные сочетания (Шамшин, Фролов, Медникова, 1996). Таким образом, можно предположить, что при взаимодействии населения ирменского и андроноидного происхождения процесс нивелировки антропологических различий существенно отставал от процесса нивелировки культурных различий. Причиной этого могла служить структура брачных связей. В пользу этого свидетельствует и внутригрупповой анализ дискретно-варьирующих (фенетических) признаков (Stojanowski, Schillaci, 2006. P. 62–65), которые наследуются независимо от краниометрических признаков. Матрица обобщенных коэффициентов сходства (Gower, 1971. P. 860–865), вычисленных на основе 22 признаков (краниологических и одонтологических), была подвергнута многомерному шкалированию. В первом измерении анализируемая группа разделилась на две «половины», каждая из которых включает как мужские, так и женские черепа. При этом обе подгруппы существенно варьируют во втором измерении. Из этого можно заключить, что брачные связи между потомками носителей ирмен-

ских и андронидных традиций в пределах данной популяции переходного времени, скорее всего, были ограничены. Более существенную роль для тех и других, по-видимому, играли брачные связи, направленные за пределы своей локально-территориальной группы. К сожалению, отсутствие соответствующих сравнительных данных не позволяет пока конкретизировать это положение.

Анализ маркеров физиологического стресса и состояния здоровья, а также биомеханических свойств длинных костей конечностей, отражающих особенности трудовой деятельности, показывает, что население переходного времени по всем показателям соответствует населению эпохи бронзы и резко отличается от населения эпохи раннего железа.

Выявленная неоднородность на уровне антропологического материала, подтверждается при сравнении основных признаков погребального обряда Бобровского грунтового могильника с показателями других некрополей переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Так при рассмотрении ориентации умершего устанавливается, что для комплекса могильников на Ближних Елбанах из 87 погребений направление юго-запад – юго-юго-запад является почти единственным, только два погребения в пункте БЕ VII имеют северо-восточную ориентацию и два южную. Комплекс переходного времени Томского могильника, так же как и БЕ, характеризуется доминированием юго-западной направленности с отклонениями к югу (Комарова, 1952. С. 38). Это несколько отличается от материалов Бобровского грунтового могильника, здесь из 58 могил: юго-запад 25 случаев, юго-восток 14, юг восемь. Иная направленность зафиксирована только в трёх случаях: в могиле № 30 двое мужчин были уложены головой на север, ещё в одном мужском погребении № 33 было зафиксировано северо-западное направление и западное в женском погребении № 48.

Положение скелета в могиле также является важным признаком; в Томском могильнике умершего клали скорченно на правом боку (Комарова, 1952. С. 38). Для Бобровского грунтового могильника этот обряд зафиксирован в 42 случаях, для комплекса Ближние Елбаны – 46. Левый бок представлен гораздо реже БГМ – 8, БЕ – 18. Случаи «вытянуто на спине» единичны (БГМ – один, БЕ – шесть).

Важным как культурным, так и хронологическим маркером является керамика. Наиболее распространенной формой погребальной посуды являются небольшие полусферические чашки-миски, данный вид изделия найденный на БЕ и БГМ, орнаментированные рядами косопопоставленного штампа, либо без

орнамента, больше соответствуют отдельным находкам переходного комплекса Томского могильника и урочища Елбан (Комарова, 1952. Рис. 22–50, 52). Но в материалах Бобровского грунтового могильника, и в меньшей степени Ближних Елбанов встречаются круглодонные сосуды с невысокой шейкой с прямым или слегка отогнутым венчиком (Грязнов, 1956. Табл. XIX 16, 17, 18, 19, 22; Шамшин, Фролов, Медникова, 1996. Рис. 8: 3, 9: 1–3, 7: 1; Папин, Шамшин, 1999. Рис. 1: 2, 4, 9). Орнамент сосредоточен в верхней части сосуда, основными мотивами являются зигзаг, косые отпечатки штампа, реже треугольники, образованные ямками или иным штампом, в двух случаях зафиксировано использование крестового штампа. Геометризм в декоре погребальной посуды является отличительной чертой Бобровского могильника, а на комплексе Ближних Елбанов фиксируются ряды косопопоставленного штампа. Эта особенность посуды Бобровского грунтового могильника находит полные аналогии, прежде всего в материалах поселения Мыльниково, датируемого VIII–VII вв. до н.э., где данная традиция интерпретируется как наследие эпохи поздней бронзы (Папин, Шамшин, 2005. Рис. 34, 35).

Наиболее устойчивая модель погребального обряда формируется в конце переходного периода и связана с памятниками БЕ VII, XII, XIV. В Бобровском грунтовом могильнике существует культурная дифференциация признаков, подтверждаемая данными антропологии (Тур, Фролов, 2001).

Рассматривая хронологическую позицию Бобровского грунтового могильника, по отношению к другим могильникам переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку на Верхней Оби – Томскому, Ближние Елбаны VII, XII, XIV необходимо отметить следующее. Во-первых, в орнаментации погребальной посуды БГМ ярко выражены черты предшествующей эпохи поздней бронзы, во вторых, по таким признакам как ориентация умершего и его положение в могиле, этот некрополь демонстрирует определенную варибельность погребального обряда, что может свидетельствовать о незавершенности процессов формирования новой традиции, в третьих, в погребальном инвентаре практически отсутствуют предметы вооружения. Не противоречат этому радиоуглеродные даты, полученные по костям человека из погребений Бобровского грунтового могильника. Если отбросить крайнее значение образца СОАН 6853 (могила 45) дата которого соответствует IV–III вв. до н.э., то для других пяти (СОАН 6848–6852) были получены даты, обобщенный калибровочный интервал для которых составляет 840 – 747 cal BC для 52% вероятности.

- * Работа выполнена при поддержке РГНФ проект №06-01-00510а
- Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ С. Большая Речка // МИА. № 48. М., Л.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., 2007. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов. Вып. 3. Барнаул.
- Комарова М.Н., 1952. Томский могильник, памятник истории древних племён лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 24. М.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: монография / под ред. Ю.Ф.Кирюшина. Барнаул.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1999. К материалам Бобровского грунтового могильника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул.
- Тур С.С., 2001. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (VIII–VII вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. 7. Горно-Алтайск.
- Тур С.С., Фролов Я.В., 2001. О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н.э.) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул.
- Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1996. Бобровский грунтовой могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул.
- Gower G.C., 1971. A general coefficients of similarity and some of its properties // Biometrics, V.27.
- Stojanovski S.M., Schillaci M.A., 2006. Phenotypic Approaches for Understanding Patterns of Intracemetery Biological Variation // Yearbook of Physical Anthropology. V.49.

Л.М. Плетнёва

Томский государственный педагогический университет

Металлические зеркала эпохи раннего железа из памятников томского Приобья

Металлические зеркала известны на территории юга Западной Сибири, как и в Южной Сибири, с эпохи развитой бронзы. Они входили в предметный набор при погребениях некоторой части умерших, найдены в культурном слое поселений, значительную часть составляют случайные находки.

В эпоху раннего железа в Томском Приобье зеркала происходят из нескольких памятников: из Томского могильника – 15 экз. (Фонды МАЭС, инв. № 4188, 4215, 4319; остальные хранятся в ГИМ); из могильника Аникин Камень I – 2 (Фонды Музея г. Северска, колл. 4204, № 95, 169); поселения Шеломок II – 9 экз. (Фонды МАЭС, колл. 7107, №№ 2242–2245); городища Шеломок – 5 экз. (Фонды МАЭС, колл. 6840, №№ 835, 895, 896, 947, 948); городища Басандайка – 7 экз. (Фонды МАЭС, колл. 6733., колл. 6734, № 28, 99, 113, 152, 175, 351); из Степановаской коллекции – 6 экз. (Фонды ТОКМ, колл. 1493, № 34, 51, 53, 57, 65, 329). Памятники датируются VII–II вв. до н.э.

В литературе для раннего железного века нет единой классификации и типологии зеркал. Она разработана для каждого региона своя. Так для Южной Сибири С.В. Киселевым (Киселев, 1951. С. 107) и Н.Л. Членовой (Членова, 1967. С. 82) для Ачинско-Мариинского района – А.И. Мартыновым (Мартынов 1979, С. 54–55), для Алтая – В.Д. Кубаревым (Кубарев 1987. С. 90–91), для прохоровской культуры – М.Г.Мошковой (Мошкова 1963. С. 41), для саргатской культуры – Л.Н. Коряковой (Корякова 1988, С. 77–78). Обратимся к территории, наиболее близкой к Томскому Приобью. Так, С.В. Киселев зеркала тагарской культуры делит по форме ручки на дужковые, кнопковые и медалевидные (Киселев, 1951. С. 107–108), Н.Л. Членова придерживается классификации С.В. Киселева, выделяет три типа, внутри типов дает варианты (Членова, 1967. С. 82).

Для зеркал с Нижней Томи приемлема классификация С.В. Киселева – Н.Л. Членовой, тем более, что все эти зеркала относятся к типу I, с вариантом IA

(Членова, 1967. С. 82). Зеркала из Томского Приобья выполнены в виде круглых дисков – либо плоских, либо немного выпуклых. По размерам они делятся на крупные (диаметр 7–13 см), и уменьшенные (диаметр 5–7 см). Только одно зеркало имеет вертикальный бортик высотой 1,5 мм, толщиной 1,2 мм, толщина зеркала в центре 2,2 мм (городище Шеломок, № 12653). К другим параметрам зеркал относится их толщина. Как правило, в центре зеркала толще (от 2, мм до 4 мм). Края значительно тоньше.

Относительно датировки по диаметрам (Членова, 1967. С. 83). следует отметить, что наиболее крупные зеркала из Томского Приобья происходят из наиболее ранних памятников. Так зеркало с диаметром 8,4 см из кургана № 27, погребения I могильника Аникин Камень I найдено вместе с бронзовой бляшкой в виде четырех голов козлов. Н.Л. Членова подобные изображения козлов датирует VI вв. до н.э. В рядом расположенном кургане № 28 найдены бронзовые псалии, относящиеся к VII–VI вв. до н.э. (Плетнева, 2003. С. 129). Однако зеркала с большим диаметром могут встречаться с зеркалами меньшего диаметра (могильник Аникин Камень I, к. 26, Томский могильник) (Комарова, 1952. Рис. 25), что характерно и для других территорий.

Петельки у зеркал из Томского Приобья в большинстве дуговидные как у зеркал с большим диаметром (напр.: Степановка, № 51, диам. 9,4 см.; Аникин Камень I, № 169, диам. 8,4 см), так и с малым диаметром (городище Шеломок, № 934, диам. 5 см.; Аникин Камень I, № 95, диам. 5,5 см). Независимо от диаметра диска дуговидные петли различаются шириной, толщиной и длиной петли: так ширина петли составляет от 0,2 до 0,6 см, такая же толщина дужек, длина: от 0,9 до 2,4 см. Интересны зеркала из Степановки. У зеркала под № 53 петля не имеет отверстия, это ее имитация, под ней имеется отверстие в диске зеркала и, видимо, в это отверстие продевался шнурок для привязи, у зеркала под № 57 петля имеет треугольную форму; у зеркал под №№ 34, 65, 329 петли овальные, но у зеркала под № 34 под петлей есть дополнительное отверстие. Петли у некоторых зеркал немного смещены, располагаются не строго в центре, что характерно не только для Томского Приобья. Из технологических приемов изготовления зеркал следует обратить внимание на то, что дужки к зеркалам иногда отливались отдельно от дисков, а затем прикреплялись к дискам (Степановка, №№ 51, 329). В этих случаях петли на концах расплющены, более широкие и видно, как металл у краев отходит от диска.

Разновидностью томских зеркал является оформление ручки на обороте диска в виде фигурок коз-

ликов: одной, двух, четырех. Они различаются стилистически: одни выполнены довольно схематично (Плетнева, 1976. Рис. 1: 4; 7: 1, 3; рис. 12: 6), другие более реалистично (Плетнева, 1977. Рис. 7: 8). Дисковидные зеркала с фигурками животных, а именно: козликов, встречены в Минусинской котловине (Членова, 1967. Табл. 24: 6). Но на зеркале, происходящем из коллекции Згерского-Струмилина, хранящейся в ГИМе, четыре козлика обращены головами в разные стороны под углом 90° (С-Ю, З-В ?), в то время как на зеркале, происходящем из Басандайки, (Басандайка, 1947. Табл. 11: 9) козлики сгруппированы попарно. Другие аналогии нам неизвестны. Есть одно зеркало с двумя фигурками животных (городище Шеломок, колл. 6840, 948). Фигурки выполнены довольно схематично, головами обращены в противоположные стороны (Плетнева, 1976. Рис. 1: 2).

На использование зеркал в ритуальных целях указывают в ряде случаев обстоятельства их находок: Так, на поселении Шеломок II три зеркала найдены были в составе предметов из скопления в культурном слое (Плетнева, 2002. Рис. 2: 5), два зеркала найдены непосредственно в ритуальной постройке вместе с другими бронзовыми предметами (Плетнева, 2002. С. 58–64). В последнем случае было одно петельчатое зеркало, другое – фигуркой козлика в большими рогами (Плетнева, 2002. Рис. 1: 7, 8). На этом же поселении найдена литейная мастерская, в которой находился костер диаметром 2 м, где были обломки литейных форм, в том числе и зеркал, а также капли бронзы, бронзовый слиток, небольшая бронзовая пластина и обломки предметов. В этом же месте найдено петельчатое зеркало (Плетнева, 1977. С. 23).

Рассматривая зеркала как один из элементов древней культуры, мы можем лишь подтвердить уже высказанное мнение о том, что с середины I тыс. до н.э. влияние кочевников степей значительно увеличилось на своих северных соседей, населявших лесостепи и леса Приуралья, Зауралья и Западной Сибири. Появились предметы сакского, скифского и савроматского облика (Корякова, 2003. С. 68; Плетнева, 2003; Фролов, 1999; Фролов, Шамшин, 1999). Сакское влияние распространилось на Алтай и Верхнее Приобье (Троицкая, Бородавский, 1994. С. 104; Плетнева, 2003). Алтайские исследователи считают каменную культуру пришлой, сложившейся при непосредственном участии саков (Фролов, 1999). Их влияние отмечено в Туве и на территории тагарской культуры (Членова, 1967). В свою очередь значительным было влияние тагарской культуры на северо-западных соседей. Предметы тагарской

культуры найдены не только в Томском Приобье, но на Средней Оби (Плетнева, 1977; Мягков, 1929; Яковлев, 1991. С. 140). В раннем железном веке на территории Западной Сибири и Алтая можно выделить несколько районов, в культуре населения которых прослеживаются своеобразные зеркала как собственного производства, так и привозные. Первый район – территория гороховской и саргатской культур. Как отмечает Л.Н. Корякова, население этих культур было подвержено влиянию южного кочевого мира (Корякова, 2003. С. 69). Зеркала, найденные на территории саргатской культуры, большей частью сарматского облика (Корякова, 1989. С. 104) и во многом аналогичны зеркалам прохоровской культуры (Корякова, 1988. С. 102). Зеркала саргатской культуры дисковидные плоские, плоско-вогнутые, с валиком: тип 1 – без боковой ручки; тип 2 – с боковой ручкой (Корякова, 1988. С. 77).

Второй район – Верхняя Обь – территория большереченской (Каменской) культуры. Судя по публикациям, зеркал найдено несколько. Среди них: дисковидное с высокой петлей (Троицкая, Бородовский, 1994. Таб. XIII: 6) дисковидные с боковой ручкой и кнопкой (Там же. Таб. XVIII: 9), дисковидное с боковой ручкой (Там же. Таб. XXI: 6), дисковидное с боковой ручкой в виде голов животного (Там же. Таб. XLIII: 1), дисковидное с боковой ручкой и тремя тиграми на обороте (Там же. Таб. XXXV). По поводу последнего существует несколько версий его происхождения. Так Я.В. Васильков отнес его к индийским, как продолжение традиций индийских зеркал –погрешек (Васильков, 2003. С. 32). Авторы монографии склонны относить это зеркало к сарматским (Троицкая, Бородовский, 1994. С. 38). В. Васильков предлагает новую гипотезу: сарматские зеркала, которые ряд авторов определяют как бактрийские, считать индийскими (Васильков, 2003. С. 32). Таким образом, в Верхнем (Новосибирском) Приобье зеркала встречаются разной культурной ориентации: сарматские, одно индийское (?) и, видимо, алтайские.

Третий район – Алтай. Судя по сводке В.Д. Кубарева, здесь преобладают медалевидные зеркала с большой петлей. Этот тип широко распространен в Забайкалье, Монголии, Ордосе и Казахстане (Кубарев, 2002. С. 63). Кроме того, известны зеркала с петлей в центре диска, а также – без ручек и петель (Кубарев, 1987). Значительная часть медалевидных зеркал с короткой боковой ручкой имеет гравировки (Кубарев, 2002. С. 64).

Четвертый район – территория Хакаско-Минусинской котловины и Ачинско-Мариинского района (тагарская культура). Здесь распространены

дисковидные зеркала с петлей на обороте, с кнопкой и медалевидные, т.е. с ручкой сбоку (Членова, 1967. С. 81–82). Среди тагарских зеркал встречаются также, у которых петелька оформлена в виде стоящего зверя (кабана, козлика) или звериных голов (Членова, 1967. С. 82). Преобладают дисковидные зеркала с петелькой на обороте (Членова, 1967. С. 82; Мартынов, 1979. С. 54–58).

Пятый район – Томское Приобье. Здесь найдены зеркала дисковидные с петелькой на обороте или с фигурками козчиков вместо петель. Возможно их местное производство.

Совершенно особым районом является лесная зона Западной Сибири. Ее территория была на значительной части Западной Сибири заселена кулайцами. Зеркала, видимо, не были здесь предметом туалета. Скорее всего по этой причине не было их производства. Чаще всего здесь найдены сарматские зеркала. Они встречаются эпизодически, чаще всего на культовых местах: Айдашинская пещера (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980), Ишимское культовое место (Ермолаев, 1914; Чернецов, 1953). Эти памятники расположены на периферии кулайской культуры.

В монографических исследованиях, где собран основной материал по кулайской культуре на начало 1980-х гг., зеркала не значатся (Чиндина, 1984; Троицкая, 1979; Ширин, 2003). Тем более интересным является находка зеркала и трех фрагментов от других в Барсовском III могильнике, в погребении 1 кургана (Борзунов, Зыков, 2003). Они были положены ребенку 6 лет (определение В.А. Дремова). Целое зеркало диаметром 11,2 см, украшенное шестилепестковой розеткой в двойном круге, лежало на груди ребенка (Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 1: В). Здесь же лежал фрагмент другого зеркала с циркулярным орнаментом (Борзунов, Зыков, 2003. рис. 4: 4). Два фрагмента от третьего зеркала, украшенного чередованием концентрических линий и тремя кругами с короткими насечками (Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 3: 1), лежали вместе с положенными украшениями (Борзунов, Зыков, 2003. С. 104). Судя по инвентарю, это погребение далеко не рядовое. На зеркалах и на бронзовой пластинке с головами птиц есть гравировки в виде личин, антропоморфных и зооморфных изображений. Интереснейшая коллекция зеркал (23 экз.) хранится в Ханты-Мансийском «Музее природы и человека» (Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002). Зеркала сарматские, но большинство из них имеют зооморфные и антропоморфные гравировки. Как сами гравировки, так и назначение их хорошо описаны в литературе (Чернецов, 1953; Приступа, и др., 2002; Чемякин, 1999; Казанцева, Чемякин,

1999). Следует отметить широкое применение гравировки как художественного стиля (Кун, 2007. Рис. на с. 296; Кубарев, 2002; Чернецов, 1953; Приступа и др, 2002; Чемякин, 1999; Казанцева, Чемякин, 1999; Зыков, Федорова, 2001). Но в каждом регионе гравировки отражали мировоззрение (мифологические образы, сказания) того населения, где они были сделаны.

Кроме широко распространенных зеркал в каждом отмеченном регионе есть зеркала, происходящие из близко расположенных, соседних культур (по большей части) или попавших издалека. Так в памятниках тагарской культуры найдены медалевидные алтайские зеркала. Кроме того, есть они также в Туве и Восточном и Северном Казахстане. В свою очередь петельчатые зеркала есть во всех указанных выше районах и на Алтае. Предметами дальнего импорта являются индийские и китайские

зеркал. В Западной Сибири они найдены в Степном и Горном Алтае, в Новосибирском Приобье (Руденко, 1953, 1960; Троицкая, Бороодовский, 1994; Уманский, 1999; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Лубо-Лесниченко, 1975; Васильков, 2003).

В заключение отметим, что в Томском Приобье металлические зеркала начали употребляться с эпохи развитой бронзы. Места их находок указывают на поливариантность их использования: как сопровождающий предмет в погребальном обряде, что можно трактовать как сакральный предмет, (если исходить из того, что все, что положено умершему, есть сакральный комплекс), как ритуальные предметы из культовой постройки и меньше всего данных употребления зеркал как утилитарного предмета (может быть в силу того, что эта сфера трудно доступна археологу): сюда можно отнести отдельные находки из культурного слоя.

Ю.Д. Разуваев

Воронежский государственный педагогический университет

Городецкие поселения степного Подонья: пространственно-хронологический анализ*

Если памятники скифоидной культуры в лесостепной части бассейна Дона относительно хорошо исследованы (Либеров, 1965; Медведев, 1999), то о городецких поселениях данного региона этого пока не скажешь. Хотя за десятилетия, прошедшие со времени выделения донского варианта городецкой культуры (Левенок, Миронов, 1976), раскопками изучалось порядка 20 городищ и неукрепленных поселений, степень разработанности многих связанных с ними историко-культурных проблем остается невысокой. Прежде всего, это связано со сравнительно бедным пока ассортиментом найденных материальных остатков. Тем не менее, уже имеющиеся данные позволяют высказать ряд суждений о структуре размещения и хронологии памятников юго-западного лесостепного пограничья городецкой культуры.

Появление городецких поселений в Подонье стало результатом расселения в середине I тыс. до н.э. носителей культуры из региона ее сложения, каковым, по практически общему мнению специалистов, было лесное Поочье (Миронов, 1995. С. 72–77). Важно отметить, что природно-климатические условия того времени привели к расширению в Подонье площади широколиственных лесов (Алексан-

дровский, Гласко, 1993). Это обстоятельство, несомненно, благоприятствовало переселенцам, осваивавшим в бассейне Дона привычные ландшафты. Хотя следует отметить, что выходцы из лесной зоны появлялись здесь и раньше, судя по выявленному на р. Воронеж поселению VII – начала VI вв. до н.э. с текстильной керамикой (Медведев, 1999. С. 33–39).

Пункты находок «рогожной» и «сетчатой» керамики (их уже выявлено около 250) преимущественно располагаются по берегам Дона (кроме его верховий) и Воронежа, маркируя, тем самым, основные маршруты расселения обитателей леса. Вполне определенно установлена ландшафтная приуроченность этих пунктов к лесным массивам, о чем свидетельствуют корреляция их местоположения с современными лесами или участками лесных почв, а также специальные палеопочвенные и палинологические исследования нескольких памятников.

Как правило, местонахождения керамики отмечают места кратковременных стоянок со слабо выраженным культурным слоем. Они распространены, фактически, вплоть до южной границы донской лесостепи, в значительной степени накладываясь на территорию скифоидной среднедонской культуры.

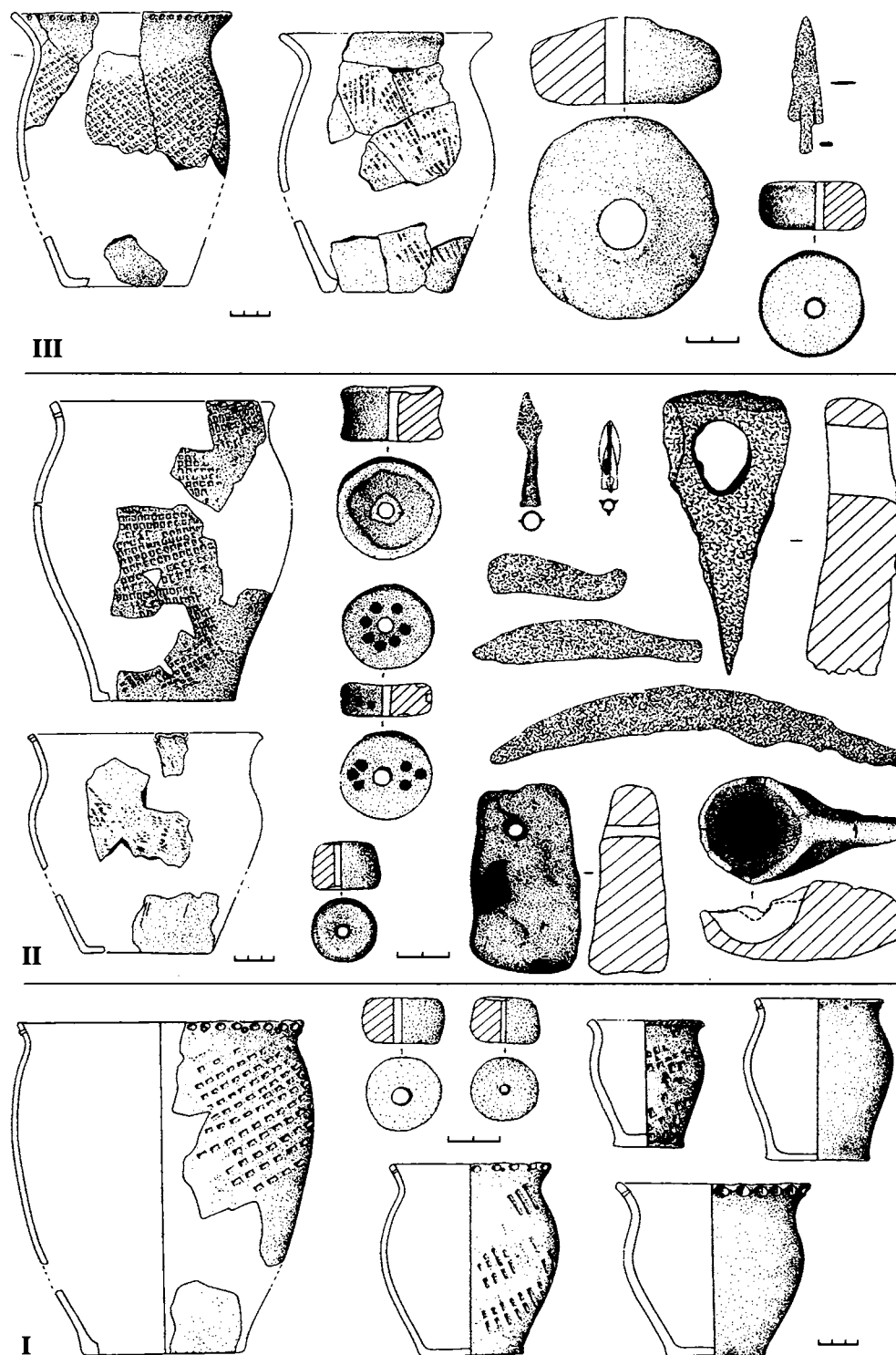

Рис. 1. Материалы некоторых городецких поселений лесостепного Подонья, распределенных по трем хронологическим этапам.

Вопрос о хронологическом соотношении памятников, оставленных носителями разных культурных традиций, остается неясным. Однако изучение керамики, стратиграфические наблюдения на скифо-

идных городищах (Ксизово, Отскочное, Семилуки, Мостище и др.), в слое которых найдены и немногочисленные городецкие материалы, показывают, что последние являются, скорее всего, более ранними.

Помимо кратковременных стоянок, известны и стационарные поселения, в том числе и укрепленные (не менее 12). Они располагались в северной, более облесенной, части донского бассейна и непосредственно соседствовали с массивом памятников скифоидной культуры. Материальная культура городецкого населения несет отпечаток значительного воздействия южных соседей, что особенно наглядно отразилось в керамическом комплексе (Разуваев, 2007).

Стационарные поселки, судя по насыщенности слоя, существовали относительно небольшой промежуток времени, что, скорее всего, объясняется экономическими потребностями их обитателей. По нашему мнению, важную роль в хозяйстве городецкого населения играло подсечное земледелие (этот факт подтверждают находки, хотя и немногочисленные, зерна, специализированных орудий). Думается, неправомерно урезать его значение, выдвигая на первый план присваивающие формы хозяйства (Медведев, 1999. С. 45). Последние, действительно, играли важную роль у племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием (Решетов, 1980. С. 39), которое само по себе археологически может фиксироваться лишь по частой смене мест поселения (Краснов, 1971. С. 57).

Одним из наиболее плотно заселенных был участок левобережья Быстрой Сосны (правый приток Дона) в округе г. Ельца, в древности сплошь покрытый лесами. На берегу реки, а преимущественно в низовьях ее притоков выявлено пять городищ и не менее 15 поселений. Интересно, что их местоположение во многом совпадает с размещением древнерусских поселений. Объяснением этому факту могут быть как схожесть природных условий, так и определенная близость типов хозяйства. Заметим, что похожая структура расположения поселков имела в новое время на Русском Севере, где население использовало систему подсечного земледелия (Громов, 1991. С. 336).

Раскопками установлено, что городища в елецкой округе, по крайней мере, большинство из них, являлись разновременными. Таким образом, можно говорить о внутренней миграции, а, может, и о нескольких волнах расселения в Подонье носителей городецкой культуры, археологическими следами которых и стали многочисленные поселения с «роговой» и «сетчатой» керамикой.

Датировка городецких поселений Подонья практически не разработана. Основными хроноиндикаторами для них являются немногочисленные нако-

печники стрел V–III вв. до н.э. и начала н.э. Сейчас проводится работа по определению радиоуглеродных дат укреплений некоторых городищ, но пока имеется только одна (калиброванная): 415–396 лет до н.э. (Александровский, Гольева, 1996. С. 181). В целом, существование городецких поселений в лесостепном Подонье следует относить к V в до н.э. – началу н.э. Статистическое сопоставление керамических серий позволило распределить некоторые памятники на три хронологических этапа (рис. 1), абсолютная датировка которых еще нуждается в уточнении.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-01-00471а.

Александровский А.Л., Гласко М.П., 1993. Природные условия эпохи бронзы и раннего железного века в бассейне Верхнего Дона // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тез. докл. науч. конф. Тула.

Александровский А.Л., Гольева А.А., 1996. Палеоэкология древнего человека по данным междисциплинарных исследований почв археологических памятников Верхнего Дона // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк.

Громов Г.Г., 1981. Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М.

Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э. М.

Левенок В.П., Миронов В.Г., 1976. К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // СА. № 2.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М.

Миронов В.Г., 1995. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Разуваев Ю.Д., 2007. К вопросу о взаимодействии городецкого и скифоидного населения Верхнего Дона (по керамическим материалам) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Междунар. Нижневолж. археол. конф.: тез. докл. Волгоград.

Решетов А.М., 1980. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л

*А. С. Сыроватко**Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр»*

Дьяковские этнокультурные трансформации и керамика: возможности реконструкции

Дьяковская керамика является довольно сложным для изучения материалом – многообразие типов сетчатых отпечатков, невыразительность форм сосудов создают немало трудностей при выделении культурно значимых типов. Вместе с тем, усилиями многих специалистов в последние годы удалось определить наиболее характерные черты, присущие как отдельным локальным группам памятников, так и хронологическим периодам. Естественным шагом стала попытка сопоставить результаты работы в этом направлении.

То обстоятельство, что сетчатая керамика, как и дьяковская керамика вообще, неоднородна и хронологически делится на большие массивы типов отпечатков, было известно многим исследователям. Первые наблюдения были сделаны К. А. Смирновым (Смирнов, 1981; 1991). Весьма ценны наблюдения И. Л. Черная и, в особенности, Б. А. Фоломеева, за составом керамики в слоях городищ средней р. Москвы (Боршевского и Селецкого), а также в насыпях валов целого ряда городищ Мещеры и Рязанского Поочья (Черная, 1981; Фоломеев, 1993; Сулержицкий, Фоломеев, 1993). Общая эволюция типов керамики для поселений нижнего течения Москвы-реки и москворецкого течения р. Оки выявлена автором (Сыроватко, 2000). Новый и чрезвычайно интересный материал продолжает поступать и с памятников, расположенных западнее – с Ростиславльского городища, и с поселений т. н. каширской группы – Старшего Каширского, Мутёнковского, Корыстовского городищ (Сидоров, 2006; Лопатина, 2005).

Керамика городищ низовьев Москвы-реки и москворецкого течения Оки обладает, пожалуй, наибольшей вариабельностью. Это связано с «пограничным» расположением этой группы памятников, на стыке ареалов с весьма непохожими керамическими традициями – городищской культурой, своеобразной каширской группой памятников, а также дьяковскими поселениями средней и верхней Москвы-реки. Для керамического комплекса этой группы поселений на протяжении всей ее истории характерны следующие особенности:

Древнейший этап заселения площадок городищ, начало I тыс. до н. э., характеризуется древностями типа Климентовской стоянки на р. Оке, с «нитчатыми» отпечатками на керамике, орнаментированной вдавленными наклонной палочки. Это некий единый горизонт, керамика этого типа распространяется в эпоху финальной

бронзы от Рязанщины до Каширы и верховьев Москвы-реки. Однако уже в это время есть и территории, где культурные отличия чрезвычайно сильны – на поселениях каширской группы в начальный период керамическая традиция совершенно иная – это штрихованная и гладкостенная посуда, орнаментированная гребенчатым штампом.

Около середины I тыс. до н. э. на рязанских городищах продолжает существовать традиция «нитчатой» керамики, в то время как в устье р. Москвы, на т. н. коломенской группе поселений, распространяется «рябчатая» сетчатая керамика. Устье р. Москвы оказалось на этом этапе сходным с памятниками Средней и Верхней Москвы-реки, где «нитчатая» керамика также исчезает. Каширская группа памятников вновь заметно отличается от двух предыдущих – на поселениях доминирует гладкостенная слабопрофилированная керамика. Удивительно и то, что различия в керамических комплексах коломенской и каширской групп настолько заметны, что проявляются на соседних городищах (Ростиславльском и Городне – Сыроватко, 2006). Это позволяет предположить и наличие некоей культурной границы, проходившей, возможно, по р. Осётр.

Сильные культурные изменения происходят на дьяковских поселениях приблизительно в III–II вв. до н. э. На поселениях коломенской группы вновь сильно меняется облик керамического набора – распространяется керамика с «нитчатым» отпечатком. Она сменяет предшествующую «рябчатую традицию», а, например, на Ростиславльском городище, вытесняет гладкостенную посуду каширского типа. Появляется керамика этого типа и на собственно каширских памятниках, и в это же время на них возрастает количество собственно дьяковских культурных элементов. Помимо изменений в керамике для этого же времени характерна активизация оборонительного строительства – сооружаются новые валы, или подновляются старые, при этом обычным строительным приёмом (или обрядом) становится использование линз прокаленной глины в насыпях. Происходят серьезные сдвиги в ювелирном производстве, с переориентацией связей и традицией изготовления (Сапрыкина, 2007), в домостроительстве. Причины таких новаций неизвестны, однако сравнительный анализ керамических наборов показывает, что ок. III в. до н. э., или несколько ранее, происходят серьезные изменения

в жизни обитателей городищ Рязанского Поочья – на них распространяется и с этого времени доминирует в комплексах рогожная керамика. Мы можем наблюдать не просто смену традиции изготовления «нитчатой керамики» «рогожной» на этих памятниках, а, скорее, некое смещение «нитчатой» керамической традиции на северо-запад. Приемы прокаливания валов также происходят из «городецкого» ареала, где он, как и у скифо-сарматского населения, отмечен неоднократно. Заметим также, что носители «рогожной традиции», согласно изысканиям Б.А. Фоломеева, не проникли в Озерную Мещёру, где в это же время распространяется керамика, сходная с синхронными слоями Боршевского и Селецкого городищ.

Однако, около II в. до н.э. меняется и облик культуры городищ на верхней Москве-реке – на эталонном Дьяковом городище исчезает сетчатая керамика, начинается трансформация дьяковских древностей в позднедьяковские (Кренке, 1987). В это же время на средней Москве, в частности, на Боршевском и Селецком городищах, керамическая традиция также отлична от всех прочих групп дьяковских памятников – на них распространяется т.н. «рябчатая» сетчатая керамика с «крупноячейстой» фактурой отпечатка.

В первые вв. н.э. на памятниках коломенской группы, на правом берегу р. Оки появляется новый тип посуды, характеризующий комплексы – это сильно профилированный горшок с «крупноячейстым рябчатым» отпечатком, иногда нанесенным на внутреннюю сторону раструбообразного горла. На верхней Москве-реке развиваются позднедьяковские традиции, на средней Москве распространяется «кrapчатая» сетка. Снова очевидны заметные культурные различия групп памятников на сравнительно небольшой территории.

В еще более поздний период, вероятно, после III в. н.э., в районе устья р. Москвы резко сокращается количество памятников вообще. Из числа нескольких десятков дьяковского периода материалы позднедьяковского времени есть только на трех поселениях, на прочих они не выявлены. На остальной территории Москворечья существует позднедьяковская культура, есть памятники этого времени и на р. Оке. В рязанском течении распространяются рязано-окские могильники.

Все перечисленные культурные изменения выявлены в основном по одной категории источников – керамике, хотя привлечены фортификация, домостроительство, ювелирное производство и др. Это наталкивает на мысль, что именно керамика в дьяковско-городецкой среде может служить своеобразным «маркером» культурных типов или групп. За приуроченностью определенных типов керамики локальным группам памятников и хронологическим периодам может стоять реально

имевшие место культурные различия. Однако, в случае, если этот тезис верен, получается, что сопоставление керамических наборов отдельных групп памятников, с привлечением других источников, позволяет зафиксировать этнокультурные процессы или даже исторические явления в лесной зоне.

Как видно из приведенного обзора, для территории дьяковской культуры Москворечья и р.Оки, а также для смежных городецких памятников характерна культурная неоднородность, как пространственная, так и хронологическая. Наблюдаются не только периоды, когда сосуществуют отличные друг от друга группы памятников, но и периоды, когда эти различия нивелируются. В ряде случаев удается проследить не только сам факт появления культурных новаций, но и обозначить территорию или направление исходного культурного импульса. Это заставляет с большим вниманием отнестись к керамике как к источнику для реконструкции подобных процессов.

Кренке Н.А., 1987 Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Канд. дисс. // Архив ИА РАН. 1987. Р-2. №2392.

Лопатина О.А., 2005. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // РА. № 3.

Сапрыкина И.А., 2007. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки. Канд. дисс. // Архив ИА РАН. Р-2.

Сидоров В.В., 2006. Каширская культура // Каширский край. Вып. 2. Археология. Кашира.

Смирнов К.А., 1981. О двух районах появления сетчатой керамики // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Turku.

Смирнов К.А., 1991. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А., 1993. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. I. Йошкар-Ола.

Сыроватко А.С., 2000. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. № 4.

Сыроватко А.С., 2006. Некоторые особенности дьяковского керамического комплекса городища Ростиславль // Археологическое изучение Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск. 3. М.

Фоломеев Б.А., 1993. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань.

Черная И.Л., 1981. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. № 4.

Н.В. Федорова, А.В. Гусев

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

Древнее святилище Усть-Полуй: на перекрестке культурных традиций

Исследования археологического памятника «городище (жертвенное место) Усть-Полуй» ведутся силами творческого коллектива, объединенного волею Ямальской археологической экспедиции (ЯАЭ) с 1993 года по настоящее время. Памятник был открыт в 1932 году, стационарно исследовался в 1935–1936 гг. Наши предшественники: автор раскопок В.С. Адрианов, а также В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская в свое время определили общую дату памятника и эпонимной культуры – по мнению В.И. Мошинской это V–III вв. до н.э. (Мошинская, 1965. С. 8), место в ряду культур эпохи раннего железного века, позиционировали его важность, как феномена многочисленных проявлений древней духовности. Ставился вопрос о происхождении населения, оставившего этот памятник (Чиндина, 1984), его связях с другими территориями (Larsen, Rainy, 1948. P. 161). До сих пор дискуссии по поводу определения вида памятника – поселение или святилище, количества и датировки археологических слоев, этнической интерпретации и так далее не утихают (см. например, Ширин, 2003. С. 58–68). Объясняется это, скорее всего, огромным количеством и необыкновенным разнообразием находок из культурного слоя памятника, в числе которых как многочисленные бытовые вещи – ножи, наконечники стрел, фрагменты керамики, так и произведения древнего косторезного и бронзолитейного искусства. К сожалению, до настоящего времени опубликована лишь часть коллекций Усть-Полуя (Чернецов, 1953; Мошинская, 1953; Мошинская, 1965; Усть-Полуй: I век до н.э. ..., 2003; Древнее святилище Усть-Полуй..., 2007; Федорова, 2006), практически не опубликованы полевые материалы. Возникающие различные точки зрения зависят во многом от «вектора», заданного исследователем при рассмотрении памятника. Исследователи, рассматривающие Усть-Полуй с позиций «северного вектора» отводят ему одну из важных ролей в формировании культур севера Евразии. Южный «вектор» приводит к мнению о периферийности памятника по отношению к культурам юга и центра Западной Сибири и о заимствованиях многих элементов культуры.

Постановка проблемы сводится к поискам ответа на главный вопрос: что такое Усть-Полуй, и каков его вклад в общие процессы формирования и дальнейше-

го развития культур северо-востока Европы и севера Западной Сибири?

Наши работы, проведенные до 2008 года, позволили сделать некоторые важные выводы. Не имея возможности подробно останавливаться на всех полученных результатах, отметим главное. С самого начала – с 1993 г. – мы постарались сделать исследования максимально комплексными, в раскопках и последующей обработке результатов участвовали специалисты по исследованию палеопочв и пыльцы растений, дендрохронологи, палеозоологи, трасологи. В результате, во-первых, была уточнена дата одного из основных слоев Усть-Полуя на основе дендрохронологического метода – I в. до н.э. Авторы далеки от распространения этой даты на весь памятник, там, бесспорно, есть и более древние материалы, и более поздние – вплоть до средневековья. Но сам факт абсолютного датирования по трем образцам дерева в регионе, где есть непрерывная шкала дендродат глубиной в 5 тыс. лет очень важен для понимания памятника (Шиятов и др. 2000). Во-вторых, стало возможным представить общий природный и климатический фон этого времени – более теплый, чем современный климат способствовал большей залесенности региона (Панова, Янковская, 1999). В-третьих, результаты полевых работ позволили определить основную функцию памятника как крупного, возможно межплеменного, святилища. Обилие находок, что совершенно не характерно для поселения, следы жертвоприношений животных и человека, некоторые остатки сооружений отчетливо культового характера позволили нам говорить об этом с уверенностью. Наконец, в-четвертых, комплексные исследования материалов Усть-Полуя дают возможность ставить некоторые кардинальные вопросы формирования северных адаптаций, в частности, вопрос о возникновении транспортного оленеводства. Удалось доказать, что это произошло не позднее I в. до н.э., тогда как раньше ученые относили время появления оленеводства ко времени не ранее середины – второй половины I тыс. н.э.

Возобновление стационарных раскопок Усть-Полуя в 2006 году было связано с расположением памятника в черте города: после сноса стоящего там здания бывшего гидропорта угрозы самому его существованию стали возникать постоянно. Сейчас ис-

следования памятника проводятся в содружестве с Институтом экологии растений и животных УрО РАН и Отделом археологии МАЭ РАН, с которым подписан договор о сотрудничестве на ближайшие три года. В результате изучения самого памятника и всех его коллекций, в том числе хранящихся с 1935–1936 гг. в МАЭ, планируется подготовка коллективной монографии.

За годы раскопок ЯАЭ на памятнике были зафиксированы сооружения, позволяющие отчасти представить себе обустройство древнего святилища.

Памятник расположен на мысу, образованном высоким коренным берегом р. Полуй недалеко от его впадения в Обь, являющимся западной границей памятника, и двумя логами, ограничивающими территорию с севера и юга. С напольной стороны – востока – В.С. Адриановым и, позднее, В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской были зафиксированы вал и ров, в настоящее время уничтоженные застройкой. Мыс несколько выдается по сравнению со всей остальной террасой в сторону широкого разлива обеих рек, он и сейчас является притягательным для населения.

Вдоль северного и западного краев мыса на краю площадки памятника были зафиксированы остатки трех кострищ, расположенных по дуге относительно друг друга. Следы от крупных очагов отстояли друг от друга на два – три метра, кострища были устроены на подстилках из бересты, окружены деревянными конструкциями – рамами. Вокруг очагов теми, кто их устроил или посещал, оставлены как части вещей, так и целые артефакты: наконечники стрел, рукоятки ножей, панцирные пластины, костяные ложечки со скульптурными изображениями, части луков, обломки специальных сосудов для плавки бронзы – тиглей и т.д.

Северная сторона мыса, обращенная в лог, изобилвала находками другого рода: там было обнаружено два женских погребения; куча крупных обожженных камней; остатки своеобразной «жертвенной кучи», состоящей из щепы, остатков дерева, собачьих черепов, костей и даже скелетов пушных животных, берестяной коробки с целой тушкой мумифицированной птички, семян хвойных растений, вещей из кости и дерева; в логу были вскрыты фрагменты двух небольших по площади сооружений (диаметр их около двух метров), более всего похожих на вместилища для культовых предметов. На стене одного из них зафиксированы следы обливания кровью и растопленным жиром жертвенных животных.

В центральной части площадки памятника (повидимому, наиболее посещаемой части святилища) открыты не менее интересные сооружения: настилы и рамы из дерева с выкладками из костей животных,

орудий труда и оружия. Такие настилы до сих пор сооружают северные ханты, на них хранятся кости медведя или жертвенных животных. Из материалов раскопок 1935–1936 гг., опубликованных В.И. Мошинской, очевидно, что остатки таких настилов были и на территории раскопов В.С. Адрианова: например, в раскопе V было обнаружено 15 черепов собак с пробитыми черепными крышками (Мошинская, 1965. С. 13). Так как все они сосредоточены в одном квадрате, представляется вполне вероятным, что изначально все они также размещались на подобном настиле. Было зафиксировано несколько комплексов-выкладок из частей вооружения (наконечников стрел, фрагментов доспехов). Некоторые наконечники располагались группами, все они были воткнуты в землю под углом к поверхности, как будто ими стреляли с некоего расстояния. Надо отметить, что при большом разнообразии типов наконечников стрел, втыкались в землю только наконечники вполне определенного типа, типологически наиболее «древние». Этот факт также вызывает в памяти аналогичные действия современных обских угров (ханты и манси), стреляющих из лука при приближении к особо почитаемым святилищам.

Еще одна куча обожженных и растрескавшихся под действием огня камней была зафиксирована в раскопе 2007 года на центральной площадке святилища. Она в целом аналогична той, которая располагалась в его северной части, но меньше размером.

Многие остатки конструкций или комплексов находок сверху пересыпаны светлым песком и слегка обожжены. Создается впечатление, что приходившие на это место для совершения обрядов люди стремились изолировать то действие, которое уже в прошлом, от того, которое предстояло.

В полевых сезонах 2006–2007 гг. нами были зафиксированы следы цветной металлообработки на памятнике: углисто-золистое пятно со сплесками бронзы и отливками из нее, как законченными, так и испорченными. В непосредственной близости от такого пятна стояло несколько сосудов на поддонах. Подобный же комплекс зафиксирован и В.С. Адриановым: в его раскопе I сосуд на поддоне соседствовал с углистым пятном и бронзовым антропоморфным изображением. Интересно отметить, что остатки эти свидетельствуют о довольно примитивном характере действий с металлом. С другой стороны – в культурном слое обнаружены образцы изделий, моделей для отливок и даже форм, весьма совершенных по качеству (рис. 1). Важный вопрос, который мы пока только ставим: что значат эти разные по уровню совершенства остатки? Разный уровень мастеров? Разные технологии, применяемые в разных обстоятельствах, связанных с какими-то религиозными действиями? Или расшире-

Рис. 1. Святилище Усть-Полуй. Круглая бронзовая бляшка с гравировкой. Раскопки 2006 г.

ние округи притяжения святилища, на которое попадали как люди, профессионально умевшие обращаться с металлом, так и те, для кого это было лишь особым видом культовой практики?

Результаты обработки богатейших по любым меркам коллекций Усть-Полуя опубликованы пока только частично. Хотим обратить внимание на публикации Н.А. Алексащенко, которая на основе применения экспериментально-трасологического метода существенно уточнила назначение многих найденных на Усть-Полуе орудий из кости, в частности, выяснила, что костяные элементы упряжи, до сих пор считавшиеся собачьими, на самом деле являются частью оленьей гарнитуры (Алексащенко, 1999, 2005, 2006).

Интересным представляется наблюдение о традиционности многих форм орудий Усть-Полуя: они сохранились в современной культуре обских утров, практически, без изменения. К ним относятся некоторые типы наконечников стрел, рыбные костяные ножи, орудия из лопаток оленя, плоские ложечки, элементы оленьей гарнитуры и т.д. То же можно сказать и об орнаментах. Найденные в культурном слое памятника изделия из дерева и бересты свидетельствуют об этом совершенно недвусмысленно.

Исследования археологических памятников эпохи раннего железа в бассейнах рек Нижнего Приобья в скором времени позволят представить уточненную по сравнению со схемой В.Н. Чернецова картину развития культур территории в это время. Предварительно можно сказать, что русло реки Оби делит ее на два ареала: западный, представленный памятниками бассейнов рр. Сыня, Войкар, Сось; и восточный, очерченный памятниками бассейнов рр. Полуй и Куноват. Можно сказать, что западный ареал обнаруживает тяготение к культурному кругу северного Приуралья и республики Коми, начиная с раннеананьинского времени и даже, возможно, ранее. Восточный ареал теснее связан с

собственно кулайским ареалом Среднего Приобья.

Святилище Усть-Полуй, бесспорно, посещалось населением и того и другого ареалов, являясь центром общения, совместной религиозной практики, обмена товарами. Именно поэтому Усть-Полуй способствовал взаимной интеграции культур и выработке единых хозяйственных систем, мировоззренческих идей, художественных канонов. Результат прекрасно читается в более поздних, средневековых проявлениях, и ярче всего – в художественной бронзовой пластике эпохи раннего и развитого средневековья.

Алексащенко Н.А., 1999. О назначении костяных изделий Усть-Полуя // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб.

Алексащенко Н.А., 2005. Резная кость Усть-Полуя: взгляд трасолога // Научный Вестник. Издание администрации Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 4. Салехард.

Алексащенко Н.А., 2006. Усть-Полуй: техника художественной резьбы по кости // Уральский исторический вестник. № 14. Екатеринбург.

Древнее святилище Усть-Полуй., 2007. Буклет. Салехард.

Мошинская В.И., 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. № 35.

Мошинская В.И., 1965. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. Вып. ДЗ-8.

Панова Н.К., Янковская В., 1999. Опыт палеозоологических реконструкций по данным спорово-пыльцевого анализа отложений археологических памятников в Ямало-Ненецком автономном округе // Экология древних и современных обществ. Тюмень.

Усть-Полуй: I век до н.э. 2003. Каталог выставки. Салехард, СПб.

Федорова Н.В., 2006. Родословная ямальского раскопа: Усть-Полуй – жертвенное место в черте Салехарда // Северные просторы. № 1–2. М.

Чернецов В.Н., 1953. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35.

Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск.

Ширии Ю.В., 2003. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. Новокузнецк.

Шиятов С.Г., Мазепа В.С., Хантемиров Р.М., Горячев В.М., 2000. Итоги и перспективы использования дендрохронологического метода для датировки археологических, исторических и этнографических памятников на территории ЯНАО // Научный Вестник. Издание администрации Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 3. Салехард.

Larsen H., Rainy Fr., 1948. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. New York.

С.И. Цембалюк

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Итоги и проблемы изучения байтовской культуры раннего железного века Зауралья

В процессе активного археологического изучения территории лесостепного, подтаежного Притоболья и Пришимья были накоплены материалы начала раннего железного века, позволившие выделить для данной территории новую археологическую культуру – байтовскую.

Первоначально В.Е. Стоянов выделял два культурных типа: носиловский и байтовский, объясняя что относительное однообразие керамических комплексов этих типов вызвано одной генетической основой – культурой с флажково – жемчужной керамикой эпохи поздней бронзы (Стоянов, 1969. С.60). Позднее он объединил их в байтовскую культуру, выделив три ее локальных варианта – носиловский на Средней Исети, лихачевский в Пришимье и байтовской в Притоболье (Стоянов, 1970. С. 252). Носиловские и байтовские древности объединяют в одну культуру Н.П. Матвеева и В.А. Могильников, основываясь на наличии достаточного числа общих черт как в конструкциях жилищ, так и в формах и орнаментации керамики (Матвеева, 1989. С. 97; Могильников, 1992. С. 275).

Однако данная точка зрения поддерживается не всеми исследователями. Так, Л.Н. Корякова полагает, что отсутствие на керамике носиловского типа ямочно-накопчатых орнаментов и преобладание гребенчатой орнаментации не позволяет объединять данные комплексы в одну культуру. Разделяет она их и территориально: носиловские – Средний Тобол, Средняя и Нижняя Исеть; байтовские – восточнее Тобола, в междуречье Тобола и Ишима, в бассейне р. Ишим (Корякова, 1991. С. 24–25).

К настоящему времени не вызывает больших возражений ареал байтовской культуры, который был довольно точно очерчен В.Е. Стояновым (Стоянов, 1970. С. 240–242). Он охватывает лесостепную часть Тоболо-Ишимья от Северного Казахстана на юге до низовьев Туры, Ишима, Вагая на севере, на западе граница проходит по Средней и Нижней Исети, а на востоке предположительно по Ишимо-Иртышскому водоразделу (Матвеева, 1989. С. 97). Западную границу можно провести по верхнему течению р. Исеть, здесь байтовское (носиловское) население соседствуют на раннем этапе (предположительно VII–VI вв. до н.э.) с гамаюнским, что и

определило некое своеобразие керамического комплекса данных памятников – это наличие шагающей гребенки, зубчатой качалки, преобладание ямок над жемчужником (Могильников, 1992. С. 280). В низовьях Туры, Ишима, Вагая байтовские памятники соседствуют с богочановскими. Южные пределы распространения байтовской керамики в Притоболье фиксируются по материалам поселений Язевое 1, Звериноголовского, Закоулово. В Пришимье с байтовской культурой связывают поселения Борки 2, Карлуга 1 (Хабдулина, 1994. С. 68–70), расположенные на правом берегу р. Ишим около г. Петропавловска. Это позволяет определить южную границу ареала байтовской культуры – Петропавловский район Северного Казахстана. Всего выявлено около 200 памятников с керамикой байтовского типа.

Хронология и датировка байтовских древностей требует специального исследования и уточнения, так как хронологические рамки установлены в общих чертах. Нижняя граница определяется концом VIII–VII вв. до.э. временем проникновения «крестовой керамики» на юг, зафиксированной в поселенческих комплексах Рафайлово-2, Верхнее-Ингальского борка-1, Караульной Горы, Карьковских 1,2 (Матвеева, 1989. С. 99). Датированными вещами выступает ограниченное число находок, встреченных в одном слое с байтовской керамикой – это 3 бронзовых кельта. Один с Воробьевского поселения датированный VIII–VI вв. до. н.э. (Стоянов, 1975. С. 129), два других с Лихачевского городища (Стоянов, 1975. С. 132) и кургана Крутое озеро (Матвеева, там же) датированные VII–IV вв. до н.э. (Чернецов, 1947. С. 65–78; Кузьминых, 1983. С. 175). Верхнюю границу определяют концом V – началом IV в. до н.э., с момента появления на территории Тоболо-Ишимья памятников саргатской культуры (Матвеева, 1989. С. 99). Отсутствие радиоуглеродных дат не позволяет более точно установить хронологическую позицию байтовских материалов.

Остается не разрешенным вопрос, связанный с происхождением байтовской культуры. Исследователи, соглашаясь в том, что основой для сложения байтовских древностей служила бархатовская культура, расходятся в механизмах трансформации одной в другую. А.В. и Н.П. Матвеевы, О.М. Анош-

ко считают, что в результате непосредственной трансформации позднебронзовой бархатовской культуры складывается байтовская. По их мнению, это наглядно демонстрируют материалы поселения Заводоуковское 9 и Ук-3 (раскоп 2), где типологически вычленяется комплекс керамики, на которой наряду с бархатовскими фиксируются черты, присущие гончарным традициям носителей байтовской культуры раннего железного века. На этой посуде отмечено, что при сохранении бархатовских традиционных орнаментальных схем, узоры более простые, нанесены достаточно небрежно. Также с байтовской керамикой ее сближает украшение среза венчика наклонными линиями, преобладание на горловине круглых ямок, жемчужин, насечек, снижение доли вертикального, горизонтального зигзагов и отсутствие геометрических мотивов (Матвеева, 1989. С. 97–98; Матвеев, Аношко, Агишева, 2005. С. 78–79; Аношко, 2006. С. 22).

Другой схемы генезиса байтовской культуры придерживается В.А. Зах. Он считает, что сложение байтовских комплексов шло через несколько этапов. Первоначально в процессе взаимодействия местных бархатовских коллективов и пришлого населения гамаюнской культуры формируется восточный вариант иткульской культуры, что, по его мнению, наглядно показывают материалы городища Усть-Утяк-1, расположенного южнее г. Кургана. Затем в результате ассимиляции бархатовскими коллективами гамаюнских, постепенно происходит полное изживание традиций последних, что приводит к формированию комплексов близких байтовским, по орнаментации посуды, технике нанесения узора, но отличающихся в формах и толщине стенок сосудов, примесях к керамическому тесту – так называемые «лесные» байтовские комплексы. В.А. Зах предлагает рассматривать их в рамках финального этапа восточного варианта иткульской культуры. Эти комплексы, по его мнению, и стали непосредственной основой для формирования байтовского керамического типа (Зах, 2007. С. 55–63).

Еще одна малоизученная проблема – погребальный обряд байтовской культуры. В междуречье Тобола и Ишима, с большей долей вероятности, мы можем связать с этой культурой одно захоронение – это курган на Крутом озере в Бердюжском районе Тюменской области. (Матвеева, 1989. С. 79).

В связи с немногочисленностью палеозоологического материала и артефактов, характеризующих хозяйство байтовского населения, можно сделать лишь некоторые предварительные выводы о том, что оно носило комплексный характер с преобладанием отраслей производящей экономики и значительной

ролью металлургии (Цембалюк, 2007. С. 152–154).

На вопрос об исторической судьбе носителей байтовской культуры также сложилось две точки зрения. Ряд исследователей связывают исчезновение байтовского населения с продвижением на территорию Тоболо-Ишимья представителей саргатской и гороховской культур, ассимилировавших байтовцев (Матвеева, 1989. С. 100; Берлина, Кондратьев, Матвеева, Поклонцев, Рафикова, Цембалюк, Чикунова, 2005. С. 132). Другие полагают, что саргатская культура на территории Притоболья сложилась на основе байтовской (Зах В.А., Зах Е.М., 1994. С. 44).

Таким образом, несмотря на значительное количество открытых памятников, приходится констатировать, что многие вопросы байтовской проблематики требуют дальнейшего изучения.

- Аношко О.М., 2006. Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья. Дис. канд. ист. Наук. Тюмень.
- Берлина С.В., Кондратьев В.С., Матвеева Н.П., Поклонцев А.С., Рафикова Т.Н., 2005. Комплексное изучение условий жизни и этнических процессов в среде населения культур раннего железного века и средневековья // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 6. Тюмень.
- Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург.
- Зах В.А., 2007. К вопросу формирования байтовских комплексов в Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №8 Тюмень.
- Зах В.А., Зах Е.М., 1994. Городище раннего железного века Калачик-1 на Тоболе // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень.
- Корякова Л.Н., 1991. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург.
- Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Агишева О.С., 2005. Результаты исследования селища Заводоуковское 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень.
- Матвеева Н.П., 1989. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень.
- Могильников В.А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Стоянов В.Е., 1969. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. Вып. 119.
- Стоянов В.Е., 1970. Классификация и периодизация за-

падносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Стоянов В.Е., 1975. Носиловское II поселение (О зауральских памятниках начала железного века)//ВАУ. Вып.13.

Хабдулина М.Х., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Ата.

Цембалюк С.И., 2007. К вопросу о хозяйстве населения баитовской культуры // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень.

Чернецов В.Н., 1947. Опыт типологии Западно-сибирских кельтов // КСИИМК. Вып. 17.

И.Ю. Чикунова

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Взаимодействие культур как способ адаптации (по материалам поселений раннего железного века Зауралья)

Проблемы культуро- и этногенеза всегда вызвали огромный интерес исследователей. Не менее актуальны и проблемы взаимодействия культур, бытовавших синхронно на одной и той же территории. Многолетние исследования в Зауралье выявили существование здесь в раннем железном веке нескольких культур, среди которых наиболее изучена саргатская (Корякова, 1988; Матвеева, 1994, 2000). В круг актуальных проблем в последние годы включено и исследование малоизученной кашинской культуры.

В конце 60-х гг. XX в. В.Д. Викторовой на материалах раскопок Кашинского и Юдинского городищ и селищ были выделены памятники с керамикой кашинского и прыговского типов (Викторова, 1969). Обобщение материалов памятников с керамикой подобного типа позволило Н.П. Матвеевой на основе устойчивого сохранения в течение почти тысячелетия своеобразной орнаментальной традиции выделить кашинскую культуру (1990. С. 187; 1994. С. 140). Основным ядром её считалось лесное Зауралье, среднее течение р. Туры и Исети. По данным разведок и раскопок ареал памятников с керамикой кашинского типа был ограничен на западе восточными предгорьями Урала (поселения Павлиново, Юдинское, Кашинское, Прыговское на реках Ница и Исеть). На востоке – в Прииртышье (Матвеева, 2000). На севере граница ареала заходит в лесную зону и проходит по р. Тавде (пос. Пелым, Тыня-1, Городокское сел., Карагаевское гор.) (Викторова, 1969), подтверждением этому выступают обнаруженные автором в 2004 г. новые городища на правобережье р. Тавды, в культурном слое которых встречены фрагменты керамики с кашинским орнаментом (Чикунова, 2005б). Южная граница ареала

проведена по поселениям у ст. Курганской и Белый Яр XII в верховьях Тобола. Новые исследования позволили расширить границы ареала к западу и северу. Всего на сегодняшний день выделено около 50 памятников с керамикой кашинской культуры.

Хронологические границы кашинских древностей определены в общих чертах – это IV–III вв. до н.э. – IV–VI вв. н.э. по материалам многих памятников, в культурном слое которых содержалась кашинская (прыговская) керамика – это Гаевский 1 и Абатский 3 могильники, Прыговское, Павлиновское, Рафайловское, Коловское, Юдинское, Кашинское, Янычково городища и др. (Викторова, Кернер, 1988; Генинг, Позднякова, 1964; Корякова, Дэйр, 2003; Матвеева, 1994; Матвеева и др., 2004; Морозов, Панина, 1997).

Затрагивая проблему формирования кашинской археологической культуры хочется отметить, что её рождение, как и большинства культур раннего железного века Зауралья, происходило в обстановке активных межэтнических контактов существующих и заканчивающих существование лесостепных сообществ, обладающих повышенной адаптивной способностью в нестабильных ландшафтно-климатических условиях.

История изучения кашинской культуры фиксирует тесные контакты в лесостепном Приоболье с саргатскими племенами, в южно-таежном – с носителями фигурно-штампованной керамики. Важно отметить сохранение устойчивых орнаментальных, формообразующих и технологических традиций по всему ареалу на протяжении тысячелетия.

Взаимовстречаемость керамики кашинской (прыговской) и саргатской культур на многих памятниках Н.П. Матвеева (1994. С. 142) объясняет

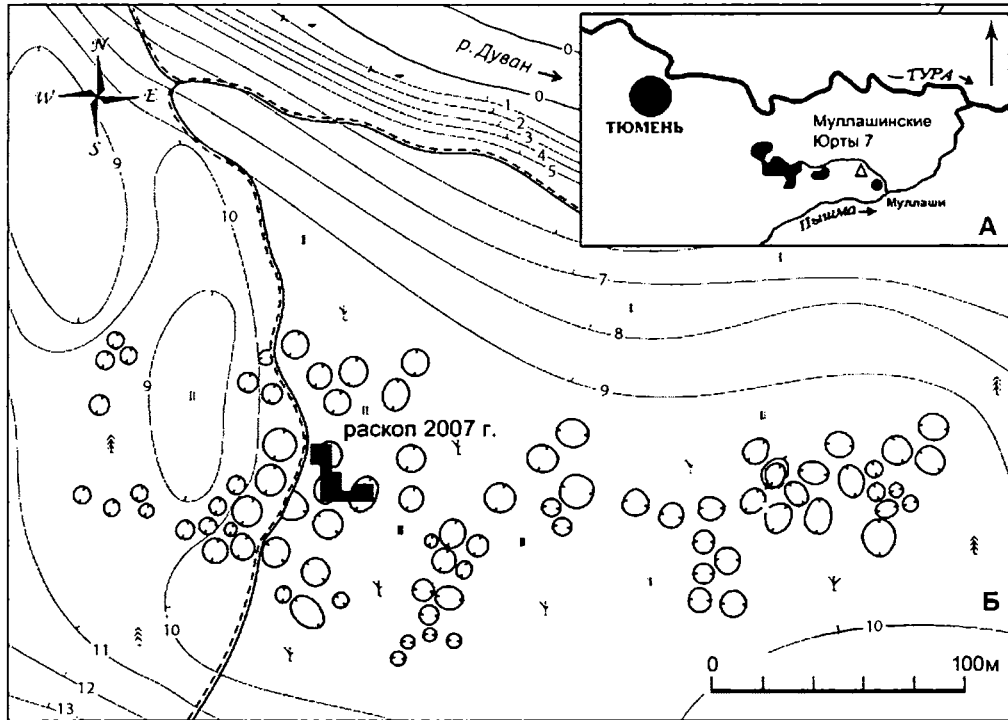

Рис. 1. План расположения поселения Муллашинские юрты 7.

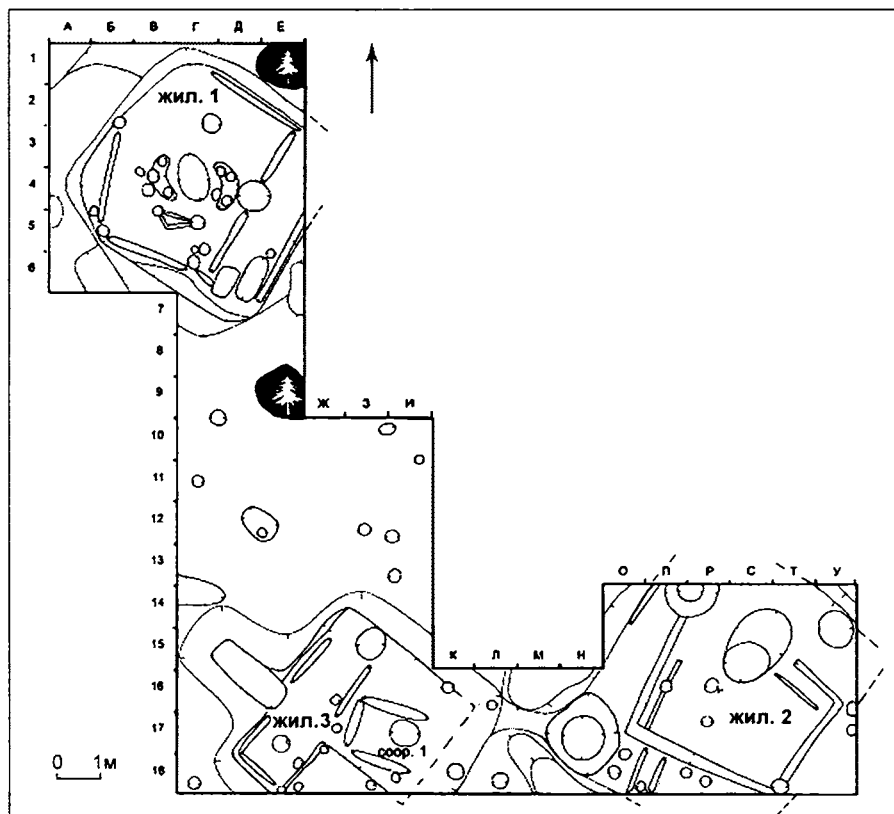

Рис. 2. Муллашинские юрты 7, поселение, 2007 г. План раскопа на уровне материка. Жилища 1 и 2 – кашинская культура, жилище 3 – саргатская культура.

длительными контактами населения южной тайги и саргатскими общинами. Не исключалась также и зависимость неопределенного характера от саргатского населения. В пользу этого предположения свидетельствует, кроме этого, практическое отсутствие однослойных кашинских (прыговских) памятников. Исключение, пожалуй, составляет, городище Старый Погост, где слой с кашинской керамикой залегает практически без примесей, поскольку был сформирован после оставления памятника саргатским и кулайским населением (Могильников, 2001. С. 115).

В 2007 автором проведены раскопки на поселении Муллашинские Юрты 7, где исследованы жилища саргатской и кашинской культур (рис. 1). Анализ распределения керамики показал, что представители этих культур мирно жили рядом на поселении долгое время, сохраняя при этом свои традиции как в домостроении, так и в гончарном производстве (рис. 2). Можно предположить несколько вариантов взаимодействия разнокультурных коллективов: разделение труда, торговля и обмен, не исключено сочетание двух экзогамных родов в качестве взаимобрачного объединения.

Дополнив эти сведения результатами исследований материалов Рафайловского комплекса (Чикунова, 2005; 2006), Коловского городища и других памятников Зауралья можно сделать предварительный вывод о достаточно высоких адаптивных способностях кашинского населения. Политические и социальные процессы, имевшие место в Зауралье в раннем железном веке, обуславливали возникновения различных вариантов социокультурной адаптации.

Викторова В.Д., 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дисс.канд.ист.наук. Свердловск.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф., 1988 Памятники эпохи

железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Генинг В.Ф., Позднякова М.К., 1964. Прыговское городище на р. Исети // Вопросы археологии Урала. Вып. 6. Свердловск.

Матвеева Н.П., 1990. К вопросу об этнической интерпретации памятников кашинского типа // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.

Матвеева Н.П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск.

Могильников В.А., 2001. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 1999. О характере жилищ Рафайловского селища (по керамическому комплексу) // Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 2000. Керамический комплекс кашинской культуры с Рафайловского селища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 1. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 2005. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 2005. Отчет о полевых археологических исследованиях в Тюменском и Нижнетавдинском районах Тюменской области в 2004 г. Архив ЛА ИПОС СО РАН.

Чикунова И.Ю., 2006. Керамика кашинского типа в комплексах раннего железного века Зауралья // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск.

Л.А. Чиндина

Томский государственный университет

Юго-Восточный фронт в кулайское время*

60 лет назад вышла в свет статья А.П. Окладникова, посвящённая шаманским изображениям Восточной Сибири (Окладников, 1948). Исследователь, анализируя бронзовые антропоморфные личины южнотаёжной зоны огромного региона, выделил ангаро-ленский тип антропоморфов. Развивая идею

А.А. Спицына о редкости и своеобразии подобных предметов изобразительной деятельности, он на более основательном материале представил историко-культурную интерпретацию хронологии (III-II вв. до н.э.), местного происхождения, ареала распространения, социальной и культурной семантики (на-

вершие родовых знамён, шаманский посох) ангаро-ленских бронзовых личин.

Редкость распространения восточных личин наблюдается и теперь: за прошедшие со времени публикации годы, несмотря на обширные полевые исследования, случайно найдена пока одна личина, условно названная красноярской (точное место находки неизвестно: по музейному каталогу – район Красноярского водохранилища, Музей ИАЭТ СО РАН, № 56). Типологически личина имеет большое сходство с невоной с Ангары (Окладников, 1948. Рис. 1). Различия есть в оформлении глаз и рта (круглые, а не овальные) борода и усы (возможно, татуировка) идут по периметру круглого рта («кричащий», «поющий» воин). На красноярской личине изображён своеобразный рогатый, грибовидный шлем в виде перевёрнутой лодки. Новая находка ещё раз подчёркивает значимость рогатой символики ангаро-ленских изображений, известной и на костяных носителях цэпаньской культуры (Привалихин, 1993). Сама же изобразительная стилистика: высокий рельеф с элементами скульптурности – зарождается в лесом Приангарье в более раннее время на маскоидах шумилихинской культуры. Образ антропоморфа в рогатом и грибовидном уборе распространяется на многочисленных сибирских и монгольских писаницах (Горюнова, 2002; Дэвлет, 1998; Студзицкая, 1987). Справедливость выделения особого восточного типа подтверждается спецификой хорошо изученных сегодня и несравненно более

многочисленных западносибирских кулайских антропоморфов (личин и полной фигуры) и их головных уборов (Чиндина, 1984; 1990).

Проблема границ кулайской культуры (КК) и кулайской культурно-исторической общности (ККИО) стоит очень остро. Занимая громадные территории в течение тысячелетия, она постоянно меняла свои границы. Эти изменения усиливали внешние миграции, ставшие почти постоянными в III в. до н.э. – II в. н.э. Они имели разные формы: относительно массовое поэтапное движение и незначительное экспедиционное или стихийное переселение небольших групп кулайцев в разных направлениях. Колонизация происходила насильственно или путём мирного освоения земель и сопровождалась, в зависимости от конкретной исторической ситуации, многообразными формами аккумуляции собственной и аборигенной культур: от случайных, эпизодических контактов-соприкосновений до ассимиляции. Места поселения кулайцев прослеживаются по специфическому культовому литью, оружию, керамике, орнаментальному декору в целом (Чиндина, 1984; 2006).

Освоение кулайцами новых территорий напрямую связано с фактором фронта (подвижная граница). Применительно к первобытной истории Сибири моё авторское понимание фронта предусматривает подвижность границы в процессе переселений кулайцев, их культурного развития и взаимодействия с аборигенами на инокультурном пространстве.

О юго-восточной границе КК и ККИО известно

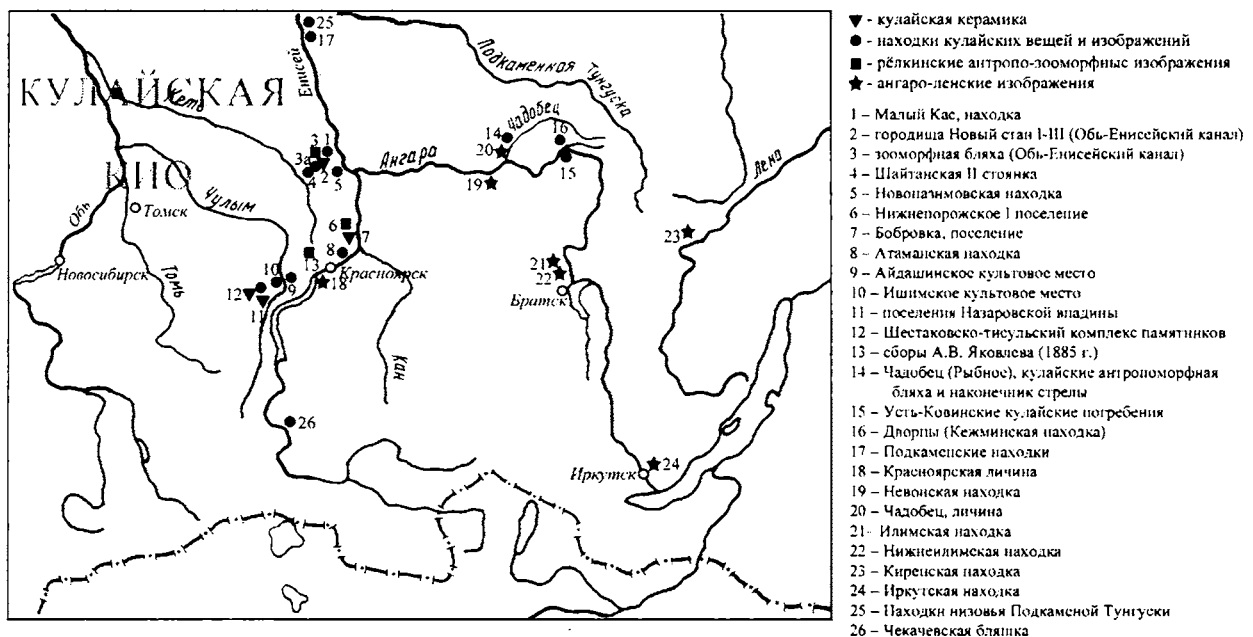

Рис. 1. Схема расположения кулайских, рёлкинских и ангаро-ленских находок на Среднем Енисее и Приангарье. Расположение № 13, 17, 18, 24 приблизительно, т.к. точных данных об условиях и месте находок нет.

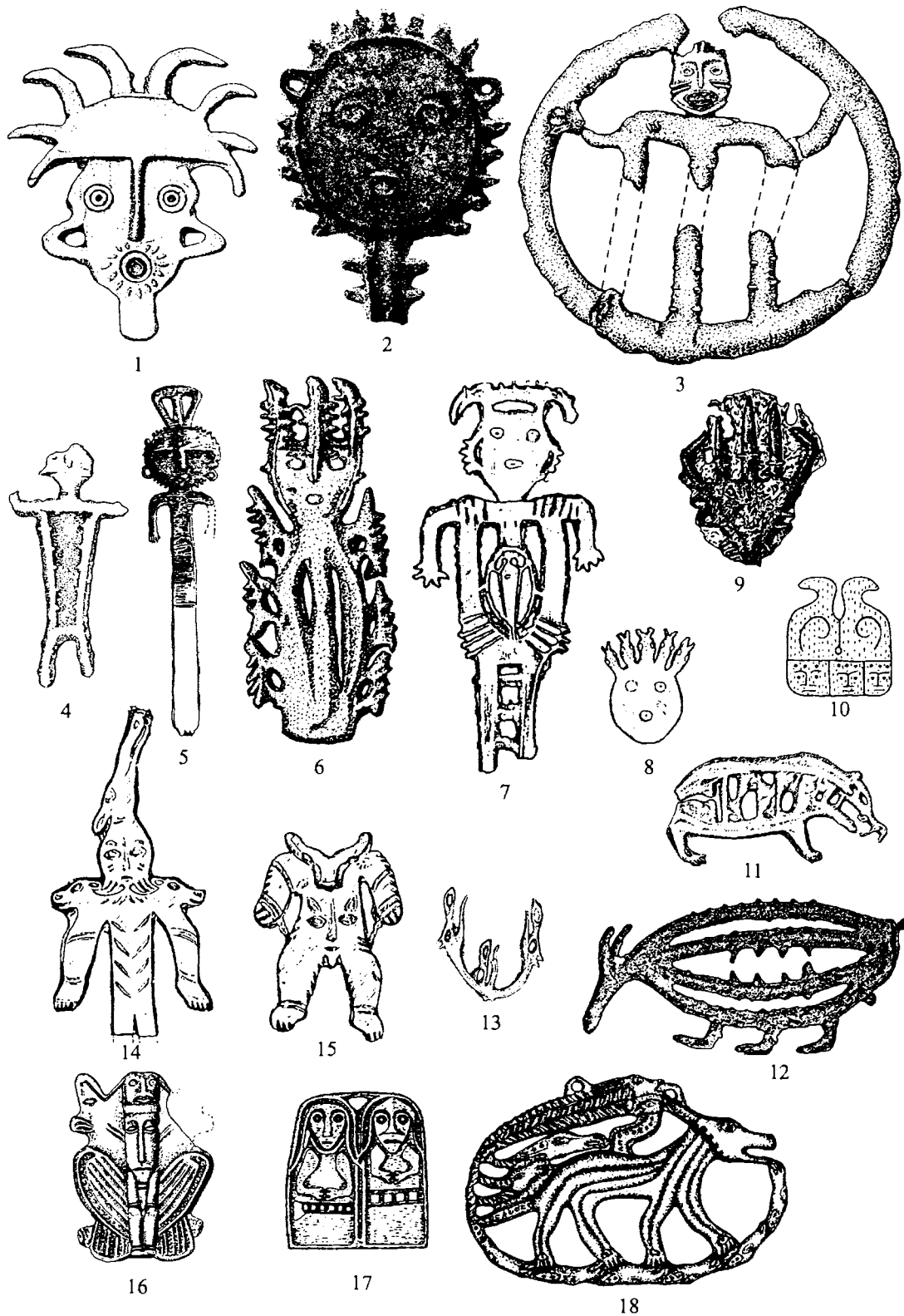

Рис. 2. Кулайские и рёлкинские изображения в бассейне Среднего Енисея. Внутренняя нумерация (в скобках) соответствует названиям и местам нахождения на схеме рис. 1. 1 (18) – Музей ИАЭТ; 2, 5 (2, 8) – по: Окладников, 1948; 3, 4 (15) – по: Леонтьев, Дроздов, 1991; 6 (17) – по: Гришин, 1985; 7, 8 (4) – по: Косарев, 1974; 9, 10 (5, 16) – по: Леонтьев, Дроздов, 1996; 11, 12 (25) – по: Макаров, Баташев, 2007; 13, 16 (10) – по: Ермолаев, 1914; 14, 15 (13) – по: Попова, 1993; 17 (22) – по: Мандрыка, 2003; 18 (3а) – по: Чиндина, 1991; Ожередов, 1997.

немного. Сегодня с накоплением материалов по таёжным культурам Среднего Енисея РЖВ, где проходили пограничные процессы с кулайцами, появился шанс несколько расширить эти знания. Изученность региона в пространстве и времени неравномерна, имеющиеся новые источники опубликованы недостаточно.

Кулайские памятники относительно репрезентативны в левобережной долине Среднего Енисея в водоразделе верховий рек Кети и Чулыма с их правыми притоками в местах, где в разной мере проводились археологические исследования или объёмные хозяйственные работы (зона строительства Обь-Енисейского канала). Самым представительным участком пока является излучина верхнего Чулыма, где сосредоточены Шестаковско-Тисульский комплекс кулайских поселений, погребений и культовых мест, и Назаровский комплекс поселений (рис. 1: 9–12; 2: 13). Хронология памятников васюганского и саровского типов варьируется в пределах X в. до н.э. – V в. н.э. (Сводка см.: Бобров, 1978; Красокутский, 2002; Циркин, 1976; Чиндина, 1972; 1984). В районе Кетско-Енисейского междуречья известны кулайские вещи (культовое литьё, оружие, керамика) из случайных сборов и поселений (рис. 1: 1–4, 2, 5–9) в разное время разными исследователями (Косарев, 1974; Чиндина, 1974; Ожередов, 1997; Окладников, 1948; Мандрыка, 2008).

В правобережье Среднего Енисея кулайские памятники и находки сегодня сосредоточены в двух местах. В низовье Подкаменной Тунгуски обнаружены зоо-антропоморфные изображения и наконечники стрел кулайского типа (рис. 1: 17, 25; 2: 6; Леонтьев, Дроздов, 1996; Макаров, Баташев, 2007). Другая группа артефактов концентрируется в Приангарье: Чадобец – Кежда (рис. 1: 14–16; 2: 3, 4, 8). Здесь известны орнито-антропоморфные бляшки, кулайские стрелы из погребений и случайных сборов. В погребениях Усть-Ковы вместе с кулайскими изображениями найдены каменные гарпуны и стрелы местных типов. В КК подобный каменный инвентарь уже неизвестен.

Прослеживая расположение кулайских находок можно сделать ряд важных выводов. 1. Кулайские объекты на рассмотренной территории не ограничиваются только случайными предметами. Кроме отдельных вещей, как правило, есть поселения, погребения и культовые места. 2. Кулайцы, судя по находкам, не выходят за пределы таежных зон или сосредоточиваются в лесных массивах с густой озерно-речной сетью. 3. Переселяясь на новые земли, кулайцы попадали в места с инокультурной средой, иногда касаясь её (тогда можно говорить о приграничье, «спорной» меже), иногда глубоко вне-

дряясь в чуждую среду, имея слабую связь со своей культурой или теряя её вовсе. В южной части Среднего Енисея кулайцы селились вперемешку с тагарцами, используя подходящие экологические ниши. Контакты складывались стабильные строящиеся на товарном и культурном обмене, комплиментарных отношениях. Кулайцы прочно сохраняли свою культурную специфику. Тагарцы через своих соседей, возможно, с их помощью укрепляли обменные связи с кулайской метрополией, что отразилось в распространении жизненно важных вещей далеко на северо-запад от тагарской культуры. Проникновение кулайцев в Приангарье и Нижнеподкаменский районы проходило в более близких к ойкумене условиях и в среду с равными или менее высокими культурами (цэпаньская, нижнепорожская, шилкинская). Чаще всего кулайцы селились на незанятых землях (обычно в памятниках нет подстилающих или перекрывающих слоёв). Скорее всего в Приангарье миграции носили эпизодический, возможно, с экспедиционными целями. Оказавшись изолированными, они продолжали сохранять основные традиции своей культуры, но изменения в системе жизнеобеспечения принуждали их усваивать какие-то местные черты (например, отсутствие металла вело к замене бронзовых стрел каменными). В Нижнеподкаменском районе может обнаружиться более регулярное поселение и стремление закрепиться в удобных угодьях. Но для этого необходимы более обширные опубликованные материалы и прежде всего в комплексе с керамикой.

Судьбу потомков кулайцев на занятых восточных территориях в последующее время предстоит ещё изучать. Сегодня можно сказать пока одно: рёлкинцы, сменившие в раннее средневековье кулайцев в метрополии, неизвестны в правобережье Енисея. Их памятники проходят по левобережному водоразделу (рис. 1: 3, 6, 13; 2: 14–18). Но на Среднем Енисее в лесных и лесостепных районах продолжали жить потомки культур раннего железного века – носители валиковой керамики, часть которых в VI–VII вв. начала движение в обратном направлении – на запад, в Приобье.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 07–01–00103а.

Бобров В.В., 1978. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. Томск.

Гришин Ю.С., 1985. О некоторых медно-бронзовых изделиях эпохи бронзы и раннего железа со Среднего Енисея // КСИА. Вып. 84. М.

- Дэвлет М.А., 1998. Петроглифы на дне Саянского моря. М.
- Ермолаев А.П., 1914. Ишимская коллекция. Описание коллекций красноярского музея. Красноярск.
- Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., 1991. Уникальная находка на стоянке Усть-Кова // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. Красноярск.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., 1996. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таёжной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск.
- Макаров Н.П., Баташев М.С., 2007. История и культура народов Приенисейского края. Красноярск.
- Мандрыка П.В. Подвеска с антропоморфными изображениями из ритуального захоронения на Енисее // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.
- Мандрыка П.В., 2008. К вопросу о выделении новой культуры бронзового века в тайге Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск.
- Мандрыка П.В., 2008. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск.
- Мягков И.М., 1929. Древности Нарымского края // Труды Томского краевого музея. Т. II. Томск.
- Ожередов Ю.И., 1997. Тысячелетие Обь-Енисейского пути // Земля верхнекетская. Томск.
- Окладников А.П., 1948. Древние шамаские изображения из Восточной Сибири // СА. X. М.; Л.
- Попова Т.А., 1993. Комплекс бронзового культового литья Западной Сибири (по материалам МАЭ) // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Привалихин В.И., 1993. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура). / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Студзицкая С.В., 1987. Искусство Дальнего Востока в эпоху бронзы // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Циркин А.В., 1976. Утинское поселение по раскопкам 1970 – 1975 гг. // Южная Сибирь в скифо-саматскую эпоху. Кемерово.
- Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск.
- Чиндина Л.А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. (рёлкинская культура). Томск.

СЕКЦИЯ 9

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЕВРАЗИИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Д.В. Акимов

Воронежский государственный университет

Опыт реконструкции этно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону*

Накануне и в начале эпохи Великого переселения народов в лесостепном Подонье доминировали сарматы (рис. 1). Их памятники представлены курганными могильниками, однако присутствие кочевников фиксируется и на поселениях, прежде всего – на городищах (Медведев, 2000, С. 242–243). Тем не менее, их основными оседлыми обитателями были представители автохтонных племен, проживавших здесь еще в I тыс. до н.э. (Медведев, 1990. С. 200). Примечательно, что элементы их материальной культуры, в частности, в лепной керамике, проявились в сарматское время, т.е. спустя несколько столетий после завершения исторической эпохи господства кочевых скифов на Дону. Ее финал связан с крупным разгромом донских городищ савроматами (Медведев, 1999. С. 149–150). После этого культура оседлого населения Подонья пришла в упадок, но, очевидно, не затухла совершенно. В начале н.э. им заново были выстроены крепости (типа Чертовицких городищ), которые, тем не менее, не смогли остановить новой волны ираноязычных кочевников.

Спустя примерно два века, около сер. III в. н.э. сарматы покидают верхнедонской регион. Дело в том, что в это время климат становится более холодным и влажным, что наносит ущерб коневодческому хозяйству кочевников (Медведев, 1999а. Табл.). К тому же в 240-е гг. в Причерноморье и Приазовье вторгаются готы, войны сарматов с которыми нарушили привычные связи населения донской лесостепи и степи (Медведев, 1990. С. 201). Археологически уход кочевников отразился в прекращении захоронений в верхнедонских курганных могильниках. Однако остается пока открытым вопрос, покинуло ли оседлое население регион вслед за кочевниками, или нет? Ответ на него принципиален для ре-

конструкции этнокультурных процессов в регионе в позднеаримское и гуннское время.

После ухода сарматов на Верхний Дон проникают пришлые племена, оставившие памятники типа Каширки – Седелок (рис. 2), которые датируются второй третью III – нач. IV в., не исключая бытования отдельных из них вплоть до середины столетия (Обломский, 2007. С. 75), а может быть и несколько позже. Истоки их миграции находятся в пределах широкой полосы черняховско-киевского пограничья Днепровского Левобережья, но включают и Нижнее Поднепровье с его позднескифским населением (Обломский, Терпиловский, 1998. С. 131–134). При этом материальная культура пришельцев уже испытала черняховское влияние, хотя хронологически сопоставима с начальным этапом ее становления. Характерным элементом домостроительства памятников круга Каширки-Седелок являются большие глинобитные наземные каркасно-столбовые дома, которые традиционно связываются с германской традицией (Магомедов, 2001. С. 23). На Верхнем Дону поселения с такими домами горели, некоторые неоднократно, после чего люди, возводившие их, покинули регион. Особо отмечу, что явных следов местного влияния на материальную культуру мигрантов археологически не прослеживается, нигде культурный слой позднесарматского времени не перекрывается слоями находок, характерных для древностей круга Каширки-Седелок.

В кон. IV в. территорию верхнего течения Дона вновь захлестывает волна миграции. Ее истоки лежат в тех же регионах, что и предыдущей, но племенной, а может и этнический состав пришельцев, очевидно, меняется. Новая волна переселенцев оставила древности круга Чертовицкого-Замятино (рис. 2), состав которых заметно сложнее и разнообразнее материа-

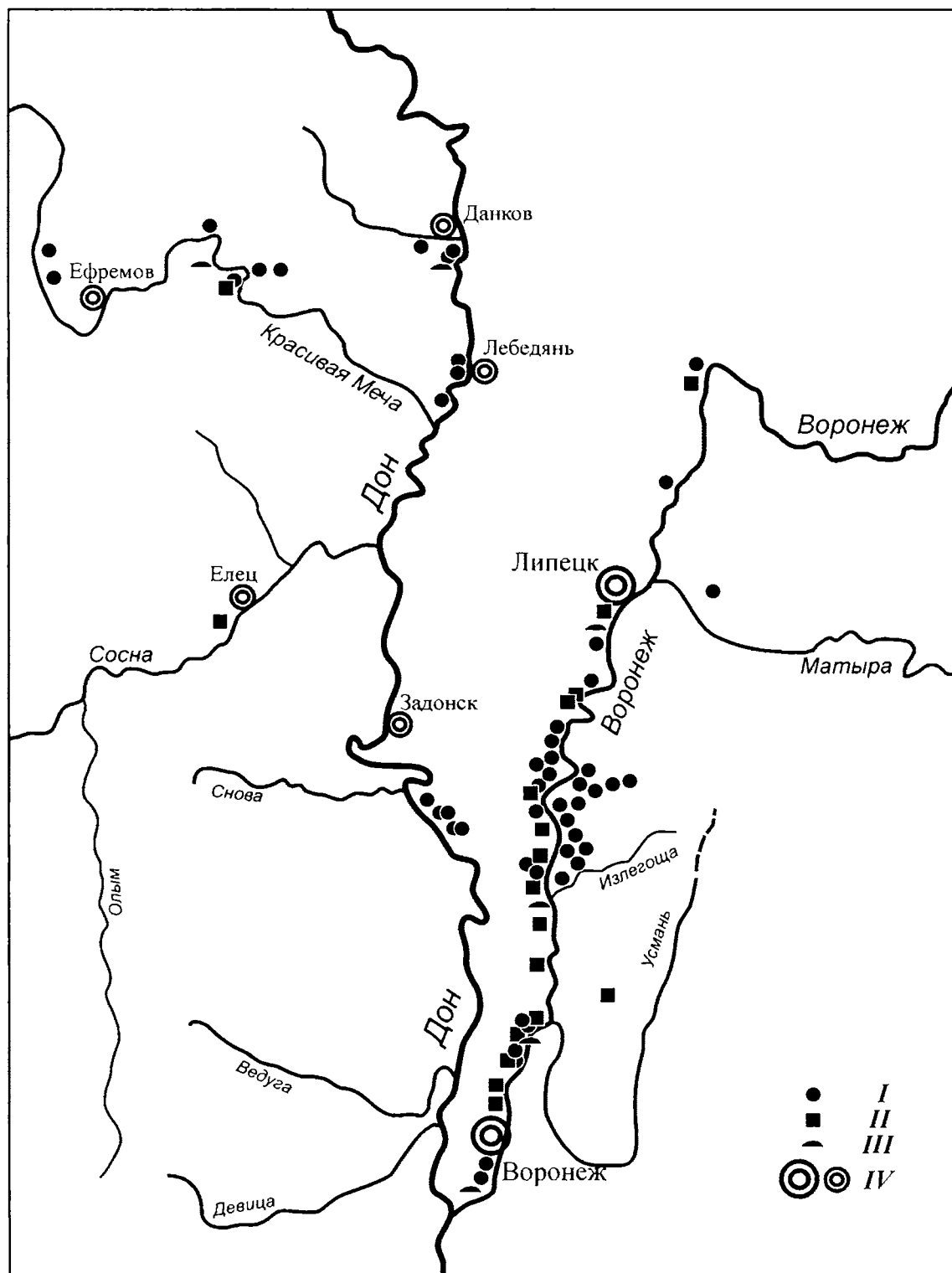

Рис. 1. Карта памятников сарматского времени Верхнего Подонья (по А.П. Медведеву).

лов предшествующего типа. Его основу составляет население киевской культуры Днепровского Левобережья (Акимов, 2007. С. 47), при этом черняхов-

ской гончарной керамики заметно меньше, наземные глинобитные постройки встречаются намного реже, большие же дома пока не исследованы. Причерно-

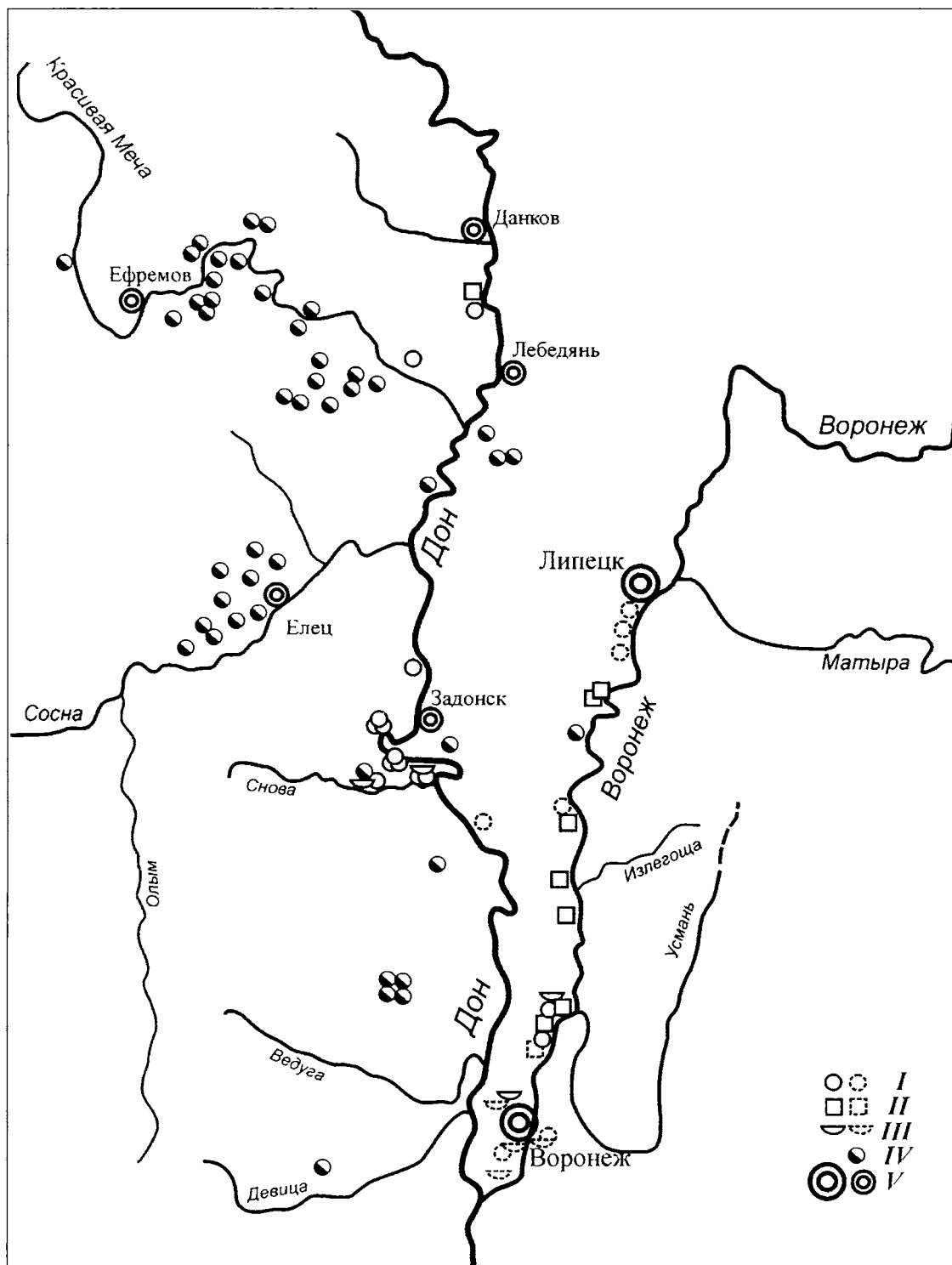

Рис. 2. Карта памятников 2-й четверти – середины I тыс. н.э. Верхнего Подонья (по А.М. Обломскому с дополнениями автора).

морский компонент тоже улавливается, но связан не только с областью нижнего течения Днепра, но и с восточной частью побережья (округой Танаиса).

Кроме того, есть свидетельства контактов с населением лесной зоны бассейна Оки, наиболее вероятно торговых и семейно-брачных (Акимов, 2007. С. 48).

С поселениями круга Чертовицкого-Замятино связаны грунтовые захоронения по обряду ингумации, совершаемые чаще всего в их пределах или рядом. Выявлены две области их концентрации: одна, насчитывающая более 40 погребений, в районе Острой Луки Дона, близ г. Задонска, вторая – менее многочисленная – в нижнем течении р. Воронеж (Обломский, 2007. С. 77). Правда, с недавних пор последняя группа пополнилась несколькими памятниками на окраинах г. Воронежа (рис. 2).

Хронология древностей типа Чертовицкого-Замятино остается предметом дискуссий (Обломский, 2005. С. 113–117; Акимов, 2007. С. 49). Тем не менее, не вызывает сомнения их датирование в рамках гуннского времени (кон. IV–V в.), с уточнением узких дат отдельных памятников в пределах середины V столетия, его второй половины или рубежа V/VI вв.

Таким образом, прямых археологических свидетельств наличия автохтонного населения в виде их «чистых» памятников во второй четв. – сер. I тыс. н.э. как будто бы нет. Тем не менее, это вовсе не значит, что их нет совсем. Интересные результаты дает картографический анализ распространения памятников сарматского времени и эпохи ВПН. Бросается в глаза преимущественное несовпадение ареалов заселения региона в первые века и носителями древностей типа Каширки-Седелок. Граница между ними пролегает по р. Дон (рис. 1; 2). Сравнение же карт распространения древностей сарматского времени и круга Чертовицкого-Замятино позволяет убедиться в их полном совпадении (рис. 1; 2), не говоря уже о том, что на всех известных ныне поселениях материалы гуннского периода непосредственно перекрывают культурный слой с находками первых веков.

Последнее наблюдение дополняется и рядом интересных археологических свидетельств. Так, на поселении Замятино 5 найден обломок фибулы-скульгамы с эмальями, датирующийся кон. III–IV в. (Гороховский, 1982. Рис. 6; Обломский, Терпиловский, 2007. С. 118). Для слоя гуннского времени он слишком ранний, поэтому он может быть аргументом в пользу продолжения жизни на Замятино в позднеримское время. Особо следует отметить распространение среди лепной посуды памятников типа Чертовицкого-Замятино горшков, по форме и, часто, орнаментации аналогичных тем, что господствовали в керамике местного населения первых веков н.э. Ранее я уже указывал на ряд переходных комплексов и другие признаки местных традиций в поздних материалах (Акимов, 2007. С. 48–49).

Какие выводы позволяют сделать рассмотренные археологические памятники в этно-историческом

ключе? Мне видится следующая ситуация. После ухода кочевых сарматов основной массив местного оседлого населения остался на месте, хотя, очевидно, сильно поредел. «Освободившуюся» нишу попытались занять выходцы из киевско-черняховских областей. В составе переселенцев были, вероятно, германцы и славяне, а сам процесс миграции отражает становление Готской державы на юге Восточной Европы. Однако на Дон проникали не воинские дружины, а общины рядового населения. Они сумели освоить берега правых притоков р. Дон, но дальнейшее продвижение оказалось затруднено. Наиболее вероятным препятствием стало враждебное отношение аборигенов, контролировавших доноворонежское междуречье. Конфликт завершился в пользу местных, пришельцы сожгли свои дома и покинули регион.

В кон. IV в. Готская держава рухнула под ударами гуннов. Ее население пришло в движение, часть его устремилась на Дон. Почти одновременно в бассейне верхнего течения реки образовался разношерстный массив «беженцев», принесших сюда разные западные традиции. Местное население влилось в его состав и было ассимилировано. Из их культуры оказались усвоены только некоторые формы лепных сосудов и навыки строительства укреплений. Около сер. V в. на Дону появляется сильная дружина, которая организовала свою ставку на Острой Луке. Именно ее членам принадлежат воинские захоронения из числа упомянутых ингумаций. В их культуре наиболее явно проступают сармато-аланские черты. Впрочем, в дружине могли быть и германцы (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 121). Эти воины и их потомки господствовали на Верхнем Дону до рубежа V/VI вв., после чего их следы пока теряются.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ по проекту 07-01-56109а/Ц.

Акимов Д.В., 2007. Население Верхнего Подонья накануне и в период гуннского вторжения в Восточную Европу // РА. №3.

Гороховский Е.Л., 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. № 38. Київ.

Магомедов Б.В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Медведев А.П., 1999а. Опыт разработки региональной

- системы хронологии и периодизации памятников раннего железного века лесостепного Подонья // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тез. докл. науч. конф. Липецк.
- Медведев А. П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I). Ростов-на-Дону.
- Обломский А. М., 2005. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. .
- Обломский А. М., 2007. Лесостепное Подонье // В кн.: Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М. Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1998. Поселение Седелки и его место среди памятников поздне римского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // В кн.: Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). М.

Ю. М. Баранов

Уральский государственный технический университет

И. С. Чарусова, М. Ю. Баранов

НПО «Северная археология 1»

Археолого-этнографическое обоснование реконструкции жилища VI–VII вв. городища Сургутское 1

В 1993 г. в окрестностях г. Сургута, Среднее Приобье, по инициативе Сургутского краеведческого музея проведены раскопки на городище «Сургутское 1» (Орбита), где были исследованы фрагменты оборонительной системы и три поселенческих объекта. По результатам автор раскопок А. П. Зыков реконструировал оборонительные сооружения городища.

Описания древних угорских городков представлены в героических сказаниях хантов. Городки располагались на высоком берегу реки, у места впадения притока. С напольной стороны создавали ров и вал. На валах строили деревянные укрепления с частоколом и воротами. В прибрежной части устраивались пристани для лодок.

В 2006 г. по заказу Сургутского краеведческого музея начата работа по созданию виртуальной реконструкции оборонительной системы и построек городища «Сургутское 1». В данной публикации представлены результаты работ, связанных с реконструкцией жилых построек городища. Проведен анализ археологических и этнографических источников с целью получения обобщенных данных по конструкции типичного традиционного жилища, послуживших основой для компьютерного моделирования. Предполагались два этапа: воссоздание жилого сооружения и восстановление вещной жилой среды.

На первом этапе проведено археологическое обоснование реконструкции построек. Вместе с углубленным анализом полевой документации в качестве источников использованы материалы исследованных поселенческих памятников Сургутского и Томского Приобья периода от раннего железного века до нового времени.

В раннем железном веке (VIII в. до н.э. – III в. н.э.) бытовали слабоуглубленные сооружения каркасной конструкции с центральным очагом площадью до 25 кв. м. В ряде построек прослежен выход в виде длинного коридора – тамбура, перекрытого деревом длиной до 3 м, который препятствовал проникновению холодного воздуха в жилое помещение. Предположительно, постройки имели угловые наклонные столбы, скрепленные сверху попарно или рамой. Каркас обкладывался берестой и утеплялся дерном.

Позднее, на карымском этапе (IV–V вв. н.э.), постройки однокамерные, со слабоуглубленным четырехугольным котлованом площадью от 9 до 45 кв. м, с открытым очагом в центре. Выход выполнен в виде коридора. У некоторых жилищ обнаружены внешние очаги и хозяйственные ямы.

На зеленогорском этапе (VI–VII вв. н.э.) жилища становятся крупнее – от 30 до 80 кв. м с открытым очагом в центре, иногда заключенным в прямоугольную деревянную раму. Выход в виде навеса или ко-

ридора. Внутри и вне жилищ – хозяйственные ямы.

На кучиминском этапе (четвертая четв. I тыс. н.э.) строения представляют собой однокамерные сооружения со слабоуглубленным подпрямоугольным котлованом площадью от 20 до 30 кв. м и более. Вдоль продольных стен устроены нары шириной до 2 м. В центре жилищ напротив входа открытый очаг. Выход в виде прямоугольного навеса или коридора.

На кинтусовском этапе (X–XII вв. н.э.) известны однокамерные подчетыреугольные строения с котлованами глубиной до 0,4 м, площадью более 30 кв. м. Каркас собран из нетолстых бревен, стены сложены из жердей, поверх которых береста и песчаная засыпка. Очаг открытый, иногда расположен на возвышении, образованном четырехугольной деревянной обкладкой, заполненной песком. Вдоль стен располагались нары шириной до 1,5 м. Выход в виде навеса или коридора.

Постройки XIV–XIX вв. сохранились лучше, что дает возможность более детального сравнения с этнографическими материалами. Постройки площадью от 7 до 30 кв. м в форме усеченной пирамиды имели каркас из расположенных за котлованом наклонных столбов, соединенных прямоугольной рамой. Стены собраны из приставленных тонких бревен и жердей. Снаружи жилища обкладывались берестой, присыпались песком. Котлованы прямоугольной формы глубиной до 0,3–0,6 м укреплены плахами, по контуру земляные нары длиной до 4 м и шириной до 1,5 м. Очаги наземные, размещенные внутри деревянной рамы.

Анализ показывает, что на протяжении значительного времени конструкция жилищ в планиграфическом отношении принципиально не изменялась. Однако археологические материалы свидетельствуют главным образом о горизонтальной структуре нижней части построек, а воссоздание формы и конструкции надземных элементов построек возможно лишь с привлечением этнографических данных.

При проведении этнографического обоснования виртуальной реконструкции использованы материалы по традиционному домостроению коренного населения Сургутского и Томского Приобья, рек Аган, Пим, Тромаган, Вах, Васюган, отчасти рек Большой Салым и Малый Юган. Привлекались дневниковые записи Я. Янко, опубликованные и полевые материалы С.К. Патканова, У.Т. Сирелиуса, А.А. Дунина-Горкавича, Г.М. Дмитриева-Садовникова, Л.Р. Шульца, М.Б. Шатилова, Г.И. Пелих, Н.В. Лукиной, В.М. Кулемзина, А.В. Головнева, Г.П. Визгалова, К.Г. Карачарова, А.А. Рудь, собственные материалы авторов.

На основании проанализированных источников

составлено обобщенное описание типичного традиционного жилища, широко распространенного до этнографического времени на данной территории. Оно и послужило образцом для компьютерной реконструкции.

Это постройка в форме усеченной пирамиды. Над неглубоким котлованом устроен несущий каркас, состоящий из опорных наклонных столбов (от четырех до двенадцати в зависимости от размера постройки). В них врезаны перекладины, которые служат балками крыши. Заполнение каркаса состоит из наклонно установленных плах и жердей, которые сверху покрыты берестой. Для утепления и гидроизоляции постройка обложена слоями мха и присыпана песком. При строительстве жилища использована древесина, не очищенная от коры. Стенки котлована обложены плахами, в центре открытый очаг в прямоугольной деревянной раме. Пол земляной, застлан травой и циновками. По контуру котлована устроены нары для спальных мест, покрытые циновками из прутьев или травы и застеленные шкурами. В жилище небольшая прямоугольная дверь, собранная из колотых плах, прикрепленная к проему с помощью кожаных ремней и открывавшаяся вбок. В кровле, ближе к выходу, прямоугольное отверстие, служившее как дымовое и световое окно. Под потолком располагаются горизонтальные жерди в направлении от входа к задней стене.

Предвходовое помещение выполнено в виде длинного крытого тамбура каркасной конструкции. Два столба, на которые опираются горизонтальные следи, расположены у начала входа. С другого конца следи закреплены на горизонтальных балках каркаса жилища. Стены тамбура выполнены из жердей и плах. Крыша плоская, собрана из жердей, уложенных на следи поперек коридора, перекрыта берестой и травой. Входное отверстие тамбура – напротив двери жилища. Внутри тамбура, на полу и по стенам, располагаются инструменты, лыжи, посуда, припасы, заготовки для рукоделия.

На рис. 1 представлена компьютерная модель жилища, выполненная в соответствии с представленным описанием. В ходе виртуальной реконструкции установлено, что для возведения одного жилища могло потребоваться примерно 450 стоек, столбов, плах, поперечин, жердей длиной от 1 до 5 м и диаметром от 5 до 25 см, что в пересчете на бревна длиной 5 м составляет до 180 штук. Всего на городище располагалось 16 построек, для строительства которых необходимо было около 2500 бревен.

На втором этапе работы при моделировании вещной жилой среды встал вопрос о перечне инвентаря, предполагаемого для размещения внутри модели

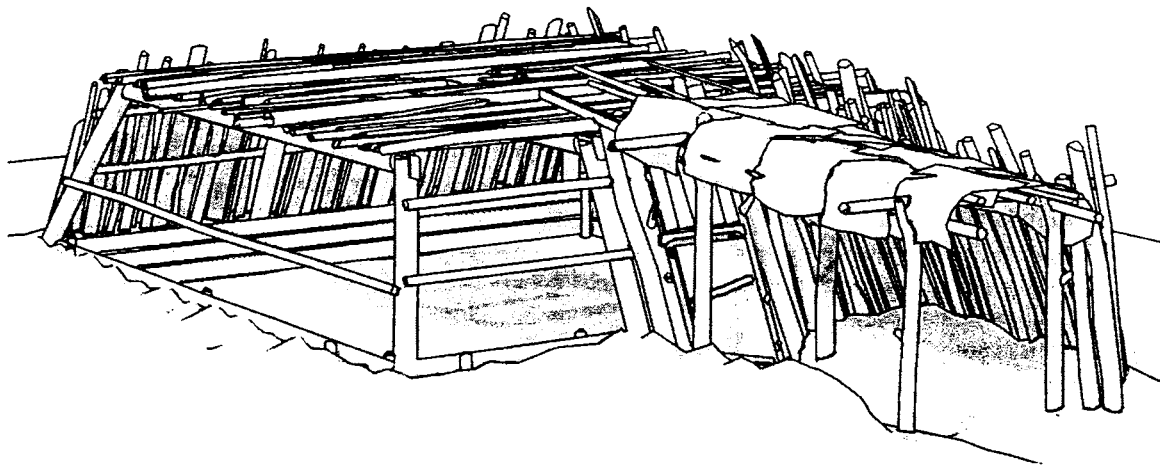

Рис.1. Городище «Сургутское 1». Каркас жилища и тамбура. Реконструкция

жилища. Пространство жилища необходимо было наполнить вещами, отражающими хозяйство и быт его обитателей – таежных воинов, охотников и рыбаков раннего средневековья. Каждая вещь должна нести определенную смысловую нагрузку, быть научно обоснованной. В основу реконструкции жилой среды легли данные о составе вещевого набора и хозяйственных занятиях обитателей городища, по-

лученные в процессе раскопок, а также современные научные представления об общем уровне и характере культур таежной зоны. Исходя из этого, был разработан тематический план и составлен список необходимых предметов. На основании хронологически близких материалов и этнографических образцов составлен вероятный набор орудий и предметов из органических материалов. В компьютерной реконструк-

Рис.2. Городище «Сургутское 1». Внутренний вид жилища. Реконструкция.

ции представлены оружие, предметы охотничьего и рыболовного промыслов, орудия для обработки древесины, шкур, керамическая и берестяная посуда, меховая одежда, домашняя утварь, украшения.

Не менее проблематичным оказалось размещение моделей предметов в виртуальном пространстве жилища. Специальных исследований в этом отношении не проводилось, зачастую исследователи ограничивались перечислением предметов, либо описывали отдельные зоны внутри и вне жилища. Кроме того, исследованные образцы интерьеров имели весьма поздний возраст, в связи с чем достаточно сложно отделить в материальной культуре архаичный пласт от поздних заимствований. В вир-

туальном жилище предметы размещены в соответствии с функциональной структурой помещения и этнографическими параллелями и сознательно лишены этнической привязки (типичность форм, отсутствие орнамента). Один из возможных вариантов размещения вещей в жилом пространстве виртуального жилища приведен на рис. 2 (здесь показан правый передний угол).

Разработанные реконструкции жилища и жилой среды городища «Сургутское 1» войдут в состав современной экспозиции Сургутского музея, представляя собой симбиоз подлинных артефактов и виртуальной реальности.

А.Н. Башенькин

Вологодский государственный педагогический университет

Славяне на востоке Новгородской земли. V–IX вв.

В I тыс. н.э. на севере лесной зоны Восточной Европы происходят процессы, внесшие существенные коррективы в дальнейшую историю региона. К ним в первую очередь относятся появление и расселение славян. Вопрос имеет обширную историографию, которая рассмотрена в работах И.И. Ляпушкина, П.Н. Третьякова, В.В. Седова, Г.С. Лебедева, Е.Н. Носова, В.Я. Конецкого и др. авторов. В работе приводятся новые материалы по историко-культурной проблематике востока Новгородской земли в V–IX вв. н.э.

В 1979–2007 гг. Северорусской экспедицией под руководством автора проведено сплошное обследование западных районов Вологодской области в бассейнах рек Чагоды, Мологи, Шексны. При этом выяснилось, что граница культуры псковско-новгородских длинных курганов проходит севернее, чем ранее предполагалось: верховья Чагоды – Лидь – Чагоды – Молога – и совпадает с границей распространения сопковидных насыпей. Это более 20 курганных групп и 10 поселений (рис. 1). Высокие насыпи представляют, наряду с могильниками культуры длинных курганов (КДК – далее), основные типы погребальных памятников II пол. I тыс. н.э., их более 30 групп. В могильниках КДК сочетаются длинные, круглые, квадратные, прямоугольные и высокие сопковидные насыпи. Исследовано 23 насыпи КДК в 8 могильниках и 3 поселения, 8 сопковидных насыпей в 5 группах.

Наиболее ранними славянскими памятниками на Северо-Западе России, по мнению большинства исследователей, являются памятники культуры псковско-новгородских длинных курганов V–IX вв. Могильники в бассейне р. Мологи, представляющие северо-восточный ареал КДК, дают поразительное сходство с памятниками всего ареала КДК. В литературе уже отмечалась единая ландшафтная приуроченность могильников КДК: в сосновых борах на песках, на некотором удалении от водоемов, хотя встречаются они и на берегах рек. В могильниках Любахин I, Усть-Белая IV, Варшавский Шлюз I–II, Куреваниха III зафиксированы все известные в культуре виды помещений остатков сожжений: в грунтовой яме, россыпью на основании или под дерном, в урне (в том числе перевернутой), в ямке в насыпи, в ровике. Прослежены деревянные конструкции на склонах погребальных площадок. В погребениях представлены практически все вещи, характерные для КДК: бляшки-обоймицы от головного венчика, бляшки-скорлупки, браслеты с расширяющимися концами, пинцет, бронзовые и железные пряжки, ножи с прямой спинкой, долотовидные кресала (стрелы-срезни?), шилья, оселки, футляры для трута, синие 14-гранные бусы и с мраморной крошкой (рис. 2), лепная неорнаментированная керамика. На поселениях отметим находки глиняных биконических пряслиц, ранее неизвестных на этой территории. На поселении Варшавский Шлюз III размером

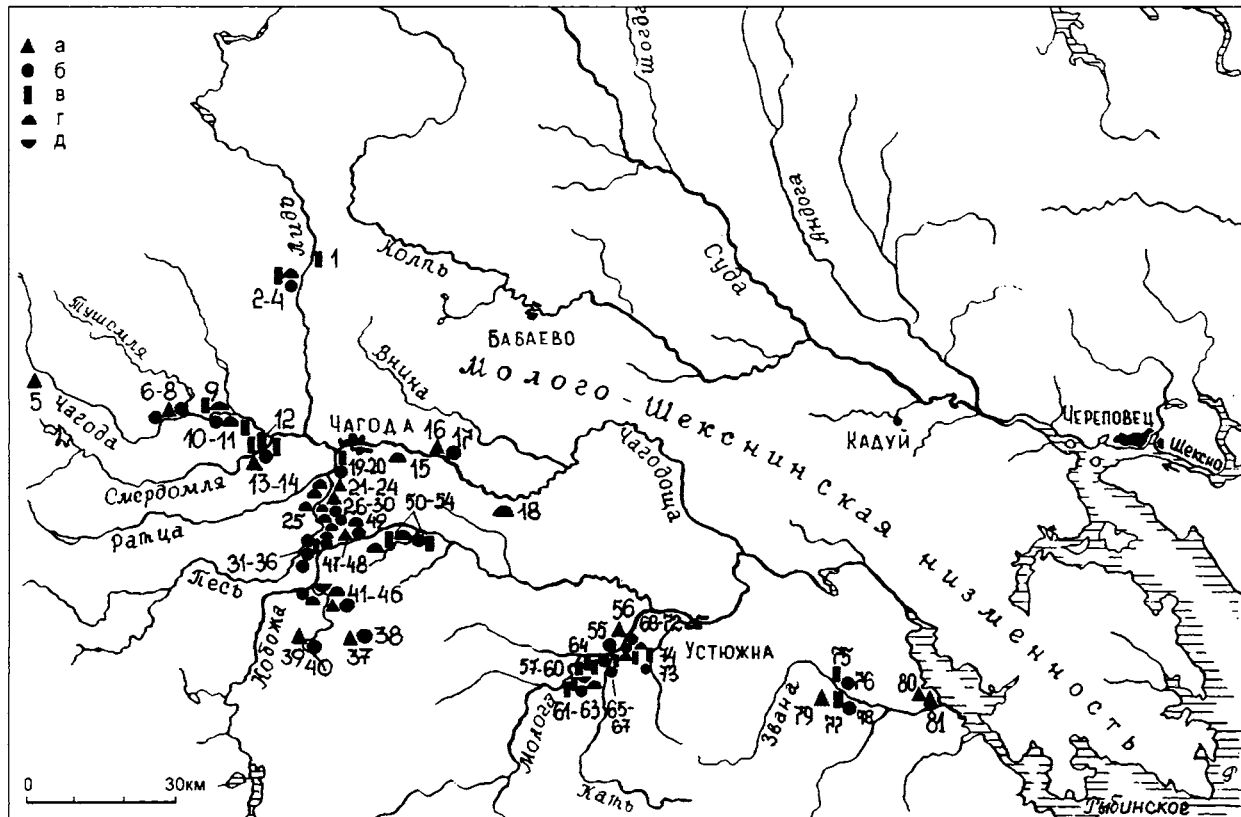

Рис. 1 Карта славянских памятников V–IX вв. а – сопки, б – поселения, в – высокие насыпи КДК, г – курганы, д – грунтовые могильники. 1 – Тургошь, 2-4 – Карасенка, 5 – Фомкино, 6 – Городок, 7-8 – Озерёво, 9 – Варшавский Шлюз I, 10-11 – Варшавский Шлюз II-III, 12 – Городёнка, 13-14 – Смердомский, 15 – Клеменино, 16-17 – Мегрино I-II, 18 – Котынь, 19-20 – Паник I-II, 21-24 – Сазоново I-IV, 25 – Старое Огарево I, 26-30 – Старое Огарево II-VI, 31-36 – Любахин I-II, VII-IX, 37-38 – Бабушкино, 39 – Наумовское, 40 – Бельское, 41-46 – Усть-Белая I-V, VIII, 47-48 – Избищи I-II, 49 – Клыпино, 50-54 – Кобожа IV-VIII, 55-56 – Перя I-II, 57-60 – Крутец I-IV, 61-63 – Крутец-Избищи I-III, 64 – Избищи, 65-67 – Куреваниха II, VIII, XIX, 68-72 – Куреваниха III-IV, XXI-XXIII, 73-74 – Давыдовское I-II, 75-76 – Славынёво II-III, 77-78 – Старое I-II, 79 – Малыгино, 80 – Бодачево, 81 – Перемут.

140 x 160 м вскрыто 344 кв.м. Выявлены остатки трех жилищ наземной срубной конструкции, размером от 3,5 x 5 м до 4,8 x 8 м с развалами печей-каменок. По углю из очага получена дата 1600+/-80 л.н. (ГИН-6628) (Башенькин, 2002. С. 81–82), являющаяся одной из самых ранних для памятников КДК. Материалы могильников также подтверждают время распространения КДК в бассейне Мологи не позднее V в. н.э. В кургане 6 могильника Усть-Белая IV на р. Кобоже в погребении найдена «В»-образная пряжка (рис. 2: 6), датирующаяся V в. н.э. По углю из этого погребения получена дата 1460+/-30 л.н. (ЛЕ-4562), что согласовывается с археологической датировкой. Из соседнего кургана №3 получена близкая дата 1450+/-60 л.н. (ЛЕ-3549) (Башенькин, 1995. С. 24–25). В могильнике Любахин I на р. Песи в погр. 1 кургана 6 обнаружены две серебряные пельтовидные подвески-лунницы, Сесдал стиля (рис. 2: 1, 2), которые по центрально- и североевропейским

находкам датируются концом IV – первой пол. V в. н.э. (Каргапольцев, Бажан, 1993. С. 113–122, рис. 6, 19, 20). В могильнике Варшавский Шлюз I в длинном кургане 1 найден пинцет и бляшки-обоймицы (рис. 2: 17, 18, 20). Близкие пинцеты в прибалтийских древностях датируются V–I пол. VI вв. н.э. (Седов, 1974. С. 34). Обоймицам близки бляшки из длинного кургана № 6 у д. Полибино, являющегося одним из наиболее ранних могильников КДК (Седов, 1994. С. 300–301). В кург. 16 могильника Куреваниха III на р. Мологе, исследованном в 2004 г., найдены бляшки-обоймицы, пластинчатые выпукловогнутые браслеты с нарезным орнаментом, бронзовый язычок пряжки, поясные бляшки-заклепки (рис. 2: 19, 21–23), пряжка с вогнутыми боковыми сторонами, спиральный перстень, 14-гранная синяя буса (Башенькин, Васенина, 2007. С. 43–47). Поясные бляшки имеют аналогии в насыпи V в. н.э. с «В»-образной пряжкой в могильнике у д. Полибино

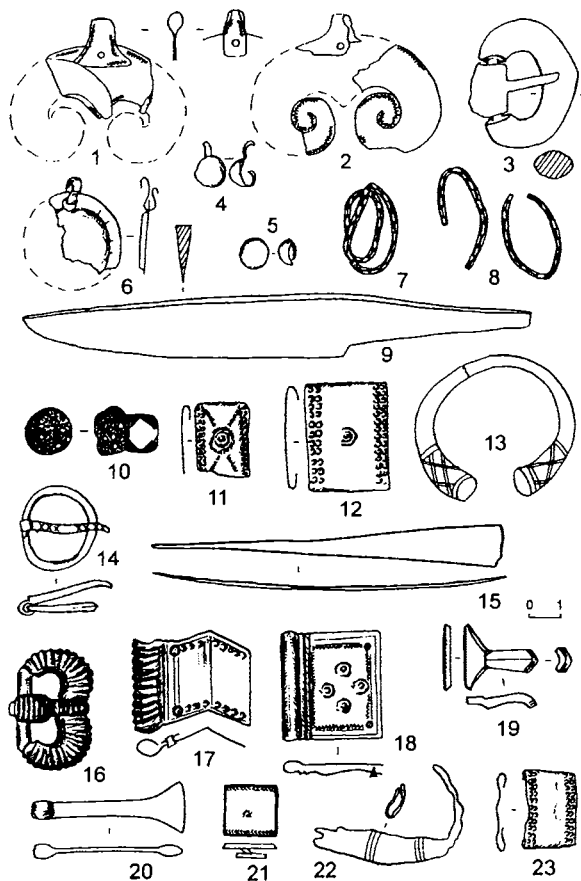

Рис. 2. Инвентарь КДК. 1-9 – Любахин I, к. 1; 10-11 – Любахин I, к. 6; 12-13 – Любахин I, к. 3; 14-15 – Любахин I, к. 5; 16 – Усть-Белая IV к.6; 17-18, 20 – Варшавский Шлюз I, к. 1; 19, 21-23 – Куреваниха III, к.16. 1-2, 7-8 – серебро; 10 – стекло; 9, 15, 21 – железо; ост. – бронза.

(Седов, 1994. С. 301–301). Язычок пряжки с широким основанием находит аналогии в могильниках КДК Рысна-Сааре I, II в Юго-восточной Эстонии (Аун, 1992. С. 122, рис. 52: 6, 7). Вместе с этим, пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты с нарезным орнаментом по существующим хронологическим разработкам в Эстонии и Финляндии относятся к более раннему времени – первым векам н.э. (Шмидехельм, 1955. С. 75–76; рис. 16, 19).

Наряду с небольшими исследованы и высокие сопковидные насыпи КДК. В группе Куреваниха III раскопана насыпь высотой 6м, диаметром 32–34 м. Для погребений с вещами КДК (подвеска-лунница, бляшка-обоймица с позолотой) получены даты по С-14 – 1460+/- л.н.(ГИН-7207), 1260+/-30 л.н.(ЛЕ-3456). По-видимому, высокие насыпи возводились на всем протяжении существования КДК с V по IX вв. В группе Крутец-Избиши насыпь с плоской вершиной диаметром 30м и высотой 2,25 м и вещами КДК имеет дату 1170+/-50 л.н. (ГИН-7210),

другая, диаметром 16 м, высотой 2,15 – 1080+/-40 л.н.(ГИН-7219).

Погребальный обряд КДК существенно отличается от погребального обряда предшествующего времени, хорошо изученного в данном регионе к настоящему времени и представленным «домиками мертвых» (Башенькин, 1995. С. 7–14; Васенина, Башенькин, 2006. С. 74–84; Башенькин, 2007. С. 152–161). Могильники VI–IX вв., в которых бы прослеживались погребальные традиции I пол. I тыс. н.э., здесь неизвестны. Погребальный инвентарь КДК, и женские украшения в частности, не имеют прототипов в местных древностях. Женский убор населения КДК принципиально отличается по составу и количеству украшений от женского убора финно-угорского населения предшествующего времени. Все это позволяет полагать, что население КДК является здесь пришлым. Поселения и могильники первой пол. I тыс. н.э. с появлением памятников КДК прекращают существовать или коренным образом изменяют свой облик. Развитие традиций предшествующего времени прослеживается лишь в бассейне Шексны, на р. Суде, куда не распространилось население КДК, и где финно-угорские погребальные традиции и культура сохранились до X–XIII вв. Представляется, что есть все основания связывать памятники КДК V–IX вв. с летописными кривичами, сложному, славяно-балтскому в своей основе, образованию.

В VIII–IX вв. на этой территории появляется новая группа населения – словене, оставившие памятники культуры сопок. Сопки – высокие насыпи с каменными конструкциями, с «единичными» основными погребениями, располагающиеся рядом с селищами на открытых местах, в зонах, уже освоенных в древности в земледельческом отношении. Насыпь у д. Озерёво на р. Чагода полностью соответствовала этим характеристикам – высота 6,4 м, диаметр 26 м, ров отсутствовал, каменные конструкции. Сопка содержала 2 погребения по обряду кремации на стороне. Инвентарь составляют медный брусок весом 91,2 г, бронзовое оплавленное лунничное кольцо с орнаментом, лепная керамика. Сопка датируется VIII–IX вв. Культура населения псковско-новгородских длинных курганов и сопок в бассейне Мологи перерастает в древнерусскую культуру Новгородской земли X–XIII вв.

Аун М., 1992. Археологические памятники Юго-Восточной Эстонии II пол. I тыс. н.э. Таллин.

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Славяно-русские древности. Про-

- блемы истории Северо-Западной Руси. Вып.3. СПб.
- Башенькин А.Н., 2002. Исследования памятников I тыс. н.э. в бассейне р. Мологи // У истоков Новгородской земли. Любытино.
- Башенькин А.Н., 2007. Финны, угры, балты, славяне и скандинавы на Шексне и Мологе // Труды по русской истории. Сб. статей в память 60-летия И.В. Дубова. М.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г., 2007. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на р. Мологе в 2004–2005 гг. // Археология Севера. Череповец.
- Васенина М.Г., Башенькин А.Н., 2006. Комплекс «домиков мертвых» у д. Куреваниха на р. Мологе (Вологодская область) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А., 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // ПАВ. Вып.7. СПб.
- Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е-1-8. М.
- Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.
- Шмидехельм М.Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.

С.А. Васютин, А.С. Васютин, С.С. Онищенко

Кемеровский государственный университет

Характер взаимодействия кочевого и оседлого населения на юге Западной Сибири в период раннего средневековья*

История народов юга Западной Сибири в раннее средневековье тесно связана с историей Тюркских каганатов и других политических объединений кочевников. Взаимодействие и противоборство кочевников и угро-самодийцев степной, лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири составляют главную канву и главный «нерв» событий раннесредневековой эпохи в этой части Евразии.

В научной литературе последних десятилетий XX в. достаточно прочно утвердилось мнение, что южные районы Западной Сибири в рассматриваемую эпоху подверглась нескольким волнам насильственной тюркизации. Данная концепция этнокультурного развития юга западносибирского региона в период раннего средневековья требует определенной корректировки и уточнения в соответствии с новыми материалами археологических исследований и реконструкцией этнических и культурных процессов в этом регионе.

Вполне очевидно, что в течении VI–VIII вв. степная зона Западной Сибири оказалась в зоне влияния Тюркских каганатов (Могильников, 2002. С. 123–125). С этого времени начался процесс установления определенных взаимоотношений между степными кочевниками и оседлыми скотоводами, рыболовами и охотниками лесостепей и южной тайги Западной Сибири. Для их взаимного тяготения было множество объективных причин, от территориального соседства до экономических связей. Кочевников, кроме условий, пригодных для их образа жизни, привлека-

ли пушные и иные богатства северных территорий. Причем характер таких взаимоотношений был достаточно мирный. В рамках таких связей возникали соответствующие условия для постоянного обмена различными товарами и определенными инновациями. Подобное соседство не исключало и брачных связей между тюркоязычными кочевниками и угро-самодийскими группами населения западносибирской лесостепи. Следовательно, тюркизация угорского и самодийского населения юга Западной Сибири в этот период происходила достаточно опосредованно и не была связана с мощными волнами миграции. Важно отметить, что взаимодействие кочевников и оседлого населения Верхнего Приобья и Среднего Прииртышья вело к тому, что тюркизация становилась постоянно действующим фактором взаимного сосуществования, если так можно сказать «Юга» и «Севера». Это конечно не исключало конфликтных ситуаций и определенного перемещения тюркоязычного населения в северном направлении.

Во второй половине VIII – IX вв. начинается новая глава в истории взаимоотношений между «Югом» и «Севером». Возникшие на обломках Второго Тюркского каганата и Уйгурской империи новые военно-политические образования степняков, прежде всего Кимакский и Кыргызский каганаты, уже по-иному выстраивали взаимоотношения со своими северными соседями. Их политика в отношении угро-самодийского населения «Севера», в отличие от предыдущих столетий, стала более

динамичной. Меридиональные миграционные импульсы стали существенно влиять не только на интенсивность контактов и торговых связей, но и на этнокультурную и социальную историю населения юга Западной Сибири. Давление кочевников сыграло решающую роль в распространении инновационных комплексов вооружения, конской упряжи, престижных вещей, способствовало интеграции и сплочению общественных групп в более многочисленные и сложные сообщества, что в свою очередь предопределило и более сложную организацию власти (Косарев, 1999. С. 36). Одновременно с этим внешний фактор воздействия на угро-самодийцев и их консолидация под давлением кочевников привели к резкому сокращению ареала верхнеобской и подчевашской культур, особенно с рубежа VIII–IX вв., когда лесостепной Алтай становится центром формирования новой, синкретичной по характеру, сроткинской культуры. В этот момент разворачиваются массовые миграции кочевников Монголии, Горного Алтая и Восточного Казахстана в Барабу, в степной Алтай, в лесостепную зону Обь-Иртышья (Бараба..., 1988. С. 13–90; Савинов, 1994. С. 83–103; Троицкая, Новиков, 1998. С. 86; Могильников, 2002. С. 74–77; Троицкая, 2002. С. 92–95; Васютин А.С., Васютин С.А., 2005. С. 227–233). Показательным памятником для общего понимания процесса взаимодействия двух соседних культурных миров, кочевого и оседлого, является Бобровский могильник, отражающий специфическую этнокультурную ситуацию на границах южной, степной, и северной, лесостепной, культур. Синкретичные черты этого культурного комплекса фиксируются в уже сложившемся виде и охватывают все наиболее значимые культурные признаки раннего этапа формирования сроткинской культуры (Арсланова, 1985. С. 64–65; Васютин А.С., 1998. С. 180–181).

В целом, как уже отмечалась культурная трансформация обществ юга Западной Сибири совпадает не с максимальной фазой развития кочевых империй Центральной Азии (Тюркские, Тюркешский и Уйгурский каганаты), а с последствиями их развала и гибели, массовыми миграциями на периферию степного ареала и образованием здесь синкретичных потестарно-политических объединений (Кубарев, 1998. С. 137). Для западносибирского региона наибольшее значение имело оформление в середине IX в. новой кочевой политики – Кимакского каганата. Именно на наиболее интенсивную фазу развития Кимакского каганата (IX–X вв.) приходится пик развития верхнеобской, релкинской и подчевашской культур (их совокупность предложено условно именовать релкинской этнокультурной общностью). Новые

культурные веянья достигли не только Нарымского Приобья, но и более северных территорий. Следовательно, имеется общая тенденция развития южных и северных культур Саяно-Алтая и юга Западной Сибири, т. е. своего рода «этнокультурная симметричность» (Косарев, 1999. С. 37), которая выражается в сходном по характеру и содержанию процессе этнокультурной консолидации населения указанных территорий и направленности его социального развития в сторону усложнения и более строгой дифференциации (формирование всадничества и других категорий воинов, возникновение системы укрепленных поселений, рост властных полномочий правителей).

В границах явно сократившегося к X в. ареала релкинской этнокультурной общности, происходившие историко-культурные процессы являются ключевыми для понимания не только специфики развития отдельных сообществ, но и общего направления и результатов культурогенеза в лесостепном Обь-Иртышье. Таким образом важнейшим культурогенетическим «событием» в этом регионе в последней трети I тыс. было появление, формирование и развитие этнокультурных образований кочевого и оседлого населения, которые пережили достаточно долгий период сосуществования. Смена культур на определенных территориях не носила взрывного характера, так как миграции и расселение кочевников не вело к тотальному уничтожению носителей оседлых культур или их полной ассимиляции. Собственно сроткинская культура – это результат длительного взаимодействия пришлых кочевых групп и местного самодийского населения, чем и обусловлена длительная трансформация культуры тех и других.

Возрастание активности кочевого сообщества в отношении аборигенного населения юга Западной Сибири все же не дает оснований утверждать, что в отношениях между южными и северными соседями превалировала военная сила, и последующая массовая аккультурация и этническая ассимиляция последних. Одной военной силой в условиях лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири кочевникам невозможно было решить свои экономические и политические проблемы. Не случайно к концу I тыс. резко возрастает число южных привозных вещей в западносибирских комплексах, а также получают распространение новые явления в религиозно-мифологической сфере. Это результат налаженного обмена и прочных контактов разноэтничного населения, совсем не обязательно предполагавшие этническую тюркизацию. Именно поэтому историю взаимоотношений «Юга» и «Севера» на протяжении всей второй половины I – начала II тыс. представляется возможным сейчас рассматривать как историю

постепенного проникновения тюркского элемента на север в условиях его активного сосуществования с самобытными культурами угров и самодийцев юга Западной Сибири. Новые волны массовой миграции сюда тюркоязычных кочевников относятся, по всей видимости, к XII–XIII вв. Дальнейшее взаимодействие номадов с местными жителями происходило в период существования монгольских государств и негосударственных политий. Решающее значение имело возникновение Сибирского ханства (Кони-ков, 2002. С. 275–276).

*Работа выполнена по проекту РГНФ № 07-01-93209а/К «На северной границе кочевого мира (дописанная история населения юга Западной Сибири в раннее средневековье).

Арсланова Ф.Х., 1985. К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX–X вв. // Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск.
 Бараба в тюркское время, 1988. / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. Новосибирск.

Васютин А.С., 1998. Инновации и культурогенез на Верхней Оби в VII–IX вв. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.

Васютин А.С., Васютин С.А., 2005. Калтышинский археологический микрорайон как модель историко-культурного развития степного региона в Кузнецком бассейне // Социогенез в Северной Азии. Иркутск.

Конииков Б.А., 2002. О взаимодействии тюркской и угросамодийской цивилизации (эпоха раннего и развитого средневековья) // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск-Омск.

Кубарев Г.В., 1998. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск.

Могильников В. А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.

Савинов Д.Г., 1994. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.

Троицкая Т.Н., 2002. К вопросу о сроткинской культуре // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск.

В.И. Вихляев

Мордовский государственный университет, Саранск

Земледелие у древней и средневековой мордвы

Мордва – один из древнейших этносов Восточной Европы. Её история прослеживается по материалам погребальных памятников, начиная с III в. н.э. (Вихляев, 2000.) Изучение развития хозяйства мордвы представляет значительный интерес не только для истории этого этноса, но и для истории других племен лесной полосы Восточной Европы, особенно финно-угорских.

В современной исторической литературе все ещё бытует мнение о том, что основной временной вехой в развитии земледелия мордвы являются VII–VIII вв. н.э. Именно в это время у неё происходит переход от доплужного к пашенному земледелию. При этом переходе у мордвы сразу же появляются железные наконечники пахотных орудий (наральники) (Петербургский, Аксенов, 2006. С. 55–56). В.В. Гришаков считает, что деревянные рала у мордвы применялись в I тыс. н.э., но не определяет время их появления (Гришаков, 2001. С. 42–43).

Утверждение о появлении у мордвы пашенного земледелия и применении рал с железными наконечниками основывается на находках на территории Мордовии трех наральников на городище Ош-Пандо в слое VI–IX вв. (Степанов, 1967.) Однако на городище Ош-Пандо нет культурного слоя, который можно определить как древнемордовский и поэтому делать какие-то выводы по его материалам о земледелии мордвы неправомерно. Недоразумением является утверждение В.В. Гришакова о находке рала в древнемордовском Серповском могильнике VII–VIII вв. (Гришаков, 2001. С. 42) В материалах этого памятника имеются находки железных маленьких мотыжек, но наральников нет. Таким образом, время появления пашенного земледелия у мордвы не определено. Между тем такая возможность имеется.

Ю.А. Красновым была разработана методика определения ранней даты пашенного земледелия. На обширном материале ему удалось показать, что

серпы и упряжные пахотные орудия появляются одновременно (Краснов, 1971. С. 35 и сл.). В наиболее ранних памятниках мордвы серпы известны в Сергачском могильнике «Святой ключ» (Шитов, 1988. С. 134–141) и на городище Ножа-Вар (Смирнов, 1965. Табл. 17. Рис. 15–17). Они составляют довольно заметную серию. Более того, на мордовских землях вырабатывается своя особая конструкция серпов (Вихляев, 2000. С. 114–116). Все это позволяет сделать вывод о том, что пашенное земледелие начинает распространяться у местных племен уже в первой половине I тыс. н.э. С началом второй половины I тыс. оно уже достигает значительного уровня развития, о чем говорит находка в ранних погребениях (VI–VII вв.) Старшего Кужендеевского могильника косы-горбуши. В этом же могильнике обнаружены два серпа (Жиганов, 1976. С. 64).

Следующей заметной по археологическим материалам вехой в развитии мордовского земледелия является распространение железных наконечников орудий. Они представлены сошниками для сох и лемехами для плугов и другими металлическими деталями. Два сошника найдены на мордовском селище у с. Паньжа XIII–XIV вв. (Жиганов, 1976. С. 80). Сошники и лемехи, а так же плужные резки обнаружены в Киржемановском (Циркин, 1969. С. 237–242) и Борковском (Циркин, 1971. С. 276–280) кладах XII–XIII вв. на территории расселения средневековой мордвы, резак в мордовском Муранском могильнике XIV в. (Поливанов, 1896). Следовательно, временем появления всех этих деталей пахотных орудий являются XII–XIV вв. Не случайно, что к этому же времени относятся самые ранние находки зерен культурных растений на мордовских

памятниках. Они обнаружены на городище у Оленьей горы XII–XIII вв., селище «Полянки» XII–XIV вв. и представлены зернами полбы, ржи и ячменя (Циркин, 1968. Табл. 2.)

Таким образом, по археологическим материалам в развитии земледелия древней и средневековой мордвы в настоящее время определяется два основных события. Первое – возникновение пашенного земледелия, которое относится к первой половине I тыс. н.э. Второе – распространение металлических наконечников у пахотных орудий, которые датируются XII–XIV вв.

- Вихляев В.И., 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.
- Гришаков В.В., 2001. Население мордовского края в эпоху раннего средневековья // История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века. Саранск.
- Жиганов М.Ф., 1976. Память веков. Саранск.
- Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (МИА. № 174). М.
- Петербургский И.М., Аксенов В.Н., 2006. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск.
- Поливанов В.Н. Муранский могильник. М., 1896.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д 1-14. М.
- Степанов П.Д., 1967. Ош -Пандо. Саранск.
- Циркин А.В., 1968. Возникновение пашенного земледелия у мордвы (VII–XIII вв.) // Сборник работ по земледелию и почвоведению. Саранск.
- Циркин А.В., 1969. Киржемановский клад // СА. № 1.
- Циркин А.В., 1971. Нижнеборковский клад // СА. № 3.

В.В. Волков

*Институт Истории АН Республики Татарстан, Казань
Чувашский Национальный музей, Чебоксары*

Вопросы изучения болгарских сельских поселений на территории Чувашии в 1950–60-е гг.

В 1950–60-е гг. началось активное изучение средневековых памятников на территории Чувашии. В эти годы территорию Чувашии изучают археологи из научных центров Москвы и Казани: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов, Н.В. Трубникова, Р.Г. Фахрутдинов, П.Н. Старостин и др. Из местных исследователей археологическими исследованиями занимался В.Ф. Каховский.

С 1948 г. более 20 лет вел археологические исследования на территории Чувашии А.П. Смирнов, являясь руководителем Чувашской археологической экспедиции. Под его руководством работали Г.А. Федоров-Давыдов и Н.В. Трубникова. Г.А. Федоров-Давыдов проводил археологические исследования на территории Чувашии в 1956–1959 гг., а Н.В. Трубникова – 1955–1965 и 1969–1972 гг.

(Исследователи этнографии и археологии Чувашии, 2004. С. 249, 272, 279). Ими были открыты следующие селища: Тигашевское I и II, Новоахпердинское, Именевское, Янашевское, Ахпердинское, Старо-Тойсинское, Русско-Урматское на юго-востоке Чувашии, а также Ивановское I и II, Янмурзинское и Таутовское в центральных районах республики, Русско-Норвашское I и II и Норваш-Кошкинское на востоке, а также вновь было исследовано селище у д. Криуши на северо-востоке Чувашии (Федоров-Давыдов, 1958. Тетрадь 1; Трубникова, 1956. С. 246, 255).

Начиная с 1957 г. на территории Чувашии проводил полевые исследования В.Ф. Каховский. Первоначально его работы проходили под руководством А.П. Смирнова. В 50–60-е гг. В.Ф.Каховским были открыты и исследованы селища в центральной Чувашии, в бассейн рек Б. и М. Цивиль: Больше-Янгильдинское, Яндашевское I и II, Нимич-Касинское, Самуковское, Икковское, Челкасинское, Кирегасинское (Палаху) (Каховский, Смирнов, 1972. С. 127, 134, 144–145, 150).

В 1964 и 1967 гг. отряд Татарской археологической экспедиции во главе с Р.Г. Фахрутдиновым провел сплошное археологическое обследование территории в бассейнах рек Булла и Малый Цивиль. Им было обнаружены и описаны новые селища в бассейне р. Буллы и Бездны на юго-востоке Чувашии: Тигашевское III, Яншиховское I и II, Новочуринское, Яльчикское, Яблоновское I и II, Сюрбеевское, а также большое количество местонахождений болгарских вещей в данном районе (Фахрутдинов, 1971. С. 192–195).

В 1966 г. археологическая экспедиция ИЯИЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством П.Н. Старостина обследовала в Чувашии правый берег Малого Цивиля от г. Канаша до впадения в Большой Цивиль и правый берег Большого Цивиля. Ими было обнаружено два местонахождения болгарской керамики: у д. Шигали Канашского района и у д. Убеёво Красноармейского района (Фахрутдинов, 1971. С. 192).

Таким образом, за 50–60-е гг. было открыто значительное число средневековых селищ на территории Чувашии. Не все они исследовались раскопками. Большая часть их была только описана. Материалы Больше-Янгильдинского, Икковское, Кирегасинского, Яндашевское I и II, Криушское, Самуковского, Челкасинского, Сугут-Тобиковского селищ опубликованы (Каховский, Смирнов, 1972. С. 127–151).

В 50–60-е гг. на основании материалов, полученных в ходе раскопок средневековых селищ в центральной и северной Чувашии возникла дискуссия по их интерпретации.

К 1956 г. среди части исследователей утвердилась точка зрения, что средневековые памятники археологии, которые прежде всего были представлены

селищами, принадлежали болгарскому населению. Приверженцами данной точки зрения были В.Ф. Каховский и А.П. Смирнов. По их утверждению, большинство селищ возникает в домонгольское время, с момента прихода на территорию Чувашии болгарских племен в IX–X вв. Материальная культура селищ представляет собой особый локальный вариант болгарской культуры. Ими выделялись следующие черты в материальной культуре этих поселений:

1. Слабая связь с материалами городищ;
2. Значительный позднегородецкий компонент.

Они отмечали, что на этих селищах до 70 % керамики представлено лепной посудой с примесью раковины, дресвы и шамота с шероховатой поверхностью; встречается небольшое число металлических изделий, в их числе бронзовые украшения поволжских финнов (сюльгамы, шумящие подвески); жилища представлены землянками и полуземлянками. Средневековые поселения на территории юго-востока Чувашии В.Ф. Каховский относит к классическим болгарским памятникам, и включает их в центральную область Волжской Болгарии (Каховский, Смирнов, 1972. С. 159–160).

Другую точку зрения высказали на данный вопрос казанские исследователи Р.Г. Фахрутдинов и Т.А. Хлебникова. По их мнению, болгарскими можно называть только селища на территории юго-восточных районов Чувашии и Криушское селище на северо-востоке Чувашии. Селища, расположенные на территории центральной и северной Чувашии, они относят к местному финскому населению, причем болгарские изделия, которые встречаются здесь они считают импортом из Волжской Болгарии. Как аргумент они приводят малый процент болгарской посуды в керамическом комплексе поселений. Часть селищ по их мнению, относится к золотоордынскому времени (Больше-Янгильдинское, Таутовское) (Фахрутдинов, 1971. С. 181–182, 185, 192–193).

В 50–60-е гг. XX века в чувашской средневековой археологии В.Ф. Каховским была создана концепция о средневековых памятниках, суть которой заключалась в тезисе о том что, все средневековые памятники, включая городища и селища, на территории Чувашии являются болгарскими. Данная гипотеза стала главной в научных исследованиях средневековых памятников на территории Чувашии на долгие десятилетия и оказала существенное влияние на исследования болгарской культуры как в Чувашии, так и за ее пределами: в работах Ф.Ш. Хузина «Ранние болгары и Волжская Булгария» (Хузин, 2006. С. 22) и К.А. Руденко «Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв.» (Руденко, 2001. С. 16–17) средневековые селища северной и цен-

тральной Чувашии представлены как болгарские. Эта точка зрения на поселения эпохи средневековья сохраняется и сегодня среди ученых Чувашии.

Таким образом, вопросы, затронутые в полемике 1950–60-х гг., не только не утратили своей злободневности сегодня, но и являются весьма актуальными в свете накопленных за последние десятилетия данных по болгарским памятникам в целом и селищам в частности. Полностью раскрыть данную проблему могут дальнейшие полевые исследования средневековых сельских поселений на территории Чувашской Республики.

Федоров-Давыдов Г.А., 1958. Дневники I отряда археологической экспедиции 1958 г. // Архив ЧГИГН. 1958. Отд. II. Ед. хр. 576. Инв. № 1603.

Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Библиографический словарь. 2004. Чебоксары.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П., 1972. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары.

Руденко К.А., 2001. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань.

Трубникова Н.В., 1958. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1956 г. // Ученые Записки ЧНИИ. Вып. XVI. Чебоксары.

Фахрутдинов Р.Г., 1971. О степени заселенности болгарской территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Хузин Ф.Ш., 2006. Ранние болгары и Волжская Булгария. Казань.

А.М. Воронцов

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела

Данная статья является кратким изложением результатов диссертационного исследования, посвященного разработке дробной хронологии памятников Окско-Донского водораздела в позднееримское время (Воронцов, 2008). В рисунках приводятся характерные находки и формы лепной посуды – согласно разработанной типологии горшков (г.) и мисок (м.), сгруппированные по выделенным хронологическим горизонтам.

Рассматриваемый регион, по сути дела соединяет два крупных культурно-географических региона – лесостепное Подонье и Верхнее Поочье. В настоящее время на Окско-Донском водоразделе известно 82 памятника мощинской культуры. Они занимают южную кромку лесной зоны, располагаясь на небольших реках – правых притоках Оки (от бассейна р. Зуши на юго-западе до бассейна р. Осетр на северо-востоке). Основой для разработки внутренней хронологии стали материалы раскопок городищ Супруты, Щепилово, Борисово, Сенёво, Торхово, Картавцево, Ново-Клеймёново и Поречье, на большинстве из которых исследованы участки хорошо стратифицированного слоя.

Непосредственно предшествуют мощинским поселениям памятники типа Ново-Клеймёново, датирующиеся II – 1-й половиной III в., сформировав-

шиеся при взаимодействии верхнедонского лесостепного населения позднесарматского времени и лесных культур верхнего Поочья (Воронцов, 2007).

Последовательность развития древностей мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела выглядит следующим образом.

1-й хронологический горизонт (рис. 1: I). Он характеризуется бытованием предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей и датируется серединой – 2-й половиной III в.

С горизонтом связаны: скопление предметов, включающее лунницу круга эмалей, колокольчатую прорезную подвеску, ажурную застежку и две бронзовые пронизи (рис. 1: I: 1–5), колокольчатая прорезная подвеска (рис. 1: I: 10) и согнутая бронзовая пластина с выполненным мелким точечным орнаментом изображением всадника с характерно согнутыми конечностями (рис. 1: I: 9). Выделение этого горизонта на городище Щепилово позволяет соотнести с ним еще две лунницы, найденные в ходе раскопок С.А. Изюмовой 1952–53 гг. (Изюмова, 1958) (рис. 1: I: 6,7). Кроме этого, необходимо упомянуть выявленный недавно в ходе изучения коллекции с Супрутского городища (раскопки С.А. Изюмовой 1953–1977 гг.) браслет круга эмалей, сведения о котором не содержатся ни в отчетах, ни в полевых

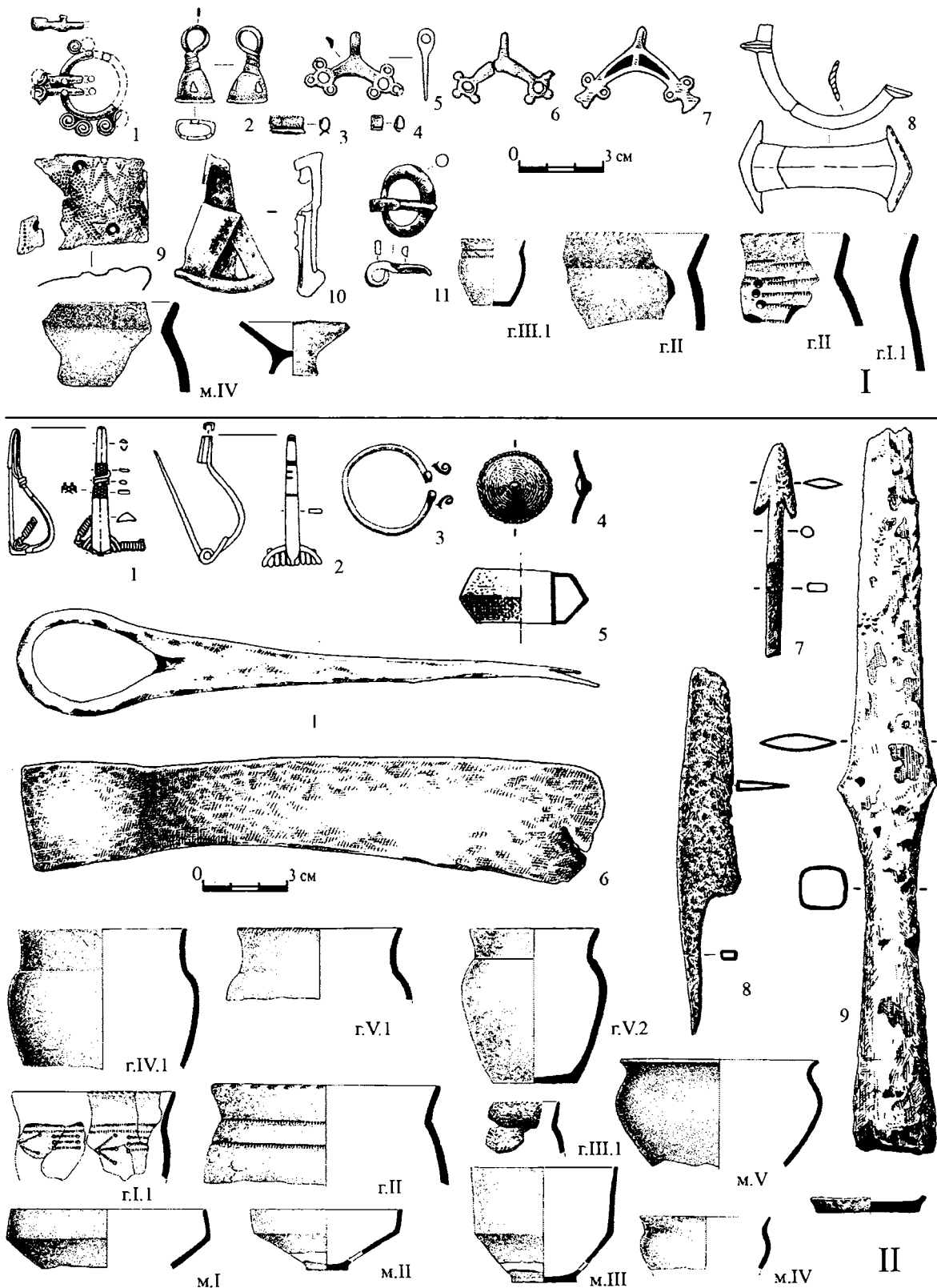

Рис. 1. Находки, связанные с 1-м (I) и 2-м (II) хронологическими горизонтами мощинской культуры на Окско-Донском водоразделе. I: 1-7, 9-10 – городище Щепилово, 8, 11 – городище Супруты. 1-10 – бронза, 11 – железо. II: 1 – городище Супруты, 2, 4, 5, 8-9 – городище Борисово, 3 – городище Щепилово, 6 – поселение Харино. 1, 3, 4 – бронза, 5 – глина, 2, 6-9 – железо.

описях (рис. 1: I: 8). Наиболее вероятное время выпадения в слой предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей относится к середине – 2-й половине III в. (Воронцов, 2006).

Керамический комплекс отличается однородностью, подавляющее большинство сосудов имеет прямой, растробовидный венчик и резкий, подчеркнутый переход от него к плечу (рис. 1: I). Из него невозможно вывести все характерные собственно для мощинской культуры формы, тем не менее, подавляющее большинство керамических типов продолжают своё существование в более поздних мощинских древностях. Наиболее близкие аналогии выделенным типам керамики происходят с некоторых памятников сарматского времени Верхнего Подонья, в том числе городищ III Чертовицкое, Подгоренское, Липецкое (см. например Медведев, 1998. Рис. 4).

2-й хронологический горизонт (рис. 1: II). Он может считаться точкой отсчета формирования собственно мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела и датируется рубежом III–IV – серединой IV вв.

Основным отличительным признаком вещевого комплекса этого горизонта является наличие большого количества черняховского импорта, главным образом фибул: фасетированных двучленных прогнутых подвязных с узкой ножкой и вертикальной стойкой для оси пружины (8 экз.), и двучленной прогнутой с пластиной для удержания оси пружины, с узкой ножкой и сплошным приёмником (1 экз.) (рис. 1: II: 1, 2). По классификации А.К. Амброза они относятся к вариантам 2 и 3 серии I подгруппы 2 группы 16 и варианту 1а подгруппы 1 группы 17 соответственно (Амброз, 1966. С.61, 70). Наиболее вероятно период их проникновения на территорию Окско-Донского водораздела датируется около 2-й – 3-й четвертей IV в. (Гавритухин, Воронцов, в печати).

С началом этого периода керамический комплекс мощинских памятников Окско-Донского водораздела претерпевает серьезные изменения, которые невозможно объяснить эволюцией существовавшего ранее набора. Появляется большое количество новых типов и вариантов горшков и мисок, завершающих процесс формирования собственно характерного для мощинской культуры керамического комплекса.

Поселения этого горизонта гибнут в пожарах, с которыми связаны находки значительного количества предметов вооружения.

3-й хронологический горизонт (2-я половина IV в.) (рис. 2: III). Его вещевой комплекс, в отличие от предыдущего горизонта характеризуется отсутствием массового черняховского импорта. Для его

датировки особое значение имеет находка двучленной прогнутой фибулы с пластиной для удержания оси пружины, широкой ножкой и сплошным приёмником (рис. 2: III: 1). Она принадлежит кругу единичных произведений черняховских мастеров, использовавших как местные, так и более западные прототипы и технологии. Наиболее вероятная датировка – около 2-й половины IV в. (Гавритухин, Воронцов, в печати).

В этот период появляется новый тип жилых построек – наземные прямоугольные сооружения с вымосткой пола мелкими известняковыми камнями. Керамический комплекс этого горизонта характеризуется «отмирание» ранних, имеющих прототипы в позднезарубинецких древностях, ребристых мисок и появление тенденции к утолщению стенки в начале плечика, за счет чего часто получается резкий, через уступ, «подчеркнутый» переход к плечу, и утоньшению верха венчика.

Памятники 4-го хронологического горизонта (рис. 2: IV), относящегося к гуннскому времени (конец IV – V в.), характеризуются наличием активных культурных связей с регионом верхнего Подонья, где в этот период существуют памятники типа Чертовицкое – Замятино. Наряду с этим фиксируется наличие культурного импульса из центральной Европы. Связанные с этим горизонтом фибулы относятся к категории единичных изделий и вопросы их датировки и интерпретации подробно рассматриваются в серии статей (Гавритухин, 2005; Гавритухин, Воронцов, в печати; Ахмедов, в печати).

Южное направление культурных связей наиболее ярко характеризуют: плоская калачиковидная серьга (рис. 2: IV: 5), наиболее близкой аналогией которой является серьга с поселения Замятино 5 (Обломский, 2004а. С. 146); костяной гребень (раскопки С.А. Изюмовой, 1952 г.), форма вырезов которого, по мнению А.М. Обломского, является характерной чертой почерка мастера из косторезной мастерской, раскопанной на поселении Замятино 8 (Обломский, 2004а. С.144).

Западное направление культурных связей характеризует узколезвийный проушной топор имеющий «выступы» на щекавицах (рис. 2: IV: 9). Аналогичные топоры были найдены на городище Мощины и Воротыньск, а также в рязано-окских могильниках (Никольская, 1959. С. 59, Рис. 24, 4, 5; Нигматуллин, Прошкин, Массалитина, Хохлова, 2005. С.122, Рис. 133, 25; Ахмедов, Белоцерковская, 1996. С. 133, 135, 139–140, рис. 21, 5; 22, 3). Наиболее близкие аналогии этой группе находок происходят из восточнолитовских курганов (Жазакавичус, 1988. С. 78–81).

Общую линию развития керамического комплек-

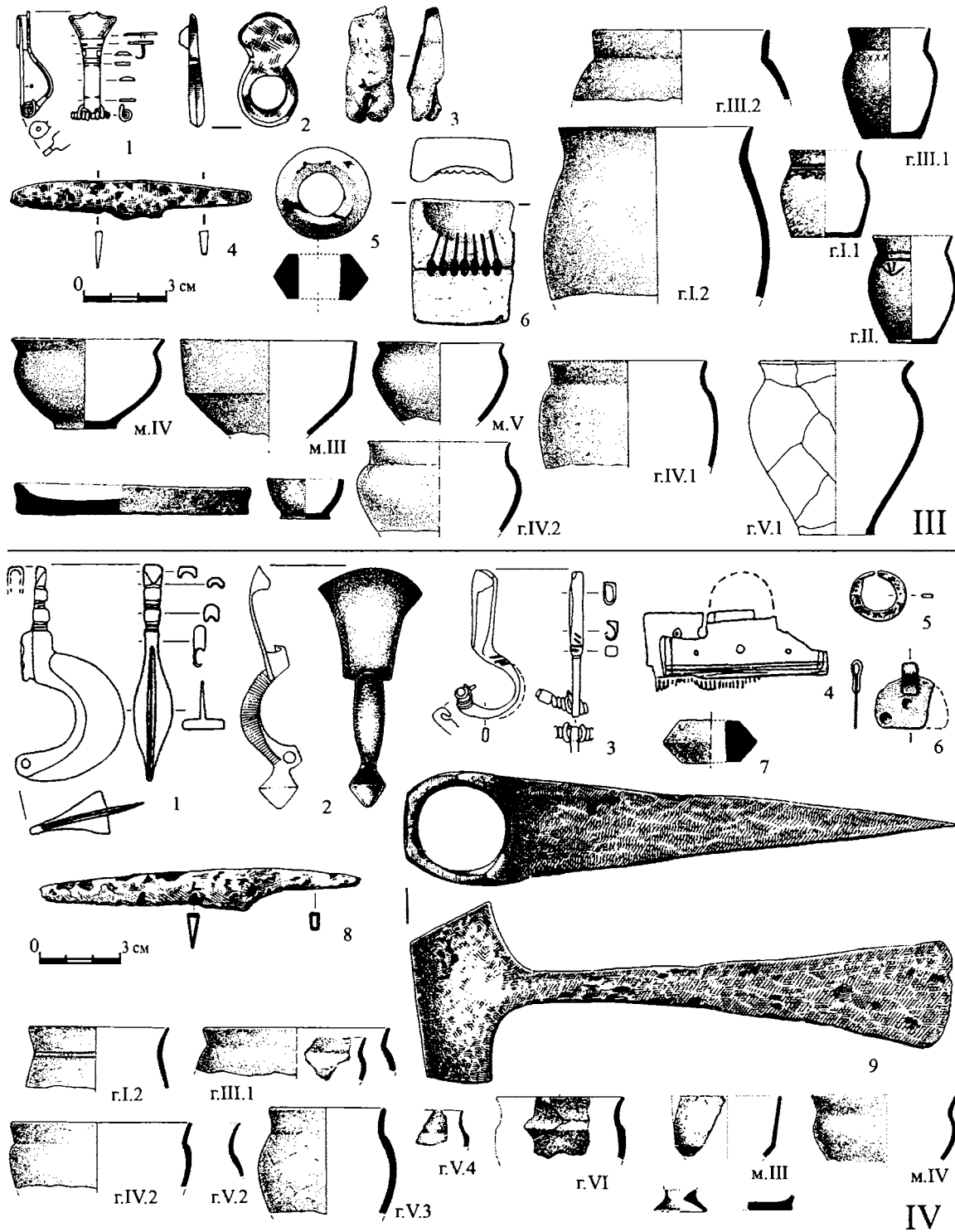

Рис. 2. Находки, связанные с 3-м (III) и 4-м (IV) хронологическими горизонтами мощинской культуры на Окско-Донском водоразделе. III: 1-2, 4, 6 – городище Щепилово, 3, 5 – городище Борисово. 1-2 – бронза, 3, 5, 6 – глина, 4 – железо. IV: 1 – городище Супруты, 2, 6 – городище Картавцево, 3 – городище Сенёво, 4, 5, 7-9 – городище Щепилово. 1, 2, 5 – бронза, 7 – глина, 3, 8-9 – железо, 4 – кость, 6 – серебро.

са памятников гуннского времени характеризует усиление и дальнейшее развитие тенденции к утолщению стенки в начале плечика, за счет чего часто получается резкий, через уступ, «подчеркнутый» переход к плечу, и утоньшению верха венчика.

Мощинская культура Окско-Донского водораздела в основном прекращает свое существование в гуннский период, но есть отдельные факты, что это население отсюда полностью не уходит, а сохраняется на мелких притоках Оки в лесной зоне (Воронцов, 2003).

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.

Ахмедов И.Р., В печати. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.

Воронцов А.М., 2003. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т.1. Тула.

Воронцов А.М., 2006. Новые находки предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей с памятников Окско-Донского водораздела // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Тезисы докладов. СПб.

Воронцов А.М., 2007. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. №3.

Воронцов А.М., 2008. Этнокультурная ситуация на Окско-

Донском водоразделе в позднеимперское время. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М.

Гавритухин И.О., 2005. Фибула с городища Супруты // *Europa Barbarica. Świerć wieku archeologii w Masłomęczu*. Lublin.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. В печати. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Изьумова С.А., 1958. Бронзовые лунницы с городища у деревни Щепилово // СА. № 4.

Казакявичус В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.

Медведев А.П., 1988. III Чертовицкое городище (материалы I-ой пол. I тыс. н.э. // Археологические памятники Верхнего Подолия первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М., 2005. Древний Козельск и его округа. М.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н.э. М.

Обломский А.М., 2004а. Хронология Замятинского археологического комплекса // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.

Обломский А.М., 2004б. Замятинский археологический комплекс – «перекресток этнокультурных традиций» // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.

И.О. Гавритухин

Институт археологии РАН

Актуальные проблемы изучения ранней истории славян и славянского расселения на юг и запад (пражская культура)

Пражская культура (далее ПК) занимает одно из ключевых мест в изучении ранней истории славян. Прежде всего потому, что среди специалистов практически общепризнанна точка зрения о ПК как археологическом отражении традиционной материальной культуры конкретного народа «славяне», известного в греко-латинских текстах как «склавины» и т.п., причем речь идет об отождествлении ПК с древнейшими упоминаниями этого народа в письменных источниках.

Интерес к народу *славяне* у позднеантичных авторов был вызван его появлением у дунайской

границы Империи и начавшимися в 520-е гг. нападениями славян на ее территорию. Область же этногенеза и первичного расселения этого народа можно определить лишь по археологическим источникам. Долгое время господствовали теории о связи ПК с древностями римского времени Висло-Одерской зоны, однако, показать процесс формирования ПК на конкретном материале из этого региона не удастся. Альтернативная теория, связывающая формирование ПК с памятниками части Верхнего и Среднего Поднепровья, имеет представительный ряд сторонников, но и она сталкивается, как минимум, с невоз-

возможностью вывести из материалов Поднепровья IV в. спектр характерных черт ПК на всех территориях, где она известна в V–VII вв.

Работа с типологией керамики ПК уже в конце 1980-х гг. привела меня к заключению, что древнейшие памятники ПК концентрируются в Припятском Полесье и связанных с ним районах, причем из представленного здесь «типологического ядра» можно «вывести» особенности ПК других территорий. Раскопки на поселении Остров под Пинском дали датированные находки, подтверждающие эту гипотезу, а новые исследования В.С. Вергей и В.Г. Белевца позволяют наметить достоверный круг памятников 1-й половины I тысячелетия, заполняющих «Полесское белое пятно». В настоящее время «полесская» теория приобретает все больше сторонников, в том числе и среди исследователей, разделявших ранее другие точки зрения.

Вопрос о формировании ПК не заменяет проблемы славянского этногенеза в целом, также как вопросы о формировании конкретного народа «тюрки» (тюркюты) не тождественны проблеме происхождения тюркских народов и т.д. ПК и ее непосредственные предшественники входили в общность («круг») культур, близких по ряду показателей – от социально-экономической модели до керамического набора и др. Очевидно, в данном случае, можно говорить о культурно-исторической общности, для которой сходство ряда характеристик, фиксируемых археологически, отражает или подразумевает близость других сторон культуры, вплоть до языкового родства.

Благодаря сравнительно недавним исследованиям культурных групп, относимых к киевской культуре (общности), существенно конкретнее стало понимание северных и восточных составляющих культур славянского круга в римское время. Вполне перспективным, хотя пока лишь намеченным И.П. Русановой, представляется и поиск культурных компонентов, близких традициям этого круга (и в этом смысле «родственных» ПК), в Висло-Одерской зоне. К этому ряду относятся и поднепровские памятники типа Куропатники (Черепин-Теремцы), выводимые из зубрицкой культуры и выделяемые в одну из групп черняховской культуры не только типологически, но и территориально. Проблема выделения традиций, близких поднепровским, на новом материале Подунавья поставлена сербскими коллегами (Дж. Янкович, Ст. Трифунович). Исходя из такого подхода следы раннего «языкового» славянского присутствия на Дунае («страда», «медос», топонимия у Приска Панийского и т.д.) вовсе не противоречат отсутствию даже упоминаний о народе *славяне* в многочисленных письменных источниках V в.

В свете сказанного ряд теорий славянского этногенеза и ранней истории представляет не столько альтернативы, сколько возможности взаимного (но не механического!) дополнения. При этом, особое место носителей ПК в формировании славянских народов обусловлено уже тем, что именно с ними связано имя «славяне», то есть важные пласты славянского самосознания – самоидентификация и др., зафиксированные уже в древнейших образцах славянской историографии. По-видимому, реконструкция становления и истории семьи славянских народов включает не только поиск истока или другое объяснение общности древних культур, но и исследование механизма появления важнейших черт самосознания их носителей. Изучение указанного аспекта, судя по всему, невозможно без оценки распространения компонентов ПК и ее наследников, хотя, безусловно, не сводится к этому.

Новые материалы свидетельствуют о довольно раннем появлении памятников ПК в зонах, традиционно соотносимых с другими культурами. Выше отмечалось, что для уже фазы «0» ПК (около 2-й половины IV – начала V в.) Припять была не границей (как считалось еще недавно), а «внутренней» водной артерией ПК. Новейшие раскопки О.А. Макушников в Мохове свидетельствуют о наличии в это время памятников ПК на Гомельщине, в районе местоположения эпонима колочинской культуры. Для Киевщины фиксируется несколько волн распространения ПК в V – 1-й половине VI в. Теперь можно уверенно говорить о раннем проникновении ПК в южнобугскую лесостепь, традиционно относимую к пеньковскому ареалу.

Существенно конкретнее стало наше знание и о зонах первых миграций носителей ПК на юг и запад. Богатейшие материалы Поднепровья фиксируют не только раннее проникновение ПК (не позднее гуннского времени), но и сложность этого процесса, сопровождавшегося ассимиляцией местного населения, оттоками и притоками нескольких славянских группировок и др. Можно выделить не менее двух разных областей, откуда распространилась (явно, что не одноактно) ПК в Висло-Одерской зоне. Сопоставление датировок для ранних памятников ПК и для поздних материалов, связанных с местными традициями римского времени, позволяет говорить, как минимум, об их частичной синхронности в этой зоне, т. е. о сосуществовании в V в. собственно славян и их предшественников, в т. ч. родственных.

Все это свидетельствует, что уже до появления ПК на Дунае экспансия ее носителей имело длительную и весьма не простую историю. Широкий спектр контактов славян-носителей ПК в ходе расселения

и неоспоримые примеры ассимиляционных процессов объясняют отмечавшуюся не раз диспропорцию между многочисленностью славян по письменным источникам и сравнительно небольшим числом памятников ПК (следует учитывать также сложность фиксации памятников ПК подъемным материалом и др. факторы). Очевидно, что в движение активных («пасионарных») носителей ПК были вовлечены другие группы. То, что многие из них были довольно близки «собственно» славянам по культуре (в ряде случаев, наверное, и по языку), а другие имели давние контакты с носителями культур славянского круга, существенно облегчало этот процесс. Соответственно, ПК является отражением лишь традиционной культуры у «ядра» народа, фигурирующего как славяне.

Для эпохи, когда славяне вошли в непосредственный контакт с позднеантичной цивилизацией и культурами, носители которых были весьма сплоченными и активными (германцы на Дунае, кочевники), соотношение ПК и археологических следов дальнейшей славянской экспансии было еще более сложным.

Уже известное по письменным источникам наличие тысяч пленных с Балкан, живших среди славян до выкупа (а те, кто пожелал или за кого не заплатили, просто включались в славянские общины, как зависимые, а со временем полноправные члены), объясняет многие особенности памятников типа Ипотешть-Кандешть-Чурел на левобережье Нижнего Дуная. Крушение Нижнедунайского лимеса после бунта Фоки в 602 г. сделало Балканы открытыми для массового славянского расселения. Новые раскопки и ревизия старых материалов позволяют говорить о довольно представительном ряде балканских памятников, где присутствуют компоненты ПК. Уход армейских контингентов, прекращение регулярной монетной циркуляции и другие изменения, связанные с «выпадением» этих земель из государственной машины или разрушениями (что ярко фиксируется археологически), не означали тотальной смены населения. К новому синтезу славяне-пришельцы были подготовлены, да и для местных

жителей такой ход событий не был новинкой. Наряду со «славянизацией Балкан», не раз обсуждавшейся в отечественной литературе, в сложении культуры южнославянских народов был важен и процесс «балканизации» пришельцев-славян.

Для исследования славянского расселения к западу от Среднего Дуная показательны могильники типа Колькед, где архаичная пражская керамика, наряду с элементами, показательными для германских групп, и византийской «вуалью» образуют «ядро» памятника. Судя по тождеству погребального обряда и планиграфии, эти компоненты с самого начала составляли здесь уже сложившееся единство. Наиболее ранние материалы этих памятников датируются 2-й половиной VI в., вероятно, могильники были заложены вскоре после основания Аварского каганата в 568 г. Соответственно, упомянутый синтез традиций должен был начаться ранее того. Пока еще немногочисленные материалы поселений дадут новые возможности для изучения этого процесса. Но и сейчас можно утверждать, что довольно распространенная точка зрения о славянах в рамках Аварского каганата как мигрантах аварского времени (зачастую в работах сквозит образ пассивной толпы), не соответствует данным археологии (неоднозначность сообщений письменных источников здесь нет возможности обсуждать).

В изучении освоения славянами Эльбско-Одерской зоны в последнее время делается упор на материалы городищ, датированными дендрохронологической шкалой. Следует отметить, что при этом происходит молчаливая подмена проблемы первых славянских поселенцев на этой территории вопросом о начале массового строительства городищ. Все еще имеет хождение и теория об особой «суковско-дзедзицкой культуре» (и линии развития) на северо-западе славянского мира, хотя ее местные корни так и остаются не доказанными. Основные особенности раннеславянской культуры от Польского Поморья до Нижней Эльбы вполне объяснимы трансформацией ПК, отражающей местные природные особенности, круг культурных контактов и другие причины изменений в культуре расселявшихся славян.

М.С. Гаджиев

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала*

Горная стена «Даг-бары»: новейшие исследования

В 1998–2005 гг. одним из направлений деятельности Дербентской археологической экспедиции являлось планомерное изучение Горной стены (тюрк.-перс. Даг-бары) – составной части Дербентского оборонительного комплекса, возведенного в сер. VI в. н.э. Работы проводились по грантам РГНФ (проекты №№ 98-01-18015, 99-01-18080, 00-01-18084е, 01-01-18023е, 02-01-18043е, 03-01-18030е, 04-01-18067е, 05-01-18035е).

В 1998–2000 гг. исследовался форт № 1 – первый в оборонительной системе Горной стены и расположенный в 145 м к ЮЮЗ от цитадели Дербента. Он представляет собой прямоугольное укрепление (внутренние размеры 23,5 x 14,5 м, толщина куртин 2,0–2,6 м) с угловыми башнями (d=4 м). Еще одна башня фланкировала вход в форт в центре юго-восточной куртины. Время активного и непрерывного функционирования форта приходится на сер. VI – нач. XIII в. или в абсолютных датах – 570–1239 гг. Четко выделяются три периода бытования укрепления, соотносимые с данными нарративных источников: 1) сер. VI–VIII вв. (570–792 гг.); 2) IX – нач. X в. (792–1020 гг.); 3) XI – нач. XIII в. (1020–1239 гг.).

В первый период форт не имел внутренних помещений и представлял цельное, неразделенное внутри пространство, но при этом предполагается наличие деревянных конструкций в два-три этажа. Подобные укрепления, представляющие собой прямоугольную или квадратную в плане крепость с круглыми угловыми башнями (иногда дополненные полукруглыми башнями вдоль стен) и с фланкированными башнями входом (или с башенным входом) хорошо известны в фортификации сасанидского Ирана: Кала-и Зари (16 x 18 м), Нахлак (ок. 45 x 45 м), Шираф (65 x 65 м), Кала-и Саидж Дуккан (152 x 152 м) (Hallier. 1972. S. 190, 290. Abb. 1, 2. Taf. 44, 76; Whitehouse, Williamson. 1973. P. 34. Fig. 3. Pl. I B; Whitehouse. 1974. P. 8. Fig. 3; Kleis. 1974. S. 216. Fig. 1; Vanden Berghe. 1990. P. 49. Fig. 7, a,b,c).

В начале второго периода внутри форта сооружаются 8 помещений, расположенных по периметру. Планировка и внутренняя структура форта, сформировавшаяся в это время, находит многочисленные аналоги среди подобных памятников омайядского времени Передней Азии и Магриба. Это укрепления Фаррасхбанд (17 x 16,5 м), Кала-и Фахканд (19,5 x

19,5 м), Пушкан (20,4 x 20,6 м), Шираф (21x22 м), Дарзин (27,5 x 26,5 м), Каср ал-Харана (36,5 x 36,5 м), Хирбат ал-Минья (ок.63 x 67 м), Каср ат-Туба (70,25 x 72,85 м), Джебель Сейс (ок.75 x 75 м) и др., имеющие квадратный, реже прямоугольный план, круглые угловые башни, часто башни, размещенные на линии стен, центральный вход и расположенные по периметру (обычно, симметрично) внутренние помещения (см., напр.: Creswell. 1969; 1989. Fig. 533, 563; Vanden Berghe.1990. P. 38, 55, 57. Fig. 13, 15; Gregory. 1996. P. 182, 186, a,b,c. Fig. 7, 11). Эти памятники характеризуют, как правило, укрепленное поселение – араб. рибат, под которым в VII–XII вв. понимался форт или небольшая крепость в зонах военного противостояния мусульман с «неверными» (араб. дар ал-харб «область войны») и в котором обитали вооруженные газии – борцы за веру (Пиотровский. 1991. С. 198; Chabbi. 1999; Nasser Rabbat. 1999). Это же значение с арабского времени приобретают и форты Горной стены, некоторые из которых затем становятся суфийскими обителями.

Прототипами им послужили сасанидские укрепления на территории Ирана в (см.: Al-Kassaf. 1979. P. 170. Fig. 1; Bergamini. 1987. P. 210. Fig. P; Vanden Berghe. 1990. P. 53. Fig. 11, e), а также близкие им по планировке, структуре позднеримские и ранневизантийские castellum и в особенности quadriburgium на восточной границе империи, имеющие квадратный или прямоугольный план – от маленького форта (Зохар, ок. 17 x 17 м) до больших крепостей (Ал-Ладжджун, 240 x 190 м) – с прямоугольными или круглыми башнями по углам (и башнями на линии куртин у крупных укреплений) и расположенными по периметру внутренними помещениями (Дейр ал-Кахф, Каср Бшайр, Зохар, Каср Хаббаз, Каср Амидж, Каср ас-Суаб, Хан Джадаллах, Муджайир, Хан ал-Каттар и др.) (Vanden Berghe.1990. P. 54. Fig. 12; Gregory. 1996. P. 191. Fig. 14, 15).

В нач. XI в. на форте № 1 проводятся значительные ремонтно-строительные работы. В центральной части форта сооружается водосборный бассейн (V=ок.27,5 т) с подводным к нему водоводом. Существенным фортификационным работам подверглась южная часть форта, которая, очевидно, к этому времени была частично разрушена. Она укрепляется обводными стенами (толщ. ок. 2 м), увеличившими

диаметр восточной, южной и западной башен до 8 м, а соединяющих их куртин – соответственно до 4,5 м и 3,7 м. Этот факт наглядно демонстрирует сложившуюся в конце X–XI вв. военно-политическую обстановку на Восточном Кавказе и нашел отражение в известиях хроники «Тарих ал-Баб» о фортификационно-ремонтных работах в Дербенте во второй пол. X в. – 60-х гг. XI в. (Минорский. 1963. С. 51–53, 55, 58, 61, 67–71, 77). Взаимодополняющие данные письменных источников и археологии дали веские аргументы для отождествления данного форта с кала Сул «Тарих ал-Баб» и Баб Сул Хордадбега, а также идентификации раннесредневекового Чора с Дербентом.

В 2001–2005 гг. были проведены разведки от форта 1 (Кала Сул) до последнего форта 59 (Чухункала) на вершине хребта Кара-сырт в горном Табасаране. В итоге были составлены подробный план Горной стены, планы фортов и башен, выяснены их архитектурные особенности, определены протяженность, количество укреплений, время активного функционирования отдельных укреплений и фортификационной системы в целом, выявлены важные археологические объекты – знаки строителей, мерлоны и блоки машикулей VI в., водосборные ямы, обеспечивавшие гарнизоны водой, надмогильные памятники, арабоязычные эпиграфические памятники VIII–XV вв. и др.

Среди эпиграфических находок отметим обнаружение на форте Кеджерли-кала среднеперсидской надписи VI в. с упоминанием строителя (архитектора) Рашн(у) (Гаджиев, Касумова. 2006. С. 85–86) и в сел. Митаги уникального памятника – крупной плиты с арабской рельефной куфической надписью 176 г.х. (792–793 г.) (Gadjiev, Shikhsaidov. 2002), которая сообщает о проведенных по повелению халифа Харун ар-Рашида реставрационных работах на архитектурном объекте, сооруженном шаханшахом Хосровом Ануширваном (531–579). Эта древнейшая в мире официальная мусульманская надпись, по видимому, была установлена в кладку Горной стены или одного из ее фортов.

Арабы, утвердившиеся в Дербенте в нач. VIII в., активно использовали в своем противостоянии с хазарами созданную здесь при Хосрове мощную фортификационную систему. Об этом свидетельствуют данные письменных источников, вышеприведенная и другие немалочисленные арабские надписи. Проведенные на ряде фортов стратиграфические работы показали их функционирование на протяжении VI–XII вв.

В ходе проведенных работ было установлено, что Даг-бары не представляла собой сплошную оборони-

тельную стену, протянувшуюся от Дербента до горного Табасарана, и на ряде участков она прерывается. Вдоль Горной стены зафиксировано 59 фортов, расположенных в 150–500 м друг от друга. Они представляют собой прямоугольные в плане укрепления с угловыми глухими башнями ($d=4,0-5,5$ м); на ряде фортов имеется пятая прямоугольная башня, фланкировавшая вход в укрепление. Внутренние размеры фортов – от 20 x 10 м до 28,5 x 16 м при толщине стен 2,0–2,6 м. Самым крупным является форт 24 (Шелкени-кала) (36,4 x 32,6 м). Наиболее важный стратегический 5-километровый участок между Джалганским и Камахским хребтами был защищен 12 фортами, 2 полуфортами и 28 башнями. Последние представлены глухими прямоугольными башнями (ок. 5,3–5,9 x 7,3–8,2 м) и прямоугольными башнями (ок. 5,3–5,6 x 7,4–8,8 м, толщина стен 1,8–2,0 м) с внутренней камерой, перекрытой ложным сводом, с центральным входом и боковыми проходами на куртины.

Даг-бары, имевшая огромное стратегическое значение на протяжении нескольких веков и стоящая в одном ряду с такими выдающимися памятниками оборонного зодчества как Великая Китайская стена, Стена Александра (Искандера), Римский лимес на Рейне и Дунае, Вал Адриана в Британии, по праву именовалась Великой стеной (араб. ас-садд ал-'азам, перс. бару-йи 'азим).

Гаджиев М.С., Касумова С.Ю., 2006. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.

Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.

Пиотровский М.Б., 1991. Рибат // Ислам. Энциклопедический словарь. М.

Al-Kassaf A. Abu Sh'af. 1972. // Sumer. Vol. XXXV.

Bergamini G., 1987. Parthian Fortifications in Mesopotamia // Mesopotamia. Vol. XXII.

Chabbi J., 1999. Ribat, a military-religious institution of mediaeval Islam. 1. History and development of the institution // Encyclopaedia of Islam. CD-ROM Edition. v. 1.0. © 1999 Koninklijke Brill NV. Leiden.

Creswell K.A.C., 1969. Early Muslim Architecture. Vol. 1. Umayyads, A.D. 622–750. 2-nd ed. Oxford.

Creswell K.A.C., 1989. A Short Account of Early Muslim Architecture. 2-nd ed. Rev., ed. J.W. Allan. Aldershot.

Gadjiev M.S., Shikhsaidov A.R., 2002. The Darband-nāma on Hārūn Al-Rashīd and a Newly Discovered Arabic Inscription from A.H. 176 // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. Vol. 8. No. 3.

Gregory S., 1996. Was there an eastern origin for the design of late Roman fortifications? Some problems for research on forts of Rome's eastern frontier // The Roman Army In

- the East. Ed. By David L. Kennedy. Ann Arbor.
- Hallier U.W., 1972. Fort, Atashgah und Chahar Taq von Nakhlak. Überreste einer sasanidischen Bergbausiedlung // AMI. Neue Folge. Bd. 5. Berlin.
- Kleis W., 1974. Die festung Qalah Seidj Dukkan bei Sarpol-I Zohab in West Iran // AMI. Neue Folge. Bd. 7. Berlin.
- Nasser Rabbat., 1999. Ribat, a military-religious institution of mediaeval Islam. 2. Architecture // Encyclopaedia of Islam. CD-ROM Edition. v. 1.0. © 1999 Koninklijke Brill NV. Leiden.
- Vanden Berghe L., 1990. La découverte d'un château-fort du début de l'époque islamique à Puskān (Irān). Survivance d'éléments architecturaux sassanides // Iranica Antiqua. Suppl. IV.
- Whitehouse D., 1974. Excavation at Siraf, Sixth Interim Report // Iran. Vol. XII.
- Whitehouse D., Williamson A., 1973. Sasanian Maritime Trade // Iran. Vol. XI.

В.М. Горюнова

Институт истории материальной культуры РАН

О дате позднезарубинецких памятников типа Картамышево II – Терновка 2 (по материалам поселения «Сильник»-Бобрава 3)

В урочище Сильник у с. Бобрава Беловского района Курской области, на дуне в пойме р. Бобрава, левого притока р. Псел в 1983 г. было исследовано поселение, которое принадлежит по определению А.М.Обломского – Р.В. Терпиловского кругу памятников позднезарубинецкого времени типа Картамышево II – Терновка 2 и датируется второй половиной I – серединой – концом II в. (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 62–76, 141*; Обломский 2002. С. 13). В материалах поселения хорошо выражен ювелирно-производственный комплекс, к которому относятся производственные ямы, «горн» типа Гочево-Бобрава – коническая яма, выложенная изнутри фрагментами керамики, шлаки, фрагменты тиглей и заготовка наконечника стрелы (?).

Культурно-хронологические рамки «Сильника» четко определяют вещи круга варварских эмалей и керамический комплекс, сочетающий грубую лепную посуду и фрагменты чернолощенных горшков с врезным геометрическим орнаментом. В свое время, при публикации материалов Картамышева II, мною было предложено нижний хронологический рубеж данного вида памятников считать не ранее второй половины – третьей четверти II в. (а не второй половиной I в., как у А.М. Обломского) и не отделять его от общего массива раннекиевской культуры. (Горюнова, 2004. С. 49–50). Материалы поселения «Сильник»-Бобрава 3, на мой взгляд, дополняют приведенную ранее аргументацию.

Пластинчатая и эмалевая лунницы-подвески, скорее всего, принадлежат первой половине III в., так как эмалевая лунница на концах имеет сквозные

кольцевые выступы, а в ее теле есть прорезь. Все эти элементы относятся к признакам средней стадии развития выемчатых эмалей восточноевропейского круга (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 124).

Наряду с материалами раннекиевской культуры на поселении присутствуют вещи иной культурно-этнической среды, которую можно обозначить как позднескифскую, осложненную сарматскими элементами. В культурном слое найдены фрагменты венчиков красноглиняного лепного кувшина или кубка и фрагменты лепных горшков, в том числе с луновидным налепом. В заполнении полуземляночной овальной в плане постройки, в ее верхней части, при зачистке пятна были найдены фрагменты лепной керамики. Один из них имел красно-охристое лощение и был украшен псевдовадиками с косыми насечками, другой принадлежал венчику красно-охристого слегка подлощенного кубка или кувшина. На полу сооружения найдена головка антропоморфной фигурки. Лицо – плоское круглое, расположенное под углом к шее, нос – массивный резко выступающий, сформованный щипком в форме вытянутого треугольника, глаза обозначены оттиском ногтя, рот – щелевидный (рис. 1).

Фигурки, с подобной моделировкой головки, использовались при отправлении культовых обрядов на сельских поселениях хоры Боспора во II–III вв. н.э. (Кругликова, 1970. С. 46. Рис. 31; С. 66. Рис. 51) и на святилище Таракташ близ Судака в Крыму от середины II до середины III в. (Шаров, 2008).

В свое время И.Т. Кругликова предполагала, что появление таких фигурок на поселениях хоры Боспора связано со скифо-сарматским воздействием,

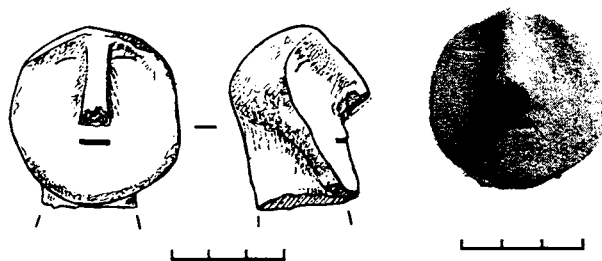

Рис. 1. «Сильник»-Бобрава 3. Головка антропоморфной глиняной фигурки.

отмечала близкие параллели конца II – начала III вв. из Дильберджина в Северном Афганистане (Кругликова, 1977. С. 86, 90). И хотя некоторые авторы предполагают спонтанный характер появления и распространения сходных культовых образов у разных племен Прикубанья, Причерноморья, Крыма и Средней Азии первых веков н.э., а в Лесостепи начиная со скифской эпохи (Емец, 2000. С. 19–20), все же на наш взгляд эти фигурки несомненно связаны с традицией позднескифской культуры. Подобная антропоморфная пластика встречается на лесостепных городищах еще в скифское время***, ее использовали, как предполагают, в обрядах связанных с культом плодородия в сочетании со следами жертвенных захоронений черепов (Шрамко, 1999. С. 41. Рис.4: 1–5; С. 42. Рис.5:12,13; С. 44. Рис. 6: 3; С. 45. Рис.7: 1; С. 46)

Традиция подобных культов прослеживается и на памятниках поздних скифов Нижнего Поднепровья. Там характерные примитивные фигурки женских божеств известны со II в. до н.э. по II–III вв. н.э. (Вязьмитина 1957. С. 115–121, рис. 6: 2; Емец, 2000. С. 20). Следует учитывать, что сарматизация позднескифского населения к первым векам н.э. была настолько значительной (по крайней мере, в той части региона, в которой располагается «Сильник»), что некоторые авторы говорят о сращивании культурных традиций и о начале процесса образования нового этноса на основе сарматских и позднескифских культур (Медведев, 2000. С. 233, 243), поэтому можно считать, что в процессе появления подобных фигурок на поселениях Боспорской хоры сарматские племена играли не последнюю роль.

Сарматские племена были активным связующим звеном между зоной Лесостепи и населением Причерноморья и Крыма. Именно эта текучая, мобильная, кочевая среда являлась переносчиком не только чисто кочевнических форм лепной керамики, а также некоторых элементов лесных и лесостепных культур: варварских эмалей, головных венчиков (гривен?), бронзовых литых пирамидальных коло-

кольчиков. Все эти вещи, начиная с конца II – начала III в. (особенно после его середины), становятся бросающейся в глаза чужеродной деталью вещевых комплексов не только некоторых памятников Нижнего Днепра, Крыма, Боспора и Приазовья, но и степных кочевнических погребений (Гей, Бажан, 1993. С. 54, рис.3: 1, 27; Безуглов, Гудименко 1993. С. 169–179.; Щукин 1988. С. 136–137; Сокольский 1964. С. 207–209, рис.1:2).

Присутствие головки скифо-сарматского женского божества на поселении раннекиевской культуры следует трактовать в русле общих вопросов степени влияния и причинных связей сарматского мира с культурами Лесостепи и лесной зоны Восточной Европы в первых веках н.э. Вопрос о симбиотическом характере сосуществования поздних групп скифо-сарматского населения лесостепной зоны Левобережья с носителями раннекиевской культуры пока не стоит. Слишком незначительны материалы, которые могли бы свидетельствовать об одновременном присутствии именно на пойменных поселениях верховий рек Днепро-Донского водораздела скифо-сарматских и «раннекиевских» групп. Хотя наличие культовой вещи и полуземляночных построек иных не характерных для киевской культуры конструктивных форм (овальной и округлой в плане) говорят о многом. Делая выводы на примере «Сильника»-Бобравы 3, необходимо соблюдать осторожность, так как культурный слой этого поселения маловыразителен и очень скудно насыщен находками, а стратиграфия памятника не расчленяется на культурные блоки. И все же, предположение о одновременности этих двух культурных групп имеет право на существование. В данном случае следует опираться: 1) – на датировку головки антропоморфной фигурки, самые близкие аналогии которой из Таракташа датируются от середины II до середины III в., 2) на дату эмалевого лунницы, которая по своим типологическим особенностям не может быть отнесена к более раннему времени, чем первая половина III в., 3) – на факт стратиграфического нарушения «горном» типа Гочево-Бобрава более ранней округлой постройки, в заполнении которой был найден сосудик не киевской профилировки, а повторяющий форму широко распространенных в позднескифской культуре слабопрофилированных сосудов (Гаврилюк, Крапивина 1999. С. 313, рис.4: 1).

Таким образом, следует констатировать наличие небольшого временного сдвига существующего между скифо-сарматскими элементами (головка скифо-сарматского божества, фрагменты красноглиняных подлощенных кувшинов, или кубков, некоторые фрагменты лепной керамики, овальные и округлые в

плане полуземлянки) и элементами раннекиевскими (эмалевая лунница, «горн», чернолощенная керамика с прочерченным орнаментом, груболепная посуда с пальцевыми вдавлениями по краю венчиков, производственные и хозяйственные ямы). Данное заключение подтверждается фактом стратиграфического нарушения округлой в плане постройки с керамикой позднекиевского облика «горном» типа Гочево-Бобрава. Следовательно, раннекиевское поселение «Сильник» – Бобрава 3, несмотря на присутствие фрагментов чернолощенной посуды с прочерченным орнаментом, не может быть датировано раньше, чем первая половина III в. Таким образом, данный материал подтверждает сделанное мною ранее предложение – не отделять памятники типа Картамышево II – Терновка 2 от раннекиевских, а рассматривать их в общих хронологических рамках от середины (?) или последней трети (четверти) II в. до середины III в.

* Данный памятник в каталоге назван «Бобрава-3».

** О. Шаров по форме головок антропоморфных культовых фигурок Боспора и Крыма середины II – середины III вв. выделил шесть типологических рядов этих изделий, из которых самыми близкими для нашей находки являются ряды I и II. Головка из Сильника при круглом плоском лице отличается от них только выделенным затылком.

*** Моделировка голов этих статуэток несколько отличается от головок II–III вв. Лица у них не плоские, головки несколько вытянутые, иногда присутствует головной убор (Шрамко 1999: 41, рис.4: 2,4; 45, рис.7: 8).

**** См. напр.: бытование тамг в некрополе Пантикапея датируется периодом с середины II в. до середины III в. н.э., первые тамги появляются в промежутке от середины I до середины II вв. н.э. (Яценко 2002:79).

Безуглов С. И., Гудименко И. В., 1993. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона. // СА. №1.

Вязьмитина М. И., 1957. Поселения біля с. Золота Балка // Археологія. Т. XI. Київ.

Гаврилюк Н. А., Крапивина В. В., 1999. Кухонная и столо-

вая керамика позднекиевских городищ Нижнего Поднепровья // Сто лет Черняховской культуре. Киев.

Гей О. А., Бажан И. А., 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. СПб.

Емец И.А., 2000. Лепная антропоморфная пластика Боспора // Древности Боспора. № 3.

Кругликова И.Т., 1970. Раскопки поселения у дер. Семёновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. МИА. № 155. М.

Кругликова И.Т., 1977. Идолы из Дильберджина // История и культура Античного мира. М.

Медведев А.П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону.

Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып.5. М.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). М.

Сокольский Н.И., 1964. Погребение V в. в Кепях. // СА. №4

Шаров О. В. В печати. Антропоморфные идолы святилища Таракташ // Stratum+ 2008.

Щукин М.Б., 1988. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы балто-черноморских связей // Проблемы и исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Тез. докл. Севастополь.

Яценко С. А., 2002. О последовательности нанесения серий тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб.

В.Н. Гурьянов, А.М. Фатьков

Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского

О времени появления роменской культуры в Брянском Подесенье (по материалам поселения Курово б)

Роменская культура изучается уже свыше столетия. За время исследований собрано значительное количество материалов, позволяющих достаточно полно охарактеризовать различные стороны жизни носителей этой культуры, которую все исследователи единодушно связывают с летописным племенем «сѣверь». Границы основной территории роменской культуры на удивление точно соответствуют границам северян, определенным в «Повести временных лет»: «А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася сѣвер» (ПВЛ, 2007. С. 8). Северная граница роменской культуры в Подесенье проводится исследователями по северной границе Брянской области (Сухобоков, 1975. Карта 1; 1992. С. 37) или чуть южнее (Григорьев, 2000. Рис. 59). В последнее время в границы распространения роменской культуры включаются и памятники верхней Оки (Прошкин, 2006).

Начало освоения Брянского Подесенья носителями роменской культуры А.В. Григорьев относит к началу IX в., считая, что освоение северянами левобережья Днепра было практически завершено в течение этого столетия. По его мнению, памятники раннего этапа роменской культуры концентрируются исключительно в районе впадения р. Сейм в Десну (Григорьев, 1988. С. 73; 2000. С. 177). Е.А. Шинаков относит расселение северян «по Десне и отчасти Судости» к середине IX в. и связывает его с процессом становления и раннего развития Древнерусского государства (Шинаков, 1998. С. 8). О.А. Сухобоков специально не выделяет Брянское Подесенье из всей территории распространения роменской культуры, хотя материалы ряда расположенных здесь памятников привлекаются им преимущественно для характеристики волынцевских древностей, которые исследователь ранее рассматривал отдельно, а в последнее время объединяет их в волынцевско-роменскую культуру (Сухобоков, 1975. С. 41–57).

В связи с данной проблематикой определенный интерес представляют материалы с поселения Курово б на Судости, исследованного экспедицией под руководством Е.А. Шинакова в 2006 г. Поселение расположено в 0,12 км к югу от южной окраины села Курово, на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Судость. В ходе работ вскрыто

1200 кв. м, на этой площади исследованы 287 объектов, различающихся временем функционирования и конструктивными особенностями. В их числе 7 построек (6 жилых и 1 хозяйственная), 2 объекта производственного назначения (печи), 74 ямы – хранилища зерна, 46 ям хозяйственного назначения, 117 столбовых ям, 14 ям неопределенного назначения и 27 природных образований (промоины, канавки и т.д., в том числе участок берега и древнего русла р. Судость).

Жилища (Фатьков, 2008. С. 213, 214) представляют собой котлованы прямоугольной и почти квадратной в плане формы размерами от 2,80 x 2,90 м до 4,70 x 5,20 м, заглубленные в материк на 0,4–0,5 м. Постройки №№ 1, 4, 7 были ориентированы углами практически по сторонам света, постройки №№ 2, 3, 6 ориентированы стенками по сторонам света. По углам котлованов и посередине стен в ряде случаев зафиксированы ямки от столбов, но ни одна постройка не имеет полного набора столбовых ям, позволяющих реконструировать ее конструкцию как каркасно-столбовую.

Печи в пяти постройках из шести устроены на материковых останцах, в постройке № 1 печь устроена частично на материковом останце, а частично на подсыпке, сделанной поверх более ранней зерновой ямы. Четыре печи из шести располагались в юго-восточных углах построек, в постройке № 6 в северном, в постройке № 3 – в северо-восточном. Печи овальной в плане формы, в одном случае печь прямоугольной формы. Печи были сложены из глиняных блоков (в литературе часто называемых конусами). Типология и хронология жилищ роменской культуры разработаны А.В. Кузой по материалам Горналя, в их основе лежит расположение и конструкция печей. Печи, устроенные в материковом останце, относятся к раннему этапу культуры (Куза, 1981. С. 26, 27). Этот же принцип положен в основу классификации роменских жилищ, предложенной А.В. Григорьевым (2000. С. 48–50, 80–100. Рис. 36). Однако О.Н. Енукова в новейшей работе высказывает мысль о том, что все типы печей, по крайней мере в Посеймье, сосуществовали, и конструкция печей не может служить хронологическим признаком. Жилища, по ее мнению, были преимущественно сруб-

ными с отступом стен от котлована (Енукова, 2007. С. 55). Мы также допускаем срубную конструкцию для жилищ-поселения Курово 6, за исключением постройки № 3. Ее отличие состоит в том, что помимо ям от столбов внутри постройки, с ней конструктивно связаны 9 столбовых ям, опоясывавших постройку по периметру с севера, запада и юга. Это позволяет предположить каркасно-столбовую конструкцию постройки.

Большая часть керамики, найденной на поселении, представлена фрагментами лепных сосудов. В процессе камеральной обработки удалось собрать несколько целых форм, большинство которых близки к псевдоволынцевскому или «волынцоидному» типу (округлобокие лепные горшки с прямым венчиком, в ряде случаев украшенные веревочным штампом). Кроме того, найдены фрагменты слабопрофилированных лепных горшков, украшенных по краю венчика зашипами, отпечатками круглой палочки или (реже) слаборазработанным веревочным штампом. Подобная орнаментация характерна для роменской керамики VIII–IX вв.

Индивидуальные находки, прежде всего украшения, представлены образцами, часто встречающимися на роменских памятниках раннего этапа. Трапециевидные подвески широко распространены в прибалтийских (Енуков, 1990. С. 58) и финно-угорских древностях, часто встречаются на роменских памятниках раннего этапа водораздела Оки и Дона (Григорьев, 2005. С. 100). Лапчатая литая подвеска имеет аналогии в древностях мери и муромы VIII–X вв. (Голубева, 1987. С. 79. Табл. XXIX: 22). К тому же кругу древностей, вероятнее всего, принадлежит литая подвеска из трех S-образных спиралей, расположенных треугольником (Макаров, Зайцева, 2007. С. 95. Рис. 3 :47).

Бусы представлены следующими типами: 14-гранная голубого прозрачного стекла, глазчатая синего глухого стекла с белыми невыступающими глазами, темно-синяя бусина с белой полосой, желтая шестичастная пронизка. Время их наибольшего распространения падает на VIII–IX в. (Деопик, 1961. С. 217, 218, 222, 226). Некоторые из этих типов бус являются ведущими на поселениях Торхово и Уткино (Григорьев, 2005. С. 104. Рис. 43).

Фрагмент литого щиткового перстня относится к типу 2 по типологии Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С.115. Рис. 61). Такие перстни были весьма популярны на раннем этапе существования славянских памятников (Григорьев, 2005. С. 98). Пока не найдены аналогии круглому в сечении перстню с расширяющимися концами, украшенными тремя параллельными ребрами. Обкладка

наконечника ремня с пуансонным орнаментом сходна с салтовской обкладкой с поселения Волынцево (Щеглова, 1987б. Рис.1: 1). Пряжка трапециевидная бесщитковая литая близка к типу 1 по С.А. Плетневой (1989. С. 77. Рис. 36).

Таким образом, поселение Курово 6 на основании полученных материалов можно датировать IX в. и отнести к раннему этапу роменской культуры. Расположение памятника всего в 14 км выше устья Судости позволяет связать его с первой волной продвижения роменского населения вверх по Десне и ее крупнейшему правому притоку Судости.

Дискуссионные вопросы хронологии раннего этапа роменской культуры, прежде всего датировки волынцевских древностей и их места в собственно роменской культуре, остаются за рамками данной работы. Следует отметить, что именно ранний этап становления роменской культуры на Брянщине изучен недостаточно хорошо, что придает материалам из раскопок селища Курово-6 особую ценность.

- Голубева Л.А., 1987. Меря. Муромы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М.
- Григорьев А.В., 1988. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев.
- Григорьев А.В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.
- Григорьев А.В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула.
- Деопик В.Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3.
- Енуков В.В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.
- Енукова О.Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск.
- Заверняев Ф.М., 1960. Селища бассейна р. Судости // СА. № 3.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 2007. Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России // РА. № 1.
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.
- Повесть временных лет., 2007. 3-е изд. СПб.
- Прошкин О.Л., 2006. Северный рубеж роменской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.
- Сухобоков О.В., 1975. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев.
- Сухобоков О.В., 1992. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ.

Фатьков А., 2008. Жилые постройки поселения Курово-6 // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали VII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів.

Шинаков Е.А., 1998. Племена Брянщины в эпоху образования Древнерусского государства // Страницы прошлого Брянского края. Брянск.

Щеглова О.А., 1987а. Волынцевский горизонт поселения

Вовки // КСИА. Вып. 190. М.

Щеглова О.А., 1987б. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Щеглова О.А., 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

Памятники эпохи средневековья чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае: предварительные итоги исследования и интерпретация*

В эпоху раннего и развитого средневековья территория Алтая входила в орбиту влияния различных этносоциальных образований кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. В настоящее время учеными выработаны определенные культурно-исторические концепции развития средневековых народов указанных регионов (Савинов, Кляшторный, 2005; Тишкин, 2007; и др.). В тоже время, многие моменты, связанные с развитием кочевых обществ в отдельных районах, в том числе в Северо-Западном Алтае, остаются слабо исследованными. Северо-Западный Алтай представляет собой особый историко-культурный регион со специфичной физико-географической средой обитания, состоящий из горно-степных и лесостепных ландшафтов, а также различных водных артерий (р. Чарыш, Иня и др.), соединяющих ее с другими районами Алтая и сопредельными территориями. В этой связи исследователи часто в пределах одного археологического микрорайона фиксируют памятники разных культур, которые отражают интенсивный процесс культурогенеза и взаимодействия населения Алтая с племенами сопредельных территорий Восточного Казахстана, Северо-Западной Монголии, Восточного Туркестана, Тувы и Минусинской котловины. Подобная ситуация была зафиксирована при исследовании объектов средневековья на Чинетинском комплексе памятников (Краснощековский район Алтайского края).

Памятники Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в радиусе до 3 км в окрестностях с. Чинета, исследуются Краснощековской экспедицией Алаятского госуниверситета под

руководством автора с 2001 г. За этот период выявлено свыше 150 объектов. При этом уже раскопано 31 сооружение на могильниках Ханкаринский дол и Чинета-II. Предварительные итоги изучения памятников различных периодов уже частично опубликованы (Дашковский, 2004; Дашковский, Кунгуров, 2005; Дашковский, Тишкин, 2006; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.), поэтому остановимся на результатах исследования 17 сооружений погребально-поминального характера эпохи средневековья.

Наибольшее количество объектов (№ 1–15) исследовано на некрополе Чинета-II, расположенного на второй надпойменной террасе Ини в 1 км к ЮЮВ от одноименного с. Чинета. Изучение планиграфии могильника затруднено из-за сильной задернованности местности. В тоже время, можно четко выделить цепочку из 14 объектов (№ 3–13, 15, 24) в западной части могильника и микрогруппу из 8 – в восточной. Известны отдельные курганы и в северной части некрополя. На памятнике раскопано 5 погребений сrostкинской культуры, 5 – кыргызской, тюркская оградка и 6 объектов, вероятно, ритуального характера (Тишкин, Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; и др.).

Курганы сrostкинской культуры зафиксированы в центральной части западной группы объектов. При этом объекты № 7–9 вплотную примыкали и перекрывали друг друга, а курган №6 находился в 0,5 м севернее. Кроме того, один курган (№ 14) сrostкинской культуры исследован на могильнике Ханкаринский дол, расположенного в 0,2 км к западу от некрополя Чинета-II (Дашковский, Тишкин, Тур, 2007). Диаметр насыпей курганов, сложенных

из камней в 1-4 слоя, составлял от 3,25 м до 10,5 м, а высота достигала 0,8 м. По периметру двух наиболее крупных курганов (к. 1, м. Чинета-II, к. 14, м. Ханкаринский дол) зафиксированы крупные камни, которые образовывали подобие кольцевой выкладки. Длина могильной ямы от 1,35 м до 3,5 м, ширина – от 1 м до 2,13 м, глубина – от 0,6 м до 1,18 м. В трех случаях в курганах выявлены одиночные ингумации детей и женщины (к. 6, 8, м. Чинета-II, к. 14 м. Ханкаринский дол), один раз – парное захоронение женщины и новорожденного ребенка. В одном кургане (к. 8, м. Чинета-II) было зафиксировано погребение ребенка с сопроводительным захоронением лошади, которое разделялось в могиле деревянной перегородкой. В кургане №1 м. Чинета признаков погребения человека не обнаружено, а только сопроводительный инвентарь, что позволяет рассматривать данный объект как кенотаф. Могильные ямы были ориентированы преимущественно длинной осью по линии ЮЗ-СВ (к.1, 7–9, м. Чинета-II). По одному разу могилы были ориентированы по линии З-В (к. 6, м. Чинета-II) и С-Ю (к. 14, м. Ханкаринский дол). В четырех курганах 5 умерших были уложены в вытянутом положении на спине (к.7–9, м. Чинета-II, к.14 м. Ханкаринский дол), но ориентированы в разных направлениях по отношению к сторонам горизонта (ЮЗ, В, СВ). В тоже время прослеживается тяготение ориентации к восточной стороне горизонта. В качестве предметов сопроводительного инвентаря обнаружены железные наконечники стрел, нож, костяная накладка лука керамические сосуды, остатки колчана и древок стрел, бронзовые колокольчики, подвеска-личина, бляха, ажурная подвеска, серьги, заколка, элементы уздечного (удила, пряжка, распределитель и наконечники ремней, бляхи-накладки) и поясного (портупейная пряжка, бляхи-накладки, наконечники ремней, тренчики) наборов.

Вторая группа курганов могильника Чинета-II представлена объектами 10–13, в которых зафиксированы погребения по обряду кремация. Еще одно захоронение по аналогичному обряду, но уже впускного характера, выявлено в кургане 1. Курганы 10–13 располагались в южной части западной микрогруппы, в 4,5 м к югу от кургана 9, фактически образовывая одну цепочку объектов. Диаметр каменных насыпей, сложенных в 2-4 слоя, составлял от 4,25 м до 8,5 м, а высота – 0,4–0,7 м. В трех случаях (к. 10–12) кальцинированные останки человека были помещены на уровень древнего горизонта, а один раз (к.13) – в небольшое углубление. В погребениях обнаружено большое количество разнотипных железных наконечников стрел, кинжал, навершие, тесло, кольцо, а также бронзовые предметы поясно-

го набора (портупейные пряжки, основная пряжка, наконечники ремня, бляхи). Отмеченные особенности погребального обряда и инвентаря, зафиксированные при исследовании курганов на могильниках Чинета-II и Ханкаринский дол, по основным позициям соответствуют аналогичным показателям памятникам сrostкинской культуры лесостепного Алтая (Неверов, 1988; Неверов, Горбунов, 1996; Савинов, 1996; Кондрашов, 2004. С.12-16).

Кроме указанных погребальных памятников, в пределах рассматриваемого микрорайона, исследованы и объекты ритуального характера. Так, в западной части могильника Чинета-II раскопана поминальная оградка тюркской культуры. Она представляла собой подквадратное сооружение, сложенное в один слой из камней, преимущественно плоской формы. Северная и южная стороны оградки имели длину 2,9 м, а западная и восточная – 2,8 м. По периметру оградки обнаружены более крупные плоские камни, маркирующие форму и границы сооружения, высота которого достигала 0,4 м. Под каменной насыпью обнаружены зубы лошади. Рядом с восточной стороной оградки находился крупный камень, возможно, выполнявший функцию изваяния.

Кроме того, в 0,5 м к северу от курганов сrostкинской культуры (№ 6–9) зафиксированы каменные сооружения (№ 3–5), под насыпью которых могильных ям не обнаружено. В одном случае (к. 3) на уровне древнего горизонта выявлены фрагменты лучевых (?) костей человека. Еще один объект (к. 14) без погребения человека находился в восточной части некрополя. Диаметр указанных сооружений, сложенных из камней в 1-4 слоя, составлял от 2,25 м до 11 м, а высота достигала 0,6 м.

Курганы 1 (основное погребение), 6–9 могильника Чинета-II и курган 14 некрополя Ханкаринский дол могут быть датированы второй пол. IX в. н.э. и отнесены к грязновскому этапу сrostкинской культуры (Тишкин, Дашковский, 2002; Тишкин, Горбунов, Дашковский, 2004, с.413). Курганы 1 (впускное захоронение), 10–13 оставлены носителями кыргызской культуре. При этом курганы 10–13 можно отнести к яконурскому этапу и датировать третьей четв. IX в. Более поздним временем, IX в. (ак-ташский этап), датируется впускное кыргызское захоронение в курган 1. Учитывая планиграфическое расположение и конструктивные особенности курганов 3–5, 14 могильника Чинета-II, их можно предварительно отнести к эпохе средневековья. При этом объекты 4, 5, 14, вероятно, следует рассматривать как поминальные кенотафы, достаточно широко распространенные у кочевых народов (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 266–270). Еще одним видом

ритуальных объектов является поминальная оградка тюркской культуры. Такой тип памятников известен фактически в течение всего периода существования культуры (VI–XI вв.) (Кубарев, 1984), однако более определенно датировать оградку с могильника Чинета-II затруднительно из-за отсутствия сопроводительных предметов. В горных районах Северо-Западного Алтая памятников тюркской культуры известно немного и датируются они преимущественно VIII – первой пол. IX в. н.э. (Шульга, Горбунов, 2002. С.129). Основная масса погребально-поминальных объектов тюркской культуры сосредоточена в Центральном и Юго-Восточном Алтае (Кубарев, 2005; и др.). Вероятно, периодом VI–VIII вв. н.э. можно датировать и тюркскую оградку с могильника Чинета-II, поскольку с сер. IX в. н.э. в этом районе фиксируется представительная группа памятников сrostкинской культуры. При этом, в указанной группе уже прослеживается влияние тюркской культуры, в частности в таком элементе как сопроводительное захоронение лошади. Этот признак, известный на протяжении всего существования сrostкинской культуры, появляется в результате миграции части тюркских племен из Монголии после разгрома Второго Восточнотюркского каганата в 744 г. и подчинения местного самодийского населения (Неверов, Горбунов, 2001. С. 177–178). В результате формирования новой этносоциальной общности к сер. IX в. территория Предалтайской равнины была полностью охвачена сrostкинским населением. При этом пришлый, тюркский компонент, в этой общности играл явно доминирующую роль, что прослеживается в материалах погребальной обрядности. Вероятно, в данном случае, можно говорить о формировании «двойной элиты» в этносоциальном объединении «сrostкинцев» (Кондрашов, 2004. С. 22), что являлось характерной чертой многих раннегосударственных образований кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (Савинов, 2005; Тишкин, 2005; Дашковский, 2007а; и др.).

Во второй пол. IX в. после разгрома в 840 г. Уйгурского каганата и военной экспансии енисейских кыргызов в Центральную Азию, памятники последних появляются и на Алтае (Кляшторный, Савинов, 2005; Худяков, 1990; и др.). В этой связи интересная ситуация зафиксирована при изучении планиграфии могильника Чинета-II. В частности, отмечено расположение кыргызских курганов в центральной части памятника рядом с почти синхронными им сrostкинскими объектами. Сохранение определенной обособленности цепочек курганов разных культур свидетельствует об отсутствии в этот период ассимиляционных процессов (Горбунов, Дашков-

ский, Тишкин, 2005. С. 146). Аналогичная ситуация отмечена в других районах Алтая. Так, при рассмотрении курганных групп Гилево-I–IV выявлены в пределах одного поля одновременные захоронения сrostкинской и кыргызской культур (Могильников, 2002. Рис. 1). На памятнике Кара-Кобы-I, расположенного в Центральном Алтае, также отмечены курганы кыргызской и тюркской культур (Могильников, 1989. С.139; 1990). Эти данные еще раз подтверждают достаточно стабильные отношения с местным населением в первый период пребывания кыргызов. В противном случае по религиозным и идеологическим причинам кыргызы вряд ли стали бы хоронить своих умерших людей на общих могильниках. Кроме того, несмотря на то, что присоединение Алтая к Кыргызскому каганату носило номинальный характер и произошло мирным путем (Кубарев, 2005. С.144), тем не менее, по отношению к «сrostкинцам», как и к тюркам, кыргызы в это время выступали как этнос-элита (Дашковский, 2007). Взаимоотношения между этносом-элитой и другими племенами, входящим в кыргызский каганат, были различны: подарки, «подати», военная поддержка и др. (Савинов Д.Г., 2005. С. 36–37). Особенности межэтнической иерархии прослеживаются в рунических надписях и в материалах погребального обряда различных племен, входящих в кыргызское государство (Баскаков, 1966; Дашковский, 2007; и др.). Местные кочевые племена Алтая сохранили свое экономическое положение, войско, что подтверждается находками предметов вооружения в тюркских погребениях (Худяков, 1990. С. 192; Горбунов, 2006. С. 90–92; и др.) и памятниках сrostкинской культуры лесостепной зоны (Горбунов, 2004. С. 93–94; 2006. С. 96–97; и др.). В тоже время, например, памятники «кыштымов» в Минусинской котловине демонстрируют более зависимое их положение по отношению к кыргызам (Худяков, 1983).

Во второй, ак-ташский (вторая пол. X – XI в.) период пребывания кыргызов на Алтае характер взаимоотношений с местным населением несколько меняется. Так, зафиксированный на могильнике Чинета-II случай разрушения кенотафа сrostкинской культуры более поздним кыргызским погребением мог быть обусловлен как враждебными отношениями, так и утратой информации о принадлежности погребального объекта вследствие непостоянного пребывания в данном регионе кыргызов в XI в. (Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005). В других районах Алтая количество памятников второго этапа также уступает числу объектов предшествующего периода. Это, вероятно, обусловлено ослаблением и так незначительного влияния кыргызов в данном

регионе, а также в целом в Южной Сибири и Центральной Азии. Уже с конца X в. наблюдается процесс возвращения значительного числа кыргызов в бассейн Среднего Енисея. Еще раньше, в начале X в. каган перенес свою ставку сначала из Южной Тувы в Центральную, а затем и в Минусинскую котловину. Судя по имеющимся данным, такие перемещения обусловлены не только экономическими и внутривосточными проблемами, но и давлением со стороны киданей, а, возможно, кунов, каев и найманов (Грач, Савинов, Длужневская, 1998. С. 67).

Таким образом, проведенное изучение погребально-поминальных сооружений на Чинетинском археологическом комплексе памятников, позволило восстановить процессы этнокультурного

развития в Северо-Западном Алтае в эпоху средневековья. Полученные результаты отражают различные формы взаимодействия народов в контексте военно-политических событий в Южной Сибири и Центральной Азии.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/Г, «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии» РФФИ (проект №07-06-00173а, «Разработка фитоиндикационного метода исследования археологических памятников юга Западно-Сибирской равнины и Алтая»).

М.В. Добровольская

Институт археологии РАН

А.С. Сыроватко

Муниципальное учреждение "Коломенский археологический центр"

К методике изучения кремированных материалов из погребально-поминальных памятников середины – второй половины I тыс. н.э. в центральных и северных районах Европейской России

Для центральных и северных районов Европейской России середина – вторая половина I тысячелетия н.э. – время господства погребально-поминальной обрядности, связанной с традицией кремировать останки усопших. Широкое распространение обрядов кремации в Европе в целом восходит еще ко второй половине бронзового века, и получает дальнейшее и максимальное распространение в раннем железном веке. Так, на территории Дании и Норвегии процент погребений с кремациями эпохи бронзы составляет порядка 16% (Per Holck, 1996. P. 39). В эпоху раннего железного века (вплоть до великого переселения народов) доля погребений с кремациями увеличивается до 97% – 100%. В эпоху Мерovingов и время викингов эта доля сокращается до 10–13%. Последнее обстоятельство, в значительной мере, связано с распространением христианства, что зафиксировано в исторических источниках. Так, в 785 году, в год победы над язычниками-саксами, под угрозой смертной казни, Карл Великий запрещает погребальное сожжение на

костре. Смена традиции трупосожжения традицией трупоположения на территории упомянутой части Европейской России также, в основном, связывается с распространением христианства.

Исследования последних десятилетий способствовали значительному развитию наших представлений о локализации материалов кремации в пространстве памятника. Полученные сведения позволяют судить о том. Что были использованы все комбинаторные варианты соотношений пространственно-вещевого комплекса

Вкратце упомянем эти варианты

I. Курганный погребально-поминальный комплекс. Размещение ямках и на поверхности материка и насыпи и на поверхности, в урнах, деревянных конструкциях в насыпи и на поверхности кургана и без них, помещенные в надземные деревянные конструкции

II. Грунтовый погребально-поминальный комплекс: в ямках и ямах, в урнах и безурновые, рассыпанные по поверхности, помещенные в надземные деревянные конструкции. Размещение материалов

кремации на поверхности в деревянных конструкциях, размещение материалов кремации под дерном, в ямках различной размерности и глубины, в урнах и без них.

Значительная полиморфность локализации кремированных останков, вероятно, может рассматриваться как семантическое богатство погребально-поминальных действий.

На наш взгляд, при такой сложности материала необходимо развить методические подходы к изучению кремированных останков. Отметим, привлечение специалистов различных естественных наук для изучения кремированных останков было плодотворным, давало интересные и важные результаты.

Так, при описании верхневолжских полусферических и длинных (прямоугольных) курганов Верхнего Поволжья (Малым, Фехнер, 1969. С. 159) были привлечены зоолог сотрудник Зоологического музея МГУ Е.Г. Андреева (Андреева, 1969. С. 189) и один из ведущих судебно-медицинских экспертов Ю.М. Гладышев (Гладышев, 1969. С. 193). Исследование остеологических материалов позволило выявить специфику использования животных в культово-поминальных операциях. Наиболее часто встречающимся животным в курганах окрестностей Верхнего Волочка оказалась лошадь – ее останки встречаются в подавляющем большинстве курганов (73%). Также были обнаружены многочисленные свидетельства присутствия избирательных частей скелета медведя (27% курганов). Это только ногтевые фаланги и зубы животного. Культовая роль этих объектов очевидна. В аналогичных курганах Ярославской области набор кремированной фауны был принципиально иной.

Ю.М. Гладышевым была проведена работа с мелкими неопределимыми фрагментами кремации. Из 43 фрагментов человеческими оказались 33, остальные были фрагментами скелетов животных. Были выявлены кости детей и подростков. Удалось, например, доказать, что кости, обнаруженные в кургане № 2 в урочище Млевский Бор, локализованные в кострище и в яме принадлежат одному индивиду – ребенку в возрасте 5–10 лет.

При исследовании длинных курганов некрополя Подол-1 Тверской области (Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В., 1998. С. 407) был определен половозрастной состав погребенных. Также выявлена уникальная ситуация: часть костей одного и того же индивида находятся в одном захоронении в урне и в ямке, причем та часть кремации, что помещена в ямку, смешана с кремированными останками другого индивида. Таким образом, описана ситуация

вторичного смешивания костей (не на погребальном костре, а уже при захоронении).

Работа в течение ряда лет антрополога А.П. Бужиловой в составе Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН на некрополе Монино-II (по радиоуглеродному анализу VIII–X вв., по датировке вещей X–XI вв.) позволила определить половозрастной состав людей на данном некрополе, установить наличие одиночных парных и коллективных (три индивида: мужчина, женщина и ребенок), установить присутствие кремированных костей животных в как минимум в трети погребений (Макаров, Зайцева, 2007. С. 92).

Работа над материалами позднейяковского некрополя на территории Ратьковского городища позволили воссоздать общую численность индивидов (около 25 индивидов) (Вишневецкий и др., 2007. С. 103), погребенных на некрополе, возрастной и (отчасти) половой состав погребенных, также выявлено наличие, если так можно выразиться, коллективных погребений – то есть территорий, где присутствуют фрагменты нескольких индивидов.

При исследовании двух курганов погребально-поминального памятника Щурово (раскопки А.С. Сыроватко) были изучены кремированные останки. Отметим, что в подавляющем большинстве случаев находки кремированных костей были сделаны во рвах, канавке или в непосредственной близости от них. Как правило, останки рассеяны по 5–7 квадратам, их масса с площади одного квадрата составляет от 1 грамма до 10. Глубина залегания кремированных остатков варьирует значительно: от уровня дерна до основания рвов курганов.

Скопления кремированных костей с территории кургана 2 относятся минимум к трем индивидам. Останки взрослого человека в возрасте 30–39 лет общей массой 35 грамм обнаружены с запада в канавке и в непосредственной близости от нее. В непосредственной близости от этого скопления и перемешавшись с ним расположены остатки кремированных костей млекопитающего (около 100 грамм).

В центральной части кургана на площади трех квадратов обнаружены останки взрослого индивида в возрасте 40–49 лет (фрагменты свода черепа общей массой около 13 грамм). В канавке кургана, в юго-западной части локализовано небольшое скопление кремированных костей взрослого человека (21 грамм) (вероятно, тот же индивид).

С северной стороны во рве кургана обнаружены останки ребенка в возрасте около 5–10 лет. Масса скопления 54 грамма, возраст индивида был определен по фрагменту плечевой кости.

В северной части рва кургана 3 были обнаруже-

ны самые крупные скопления кремированных останков. Общая масса костей превышает 130 грамм. Возможно, что эти два скопления относятся к одному индивиду. Один из кремированных фрагментов из ямы 20 содержит участок плечевой кости с недавно приросшим верхним эпифизом. На основании этого можно заключить, что останки принадлежат человеку в возрасте около 20 лет. Кремированные фрагменты со следами значительных термических деформаций, какие случаются при сжигании кости свежей костной ткани в высокотемпературных условиях. В непосредственной близости от этого скопления и частично перемешано с ним скопление кремированных костей мелкого млекопитающего (общая масса около 120 грамм) с не приросшими эпифизами, что указывает молодой возраст животного.

Важно отметить, что, сжигание тел животных и человека происходило на стороне. Останки животного помещались в полном объеме, останки же человека лишь частично. Прах сожжения на стороне располагался на поверхности кургана. По мере разрушения насыпи и деревянных конструкций, костные фрагменты оказывались во рвах кургана.

Таким образом, уже упомянутые примеры свидетельствуют о том, что материалы кремации, локализованные в одной части погребального комплекса могут быть составлены различными видами и индивидами и напротив, скопления кремированных костей, находящиеся в разных частях кургана, могут принадлежать одному индивиду.

Идея о том, что процедура погребально-поминальных действий была длительной, занимала, возможно, годы высказывалась исследователями неоднократно. В связи с этим, хотелось бы напомнить, что при раскопках дьяковских слоев городища Настасьино (раскопки А.В. Энговатовой), компактные скопления кремированных костей были обнаружены в жилых постройках, что было возможно интерпретировать как традицию более длительного сохранения части кремации. Об этом же, косвенным образом, свидетельствуют и приведенные выше значения масс скоплений кремированных костей. Все они значительно меньше общей массы кремации.

Известную помощь в распознавании фрагментов костей могут оказать методы химического исследования костных фрагментов. Определение концентраций цинка и стронция позволили выявить среди фрагментов курганов Щурово травоядное животное и человека. Этот независимый метод оказывается особенно важным, когда морфологические особенности фрагментов не позволяют нам определить видовую принадлежность.

Сбор и исследование материалов кремации являются неотъемлемыми составляющими общего изучения погребально-поминальных памятников второй половины первого тысячелетия нашей эры. Организация систематического сбора материалов кремации с четкой документацией каждого фрагмента необходимое условие для начала широкомасштабных исследований материалов кремации. Следует отметить, что крупнейшие мировые научно-музейные центры, такие как, например, Британский музей, имеют в своем хранении многочисленные коллекции материалов кремации, что им позволяет подробно и основательно изучать этот сложный объект.

Андреева Е.Г., 1969. Кости животных из курганов в окрестностях Вышнего Волочка // Экспедиции Государственного исторического музея. М.

Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд. // РА, № 2.

Гладышев Ю.М., 1969. О некоторых особенностях морфологических исследований костных фрагментов – останков трупосожжений VIII–IX вв. // Экспедиции Государственного исторического музея. М.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 2007. Новые исследования средневековых могильников с кремациями на Севере Европейской России // РА, №1.

Малым В.А., М.В. Фехнер., 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I-ого тысячелетия н.э. // Экспедиции Государственного исторического музея. М.

Per Holck., 1996. Cremated bones. Oslo.

О.В. Дьякова

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

Древние и средневековые морские магистрали Японского моря и Татарского пролива

Картирование древних и средневековых укреплений побережья Японского моря и Татарского пролива позволяет реконструировать морскую магистраль длиной 600–650 км, пролегающую от бухты Зеркальной до устья Самарги.

Эпоха палеометалла. Всего на зеркальнинско-самаргинском участке побережья Японского моря и Татарского пролива обнаружено 15 древних укреплений – Усть-Зеркальное, Дубровинское, Ключи, Мыс Страшный, Усть-Белембе, Кемское-Скалистое, Утесное, Мыс Александра, Сопка Любви, Кудья, Дедушкин Ключ, Мыс Теплый (средний слой), Соенское городище (нижний слой), Живописное, Самарга-б. Все они расположены в устьях рек и возведены, за редким исключением, носителями куналейской группы лидовской культуры в конце I тыс. до н.э. Самым южным укреплением на указанном участке является Усть-Зеркальное, построенное в устье р. Зеркальной, впадающей в одноименную бухту. Приблизительно в 150 км к северу от нее в устье р. Лидовки возведена следующая крепость – Дубровинская. В 80–90 км от нее в устье р. Джигитовки построена крепость Ключи, нижний слой которой относится к эпохе палеометалла. Крепость контролировала вход в бухту Джигит. В 55–60 км к северу от крепости Ключи в устье р. Серебрянки находится городище Мыс Страшный, обращенное в сторону одноименной бухты. Далее в 30–40 км к северу над устьем р. Таежной возвышается укрепление Усть-Белембе. На довольно коротком расстоянии от него в 20–30 км в устье р. Кемы располагается городище Кемское-Скалистое. Следующие укрепления – Утесное и Мыс Александра возведены в 20–25 км в устьях рек Первой Утесной и Пещерной. Укрепления Сопка Любви (нижний слой), Кудья, Дедушкин Ключ связаны с устьем р. Амгу и отстоят на 70–80 км к северу. Укрепление Мыс Теплый (средний слой), отстоит в 3 км к северу от Амгу и возвышается над небольшой удобной бухточкой. Укрепление Соенское (нижний слой) возведено в устье р. Живописной в 10–15 км севернее амгинских укреплений и прямо выходит на бухту. Укрепление Живописное несколько удалено от морской береговой линии, но с него прекрасно просматриваются все подходы к устью

реки сухопутных дорог. Замыкает морскую линию пути городище Самарга-б, расположенное в 6–7 км выше самаргинского устья, впадающего в Татарский пролив и удаленное от амгинских крепостей на 150–200 км. Несмотря на некоторую удаленность от моря, укрепление позволяло прекрасно контролировать как вход в устье Самарги со стороны Татарского пролива, так и наблюдать за сухопутными дорогами. Не исключено, что со временем между Живописной и Самаргой будут обнаружены новые укрепления. В настоящее время этот участок почти не исследован. Все древние укрепления, за редким исключением, представлены мысовым типом и ориентированы на контроль за морским побережьем и охрану входа в устья рек. Укрепления, как правило, сопровождалась однокультурными поселениями, на что обратили внимание еще дореволюционные исследователи. Вблизи укрепления Усть-Зеркальное находилось поселение Зеркальное-4, укрепление Дубровинское защищало поселение Лидовка-1, крепость Ключи прикрывала многочисленные лидовские поселения в низовьях р. Джигитовки, за городищем Мыс Страшный располагались поселения долины Серебрянки, между амгинскими крепостями было несколько лидовских поселений, укрепление Самарга-б прикрывало поселение Самарга-5.

Укрепления, вероятно, выполняли несколько функций. Главной задачей укреплений, естественно, была охранно-сторожевая – надзор за береговой линией и контроль над приходящими морскими судами. Археологический материал свидетельствует, что морской линией пользовались преимущественно носители Янковской культуры, обитавшие в южных районах Приморья и, в отличие от континентальных лидовцев, явно бывшие хорошими мореходами. Территорию восточного побережья Центрального Сихотэ-Алиня, где обитали носители лидовской культуры, янковцы не покорили, но материальные следы этнокультурных контактов между ними в виде куналейской группы памятников сохранились и относятся к концу I тыс. до н.э. – рубежу эр.

Таким образом, в эпоху палеометалла в I тыс. до н.э. вдоль береговой линии Японского моря и Татарского пролива от бухты Зеркальной до устья Са-

марги проходила морская линия и во всех удобных для судоходства бухтах функционировали порты и пристани, располагавшиеся в долинах. Охраняли территорию и контролировали входы в устья рек крепости, возведенные на сопках.

Эпоха средневековья. Вряд ли средневековые морские пути сообщения Центрального Сихотэ-Алиня значительно отличались от морских магистралей эпохи палеометалла. Их определяли все те же геофизические условия территории, в первую очередь, наличие удобных бухт и, естественно, потребность проживавшего здесь населения, ближних и дальних соседей в морской магистрали для совершения дипломатических, торгово-экономических и военных операций. Тунгусо-маньчжурское государство Бохай вело активную морскую жизнь, имело флот и даже само строило корабли. Далеко не всегда морские пути бохайцы использовали в мирных целях. Например, в 732 г. правитель Бохая Уи напал на крупнейший порт танского Китая Дэнчжоу, расположенного на полуострове Шаньдун и разгромил его. Бохайские суда, оснащенные парусами и веслами, регулярно посещали Японию (Воробьев, 1994. С. 118, 119, 122). По мнению Э.В. Шавкунова, «дорога в Японию» начиналась в Южном Приморье России, где вблизи современного пос. Краскино в бухте Экспедиция находился бохайский морской порт и центр префектуры Янь (Государство Бохай..., 1994. С. 166).

Вопрос о существовании морского пути в восточной и северной частях Японского моря никогда не возникал. Расположение средневековых городищ в устьях рек, впадающих в бухты Японского моря, предполагают действующий морской путь вдоль восточного и северного побережья Японского моря и Татарского пролива. Несмотря на то, что долина Зеркальной была заполнена бохайскими и постбохайскими городищами (Богополь, Горнореченское 1, 2, 3) и поселениями (Синегорье 1, 2, Устиновские поля и др.), в устье самой реки крепости, охраняющей вход в бухту, не было. Активная морская жизнь прослеживается севернее, в бухте Рудной, которую охраняла Васьковская крепость. Портом же служило, вероятно, долинное Пристанское городище, расположенное в устье реки вблизи морского побережья. Следующим пунктом морского пути являлось устье Джигитовки, вход в которое охраняла крепость Ключи (верхний слой). В 2 км от моря в долине реки находилось бохайское городище Красное Озеро. К нему и к бухте Джигит с горного сихотэ-алиньского перевала Поднебесный подходила сухопутная дорога. Вполне вероятно, что городище Красное Озеро выполняло функцию порта. Судя по заболоченной

местности вокруг городища, в средние века море глубже врезалось в территорию и подходило близко к городищу. Следующими пунктами, маркирующие средневековую морскую магистраль, являются городища Малая Кема, Кемское – Морское, Кемское – Долинное. Они возведены в устьях рек Малая Кема и Кема. Помимо охранной функции, эти городища, вероятно, использовались как пристани. По крайней мере, в с. Малая Кема до сих пор вблизи городища активно работает пристань. К городищу Малая Кема могла подходить сухопутная дорога со стороны городища Усть-Ильмо, стоящем в устье Тальниковой (правый приток Кемы). Городище Малая Кема охраняло проходившую здесь прибрежную дорожную магистраль. Аналогичную роль играли, находившиеся несколько севернее, городища Кемское – Морское и Кемское – Долинное. Они контролировали бухту Штормовую и вход в устье Кемы, а так же сухопутную прибрежную магистраль, к которой спускалась дорога с восточных склонов Сихотэ-Алиня. Далее морской путь шел на север мимо укрепления Яшу, выполнявшего охранно-сторожевую функцию, в сторону устья Амгу. Последняя оказалась буквально нашпигована средневековыми крепостями. Самым ранним средневековым укреплением является Мыс Теплый, верхний слой которого и фортификации принадлежат мохэской культуре. Городище возведено на оконечности морского мыса и, с одной стороны, явно контролировало морской путь, с другой стороны, непосредственно мимо него проходила прибрежная дорога, которая тоже подлежала контролю. Бохайские городища в долине Амгу неизвестны, зато чжурчжэни государства Восточное Ся возвели здесь целый укрепрайон. Первостепенную роль в котором играло городище Сопка Любви. Оно контролировало морскую магистраль, вход в устье Амгу и проходившую вдоль побережья сухопутную дорогу. Это был пограничный форпост. Поскольку из бассейна Амгу нет прохода на западные склоны Сихотэ-Алиня, то чжурчжэни могли проникнуть на эту территорию либо вдоль морского побережья с юга Приморья, либо с западной стороны Сихотэ-Алиня через перевал Поднебесный и бассейн Джигитовки и далее по прибрежной магистрали на север. Продвигаться им нужно было с лошадьми и они умели это делать, прорубая себе путь и мосты дороги. В бассейнах Серебрянки, Малой Кемы, Кемы чжурчжэньских памятников нет. Они все оказались сосредоточены в устье Амгу. Городища Малая Карыма и Караминский хребет, похоже, замыкали северную границу государства Восточное Ся. Они охраняли морскую магистраль и прибрежную дорогу. Возможно, последующие изыскания обнаружат

чжурчжэньские памятники и севернее Амгу, но в настоящее время в бассейнах Живописной, Кузнецова, Единки, Самарги они неизвестны. После Амгу морская магистраль шла до устья Живописной, вход в которую контролировался Соенским городищем. Замыкающим пунктом средневекового морского пути являлось Усть-Соболевское городище, возведенное мохэсцами.

Приведенные археологические факты свидетель-

ствуют, что средневековый морской путь достаточно активно действовал в восточной и северо-восточной части Японского моря и Татарского побережья.

Воробьев М.В., 1994. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия с древнейших времен до 9 в. включительно. // Владивосток.

Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. М., 1994.

Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Д.В. Васильев

Астраханский государственный университет, Астрахань

О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в дельте Волги. Исследования на городище проводятся комплексной археологической экспедицией ИЭА РАН и АГУ в рамках «Хазарского проекта», финансируемого Российским Еврейским Конгрессом. Руководителем исследований на городище являются к.и.н. Э.Д. Зиливинская и Д.В. Васильев. Мы уже выдвигали версию по поводу соотношения средних по глубине залегания слоёв Самосдельского городища с остатками города Саксина (Васильев и др., 2003. С. 117–119). В данной статье мы попытаемся обосновать возможность соотношения нижних слоёв городища с культурными отложениями города Итиля – предшественника Саксина.

Версии. Существует много точек зрения на проблему локализации Итиля. Версии о местоположении Итиля на Селитренном городище или в его окрестностях придерживались М.Н. Артамонов и Л.Н. Гумилёв (Артамонов, 2002. С. 388–402). Версия о местоположении Итиля на городище Хаджи-Тархан выдвинута членами Петровского общества исследователей Астраханского края ещё в XIX в. (Панахалиева, 2007. С. 126–131) Археологические данные, полученные в ходе раскопок и разведок, опровергают эти версии и говорят о наличии там лишь культурных слоёв золотоордынского периода и периода Астраханского ханства.

Не так давно возникла версия о локализации хазарской столицы под современным Волгоградом. Л.В. Гуренко и А.В. Ситников предполагают, что

города Итиль (Атиль) и Саксин располагались в южной части современного г. Волгограда (Гуренко, Ситников, 2001. С. 37–40).

Необходимо отметить недавнее исследование И.Г. Семёнова, который анализирует свидетельства средневековых авторов о местоположении Итиля и уверенно локализует его в дельте или в придельтовой зоне Волги (Семёнов, 2002. С. 179–190).

Р.М. Магомедов помещает Итиль на острове Чистая Банка в северной части Каспийского моря. Р.М. Магомедов провёл там разведки и обнаружил в северной части острова остатки валов цитадели. Остров был почти полностью затоплен, поэтому в отчёте Р.М. Магомедова имеются лишь фотоснимки многогранной “цитадели”, сделанные с вертолёта. Однако, у нас есть сведения, что это – валы вокруг животноводческой фермы, находившейся на острове и подвергавшейся периодическим подтоплениям из-за подъёма уровня моря.

Возможное соотношение нижних слоёв Самосдельского городища с Итилем имеет несколько оснований:

1. Планиграфия. Описания города Итиля, составленные арабскими историками и самим царём Иосифом, различны и порой не совпадают. Есть источники, которые говорят, что город располагается на двух берегах реки. В западной части города живёт царь, его войско и приближённые. В восточной части Итиля живут купцы и мусульмане и находятся товары. Согласно другим источникам, город распо-

лагался на острове, где находился кирпичный замок царя. Другая часть города располагалась на берегу реки, остров и берег были соединены плавучими мостами.

Топоплан городища показывает, что центральная его часть располагается на невысокой (до 3 м высотой) возвышенности, которая представляет собой древний остров, окружённый со всех сторон пересохшими ныне протоками. Восточнее острова располагается ещё одна часть городища. Она вытянута вдоль современного русла на 1 км. Мощность культурного слоя здесь небольшая – от 1 м до 0,2 м. Третья часть городища расположена на левом берегу реки Старая Волга, на бугре.

2. Крепость. В 2005 г. были получены аэрофото- снимки центральной части городища, на которых вырисовывается контур разобранных стен треугольной кирпичной цитадели. Раскопки ведутся в центре крепости. Стены представляют собой широкие (до 30 м) и невысокие (около 1 м в высоту) валы. Северная периферия острова выглядит как возвышенность с крутыми склонами и содержит культурный слой мощностью до 3,0 м, в то время как в южной и восточной частях острова он не превышает 1 м. Это естественно – внутри крепости культурный слой накапливался активнее. Кроме того, в данной части городища встречается огромное количество обожжённого кирпича на поверхности, в то время как его количество в других частях памятника весьма скромно. Мы фиксируем массовое строительство из кирпича разных форматов и вторичного использования лишь в эпоху расцвета города Саксина (XI–XII вв.), когда стены были разобраны и пущены на строительство жилищ. В нижних слоях зафиксированы отпечатки стен, сложенных комбинированной кладкой из известняка, кирпича и речной гальки на известковом растворе.

Наличие на городище крепости, выстроенной из кирпича, поднимает статус города и связывает его с царской властью, поскольку кирпичное строительство в каганате являлось царской монополией (ал-Истахри, Ибн Хаукаль, 2006. С. 747).

3. Жилища. В нижних слоях городища были обнаружены юртообразные жилища, которые являются неотъемлемым атрибутом любого известного на данный момент укрепленного поселения хазарского времени. В.С. Флёров указывает на то, что юрта является прототипом стационарного юртообразного жилища. Он также трактует юртообразное жилище как признак оседания на землю кочевников (а именно – болгар) в рамках культуры Хазарского каганата (Флёров, 1996. С. 59–60).

Юртообразные жилища на Самосдельском го-

родище заглублены в землю, стены их выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Жилища представлены тремя типами – круглое в плане однокамерное жилище, небольшое однокамерное круглое жилище с тамбуром и двухкамерное жилище, состоящее из круглого помещения и пристроенного к нему прямоугольного помещения. Находки из этих жилищ выдают зажиточность их обитателей (Васильев, Ермилов, 2007. С. 120–131).

4. Керамика. Керамический комплекс из нижних слоёв городища представлен двумя большими массивами. Первую группу представляют лепные сосуды. Основу кухонной посуды составляют котлы. На раннем этапе (до X в.) доминируют котлы приплюснуто-шаровидной формы с витыми двухленточными ручками, которые находят широкие аналогии в тюркских памятниках Семиречья, среднего течения Сырдарьи, где они встречаются не позже IX в. К раннему же периоду относятся грубые красноглиняные и черноглиняные лепные горшки общетюркского типа. Посуда кострового неровного обжига. На втором этапе появляется и начинает доминировать посуда “огузского” облика, характерная для нижних слоёв Саркела. Мы связываем появление этой посуды с появлением огузов в составе населения городища. Возможно, они являлись наёмниками хазарского царя – ларисиям или ал-арсия, которые упоминаются в письменных источниках.

Гончарная красноглиняная посуда представляет собой кувшины с узким и высоким горлом, широкогорлые кувшины – водолеи, чаши, миски, блюда, горшки, котлы и кружки. На наш взгляд, аналогии или генетические связи этого комплекса необходимо искать в посуде Суvara и Северного Кавказа раннехазарского периода.

Интересно отметить почти полное отсутствие классических “салтовских” сосудов. Они обнаружены в количестве всего 4 экземпляров. Их можно отнести к категории импортных сосудов из другого региона Хазарии.

5. Радиоуглеродные даты. Для различных слоев раскопа, площадь которого составляет 430 кв.м при глубине 2,4–2,8 м, получена серия радиоуглеродных дат. Анализы проводились в Институте географии РАН. Даты калиброванные. Наибольший интерес для данной темы представляют три образца, взятые из нижних слоев. Образец №1, представляющий собой насыщенный углем культурный слой, датирован периодом не позднее конца IX в. Образцы №2 и 3, состоявшие из древесного угля и взятые из сплошного слоя пожара, датируются периодом от середины VIII в. до второй половины IX в. Следует отметить, что все эти образцы взяты с глубины около 2 м от

поверхности, то есть даже не из предматерикового слоя. Отбор образцов для радиоуглеродного анализа будет продолжен, однако мы уже сейчас можем утверждать определённо, что жизнь на Самосдельском городище началась в интервале с середины VIII в. до второй половины IX в.

Итак, мы можем сделать предположение, что Самосдельское городище, находящееся в дельте Волги, центральная часть которого расположена на острове, а две периферийные – по берегам реки, наиболее ранние культурные слои которого датируются VIII–IX вв. и содержат остатки юртообразных жилищ, в материалах которого встречается специфическая тюркская керамика и на котором прослеживаются остатки кирпичных стен цитадели, может быть отождествлено с остатками столицы Хазарии – города Итиля (Атиля).

- Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, 2006. *Китаб ал-масалик ва-мамалик (Книга путей и государств)* // История Татар с древнейших времён в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань.
- Артамонов М.И., 2002. *История хазар*. Издание второе. СПб.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003.

Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // *Степи Европы в эпоху средневековья*, т. 3. Донецк.

- Васильев Д.В., Ермилов С.В., 2007. Эксперимент по натурной реконструкции раннесредневекового юртообразного жилища на Самосдельском городище // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. Научный журнал. Шестой выпуск. № 1, Уральск.
- Гуренко Л.В., Ситников А.В., 2001. К вопросу о локализации средневековых городов Атиля и Саксина. // *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.
- Панахалиева Д.У., 2007. Некоторые архивные данные о городище Хаджи-Тархан // *Перекрёстки истории*. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции 11 апреля 2007 г. Астрахань.
- Семёнов И.Г., 2002. К вопросу об исторической географии Хазарии. // *Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике*. Часть 1. М.
- Флёров В.С., 1996. *Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы*. М.

Е.П. Казаков

Институт истории им. Ш.Марджани АН Республики Татарстан, Казань

Комплексы тюркоязычных кочевников в древностях Волжской Болгарии

Волжская Болгария – первое в Среднем Поволжье государственное образование – в определенной мере является феноменом по многим компонентам своей истории. До настоящего времени дискуссионными являются вопросы формирования волжских болгар по хронологии, участвующим этнокультурным компонентам и др. В X в. Волжская Болгария, являясь самой северной мусульманской страной, за удивительно короткий срок в экономике и культуре достигла уровня развития передовых цивилизаций данного времени. Этим объясняется высокая степень воздействия волжских болгар на экономику и культуру соседних народов. В период своего расцвета страна болгар была ареалообразующим центром в культуре, экономике, торговле на обширных пространствах северо-восточной Европы – в море языческих финно-угорских и тюркских народов.

Историю Волжской Болгарии традиционно делят на раннеболгарский, домонгольский и золотоордынский периоды. И если два последних благодаря работам А.П. Смирнова, Т.А.Хлебниковой и других были неплохо изучены, в том числе монографически (Смирнов, 1951), то исследования первого на конкретном материале началось только после открытия и широкого изучения языческих могильников: Большетарханского, Тетюшского, Танкеевского, Большетиганского. Обширные комплексы их из 1800 захоронений IX–X вв., опубликованные В.Ф. Генингом, А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой, Е.П. Казаковым во многих статьях, а также в монографиях (Генинг, Халиков, 1964; Chalikova, Chalikov, 1976; Казаков, 1992), позволили характеризовать раннеболгарский период, в основном, как языческий, кочевнический, догосударственный. Формирование нового наро-

да – волжских болгар – в это время происходило на основе тесного взаимодействия болгаро-салтовских групп, переселившихся на Волгу и пришедших сюда из Приуралья, угорских племен.

По погребальному обряду, вещевому инвентарю волжские болгары языческого периода резко отличались от тюркоязычных кочевников евразийских степей. Однако контакты с ними существовали. Само появление на Волге массы угорского населения с лепной круглодонной посудой и специфическими культовыми вещами (погребальные маски, разнообразные обереги и т.д.), видимо, было вызвано конфронтацией мадьяр с печенегами. В результате этого в Приуралье исчезают целые культуры (кушнарковская, неволинская), а в Волжской Болгарии появляются их носители.

О воздействии на волжский болгар поздних тюркоязычных кочевников свидетельствует материал ряда погребений. Так, в захоронении 623 (рис. 1) Танкеевского могильника, в отличие от остальной массы могил, умерший был ориентирован головой не на запад, а на северо-восток, и яма была не узкой,

как остальные, а широкой с уступом-заплечиком вдоль северной стенки. Шкура лошади, от которой сохранились конечности и череп, не была сложена, как обычно, в ногах умершего, а вытянута вдоль южной продольной стенки, ориентированная, как и умерший, головой на северо-восток. На месте спины лошади находилась подпряжная пряжка и детали седла. Скорее всего, здесь было чучело оседланной лошади (Казakov, 1991, С. 170), что характерно для тюркоязычных кочевников, в том числе для печенегов.

О том, что Волжская Болгария входила в состав Хазарии, свидетельствуют захоронения хазар. Окруженные подквадратными ровиками, они находились под курганами и сопровождалась одноручными кувшинами с раздутым туловом, украшенными неровными волнистыми линиями и полушарными налестками. Такие захоронения изучены в могильнике Урень II Ульяновского Заволжья. Многочисленные аналогии им отмечаются на собственно хазарской территории в низовьях Волги и Дона. Аналогичные вышеуказанным одноручные кувшины представлены и в погребениях Танкеевского могильника (Казakov, 1997, С. 71, рис. 3).

Довольно длительные и тесные контакты существовали у волжских болгар с огузами, после того как последние прогнали печенегов на запад. По сообщению Ибн-Фадлана от 922 г., между ними существовали династические связи, так как царь болгар Алмуш был женат на дочери «самого знатного» огуза – Тархана. Эти связи продолжались и после падения Хазарии под ударами печенегов и походов Святослава.

В 60-е годы X в. на Волгу переселяется, видимо, из районов Кубано-Азовского региона, скорее всего, потомки «черных болгар» Батбая. Это было уже мусульманское население с твердыми земледельческими и ремесленными навыками. За короткое время в Волжской Болгарии появилась масса поселений и городищ с хорошо фиксированными культурными слоями. В них отмечаются разнообразные формы постантичной круговой посуды, развитые земледельческие орудия, предметы ремесла и торговли, что отсутствовало у ранних болгар. С этого времени у поселений отмечаются только мусульманские могильники.

С этой второй волной болгар пришел также ряд элементов культуры тюркоязычных кочевников, находящихся параллели в салтово-маяцких древностях (Саркел и др.). К ним относятся котлы с внутренними ушками, лепные сосуды с гирляндобразным орнаментом, рунические надписи на кости и керамике и т.д. (Казakov, 1997, С. 65).

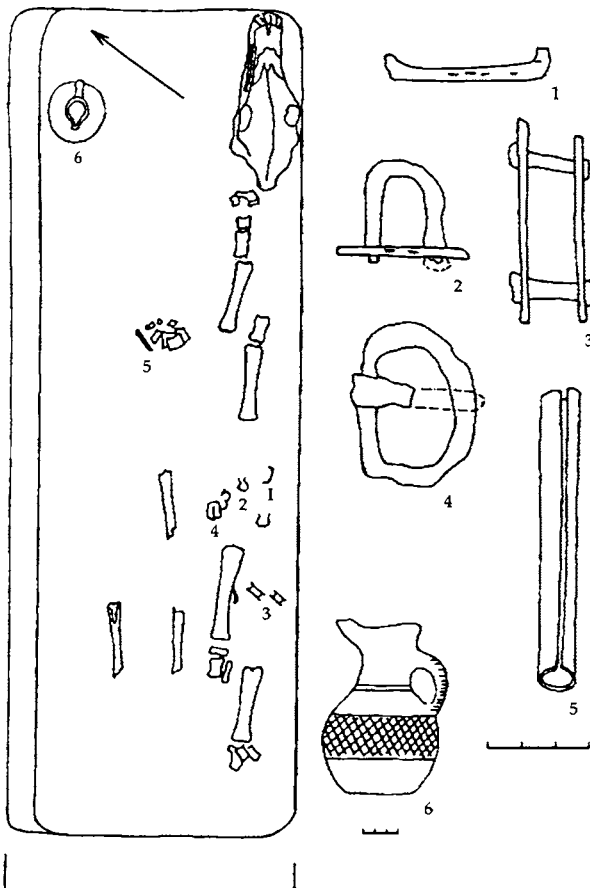

Рис. 1. Погребение 623 Танкеевского могильника.
1-5 – железо, 6 – керамика.

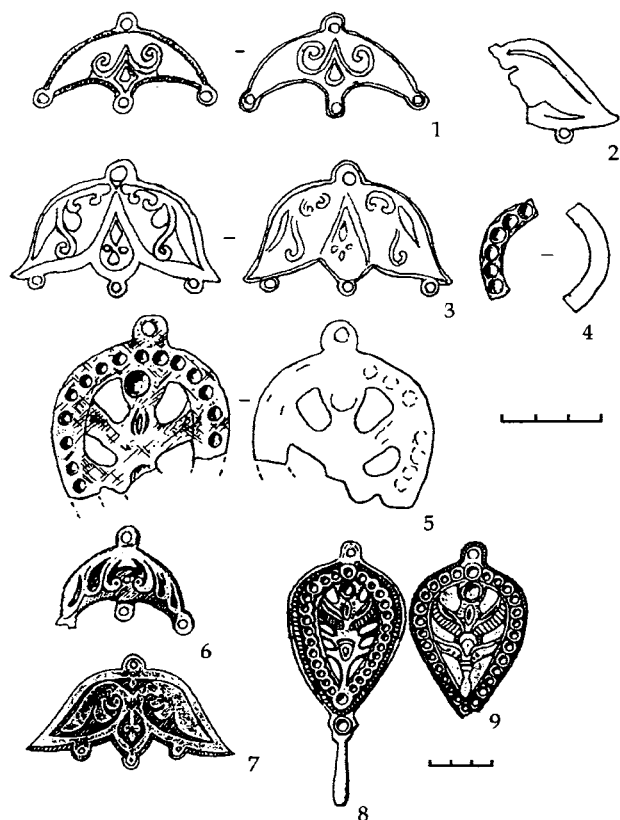

Рис. 2. Бронзовые изделия огузов из Волжской Болгарии: 1, 3, 4 – Измерское селище; 2 – Речное селище; 5 – Головкинское селище. Бронзовые изделия из огузских памятников: 6-9.

В конце X – первой половине XI вв. Волжская Болгария, являясь житницей и «ремесленным цехом» обширного региона, продолжала сохранять тесные связи с огузами. В памятниках болгар отмечаются типичные предметы туалета огузских женщин: нагрудные подвески в виде стилизованных летящих птиц, копоушки с чрезвычайно расширенными ажурными рукоятями (рис. 2). Возможно, что их

и изготавливали болгарские ремесленники для дальнейшей реализации, хотя не исключены и брачные связи, как это было в раннеболгарский период.

В дальнейшем высококачественные изделия болгар (предметы вооружения, конского снаряжения, украшения) продолжали реализовываться в среде тюркоязычных кочевников, о чем говорит их идентичность в степных памятниках и у болгар (II Коминтерновское селище и др.).

В период потрясений в Золотой Орде второй половины XIV в. в страну болгар переселяется масса кочевого языческого тюркоязычного населения. Об этом свидетельствуют подкурганые захоронения даже в центральной части страны – Западном Закамье (Балымерский, Песчаноостровный, Лебяжский и др. могильники). Они вполне сопоставимы с древностями кипчаков – в дальнейшем одного из основных компонентов этногенеза казанских татар.

Таким образом, в состав населения Волжской Болгарии со второй половины IX до XIV вв. неоднократно входили группы тюркоязычных кочевников: печенегов, хазар, огузов, кипчаков.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Приложение. О взаимодействии волжских болгар с тюркоязычным населением юго-восточной Европы. Казань.

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.

Казаков Е.П., 1997. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы и Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // *Finno-Ugrica*, № 1.

Смирнов А.П., 1951. Волжские болгары // *Труды ГИМ*, 1951. Вып. XIX.

Chalicova E.A., Chalicov A.H., 1976 *Altungarn an der Kama und in Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani // Magyar Nenzeti Museum. Archeologia Ertesito. Budapest.*

А.А. Кутаева

Институт археологии РАН

Археологические свидетельства христианства в Центральной Азии в I тыс. н.э.

Изучение археологических артефактов христианства на территории Центральной Азии – проблема достаточно трудоемкая и сложная. Главная сложность в исследовании данной тематики в чрезвычайной фрагментарности и разбросанности источников

(Гаибов, Кошеленко, 2006. С. 136). Современные исследователи выявляют еще две серьезные причины, препятствующие более широкому изучению и пониманию данной проблематики. Первая причина заключена в стремлении западных историков

преуменьшить роль самостоятельного Востока, а вторая – в том, что археологи и историки не сотрудничают друг с другом, что в результате приводит к некоторой однобокости понимания исторической картины христианского Востока. Хотя в последние годы подобная тенденция понемногу стала меняться (Гаибов, Кошеленко, 2006. С. 136).

Задачей данной работы является сбор археологических источников по вышеуказанной теме. Однако автор сочла целесообразным рассмотреть подробно лишь один аспект данной проблемы. Речь идет о культовой христианской архитектуре первого тысячелетия н.э. найденной и обследованной на территории Центральной Азии.

Культовая христианская архитектура доисламской Центральной Азии очень немногочисленна. Трудность при анализе культовых сооружений христианства заключается в том, что с приходом арабов многие церкви и монастыри или были разрушены или превращены в мечети, или вообще использовались для государственных нужд.

Южный Туркменистан (Северный Хорасан). Церковь Хароба-Кошук.

Одна из древнейших церквей Средней Азии (V–VII вв.). Памятник расположен в 15 км к С от старого Мерва. Здание ориентировано своей главной осью с северо-запада на юго-восток. Стены и сводчатые перекрытия здания сложены из сырца, сооружение прямоугольное в плане. Размеры 51 x 13 м. Постройка включала единственный длинный зал, как бы расчлененный на семь секций, анфиладно открытых друг в друга. В торцевой ЮВ части, внутри сохранилась часть полукруглой осевой ниши-апсиды с остатками квадратного в плане помещения перед ней, расширенного боковыми нишами (Пугаченкова, 1954).

А. Высоцкий предложил свой вариант плана церкви Хароба-Кошук, которая никак не может быть христианской церковью (Высоцкий, 1990. С. 91).

Хароба-Кошук является упрощенным вариантом типичной несторианской церкви (Гаибов, Кошеленко, 2006. С.159). Он интерпретирован как христианская церковь исключительно по архитектурным аналогиям, т.к. при его исследовании не было зафиксировано никаких находок или изображений, указывающих на христианскую принадлежность этого памятника.

Христианский монастырь в Мерве «Овальный дом» (VII–VIII вв.).

Памятник расположен в северо-восточной четверти городища Гяур-кала близ восточной стены в некотором удалении от кварталов сплошной застройки. «Овальное» здание построено из сырца на

оплывших руинах дома парфянского времени. Памятник вместе с коридорами имеет 43 помещения.

Как христианское сооружение памятник интерпретирован на основании изображения креста, который был нанесен по сырой штукатурке на стену одного из помещений. Кроме того, при раскопках здания была обнаружена цилиндрическая халцедоновая печать с гравированным изображением двойного прямого креста, костяной амулет с изображением льва и глиняные конические фишки с шестиконечным крестом. З.И. Усманова, исходя из иконографических особенностей обнаруженных предметов, считает, что «овальное здание» населяли христиане мелькитского толка. (Усманова, 1994. С.28).

Большинство ученых, занимающихся изучением раннего христианства на Востоке, признают функционирование данного сооружения как христианского храма. Тем не менее, существует и иная точка зрения. Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов решительно отвергают подобное предположение, так как планировка сооружения не отвечает принципам монастырского устройства, известным не только по письменным источникам, но и благодаря раскопкам на острове Харг, где был открыт христианский монастырь с церковью. Исследователи считают, что это здание играло роль государственного склада. (Бадер, Гаибов, Кошеленко, 1996).

Южный Узбекистан. Церковь на территории Старого Термеза (X–XII вв.).

Памятник расположен на городище Старого Термеза, на одном из всхломлений была выявлена часть стены со следами настенных росписей. В 1980 г. были произведены раскопки, которые дали довольно полное представление о памятнике.

Раскапываемый объект оказался прямоугольным в плане сооружением 40 x 20 м, состоящим из шестнадцати помещений, ориентированных с юго-запада на северо-восток. Стены внутри помещений были оштукатурены глино-саманной штукатуркой и побелены, а в ряде комнат покрыты росписями (Альбаум, 1994. С. 34–41). Определение здания как христианского и культового обосновывается находкой в помещении №5 на стене интересного рисунка – несторианский крест с расширяющимися концами, вписанный в орнаментированный круг с кругом в центре и арабской надписью.

С. Хмельницкий, основываясь на архитектурно-строительных приемах, осторожно предложил датировать данное здание доисламским временем – VII–VIII вв. Кроме того, он считает, что эта постройка никак не может быть ни церковью, ни монастырем, а, скорее всего, это остатки двух богатых, впоследствии соединенных жилищ, хозяева которых испове-

довали христианство несторианского толка (Хмельницкий, 2000. С. 248–249).

Самаркандская область, район Ургута.

Предполагаемый храм Коштепа (кон.VII – нач. VIII в.). Стационарные раскопки памятника были проведены Афрасиабским отрядом ИА АН УзССР в 1973 г. (Исхаков, Ташходжаев, Ходжайнов, 1977).

Коштепа I представляет собой памятник замкового типа раннего средневековья. Расположен он на левом берегу старого русла Даргома близ селений Акмачит и Утамас. Планировка помещений, круглый зал и отсутствие бытовой утвари на полу позволили авторам отождествить данное здание с христианским культовым сооружением. Кроме того, в одном из помещений был обнаружен фрагмент венчика хума с тремя оттисками печати, изображающей две мужские фигуры. Один мужчина стоит во весь рост в длинном парадном одеянии и в высоком пышном головном уборе. В одной руке он держит книгу, в другой руке, поднятой высоко, крест. Второй мужчина – коленапреклоненный, также в парадной одежде и, по всей вероятности, в короне. Авторы считают, что в данном случае изображен обряд крещения.

Полуподземный храм-монастырь Коштепа в Нахшабе.

Памятник расположен на территории современной Кашкадарьинской области Узбекистана, в 1,5 км от средневекового города Нахшаб, на прилегающей территории крупного поселения Коштепа. Работы проводились в 90-х гг. под руководством А.А. Раимкулова (Раимкулов, 2004.).

Христианский храм-монастырь представляет собой полуподземный архитектурный комплекс, вытянутый по направлению север – юг, размером 250 x 100 м, высотой 15–20 м. В южном конце холма возвышается цитадель. Памятник окружен оборонительным рвом шириной 15–20 м. Комплекс состоит из 13 разнообразных помещений, нижняя часть которых была заглублена в землю, наземная часть полностью сnivelирована в результате строительных работ в современное время.

Исследователь относит начало строительства памятника ко второй половине VI в., а в VII в. комплекс прекращает свое существование, по неизвестным причинам. Он пришел к выводу, что это здание является культовым христианским комплексом, не имеющим аналогов во всей Средней Азии.

Южный Таджикистан. Айваджский монастырь (VI–VII вв.) (Хмельницкий, Атаханов, 1973. С. 187).

Памятник расположен в 17 км к ЮЗ от селения Айвадж, на правом берегу Амударьи. Монастырь

относится к типу пещерных. Искусственные пещеры, вырубленные в сланцевом массиве, тянутся на протяжении полукилометра вдоль берега Амударьи. Пещеры обращены входами в реку, на юг; каждая из пещер состоит из разного количества помещений. В одном из комплексов за большой поперечной комнатой напротив входа была обнаружена полукруглая ниша-апсида, сходство которой с церковной апсидой едва ли случайно (Хмельницкий, 2000. С. 253). В другом комплексе, в одном из помещений потолок был выполнен в форме купола, в центре которого имелось изображение типичного несторианского креста.

Киргизия. Церковный комплекс в Ак-Бешиме (VII–VIII вв.).

При раскопках городища Ак-Бешим была обнаружена христианская церковь, датируемая VII–VIII вв. н.э. Церковь представляет собой сооружение 36 x 15 м, ориентированное в направлении запад – восток. В плане сооружение крестовокупольное, с алтарной частью в восточной стороне. Центральная часть сооружения занята двором, а вдоль продольных стен располагались галереи (Кызласов, 1959).

Основаниями для интерпретации памятника являлись как его сравнительный анализ, так и некоторые находки (18 захоронений по христианскому обряду) (Высоцкий, 1983. С. 25–26).

Христианский монастырь Таш-Рабат (IX–XI вв.).

Памятник расположен в 80 км от селения Атбаш и в 18 км к югу от Великого Киргизского тракта, в ущелье горного хребта Атбаш, близ перевала к оз. Чатыр-куль.

Здание построено из сланцевого камня на горизонтальной площадке, спланированной в склоне холма. В плане здание квадратной формы, ориентированное по сторонам света. Единственный вход в монастырь расположен с восточной стороны. План здания включает 25 помещений, квадратный зал и три коридора. Помещения сообщались между собой через один центральный коридор. В глубине здания находился квадратный зал с тремя глубокими нишами на осях. Археологическое обследование памятника было сделано Н.Н. Пантусовым в 1902 г. В результате чего исследователь пришел к выводу, что здание является все-таки монастырем, который вместе с тем играл роль караван-сарая (Пантусов, 1902. С. 21.).

В 1940 г. памятник изучала бригада архитекторов Киргизии. Возглавлявший бригаду архитектор В. Змиевский предположил, что это здание могло быть или мечетью, служившей в то же время остановочным пунктом для проезжих купцов, или крепо-

стью, где совершались религиозные обряды, а, возможно, это был некрополь (Змиевский, 1940. С.4.).

А.Н. Бернштам считает, что Н.Пантусов ошибочно принимал это сооружение за храм (Бернштам, 1950. С. 109–116).

Однако комплексное обследование памятника позволило трактовать его как стационарное жилище монастырского типа, для которого функции рабата были все-таки вторичными (Перегудова, 1989. С. 49).

Таким образом, рассмотрев все имеющиеся археологические сооружения, которые тем или иным образом интерпретируются как христианские культовые постройки, мы видим, что список последних небольшой и не совсем точен. Существует ряд спорных объектов, как например «Овальное здание» в Мерве, предполагаемый храм Коштепа 1, предполагаемый храм-монастырь Коштепа в Нахшабе, церковь в Термезе, христианский монастырь Таш-Рабат. Данные сооружения не всеми исследователями признаются как исключительно христианские, и требуют дополнительного изучения и сравнительного анализа.

Альбаум Л.И., 1995. Христианский храм в Старом Термезе // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент.

Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г., 1973. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968–1970 гг. // АРТ, вып. X. М.

Бадер А.Н., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., 1996. Мервская метрополия // «Традиции и наследие Христианского Востока». Материалы международной конференции. М.

Высоцкий А.М., 1983. Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.

Высоцкий А.М., 1990. Христианский памятник на поселении Дуге-чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., 2006. Христианские археологические памятники на Востоке (I тысячелетие н.э.) // Христианский Восток. Т. 4 (X). М.

Дресвянская Г.Я., 1974. «Овальный дом» христианской общины в Старом Мерве // Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад.

Зеланд Н., 1888. Кашгария и перевалы Тань-Шаня. // Путевые записки. Омск. Перепечатано в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии, №3.

Змиевский В., 1940. Таш-Рабат – архитектурный памятник // Советская Киргизия. 28. VI. 1940, № 147.

Исаков М.М., Ташхождаев Ш.С., Ходжайов Т.К., 1977. Раскопки Коштепа // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент.

Кызласов Л.Р., 1959. Археологические исследования на Ак-Бешиме в 1953–1954 гг. // ТККАЭЭ, том 2, М.

Пантусов Н.Н., 1902. Таш-Рабат // Известия ИАК. Вып. 4. СПб.

Перегудова С.Я., 1989. Таш-Рабат (по материалам архитектурно-археологического исследования). Фрунзе.

Пугаченкова Г.А., 1954. Хароба-Кошук // Известия АН Туркменской ССР. № 3. Ашхабад.

Раимкулов А.А., 2004. Христианский храм-монастырь Коштепа в Нахшабе: среднеазиатские и западные параллели. // Археология и история Центральной Азии. Самарканд.

Усманова З.И., 1994. Христианские памятники Туркмении. Из истории древних культов в Средней Азии. Христианство. Ташкент.

Хмельницкий С., 2000. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин-Рига.

К.С. Королев

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Климатический фактор в этногенезе коми-зырян (по археологическим материалам средней Вычегды)

В результате многолетних археологических исследований начатых с конца 50-х гг. прошлого века в долине средней Вычегды к настоящему времени исследовано 15 поселений и два могильника ванвиздинской культуры (VI–X вв. н.э.), являвшейся базовой для формирования культуры непосредственных предков коми-зырян – перми вычегодской.

Археологические материалы рассматриваемых памятников эпохи раннего средневековья (Шойнаты III, Угдым II, Угдым III и Угдым IV и др.) позволяют сделать определенные выводы о характере поселений, хозяйственных занятиях и быте населения, о его мировоззренческих представлениях в данную эпоху, предположительно судить о демографических тенденциях.

Поселения неукрепленные, располагались по берегам рек. Некоторые из них имеют долговременный характер. В пользу такого предположения свидетельствуют многочисленные вещественные остатки (сотни и тысячи глиняных сосудов, десятки мощных очагов, хозяйственные и столбовые ямы). Не исключено существование на данных памятниках жилых и хозяйственных построек наземного типа, в том числе и срубных (Королев, 1997. С. 66–126; Королев, 2003. С. 47–52).

Следы местной металлургии и металлообработки на данных поселениях представлены обломками льячек и тиглей, фрагментами литейных форм, многочисленными шлаками и слитками металла.

Все основные орудия изготовлены из железа – разнообразные наконечники стрел, ножи, крючки, шилья. Кремневые орудия представлены исключительно грубыми скребками для обработки шкур, встречаются костяные наконечники стрел. Набор орудий свидетельствует о сохранении традиционных занятий северных племен – охоты и рыболовства. Об этом же говорят и остеологические материалы: определены кости лося, бобра, птиц и рыб.

Материалы средневычегодских поселений эпохи раннего средневековья свидетельствуют о развитии керамического производства, прядения (находки пряслиц), обработке дерева, кости и кожи.

В целом экономика ванвиздинского общества характеризуется сочетанием присваивающих форм хозяйства – охоты и рыболовства с производящими – металлургией и металлообработкой.

Почти на всех исследованных памятниках ванвиздинской культуры средней Вычегды отсутствуют костные остатки домашних животных (исключение составляет поселение Шойнаты III, где найдены единичные кости крупного рогатого скота).

На поселениях Угдым II и Угдым III отсутствуют кости лошади, однако найдены бронзовые коньковые подвески, украшенные солярными символами, аналогичные выявленным в курганных могильниках бассейна Вычегды и Прикамья. На поселении Угдым III найден глиняный сосуд с оригинальным орнаментом. Орнаментальный фриз по верхней части сосуда состоит из изображений скачущих лошадей, выполненных гребенчатой техникой. Как подвески-коньки, так и глиняный сосуд датируются по аналогиям приблизительно серединой I тысячелетия н.э., но не позднее VI в. н.э. Из археологических материалов известно, что южные скотоводческие группы населения с курганным обрядом погребения, имевшие давние традиции занятий коневодством, проникли в бассейн Вычегды в эпоху великого переселения народов в середине I тысячелетия н.э. (Савельева, 1979. С. 91–96; Ашихмина, 1988. С. 3, 4, 19)

В это время на средней Вычегде появляются поселения с керамикой шойнатыйского типа, документирующей взаимодействие местных и пришлых племен (Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984. С. 20).

По мнению автора, изображения лошадей на поселениях средней Вычегды свидетельствуют об установлении разнообразных связей между пришлыми группами скотоводов и местным охотничье-рыболовческим населением (обмен, браки и т.п.). Процесс смешения, вероятно, был облегчен наличием среди пришельцев родственных групп населения прикамского происхождения. По всей видимости, в эту эпоху местное вычегодское население, впервые познакомившись с коневодством, постепенно переняло у пришлых групп населения вместе с хозяйственными и мифологические традиции почитания лошади, культ коня.

В бассейне Вычегды курганные могильники к VII веку н.э. сменяются грунтовыми захоронениями, характерными для местного населения (Королев, 1977. С. 112–119), происходит постепенное смешение населения, ассимиляция пришлых групп аборигенами. Пришлый южный этнический элемент явился одним из компонентов формирования населения ванвиздинской культуры.

Существенное изменение климата в сторону потепления в Европе в VIII–XIII вв. н.э. (малый климатический оптимум) (Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 62–65) способствовало, по мнению автора, оптимизации жизнеобеспечения аборигенного населения Вычегодского края, богатого дичью, зверем и рыбой. Это обстоятельство вызвало, вероятно, определенный рост народонаселения ванвиздинской культуры в VII – IX вв., не связанного прямо с притоком населения с юга. На это указывает резкое увеличение массы культурных остатков на некоторых средневычегодских поселениях в эту эпоху. В частности, на поселении Шойнаты III из общего количества 1037 сосудов, 71 % относится к данному промежутку времени (Королев, 1997. С. 72–81).

Таким образом, можно предполагать, что наступление малого климатического оптимума способствовало сложению и развитию ванвиздинской культуры, генетически связанной с культурой перми-вычегодской – непосредственных предков коми-зырян (XI–XIV вв.), которая сложилась на основе ванвиздинской.

В XII–XIII вв. долина средней Вычегды являлась малонаселенной восточной периферией перми-вычегодской с редкими охотничье-рыболовческими факториями. В результате многолетних исследований здесь открыто и изучено всего шесть небольших могильников (71 погребение), одно святилище

и одно поселение предков коми-зырян, относящихся к рассматриваемой эпохе (Королев, 2003).

В отличие от вымских и нижневыхгодских памятников, на средней Вычегде не выявлены следы занятий земледелием. Многочисленные и разнообразные орудия охоты и рыболовства, остеологические материалы свидетельствуют о превалирующей роли охоты и рыбной ловли в хозяйственной деятельности. Значительное развитие получает пушной промысел, пушнина являлась главным богатством Вычегодского края. Материалы памятников свидетельствуют, что в обмен на меха сюда поступали дорогие изделия из серебра, бусы из ювелирных камней, янтаря, другие украшения как восточного (через Волжскую Булгарию), так и западного происхождения (через Прибалтику и Северо-Западную Русь). Не исключено, что некоторые вещи родановского происхождения (якорьковые шумящие подвески, трубчатые пронизки и т.п.) могли попасть на Вычегду с Верхней Камы не только в результате торгового обмена, но и брачных связей между родственными племенами предков коми-зырян и коми-пермяков.

Уникальный древний промысловый календарь, не имеющий аналогов на севере Евразии, найденный на средней Вычегде, является документальным свидетельством существования охоты на лося, северного оленя, медведя, бобра, лису, соболя, куницу, горностая и белку (Королев, 1976. С. 24; Конаков, 1987). Древние охотничьи традиции, постоянные наблюдения за жизнью обитателей тайги позволяли охотиться на них в оптимальные сроки, без ущерба для их поголовья. Все это говорит об устойчивом и хорошо адаптированном к местным природным условиям комплексе жизнеобеспечения у предков коми. Центром формирования и консолидации коми племен в это время являлась долина р. Выми (правый приток Вычегды) (Савельева, 1971; 1987). Здесь исследовано 14 могильников, в их числе самые крупные, насчитывающие более 200–300 погребений (Савельева, 1987. С. 9–33; Археология Республики Коми, 1997. С. 574–577). Всего изучено около 1500 погребальных комплексов перми вычегодской, из них 1124 на Выми (Савельева, 1987. С. 184).

О демографических тенденциях в эпоху перми вычегодской невозможно что-либо сказать на основе поселенческих материалов, так как известны только единичные памятники такого рода. Кое-какие косвенные материалы о народонаселении могут дать только погребальные памятники. Анализируя данные по опубликованным работам о хронологии по-

гребальных комплексов перми вычегодской в целом оказывается, что наибольшее количество погребений (более 900) приходится на XII–XIII вв., а это косвенно может свидетельствовать о количественном росте населения вымской культуры в данный период. Это был период консолидации и сложения коми-зырянских племен с центром на Выми, основным содержанием которого было начало формирования народности коми-зырян (Савельева, 1995. С. 3).

Возвращаясь к эпохе малого климатического оптимума, который завершился в XIII в., можно предполагать, что благоприятные климатические условия создавали оптимальные возможности для развития культуры предков коми-зырян, для роста народонаселения.

Надо отметить, что после XIII в. на средней Вычегде отмечено отсутствие постоянных поселений коми-зырян, они появились здесь только в конце XIV – начале XV вв. (Жеребцов, 1982. С. 75). Это было обусловлено, вероятно, не только «вогульской» опасностью с востока, но и неблагоприятными погодными условиями в Восточном Привычегодье в связи с наступлением малого ледникового периода в конце XIII – XIV вв.

Таким образом, обе этнообразующие археологические культуры предков коми-зырян: ванвиздинская и перми вычегодской возникли и получили благоприятный импульс для последующего развития в период малого климатического оптимума в Европе в VIII–XIII вв. Археологические данные не противоречат данному тезису.

- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.
 Археология Республики Коми., 1997 М.
 Конаков Н. Д., 1987. Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря). Сыктывкар.
 Королев К. С., 1976. Работы в Шойнатыйском микрорайоне. М.
 Королев К.С., 1997. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург.
 Королев К.С., 2002. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде. Сыктывкар.
 Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А., 1984. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар.
 Савельева Э.А., 1974. Пермь вычегодская. М.
 Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.
 Савельева Э.А., 1995. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Сыктывкар.

Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Исследование городища Чинтолгой-балгас в Монголии

Городище Чинтолгой балгас расположено в Булганском аймаке (Дашинчилэн сомон) Монголии (примерно в 200 км к СЗЗ от Улан-Батора). Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2 км и 0,6 км., ориентированный почти по сторонам света, вытянутый в направлении С–Ю. Городище окружено двумя валами и рвом между ними. На городище имеется 35 выступающих наружу башен и 5 ворот, по двое ворот с западной и восточной сторон и одни ворота примерно посередине южного вала. Все ворота имеют Г-образный захаб. Городище делится на две части (северную и южную) внутренним валом. Внутри городища имеется длинная улица, пересекающая городище по линии С–Ю и две поперечные улицы внутри каждой из частей по линии З–В. В месте пересечения длинной улицы и внутреннего поперечного вала имеется П-образное укрепление, защищающее ворота с юга.

В разные годы городище посещали и обследовали Д.Д.Букинич, С.В. Киселев, Х.Пэрлээ и другие исследователи. Находки на городище киданьской керамики и черепицы с киданьскими надписями позволили Х. Пэрлээ связать городище с остатками киданьского Чжэньчжоу (Хатун хот) (Пэрлээ, 1962. С. 56–57). Позднее памятник был обследован монгольскими учеными, которые заложили на городище небольшой раскоп в месте нахождения одной из двух каменных черепаш (Очир и др. 2004). Начиная с 2004 г. на городище проводятся стационарные раскопки российско-монгольской экспедицией. В последние годы они ведутся при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” (2006–2008), а также грантов РГНФ (№№ 07-01-92002а/Г, 08-01-00265а).

В качестве объекта раскопок был избран один из холмов, расположенный в северной части городища в непосредственной близости от “длинной” улицы. При выборе объекта для раскопок мы исходили из того, что это должно было быть строение средних размеров, находящееся в непосредственной близости от улицы, с тем, чтобы можно было изучить не только само сооружение, но и прилегающую к нему улицу. Площадь раскопа 2004–2005 гг. составила 384 кв.м. С восточной стороны к раскопу была

прирезана траншея 16х2 м, частично пересекающая городскую улицу по линии З–В.

В центральной части раскопа в наиболее возвышенной части были обнаружены остатки глинобитного здания квадратной формы. В западной части раскопа было вскрыто несколько хозяйственных ям, насыщенных горелостями, золой, костями животных и рыб, чешуей, обгорелыми зернами. К северу и северо-западу от этого здания в верхнем горизонте были найдены остатки отопительных сооружений (канов), типичных для культур дальневосточных народов. В северо-западном углу раскопа были найдены остатки наземного жилища с каном. Трехканальный кан был ориентирован по линии С–Ю. В его южной части находился очаг. С восточной стороны от кана было зафиксировано скопление игральные альчигов. С севера за пределами жилища располагались три большие хума, врытые в землю. Еще чуть дальше к северу была зафиксирована кирпичная стенка, идущая по линии З–В. По всей видимости, она отделяла жилище (и/или квартал) от улицы.

В 2006–2007 гг. исследования велись на другом раскопе площадью 180 кв.м., расположенном к западу от раскопа первых двух лет. К западу от обнаруженного жилища были найдены остатки еще двух жилищ верхнего строительного горизонта с Г-образными канами в каждом из них. Граница между жилищами была определена по кладке черепицы, расположенной на уровне пола. Основание южных стенок обоих жилищ были укреплены крупными камнями. Кроме того, с этой стороны были зафиксированы большие плоские камни, являвшиеся основанием для столбовых конструкций.

Это дает основание говорить, что город имел компактную квартальную застройку. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были делиться улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища. Именно такую ситуацию нам удалось выяснить в процессе исследований последнего года.

После выборки дымоходов и разборки канов обоих жилищ были найдены следы еще одного кана, относящегося к нижнему строительному горизонту. Также были зафиксированы вертикально поставленные плоские камни, которые вероятно укрепляли северную стенку одного из жилищ более раннего строительного горизонта в этом же секторе. Под по-

лом того же жилища были найдены три большие хозяйственные ямы. В одной из ям был врыт большой хум. На данном уровне раскоп был законсервирован до следующего года. Однако уже сейчас можно сказать, что жилища перестраивались внутри кварталов, по всей видимости, примерно на том же месте, где стояли более ранние жилые строения.

В процессе раскопок было обнаружено большое число керамики и черепицы, предметов материальной культуры, фаунистические остатки, предметов искусства. Керамика представляет собой наиболее массовый материал. Важно отметить наличие кроме киданьской керамики фрагментов сосудов с уйгурским орнаментом. Наличие этой керамики традиционно служило основанием для вывода, что территория городища была заселена в более ранний период. Этому соответствует запись в “Ляо ши” (“Истории династии Ляо”) о том, что Чжэньчжоу изначально был древним городом Кэдунь (Ляо ши. гл. 37).

Однако стационарные исследования на городище вносят некоторые сомнения в этот вывод. Во-первых, в нижних горизонтах не удалось зафиксировать отдельного слоя только с уйгурской керамикой. Во-вторых, к югу от городища были найдены остатки гончарных печей киданьского времени. Здесь также среди подъемного материала, состоящего из типично киданьской посуды, являвшейся продукцией этих печей, был зафиксирован фрагмент так называемой уйгурской керамики. Можно полагать, что печи производили и посуду с «уйгурским» орнаментом. В-третьих, в результате исследований последних двух лет был найден сосуд, на котором уйгурский арочный орнамент сочетается с киданьским гребенчатым штампом и бохайской горизонтальной ленточной ручкой. Эти находки свидетельствуют о смешении разных культурных традиций.

В ходе раскопок были получены материалы, имеющие аналогии в культуре Бохая, и позволяющие предполагать непосредственное участие бохайцев в их создании. Рассмотрим их подробнее.

Среди находок на городище Чинтолгай балгас имеется большое количество так называемых «фишек» – кружков диаметром от 1 до 7 см, сделанных из стенок глиняных, глазурованных и фарфоровых сосудов, фрагментов черепицы и камня. Такие же «фишки» из стенок глиняных сосудов и черепицы весьма часто встречаются на бохайских памятниках Приморья. При этом, до сих пор наличие «фишек» на киданьских памятниках не отмечалось ни в одной публикации.

Аналогично, горизонтальные ленточные ручки никогда не отмечались в качестве характерной черты киданьской керамики. На городище Чинтолгай ба-

лагас отмечено большое количество находок таких ручек. Наиболее хорошо сохранившийся экземпляр такой ручки от сделанного на гончарном круге сосуда был найден в 2004 г. Технология изготовления ручки типичная для бохайской керамики.

Наряду с горизонтальными ленточными ручками, на круговой керамике Чинтолгай балгаса встречается и другая разновидность горизонтальных ручек – козырьковые. Эти ручки в виде горизонтальных, слегка наклонённых вниз козырьков с волнистым наподобие петушиного гребня краем располагались на тулове сосуда. В ходе раскопок в зоне жилых кварталов идентифицируемого с бохайским округом Яньчжоу Краскинского городища в Хасанском районе Приморского края в сезоны 2006–2007 гг. тоже были найдены козырьковые ручки, правда трапециевидной, или овальной форм с ровными без волнистых вдавлений краями.

Среди найденных в ходе раскопок городища Чинтолгай балгас костяных изделий обращает на себя внимание вырезанный из рога игральный кубик с нанесенными на грани в виде высверленных ямок точек числами от 1 до 6. Аналогичный по размерам и исполнению кубик найден в 2007 году на бохайском Абрикосовском селище в Уссурийском районе Приморского края.

Эти данные подтверждаются данными письменных источников. Известно, что после уничтожения бохайского государства кочевниками киданями в 926 г., бохайцы неоднократно восставали. Это привело к началу политики массовой депортации бохайцев во внутренние районы киданьской империи Ляо. Однако, как выяснилось, кидани переселяли бохайцев не только на территорию Маньчжурии. В письменных источниках имеются данные о том, что в рамках усиления своего влияния на монгольские племена кидани построили на Керулуне и Толе целую сеть пограничных крепостей. В 1004 г. на месте “старого города Кэдунь” был построен город – крепость Чжэньчжоу – самый северо-западный рубеж киданьской империи. Город Чжэньчжоу обычно связывается исследователями с самым крупным киданьским памятником на этой территории – городищем Чинтолгай балгас. Сюда было отправлено для несения воинской службы 20000 киданьских всадников, а для обеспечения их продовольствием было придано 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которые были расселены в Чжэньчжоу и подчиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу (Ляо ши. гл.37. С. 14а). Гарнизоны и население пограничных городов-крепостей занимались сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя провизией (Wittfogel, Feng 1949. P. 67, 555-557, 587). По всей видимости,

в конце 20-х годов XI в, киданям удалось добиться серьезных успехов в борьбе с племенами шивэй и юйцзюе так как в дальнейшем количество приграничных конфликтов с кочевниками монгольских степей резко сократилось.

Ляо ши (История династии Ляо), 1958. / Сост. Токто и др. Пекин.

Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л., 2004. О городище

Чинтолгой // *Nomadic Studies Bulletin*. № 8. Улан-Батор.

Пэрлээ Х., 1962 Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X век – начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. М.

Wittfogel K.A., 1949. *Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. Philadelphia.

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Копья с втоками у древних тюрков (по раннесредневековым петроглифам Алтая)

Раннесредневековые петроглифы центрально-азиатского региона часто привлекались исследователями для иллюстрации, анализа и даже реконструкции предметов вооружения (Новгородова, Горелик, 1980; Окладникова, 1988; Горбунов, 1998; Черемисин, 2004; Кубарев, 2005. С. 111 и др.). И в этом отношении раннесредневековые граффити Чуйской степи в юго-восточной части Русского Алтая выступают как наиболее интересные и информативные. Именно здесь сконцентрировано большое число батальных сцен и изображений тяжеловооруженных всадников. Подобные изображения представлены на таких местонахождениях петроглифов как: Чаганка, Жалгыз-Тобе, Кургак, Бураты и др.

В этой публикации мы приводим лишь те батальные сцены Чуйской степи, на которых представлены изображения копий с втоками – металлической оковкой на пяте или наконечником тупой или заостренной формы. Часть из этих сцен и изображений уже публиковалась исследователями (Черемисин, 2004; Кубарев Г.В., 2004, 2005. С. 111) (рис. 1: 3–6), что избавляет нас от их подробного описания. Некоторые публикуются впервые (рис. 1: 1, 2). Необходимо отметить, что изображения копий с втоками в граффити Алтая единичны и нами собраны едва ли не все подобные гравировки. Воспроизведение копий с втоками в древнетюркских петроглифах сопредельных регионов нам неизвестно.

Особое внимание хочется обратить на тот факт, что сцены сражений представляют собой, как правило, воспроизведение одиночного боя с участием двух или трех воинов. Почти всегда тяжеловооруженным всадникам противостоят конные или пе-

шие беспанцирные воины – лучники (рис. 1: 1, 4, 6) (Окладникова, 1988. Рис. 4; Кубарев В.Д., 2001. Рис. 10 и др.).

Длинное древковое оружие издревле использовалось как пешими воинами, так и легко – и тяжеловооруженными всадниками. Несомненно, что кавалеристское и пехотное копья должны были отличаться друг от друга в силу условий их использования и назначения. Несомненно, что специфика боя требовала применения, как различных видов оружия, так и приемов ведения боя. Так, длинное древковое оружие применялось всадниками, как минимум, в двух вариантах. В первом случае при атаке плотно сомкнутым строем, наибольшую эффективность имеет первый удар. Копье держится рукой, и сила удара зависит от скорости движения коня. В одиночном бою всадник вынужден фехтовать копьем, демонстрируя ловкость владения оружием и конем. И в том и в другом случае излишне длинное и массивное копье усложняло бы действия всадника. Таким образом, логично предположить, что кавалерийские копья у древних тюрков имели менее массивные наконечники и меньшую длину древка, нежели пехотное древковое оружие. Подтверждение этому мы находим в арабских письменных источниках, где особо отмечается, что «...копье тюрков – короткое и полое. А короткие полые копья пронзают с большей силой и более легки для ношения» (Мандельштам, 1956. С. 233). Судя по письменным источникам и этнографическим экземплярам, многие кавалерийские копья имели одну или две кожаные ременные петли для подвешивания копья к руке и ноге всадника, либо на его плечо (Псевдо-Маврикий, 2000.

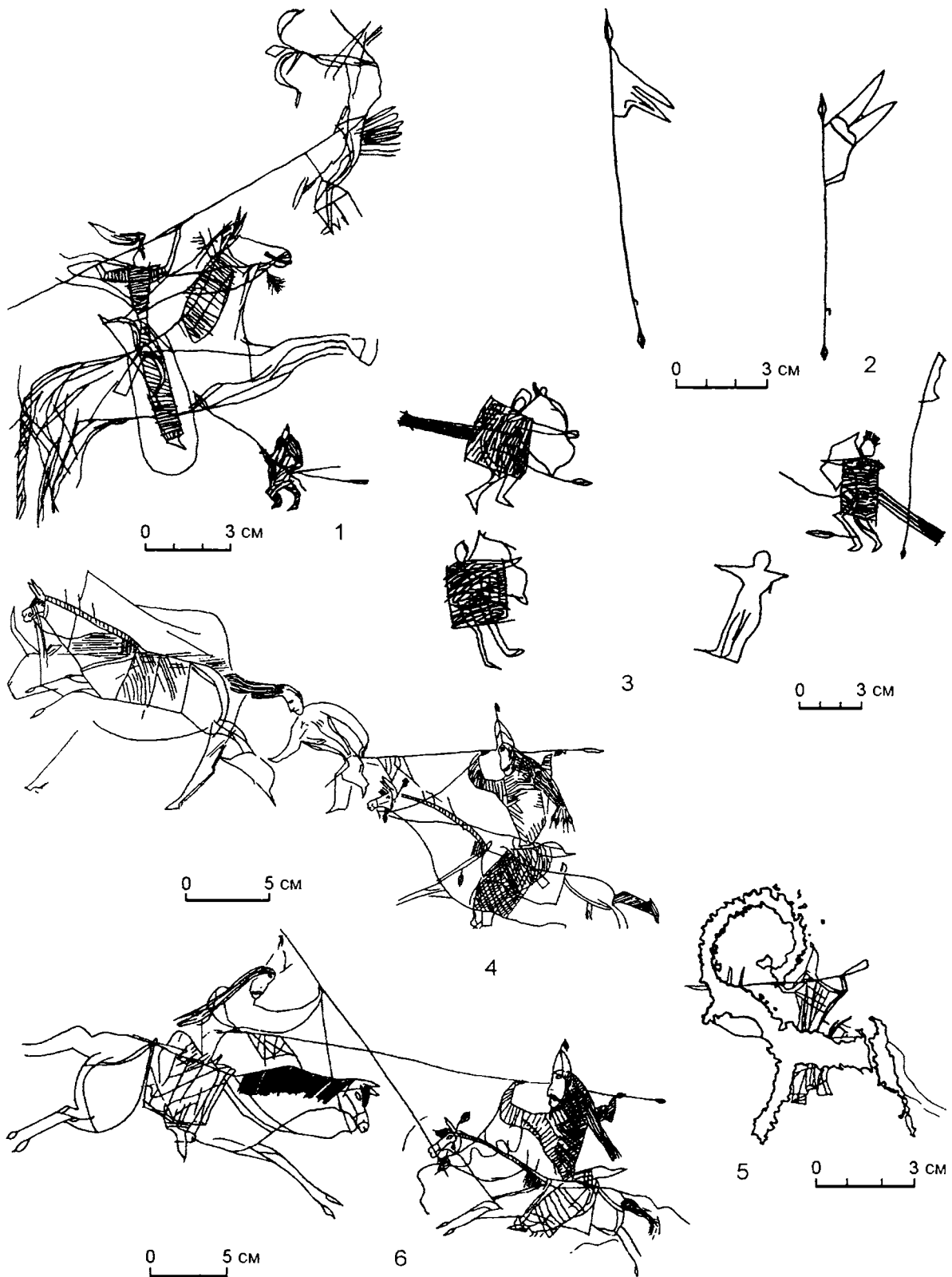

Рис. 1. Древнетюркские граффити Чуйской степи, на которых воспроизведены копья с вояками. 1, 4, 6 – Чаганка; 2 – Бураты; 3 – Кургак; 5 – Жалгыз-Тобе.

С. 287; Кушкумбаев, 2001. С. 59). Надо думать, что массивных, а тем более заостренных втоков подобные копья, как правило, не имели.

Другое дело, копья, которые можно условно назвать пехотными. В случае противостояния пеших воинов тяжеловооруженным всадникам на дальней и средней дистанции была эффективной стрельба из луков. Однако при сближении, пожалуй, единственным действенным приемом пешего воина против тяжеловооруженного всадника оставалось использование длинного и массивного копья, упертого металлическим втоком в землю. Подобное оружие уравнивало шансы на победу и достаточно эффективно использовалось многими народами в различные исторические эпохи именно против тяжеловооруженных всадников. Сцену подобного сражения пеших воинов, вооруженных луками и массивным копьем с втоком, с катафрактариями, вооруженными копьями, мы и наблюдаем на одной из композиций на р. Чаганке (рис. 1: 1). На приведенном фрагменте этой сцены запечатлено сражение тяжеловооруженного всадника с двумя пешими воинами. Катафрактарий в вытянутых над собой руках держит копье со штандартом и поражает им пешего лучника. В то время как другой пеший воин, облаченный в доспехи, упирает своё копье втоком в землю и направляет его навстречу скачущему тяжеловооруженному всаднику, конь которого встал на дыбы.

И все же на двух детальных изображениях катафрактариев в петроглифах Чаганки (Черемисин, 2004. Рис. 13, 14) (рис. 1: 4,6) различимы заостренные втоки на копьях. Таким образом, можно предположить, что грань между пехотным и кавалерийским копьем в древнетюркскую эпоху была весьма условной. На копье ещё одного катафрактария с местонахождения петроглифов Жалгыз-Тобе также показан вток (рис. 1: 5). Позднее поверх выгравированного коня была выбита фигура козла. Интересно отметить, воспроизведенные втоки делятся на два варианта: заостренные и близкие по форме к наконечникам копий (рис. 1: 2–4, 6) и втоки удлиненно-треугольной формы (рис. 1: 1, 5).

Два копья со знаменами, имеющими заостренный вток и крюк(?) вблизи него, изображены вертикально, как будто воткнуты в землю, в петроглифах долины р. Бураты (рис. 1: 2). Учитывая многочисленные изобразительные аналоги, эти гравировки копий могут быть датированы древнетюркской эпохой. Ещё на одной сцене боя двух пар лучников из местности Кургак изображено воткнутое в землю знамя-штандарт, укрепленное на копье (?). Оно находится за спиной одного из лучников. Сцена предположительно относится к предтюркскому времени.

Из фольклорных данных по вооружению казахских воинов-батыров известно, что они пользовались 13 разновидностями копий и 5 типами пик (Кушкумбаев, 2001. С. 58). И хотя отсутствие этнографических образцов копий, демонстрирующих подобное разнообразие, затрудняет объяснение этого феномена, не исключено, что их число было еще больше (Кушкумбаев, 2001. С. 58). Известное разнообразие типов наконечников копий представлено и в материалах раннесредневековых погребальных и поминальных памятников Центральной Азии и Южной Сибири. Они отличаются друг от друга сечением, формой пера и, наконец, размерами.

Наконечники копий являются относительно редкой находкой в раннесредневековых погребениях Южной Сибири и Центральной Азии. Копье не входило в обязательный набор погребального инвентаря мужчины-воина. Вероятно именно потому, что оно являлось наряду с конем и одеждой временным заместителем покойного, а после окончания траура преломлялось (Фиельструп, 2002. С. 134, 166–167, 178–179). Отсутствуют в раннесредневековых по-

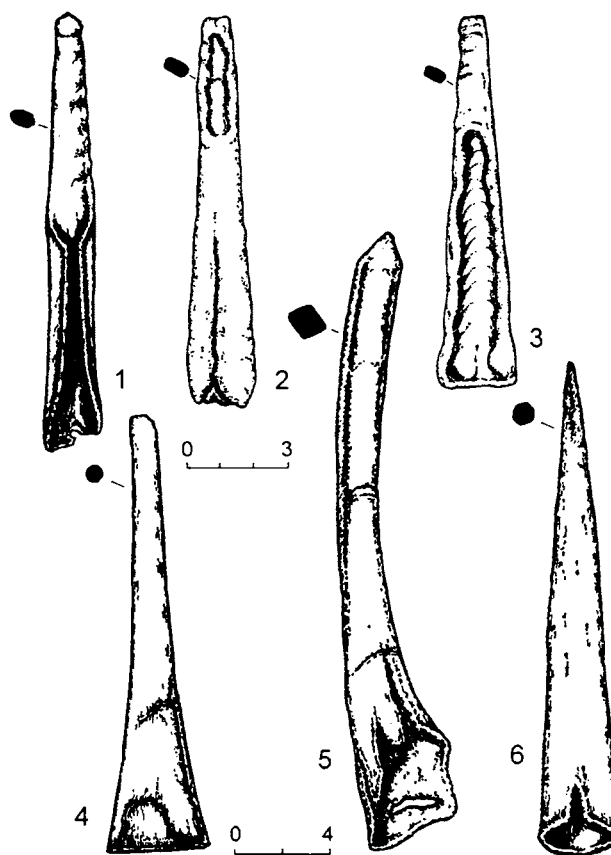

Рис. 2. Железные втоки копий круглого и квадратного сечений, первоначально классифицированных как наконечники копий (по Ю.С. Худякову). 1–3, 5 – Тува; 4, 6 – Минусинская котловина.

ребениях этого региона и комплекты наконечников и втоков копий, подобно, например, частым находкам таких комплектов в скифских погребениях Восточной Европы. Несмотря на это среди общей массы наконечников копий с территории Южной Сибири имеется группа наконечников с необычным круглым и квадратным сечением и нестандартной формой (Худяков, 1980. Табл. X, 4,8; табл. XI, 4–7) (рис. 2). Эти изделия были интерпретированы Ю.С. Худяковым как наконечники копий и вошли не только в типологическую схему, но и получили своё место в типолого-хронологической матрице копий и были отнесены исключительно к IX–X вв. (1980. С. 55–57, табл. 5). Однако именно они, по нашему мнению, могут рассматриваться как втоки копий. Нестандартность формы и сечения, а также их умышленная не заостренность (за исключением одного экземпляра) позволяют интерпретировать эти наконечники в качестве втоков копий.

Учитывая совокупность всех источников (археологических, письменных, изобразительных, этнографических и фольклорных), можно предположить большое разнообразие и специализацию, применявшихся древними тюрками копий. По-видимому, наиболее распространенным типом было, условно названное нами, кавалерийское копьё, длина которого, как правило, не превышала 2 метров, и которое было снабжено не очень длинным и массивным (20–25 см) наконечником. Значительно менее распространенными были «пехотные» копья, которых отличала большая длина и более массивный и длинный наконечник. Такие копья были снабжены заострёнными втоками и в случае необходимости могли быть упёрты или воткнуты в землю. Наиболее целесообразным было использование таких копий пешими воинами, либо спешными всадниками. Очевидно именно на такие длинные и с втоками копья крепились боевые знамена и, как демонстрируют граффити Чуйской степи, во время боя или в ставке военачальника с помощью втоков они втыкались в землю. Впрочем, и копья с втоками, как мы видим в граффити Чаганки, вполне могли использоваться и тяжеловооружёнными всадниками. Вток мог применяться наравне с наконечником копья для фехтования.

Можно предположить, наличие у древних тюрков метательных копий (дротиков), а также копий учебных или потешных, представлявших собой длинные шести с тупым концом, либо развилкой и использовавшихся для обучения и устройства поединков на поминках (Фиельструп, 2002. С. 134, 166–167, 178–179) и т.п. В пользу этого свидетельствуют эт-

нографические данные по тюркоязычным народам Центральной и Средней Азии – потомкам древних тюрков.

Не очень многочисленные изображения копий с втоками в древнетюркских граффити Алтая, а также археологические находки «необычных» наконечников копий – по-видимому, втоков – вряд ли стоит считать одним из доказательств в пользу существования пехоты у древних тюрков, а тем более об отрядах копьеносцев-пехотинцев как об основе тюркского войска (Кызласов И.Л., 1996. С. 77). Копья с втоками, вероятно, использовались значительно реже, чем их облегчённый вариант и одинаково применялись не только пешими воинами, но и всадниками.

Горбунов В.В., 1998. Тяжеловооружённая конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул.

Кубарев В.Д., 2001. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 4.

Кубарев Г. В., 2004. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // *Археология и этнография Алтая*. Вып. 2. Горно-Алтайск.

Кубарев Г.В., 2005. Культура древних тюрков (по материалам погребальных памятников). Новосибирск.

Кушкумбаев А.К., 2001. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы.

Кызласов И.Л., 1996. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // *РА*. № 3.

Мандельштам А.М., 1956. Характеристика тюрков IX в. в «Послании фатху б. Хагану» ал-Джахиза // *ТИАЭ АН Каз. ССР*. т. 1. Алма-Ата.

Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980. Наскальные изображения тяжеловооружённых воинов с Монгольского Алтая // *Древний Восток и античный мир*. М.

Окладникова Е.А., 1988. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // *Материальная и духовная культура народов Сибири*. МАЭ. Вып. 42.

Псевдо-Маврикий, 2000. Стратегикон // *Искусство войны*. Антология военной мысли. СПб.

Фиельструп Ф.А., 2002. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.

Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск.

Черемисин Д.В., 2004. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 1.

А.В. Кудряшов

Череповецкое музейное объединение

Неволинские древности в бассейне р. Шексны

В последние два – три десятилетия на Русском Севере, частью которого является бассейн р. Шексны и Белозерье, проводились масштабные работы по поиску и исследованию памятников X–XIII вв. Материалам этих исследований были посвящены многочисленные публикации. Памятники середины – второй половины I тыс. на Шексне и Белом озере известны в небольшом количестве. Исторический период, к которому относятся эти памятники, характеризуется процессом формирования в регионе финно-угорской народности «белозерская весь», культура которой складывалась под воздействием многих факторов. Исследование ряда памятников раннего железного века и раннего средневековья А.Н. Башенькиным на Кабоже, на Мологе, на Суде позволили, в какой – то степени, пролить свет на процессы, происходившие в Молого – Шекснинском междуречье в это время (Башенькин, 1989, С. 3–21; 1995, С. 3–29). Автор обнаружил по материалам изученных памятников тесную связь между культурами местного финно – угорского населения и населения Прикамья, установившуюся еще с раннего железного века (Башенькин, 1994, С. 2–32).

Вместе с тем, к началу третьего тысячелетия древности второй половины I тыс., а конкретно VI–VIII вв. на Шексне были изучены все же недостаточно.

К числу памятников, материалы которых позволяют рассматривать исторические процессы, происходившие во второй половине I тыс., является открытый и в значительной степени исследованный комплекс памятников в урочище «Черный ручей» на р. Андоге, притоке р. Суды (бассейн р. Шексны), открытый в 2002 г. При раскопках в 2003 г. поселения Черный ручей 2, в раскопе 1 был обнаружен интересный объект, который получил название «погребальный комплекс». Он представлял собой яму овальной формы размерами 2,8 x 0,9 – 1,2 x 0,45 м. Яма была заполнена серым золистым слоем с очень мелкими угольками, с очажными камнями в верхней части заполнения, кальцинированными костями. В яме и рядом с ней обнаружено несколько десятков целых и фрагментированных предметов. Среди них были ножи, скобы колчана, железные пряжки, наконечник стрелы, оселки, инструмент – лопаточка, браслет, перстень, детали украшений, костяная копушка, и, самое главное, бронзовые детали неволин-

ских поясов – пряжка, наконечник ремня, накладки на ремни. Детали поясов имеют многочисленные аналогии на памятниках неволинской и ломоватовской культур Прикамья. Среди обнаруженной здесь поясной гарнитуры имелись накладки: с одним приостренным краем, Ж – образные, тройчатки, полуовальные, калачевидные, полуовальные тисненные с изображением оленя с большими рогами, роговидная, розеткоподобная; а также накладка ажурная с прямоугольной рамкой. Не исключено, что «погребальный комплекс» был местом сожжения умерших. В этом же раскопе в культурном слое поселения были обнаружены накладка с одним приостренным краем, штампованная четырехугольная накладка с прорезью, Ж – образные накладки, бронзовый пластинчатый браслет. В 2004 г. в небольшом удалении от береговой линии был обнаружен грунтовый могильник Черный ручей 4. На могильнике при изучении погребений по обряду сожжения среди вещевого инвентаря также были найдены предметы, относящиеся к неволинско – ломоватским древностям, в первую очередь, ременные накладки: тройчатка, Ж – образные, с одним приостренным краем двух подтипов по классификации Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолага (Голдина, Водолага, 1990, табл. XXIX (25 – 33), кольцевидные с бронзовыми орнаментированными вставками, калачевидная, круглая сферическая. Значительная часть этих предметов была оплавлена, некоторые вещи не поддаются идентификации, хотя по сохранившимся на них шпенькам можно угадать в них те же ременные накладки.

Основная часть деталей неволинских поясов происходит с р. Сылвы, Верхней Камы. В небольшом количестве они известны на Вычегде, в Сибири, в Волго – Окском междуречье, на Волхове, в Прибалтике и даже в Швеции (Голдина, 1999, С. 384–389; Казанский, 2007, С. 130–133). Распространение неволинских поясов, которые были изготовлены в Прикамье, на западные территории Р.Д. Голдина объясняет существованием в конце VII – VIII в. Волго-Балтийского торгового пути, по которому пермские купцы провозили пояса на большие расстояния.

Погребения в могильнике совершены по обряду сожжения на стороне. Несколько погребений находились в овальных ямках, размерами от 0,5 x 0,7 x 0,3 м до 1,7 x 2,0 x 0,45 м. Часть из них с помощью радиоуглеродного анализа удалось датировать. Три

погребения в ямках были датированы концом VII – VIII в., одно – VIII–X вв.

Другие погребения этого времени помещались в больших по размерам котлованах в виде россыпей кальцинированных костей и отдельных вещей.

Погребение 3 находилось в котловане подпрямоугольной формы размерами в плане 6,5 x 3 м, глубиной 0,45 м, датируется концом VII – VIII в. Рядом с этим котлованом находилось еще две большие ямы овальной формы, глубиной до 0,5 м. Внутри их лежали вещи, в том числе неволинские, и кальцинированные кости. В одной из ям уголь датировался временем VIII–IX вв., два погребения, впущенных в котлован датированы IX–X вв. Таким образом, в могильнике Черный ручей 4 имелись погребения, датированные как концом VII – VIII в., так и IX–X вв.

Рассматривая погребальный обряд VII–VIII вв. на могильнике Черный ручей 4, необходимо признать, что он не соответствует погребальной обрядности «неволинцев», которые хоронили по обряду труположения, а также «ломоватцев», которые свои труположения и трупосожжения помещали в могильные ямы прямоугольной формы (Голдина, 1985. С. 18; Голдина, Водолаго, 1990. С. 71, 72). Погребальный обряд на Черном ручье оказывается ближе к обряду могильников Поволжья, в частности к погребениям на городище и в могильнике Попово на р. Унже, исследованном Е.А. Рябинным и А.Е. Леонтьевым (Леонтьев, 1989. С. 65, 66; Рябинин, 1989. С. 127–154), хотя эти памятники датируются чуть более ранним временем.

Подводя итоги исследования памятников комплекса «Черный ручей» можно сделать несколько выводов, касающихся появления неволинских древностей в бассейне Шексны. Опираясь на имеющиеся реконструкции неволинских поясов, необходимо отметить, что на Черном ручье, судя по многообразию деталей поясной гарнитуры, обнаружены фрагменты нескольких аналогичных типов поясов (Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007. Рис. 90, 92, 96, 106).

На поселении и в могильнике, кроме того, обнаружено немало элементов поясной гарнитуры, которые не отражены в реконструкциях. Всего здесь определено более 80 деталей поясов. Столь значительное количество поясов резко отличает комплекс от других мест нахождения подобных изделий. Так в Прибалтике обнаружено всего лишь 19 элементов поясов, одно местонахождение известно на Волхове, единичные предметы найдены в других местах.

Но кроме вышперечисленных элементов неволинских поясов, найденных на Черном ручье, здесь были обнаружены и другие вещевые находки, кото-

рые бытовали в VII – VIII вв. в Прикамье. К ним можно отнести дровотый и пластинчатый браслеты, подвеску с изображением медведя, многочисленные спиральки и обоймочки от головных уборов, глазчатые стеклянные бусы в том числе с выпуклыми глазками и др. (Голдина, 1985. Табл. IV (1, 27), табл. XV (16), табл. XXIV (21, 22, 50); Голдина, Водолаго, 1990. Табл. XXIII (21, 22, 41), табл. XXVIII (31, 35, 38). Обнаружение здесь этих находок нельзя объяснить лишь торговыми операциями местных жителей. Это может свидетельствовать о присутствии на Андоге самих носителей прикамской и неволинской культур. Вместе с тем, утверждать, что неволинское и ломоватовское населения непосредственно переселялось в VIII в. на Шексну не приходится по ряду причин.

На поселении и в могильнике слабо представлена характерная камская керамика. В могильнике Черный ручей 4 и в «погребальном комплексе», обнаруженном в раскопе 1 на поселении, найдены фрагменты тонкостенной неорнаментированной керамики с мелкими примесями в тесте, с заглаженной поверхностью. Эти сосуды были похожи на некоторые типы неволинских сосудов с прямым венчиком и закругленным дном. Вместе с этой посудой в могильнике и в «погребальном комплексе» находились фрагменты грубой лепной посуды, а также сосудов с подлощенной поверхностью. Многие сосуды имели аналогии в керамических комплексах финского населения Поволжья, в первую очередь, мери, муромы. Необходимо отметить также, что среди вещевых материалов, датированных VII–VIII вв., обнаруженных на поселении и в могильнике, имеются предметы, характерные для культуры поволжских финнов: ножи с прямыми спинками, инструменты – лопаточки, бронзовые и железные фитильные трубочки. Среди погребального инвентаря могильника Черный ручей 4 вместе с неволинскими вещами находились и не принадлежавшие к прикамским древностям вещи: шумящие подвески и их многочисленные детали: подвески – лапки, бубенчики, бутылковидные, трапещиевидные подвески, фрагменты проволочных бронзовых височных колец. Было обнаружено серебряное украшение – деталь головного украшения – «вайнаги», предмета балтского происхождения.

По всей видимости, связанное с Прикамьем население, под воздействием каких – то, возможно, внешних факторов, прибывшее на Шексну в VIII вв., по пути на нынешний Русский Север вобрало в свою культуру целый «шлейф» компонентов культур народов, населявших бассейн Волги. В IX–X вв. на Шексну перемещается новая волна переселенцев, культура которых в большей степени

связана со Средним Поволжьем.

Таким образом, мы можем убедиться, что движение восточно – финского населения на Шексну, начавшееся еще в древности, продолжилось и в раннем средневековье. Культура нового населения органично вплетается в культуру местных финно-угров, что способствовало формированию сложной многокомпонентной культуры белозерской веси.

Башенькин А.Н., 1989. Некоторые общие вопросы культуры веси V–XIII вв. // Культура Европейского Севера России. Вологда.

Башенькин А.Н., 1994. Восточно-финские компоненты культуры веси в начале II тыс. н.э. // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Башенькин А.Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском Междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. Вып.3. СПб.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в верхнем

Прикамье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Лешинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. 2007. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собрания Удмуртского государственного университета. Ижевск.

Казанский М.М., 2007. Курганы старой Упсалы и Восточный путь // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.

Леонтьев А.Е., 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.

Рябинин Е.А., 1989. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.

В 2007 г. Балтийская экспедиция Института ар-

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН

Личины на фибулах X в. из Трусо и Каупа

хеологи Российской академии наук обнаружила при раскопках кург. 140а могильника Кауп интересный комплекс скандинавских украшений. К западу от погр. 1 найдена пара черепаховидных фибул. Фибулы лишь на 0,10 м превышают уровень верхней плоскости заполнения могильной ямы погр. 1. К юго-востоку от фибул было выявлено довольно аморфное по своим очертаниям пятно остатков органики тёмного оттенка (толщ. менее 1 мм), имевшее разм. 0,7 x 0,7 м и вытянутое по линии северо-запад – юго-восток. Весьма вероятно, это – остатки традиционного для скандинавских женщин верхнего платья, бретели которого скреплялись на плечах женщины овальными фибулами. По типологии Ингмара Янсона, фибула № 6Nord относится к типу J.P.51C, а фибула № 6Süd – к типу J.P.51G (кон. IX – нач. X вв.). При этом более ранним в нашем комплексе фибул предметом является застёжка № 6Nord типа J.P.51C. Быть может, более поздняя фибула была изготовлена на месте (вернее – на Самбии) по образцу более ранней фибулы, пути поступления которой в землю пруссов, судя по отсутствующему сектору, простыми не были. Для того, чтобы подтвердить

или опровергнуть это предположение, необходимо проследить весь процесс генезиса и развития уникальной детали композиции фибул из погр. 1 кург. K140a – мужской маски.

На фибулах J.P. 51 (вар. A-I) Г.С. Лебедев видел «крупные, ставшие ведущим изобразительным элементом, маски: подтреугольной формы, изображающие в фас лица воителей, с круглыми выкатившимися глазами, грозно глядящими из-под развевающихся на ветру, спадающих на брови прядей волос; с лихо закрученными усами, скрывающими разинутый в боевом крике рот; треугольная борода завершает изображение...». Массив информации о германских украшениях I тысячел. н.э. позволит выявить происхождение этого образа.

На фибулах изображение «бородатых голов» (далее – «маски, личины») впервые появляются у германцев на фазе C2 (IV в. н.э.) в виде накладок на фибулы серии Monströse. Такие находки известны в северной части вельбарского ареала. Наиболее ярким предметом с изображением мужской маски является раннемеровингская «пальчатая» фибула отдела Bügelknopffibeln из Vedstrup (Danmark), ор-

наментированная в I Общегерманском зверином стиле. Следует обратить внимание на её навершие – круглый медальон, в центре которого представлена анфас голова бородатого мужчины, справа и слева неё представлены стилизованные профильные фигуры зверей. В VII в. сходные по смыслу маски (правда – без медальона и с длинными, обрезанными на уровне мочек ушей волосами) появляются в Балтии и в восточной Европе на пальчатых фибулах типа J. Wetmer 1a.

Уже во второй половине V в. н.э. в декоративном искусстве франков появляется канон изображения «Один и вóроны», вскоре обретающий новую версию, где Верховный бог германцев представлен в окружении различных животных. Именно к этому варианту канона «языческой иконы» Одина относится фигура на фибуле из Vedstrup. Не исключен факт влияния христианской иконографии на становление упомянутого «канона», в частности – образа «Спаса Нерукотворного» на круглой фибуле из Linon (Puy de Dome, France) в прочтении франкских и алеманнских ювелиров. Уже в первой пол. VI в. на фибулах отдела *Bügelknopffibeln* появляется пара ликов Одина: один – в виде композиции «языческой иконы», второй – в медальоне, расположенном в центре дугообразной спинки фибулы. Изображение на медальоне дублируется в раннемеровингскую эпоху у населения низовий р. Рейна на круглых фибул и кнопок/застёжек с мужской маской. Это – следствие возможного симбиоза традиционной и христианской идеологий.

В преддверии эпохи викингов окончательно складывается развёрнутый канон «языческой иконы» Одина, представленный, например, на «шкатулке Фрэнкса» из Auzon (Nortumberland, England), где Владыка мёртвых показан в сопровождении мифических птиц и животных. В «Речах Гримнира» упоминаются животные, связанные (посвящённые ?) Одину: вепрь Сехримнир, волки Гери и Фреки, вороны Хугин и Мунин. Немалую роль в сложении этого канона сыграли интерконфессиональные воззрения лангобардов и алеманнов, которые в VII в. нашивали на плат, возлагаемый на лик покойного, крест из золотой фольги в знак его принадлежности христианскому вероисповеданию. На фольге лопастей крестов оттискивались или детали «языческой иконы» Одина, или множественно повторённые лики с остроконечной бородой, призванные отображать его облик. В это же время на севере Европы появляется первое изображение пары персонажей в шлемах с головками птиц (одна из накладок шлема из кургана в Sutton Hoo, England). Идентичность единично представленного персонажа в таком шлеме к образу

Одина не вызывает сомнений, но двойственность этого образа ставит в тупик современных исследователей древностей Скандинавии I тысячелетия. н.э. Сюжет на шлеме из Sutton Hoo, как и кресты лангобардов и алеманнов, предполагает то, что эта композиция выполняла, скорее всего, роль оберега или же показывала некую культовую сцену.

Параллельно с использованием «языческой иконы» Одина и его симметрично представленных ликов на вотивных крестах юга Германии стилизованные элементы «языческой иконы» в виде симметрично представленных ликов, иконографически не отличимых от масок Одина на меровингских круглых фибулах, появляются на древнейших равноплечных фибулах германцев. Лик Царя богов на заре эпохи викингов представлен в виде в виде лица подтреугольных очертаний мужчины средних лет с расчёсанными на прямой пробор волосами, длинными усами, струящимися параллельно волосам, и треугольным подбородком (точнее – бородкой). Устойчивость этой иконографической модели, восходящей к VI в. (как, кстати, и канон лика Христа на христианских иконах), указывает на конкретного персонажа, который изображается в виде данной маски. С учетом восходящей к меровингскому времени иконографической традиции эту модель следует трактовать как образ Вотана/Одина. Он выполняет на равноплечных фибулах функцию оберега.

Лишь недавно молодой немецкий археолог Михаэль Найсс пришёл к выводу о том, что на украшениях эпохи викингов образ Одина в виде «маски» треугольных очертаний представлялся в виде «пиратских копий» культовых изображений на украшениях «профанов». Разумеется, на роскошных украшениях, предназначенных для представительниц верхушки дружинного общества, Один изображался вполне «легально» в рамках культовой «пропаганды».

Барельефные маски IX–X вв. объединяет ряд индивидуальных черт – острая, клиновидная борода, акцентированные мощные брови, нередко – ассиметричные глаза. Эти же черты присущи их поздним дериватам – декоративным полым подвескам, украшенным зернью и сканью. Восходя к иконографии Одина, но будучи представленными в ожерелье во множестве, эти подвески никак не могут представлять канон Царя богов. В X в. среди скандинавских мастеров возрождается традиция изображения маски Одина на фибулах. На одной из подковообразных застёжек, найденных в 1992–1994 гг. в ходе несанкционированных раскопок в одном из курганов могильника Кауп, в основании иглы представлена в технике литья подтреугольная по своим очертаниям

мужская личина, полностью отвечающая всем признакам иконографии Одина. С этой находкой сопоставимы находки игл для кольцевидных фибул, происходящие с курганного могильника Гнёздово и с Рюрикова городища. Следует отметить, что булавки фибул с изображением лика Одина генетически связаны с находкой с могильника Кауп.

Массовое использование масок Одина начинается в кон. IX – нач. X вв. при изготовлении черепаховидных фибул типа J.P. 51. Ингмар Янсон, шведский коллега, наиболее полно изучивший на примере материалов могильника Vjögkø черепаховидные фибулы, считает, что развитие форм фибул этого типа начинается с вар. A1, в котором место масок занимают виньетки в виде ромба. Затем она трансформируется в некое подобие процветшего ростка (вар. B и G). Наконец, развитие изображений на фибулах типа J.P.51 вар. C приводит к появлению на них масок, которые полностью отвечают иконографии лика Одина. На самом деле мастера-ювелиры, изготавливавшие такие фибулы в самых разных точках Северной и Восточной Европы, не могли не руководствоваться установившимися в скандинавском обществе нормами канона идеологически важных изображений. Мною предложена схема развития зоны R (по И. Янссону) на фибулах типа J.P.51 в направлении от выполненного технике «плетения» стиля Борре портрета Царя богов, полностью отвечающего перечисленным выше чертам его канона в сторону деградации образа. Лик Владыки мёртвых превращается в лишённый семантической нагрузки процветший росток, в центре которого вне рамок здравого смысла остаются нетронутыми лишь выпученные в божественной ярости глаза и «брови» (чуб ?) над ними. Специфика черт лика Одина на черепаховидных фибулах находит прямые аналогии в ликах Царя богов, являвшихся навершиями на булавках фибул из кург.

С-91 могильника Гнёздова и Рюрикова городища. Во всех указанных предметах украшений маска обладает остроугольным контуром, содержит брови или вихры над выпученными круглыми глазами, волосы на макушке стянуты в узел, имеет клиновидную бороду-«эспаньолку», усы персонажа выступают за контур щёк, рот (при)открыт. Таким образом можно полагать, что более сложные и вполне индивидуальные по своему исполнению маски Владыки мёртвых на булавках мужских кольцевидных фибул могли послужить прототипами для количественно массовых масок на женских черепаховидных фибулах типа J.P.51. Учитывая их широкое распространение от Норвегии до Среднего Поднепровья, приведённая выше версия Г.Ф. Корзухиной и Н.В. Хвошинской о восточноевропейском производстве булавок ликом Одина выглядит неубедительно.

На черепаховидных фибулах типа J.P.51 прямая линия развития иконографии лика Царя богов германцев – Одина – в скандинавском искусстве эпохи викингов завершается. Множественные дутые подвески на поздних ожерельях уже не несут связанной с Одином идеологической нагрузки.

Итак, наиболее массовым видом продукции североевропейских ремесленников, несшей на себе этот лик-оберег, являются фибулы. Они не только скрепляли одежду в наиболее важных её точках, но и оберегали наиболее уязвимые для враждебных мистических сил части человеческого тела. Остаётся необъяснённой бинарность изображений лика Одина на фибулах как в VI в., так и в IX-X вв. Быть может, здесь имеют значение, как на примере пластины со шлема из Sutton-Hoo, культовые ритуалы, связанные с удвоением образа Повелителя богов. Возможна и символическая охрана владелицы фибул при помощи удвоения лика Одина с разных направлений.

Три группы типологически близких языков

И.Л. Кызласов

Институт археологии РАН

Алтайская проблема в свете археологии

(тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую), прибавляя корейский и японский, лингвисты называют алтайской семьей, а изучающую их область языкознания – алтаистикой. Близость языков показана на таких обширных и разнообразных данных, что ее надо признать полноценным научным фак-

том – алтайской теорией. Однако лингвисты различно понимают природу этого единства и по-разному видят время и место его возникновения.

Даже у ученых, признающих генетическое родство (алтайская гипотеза), датировка распада праязыка сильно колеблется: от начала II в. до н.э. до на-

чала I или II и III, а то и X–VIII тыс. до н.э. и даже палеолита. Не определенная во времени «алтайская эпоха» сразу сменяется «хуннской» (с III в. до н.э., т.е. прямо связанной с известной политической историей Центральной Азии). Как видим, в алтаистике отсутствуют методы как абсолютного, так и относительного датирования глубоких процессов. Значит, нет способности достоверно или основательно-предположительно соотносить конструируемые этапы языкового развития с событиями дописьменной поры.

Существуют и разработки, объясняющие алтайское единство давностью контактов, приведших к обширным заимствованиям речевых элементов. Определение процессов сближения во времени и пространстве рождает алтайскую проблему. Поскольку разрешение ее лингвистическими средствами привело к формированию двух противостоящих направлений, полезно привлечение данных, лежащих вне языкознания. В отношении древности таковы археологические источники.

Поиски генетического родства алтайских языков ныне усилились. Наиболее важно выяснить место тюркских и пратюркского языков, зная степень их воздействия на иные группы и большую древность речевых фактов, данных руническими надписями. Разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков привели к характеристике природной среды, древней культуры тюркских народов. Однако сделанная в книге 1997 г. попытка очертить прародину, ход древнейших миграций и контактов тюркских племен оказалась целиком зависима от построений исторической науки. Эта зависимость явно проступила и в ряде разделов итогового тома серии (2006 г.).

Все возможности пратюркского выбора не следует сводить к Ордосу и одним лишь центральноазиатским гуннам. Определить их языковую принадлежность невозможно – отсутствуют необходимые данные, что показано Г. Дёрфером 35 лет назад. Особо выделю вывод алтаиста о невозможности отнесения гуннов как к тюркоязычным народам, так и к алтайской общности в целом.

Сопоставить археологические наблюдения с положениями алтаистики сегодня и важно, и возможно.

Самые ранние древности, принадлежащие тюркским народам ныне известны только на Саяно-Алтайском нагорье. Будучи пришлыми, они появляются во II–I вв. до н.э. и служат основой археологических культур (таштыкской на Среднем и шурмакской на Верхнем Енисее), ставших началом всех местных преемственно связанных культур средневековья: древнехакасских – чаатас, тюхтятской,

аскизской (VI–XVII вв.), и чиков Тувы. Тюркоязычность носителей этих культур доказана их связью с памятниками енисейского рунического письма и современными тюркскими народами Саяно-Алтая. В традиционной культуре этих народов выделяются три класса стационарных наземных построек: тура, алачик, иб.

Тура – квадратный бревенчатый дом с прямой крышей, глинобитным камином сбоку от входа, полатями вдоль стен. Срубный или столбовой. Его воспроизводят склепы культур раннего железного века Алтая, Хакасии, Тувы, Западной Монголии (пазырыкской, тагарской, уюкской), т.е. он принадлежит еще дотюркским народам (вероятно, самоедо – и угроязычным). С тюркизацией автохтонов сохранился наравне с другими субстратными чертами. В Хакасии тура были на Ташебинском поселении I в. до н.э. – I в., их воссоздают склепы таштыкской культуры (I в. до н.э. – V в.) и мавзолей чаатас (VI – сер. IX в.).

Алачик – коническая жердевая постройка с очагом в центре. Обнаружены на поселениях III–I вв. до н.э. Вероятно, алачик изображен на Боярской писанице в Хакасии (II–I вв. до н.э.). Широкий ареал в горно-таежной Южной Сибири и культовая роль в свадебном обряде таежников, относят эти жилища к дотюркским.

Иб – квадратное, круглое, многоугольное жилище. Крыто корой, берестой, сложено из бревен – столбовое или срубное. Шатрово-купольная кровля. Очаг в центре. Известно всем тюркским народам Южной Сибири. Жилища-иб изображены на Боярских писаницах, известны на таштыкских поселениях, их воссоздают в камне курганы чаатас, тюхтятские и аскизские. Они известны на памятниках тюрков VI–VIII вв. в Туве. О них пишут китайские источники.

Иб – единственная форма саяно-алтайского жилища, которая связана с тюркоязычными пришельцами рубежа н.э. Предком этих стационарных и переносных жилищ был каркасный турлучный дом с плетеными стенами, однорядными, обмазанными глиной, или двойными, засыпными. Сам он восходит к круглому глинобитному дому, о чем говорит этимология соответствующей лексики рунических текстов: балык «город», балыкдакы «горожанин» – от бал «вязкая глина» (балык «глина» еще в XI в.); той и тон «город, резиденция, лагерь» – от той/тон «глина»; токы – «устанавливать, воздвигать (стену)», первоначально «бить, ударять» (глинобитное строительство). Возможна общая основа «лепить (глину)» у йап – «строить, делать, творить» и йап – «прикладывать, приклеивать». Курган «регулярное

сооружение», соотносимо с кур – «приводить в порядок» и кур – «строить, сооружать». Сказанному соответствует часть древней военной лексики, применявшей к армии образы оазисной ирригации (сю бюк – «собрать войско» и сю ак – «двигаться войском»). Точное значение бюк – «запруживать, перекрывать», ак – «течь, истекать».

Глинобитная лексика сложилась в безлесных землях, турлучное строительство – в лесостепи, бревенчатое – в лесостепном и горно-таежном ландшафте. Эволюция жилищ отражает движение тюркских народов через эти географические зоны. По археологическим данным миграции завершились к III–II вв. до н.э.

Для археологов гуннов отличают квадратные каркасные полуземлянки, изученные в Бурятии. О том кратко пишут и ханьские авторы: «делают земляные дома», «земляные ямы». Основу интерьера составляет Г-образная лежанка вдоль северной и западной стен с внутренним жаровым каналом из камней, идущим от печи. О кане у гуннов говорит «Цянь Хань шу». Ни китайцы, ни захваченные гуннами саяно-алтайцы так не жили.

В дальневосточной археологии пока не создано единой картины культур и их датировок. Осложняет дело именование древностей этнически (мохэ, чжурчжени и пр.) и политически (Бохай, Цзинь и т.п.): понятия письменных источников обобщающие, в археологии точного смысла не имеют. Нередко неведом язык раннего населения региона. Пришлость алтайских народов на издревле палеоазиатских по языку землях известна, но время миграций не установлено. Культуры Приамурья, включая Маньчжурию, отличаются от развития Нижнего Амура, Приморья, Кореи и Южной Маньчжурии.

Членение жилищ Дальнего Востока на два каркасных класса, углубленных и наземных, общее для этнографии и археологии. Их историю нельзя рассматривать слитно. Пути развития Г- и П-образных канов расходятся хронологически и по культурам. Не всегда и не всюду с этими формами соседствуют прямые каны.*

Каны знают монгольские народы поздней поры: дауры и монголы Внутренней Монголии. В XIII–XIV вв. квадратный дом с каном П-2-3 типичен для всей империи – от Забайкалья до Молдавии. В Орде каны есть в землянках. Нередко они занимают 1-2 стороны П-образной лежанки, иногда снабжены одним каналом. Каны Г есть в Забайкалье. Дома с канами показывают: в Европу монголов пришло немало и со своими строителями. До этого они принесли с собой каны в саму Монголию, переселившись туда с Верхнего Амура в конце X – начале XII в. Еще в

XII в. деревянные нары в форме кана сооружались ими в войлочных юртах, обогреваемых открытым очагом. Дома с канами восходят к оседлой культуре древних монгольских народов, но археологически вопрос остается не доследованным.

Полуземлянки строили в Приамурье от неолита до позднего средневековья. Канов в них нет, включая культуры мохэ (IV–VII вв.). Они известны лишь в двух пришлых группах: найфельдской, с Нижнего Амура, и троицкой, из Маньчжурии. Последняя перерастает в культуру бохайцев и чжурчжэней. Жилища Бохай (698–926 гг.) – по-прежнему полуземлянки без канов. Каны приходят позднее, с распространением наземных зданий под влиянием когурёсцев. Бытовали все виды канов, сложившиеся к востоку от Хингана: Г-2, реже Г-1, П-1-2 и /-1-2-3. Пестрое население, в большинстве тунгусоязычное, основы культуры передало покорителям-киданям (926–1125 гг.). Затем чжурчжэни в державе Цзинь (1115–1234 гг.) развили бохайское наследие. Их каны китайцы считали местными (как и слово кан), называя П-форму. С Цзинь каны становятся повсеместными, включая Китай. К XII–XIII вв. каны Г-2 и Г-3 в большинстве заменены П-2-3 (и более). Растет ширина лежанки, число топков, нередко – дымовых труб. Изредка встречаются и архаичные 1-канальные каны. Сохраняются земляные каны при углубленном поле. Маньчжуры, прямые наследники чжурчжэней, имели каны П-4-5, что отличает их от китайских – // и /. Четырехугольные полуземлянки с канами были у дючеров, выселенных с Амура в 1654 г. Каны //, / и П у народов Приамурья и Приморья связывают с появлением при Цин (1644–1911 гг.) фанз. Но они иные: П-3-2, реже и Г-3, у нанайцев и ульчей иногда самобытно идут по четвертой стене. О древнем знакомстве с каном говорят единые названия: на-кань, нахань (маньчурь), накан (нанайцы и ульчи). Примыкает нивхское нах, накн, южномонгольское лаха и китайское кан – след тунгусо-маньчжурского влияния. В Приморье названия частей кана дотунгусские.

Самые ранние П-каны отмечены в Приморье. Для кроуновской культуры типичны полуземлянки с очагами, но четверть их – с канами Г-1. Найден и кан П-1, датировка которого оспаривается, но такие каны известны и последующей польцевской (ольгинской) культуре, пришедшей в начале I тыс. н.э. со Среднего Амура без канов.

Выходит, появление П-канов в Приамурье и Северной Маньчжурии – влияние приморских культур, оказанное в бохайское время. Главенство П-канов у монгольских народов – следствие тех же процессов. На то указывает и число их каналов, в общем раз-

витии растущее со временем.

На Нижнем Амуре (о. Сучу) открыты дымоходы сер. III – сер. II тыс. до н.э. в круглой землянке с земляными лежанками вдоль стен (традиция с VI тыс. до н.э.). Видимо, идея жарового канала достигнута здесь самостоятельно, хотя это еще не каны: тепло дает очаг в центре дома. Примитивный кан известен в неолитических землянках Кореи. Но канов нет на памятниках эпохи бронзы и раннего железа. Каны Г-1(-2) и / – открыты на поселениях кроуновской культуры (V в. до н.э. – II в.), достигавшей Кореи, где они есть в культуре тхэсонри. При такой географии вопрос о местном изобретении или заимствовании канов не принципиален. Каны Г-1 редко, но применялись в культуре гунтулин (Нижняя Сунгария) в I–IV вв. н.э., подобно польцевской культуре Приморья. «Хань шу» упоминает 1-канальный кан в Маньчжурии. Г – или /-формы обычны в городах IV–VII вв. в Когурё (37 г. до н.э. – 668 г.), в прилегающей Маньчжурии.

Для Кореи известно самобытное подпольное отопление (ондоль). Но в древности отмечается не оно, а каны. Не забудем, что население Когурё и Южной Маньчжурии сложилось при смешении пришлых племен алтайской семьи с аборигенами-палеоазиатами.

Изложенное создает впечатление, что интерьер с каном не изначален для тунгусо-маньчжурских жилищ. Вероятно, он в виде Г-1 пришел в Приморье и Приамурье в гуннскую эпоху с палеоазиатского Юго-Востока. Заслуга тунгусо-маньчжурских и монгольских народов – распространение кана в средневеко-

вой Восточной, Центральной и Средней Азии.

Так или иначе, но археологические данные отторгают гуннов от культур тюркских народов, сближая с тунгусо-маньчжуро-монгольским и палеоазиатским миром по облику и обогреву жилищ.

В целом же представленный материал отрицает изначальное единство тюркских народов с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. Археология встает на сторону лингвистов, улавливающих давний и длительный контакт разнородных культур, приведший к сложению алтайской общности, не имеющей ничего общего с генетическими связями.

Некогда урало-алтайская языковая общность была расчленена на две самостоятельные: уральскую и алтайскую. Ныне назревает такое разделение алтайской языковой семьи: первичная обособленность тюркской группы от монголо-тунгусской подтверждается не только историко-лингвистическими, но и археологическими данными.

Такой подход меняет взгляд на начальные этапы истории тюркских народов, размещение их прародины и ее этнокультурное окружение. Проблема тюркской прародины прямо не связана не только с алтайской гипотезой, но и с алтайской теорией. И рассматривать ее следует отдельно.

*Форму канов обозначаю сходной буквой (Г, П) и знаком (/, //), число отопительных каналов – цифрой: Г-1 это Г-образный кан с одним каналом, //3 – прямой 3-канальный кан из двух независимых секций (с двумя печами) и т.п.

Краскинское городище находится на юге При-

Н.В. Лещенко, В.И. Болдин

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Прихрамовые постройки буддийского комплекса на Краскинском городище в Приморье

морского края России в приустьевой правобережной части долины р. Цукановки в 2 км на юго-запад от поселка Краскино и в 400 м от берега моря.

В северо-западной части городища раскапываются руины буддийского храмового комплекса, вскрыты: головной храм, фундамент башни, 10 печей для обжига черепицы, колодец, каменные фундаменты стен, отделявших храмовый комплекс от других территорий города и огораживающих культовые постройки от хозяйственных территорий храма, а также

остатки фундамента нижнего строительного горизонта, каменный фундамент ограды вокруг нее, нижний ярус крепостной стены и другие сооружения.

В восточной части территории буддийского храма была выявлена каменная конструкция второго строительного горизонта (рис. 1). Размеры остатков прямоугольной постройки, определяемые по каменному фундаменту, примерно 4 x 6 м. Углами постройка ориентирована по сторонам света. При разборке заполнения конструкции (серая песчаная супесь)

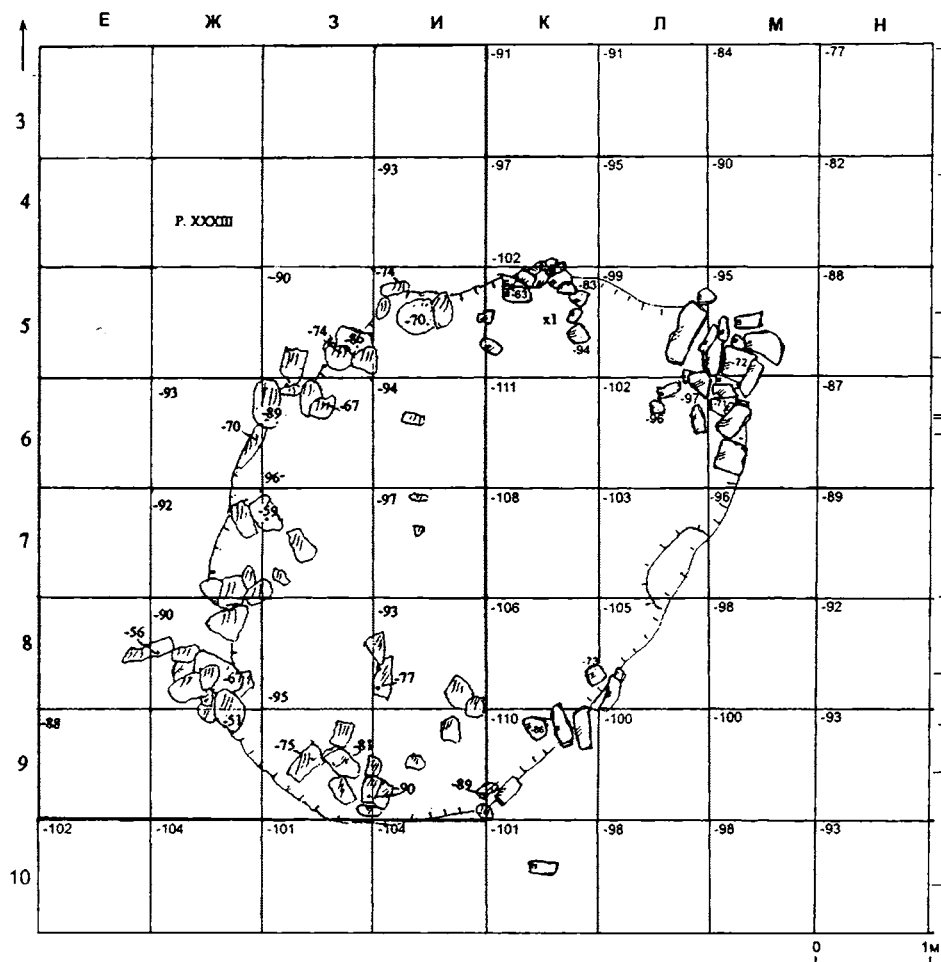

Рис. 1. Остатки постройки с каменным фундаментом.

было собрано 486 фрагментов керамики, фишки из черепицы и стенок керамических сосудов, рыболовное грузило. Оно овальной формы 1,8 x 1,5 см, длина 3,5 см. Несколько приплюснуто, с одной стороны вмятина. По центру грузила, с обоих концов имеются два отверстия диаметром 0,7 см, фрагмент оселка трапецевидной формы с отверстием для подвешивания, диаметром 0,5 см. Изготовлен оселок был из камня, черного цвета. Размеры сохранившейся части изделия 3,5 x 2 x 0,5 см, зуб животного, возможно коровы.

Далее, после разборки каменной конструкции, вышли на уровень каменных баз от конструкции колоннадного типа. Это был уровень третьего строительного горизонта. Это была прямоугольная в плане конструкция, фундамент которой состоял из 16 баз (рис.2). Базы были пронумерованы с южной стенки раскопа (кв.И9, с отметкой 213, база № 1). Расстояние между серединой одной базы до середины другой с внутренней стороны:

1–2 – 100 см; 2–3 – 110 см; 3–4 – 70 см; 4–5 – 67 см; 5–6 – 64 см; 6–7 – 67 см; 7–8 – 40 см; 8–9 – 110 см (угол); 9–10 – 140 см; 10–11 – 115 см; 11–12 – 42 см; 12–13 – 65 см; 13–14 – 70 см; 14–15 – 60 см; 15–16 – 63 см; 16–1 – 110 см.

Была измерена длина всех стенок здания с внешней стороны. Южная стенка – 460 см; западная – 580 см; северная – 490 см; восточная 580 см. Общая площадь здания 28,5 м.

После зачистки и окончательной фиксации раскопа с прихрамовым зданием, была произведена разборка внутренней поверхности постройки и углубились ещё на 20 см. В ходе этого удалось установить, что пол постройки имел однородную структуру, находок не обнаружено. Произведен полный замер баз (табл. 1).

При выборке внутренней поверхности котлована было разобрано черное узкое пятно (ширина 8–10 см). Оно состояло из углефицированных плашек, очень плохой сохранности, распространявших-

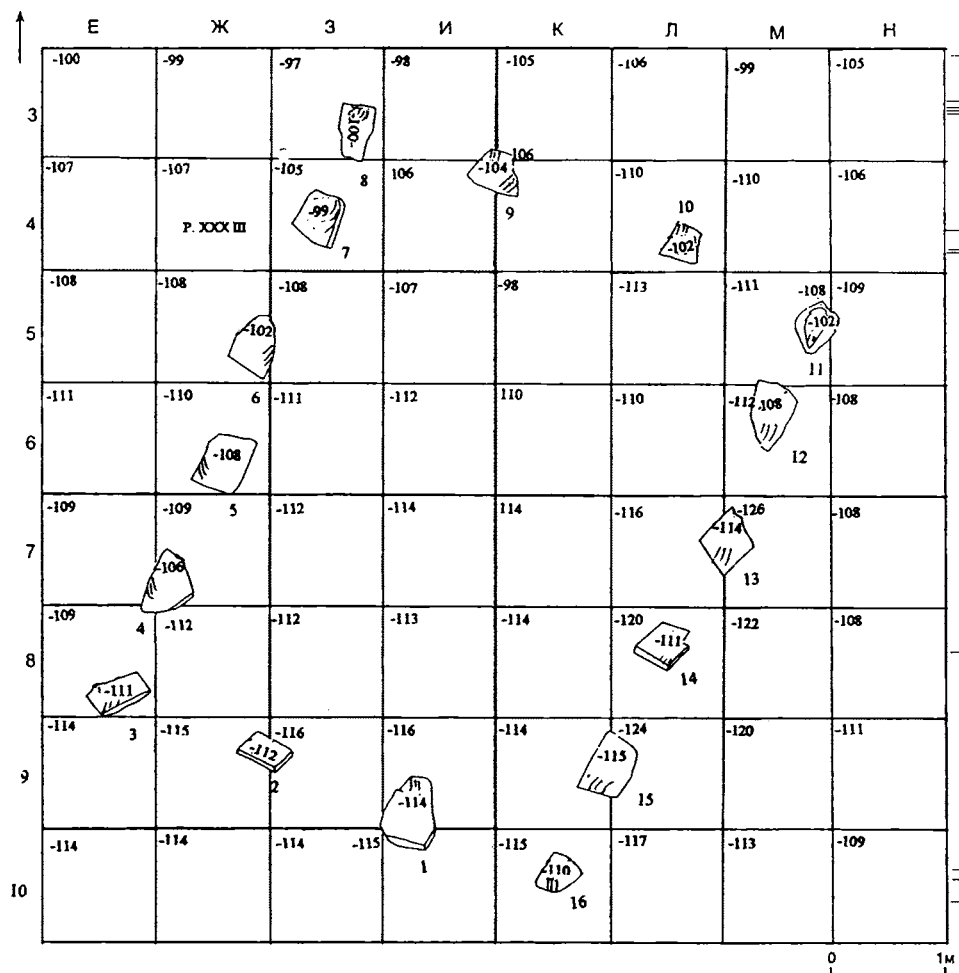

Рис. 2. Остатки здания колоннадного типа.

ся по площади квадратов Л-М-9 неширокой линией. Очевидно, это была деревянная конструкция, вход с юго-восточной стороны перед ступенькой в прихрамовое здание. Был пронивелирован уровень залегания баз и уровень условного «пола». Имеются базы массивные, с толщиной бортов 28 см, есть более тонкие 9 см. Возможно, не хватало глыб, и камни раскалывали пополам. Более толстые базы были углублены, а тонкие были на поверхности. Внутри, на полу прослежено в кв. Л8 пятно красной глинистой обмазки.

В ходе проведенных исследований были подтверждены наши выводы, о наличии на территории буддийского храма трех строительных горизонтов. Была окончательно восстановлена конструкция остатков здания с каменным фундаментом, относящегося ко второму строительному горизонту, а также нам удалось полностью раскопать фундамент здания прихрамовой постройки, относящейся к третьему строительному горизонту. Это был фундамент, пря-

моугольной формы, состоящий из 16 каменных баз, являющихся основаниями для колонн (столбов). Общая площадь этой постройки составляла 28,5 кв.м. Возможно, это была так называемая «западная башня» – «силоу», имевшая выход на юго-восток. При этом зафиксированы стерильные прослойки сулесеи между строительными горизонтами, возможно, связанные с ухудшением климатических условий в сторону увлажнения. Примечательно совпадение ориентировки и местоположения фундамента строения двух разных горизонтов. Это свидетельствует о неизменности планировки на территории храмового комплекса на протяжении очень длительного времени.

На территории буддийского храмового комплекса Краскинского городища была также раскопана постройка с черепичными стенами (Болдин и др., 2005. С. 66–83.)

Она представляла собой котлован почти квадратной формы с ориентировкой стороны около 30 гра-

Таблица 1. Размеры каменных баз колонн

База	Длина	Ширина	Толщина
1	64	44	20
2	40	25	21-26
3	50	22	29
4	59	39	26
5	48	41	20
6	61	35	16
7	47	36	28
8	57	32	9
9	34	35	9
10	34	28	9
11	45	34	18
12	62	36	18
13	74	51	20
14	55	36	12
15	56	35	20
16	32	27	25

дусов относительно линии север – юг, откопанный в супесчаных отложениях. Стены её сложены из битых черепиц. По конструкции камера напоминает собой землянку, т.е. откопанный в материковых отложениях супеси близкий по форме к квадрату котлован борта, которого изнутри были укреплены черепичными стенками (рис.3). Черепица укладывалась горизонтально. Преимущественно использована плоская, нижняя черепица, хотя встречаются и черепицы желобчатые, верхние. Среди черепицы в кладке встречаются отдельные плитки камня и керамика. Черепица уложена так, что внутренняя поверхность стены ровная, а противоположная сторона неровная, так как все фрагменты черепиц имеют разную длину. Очевидно, это не имело значения, так как эта поверхность была скрыта землёй. К тому же такая конструкция дополнительно укрепляла стены. Стены имели разную степень сохранности. Стены помещения складывались в стык друг к другу под прямым углом. Черепичное покрытие крыши, очевидно, укладывалось на деревянные плахи, о чем свидетельствуют сохранившиеся в верхней части юго-восточной стены (под черепичным покрытием крыши) хорошо сохранившиеся кусок обуглившейся плахи).

Над полом, у северо-восточной стены камеры обнаружены обломки углефицированной деревянной конструкции. Ширина сохранившейся части не превышала 75–110 см. Вся деревянная конструкция

прилежала вплотную к северному углу камеры.

Деревянная конструкция в камере состояла из четырех видов деталей: плахи, плашки, колья, бруски (Лещенко, 2007. С. 163–171). Все образцы определены как *Quercus dentata* Thunb – дуб зубчатый. Об устройстве и назначении найденной в камере деревянной конструкции, пока говорить сложно. Но, судя по тому, что сделана она из четырех видов деталей, причем они перемежались между собой и явно были скреплены, это мог быть деревянный помост, на который что-либо ставилось. Кстати, у северо-западной стены камеры на деревянных досках были обнаружены фрагменты двух сосудов.

Таким образом камера представляла собой полуподземное помещение размером по дну в пределах 2,3 x 2,3 м, т.е. имело форму близкую к квадрату. Высота постройки не превышала 1,3м.

Раскопки черепичной камеры позволили обозначить последний этап существования храмового комплекса, относящийся к X веку. Этому периоду соответствуют два верхних строительных горизонта. Ориентировка стен камеры совпадает с ориентировкой основных объектов храмового комплекса, на территории которого она находится – основного здания храма, «башни» южнее камеры, фундамента более раннего здания, примыкавшего к основному зданию с севера, а также западной опорной стены и фундамента южной стены храмового комплекса, а также постройки с каменным фундаментом и здания колоннадного типа. Все это свидетельствует о том, что она строилась как часть этого комплекса с учетом его планировки.

К самому верхнему строительному горизонту относится хозяйственный двор храма, расположенный выше камеры. На этом дворе были зафиксированы остатки сильно разрушенного жилища с каном, а также три тарных сосуда. Один из указанных сосудов был вкопан в стенку черепичной камеры, тем самым частично разрушив её. При исследовании хозяйственного двора на другом участке была обнаружена каменная ступа и 4 больших корчаги, вкопанные в землю. Все сосуды были предварительно разбиты камнями.

Следующий за ним строительный уровень связан с черепичной камерой. Это уникальное сооружение. Впервые на Дальнем Востоке была обнаружена постройка полуподземного типа стены, которой сложены из черепицы.

Камера могла использоваться как хранилище-погреб в хозяйственной части храмового комплекса, хотя хозяйственные постройки и связанные с ними тарные сосуды и относятся к несколько более позднему верхнему строительному горизонту. В пользу

Рис. 3. Черепичная камера. 1 – план и профили; 2–5 – вид изнутри на северо-западную (2), северо-восточную (3), юго-восточную (4) и юго-западную (5) стены.

этого предположения говорит сама конструкция камеры. Черепица была уложена ровно на внутренних стенках, а на внешних она была неровная, скрыта землей. Деревянная конструкция в камере использовалась как стеллаж-помост, на него могли ставиться керамические сосуды (два из которых были зафиксированы при раскопках), другая утварь.

Возможно и другое назначение камеры, как могильного склепа. Но, в камере не были зафиксированы костные остатки. Хотя размеры камеры соответствуют могильному сооружению. Раскопанная вблизи Краскинского городища, сложенная из камней бохайская могила имела ту же ориентацию и расположение могильного пятна.

Археологический материал, обнаруженный в камере весьма разнообразен. Найдены различные артефакты, характеризующие хозяйство и культуру Бохая. Различные обломки бронзовых украшений, железная пряжка, бронзовые и железные прямоугольные и овальные поясные накладки с прямоугольной прорезью, наконечник ремня с закругленным концом, фрагменты буддийской мелкой скульптуры, серп, втулки ступиц тележных осей, наконечники стрел, керамика и черепица уже неоднократно встречались в материалах бохайских памятников. Некоторые предметы: гирька безмена, чека тележной оси с монолитной головкой, узкий длинный наконечник ремня, каменная поясная накладка, плита из песчаника с размеченным

игровым полем – найдены впервые на бохайском памятнике в Приморье.

Выводы. Все объекты, обнаруженные на прихрамовой территории буддийского комплекса имеют одинаковую ориентировку. Все это свидетельствует о том, что эти объекты являлись составными частями этого комплекса. Назначение их было различно. Это были культовые, административные, хозяйственные и производственные постройки. Расположены они на разных строительных уровнях, что говорит о довольно длительном существовании этого комплекса. Выявлены объекты нижнего строительного горизонта, среднего и верхнего. Остатки фундамента каменной постройки второго горизонта находятся на уровне черепичной камеры, а вкопанные сверху тарные корчаги относятся к верхнему горизонту. Фундамент же основания здания колоннадного типа относится к наиболее раннему, третьему строительному горизонту.

Болдин В.И., Гельман Е.И., Лещенко Н.В., Ивлиев А.Л., 2005. Уникальная находка на Краскинском городище // Россия и АТР. №3.

Лещенко Н.В., 2007. Деревообработка в хозяйственно-экономической структуре средневекового Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск.

О.А. Митько

Новосибирский государственный университет

Огонь в средневековых огребениях с конем в степной части Среднего Енисея (по материалам могильника Маркелов Мыс II)*

На протяжении всей истории одним из наиболее значимых структурообразующих элементов человеческой культуры является огонь. Следы огня в погребальных сооружениях (обгоревшие кости животных, прокалы почвы и угли в заполнении могильных ям) явление чрезвычайно распространенное, и характерное практически для всех археологических культур. Уже в самых ранних преднамеренных погребениях огонь включен в систему устойчивых связей, направленных как на тело умершего человека, так и на сопричастные с ним объекты. Археологические материалы позволяют связать с погребениями, совершенными по обряду труположения с использованием огня, три ритуальных цикла: «предшествующий за-

хоронению», «сопутствующий захоронению» и «последующий захоронению» (Митько, 2005. С. 40–41). Причем последний из них, в соответствии со структурой погребального обряда (Дьяконова, 1975. С. 40–41), может частично или полностью совпадать с поминовением усопшего его сородичами.

Ритуальные действия с огнем прослеживаются в и древнетюркских захоронениях с конем на территории Южной Сибири. Продукты горения в насыпях курганов и сопровождающих их каменных сооружениях неоднократно фиксировались в тюркских погребениях Горного Алтая (Кубарев, 2005. С. 16). Наряду с аналогичными фактами в степной части Среднего Енисея отмечены случаи разведения в мо-

гильной яме огня, приведшие практически к полной кремации погребенного человека и сопровождавшего его коня.

К настоящему времени на территории степной части Среднего Енисея изучено девятнадцать погребальных комплексов, в которые входило свыше семидесяти захоронений в сопровождении коня, барана или козла (Худяков, 2004. С. 24–40). Проблема их этнической принадлежности и датировки связывалась со временем проникновения древних тюрков на эту территорию и создания ими локального минусинского варианта древнетюркской культуры (Савинов, 1984. С. 55; Нестеров, 1990. С. 67–69).

Могильник Маркелов Мыс II, расположенный в Новоселовском районе Красноярского края содержит памятники таштыкской культуры и эпохи средневековья. Последние представлены в основном древнетюркскими захоронениями, их общее количество составляет 31 погребение взрослых (15 захоронений) и детей (16 захоронений). В планиграфии курганов прослеживается «сотовый» принцип, при котором насыпи располагаются группами, вокруг центрального и, как правило, самого раннего по времени захоронения (Митько, Тетерин, 1998. С. 397–398). В двух таких комплексах могильника было обнаружено 26 погребений. В раскопе раскоп III выявлено скопление из 6 курганов (№№ 7, 9–13), в раскопе IV из 20 курганов (№№ 68–81, 83–88). Еще пять курганов (№№ 3, 33, 34, 49, 65) расположено за пределами этих групп на периферии могильника. Погребения в сопровождении животных встречены в 18 курганах: восемь из них конем (№№ 7, 9, 10, 34, 69, 71, 72, 73) и десять в сопровождении баранов (№№ 3, 11, 68, 74–79, 86). Присутствие фрагментов угля зафиксировано в двух погребениях человека с бараном (№ 68 – погребение взрослого человека и № 86 – погребение ребенка) и в двух детских захоронениях без животных (№№ 12, 13).

В пяти из восьми курганов, содержащих погребения с конем, прослеживались следы костра, разведенного непосредственно в могильной яме над телом погребенного человека. Наиболее показательное проявление этой особенности погребального обряда отмечено в кургане № 10, пристроенного к кургану № 7. Он имел крепиду из крупных плит, уложенных по периметру могильной ямы и плотное каменное перекрытие. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы, размеры 2,2×1,1 м, глубина 1,05 м. Примерно до глубины 0,75 м ее заполнение представляло собой серую супесь с просевшими плитами перекрытия. Ниже этой отметки слой заполнения (толщиной около 0,3 м) состоял из углей, прокаленной земли и каменных плит со следами термическо-

го воздействия. Огонь был настолько сильным, что скелеты человека и сопровождавшего его коня почти полностью сгорели, особенно пострадал череп животного. Отдельные детали, касающиеся положения тела умершего и туши коня, плохо прослеживались. В то же время, металлические изделия погребального инвентаря (удила, стремя, наконечник стрелы, нож, поясная пряжка) прекрасно сохранились.

По целому ряду формальных признаков погребение в кургане № 10 можно классифицировать как полное трупосожжение в могильной яме, что влечет за собой и выделение для древнетюркских погребений с конем особой формы погребального обряда. Однако наблюдения за стратиграфической ситуацией на соседних курганах данного раскопа (№№ 7, 9) и на курганах №69 и № 73 в раскопе IV не позволяют поставить вопрос о целенаправленно проведенной кремации умершего.

У кургана № 7, глубина могильной ямы которого составляла 1,2 м, прокалы грунта и древесные угли отмечены только на самом верхнем уровне ее заполнения, а слой земли между разведенным над погребением костром и телом умершего составлял более 1 м. Могильная яма кургана № 9 имела ту же глубину – 1,2 м, а на уровне 0,8 м были отмечены следы прокала почвы, древесные угли и зола. Прослойка земли между костром и телом погребенного составила около 0,4 м, но этого оказалось достаточно, чтобы кости скелета человека, погребенного с ним коня и сопроводительный инвентарь не пострадали от огня.

Курган № 69 занимал центральное положение в погребальном комплексе, состоящем из двадцати курганов. Его надмогильное сооружение овальной в плане формы имело размеры 5,5×4 м, высота сохранившихся стенок крепиды достигала 0,5 м. Могильная яма была вырублена в коренных породах, ее размеры 2,5×1,5 м, глубина около 0,9 м. Погребение было потревожено, но в заполнении, с отметки 0,2 м до 0,3–0,35 м, хорошо прослеживался слой пережженной земли, углей и золы. К нему приурочены находки семи металлических скоб «П»-образной формы, побывавших в огне. На стенках могильной ямы также были заметны следы воздействия огня. На сохранившихся костях скелета и остатках погребального инвентаря следов воздействия огня не зафиксировано и это связано с тем, что слой земли между погребением и костром составлял около 0,55–0,6 м.

Курган № 73 был пристроен к насыпи кургана № 69 с восточной стороны. Глубина могильной ямы составила 0,88 м, на отметке 0,76 м зафиксированы следы огня. В основном продукты горения концентрировались в западной части могильной ямы, в районе головы погребенного человека и сопрово-

ждающего коня, где слой углей и золы составлял около 5 см. На костях скелета человека и животного прослеживались следы термического воздействия.

В самом общем виде, часть погребального обряда, связанная с использованием огня, может быть реконструирована следующим образом. Могильную яму с телом усопшего человека и помещенной в нее тушей коня засыпали землей полностью (курган № 7) или частично (курганы №№ 9, 10, 69, 73). Затем над могильной ямой или непосредственно в ней разводили костер. Судя по фрагментам древесных углей, для него собирали хворост и не толстые стволы деревьев. Сжигали, вероятно, и носилки (о чем свидетельствуют находки железных скоб в кургане № 69), на которых тело умершего доставляли к месту захоронения. Окончательно яму засыпали после того, как костер уже прогорел, но еще не остыл окончательно.

Аналогичное расположение костра в могильной яме над телом погребенного отмечено и в семи курганах на могильнике Маркелов Мыс I (Митько, Тетерин, 1999, с. 401). На могильнике Белый Яр II также известно одно подобное захоронение с конем (курган 1, могила 2а) (Поселянин, Киргинцев, Тараканов, 1999. С. 155–161). Анализ, зафиксированной на памятниках ситуации, позволил сделать ряд выводов.

1. Применение «огненного» ритуала в основном связано с погребениями в сопровождении коня, что отражает определенный статус умершего. В погребениях без животных огонь отмечен лишь в кургане № 11 на могильнике Маркелов Мыс I. В тоже время, в кургане № 34 на могильнике Маркелов Мыс II, который по размерам и составу сопроводительного инвентаря можно с полным основанием отнести к «элитным» курганам тюркской знати Среднего Енисея, следов огня не зафиксировано (Митько, 1999. С. 155–161).

2. Степень разрушения посткраниального скелета в захоронениях зависела от мощности перекрывающего тело слоя земли и интенсивности разведенного в могильной яме костра.

3. Наличие перекрытия над телом погребенного позволяет говорить о том, что полное сожжение тела умершего не входило в намерения участников погребальной церемонии.

4. Использование огня продиктовано идеологическими представлениями этнической группы, оставившей могильник. Никакой практической необходимости в разведении огня в могиле над телом умершего не было.

5. Разведение огня в погребении, совершенном по обряду труположения с конем не является «бес-

спорным» свидетельством перехода его носителей на обряд енисейских кыргызов. Морфологические и семантические различия обрядов преобладают над их формальным сходством. Так же нет достаточных оснований и для того, чтобы считать применение огня реминисценцией о «временах кагана Хьели» (Бичурин, 1950. С. 256).

6. Можно предположить, что в основе погребального ритуала с огнем лежат общетюркские представления об его «очищающей силе». Восточные авторы упоминают, что и для енисейских кыргызов огонь являлся «самой чистой вещью», очищающей мертвого «от грязи и грехов» (Бартольд, 1897. С. 111; Храковский, 1959. С. 212).

*Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.17.08) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2006–2008 годы)» (проект РПН.2.21.1.2183) Рособразования.

Бартольд В.В., 1897. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. СПб.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л.

Дьяконова В. П., 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.

Кубарев Г.В., 2005. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск.

Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск.

Митько О.А., 1999. Образ грифона в искусстве народов Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск.

Митько О.А., 2005. Кремация и ритуальное использование огня в ранних преднамеренных погребениях // Вестник НГУ. Серия археология и этнография. Вып. 5. Т. 4. Новосибирск.

Нестеров С.П., 1990. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.

Поселянин А.И., Киргинцев Э.Н., Тараканов В.В., 1999. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск.

Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.

Храковский В.С., 1959. Шараф ал-Заман Тахир Марвази // Академия наук Казахской ССР. Сектор Востоковедения. Т. 1.

Худяков Ю.С., 2004. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск.

А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН

Погребальная обрядность могильников верхнеобской культуры южно-таежного Приобья

В северной части правобережного лесостепного Приобья (примыкающей уже к южно-таежной зоне), на относительно небольшом по площади участке бассейна р. Ояш (правый приток р. Оби), в непосредственной близости от его впадения в р. Обь, на обеих надпойменных террасах выявлено более 30 различных, компактно расположенных (а зачастую – просто примыкающих друг к другу), археологических памятников (курганые могильники, поселения и городища), относящихся к эпохам бронзы – средневековья. Подобная концентрация различных археологических объектов на сравнительно небольшой площади позволяет обозначить их совокупность как Ояшинский археологический микрорайон (далее – ОАМ). На наш взгляд, его возникновение связано с уникальными для данного отрезка правого берега Оби особенностями геоморфологической ситуации (Новиков, Нешатаев, 2001. С. 64 – 65).

Часть памятников ОАМ относится к верхнеобской археологической культуре 2-й половины I тыс. н.э. В ходе работ 2000 – 2003 гг. на 4-х могильниках верхнеобской культуры Старобибеево – 1, 6, 7, 9 (далее СБ – 1, 6, 7, 9) нами было исследовано 40 насыпей (36 погребений).

В начале 1990-х гг. могильник СБ – 6 был несанкционированно частично раскопан местными жителями – школьниками с. Болотное под руководством учителя – краеведа. В данной работе учтены только материалы наших исследований этого памятника. Находки, полученные в ходе раскопок 1990-х гг., опубликованы, могильник СБ – 6 на основании аналогий в инвентаре датирован VII в.н.э. и отнесен к верхнеобской культуре (Троицкая, Елагин 1995; Троицкая 1996; Троицкая, Савин 2005; Троицкая, Савин 2007; Троицкая, Шишкин 2000). Полученные нами материалы как по могильнику СБ – 6, так и по остальным могильникам подтверждают эту датировку.

Остановимся на характеристике погребальной обрядности исследованных нами курганов (табл. 1).

Насыпи могильников СБ – 6, 7, 9 расположены цепочками на возвышенной форме рельефа (дюне). Цепочки насыпей ориентированы вдоль дюн. Насыпи могильника СБ – 1 расположены недалеко от края террасы. Их взаиморасположение аморфно.

Насыпи имеют преимущественно округлую фор-

му (реже – незначительно вытянутую), с диаметром от 3,5 до 7,5 м, высотой над уровнем современной поверхности от 0,3 до 1 м. На периферии отдельных насыпей выявлены крупные ямы – очевидно, это связано с использованием земли для их возведения.

Из 40 насыпей в 9 не обнаружено погребений, в 24 насыпях имелось по 1 погребению, в 5 насыпях по 2 погребения, а в одном случае (СБ – 7) было зафиксировано 3 погребения (слившиеся насыпи №14–15). Все 36 погребений расположены в центре насыпей, из них 19 погребений выше уровня материка или на материке, 18 могильных ям незначительно углублены в материк (при этом, в одном случае, при наличии углубленной могильной ямы само погребение было на уровне материка). Могильные ямы ориентированы продольными осями по линии: СВ–ЮЗ (8), С–Ю (3), СЗ–ЮВ (3), В–З (3), ВЮВ–ЗСЗ (1).

Находки в насыпях представлены керамикой (отдельные фрагменты и сосуды как целые, так и в виде развалов); железными изделиями (мотыжки, цепочка, крючок, ножи, удила, обойма, подвески с обоймами, браслет, пряжки, кинжалы; бронзовыми изделиями (пластина, пряжка, пронизка, накладка); каменные изделия (оселок); костяными изделиями (бусина). Обнаружены также зуб человека (1 экз.), крупные необработанные камни, скопления жевательных костей и зубы животного, фрагмент лосиного рога (1 экз.), угли.

В одном случае (СБ – 7) на периферии насыпи, в яме, обнаружены керамический сосуд и фрагменты керамики; железная игла; скопление углей, в котором обнаружены конские челюсти.

В одном случае (СБ – 1) в центре кургана выявлены обгорелые части квадратного деревянного надмогильного сооружения 2 x 2 м. Могила, находящаяся в центре этого сооружения, ориентирована продольной осью по линии СВ–ЮЗ, в том же направлении ориентирована и большая часть обгоревших плашек. Под ними имеются, остатки поперечных плашек. В 1 случае (СБ – 7) в центре насыпи зафиксированы плахи перекрытия погребения. Ориентация плах по линии ЮЗ – СВ. В двух случаях (СБ – 7), вокруг погребений, зафиксированы столбовые ямки, которые можно связывать с каким то надмогильным сооружением.

Таблица 1. Данные о погребениях

Наименование могильника	Кол-во исследов. насыпей	Кол-во исследов. погребений	Погребения на материке или выше	Погребе- ния углу- бленные в материк	Ингумация	Кремация
Старобибеево-1	2	2	1	1	2	Нет
Старобибеево-6	10	7	4	3	7	Нет
Старобибеево-7	22	23	13	10	21	2
Старобибеево-9	6	4	1	3	3	1
Всего	40	36	19	17	33	3

По обряду ингумации совершено 33 погребения, по обряду кремации – 3 погребения. Сохранность костей очень плохая (в связи с незначительной глубиной погребений в песке). В 6 случаях удалось зафиксировать положение погребенного – вытянуто, на спине. В 1 случае, судя по расположению костей скелета, правая нога погребенного была согнута в коленном суставе. В остальных случаях расположение костей скелета не позволяет установить характер положения погребенного. Из 33 погребений по обряду ингумации в 15 случаях установлена ориентация погребенных (табл. 2).

Находки в погребениях представлены керамикой (сосуды и фрагменты); железными изделиями (ножи, цепочка, небольшие кольца, крючок, пряжки, наконечники стрел, бляшки, пластина, браслет, бусина); бронзовыми изделиями (браслет, застежка, бусины, пряжка, накладка); костяными изделиями (насадка). В погребениях обнаружены также зубы лошади, фрагменты жженой бересты.

Таким образом, погребальная обрядность исследованных могильников, в целом, не выходит из особенностей начального периода погребально-поминальных традиций верхнеобской культуры (Троицкая, Новиков, 1998. С. 22–24). Эти данные допол-

няют выводы Т.Н. Троицкой и В.С. Елагина по погребальной обрядности могильника СБ – 6 и, в целом, не противоречат им. В то же время, нами не отмечены «вторичные захоронения», которые, по мнению Т.Н. Троицкой и В.С. Елагина присутствуют в погребальной обрядности СБ – 6 (Троицкая, Елагин, 1995. С. 199). Впрочем, авторы не привели какой-либо аргументации в пользу «вторичности» отдельных погребений, ограничившись лишь декларацией. В то же время, отнесение погребения к категории «вторичного» предполагает специальную доказательную процедуру (Зайцева 2002. С. 96–98, Зайцева 2005).

Отмеченное на могильниках несоответствие насыпей и погребений зафиксировано и на других верхнеобских могильниках южнотаежного Приобья. При раскопках сплошной площадью могильника Шумиха-4, полностью исследованного автором (43 насыпи, 24 погребения), выяснилось, что часть насыпей также не имела погребений, и наоборот – отдельные погребения расположены вне каких-либо насыпей. Обнаруженные на площади могильников насыпи без погребений (кенотафы), тем более при наличии в них каких-либо находок, традиционно интерпретируются как поминальные комплексы. Отдельного осмысления требуют безкурганые за-

Таблица 2. Данные об ориентировке погребенных

Наименование могильника	СВ	ССВ	С	СЗ	ВЮВ	В	Ориентация не установлена
Старобибеево-1	1	–	–	–	–	–	1
Старобибеево-6	1	–	–	–	1	2	3
Старобибеево-7	5	1	2	2	–	–	11
Старобибеево-9	–	–	–	–	–	–	3
Всего	7	1	2	2	1	2	18

хоронения верхнеобцев, обнаруженные на площадях могильников.

Любой погребальный комплекс делит пространство на «сакральный» и «профанный», «тот» и «этот» миры, а погребально-поминальная обрядность, в целом, предполагает действия «до», «во время» и «после» погребения умершего (см., например, Смирнов, 1997. С. 23 – 30). В связи с этим, находки, обнаруженные в погребениях связываются нами с тафологическими действиями, а находки, обнаруженные в насыпях – с мнемологическими действиями носителей верхнеобских традиций.

Сравнение ассортимента и количества находок в погребениях и насыпях, показывает, что верхнеобские могильники демонстрируют равную степень или даже явное преобладание именно курганных насыпей по степени распространения находок (керамика, предметы вооружения и детали конской упряжи, предметы быта – прежде всего ножи, детали поясов). Это дает основания предполагать, что система мнемологических представлений и обрядовых действий верхнеобцев на местах погребений была достаточно развитой и, вероятно, продолжительной.

Зайцева О.В., 2001. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции.* Томск.

Зайцева О.В., 2005. Погребения с нарушенной анатомиче-

ской целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Новиков А.В., Нешатаев А.М., 2001. Новый археологический микрорайон в северной части лесостепного Приобья // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции.* Томск.

Смирнов Ю.А., 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.

Троицкая Т.Н., 1996. Местные пояса населения верхнеобской культуры // *Археология, антропология и этнография Сибири.* Барнаул.

Троицкая Т.Н., Елагин В.С., 1995. Старобибеево-6 – могильник VII в. н.э. // *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии.* Кемерово.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.

Троицкая Т.Н., Савин А.Н., 2005. Изготовление гарнитуры наборного пояса из могильника Старобибеево-6 // *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири.* Горно-Алтайск.

Троицкая Т.Н., Савин А.Н., 2007. Поле изображения животных (по материалам верхнеобской культуры Новосибирского Приобья) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* Новосибирск.

Троицкая Т.Н., Шишкин А.С., 2000. Изображения бобров из Старобибеево-6 // *Исторический ежегодник. Специальный выпуск.* Известия ОмГУ. Омск.

А.М. Обломский

Институт археологии РАН

Р.В. Терпиловский

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

О происхождении восточной ветви ранних славян (I – V вв. н.э.)

В исторических сочинениях VI в. Иордана и Прокопия Кесарийского, где славяне впервые упоминаются под своим собственным именем, указано, что они составляют несколько родственных народов, среди которых в качестве крупнейших называются собственно славяне (“склавины”), анты и веныты. Настоящая статья представляет собой попытку реконструкции по археологическим данным основных этнических процессов, имеющих отношение к восточной линии славянского этногенеза, т.е. к фор-

мированию антов и раннесредневековых венетов*. Особое внимание при этом уделяется лесостепной зоне.

Данная концепция представляет собой дальнейшее развитие теории П.Н. Третьякова – В.Н. Даниленко, сформулированной в 1960-х – 70-х гг.

Отправной точкой процесса формирования восточных славянских народов является кризис (или распад) зарубинецкой культуры. Впервые на это явление обратил внимание М.Б. Щукин (1986). Призна-

ками кризиса являются исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья в течение сравнительно узкого промежутка времени, прекращение функционирования всех зарубинецких могильников и ряда поселений Поднепровья, массовые миграции населения с этих коренных территорий в различных направлениях до Западного Буга на западе и бассейна Хопра на востоке; изменение топографии поселений, инновации в социальной организации и в погребальном обряде.

Кризис зарубинецкой культуры дал толчок к возникновению нового археологического явления – позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта (середина – третья четверть I в. н.э. – конец II в.).

Причины этого кризиса до настоящего времени окончательно не выяснены. Они объяснялись готским в Полесье (Ю.В. Кухаренко) и сарматским в Среднем Поднепровье (М.Б. Щукин) нашествиями. Нам представляется, что причины распада зарубинецкой культуры должны иметь не локальный, а бо-

лее общий характер, то есть действовать по всему ее ареалу в равной степени. Распад зарубинецкой культуры был результатом комплекса различных причин, среди которых важное место занимали экологические процессы. На рубеже эр и в I в. н.э. на территории Восточной Европы палеоклиматологами отмечен минимальный за все I тыс. до н.э. и первую половину I тыс. н.э. уровень влажности и значительное повышение среднегодовой температуры, что создало существенные трудности для ведения хозяйства традиционными для зарубинецкого населения способами. Это же, вероятно, и было толчком для начала миграций в поисках лучших земель (Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990).

Сформировавшиеся в этих условиях позднезарубинецкие памятники делятся на несколько групп (Обломский, Терпиловский, 1991; Обломский, 2002. С. 10–13; Терпиловский, 2004. С. 22–31): памятники типов Суража-Тростяницы-Радости (верховья Припяти и прилегающая часть бассейна Западного Буга), Марьяновки-Рахнов (лесостепная часть бассей-

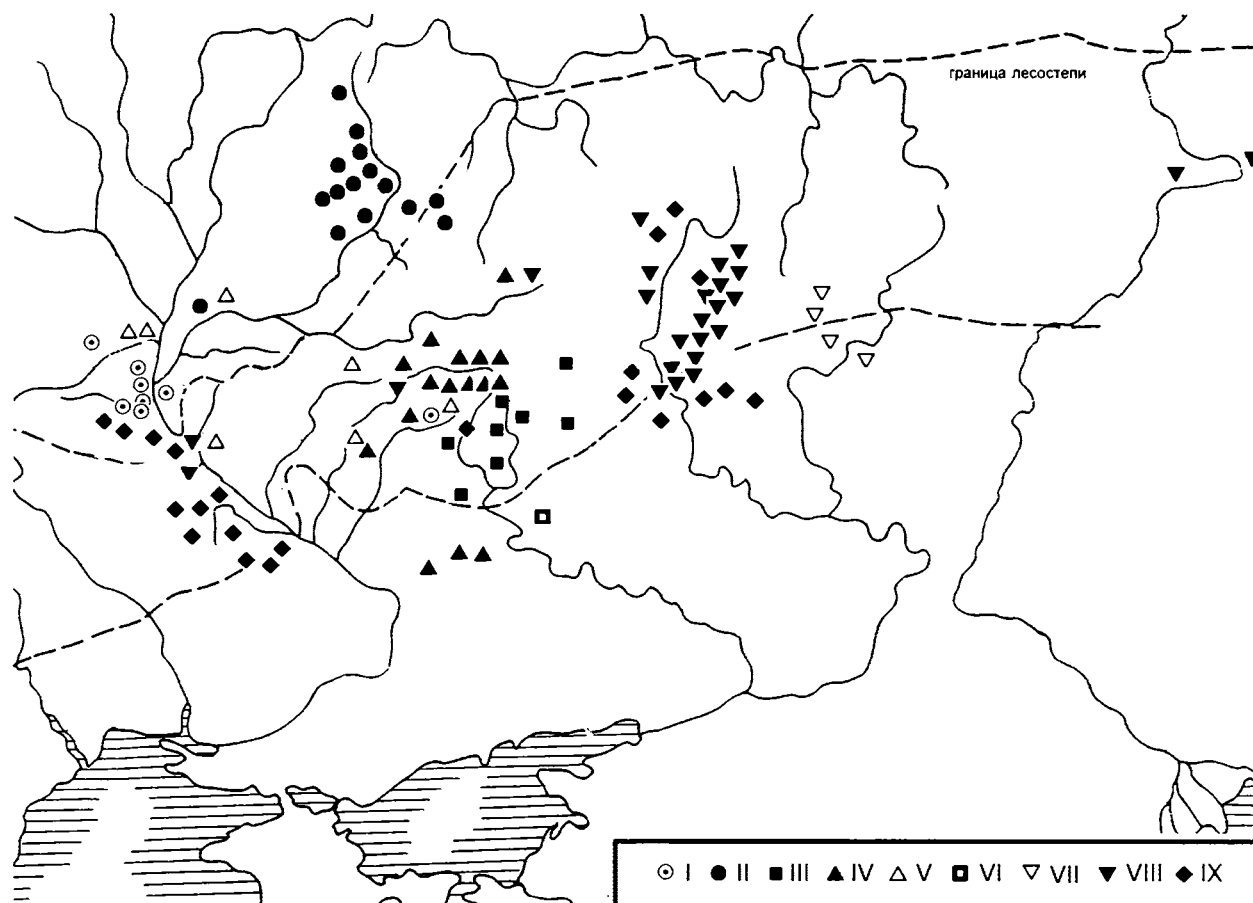

Рис. 1. Этнокультурная ситуация на территории днепро-донской лесостепи в I–II вв. н.э. Позднезарубинецкие памятники: I – типа Лютежа; II – типа Почепа; III – типа Терновки-2; IV – типа Картамышево-2; V – типа Гриней; VI – неопределимые; VII – хоперская группа; позднескифские памятники (VIII); сарматские памятники (IX).

на Южного Буга), Лютежа (Среднее Поднепровье), Почепа (Среднее и Верхнее Подесенье), среднего слоя городища Тушемля (Верхнее Поднепровье и прилегающие регионы), Картамышево-Терновки (лесостепная часть востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца), Шапкино-Рассказани (бассейн р. Хопер).

Позднее прочих появляются памятники типа Гриней. Они не образуют компактного скопления и распространены на территории лесостепного Поднепровья и бассейне Северского Донца. От других позднезарубинецких групп их отличает более “молодой возраст” (вторая половина II в.) (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 82–83) (рис. 1).

Позднезарубинецкие поселения расположены, преимущественно, на первых надпойменных террасах рек. По сравнению с периодом до распада зарубинецкой культуры инновацией является возникновение усадеб. Широко распространены относительно небольшие по размерам жилища-полуземлянки подпрямоугольной формы с открытыми очагами и стенами каркасной или срубной конструкции. Только для Подесеня характерны длинные наземные дома (Амброс, 1964; Земцов, 2004. С. 12).

Лепная керамика южных культурных групп позднезарубинецкого круга делится на грубую (кухонную) и лошеную (столовую). Первая резко преобладает. К ней относятся корчаги, горшки и плоские диски (т.н. лепешечницы). Типологическое сходство основных элементов материальной культуры позднезарубинецких древностей, с одной стороны, и раннекиевских, с другой, указывает на отсутствие между ними хронологического разрыва. В позднезарубинецкий период складывается особый набор украшений, в состав которого входили изделия с выемчатой эмалью (Обломский, Терпиловский, 2004). Степень близости к классическому зарубинецкому набору артефактов археологического комплекса позднезарубинецких групп различна. На памятниках типа Лютежа продолжается развитие местных среднеднепровских зарубинецких традиций. В древностях Южного Побужья, кроме зарубинецких среднеднепровских, наблюдаются и позднескифские элементы. Специфика почепских памятников заключается в синтезе традиций зарубинецких среднеднепровских и местных позднеюхновских племен. На востоке Днепровского Левобережья помимо среднеднепровских зарубинецких отмечено присутствие небольших групп носителей пшеворской культуры (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 85–94; 1994). На памятниках типа среднего слоя Тушемля, кроме зарубинецких, присутствуют и днепро-двинские культурные элементы. Для древностей круга Суража-Тростяницы-Радости,

по предварительным наблюдениям, характерно сочетание зарубинецких элементов с традициями культуры штрихованной керамики. Памятники типа Шапкино появляются в бассейне р. Хопер, скорее всего, в результате переселения в этот регион носителей древностей круга Картамышево-Терновки. Одновременно происходит расселение зарубинецких племен и в западном направлении – в верховья Днестра и на Западную Волинь. Здесь формируется особая культурная общность – зубрецкая культура, включающая черты пшеворской, зарубинецкой и липицкой культур. Наибольшая близость памятников типа Гриней наблюдается с верхнеднепровскими древностями типа Кистени-Чечерск классического зарубинецкого периода (среднее течение Березины – Среднее Посожье) (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 95–102; Дробушевский, 2000). Помимо позднезарубинецких, на территории днепро-донской лесостепи известны памятники других культур: сарматские, а также позднескифские (рис. 1). Их ареалы расположены чересполосно.

На рубеже II/III вв. в лесостепной зоне наблюдается новая цепочка передвижений позднезарубинецкого населения. В результате этих событий возникает новое археологическое явление – киевская культура (рубеж II/III – начало V в.). (Обломский, 1991. С. 14–25, 99–100; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 86–89; Терпиловский, 2004. С. 42–46), которая делится на несколько культурно-хронологических типов (или вариантов): средне- и верхнеднепровский (круга Абидни), деснинский, сейминско-донецкий и прихоперский (рис. 2). В последнее время появились первые сведения о киевских поселениях и могильниках в Самарском Поволжье (Стащенко, 2005. С. 23–47). На севере памятники киевской культуры обнаружены в бассейне Западной Двины и в верховьях р. Великой (Гавритухин, Лопатин, Обломский, 2004).

Ни один из локальных вариантов киевской культуры не возникает в результате простого эволюционного развития местных позднезарубинецких древностей. Киевская культура в Среднем Поднепровье формируется путем слияния традиций среднеднепровского населения типа Лютежа с верхнеднепровско-посожскими элементами. На водоразделе Днепра и Дона она возникает в результате синтеза двух родственных позднезарубинецких групп – “западной” типа Картамышево и “восточной” типа Терновки. В течение II в. почепские племена, вероятно, оставляют Подесенье, куда впоследствии с юго-востока проникают потомки носителей древностей типа Картамышево, а с севера – верхнеднепровские группировки. Вследствие их интеграции возникает деснинский вариант киевской культуры. Вопрос о происхождении верхнеднепров-

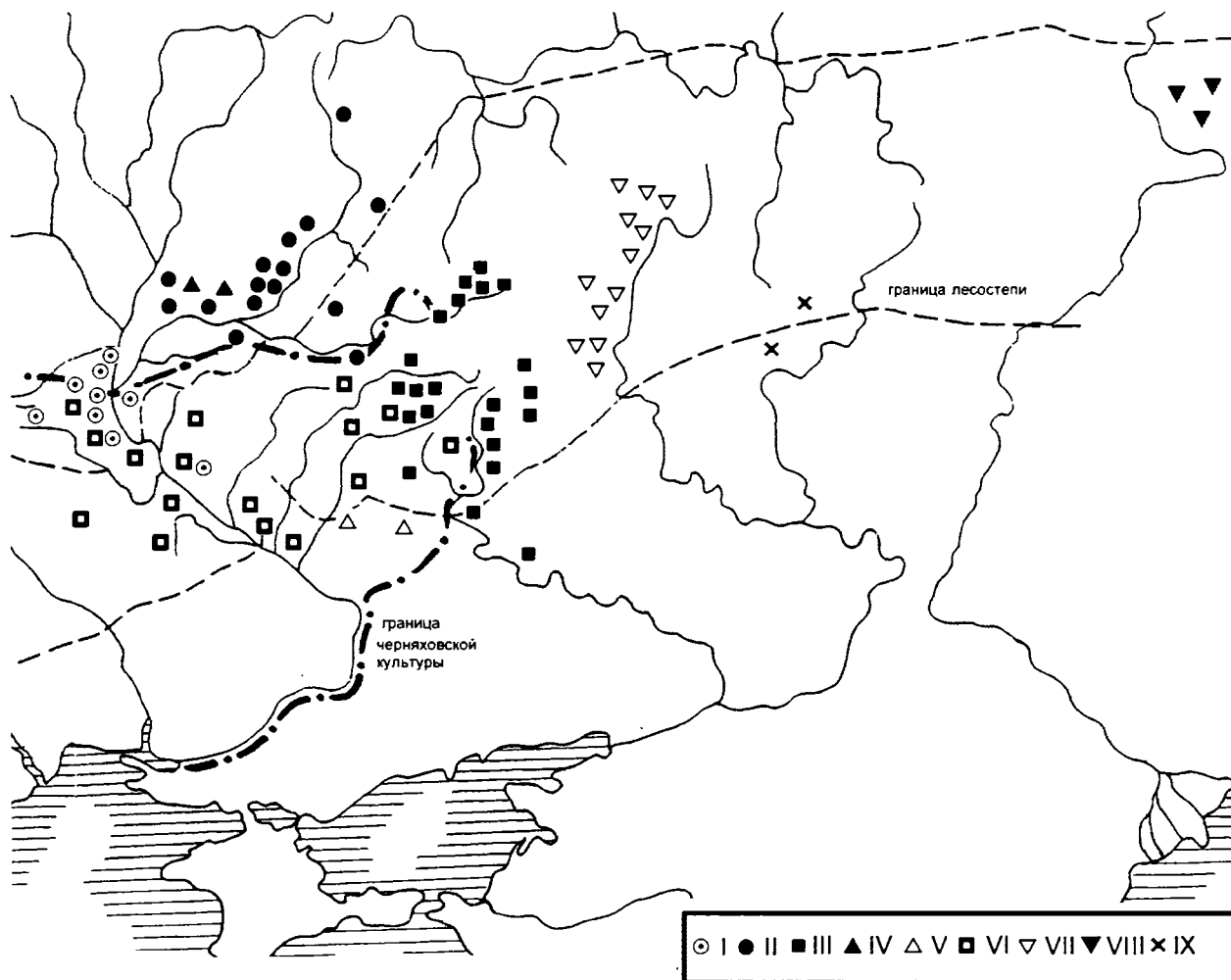

Рис. 2. Этнокультурная ситуация на территории днепро-волжской лесостепи в позднеантичный период. Памятники киевской культуры, исследованные раскопками: I – среднеднепровский вариант; II – деснинский вариант; III – сейминско-днепровский вариант; IV – верхнеднепровский вариант (тип Абидни); VIII – памятники Поволжья; IX – памятники бассейна Хопра; поздние сарматские памятники лесостепи (V); черняховские памятники киевской традиции (VI); памятники типа Каширки-Седелок (VII).

ского варианта пока не решен. Не исключено, что в их формировании приняло участие население не только культурной группы типа Гриней, но и какой-то, пока еще не открытой позднезарубинецкой группировки, в культуре которой сохранились традиции типа Чаплина “классического” зарубинецкого периода (Обломский, 1992; Терпиловский, 2003). Поволжская группировка киевской культуры пока только начинает изучаться. Ясно лишь, что киевское население проникает в этот регион извне. Лесостепные позднеантичные и сарматские памятники не позднее середины III в. прекратили свое существование.

Таким образом, в процессе формирования киевской культуры происходит перестройка традиций различных позднезарубинецких групп. Возник новый специфический культурно-хронологический

комплекс, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории.

Керамический набор ранних киевских памятников сохраняет ряд позднезарубинецких реликтов. Продолжают существовать появившиеся еще в позднезарубинецкий период “варварские” украшения с выемчатыми эмальями (Обломский, Терпиловский, 2004).

Во второй трети – середине III в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья появляются памятники черняховской культуры (Обломский, 1999), которая по современным данным соответствует протогосударственному объединению, возглавляемому готами.

Во второй половине III – IV в. носители киевской культуры вступают в контакт с черняховскими племенами. Импортные изделия, в первую очередь, керамика встречаются весьма часто. Распространение черняховской культуры на восток привело к тому, что часть киевских памятников юга Среднего Поднепровья и востока Днепровского Левобережья вошла в состав черняховской территории. Киевское население, по всей видимости, частично покинуло места своего первоначального обитания (Терпиловский, 2000; Обломский, 2002. С. 33–36).

Часть киевского населения оказалась непосредственно включенной в состав черняховской культуры. На территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья выделяются “черняховские древности киевской традиции” с лепной керамикой, аналогичной киевской (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999; Обломский, 2002. С. 49–50).

С продвижением на восток черняховских племен

связано формирование новой культурной группы в Верхнем Подонье (типа Каширки-Седлок), в составе которой выделяются элементы киевского и нижнеднепровского позднескифского происхождения.

Появление гуннов в степях Восточной Европы и разгром ими державы Германариха в 375 г. послужило причиной серии масштабных миграций в лесостепной зоне (рис. 3). В конце IV – начале V в. происходит отток черняховского населения на запад, к границам Римской империи. Приходят в движение и племена в зоне контактов с населением киевской культуры. Так, на север в Нижнее Подесенье переселяется группировка из района киевско-черняховского лесостепного пограничья (поселения Александровка-1 и Роище) (Обломский, 2002. С. 67; Терпиловский, Шекун, 1996. С. 31–34).

Более интенсивным было движение в противоположном направлении. В лесостепной части Днепровского Левобережья в пределах черняховского

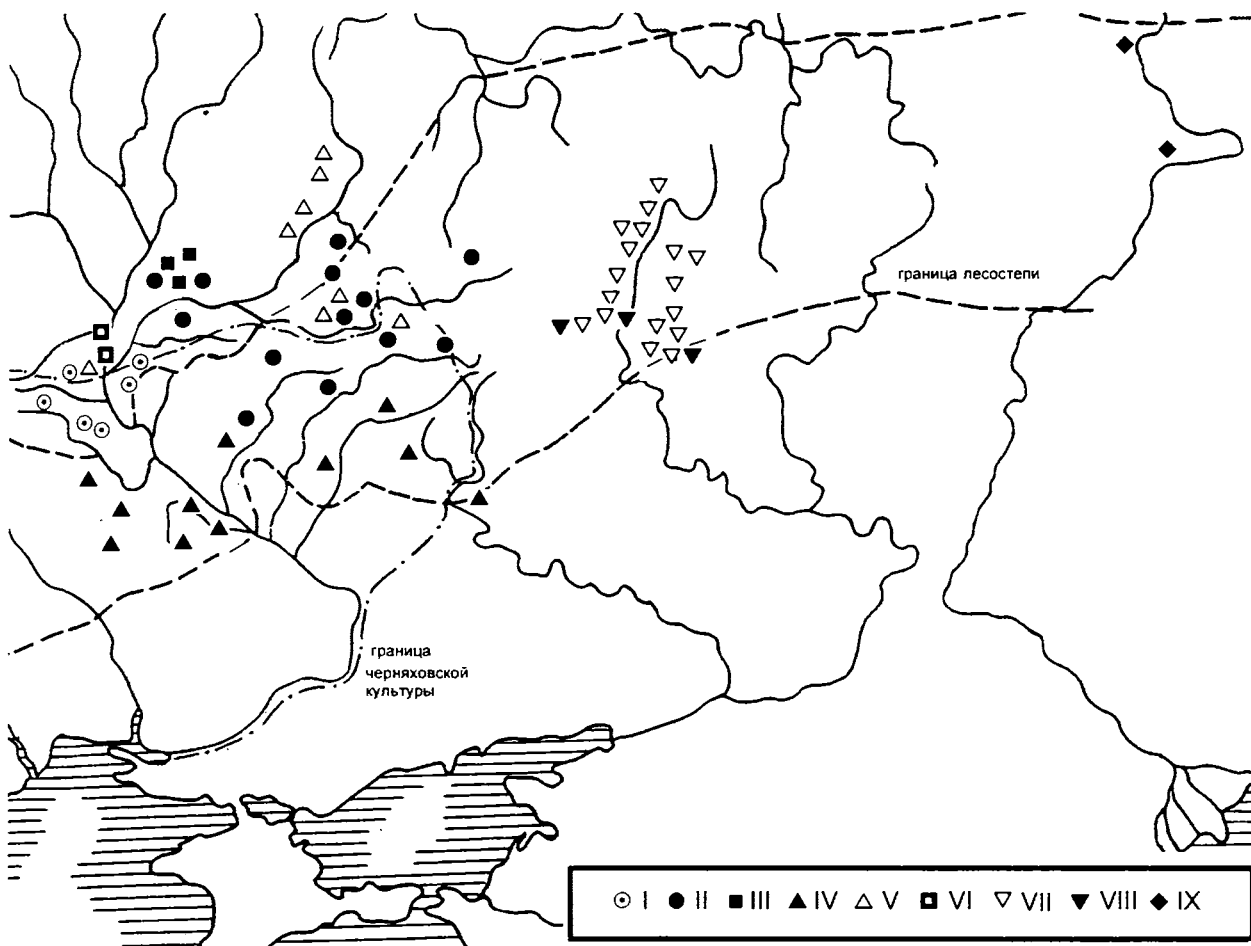

Рис. 3. Днепро-волжская лесостепь в гуннский период. Поздние памятники киевской культуры: I – среднеднепровский вариант; II – деснинский вариант; III – памятники типа Роища; памятники V в. раннесредневековых славянских культур: IV – пеньковской; V – колочинской; VI – пражской; памятники V в. Верхнего Подонья: VII – типа Чертовицкое-Замятино; VIII – труположения типа Животинного могильника; IX – ранние памятники именьковской культуры типа Лбище.

ареала появляются поселения деснинского варианта киевской культуры. Деснинское население проникает в Среднее Поднепровье и на восток Днепро-Донского Левобережья (Обломский, 1991. С. 122,123; 1996; Терпиловский, 2004. С. 69–70). Набор посуды и традиций домостроительства свидетельствуют, что колочинская культура, в целом, формируется на основе деснинского варианта киевской. Не исключено, что она соответствует раннесредневековым венетам Иордана.

В формировании пеньковской культуры, которая связывается с историческими антами (Русанова, 1976. С. 111–112; Седов, 1995. С. 81–82; Баран, 1997. С. 154–156), приняли участие какие-то группы “киевско-колочинского” северного населения (Горюнов, 1981. С. 93–94), а также киевские группировки Среднего Поднепровья и Днепро-Донского Левобережья, испытавшие сильное черняховское воздействие.

В Верхнем Подонье в этот период возникает новая культурная группа – памятники типа Чертовичского-Замятино и погребения круга Животинного, включающая разнообразные этнокультурные элементы (киевской, позднейшекиевской и мощинской культур, а также германские и кочевнические). Возможно, что ступок поселений около современного г. Задонска играл роль базы обеспечения одного из подразделений гуннской империи и какой-то группировки кочевников после ее распада. Древности лесостепного Подонья VI–VII вв. пока не известны.

*Доклад подготовлен при финансовой поддержке проекта РГНФ № 08-01-91102а/У.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1999. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья. // РА. № 4.

Амброз А.К., 1964 К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н.э. // СА. № 1.

Баран В.Д., 1997. Венеди, склавини та анти у світлі археологічних джерел. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М.

Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М., 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза). // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции 19–20 октября 2004 г. Гомель.

Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепро-Донского Левобережья. Л.

Дробушевский А.И., 2000. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. // Краеведческие

записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). Гомель.

Земцов Г.Л., 2004. Жилые и хозяйственные постройки лесостепного Днепро-Донского междуречья в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Липецк.

Мачинский Д.А., 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 17. Л.

Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва, Сумы.

Обломский А.М., 1992. О роли позднерубинского населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепро-Донского Левобережья // СА. №1.

Обломский А.М., 1996. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. №4.

Обломский А.М., 1999. О времени появления черняховского населения на территории Днепро-Донского Левобережья // 100 лет черняховской культуре. Киев.

Обломский А.М., 2002. Днепро-Донское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепро-Донское Левобережье в первые века нашей эры. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2004. Хронология и этнокультурная принадлежность украшений с выемчатыми эмальями восточноевропейского круга на территории лесостепной зоны // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В., 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Препринт. Киев.

Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. М.

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

Сташенков Д.А., 2005 Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I – V вв. н.э. М.

Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культура. Проблема контактов // Stratium+, 2000, №4.

Терпиловский Р.В., 2003. К проблеме формирования киевской культуры // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. Київ.

Терпиловский Р.В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin.

Терпиловский Р.В. Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.

Терпиловский Р.В. Шекун О.В., 1996. Олександрівка I – багатощарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернівці.

Щукин М.Б., 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

*А.Н. Павлова**Марийский государственный технический университет*

Отражение этнокультурного взаимодействия в символике костюма волжских финнов рубежа I–II тыс. н.э.

На рубеже I–II тыс. н.э. закладывались основы волжско-финских этносов, их материальной и духовной культуры в условиях тесных контактов друг с другом и иными этническими группами. Культурное взаимодействие этносов нашло отражение в самых различных областях от языка до материальной культуры, включая костюм.

Костюм волжских финнов рубежа I–II тыс. н.э. отличается богатством металлического убранства, сложным декоративным решением. К сожалению, археологические материалы не позволяют полностью реконструировать древний костюм, но и «гипотетическая реконструкция»*, воссоздает костюм волжских финнов не только как часть материальной, но и духовной культуры древних этносов.

Костюм можно рассматривать как культурную форму, призванную изменить внешний облик человека в соответствии с эстетическими представлениями и иными требованиями этноса, как символическую систему, формировавшуюся на протяжении длительного времени в условиях тесных культурных контактов.

Стремясь объяснить особенности символики древнего костюма волжских финнов, необходимо принимать во внимание возможное культурное влияние, которое может иметь как древние корни и восходить, например, ко временам финно-угорской общности, так и укладываться в рамки анализируемого хронологического периода. Обращаясь к мифологическим материалам, можно найти древние архетипические образы, характерные как для угорских, так и для финноязычных этносов (Мелетинский. С. 64–79).

Подобные параллели можно найти и в символике костюма. Е.В. Перевалова отметила характерное для хантов представление о четырех женских душах, в соответствии с которыми располагались украшения костюма (Перевалова. С. 91). В костюме волжских финнов рубежа I–II тыс. н.э. наибольшей символической емкостью обладают украшения, являющиеся основой для создания реконструкций костюма. Деление украшений костюма на четыре группы: головные, нагрудные, поясные-набедренные и украшения обуви можно отметить и для древнего костюма волжских финнов: мари, мордвы, муромы и т.д.

Символика украшений также имеет параллели в культуре волжских финнов и угров. В рассматриваемый период типичным украшением женского костюма становятся накосники различной формы, для древних мари, например, были характерны накосники в виде шнуров с подвесками на концах. Нанизанные на шнур пронизки или бусины напоминали лучи, с помощью которых богиня угров Пугос-лунг (Торум-анке) посылает на землю детей. Сходную с ней по функциям алтайскую богиню, Умай, символизировали мишурные нити: золотые, серебряные, белые и зеленые (Сагалаев. С. 54–55).

Как и многие другие народы, финно-угры придавали волосам сакральное значение. Распущенные волосы, их периодическое расплетание – характерная особенность доброго женского божества ваховских хантов. В одном из хантыйских мифов говорится, что каждое утро женское солнечное божество посылает на землю души вновь рождающихся детей в виде маленьких птичек при помощи лучей – волос (Бородовский, 1987. С. 117–121). Об угорской богине Калташ сказано: ее косы как Обь, из них разливается дневной свет, из них возникает лунный свет. Лучи-волосы реализуют метафору связи неба и земли (Сагалаев, 1991. С. 56).

По мнению А.М. Сагалаева, лучи-волосы вогульской Калташ связывают небо и землю подобно главной космической вертикали – мировому дереву (Сагалаев, 1990. С. 23–24).

Накосники в виде шнуров, украшенных различными подвесками, в древнем костюме волжских финнов имели значение связующей нити, нити-луча. Ннакосник, являющийся украшением волос, а порой полностью скрывавший волосы, как мордовский пулокерь, представляет собой вертикаль, соединяющую миры вселенной.

У обских угров известен обычай носить в волосах изображения птиц (Сагалаев, 1991. С. 6). Возможна замена птицы конем в силу близости их символической природы. Костяные фигурки коней, входившие в состав древнемарийских накосников, воплощали идею плодородия в ее связи с небом, солнцем и мировой влагой. Подобно богине женщины оказывалась связанной с вселенским плодороди-

ем. Появление фигурок коньков в составе накосников, являющихся в костюме аналогом мировой оси, связано со свойством этого животного прорывать мировые уровни.

В семантике накосников волжских финнов можно обнаружить прямые параллели с культурой угров.

Элементы головного убора волжских финнов рубежа I–II тыс. н. э. имеют параллели и в культуре балтских этносов. Конструкция венчика из узких ремешков, на которые крепились пронизки и бляшки, вероятно, имеет западно-волжские или даже балтские корни. Венчики, составленные из рядов спиральных пронизок, разделенных обоймочками, были довольно широко распространены в Восточной Европе: у земгалов, латгалов и некоторых других племен (Волкайте-Кулискаускене. С. 156–157; Зариня. С. 180), что, возможно, было связано со сходными технологическими приемами создания украшений, используемыми различными этносами в рассматриваемый период.

Популярность украшений в форме кольца, от самых простых до сложных с различными дополнительными элементами, у различных этносов была связана с их магическими свойствами. Головной венчик, ремень или цепочка служили границей миров, отсекая человека от пагубного внешнего воздействия и усиливая те качества, которые изначально присущи женщине. Ассоциация кольца с небесно-соляной сферой, с верхним миром, воплощает и идею плодородия, которой нагружена небесная стихия (Чеснов. С. 230).

Подобная символика была свойственна и головному убору волжских финнов: Т.А. Крюкова приводит реалистичные композиции с изображением коней, украшавшие сороки марийских женщин Оршанского района (Крюкова, фото 26). Археологические материалы не позволяют реконструировать зооморфную символику головных венчиков, но сам венчик можно сопоставить с небесным кругом, благодаря форме и использованным металлам.

Женщины волжских финнов носили шапочки из войлока, кожи и меха. Шапочка, как элемент женского костюма, имела древние традиции в регионе Поволжья и была известна различным этническим группам (Сабурова. С. 105–106; Генинг, 1963). Шерстяные или кожаные шапочки как принадлежность девичьего костюма характерны также для балтских племен, например, Центральной и Восточной Литвы (Волкайте-Кулискаускене. С. 153). Но в отличие от указанных этносов кожаные шапочки волжских финнов не имели богатого металлического декора. Х.Ф. Валеев и Г.Ф. Валеева-Сулейманова полагают, что подобные головные уборы волжских булгар и

финно-угров Среднего Поволжья имеют сармато-аланское происхождение и распространились в регионе под влиянием булгар (Валеев. С. 34). Возможно, следует говорить о пересечении культурных традиций различных этносов, способствовавшем актуализации определенных культурных форм, в данном случае головных уборов. Можно предположить, что у волжских финнов, как и у балтов, шапочки были девичьим, головным убором.

Таким образом, анализ древних головных уборов волжских финнов, свидетельствует, что символическое значение некоторых его элементов имеет параллели в костюме как родственных этносов (угры), так и у соседних, а порой территориально удаленных этносов.

*Термин, который предложила использовать З.В. Доде при реконструкции костюма в условиях отсутствия системообразующей основы, т.е. одежды, основываясь только на его убранстве.

- Бородовский А.Г., 1987. Интерпретация обойм-накосников и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Л.
- Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф., 2002. Древнее искусство Татарстана. Казань.
- Волкайте-Куликаускене Р.К., 1987. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. (Материалы к историко-этнографическому атласу). М.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Свердловск.
- Зариня А.Э., 1986. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу). М.
- Крюкова Т.А., 1951. Марийская вышивка. Л.
- Мелетинский Е.М., 1960. К вопросу о генезисе карело-финского эпоса (проблема Вяйнемянена) // СЭ. № 4.
- Перевалова Е.В., 1992. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург.
- Сабурова М.А., 1967. Реконструкция женского головного убора по материалам Щербинского городища / М.А. Сабурова // КСИА. Вып. 112. М.
- Сагалаев А.М., 1990. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.
- Сагалаев А.М., 1991. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск.
- Чеснов Я.В., 1998. Лекции по исторической этнологии. М.

*Л.В. Панкратова**Томский государственный педагогический университет*

Реконструкция кулайских обрядов (по материалам Саровского комплекса археологических памятников)

Комплекс археологических памятников Саровское городище и Саровское культовое место находится в Колпашевском районе Томской области, на правой террасе р. Большой Саровки – правого притока р. Оби, в восточной части д. Саровки. Городище расположено на мысу, культовое место – в 180–190 м за оборонительной системой городища на возвышенности, граничащей с болотом (Яковлев, 2001 а). Городище исследовалось в 1971–1974, 1976 гг. Л.А. Чиндиной, раскопавшей 350 кв. м. площади памятника. Раскопки на культовом месте в 1996 г. провёл Я.А. Яковлев, вскрыв 800 кв. м. (Яковлев, 2001а. С. 130, 131). Установлено, что городище возведено кулайцами второго этапа эволюции культуры на месте, освоенном людьми в эпоху ранней бронзы и васюганского (первого) этапа кулайской культуры. Культовое место существовало одновременно с начальным этапом функционирования городища во II–I вв. до н.э. (Яковлев, 2001а. С. 31).

Полифункциональный характер городища, использовавшегося не только как укрепленное системой обороны поселение, но и как культовое, жертвенное место не вызывает сомнения. На культовую функцию памятника указывают массовые скопления керамики и костей животных в мощных очагах жилищ; видовой состав животных; состав инвентаря, представленный значительным количеством оружия, ложками-лопаточками, гребнями, традиционно использовавшимися коренными народами Западной Сибири как ритуальные предметы. Об использовании объектов городища в ритуальных целях свидетельствуют погребение подростка, совершённое в постройке 6, и женский череп из постройки 7 (Чиндина, 1978. С. 64–68). Одиночные захоронения и останки людей обнаружены и на других городищах кулайской культурно-исторической общности. Что же представляли собой ритуалы, которые отправляли кулайцы, и почему они совершались именно на укрепленных поселениях? Однозначных ответов на эти вопросы нет, однако попытаться реконструировать некоторые черты древних обрядов можно.

Хорошо известно, что одним из символов архетипа матери является город, городище. Так же как мать охраняет своих детей, укрепленное поселение охраняет своих жителей. Непреступные, непобеди-

мые города часто сравниваются с девственницами, а овладение городом воспринимается как акт бракосочетания, совокупления. Поэтому изображения богинь-матерей увенчаны коронами в виде городских башен (Юнг, 1998. С. 314, 315). Металлические венцы-диадемы (13 экземпляров) были обнаружены и на Саровском культовом месте. Причём один из них был «надет» на бронзовое антропоморфное изображение, а второй лежал рядом (Яковлев, 2001б. С. 26, 27). По данным этнографии западносибирских народов металлический венец являлся атрибутом богов, элементом костюма шаманов, участников обрядовых действий, покойных. Иными словами, венец символизировал включение человека в особый ритуальный пространственно-временной континуум, выход из обыденной реальности.

С символом женщины, матери, рождающего женского лона связан и солярный мотив (Юнг, 1998). На сибирском материале символика солнца, в частности, реализуется через так называемые диски-прясла и металлические диски-зеркала. Предметы оказываются схожими не только по форме, но и в деталях декора. И зеркала, и диски-прясла часто украшены солярными орнаментами, одним из вариантов которого являются концентрические круги. Такие предметы широко распространены в Сибири как в пространственном, так и в хронологическом диапазоне (Сериков, 2005). Концентрическими кругами орнаментированы каменные, костяные и металлические диски из кулайских памятников (могильник Шеркалы IX, поселение Половинка-1, могильник Каменный Мыс, могильник Барсовский III, могильник Усть-Абинский и др.). На Саровском городище найдено два каменных и костяной диски, два из них украшены концентрическими окружностями (Чиндина, 1978). Концентрическими дугами или параллельными полосами украшены и фрагменты бронзовых дисков (могильник Усть-Абинский, могильник Барсовский III, поселение Остяцкий Живец IV и др.). Анализ композиции, выгравированной на бронзовом диске из могильника Шеркалы IX, позволил предположить, что концентрическими кругами или дугами древние обитатели Приобья изображали небесные своды. Они являются своеобразной символической границей, отделяющей небесное

сакральное пространство от пространства земного (Панкратова, 1997). Выделенность пространства, создание вокруг него символических границ, форма сакрализованного пространства – все эти признаки создают отношения подобия между городищами и изделиями в форме дисков или секторов диска. Географическая локализация укрепленных поселений на мысах рек, в приустьевой зоне (с которой в мировоззрении традиционных сибирских народов связан целый комплекс мифологических представлений), а также на возвышенных участках местности усиливает символический аспект, а также подчёркивает синкретический характер их функционирования. По-видимому, и выявленные в ходе раскопок Саровского городища канава и ровик, расположенные на внутренней площадке памятника, не являлись фортификационными сооружениями, а использовались для структурирования сакрального пространства в горизонтальной проекции. Анализ стратиграфии городища показывает, что канава и ров были вырыты ещё до сооружения оборонительной системы, состоящей из рва и вала. Траншея-канавка пересекала площадь памятника и «как бы отделяла возвышенную часть от низменной, выходя концами к обрыву» (Чиндина, 1978. С. 55, 63, рис. 3). Форма и размеры древнего рва, расположенного севернее канавы, изучены недостаточно. Не исключено, что оба сооружения выполняли одну функцию, но, очевидно, не оборонительную, поскольку трудно представить, как канава и ров, ширина которых колеблется в пределах 100–120 см и около 150 см, а глубина 60 см и 80–90 см соответственно, могли являться фортификационными сооружениями. Таким образом, еще до завершения строительных работ памятник планиграфически представлял сектор круга, ограниченный двумя дугообразными, возможно, параллельными ровиками. Сооружённый одновременно «с первой линией укреплений» объект 6 (Чиндина, 1978. С. 64), на раннем этапе функционирования памятника представлял центр сакрального пространства. Захоронение подростка у северо-западной стенки котлована постройки также указывает на это.

Однако не только внешнее подобие связывает городища с дисковидными предметами. Факт существования дисков с отверстиями ещё в палеолите и мезолите, а также анализ контекста их расположения в комплексах указывает на то, что первоначально дисковидные предметы использовались не как прясла. Предпочтительной представляется версия об использовании дисков в качестве маховичков или наверхий лучкового сверла для добывания огня (Сальников, 1952; Сериков, 2005). По данным этнографии хорошо известно, что именно такой способ

добывания огня считался священным. Добывание огня сверлением (трением) изначально символизировало половой акт, имеющий ритуальный характер (Юнг, 1998. С. 225). Диск с отверстием и древко деревянного трута являлись символами мужских и женских половых органов. Не исключено, что в качестве трута использовалось древко стрелы, мужская символика которой хорошо освещена в литературе. Семантика ритуального совокупления на материалах Саровского городища раскрывается и через обнаруженные возле очагов внутри строений находки керамических сосудов и костяных ложек-лопаточек. О ритуальном характере использования посуды, помимо данных этнографии, свидетельствуют выявленные факты преднамеренного её разрушения. С мотивом единения мужского и женского начал могут быть связаны находки в очагах всех трёх построек металлических или костяных наконечников стрел, а также под очагом в объекте 7 прямоугольного пятна с углистым дном и костяным наконечником копья внутри (Чиндина, 1978. С. 52–54). Символические пары представлены и в металлопластике Саровского культового места. В виде парных композиций переданы образы лосей, птиц, змей (Яковлев, 2001б. С. 80–85, 88, 89). Символика зачатия, рождения, творения прочитывается и в трёхчленных композициях бронзовых изделий (Яковлев, 2001б. С. 86, 87, 90, 91). Иначе говоря, семантика совокупления, рождения на материалах Саровского комплекса памятников неоднократно воспроизводится при помощи различных вещей-символов.

Символический акт зачатия, в условиях первобытного синкретизма, входит в общую космологическую схему создания или воссоздания вселенной, одним из аспектов которой является и технологическая сфера деятельности человека (Байбурин, 1981. С. 221). Не случайно все вещи-символы локализованы вокруг очагов внутри построек городища, а на 85,0 % кулайских городищ литейный процесс сопровождают диски-прясла (Чиндина, 2001. С. 198, 199). Поскольку Саровское городище являлось культовым центром и на нём выявлены остатки бронзолитейного производства, можно предположить, что составляющей частью обрядов кулайцев было производство бронзовых изделий, обнаруженных на Саровском культовом месте. Представляется, что процесс создания бронзового литья воспринимался кулайцами как символический половой акт и рождение живых существ. Примечательно, что в языке селькупов «родиться» – это то же, что «появиться на свет» (тёлымбыгу) (Быконя и др., 1994. С. 80). Иначе говоря, рождение связано с источником света. В представлениях селькупов жизненное начало

всем обитателям земли посылает с утренними лучами солнца богиня-мать. Эту жизненную силу и солнечные лучи селькупы называют одним словом «ильсаи» (Прокофьева, 1961). Таким образом, началом, рождающим жизнь, является дочь небесной богини – Солнце. Но и символическое солнце – дискамовичок также рождает свет, огонь и сакральные образы. Вероятно, как и роды, ритуализированный технологический процесс был связан с кровью. Возможно, частью ритуала было жертвоприношение молодой девушки (череп из объекта 7). Присутствие крови символизирует также подсыпка из охры в объекте 6 и кусочки кровавика в объекте 7.

Бронзовые образы для их создателей были не просто живыми. Из 47 отливок Саровского культового места 11 обмотаны золотыми, серебряными, медными или бронзовыми плоскими лентами (Яковлев, 2001б. С. 215, 216). По данным этнографии, серебряные пластины, венцы являлись атрибутами божеств (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 147, 148), а кольцо, надетое на изображение духа, означало, что последний приручен, подчинен воле шамана (Пеллих, 1980. С. 27). Бронзовое колечко из металлической ленты надето на зубы объемного изображения головы рыбы (?). Фольгой обмотаны три изображения лося, столько же изображений змей, две фигурки птиц, одного антропоида. Фольга намотана и на рамку одной из диадем, декорированных головами антропоидов. Отметим, что среди поделок, обмотанных фольгой нет изображений медведя. С перечисленными образами животных в этнографии западносибирских народов связаны представления об устройстве вселенной, календарный цикл. Во всяком случае, противопоставление медведя лосю, отмеченное в этнографии селькупов, не противоречит данному предположению. Новый год у селькупов праздновался дважды – весной и осенью. Осенний Новый год отмечали как праздник небесного бога Нопа. В этот день почитались Вода и Лось. Считалось, что в этот день Солнце уходит, в силу вступает Луна. Медведь впадёт в зимнюю спячку и хозяином леса до весны станет Лось. Интересно, что праздничный костёр мог разжечь только мальчик (Ким, 1997. С. 159-161). В целом, отмеченные металлическими лентами образы Саровского культового места – лось, змея, птица, рыба, мужчина – семантически близки образам праздника Лося селькупов. И хотя аналогии не могут быть абсолютными, представляется, что они проливают свет на смысл обрядовых действий кулайцев. Видимо, Саровский комплекс памятников был культовым центром древнего насе-

ления Приобья, на котором осуществлялись обряды осеннего новогодневого цикла, во время которых в соответствии с мифологическими представлениями отливались бронзовые изображения духов, божеств, олицетворявших пространственно-временные категории вселенной. Завершались обрядовые действия у дерева (Яковлев, 2001. С. 29), символизировавшего мировое древо. Топография расположения культового места также соответствует расположению мирового древа на мировой горе у водоёма.

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Динамика культур Среднего Приобья Западной Сибири в древности и средневековье» № 07-01-00103а.

- Байбурин А.К., 1981. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. СМАЭ, т. XXXVII. Л.
- Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц., 1994. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., 1986. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск.
- Ким А.А., 1997. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск.
- Панкратова Л.В., 1997. Гравированные изображения на бляхе из могильника Шеркалы IX // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.
- Пелих Г.И., 1980. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск.
- Прокофьева Е.Д., 1961. Представления селькупских шаманов о мире // СМАЭ. Т. XX. М., Л.
- Сальников К.В., 1952. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск.
- Сериков Ю.Б., 2005. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.
- Чиндина Л.А., 1978. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск.
- Чиндина Л.А., 2001. О двух сакральных символах в кулайском бронзолитейном производстве // Евразия сквозь века. СПб.
- Юнг К.Г., 1998. Символы матери и возрождения // Между Эдипом и Озирисом. М. – Львов.
- Яковлев Я.А., 2001б. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск.
- Яковлев Я.А., 2001а. Саровское городище, Саровское культовое место // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск.

Л.Ю. Пономарев

Центр археологических исследований БФ «Деметра», Керчь

Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X в.

Во второй половине VIII в. в Крыму появляются сотни салтово-маяцких поселений. Относительно времени их появления исследователи большей частью единодушны, но причины, вызвавшие массовый приток нового населения остаются до сих пор предметом дискуссий.

На современных археологических картах, в основу которых были положены результаты разведок Д.Л. Талиса и А.В. Гадло, на Керченском полуострове отмечено 28, 46, 48 поселений и два могильника второй половины VIII – первой половины X вв. Однако, эти цифры весьма отдаленно отражают реальную ситуацию. Только по данным В.В. Веселова (разведки 1949–1964 гг.) их насчитывается не менее 170, а с учетом античных памятников, на территории которых найдены единичные фрагменты керамики VIII–X вв., таких пунктов свыше 250. Десятки других, неизвестных ему поселений, открыты позднее в северной, восточной и юго-восточной части полуострова. К примеру, между Тобечикским и Чурубашским озерами, где В.В. Веселову было известно 6 поселений, разведками В.Н. Зинько и Т. Шоля выявлено свыше 50 салтово-маяцких памятников. Многочисленные поселения и могильники обнаружены А.А. Масленниковым и В.К. Голенко на побережье Азовского моря и в окрестностях горы Опук. Более того, число салтовских памятников Керченского полуострова ежегодно увеличивается, к тому же некоторые его районы до сих пор не исследованы.

Большая часть поселений располагалась в восточной части полуострова, явно тяготея к Боспору и пролежавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. Активному освоению западных земель препятствовали неблагоприятные физико-географические условия, прежде всего недостаток пресной воды и малопригодные для сельскохозяйственного использования солонцеватые черноземы и степные солонцы. В зависимости от ландшафтных условий поселения можно разделить на две группы. Одни из них располагались на морском побережье, предпочитая удобные бухты, мысы и морские террасы. В степных, отдаленных от моря, районах они занимали долины степных рек, южные склоны холмистых гряд и возвышенностей. Гораздо реже заселялись их вершины, причем, как правило,

в том случае, если на них некогда располагались античные городища и поселения, руины которых были довольно привлекательны с утилитарной точки зрения. В наиболее пригодных для проживания и эффективной хозяйственной деятельности районах, плотность населения резко возрастала. К их числу можно отнести окрестности горы Опук, балку Чикграл-Джилга у с. Заветное в юго-восточной части полуострова, участок побережья Керченского пролива у пос. Эльтиген и некоторые участки Азовского побережья. Не менее плотно была заселена ближайшая округа Боспора.

Планировка поселений изучена еще достаточно плохо, поскольку, за редким исключением, они не подвергались целенаправленным и ширококомасштабным раскопкам. По всей видимости, большая их часть представляла собой группу обособленных и хаотично расположенных построек. Ориентированы они в направлении СЗ–ЮВ, СВ–ЮЗ, З–В и сооружались на расстоянии от 20 до 150 м друг от друга. Между ними размещались хозяйственные ямы, очаги и зольники. Следов плотной или квартальной застройки обнаружить не удалось. Гораздо лучше изучены жилищно-хозяйственные комплексы, раскопанные на 15 поселениях. Впервые их типология была разработана в работах А.В. Гадло и И.А. Баранова, однако в последние десятилетия были открыты жилища, которые по своему характеру и планировке не вписывались в предложенный типологический ряд.

По всей видимости, первыми, получившими распространение у тюрко-болгар Керченского полуострова, стационарными жилищами стали бесстолбовые и каркасно-столбовые полуземлянки, раскопанные на поселениях Героевка-3, Пташкино, Эльтиген-Западное и Тиритака. Помимо обычных полуземлянок, на поселениях Пташкино и Героевка-3 открыты заглубленные в грунт постройки и полуземлянки, котлованы которых по периметру обложены камнем. К этой же группе построек А.В. Гадло относил постройку, сооруженную в разрушенной ранневизантийской базилике на городище Тиритака. Позднее стали сооружать наземные однокамерные дома (Тиритака, Мирмекий, Героевка-2, Героевка-3), а в IX в. двухкамерные дома – «пятистенки» (Алексеевка, Мирмекий, Илурат,

Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6, Осовины-1), которые считают одним из наиболее характерных признаков византинизации салтово-маяцкой культуры в Крыму. Помимо них выделен еще один тип жилищ, представлявших собой однокамерные или двухкамерные дома, к которым с запада были пристроены округлые в плане помещения. Они выявлены на поселениях Героевка-3 и Героевка-6, за пределами Керченского полуострова аналогов им найти не удалось. Кульминацией процесса византинизации салтовских жилищ считают появление в IX в. обособленных усадеб. Одна из них частично раскопана на поселении «Над источником» на южном склоне горы Опук. К их числу И.А. Баранов относит многокамерную постройку, раскопанную В.Ф. Гайдукевичем на Тиритаке. Среди уникальных, характерных только для рассматриваемого региона, жилищно-хозяйственных комплексов, следует упомянуть жилища и убежища скотоводов, устроенные в позднеантичных склепах и погребально-поминальных комплексах первых веков нашей эры на могильниках у с. Кыз-Аул (Яковенково) и городища-крепости Илурат.

Ведущей отраслью хозяйства восточнокрымских тюрко-болгар являлось земледелие, о чем свидетельствуют многочисленные находки ротационных жерновов, ступ, а также сельскохозяйственных орудий – мотыг и серпов. Среди полевых культур преобладали зерновые, в том числе мягкие сорта пшеницы, ячмень и рожь, зерновки, которых найдены на поселении Героевка-3. Немаловажное значение сохраняло животноводство. Среди поголовья преобладал крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. По мнению И.А. Баранова, во второй половине VIII–X вв. животноводство носило уже приусадебный характер, с небольшим стадом у каждой семьи. Скот выпасался неподалеку от поселений и в ночное время содержался в кольцевых оградах, остатки которых выявлены на горе Опук и в северной части полуострова.

Жители прибрежных поселений занимались рыболовством. В повседневный рацион включались и мидии.

Важнейшей отраслью экономики являлось ремесленное производство. Находки пряслиц свидетельствуют о повсеместном распространении прядения и ткачества. Наличие на Керченском полуострове мощных железорудных пластов способствовало развитию железообрабатывающего ремесла. Правда, следов его пока не выявлено, но крицы ноздреватого железа и железные шлаки из керченской руды выявлены на поселениях Юго-Восточного Крыма и за пределами полуострова.

Не обнаружено и гончарных мастерских, хотя,

вне всяких сомнений, посуда салтово-маяцкого облика производилась на Керченском полуострове, о чем свидетельствует характерный только для этого региона состав формовочной массы, насыщенной разнообразными отощителями из местного сырья. В глину местной керамики добавляли карбонатные породы, морской песок, дробленную морскую ракушку, шамот, сухую глину, железистые частицы и крайне редко древесный уголь, солому и зерна злаковых культур. Местные гончары производили тарную, кухонную и столовую керамику. К тарным сосудам относятся массивные горшки-пифосы и корчаги, к кухонным – разнообразные по форме и орнаментации горшки, кастрюли и котлы с внутренними ручками-ушками. Столовая керамика представлена немногочисленными находками небольших горшочков с ручкой и мисками. Среди керамических изделий специального назначения отметим маслобойки и крышки для кастрюль. Вопрос о производстве столовой ложенной керамики остается открытым.

Торговые связи салтовских поселений Керченского полуострова проследить гораздо сложнее ввиду малочисленности импортных изделий и ряда трудностей, возникающих при выделении центра производства того или иного типа тарного сосуда, а также определении товара или продукта, доставлявшихся в них. Скорее всего, в роли основного торгового партнера для населения Восточного Крыма выступал Боспор, посредством которого необходимые товары могли поступать из других регионов Таврики. Тесные контакты могли поддерживаться с населением Нижнего Дона и Приазовья. Судя по находкам редких типов импортных амфор, определенные группы товаров поступали из портов южного Причерноморья и Средиземноморья. Торговые связи в это время осуществлялись в основном благодаря морским коммуникациям, пролежавшим вдоль южного берега Керченского полуострова и по Керченскому проливу. Функционировали и сухопутные дороги. Неслучайно многие поселения тяготели к северным отрогам Парпачского и Митридатского хребтов, вдоль которых издавна пролегалла одна из дорог.

И в заключение остановимся на дискуссионном и по нынешний день вопросе о времени и причинах «гибели» салтово-маяцких поселений Крыма. По мнению А.Л. Яковсона, жизнь на них оборвалась на рубеже IX–X вв., что было связано с вторжением на полуостров печенегов. Его поддержали А.В. Гадло, С.А. Плетнева, Т.И. Макарова и другие исследователи. И.А. Баранов считал, что этот процесс был связан с активизацией византийской политики во второй половине X в. по восстановлению своей власти

в Таврике. В последние годы причины катаклизма видят в последствиях похода хазарского «булл-шци» Песаха в Крым во время византийско-хазарского конфликта 930-х гг. (А.И. Айбабин, В.В. Майко, Л.Ю. Пономарев, В.Н. Зинько, В.К. Голенко, А.В. Джанов). Иными словами, все существующие гипотезы рассматриваются в русле внешней угрозы или военных действий. Однако следов не только разрушений и пожаров, но и поспешных сборов на поселениях Керченского полуострова не прослеж-

но. Более того, их жители располагали достаточным временем, чтобы забрать с собой имущество, оставив лишь крупногабаритную и пришедшую в негодность, керамику. Тем не менее, поселения все же были покинуты, и причины этого катаклизма еще предстоит выяснить.

Со второй половины X в. степи Керченского полуострова оказались под властью печенегов, а затем половцев. Оседлое население освоило его заново только в конце XIII-XIV вв.

П.В. Попов

Министерство культуры Астраханской области

Семиреченские элементы в керамике Самосдельского городища

Продолжающиеся исследования на Самосдельском городище дают новые материалы, которые позволяют уточнить этнокультурную ситуацию на памятнике. Следует отметить некоторые типы лепных котлов, выделившихся в материалах, полученных в результате исследований нижних слоёв городища.

Котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными прямыми, витыми петлевидными ручками. (рис. 1: 1–7; 2: 8–14). На данных котлах фиксируется несколько типов венчиков. Наиболее часто встречается венчик образованный сильно затёртым краем стенки, трапецевидный или прямоугольный в сечении. Он мог быть оттянут назад, в результате чего образовывалась маленькая приподнятая над туловом горловина. Также на венчиках этого типа может фиксироваться закраина под крышку. Кроме этого, встречаются венчики, образованные краем стенки, затёртые, прямоугольные в сечении. Донце у этих котлов, по всей видимости, было округлым.

Отличительной чертой данного типа является наличие прямых, витых петлевидных горизонтальных ручек, располагающихся под венчиком сосуда или на его краю. Следует отметить, что выделение в рамках данного типа вариаций ручек сосуда не может являться критерием для дальнейшей градации. По морфологическим и технологическим признакам сосуды этого типа практически идентичны. Это свидетельствует об этническом единстве их носителей.

Витые ручки этих сосудов следует рассматривать как стилизованное изображение бараньих рогов, что свидетельствует о распространении среди носителей керамики традиции почитания барана в качестве сакрального животного. Такие представ-

ления широко распространяются среди сырдарьинских племён, начиная с первых веков н.э.

Рассматривая эти котлы, следует отметить, довольно бедую орнаментацию. Характерным декором в рамках данного типа является полоса циркульных отпечатков, проходящая между венчиком и ручкой. Аналогичный декор из пальцевых вдавлений встречается на лепных котлах с горизонтальной петлевидной ручкой найденных на городище Шашукум-тобе в слоях VI–VIII вв. Орнаментальная полоса здесь также проходит между ручкой и туловом. (рис. 2: 10) Следует обратить внимание на пальцевые вдавления расположенные в основании ручек. Данный элемент также характерен для сосудов со среднеазиатских памятников. (рис. 2: 13, 14)

Полные аналогии котлам этого типа находятся в материалах Кулана (городище Луговое), Семиреченского городища в юго-западном Семиречье, (Байпаков, 1986. С. 29–31, 61, рис. 14) а также в материалах раннесредневековых слоёв Тараза (Сенигова, 1972. С. 89, 91). К.М. Байпаков, датирует подобную керамику VII–VIII вв. Т.Н. Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII–IX векам. Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи, с чем интерпретируют их как посуду кочевого тюркоязычного населения (Байпаков, 1986. С. 62). Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруживаемых на городище Джигерберт (Вишневская, 2001. С. 35–36, рис. 11; 2, 10). Здесь эти сосуды датируются IX веком. Н.Ю. Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязычных кочевников.

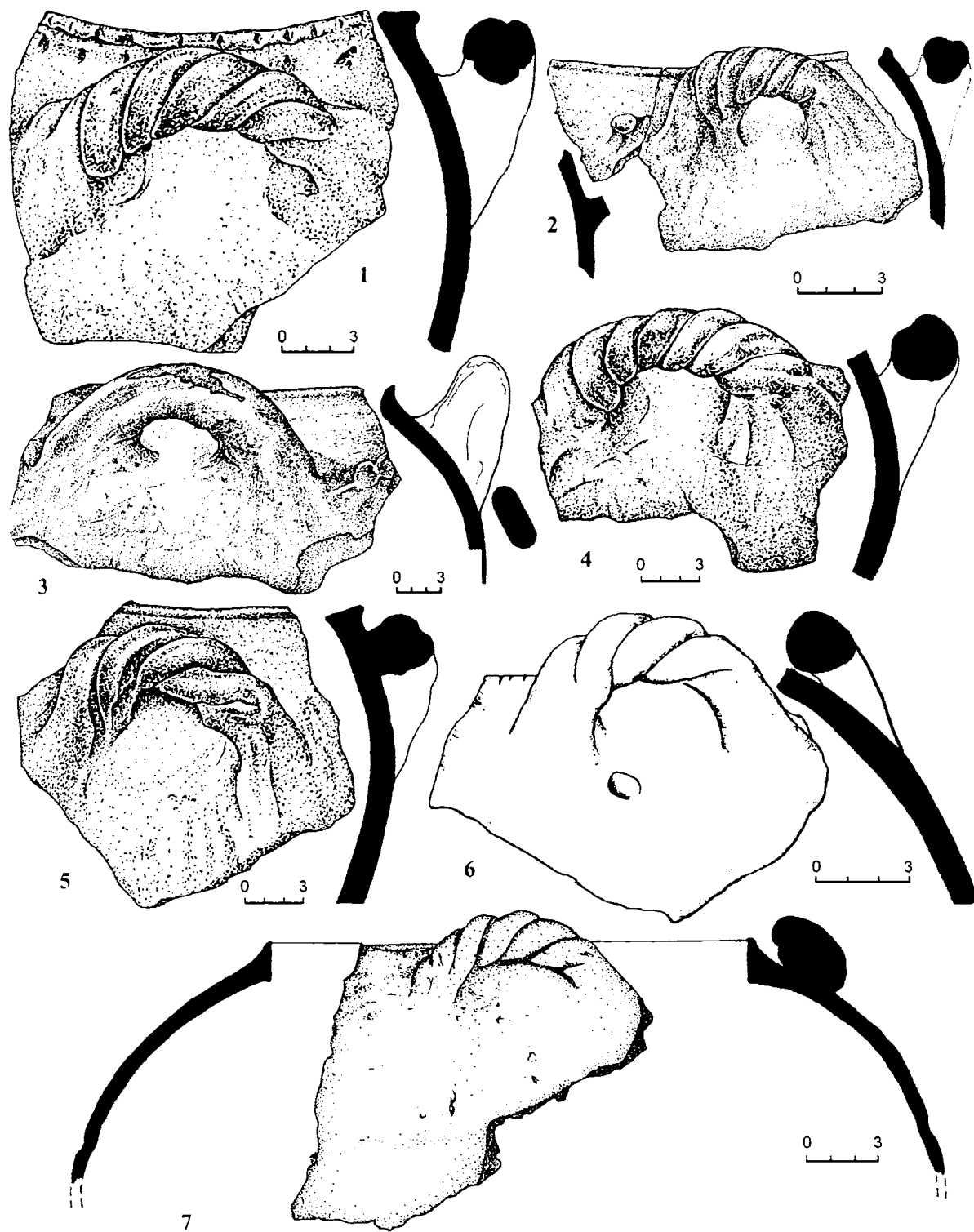

Рис. 1. Лепные котлы с горизонтальными витыми ручками.

Здесь следует обратить внимание на резкое отличие котлов из Джигербента и Семиречья. По всей видимости, Семиречье является исходным центром распространения рассматриваемых элементов, а в

материалах памятников Амударьи они проникают в результате влияния кочевников на материальную культуру осёдлого населения.

Котлы с округлым сферическим туловом и гори-

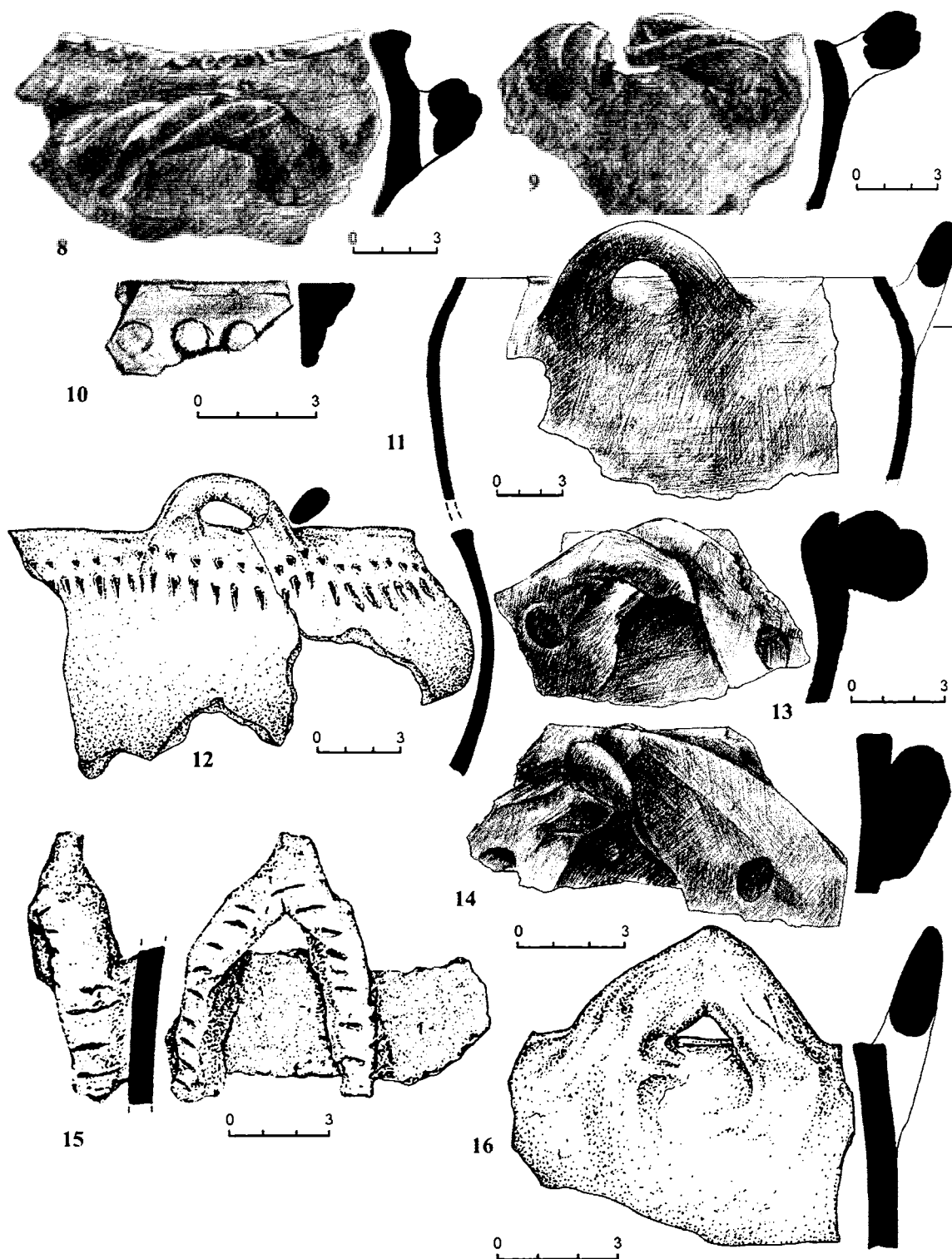

Рис. 2. Лепные котлы с горизонтальными ручками: 8–14 – витыми; 15, 16 – треугольными в сечении.

горизонтальными петлевидными ручками треугольными в сечении. (рис. 2: 15, 16). Венчик у подобных сосудов слабовыделен, прямоугольный в сечении, представляет собой как бы обрезанный и слегка затёртый

край стенки. Донце, по всей видимости, было округлым. В верхней части тулова сосуда располагается горизонтальная петлевидная треугольная ручка.

Полные аналогии таким котлам обнаруживаются

на памятниках восточной части Таласской долины (Бубнова, 1963. С. 138). М.А. Бубнова считает, что форма этих котлов восходит к металлическим образцам сакского времени.

Рассматривая вышеописанные типы котлов, следует отметить, что они имеют явную взаимосвязь, указывающую на близкое этническое родство их носителей. Как было отмечено ранее, в рамках описанных типов наблюдается общность технологических характеристик. Особо следует остановиться на находках лепных котлов с горизонтальными витыми треугольными ручками. Эти элементы наглядно иллюстрируют особо тесную этнокультурную связь этих типов.

Находки подобных котлов и анализ их морфологических характеристик позволяет говорить о выделении в материалах городища комплекса семиреченского происхождения. Большое значение имеет сходство форм Самосдельского городища с аналогиями из материалов памятников Семиречья. Это свидетельствует о прямом переселении носителей данных форм в Нижнее Поволжье. Также следует отметить, что бытование котлов этого типа в Семиречье имеет относительно ограниченные хронологические рамки. Как уже было упомянуто выше, исследователи датируют подобные котлы VII–IX веками. По видимому, исчезновение этих форм следует связывать с мусульманизацией и седентаризации тюркоязычных кочевников. На Самосдельском городище котлы этих типов распространены исключительно в нижних слоях. В связи с этим, можно предположить, что распространение рассматриваемых котлов в материалах памятника следует датировать нач. IX – X веком.

Большой интерес представляет происхождение этого комплекса. При рассмотрении этого вопроса привлекают внимание исследования С.Г. Агаджанова по вопросу генезиса огузской конфедерации. По его мнению, ранний период сложения огузской конфедерации связан с районами Семиречья (Агаджанов, 1977. С. 80–83; Агаджанов, 1969. С. 127). Данную точку зрения разделяет С.Г. Кляшторный (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 116).

В средневековых исторических преданиях отмечается, что ставка одного из легендарных предков огузских племен находилась на побережье озера Иссык-Куль. Следует отметить, что еще в XI в. среди огузов сохранялись предания о далеких временах, когда они жили по соседству с чигилями. Махмуд Кашгарский сообщает, что между огузами и чигилями были враждебные отношения. Следует упомянуть распространённую в сочинениях арабских авторов легенду о «дождевом» камне, в которой район Иссык-Куля обозначен в качестве прародины огузов. Привлекает к себе внимание легенда, которая

помещает родину Огуз-хана в Таласе (Агаджанов, 1969. С. 127).

По сообщениям письменных источников в огузский союз входило несколько тюркских племён. Источники говорят о включении в его состав халаджей, джагра (шагра), тюрок-чаруков (Агаджанов, 1977. С. 80–83). Особый интерес представляют данные, касающиеся истории тюрок-чаруков. В VIII в. данное объединение локализуется в долине рек Чу и Талас. Центром их владений был богатейший город Тараз. В источниках он известен как «город славных и благословенных тюрок-чаруков» (Кляшторный, 1964. С. 131). Однако в 766 году карлуки берут Тараз штурмом. В период образования Карханидского каганата, он упоминается как резиденция предводителя чигилей (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 120). Это даёт основания предполагать, что чаруки были вытеснены из прежних районов проживания в результате карлукской экспансии. Можно предположить, что в состав огузской конфедерации вошли племенные объединения, обитавшие во второй пол. VIII в. в районах Семиречья и покинувшие их в результате военной экспансии карлуков.

Процесс переселения и бытование огузов в восточноевропейских степях тесно связан с политической историей Хазарского каганата. В пользу данного утверждения свидетельствует тот факт, что наиболее ранние и многочисленные материалы, относящиеся к данным племенам, были обнаружены в хазарской крепости Саркел – Белая Вежа.

М.И. Артамонов связывал лепную кочевническую керамику, украшенную орнаментом «роскошного стиля» с наёмным гарнизоном Саркела, состоящим из огузов (Артамонов, 1958. С. 32–37, 77). Эта посуда на раннем этапе существования Саркела, компактно локализуется в цитадели, практически не выходя за ее пределы. Особо надо отметить, тот факт, что данный комплекс располагается на материке, не имея подстилающего салтовского слоя (Артамонов, 1958. С. 35–37). Этот факт даёт основания утверждать, что кочевой гарнизон Саркела появился с момента строительства крепости. Таким образом, основываясь на известной дате построения Саркела, проникновение огузо-печенегов в степи Восточной Европы можно датировать не позже первой трети IX века. При этом важно отметить, что оно, по-видимому, носило ограниченный характер и проходило под контролем хазарской администрации. В этот же период, с переселением огузов рассматриваемые типы проникают на Нижнюю Волгу.

В связи с этим, можно с большой долей уверенности соотнести рассмотренные формы в керамическом комплексе Самосдельского городища с племен-

нами семиреченского происхождения, составившими костяк огузского объединения, т.е. с собственно с огузами. Большое значение имеет определение четких хронологических рамок существования данных форм: IX–X вв.

Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII вв. Ашхабад.

Агаджанов С.Г., 1977. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана // Известия АН Туркменской ССР, серия общественные науки, № 4.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62

Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья, Алма-ата.

Бубнова М.А., 1963. Средневековое поселение Ак-тепу с Орловка // Археологические памятники Таласской долины, Фрунзе.

Вишневская Н.Ю., 2001. Ремесленные изделия Джигербента, М.

Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники, М.

Кляшторный, С.Г., Савинов Д.Г., 2005. Степные империи древней Евразии. Спб.

Сенигова Т.Н., 1972. Средневековый Тараз, Алма-Ата.

А.И. Поселяниц

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Хакасский научно-исследовательский институт языка

литературы и истории, Абакан

Тризны в таштыкских поминальниках*

Одной из характерных особенностей таштыкской культуры, наряду с погребальными мумиями и манекенами, масками – бюстами, образцами художественного творчества в виде петроглифов и графических миниатюр на тепсейских плакетках, являются поминальные памятники. Начинаясь при погребении умершего и продолжаясь, длительное время после этого, поминальные обряды были составной частью пропициальных культов по подготовке к загробной жизни и почитанию предков. Поминальные сооружения представляют собой важный источник для изучения не только обрядов, но и различных аспектов хозяйственной и социальной жизни таштыкцев. Однако до последнего времени они не были предметом специального исследования из-за ограниченной источниковой базы.

На раннем этапе таштыкской культуры следы похоронных тризн прослеживаются уже в грунтовых могильниках, датируемых рубежом нашей эры. Черепа и фрагменты несъедобных частей туши (видимо, шкуры с конечностями) помещали в яму, на бревенчатое перекрытие могил. Очень редко поблизости в маленькие ямки клали кусок мяса или горшок. В этих объектах можно видеть зарождение традиции сооружения ямок с тризнами, которые получили развитие на втором этапе таштыкской культуры на специально отведенных местах рядом с захоронениями в курганах–склепах.

Исследования таштыкских поминальников начали проводиться в XIX – нач. XX в., но они не были выделены в самостоятельный тип памятников, так как не имелось достаточных оснований для постановки этой проблемы, а обнаруженные при раскопках ямки с жертвенной пищей также пока не находили своего объяснения. В первой половине XX в. таштыкские культовые сооружения в ограниченных масштабах раскапывали С.В. Киселев и Л.Р. Кызласов. В ямках находилась таштыкская керамика, части туши барана или коровы на деревянных блюдах, редкие кучки пепла, обкладки стенок в виде срубков или вертикальных бревнышек. На основе этих признаков ученые указали на связь с кыргызскими курганами чаатас и отнесли помины к особому типу переходных позднеаташтыкских погребений (Киселев, 1951, С. 262–264, Кызласов, 1960, С. 151–156).

В 60–70 гг. прошлого века после проведения исследований под руководством М.П. Грязнова у г.Тепсей поминальники были атрибутированы как особый тип памятника. Ученый предложил реконструкцию различных аспектов поминального обряда таштыкской культуры. Он отметил, что поминки обычно сопровождалась закланием жертвенных животных и пиршеством. Состав поминальных тризн в отличие от погребальных приношений был скромнее – предпочтение отдавалось не быку и коню, а барану. После завершения поминок, в ямку помеща-

ли напитки мясо и другую пищу, а рядом вкапывали стелу. Состав приношений в ямках был различным: от одного до нескольких кусков баранины или говядины и 1–3 горшка с напитками или кашей. Учитывая плотность ямок на вскрытом раскопе, и сопоставляя общую предполагаемую его площадь, число поминов могло достигать 250–300, а число принесенных в жертву животных составляло 200–250 (Грязнов, 1979. С. 143–144.)

Кроме этого к изучению таштыкских поминальников обращались Э.Б. Вадецкая, И.Л. Кызласов, Ю.С. Худяков, но исследования проводились на ограниченном материале, и специального внимания жертвоприношениям животных не уделялось.

Статья посвящена восполнению пробела в изучении таштыкских тризн. Целью является статистический и типологический анализ состава жертвенных мясных наборов из поминальников позднего этапа таштыкской культуры III–VI вв. н.э.

В качестве исходного материала используются неопубликованные сведения, полученные при монографических исследованиях поминальников Маркелов Мыс–1, Маркелов Мыс–2, Старозначенная Переправа – 2, Белый Яр–3, Быстрая – 2 проведенных новосибирскими археологами О.А. Митько, Ю.В. Тетериним и автором статьи. Также привлекается материалы поминальника Тепсей – 3. Таким образом, в классификационной процедуре использовано 6 поминальных комплексов и около 490 ямок, из них в 250 находились остатки мясных тризн. В отдельных ямках щедрые приношения содержали части от 2–4 животных, включая сочетания баранины с говядиной. Поэтому в 250 ямках находилось мясо от 336 животных. Определения остеологических материалов выполнены Чумаковым д.ветер.н., АА. Асочаковым, к.зоол.н., Хакасский госуниверситет г. Абакан и М.В. Саблиным, к.зоол.н институт Палеонтологии г. Санкт–Петербург.

На основе статистического анализа остеологических материалов определен минимальный набор частей туши, которые в различных комбинациях встречались в ямках. Набор включал туловище животного в составе осевого и периферического скелета: 4 конечности, череп и позвоночник с ребрами. В поминальных ямках отсутствовали: хвостовой отдела позвоночника, плечевые, запястные, пястные и кости плюсны с заплюсной, последние представлены в единичных случаях.

Таким образом, была получена основная классификационная категория жертвенного набора, которая включала мясо от передних ног (2 кости): лопатку, плечо, и куски от задних ног (2 кости): бедренную, голennую кости. Обычно это т набор до-

полнялся поясничными (6 шт.), грудными (13 шт.), реже шейными (7 шт.) позвонками, тазовыми костями (2шт), ребрами (26 шт) черепом. Учтены таранные кости (альчики), которые найдены в поминах в единичных случаях. Данный состав жертвенного набора мяса определялся либо религиозными нормами, либо пищевыми традициями, исключаящими из употребления несъедобные части животного (Юденичев, 1997, С. 36–44).

Корреляция основных признаков позволила выделить отдельные типы, виды и подвиды жертвенных наборов мясной пищи из таштыкских поминальников. По количеству ног, представленных в жертвенном наборе, выделено 5 Типов: I тип – одна конечность животного; II тип – куски от двух ног животного; III тип – кости от трех конечностей животного; IV тип – мясо от четырех конечностей животного; V тип – отсутствуют ноги (рис. 1).

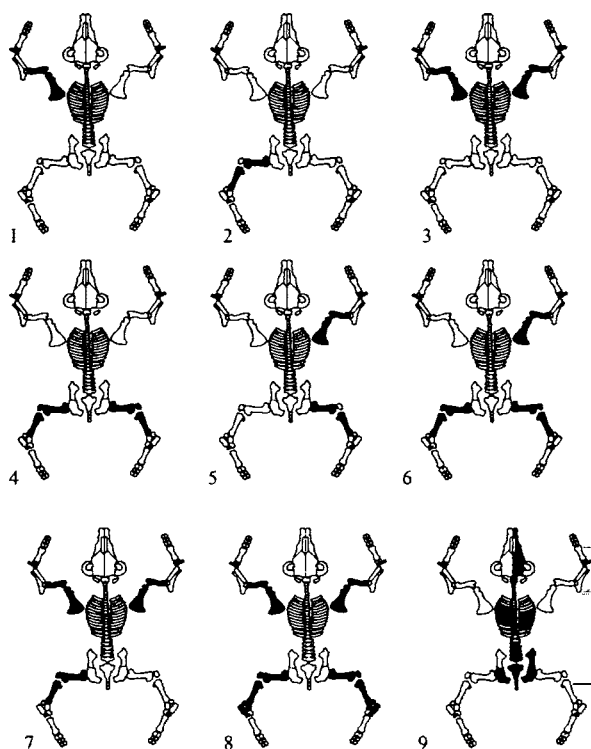

Рис. 1. Типы жертвенных наборов мясной пищи из таштыкских поминальников. 1 – Тип I, Вид 1; 2 – Тип I, Вид 2; 3 – Тип II, Вид 3; 4 – Тип II, Вид 4; 5 – Тип II, Вид 5; 6 – Тип III, Вид 6; 7 – Тип III, Вид 7; 8 – Тип IV, Вид 8; 9 – Тип V, Вид 9.

На основе особенностей комбинации составляющих частей конечностей выделено 9 Видов. Вид 1 – кости 1 передней ноги; Вид 2 – части от 1 задней ноги; Вид 3 – части от 2 передних ног; Вид 4 – мясо

от 2 задних ног; Вид 5 – комбинация 1 передней и задней ног; Вид 6 – комбинация 2 передних и 1 задней ноги; Вид 7 – комбинация 1 передней и 2 задних ног; Вид 8 – комбинация 2 передних и 2 задних ног; Вид 9 – нет костей ног.

Части от туловища являются самым неустойчивым и изменяющимся видом жертвенного набора. Выявляются самые разнообразные сочетания частей позвоночника и ребер. Категория Подвида позволяет систематизировать состав кусков мяса от туловища животного. Выделено 5 Подвидов: Подвид А – в наборе представлен позвоночник; Подвид Б – ребра; Подвид В – комбинация позвоночника с ребрами; Подвид Г – другое – эта категория объединяет редко встречающиеся: череп, таранные кости, тазовые кости, заплюсна пястные и плюсневые кости; подвид Д – нет частей туловища.

На основе предложенного метода составлена таблица взаимовстречаемости типов, видов и подвидов жертвенных наборов мяса из 6 поминальных комплексов (табл. 1). Наблюдения за составом выявили определенную картину. Все тризны с мясом от животных распределяются на три группы. По количественному составу большинство мясных тризн относится к I (102 шт.) и II (92шт) типам. Это

составляет около 60% всех жертвенных наборов. В наборах I типа равные доли занимают 1 и 2 виды, с мясом от 1 передней или задней ноги. Среди мясных наборов 2 типа преобладает 5 вид, сочетающий переднюю и заднюю конечности. Следующую группу составляет V тип жертвенного набора с мясом от частей туловища 70 животных, или это 20% от общего количества всех животных. И самые обильные по составу наборы III и IV типа, с мясом от 3 и 4 конечностей, в сумме дают чуть больше 20% от всех тризн.

Среди категории подвида Г следует отметить ямки, в которых в качестве тризны положили части разрубленного черепа овцы (19 шт.), коровы (4 шт.), в единичных случаях лошади и мелкого хищника. Сюда же входят таранные кости. Это несъедобные части задних конечностей, которые найдены в поминах в единичных случаях, но чаще встречаются в склепах. Имели распространение в бытовой и ритуальной сферах у кочевников Южной Сибири. В ямках поминальника Белого Яра – 3 также в единичных случаях найдены: скорлупа пернатых, позвонки рыбы, семена злаков ящичке, скелеты мелких хищников и отчлененные кисть и стопа человека.

Таблица 1. Распределение жертвенных наборов мяса по типам, видам и подвидам из таштыкских поминальников Белый Яр - 3, Маркелов Мыс - 1 и 2, Быстрая-2, Староозначенная переправа-1, Тепсей-3.

Тип		I тип		II тип			III тип		IV тип	V тип	Итого
Вид		1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Подвид		1п	1з	2п	2з	1п1з	1п2з	2п1з	2п2з	Туловище	
Позвоночник	А	2	8	0	2	10	2	3	1	15	43
Ребра	Б	11	13	3	1	23	3	2	6	33	95
Позвоночник - Ребра	В	8	21	0	3	26	8	5	31	11	113
Другое	Г	6	5	0	4	3	0	1	0	10	29
Нет	Д	19	9	3	8	6	3	2	6	0	56
Итого Виды (шт.)		46	56	6	18	68	16	13	44	69	336
Итого Виды (%)		13,7	16,7	1,8	5,4	20,2	4,8	3,9	13	20,5	100%
Итого Типы шт.		102		92			29		44	69	336
Итого Типы (%)		30%		27%			9%		13%	21%	100%
Вид животных	овца	31	35	6	13	49	15	12	44	43	248
	крс	15	21	0	5	19	1	1	0	26	88

Обобщенный анализ распределения жертвенных наборов по типам позволяет сделать вывод. Таштыкцы укладывали в поминальные ямки в основном куски мяса от 1–2 ног, либо от туловища. Дополнялись наборы кусками грудины с поясничными позвонками. На эти категории жертвенных наборов приходится около 80% всей мясной пищи. Очевидно, в этом случае большая часть или половина жертвенного животного не помещалась в ямку в качестве тризны усопшему, а употреблялись в пищу на поминальном пиру сородичами.

Ямки с обильной мясной пищей дополнялись большим количеством напитков в глиняных горшках и чаще занимали обособленное место в поминальниках. В них находят считавшиеся у тюркских кочевников почетные части туши: черепа овец и поясничные позвонки с крестцом. Возможно, такие помины сооружались для представителей вождества.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-01 – 63511а/Т

- Вадецкая Э.Б., 1999. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.
- Грязнов М.П., 1979. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Киселев С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9.
- Кызласов Л.Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Кызласов И.Л., 1975. Поминальные памятники таштыкской эпохи // СА. № 2.
- Худяков Ю.С., 2003. Таштыкский поминальник у горы Тепсей // Хакасия: история и современность. Учен. зап. Хак.НИИЯЛИ. Новосибирск.
- Юденичев Ю.Ф., Дегтярев В.В., Хонин Г.А., 1997. Сравнительная анатомия домашних животных. Оренбург, Омск.

О.А. Радюш

Институт археологии РАН

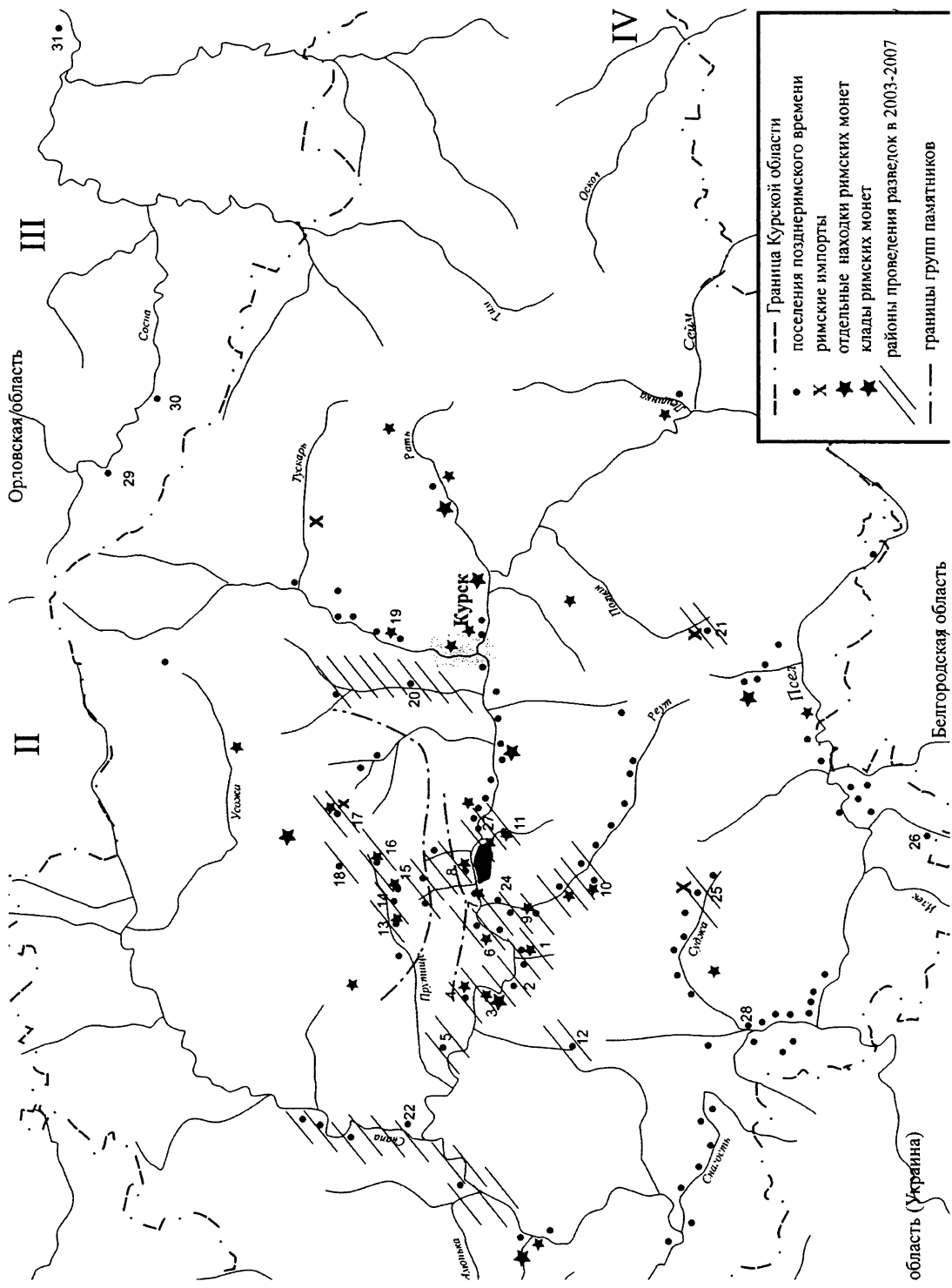
Археологическая ситуация в Верхнем Посемье в позднеримское время (современное состояние исследований)

Исследования памятников позднеримского периода в Верхнем Посемье и на верхнем Псле активно велись начиная с 1940-х гг. Разведками и раскопками Э.А. Сымоновича, Ю.А. Липкина, Н.А. Тихомирова, А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, Е.А. Горюнова, В.М. Горюновой, О.А. Щегловой, А.В. Кашкина, А.А. Узянова в Курской области выявлены более 100 поселений конца II – начала V в. н.э. (АКР Курской обл.). Послевоенный этап исследований завершился в середине 1990-х гг. в связи с экономической ситуацией в стране. Несмотря на достаточно длительный период исследований полученных источников (в первую очередь имевших хронологическое значение) было явно недостаточно для решения сложных проблем этнокультурного развития. Степень обследования многих участков речных долин нельзя признать достаточной. Систематические разведки возобновились в 2003 г. они проводились А.М. Обломским, В.В. Приймаком, Р.С. Веретюшкиным и О.А. Радюшем в Рыльском, Коньшевском, Льговском, Октябрьском, Курском, Обоянском, Большесолдатском районах Курской области. Наиболее интенсивному обследованию подверглась территория Курчатовского района – долина р. Реут

при его впадении в Сейм и правые притоки Сейма. В 2007 году возобновились стационарные исследования поселений.

Разведками в последние пять лет выявлено более 30 новых памятников позднеримского времени (рис. 1), относящихся к двум хронологически последовательным группам поселений. К ранней (вторая пол. III – вторая пол. IV в.) относятся крупные по площади селища, в долине Сейма и на его южных притоках. Более поздние – поселения в верховьях р. Прутище, Рогозна, Свапа – датируются рубежом IV – началом V в. (Веретюшкин, Обломский, Радюш 2004; Радюш 2007а, в печати).

Большинство выявленных поселений расположены в широкой долине Сейма вокруг устья р. Реут. Эти селища имеют ряд общих черт – протяженность до 1 км (в д. Чапли до 4 км), набор подъемного материала, в котором примерно поровну представлена круговая и груболепная посуда, остатки обмазки стен от сгоревших каркасно-столбовых конструкций, римские монеты, фибулы и пряжки, характерные для III–IV вв. Состав комплекса круговой посуды и её количество указывает скорее на местное производство, нежели на

- Граница Курской области
- поселения познеримского времени
- римские импорты
- ★ отдельные находки римских монет
- ★ клады римских монет
- районы проведения разведок в 2003-2007
- границы групп памятников

Орловская область

II

V

III

IV

Белгородская область

область (Украина)

импорт. На этих памятниках найдены украшения круга эмалей (Гупово, Полевая Лукашевка, Малютино).

При раскопках поселения Пены использовался метод геомагнитной разведки, который показал высокую результативность при локализации построек с глинобитными стенами. Раскопками была исследована наземная трехкамерная постройка площадью около 60 кв. м. Состав керамического комплекса на изученном участке вокруг постройки позволяет говорить о почти равном соотношении лепной и круговой посуды. При этом среди круговой посуды встречаются практически весь ассортимент посуды характерной для черняховского гончарства. Судя по фибуле комплекс можно датировать в пределах фазы С3.

На поселениях Пены и Иванино в Курчатовском районе также как и в Букреевке-2 на Тускаре отмечено наличие форм сосудов и техники изготовления типичных для вельбарской посуды. Ряд серебряных вещей происходящих из раскопок и разведок на Пенах имеет центральноевропейское происхождение и датируются фазой С2. Ранний горизонт памятников принято датировать фибулами VII группы по О. Альмгрену (фибулы с кольцевой гарнитурой и высоким иглоприемником). За последнее время массив подобных застежек вырос до 20 экз (Пены 1 и 2, Рязаново, Букреевке-2, Тазово-2, Гочево-3). Из окрестностей Курска происходит серебряная фибула «днепровской» серии. К концу II–III вв. относятся и многочисленные находки бронзовых шпор (Парменовка, Картамышево, Курск, Комаровка).

Одним из показателей распространения черняховского влияния в регионе являются многочисленные находки римских монет на территории Посемья. Практически на каждом обследованном за последние годы поселении были сделаны монетные находки. Монеты IV в. представлены чеканами от Константина II до Валента (Дичня, Сугрово, Гупово, Титово) (Радюш 2007б; в печати). Также, что характерно для памятников черняховской традиции на поселениях найдены фрагменты амфорной тары (Пены, Дичня, Люшинка, Рязаново)

В верховьях северных притоков Сейма рр. Прутище, Рогозна, Свапа зафиксировано несколько памятников, очевидно хронологически близких исследованному Э.А.Сымоновичем поселению Колосовка на р.Рогозна. Эти памятники (Мармыжи, Николаевка, Болваново, Раздолье) занимают иную ландшафтную нишу, чем поселения более раннего времени. Все материалы на них датируются рубежом IV – V вв. н.э. Количество круговой керамики и её ассортимент в подъемном материале уменьшается, в основном представлены только фрагменты тарной и «кухонной» круговой посуды. Особый интерес, несомненно, представляют найденные здесь монеты конца IV – начала V в., до сих пор в регионе не известные (Гавритухин, 2005, С. 232–233). Три мед-

ные монеты, из Мармыжей и Николаевки отчеканены после 375 года. Другие находки с поселений также относятся к фазам D1-D2 (фибулы с ромбической ножкой, бусина, калачевидные пряжки, трехлопастные стрелы и др.). Уникальные находки сделаны на поселении в д.Филлипова (золотая подвеска, умбон). Финальный этап черняховской культуры в Посемье, очевидно завершается в начале V в., во всяком случае, материалы фаз D1-D2 неизвестны к югу от Сейма, за исключением находок из Большого Каменца и с.Паники.

Обследование водоразделов позволило обнаружить новые памятники указывающие на заселение глубинных районов междуречья в позднеримское время (Паники, Кромские Быки, Выдрин). Некоторые сообщения о кладах монет и их единичных находках, а также редких типов вещей (шпоры, вещи круга эмалей) указывают на существование поселений и в необследованных районах Посемья на рр. Рать, Усожа, в верховьях Сейма, в Рыльском, Коньшевском, Фатежском районах (рис.1). Заселение территорий к северо-востоку от Посемья населением связанным с черняховскими традициями прослеживается по селищам расположенным на р. Сосна на юге Орловской области (Красницкий, Красношекова, 2006. С. 245). Памятников с черняховской керамикой к востоку от Сейма, в верховьях правых притоков Дона не известно, в то же время эти районы остаются наименее обследованными в археологическом отношении.

Одним из наиболее проблемных вопросов остается поиск могильников относящихся к поздней античности. За исключением единичных погребений (Замощанская дюна) и упоминаний в дореволюционной литературе (Кропоткин, 1961. С. 45) достоверных захоронений не известно. Наиболее северные биритуальные некрополи позднеримского времени выявлены на Псле (Сумы-Сад, Боромля и др.). В районе д. Большой Каменец в 1917 г. было открыто «княжеское» погребение датируемое рубежом IV/V вв. н.э. Так же как и находка из д. Паники (т.н. «Обоянский» клад) оно располагалось в междуречье рек Сейм и Псел, в верховье небольшого ручья практически на водоразделах обеих речных систем.

В Посемье проходит граница природно-ландшафтных зон леса и лесостепи и северная граница распространения черноземов. Курское Посемье располагаясь в западной части главного водораздела Восточно-европейской равнины (рис.1), несомненно, играло важную роль в системе внутренних связей восточноевропейских племен в позднеантичное время, занимая пограничную позицию между балтскими племенами Поочья, населением Верхнего и Среднего Подонья и народами вошедшими в орбиту черняховской культуры. Интерес к северо-восточному направлению

в политике остготских правителей хорошо известен по письменным источникам (Щукин, 2005. С.215). На территории Левобережья предполагается наличие протогосударственных властных структур (Казанский, 1997. С. 181–193).

Работы 2003–2007 гг. позволили получить значительный объем новой информации и значительно увеличить количество источников связанных с поздне-римским этапом истории Верховьев Сейма и Псла. Перспективы исследований следует видеть в расширении маршрутов разведок, особенно в необследованных и недостаточно обследованных районах Посемья, кроме того актуальным остается ведение систематических площадных раскопок поселений разных типов, применение различных естественно научных методов. Данные разведок и раскопок 1940-2000-х гг., сведения о случайных находках сводятся воедино с помощью создаваемой ГИС «Сейм». Получив таким образом полную картину о заселении территории можно переходить к полноценным реконструкциям исторических процессов в регионе.

Археологическая Карта России. Курская область. Под редакцией А.В.Кашкина. Ч.1 и 2.

Веретюшкин Р.С., Обломский А.М., Радюш О.А., 2004. Но-

вые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посемья // Ю.А.Липкинг и археология Курского края. Курск.

Гавритухин И.О., 2005. Некоторые перспективы изучения финала Черняховской культуры // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. Вып. 145. М.

Казанский М.М., 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // *Stratum* + ПАВ. СПб – Кишинев.

Красношекова С.Д., Красницкий Л.Н., 2006. Археология Орловской области // Краеведческие записки. Вып. 5. Орел.

Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-4. М.

Радюш О.А., 2007а (в печати). Новые группы черняховских памятников III–V вв. н.э. в Среднем Посемье. // Материалы семинара: «Верхнее Подонье в системе этнокультурных контактов в эпоху римских влияний». Тула.

Радюш О.А., 2007б (в печати). Находки монет римского времени с территории Курской области // Материалы конференции памяти А.Сокола.

Сымонович Э.А., 1988. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М.

Щукин М.Б., 2005. Готский путь. СПб.

В.Е. Родинкова

Институт археологии РАН

Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния

В начале раннего Средневековья в среднем течении Днепра и на его левобережье, на территории лесостепной и южной части лесной зон возник самобытный комплекс украшений и деталей убора, названный А.А. Спицыным «древности антов» (1928). В нем были выделены две хронологические группы вещей (Щеглова, 1990), наиболее полно отразившиеся в двух сериях кладов. «Древности антов» I группы составляют сокровища типа Мартыновского, Гапоновского, Трубчевского и др., попавшие в землю в третьей четверти VII в. (Гавритухин, 1996. С. 95). Новый убор представлен в них в сложившемся виде, но формирование его, очевидно, относится к более раннему времени. Учитывая хронологию некоторых европейских материалов*, начальные этапы его становления можно определять в рамках конца VI – начала VII в.

Установилось мнение, что рассматриваемый костюмный комплекс – явление уникальное. Действительно, он не находит близких соответствий в других регионах, за исключением некоторых импортов (чаще всего фибул), проникающих из бассейна Днепра в юго-западный Крым, Подунавье, Прибалтику, Поочье. Не имеет он корней и в Поднепровье, в предшествующее время облик местного убора в целом иной. Несмотря на то, что украшения «мартыновского» круга известны в ареалах двух различных раннеславянских культур – колочинской и пеньковской, а также в ингумациях неясной этнокультурной принадлежности, они обладают выраженным стилистическим сходством. Это позволяет рассматривать их как единый феномен, свидетельствующий о включении представителей различных этнических групп в общие процессы, происходившие в Среднем

Поднепровье и на Днепровском Левобережье в начале раннего Средневековья.

Вместе с тем имеются основания говорить о неоднородности вещевого набора «древностей антов» и выделять в его составе элементы, возникшие под влиянием различных традиций. Особенно интересен в этом отношении женский костюмный комплекс, который, как показали многолетние исследования, в наибольшей степени отражает этнографическое своеобразие древних обществ. Внезапное появление в Поднепровье нового убора, детали которого к тому же происходят из различных источников, наводит на мысль о возможности его искусственного конструирования «на заказ».

Среди женских украшений «мартыновского» круга** можно выделить группу изделий – назовем ее «субстратной», – известных в днепровском регионе в римское время и эпоху Великого переселения народов. В частности, трубчатые и спиральные пронизки, трапециевидные и двуспиральные подвески, цепочки (рис. 1: 7–11, 23–26, 35, 37, 38, 46–48) – обычные находки на колочинских и пеньковских памятниках третьей четверти I тыс. н.э., хотя датированные комплексы, в которых они отмечены, относятся ко времени не ранее VII в. Встречаются такие изделия и среди предшествующих колочинской и пеньковской культурам киевских и позднезарубинецких древностей (рис. 1: 12–15, 27–31, 41–43) (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 65, 67; Обломский, 2002. С. 13), правда, они могут отличаться от представленных в «антских» кладах размерами и характером декора. «Субстратными», вероятно, являются также небольшие подвесные и нашивные бляшки из свинцово-оловянных сплавов, найденные в кладах Днепровского Левобережья (ср.: рис. 1: 53–57 и 1, 58–62). По мнению ряда исследователей, манера украшать одежду мелкими нашивками и накладками в лесостепной зоне Восточной Европы могла появиться под влиянием позднесарматских племен (Горюнова, 1987. С. 90; Щеглова, 1999. С. 300; и др.). Наконец, браслеты с округлыми в сечении расширенными, иногда орнаментированными концами известны и среди раннесредневековых материалов, и в комплексах финала римского времени (рис. 2: 23, 24) (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 67. Рис. 35, 13). На наш взгляд, они фиксируют не столько традиции местного костюма, сколько распространение на территорию Поднепровья элементов престижной европейской моды.

Вещи, отражающие «лесное» направление связей, составляют вторую группу женских украшений рассматриваемого комплекса. В ней выделяются изделия, имеющие параллели в финно-угорском и

балтском регионах. Первые концентрируются на востоке Днепровского Левобережья. Это браслеты с прямоугольными в сечении орнаментированными концами, похожие на экземпляры из рязано-окских, древнемордовских могильников и даже из Прикамья (рис. 2: 30–35) (Белоцерковская, 2007. Рис. 3, 16, 18, 19; Рыков, 1930. Табл. XV, 80–83; Голдина, 1985. Табл. IV, 25, 26); днепровские образцы, однако, не являются точными аналогами поволжских, отличаясь от них деталями формы и орнамента. Кроме того, концевые звенья «антских» нагрудных цепей по конструкции напоминают распространенные в финно-угорской среде промежуточные держатели, на которых крепятся различные подвески (рис. 1: 47–51) (Спицын, 1901. Табл. XXV, 9, 10, 13; Голдина, 1985. Табл. XIV, 7, 8, 10, 11; Леонтьев, 1996. Рис. 73, 1, 19, 20; 95, 10; и др.). Правда, последние датированы более поздним временем, чем днепровские клады, и вопрос о наличии связи между указанными формами требует отдельного изучения.

Балтскими импортами в Поднепровье являются браслеты с цельнометаллическими расширенными многогранными концами, в сечении представляющими собой четкие шести- или восьмиугольники. Такие изделия в массовом количестве происходят с раннесредневековых памятников юго-восточной Прибалтики (рис. 2: 25–27) (Kazakevičius, 1993. 102, 15, 16; 109, 13 pav.; Ciglis, 2001. Fig. 1; и др.). Подражаниями им, вероятно, нужно считать браслеты с менее качественно проработанными гранями и ребрами, которые в сечении имеют вид многоугольников со сглаженными углами (рис. 2: 28, 29). Они известны среди «древностей антов» не только I, но и II групп (Харивский клад), доживая в днепровском регионе до первой половины VIII в. Наиболее близкими аналогами односпиральных височных колец из кладов типа Мартыновского являются находки из восточнолитовских курганов (рис. 2: 1–3, 5, 6) (Щеглова, 1999. С. 299; Tautavicius, 1996. 161–163, 361 psl. 62, 1, 3 pav.). Литовские исследователи датируют их IV–V вв., но, несмотря на временной разрыв, очевидное сходство украшений из Поднепровья и Понеманья позволяет ставить их в один типологический ряд. Наконец, цепочки, звенья которых изготовлены из свернутой в два-три оборота проволоки или согнутых в кольцо пластинок, как экземпляры из Мохнача и Козиевки-Новой Одессы, весьма показательны для традиционного балтского костюма (рис. 1: 44–47) (Мугуревич, 1962. Рис. 1; Tautavicius, 1996. 109, 1–3; 110 pav.; и др.). Вещи, происхождение которых связано с балтийским регионом, встречаются во всех частях ареала «древностей антов».

В «лесном» контексте следует рассматривать

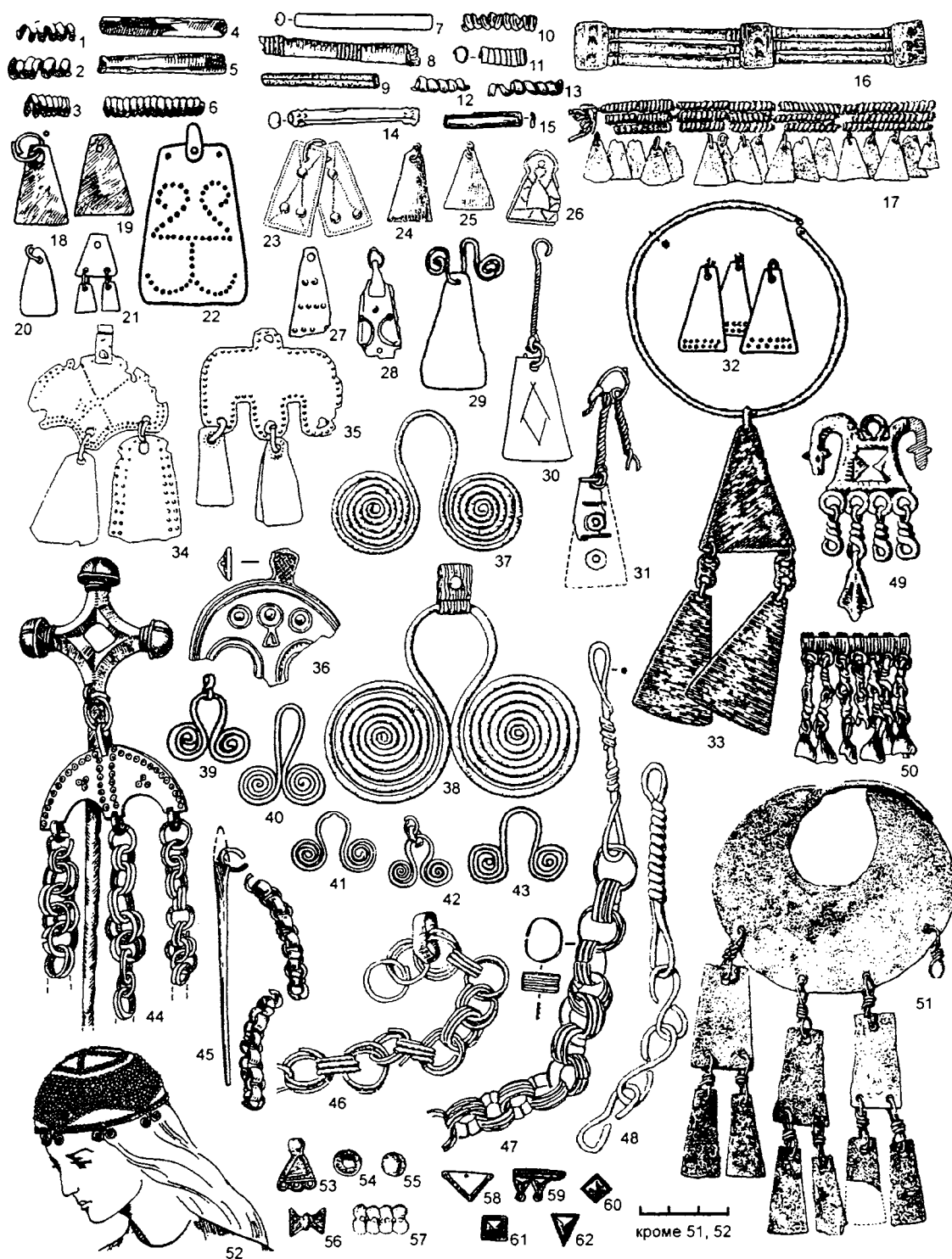

Рис. 1. Раннесредневековые женские украшения Поднепровья и некоторые близкие им вещи. 1-6 – Плинкайгалис, погр. 186; 7, 10, 11 – Гапоновский клад; 8, 24, 25, 35-37, 46, 57 – Козиевский-Новоодесский клад; 9 – Игрень-Подкова; 12, 30, 42 – Селище; 13, 15, 27 – Коржи (ур. «Рябцы»); 14, 29 – Каменево-2; 16, 33 – Младший Ахмыловский могильник (16 – погр. 62; 33 – погр. 45); 17 – Борковский могильник; 18, 19 – городище Юодонис; 20 – Щербинское городище; 21 – городище Кунцево; 22 – Мошинский клад; 23, 38, 48 – Новосуджанский клад; 26 – Смородино; 28 – Гочево-1; 31, 41 – Бортнич; 32 – Армиевский могильник, погр. 3; 34 – Банцеровщина; 39 – Ментке, погр. 108; 40 – Отмичи; 43 – Ходосовка; 44 – Пожере, погр. 78; 45 – Карлю Симтены, погр. 3; 47 – Мохнач; 49 – ломатовская культура; 50 – Новленский могильник; 51 – Максимовский могильник, погр. 42; 52 – Шернай, реконструкция головного убора, IV в.; 53-56 – Великобудковский клад; 58-62 – Большой Камень, находка 1.

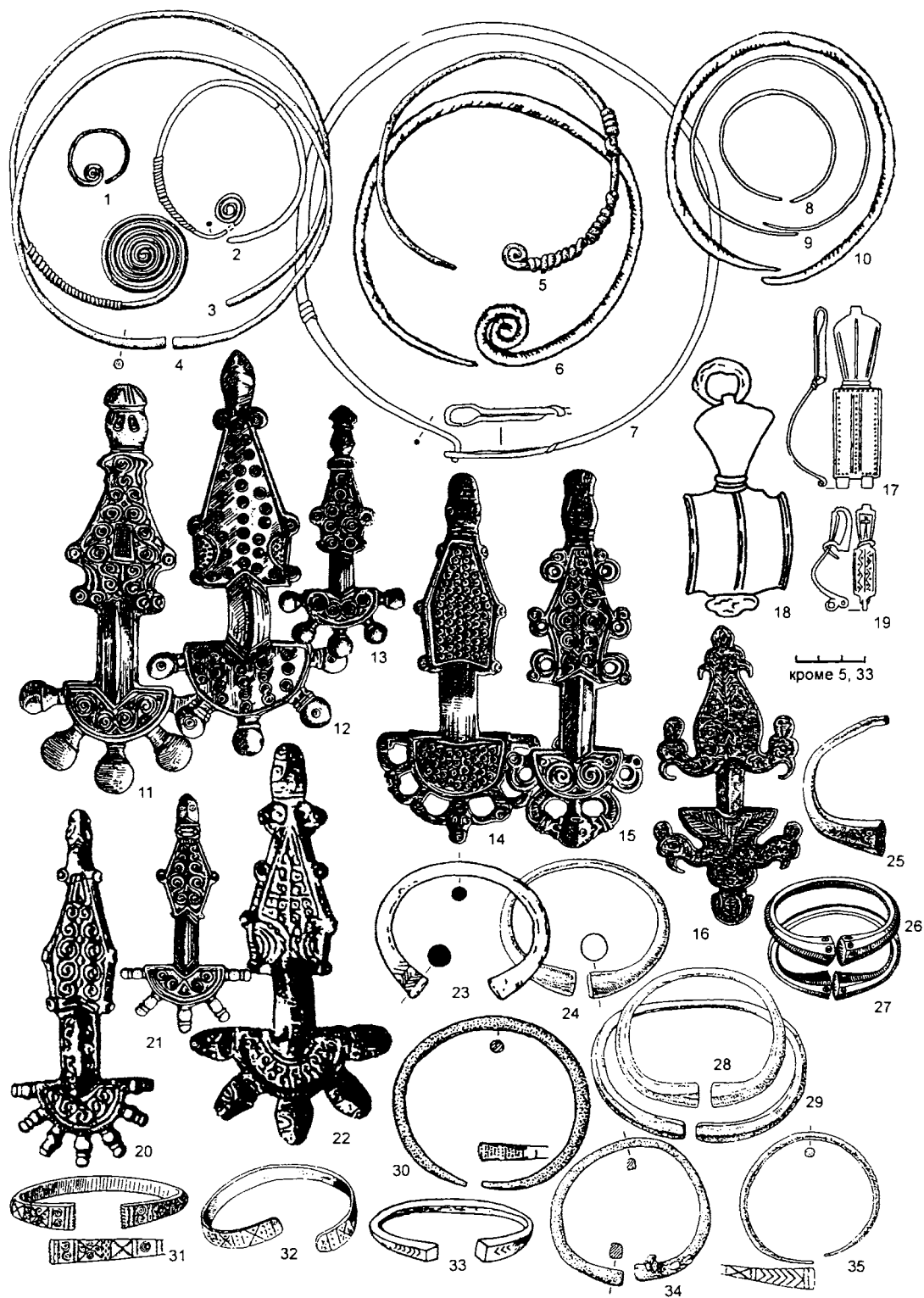

Рис. 2. Раннесредневековые женские украшения Поднепровья и некоторые близкие им вещи. 1 – о. Кизлевый; 2, 7 – Мохнач; 3, 4 – Новосуджанский клад; 5, 6, 10 – восточнолитовские курганы; 8, 9 – Сарское городище; 11 – Смородино; 12, 31 – Козиевский-Новоодесский клад; 13 – Нижняя Сыроватка, клад; 14, 15, 28 – Пастырское городище; 16, 24, 25 – Мартыновский клад; 17 – Волошское; 18 – Афиона; 19 – Виминаций; 20 – Шейка Мика; 21 – Княжа Гора; 22 – Сремска Митровица; 23 – Ульяновка; 26, 27 – Кайренелай, погр. 6; 29 – Харивский клад; 30 – Зарчье, погр. 183; 32 – ломоватовская культура; 33 – Армиевский могильник, погр. 82; 34, 35 – Колосковский клад.

и некоторые другие предметы «мартыновского» круга. В частности, лунницы из Козиевского-Новоодесского клада близки изделиям из западной части восточноевропейской лесной зоны (рис. 1: 34–36, 44) (Родинкова, 2003. С. 10–14), хотя вообще подобные украшения типичны для позднерубинского и киевского населения (Обломский, 2002. С. 13; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 67). Круглые провололочные височные кольца распространены как в ареале балтских культур (Tautavicius, 1996. 62, 2 pav.; Шмидт, 1970. С. 68. Рис. 3, 19, 20), так и в финно-угорской среде (Никитина, 2002. С. 97. Рис. 37Б, 11; 39Б, 2; 41, 5; Леонтьев, 1996. С. 159, 163. Рис. 67, 6–8, 15–17), но напрямую сопоставлять их с днепровскими экземплярами сложно из-за различий в размерах и суженных концов (рис. 2: 4, 8–10). Шейные гривны с загнутыми в петли концами (с дополнительной обмоткой дрота и без нее), сходные с представленными в «древностях антов» (рис. 2: 7), известны в рязано-окском регионе и в юго-восточной Прибалтике (Спицын, 1901. Табл. XVII, 8; Kazakevičius, 1993. 137, 3; 151, 2–4 pav.; и сл.).

Наиболее ярким и значимым элементом, «лицом» женского раннесредневекового убора Поднепровья являются фибулы. Застежки с выступами «пальцами» или с каймой из птичьих голов на полукруглом щитке (рис. 2: 11–15) напоминают изделия, выполненные в традициях германского декоративно-прикладного искусства***. Они составляют третью группу «мартыновского» комплекса. Прототипы их видят в восточногерманских (прежде всего готских и гепидских) образцах (рис. 2: 20–22) (Амброз, 1993. С. 183, 184; Айбабин, 1990. С. 23, 24; Гавритухин, 1996. С. 36–38. Рис. 49), но отмечают, что их и днепровские экземпляры разделяет значительная типологическая лакуна. Возможно, между ними существовало некое переходное звено, или же днепровские фибулы представляют особую линию развития пальчатых застежек. Отдельного изучения требует проблема участия в выработке восточноевропейских форм таких украшений крымских ремесленных центров (см., напр.: Айбабин, 1990. С. 24, 25).

К «германскому» массиву можно причислять и антропозооморфные фибулы (рис. 2: 16), учитывая неоднократно отмеченное исследователями влияние, оказанное на них пальчатыми образцами. С другой стороны, сюжеты и общий стиль орнамента, тяготеющие к византийским художественным традициям (Амброз, 1993. С. 181), позволяют относить эти вещи к четвертой, провинциальноновизантийской группе украшений «мартыновского» убора. В нее входят еще широкопластинчатые подвязные фибулы (рис. 2: 17–19) (Горюнов, Казанский,

1978. С. 26, 28); лишь характерный для последних шарнирный механизм крепления пружины в начале раннего средневековья встречается на застежках не балканских, а кавказских серий**** (Гавритухин, 1996. С. 39, 40). Не исключено, что с провинциальноновизантийской ремесленной средой связаны также шейные гривны, изготовленные из бронзового или медного прута, обтянутого серебряным листом (Мартыновский, Малоржавецкий клады, бывш. Каневский уезд). Их можно рассматривать как промежуточный тип между цельнометаллическими и полыми украшениями, широко распространившимися в Подунавье в VIII в.

«Германская» и «провинциальноновизантийская» группы изделий маркируют дунайское направление заимствований и связей, которое было актуально для населения Поднепровья не только в эпоху формирования комплекса Мартыновского и прочих подобных кладов, но и в другие периоды истории этого региона.

Итак, женский убор круга «древностей антов» – в целом новое явление в материальной культуре Поднепровья, но многие из составляющих его вещей восходят к формам, известным на данной территории в римское время. Украшения тех же типов широко распространены в лесной полосе Восточной Европы (рис. 1: 1–6, 16–22, 32–34, 39, 40, 44, 45, 51, 52), где они существуют иногда от эпохи бронзы до позднего Средневековья. Более того, структура интересующего нас комплекса близка структуре убора с украшениями круга восточноевропейских выемчатых эмалей, распространившимися в лесной и лесостепной зонах во второй половине II – III в. (Родинкова, 2007. С. 370, 371). Есть среди раннесредневековых находок Поднепровья и прямые импорты из балтской среды (рис. 2: 25). Все это, видимо, свидетельствует о длительном и стабильном влиянии на жителей днепровского региона «северных» культурных традиций. Можно предположить, что в начале римского времени Днепровская Лесостепь и лесная зона (прежде всего ее западная часть) составляли единое культурно-историческое пространство, что проявилось, в том числе, в формировании у населения рассматриваемых территорий сходных элементов женского костюма. Черняховские племена принесли в Поднепровье свой набор украшений, но прежние традиции, вероятно, не были изжиты полностью и в каком-то виде продолжали существовать.

Появление в «мартыновском» уборе характерных фибул стало, возможно, следствием перемещения в бассейн Днепра выходцев из полиэтничной среды Подунавья. Не исключено, что речь идет о группах

днепровского населения, ушедшего на запад под натиском гуннов и постепенно возвращавшегося обратно. К слову, такое «возвращение на родину», по мнению А.М. Обломского, – одна из возможных причин появления «германского» компонента в выделяемой им культуре лесостепных ингумаций в V–VI вв. (2002. С. 85, 86).

По-видимому, сложные процессы эпохи Великогерманского переселения народов привели к формированию на берегах Днепра в конце VI – на рубеже VI–VII вв. нового социально-политического объединения, подобного «варварскому королевству», реконструированному здесь для более раннего времени М.М. Казанским (1997). Подчеркнуть своеобразие данного объединения был призван вещевой комплекс, известный как «древности антов» I группы. Он вообрал в себя различные в культурном отношении элементы, среди которых выделяется пласт «лесостепных» украшений и вещи, продолжающие дунайские традиции. Все использованные образцы, однако, были существенно переработаны днепровскими мастерами, создавшими уникальный узор, по богатству и выразительности не имеющий равных в истории восточных славян до эпохи Древней Руси.

* Например, стеклянные бусы, аналогичные найденным вкладах типа Мартыновского, по данным А.В. Мاستыковой, которую я благодарю за консультацию, в Западной Европе находились в употреблении до конца VI – рубежа VI–VII вв.

** Данные о находках раннесредневековых украшений и предметов убора в Поднепровье см.: Корзухина, 1996; Родинкова, 1996.

*** Весьма интересна эволюция взглядов исследователей на этническую принадлежность днепровских пальчатых фибул. В конце XIX – начале XX в. они однозначно определялись как готские (Вауе, 1892; и др.), затем – славянские (Спицын, 1928; Рыбаков, 1948; Werner, 1950; и др.). В последнее время большинство специалистов полагает, что эти украшения характеризуют одно из восточнославянских объединений, хотя корни их следует искать в восточногерманской культурной среде (Амброз, 1993; Гавритухин, 1996; Щеглова, 1999; и др.). К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет подробно рассмотреть обширную историографию данной проблемы.

**** Интересно, что на Кавказе, среди материалов цебельдинской культуры, А.А. Егорейченко указывает и близкие параллели днепровским двуспиральным подвескам (1991. С. 178).

О.С. Румянцова

Институт археологии РАН

Организация стеклоделия в эпоху поздней античности – раннего средневековья (обзор зарубежной литературы)*

Проблема происхождения стекла, локализации стеклоделательных центров, а также способа организации производства и торговли стеклом являются дискуссионными в отечественной историографии (Щапова, 1983; 1998; Галибин, 2001 и др.). В связи с этим представляют интерес результаты исследований, проведенных за последние два десятилетия на территории Западной Европы и в районах, традиционно считающихся местами локализации древнейших стеклоделательных центров – Египте и сиро-палестинском регионе. Проведенная работа является обзором зарубежных исследований, посвященных обозначенному кругу проблем. В данной публикации она представлена в кратком виде.

Основной источниковой базой обзора являются исследования, материалы, происходящие из стеклоделательных мастерских, результаты анализов химического состава стекла, а также находки

затонувших кораблей, содержащих стекло и полуфабрикаты, предназначенные для торговли. Кроме того, привлекались письменные, в т.ч. эпиграфические, источники.

Для изучаемой эпохи выделяется 2 типа мастерских – первичные, в которых варилось стекло, и вторичные, где происходило изготовление готовой продукции, в частности, посуды, из привозных полуфабрикатов (рис. 1). Мастерские смешанного типа для этого времени не характерны (Foy et al., 2000. P. 431 и др.).

Организация первичных мастерских эпохи раннего средневековья известна благодаря открытию в Бет Элизере (Израиль) (рис. 1) комплекса из 17 стекловаренных печей VI–VII вв. (Foy, Nenna, 2001b. P. 31). Каждая печь имела двойную камеру сгорания, соединенную с прямоугольной плавильной камерой большого размера. Процесс стекловарения рекон-

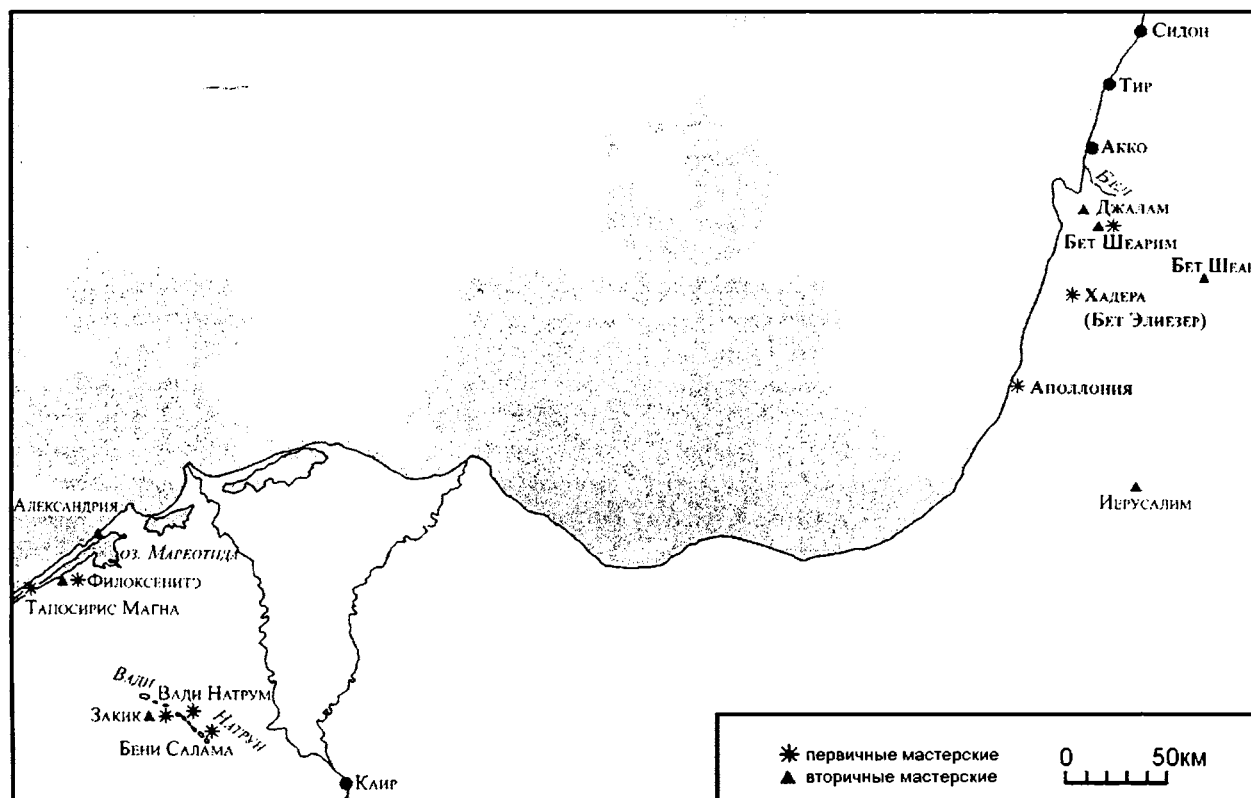

Рис. 1. Первичные и вторичные мастерские Египта и сиро-палестинского региона (Foy, Nenna, 2001a. P. 34).

струирован следующим образом. После загрузки в плавильную камеру сырья – песка и соды – закрывался свод и разжигался огонь, который должен был поддерживаться, вероятно, около 10–15 дней. Стекло изготовлялось в ходе единственной фазы нагрева и в готовом виде представляло собой огромную плиту весом около 8–12 тонн, которую затем разбивали на куски, пригодные для транспортировки (рис. 2А). Каждая печь использовалась для приготовления лишь одной партии стекла.

В Египте археологическими разведками исследовано две зоны локализации первичных мастерских, предварительно датированных I половиной I тыс. н.э. Одна из них располагается в низине Вадии Натрун, районе, известном по античным источникам, как место добычи природной соды – одного из основных видов сырья в древнем стеклоделии. Вторая – на берегах озера Марейотида, недалеко от Александрии. В мастерских Закика и Бени Салама (рис. 1) удалось проследить перекрывающие друг друга уровни печей (Nenna et al., 2000). Результаты анализов выявили различия в химическом составе стекла районов Вадии Натрун и Марейотиды, обусловленные разным составом песка, используемого стеклоделами.**

Характерными признаками производства, фиксируемыми в первичных мастерских, являются кир-

пичи, покрытые слоем стекла, ошлакованные отходы производства, происходящие из печей, а также характерные осколки стекла, возникающие при разбивании больших плит на куски для транспортировки (Nenna et al., 2000).

Печи вторичных мастерских, предназначенные для производства готовых изделий из привозного стекла, отличаются по конструкции. Они имеют округлую форму и существенно меньший размер: их диаметр составляет около 0,5–1,5 м (Foy, Nenna, 2001a. P. 47–60; рис. 2Б). Именно такие конструкции зафиксированы на территории Западной Европы. Отходы производства, характерные для мастерских данного типа, – стеклянные нити и ленты со следами инструментов, капли стекла, характерные фрагменты стекла – место крепления сосудов к стеклодувным трубкам, брак, обломки тиглей и пр. Наиболее показательным индикатором являются остатки блоков стекла, служивших полуфабрикатами для производства стеклянных изделий. Часто фиксируются склады стекольного боя и мозаичных кубиков (Foy, Nenna, 2001a. P. 40–42). Результаты анализов подтверждают вторичное использование в производстве стекла в виде боя, начиная с эпохи поздней античности (Foy, Jézégou, 1998. P. 124). Мозаичные кубики могли использоваться для окрашивания стекла, предназначенного, в част-

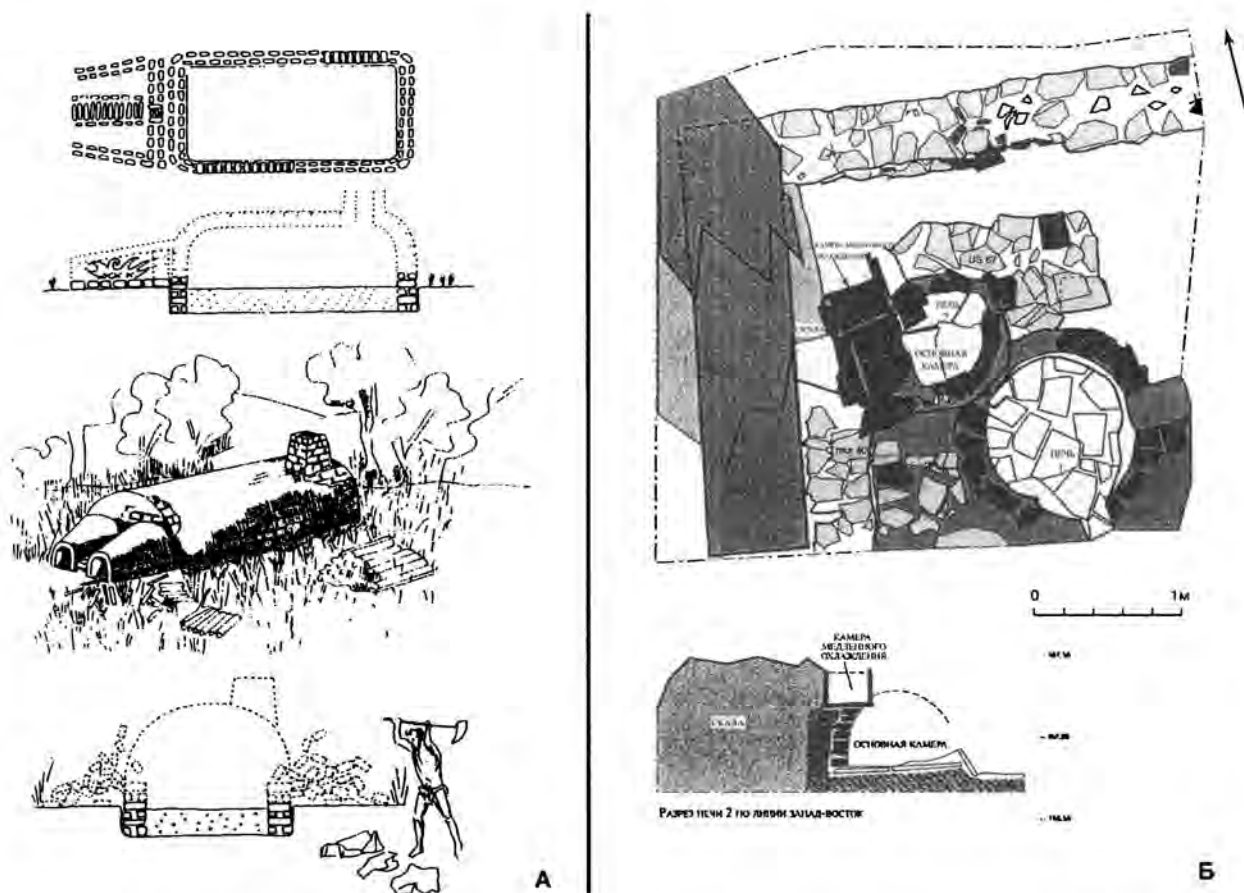

Рис. 2. А. План, разрез и реконструкция стекловаренной печи Бет Элиезера (Foy, Nenna, 2001a. P. 38). Б. План и разрез печи из мастерской в Лионе (I в.н.э.) (Foy, Nenna, 2001a. P. 48)

ности, для изготовления декоративных элементов сосудов (Gratuze, 1997. P. 9; Foy, Nenna, 2001a. P. 41).

Предположение о том, что европейские мастерские обрабатывали привозное стекло, подтверждают находки затонувших кораблей, содержащих блоки стекла и стеклянный бой; последний, видимо, также мог быть предметом торговли. Одним из наиболее ярких примеров является судно, затонувшее во II в. в водах Франции у острова Эмбьез, на котором стекло было основным грузом. Он состоял из блоков необработанного стекла, посуды и, возможно, стекольного боя, предназначенного для вторичного использования. Грузовые стеклом корабли разного времени были найдены в водах Турции, у островов Корсика, недалеко от Сиракуз, в водах Северной Италии и т.д. (Foy, Jézégou, 1998; Foy, Nenna, 2001a. P. 35–36). Судя по находкам судов, торговля слитками не прекращалась вплоть до позднего средневековья и нового времени. А вторичное использование стекла и торговля стекольным боем, иногда на очень большие расстояния, фиксируется по данным средневековых письменных источников (Foy, Jézégou, 1998).

Одной из особенностей т.н. «римского» содового стекла, шедшего на изготовление посуды и распространенного на территории Западной Европы, является исключительная однородность его химического состава (Nenna et al., 1997; Picon, Vichy, 2003)****. Аналогичное стекло происходит из вторичной мастерской в Джаламе (Израиль), которое, как показал Р. Х. Брилл, могло быть изготовлено на основе песков из устья реки Бел, упоминаемого античными авторами как источник сырья для стеклоделов, и египетской природной соды (Brill, 1988). Как предполагают исследователи, подобное стекло, представляющее едва ли не большинство европейских находок III в. до н.э. – VII в.н.э., происходит из стеклоделательных центров сиро-палестинского побережья (Nenna et al., 1997; Foy et al., 2000. P. 426).

Судя по всему, египетские центры не имели столь значительного экспорта, как сиро-палестинские. Стекло обеих исследованных зон Египта (Вади Натрун и район Марейотиды), изготовленное на местном песке, сильно отличается по составу от западноевропейских и палестинских находок: готовая про-

дукция, выполненная из стекла данных мастерских, в античное время неизвестна (Nenna et al., 1997).

Таким образом, по археологическим данным, в эпоху поздней античности – начала средневековья практически все известные на данный момент западноевропейские мастерские интерпретируются как вторичные центры, расположенные в городах или в городской периферии, работавшие на привозном стекле. Они должны были полностью зависеть от поставщика в производстве продукции. При этом речь может идти не только о сырьевой, но и о более глубокой зависимости, реальное значение которой сложно оценить на данный момент: знаки на изделиях, эпитафии и другие источники свидетельствуют о присутствии на Западе восточных и африканских мастеров-стеклоделов (Foy, Jézégou, 1998, Foy, Nenna, 2001a и др.).

Ситуация меняется, начиная с IX в., когда европейские стеклоделы начинают работать на местном сырье (золе растений). Для эпохи Средневековья типичны мастерские смешанного типа; многие из них использовали одновременно и природные материалы (песок и щелочное сырье) и привозные полуфабрикаты (фритту и стеклянные блоки) (Foy, Jézégou, 1998; Foy et al., 2000).

Отсутствие археологических свидетельств наличия первичных мастерских на территории Европы, в частности, в Италии, противоречит данным письменных источников. Возможность существования этих центров не исключена, однако они, судя по всему, не отличались тем исключительным размахом и продолжительностью существования, как левантйские. Данная проблема не может быть решена, пока на европейском Западе не будет обнаружена первичная стеклоделательная мастерская. Возможно, следы производства стекла следует искать и в Карфагене, где была найдена массивная стеклянная «плита» (Foy, Nenna, 2001b. P. 32).

*Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда содействия отечественной науке.

** Исследователи представляемых работ исходят из того, что для изготовления античного стекла использовалась только двойная шихта – песок + сода. Обзор литературы с обоснованием данной точки зрения.: Foy et al., 2000. P. 421–425.

*** Использование стеклоделами Западной Европы тиглей фиксируется, лишь начиная с III–IV вв.н.э. (Foy, Nenna, 2001. P.65; Picon, Vichy, 2003. P. 28).

**** Однородность состава стекла фиксируется на уровне содержания SiO₂, NaO, K₂O, CaO, MgO, Al₂O₃, Fe₂O₃, TiO₂, что говорит о близком составе основных компонентов, используемых для изготовления стекла – песка и природной соды (Nenna et al., 1997; Picon, Vichy, 2003).

Галибин В.А., 2001 Состав стекла как археологический источник. СПб.

Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклодела. М.

Щапова Ю.Л., 1998. Византийское стекло. М.

Brill R.H., 1988. Scientific investigations of the Jalame glass and related finds // Excavations at Jalame. Colombus.

Foy D., Jézégou M.-P., 1998. Commerce et technologie du verre antique : Le témoignage de l'épave « Ouest Embiez 1 » // Méditerranée antique : Pêche, navigation, commerce. Editions CTHS.

Foy D., Nenna M.-D., 2001a. Tout feu tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence.

Foy D., Nenna M.-D., 2001b. Verres antiques: de l'Orient à l'Occident // Archéologie, № 380.

Foy D., Picon M., Vichy M., 2000. Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis : Antiquité et Moyen Âge // Arts du feu et productions artisanales. XXe Rencontres Internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. Antibes.

Gratuze B., 1997. L'apport des analyses de verres archéologiques: études des cas // Verres – Émaux – Glaçures. Techne. №6.

Nenna M.-D., Picon M., Vichy M., 2000. Ateliers primaires et secondaires en Égypte à l' époque gréco-romaine // La route du verre : Ateliers primaires et secondaires du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge. Lyon.

Nenna M.-D., Vichy M., Picon M., 1997. L'atelier de verrier de Lyon du Ier siècle ap. J.-C. et l'origine de verres « romans » // Revue d'Archéométrie. Vol. 21.

Picon M., Vichy M., 2003. D'Orient en Occident: l'origine du verre à l' époque romaine et durant le haut Moyen Âge // Échanges et commerce du verre dans le monde antique: Actes du colloque de l'AFAV. Montagnac.

Ю. Б. Сериков*Нишнетагильская государственная социально-педагогическая академия*

Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере

Шайтанское озеро (Свердловская обл.) уже хорошо известно своими культовыми памятниками и объектами. Самый интересный памятник выявлен на северном мысу западного берега – Шайтанское озеро I. На нем найдено богатое погребение энеолита, клад каменных изделий неолита, а также крупнейшая в Среднем Зауралье коллекция «утюжков» (8 экз.) и произведений искусства. По материалам его раскопок выделен новый тип культовых памятников – культовый озерный центр (Сериков, 2004).

На соседнем памятнике Шайтанское озеро II в северной и южной его частях выявлено 2 культовых площадки. Большой интерес на южной площадке представляют 9 ритуальных захоронений («кладов») бронзовых изделий и каменных наконечников стрел и дротиков, которые относятся к раннебронзовому веку. Всего на площадке найдено 142 бронзовых изделий (меч, 7 кельтов, 14 ножей, 2 чекана, копье, фигурные рукоятки, браслеты, височные кольца и т.п.) и 108 наконечников.

Кроме этого на озере обнаружено 5 святилищ, расположенных на невысоких каменистых шиханах (останцах), сложенных гранитными валунами (Сериков, 2007). Наиболее интересным из них является Шайтанский Шихан. Святилище находится на острове среди болот северного берега озера. На нем обнаружена жертвенная плита длиной 3,7 м с вышлифованными на ней углублениями. Функционировала оно в разные археологические эпохи, но в основном – в раннем железном веке. Именно к этому времени относятся медные бляха и идол. С этим же временем связаны и остатки человеческих жертвоприношений в виде кальцинированного черепа ребенка и свыше 300 дробленных кальцинированных костей взрослого человека (Сериков, 2006.).

Новое святилище расположено на не приметном и сильно заросшем останце скалистой гряды высотой всего 7 м. От кромки коренного берега озера останец находится в 33 м, от центральной части Шайтанского озера II – в 95 м. Возможно, святилище входило в состав этого памятника. Диаметр останца – около 18 м, длина по периметру – 55 м. На вершине шихана лежат гранитные блоки 2,5–1,5 м в поперечнике. Остальные блоки имеют размеры около метра и менее. При расчистке блоков неоднократно встречались крупные куски угля и небольшие углистые пятна. Одно углистое пятно располагалось

прямо на валуне в восточной части шихана. У подножья шихана, также в восточной части (со стороны озера) выявлен прокол мощностью 10–12 см и диаметром около 1,5 м. Находок в нем и около него не было за исключением керамической нашивки к югу от прокала.

За 3 полевых сезона на святилище найдено всего 230 находок. Практически все находки происходят с восточной (обращенной к озеру) стороны останца. Самой необычной находкой можно считать изделие типа наконечника стрелы. Наконечник имеет листовидную форму и раздутые боковые края (рис. 1: 7). Его размеры – 4,5 × 3,1 см. Толщина наконечника доходит до 0,7 см. По технике изготовления изделие больше похоже на миниатюрный бифас, чем на наконечник стрелы. Изготовлен он не техникой отжима, а посредством двусторонней оббивки. Боковые лезвия изделия имеют слабо выраженный зигзагообразный характер. Грани сколов заглажены и залощены. Учитывая, что на его краях имеются три хорошо выраженных выемки, можно предположить, что изделие использовалось в качестве своеобразной нашивки. Изготовлен наконечник из зеленоватой породы типа алевротуфа. По форме и технике изготовления наконечник трудно отнести к какой-либо эпохе от мезолита до раннего железного века. Предположительно данное изделие можно датировать ранним палеолитом. Возможно, появление изделия на святилище связано с его вторичным использованием. Этнографы отмечают, что у северных народов было распространено мнение о том, что древние предметы обладали высоким сакральным статусом (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 109, 140, 162). Учитывая сверхъестественную силу таких необычных находок, они могли использоваться только людьми высокого сакрального статуса (шаманами) и только для особо важных ритуальных целей. Например, они могли участвовать в обрядах перехода и служить инструментами для соединения двух миров (Байбурин, 1989. С. 81).

На святилище представлены материалы четырех археологических эпох: мезолита (2 экз.), энеолита (28 экз.), ранней бронзы (3 экз.) и раннего железа (198 экз.). Среди единичных находок представляет интерес почти целый (отколота боковая часть) сосудик эпохи энеолита с округлым дном высотой и диаметром 10 см. От раннего бронзового века на шиха-

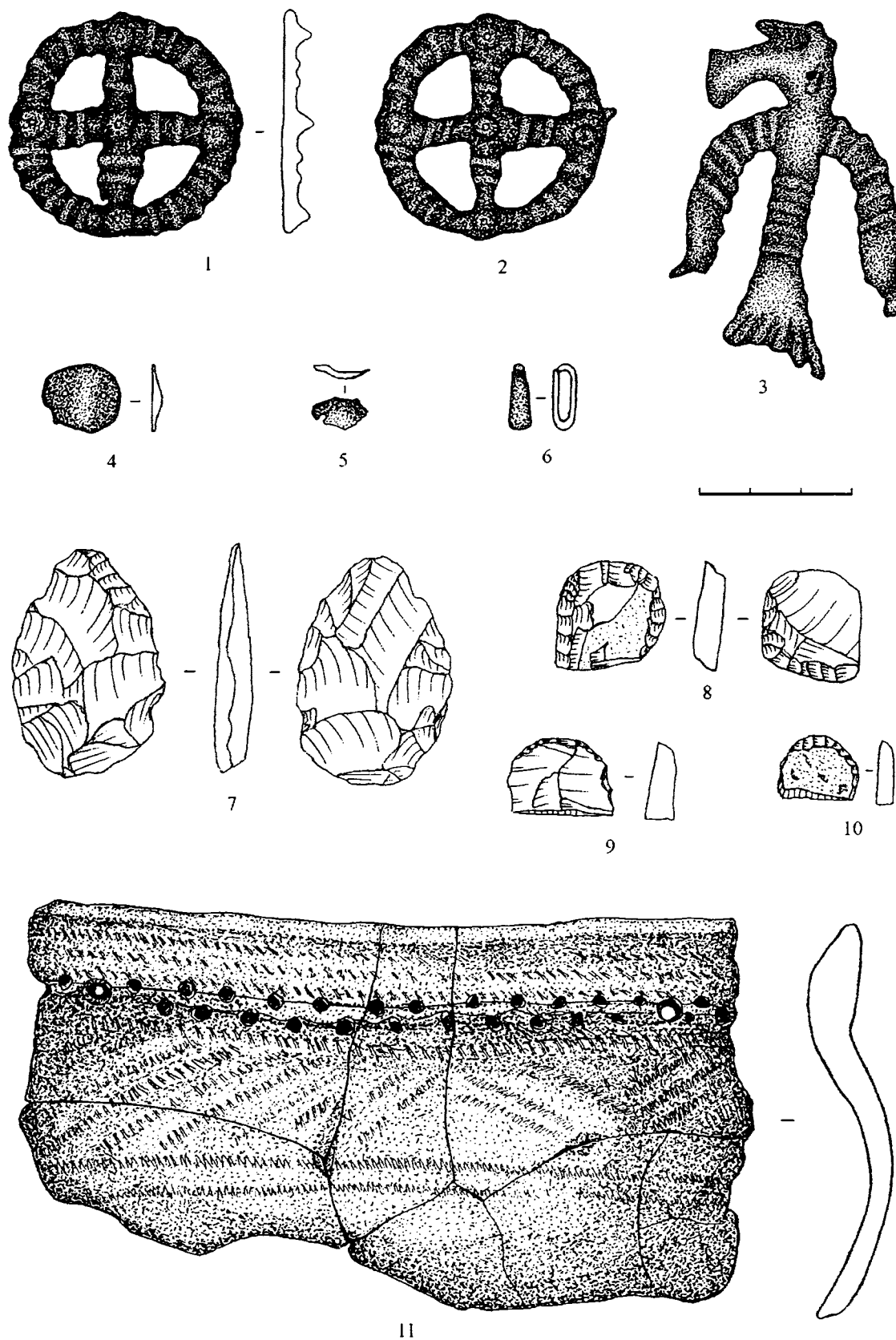

Рис. 1. Шайтанское озеро. Южный Шихан. Медные (1-6) и каменные (7-10) изделия, керамика (11) (1-2, 4-6 - медные украшения; 3 - птицевидный идол; 7 - бифас; 8-10 - скребки; 11 - венчик сосуда).

не сохранились венчик и стенка от разных сосудов и керамическая нашивка с гребенчатым орнаментом. Она имеет каплевидную форму и обточенные по периметру боковые края.

Все остальные находки (198 экз.) относятся к иткульской культуре раннего железного века. Керамический комплекс представлен двумя сосудами. Диаметр первого сосуда 25 см. От него сохранились крупные и мелкие фрагменты привенчиковой зоны – 30 экз. Крупные фрагменты венчиков залегали между валунами своим краем вниз. Сосуд сильно профилирован, по горлу идут сдвоенные наколы, между ними – выступающий волнистый валик. Плечико сосуда украшено отпечатками прокатанного гребенчатого штампа (рис. 1: 11). Обломки второго сосуда (10 экз.) имеют аналогичный орнамент.

Коллекция каменных изделий – довольно невыразительна. Среди них 4 скребка из мелового кремня хорошего качества (рис. 1: 8–10). Один скребок изготовлен на сколотой ударной площадке микронуклеуса, остальные – из отщепов. Возможно, скребки собраны в размывах археологических памятников на озере (по характеру минерального сырья отбор очевиден) и принесены на святилище, где могли использоваться в качестве кресальных кремней. Подобная ситуация зафиксирована на святилище на вершине горы Голый Камень (Сериков, Серикова, 2005. С. 20–22). Кроме скребков в коллекции 3 заготовки наконечников стрел, выполненные из плитчатого углестого сланца, отщеп алевротуфа с краевой ретушью и обломок шлифованного орудия. Он представляет сколотую с лезвия тесла чешуйку. Определенный интерес представляет пест из продолговатой гальки. Она имеет коническую форму, слегка расширяется книзу. Ее длина 15 см, ширина – 5,5 см. Толщина в расширенной части песта 4,5 см, в зауженной – 2 см. Пест находился в расселине между валунами, причем стоял вертикально заостренным концом вверх. На узком конце присутствуют следы забитости, а на широком – стертые и заглажены все выступающие участки.

Остальные находки представлены кусочками талька (18 экз.), гальками (4 экз.), кусками молочно-го кварца (2 экз.) и полевого шпата (1 экз.), а также отщепами (108 экз.). 105 отщепов изготовлено из алевротуфа и туфопорфирита, остальные – из кремня и углестого сланца. Практически все отщепы туфопорфирита и алевротуфа получены от оббивки рубящих орудий. Их ширина по оси скалывания значительно превосходит длину. Подобная характеристика отщепов выявлена и на северном святилище – Шайтанский Шихан (Сериков, 2006. С. 83).

Самые впечатляющие находки на святилище свя-

заны с остатками человеческих жертвоприношений. Под каменной плитой в восточной части шихана обнаружена чаша, выполненная из человеческого черепа взрослого мужчины. Кости очень толстые, что, по мнению антрополога Д.И. Ражева, может быть следствием болезни. В 1,5 м ниже чаши в расселине между двумя валунами найден раздавленный череп пожилой женщины со следами воздействия высокой температуры. Судя по наличию в скоплении кроме костей черепа, челюстей и зубов также и шейных позвонков – перед нами отрезанная и сожженная голова женщины. На костях в виде черной полосы органики прослеживались остатки налобной повязки. На уровне висков к повязке крепились медные диски диаметром 4,5 см, которые представляли собой вписанный в круг крест (рис. 1: 1, 2). Лицевая сторона дисков имеет ребристую поверхность. Диски отлиты в разных литейных формах. Среди костей черепа выявлена и медная петелька-застежка (рис. 1: 6), которая, по-видимому, крепила налобную повязку. Между чашей из черепа и остатками отрезанной головы найдены 2 медных бляшки. Они выполнены из тонкой (1 мм) пластинки меди в виде овалов диаметром до 1,5 см. В центре каждой бляшки пробито по 2 отверстия (рис. 1: 4, 5). К северу от отрезанной головы женщины лицевой поверхностью вниз залегал медный птицевидный идол. Его длина 6,5 см, ширина в средней части – 4,2 см (рис. 1: 3). И диски, и идол типичны для иткульской культуры раннего железного века. Кроме чаши и черепа на святилище зафиксированы кальцинированные и сильно дробленные кости еще одного человека. Они были рассеяны практически по всей восточной части шихана.

Таким образом, теперь можно говорить о новом типе святилищ, которые располагались на невысоких гранитных останцах. Характерной особенностью таких святилищ Шайтанского озера являются человеческие жертвоприношения (выявлены уже на трех памятниках), которые совершались на берегах озера в раннем железном веке. Наличие на Шайтанском озере целого комплекса культовых памятников разной направленности, в том числе и с совершением человеческих жертвоприношений позволяет предполагать, что в древности данное озеро в силу каких-то особых, неизвестных сейчас причин обладало высоким семиотическим статусом и у местного населения считалось святым, священным.

Байбурин А. К., 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., 1986. Религия народа манси (культовые места XIX – начало XX в.). Новосибирск.

- Сериков Ю.Б., 2004. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. Нижний Тагил.
- Сериков Ю.Б., 2006. Культовый комплекс святилища на острове Шайтанский Шихан // Пяты Берсовские чтения. Екатеринбург.

- Сериков Ю.Б., 2007. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган.
- Сериков Ю.Б., Серикова Л.В., 2005. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил.

Е.А. Смагулов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алма-Ата

Раннесредневековый храмовый комплекс на цитадели Сидака (Средняя Сырдарья)

В 18 км к западу от г. Туркестана среди бахчей и хлопковых полей высится небольшой желтый холм, который местные жители называют Сейдак-Ата-тобе.

Общая площадь основного холма, имеющая под четырехугольные в плане очертания со скругленными углами, составляет 340 x 180 м. Длинной осью ориентировано по направлению СВ-ЮЗ. Средняя высота площадки 7–9 м. В центральной части выделяется мощный холм «цитадели» высотой около 14 м. Такие памятники принято называть «тобе с площадкой», имея в виду основной наиболее высокий массивный холм, под которым разумеются руины фундаментальной постройки вроде замка. А на прилегающей к нему более низкой «площадке» остатки «служебных» построек или жилищ зависимых от обитавшего в «замке» патрона людей. Но топография Сидака усложнена, помимо прочего, примыкающей к северному крутому склону высокого холма, будем по традиции называть его «цитаделью», еще одной нижней площадкой, которая по своим очертаниям повторяет основной холм памятника, но в меньшем масштабе.

Въезд на городище угадывается в северном склоне южной площадки в виде широкого пандуса со стороны «северной площадки». Вход на цитадель явно прослеживается с южной площадки в виде широкого пандуса фланкированного с востока и запада характерными выступами. Верх цитадели имеет очертания в виде подковы с небольшим понижением в центре, что четко видно на аэрофото, и сюда приводит плавный пандус с южной площадки. Если такая реконструкция маршрута к постройкам на вершине цитадели верна, то обращает на себя внимание круговое (по спирали) направление движения.

Хронологически подобного типа памятники обычно относятся ко времени поздней древности и раннему средневековью, т.е. к периоду от первых веков н.э. и вплоть до VIII–IX вв. И такому хронологическому определению есть множество веских оснований.

Этот внешне заурядный памятник в свое время привлек внимание Южно-Казахстанской археологической экспедиции. Ее руководитель А.Н. Бернштам в 1947 г. отметил необычайную архаичность материалов полученных при поверхностном осмотре памятника. Ряд признаков присутствующих на керамике «говорит о чрезвычайной архаичности материала Садыката*, о принадлежности этого городища в основном к концу I тысячелетия до н.э. и первым векам н.э., а характер материала (первой стадии существования города) свидетельствует о далеких западных и наиболее древних отблесках кангюйско-хорезмийской цивилизации» (Бернштам, 1950. С. 83).

Первый же сезон раскопочных работ начатых Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ) в 2002г показал, что постройки на холме цитадели были покинуты после мощного пожара, от которого прокалились толщи сырцовых стен. На полах лежали обугленные балки кровли, в жилых помещениях десятки разбитых и целых бытовых керамических сосудов... Но пожар не был неожиданным для жителей. В брошенных и сгоревших домах в специально отведенных местах, кладовых, стояли большие керамические сосуды – хумы, которые использовались обычно для хранения продуктов. Ни в одном из десятков таких хумов-хранилищ не найдено ни горсти припасов. Т.е. все хранилища были заблаговременно опустошены. И поэтому можно предположить, что пожар был преднамеренным и подготовленным.

В северо-западном углу цитадели были расчищены два святилища. В одном обнаружен напольный алтарь полуовальной формы (пом. 14), в другом – алтарь в виде подиума перед глубокой нишей был устроен в южной стене (пом. 1).

Особое назначение помещения №1 подчеркивается повышенной толщиной стен и изолированностью постройки. Это было отдельно стоящее монументальное здание. В интерьере оно выглядело как довольно обширный двухколонный зал (площадью 55м²) с высокими суфами по периметру стен. Сводчатый вход в помещение устроен не по центру стены, а немного сдвинут к северо-западу. Прямо напротив входа в юго-западной стене, вдоль которой суфы не было, был устроен алтарь. Он представляет собой невысокий (15–17 см) подиум прямоугольных очертаний (0,7 x 1,1 м). Поверхность тщательно обмазана и прокалена. Перед подиумом в обмазку пола утоплена деревянная плаха шириной 0,30 м. и длиной 1,2 м. В стене над подиумом, на высоте 0,25 м, устроена ниша глубиной 0,7 м и шириной 0,55 м. Верхняя часть ниши не сохранилась. Слева от подиума в полу небольшое овальное чашевидное углубление, тщательно покрытое глиняной обмазкой. К алтарю подходили, пройдя между двух колонн. На них опирались балки перекрытия.

Здание святилища была отделено от окружающих строений улочкой шириной 2,7–2,8 м. В углу, образуемом огибающей святилище улочкой в СЗ. стене устроена широкая (1,7 м) ниша глубиной 0,3 м. Перед ней сильно разрушенный невысокий подиум размерами 1,5 x 1,1 м. На подиуме следы горения в виде слоя золы и розовой штукатурки. Явно, что здесь в углу было еще одно алтарное место с подиумом, на котором совершались возжигания, а над подиумом была ниша, где выставлялись какие то культовые атрибуты.

Помещение № 14 расположено в блоке помещений расположенных за улочкой огибающей святилище № 1 и так же имеет ряд характерных для культовых помещений атрибутов. Оно квадратное в плане размерами 4,8 x 4,9 м, т.е. по площади более чем вдвое меньше святилища № 1. Вдоль трех стен устроены суфы высотой 50 см., шириной 1,15 м. Толщина стен и этого помещения достаточно внушительная (1,2–1,1 м) и сохранились они на высоту до 1,6 м. Поверхности стен и суф тщательно обмазаны в три слоя качественной тонкой штукатурки желтого цвета. Некоторые участки обмазки прокалены. В средней части помещения на полу установлен алтарь в виде глиняной тумбы полуовальной формы. Длина его 1,25 м, ширина 1,15 м, высота 50 см. Поверхность слегка вогнута. Вдоль прямого края

алтаря имеется характерное вытянутое вдоль края возвышение с конусовидными выступами на концах. Все это покрыто тонкой качественной обмазкой желтоватого цвета. В центре алтаря розовое пятно прокаленной обмазки, и круглое чашевидное углубление диаметром 9–10 см. заполненное золой.

В ходе раскопочных работ нами получена внушительная коллекция разнообразных керамических сосудов, изделий из бронзы, кости, камня, инструментов ремесленников, украшений, бытовых предметов и т.д. Некоторые из них уникальны (как, например, ручной гончарный круг или «трехглазый идол» на рис. 1: 1), другие типичны и традиционны. Особый интерес представляет коллекция прочерченных на сосудах тамг и графитти (Смагулов, Яценко, 2006. С. 246–269). Анализ внушительного комплекса находок дело будущего, а пока же определимся со временем событий запечатленных в слоях этого памятника.

Найденные в «слое пожара» разнообразные монеты позволяют обоснованно датировать его временем близким середине VIII в. и связать с последствиями мусульманского завоевания края в VIII в. (Смагулов, 2004. С. 103–113.). Из определяемых монет нужно упомянуть бронзовую анэпиграфную монету с изображением льва и тамги, датируемую первой половиной VIII в. (рис. 1: 6). По мнению специалистов такие монеты выпускались местными правителями в VII – нач. VIII вв. Аналогичные по типу монетки довольно частые находки в Отрарском и известны в Туркестанском оазисе (Сенигова, Бурнашева, 1977. С. 51–53).

В одном из жилых помещений найдена бронзовая монета с квадратным отверстием. Она достаточно хорошей сохранности и выявленные после очистки детали позволяют отнести ее к чекану тюркешских каганов (рис. 1: 8). Монеты этого типа распространены в Семиречье, Присырдарьинском регионе и Средней Азии. По мнению Смирновой О.И. они выпускались начиная с 30-х годов VIII в. (Смирнова, 1981. С. 53–57), что обосновывает и нашу датировку слоя с пожаром на Сидаке ближе к середине VIII в.

К более раннему времени относится позднеасанидская серебряная драхма с портретом правителя вправо на Av. и различным именем царя (перед его портретом) (рис. 1: 7). По мнению А.Никитина это драхма Хосрова II (590–628 гг.), год 31-й правления.

Особый интерес представляет сильно коррозированная бронзовая монета. На ней различима лишь тамга в виде «трезубца на подставке». Другие детали оформления чекана не сохранились. Но иконография тамги достаточно интересна. Аналогичная

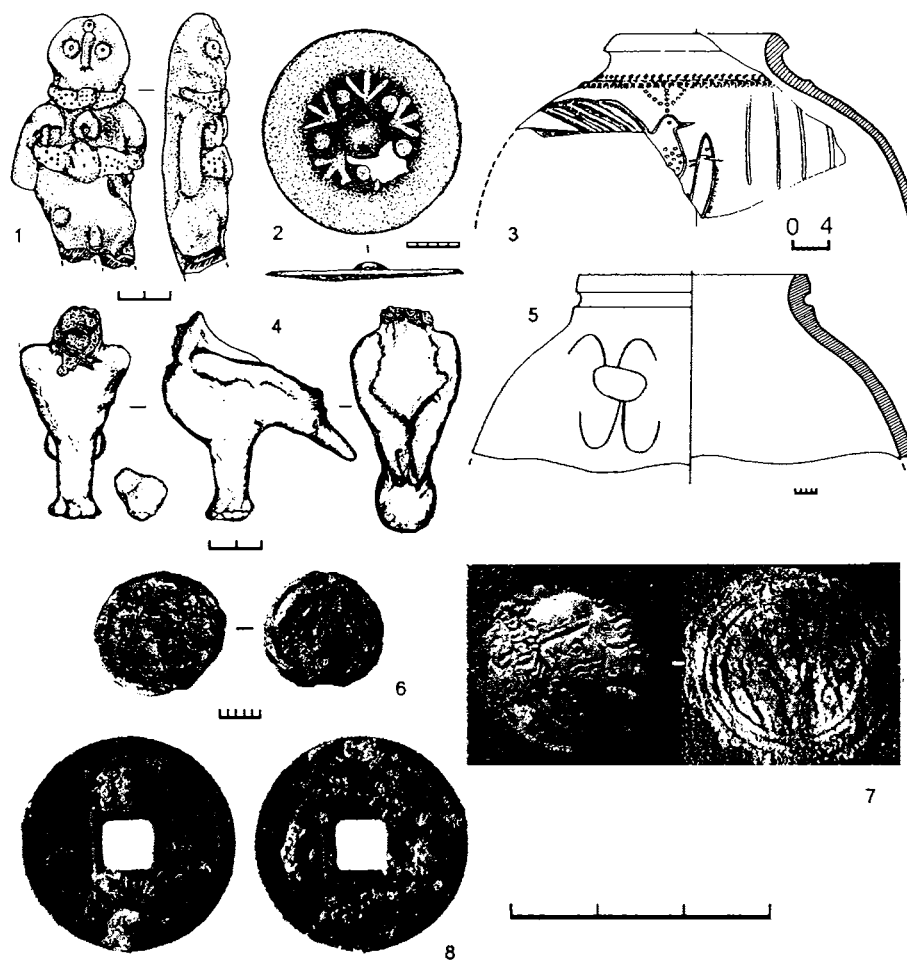

Рис.1. Некоторые находки с Сидака. 1, 4 – терракота; 2, 6, 8 – бронза; 3, 5 – керамика; 7 – серебро.

тамга хорошо известна лишь на медных монетах Хусрава – удельного хорезмийского правителя области Кердер в низовьях Амударьи (Гудкова, 1964. С.113, рис. 33). Предполагается, что этот тип монет возник в конце VII – самом начале VIII в. (Вайнберг, 1973. С. 114–115).

Таким образом, определимые монеты из «слоя пожара» на Сидаке позволяют датировать пожар временем близким к середине VIII в. н.э. Как известно это время активных действий хорасанских наместников Халифата в Присырдарьинском и более восточных регионах. В таком специфичном письменном памятнике как родословная южноказахстанских ходжей содержащем «сакральный рассказ» о завоевании мусульманами средней Сырдарьи упоминаются 718 или 767 годы, как годы прихода арабских войск под командованием потомков имама Мухаммада ибн ал-Ханафийи в среднесырдарьинский регион (Муминов, 2005. С. 138–140).

Известна особая нетерпимость мусульманских завоевателей именно к храмовым сооружениям,

культовым местам (капищам) прежней местной религии. Даже в случае завоевания «по договору», т.е. без штурма, насилия, разрушений и прочих сопутствующих завоеванию варварств, «разрушению подвергались только языческие храмы, имущество которых рассматривалось как обязательная добыча мусульман» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С.151). Они, прежде всего и при любом варианте завоевания края, подвергались полному разрушению и уничтожению. Искоренение древней «веры магов» связанной с поклонением «идолам», возжиганием священных огней и пр. уже на ранних этапах внедрения ислама было идеологической доминантой политики завоевателей. Поскольку все поселение на месте холма Сидак теперь можно понимать как храмовое поселение, жители которого обслуживали культ предков некоей родовой или племенной общины, именно поэтому оно было подвергнуто тотальному уничтожению и сожжению.

После того как в северном секторе цитадели были частично сняты строительные конструкции по-

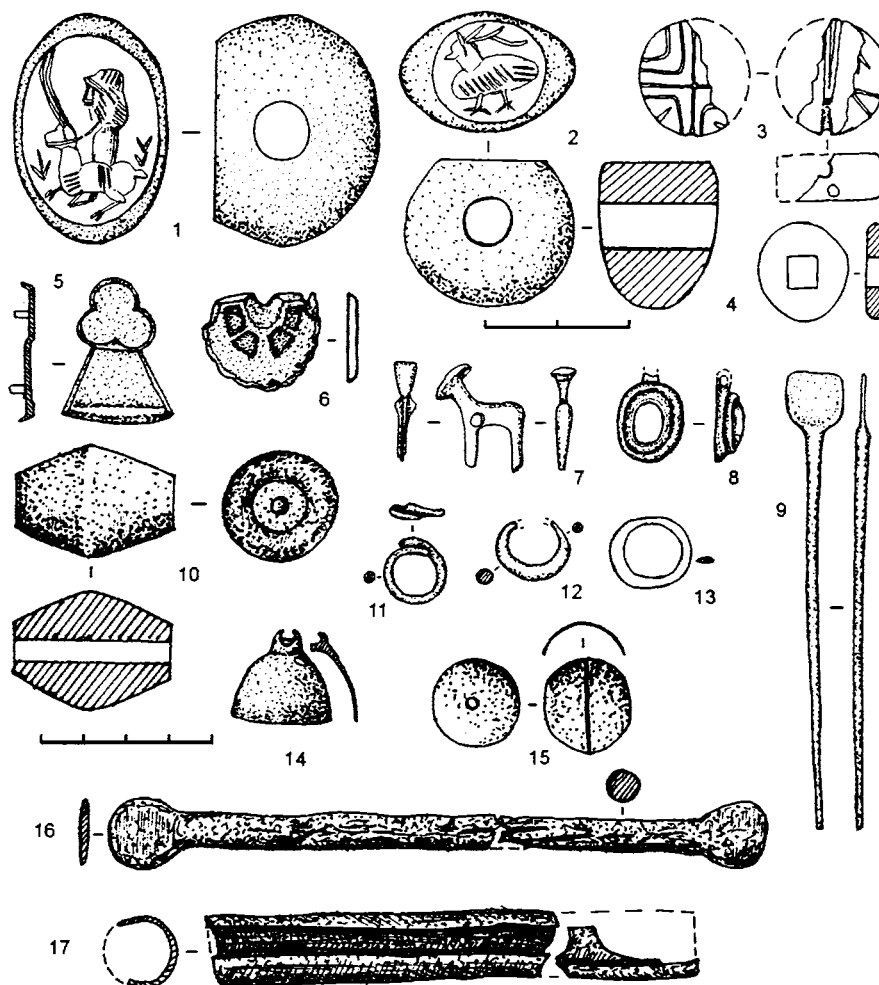

Рис. 2. Отдельные вещи клада из 3 СГ. 1, 2 – халцедон; 3 – гешир; 4 – перламутр; 5, 8 – серебро; 6, 7, 9–15 – бронза; 16, 17 – железо.

строек, сгоревших в пожаре, стали обнажаться мощные (толщиной в 3–4 м) глинобитные стены. Сохранность этих стен достигала 4,2 м. в высоту, а углы, образуемые ими, составляли 120°. Три мощные стены оконтурили обширное пространство трапециевидного в плане двора. В структуре планировки культового двора можно выделить ряд помещений-хранилищ (в полах были вкопаны многочисленные хумы), алтарную часть с суфой-подиумом, участки с кострищами и следами легких каркасных построек и пр. Учитывая фундаментальность построек этого слоя, наличие следов ремонтов и толщину самого слоя существование культового двора может быть датировано периодом IV–VI вв. Такую датировку времени возникновения сооружений культового двора обосновывает находка клада, как мы полагаем, с поминальными подношениями. В кувшине, устье которого было закрыто обломанным донцем

кухонного горшка, оказались множество бусин, сасанидские геммы и множество прочих разнообразных амулетов (рис. 2).

Датирующими из этого комплекса вещей являются халцедоновые геммы, относимые к кругу сасанидских резных камней (рис. 2: 1, 2). Исследование материалов джетыясарских некрополей, из погребений которых известно два десятка аналогичных изделий, показало, что распространение иранских резных камней выполненных в «штриховой манере» в Присырдарьинском регионе можно датировать III–V вв. (Левина, 1996. С. 242). Другим регионом, в котором известны находки аналогичных гемм, является Отрарский оазис на Средней Сырдарье где они датируются тем же временем (Смагулов, 2001. С. 90–100; Байпаков, Смагулов, Ергигитова, 2005. С. 45–49). По степени массовости «сасанидских гемм» на средней Сырдарье (включая Ташкентский

оазис) этот регион вполне сопоставим с зоной распространения Джетыясарской культуры. Похоже, что одновременное массовое появление специфичных «иранских импортов» по всей средней и нижней Сырдарье обязано участием ее насельников в одних и тех же исторических событиях и связях.

Раскопки и исследование архитектурных сооружений во втором и третьем строительном горизонте цитадели Сидака дают основание прийти к выводу, что храмовый центр, существовавший на Сидаке в течении как минимум восьми веков, был посвящен культу предков значительного объединения местных племен.

* Мы в дальнейшем предлагаем пользоваться названием «городище Сидак».

** Пользуюсь случаем поблагодарить А. Никитина, взявшего на себя труд прочесть плохо сохранившуюся легенду этой монеты.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., 2005. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л. Отв.ред. В.М.Массон.

Бернштам А.Н., 1950. Проблемы древней истории и этно-

генеза южного Казахстана // Известия АН Каз. ССР, № 67, сер. арх., вып.2.

Вайнберг Б.И., 1973. Удельный чекан средневекового Кердера // Антропология и культура Кердера. Т. Отв. ред. В.Н. Ягодин.

Гудкова А.В., 1964. Ток-кала. Ташкент.

Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история восточного Приаралья. М.

Мунинов А.К., 2005. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М.

Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З., 1977. Новые данные о городище Туркестан // Изв. АН Каз ССР, сер. общ. наук. № 2.

Смагулов Е.А., 2001. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коньртобе в Отрарском оазисе // История материальной культуры Узбекистана. Вып.32. Самарканд.

Смагулов Е.А., 2004. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. Астана.

Смагулов Е.А., Яценко С.А., 2006. Тамги и рисунки на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Туркестан.

Смирнова О.И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.

В.С. Соловьёв

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Изучение Кафиркалы – раннесредневековой столицы области Вахш (Северный Тохаристан)

I. Городище Кафиркалы расположено в центральной части Вахшской долины на юге Таджикистана, оно отождествляется со средневековой столицей области Вахш, упоминаемой в записках Сюань-Цзана в VII в. н. э. Памятник имеет трехчастную структуру – он состоит из собственно города, пригорода и цитадели. Город с цитаделью образуют квадратный массив (360 x 360 м), окруженный рвом и оборонительными стенами с башнями. Вся площадь огороженного крепостной стеной пространства была разбита на квадраты (44 x 44 м). В один такой квадрат вписана цитадель, расположенная в его северо-восточном углу, на территории города – четыре жилых дома. Главная уличная магистраль, идущая от западных до восточных ворот, делит город на две

половины – северную и южную. В центре города расположена площадь.

II. Памятник впервые обследован в 1947 г. Вахшским отрядом, возглавляемым А.М. Беленицким. В 1956 – 1957 гг. Т.И. Зеймаль произвела первые раскопки в его центральной части, в процессе которых было частично вскрыто административное здание. В пределах раскопа зафиксировано три культурных слоя, соответствующих трем периодам жизни в городе (КФ I – III). Соответственно кроющийся слой (КФ-I) датирован VII – VIII вв., промежуточный слой (КФ-II) – III – IV вв. и подстилающий слой (КФ-III) – II – III вв. В 1968 г. на цитадели памятника произведены широкомасштабные раскопки, в результате которых вскрыта большая часть дворцовых построек.

III. С 1969 г. с перерывами до 2007 г. изучение памятника производилось автором. Раскопки велись преимущественно на территории города. Было дообследовано административное здание в его центральной части, раскопаны два жилых дома, помещение для сбора сельскохозяйственных продуктов у западных городских ворот, изучались также фортификационные сооружения. Стратиграфия памятника оказалась сложнее, чем это представлялось ранее, уточнена и датировка периодов его истории. Раннесредневековый город возведен в конце VI в. на месте поселения кушанского времени, датированного бронзовыми монетами Вимы Такту концом I – началом II в. н. э. (период КФ-III). Первый период жизни в городе (период КФ-II) закончился кардинальной его перестройкой в середине VII в., которая была вызвана высоким стоянием грунтовых вод, сыростью в помещениях, разрушением оснований стен. При этом первоначальная планировочная структура города была сохранена (период КФ-I). В это время население города увеличилось, интенсивно формировался пригород. В начале второй четверти VIII в. город захватили арабы, данное событие отмечено пожарами во дворце и городских домах. После этого город был отстроен заново, плотность его застройки в пределах городских стен увеличилась (период КФ-0). Между 40–50 гг. VIII в. арабы вторично захватили город, жизнь в нём больше не возродилась.

IV. Раскопки Кафиркалы впервые дали ценные материалы для характеристики столичного города раннесредневекового Тохаристана. Его правильная планировочная схема позволяет предположить, что имелся эскизный план, который в увеличенном виде был перенесён на выровненную местность. Городская структура была сложной. В северо-восточном углу

города располагался укрепленный дворец правителя области, в центре города – административное здание и площадь, на которой собирался рынок. В домах, примыкающих к площади, жили ремесленники, производившие различную продукцию и продававшие ее как на рынке, так и в домашних лавках. Один из раскопанных домов принадлежал зажиточному ювелиру. Дома знати располагались на городской периферии. В городе существовало развитое денежное обращение, основой которого являлась бронзовая монета местного чекана. Город нуждался в привозе сельскохозяйственной продукции, она взималась с приезжающих торговцев в виде налога. Для этого у городских ворот с внутренней стороны имелось помещение, где эта продукция складировалась в крупных керамических сосудах – хумах. Одновременно хранилище могло вместить до 2 т продуктов.

Раскопки дали и материалы для характеристики духовной жизни горожан. Во дворце правителя обнаружена буддийская часовня с остатками настенной живописи. В доме ювелира находилось святилище, украшенное настенной живописью и скульптурой, в нем же найдены два керамических рельефа, иллюстрирующих историю царя-охотника, ставшего верующим – буддистом. В повседневной жизни горожан важное значение имело почитание фарна, изображаемого чаще всего в виде какого-либо животного – оленя, горного козла, верблюда, лошади – на керамике, украшениях. Это – свидетельство того, что у горожан бытовали представления, связанные с зороастризмом, имевшим местные древние корни. Полученные материалы характеризуют и высокий уровень искусства одной из столиц раннесредневекового Тохаристана.

Р.В. Терпиловский

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Новые памятники III–V вв. в Северо-Восточной Украине

Ряд новых материалов киевской и черняховской культур был обнаружен в ходе охранных работ на территории Черниговской и Сумской обл. Украины, осуществленных Г.В. и Т.М. Жаровыми, Л.И. Белинской, а также автором. Коротко опишем некоторые из них.

Набильское (Козелецкий р-н Черниговской обл.). Памятник расположен на узком пологом мысу первой надпойменной террасы левого берега Десны.

На поверхности и в 13 шурфах встречена преимущественно керамика киевской культуры, в том числе верхняя часть округлобокого горшка, венчик сосуда с расчесами гребнем, фрагмент чернолощеного сосуда, а также подлощенное пряслице. Эти находки позволяют отнести поселение к ранней фазе киевской культуры, пока еще слабо изученной в южной части Черниговского Подесенья.

Калиновка 1 (Роменский р-н Сумской обл.). Многослойное поселение занимает склон высокой левобережной террасы р. Ромен (правого притока Сулы). На его территории было заложено 20 шурфов. Груболопная керамика с шамотом раннеславянского облика встречена на площади около 1 га. В одном из шурфов исследованы остатки земляной печи в виде округлой ямы, вымощенной черепками и обмазанной слоем глины. Большинство обломков из вымостки принадлежит приземистому биконическому горшку.

Матяшев Яр 3 (Роменский р-н Сумской обл.). Многослойное поселение находится на сниженном мысу над левобережной поймой р. Ромен. Тут встречены черепки раннеславянского облика, в том числе скопление груболопной керамики. Удалось реконструировать крупный горшок биконической формы и верхнюю часть ребристого лощеного сосуда. В 40 м от этого развала найдена бронзовая фибула с длинным приемником VII группы (Almgren, 1923. Taf. IX), которая датируется второй половиной III – рубежом III/IV в. Поскольку подобные застежки встречены и на некоторых черняховских поселениях, можно предположить, что проникновение черняховских племен на данную территорию начинается именно в это время.

Шостка (райцентр Сумской обл.). Поселение располагается на левом берегу р. Локотки (левого притока Шостки – левого притока Десны). Здесь раскопано полуземляночное жилище, в заполнении которого встречены фрагменты груболопных горшков и дисков с утолщенным краем или невысоким бортиком. Отсюда же происходит несколько типичных пряслиц киевской культуры, а также миниатюрная железная булава (?) и бронзовый язычок пряжки. Последний может быть отнесен ко второй половине IV – началу V в. Таким образом, поселение на окраине Шостки принадлежит к памятникам заключительной фазы киевской культуры, немногочисленным на Новгород-Северщине, но неплохо изученных в Черниговском Подесенье и Путивльском Посеймье.

Одним из новых «переходных» от киевской к колочинской культуре памятников, расположенных на юге лесной зоны между Десной и Сеймом, является поселение на окраине г. Кролевца (райцентр Сумской обл.). На низкой террасе левого берега р. Реть (левого притока Десны) раскопана полуземлянка, из нижнего слоя которой происходят фрагменты округлобоких и ребристых груболопных горшков, дисков и сковородок с невысоким краем, а также два фрагмента гончарных сосудов черняховской культуры, железные нож и пятка серпа, костяная проколка и несколько пряслиц. Учитывая характер

керамического комплекса, типы пряслиц, а также расположение памятника за пределами ареала черняховской культуры, постройку следует датировать рубежом IV/V – первой половиной V в. Ближайшими аналогиями данному комплексу являются поселения Заярье, Литвиновичи 3, Красное 4 и др. К ним близки раннеколочинские памятники Подесенья, на которых встречены фибулы типа Прага (Колодезный Бугор, Яловщина).

Более широкими исследованиями было охвачено еще одно поселение этого круга, расположенное на южной окраине лесной зоны.

Козары 7 (Носовский р-н Черниговской обл.). Поселение занимает мысообразный выступ первой надпойменной террасы р. Остер (левого притока Десны). Основной слой представлен восемью постройками и 70 хозяйственными ямами, исследованными на площади свыше 2000 кв. м. Шесть построек можно считать жилищами. Все они имели центральный столб и были углублены в материк до 0,4 м. Керамика представлена обломками груболопных слабопрофилированных горшков, а также двумя обломками черняховских гончарных сосудов. Свыше 60 керамических пряслиц имели биконическую форму. Среди других находок заслуживают упоминания бронзовые туалетный пинцет и язычок пряжки, несколько стеклянных бусин, в том числе одна полихромная, железные кольца от кольчуги (?), серебряная пластинка-оковка. Характер керамического комплекса и датирующие находки свидетельствуют, что памятник следует датировать рубежом IV/V – первой половиной V в.

Следующий памятник, расположенный на границе лесной и лесостепной зон близ с. Оленовка Борзнянского р-на Черниговской обл., важен в плане изучения характера контактов северных черняховских племен и деснинского населения в процессе его движения на юг.

Липовка 1. Культурный слой зафиксирован на протяжении не менее 600 м вдоль ручья, при ширине 50-100 м. На площади свыше 500 кв. м исследована хозяйственная постройка и 23 ямы-погребя. Находки IV-V вв. представлены двумя горизонтами: черняховской культуры и переходным от киевской к колочинской. В культурном слое лепная керамика более массово залегала в верхней, а гончарная черняховская – в нижней его части. Аналогичная ситуация наблюдалась и в постройке, а также в ряде ям. Подобная картина, очевидно, может указывать на то, что черняховский горизонт непосредственно сменился раннеславянским около первой половины – середины V в.

Переходный от позднекиевского к колочинскому

горизонт представлен фрагментами слабопрофилированных и ребристых горшков, а также единичными обломками дисков, уплощенно-биконическими пряслищами. Как и поселение Козары 7 на Остре, Липовка I демонстрирует продвижение племен Подесенья в лесостепь после кризиса черняховской культуры конца IV – начала V в.

Изучению подвергся ряд памятников черняховской культуры, расположенных в северо-восточной части ее ареала, в зоне прямого контакта с киевскими древностями. Так, группа черняховских памятников выявлена вдоль левого берега Удая (правого притока Сулы) на территории Варвинского р-на Черниговской обл. На одном из них были проведены охранные раскопки.

Воскресенское 1. Поселение занимает склон второй надпойменной террасы на левом берегу р. Удай. Во время раскопок обнаружено три углубленных постройки, рядом с которыми исследованы остатки нескольких двухъярусных гончарных горнов. Из заполнения сооружений происходит большое количество гончарной кухонной и столовой керамики, глиняные пряслища, «стили» из кости, обломки железных изделий и др. По находкам нескольких железных и бронзовых фибул, железной пряжке и фрагменту костяного гребня этот участок поселения может быть датирован IV в.

Могильник в виде остатков четырех трупоположений обнаружен ниже поселения, на краю первой надпойменной террасы. Два погребения были ритуально разрушены. Захоронение 2 содержало обломки гончарных сосудов, в том числе богато орнаментированных чернолощенных кувшина и кубка. В погребении 3 кроме трех гончарных мисок найден трехслойный многочастный костяной гребень типа 3 (Thomas, 1960. S. 120) и обломки стеклянного кубка с каплями синего стекла, что позволяет датировать этот комплекс гуннским периодом.

Охранные раскопки были проведены также на расположенном неподалеку поселении и могильнике черняховской культуры около с. Дубина Роменского р-на Сумской обл.

Дубина 1. Памятник занимает участок плато над обводненной балкой, принадлежащей к бассейну р. Локня (правый приток Сулы). Двумя раскопами площадью 3 800 кв. м исследована периферия поселения и окраина могильника. В культурном слое поселения встречены только фрагменты типичной гончарной керамики черняховской культуры. Ис-

следованный участок могильника, очевидно, в древности был основательно ограблен, в результате чего из 11 захоронений на месте сохранились лишь погребения 1,2 и часть погребения 3. Основные находки встречены в переотложенном состоянии в ямах или даже за пределами могильных ям. Отдельные вторично обожженные черепки и сердоликовая бусина, возможно, указывают на наличие кремаций на могильнике. Находки представлены несколькими бронзовыми пряжками, обломками стеклянных кубков, разнообразными бусами из стекла, коралла, сердолика, янтаря, глиняными пряслищами и др. Частично сохранившееся захоронение подростка (погребение 3), сопровождалось двумя кухонными горшками, двумя столовыми мисками и кувшином-бутылкой с узким горлом, имеющим близкую аналогию в могильнике Сумы-Сад (Магомедов, 2001. С. 52–53. Рис. 50, 8). Фрагменты кубков с «ячеистой» поверхностью, некоторые типы бус и пряжек позволяют отнести исследованный участок к гуннскому времени. Исследованные участки поселения и могильника следует датировать второй половиной IV в., не исключая и начала V в. В целом это время соответствует периоду D1 центральноевропейской хронологии (Tejral, 1995. S. 351. Abb. 10–14).

Полученные в ходе раскопок материалы свидетельствуют, что оставившее их черняховское население продолжало обитать в северной части левобережной лесостепи по крайней мере до периода D1 включительно. Примерно в это же время прослеживается начало продвижения на юг носителей деснинского варианта позднего этапа киевской культуры. Материальным свидетельством этой экспансии является, в частности, цепочка таких поселений, как Кролевец, Липовка, Козары и Сенча.

Магомедов Б.В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.

Almgren O., 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte... Mannus-Bibliothek. 32. Leipzig.

Tejral J., 1995. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

Thomas S., 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd 8. Leipzig.

А.А. Хреков

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета им. Чернышевского

О соотношении постзарубинецких погребальных и культовых комплексов лесостепного Прихопёрья

В первые века нашей эры на обширных пространствах восточноевропейской лесостепи и южной части лесной зоны формируются новые культурные образования тесно связанные с традициями зарубинецкой культуры. Одним из таких компактных локальных образований являются постзарубинецкие памятники инясевского типа конца II – первой четверти III в. н.э., выделенные автором в лесостепном Прихопёрье (Хреков, 1994). В настоящее время это наиболее восточная изолированная группа, генезис и история которой требуют дальнейшего изучения. Особый интерес вызывает соотношение погребальных и культовых комплексов.

К первому относится грунтовый могильник с сожжениями, открытый у с. Инясево (Хреков, 1991). Он находился на высокой дюне в широкой пойме р. Хопер. В центре дюны обнаружено семь хорошо сохранившихся и пять или шесть разрушенных безурновых погребений. Строгой закономерности в расположении погребений не обнаружено. Сожжение умерших происходило на стороне. Для захоронения остатков кремации устраивались неглубокие, округлые, овальные и подпрямоугольные ямки размером 0,55 x 0,9 м, 0,38 x 0,55 м, глубиной 0,1–0,2 м. Как правило, в могилах присутствуют остатки погребального костра – зола, угли. Количество (до 200) и концентрация костей в погребениях довольно плотная, особенно ближе ко дну. Среди косточек четко вычлняются фрагменты человеческого черепа, позвонки, ребра, фаланги пальцев. Некоторые кости и предметы находились на краю ямок, или даже на значительном удалении от них. Видимо устройство могилы предполагало входную яму-площадку для совершения тризны. В двух случаях какой-то обряд был совершен непосредственно над погребениями (парные или стратифицированные погребения). Это были небольшие ямки, заполненные золой, угольками, редкими кальцинированными косточками, фрагментами керамики.

Все погребения содержали небогатый, со следами огня, инвентарь: бронзовые, трапециевидные подвески – круга «варварских эмалей», пряжки, височные кольца, обойму, фрагмент кольчатой железной кольчуги, пряслице, бронзовые пронизи, стеклянные бусы.

Керамика, обнаруженная в погребениях, представлена немногочисленными фрагментами (от 2–3 до 10) лепных округлобоких и ребристых сосудов с бугристой и лощеной поверхностью, часто со следами повторного обжига. Исключениями являются неполные развалы сосудов, находившихся вблизи погребений 1, 5, 6.

Судя по набору украшений и инвентаря, время функционирования могильника укладывается в рамках конца II – первой четверти III в. н.э. (Хреков, 1997).

Отмеченный выше способ погребального обряда Инясевского могильника находит параллели в могильниках припятско-полесской и, особенно, верхнеднепровской групп зарубинецкой культуры (Велимичи I, II, Отвержичи, Чаплин, Семурядцы). Это, в первую очередь, проявляется в наличии ямных сожжений с подсыпками остатков костра и фрагментированной керамики (Кухаренко, 1961; Каспарова, 1969; Поболь, 1969). Исследователи отмечают, что погребения с небогатым инвентарем, содержащие остатки костра, обожженные вещи характерны именно для поздней фазы зарубинецкой культуры Южной Белоруссии. (Кухаренко, 1964; Обломский, 1983). Нельзя не отметить ряд общих черт с погребальным обрядом киевской и пшеворской культур первых веков нашей эры. Речь идет о ямных сожжениях с остатками погребального костра, небогатым инвентарем и вторично обожженной керамикой, последний признак иногда считается специфически пшеворским (Никитина, 1974). Отличительной особенностью погребального обряда киевской культуры (Кулига, Казаровичи, Шишино 5, Приоскольское и др.) от инясевского, является немногочисленность (от нескольких штук до нескольких десятков) кальцинированных костей в большинстве погребений, или их полное отсутствие (Терпиловский, Абашина, 1992; Обломский 1991).

Таким образом, Инясевский могильник, видимо, оставлен постзарубинецким населением в период становления киевской культуры, в период активных передвижений и перегруппировок различных по структуре межплеменных (межэтнических) образований в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы.

Помимо классических погребений на территории Прихоперья (Рассказань III, Подгорное, Шапкино II) зафиксирована иная модель культовых памятников. Так, на курганообразной дюне у с. Рассказань в площадь раскопа попали котлованы 94 ям, условно названные «жертвенными» (Хреков, 1997). Преобладают ямы округлой и овальной формы средних размеров. Заполнение состоит из темной супеси с остатками костра в виде золы и угля, костей животных и рыб, фрагментов керамики от разных сосудов, иногда со вторичным обжигом, и мелких кальцинированных (от 2 до 47) косточек.

Часто угольки, зола, кальцинированные косточки встречаются по всему заполнению, реже залежали на каком-то определенном уровне – линзой или прослойкой. Около половины ям содержали только угольки, керамику и кости животных. В двух объектах заполнение состояло из золы, угольков и мелких кальцинированных костей. Ритуальный характер, видимо, имели ямы с кострищем в верхней части, или прикрытые бегунком ручного жернова. Одна из ям содержала развалы семи сосудов, пест, плотный слой золы, угольков и несколько мелких пережженных косточек. Грубая и лощеная керамика, обнаруженная в ямах, имеет постзарубинецкий облик типа Картамышево-2, Терновки-2, Попово-Лежачей-4 и, отчасти, Шишино-5, Шмырево (Обломский, 2003). Кроме керамики из ям происходят пряслица и их фрагменты, железный нож, бронзовая многовитковая пронизь, жернов, обломок глиняного свистка. В целом, комплекс датируется концом II – первыми десятилетиями III в н.э.

Подобные памятники (Кулига, Макча) некоторые исследователи предлагают считать «поминальниками», т.е. особого назначения культовыми объектами, связанными с обычаем почитания умерших предков (Щукин, 1990).

Практически аналогичный памятник обнаружен на поселении Шапкино II (Хреков, 1999). Ещё одно ритуальное урновое захоронение выявлено на селище у с. Подгорное. Оно представляет собой небольшую площадку (0,5 x 0,9 м.), выложенную мелкими камнями, на которой находился груболепной постзарубинецкий сосуд, отдельные ошлакованные фрагменты от другого, угольки и несколько мелких кальцинированных косточек, что, видимо, является особой формой жертвоприношения при закладке селища (Терпиловский, Абашина, 1992).

Таким образом, функциональное назначение рассмотренных памятников вполне очевидно. В первом случае (Инясево) – это могильник, во втором – Рассказань, Шапкино II – святилища с жертвенными ямами. Не исключено, что часть ям в Рассказани яв-

ляется погребениями «мемориального» характера, ничем не отличаясь от ямных безинвентарных захоронений пшеворской и киевской культур. Изменение погребального ритуала может носить как хронологический, так и этнический характер, связанный с появлением нового населения.

Каспарова К.В., 1969. Могильник и поселение у деревни Отвержичи // МИА. № 160. М.

Кухаренко Ю.В., 1961. Средневековые памятники Польсы // САИ. Вып. Е1-57 М.

Кухаренко Ю.В., 1964. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // Древности Белоруссии. Минск.

Никитина Г.Ф., 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Обломский А.М., 2003. Днепровское лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III – V в. н.э.). М.

Обломский А.М., 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореферат диссертации кандидата ист. наук. М.

Поболь Л.Д., 1969. итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // Древности Белоруссии. Минск.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры. Киев.

Хреков А.А., 1991. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология восточноевропейской степи. Вып. 2. Саратов.

Хреков А.А., 1994. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепного Прихоперья в первые века н.э. // Российский исторический журнал. № 1. Балашов.

Хреков А.А., 1997. Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996. Вып. 2. Саратов.

Хреков А.А., 1997. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т 3. М.

Хреков А.А., 1999. Культурное место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 г. Вып. 3. Саратов.

Щукин М.Б., 1990. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Курск.

СЕКЦИЯ 10

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ: УРБАНИЗАЦИЯ, РАССЕЛЕНИЕ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Т.Г. Алпаткина

Государственный музей Востока, Москва

Из истории исследований Музея Востока в Средней Азии (к 80-летию первых археологических экспедиций музея в Старом Термезе)

В 1926–28 гг. на городище Старый Термез в Узбекистане работала экспедиция московского Музея Восточных культур (ныне Государственный музей Востока), организованная директором музея Б.П.Денике (Денике, 1928. С. 3–16; Войтов, 2001. С. 24–61). Это была первая советская экспедиция в Средней Азии, положившая начало широкому археологическому изучению региона.

Среди других памятников городища один сразу же привлек особое внимание – загородный дворец правителей Термеза XI–XII вв. (Алпаткина, 2008). Самое известное из помещений дворца – зал приемов с его ганчевым декором*, открытие которого, по словам одного из участников экспедиций МВК, стало их “венцом и торжеством”.

Дворец был открыт в 1927 г., в 1928 г. исследования памятника продолжались; на 1929 г. планировалось завершить раскопки, но из-за смены руководства музея эта экспедиция не состоялась. Начиная с 1933 г. Б.П.Денике неоднократно пытался возобновить экспедицию; ее основной задачей намечалось окончание раскопок зала приемов, «изучение архитектуры и декорации на месте и снятие части резьбы со стен с целью переброски ее в Музей Восточных культур и музей Узбекистана» (Архив ГМВ, дело № 11, лл. 2–2об.).

В 1936 г. начала свои работы на городище Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ) под руководством М.Е. Массона (Труды УзФАН СССР, 1940, 1945), один из отрядов которой продолжил раскопки МВК в зале приемов термезского дворца**. В 1937 г., «цена работы трех экспедиций» музея в Термезе, МВК предложено принять участие в работах ТАКЭ «в качестве особого отряда

по изучению группы дворцовых зданий» (Архив Отдела учета ГМВ, инв. дело за 1936 г., л. 11). Но и эти исследования прошли без участия музея. Лишь в 1945 г. кто-то из сотрудников побывал в Старом Термезе.

Исследования дворца не были доведены до конца, как не были полностью опубликованы результаты раскопок. За прошедшие 80 лет утрачены все прорисовки орнаментов, а также большая часть фотографий, чертежей и фрагментов декора. Только в 2006 г. автору удалось выяснить судьбу памятника: военными из соседних пограничных частей в 1945 г. зал приемов термезского дворца – подлинный шедевр архитектуры – был разобран на кирпичи для строительства свинарника. В архиве ГМВ найдены фотопленки, запечатлевшие этот момент (Алпаткина, 2008. Ил. 33, 36в и др.).

Сотрудниками экспедиций МВК 1927–28 гг. зал приемов был вскрыт почти наполовину, вторая половина зала была раскопана ТАКЭ в 1936–37 гг.

Это прямоугольное в плане помещение размерами 11,5х13,5 м со входом в западной стене было разбито на три части десятью пилонами с трехчетвертными колонками на углах, обращенных в центр зала; по пять пилонов вдоль южной и северной стен (рис. 1: 1; нумерация пилонов моя – Т.А.). Средний неф был перекрыт арочным сводом; боковые, благодаря наличию одиннадцатого пилона напротив восточной стены, образовывали “коридор”, с трех сторон окружавший главный неф и перекрытый более низкими сводами. Перед входом в зал был устроен большой айван с аркой, опиравшейся на четыре пилона (Массон, 1940. С. 46; Алпаткина, 2008. С. 24–32. Ил. 16–18).

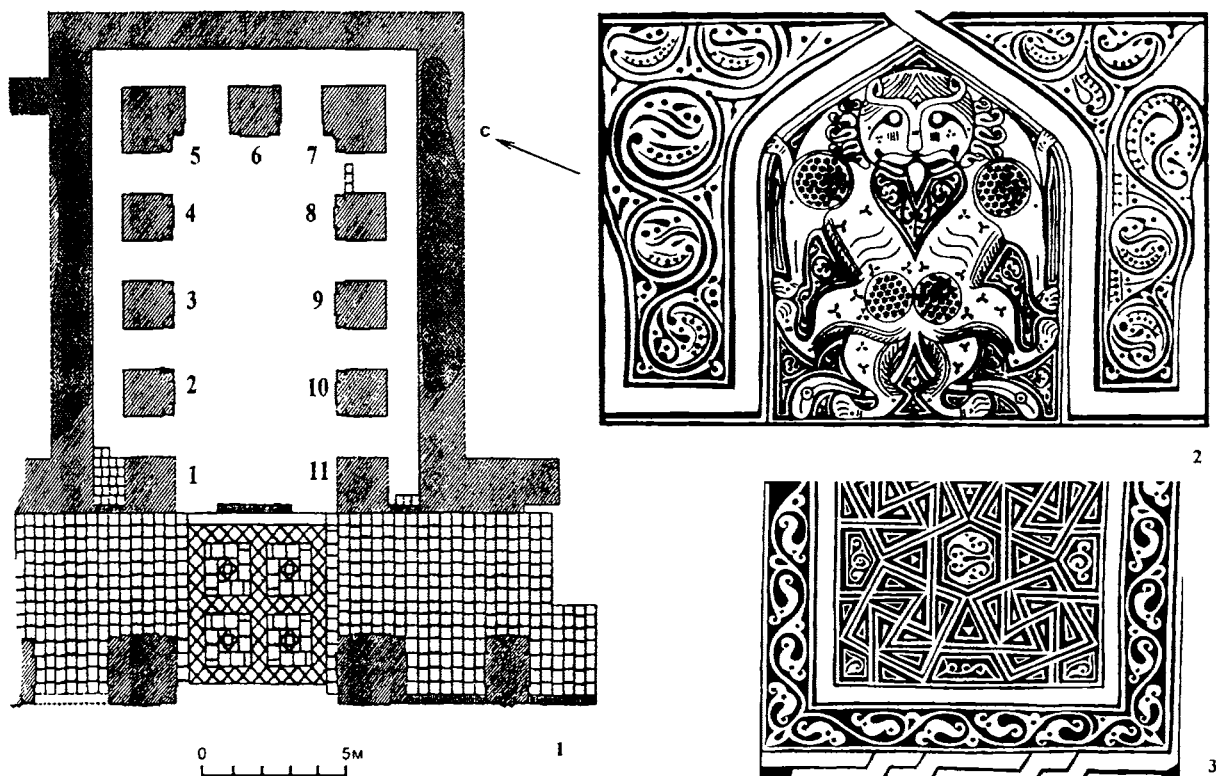

Рис. 1. Зал приемов дворца правителей Термеза. XI–XII вв. 1 – план зала; 2 – панно с южной стены; 3 – панно с пилона № 7, фрагмент. Публикуется по: Алпаткина, 2008. Ил. 56, 31в, 45в.

Только сейчас, по завершении исследований, проведенных автором в музеях и архивах России и Узбекистана, мы можем максимально полно восстановить картину архитектурного убранства зала приемов уничтоженного дворца правителей Термеза (Алпаткина, 2008. С. 26–32, 38–42, 52–57 Ил. 16–55).

В XI в. сырцовые стены и пилоны зала были облицованы обожженным кирпичом. Во второй пол. XII в. их декорировали резным орнаментом по ганчевой штукатурке, нанесенной поверх кирпичной облицовки. Исполненный по ганчу резной узор, словно ковер, покрыл поверхность стен, пилонов и сводов: в каждом панно и фризе особое сочетание математически точно построенных гирихов – плетеных геометрических фигур с включенными в них растительными мотивами (рис. 1: 3), а также надписями почерком насх. Уникальная особенность термезской резьбы – панно с изображениями львов и грифонов в геральдических композициях.

Орнаментация стен и пилонов делилась на 4–5 ярусов; полностью восстанавливаются 1-й (нижний) и 2-й, фрагментарно – 3-й ярус. В 1-м и 2-м ярусах орнаментальные фризы идут непрерывной полосой вдоль всех стен: внизу ряд пересекающихся арок;

выше – плетение лент, образующих многоугольники. 3-й ярус – отдельные панно, расположенные между пятью арками свода, переброшенных с пилонов на стены. Панно частично сохранились на северной и южной стенах. Они не повторяются и показывают разные варианты мотива борьбы зверей; двух львов, спинами друг к другу и с мордами, зрительно сливающимися в единую для обоих животных (рис. 1: 2); крылатых грифонов и др.

Орнамент 1-го яруса стен повторяется на четырех сторонах пилонов №№ 5 и 7, на остальных пилонах – на сторонах, обращенных к соседним пилонам и стенам. 1-й ярус сторон, обращенных в центр зала, оформлен у этих пилонов иначе: прямоугольные панно с геометрическим орнаментом.

Найденные нами фотоматериалы экспедиций МВК позволяют исправить имеющиеся в публикациях ошибки (которые, впрочем, не умаляют значимости этих работ), а главное – уточнить порядок распределения панно в интерьере зала.

Проводя анализ декорации, Б.П. Денике, а вслед за ним и другие исследователи писали, что панно, украшавшие стороны пилонов, представляют индивидуальные и всегда новые варианты основных орнаментальных мотивов. Сравнительный анализ

имеющегося у нас архивного фотоматериала показывает иную картину. В декорации зала: 1) орнаментальные мотивы неизменно повторяются; 2) эти повторы не являются произвольными, а, напротив, строго рассчитаны; 3) несмотря на повторения орнаментов, художникам удалось создать зрительный эффект “неповторимости” каждого панно за счет изменения деталей заполнения орнамента при его единой схеме построения для нескольких панно.

Мы также можем выделить закономерности в распределении орнаментальных панно на стенах и по сторонам пилонов зала.

Как сказано выше, 1-й и 2-й ярусы панелей одинаковы для всех стен зала. 3-й ярус панелей северной и южной стен – панно с изображениями животных, их разделяют панно с орнаментальными мотивами. Нужно отметить, что посетитель, войдя в зал и двигаясь по центру в направлении восточной стены (где, по предположению Б.П. Денике, был трон правителя), стены видел не целиком: слева и справа перед его взором мелькали лишь отдельные панно – только те, на которых изображены реальные и фантастические животные. Остальные же панно, расположенные на пятах арок, переброшенных со стен на пилоны, этими пилонами были скрыты.

Фрагментарная сохранность панно 3-го яруса на северной и южной стенах и полная утрата на восточной не позволяют судить о закономерностях в их расположении. В этом смысле больше возможности для наблюдений предоставляют панно на пилонах.

Расположение орнамента на сторонах пилонов, обращенных в центр зала, реконструируется следующим образом. Эти стороны оформлены трехчетвертными полуколонками, располагавшимися с уровня второго яруса панно. Панно 2-го яруса – прямоугольники, вытянутые вверх. Геометрический орнамент центральных частей левой и правой полуколонки расположенных рядом пилонов идентичен, с небольшими отличиями в растительном заполнении. Так же идентичны – и с такими же отличиями в заполнении – орнаменты панно 1-го и 2-го ярусов – но уже для пилонов, расположенных напротив друг друга через центр зала. Например, орнаменты левой и правой полуколонки пилона № 3 повторяют (с отличиями в деталях) орнаменты соответственно правой полуколонки пилона № 2 и левой полуколонки пилона № 4. Тогда как орнаменты панно 1-го и 2-го ярусов пилона № 3 повторяют орнаменты панно тех же ярусов расположенного напротив пилона № 9.

Это же относится к панно 2-го и 3-го ярусов на обращенных друг к другу сторонах соседних пилонов: геометрические орнаменты панно на западной стороне пилона № 7 (рис. 1: 3) и панно на восточной стороне пилона № 8 одинаковы по основному рисунку, с отличиями в деталях.

Всякий раз для каждого панно основной орнамент, повторяясь, одновременно предстает в новом варианте. Это не фантазия и не случайность, а точный расчет художника. Тщательно продуманная система повторов – с одинаковыми по схеме построения, но отличающимися в деталях орнаментами, – в целом создавала впечатление орнаментального великолепия и неповторимости.

* Ганч – среднеазиатская разновидность гипса.

** Исследования на городище Старый Термез возобновились в 1960-е гг. Предметом внимания были главным образом буддийские памятники (Материалы..., 1964–1982; Алпаткина, 2008. С. 6), начиная с 2000 г. их раскопки ведет узбекско-французская экспедиция под руководством Ш.Р. Пидаева и П. Лериша (см., напр.: Пидаев, Лериш, 2003. С. 136–139).

Алпаткина Т.Г., 2008. Дворец правителей Термеза XI–XII вв. на городище Старый Термез (по опубликованным и архивным материалам). М.

Войтов В.Е., 2001. Из истории археологических экспедиций Музея Восточных культур в Старом Термезе 1926–1928 гг. (по архивным данным и публикациям). М.

Денике Б., 1928. Экспедиция Музея Восточных культур в Среднюю Азию 1927 года // Культура Востока. Вып. II. М.

Массон М.Е., 1940. Городища Старого Термеза и их изучение // ТАКЭ 1936 г. Ташкент.

Материалы Совместной археологической экспедиции на Кара-тепе в Старом Термезе., 1964–1982. Вып. I–V. М.

Пидаев Ш., Лериш Р., 2003. Археологические работы Узбекско-французской экспедиции на городище Старого Термеза // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Вып. 3. Ташкент.

Труды Академии Наук УзССР., 1945. Серия I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция. Том II. Ташкент.

Труды УзФАН СССР., 1940. Серия I. История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ) 1936 г. Ташкент.

Н.Г. Артемьева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Городища империи Цзинь (1115–1234 гг.) на территории Приморья

История изучения чжурчжэньских городищ в Приморье насчитывает более ста лет. Впервые попытку связать археологические памятники Приморья с конкретными сведениями из китайских династических хроник предпринял Палладий Кафаров (Кафаров, 1879).

Позже В.Е. Ларичев, основываясь на сведениях из “Цзинь ши”, устанавливает, какие именно племена чжурчжэней заселяли территорию Приморья и Приамурья. Это, прежде всего, род Ваньянь Еланьского поколения (Ларичев, 1962. С. 10).

В начале X в. в связи с нажимом киданьской армии на чжурчжэней часть племен, не желавших подчиниться империи Ляо, переселилась на север и северо-восток. Среди них было племя Ханьпу, которое заняло районы Центральной Маньчжурии, где породнилось с местным племенем Ваньянь, и племя его брата Баохули, переселившегося в район бассейна верхнего течения Уссури, а, скорее всего, на побережье Японского моря. Во время вождя Угуная восстанавливаются связи ваньяньцев Центральной Маньчжурии с приморскими родственниками, которыми управлял в это время Чжилыхай. Его сыновья – Шитумынь, Асымэнь и Дигунай, выходцы из уссурийского (еланьского) племени Ваньянь, прославились в войне с корейцами. Права в этом районе 30 лет, Дигунай усердно занимался хлебопашеством, решал дела народные, советуясь с родственниками. После того как в 1124 г. войска под руководством Дигуная поселились на Суйфуне, Цзинь прочно установила здесь свое господство, во всем районе больше не случилось военных столкновений Дигунай был ключевой исторической фигурой, создавшей обстановку мира и процветания в бассейне Суйфуна, и поэтому был удостоен памятной стелы (Ларичев, 1974. С. 222–223).

С конца 50-х годов прошлого столетия начинают систематические исследования чжурчжэньских памятников Приморья. За это время собран огромный археологический материал, вышли в свет фундаментальные монографические исследования (История Дальнего Востока..., 1989; Шавкунов, 1989).

На территории Приморья известно около ста городищ, все они были датированы в основном XII–XIII вв. Весь обнаруженный археологический материал по всем признакам хорошо укладывался именно в этот период. Первые исследователи при классификации средневековых городищ обратили внимание, что

по месту их расположения они делятся на долинные и горные. Именно долинные городища, правильной и неправильной геометрической формы, имеют большой, насыщенный культурный слой, чего нельзя сказать о горных городищах. Долинных городищ, на которых проводились археологические исследования, не так много. К ним относятся Майское, Николаевское, Южно-Уссурийское, Западно-Уссурийское и Стекланухинское городища. При первых археологических сборах на этих памятниках было обращено внимание на то, что материальная культура довольно сильно отличается от материалов с горных городищ. Материал производит впечатление более раннего. Объяснялось это тем, что, очевидно, в слоях попадаете бохайский материал. Однако исследования долинных городищ в 80–90-е гг. XX в. показали, что такие памятники, как Южно-Уссурийское, Западно-Уссурийское, Майское и Чугуевское городища, имеют только цзиньские материалы XII – начала XIII в. Разница в материалах долинных и горных городищ чжурчжэней в Приморье объясняется более длительным существованием первых.

Долинных городищ на территории Приморья гораздо меньше, чем горных. Они расположены по долинам рек, обнесены почти всегда мощными земляными валами и глубокими рвами. В плане долинных городища как прямоугольные или квадратные, так и неправильно прямоугольной, многоугольной, овальной и вообще свободной формы. Чем дальше на север и восток, тем меньше прямоугольных городищ (Воробьев, 1968. С. 70; Шавкунов, 1990. С. 55).

На сегодня самым исследованным среди долинных городищ является Николаевское (Партизанский район, Приморский край). Это городище одно из первых привлекло внимание исследователей (Лопатин, 1869. Л. 10–12; Кафаров П., 1871. С. 364; Отчет распорядительного комитета..., 1887. С. 8; Буссе, Кропоткин, 1908. С. 27–28; Арсеньев, 1947. С. 269–312). В 1955, 1959, 1960 и 1962 гг. городище исследовал Э.В. Шавкунов, который впервые выделяет на памятнике четыре культурных слоя: 1 – корейский XIX – начала XX вв., 2 – чжурчжэньский; 3 – железного века, 4 – неолитический (Шавкунов, 1955–1956. С. 16–20; 1960; 1962; 1966). После этого более тридцати пяти лет археологических исследований на городище не велось, а постоянные запашки и браконьерские раскопки основательно повреждали культурный слой. По сборам подъемного

материала было видно, что Николаевское городище – это многослойный памятник (Никитин Ю.Г, 1997. С. 2–8), но его фортификационные сооружения были построены во время существования империи Цзинь на месте древних поселений.

Николаевское городище имеет в плане вид равнобедренной трапеции со скошенными углами, ориентированными по сторонам света. Площадь городища около 33 га. Оно обнесено со всех сторон мощными валами, длиной около 2280 м. Вал достигает высоты 10 м и ширины в основании 25 м, укреплен 12 башнями. С внешней стороны он обнесен рвом, шириной 20–25 м, глубиной – 3–4 м. Городище имело двое ворот – южные и восточные, которые оформлены Г-образными земляными захабми.

Вал насыпался одним этапом. Первоначально на выровненную поверхность насыпалась платформа, основа вала. В разрезе она имела форму полуовала. Далее сердцевину вала поднимали за счет песка, высотой до 1 м. Эти два слоя сверху перекрывались слоем темной супеси с мелкими камнями, мощностью до 50 см. Внешняя сторона этого слоя состояла из плотно пригнанных друг к другу галек. Затем прослеживался слой серой супеси с большим количеством мелкой гальки. Далее идут слои на высоту 1,4 м, чередующиеся друг с другом: желтая глина со щебнем, толщиной 30 см, затем черная супесь, мощностью 10 см. Затем на эту внутреннюю основу вала насыпался слой глины с большим количеством гальки. Этим слоем формировали внешние стороны вала. Затем вал городища облицовывали плотно пригнанными друг к другу камнями.

Раскопки 1960, 1962 гг. проводились на месте въезда во Внутренний город (Шавкунов, 1966). Там обнаружены остатки парадной арки, по своей архитектуре представляющей трехпролетные ворота. Такие ворота обычно устанавливали с целью декоративного оформления въезда во двор буддийского храма в ряде стран Юго-Восточной Азии или в дворцовый комплекс. Рядом с парадной аркой были собраны фрагменты керамических скульптурных изображений драконов, фениксов, “крылатых” будд.

На всей площади Внутреннего города до сих пор хорошо прослеживаются земляные платформы от дворцовых сооружений. Исследования большой платформы дали возможность проследить остатки сооружения, которое имело прямоугольную форму, углами ориентировано по сторонам света. Его площадь 352 кв. м (22 x 16 м). Здание построено на земляной платформе, высота которой 60 см, а края облицовывались кирпичной стенкой. Крыша здания крепилась на деревянные столбы, которые опирались на каменные базы (по широкой стороне – 6, по узкой – 5). Она

украшалась орнаментированной черепицей, концевыми дисками. Конек крыши оформлен скульптурными барельефами с изображениями драконов и фениксов, скаты – скульптурами фениксов и бодхисатв.

Раскопки показали, что вся территория Внутреннего города была застроена сооружениями колоннадной конструкции с богато украшенными крышами.

На Николаевском городище собрано большое количество археологического материала, анализ которого позволяет судить о хозяйственной деятельности населения этого города, а также время возведения валов и датировать это городище XII–XIII вв. Одной из интереснейших находок является бронзовая верительная бирка в форме рыбки с выгравированной на ней надписью: “командующий левой доблестной охраной Нелици” (Шавкунов, 1989. С. 268). На торцевой стороне бирки была выгравирована еще одна надпись, гласящая: “при соединении совпадает”. Во время передачи приказов курьер должен был предоставить военачальнику одну половинку, которая должна была совпасть с половинкой, хранящейся у последнего. Такая традиция существовала при династиях Суй и Тан в Китае, ими пользовались в киданьской империи Ляо, а также отлитые из бронзы рыбки-бирки были введены в 1215 г. и у чжурчжэней при “Управлении пограничных дел” (Шавкунов, 1989. С. 268–269).

П. Кафаров в письменных источниках нашел указание о том, что Сучэн (Николаевское городище) был резиденцией чжурчжэньского Ву-цзу (Окладников А.П., 1959. С. 14).

На территории Приморья к чжурчжэньским долинам городищам относятся также Южно-Уссурийское, Западно-Уссурийское, Чугуевское, Стеглянухинское. Есть еще ряд городищ, но они пока точно не датированы.

По фортификационным сооружениям, по каменной облицовке вала и археологическому материалу к Николаевскому городищу близко Стеглянухинское. В плане оно имеет вид прямоугольника, площадью 5,5 га (200 x 275 м), обнесенного со всех сторон земляным валом высотой до 5–7 м. С внешней стороны вала прослеживается ров, шириной до 10 м. Валами городище с небольшим отклонением ориентировано по сторонам света. В центральных частях стен городища находятся въезды, оформленные С-образным захабом. По углам городища располагаются башенные выступы. Похоже, что по функциональному назначению эти памятники можно отнести резиденциям чжурчжэньских вождей.

Южно-Уссурийское городище, учетом нахождения здесь следов деятельности Ваньянь Чжуна и его потомков, позволяет идентифицировать этот памятник с центром цзиньской губернии Сюйпинь (Субинь). Это крупное городище, площадью около 100 га. Укрепление

имело трое ворот, расположенных в северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторонах. Ворота имели наружные прикрытия в виде захабов, на повороте которых находились башенные выступы – рондели. На валах имелось 44 фронтальные башни. Оно обнесено глубоким рвом

В 2 км на северо-запад от Южно-Уссурийского городища находится Западно-Уссурийское. Оно имеет форму прямоугольника, стенами ориентировано по сторонам света, площадью около 60 га. Недалеко от него с внешней стороны находился небольшой прямоугольный рудут. Этот памятник в фортификационном отношении сильно проигрывает чжурчжэнским памятникам. Создается впечатление, что оно было построено не для обороны, а для размещения административной власти на этой территории, возможно, после падения чжурчжэнской империи.

Майское городище, расположенное в Ханкайском районе, площадью около 2 га сторонами ориентировано по сторонам света, с четырех сторон обнесено земляным валом высотой 2–3 м. В плане оно имеет форму, близкую к квадрату (140 x 150 м). В середине северной и южной стен городища расположены два выхода, оформленные С-образными захабам. Углы городища, а также средние части восточной и западной стен, укреплены башнями. Вокруг городища в радиусе 1 км, на холмах, прослежены остатки сооружений с материалом, идентичным тому, что встречен на городище. Это дало возможность исследователю заключить, что городище и прилегающее к нему поселение следует считать одним комплексом. Судя по большому количеству следов зданий дворцового типа, памятник был отнесен к административному центру с крепостью-детинцем XII – началом XIII в. (Ивлиев, 1978. С. 9; Алексеева, Беседнов, Ивлиев, 1999. С. 170).

Судя по топографии размещения Майского городища и застройки вокруг него, получается, что вокруг центра формировалась городская застройка, причем создается впечатление, что происходило это достаточно хаотично. Аналогичная ситуация прослеживается как и вокруг Южно-Уссурийского городища. Формирование центра и округи вокруг него возникает тогда, когда идет процесс складывания города, как социального организма идет постепенно, а не в виде единого исторического акта.

К правильной геометрической форме среди долинных городищ относится Чугуевское. В плане оно представляет собой правильный четырехугольник, стенами ориентированный по сторонам света, площадью 30 га. Вокруг крепости возведен вал, высотой 8–10 м, шириной в нижней – до 30 м, сделанный из слоев глины и глины с гравием, облицованный снаружи галькой. Вокруг вала проходил ров глубиной 4–5 м. В центре

каждой стены крепости находились ворота, с внешней стороны укрепленные С-образными захабам. По углам и у каждых ворот с двух сторон прослежено 12 башенных выступов.

Скорее всего, относящиеся к чжурчжэнскому времени долинные городища на территории Приморья следует рассматривать как памятники империи Цзинь (XII–XIII вв.). Возможно, именно они были резиденциями чжурчжэнских князей после образования государства Цзинь. Особенностью этих долинных городищ является то, что они все, подпрямоугольных форм, обнесены довольно высокими земляными валами, с внешней стороны облицованными гальками, с башенными выступами, укреплены широкими и глубокими рвами. Ворота долинных городищ всегда оформлены Г- и С-образными захабам. Вокруг них прослеживаются большие поселения. Появление долинных чжурчжэнских городов вплотную связано с образованием именно государственности на территории Приморья.

- Алексеева Э.В., Беседнов Л.Н., Ивлиев А.Л., 1990. Хозяйство населения Майского городища (по остаткам животных) // Археология Северной Пацифики. Владивосток: Дальнаука.
- Арсеньев В.К., 1947. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края. Т. IV. Владивосток.
- Буссе Ф.Ф., Кропоткин Л.А., 1908. Остатки древностей в Амурском крае. Записки Общества Изучения Амурского Края. Т. XII. Владивосток.
- Воробьев М.В., 1968. Городище чжурчжэней как фортификационные сооружения // Доклады Географического общества СССР (этнография). Вып. 5. Л.
- Ивлиев А.Л. Отчет об археологических исследованиях Майского городища в Ханкайском районе Приморского края в 1978 году. Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7478.
- История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. 1989. М.
- Кафаров П., 1879. Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии // Записки Императорского Русского Географического Общества (по общей географии). Т. VIII. Вып. 1. СПб.
- Ларичев В.Е., 1962. Племена Приморья в ранний период истории Цзинь (по сведениям из “Цзинь ши”) // Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Вып. II. Владивосток.
- Ларичев В.Е., 1974. Навершие памятника князю Золотой империи (Уссурийск, Приморье) // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Новосибирск.
- Лопатин И.А., 1869. Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране // Архив ИИМК РАН. № 34/1869.

- Никитин Ю.Г. Археологические исследования в Октябрьском и Партизанском районах Приморского края в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 21377.
- Окладников А.П., 1959. Далекое прошлое Приморья. (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток.
- Отчет распорядительного Комитета Общества изучения Амурского края за 1886 г., 1987. Владивосток.
- Шавкунов Э.В. Отчет о результатах полевых археологических исследований в 1960 г. Архив ДВО РАН. Ф.1, оп. 6, № 32.
- Шавкунов Э.В.. Отчет о полевых археологических исследованиях в долине р. Сучан. Отчет промежуточный за 1962 г. // Архив ДВО РАН. Ф.1., оп.2., № 51.
- Шавкунов Э.В., 1996. Раскопки на Николаевском городище (1960–1962 гг.) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск.
- Шавкунов Э.В., 1989. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // СА. № 1.
- Шавкунов Э.В., 1990. Культура чжурчженей-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука.

С.И. Андреев

Тамбовский государственный университет

О времени освоения древнерусским населением верховьев реки Цна (Тамбовская область)

К настоящему времени на территории Тамбовского Поценья выявлено 26 древнерусских памятников XIII–XIV вв., которые и маркируют, по нашему мнению, юго-восточную границу Рязанского княжества. Это одно древнерусское городище, 24 поселения разной площади и один могильник (рис. 1). Из этих памятников 5 исследовались раскопками.

Древнерусские поселения представляли приречный тип заселения, наиболее традиционный для значительной территории древнерусских земель рассматриваемого периода. По топографическим условиям расположения памятники относятся к поселениям склонового типа, занимая края высоких коренных берегов рек. Как правило, высота площадки поселения над уровнем воды в реке составляет 18–20 м. Селища, расположенные в поймах рек, на террасах, встречаются значительно реже. В каждом конкретном случае выбор места под поселение зависел от близости воды и возможности заниматься сельским хозяйством.

О размерах и планировке таких селищ можно говорить лишь предположительно, так как ни одно из них не изучено раскопками полностью. Мы ограничиваемся в данном случае информацией, полученной в результате археологических разведок. В среднем, по всей вероятности, размеры поселений составляли 0,5–0,7 га, представляли собой малодворный тип застройки. Аналогичные параметры древнерусских селищ XII – первой половины XIII в. были наиболее характерны для ближайших к нам территорий: северо-восточных районов Черниговской и южных районов Рязанской земель (Никольская, 1981. С. 65). Поселе-

ния застраивались, как правило, в один ряд, по краю склона (Древняя Русь. Город. Замок. Село. С. 99). Из общей массы малодворных поселений выделяются одно, площадь которого полностью распаивается. Это поселение у с. Бокино на реке Цне, где на пашне выявлено не менее восьми больших скоплений керамики.

На территории Тамбовского Поценья исследованы остатки двух построек, которые можно отнести к домонгольскому времени. Одна постройка исследована на поселении Никольское 5 (посад Никольского городища), одна – на поселении Никольское 1 (Андреев, 2001). Они относятся к типу наземных с обширным подполом. Отметим, что среди массива древнерусских построек того времени полной аналогии постройке на поселении Никольское 5 найти не удалось. Однако весьма близкая по конструктивным особенностям постройка исследована в Старой Рязани – постройка 2 на раскопе 12 (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 233).

Кроме сельских поселений, на территории юго-восточного пограничья известен памятник городского типа – Никольское городище, включающее селищепосад и ближайшую сельскую округу. В период освоения древнерусским населением территории будущей Тамбовской области он являлся, по всей видимости, пограничной крепостью, опорным пунктом, который способствовал вышеназванному процессу. Вполне возможным представляется зависимость роста сельской округи Никольского городища от степени его развития, а также выполнение данным комплексом административной функции. Общая современная площадь городища составляет около 0,7 га. К городищу примы-

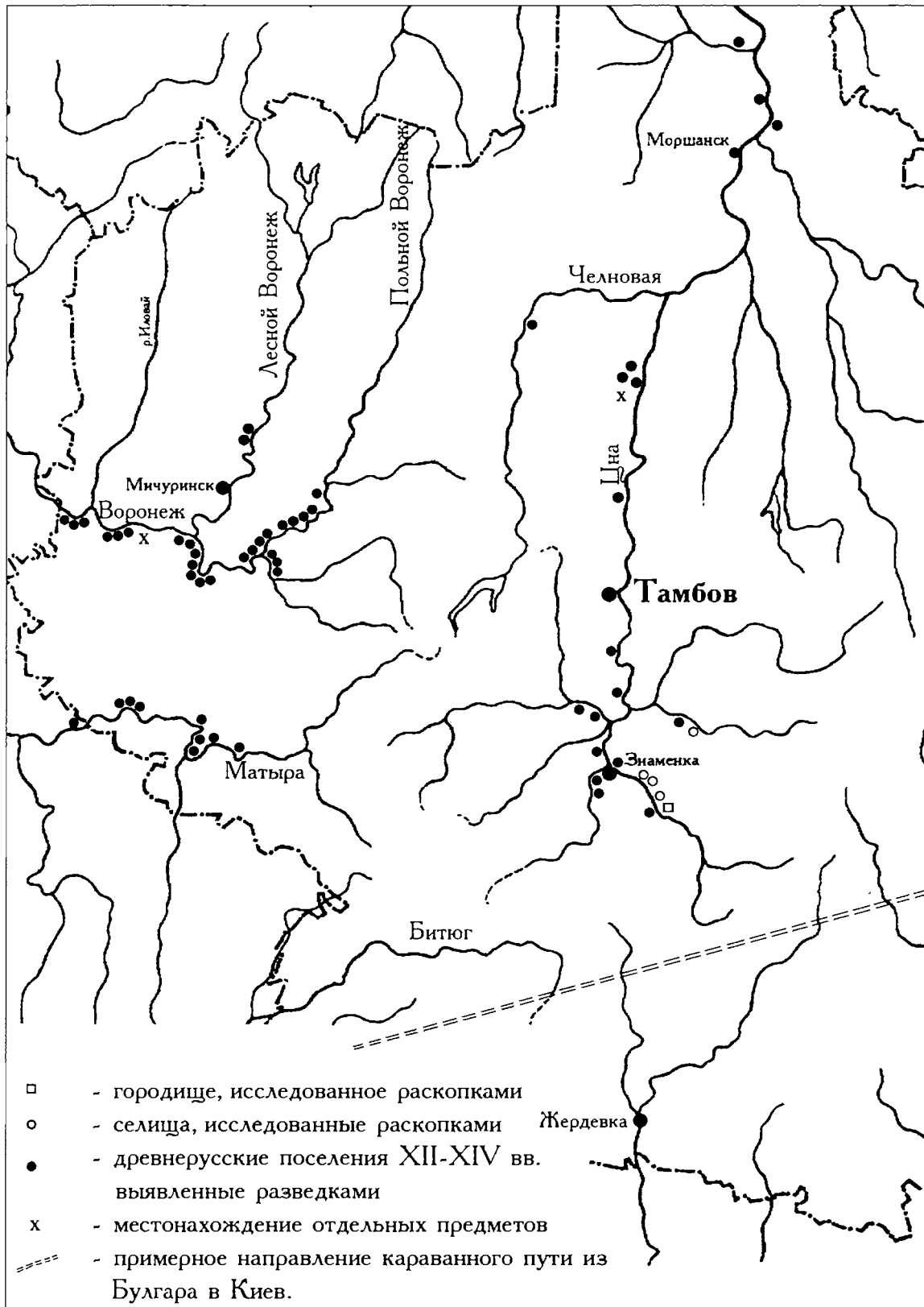

Рис. 1. Карта древнерусских памятников в Тамбовской области.

кает посад общей площадью около 1,5 га. В непосредственной близости от городища расположены четыре неукрепленных селища, синхронных с городищем по времени существования.

Этнически показательным является одно из погребений, обнаруженное при исследовании посада Никольского городища. Останки принадлежали женщине в возрасте 25–30 лет. Покойная была накрыта дубовой доской. Подобный обряд встречен при исследовании

грунтового могильника у д. Бутырки Узловского р-на Тульской обл. (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 246). Исследователи датируют могильник первой половиной XIII в. и считают этот обряд вятичским.

Когда же началось освоение территории? Ответ на этот вопрос дает одна из групп горшковидной посуды, встреченной в незначительном количестве в культурном слое Никольского городища и его посада. Оформление ее края венчика выполнено в виде закру-

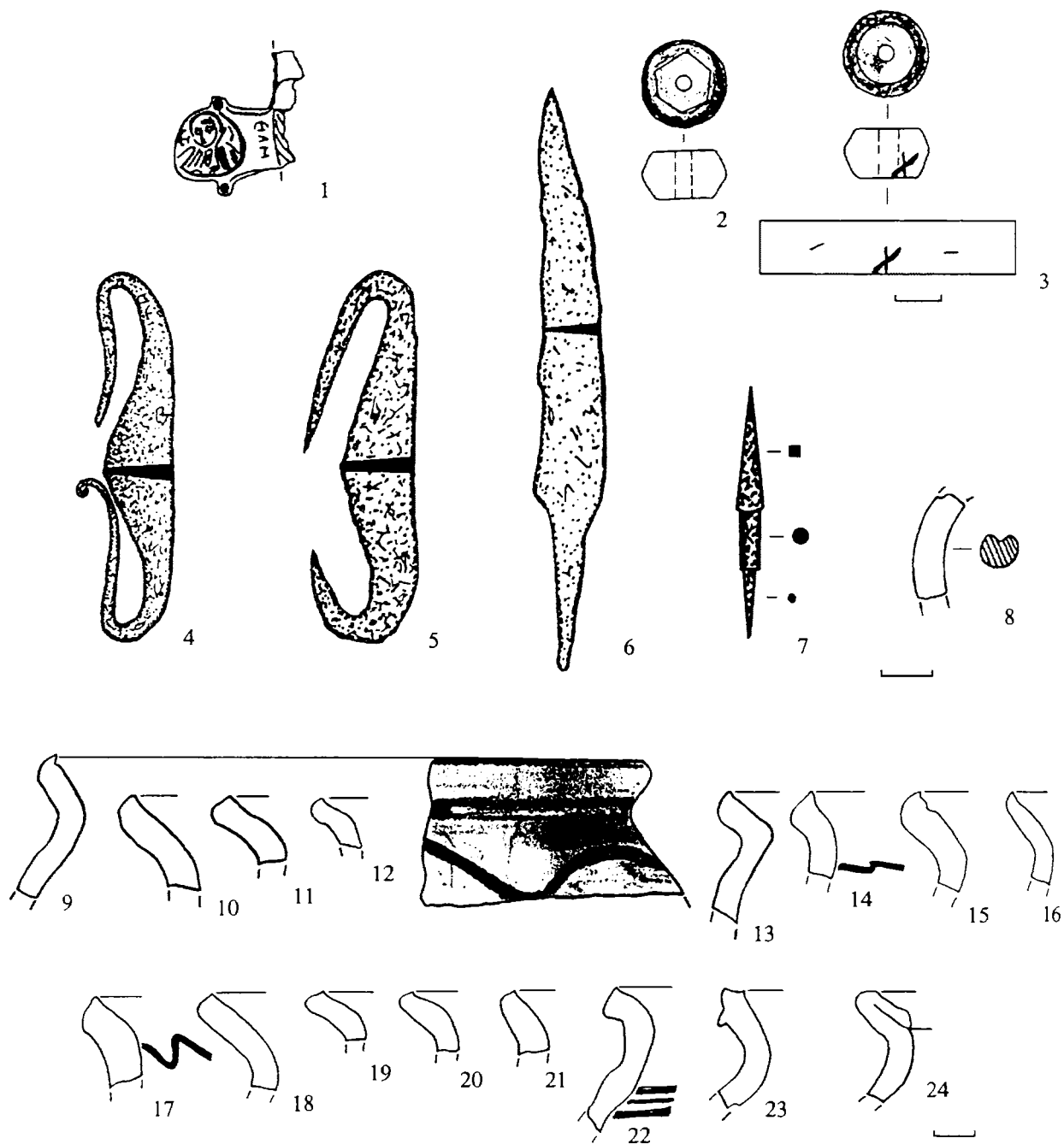

Рис. 2. Находки древнерусского времени с территории Тамбовской области.

гленного утолщения с вогнутым краем (рис. 2: 9–22). Оно является наиболее характерным для южнорусской керамики рубежа XI–XII в. (Блажевич, 1992. С. 22, Рис.3; Моргунов, 1988. Рис.7). Ближайшее место, где найдена подобная керамика – культурный слой посада Лавского археологического комплекса (Тропин, 2000. С. 83. Рис.2). В культурном слое Никольского городища встречена также группа горшков с подтреугольным краем (рис. 2: 23). Аналогичная посуда, по описанию Е.Ю. Каменецкой, встречена в слоях начала XII в. в Смоленске (Каменецкая, 1976. С. 44. Рис. 3). В значительном количестве она встречается также на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья (Петрашенко, 1992. Рис. 5; Блажевич, 1992. Рис. 6, 7).

Отметим находку в слое Никольского городища небольшой группы венчиков с загнутым внутрь краем (рис. 2: 24). Эти венчики близки по типу найденным в слое Ростиславля Рязанского и датированы автором 2-й пол. XII – началом XIII вв. (Коваль, 2000. Рис. 2: 1).

На двух памятниках обнаружены фрагменты гончарных сосудов, орнаментированные оттисками разнообразных штампов (Сухотинка 7, Коровий Брод). Употребление штампованного орнамента на круговой посуде – одна из отличительных черт керамики Северо-Восточной и Северо-Западной Руси: его усвоение рязанскими гончарами свидетельствует о влиянии этих регионов в XI – 1-й пол. XII в. В южных областях Руси штампованный декор на круговой посуде не получил распространения (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 213).

Назовем и другие находки, которые, по нашему мнению, датируют освоение Окско-Донской равнины древнерусским населением в домонгольское время:

Фрагмент энколпиона с прочерченной надписью (рис. 2: 1). По определению В.Г. Пуцко, он был изготовлен в Киеве в нач. XIII в.

Шиферные пряслица. Одно найдено на поселении Коровий Брод (рис. 2: 2), другое на поселении Никольское 5 (рис. 2: 3). На этом пряслице процарапан знак в виде креста и две прямые линии.

Два калачевидных кресала, имеющие с внутренней стороны ударного лезвия язычок (рис. 2: 4–5). Кресала этого типа датируются X–XII вв. (Колчин, 1982. Рис.4).

Четыре ножа, спинка которых не имеет ярко выраженного типичного для древнерусского времени уступа. У ножей отлогая спинка с плавным переходом к черенку (рис. 2: 6). По мнению Н.А. Тропина, подобная морфология спинки ножа является архаичной традицией, восходящей к раннему средневековью (Тропин, 2001. С. 189–190).

Железный броневой наконечник стрелы (рис.

2: 7), относящийся к 87 типу, вариант 1 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 82). Этот вариант характерен для XII – 1-й пол. XIII в.

Фрагмент профилированного браслета синего цвета. Округлый в сечении, с внешней стороны имеет канавку (рис. 2: 8). Его диаметр 0,95 см. По морфологическим признакам его можно отнести к кругу византийских древностей.

Обломок булавки с кольцевидной подвижной головкой. Такие булавки бытовали в Новгороде в кон. XII – нач. XIII в. (Древняя Русь. Быт и культура. С. 71). В Старой Рязани датируются 1-й пол. XIII в. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 184).

Таким образом, считаем, что исследования последних лет на территории Тамбовской области позволяют уточнить юго-восточную границу рязанского княжества и несколько расширить юго-восточные пределы Руси в целом.

Андреев С.И., 2001. Отчет о работе археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2001 г. Архив ИА РАН.

Древняя Русь. Город. Замок. Село (Археология СССР). М., 1985.

Древняя Русь. Быт и культура (Археология). М., 1997.

Блажевич Н.В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.

Гоняный М.И., Недошивина Н.Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. №1.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.

Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. V. М.

Коваль В.Ю., 2000. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья (Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы. Вып. 10). М.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.

Моргунов Ю.Ю., 1988. Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА. № 2.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.

Петрашенко В.А., 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.

Тропин Н.А., 2000. Сельские поселения XII – начала XV в. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны // РА. № 2.

Тропин Н.А., 2001. Орудия труда, предметы быта и украшения из раскопок сельских поселений XII–XIV вв. // Верхнедонской археологический сборник. Липецк.

Я.В. Бычкова, Н.В. Ениосова, И.М. Нилус, Т.А. Пушкина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнёздова

Гнёздовский археологический комплекс, расположенный по обоим берегам Днепра в 12 км западнее Смоленска, является одним из наиболее изученных памятников эпохи формирования древнерусского государства. За долгую историю его исследования раскопано более 1000 курганов и около 6500 кв.м на территории поселений, включающей Центральное укрепленное городище и обширные селища на правом берегу реки. В коллекцию находок, обнаруженных в Гнёздове, входят 11 кладов, великолепные образцы оружия и украшений, предметы, связанные с магией и культом, фрагменты тканей, редкие сосуды, привезенные с Востока и из Византии. Однако ценность гнёздовского материала не исчерпывается предметами музейного уровня. Масштаб и разнообразие некоторых массовых категорий находок превращают их в информативный источник для решения многих дискуссионных вопросов, связанных с возникновением, расцветом и упадком крупнейшего раннегородского центра Древней Руси.

Среди таких «скромных» объектов – точильные камни, которые заносятся в опись как индивидуальные находки, но, в сущности, фигурируют в отчетах и публикациях как второстепенный массовый материал, не вызывая особого интереса исследователей древнерусских памятников.

Между тем, оселки и точила, отличаясь разнообразием форм, были предметами повседневной потребности; их использовали также в кузнечном, ювелирном и косторезном производстве и помещали в состав погребальных даров, сопровождавших жителей Гнёздова после смерти.

В задачи нашей работы входит систематизация гнёздовской коллекции точильных камней и интерпретация распространения находок в археологическом контексте, определение пород камня, использованного для их производства, выяснение возможного происхождения этих артефактов и их назначения.

В курганах и культурном слое гнёздовских поселений найдено около 400 абразивных орудий для придания нужной формы и размеров, заточки, правки, шлифовки изделий из металла, кости и рога. Из них 67% происходит из раскопок Центрального городища и селищ, 33% обнаружено в захоронениях.

Точильные камни хранятся в фондах ГИМа, Государственного Эрмитажа, Смоленского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и Музея кафедры археологии исторического факультета МГУ. Для визуального определения пород камня, трасологического и петрографического исследования были доступны 75 образцов из коллекции МГУ. Громадное разнообразие форм, размеров и сечений абразивных орудий во многом определялось их назначением и выбором доступного материала. Трасологическое изучение гнёздовских образцов позволяет выделить четыре группы износа, встречающихся на точильных камнях (Sundbergh, Arwidsson, 1989. S. 108).

В первую группу входят плоские следы, возникающие при заточке ножей, ножниц, наконечников копий или других орудий с плоским лезвием, которое затачивается при расположении оселка параллельно рабочей поверхности (50% исследованных образцов). Абразивы этой группы встречены как на поселениях, так и в курганах. Ко второй группе относятся плоские насечки, глубиной 1 мм., образующиеся при заточке тонких игл или неумышленно (2% находок, восточная часть селища). Третья группа – гладкие, тщательно отполированные камни без следов использования (6%, курганы Дн-4; Польш-11; Польш-56; Ц-153). Четвертую группу образуют заготовки или фрагментарно сохранившиеся абразивы с нерегулярными и трудноопределимыми следами износа (42%, культурный слой поселений, курганы).

20 точильных камней были подвергнуты петрографическому анализу, позволяющему определять тип горной породы, ее происхождение и количественно-минеральный состав. Пользуясь полученными геологическими характеристиками пород, по сколам и фрагментам точильных камней удалось дифференцировать 65 находок из 75, распределив их по группам. Большая часть образцов представлена кристаллическими сланцами, различными по минеральному составу, размерам и формам слагающих породы зерен кварца. Они сцементированы слюдястыми, хлоритовыми и карбонатными минералами с присутствием гематита. По составу образцы можно разделить на 4 группы: кварц-сланцевые сланцы, кварц-карбонат-сланцевые слан-

цы, кварц-хлорит-серицит-турмалиновые сланцы и филлиты, песчаники.

Кварц-слюдавые сланцы в свою очередь могут быть отнесены к двум подгруппам, представленным в гнездовской коллекции: кварц-мусковитовые и кварц-серицитовые. Кварц-мусковитовые сланцы (13 образцов) – мелкозернистые породы, которые имеют темную окраску и характерную сланцеватость – взаимно параллельное положение тонких длинных чешуй мусковита с расположенными вдоль них вытянутыми кристалликами кварца. Представленные образцы имеют природную обломочную форму в виде клинка. Структурно-текстурные особенности и минеральный состав породы определяют высокую плотность этого вида абразивов.

Кварц-серицитовые сланцы (16 образцов) – мелкозернистые породы, неоднородные по окраске. Судя по форме, оселки из этого материала подвергались дополнительной обработке. Порода сложена на 70–90% из практически изометричных зерен кварца, цемент представлен кристалликами серицита. Иногда встречаются мелкие агрегаты хлорита и зерна рудного минерала. Его неравномерное распределение в породе определяет неоднородность окраски.

Кварц-хлорит-серицит-турмалиновые сланцы отличаются присутствием в разных пропорциях кварца, серицита, хлорита, турмалина и рудного минерала. Эти образцы неоднородны по окраске, что определяется неравномерным распределением породообразующих минералов (3 образца).

Кварц-карбонат-слюдавые сланцы и филлиты (25 образцов) характеризуются присутствием в цементе карбонатных и рудных минералов, а также хлорита и серицита. Высокое содержание карбонатного цемента в породе предполагает уменьшение ее твердости и способствует более легкому разрушению при механическом воздействии, чем у образцов первых двух групп.

Песчаники (3 образца) представлены средне- и крупнозернистыми разновидностями. Породы сложены неровными, плохо окатанными зёрнами кварца и плагиоклаза. Зёрна сцементированы слюдястыми минералами (биотит, мусковит) с листоватой формой кристаллов, а также очень мелкими карбонатными минералами. Соотношение зерен и цементирующей массы в песчаниках варьирует, как и зернистость.

5 образцов отнесены к породам вулканического происхождения.

Вероятно, песчаники, как более грубые абразивы использовали для выделки и заточки сельскохозяйственных и других крупных инструментов, а также оружия. Не исключено также, что точила из этого

материала применяли на начальной стадии обработки лезвия. Более тонкую заточку – доводку режущих лезвий, а также изготовление мелких изделий из металла производили с помощью сланцевых и филлитовых оселков. Необходимый набор инструментов для последовательно сменяющих друг друга грубой и тонкой заточки обнаружен в производственных зонах, связанных с обработкой железа, цветных и драгоценных металлов, кости и рога, на Центральном городище, Восточном и Западном селищах и в пойменной части поселения (Ениосова, 1999. С. 11–12; Мурашева, Ениосова, 2005. С. 125–134).

Из 79 курганов с абразивными орудиями 43 содержали колюще-режущие орудия и инструменты. В 62-х захоронениях было обнаружено по одному точильному камню, из них 29 в сочетании с предметами, требующими заточки. В погребениях, содержащих наборы из двух (12 случаев) или трех абразивов (5 случаев) частота встречаемости таких находок как мечи, топоры, наконечники копий и стрел, ножи, шилья и другие инструменты значительно выше: они обнаружены в 14 из 17 курганов. Очевидно также, что комплекты точильных камней входили в богатый инвентарь погребений людей высокого социального статуса. Этот вывод подтверждают и находки тщательно отполированных оселков четырехгранной формы без следов использования. Они сделаны из полосатого камня и снабжены отверстием, в которое продевалось металлическое кольцо для подвешивания к поясу. Изготовленные из кварц-хлорит-серицит-турмалиновых сланцев, эти предметы отличаются неравномерным распределением породообразующих минералов. Чередование мягких и твердых, содержащих рудный минерал, полос делает их абсолютно непригодными для заточки. Еще М.П. Грязнов отмечал, что «оселки» из красивых по цвету и фактуре пород камня нужно исключить из категории инструментов. Он относил их к предметам магии и культа – амулетам (Грязнов, 1961. С. 139–143). Три из четырех «полосатых» оселков-амулетов входят в наборы точильных камней из таких богатых погребений, как Дн-4, Поль-11 и Поль-56.

В 27 погребениях зафиксировано сочетание оселок – нож. Известно, что в гнездовском материале преобладают ножи, сделанные в технике трехслойного или пятислойного пакета. Она характерна для скандинавской производственной традиции (Розанова, Пушкина, 2001. С. 78–79). Как полагают, вместе со сложными трехслойными ножами на Руси в X в. появились и орудия для их заточки – сланцевые оселки (Леонтьев, 1996. С. 138).

Для выяснения происхождения оселков из Гнез-

дова был произведен анализ трех различных по составу образцов калиево-аргонным (К-Аг) изотопным методом, позволяющим определить время формирования исследуемой горной породы. Изученные образцы представляют собой слабо измененные песчаники и существенно-метаморфизованные слюдястые сланцы. Для песчаников определен возраст 965 ± 55 млн. лет. Для слюдястых сланцев – 1890 ± 90 и 600 ± 35 млн. лет. Возраст до от 2600 до 600 млн. лет отвечает протерозою, а возраст 600–500 млн. лет – скандинавскому зокембрию. Осадочные отложения и метаморфические образования такого возраста выходят на поверхность на Фенно-Скандинавском щите – в Карелии, Приладожье, Мурманской области, Финляндии, Швеции, Норвегии. В период 1800–1900 млн. лет в разных районах щита происходила магматическая активизация, сопровождавшаяся внедрением гранитоидных массивов. В каледонское время (400–900 млн. лет) метаморфизованные осадки подверглись процессам интенсивной складчатости.

Таким образом, можно предположить, что исследованные образцы – древние образования, характерные для западной части Фенно-Скандинавского щита. Согласно геологическим описаниям, это глинистые толщи, отлагавшиеся в глубоководном бассейне, преобразованные впоследствии в сланцы. (Хольтедаль, 1957. С. 424). Сланцы наравне с изверженными породами образуют древний кристаллический фундамент щита и распространены в различных частях Норвегии. Известно, что в Южной Норвегии в районе Эйдсборга (формация Телемарк древнего фундамента) велась добыча точильного камня, представлявшего собой кварцевые сланцы, богатые слюдой с отчетливым волокнистым строением и характерной отдельностью, которая определяет форму точильного камня при раскалывании породы. Оселки из Телемарка обнаруживаются в весьма удаленных от Норвегии точках. Есть информация о крупномасштабной транспортировке сланца из мест разработки на внутренние и внешние рынки. В окрестностях Каупанга были найдены остатки

корабля, перевозившего светло-серый сланец. Известен затонувший у берегов Дании корабль, перевозивший сосуды из мыльного камня и сланец для оселков (Resi, 1987. P. 98–99).

Установлено, что ремесленники балтийского региона использовали стандартные оселки из норвежского камня с VII по XIII вв. Пик их популярности приходится на X–XI ст., в XII в. количество находок сокращается (Gabriel, 1991. S. 227).

Таким образом, точильные камни из Гнёздовского археологического комплекса являются предметом дальней масштабной торговли и, возможно, свидетельствуют о контактах Верхнего Поднепровья с Южной Норвегией в эпоху викингов.

Грязнов М.П. 1961. Так называемые «оселки» скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л.

Ениосова Н.В. 1999. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения): Автореф. дис....канд. ист.наук. М.

Леонтьев А.Е. 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., 2005. Исследования на территории пойменной части гнездовского поселения. Первые итоги // КСИА. Вып. 219. М.

Мушкетов Д.И. 1935. Региональная геотектоника. Л.

Розанова Л.С., Пушкина Т.А., 2001. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М.

Хотедаль У. 1957. Геология Норвегии. Т.1. М.

Gabriel I., 1991. Hofkultur, Heerwesen, Burghandwerk, Hauswirtschaft // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster.

Resi H. G., 1987. Reflection on Viking Age Local Trade in Stone Product // Proceeding of the Tenth Viking Congress. Oslo.

Sundbergh K., Arwidsson G., 1989. Shleif- und Wetzsteine // Birka II:3 Systematische Analysen der Gräberfunde.: Stockholm.

Т.А. Васильева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Екатериновское городище – памятник культуры чжурчжэней Приморья

Одним из интереснейших и достаточно хорошо изученных памятников чжурчжэньского времени (XIII в.) на территории Приморского края является Екатериновское городище. Расположено оно в Партизанском районе в предгорье Ливадийского хребта – южного отрога Сихотэ-Алиня, в бассейне р. Партизанской (р. Сучан). Этот район в настоящее время называется Золотой долиной и с древности он был одним из наиболее густонаселенных.

Открыто Екатериновское городище в начале XX в. лесничим Уссурийского казачьего войска Н.А. Пальчевским. В 60-х гг. Э.В. Шавкуновым на городище проведены разведочные работы. По остаткам обвалованных жилищ и собранному здесь вещевому и нумизматическому материалу, этот памятник был датирован XI в. (Шавкунов, 1963. С. 31). В 70 гг. на городище начались стационарные исследования под руководством В.Д. Ленькова (Леньков, 1983. С. 58–69). За три полевых сезона были вскрыты и изучены остатки 22 жилищ с примыкающим к ним межжилищным пространством в восточной части городища. С 1998 г. исследования на городище ведутся автором.

Екатериновское городище занимает чашевидный склон сопки, открытый к востоку и разделенный распадком на две части. Мощный земляной вал, протяженностью 2,2 км, насыпанный по гребню сопки, огораживает участок неправильной формы, повторяющий рельеф местности, площадью около 27 га. Высота крепостного вала в разных местах различна. С восточной стороны, где вал проходит по пологому склону сопки, его высота более 4 м, на краю крутых склонов его высота не превышает 0,5 м, а в юго-западной оконечности городища, где по седловине можно перейти на соседнюю гряду сопки, основной вал укреплен двумя дополнительными невысокими валами со рвами между ними. По валу хорошо просматриваются остатки 14 сторожевых башен. Центральный вход в городище, укрепленный дугообразным траверсом, находился с восточной стороны. К нему из долины поднимается древняя дорога шириной 1,5–2 м. С восточной же стороны в валу сделаны два разрыва, которые служили для сброса воды во время сильных ливней.

Существовавшие строгие каноны по расположе-

нию, возведению и внутренней планиграфии чжурчжэньских городов строго соблюдались и неукоснительно выполнялись (Воробьев, 1983. С. 71–82). Все это в настоящее время позволяет проследить устойчивые традиции в градостроении и домостроении как на примере столичных городов, так и в удаленных от центра районах. Восточный город призван был символизировать вселенский – земной и космический – порядок, вечный и незыблемый (Крюков, Малявин, Софронов, 1984. С. 87).

И если форма и фортификационные сооружения чжурчжэньских городов зависели от рельефа местности, то традиционные элементы застройки, которые присущи большинству горных городищ чжурчжэньского времени в Приморье, присутствуют практически всегда. К таковым можно отнести Внутренние города и усадьбу-редут (Артемьева, 1998. С. 14; Шавкунов, 1990. С. 64, 66). Количество их может быть от одного до трех-четырех на разных городищах.

На Екатериновском – три Внутренних города. В южной части городища на расстоянии 20 м друг от друга расположены два небольших Внутренних города. В плане каждый из них представляет неправильной формы прямоугольник, ориентированный по сторонам света углами. На территории юго-восточного Внутреннего города хорошо видны четыре искусственные террасовидные площадки, одна из которых раскопана. Выравнивали террасу, возведенную на склоне сопки, известняковыми глыбами с засыпкой из серо-желтой глины с дресвой. Толщина подсыпки на внешнем склоне достигает 1,5–1,8 м. Следов построек на террасе не обнаружено, но поверхность выровненной площадки оплавлена до стеклообразного состояния (Леньков, 1976. С. 6).

Третий Внутренний город находился в северо-восточной части городища. Это – небольшой неправильной формы четырехугольник (33–35 x 39–41 м), ориентированный стенами по сторонам света и обнесенный валом высотой до 0,5–0,1 м. С южной и восточной сторон в вале был разрыв – таким образом был оформлен вход. К южному входу из распадка поднималась дорога. Южные ворота, скорее всего, были украшены деревянной аркой, укрепленной на четырех столбиках. Две ямы от опорных столбов

этой арки зачищены в разрыве вала, а следующая пара ямок – на расстоянии 2 метров выше по склону, внутрь террасы. Скорее всего, эта арка была под четырехскатной крышей, крытой черепицей.

С восточной стороны перед входом зачищена яма круглой формы и напротив неё – мостик из крупных камней, который перекрывал дренажную канаву, идущую вдоль восточного отрезка вала Внутреннего города. За дренажной канавой, выложенной камнями, располагались шесть искусственных земляных платформ, укрепленных от оползания каменными кладками. Напротив восточного входа находилась главенствующая здесь насыпь овальной формы с остатками наземного, окруженного земляной завалинкой жилища, отапливаемого Г-образным каном. К северо-востоку и юго-западу от центрального жилища располагались большие наземные жилища срубной конструкции площадью до 80 кв. м, отапливаемых каждое тремя автономными канами, что для рядовых жилищ в чжурчжэньских городах не характерно. Никаких хозяйственных ям и приспособлений в этих жилищах не было. Скорее всего, эти здания можно отнести к общественным – постоялый двор, казарма – или административным.

Своеобразен и вещевой материал, собранный во Внутреннем городе. Здесь не было бытовых вещей. Но обнаружена керамическая тушечница в форме параллелепипеда с высокими бортиками, три железных цепи длиной от 3 до 3,4 м, причем одна с замком. Остатки примерно от 15 станковых сосудов цилиндрической формы с чашечкой в центре горизонтальной поверхности. Служили они, вероятно, подставками или курильницами.

Полученный при раскопках северо-восточного Внутреннего города материал, его близость к центральным воротам, конструктивные особенности построек, вещевой материал – все свидетельствует о том, что здесь располагались административные учреждения города с государственными чиновниками, которые были наделены соответствующей властью. Подобное назначение северного Внутреннего города известно в средневековом Китае (Стужина, 1979. С. 18). Здесь функции, связанные с организацией повседневной жизни города, его благоустройством, выполняла государственная администрация (Стужина, 1979. С. 98).

В северо-западном, наиболее возвышенном районе города, находилась укрепленная высоким земляным валом усадьба-редут (20 x 20 м). Она ориентирована по сторонам света углами.

Вся остальная внутренняя площадь городища покрыта искусственными террасовидными площадками разной величины, предназначенными для

сооружения на них жилых и хозяйственных комплексов. Готовили площадку для строительства традиционным способом. Врезали её в склон сопки, а грунтом, взятым здесь же, подсыпался нижележащий край склона, который укреплялся каменной опорной стенкой.

На Екатерининском городище исследованы остатки 30 жилищ. По остаткам конструкций удалось выяснить, что все они были наземными, прямоугольными в плане. Площадь обычных, рядовых жилищ колеблется от 24 до 54 кв. м. Характерной особенностью их было то, что на дневной поверхности они выделялись завалинкой-обваловкой в виде невысокого вала подковообразной формы. Эта завалинка окружала стены жилища по периметру, прерываясь на месте входа. Её высота 0,2–0,6 м. Состояла она из суглинка со щебенкой и камнями, иногда довольно крупными. Подобные завалинки-обваловки редки на чжурчжэньских городищах. Необходимость её на Екатерининском городище продиктована близостью моря (15 км) и сырой малоснежной зимой с промозглыми ветрами.

Вход в жилища, как правило, находился с юго-восточной, восточной или северо-восточной стороны, вниз по склону. В двух случаях перед входом лежали каменные плиты, а в жилище № 30 было сооружено своеобразное крыльцо. По склону насыпной платформы поднималась вымощенная четырьмя рядами камней дорожка. Подобная конструкция впервые обнаружена на чжурчжэньском городище.

Ямки от опорных столбов каркаса жилища встречаются довольно редко и не по всему периметру – в лучшем случае с двух сторон. Но у большинства жилищ по периметру стен, на некотором расстоянии от отопительной системы, параллельно ей, зачищены кладки камней. Они достаточно крупные, хорошо уложенные, их вершины сnivelированные. Скорее всего, это основание своеобразного фундамента, на который укладывался сруб и опирались стены жилища. Подобные срубные конструкции жилищ были известны и на Ананьевском городище в Приморье (Хорев, 1990. С. 58, 68).

Отапливались все чжурчжэньские жилища каном. По конфигурации каны были П-образные, Г-образные, прямые двух и трехканальные. Количество очагов – два, три и больше. Труба, как правило, одна. Иногда в углах жилища к внешнему дымоходному каналу достраивался дополнительный дугообразный рукав. Таким способом увеличивалась площадь обогреваемой лежанки и улучшалось прогревание углов жилища.

Очень интересны на Екатерининском городище хозяйственные постройки. Если на других памятни-

ках чжурчжэньского времени в Приморье рядом с жилищем часто находились свайные амбары, образуя усадьбу (Артемьева, 1998. С. 49), то на Екатерининском городище свайные постройки отсутствуют. Рядом с некоторыми жилищами зачищены каменные вымостки прямоугольной формы размерами 4,5 x 5,5 x 6,5 и 7 x 7 м, которые могли быть фундаментами для хозяйственных построек, где хранили продовольственные запасы и инвентарь. В одной такой вымостке была обнаружена вкопанная каменная ступа.

Полученный в процессе исследований Екатерининского городища вещевой материал свидетельствует о том, что хозяйство населения этого города носило комплексный характер. Кузнечно-слесарный инвентарь, новая, не бывшая в употреблении разнообразная кузнечная продукция, отходы металлопроизводства и металлообработки, горн говорят о том, что в городе жили ремесленники, занимающиеся производством и обработкой металла не только для собственных нужд, но и на заказ и продажу. Присутствуют орудия обработки дерева и кости. Собрана большая коллекция сельскохозяйственного инвентаря и приспособлений – чугунные лемех и отвал, мотыги, лопаты, серпы, карбонизированное зерно. Разнообразны бытовые вещи и предметы вооружения. Коллекция керамики представлена остатками не только станковой, но и лепной посуды, которая чаще всего отсутствует на городищах чжурчжэньского времени в Приморье. Неоднократно встречались глазурированные ансамбли из чаши и блюда. Найдены украшения из цветных металлов и стекла.

Исследования последних лет подтверждают выводы о высоком уровне развития культуры населения

Приморья в средние века и позволяют перейти к решению вопросов о назначении не только отдельных элементов застройки чжурчжэньских городов, но и функциях самих городов – военно-оборонительной, административной, экономической, культурной.

Артемьева Н.Г., 1998. Домостроительство чжурчжэней Приморья XII–XIII вв. Владивосток.

Воробьев М.В., 1983. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.

Леньков В.Д. Отчет об археологических исследованиях на Екатерининском и Скалистом городищах на территории Приморского края в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 6087.

Леньков В.Д., 1983. Некоторые аспекты материальной культуры чжурчжэней конца XI–XII веков (по археологическим материалам Екатерининского городища) // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий: Сб. науч. трудов. Владивосток.

Стужина Э.П., 1979. Китайский город XII–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М.

Хорев В.А., 1990. О строительных горизонтах Ананьевского городища // Проблемы средневековой археологии юга Дальнего Востока. Владивосток.

Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на юге Приморского края в 1963 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 2581.

Шавкунов Э.В., 1990. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука.

Р.С. Веретюшкин

Курский государственный университет

Гончарные традиции Курской земли в XI–XIII вв.

Изучение керамики является одной из насущных проблем средневековой археологии. Задачи его сводятся к определению датирующих возможностей сосудов, организации древнего гончарного производства, векторов торговых связей. Сегодня исследование средневековой посуды идет в направлении освоения и постепенного ввода в научный оборот керамики различных территорий Древнерусского государства (Болдин, 2005; Коваль, 1996; Стрика-

лов, 2003). Такой подход, несмотря на некоторые сложности при соотнесении данных отдельных регионов, во многом оправдан. Он вызван объективными реалиями развития современной науки и спецификой керамики как исторического источника. В перспективе расширение географии керамических исследований позволит составить объективную картину развития древнерусского гончарства.

В этой связи актуальной представляется попытка

исследования гончарных традиций Курской земли. Под этим названием понимается территория верхнего течения Пела и Сейма, с притоками Свапой и Тускарем, с центром в летописном Курске. В племенной период регион именовался Посемьем и впоследствии входил в состав Переяславского и Черниговского княжеств. Основой для изучения местного гончарства выступала керамика древнерусского поселения у д. Липино Октябрьского района Курской области. Этот памятник исследован большими площадями и по праву может считаться эталоном для Юго-Востока Руси. В качестве сравнительного материала использовались результаты раскопок Курска, Рыльска, а также поселения у д. Моисеево Дмитриевского района Курской области.

С гончарными традициями, на наш взгляд, соотносятся устойчивые сочетания основных технологических характеристик древнерусской посуды. Прежде всего, это особенности глины – исходного сырья, и добавленных к ней искусственных примесей. Выявить их позволяет изучение составов формовочных масс. К такому исследованию были привлечены фрагменты 412 профильных частей сосудов из шести сооружений Липинского поселения, датированных в пределах XI–XIII вв.

Для анализа формовочных масс образцы керамики прокаливались в муфельной печи при температуре 950 градусов. После этого по свежим сколам оценивалась степень железненности глины. Экземпляры с белым цветом излома относятся к категории нежелезненных глин, с цветом от желтого до розового – слабожелезненных глин, от красного до коричневого – сильножелезненных глин. Микроструктура прокаленных фрагментов была проанализирована при помощи микроскопа МБС-10. В соответствии с критериями, выделенными А.А. Бобринским, в глине выделялись естественные включения и примеси, введенные в состав формовочной массы искусственно (Бобринский, 1978. С. 81–84). Для уточнения полученных данных использовались эталонные образцы различных гончарных рецептов.

По итогам исследования отмечено широкое использование в посуде Липинского поселения запесоченных глин. Они содержали естественные включения окатанного кварцевого песка с размером фракции менее 0,2 мм. В некоторых случаях в качестве еще одной сопутствующей примеси фиксировались частицы слюды. В результате соотнесения степени железненности, запесоченности и искусственных примесей были выделены следующие виды технологических особенностей липинской керамики.

Вид 1. Нежелезненная среднезапесоченная глина без искусственных примесей.

Вид 2. Слабожелезненная сильнозапесоченная глина без искусственных примесей.

Вид 3. Слабожелезненная слабозапесоченная глина без искусственных примесей.

Вид 4. Слабожелезненная слабозапесоченная глина с искусственной примесью мелкого песка (0,5–1 мм) в концентрации 1:4.

Вид 5. Слабожелезненная сильнозапесоченная глина с примесью сухой нежелезненной сильнозапесоченной глины.

Вид 6. Сильножелезненная сильнозапесоченная глина без искусственных примесей.

Вид 7. Сильножелезненная слабозапесоченная глина без искусственных примесей. Помимо песка в глине фиксируется большое количество мельчайших чешуек слюды, дающих поверхностям после обжига характерный «блеск».

Вид 8. Сильножелезненная слабозапесоченная глина с примесью частиц слюды. От вида 7 отличается заметно меньшей концентрацией слюды.

Вид 9. Сильножелезненная сильнозапесоченная глина с искусственной примесью мелкого песка (0,5–1,5 мм) в концентрации 1:4.

Вид 10. Сильножелезненная слабозапесоченная глина с примесью нежелезненной среднезапесоченной глины в сухом виде.

Вид 11. Смесь в сыром виде двух глин – сильножелезненной и нежелезненной. Обе среднезапесочены, без искусственных примесей.

Вид 12. Сильножелезненная слабозапесоченная глина с искусственной примесью шамота (1–3 мм) в концентрации 1:4. Глина также содержит небольшое количество частиц слюды.

Анализ распределения технологических видов в заполнении разновременных объектов (табл. 1) позволяет выделить три массовых гончарных традиции, обеспечивавших поступление круговой керамики на Липинское поселение. Наиболее распространенными являются традиции изготовления посуды из нежелезненной и слабожелезненной глин без искусственных примесей (виды 1 и 2). Такие сосуды доминируют в Липино на всем протяжении существования памятника. В сооружениях XI в. доля изделий вида 1 превышает вид 2 почти в два раза. С сер. XII в. эта картина меняется в пользу преобладания вида 2, и сохраняется таковой до сер. XIII в. – верхней даты поселения. Третий по представительности вид 6 зафиксирован в одном из ранних объектов. В яме 40 раскопа 19 керамика с такой рецептурой существенно преобладала над видами 1 и 2. Это указывает на функционирование в XI в. еще одного гончарного центра, поставлявшего в Липино посуду из сильножелезненного сырья. Однако в

Таблица 1. Распределение видов технологических особенностей в объектах Липинского поселения (в %).

Вид технологических особенностей	Объект					
	Р-16. Я.12	Р-16. Я.94	Р-19. Я.40	Р-16. Я.24	Р-16. Я.38	Р-19. Я.43
	Хронология					
	Нач. – 2-я пол. XI в.	Нач. – 2-я пол. XI в.	Нач. – 2-я пол. XI в.	Кон. XI – 1-я пол. XII в.	2-я пол. XII – нач. XIII в.	1-я пол. XIII в.
1	48,8	46,3	17,1	56,7	30,7	27,7
2	18,8	28,8	19,5	33,4	43,5	53,3
3	1,2	3,8	3,7			3
4	1,2	1,2	2,4			3
5	6,3	5		3,3	7,7	
6	7,5	2,5	35,3	3,3	7,7	1
7	10	3,7	7,3	3,3	5	10
8	2,5	1,2	6,1		2,7	1
9	1,2	2,5	4,9			
10		1,2				
11			3,7		2,7	1
12	2,5	3,8				
Всего:	100	100	100	100	100	100

объектах XII в. доля керамики этой гончарной традиции заметно снижается.

Судить о технологических разновидностях, представленных немногочисленными экземплярами, довольно сложно. Большинство из них – виды 3–5, 8–10 – характерны для манжетовидной посуды XI в. Из формовочной массы вида 5 изготовлены все встреченные в Липино экземпляры круговых сковород. Вид 11 зафиксирован на сосудах второй пол. XII в. Из массы вида 12, традиционной для роменской лепной посуды, были сформованы фрагменты раннекруговой керамики. Возможно, часть из этих образцов могла быть либо результатом экспериментов гончаров с глиной при адаптации к местному сырью, либо была связана с гончарными центрами, значительно отдаленными от Липино. С этой точки зрения интересна посуда вида 7, составлявшая в липинских постройках XI–XIII вв. от 3 до 10%. Такая разновидность керамики хорошо известна по материалам Курска. С сер. XII в. она в больших количествах встречается в городском слое и к сер. XIII в. достигает 70% всего керамического материала (Веретюшкин, 2005а. С. 65). Это говорит о расположении центра изготовления такой посуды в непосредственной близости от города или в нем самом.

Сравнение полученных результатов с материалами других памятников Курской земли позволяет наметить примерную картину развития гончарного производства. Его характерной чертой можно назвать использование нежелезненной и слабожелезненной глин. Эта устойчивая традиция проявляется с самого начала освоения региона древнерусским населением. В ранних комплексах Курска и Липино посуда из нежелезненной глины составляет до половины керамических находок. Обращает на себя внимание широкое распространение этой керамики: она известна на Люшинском городище, Моисеевском поселении и в Рыльске (Веретюшкин, 2005б. С. 198; 2006. С. 336). В качестве возможного источника ее производства можно рассматривать район д. Дроняево Курчатовского района, известный единственными в Курской области выходами гончарных нежелезненных глин, до настоящего времени используемых в керамическом производстве. На протяжении XII–XIII вв. доля таких сосудов снижается и составляет около 30%. Возможно, это было связано с укреплением центра, производившего керамику из железистых глин с примесью слюды. Такая гончарная традиция с сер. XII в. распространяется в Курске, достигая своего пика в первой пол. XIII в. География ее также довольно

широка. Находки керамики с характерной примесью слюды известны в подъемном материале городища Старый Город, на Моисеевском поселении, в Гочево. Резкое возрастание активности производственного центра этой гончарной традиции можно связать с определенной стабильностью владельческой принадлежности Курской волости-княжения, наступившей с конца 1150-х гг., когда долгий спор за эти земли между Переяславлем и Черниговом был разрешен в пользу последнего.

Переломным этапом в развитии курского гончарства стало монголо-татарское нашествие, после которого основная масса гончарных традиций либо прервалась, либо подверглась серьезному обновлению.

*Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность авторам раскопок за предоставленную возможность ознакомиться с материалом.

** Объекты в таблице приводятся с сохранением принятого для памятника полевого шифра: Р-16. Я.12 – раскоп 16, яма 12.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Болдин И.В., 2005. Хронология позднесредневековой керамики бассейна Верхней Оки // РА. №3.

Веретюшкин Р.С., 2005а. Об одной группе керамики Древнего Курска // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

Веретюшкин Р.С., 2005б. Керамика средневекового Рылска золотоордынской эпохи // РА. №4.

Веретюшкин Р.С., 2006. Новые исследования Моисеевского археологического комплекса на Свапе // Археологическое изучение центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. М.

Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округе // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.

Д.Ю. Ефремова

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Йошкар-Ола

Г.Ш. Асылгараева

Институт истории Академии наук Татарстана, Казань

С.Я. Алибеков

Марийский государственный технический университет, Йошкар-Ола

Естественнонаучные методы исследования в изучении святилищ эпохи средневековья в Марийском Поволжье

Исследование культовых памятников является одним из приоритетных направлений современной археологической науки. За последнее время появилось довольно много публикаций посвященных характеристике и анализу святилищ и культовых мест Европейского севера и Волго-Уральского региона (Багин, 2000; Шутова, 2001, 2004; Русанова, 2002; Руденко, 2004; Останина, 2004 и др.).

На территории Ветлужско-Вятского междуречья и прилегающего участка р. Волги археологические исследования подобного рода памятников, начались еще в XIX в., активно продолжены в 50–80-е годы и возобновлены Марийской археологической экспедицией (МарАЭ) с 2000 года. За эти годы в фондах МарАЭ собрана уникальная база памятников духов-

ной культуры. Анализ имеющихся данных выявил специфические черты, присущие средневековым святилищам и культовым местам (Ефремова, 2005). В отличие от подобных памятников соседних регионов, на марийских культовых объектах очень мало вещественного и датирующего материала, характерного для синхронных им поселений и могильников. На основе полученных данных и опыте изучения святилищ последних лет, были изменены подходы в методике полевых исследований – пересмотрены приемы ведения раскопок. Наиболее приемлемым оказалось проведение земляных работ сразу после снятия травяного покрова штыком по 5 см с последующей зачисткой по всей площади раскопа и просеиванием кострищ ситами разных диаметров

и тщательной фиксации слоев и находок. Подобный подход обуславливается с одной стороны – топографией святилищ. Например, на святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище перепад высот на расстоянии в 26 м 528 см (Ефремова, 2008). Подобная фиксация позволяет четко проследить расположение отдельных объектов на памятнике, не смотря на оползание грунтов. С другой стороны, хорошо улавливаются очертания отдельных т.н. «второстепенных» кострищ имеющих небольшую мощность (до 5–10 см), которые с точки зрения функциональной направленности не имеют большого значения, но выполняют важную роль в ритуальной практике (Никитина, Ефремова, 2007). Особенное внимание в изучении культовых памятников было уделено тщательной фиксации не только отдельных довольно редких находок, но и сырой кости, что в результате позволило сделать важные для марийских памятников наблюдения. Например, при исследовании святилища на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище в 2007 году на глубине +72 от нулевой отметки (21–25 см от дневного уровня) в кв. Б/8 зафиксирована столбовая яма № 1 диаметром 24 см и глубиной 19 см. При полевых исследованиях обратило на себя внимание большое скопление вокруг нее фрагментов сырой кости. На прилегающих к данному квадрату участках – ниже по склону (кв. Б/7 и В/7), примерно на этой же глубине (-20 см от дневного уровня) диагностировано 104 фрагмент кости, среди которых 80 не поддаются определению, а из 24 фрагмента определены 5 костей мелкого рогатого скота, и 19 принадлежали жеребцу старше 10 лет. Полученные данные позволяют предположить, что данный столб на святилище мог выполнять обрядовую функцию. А тот факт, что все диагностированные из этого квадрата фрагменты костей являются фрагментами черепной коробки, указывает на то, что череп мог висеть на столбе.

Эти данные существенно дополняют исследование 2005 г., когда была обнаружена яма 1, размерами 145 x 50–60 см и глубиной 76–78 см, в северо-западной части которой на глубине 40 см был найден череп жеребца 9–10 лет (Никитина, Ефремова, 2007; Асылгараева, 2007). Кроме того, возле ямы между камнями зафиксированы фрагменты черепа кобылы 2–3 лет.

Таким образом, в двух ярких случаях обрядовой практики на святилище использовались черепа жеребцов 10-летнего возраста.

Более того, количественный анализ, отвлеченный от планиграфии раскопа 2007 года (5556 костных фрагментов), выявил 94 фрагмента поддающихся диагностированию костных остатков от 18 осо-

бей лошадей. Однако корреляция полученных в ходе диагностики результатов с картиной распространения этих костных остатков поквратно (табл. 1) дает возможность говорить о принесении в жертву приблизительно 12 особей.

Сравнение этих данных с выводами исследования 2005 г. (Асылгараева, 2007), дают следующую картину: на святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище за период его существования принесено в жертву как минимум 17 лошадей двух возрастных категорий – до 5 лет и старше 9 лет, при этом последняя группа жертвенных животных составляет чуть больше 23%.

Применение черепов лошади в ритуальной практике широко зафиксированы в марийской этнографии (Никитина, Ефремова, 2007) и встречаются в наши дни, в частности на пасеках возле д. Красное селище в Горномарийском районе Республики Марий Эл.

Как показал остеологический анализ, видовой состав животных, приносимых в жертву, вплоть до сегодняшних дней практически не изменился – наряду с лошадьми, в жертву приносились крупный и мелкий рогатый скот. Однако, любопытным фактом является диагностированные из материалов 2007 года (в кв. Г/6 на гл. 20 см от дневного уровня) кости свиньи, которые в небольшом количестве (4 шт.) были выявлены и при раскопках 2005 года (Асылгараева, 2007).

Методика просеивания отдельных кострищ и применение в исследование металлодетектора, позволили обнаружить 18 бесформенных небольших кусочков (скорее пластинок) олова, напоминающих всплески металла при плавке. Найдены они были в основном в восточной части раскопа 2005 года (16 фрагментов) и два фрагмента в раскопе 2007 г. (кв. Д/9 и кв. Б/14).

Обычай растапливать олово, проверяя угодна ли жертва богам, у марийцев был распространен повсеместно (Никитина, Ефремова, 2007). «Кладут на сковороду немного коровьего масла и льют растопленное олово, причитывая молитву богам о том, что если жертвуемая скотина приятна богам, и они ее принимают, то олово вылилось бы на масле наподобие жертвуемой скотины. Если с первого раза не выйдет олово наподобие скотины, то льют до трех раз. Если и в третий раз не выйдет какого-либо подходящего изображения, то бросают это олово в огонь и льют снова из другого олова» (Яковлев, 1887; Кузнецов, 1879). В описаниях Г. Яковлева подобное олово называется «кугу ши булно» – большое серебряное олово, и еще называют «тўсыжо» – подобие, т.е. «подобие жертвуемой скотины» (Яковлев, 1887).

Таблица 1. Святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище.
Распространение костных остатков лошадей на раскопе 2007 г.

Квадрат	Глубина (см)	Возрастной состав	Диагностировано костей	Количество особей
А/6	10	до 4 лет	2	1
А/7	5	до 3-5 лет	6	1
А/9	10	до 5 лет	4	1
А/9,10	10-15	3-5 лет	8	1
А/10	20	ст. 10 лет	7	1
А`/10	20	до 3 лет	11	1
Б/7	10	ст. 10 лет	4	1
Б/7, В/7	20	ст. 10 лет	17	1
Б/8	5-10	до 4 лет ст. 10 лет	Всего 9	Всего 2
Б/9	20	4-5 лет	6	1
Б/10	20	до 3 лет ст. 10 лет	Всего 7	Всего 2
В/9	20	до 3 лет	2	1
В/10	25	ст. 10 лет	2	1
Г/8-10	15-20	прибл. 5 лет	6	1
Д/6	15-20	ст. 10 лет	1	1
Д/9-10	20	ст. 2 лет	2	1
		Всего:	94	18

Кроме того, в молитвах мариийцев, совершаемых при жертвоприношениях, часто упоминается серебряное олово:

*«Боже великий и добрый! С друзьями своими посоветовавшись,
мы серебряное олово растопивши,
ту посуду (кôрагу) наполнивши, непочатый хлеб
взявши,
ссучивши большую серебряную свечу,
взяли большой дым (головню),
да большого с серебряными рогами быка поймавши,
с друзьями своими пошли в роцу»*

(Яковлев Г. 1887. С. 36)

Анализу микроструктур было подвергнуто 4 пригодных для исследования тонких пластинки сечением 0,3–1,0 мм, площадью 10–30 мм². Пластины абсолютно различной формы и конфигурации. Цвет их варьирует от грязно-желтого до грязно-серебристого. На некоторых из них обнаружены небольшие зеленые и синие включения соединений меди. Кроме того, имеются рыжие включения соединений железа. Как показал спектральный анализ, пластины имеют сложный химический состав. Они содержат продукты окисления соединений меди, олова, свинца, фосфора, цинка, железа. Из выбранных образцов были приготовлены микрошлифы по стандартной технологии, которые в ходе исследова-

ния подвергались трехкратному переполированию. Кроме того, изучались как нетравленные шлифы – для выявления неметаллических включений, шлака, пор, микротрещин и др. дефектов, так и травленные – на предмет установления фаз для характерных определенных видов технологической обработки. Для травления использовали травитель, содержащий солянокислый раствор хлорида железа (FeCl₃ – 5 г, HCl – 10 мл (плотность 1,19), H₂O – 100 мл). Этот травитель хорошо выявляет микроструктуру меди, латуней, оловянной и алюминиевой бронзы и различных припоев. Исследования проводились на металлографических микроскопах МИМ-7 и МЕТ-3 при 100х–300х–увеличениях.

Образец № 1 (рис. 1: 1). Микроструктура образца характерна для литого состояния металла, поскольку имеет характерное дендритное строение и представляет собой мелкозернистую эвтектику, состоящую из сложного фосфита меди, олова, а также твердого раствора на основе меди и избыточного раствора фосфора и олова в меди.

Образец № 2 (рис. 1: 2). В образце имеются ликвационные шлаковые включения. Микроструктура имеет высокую пористость и представляет собой двухфазную структуру, вероятно образовавшуюся в результате перитектических реакций. Округлые участки представляют собой α-фазу, возможно образовавшуюся в начале кристаллизации. А область вокруг этих участков – темная фаза – представляет собой β-фазу.

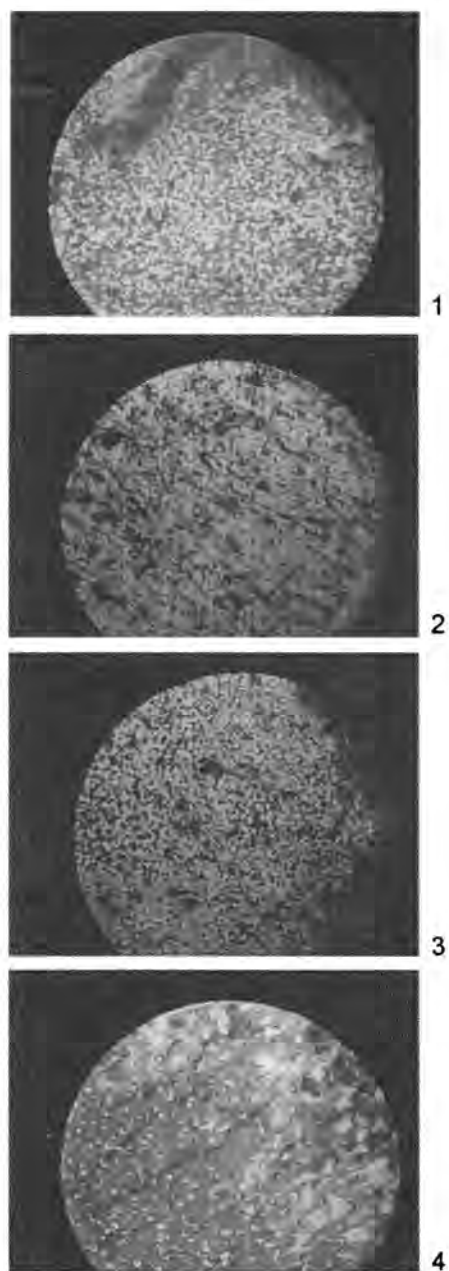

Рис. 1. Микроструктуры металлических пластинок.

Образец № 3 (рис. 1: 3). Микроструктура образца загрязнена шлаковыми включениями. Аналогично образцу № 1 имеется характерная эвтектическая мелкозернистая структура. Сплав обладает высокой химической и микроструктурной однородностью.

Образец № 4 (рис. 1: 4). Данный образец резко отличается от других образцов. Цвет исходных пластин – серебристый с рыжими вкраплениями. Структура крайне неоднородна. Микрошлиф с неравновесным составом и дисперсной структурой с измененной морфологией. Представляет собой эв-

тектический сплав, возможно на сурьмяной основе со свинцовыми блестящими включениями. На шлифе видны следы механической обработки в виде параллельно идущих полос переменной толщины.

Таким образом, исследование микроструктур пластин, найденных в культурном слое святилища на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, подтвердило приведенные выше данные этнографии о применении в ритуальной практике литья. Состав металла (медь, олово, свинец) и неоднородность структур различных образцов, вероятно, свидетельствует о разновременности их изготовления. Три образца из четырех содержат в своем составе олово, что в свою очередь указывает на устойчивость традиции применения в обрядовой практике «кугу ши булно» – «большого серебряного олова». При этом примеси серебра были обнаружены лишь при исследовании одного образца в 2006 году (Никитина, Ефремова, 2007). Следует отметить, что подобные предметы были обнаружены при исследовании Писеральского святилища (Ефремова, 2006), Сиухинского комплекса в Горномарийском районе Республики Марий Эл (Михеева, 2002).

Таким образом, применение в исследовании святилищ Марийского Поволжья естественнонаучных методов позволяет значительно расширить представления об обрядовой практике марийцев эпохи средневековья, а сопоставление с данными этнографии позволят в дальнейших исследованиях выявить их наиболее архаичные черты.

Асылгараева Г.Ш., 2006. Остеологические материалы из раскопок святилища на Важнангрском городище // Влияние природной среды на развитие древних обществ. Йошкар-Ола.

Багин А.П., 2000. Средневековые святилища Европейского северо-востока VI–XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар.

Останина Т.И., 2004. Культурный памятник около деревни Гавриловка на реке Сивее (Воткинский район Удмуртской Республики) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск.

Руденко К.А., 2004. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск.

Русанова И. П., Тимошук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.

Русанова И.П., 2002. Истоки славянского язычества: Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – тыс. н.э. Черновцы.

- Шутова Н.И., 2001. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск.
- Шутова Н.И., 2004. Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск.
- Михеева А.И. Отчет об археологических работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2001 году // Архив НРФ НПЦ.
- Ефремова Д.Ю., 2005. Культовые памятники марийцев VI–XIX вв. (по археологическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.
- Ефремова Д.Ю. Отчет о раскопках святилища на Писеральского святилища в Горномарийском районе Республики Марий Эл в июне 2006 года // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. I., д. № 1105.
- Ефремова Д.Ю. Отчет о раскопках святилища на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и селища Красное селище II в Горномарийском районе Республики Марий Эл летом 2007 года // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. I., д. № 1117.
- Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., 2006. Святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б. Отчет Третьего отряда Марийской археологической экспедиции в Республике Марий Эл в 2005 году // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. I., д. № 1108.

Н.В. Жилина

Институт археологии РАН

Хронология украшений древнерусских кладов IX–XI вв.

Четыре группы кладов, выделенные Г.Ф. Корзухиной, стали началом их датирования. На необходимость продолжения этой работы обращал внимание Б.А. Рыбаков. Поиск хронологического соотношения вещей необходимо продолжить. Оно утрачено, но несомненно есть и может быть выявлено. Целью является создание вещевой хронологической шкалы кладов с более узкими датами не только для категорий, но для типов, вариантов и стилистических групп вещей.

На вещевой материал кладов нужно посмотреть, как на содержащий в себе самостоятельную основу для датировки: повторяемость типичных наборов украшений в определенные промежутки времени. Украшения, как правило, появляются в кладах впервые и откладываются в течение ограниченного периода их актуальности, более узкого по сравнению с датами по другим археологическим памятникам и выявляемыми статистикой.

Нумизматический материал дает новые датировочные возможности. По подсчетам Т. Нуннена известны узкие периоды подъема и спада в накоплении монет (рис. 1, рис. 2 – обозначены поднимающимися и опускающимися прямыми). Накопление вещей преимущественно относится к периодам спада монетного обращения. Хронологический диапазон большинства кладов покрывает два или три таких периода. Некоторые вещи появлялись незадолго до

старших монет клада, а некоторые, наоборот, не много спустя после поздних монет. Для целых вещей дата отложения в кладах совпадает с реальной датировкой бытования, для лома и демонтированных украшений, она позднее.

Другой источник датирования связан с различием индивидуальных периодов накопления кладов. Сходные наборы вещей одного отрезка времени содержатся в кладах разных хронологических групп. Это позволяет связать группы кладов по своеобразным хронологическим осям совпадающих украшений.

Работа по датированию проводилась в такой последовательности:

1. Составление хронологической шкалы каждого клада с размещением на ней комплексов монет и вещей.

2. Создание относительной хронологической шкалы по каждой из четырех хронологических групп кладов с гипотетическими абсолютными привязками (каждая из трех частей рис. 1 и рис. 2 является шкалой группы).

3. Соединение шкал групп в единую засчет взаимных хронологических связей и уточнение абсолютных привязок (рис. 1; рис. 2 – шкалы гривен и браслетов).

На всех стадиях работы используются абсолютные датировки археологических аналогий. Гипоте-

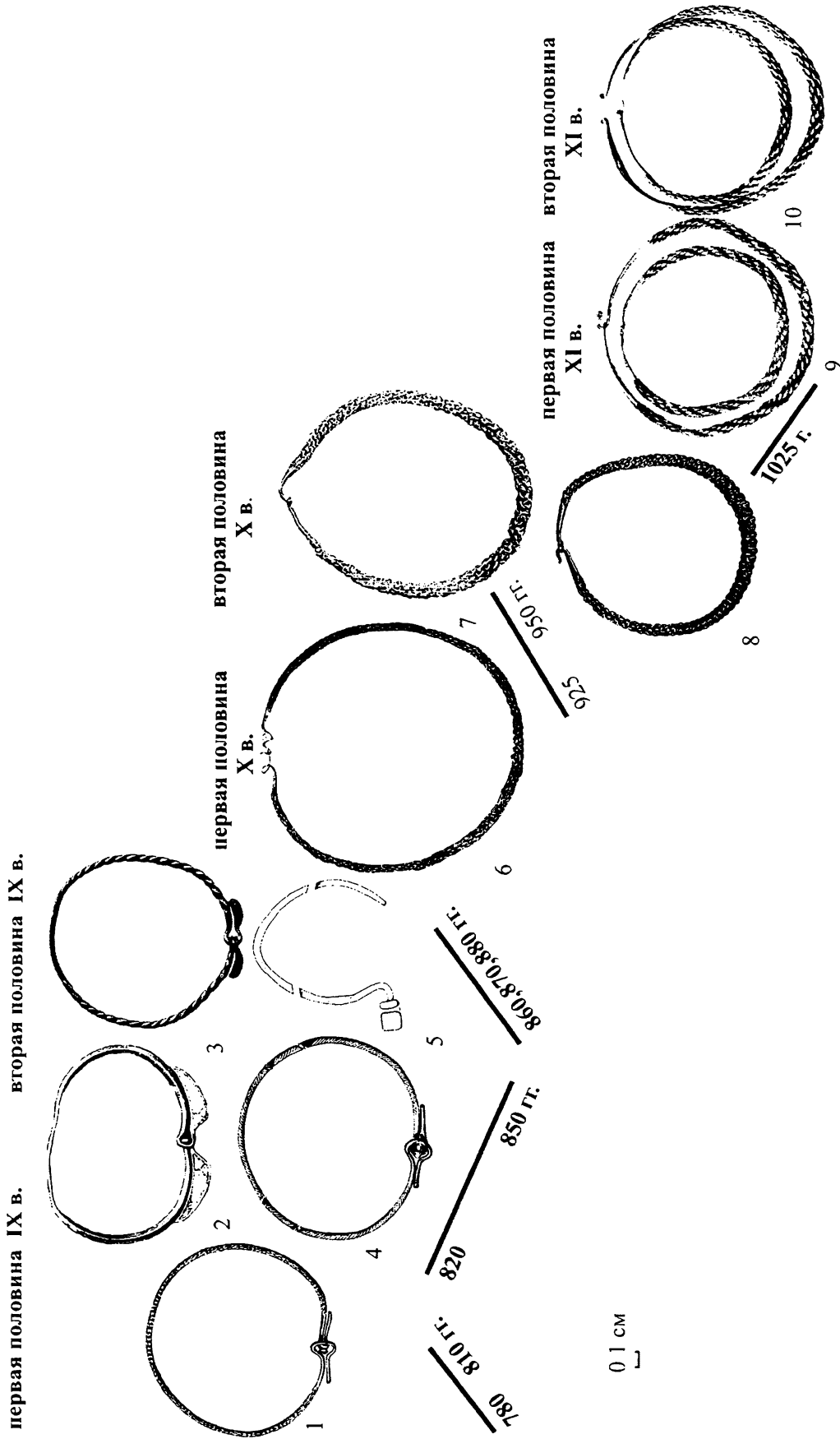

Рис. 1. Хронология гривен древнерусских кладов IX-XI вв.: 1-5 - из кладов I хронологической группы IX-X вв. (1, 4 - д. Узьмина Петербургской, 1889; 2 - Полтава, 1905; 3 - с. Ивахники Полтавской губ., 1905; 5 - д. Железница, Зарайский у. Рязанской губ., 1855); 6, 7 - из кладов II хронологической группы X - начала XI в. (6 - Борщевка, Волынской губ., 1883; 7 - Копиевка, Киевской обл., 1928); 8-10 - из кладов III хронологической группы XI - первой половины XII вв. (8 - Богдыхов Волынской губ., 1860-е; 9 - Мироновский фольварк Киевской губ., 1883; 10 - Шалахова Невельского у. Витебской губ., 1892).

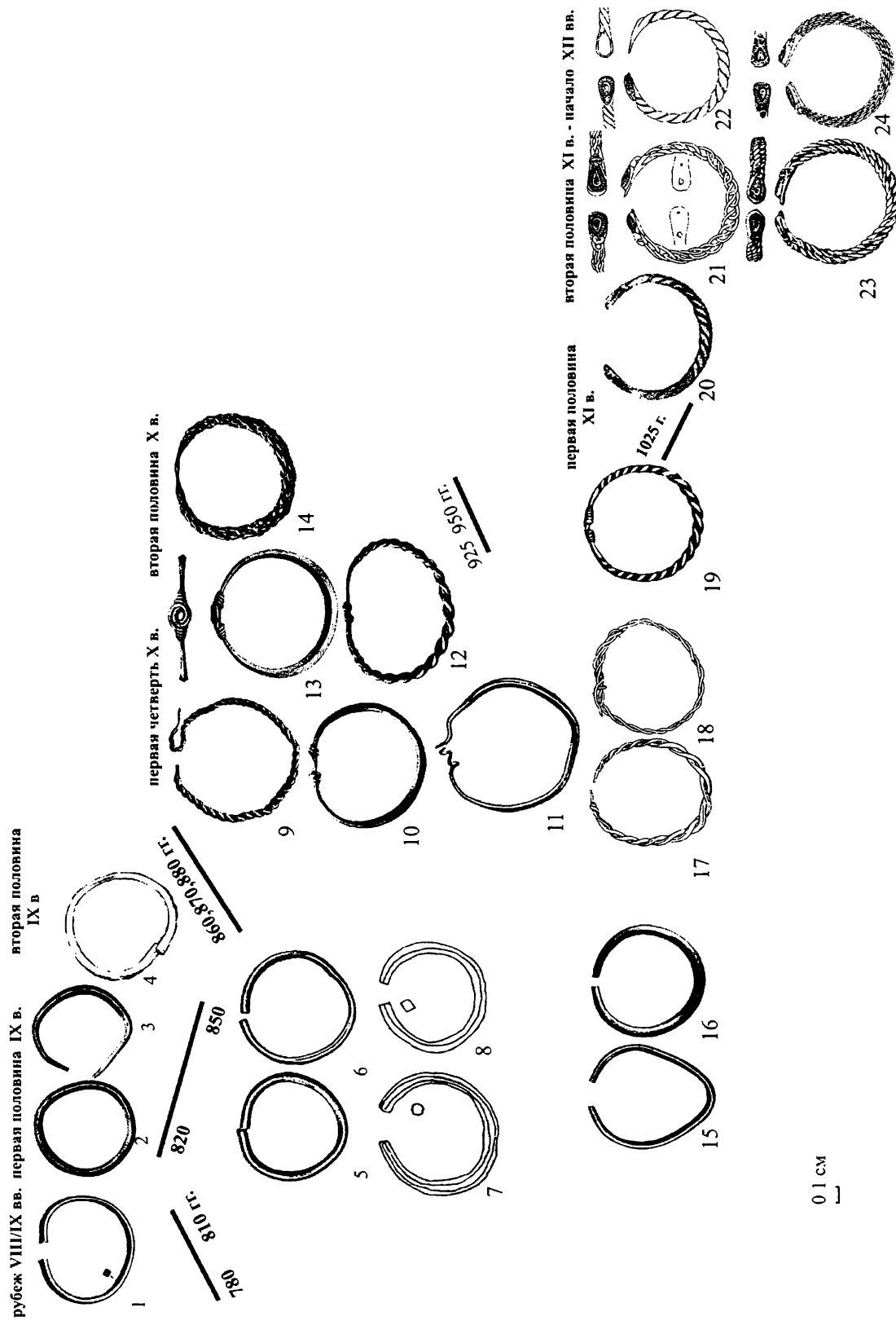

Рис. 2. Хронология браслетов древнерусских кладов IX-XI вв.: 1-4 - из кладов I хронологической группы IX - рубежа IX/X вв. (1 - д. Железницы, Зарайский у. Рязанской губ., 1855; 2 - Полтава, 1905; 3, 4 - Угодичи, Ростовского у., Ярославской обл., 1914); 5-14 - из кладов II хронологической группы X - начала XI в. (5, 6 - Коплевка, Киевской обл., 1928; 7, 8 - Коробкино Курской губ., 1915; 9 - Киев, 1851; 10-14 - Киев, 1913); 15-24 - из кладов III хронологической группы XI - начала XII в. (15, 19 - Богдыхов Волянской губ., 1860-е гг.; 16 - Киев, усадьба Бродского, 1899; 17, 18 - Васильво Псковской губ., 1923; 20 - Мирновский фольварк Киевской губ., 1883; 21, 22, 24 - Пилява Киевской губ., 1895; 23 - Исковщина Киевской губ., 1891).

тичность первых этапов датирования устраняется а posteriori единой итоговой шкалой кладовых древностей.

К группе из 15 кладов IX в. относятся: два периода интенсивного обращения восточных монет: 780–810 гг.; 860–880 гг.; три периода накопления вещей: до 780 г.; 820–850 гг.; после 880 г.

Выделяется две хронологические подгруппы: до начала IX в. (Лапотково, Баскач, Угодичи, Кашира, Новотроицкое Ш2); до конца 60-х – 70-х гг. IX в. (Железницы, Мишнево, Супруты, 1972).

Пластинчатые фибулы, серьги с объемными подвесками, перстень со вставкой, филигранная цепь – относятся к периоду до 780 г. Дата *post quem* ранних древностей создает точку абсолютного отсчета всей шкалы.

Часть гривен сходна с гривнами предшествующего периода, их дата – 780–820 гг. (Узьмина, Горки). В IX в. обмотка раскованными концами ушла в прошлое, актуален замок впереди, продолжено развитие уплощенного крючка и петли с прогибом. Появляется расковывание концов в широкие пластины после замка и кручение дрота по всей длине. Гривны с новациями относятся к 820–850 гг. (Полтава, Ивахники, Новотроицкого У3, Суходрево) Гривны с замками со щитком датированы периодом после 880-х гг. (Железницкий, Супруты, 1972) (рис. 1: 1–5).

Сужающиеся концы дровых браслетов, намечающие переход к завязыванию, датируются 820–850 гг. (Угодичи). Это дает датировку *post quem* для дровых браслетов с расширяющимися концами: конец VIII – начало IX вв. (Полтава, Железницы). Пластинчатые браслеты и «усатые» перстни укладываются в 820–850-х гг. (Новотроицкое Ш2) (рис. 2: 1–4).

Ранние и прототиповые формы лучевых височных колец датируются концом VIII в. (Новотроицкое Ш2), браслетообразные – 820–850 гг., семилучевые – временем после 880-х гг., пятилучевые, следовательно, раньше – 820–850-е гг. (Железницкий). Семилучевые кольца, отступающие от передачи филигранной орнаментации, относятся к рубежу IX/X в., а спиральные появляются – после 880-х гг. (Полтава).

18 кладов X в. делятся на подгруппы: 1) с дирхемами – а) по начало X в. – вещи накапливались в первой четверти X в. (Киев, 1851, 1913), б) по 950–60-е гг., вещи накапливались во второй половине X в., отдельные – в конце IX в. (Копиевка, Гнездо 1870, 1885, 1909; Белый Омут, Канишево); 2) с разнообразным составом монет (Денис, Шпилевка, Гнездо, 1867). Периоды накопления: монет – 925–940/50 гг.; вещей – первая и третья четверть X в.

По дровым браслетам с расширяющимися концами (Копиевка, Коробкино) с датировкой *ante*

quem – середина IX в. осуществляется хронологическая привязка ккладам IX в. (Железницы, Полтава) (рис. 2: 5–8).

С начала X в. дровые гривны неактуальны. В первой четверти X в. браслеты, гривны и перстни завязываются, что совпадает с появлением витья и плетения (Киев, 1851 и 1913) (рис. 1: 6; 2: 10–14). Браслетообразные височные кольца по завязыванию отнесены к рубежу IX/X вв. – первой четверти X в. (Гнездо, 1867 и 1993 гг.).

К середине X в. перестают использоваться завязывание и замок на петлю и крючок с расширенным щитком. Происходит переход к застежке сзади, поэтому концы расковываются в гладкие сужающиеся наконечники. Разрабатываются замки на петлю и крючок и два крючка со щитками. Концы гривен расковываются в пластины на участке до замка. Гибкая плетеная гривна с замком на петлю и крючок середины X века датирует новации (Копиевка) (рис. 1: 7).

В X в. выделяются два стилистических филигранных убора, украшения первого сконструированы из филигранных деталей, второго – изготовлены тиснением и покрыты грануляцией.

Гранулированные гроздевидные наушницы относятся ко второй половине IX – первой четверти X вв. (Копиевка, погребения из Киева № 112 и 124). По моравским материалам тиснение развивается на рубеже IX/X вв. Наушницы с тисненым профилированным корпусом относятся к 40–50-м гг. (Гнездо, 1993 г.).

Гранулированные бусины и с проволочно-каркасной конструкцией относятся к началу X в. (Гнездо 1993). Бусинные височные кольца отнесены к третьей четверти X в. (Гнездо, 1867 г.).

Зерновые бусины датируются от 30–40-х гг. до 60-х гг. X в.: с зерновым орнаментом, лопастные с внутренней конструкцией и с полусферами, гладкие и с сетчатым орнаментом (все гнездовские клады и Копиевка). Лакуна в монетах 30–40 гг., дает дату *post quem* для бусин в виде лома (Денис). В 40–60-е гг. лопастные бусины утратили внутреннюю конструкцию. Переходные формы сохраняют геометрический орнамент. Во второй половине X в. появляются гладкие лопастные бусины (Юрковцы). К первой четверти XI в. они вышли из употребления и превращены в лом (Старая Ладога).

Датировка скандинавских украшений стремится к 40–50-х гг. X в. Подвески в стиле Борре датируются от первой четверти до середины X в., круглые фибулы – третьей четвертью X в. Ряд категорий с учетом аналогий из Бирки отнесен к первой четверти X в.: бусины с завитковым орнаментом и веретенообразная, щитообразные бляшки, дисковидные филигранные подвески (Гнездо, 1867 и 1993).

Стилистический ряд дисковидных подвесок занимает промежуток от начала до середины X в.: в стиле перегородчатой инкрустации – рубеж VIII/IX вв., в стиле перегородчатой зерни и сохранением растительной стилистики – начало X в., с трехволютными композициями – первая четверть X в., с четырехволютными композициями – середина X в.

Зерновые медальоны сохраняют лучевые розетки (Гнездово 1993) и мелко-бордюрную орнаментацию (Гнездово 1867, Денис). Позже формируется пятичастная композиция (Гнездово 1993).

Округлая лунница с округлым вырезом относится к первой четверти X вв. (Копиевка). Лунницы с горизонтальным вырезом датируются серединой второй половиной X в. (Гнездово, 1867 г., 1870, 1885 г.).

В итоге дата гранулированного филигранного убора определяется как первая четверть X в. Тисненый скано-зерненный убор сложился в конце первой четверти X в. и был актуален до 960-980-х гг.

36 кладов XI в. делятся на 4 хронологические подгруппы.

I подгруппа с восточными монетами относится к X в. – кануну XI в. (Струпово, Коростово, Белогостицкий).

К первой четверти X в. относятся подковообразные фибулы с многогранными головками (Струпово). Фибулы с пластинчатыми и тисненными частями ближе ко второй половине X в. (Белогостицкий).

Определяется датировка *post quem* скано-зерненого тисненого убора третья четверть X в. – рубеж X/XI вв. (Белогостицкий). Стабилизируется четырехчастная композиция полусферических медальонов. Распространены широкие лунницы с горизонтальным вырезом с зигзагообразными линиями из зерни. К рубежу X/XI вв. скано-зерненные украшения выходят из употребления: разрезание, демонтаж и хранение в качестве драгоценного металла. Филигранные бусины сняты с украшений или фрагментированы к середине XI в. (Мироновский, Белогостицкий, Собачьи Горбы, Спанка).

Дата браслетообразных, ромбоцитковых, перстнеобразных височных колец падает на вторую половину-конец X в. Бытуют и височные кольца с гладкими бусинами. В парадном уборе их все меньше, большая часть хранится в виде лома. Иногда на кольца надеваются филигранные бусины.

Для трех последующих хронологических подгрупп основными монетами являются западноевропейские, но в целом встречен их более широкий спектр.

Для второй хронологической подгруппы с монетами по первую четверть XI в. выделяются периоды

накопления вещей: после 950-х гг. и после 1025 г., когда зафиксирован спад монетных накоплений (Боровская, Старая Ладога). Для второй четверти XI в. характерно накопление лома зерновых и пластинчатых украшений с пуансонной чеканкой, бытовавшего во второй половине – конце X в.

В третьей хронологической подгруппе дирхемы накапливались со второй половины X в., монетные накопления в целом ограничиваются 50–70-ми гг. XI в.

Целые гривны хорошего качества сосредоточены в безмонетных кладах (Мироновский, 1883; Пилява, 1895; Киково, 1916; Бужиски, 1885; Витебская губ., до 1907; Шалахова, 1892).

Монетные клады, содержат лом украшений (Стражевич, 1898, 1903; Крыжово, 1904; Скадино, 1928, Демшина, 1891, Забельская 1914, Спанка 1913, Старая Ладога, 1920).

Браслеты кладов XI в. четко делятся на две группы. Более ранние – гладкоротовые и витые с неоформленными или завязывающимися концами – относятся ко второй половине X в. и дают линию хронологической связи с кладами X в. (Киев, 1899 г. и Васьково) (рис. 2: 15–19). С этим же временем связывается фрагмент филигранного браслета (Васьково). Витые и плетеные браслеты с черневыми наконечниками появляются после 1025 г. и переходят в XII в. (рис. 2: 20–24).

Клады 4-й хронологической подгруппы с монетными накоплениями от X в. по начало XII вв. имеют от одного до трех периодов накопления вещей.

К рубежу X/XI вв. относятся гривны с замком типа петля – крючок, два крючка, продолжающие ряд гривен X в. (рис. 1: 8, 9). Ко второй четверти XI в. появляется замок со шнурком на две петли на пластинчатых наконечниках. Витые гривны и браслеты имеют сканную перевить (рис. 1: 10). Хронологическая связь с предшествующим группой кладов проходит по плетеным гривнам 50–60-м гг. X в. (Богдыхов, Копиевка) (рис. 1: 7, 8).

Хронологическую привязку к X в. создают демонтированные украшения и подражания – крестообразная подвеска (Крыжово, Гнездово 1993); подвеска под дирхем, щиток гривны (Невельской).

Весь XI в. бытуют филигранные бусы с вертикальными спиралями, нагрудные цепи в зверином стиле, антропоморфные подвески (Забельская, Мироновский, Собачьи Горбы).

Предложенный метод позволяет датировать украшения кладов до четверти столетия. Созданный к настоящему времени вариант хронологической шкалы не является окончательным, а допускает пересмотр с появлением новых данных.

В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова

Институт археологии РАН

Роль Балтийско-Волжского пути в распространении технологических инноваций

Огромное значение в истории народов Евразии в VIII–XI вв. н.э. имел Великий Волжский путь. В связи с политическими событиями на Ближнем Востоке традиционный путь поступления многих товаров в Европу, в частности восточного серебра, был отрезан. В этой ситуации происходит активизация торговли по волжскому пути, который превратился в Великую трансевропейскую магистраль. По словам А.Н. Кирпичникова, происходит «товарная интеграция» народов Евразии, что проявилось в стандартизации производства определенных популярных изделий в странах и регионах не только близких, но и достаточно удаленных друг от друга.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на появление в конце VIII – начале IX в. в восточно-европейских памятниках нового типа таких изделий как ножи. Они имеют стандартную форму, не известную ранее на этой территории: узкий клинок (1–1,5 см), отделенный с двух сторон от черенка чёткими уступами высотой около 2 мм, широкий (до 6 мм) обушок, длинный шиловидный черенок. Соотношение длины клинка к длине черенка – 1:1 – 1:2 (рис. 1: I). Ножи данного типа были распространены в Скандинавии уже в меровингское время. Наиболее ранние находки в Восточной Европе фиксируются Старой Ладогой в слое E3, датированном 60-ми гг. VIII – 30-ми гг. IX в. Результаты многочисленных металлографических анализов свидетельствуют, что рассматриваемый тип ножей сочетается с определенной технологией и определенным подбором сырьевого материала. Ножи изготовлены в технологии трехслойной сварки (трехслойный пакет): в центре клинка помещалась полоса высокоуглеродистой стали, выходящей на рабочую часть, а по бокам – полосы железа. Причем использовалось железо особого сорта – с высоким содержанием фосфора.

Приведенные шведской исследовательницей В. Аггениус данные о форме, технологии и подделочном материале орудий из Скандинавии, в частности из поселения Хельгё VII в. (Швеция), позволяют нам связывать происхождение подобных ножей именно с этой территорией. Мы относим такие ножи к скандинавскому варианту трехслойных ножей («классический трехслойный пакет»).

Есть основания думать, что сама трёхслойная

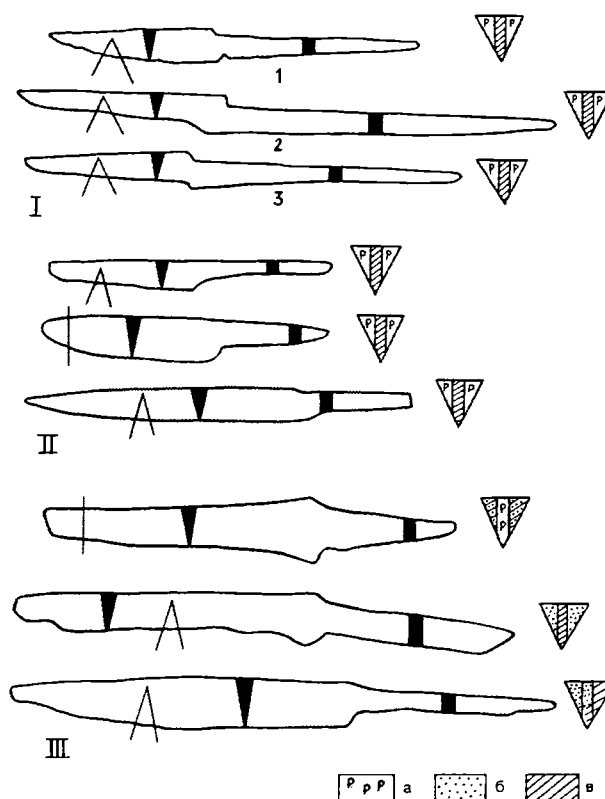

Рис. 1. Различные варианты трехслойных ножей.

технология возникает в условиях дефицита стального материала. Известно, что в Скандинавии, в частности в Швеции, широко распространены руды, из которых получалось железо с повышенным содержанием фосфора. Такое железо, с одной стороны, имеет положительное свойство – хорошо сваривается с высокоуглеродистой сталью, но, с другой стороны, присутствие фосфора препятствует насыщению железа углеродом, а, следовательно, возможности получения стали.

Ножи скандинавского варианта обладали как высокими техническими, так и эстетическими свойствами. Такой нож мог быть использован практически до полного сточивания клинка. Кроме того, его поверхность после полировки фосфористого железа приобретала серебристый блеск. Неудивительно, что подобные изделия быстро завоевали популярность у

многих народов, вытеснив собственную продукцию. Трёхслойные ножи в большом количестве встречаются на всем протяжении Балтийско-Волжского пути (северного отрезка Великого Волжского пути), где главенствующая роль в торговых операциях принадлежала скандинавам. При их непосредственном участии возникают торгово-ремесленные поселения, в которых действовали разнообразные ремесленные мастерские. Как нам удалось установить, наряду со скандинавским вариантом появляется другой вариант трёхслойного ножа, который мы называем восточноевропейским. Отличительной чертой таких ножей является отступление от классических образцов, известных по скандинавскому варианту. Эти отступления проявлялись либо в форме, либо в подборе подделочного материала (не использовалось фосфористое железо, все полосы могли быть стальными или железными, сталь могла располагаться по краям клинка) (рис. 1: II–III).

Накопленный нами в настоящее время аналитический материал, связанный с металлографическим исследованием трёхслойных ножей, позволяет проследить распространение этой технологической инновации (скандинавский технико-технологический стереотип) по Балтийско-Волжскому пути.

Археологические памятники, из которых были исследованы трёхслойные изделия, объединены нами в три территориальные группы: северо-западную, центральную и северо-восточную.

В северо-западную группу входят памятники Приладожья и Волхово-Мстинского бассейна (Старая Ладога, Новгород, селища Курово, Бережок и др.). Среди исследованных нами изделий к скандинавскому варианту относятся 23 ножа, к восточноевропейскому – 29 ножей. Здесь и далее в подсчеты не включены обломки изделий, изготовленные по трёхслойной технологии, но не сохранившие форму (23 экз.). Наиболее ранние находки трёхслойных изделий на этой территории датируются концом VIII – первой половиной IX в. (Старая Ладога). Уже в это время здесь фиксируются ножи как скандинавского, так и восточноевропейского варианта. Причём в последнем случае отмечено отступление от формы при сохранении технологических особенностей скандинавского варианта трёхслойных ножей. Это, скорее всего, свидетельствует о том, что это продукция скандинавских мастеров, отвечающая вкусам местного населения. Начиная с X в. технологическая инновация внедряется в практику местных мастеров, но при этом нарушается скандинавский технологический стереотип (отсутствует фосфористое железо, не соблюдается порядок в подборе полос).

Центральная группа включает памятники Волго-

Клязьминского междуречья (Ростов, Суздаль, селища Гнездилово, Васильковское и др.). В этой территориальной группе к скандинавскому варианту относятся 36 экз., к восточноевропейскому – 23 экз., фрагменты трёхслойных клинков – 40 экз. Наиболее ранние трёхслойные ножи фиксируются в этом регионе в конце VIII – начале IX в. на Сарском городище. Но, к сожалению, опубликованные материалы не могут быть использованы в наших построениях, поскольку в них отсутствуют важные данные, а именно, показатели микротвёрдости структурных составляющих, позволяющие судить о характере подделочного материала, в частности определить присутствие фосфористого железа. Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в X в. здесь присутствуют как ножи скандинавского, так и восточноевропейского варианта. Среди последних выделяются изделия, изготовленные по скандинавскому технологическому стереотипу, но имеющие отличную от скандинавских изделий форму.

Северо-восточная группа объединяет памятники бассейнов Шексны и Суды (поселения Крутик, Кривец, Луковец, Минино V, Никольское VI и др.). К скандинавскому варианту здесь относятся 44 экз., к восточноевропейскому – 43, еще 52 экз. трёхслойных ножей представлены обломками. Распространение трёхслойных ножей на памятниках Шексны и Суды относится к IX–X вв., то есть к несколько более позднему времени, чем в Северо-Западном и Центральном регионах. И скандинавский, и восточноевропейский вариант представлены равными долями. К предметам, изготовленным по скандинавскому технологическому стереотипу, но в другой форме, можно отнести всего один нож. В последующее время (XI–XII вв.) соотношение между вариантами остаётся прежним (всего один предмет изготовлен по скандинавскому технологический стереотипу без соблюдения формы).

Представленные результаты аналитических исследований ножей с трёхслойными клинками, относящихся к периоду интенсивного функционирования Балтийско-Волжского пути свидетельствуют, о том, что эта технологическая новация очень быстро распространяется среди местного населения. Её истоки восходят к центральным областям Швеции. С активизацией трансевропейской магистрали и военноторговой экспансией викингов трёхслойные изделия попадают в Восточную Европу, а сама технология становится ведущей в производстве ножей на памятниках Северной Руси вплоть до XII в. Появившиеся здесь скандинавские мастера изготавливали не только привычные им по форме изделия в стандартной технологии, но иногда повторяли и форму

местных изделий. Возможно, они использовали готовый трёхслойный полуфабрикат. Местные мастера восприняли новую технологию, но выполняли её в своём варианте, не соблюдая подбора материала. Поскольку фосфористое железо отсутствовало в их практике, они применяли привычные материалы: сырцовую сталь, обычное железо. По нашим данным во всех трёх регионах появление восточноевропейского варианта трёхслойного пакета относится к X в. Если при статистической обработке аналитических данных учесть фрагменты ножей, распределив их в соответствии со скандинавским и восточноевропейским технологическим стереотипом, то полученные гистограммы дают следующую картину (рис. 2). Соотношение скандинавского и восточноевропейского варианта в рассмотренных регионах различно. В Северо-Западном и Центральном регионах наблюдается существенное преобладание скандинавского варианта трёхслойного ножа. В то же время среди памятников Северо-Восточного региона оба варианта представлены в близких долях. Возможно, это связано с сосредоточением скандинавов именно в крупных торгово-ремесленных поселениях Северо-Запада и Центра, таких как Старая Ладога, Новгород, Ростов, Суздаль. На Северо-Востоке единственным поселением, где фиксируется присутствие скандинавов (и то в небольшом числе), был Крутик. И именно на Крутике наряду со скандинавским стереотипом значительную долю

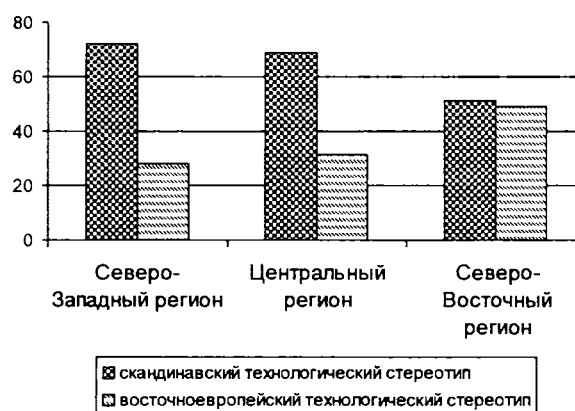

Рис. 2. Соотношение скандинавского и восточноевропейского технологического стереотипа трёхслойного ножа в различных регионах Севера Восточной Европы в период активного функционирования Балто-Волжского пути.

ножей составляли изделия, изготовленные местными мастерами в восточноевропейском варианте.

Рассмотренные нами материалы позволяют заключить, что Балтийско-Волжский путь сыграл не только огромную роль в трансъевропейской торговле, но и способствовал распространению передовых технологий.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-01-00063а

И.Е. Зайцева

Институт археологии РАН

Сплавы цветных металлов Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии: сравнительно-исторический анализ

В последнее время активизировались работы по изучению химического состава цветного металла различных регионов Древней Руси (Э.В. Королева, Н.В. Ениосова, Т.Г. Сарачева). Обобщены все разрозненные старые сведения и получены целые серии новых данных, относящихся к периоду от X до XVI вв. Наиболее полно изучены материалы памятников Северо-Запада Древней Руси. Металл Северо-Восточной Руси исследован значительно хуже. На сегодня детальные картины использования сплавов цветных металлов на протяжении второй половины X – первой половины XIII в. получены только для

северной периферии региона, районов реки Шексны и Белого озера, а также финских могильников Заволочья (Зайцева, 2003) и для области вятичей (юго-западная часть региона; Сарачева, 2001; Зайцева, Сарачева, 2003). Сплавы памятников центра Северо-Восточной Руси пока не подверглись систематическому изучению, известны только небольшие серии образцов разных периодов. Поэтому насущной становится задача формирования базы данных материалов из различных памятников и ее анализа для получения детальной картины использования медных сплавов ювелирами Северо-Восточной Ру-

си и сравнение полученных результатов с данными по сопредельным территориям.

Поскольку Древняя Русь не имела собственных рудных источников цветного металла, одним из главных является вопрос о путях поступления сырья к местным мастерам, и здесь взоры исследователей обращаются к Волжской Болгарии. Многочисленные коллекции предметов из цветных металлов, археологически изученные комплексы, связанные с выплавкой меди и изготовлением металлических украшений, позволили исследователям говорить о Волжской Болгарии как о “своеобразной “ремесленной мастерской” огромной территории” (Белавин, 2001) и одним из значительных источников цветных металлов для древнерусских ювелиров.

Между тем, количество опубликованных на сегодняшний день анализов болгарского цветного металла, на которые опираются многие выводы, пока невелико, и это в большинстве своем материалы золотоордынского времени (Хлебникова; Валиулина, Храмченкова; Недашковский; Валиулина). Становится очевидным, что для проверки гипотезы широкого проникновения Болгарского цветного металла на Русь необходимо иметь более точное представление об использовании металлов и сплавов в самой Волжской Болгарии в разное время. Сопоставление наборов сплавов, бывших в ходу у мастеров Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии, позволит на детальном уровне раскрыть один из важнейших аспектов торгово-экономического взаимодействия двух обширных соседних регионов – торговлю цветными металлами.

Для выполнения этих задач были отобраны серии проб с предметов, изготовленных из сплавов на основе меди. 344 пробы собраны с предметов, обнаруженных на древнерусской территории: 174 образца получено с находок из селищ Суздальского Ополя, 44 образца из раскопок Владимира, 51 из Ярославля, 75 проб с предметов из Старорязанского городища. 322 образца отобрано с находок, происходящих из Волжской Болгарии. Оптико-эмиссионный спектральный анализ по методу трех эталонов был проведен А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры. В работе использованы также все опубликованные данные по этим регионам.

Данные по Суздальскому Ополю и Волжской Болгарии разбиты на массивы, соответствующие хронологическим периодам: X – начало XII вв. и XII–XIII вв. для проб из Ополя и вторая половина VIII – IX вв.; X – начало XII вв.; XII – первая половина XIII вв.; вторая половина XIII – начало XV вв. для проб из Волжской Болгарии. Пробы из Влади-

мира и Ярославля относятся к XII–XIII вв. Этим же временем датируется и большинство образцов из Старой Рязани. Дальнейшая аналитическая работа проводилась внутри выделенных хронологических массивов.

Разбиение объектов на группы осуществлено способом классификации по заранее определенным параметрам, принятой в металловедении (Э.В. Королева, Н.В. Енисова и Т.Г. Сарачева). Ключевым моментом становится обработка данных с различных памятников по единой методике, что позволяет корректно сравнивать полученные результаты. Особенно важно это для цветной металлообработки эпохи средневековья, отличающейся использованием лома.

Основными легирующими компонентами в меди являются олово, свинец и цинк. По их наличию массивы разбиты на группы сплавов. Рассмотрим эти группы.

Материалы второй половины VIII–IX вв. представлены только предметами из Большетарханского и Большетиганского могильников (Волжская Болгария). Их анализ показывает, что наиболее широко в этот период были распространены латуни со средним и высоким содержанием цинка. Бронзы не были в ходу. Для изготовления украшений использовалась как нелегированная медь, так и мешаные сплавы, получаемые от переплавки лома.

Материалы X – начала XII вв. представлены находками с памятников Суздальского Ополя: селищ Сунгирское, Поганое озеро и Большого Давыдовского городища; из Старой Рязани и памятников территории Волжской Болгарии: селищ I Семеновское, Измерское, Мурзихинское, Лаишевское, II и V Старокуйбышевские, городищ Болгар, Сувар, Старокуйбышевское.

В Суздальском Ополе и Старой Рязани группа меди практически отсутствует, а бронзы представлены малым числом объектов. Около 70% предметов составляют латуни, свинцовые и многокомпонентные, со средним и высоким содержанием цинка. Высокое содержание цинка свидетельствует о поступлении свежего металла к мастерам региона. Латуни использовались для изготовления украшений финно-угорского круга, что не соответствует распространенной точке зрения, что финно-угорские мастера традиционно применяли свинцово-оловянную бронзу с высоким содержанием олова.

Сопоставимую картину можно наблюдать на других синхронных памятниках Северной и Северо-Восточной Руси (Сарское городище, Подболотьевский могильник, некрополи Мининского археологического комплекса). Есть материалы

этого времени из Новгорода, Городка на Ловати и др., данные для Прибалтики, Швеции. Практически везде латуни занимают ведущие позиции в цветной металлообработке. Существенно варьируют только концентрации цинка. На общем фоне содержание цинка в сплавах суздальских селищ представляется достаточно высоким. Более сложную картину дает распространение бронз. На большинстве древнерусских памятников бронзы представлены единичными пробами. Больше этих сплавов в Северо-Восточном регионе, где они составляют от 14 до 25%. Выборка из Ополя соответствует общей картине – 12,6%.

Для памятников Волжской Болгарии характерна несколько иная ситуация. Количество латунных предметов здесь значительно меньше – около одной трети находок (лидируют свинцовые латуни со средним и высоким содержанием цинка), значительно по сравнению с предыдущим периодом увеличилось число изделий из бронзы (около 30%). Распространение получили оловянно-свинцовые бронзы с низким и средним содержанием олова и свинца. Преимущественно из них были изготовлены распространявшиеся на большой территории детали поясной гарнитуры. Возможно, поток оловянно-свинцовой бронзы шел в это время из Волжской Болгарии в

Северо-Восточную Русь, что и обусловило более высокий процент бронзовых изделий в этом регионе по сравнению с остальной древнерусской территорией.

К XII–XIII вв. (рис. 1) относятся пробы из Суздальского Ополя (Вишенки III, Кистыш III, Кибол V, Сунгирское селище, Поганое озеро, Подолец), Владимира, Ярославля, Старой Рязани. С территории Волжской Болгарии пробы XII – первой половины XIII вв. происходят из Биляра, Мурзихинского, Остолоповского, II и V Старокуйбышевских селищ.

В этот период в цветной металлообработке Северо-Восточной Руси значительно вырос процент находок, изготовленных из меди (чистой и загрязненной свинцом) и бронз. В группе меди практически на всех памятниках предметы из “чистой” меди и меди, загрязненной свинцом, представлены в сопоставимых количествах, только на селищах Суздальского Ополя преобладают изделия из “чистой” меди. Среди бронз выделяются оловянно-свинцовые бронзы со средним содержанием олова. Количество изделий из латуней и многокомпонентных мешаных сплавов снижается.

Похожее соотношение сплавов наблюдается и в Волжской Болгарии. Основное отличие болгарской

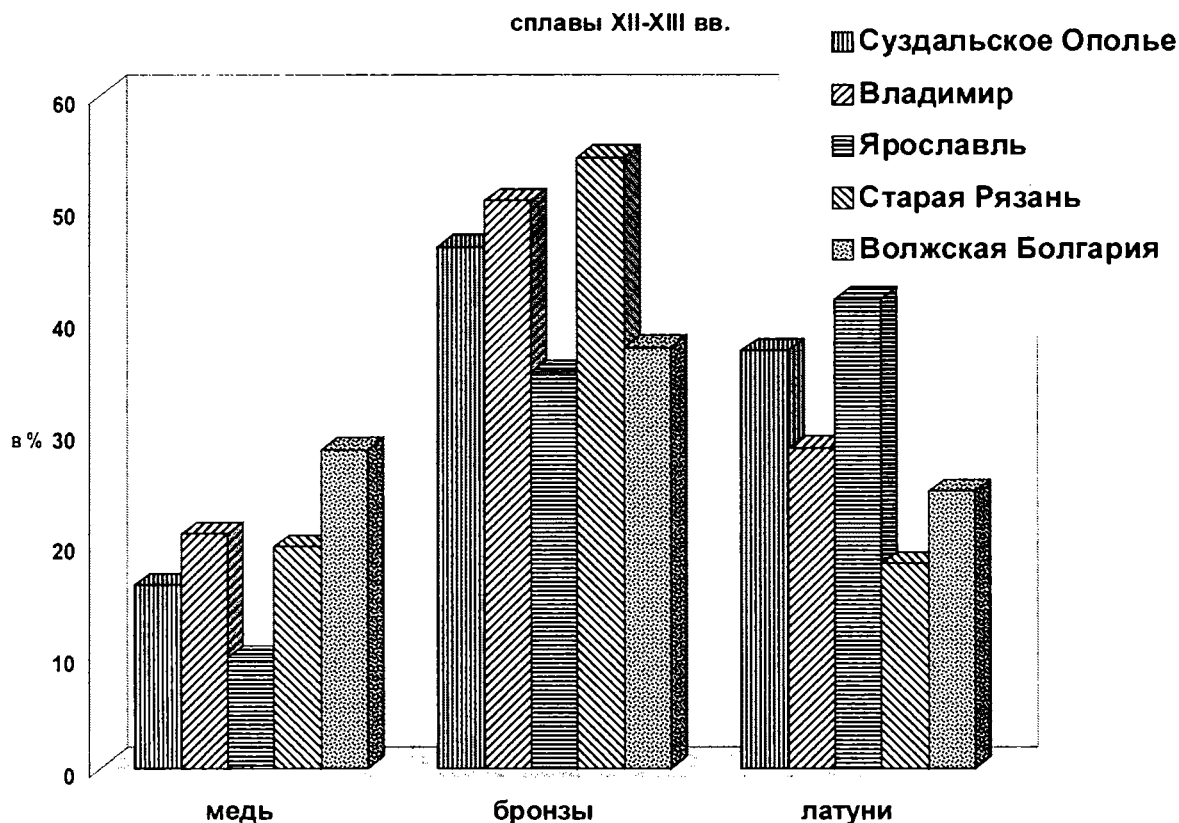

Рис. 1. Распределение сплавов XII–XIII вв.

выборки состоит в том, что здесь в группе меди преобладают предметы из меди, загрязненной свинцом. Широкое распространение меди, загрязненной свинцом и предметов из оловянно-свинцовых бронз на территории Северо-Восточной Руси, а также преобладание этих сплавов в самой Волжской Болгарии позволяют не согласиться с мнением о том, что Волжская Болгария в домонгольский период была одним из основных поставщиков “чистой” меди и оловянной бронзы на Русь (Ениосова и др., 2004). Изделия из “чистой” меди и полученной на ее основе оловянной бронзы более распространены в это время на памятниках древнерусского Северо-Запада.

Вторая половина XIII – первая половина XV вв. К золотоордынскому периоду относятся материалы, происходящие с территории Волжской Болгарии (Болгар, Торецкое селище, Сувар).

Процентное распределение основных групп меди, бронз, латуней и многокомпонентных сплавов не претерпело существенных изменений. В численно увеличившейся группе меди впервые большую долю стал занимать металл, не загрязненный свинцом. Количество латуней продолжает сокращаться, и в этом можно видеть одно из существенных отличий рассматриваемой выборки от известных русских серий. На территории Северной Руси практически везде в это время происходит серьезный рост использования латуней в цветной металлообработке.

Близкие картины распространения сплавов на разных памятниках Северо-Восточной Руси домон-

гольского времени доказывают наличие в это время единого экономического пространства в регионе. Для раннего периода картина представляется более пестрой. Синхронность общей динамики использования сплавов в Волжской Болгарии и Северо-Восточной Руси позволяет считать, что торговля цветными металлами была одной из значительных составляющих торгово-экономических контактов этих соседних территорий, начиная уже с X в. Несколько сокращается она, возможно, только в золотоордынское время.

Белавин А.М., 2001. Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли // Древние ремесленники Приуралья. Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2004. Источники поступления цветных металлов в средневековый Новгород // Новгородские археологические чтения. 2. Великий Новгород.

Сарачева Т.Г., 2001. Новые данные о химическом составе цветного металла украшений вятичей // ВМУ. Серия: исторические науки. СПб.

Зайцева И.Е., 2003. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // РА. № 4.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2003. Цветной металл вятичей в XII–XIII веках (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.

С.Д. Захаров

Институт археологии РАН

Методика реконструкции застройки средневековых поселений (по материалам раскопок белозерских селищ)

Постоянное совершенствование приемов и методов ведения раскопок было и остается одной из важных задач, стоящих перед исследователями, занимающимися любыми историческими эпохами и регионами. Актуальны эти задачи и для средневековой археологии. Среди наиболее эффективных новых подходов, получивших сравнительно широкое распространение в последние десятилетия, следует упомянуть комплексные исследования, ведущиеся на стыке археологии и естественнонаучных дисциплин. Привлечение к полевым работам и интерпретации полученных результатов специалистов

различного профиля – геофизиков, почвоведов, палинологов, остеологов и др. – позволяет существенно обогатить и расширить источниковую базу археологических реконструкций. Расширение круга специалистов-естественников, вовлеченных в археологические исследования, создает практически неограниченные возможности для дальнейшего роста, умножения и детализации наших знаний об историческом прошлом. Поэтому в современных археологических проектах развитию междисциплинарных исследований отводится столь значительное место. Между тем возможности совершенствования

собственно археологических методов и приемов исследования также далеко не исчерпаны, а результаты подобной работы оказываются не менее значимыми для увеличения информативного потенциала археологических источников.

Важность полученных в ходе раскопок вещевых коллекций для любых построений и интерпретаций вряд ли нуждается в особых пояснениях. Именно вещевой материал служит основой для решения подавляющего большинства стоящих перед исследователями задач, а точность и надежность выводов не в последнюю очередь зависят от количества обнаруженных находок. Вместе с тем до недавнего времени количество и набор предметов, собранных при раскопках, обычно рассматривались как некая данность, как объективная реальность, адекватно отражающая все особенности изучаемого памятника, и практически не ставился вопрос о том, какие коррективы в полученную картину может внести изменение методических и технических приемов, применяемых в ходе археологических работ.

Все археологи, ведущие полевые исследования, знают, что часть материала при раскопках неизбежно попадает в отвалы. Благодаря постепенному осознанию недопустимости подобной ситуации в ходе раскопок все чаще стали использовать разнообразные технические устройства для более полного извлечения находок из культурного слоя. Довольно широкое распространение получили металлодетекторы, позволяющие значительно увеличить размеры вещевых коллекций, собираемых на памятниках. Между тем, эти приборы имеют один весьма существенный недостаток – избирательность действия. В результате в вещевом наборе, собранном при масштабном использовании детекторов, искусственно завышается доля металлических предметов, коллекция утрачивает репрезентативность и не может адекватно отразить все особенности материальной культуры памятника.

Подобных изъянов лишен другой методический прием – просеивание и промывка культурного слоя на мелкоячеистых металлических сетках или промывочных столах. В полевой археологии этот метод известен давно. Его зарождение можно связывать с периодом становления русской археологии, поскольку сита были включены в состав обязательно раскопочного инвентаря еще в середине XIX в. при первых исследованиях владимирских курганов. Данный метод с большим успехом применяется при изучении памятников эпохи первобытности, а в последнее время стал все чаще использоваться и в средневековой археологии.

Значительный опыт использования сит для про-

мывки и просеивания культурного слоя средневековых поселений был накоплен в ходе работ Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН в Вологодской области. Как показывают результаты этих исследований даже при высоком качестве ведения раскопок по традиционной методике значительное количество артефактов обнаружить не удастся – в отвалах оказывается от 50 до 80% всех находок, содержащихся в слое. Безусловно, в первую очередь это касается небольших по размерам предметов и их обломков. Так, на селищах Мининского комплекса на 648 бусин, найденных при раскопках приходится 1155 экземпляров, полученных при промывке. На селище Никольское V непосредственно в раскопе обнаружено 74 бусины, а при промывке еще 415. Однако среди наиболее крупных вещей, обнаруженных при промывке слоя, имеются целые ножи, железные гвозди, клинья, височные кольца и т.д., а ценность многих находок определяется не только их размерами, или степенью сохранности.

Вместе с тем, сами работы по промывке слоя потребовали значительных временных и трудовых затрат. Поэтому в Минино было промыто и просеяно лишь около трети общего объема исследованных напластований. На селище Никольское V слой удалось промыть полностью, но площадь раскопа была весьма скромной – 35 кв.м. Поэтому не может не возникнуть закономерный вопрос – что принципиально нового дает столь трудоемкий процесс для нашего понимания прошлого, помимо новой сотни или даже тысячи бус или других мелких и фрагментированных предметов, подавляющее большинство которых относится к обычным и хорошо известным типам.

При ответе на него в первую очередь следует подчеркнуть, что благодаря более полному сбору всех видов содержащихся в культурном слое артефактов более рельефно и четко проявляются реальные особенности материальной культуры исследуемых поселений, а значимое увеличение общих размеров коллекций резко повышает статистическую надежность выявляемых особенностей и закономерностей. Так, благодаря промывке удалось надежно установить тот факт, что стеклянные бусы играли весьма заметную роль в материальной культуре мининцев на всем протяжении существования селищ и достаточно обоснованно связать его с активным вовлечением сельских жителей в пушной промысел и пушную торговлю.

Кроме того, важно отметить, что при промывке удастся существенно увеличить количество не только индивидуальных находок, но и всех категорий массового материала – фрагментов керамики и печной обмазки, кальцинированных и необожженных

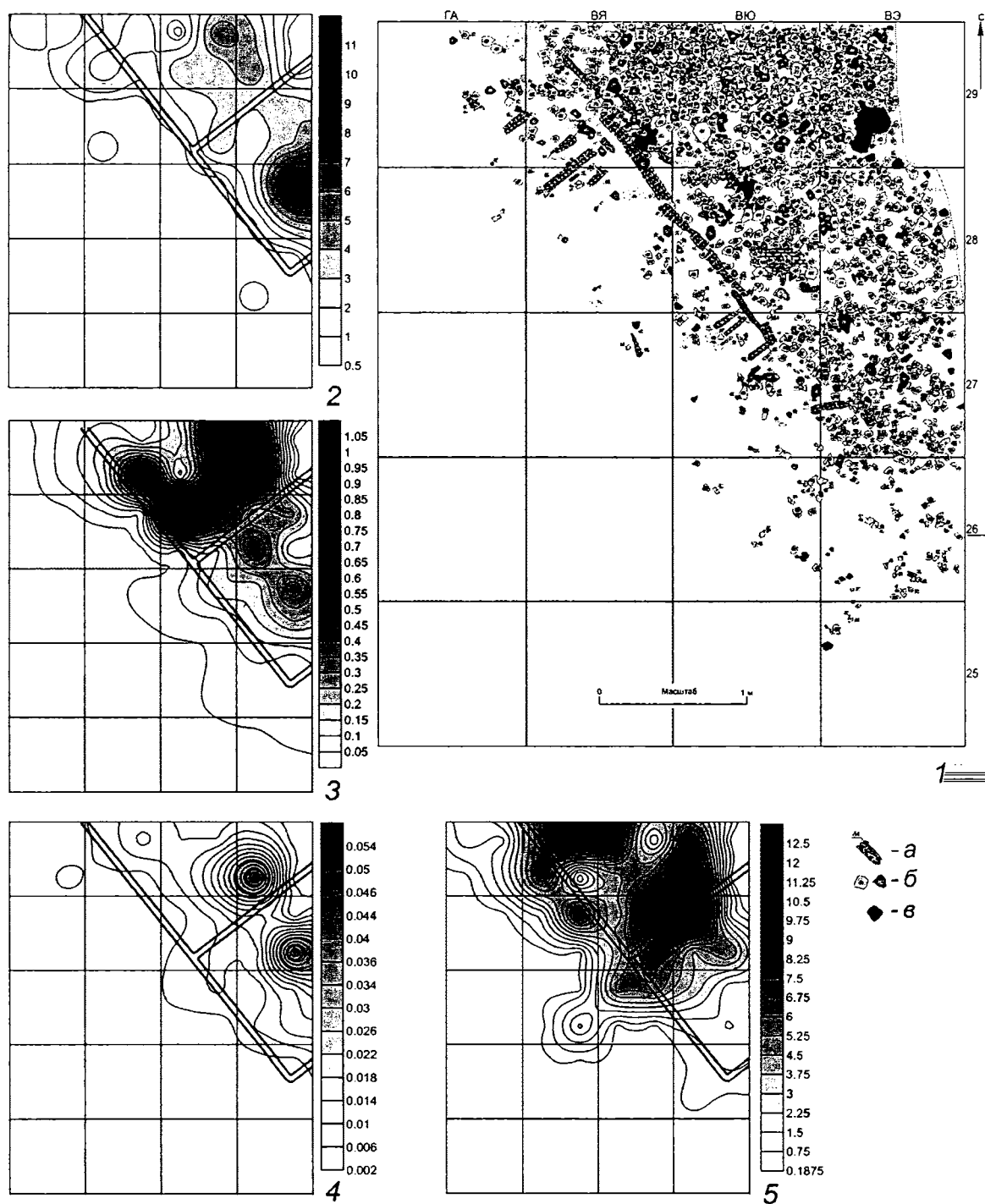

Рис. 1. Реконструкция жилой постройки из нижнего горизонта селища Никольское V на основе планиграфического анализа распределения различных групп находок. 1 – план части раскопа с остатками постройки; а – фрагменты обугленного дерева от постройки; б – печные камни; в – фрагменты керамики; 2 – б – плотность распределения различных категорий материала в горизонте обитания постройки: 2 – вещевые находки (предметов на 0,25 кв. м); 3 – керамика (килограмм на 0,25 кв. м); 4 – печная обмазка (килограмм на 0,25 кв. м); 5 – кальцинированные кости (грамм на 0,25 кв. м).

костей животных и рыбы. Osteологические коллекции, собранные таким способом, позволили получить новые данные о системе жизнеобеспечения

средневекового коллектива. В частности – установить реальную роль белки в структуре промысловой добычи и динамику ее изменения во времени.

Но еще важнее подчеркнуть тот факт, что все эти материалы оказались весьма важны и необычайно информативны для решения целого круга самых разнообразных проблем, в том числе, связанных с вопросами реконструкции внутренней структуры и общего облика жилых и хозяйственных построек, особенностей застройки и планировки изучаемых поселений.

Проблемы реконструкции построек и застройки средневековых селищ до сих пор остаются одной из слабо разработанных в древнерусской археологии тем. Это объясняется не только относительно небольшим объемом раскопок, проведенных на сельских поселениях. Дело в том, что основная масса древнерусских селищ – это памятники с незначительным по мощности “сухим” культурным слоем, в котором остатки дерева от построек практически не сохраняются. К тому же многие памятники существенно пострадали от многолетней распашки. В этих условиях очень редко удается однозначно определить даже границы, тип и общие размеры выявляемых построек, а восстановление особенности внутренней планировки жилых домов и сооружений становится непосильной задачей.

Наиболее эффективным способом решения данного комплекса вопросов стал планиграфический анализ распределения различных категорий материала в напластованиях, относящихся ко времени существования построек. Данный метод с успехом применяется при исследованиях ряда верхнепалеолитических памятников. Не менее результативным он оказывается и при изучении средневековых поселений. В его основе лежит признание того факта, что хотя находка (а, соответственно, и потеря) любого отдельного предмета представляет собой

некоторую цепочку случайностей, совокупность находок отражает определенные закономерности в формировании культурного слоя, его отложении или переотложении.

Итоги раскопок одного из селищ мининской группы – селища Минино I – предоставили уникальные возможности для апробирования этой методики на средневековых поселениях. Здесь, благодаря относительно хорошей сохранности дерева в нашем распоряжении оказались несколько построек с достаточно четко восстанавливаемой внутренней структурой. Детальный анализ изменения плотности залегания вещевых находок, керамики, костей животных и рыбы, фрагментов печной обмазки и печных камней внутри и за пределами таких построек позволили выявить ряд закономерностей в пространственном распределении различных групп материала. Эти закономерности были с успехом применены при реконструкции целого ряда построек, отличающихся худшей сохранностью, как на этом, так и на других селищах Белозерья (рис. 1). Планиграфический анализ оказался достаточно эффективным инструментом не только для реконструкции построек. Интересные результаты удалось получить и при попытках выявить особенности использования отдельных участков территории селища и восстановить его общую структуру.

Таким образом, широкомасштабная промывка культурного слоя и всесторонняя обработка полученных материалов позволяют извлечь из культурного слоя обычных древнерусских селищ качественно новую информацию, способную обеспечить иное, более глубокое и детальное видение узловых проблем становления и развития северной деревни

С. С. Зозуля

Государственный исторический музей, Москва

Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв.

Традиционно понятие «курганы Ярославского Поволжья» включает в себя 3 курганные группы, расположенные у деревень Б. Тимерево, Михайловское и Петровское на территории Ярославского района Ярославской области. Их объединяют на основании относительно компактного расположения в регионе в целом (Ярославское течение Волги, на расстоянии от 10 до 12 км от города), времени существования

(рубеж IX/X – начало XI в.), сходстве погребального обряда и инвентаря, отражающих близость исторической судьбы и этнического состава оставившего их населения.

История изучения этих курганов насчитывает около 130 лет, но особенно активный период приходится на конец 50-х – 80-е гг. XX в., в течение которого производились наиболее масштабные раскопки

ки. В результате многолетних исследований собран богатый разнообразный археологический материал, который является ценным источником по истории Северо-Восточной Руси эпохи раннего средневековья.

Материалы ярославских курганов неоднократно использовались в работах, как общего, так и специального характера. Накопленные к этому времени коллекции предметов вооружения были учтены в специальных работах, посвященных вооружению Древней Руси (Кирпичников, 1966, 1966а, 1971, 1973; Медведев, 1966). Несколько работ целиком посвящены предметам вооружения из Ярославских некрополей (Недошивина, 1963; Кирпичников, Дубов, 1982; Недошивина, 1991; Дубов, 1999). К сожалению, предметы вооружения рассматриваемых могильников так и не были собраны в единый свод, а некоторые определения типов в публикациях не верны.

На данный момент известно не менее 726 раскопанных курганов во всех трех некрополях (427 в Тимерево, 173 в Михайловском и 126 в Петровском). На основании коллекций, хранящихся в запасниках музеев, существующих публикаций и архивных материалов удалось выявить 85 курганов (89 погребений), содержащих предметы вооружения: 45 погребений с наконечниками стрел (67 наконечников), 8 погребений с фрагментами сложносоставного лука, 21 погребение с боевыми топорами, 7 погребений с металлическими фрагментами колчана, 12 погребений с мечами (или деталями рукояти), 3 (?) погребения с наконечниками ножен меча, 3 погребения с скрамасаксами, 8 погребений с наконечниками копий, 4 погребения с фрагментами кольчужного плетения, 1 погребение (?) с 16-ю оковками щита,

1 погребение, содержащее в инвентаре шлем (при ближайшем рассмотрении его фрагменты оказались деталями котла). Итого – 89 погребений содержали 151 предмет вооружения. К сожалению, часть коллекций безвозвратно утрачена, часть депаспартизована. На основании современной сохранности коллекций удалось ознакомиться лично и учесть 134 предмета (табл. 1).

Мечи, представленные 11-ю экземплярами, распределяются по типами D, H, E, V, W, X. Меч типа D найден в кургане 1/1902 Михайловского могильника. Меч, неоднократно привлекавший исследователей в нашей стране и за рубежом, безусловно, является шедевром ювелирного искусства. Тип H, представленный также одним экземпляром, происходит из кургана 295 Тимерево некрополя. Мечи типа E найдены дважды. Первый в кургане 18/1897 Михайловского могильника. Второй обнаружен в 1976 г. экспедицией ЛГУ на месте распаханного кургана Тимерево некрополя. По типологии С.Ю. Каинова меч из Михайловского относится к варианту E-1 (наиболее распространенному). Меч из Тимерево относится к варианту E-4. Известен всего один экземпляр этого варианта (Каинов, 2001). Мечи типа V найдены в Ярославском Поволжье трижды: курган 1/1898 и случайная находка 1899 в Михайловском и курган 38 в Петровском (это единственный меч, найденный в могильнике). Таким образом – это наиболее многочисленный тип мечей, найденных в Ярославском Поволжье. В Петровском могильнике от меча сохранилась только головка навершия, причем сильно коррозированная. К типу V меч отнесен исходя из трехчастного деления головки навершия и ее материала (железо). Судить о декоре невозможно, необходима реставрация. Мечи типа W обнаруже-

Таблица 1. Предметы вооружения, учтенные в работе.

	Тимерево	Петровское	Михайловское	Всего
Мечи	4	1	7	11
Наконечники ножен меча	2		1	3
Скрамасаксы	1		2	3
Копья	1		3	4
Топоры	11	7	2	20
Кольчуги	4			4
Стрелы	34	9	17	60
Лучные накладки	4	1		5
Колчаны	5	1	1	7
Оковки щита			16	16
Всего	66	19	49	134

ны дважды – в курганах 100 и 287 в Тимерево. При условии сравнительной редкости мечей этого типа (8 экземпляров за рубежом и единственный экземпляр на Древнерусской территории в Шестовицах) обнаружение сразу двух экземпляров в Тимерево кажется крайне интересным фактом. Мечи типа Х найдены дважды (курганы 10/1897 и 34/1898 в Михайловском могильнике). Этот тип мечей широко распространен, стоит отметить тонкую полосу дамасской стали, наваренную по долу меча из кургана 10/1897.

Наконечники ножен мечей обнаружены в курганах 1/1898 Михайловского и 274 Тимерево некрополей. Еще один наконечник найден на территории Тимерево курганной группы случайно, в 1961 г. Все наконечники ажурные, отлиты из медно-го сплава. Наконечник из кургана 274 Тимерево некрополя представлен оплавленным фрагментом и неопределим. Наконечник из кургана 1/1898 соответствует шведско-варяжской группе с «птичьим мотивом» типу I-2b по П. Паульсену (подгруппа В-2 варианта В-2-2 по Н.В. Ениосовой, группа I тип II

по С.Ю. Каинову), случайно найденный наконечник из Тимерево относится к тому же типу по П. Паульсену, но относится к типу В-I-1 по Н.В. Ениосовой и варианту 1 типа 1 группы 1 по С.Ю. Каинову (Paulsen, 1953; Ениосова, 1994; Каинов, 2008).

Скрамасаксы найдены в Ярославском Поволжье трижды. От скрамасака из кургана 18/1897 Михайловского могильника остался обломок лезвия. Боевой нож, случайно найденный на территории Михайловского в 1899 г., представлен целым клинком и череном рукояти. Наиболее интересен скрамасак из кургана 295 Тимерево, где обнаружен сломанный надвое клинок, металлические и кожаные детали ножен. Полную аналогию ножнам удалось найти в погребении 944 Бирки, однако в нашем случае удается восстановить даже цвет кожи ножен – черный.

Архивные данные указывают на содержание наконечников копий в 8 погребениях. В коллекциях ГИМ сохранилось лишь 4 экземпляра. Копье из кургана 100 Тимерево некрополя относится к типу III. Наиболее многочисленный – тип V. Он представлен двумя экземплярами (курганы 34/1898 (погребение I) и 44/1898 Михайловского могильника). Копье типа VII найдено в кургане 8/1898 Михайловского некрополя.

Топоры обнаружены в 21 кургане, в выборку вошло 20 экземпляров (представлены 7-ю типами) Наиболее многочислен тип I – 10 экземпляров (курганы 36, 104, 109, 173, 450, 437 Тимерево некрополя, 6, 21, 41 Петровского и 7/1938 Михайловского). Тип Ia встречен 2 раза в курганах 458 Тимерево и 71 Петровского могильников. Тип II (3 экз.) представлен в курганах 19 в Тимерево, 32 в Петровском и 10/1897 в Михайловском. В кургане 241 Тимерево некрополя обнаружен единственный экземпляр топора типа III. К типу IV относятся топоры из курганов 448 в Тимерево и 9 в Петровском. Единственный топор типа V найден в кургане 55 Петровского могильника. Топор типа VI, тоже единственный, обнаружен в кургане 417 Тимерево некрополя.

Лучные накладки были обнаружены в 8 погребениях. Однако предмет из кургана 433 в Тимерево, по моему мнению, нельзя однозначно определять подобным образом. Все сохранившиеся или известные по публикациям накладки относятся к боковым накладкам рукояти, причем не найдено ни одного целого экземпляра. Накладки обнаружены в курганах 47, 85, 290, 349, 355, 365 в Тимерево и насыпи 38 в Петровском. Накладки из курганов 349, 355 и 365 уже, вероятно, утрачены.

Детали колчанов найдены 5 раз в курганах Тимерево некрополя (83, 85, 100, 137, 206) и по

Таблица 2. Наконечники стрел курганов Ярославского Поволжья.

Курганная группа	Тимерево	Петровское	Михайловское	Всего		
Общее количество	35	11	21	67		
Тип неизвестен	7	3	7	17		
Типы наконечников стрел по А.Ф. Медведеву	Трехлопастные	15/2	287	73	2	
		29	171		1	
	Плоские	41/1	46 134 360 374 383 420	59 (2) 76	2/1897 10/1897 (2) 2/1938	13
		46	134 325		216/1961	3
		52		69		1
		58	208		12/1938	2
		59			1/1902	1
		62/1	5 351a			2
		62/2	52 302 304 374		10/1897 (2) 11/1898 44/1898 3/1961	9
		75/1	390		10/1897 11/1898	3
		76/1	85			1
		77/1	54			1
		80	149			1
		82	85 (7)	59 111 (2)		10
		90	459			1

одному разу в Михайловском (34/1898) и Петровском (38). Наиболее полный набор деталей найден в кургане 85 в Тимерево, где обнаружены 2 петли, оковка днища, оковка горловины и колчаный крючок. В остальных погребениях находки деталей не составляют полного комплекта.

Наконечников стрел найдено не менее 67 шт. Однако часть вещевого материала отнесено к данной категории условно (обломки), а часть утрачено. На сегодня можно говорить о 50 наконечниках, поддающихся типологическому определению (табл. 2). Стрелы из кургана 100 Тимеревского могильника (2 экземпляра) не удалось соотнести ни с одним типом. Возможно, массивный черешковый экземпляр «с крылышками» относится к сулицам.

Кольчужное полотно найдено в 4 курганах Тимеревского некрополя (100, 140, 166, 209). В кургане 100 кольчужное полотно обнаружено в разрешенном впускном погребении, не имевшем отношения к знаменитой камере (другого инвентаря не сохранилось). В трех других случаях кольчужное полотно обнаружено в погребениях, инвентарь которых может свидетельствовать о том, что захоронения могли быть и женскими. Наилучшей сохранности полотно из кургана 140, где удалось проследить 11 рядов колец, их форму и сечение. В остальных случаях по-

лотно представляет из себя практически спекшуюся массу колец.

Детали щита представлены в Ярославском Поволжье 16-ю оковками, предположительно найденными в кургане 1/1902 Михайловского могильника. Пластины представляют собой небольшие (ок. 6,5 см) пластинки, согнутые пополам, крепившиеся к краю поля щита с двух сторон 2-мя небольшими заклепками каждая. Подобная форма и размер совершенно стандартны как для Древнерусской территории (Гнездово, Шестовицы) так и для Скандинавии (Бирка).

Таким образом, комплекс вооружения Ярославского Поволжья представлен целым рядом категорий, состав его интересен и уникален. Большинство предметов вооружения укладываются в существующие типологии.

Хочется обратить внимание на различия Тимеревского, Петровского и Михайловского могильников. В Михайловском гораздо более богатый и разнообразный набор вооружения. Одновременно крайняя однообразность и скудность (за исключением кургана 38) вооружения в Петровском некрополе ставит под вопрос определения его как «дружинного», принятого в современной историографии.

В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН

Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмосковье)

При обработке материалов археологических раскопок в разных регионах России применяются различные методики проведения статистики керамики, но в большинстве случаев исследователи ограничиваются подсчетом количества фрагментарного материала без выделения групп и типов керамики. В Москве и Подмосковье используются несколько групп, дифференцированных по цвету черепка, выделенных исследователями (М.Г. Рабинович, Р.Л. Розенфельдт) еще в середине XX в. и несколько модифицированных во второй половине столетия трудами С.З. Чернова, Л.А. Беляева, И.А. Бойцова и др. Отсутствие информативности (и дальнейших перспектив для исследований) у такого подхода давно стали очевидны. Для получения существенно большего

объема информации из археологического керамического материала нами были разработаны 2 системы статистического учета керамики – более подробная (используемая пока в основном для керамики Рязанской земли) и упрощенная (адаптированная для керамики Москвы и Подмосковья)*. Последняя успешно применялась нами при обработке керамики Настасьинского поселения XII–XV вв. близ Коломны (Коваль, 2004), а в настоящее время используется при работе с керамикой из новых раскопок в Москве (М.А. Молошникова) и Дмитрове (К.И. Панченко). Основные положения этой методики опубликованы (Коваль, 1999. С. 123–130; 2004. С. 21–24). По этой же методике нами проводилась статистическая обработка керамики селища Мякинино-1, раскопки ко-

того проводились Подмосковной экспедицией Отдела охранных раскопок Института археологии РАН в 2003–2006 г. (нач. экспедиции А.В. Энговатова).

Суть новой (для Москвы и Подмосковья) методики статистики заключается в следующем:

1) Наиболее значимым признаком группировки археологической керамики принят не цвет черепка (этот признак также фиксируется, но на более низком уровне группировки), а состав формовочной массы, дифференцируемый по наличию дресвы (остроугольных включений кристаллических пород)**, песка (окатанных включений) либо отсутствию визуально фиксируемых примесей. После разделения массива керамики на три группы по этим признакам проводится их дробление на типы по признакам цвета черепка, свидетельствующего о способе обжига (восстановительном или окислительном) и степени ожелезненности использованной глины, и дополнительной обработки поверхности (лощением, ангобом, глазурованием).

2) Внутри каждого типа керамики определяются (и подсчитываются) типы днищ (по следам подсыпок на гончарный круг); венчиков (по упрощенной морфологической схеме) и орнаментов (по способу нанесения и рисунку).

В результате этих несложных операций удается получить небольшой по объему, но качественно новый (для изучаемой керамики) объем информации, который позволяет давать характеристику как отдельным типам, так и группам керамики по целому ряду признаков, которые раньше учитывались лишь на уровне экспертной оценки, но не бывали представлены в количественном выражении.

Рассмотрим некоторые итоги статистической обработки керамики селища Мякинино-1, на котором была вскрыта площадь 10300 кв. м. По результатам раскопок селище датировано серединой XII – XV вв. Культурный слой на селище в основном перепахан, материал сохранился в 843 заглубленных в материк объектах. За время работ на памятнике статистической обработке по новой методике было подвергнуто 29120 фрагментов керамики. Однако оказалось, что лишь 58 комплексов (из 843) содержали статистически репрезентативное количество керамических фрагментов (более 200 шт.), а остальные включали существенно меньшее их число, часто всего 5–10 образцов. Для датировки керамических комплексов использовались независимые источники данных (датирующие вещевые находки, данные стратиграфии), однако главное внимание было уделено датирующим признакам самой керамики. Все это позволило составить предварительное распределение керамических комплексов на 7 хронологических

периодов протяженностью в 50 лет (с середины XII в. по вторую половину XV в. включительно). На первом этапе исследований для каждого из этапов были отобраны «образцовые» комплексы, содержавшие более 400 обломков керамики, которые гарантировали выводам максимальную статистическую достоверность. По данным этих комплексов были построены графики значений различных признаков (рис. 1: 2).

Впервые для ближнего Подмосковья были получены данные о распространении в комплексах керамики из формовочных масс с примесями дресвы и песка (рис. 1). Оказалось, что керамика без примесей дресвы (т.е. только с песком в тесте) была распространена на селище в середине – второй половине XII в., когда ее доля в комплексах колебалась от 40 до 50 %. Такая керамика изготавливалась из беложгущихся глин, а само ее появление в Подмосковье можно связывать с миграцией сюда (предположительно, в район Звенигорода) большой группы южнорусского по происхождению населения, принесшего необычную для зоны расселения кривичей и вятичей традицию изготовления керамики, уровень технологического совершенства которой был существенно выше, нежели у окружающего населения (Коваль, Хижняков, 2005. С. 153–183; Коваль, 2008. С. 161–180). По этому признаку керамика селища Мякинино-1 существенно отличается от материалов древней Москвы, где посуда из формовочных масс с примесью мелкого песка (но без добавок дресвы) известна лишь в виде единичных находок. Вероятно, в Москве XII в. южнорусские переселенцы составляли незначительную долю жителей, а изготавливавшаяся ими керамика не получила там широкого распространения.

Уже к первой половине XIII в. на исследованном памятнике керамика «южнорусской» традиции выходит из употребления: ее доля в комплексах снижается до 5–10%, а целые формы и развалы сосудов перестают встречаться. Вероятно, вся эта керамика попадала в комплексы этого времени уже в переотложенном состоянии, а производство подобной посуды прекратилось. Во второй половине XIII–XIV вв. на памятнике использовалась только традиционная для Москвы и Москворечья керамика из формовочных масс с добавками дресвы. Лишь в первой половине XV в. появляется керамика, тесто которой не содержало дресвы, но количество ее в комплексах еще очень мало (около 5 %), причем большую ее часть составляла лощеная керамика из ожелезненных глин (так называемая «московская краснощеная» посуда). Но только во второй половине XV в. керамика из формовочных масс без

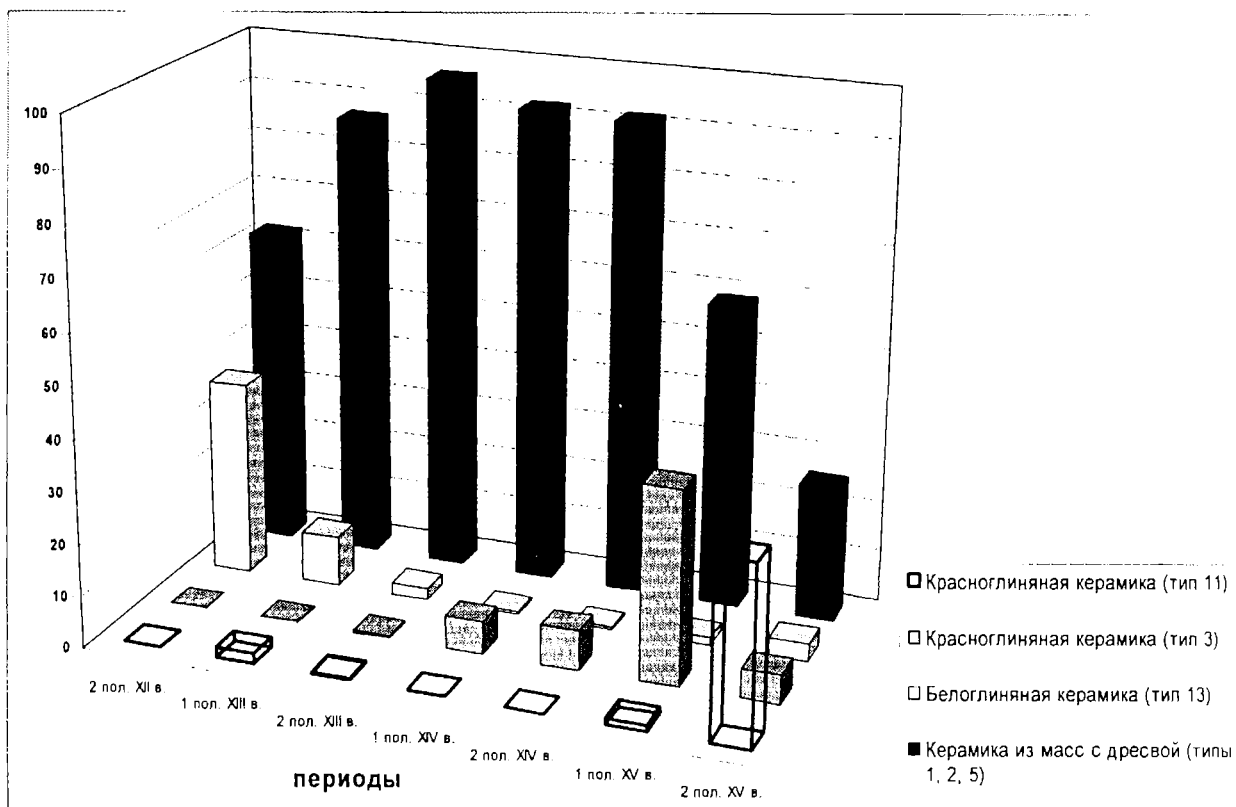
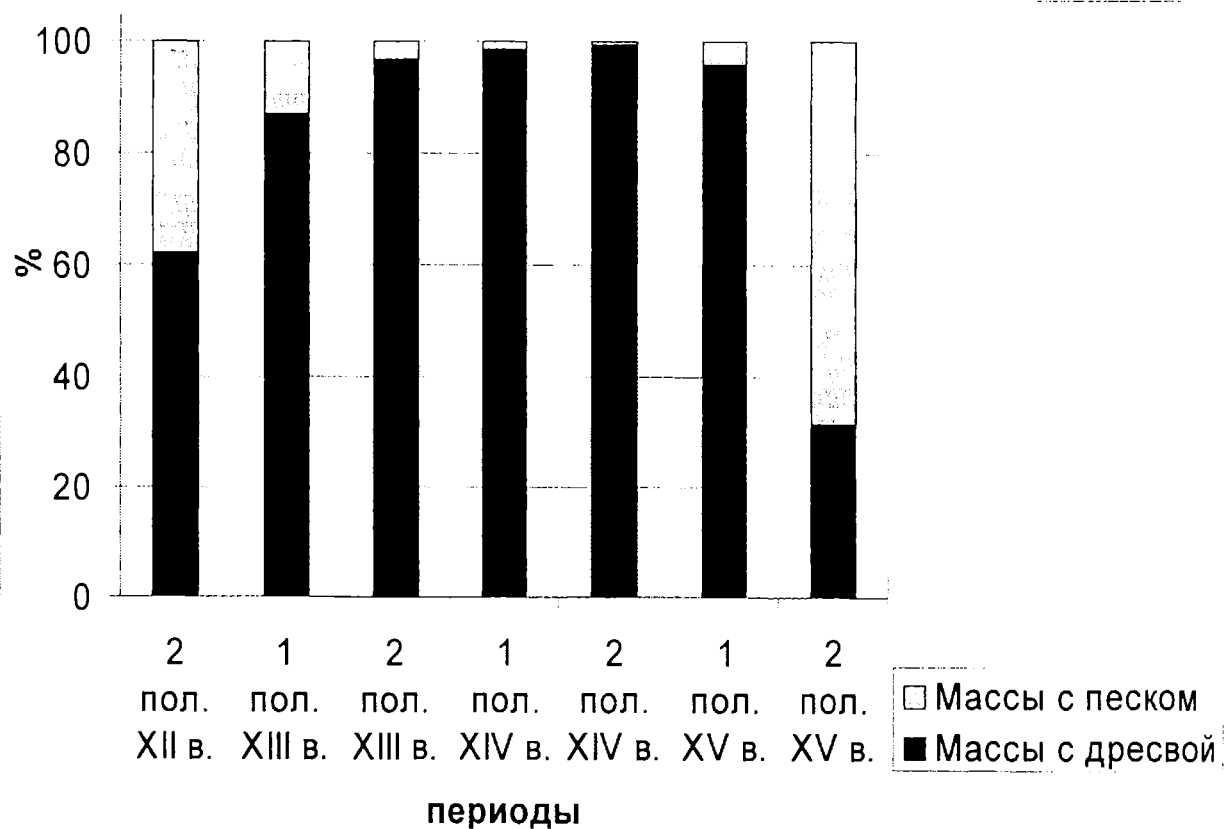

Рис. 1. Основные типы керамики селища Мякино-1.

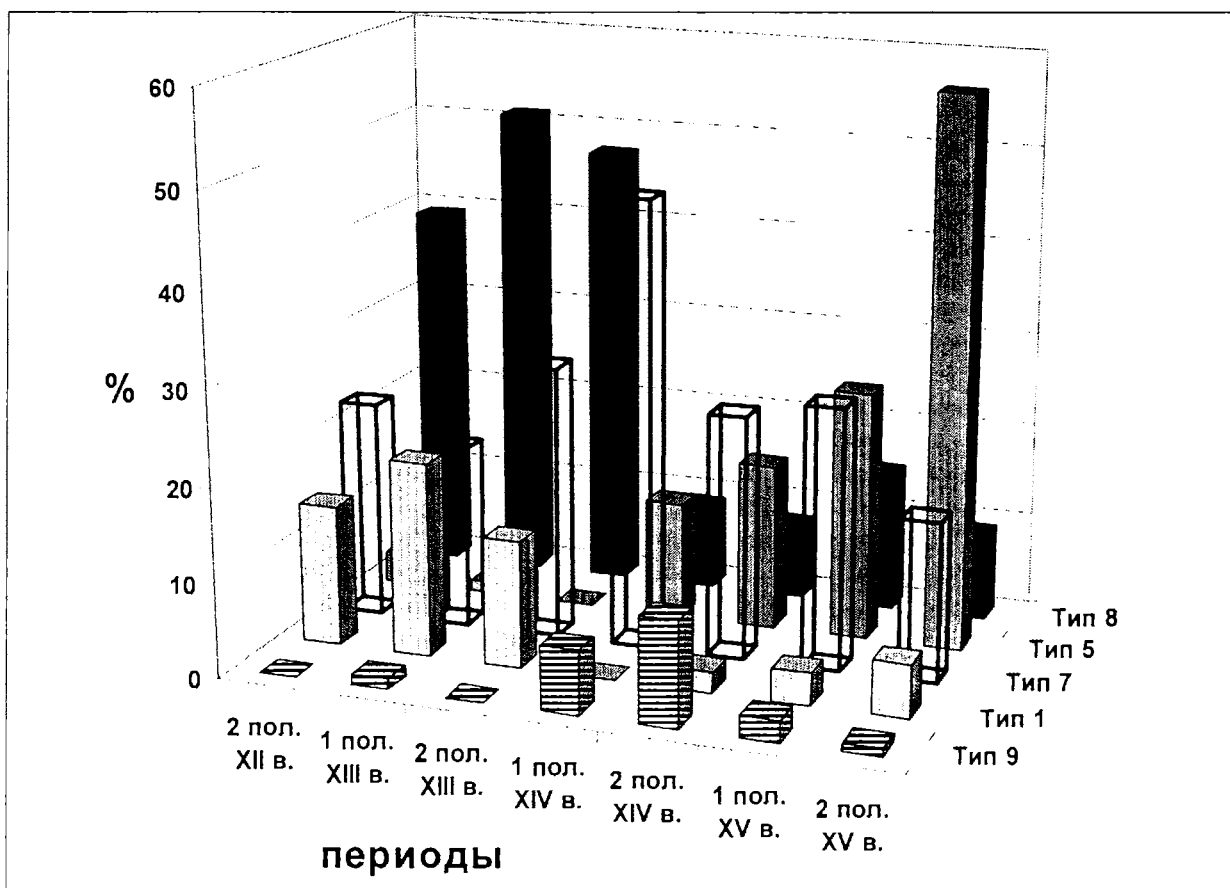
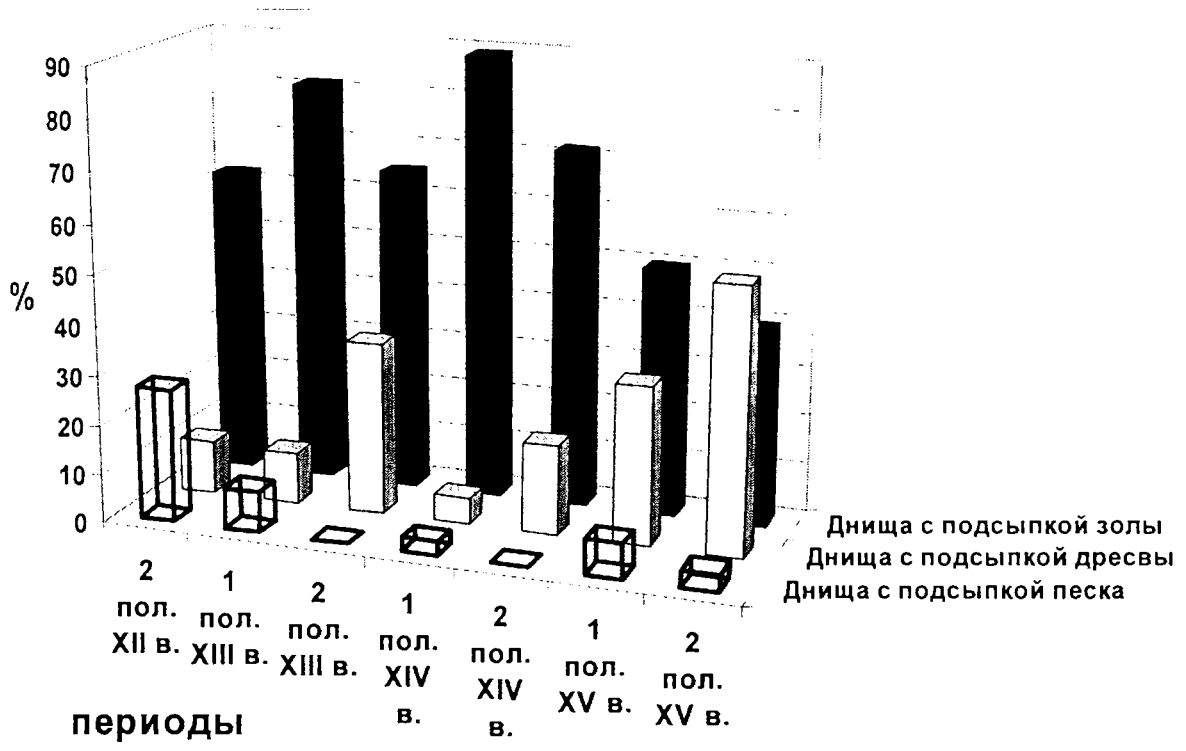

Рис. 2. Типы днищ и венчиков в керамике селища Мякинино-1.

добавок дресвы начинает абсолютно доминировать (до 70 % материалов комплексов). В отличие от домонгольского периода, теперь формовочные массы по рецепту «глина + песок мелкий» готовятся уже только из ожелезненных (красножгущихся) глин.

Полученные выводы можно уточнить, если перейти от групп керамики к типам (см. выше). Благодаря выделению типа 3 (керамики из красножгущихся глин с незначительной (до 5 % объема массы) добавкой дресвы) стало очевидно, что переход от «дресвяных» масс к «песчаным» проходил эволюционно (рис. 1): керамика этого «переходного» типа появилась еще в первой половине XIV в., но только в первой половине XV в., ее доля в комплексах стала достигать 40 %. Во второй же половине XV в., с торжеством новой технологии (изготовления керамики из масс без примесей дресвы), «переходная» керамика почти полностью исчезает. Появление керамики «переходного» типа 3 надо связывать со сдерживающим фактором старой традиции: дресва стала добавляться в формовочную массу в «символическом» количестве (когда ее ничтожное количество уже никак не могло влиять на свойства теста), просто в силу освященной вековым опытом «привычки».

Изучение типов днищ горшков в том же наборе комплексов показывает следующую динамику (рис. 2): во второй половине XII в. доминировали днища на зольных подсыпках (до 60 % всех днищ), характерные для керамики из «дресвяных» формовочных масс, т.е. изготовленной в кривичско-вятичских традициях Московичья. В то же время, были распространены днища на песчаных подсыпках типа 3 (в силу того, что именно такие подсыпки использовались при изготовлении светлоглиняной керамики «южнорусской» традиции). Днища на подсыпках дресвы в этот период встречались редко. На протяжении XIII–XIV вв. днища на песчаных подсыпках исчезают (вместе с «южнорусской» традицией), но растет доля днищ на подсыпках дресвы (колебания в соотношении зольных и дресвяных подсыпок можно объяснять индивидуальными особенностями «образцовых» комплексов). Наконец, в XV в. тенденция к замене зольных подсыпок на дресвяные торжествует (при уменьшении количества и размерности дресвы в составе подсыпок) и вновь появляются песчаные подсыпки.

Данные по венчикам горшков демонстрируют смену одних типов другими (рис. 2). Преобладающими разновидностями венчиков во второй половине XII – первой половине XIII вв. выступали сильно профилированные формы с валикообразным краем (тип 8), а также в виде цилиндров или «низ-

ких конических воронок» (тип 1), которые в более поздних комплексах встречаются в заметном количестве (8–12 %) исключительно из-за попадания в них ранней керамики при засыпке объектов культурным слоем. Одновременно бытовали венчики сглаженной профилировки с уплощенным (овальным в сечении) краевым валиком, формовавшимся заворотом «чернового края» внутрь сосуда (тип 7). Наибольшее распространение такие венчики получают в эпоху после монгольского нашествия (вторая половина XIII – первая половина XV вв.). В первой половине XIV в. их доля достигла своего максимума – 40% всех венчиков горшков. XIV век был также временем наивысшего распространения венчиков типа 9 (с заворотом «чернового края» во внешнюю сторону). На смену всем этим типам приходят венчики с «подтреугольным» оформлением края (тип 5), которые появляются в XIV в. Их доля постоянно растет и ко второй половине XV в. такие венчики составляют более 1/2 всех венчиков горшков в комплексах (а с учетом присутствия в тех же комплексах переотложенной керамики можно говорить об абсолютном доминировании этих венчиков).

Здесь представлены лишь некоторые, наиболее яркие результаты применения новой методики исследования керамических комплексов, которыми возможности последней не исчерпываются. Помимо общей характеристики керамических комплексов, такой же анализ можно провести для керамики каждого конкретного типа, что позволит не только составить объемное представление об их отличительных чертах, но и проследить изменения, происходившие в технологии изготовления, морфологии и декоре*** керамики этого типа. Перекрестное же сравнение характеристик разных типов керамики позволит проследить взаимовлияние, оказывавшееся друг на друга разными керамическими традициями и даже направлениями внутри одной традиции.

* Эта система применяется для керамики Ростиславля и Переяславля Рязанских, в также В.В. Черкасовым для керамики Коломны.

** В случае наличия в формовочной массе образца дресвы эта примесь рассматривалась как главная (типообразующая), а все остальные примеси искусственного и естественного характера (предел всего – песок) – как дополнительные.

*** Декор керамики в данной работе не рассматривался из-за ограниченности ее объема.

Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.3. Тверь.

Коваль В.Ю., 2004. Исследование керамического материала // Энговатова А.В. и др. Средневековое поселение Настасьино / Труды Подмосковной экспедиции. Т. 2. М.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые посе-

ления в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII в.) // Археология Подмосковья. Вып. 2.

Коваль В.Ю., 2008. Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион // Археология Подмосковья. М. Вып. 4.

К.Ю. Красильникова

НПО «Северная археология-1», Нефтеюганск

Происхождение каркасных наземных жилищ аборигенов субарктики Западной Сибири*

На сегодняшний день, каркасные жилища аборигенов субарктики Северо-Западной Сибири – чумы, не смотря на кажущуюся наглядность и распространённость в изданиях нельзя считать полностью изученными с архитектурной точки зрения. Отсутствуют достоверные материалы о времени и истории происхождения таких построек. Нет научных публикаций архитектурных обмеров и чертежей серии подобных жилищ, которую можно было бы использовать для сравнительного историко-архитектурного анализа.

В настоящее время большинством исследователей используются этнографические описания, серия внемасштабных схем, рисунков и фотографий построек. Одними из лучших описательных работ по каркасным постройкам, до настоящего времени, являются труды З.П. Соколовой и Л.В. Хомич (Историко-этнографический атлас...; Соколова, 1963, 1998, Хомич, 1995). Тем не менее, по имеющимся сейчас в научном обороте этнографическим материалам очень сложно проследить историю происхождения и развития данного типа жилищ, тем более сравнивать с археологическими данными.

Для того чтобы проследить генезис происхождения чумов, необходимо накопление дополнительной информации и в частности анализ археологических материалов содержащих данные о раскопанных каркасных постройках. В археологии Северо-Западной Сибири нет единого мнения в определении памятников расположенных в тундровой зоне не имеющих видимых на поверхности объектов. На сегодняшний день на полуострове Ямал выявлено 112 памятников, из которых лишь 7 – долговременные поселения, а остальные – крат-

ковременные стоянки (Косинская, Федорова 1994. С. 33–48, Кардаш, 2007. С. 98–100).

Затруднительно определить историю возникновения каркасного типа жилища в связи с существованием проблемы идентификации археологических памятников в тундровой зоне Северо-Западной Сибири. В тундре стоянки фиксируются на супесчаных площадках, в местах почвенной эрозии. Тип памятника определяется по наличию или отсутствию культурного слоя, по найденным артефактам – фрагментам керамических сосудов – в разведочном шурфе.

Возможно решение проблемы на основе новых комплексных этнографических исследований, в рамках которых будет осуществляться фиксация каркасных построек по существующим методикам архитектурных обмеров и последующее отождествление археологического материала, с полученной новой информацией. При сопоставлении археологических и этнографических данных могут быть использованы, те признаки жилища, которые в равной степени сохранились в обоих видах источников. Для этого этапа исследований важно определить, по каким общим признакам, по каким фактам возможна идентификация памятников.

Мы сделали попытку в рамках исследований в тундровой зоне Полярного Урала на правобережье р. Кара и на полуострове Ямал выявить генезис каркасных жилищ аборигенов. Археологические исследования осуществлялись под общим руководством Кардаша О.В. в рамках аварийных работ на трассе МГП Бованенково-Ухта.

На Полярном Урале в ходе работ были исследованы стоянки периода средневековья – кон. I – нач. II тыс.н.э.: Коматы 2, Коматы 3, и Коматы-сё 1, Коматы-сё 2.

В результате исследований стоянки Коматы 2 было выявлено 4 средневековых очага VIII–XII вв. со скоплениями фрагментов керамических сосудов вокруг них. Очаги были приурочены к супесчаным линзам аморфной формы, ограниченными тундровыми суглинками.

В результате исследований стоянки Коматы 3 была зафиксирована супесчаная площадка диаметром 5 м с одним очагом VIII–XII вв. вокруг которого концентрировались артефакты.

В результате исследований стоянки Коматы-сё 1 обнаружен культурный слой на площади 10 кв.м., где располагался один очаг с фрагментами каменной обкладки. Фрагменты керамических сосудов обнаружены в очаге, по ним стоянка датируется

В результате исследований стоянки Коматы-сё 2 на территории раскопа 1 было выявлено 6 средневековых очагов, на раскопе 2 зафиксирована супесчаная площадка диаметром 7 м с двумя очагами в центре. Артефакты были распространены по всей площади раскопов и скоплениями в очагах. Стоянка датируется по фрагментам керамических сосудов периодом средневековья – кон. I – нач. II тыс.н.э.

В ходе работ на п-ове Ямал была исследована стоянка Мутная 1, расположенная на левом берегу р. Сеяхи. Выявлено углистое пятно, размерами 2 x 1 м с высокой концентрацией артефактов, стоянка датируется VIII–X вв.

Параллельно проводились этнографические и историко-архитектурные исследования современной сезонной стоянки главы общины Петра Лапандера, которые включали натурные обмеры.

На основе натурных обмеров и анализа опубликованных материалов можно выделить 2 типа стоянок. Кратковременные стоянки, связанные с перекочевками за оленьим стадом, после которых остается небольшой очаг. Долговременные сезонные стоянки, связанные с длительными остановками на время летнего рыбного промысла, проживания главы общины, и т.д. После них остается очаг в обкладке и в ряде случаев часть сооружения. На летних сезонных стоянках делались углубления под очаг (Хомич 1995. С. 91). Признаком зажиточности служило наличие досок на полу чума. При установке чума нижние заостренные концы основных шестов слегка вкапывают в землю (Хомич 1995. С. 93). Приведенные данные можно сравнить с современными очагами на стационарном сезонном стойбище у Петра Лапандера, который является главой рода. В чуме посредине расположен очаг с каменной обкладкой, пол выслан досками, что говорит о длительном сезонном пребывании на одном месте.

В результате археологических раскопок выявлены очаги двух типов. Первый тип – это овальной формы очаг в углублении, размером 35x50 см. Второй тип – это большие углистые очажные пятна с нечеткими очертаниями размером около 2x2 м, с прокалами и гумусированным слоем. У больших очагов встречаются элементы каменной обкладки.

Этнографические параллели позволяют интерпретировать изученные археологические памятники как стоянки двух типов: кратковременные с очагами на земле и сезонные, где очаги устраивались долговременно.

При раскопках остатков каркасов не обнаружено, тем не менее, мы имеем основание предполагать наличие конструкции, защищающей очаг. Эти выводы позволяют сделать анализ ландшафтно-климатических условий тундровой зоны, где преобладают постоянные ветра, часто меняющие направление. Укрытие очага должно быть со всех сторон. Это и определяет оптимальность кольцевой конструкции вокруг очага в форме конуса – чум.

Анализируя факты скопления очагов и находок на песчаных линзах, можно предположить, что место стоянки выбирали специально, поскольку супесчаные площадки хорошо дренируются. На месте стоянки происходит изменение материкового слоя путем механического воздействия на геологические слои продуктами жизнедеятельности человека. На плане можно зафиксировать пятно, которое отличается по цвету от материкового слоя, а по размеру пятна определить приблизительный размер жилища, которое ограничивало пространство над очагом. Диаметр супесчаной площадки на стоянке Коматы 3 составляет 5 м. и на стоянке Коматы-сё 2–7 м, что соотносится с диаметром конструкции чума 5–9 м известным по этнографическим данным.

В настоящее время у большинства исследователей данный тип жилища тесно связан с крупностадным (товарным) оленеводством аборигенного населения Субарктики. Но до сих пор нет убедительных исторических и археологических данных позволяющих утверждать, что в средние века у населения субарктики Севера Западной Сибири существовало развитое оленеводство, в рамках которого мог возникнуть и развиваться данный тип жилища. По мнению А.В. Головнева, крупностадное оленеводство возникло не ранее XVII–XVIII вв. (Головнев, 2004. С. 88–91).

В этой связи вполне логичен вывод о том, что происхождение и длительное бытование, вплоть до настоящего времени каркасных жилищ типа чума в первую очередь обусловлено ландшафтно-

климатическими условиями, остающимися практически неизменными на всем протяжении голоцена.

На основе изученных в рамках данного исследования археологических памятников мы можем предполагать, что на территории тундровой зоны Северо-Западной Сибири бытовали каркасные жилища в форме конического чума в сер. I – нач. II тыс. н.э.

Предлагаем памятники в тундровой зоне без морфологически выраженных на поверхности остатков строений относить к типу стоянок. По морфологии очага можно выделить два вида стоянок: кратковременные и стационарные сезонные.

Основные параметры археологических каркасных жилищ – чумов мы считаем аналогичными этнографическим с той оговоркой, что речь идет о габаритных размерах. Выявление конструкций древних чумов это перспективная задача, которую возможно решать только в случае удачной находки остатков полностью сгоревшего и законсервированного строения, которое можно зафиксировать.

* Автор выражает признательность кандидату исторических наук Кардашу О.В. за помощь, оказанную при выполнении исследований.

Головнев А.В., 2004. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. УрО РАН. Екатеринбург.

Историко-этнографический атлас Сибири, / Под ред. Левина М. Г., Потапова Л. П. М.–Л. 1961.

Кардаш О.В., 2007. Отчет о НИР: Проведение полевых исследований на территории Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа летом 2006 года. Нефтеюганск.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В., 1994. Археологическая карта ЯНАО. Препринт. Екатеринбург.

Соколова З.П., 1963. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Сибирский этнографический сборник. Вып. V. ТИЭ, н.с. Т. 84. М.

Соколова З.П., 1998. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.

Хомич Л.В., 1995. Ненцы. СПб.

А.М. Красникова

Государственный исторический музей, Москва

А.Н. Федорина

Институт археологии РАН

Небольшие поселения ближней округи Суздаля (по материалам исследований селищ Вишенки 3 и Кистыш 3)

В основу исследования положены материалы, полученные в ходе работ Суздальской археологической экспедиции на поселениях Вишенки 3 и Кистыш 3 Суздальского района Владимирской области.

Оба памятника представляют собой небольшие селища, площадь которых не превышает 1 га, а период существования определяется в рамках XII–XIII вв. Селища удалены от г. Суздаля на расстояние около 10 км, они относятся к числу средневековых поселений, сформировавшихся на значительном удалении от крупных водных артерий. При этом следует отметить, что если Вишенки 3 находится на водоразделе, то Кистыш 3 располагается в верховьях р. Кестры, притока Ирмеса. Среди общих черт можно выделить характер и сохранность культурных напластований: сухой культурный слой, сильно поврежденный тракторной распашкой (до 0,4 м);

перемешанные культурные напластования содержат около 75 % всего массового материала. Непотрешенными на селище Кистыш 3 остались только заполнения материковых ям, на селище Вишенки 3 – культурный слой мощностью до 0,1 м, почвенный горизонт и материковые ямы. Сопоставимы и размеры вскрытых участков, исследованных по единой методике (на селище Вишенки 3 – 100 кв.м, Кистыш 3 – 106 кв.м).

Вишенки 3: После снятия пахотного горизонта и разборки ненарушенной части культурного слоя, в раскопе было выявлено 24 материковых ямы, 16 из которых были интерпретированы как столбовые, а остальные представляют собой заглубленные части хозяйственных построек. В северо-восточной части раскопа, на уровне залегания ненарушенного культурного слоя, была обнаружена обширная платформа

из материковой глины правильной прямоугольной в плане формы, сориентированная по линии северо-восток – юго-запад. Максимальные размеры этой площадки составляли 7,6 x 4,4 м, частично она уходила в восточную и северную стенки раскопа. В северной части глиняной платформы было расчищено пятно прокаленной глины, лежащее на ней, сильно нарушенное распахкой, – остатки разрушенной глинобитной печи. Мощность платформы из материковой глины составляла 5–8 см., под ней были зафиксированы остатки почвенного горизонта, наличие которого отмечено и на других участках раскопа. В серии столбовых ям, выявленных под глиняной платформой, сохранились остатки дерева от столбов.

Важным моментом характеристики стратиграфической ситуации на селище является то обстоятельство, что некоторые хозяйственные ямы прорезали глиняную платформу. Это позволяет говорить, по крайней мере, о двух этапах формирования планировочной структуры памятника. После разборки культурного слоя и выборки ям на всей площади раскопа был зачищен материк, на котором удалось обнаружить серию расположенных рядом мелких борозд. Характер расположения борозд, их небольшая глубина и частота расположения, а также стратиграфическая ситуация, позволяют интерпретировать эти борозды как остатки средневековой распахки, предшествовавшей возведению жилых построек на поселении.

На основании наблюдений за стратиграфией и анализа массового керамического материала на памятнике было выделено 3 периода хозяйственной активности, 2 из которых связаны с существованием наземных конструкций.

В процессе раскопок на селище было обнаружено 349 индивидуальных находок. Подавляющее большинство находок – изделия из черного металла, составляющие 75% от общего количества вещей. Предметы из цветного металла составляют порядка 8,3%, стеклянные изделия – 6,5% индивидуальных находок. Вещевой материал представлен, главным образом, бытовыми предметами. Среди них есть ножи, иглы, замки, ключи, сверло, шилья, оселки, пряслица, двусторонние роговые гребни.

Украшения представлены фрагментами бронзовых браслетов, пластинчатых и щитковых перстней, шаровидным бубенчиком с рельефным пояском и щелевидной прорезью, ременными накладками, немногочисленными стеклянными браслетами и бусами.

Особо стоит выделить найденные при раскопках бронзовое коромысло весов, ювелирный пинцет и детали конской упряжи: кольчатые удила и стержневидный псалий. Из раскопок происходит доста-

точно представительная серия предметов личного благочестия, включающая три креста-тельника, энколпион с черневым изображением Распятия и керамический равноконечный крест-тельник (Макаров, Красникова, 2006).

Хронологические рамки представленного в Вишенках 3 набора индивидуальных изделий можно определить в пределах XII–XIII вв. Датировка подтверждается анализом массового керамического материала (Федорина, 2007). Интересным фактом является наличие незначительного количества ранней круговой керамики (3,3% коллекции) и нескольких стеклянных изделий, датировка которых может быть определена XI–XII вв. Вероятно, эти находки можно связывать с ранним этапом освоения территории и горизонтом средневековой распахки.

Кистыш 3: В процессе разбора культурного слоя на всей площади раскопа и последующей зачистки материка на его поверхности было выявлено 27 ям, из них 20 столбовых, и 3 частоколочные канавки. В северо-западной части раскопа зафиксированы остатки глинобитной площадки, в виде прерывистой прослойки смешанного желто-коричневого материкового суглинка. В пределах зоны распространения этой прослойки, также была зафиксирована серия столбовых ям, идущих параллельными рядами в направлении СВ–ЮЗ. В этом же направлении вытянута и сама площадка, имеющая подпрямоугольную форму. Максимальные ее размеры составляют 10,8 x 5,6 м. Практически в центре площадки, ближе к ее северо-западной стороне зафиксировано скопление обожженной глины, камней с термическими сколами и значительное количество угля, что, вероятно, может говорить о наличии в постройке печи.

Под этим сооружением были обнаружены остатки двух разновременных построек со слабо углубленными подпольями. Самая ранняя постройка на этом участке (сооружение 1) подпрямоугольная в плане, была вытянута по направлению СЗ–ЮВ и уходила в западную стенку раскопа. Подпольная яма, углубленная в материк на 0,2 м, относящаяся к конструкции этой постройки имеет размеры 2,4 x 4,2 м. Постройка была практически полностью разрушена при строительстве сооружения 2, расположенного на том же участке.

Сооружение 2 подпрямоугольное в плане, вытянуто по направлению СЗ–ЮВ, уходит в западную стенку раскопа. Примерные размеры сооружения составляют 6,8 x 4,4 м, размеры подпольной ямы, углубленной в материк до 0,3 м в южной части, составляют 4,6 x 2,4 м, что соответствует отмечавшимся в работах исследователей наблюдениям относительных пропорций жилых домов (Седова,

1997. С. 167). Сооружение 2, представлявшее собой наземную постройку с неглубоким подпольем, было также разрушено при строительстве наземной постройки с глинобитным полом, описанной выше.

В южной части раскопа были зафиксированы 3 параллельные канавы для частокола шириной от 0,4 до 0,58 см, идущие по направлению с юго-востока на северо-запад на расстоянии от 0,8 до 1,6 м друг от друга. Первый ряд частокола (северный) подвергался ремонту. На основании наблюдений за планиграфией и стратиграфией раскопа удалось выделить, по крайней мере, 3 строительных горизонта, которые могли сопровождаться переносами границ усадьбы.

В результате раскопок селища получена вещевая коллекция, насчитывающая 324 находки, среди которых, преобладают вещи бытового назначения. Около 67% находок происходит из пахотного слоя. Наиболее многочисленны изделия из черного металла, их найдено 223, что составляет более 68%. В их числе ножи, гвозди, иглы, ключи, замки, лучковое сверло, шило, свинцовый грузик, шиферные и глиняные пряслица, оселки, двусторонние гребни.

Основной массив изделий из цветных металлов (7,7% всей вещевой коллекции) можно отнести к ювелирным украшениям и элементами декора одежды. Это подковообразная фибула, перстни щитковые и рубчатые, перстнеобразное височное кольцо, обломок витой пластинчатой гривны, обломок пластинчатого браслета, звено цепочки, ременные накладки и пуговицы. Часть изделий из цветных металлов может быть определена как производственные отходы. Это пластины, выплески, аморфные обломки металла и обрывки проволоки. Среди стеклянных изделий (8% коллекции), существенно преобладают бусы – 22 экз., кроме них найдено 3 обломка стеклянных браслетов, обломок фиолетового прозрачного плоско-выпуклого перстня.

Особо следует отметить находку свинцовой пломбы «дрогичинского» типа со знаком Рюрикови-

чей и фрагмента двусторонней каменной иконки с изображением неизвестных святых.

Хронологические рамки представленного на селище Кистыш 3 набора инвентаря и массового материала можно определить в пределах XII – XIII вв.

Состав находок и остатки жилых построек на памятниках Вишенки 3 и Кистыш 3 являются убедительными свидетельствами того, что селища представляют собой остатки долговременных стационарных поселений. Одним из важных результатов работы стало выявление наземных жилых сооружений с глинобитным полом, резко отличающихся по своим конструктивным особенностям от построек с подпольем. Высокая плотность размещения построек, стабильность в их локализации и вероятные незначительные изменения границ усадеб во времени свидетельствуют о достаточно сложной внутренней структуре даже таких небольших по площади памятников, как Вишенки 3 и Кистыш 3. Особенности, выявленные в характере развития исследованных сельских поселений, делают возможным их сопоставление с городами по системе организации застройки и поднимают вопрос о статусном положении подобных селищ. Обнаружение следов пахоты под культурным слоем на поселении Вишенки 3, подтверждает как плотность хозяйственного освоения микрорегиона, так и раннее начало использования водораздельных территорий в окрестностях Суздаля, позволяя говорить об их включенности в систему сельскохозяйственных угодий, по крайней мере, к середине XII столетия.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

Макаров Н.А., Красникова А.М., 2007. Христианские древности суздальских селищ: новые находки // КСИА. Вып. 221.

Федорина А.Н., 2007. Керамические комплексы средневековых селищ Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительная характеристика. М.

Е.В. Кручинкина

Мордовский государственный университет, Саранск

Перстни с чернью из Кельгининского могильника X–XV вв.

Металлические украшения рук составляли важнейший элемент средневекового мордовского костюма. Они представлены перстнями и браслетами. Специальных работ по этим категориям мордовских

вещей нет. Отдельные ценные наблюдения можно найти в работах А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, А.П. Смирнова и др.

Большой интерес для изучения имеют перстни

мордвы золотоордынского периода. Среди них выделяются серебряные перстни со щитком орнаментированным чернью, которые являются относительно редкой находкой в мордовских памятниках.

По мнению А.Е. Алиховой, в XIV в. исчезают усащенные перстни, вместо которых появляются перстни со щитком, судя по всему болгарской работы (Алихова, 1959а. С. 42). Она считает, что в данный период большинство перстней были привозными, этим можно объяснить распространенность одних и тех же форм, как среди женщин, так и среди мужчин.

Е.И. Горюнова говорит о том, что перстни со вставками и орнаментированным щитком ведут свое начало от болгар и являются покупным товаром (Горюнова, 1948. С. 65).

Серию перстней интересующего нас типа содержат материалы Кельгининского могильника X–XV вв. Zubovo-Полянского района Республики Мордовия (Фонды Мордовского республиканского краеведческого объединенного музея). Здесь в четырех погребениях было найдено 7 перстней, сделанных из серебра либо из бронзы со щитками разнообразной формы, украшенными узорами из черни (рис. 1).

В погребении № 290 обнаружено два перстня с бронзовым кольцом обложенным тонкой серебряной пластиной с геометрическим орнаментом и серебряным прямоугольным или квадратным щитком.

У первого из них щиток орнаментирован черным крестом, с каждой стороны которого отходят роговидные лучи. Второй перстень имел сплошное черненное пространство украшенное четырьмя симметрично расположенными косыми крестами (рис. 1: 1, 2).

Близкий второму из погребения 290 перстень найден в погребении № 362, где на черненном пространстве квадратного щитка располагаются четыре косых креста, но они как бы разделены крестом в центре поля с точкой по середине. Перстень полностью серебряный без накладной пластины. Его кольцо у щитка имеет черненный узор (рис. 1: 3).

В погребении № 299 обнаружено два перстня такой же конструкции, как и в погребении № 290. У одного из них напаянная серебряная пластина не сохранилась и орнаментика его не известна. У второго щиток украшен черным косым крестом с кружком в центре. Крест заключен в квадратную рамку от которой между лучами креста располагаются дополнительные элементы черненного орнамента в виде завитков и треугольников. Накладки на кольцах обоих перстней имели штампованный орнамент (рис. 1: 4, 5).

Еще два перстня найдены в погребении № 414. Они полностью сделаны из серебра. Первый перстень имеет щиток квадратной формы украшенный

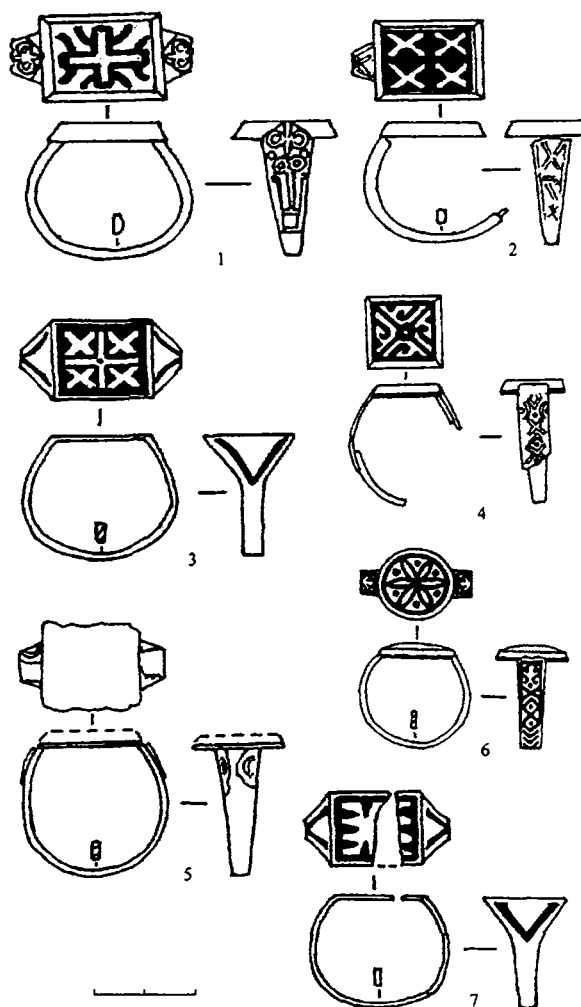

Рис. 1. Перстни из Кельгининского могильника.

по краям черненным узором в виде рамки с зубчатыми выступами во внутреннем пространстве. Кольцо орнаментировано точно так же, как у перстня из погребения 362 (рис. 1: 6, 7).

Второй перстень из этого погребения имеет щиток круглой формы. Черный орнамент на щитке имеет вид очерченного круга, в центре которого располагается 6-лепестковая розетка. Между лепестками черные точки. Кольцо у внешней стороны украшено черным геометрическим орнаментом.

Вешевые комплексы погребений с описанными перстнями весьма своеобразны и отличаются от других мордовских женских погребений этого времени. Во всех четырех погребениях вместе с перстнями найдены лопастные сьюлгамы из бронзы и серебра (рис. 2). Лопастные сьюлгамы обязательно орнаментированы. Техника орнаментации разнообразна. В двух погребениях (№ 362, № 414) они украшены орнаментом из черни.

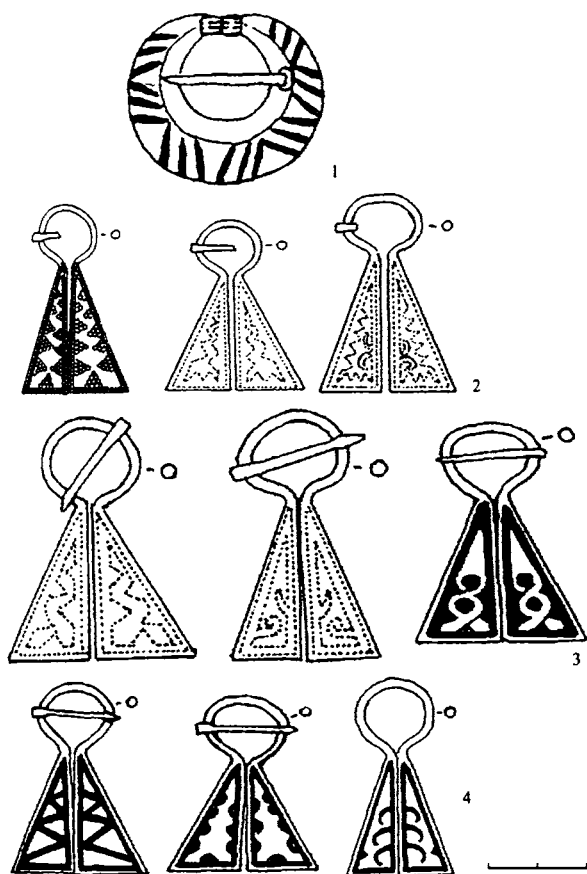

Рис. 2. Сюльгамы из Кельгининского могильника.

В погребении № 414 встречена так же кольцевидная сюльгамообразная серебряная фибула, по кольцу имеющая орнамент из черни (рис. 2: 1). Имеются серебряные сюльгамы с лопастями украшенными зернью (погребение № 299), и штампованным геометрическим орнаментом (погребение № 290 и 299) (рис. 2: 2, 3, 4). В этих же погребениях обнаружены серебряные перстневидные кольца с завитком на одном конце.

Наличие значительного количества в рассматриваемых погребениях серебряных сложных по кон-

струкции и орнаментации вещей позволяет их отнести к категории богатых погребений. Возможно, что это погребения женщин из социально обособленных знатных семей.

Интересно, что сочетание серебряных перстней и сюльгам, характерное для погребений знатных мордвовок, повторяется в кладе золотоордынских монет и серебряных женских украшений, найденном у с. Василицы близ г. Черкассы на Украине. Здесь найдены перстни с прямоугольными шитками, орнаментированные черными рамками с косым крестом в центре, широколопастные сюльгамы (14 экз.) с гравированным и сканно-зерненым орнаментом. В этом же комплексе найдено серебряное височное перстневидное кольцо с завитком на одном конце. Этот клад по монетам датируется не ранее 1370-х гг. (Строкова, 2006. С. 186–188)

Близкие к нашим типам перстни найдены в Гагинском эрзянском могильнике XIV в. (Алихова, 19596. С. 174–192).

Следовательно, выделенный нами комплекс украшений в знатных погребениях мордвы следует датировать XIV в. Он может служить определителем для выделения погребений социальной верхушки мордовского общества в золотоордынский период.

Алихова А.Е., 1959а. Из истории мордвы к I – нач. II тыс. н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. Саранск.

Алихова А.Е., 19596. Эрзянский могильник XIV в у с. Гагино. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. Саранск.

Горюнова Е.И., 1948. Коринский могильник // Археологический сборник. Т. I. Саранск.

Строкова Л.В. Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. III Международная конференция. Тезисы докладов. М.

С.Л. Кузьмин

Санкт-Петербургский государственный университет

Культурно-исторические процессы на западе Новгородской земли в конце I – начале II тыс. н.э.

Ядро территории, обозначенное нами как запад раннесредневековой Новгородской земли, составляют бассейны рек Луга и Плюсса, в основной своей части текущих в северо-западном направлении и впадающих в Финский залив (Луга непосредственно, а Плюсса через реку Нарову). В археологическом отношении эта зона одна из достаточно хорошо изученных. Накопленные здесь за время деятельности нескольких поколений ученых материалы могут служить добротной основой для реконструкции таких важных процессов как славянская колонизация, формирование древнерусской культуры и древнерусского населения, сложение древнерусской административно-территориальной системы и христианизация. Достаточно широкие разведочные работы и раскопки последних десятилетий позволяют уточнить и конкретизировать, как на рассматриваемой территории эти процессы протекали, представить их динамику и хронологию.

К рубежу 1970-х – 1980-х гг. на территории средневековой Новгородской земли исследователи выделили две археологические культуры, на базе которых сформировалась древнерусская культура региона, – культуру сопки и культуру псковских (псковско-новгородских, северных) длинных курганов (далее КПДК). Помимо различий характерных для каждой из них черт курганной обрядности, была выявлена связь их памятников с различными типами ландшафтов, что закономерно интерпретировалось как разница в культурно-хозяйственном укладе жизни (работы В.Я. Конечного, Е.Н. Носова и др.). Однако сейчас становится ясно, что картина была гораздо сложнее, хотя сам по себе факт существования этих двух культурно-исторических массивов населения, в целом, сомнения не вызывает.

Важную роль в понимании хронологии и механизма становления древнерусской культуры Новгородской земли играют материалы стратифицированных поселений, являвшихся локальными центрами конца I – начала II тыс. н.э., и закономерно сопоставленных Н.И. Платоновой с погостами – местами, известными по позднесредневековым писцовым книгам. Раскопки Г.С. Лебедева в Городце под Лугой (Дремяцкий погост), Н.И. Платоновой в Подгородье и Косицком (Передольский и Косицкий погосты со-

ответственно), С.Л. Кузьмина, Е.Р. Михайловой и В.Ю. Соболева в Которске (Которский погост) наглядно показывают поступательное развитие этих центров на протяжении X–XI вв., а в ряде случаев, и позднее. Материалы их ранних слоев соотносимы с материалами таких раннегородских центров Новгородской земли как Ладога, Рюриково городище, Новгород. Важно, что на указанных памятниках самые нижние слои содержат исключительно лепную керамику, т.е. относятся к периоду до 2-й четверти или до середины X столетия.

Ясно проступает связь описанных поселений с сопками. Передольский и Косицкий погосты находятся в самой сердцевине Лужско-Оредежского массива сопки – одной из наиболее насыщенных этим типом памятников зон Новгородской земли. С Передольским погостом связана грандиозная двухступенчатая насыпь Шум-гора, служившая, по всей видимости, сакральным центром обширной округи языческой поры, демонстрирующая степень организованности и сплоченности коллективов носителей традиции сооружения сопки в бассейне верхнего течения Луги и, вероятно, среднего и нижнего течения Оредежа. Само же поселение, площадь которого достигает 12 га, выступает крупнейшим центром X–XI вв. на рассматриваемой территории.

Лужско-Оредежский массив сопки сформировался в зоне, где отсутствуют памятники КПДК. Их совместное распространение наблюдается только к западу от Врево-Черемнецкого поозерья. Называть его «чересполосным» не совсем верно. Скорее мы наблюдаем здесь компактные анклавы сопки, замкнутые на комплексы памятников, состоящих из городища-убежища, крупного селища и группы сопки из нескольких насыпей (Которск, Сквородка). Сопки наилучшим образом маркируют зону проживания населения, культуру которого можно без лишней натяжки рассматривать как ранний этап древнерусской культуры региона в X–XI вв. Хронология исследованных на западе Новгородской земли сопки (Заполье, Сквородка, Полосы, Пристань) не выходит за эти рамки, а, скорее всего, укладывается в период 2-й половины X – 1-й половины или 1-й трети XI вв.

На настоящем этапе наших знаний можно гово-

речь о том, что описанные поселения и сопки верховьев Луги и Плюссы, а также среднего и нижнего течения Оредежа, отражают существование здесь какой-то единой этно-культурной и социально-политической группы, связанной с летописными словенами, составившими основу раннесредневекового общества Новгородской земли.

Важное значение для определения времени и характера проникновения в рассматриваемый регион населения с материальной культурой кардинально отличной от КПДК и сходной с культурой нижних слоев (с исключительно лепной керамикой) поселений, связанных с сопками, имеют раскопки городища у д. Надбелье на Оредеже (С.Л. Кузьмин) и городища и селища в ур. Курская Гора в самых верховьях Луги (В.Я. Конецкий и О.В. Клубова). На достаточно больших вскрытых площадях встречаются лишь единичные фрагменты круговой керамики, находки которых имеют едва ли не случайный характер (посещение более позднее время). Учитывая это обстоятельство, жизнь на них прекратилась до 2-й четверти – середины X в. Для однозначного определения нижней даты поселения в ур. Курская Гора мы не располагаем материалами. В этом отношении ценна находка литейной формочки (рис. 1)

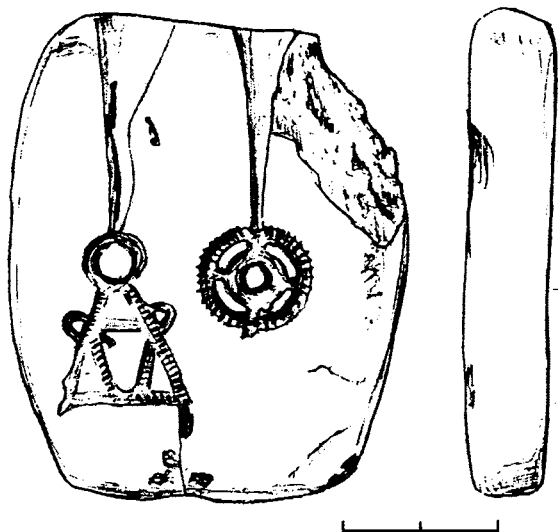

Рис. 1. Литейная формочка с городища Надбелье.

и серии восточных серебряных монет на городище Надбелье.

Все монеты с городища Надбелье (а их более десятка) относятся к первому периоду обращения дирхема, т.е. до 833 г. Формочка же служила для отливки двух изделий из оловянистых сплавов, причем оба имеют полные аналогии в материалах раскопок

Е.А. Рябинина на Земляном городище Старой Ладogi. Колесовидное украшение схожее с надбельским связано с III ярусом застройки (по стратиграфической схеме, предложенной автором совместно с А.Д. Мачинской и впоследствии усовершенствованной). Ярус датируется временем ок. 780 – ок. 810 г. Украшение из трех трапеций залегало на уровне IV яруса (ок. 810 – ок. 840 г.). Стратиграфические наблюдения позволили выделить от трех до пяти этапов застройки (вал городища так же сооружен в три приема). Исходя из этого следует предположить, что городище у д. Надбелье возникло, вероятно, в 1-й половине IX века, возможно, в 1-й его трети.

Изделия из железа и украшения из цветного металла, бусы и восточное монетное серебро, формы лепной керамики и находки фрагментов костяных наборных гребней находят параллели в горизонте Е Земляного городища Старой Ладogi и на синхронных ему поселениях Поволховья. Начиная с рубежа VIII–IX вв. (III–IV яруса) мы наблюдаем по материалам Старой Ладogi формирование устойчивого комплекса артефактов, который и считают характерным при описании «культуры сопок». Именно он эволюционируя, воспринимая инновации, в течение X в. трансформируется в древнерусскую культуру, представляя на протяжении этого столетия ее ранний этап.

Парадокс заключается в том, что по крайней мере на западе Новгородской земли традиция сооружения сопок появляется в рамках периода, когда на поселениях мы наблюдаем процесс отмеченный выше (т.е. не раньше X в.). В то же время, ни Надбелье, ни Курская Гора не связаны с сопками, хотя на некотором расстоянии от них они зафиксированы. Выделять «досопочный этап культуры сопок» вряд ли имеет смысл. Не корректнее ли рассматривать в отдельных регионах это явление, сходное по основным параметрам, как пласт преддревнерусских памятников, противопоставление которых памятникам КПДК выступает достаточно четко?

Особую и крайне острую проблему представляет вопрос о погребальной обрядности как населения оставившего преддревнерусские памятники, так и подавляющей массы населения соорудившего сопки. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о том, действительно ли основные немногочисленные захоронения в сопках принадлежат предшественникам знати, отметим, что всем исследователям серьезно занимающимся этими материалами ясно – основная масса умерших захоранивалась вне тела насыпей. Как наиболее вероятные (и археологически подтвержденные) могут рассматриваться варианты помещения кремированных останков на верши-

нах насыпей и вокруг их подножья. Определенный прорыв в этом направлении представляет открытие могильников с поверхностными трупосожжениями. С поселением Которск связано не менее 5 таких некрополей, исследовавшихся С.Л. Кузьминым, Е.Р. Михайловой и В.Ю. Соболевым. Доказана их культурно-хронологическая связь с нижними слоями селища, топографическая и хронологическая преемственность с возникающими на их периферии в середине – 3й четверти древнерусскими курганными могильниками с ингумациями.

В последние десятилетия замечено, что помимо сопок и насыпей КПДК существует ряд памятников «не вписывающихся» в классические характеристики этих двух групп. Их вряд ли стоит выделять в отдельную, противостоящую сопкам и насыпям КПДК погребальную традицию. Они несут в себе признаки и тех, и других, в разных соотношениях в каждом отдельном случае. Весьма вероятно, что они отражают деформацию и распад традиционной обрядности носителей КПДК, происходившей не без влияния извне.

Обращаясь к материалам ранних древнерусских труположений региона нельзя не заметить, убор представленный в них никак не коррелирует с вариантами предшествующих погребальных традиций. Зато его основа, несомненно, восходит к тому набору элементов, которые представлены на ранних древнерусских поселениях (локальных центрах – погостах), в могильниках с поверхностными трупосожжениями и поверхностными захоронениями на сопках рассматриваемого региона. По всей

вероятности, определенная культурная интеграция и невилировка происходила здесь во 2-й половине X – первой половине XI в., до массового распространения обряда ингумации, которое отразило усехи христианизации, развернувшейся на позднем (после 1034–1036 гг.) этапе правления Ярослава Владимировича.

На настоящий момент, в общих чертах, история региона на рубеже тысячелетий выглядит следующим образом. Не позднее первой половины IX в. на восточную окраину региона проникают сплоченные группы населения, основывающие опорные пункты для дальнейшего освоения территории и продвижения (Надбелье, Курская Гора). Они могут быть отождествлены с летописными словенами. Исходным районом этой миграции, вероятно, было Поволховье. В течение X века происходит освоение Лужско-Оредежского междуречья, при этом, культура населения рассматриваемого района развивается в едином ритме и в русле тех же тенденций, что и в других частях Новгородской земли, а шире – и всей Северной Руси. Отдельные группы носителей традиции сооружения сопок проникают в зоны плотного расселения носителей КПДК, оседая на компактных территориях. В течение X – 1-й половины XI вв. активно идет процесс аккультурации носителей КПДК, их интеграции в формирующееся древнерусское общество Новгородской земли. Распространение обряда труположения, вытеснение им кремации, отражает успехи христианизации и знаменует окончательное становление древнерусской культуры и общества в рассматриваемом регионе.

А.М. Мамедова

Национальный музей истории Азербайджана, Баку

Монетная чеканка и денежное обращение Азербайджана VIII–IX вв.

Окончательное завоевание Азербайджана арабами, занявшее несколько десятилетий осуществлялось в основном по мирным договорам. Однако говорить о стабильности политического состояния, тем более, о наличии каких-либо признаков государственности Азербайджана в рассматриваемый период нет никаких оснований.

Южная часть Азербайджана – сасанидский Атурпатакан, который соответственно арабской транскрипции (или прононсу) получил нынешнее

озвучение *أذربيجان* = «Азербайджан» и сразу же, после Нихавендского сражения (642), вошла в состав Халифата. Политическое состояние Атурпатакана, несмотря на отсутствие прямых письменных указаний, но, судя по дошедшим монетам, можно характеризовать теми особенностями, которые в переходный период арабских завоеваний распространялись на все восточные территории, управляемые наместниками Халифата с оставлением определенных обязанностей и полномочий (в основном, по сбору

налогов в натуре и деньгах) на должностных лиц (марзбанов, мобедов и т.п.) прежней иранской администрации (Колесников, 1982. С. 176–177). Это подтверждается частично монетами, так называемого арабо-пехлевийского чекана, на краях которых встречаются имена сасанидских должностных лиц, очевидно, ответственных за выпуск монет или за деятельность самого монетного двора, а в поле – имена халифатских наместников (Колесников, 1982. С. 180). Одним из первых наместников Халифата в Азербайджане был знаменитый Хадждадж ибн Йусиф, одна монета которого, хранящаяся в НФМИА, издана в музейном альбоме «Древние и средневековые монеты Азербайджана» (Древние и средневековые монеты...).

Что касается северной части сасанидского Азербайджана – Албании (Арана), лишенной царской власти Михранидов, разоренной во время ирано-византийских войн и опустошительных набегов хазаров, то политическая ситуация была здесь намного более запутанной, чем в Южном Азербайджане. Отчаянные попытки энергичного агванского князя Джаваншира восстановить албанскую государственность, лавируя между тремя могущественными соседями-противниками (Иран, Византия, Хазарский Хаганат), завершились его гибелью. Албания, как и Атурпатакан, вошла в состав исламского Дар-ал-Мулька, управляемого халифатской администрацией.

Упадок хозяйственной жизни и расстройство денежного обращения наложили отпечаток на количестве монетных находок. После оживленных товаро-денежных обращений в VI – начале VII вв. каких-либо значительных кладов для II половины VII в. в Азербайджане не зарегистрировано. В указанный период перестали функционировать почти все монетные дворы, в том числе азербайджанские, а выпуск монет при арабских наместниках был сокращен, очевидно, до того минимума, который был необходим для поддержания статус-кво новой власти, о чем можно судить по крайней малочисленности, чтобы не сказать, редкости монет арабо-сасанидской группы. Причиной малочисленности монетных находок этого периода является также разграбление территории.

Итак, арабы полвека пользовались монетами, вошедшими в нумизматическую литературу как арабо-византийские, арабо-пехлевийские и табаристанские монеты. Несмотря на то, что эти монеты помечались названием областного монетного двора, они чеканились на нескольких монетных дворах, а также в городах, расположенных по южному берегу Каспийского моря и датировались по табаристан-

ской эре, начинающейся со смерти Йаздгерда III (651 г.).

Как было выше отмечено, Халифат долгое время не приступал к претворению в жизнь такого важнейшего государственного акта, как чекан собственных, так сказать, «национальных» монет. Правда, это частично объяснялось тем, что в обращении находилась еще масса монет, в частности, серебряные дирхемы Сасанидов, византийские золотые солиды и другие монетные группы завоеванных стран.

Существенные изменения произошли позднее, при пятом омейядском халифе – реформаторе Абд аль-Малике ибн Марване (685–705). Как точно подметил А. Колесников, «исламизация в первую очередь затронула область денежного обращения и делопроизводства». И лишь в 696 г. по его указанию был создан свой исламский чекан.

Была осуществлена денежно-монетная реформа и чеканены общегосударственные, унифицированные монеты – золотые динары (4,26 г), серебряные дирхемы (2,98 г) и медные фельсы (2,3 г) (Тизенгаузен, 1872; Раджабли, 1997. С. 40–43).

Одной из первых среди завоеванных областей, где Халифат стал чеканить свои монеты, был Азербайджан, как Южный (собственно Азербайджан), так и Северный – Албания (Аран). Как известно, по раннему административному делению Халифата весь Южный Кавказ, завоеванный арабами, был включен в область «Эрменийя», которая, в свою очередь, состояла, согласно арабским хронистам (ибн-Хордадбех и др.) из четырех Эрменийе (151). Монеты этой «Эрменийи» чеканились в основном в Барде – зимней резиденции халифатских наместников и Дабиле (Двине) – летней резиденции. Выбывались монеты, также в ал-Бабе (Дербенде) и Аране, но обозначались общим названием области «Эрменийе». То же самое следует сказать относительно продукции монетного двора «Аран», которая могла выпускаться в монетных дворах аранских городов – Барды, Джанзи (Гянджи), Байлакана и самой области Арана. Кроме перечисленных монетных дворов, функционировавших еще при Сасанидах, были учреждены новые – два в округе Дербента, северного форпоста Халифата, – Балх ал-Байда и Арз ал-Хазар и один в ал-Йазидийе, восстановленном (очевидно, после землетрясения) в г. Шамахе.

Монеты под названием «Азербайджан» чеканились в главном городе провинции Азербайджана – Ардабиле. Согласно дошедшим до нас монетам, монетные дворы городов этих административно-территориальных провинций Халифата-Эрменийи, Арана и Азербайджана функционировали (с определенными пробелами) в следующем отрезке времени:

Эрменийя – с 81 по 332 (700–942);
 Аран – с 89 по 226 (707–840);
 Азербайджан – с 105 по 316 (723–929).

Среди северо-азербайджанских городов больше и дольше всех работал монетный двор города Барды – главной резиденции халифатских наместников. Он функционировал с перерывами в 142–330 (760–942). По остальным городам монетная чеканка осуществлялась следующим образом:

Ал-Баб – 115–178 (733–795);
 Ал-Йазидийя – 140–189 (758–866);
 Балх ал-Байза – 111 (729);
 Арз ал-Хазар – 223 (827/8);
 Джанза – 94 (712/3).

Как известно, ранний халифатский (омайядский) монетный чекан осуществлялся анонимно, без упоминания имени халифа. Очевидно, наличие на монетах имен Аллаха и его посланника Мухаммада считалось достаточным аргументом, что бы санкционировать достоинство и свободное обращение монеты. Серебро и медь Халифата выбивались во многих городах (их более 150 только в Восточном Халифате), золотые же монеты – динары чеканились в начале только в омайядской столице Дамаске, затем в западных провинциях (Мысре, Африкийе, Андалузии). В этой связи заслуживает особое внимание недавно выявленная одна золотая монета – динар халифа Харуна ар-Рашида (170–193=786–809), чеканенный наместником Арана Хузаймой в 170=786 г. в монетном дворе Аран.

Время нахождения Азербайджана в составе Арабского халифата характеризуется развитием городов, товарного производства, торговли и, как результат, открытием новых монетных дворов – Аран (Байлакан), Джанза (Гянджа), ал-Йазидийя (Шамахи), Балх ал-Байза, ал-Мутаваккилийя (Шамкир). Более существенным политико-экономическим фактором периода явилось образование в различных частях Азербайджана феодальных государств с династическим наследованием и правом «сикке».

Одним из первых среди завоеванных областей, где Халифат стал чеканить свои монеты, был Азербайджан – как Южный (собственно «Азербайджан»), так и Северный – Албания (Аран). Как видно из дошедших до нас редких постреформенных монет, эти монеты обозначались не именем города, где они выбивались, а именем области, где находился данный город – монетный двор. Так, самая ранняя, битая в «Аране» монета – серебряный омайядский дирхем, датирован 89=99 годом., а подобный же дирхем, чеканенный в «Азербайджане» – 105=724 годом. Кроме «Арана» и «Азербайджана» монеты на территории Азербайджана чеканились также под на-

званием «Ирминийе» – область Халифата, в которую по раннему административно-географическому делению был включен весь Южный Кавказ, который, в свою очередь, был разделен на 4 «Ирминийе». Стольным городом халифатского наместника этой провинции служил военно-стратегический и хозяйственно-культурный центр Арана Партав – по арабскому произношению Барда. Монетный двор Барда работал больше и дольше всех – он функционировал в течение VIII–X вв. Здесь чеканились не только общехалифатские серебряные дирхемы и медные фельсы халифатских наместников, но и золотые динары. Помимо «территориальных» монетных дворов Азербайджана халифатский чекан производился в городах ал-Бабе (Дербенде), ал-Йазидийе (Шамахи), Балх ал-Байде и Арз ал-Хазаре (в округе Дербенда), а также в аранских городах Джанзе (Гяндже), Барде и ал-Мутаваккилийе (Шамкире).

Арабский Халифат был разделен на провинции – вилайеты, которые управлялись наместниками, назначенными дамаскскими и багдадскими халифами. Подавляющее большинство этих наместников заканчивали свою миссию коротким правлением и спорадическими выпусками монет, в основном медных. Однако некоторым из них удавалось держаться у власти подольше и создать свое «фамильно-семейное» правление. Одним из таких наместников Азербайджана были отец и сын – Йазид сын Усайда ас-Сулами и Халид сын Йазиды, условно названные нами Сулаймидами. Отец Йазиды Усайд сын Зафира был эмиром ал-Баба (Дербенда). Йазид еще в 135=753/4 гг. был назначен халифом ал-Мансуром (754–775) наместником Арана и согласно письменным источникам им был восстановлен на новом месте город Шамахи, переименованный в его честь ал-Йазидийя. Известны медные фельсы, битые от его имени в ал-Йазидийе, Барде, ал-Бабе. Последний известный нам медный фельс от имени Йазиды чеканен в 163=780 г. в Барде, а фельс его сына Халида, битый в Аране в 177=794 г.

Другое более обоснованное «фамильное» правление связано с именами Хазима сына Хузаймы, Хузаймы сына Хазима и Башра сына Хузаймы – наместниками Арана и Ирминийи. Сохранились серебряные дирхемы и медные фельсы, чеканенные от их имен в промежутке времени 170=785 – 191=807 гг.

Заслуживает особое внимание золотой динар халифа Харуна ар-Рашида (786–809), чеканенный в Аране в 170=786 г. Хузаймой. Данная монета, представляющая собою нумизматическую редкость, опровергает существующее негласное мнение об отсутствии в Азербайджане халифатского чекана. Она является неоспоримым доказательством высо-

кого экономического потенциала, важного геополитического значения Арана, говорит о начале нового периода – периода господства монеты в денежном обращении Азербайджана. Это был период, когда в Арабском Халифате закладывалась материальная база будущего социально-экономического и культурного феномена «мусульманского ренессанса» (А. Мец) ближневосточных стран, в том числе Азербайджана.

Распад в середине VIII в. величайшей в мировой истории теократической империи на две части – Омайядский (Андалусский) и Аббасидский (Восточный) халифаты положил начало появлению целого ряда независимых и полунезависимых государств, управляемых собственными династиями с правом чеканить монету. Этот процесс не прошел мимо Азербайджана. Одним из первых зачинщиков этого процесса в Аббасидском Халифате были Мазйаиды, основавшие впоследствии династийное правление в Ширванском государстве, которое в отличие от многих эфемерных государственных образований рассматриваемой эпохи, просуществовало довольно долго – около восьмисот лет. Основоположник династии Йазид сын Мазйада аш-Шайбани, предводитель арабского племени Рабия, был назначен халифом Харун ар-Рашидом наместником

Азербайджана и Ирминийи. Известны серебряные дирхемы, чеканенные Йазидом в 183–185=799–801 г. в Аране. После внезапной его смерти в 801 г. наместниками Арана, Ширвана и Ирминийи назначались один за другим, его брат Ахмад, сыновья Асад, Мухаммад и Халид. Дошедшая последняя монета Халида датирована 217=832 г.

Сын и преемник Халида Хайсам, согласно письменным источникам в 861 году принял титул «ширваншах». Но монет, чеканенных ни от его имени, ни других ширваншахов в течении более чем ста лет, мы не имеем. Трудно представить, что за это время никто из них не прибегал к такому престижному государственному акту, как выпуск собственных монет. Видимо, здесь не обошлось без последствий преслевутого серебряного кризиса в денежном товарообороте ближневосточных стран, поступившего в конце X в.

Древние и средневековые монеты Азербайджана. Памятники материальной культуры. № 8, АН Азерб. ССР Колесников А.И., 1982. Завоевание Ирана арабами. М. Раджабли А., 1997. Нумизматика Азербайджана. Баку. Тизенгаузен В.Г., 1872. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1872

А.А. Медынцова

Институт археологии РАН

Автограф мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском

В 1234 г. в Юрьеве-Польском был заново построен основанный Юрием Долгоруким Георгиевский собор. Это было блестящим завершением каменного строительства Всеволодовичей. Белокаменная резьба, узорным ковром покрывавшая почти все стены собора, удивляла не только современников, но и потомков. Поэтому, когда в XV в. собор неожиданно обрушился, сам великий князь московский Иван III приказал своему мастеру Василию Дмитриевичу Ермолину восстановить собор из старого камня. И мастер, осознавая значение старой постройки, собрал все белокаменные блоки и украшавшие их рельефы, но не имея точного плана и зарисовок белокаменной резьбы, перепутал сюжеты и резные камни, в результате чего образовался своеобразные “ребус” из белокаменных рельефов.

Восстановить первоначальный замысел резьбы,

прочитать ее как каменную книгу пытались многие исследователи, начиная с конца XIX в., но только после реставрационных работ П.Д. Барановского и Ф.Н. Полуянова и полево́й, трудоемкой и тщательной работы Г.К. Вагнера, завершившейся публикацией монографии, стало возможно судить о первоначальном облике собора и белокаменной резьбы и пытаться понять ее первоначальный замысел и семантику (Вагнер, 1964). Разумеется, многие вопросы облика храма, первоначальных резных сюжетов и их расположения остаются дискуссионными, но общий замысел после его работ впервые за несколько столетий предстал во всем своем неповторимом великолепии.

Наряду с восстановлением первоначального замысла резьбы собора, Вагнеру принадлежит попытка определить не только количество, происхождение

мастеров, но и имя главного мастера. Она не была первой: сначала, основываясь на позднем летописном сообщении, мастером посчитали самого князя Святослава Всеволодовича, который мог быть только заказчиком общего облика и украшения храма. Позднее В.Н. Татищев писал о болгарском происхождении мастера, что было признано абсолютно необоснованным Н.Н. Ворониным. В.В. Суслов высказывал предположение, что автором скульптурного украшения собора мог быть известный по летописи галицко-волинский мастер-«хитрец» Авдий. Г.К. Вагнер сюжету о главном мастере отвел специальную главу в указанной выше монографии. Позже этому же сюжету была посвящена специальная статья с более подробной аргументацией (Вагнер, 1966. С. 99–108). В ней он обосновал гипотезу о том, что главным был мастер, исполнивший два рельефа Спаса Нерукотворного на стене северного притвора над входом. Возле правого рельефа была прочитана надпись «Баку ..», которую он посчитал именем мастера. Эта надпись была известна и ранее. Считалось, что она представляет собой недописанное или искаженное имя от канонического «Аввакум» (древнерусский вариант – Абакум).

Определения самого рельефа как образа Спаса Нерукотворного, высказанное в свое время еще Н.П. Кондаковым, утвердилось, а определение подписи как автографа мастера не нашло широкого признания. Между тем такие аргументы Г.К. Вагнера, как отсутствие обозначения «агиос» возле рельефа, несовпадение имени, указанного в надписи, с иконографией рельефа, одновременность их исполнения заслуживали внимания. Все исследователи, независимо от атрибуции надписи, считали ее или недописанной, или поврежденной, производной от имени Аввакум. Рельеф с надписью находится над северным порталом на довольно значительной высоте и труднодоступен для непосредственного изучения. Но без непосредственного обследования надписи трудно говорить о ее состоянии и прочтении.

В 2006 г. Владимиро-Суздальской археологической экспедицией под руководством Н.А. Макарова была обследована надпись *in situ* и сделаны прорисы, что позволяет уточнить существующие прочтения. Рельеф и надпись хорошей сохранности, расположены на соседних блоках (рис. 1), но растительный орнамент и нимб святого составляют на них единое целое, следовательно, они вырезались одновременно. Надпись расположена на специально оставленном для нее месте (рис. 2). На парном рельефе Спаса Нерукотворного, расположенном слева от входа, все пространство между нимбом и соседним блоком занимает растительный орнамент. Следовательно,

Рис. 1.

Рис. 2.

надпись, вырезанная крупными буквами специальным инструментом, не может быть случайной и входит в первоначально задуманную композицию. Она колончатая, как обычно в домонгольское время подписывались имена святых на иконах и фресках, но обозначение “агиос” отсутствует, для него нет места ни на этом блоке, ни на верхнем. Не подтвердилось предположение, что она была повреждена или незакончена. Первые три буквы читаются так же, как и предполагалось ранее, но последний знак, в котором видели у, читается иначе: это две расположенные рядом буквы ае, Нужно отметить, что две буквы написаны рядом не из-за отсутствия места, надпись заканчивают точка и две симметричные черты (подобие крива). Таким образом, она приобретает орнаментально завершенный характер. В целом колончатая надпись читается: Б|А|К|АЕ: Логично предположить, что орнаментальная колончатая надпись рядом с изображением в нимбе должна называть имя святого, но, как мы видим, она не имеет отношения ни к изображению Спаса, ни к патрональным святым княжеской династии.

В то же время среди личных собственных имен, зафиксированных источниками, с XV в. встречаются имена Бакай., Бака имя которого С.Б. Веселовский склонен был связывать с именем Бакей (Бокей) и фамилия Бакеевы, известной по источникам приблизительно с того же времени (Веселовский, 1974. С. 21).

Надпись Бакае можно объяснить как личное собственное имя. При письме е могло обозначать j, т.е. надпись могла передавать имя, звучавшее как “Бакай” Происхождение и семантика его неясны. Несмотря на тюркоязычное звучание, оно, возможно, родственно слову “бакуня”, которое М. Фасмер был склонен объяснять, вслед за В. Далем, как производно от глагола “бакать”, сохранившегося в ряде славянских языков в значении “болтать, много говорить”. Несколько иначе читаемая надпись возвращает нас к имени, как это предлагал Г.К. Вагнер. Очень важна датировка надписи, хотя само исполнение связывает ее со временем построения собора. К сожалению, для палеографической датировки данных

мало. В целом палеография надписи не противоречит датировке ее XIII в. и отнесению ко времени строительства храма (1224–1234 гг.), хотя она и не находит аналогий в каллиграфических, вытянутых пропорциях других надписей при изображениях святых и летописной записи на Святославовом кресте. Можно предположить, что она появилась во время восстановления храма в конце XV в., но палеографических особенностей именно этого времени нет, в то время как наличие специально оставленного места в системе общей композиции рельефа и орнамента говорит о синхронности надписи и резьбы собора, т.е. относит ее к 20–30 гг. XIII в. (до 1234 г.).

Декоративная надпись, вырезанная крупными буквами на специально оставленном фоне рядом с изображением Спаса Нерукотворного, не может быть случайной. Вероятно, стоит вернуться к предположению Г.К. Вагнера о том, что она является именем мастера, вырезанным рядом с наиболее замечательным в художественном отношении рельефом. Патрональное изображение Суздальской династии – св. Георгий – расположено как раз над северным порталом, по обеим сторонам которого несколько ниже, слева и справа, находятся парные рельефы Спаса Нерукотворного, составляя тем самым симметричную композицию.

Неканоническое мирское имя – лаконичная форма подписи, известной по надписям-граффити, припискам на книгах, использовавшихся наряду с более развернутыми (господи помози ... имярек). Мастер, оставивший свое имя на видном месте, над центральным входом, рядом с изображением Спаса Нерукотворного, должен был иметь на это право. Поэтому у Г.К. Вагнера были основания считать его главным мастером, зодчим, архитектором, автором общего замысла и отдельных, наиболее важных резных сюжетов.

Вагнер Г.К., 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (г. Юрьев-Польской). М.

Вагнер Г.К., 1966. О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском // СА. №3.

Веселовский С.Б., 1974. Ономастикон. М.

С.И. Милованов

Институт археологии РАН

Торговля Старой Рязани в достоличный период (XI – первая половина XII в.)

Археологические материалы не раз демонстрировали свое значение как важного источника в изучении торговли. Исследователями выделяется два уровня исследования торговых отношений между различными центрами. Результатом первого традиционного этапа является установление направления торговых связей и общая оценка их интенсивности. По мере накопления археологического материала реальным становится и детальное изучение торговых связей, конечной целью которых является выяснение динамики обмена между различными центрами во времени и объеме.

Полученный в течение многолетних раскопок в Старой Рязани археологический материал, характеризующий торговлю, позволяет в настоящее время перейти ко второму этапу ее изучения. В данной работе учтены предметы импортного происхождения, обнаруженные в процессе раскопок на Северном городище и Посаде города, где прослежены культурные напластования XI – первой половины XII в., а так же древнейшего могильника, расположенного вдоль высокого берега Оки.

Для выяснения динамики обмена между различными центрами во времени и объеме, необходимым условием является привязка предметов импорта к абсолютным датам.

На основе материалов, выявленных в результате археологических исследований последних лет (1994–2005 гг.) И.Ю. Стрикаловым была разработана детальная классификация и хронология керамики Старорязанского городища. На основании взаимовстречаемости типов, являющихся хронологическими индикаторами, культурный слой и связанные с ним остатки углубленных построек были разделены на шесть хронологических горизонтов. Привязка артефактов к выделенным хронологическим горизонтам, на основании их залегания в стратифицированных слоях, позволила построить графики распределения различных категорий импорта во времени (рис. 1).

Импортные находки достоличного периода истории Старой Рязани свидетельствуют о разнообразных торговых и историко-культурных связях города. Значительную часть среди них составляют предметы связанные своим происхождением с Приднепровьем и Византийской империей. К данным изделиям

относятся стеклянные бусы, браслеты, перстни, сосуды, янтарь и изделия из него, дорогостоящая поливная керамика, вино и оливковое масло, перевозимые в амфорах. Второй по численности группой являются предметы восточного происхождения – украшения из полудрагоценных камней, некоторые виды стеклянных бус и столовая посуда Волжской Болгарии. Это позволяет говорить о том, что данные направления в торговых связях населения города были основными и приоритетными.

Рассмотренные материалы свидетельствуют, что северное и северо-западное направление не играло существенной роли в рязанской экономике. Предметы, которые могли бы свидетельствовать о существовании данных связей, представлены единичными экземплярами. Единственной находкой, относящейся к нумизматическим материалам, обнаруженной во время раскопок, является английский денарий, который был использован в качестве привески в составе ожерелья из погребения 23 раскопа 17. Монета чеканена между 1017–1023 годами. Помимо этого, был обнаружен орнаментированный наконечник ножен меча, с изображением птицы в медальоне. Вероятнее всего, данный предмет связан с прибалтийским происхождением. Единичность и индивидуальность представленных вещей, ни в какой мере не может быть свидетельством торговли.

Рассмотрение времени поступления импортных предметов демонстрирует постепенное увеличение номенклатуры импорта. Первоначально количество предметов и их категорий не велико, в основном это бусы восточносредиземноморского происхождения – глазчатые, лимонки и др., янтарные изделия и бусы из полудрагоценных камней. Вероятно, они попали в Рязань не в результате торговли, а были принесены первопоселенцами города. С середины XI в. наблюдается рост количества предметов византийского происхождения, прежде всего золотостеклянных и серебростеклянных бус, пик которого наблюдается во второй половине XI – первой половине XII в., в это же время происходит поступление изделий из полудрагоценных камней. В конце XI в. появляются грецкие орехи, шелковая тесьма, имеющая широкое распространение в Восточной Европе. С начала XII в. наблюдается включение импортных предме-

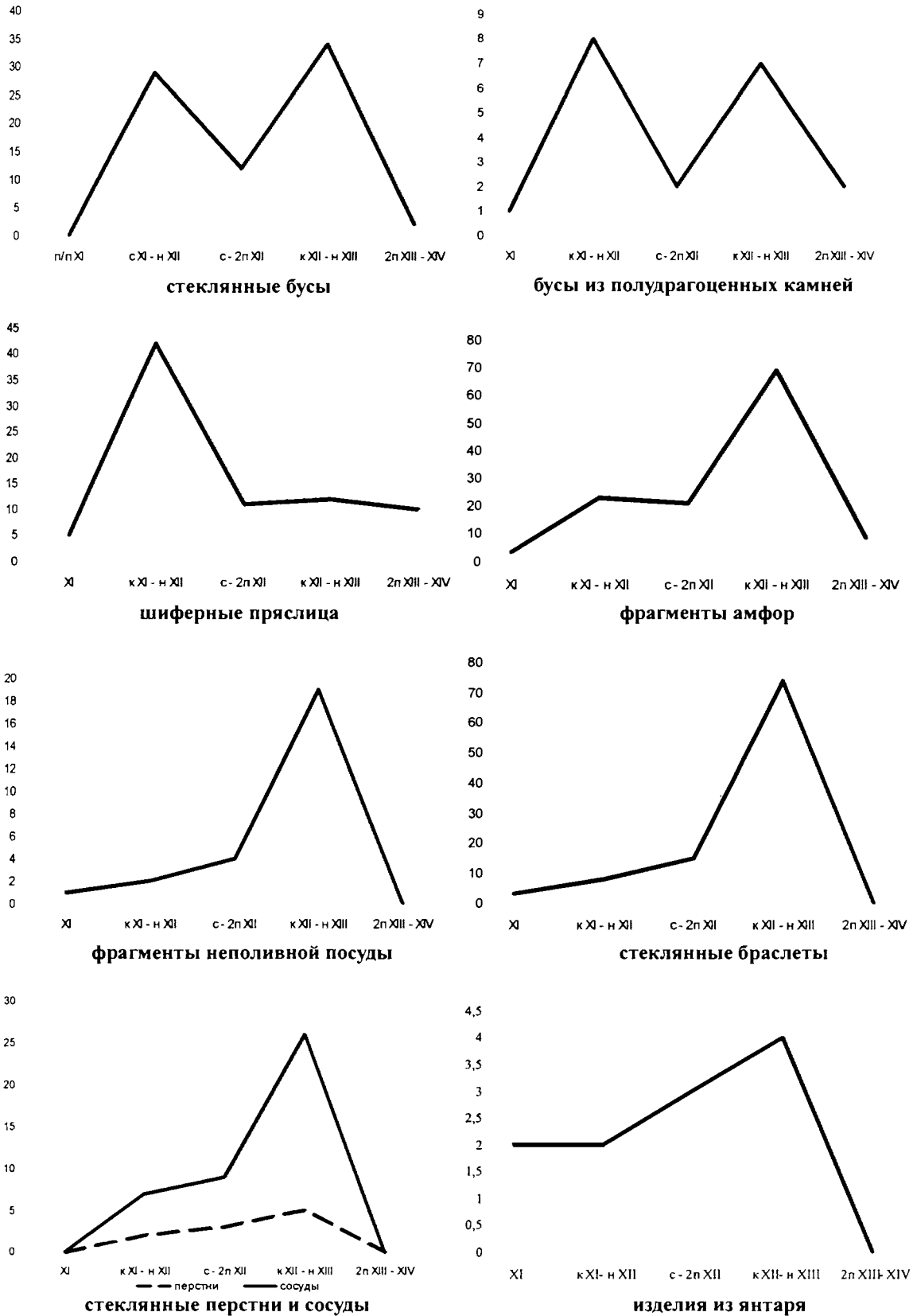

Рис. 1. Графики хронологического распределения предметов импорта.

тов приднепровского происхождения – стеклянные бусы, перстни, сосуды, янтарь, а так же появляются товары, перевозимые в амфорах. Все это свидетельствует о поступательном развитии торговли города с сер. XI в.

Основными категориями импорта в этот период являлись стеклянные и каменные бусы.

З.А. Львова, детально изучившая состав и особенности распространения стеклянных бус на территории северной части Европы, пришла к мнению, что в основе этого явления лежит пушная торговля. По ее мнению, бусы были одним из важных товаров в цепочке неэквивалентного обмена по схеме: бусы – меха – серебро. Таким образом, значительную долю стеклянных бус ранних комплексов Старой Рязани, можно считать отчетливым индикатором активного вовлечения жителей в пушную торговлю.

Определить место стеклянных украшений в системе экономических связей региона помогает предложенная Р. Андреа теория о трех типах комбинаций – образцовой, основной и сборной. Исходя из сказанного, рассмотрим, ожерелья, происходящие из городского могильника XI – первой половины XII вв. – 21 ожерелье. Для наборов из погребений характерны главным образом образцовые (9) и основные (7) комбинации бус. Все образцовые комбинации состоят из византийских золото – и серебростеклянных бус, причем чаще всего речь идет о достаточно представительных в количественном отношении наборах (15 – 30, иногда более 120 штук). Среди основных композиций, в 5 из 7 случаях большинство бус в ожерельях составляли византийские по происхождению. Сравнение композиционного состава ожерелий приводит к выводу, что в цепочке торговых операций XI в. Старая Рязань установила непосредственные связи с источником поставок византийских бус, иными словами говоря, стеклянные бусы попадали в город в досточичный период, через минимальное количество посредников. Следовательно, торговцы, привозившие бусы в Старую Рязань, должны были или непосредственно быть связаны с изготовителями бус, или стоять в самом начале всей цепочки распространения этого вида товаров.

К сожалению, анализы остеологического материала, не могут быть распределены по хронологическим горизонтам, и тем самым продемонстрировать видовой состав животных и его изменения в различные периоды жизни города. Но некоторые данные подтверждают, что пушной промысел был характерен, прежде всего, для досточичного периода. В раскопках Старой Рязани 1946 – 1950 гг. были найдены кости 8 видов диких животных. Соотношение между отдельными видами по количеству особей,

показывает, что почти четверть (24,9%) составляют особи бобра. При этом отметим, что данные подсчеты проводились на основании материала всех раскопок Старой Рязани. Сравнительный видовой состав по видам животных между Северным и Южным городищем дают материалы раскопок В.А. Городцов 1926 г. Видовой состав диких животных свидетельствует о их многообразии на Северном городище (определено 8 видов), в то время как в материалах Южного городища (середина XII – XIV в.) отмечено только присутствие лося.

Безусловно, стеклянные бусы были не единственными и, несомненно, не самыми ценными предметами, приобретаемыми в обмен на меха. Не случайно вещевые коллекции практически всех селищ, где отмечается повышенная доля стеклянных бус, выделяются своим обилием и разнообразием. Так и в Старой Рязани фиксируется наличие многочисленных импортов, торгового инвентаря и различных престижных предметов, отражающих высокий достаток обитателей. Но стеклянные бусы, в первую очередь, в силу своей многочисленности, могут, вероятно, рассматриваться в ряду наиболее ярких маркеров пушной торговли.

Наличие предметов дальнего импорта в коллекции Старой Рязани, не дают никакого основания говорить о существовании непосредственных связей с регионами, в которых они были произведены – Египет, Сирия, Средняя Азия. Вероятнее всего они попадали в город в результате транзитной торговли.

Анализ стеклянных изделий Северо-Востока Руси позволил И.Н. Кузиной и С.Д. Захарову говорить о существовании в XI в. двух основных путей продвижения стеклянных бус в район Кубенского озера – западного, характеризуемого рассматриваемым типом бус, и юго-восточного из Волжской Булгарии, характеризуемого бусами сирийского, египетского и болгарского производства (лимоновидные, глазчатые различных вариантов, глазчатые треугольные и др.).

Анализируемый материал Старой Рязани, также позволяет выделить два основных направления, по которым поступали стеклянные бусы. Одно из них связано с Волжской Болгарией, через которую поступали не только стеклянные бусы, но и прежде всего изделия из полудрагоценных камней (сердолик, хрусталь и др.).

Что же касается поступления бус византийского производства, то здесь выделяется два региона, из которых они могли поступать. Если учесть то обстоятельство, что Старая Рязань, согласно теории Андреа, имела непосредственный контакт с источником распространения данных бус на Руси, то бусы

могли поступать из Приднепровья, имеющего очень тесные и развитые контакты с Византией. Либо бусы могли поступать в Среднее Поочье напрямую из Византии по Донскому пути через Саркел – Белую Вежу, где навитые бусы с золотой и серебряной фольгой в основном датируются XI в. и составляют 22% от всех бус коллекции. В погребениях они встречаются иногда целыми низками – образцовые коллекции. В тоже время в Приднепровье обнаружено не так много бус данного типа, по сравнению с другими регионами. Казалось бы, что данное обстоятельство способствует определению источника поступления бус в рязанские земли по Дону. Но как было показано выше, данный тип бус был в первую очередь предназначен для обмена на пушнину, сле-

довательно, их наибольшее количество оседало там, где этот обмен осуществлялся, то есть в конечном пункте их потребления. Это обстоятельство позволяет предположительно определить Киевское Приднепровье, как источник второго потока бус в Среднее Поочье.

Данному предположению не противоречат и другие находки импортных предметов. Так распространение на Руси дорогой византийской посуды XI в., амфор группы Трапезунд типа 1, шелковых тканей, грецких орехов связано с путем «из Варяг в Греки». Значительная часть импортных находок (янтарь, писанки, шиферные пряслица, стеклянные сосуды и браслеты) конца XI – начала XII в. связанных своим происхождением с Приднепровьем.

Ю.Ю. Моргунов

Институт археологии РАН

Древо-земляные стены домонгольских укреплений

Летописные сведения показывают, что в отличие от валов, современники считали крепостные стены важнейшими защитными преградами. Они состояли из городней и надстраивались «боевым ходом» заборол двух типов, служивших для передвижения защитников и дозора. Заборолы обустраивали брустверами разной высоты; сверху защитники метали в противника стрелы, копья, камни, бревна, колья, лили кипяток. Термин «город» нередко служил синонимом стен: их «ставили» и «рубали». Для штурма стен применяли лестницы и присыпные склоны – «приметы», а символом победы являлся их снос, – признак покорности побежденных.

Для традиционной трактовки древнего облика крепостных укреплений характерны представления о сооружении защитных стен на гребнях намеренно насыпанных древо-земляных валов. При этом не оспаривается, что бревенчатые конструкции обоих составляющих были идентичны, что позволяет реконструировать устройство наземных преград. Между тем, в литературе накапливаются наблюдения о том, что, по крайней мере, первоначальные валы, это руинированные осыпи крепостных стен.

Это подтверждают пожарища, одновременно, сверху и донизу уничтожившие внутривальные сруббы (рис. 1: 1). В других случаях верхний абрис бревен повторяет очертания дневной поверхности: их разделяет лишь прослойка естественной азрации и

гидратации, где древесина не сохранялась (рис. 1: 2, 3). Но чаще в валах остаются минимальные следы бревенчатых венцов (рис. 1: 4) (Раппопорт, 1956. С. 87, 100; Хавлюк, 1969. С. 163, 165; Wartolowska, 1958. Tabl. I). Изучение внутривальных «каркасов» с точки зрения инженерной технологии показывает, что они бесполезны для закрепления и устойчивости грунта насыпей. Поэтому нет смысла засыпать их основания землей, тем более, что откосы валов, – это аналог летописных «приметов», лишь облегчавший штурм (Борисевич, 1987. С. 181).

На южнорусских материалах складывается следующая картина развития срубных укреплений, которые современники называли «рускими». В лесостепи они появились около середины X в. Их распространение объясняют появлением новой техники домостроения, а позже – с «окняжением» Русью племенных окраин. Так, их появление на месте сгоревших предшествующих укреплений столбовых типов связывают с походами Владимира Святославича в Перемышле на р. Сан и Теремовле, а на восточной окраине славянской ойкумены то же прослежено в Путивле, Каменном и Донецком городище. К началу XI в. столбовые преграды детинцев, похоже, полностью вышли из фортификационного оборота.

Печенежская угроза конца X в. потребовала увеличения роли долговременных укреплений в сохранении целостности страны. И в связи с привлечени-

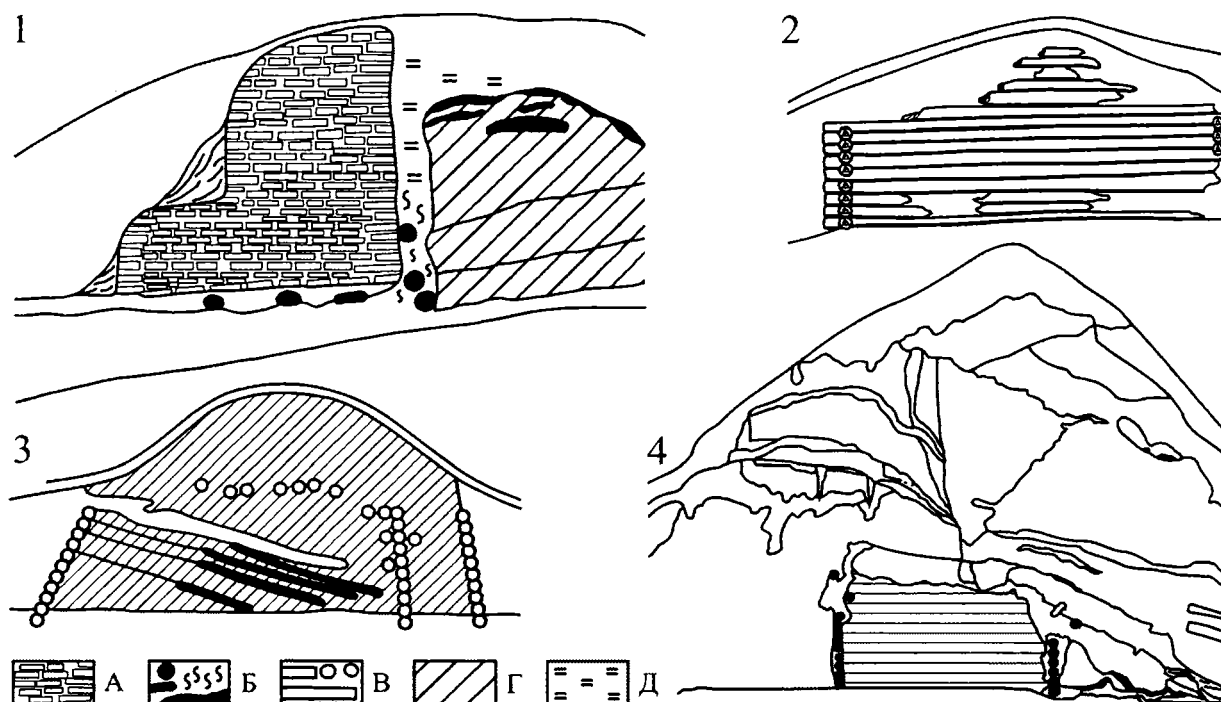

Рис. 1. Внутривальные бревенчатые сооружения. 1 – Заречье (по П.А. Раппопорту); 2 – Старые Безрадицы (по П.А. Раппопорту); 3 – Червоное (по П.И. Хавлюку); 4 – Сутейск (по С. Вартоловской). Условные обозначения: А – сырцовый кирпич; Б – зола и обгоревшие бревна; В – сохранившиеся бревенчатые элементы; Г – забутовочные субструкции; Д – обожженная глина.

ем зарубежного опыта создания линейных укреплений, руины которых известны как «змеиные валы», в южном приграничье кратковременно возводили протяженные стены крюковой конструкции двух типов, характерной для западных славян. В XII–XIII в. они единично появлялись в Минске, Новгороде, Твери, Москве и Витебске (Моргунов, 2005. С. 255–257).

После 988 г. при помощи византийских мастеров было построено несколько «городов» на ключевых точках пограничья. Их археологическим индикатором являются лицевые обкладки бревенчатых стен сырцовым кирпичом и ряд технических приемов, известных в Византии и Болгарии (рис. 1: 1). Довольно быстро южные новации вышли из строительного обихода, и на Руси вновь возобладала крепостные стены срубного строя.

Они представлены двумя типами. Наиболее древние, насыпные, по летописному образцу именуют «городнями». В X–XI вв. стены выстраивали из невзаимосвязанных цепочек срубов, позже их мощность увеличивали путем наращивания количества параллельных цепочек.

П.А. Раппопортом было подмечено, что от однорядных стен в валах сохраняются остатки лицевых и боковых стенок срубов; следовательно, и наземные стены состояли из открытых к площадке трехстенных (П-образных) клеток, т.е. пустотелых (1956.

С. 121, 122). (рис. 2: 1). Позже М.П. Кучера показал, что городни были четырехстенными: его предшественник не учел плохой сохранности внутренних перемычек, подступавших к дневной поверхности (1969. С. 186, 187). Действительно, пустотелые стены были непрочны, а этому противоречит устойчивость городских стен к ударам монгольских камней. Их эффективность подчеркивается широким и длительным применением. В XVI в. папский легат А. Поссевино отмечал, что русские срубно-засыпные стены противостояли пушечным ядрам лучше каменных (1983. С. 44, 45).

Следующие крепостные преграды представлены киевскими укреплениями «города Ярослава». От валов, которые в литературе принимают за основания наземных укреплений, их отличает многосрубно-ячеистый внутривальный бревенчатый каркас шириной 19 м (Раппопорт, 1956. С. 93). Такой остов действительно мог скрепить грунтовое содержимое платформы (рис. 2: 2). Это единственный достоверный пример намеренно созданного мощного вала высотой 11 м, на гребне которого стояла относительно невысокая (2,24 м) бревенчатая стена (Высоцкий, 1981. С. 154, 155).

Массовые половецкие набеги вызвали резкий всплеск крепостного строительства нового уровня. С конца XI в. распространилось упрочнение стен

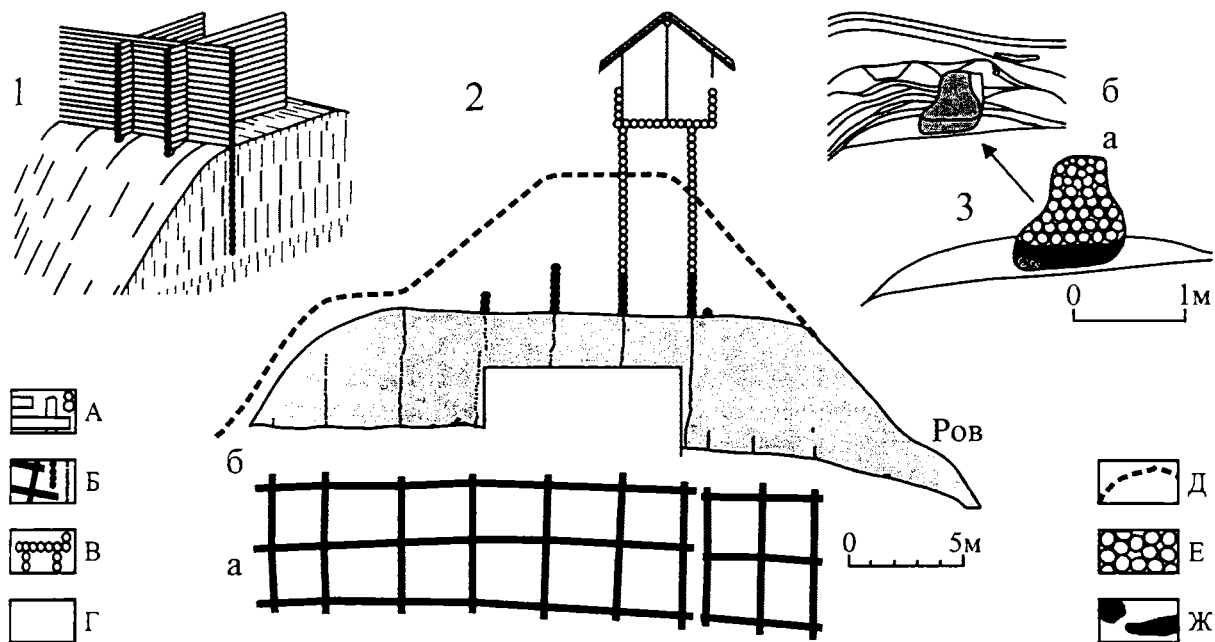

Рис. 2. Реконструкции крепостных стен. 1 – трехстенные городни (по П.А. Раппопрту); 2 – киевский «вал Ярослава» (по П.А. Раппопрту и С.А. Высоцкому): а) – план бревенчатой городни; б) – профиль реконструированного укрепления; 3 – каменная стена городища Гаевщина (б – профиль разреза вала). Условные обозначения: А – бревенчатые конструкции; Б – археологические следы каркаса «вала Ярослава»; В – реконструированные торцы срубов «вала Ярослава»; Г – профиль вала у телецентра; Д – реконструированный абрис сечения вала у Золотых ворот; Е – каменная кладка стенки Гаевщины; Ж – обгоревший бревенчатый фундамент.

взаимосвязыванием городней; наработывались методика возобновления стен поверх старых валов и свежих руин сгоревших укреплений. В этот период появились стены из цепочек пустотелых срубов: согласно летописной терминологии, их называют «клетями». Их перекрытия иногда содержат остатки каменного замощения, что напоминает боевой ход заборол. Не исключено, что это были «боевые камеры» со стрелковыми амбразурами (Тимошук, 1982. С. 82, 101, 114; Возний, 1997. С. 133). Цепочки клеток чаще встречаются по периметру городищенских мысов, где валы крайне невысоки, а порой визуально не прослеживаются.

Мысовые крепости не могли защитить равнины за недостатком подходящих урочищ. Это вызвало появление укреплений округлых в плане очертаний, не связанных с окружающим рельефом: они позволили фортифицировать любую точку, нуждающуюся в безопасности. Вместе с ними распространились двухсрубные стены из внешних городней и внутренних клеток, служивших резервом жилой и хозяйственной застройки. С этим комплексом появляются признаки стандартизации защитного строительства, опиравшегося на типовые элементы, различавшиеся лишь по величине. Эта новация позволяла создавать укрепления заранее оговоренной функциональной

нагрузки и сметной стоимости, обеспечивающие защитные нужды феодалов различного уровня (Моргунов, 1986. С. 118; Его же, 1990. С. 99–108).

Наземные стены требовали ремонта и защиты от воздействия огня. Многие из этого раскрываются только археологическими методами. Так, известно об их обмазывании глиной: в раскопках обмазка встречается пластами толщиной до 20 см (Рождко, 1990. С. 190). Но порой этому покрытию придают массовый характер (Логвин, 1987. С. 163), хотя на практике это прослеживается редко. Чаще во внешних склонах городищенских валов встречаются скопления известковых наслоений: это следы многократной побелки, защищавшей дерево от воздействия зажигательных стрел и гниения (Моргунов, 2003. С. 59, 60). О перекрытиях заборол в письменных источниках сведений нет, но кровли были необходимы не только для защиты от стрел. Избыток атмосферной влаги приводил к разбуханию тетивы луков; крыши предотвращали и проникновение воды в стеновые забутовки, что приводило к подгниванию срубов. В Западной Европе аналоги консольных заборол также перекрывались кровлями, защищенными сыромятными шкурами, известковой или глиняной обмазкой (Виолле-ле-Дюк, 2007. С. 132).

Иерархическая структура укрепленных поселе-

ний указывает на недопустимость усреднения мощности крепостных стен, но письменные и археологические сведения иногда позволяют оценить и их высоту.

Минимальные укрепления армейских лагерей высотой от 0,9 до 1,2 м описывал еще позднееримский военный теоретик Вегетий (1940. С. 242). Схожие преграды высотой 1,3 м известны на скальном городище Тустань (Рожко, 1996. С. 141), на северянском городище Гаевщина площадку кольцом окружала каменная стенка высотой 1,2 м (рис. 2: 3). По сути, это бруствер или парапет, укрывавший нижнюю половину тела: в летописном примере дождь стел не позволял защитникам «выникнути из заборол». Такие преграды эффективны на краях береговых склонов или для защиты небольших укреплений, снабженных невысокими стенами и рвами. Историк и военный инженер Ф. Ласковский за минимальную высоту засыпной защитной стены с бруствером принимал косую сажень (1858. С. 85). Это означает, что за вычетом парапета на долю сруба остается интервал от 0,96–1,26 м. Таким образом, наши представления и минимальных преградах вполне реальны.

В летописных сюжетах 1097 и 1159 гг. защитники Луцка и Ушицы спрыгивали со стен для полевого боя или побега из города: видимо, эти укрепления были сопоставимы или несколько превышали рост человека. Ушицкого валы ныне имеют высоту от 1,2 до 1,6 м: это средний размер стеновых руин и летописных городов Посулья. В XIV в. в Пскове, а позже в Новгороде укрепления были «в человек стоящ в высоту» (Псковские летописи, 1955. С. 29, 105; Фриде, 1924. С. 135). Так же оценивали высоту крепостных стен Б.А. Рыбаков, Н.Н. Воронин и А.Н. Москаленко. Судя по величине развала, стены летописного Воиня составляли около 2,5 м (Кучера, 1999. С. 79), такой же величины были каменные ограждения изборского детинца X в. (Седов, 2002. С. 198), а высота стен «города Ярослава» достигала 2,24 м (Высоцкий, 1981. С. 154, 155).

На основании статьи ИЛ под 1281 г. П.А. Раппопорт считал оптимальной высоту крепостных стен около 3 м (1956. С. 126): на это указывает факт ранний осажденных копьями сквозь нижние бойницы выносных заборол (ПСРЛ. Т. 2. С. 886). Длина копий вычислялась по расположению их наконечников в погребениях, что сближало их с ростом погребенных, т.е. с 1,8–2 м (Кирпичников, 1966. С. 9). На 3 м возвышались и напольные стены конца XI в. в Изборске (Седов, 2002. С. 204).

Отрицать вероятность существования более высоких крепостных стен, вероятно, преждевременно. На это указывают размеры остатков единовременно

созданных «внутривальных» каркасов стен Белгорода и Переяславля, достигающих высоты 4 м, а сырьевая облицовка стен Василева насчитывает 4,3 м. Новые материалы для развития этого сюжета могут дать входящие в археологическую практику методы гипотетических реконструкций, но это тема новых исследований.

- Борисевич Г.В., 1987. Сооружения городища Слободка // В кн.: Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М.
- Вегетий, 1940. Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ. № 1.
- Виолле-ле-Дюк Э. Э., 2007. Крепости и осадные орудия Средства ведения войны в Средние века. Пер. с английского Е.В. Ламановой. М.
- Возний І.П., 1997. Чорнівське городище – феодальна садиба XII–XIII ст. // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів.
- Высоцкий С.А., 1981. Фортификационные сооружения древнего Киева. Золотые ворота, вал Ярослава Мудрого // Новое в археологии Киева. Киев.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени // САИ. Вып. Е1-36. М. – Л.
- Кучера М.П., 1969. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія. Т. XXII.
- Кучера М.П., 1999. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Київ.
- Ласковский Ф., 1858. Материалы для истории инженерного искусства в России. Спб. Ч. 1. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII в.
- Логвин Г.Н., 1987. О внешнем облике древнерусских городов // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. III. Вып. 2а. Секция VI.
- Моргунов Ю.Ю., 1986. Круглые городища Левобережья Днепра // СА. № 2.
- Моргунов Ю.Ю., 1990. Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава.
- Моргунов Ю.Ю., 2005. К проблематике изучения южно-русских змиевых валов // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Поссевино А., 1983. Исторические сочинения о России XVI в. М.
- Псковские летописи. Под ред. А.Н. Насонова. М. 1955. Вып. 2.
- Раппопорт П.А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52.
- Рожко М.Ф., 1990. Особливості дерев'яних укріплень слов'янських «градів» Південно-Західної Русі // VI Міжнародний Конгрес славянської археології.

Тезисы советской делегации. М.
 Рожко М.Ф., 1996. Тустань – давньоруська наскельна фортеця. Київ.
 Седов В.В., 2002. Некоторые результаты археологического изучения Изборска // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула.
 Тимошук Б.О., 1982. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ.
 Фриде М.А., 1924. Русские деревянные укрепления по

древним литературным источникам // ИРАИМК. Л. Т. III.

Хавлюк П.І., 1969. Древньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитності. Київ.
 Watołowska Z., 1958. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko – ruskim // Światowit (Rocznik katedry archeologii pierwotnej i wczesnośrednio-wiecznej uniwersytetu Warszawskiego). Tom XXII. Warszawa, 1958 (Uniwersytet Warszawski).

В.В. Мурашева

Государственный исторический музей, Москва

Византийские связи Гнёздова (по материалам раскопок пойменной части поселения)

1. Для варварского мира X–XI вв. Византия была, безусловно, одним из главных центров притяжения. Она была самой культурной страной Европы и Ближнего Востока, красота и мощь Константинополя действовали неотразимо на каждого иноземца. Великолепие построек, роскошь одеяний, удивительные яства возбуждали, безусловно, желание обладать всем этим богатством. Северную варварскую периферию с Византией, центром цивилизации, соединял Волхово-Днепровский речной путь – «путь из варяг в греки...».

2. Анализ письменных источников (Литаврин, 1999) демонстрирует наличие активных торговых связей русов с Херсоном, центром византийских владений в Крыму. Посредническую роль в этой торговле играли печенеги. Херсонско-русская торговля уже в первой половине X в. представляла собой сложившуюся систему. Однако, основным объектом военных, торговых, политических интересов русов была столица империи – Константинополь. По подсчетам Г. Литаврина, в Царьград ежегодно пребывало не менее 1000 русов, как из Среднего Поднепровья, так и с территории Северо-Западной Руси.

3. Парадоксально, но при столь интенсивных и хорошо зафиксированных в письменных источниках связях, археологические свидетельства русско-византийских связей, довольно скудны. Цель доклада – анализ немногочисленных, но значимых находок «византийского» происхождения из раскопок хорошо стратифицированного культурного слоя в пойменной части поселения Гнездовского археоло-

гического комплекса, расположенного в верховьях Днепра и являвшегося одним из узловых пунктов на трансевропейском пути «из варяг в греки».

4. В течение полевых сезонов 1999–2007 гг. на территории пойменной части Гнездовского поселения исследовано четыре участка, игравших различную роль в системе исторической топографии Гнездова:

– «Притеррасный» участок, расположенный на границе пойменной части и террасы (раскоп П-2). На участке были зафиксированы остатки жилых построек, возведенных в начале XI в. (Мурашева, Авдусина, 2007) и относящихся, таким образом, к финальной стадии существования поселения.

– «Производственный» участок – территория около оз. Камыши на которой был расположен ювелирно-кузнечный производственный центр, а также жилые и хозяйственные постройки (раскоп П-8). Сооружения, сменявшие друг друга на этом участке датируются в диапазоне от второй четверти X в. до рубежа X–XI вв. (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007).

– «Портовая зона 1» – участок на северо-восточном берегу оз. Бездонка, которое, вероятно, использовалось в качестве внутренней гавани (раскоп БД-1). Обнаруженные деревянные настилы могли быть использованы как «тверди» в рамках портового хозяйства древнего Гнездова. Напластования на данном участке, в целом, могут быть датированы в рамках X в.

– «Прибрежная зона» – участок в районе южной границы распространения культурного слоя, вблизи

берега древнего русла Днепра, практически на «пляже». На участке была исследована смолокурная яма и целая группа углубленных построек, возможно складов (?). Исследованные объекты могут быть датированы в рамках X в.

На каждом из участков найдены, пусть и в небольшом количестве, предметы, относящиеся к византийскому культурному кругу.

5. Наиболее ранними находками являются две медные монеты Византийского Херсонеса. Это монеты Юстина I (518–527) Василия I (867–886). Довольно необычен контекст находок. Монеты были найдены на дне расположенных рядом ям, или углубленных частей сооружений – древнейших сооружений исследованной части поселения. Ямы предшествовали сооружению кузнечных горнов. Совокупность данных позволила предположить культовый характер данных построек и датировать объекты второй четвертью X в.

Данные находки являются редким подтверждением связей Древней Руси с крымскими владениями империи. Уникальность и контекст находок позволяет предположить, что данные монеты воспринимались, вероятно, не как платежное средство, а, скорее, как сувенир.

6. Количество находок, свидетельствующих о русско-византийских связях существенно возрастает в слое, который начал формироваться после 50-х гг. X в., когда влияние Киева в верхнем Поднепровье резко возросло. Среди находок – фрагменты стеклянных сосудов, глиняных амфор, стеклянная шашка, перстень с изображением птицы, крест-мошевик.

Фрагменты амфор найдены на каждом из четырех исследованных участков, однако, максимальное количество (5 из 9 фрагментов) зафиксировано на «производственном» участке. Все амфоры относятся к «Трапезундской» группе по классификации И.В. Волкова (Волков, 1996, 2005.) или к типу I, виду 1 по классификации В.Ю. Коваля (Коваль, 2003). Наиболее интересная находка происходит из «прибрежной» зоны (раскоп ДП-1), где в слое второй половины X в. был найден почти полный развал красноглиняной амфоры.

Особое место среди находок занимает энколпион, найденный на территории «производственного» участка в слое конца X – начала XI в. Кресты данного типа получили наибольшее распространение на

территории Балкано-Дунайского региона. Вероятно, основные центры их производства находились на территории Первого Болгарского царства (Дончева-Петкова, 1983, 2004), где самостоятельные модели крестов создавались, путем переработки основного иконографического типа византийских нагрудных крестов-реликвариев, широко бытовавших в этих землях и широко известных болгарским мастерам.

Относительное разнообразие предметов, связанных своим происхождением с Византией, безусловно, свидетельствует о расширении связей русов, проживавших в Верхнем Поднепровье, с империей. О торговом характере связей свидетельствуют, вероятно, фрагменты амфорной тары, остальные предметы могли относиться, например, к категории военных трофеев. Часть предметов могла происходить не из метрополии, а с территорий, находившихся под сильным византийским влиянием, например из Дунайской Болгарии.

7. Интересно отметить, что находки византийских импортов зафиксированы на всех исследованных участках пойменной части поселения, однако максимальная их концентрация отмечена на «производственном» участке. Все предметы византийского происхождения на периферии цивилизованного мира являлись предметами роскоши. Исследования показывают, что они могут быть надежным социальным и имущественным индикатором, позволяющим выявить на поселениях усадьбы аристократов, купечества и священнослужителей. Можно предположить, что исследованные ювелирно-кузнечные мастерские находились на территории усадьбы, принадлежавшей человеку высокого социального ранга. Находка же разбитой амфоры на «прибрежном» участке может свидетельствовать о том, что в этом районе происходила разгрузка кораблей.

8. Итак, анализ, пусть и небольшого количества находок византийского круга с пойменной части гнездовского поселения, позволяет говорить о динамике развития связей Верхнего Поднепровья с Византией. Находки ранних херсонских монет указывают на контакты жителей Гнездова с византийскими владениями в Крыму, по крайней мере, в первой половине X в. Во второй половине X в. масштаб связей с Империей существенно возрастает, причем набор находок указывает и на Балкано-Дунайское направление контактов.

Л. Ф. Недашковский
Казанский государственный университет

Взаимодействие золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их округой

Крупнейшими городскими центрами Золотой Орды в Нижнем Поволжье являлись городища Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор.

Каждый крупный город Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имел свою более или менее развитую округу (Недашковский, 2000; 2006а; 2006б; Nedashkovsky, 2004), в состав которой входили и малые города.

Огромные размеры крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья позволяют говорить о том, что их население не могло полностью обеспечиваться только продуктами питания, поступающими из соседних сел и деревень, гораздо меньших по суммарной площади. Следовательно, золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное – без своих собственных, городских – земледелия, скотоводства и промыслов. Нельзя исключать и доставки сельскохозяйственной продукции из других областей Золотой Орды в Нижнее Поволжье, как средства обеспечения его городов пищевыми ресурсами.

В обмен на продукцию земледелия и промыслов, доставляемую в города из сельских поселений, городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов*), существование которых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано.

Красноглиняная поливная и кашинная керамика найдена на памятниках округа Увекского (поселения Багаевское, Зауморье, Квасниковка, Колотов Буерак, Константиновское, Подстепное, Улица Лермонтова, Хмелевское I, Чардымское II, Широкий Буерак), Царевского (Водянское и Мечетное городища, поселения Грачи, Дмитриевка, Колобовка, могильник Мечетное I, мавзолей у Бахтияровка), Селитренного (поселения Каменный Бугор, Комсомольский, Лапас, местонахождения Бурля I, II, Верхнелебяжье, Вольное I, Досанг III, XVIII–XX, Комсомольский I, Чорники, могильник Баста) городищ и Шареного Бугра (поселения Барановка I, II, Ильинка, Красный Яр, Маячное I, III, IV, Мошаик, Самосделка, Татарская Башмаковка, Чертово городище, местонахож-

дения Караозек II, Начало IX, Николаевка, Новые Булгары I, Семибугры, Татарская Башмаковка II, могильники Барановка, Вакуровский Бугор I, Маячный Бугор III, Мечетный Бугор I, II, Самосделка). Изделия из стекла происходят из округа Увекского (поселения Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Подгорное, Подстепное, Хмелевское I, могильники Болдыревский, Нижняя Студенка I, Хмелевский I, Чардымский), Царевского (Водянское и Мечетное городища, поселения Колобовка, Пологое Займище, могильники Водянский II, Царев II, мавзолей у Бахтияровка), Селитренного (селище у поселка Комсомольский, местонахождение Досанг X, могильник Комсомольский IV) городищ и Шареного Бугра (поселения Красный Яр, Самосделка, Татарская Башмаковка, Чертово городище, могильники Маячный Бугор I, II, Татарская Башмаковка). Кашинные бусы и пуговицы зафиксированы на местонахождении Улеши (в округе Увекского городища), на поселении Самосделка, могильниках Барановка, Маячный Бугор I, II и Татарская Башмаковка (в дельте Волги). Чугунные сосуды известны с сельских поселений округа Увекского (Алексеевское, Багаевское, Широкий Буерак) и Царевского (Зубовка) городищ.

Поступала из городов в сельскую местность и обычная золотоордынская неполивная гончарная керамика, хотя в селах, возможно, также работали гончары. И, тем не менее, керамики на периферии было недостаточно, в деревнях ее вынуждены были даже в домашних условиях изготавливать кустари (что было зафиксировано нами при раскопках Константиновского селища в Саратовском Поволжье). Сравним имеющиеся данные статистики неполивной гончарной керамики золотоордынской эпохи с поселений различного размера**. На мелких поселениях (Константиновское селище) зафиксировано 19,4% лощеной керамики и 59,1% посуды хорошего обжига, по цветам керамика распределяется следующим образом: коричневый – 87,2%, красный – 12%, серый – 0,8%. На средних по размеру (сельских) поселениях (Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Широкий Буерак) лощеная посуда составляет 12,1–40,3% керамических материалов, а хорошо обожженная – 36,2–69,5%; коричневой керамики 27,6–91,3%, красной – 7,3–36,2%, серой –

0,6–32,8%, бурой – 0,6–3,4%, а желтой – не более 0,8%. На крупных поселениях городского типа (разные раскопы Хмелевского I селища) отмечено 5,7–22,3% лощеной и 53,3–63,5% хорошо обожженной посуды; коричневой керамики 44,3–85,3%, красной – 7,1–33,7%, серой – 1–7,6%, бурой – 0,5–19,6%, а желтой – не более 0,7%. На наш взгляд, приведенные данные по различным категориям памятников принципиально друг от друга не отличаются, что позволяет считать единым источник поступления массовой неполивной гончарной керамики на все рассмотренные поселения – им, несомненно, было гончарное ремесло крупных и мелких золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Основную часть кузнечных изделий с сельских памятников мы также должны признать продукцией городского ремесла, так как из всех селищ кузнечный горн отмечен только в урочище Мартышкино в округе Увекского городища, а остатки неопределенного сооружения, связанного с обработкой железа – на селище Широкий Буерак в том же регионе.

Именно через города, как крупные центры международной торговли (с памятников городского характера происходят все отдельные находки иностранных монет на Нижней Волге, основная часть импортов и изделий, привезенных из других регионов), в село поступали импортные товары: вино в амфорах, парчовые и шелковые ткани. Находки фрагментов трапезундских амфор известны с памятников округа Увекского (селища Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I, Широкий Буерак) и Селитренного (местонахождение Комсомольский I) городищ. Парчовые и шелковые одежды происходят с памятников округа Увекского (Болдыревский и Чардымский могильники), Царевского (могильники Водянский I, Мечетный I) городищ и Шареного Бугра (могильники Маячный Бугор I, II).

Кочевники, судя по письменным и археологическим данным, занимались даже кузнечным ремеслом и ткачеством. Однако целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) вообще не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю их продукцию в погребальных памятниках кочевников следует считать привозной, поступающей из поселений Нижнего Поволжья. Получая скот и молочные продукты от кочевников, города поставляли им ремесленную продукцию.

С Болгарского городища известны находки трех матриц для изготовления ручек (в виде протомы дракона) поясных ковшей из драгоценных металлов, характерных для раннеджучидской торевтики и составлявших один из атрибутов монгольской всад-

нической культуры; там же известна заготовка косяной орнаментированной обкладки колчана, аналогичная изделиям, бытовавшим у кочевников золотоордынской эпохи (Полякова, 1992. С. 243–244), что подтверждает мнение о производстве обкладок в поволжских городах Улуса Джучи, в которых известны и находки готовых изделий этой группы (Закирова, 1988. С. 227, 229, 239, 243, рис. 99, 14–16; Малиновская, 1974. С. 155–156, 169, 171, табл. IX, 30, X, 32–35). Стекланные украшения и высококачественные бронзовые зеркала*** также изготавливались в крупнейших городах Улуса Джучи и поставлялись оттуда в степи. Примечательно, что на Увекском городище найдена форма для отливки зеркал, относящаяся к типу, не встреченному в материалах этого памятника, но зафиксированному на окружающих поселениях и в близлежащих курганах кочевников (Nedashkovsky, 2004. P. 48); данный факт свидетельствует не только о производстве зеркал в крупных городах для последующей продажи их жителям оседлой и кочевой округи, но и о специализации этого производства, учитывавшего вкусы и запросы кочевников, в области металлических зеркал заметно отличающиеся от предпочтений горожан (Nedashkovsky, 2000. С. 65–66, табл. 3; Nedashkovsky, 2004. P. 35, 48, tab. 3).

Золотоордынская неполивная керамика отмечена во многих курганных группах округи Увекского (Двоенка I, II, Квасниковка, Крутойровка, Новая Липовка, Паницкое, Рыбушка I, III, Скатовка I, Советское III, Усть-Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка II, III, Зубовка, Калиновка, Колобовка IV, Ленинск I, Маляевка I, V, Царев) городищ. Красноглиняная полевая керамика и кашинные изразцы зафиксированы в курганных группах Калиновка и Маляевка I в округе Царевского городища, в группе у Сеитовки в округе Шареного Бугра, а фрагмент кашинной керамики – в курганной группе Маляевка V у Царевского городища. Стекланные и кашинные украшения встречены в курганах округи Увекского (Астраханский тракт, Большая Дмитриевка I, Покровск, Скатовка I, II, Советское III, Суслы) и Царевского (Бахтияровка I, Заяр, Калиновка, Колобовка II, Ленинск I, Маляевка I, Солодовка I, II, Царев) городищ. Фрагмент венчика чугунного котла происходит из курганной группы Маляевка VI в округе Царевского городища.

К кочевникам поступали и импортные изделия, в частности, вино в амфорах, парча и шелк.

Фрагмент трилийской амфоры был найден в насыпи кургана 15 группы Маляевка I. Парчовые и шелковые ткани найдены в курганных группах округи Увекского (Астраханский тракт, Покровск,

Скатовка I, Советское I, II, Суслы, Усть-Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка I, II, Верхнее Погромное, Заяр, Ленинск I, Маляевка V, VI, Солодовка II, Царев) городищ.

Приведенные данные, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их сельской и кочевой округой. Эти экономические связи осуществлялись не только путем прямого обмена продовольствия и сырья на ремесленные изделия, но, в большей степени, посредством товарно-денежных отношений; данное мнение можно подтвердить многочисленными находками золотоордынских монет (как серебряных, так и медных) на многих сельских памятниках и в курганах кочевников.

* Прimitивные формы обработки цветных металлов, несомненно, существовали и в малых городах, и на селе, это можно подтвердить находками всплесков и обрезков металла на селищах Колотов Буерак, Советское и Хмелевское I в округе Увекского городища, а также на Водянском городище (на нем зафиксированы и литейные формы – это единственный случай их находки за пределами крупнейших городищ).

** Помимо исследований Т.А. Хлебниковой на Алексеевском городище в 1971 г. все имеющиеся данные получены в ходе раскопок автора 1999–2007 гг.

*** Которые можно было изготовить лишь в жестких

каменных формах, известных на сегодняшний день только с Болгарского, Увекского и Селитренного городищ (Полякова, 1996. С. 160, 162, рис. 56, 5, 58, 9; Fyodorov-Davydov, 1984. P.178, fig.107,2; Nedashkovsky, 2004. P. 48, 228–229, fig. 62, 1, 2, 63).

Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.

Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Недашковский Л.Ф., 2006а. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. № 4.

Недашковский Л.Ф., 2006б. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округа // РА. № 3.

Полякова Г.Ф., 1992. Заготовка обкладки колчана из Болгар // СА. № 1.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxford.

Nedashkovsky L.F., 2004. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford.

Т.Б. Никитина

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Йошкар-Ола

Этнокультурные контакты марийцев в эпоху средневековья (к проблеме «славяноидной» керамики)

В средневековой археологии Волго-Ветлужско-Вятского междуречья наибольшие споры вызывают вопросы первых контактов русских и местного населения, а в связи с этим проблема так называемой «славяноидной» керамики и ее этнокультурной интерпретации.

Впервые термин «славяноидная» керамика ввела в научный оборот Т.А. Хлебникова при первом обобщении материалов с поселений XIII–XV вв. Марийско-Чувашского Поволжья (Хлебникова, 1967. С. 89–90), позднее при анализе керамики Волжской Булгарии Т.А. Хлебникова определила ее в XVI этнокультурную группу (ЭКГ) (Хлебникова, 1984. С. 200–201). Более подробная характеристика и ти-

пология этой посуды предложена Н.А.Кокориной (Кокорина, 1994. С. 191–192; Кокорина, 2002. С. 30, 95–96). Л.Д. Макаров и Д.А. Салангин к «славяноидной» посуде отнесли гончарные сосуды со славянскими венчиками, изготовленными из теста с добавлением примеси раковины. Другие примеси (древса и шамот) ими не рассматриваются (Салангин, 1998. С. 110–112; Салангин, 1999; Макаров, 2004).

В настоящее время памятники, содержащие «славяноидную» керамику, известны на территории Марийско-Чувашского Поволжья, Волжской Булгарии (Кокорина, 1994; Руденко, 2004), Средней Вятки (Макаров, 2004). В памятниках Марийско-Чувашского Поволжья «славяноидная» керамика

составляет от 30 до 40% (Михеева, 2004. С. 143; Никитина, 1991. С. 26), в памятниках Волжской Булгарии от 1% в Болгаре до 11,6% на Чакме и Сюкеевском городище (Кокорина, 1994. С. 191; Кокорина, 1999. С. 91; Кокорина, 2004. С. 70-71). Только на Балынгузском (Торецком) III поселении ее находки составили 22-30% (Валиулина, 2004. С. 158). Стратиграфия залегания этой посуды прослежена только на городище Джукетау: от 0,07 до 3 % в пригороде, и лишь 0,13 % в цитадели (Полубояринова, 1993. С. 83). Славяноидная керамика в большей степени встречается на памятниках по правобережью Вятки в округе г. Котельнича до устья р. Ватомы (на Ковровском городище – 43,7%, на Искре посуды с раковиной – 32,5%, с раковиной и шамотом – 16,2%) (Салангин, 1999. С. 154, Макаров, 1984. С. 106). На памятниках вокруг Никульчина и Хлынова процент этой керамики небольшой (Радионовское городище – 6,7%, Слободское, Хлыновское и Кривоборское городища – не более 10%) (Салангин, 1999). Единичные находки этой посуды обнаружены на средневековых памятниках Нижегородского Поволжья (Оленья Гора, Успенское городище).

В настоящее время в научной литературе существуют два мнения относительно происхождения и этнической принадлежности «славяноидной» посуды: 1) марийско-чувашская (Т.А. Хлебникова, А.Н. Кокорина), 2) славяно-финско-пермская (Л.Д. Макаров, К.А. Руденко, Д.А. Салангин).

Наиболее активно разрабатывается вторая точка зрения, на основании которой делаются попытки пересмотра этнокультурной принадлежности поселений Марийско-Чувашского Поволжья в XIV-XV вв. На основе находок керамики славянского и в большей степени «славяноидного типа» в Марийско-Чувашском Поволжье Л.Д. Макаров составил карту расселения русских поселенцев и все известные в этом регионе памятники XIV-XV вв. Л.Д. Макаров отнес к смешанным (Макаров, 2004. С. 116). Он не видит оснований в указанный период в Марийско-Чувашском регионе назвать ни один памятник марийским (Макаров, 2004. С. 125, рис. 1). За «финским» населением с «финской» посудой исследователь сохранил лишь несколько могильников в левобережье Волги, но они более ранние по отношению к рассматриваемому пласту памятников. Исходя из представленной карты и ряда высказываний автора возникает несколько вопросов. Если вся территория Марийско-Чувашского Поволжья в этот период была занята русскими поселенцами, то каковы исторические судьбы местного населения? Произошел уход марийского населения под давлением русских? Куда? В какой период? Вследствие

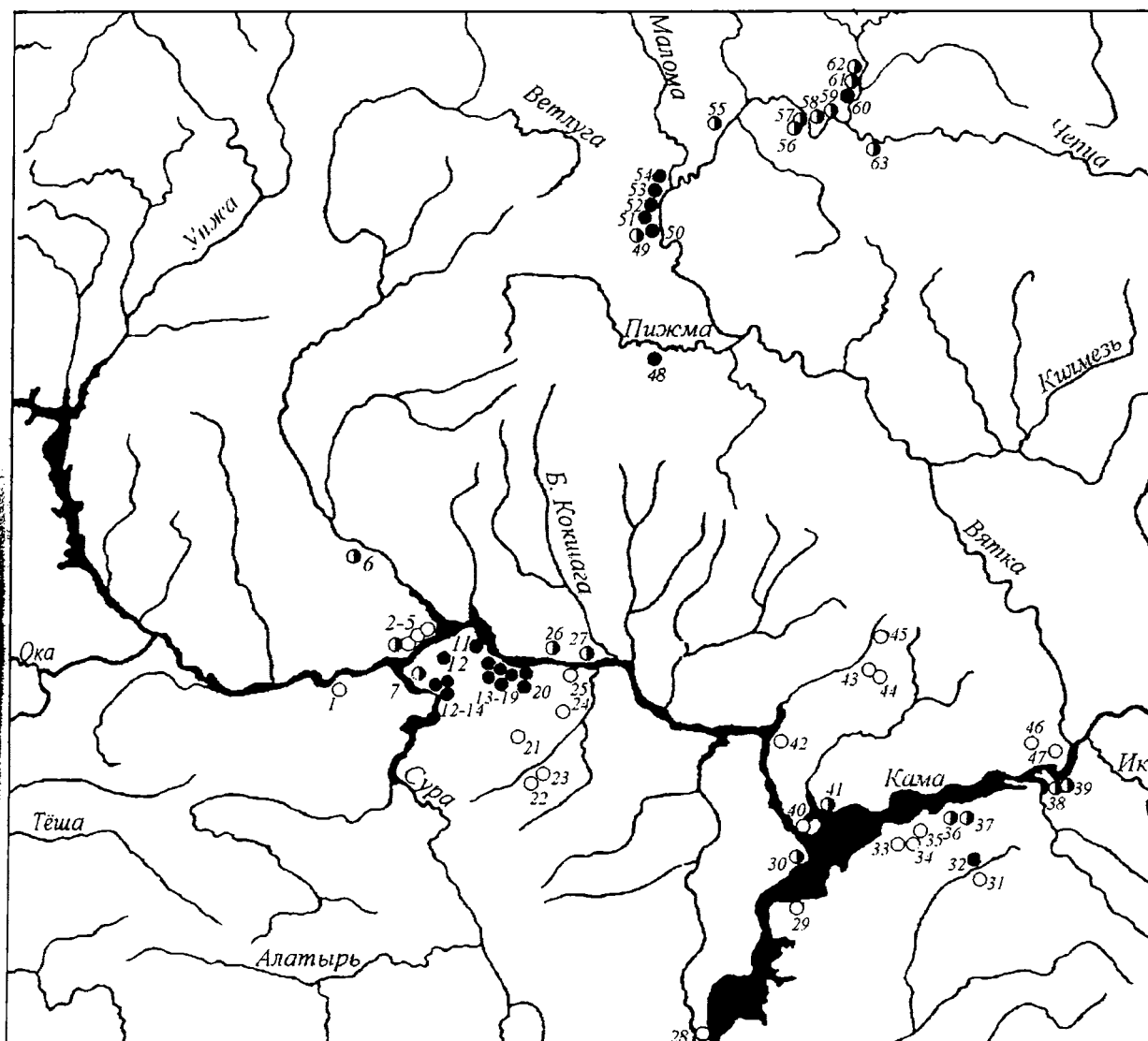
взаимной интеграции, о которой пишет Л.Д. Макаров, возможно произошла ассимиляция, подобно волжским финнам, в частности мере -. Исключено, поскольку сам же он утверждает о последующем уходе русских из освоенных ими ранее земель Волго-Вятского междуречья под давлением местных племен (Макаров, 2004. С. 123).

Славяно-русский след в Марийско-Чувашском Поволжье отмечался неоднократно многими исследователями, он проявился в наличии древнерусской посуды и вещей на средневековых поселениях Марийско-Чувашского Поволжья (Хлебникова Т.А.; Архипов Г.А.; Никитина Т.Б.). Славяно-русские вещи неоднократно фиксировались в марийских захоронениях XI-XIII вв. Количество славянской керамики на памятниках Горномарийского р-на от 15 до 18% (Хлебникова, 1967. С. 90), типологически эта посуда укладывается в XIV ЭКГ (Хлебникова, 1984. С. 198-200). Но ни на одном из известных поселений не удалось выделить жилых или хозяйственных построек с чисто, или преимущественно, славянским комплексом или обозначить локальную территорию с русской посудой. Не известно и ни одного самостоятельного славяно-русского поселения этого периода на правобережье Марийско-Чувашского Поволжья в зоне наибольшего распространения славяноидной керамики. Компактный куст поселений с русской посудой фиксируется в устье р. Ветлуги, левого притока Волги. За Сурой на территории Нижегородского Поволжья начинались земли, освоенные славяно-русским населением: Коринское, Наговицинское, Оленья Гора и др. поселения. Первые поселенцы на территории края зафиксированы по соседству, но обособлено за пределами основного массива марийского расселения. Так было в большинстве случаев при освоении славяно-русским населением территорий, населенных финно-угорскими племенами. Сеть первых древнерусских поселений на Белом озере располагалась по соседству с основным массивом веских поселений, но за пределами поселений (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 198). При освоении русскими Верхнего и Костромского Поволжья новые поселения возникали в непосредственной близости от мерянских поселков, зачастую гранича с ними, в более редких случаях развивались на основе прежних мерянских поселений (Леонтьев, 1996. С. 273-276). Аналогичная картина в системе расселения в XIV-XV вв. сложилась и в Среднем Поволжье. Скорее всего, многие из вещей, найденных на марийских поселениях, были привезены от русских с соседних, и в первую очередь с близлежащих за Сурой, территорий. Кроме того, не исключена возможность пребывания в Марийском

Поволжье, русских торговых людей, ремесленников, как это было в Волжской Болгарии (Полубояринова, 1993. С. 119-120), и просто отдельных вольных беглых поселенцев, изготовлявших русскую посу-

ду, которая технологически была более прочной и быстро распространялась в среде местного населения. Под влиянием древнерусской технологической традиции, в частности использовании круга, и сло-

○ – единичные находки; ◐ – до 20%; ● – более 20%.

Рис. 1. Карта распространения «славяноидной» керамики: 1 – Оленья Гора у г. Лыскова; 2 – Горношумецкое г-ще; 3 – Сутырское II с-ще; 4 – Сутырское V с-ще; 5 – Сутырское XIV с-ще; 6 – Успенское г-ще; 7 – Васильсурское V г-ще «Репище»; 8 – с-ще Красное селище II; 9 – с-ще Красное селище III; 10 – с-ще Красное селище IV; 11 – Сиухинское с-ще; 12 – с-ще Нижние Шелаболки; 13 – Носельское II с-ще; 14 – Носельское III с-ще; 15 – Ключевское с-ще; 16 – Важнангерское с-ще; 17 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище; 18 – Шартнейское с-ще; 19 – Юльясское с-ще; 20 – Сауткинское с-ще; 21 – Таутовское с-ще; 22 – Янмурзинское с-ще; 23 – Челкасы с-ще; 24 – Больше-Янгильдинское с-ще; 25 – Чебоксары; 26 – Отарское с-ще; 27 – Уржумкинское II с-ще; 28 – Кайбельское с-ще; 29 – город Болгар; 30 – Сюкеевское с-ще; 31 – Билярское III с-ще; 32 – Бальнугузское (Торецкое) III с-ще; 33 – Красный Октябрь с-ще; 34 – Нижнемарьяновское с-ще; 35 – Первомайское с-ще; 36 – Дамба I с-ще; 37 – Дамба III с-ще; 38 – Джукетау г-ще; 39 – Донауровское III с-ще; 40 – Рождественское с-ще; 41 – Чак-ма (Лаишевское) с-ще; 42 – Казанский Кремль; 43 – Русско-Урматское с-ще; 44 – Камеевское г-ще; 45 – Бужинское с-ще; 46 – Чалыновское г-ще; 47 – Кирменское г-ще; 48 – с-ще Покста II; 49 – Котельничское г-ще; 50 – Искра с-ще; 51 – Искра II с-ще; 52 – Ковровское г-ще; 53 – Шабалинское с-ще; 54 – Шабалинское г-ще; 55 – Орловское г-ще; 56 – г. Хлынов; 57 – Вятское г-ще; 58 – Никулицын; 59 – Никуличинское с-ще; 60 – Родионовское с-ще; 61 – Подчуршинское с-ще; 62 – Слободское г-ще; 63 – Кривоборское г-ще.

жилась в местной среде новая посуда, которая изготавливалась из традиционных формовочных масс, но приобретает иное оформление.

Распространение «славяноидной» керамики в целом совпадает с территорией расселения марийцев, зафиксированной русскими летописями (рис. 1). Западная граница проходила в районе Поветлужья и нижнего течения р. Суры. На востоке данная посуда фиксировалась на памятниках Волжской Болгарии, преимущественно в устье р. Камы и Заказанье. О проживании финно-угорского населения в рамках этого полиэтничного государства имеется не мало сведений. Казанский летописец упоминает там марийцев даже во второй половине XVI в. (Сказание о царстве Казанском. С. 27). Судя по залеганию керамики на городище Джукетау (Полубояринова, 1993. С. 83), черемисы в рамках этого государства составляли непривилегированное общинное население, состоящее из крестьян и ремесленников. Это же подтверждают находки на Сюкеевском городище, где Н.А. Кокорина предполагает поселок камнетесов, выходцев из Марийско-Чувашского Поволжья (Кокорина, 2002. С. 107). Очень часто «славяноидная» керамика XVI ЭКГ встречается совместно с примитивно круговой толстостенной посудой с грубыми примесями из шамота, растительности, раковины, дресвы, слюды, выделенной Н.А. Кокориной в группу XXII и связанной с финно-угорским населением (Кокорина, 1994. С. 194–195, рис. 10). Далеко не всегда обе группы керамики располагаются на одних и тех же памятниках, но распространены на близкой территории, иногда на расположенных по соседству памятниках.

Письменные источники неоднократно упоминают марийцев в середине II тыс. на р. Вятке, где располагается еще одна крупная группа памятников со «славяноидной» керамикой. В «Повести о стране Вятской» марийские жилища отмечаются вокруг Кокшарова, который позже стал русским городом Котельничем (Повесть о стране Вятской. С. 31, 33). Чуть выше по Вятке упоминаются уже «отяцкие» жилища (Повесть о стране Вятской. С. 29, 31). Судя по этому письменному источнику, граница расселения между древнемарийскими и древнеудмуртскими землями в этот период проходила в междуречье р. Малома и Ватома. В пользу этого утверждения говорят и данные топонимики, особенно распространение марийских гидронимов на – нер, – нар, – енер, – енгер, северная граница которых проходит приблизительно по линии Котельнич – Шарья – Макарьев (Воронцова, Галкин, 2002. С. 21). И, напротив, удмуртский пласт наиболее выразителен на территории простирающейся севернее устья Мало-

мы. Известный удмуртский исследователь М.Г. Атаманов проанализировал «Список населенных мест Вятской губернии 1859-1873 гг». Им обозначено 17 названий географических терминов удмуртского языка в Вятском, Слободском и Орловском уездах и только один в Котельничском (Атаманов, 1997. С. 54-55). Таким образом, территория наиболее активного распространения «славяноидной» посуды совпадает с территорией расселения марийского этноса. Проникновение «славяноидной» посуды в группу памятников вокруг Никульчина и Хлынова явилось результатом взаимных контактов между соседними этносами. Эти контакты между марийским и удмуртским населением должны быть еще более активными XIII–XV вв., когда оба народа племена на Вятке развивались в системе одного государственного образования, Вятской земли, под сильным воздействием русского населения.

- Атаманов М.Г. 1997. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск.
- Валиулина С.А. 2004. Балыгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период. Казань.
- Воронцова О.П., Галкин И.С. 2002. Топонимика Республики Марий Эл (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола.
- Кокорина Н.А. 1994. О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК, вып. 23. Йошкар-Ола.
- Кокорина Н.А. 2002. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI-начала XV веков. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань.
- Леонтьев А.Е. 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Макаров Л.Д. 1984. Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск.
- Макаров Л.Д. 2004. Взаимодействие древнерусского населения с финно-угорскими народами Прикамья // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Михеева А.И. 2004. Характеристика керамического материала Юльяльского селища (по результатам исследований 2003 г.) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских на-

- родов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б. 1991. Юльяльское селище (к вопросу о марийско-русских связях в эпоху средневековья // Межэтнические связи населения Марийского края. АЭМК, вып. 20. Йошкар-Ола.
- Повесть о стране Вятской // Труды ВУАК. 1905. Вятка III, отдел II
- Полубояринова М.Д. 1993. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М.
- Салангин Д.А. 1998. Керамика Вятской Земли. Итоги и перспективы изучения // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург. Ч. I.
- Салангин Д.А. 1999. Круговая неполированная посуда Вятского края в XII-XVIII вв. (по археологическим источникам). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск.
- Хлебникова Т.А. 1967. Археологические памятники XIII-XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23-25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола.
- Хлебникова Т.А. 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. Казань.

Л.В. Покровская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предметы прибалтийско-финского облика Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)

Людин конец – один из древнейших концов средневекового Новгорода, расположенный на левом берегу Волхова, к югу от Детинца. В 1973 г. здесь были начаты работы на Троицком раскопе, которые продолжаются до сих пор. Предметы прибалтийско-финского облика, найденные на Троицком раскопе в слоях второй половины X – XIV в., представлены украшениями (92 экз.).

Привески (25 экз.) Зооморфные привески (5 экз.) Пластинчатая привеска-уточка, относится к слою конца XI в. Подобные привески известны у ливов, эстов и в курганном могильнике у д. Залахтово (Рябинин, 1981. С. 16–17; Хвошинская, 2004. С. 72–73; табл. XVI: 21, XXV: 12). Пластинчатые коньки-амулеты (3 экз.) XIII типа, 3 варианта, найдены в слое XIII в. (Рябинин 1981. С. 27–28). Привески этого типа в основном концентрируются на памятниках эстов и ливов (Хвошинская, 2004. С. 73). Двухголовая плоская непрорезная привеска (конек) найдена в слое середины XI века. Аналогичная привеска происходит из ливского могильника (Tonisson, 1974. Abb 29: 4). Игольники (5 экз.). Среди игольников: три с арочными навершиями и два цилиндрических. Они найдены в слоях второй половины X, XIII и XIV вв. Привески-игольники широко известны среди финно-угорских древностей (Седова, 1981. С. 34–35). Конусовидные привески (2 экз.) происходят из слоя первой половины XIII в. Такие привески встречаются в Приладожье, Белозерье и бассейне Север-

ной Двины (Голубева, 1973. Рис. 4: 2). Ф-образные привески (2 экз.) найдены в слоях второй половины XIII в. и конца XII в. (рис. 2: 36). Подобные привески известны среди древностей Карельского перешейка (Кочкуркина, 1982. С. 112). Привески-ножны (2 экз.) были широко распространены в Прибалтике (Недошивина, 1993. С. 39–45; Рябинин, 1988. С. 61). Один из них найден в слое 2 половины XI в., второй, представляющий собой вариант двойных ножен, происходит из слоя 2 половины XIII в. Цепедержатели (10 экз.). Арочный и арочкообразные цепедержатели (3 экз.) были широко распространены у прибалтийских финнов (Финно-угры и балты.... Рис. 1, табл. IV, табл. VIII: 14; Хвошинская, 2004. С. 71). На Троицком раскопе они происходят из слоев XI, XIII и XIV вв. Двухспиральные цепедержатели (7 экз.) найдены в слоях XIII–XIV вв. (рис. 1: 4, рис. 2: 3в). Шесть из них относятся к I типу (Кочкуркина, 1982. С. 112). Цепедержатель II типа 2 варианта относится к слою XIII в. Этот вариант был в основном распространен в пределах расселения летописной корелы (Кочкуркина, 1982. С. 113).

Фибулы (17 экз.). Фибулы с гранчатой головкой пластинчатые или сегментного сечения и орнаментом на дуге и головках (5 экз.). На Троицком раскопе фибулы этого типа найдены в слоях конца X–XIV в. (рис. 1: 3, 5). Характер орнамента одной из фибул этого типа свидетельствует о том, что она, что она карельского происхождения (Salmo, 1956. S. 89–94;

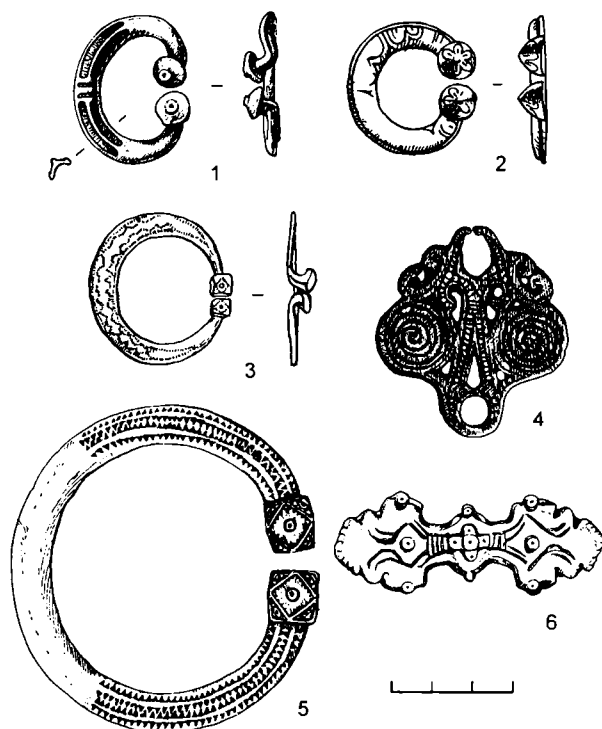

Рис. 1. Находки с Троицкого раскопа. 1–3, 5 – подковообразные фибулы (1, 2 – с конусовидными головками; 3, 5 – с гранчатыми головками и орнаментом на дуге); 4 – двуспиральный цепедержатель; 6 – равноплечная фибула.

Кочкуркина, 1981. Табл.14: 2, 3). Фибулы с гранчатой головкой и утолщением в средней части дуги (2 экз.) найдены в слоях XIII – XIV в. Основная масса фибул этого типа происходит из памятников эстов и ливов. (Седова, 1981. С.88). Фибула с многогранными головками найдена в слое конца XI – первой половины XII в. Фибулы этого типа по своему происхождению связываются с Балтийским регионом (Седова. С. 86; Мальм, С. 161). Фибулы с зооморфными головками (5 экз.). Одна из них относится слою второй половины XI в., остальные фибулы этого типа найдены в слое начала XIV в. Подобные фибулы известны среди прибалтийских древностей (Седова, 1981. С. 89; Финно-угры и балты..., табл. III: 10). Фибулы с конусовидными головками (2 экз.) найдены на Троицком раскопе в слоях первой половины XIII и начала XIV в. (рис. 1: 1, 2). Подобные фибулы встречаются среди древностей прибалтийских финнов (Седова, 1981. С.89). Фибула с ромбовидными головками происходит из слоя первой половины XIII в. Такие фибулы известны в Прибалтике (Седова, 1981. С. 86). Скорлупообразная фибула найдена в слое рубежа XII – XIII вв. (рис. 2: 3а). В основном,

подобные фибулы распространены на территории расселения древнекарельских племен (Кочкуркина, 1982. С. 108). Равноплечная фибула найдена в слое конца XI в. (рис. 1: 6). Такие фибулы известны на территории Финляндии и Приладожской Карелии (Носов, Хвошинская, 2007. С. 11–12).

Булавки (16 экз.). Булавки с крестовидными головками (2 экз.) найдены в слое XI в. и конца XIII в. Они считаются характерным украшением эстов (Финно-угры и балты... С.19). Вариантом этого типа являются булавки с ажурными крестовидными головками (2 экз.), происходящие из слоев первой половины XI и первой половины XII в. (рис. 2: 1). Подобные булавки известны у води и эстов (Рябинин, 1997. С. 30, Рис. 5: 1; Хвошинская, 2004. С. 69–70). Булавки с кольцом, продетым через шарообразную головку (11 экз.) хорошо известны среди прибалтийских древностей (Седова, 1981. С.77). Они появляются на Троицком раскопе в конце XI в. и бытуют до второй половины XIII в. Традиция использования булавок воспринимается в Новгороде и творчески перерабатывается городскими ремесленниками, приспособлявая этот тип украшения к новгородскому костюму (Покровская, 1998. С. 7–8).

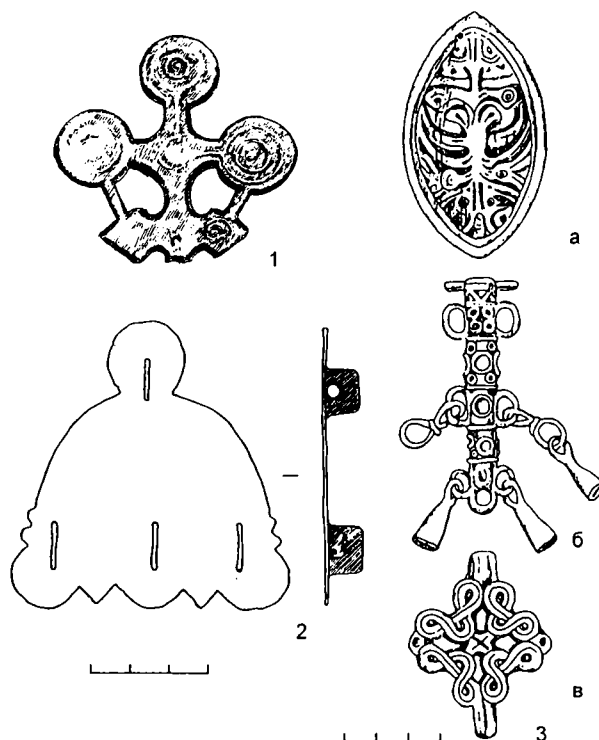

Рис. 2. Находки с Троицкого раскопа. 1 – булавка с ажурной крестовидной головкой; 2 – арочкообразный цепедержатель; 3 – Карельский убор: а – скорлупообразная фибула; б – «Ф-образная» пронизка; в – двуспиральный цепедержатель.

Браслеты (18 экз.) Звериноголовые браслеты (1 экз.) – характерное украшение балтских племен (Седова, 1981. С. 112). Известны они и у прибалтийско-финских племен, в частности, у эстов (Финно-угры и балты... С.19). На Троицком раскопе звериноголовый браслет найден в слое первой половины XI в. Узкомассивные браслеты (9 экз.) найдены в основном в слоях второй половины X – конца XI в. (6 экз.), три браслета происходят из слоя первой половины XIII в. Их широкое распространение в Юго-Восточной Прибалтике позволяет предположить, что именно оттуда они попадают в северо-западные районы Новгородской земли (Левашова, 1967. С. 242, Седова, 1981. С. 103). Ширококонечные браслеты (6 экз.) найдены в слоях второй половины XI – второй половины XIII в. Браслеты этого типа широко распространены на памятниках Балтийского региона (Седова, 1981. С. 110). Браслеты с колечками для привешивания шумящих украшений (2 экз.) найдены в слое первой половины XIV в. “Шумящие браслеты”, несомненно, финно-угорское украшение, так как использование разного рода шумящих украшений было характерно для финно-угров.

Спиральный перстень найден в слое конца XIII в. Подобные перстни известны у балтов и прибалтийских финнов (Седова, 1981. С. 125)

Спиральки. (14 экз.). Украшение верхней одежды и головных уборов бронзовыми спиральками было широко распространено у балтских и западнофинских племен (Хвошинская, 1993. С. 157, 166). На Троицком раскопе они относятся к слоям второй половины X – XIV в. Кроме того, здесь было найдено два фрагмента ткани, украшенных спиральками.

Большинство предметов прибалтийско-финского облика, происходящих из раскопок в Людином конце средневекового Новгорода, относятся к группе нагрудных украшений (фибулы, булавки, привески). Богатый нагрудный убор был характерен для прибалтийско-финских племен, в котором булавки или фибулы располагались симметрично. Древнерусское население северо-западных районов Новгородской земли, используя финно-угорские украшения, применяло их к собственному покрою одежды в качестве декоративного элемента (Рябинин, Хвошинская, 1990. С. 43). Думаю, что большинство предметов прибалтийско-финского облика, найденных на Троицком раскопе, могли использоваться в городском средневековом костюме подобным образом. Исключение составляет карельский нагрудный убор (рис. 2: 3), найденный на усадьбе В (Покровская, 2005. С. 120–132.). С этой же усадьбы проис-

ходит карельская бронзовая орнаментированная рукоять ножа (Финно-угры и балты... С. 46–47).

- Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. М.
- Кочуркина С.И., 1982 Древняя корела Л.
- Кочуркина С.И., 1981. Археологические памятники корелы. Л.
- Левашова В.П., 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.
- Мальм В.А. 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Недошивина Н.Г., 1993. Об одной группе древнерусских амулетов // Средневековые древности Восточной Европы, Труды ГИМ. Вып. 82. М.
- Носов Е.Н., Хвошинская Н.В., 2007. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб.
- Покровская Л.В., 1998. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Покровская Л.В., 2005. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород.
- Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. // САИ. Вып. ЕИ-60. Л.
- Рябинин Е.А., 1988. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М.
- Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.
- Рябинин Е.А., Хвошинская Н.В., 1990. Культура прибалтийско-финского и русского населения Северо-Западных районов Новгородской земли на современном этапе археологического изучения. В кн. Финны в Европе VI–XV века. Часть II. М., 1990.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987.
- Хвошинская Н.В., 1993. Об особенностях костюма населения Восточно-балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб.
- Хвошинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
- Salmo H., 1956. Finnische Hufeisenfibeln. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen AikakausTkirja 56. Helsinki.
- Tonisson E., 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallinn.

К.А. Руденко

Национальный музей Республики Татарстан, Казань

О необычных захоронениях на Остолоповском селище X–XII вв. в Татарстане

Остолоповское селище, известное с конца XIX в., стационарно исследуется с 1960-х гг. Оно расположено в 2,5 км к востоку от с. Речное (Остолопово) Алексеевского района Татарстана, в левобережье р. Кама на останце коренной террасы, ограниченный с юга и юго-востока поймой р. Шентала, левого притока Камы. Памятник разрушается водохранилищем.

С 1999 г. охранно-спасательные раскопки на селище ведутся экспедицией Национального музея Татарстана под руководством К.А. Руденко. В течение нескольких лет основное внимание было уделено работам на северном побережье, где разрушалась часть построек усадьбы XI–XII вв. В 2003 г. на XII раскопе в пределах этого комплекса, была выявлена яма 6, в заполнении которой были обнаружены человеческие останки.

На глубине – 80–101 см у западной стенки котлована были расчищены крупные кости скелета человека. Они залежали компактно в рыхлой пестроцветной супеси. В заполнении вместе с человеческими останками были найдены расколотые кости животных и фрагменты керамики. Ниже в заполнении котлована ямы так же встречались фрагменты средневековой керамики, кости животных и мелкие камушки.

Человеческие кости были сложены в следующем порядке. В самом низу находились тазовые кости, две кости рук и лопатка. Их перекрывали две берцовые кости, положенные крест накрест под ними. На крестце лежала нижняя челюсть с сохранившимися несколькими зубами. Череп отсутствовал. Между лучевыми костями плеча и берцовой костью находилось ребро. Другое ребро лежало у таза вместе с несколькими мелкими костями стопы. Расстояние между костями и расположение их свидетельствует, что при захоронении они имели на себе некоторое количество органического вещества (сухожилий и мяса). Останки, по определению А.П. Бужиловой, принадлежали мужчине 40–49 лет.

Датирующих предметов в яме не обнаружено. По стратиграфии яму можно датировать серединой, третьей четвертью XII в.

Таким образом, захоронение (об этом свидетельствует характер залегания костей скелета) было

сделано преднамеренно в выгребной яме. При этом был захоронен не весь скелет, а его части: нижние и верхние конечности, нижняя челюсть, часть таза и ребра. Фрагментарность скелета (отсутствие черепа, и верхней части костяка) позволили предположить, что это перезахоронение более раннего времени (поселение эпохи бронзы расположено менее чем в 400 м от селища). Однако результаты исследований специалистов* опровергли эту догадку. Возникла версия о ритуальном характере этой находки.

Однако этот случай оказался не единичным на этом поселении. В ходе раскопок 2007 г. на противоположной части селища на дне хозяйственной ямы №5, раскопа XVIII были обнаружены останки трех индивидов. Обстоятельства их захоронения разительно отличались от вышеописанного случая, что опровергало версию о ритуальном характере частичного погребения исследованного ранее.

Костяки, лежавшие на дне хозяйственной ямы, которая была предназначена, судя по форме и размерам для хранения зерна, были засыпаны стерильной землей – черноземом. Яма после произведенных действий была заброшена, постепенно заполняясь отслоившимся от стенок грунтом. Спустя какое-то время, она стала использоваться для свалки бытового мусора, а затем жидких и твердых кухонных отходов и мусора, пока не заполнилась до верху.

Костяк №1 (мужчина 35–40 лет)** находился на дне ямы в положении лежа на животе. Ноги его были согнуты в коленных суставах, так что голень левой ноги перекрывала голень правой. Кости стоп лежали на тазовых костях костяка №3. Большие берцовые кости располагались параллельно друг другу.

Верхний отдел скелета был выше остальных, так как находился почти в вертикальном положении, опираясь на стенку ямы. Разница высот между тазовыми костями, находившимися на дне и верхней точкой черепа прилегающего к стенке объекта, составляет 54 см. Кости рук зафиксированы в согнутом положении по обеим сторонам от грудной клетки; кисти на уровне шеи. Левое плечо находилось выше правого. Причем основание черепа располагалось на правом плече, на левом же лежал череп костяка №2.

Пальцы левой руки широко расставлены, для

поддержания положения верхней части туловища на этой высоте. Фаланги пальцев буквально впечатались в стенку ямы: очевидно, что человеком прилагались значительные усилия, чтобы подняться или удержаться в этом положении. Пальцы правой руки ослаблены и, скорее всего, сползли вниз по стенке ямы под тяжестью лежавшего сверху тела человека (костяк № 2).

Голова у погибшего была резко запрокинута назад, что объяснялось с одной стороны плотным прилеганием верхней части туловища к стенке ямы, а с другой тяжестью находившегося сверху другого тела. Вследствие этого шея плотно прилегала к стенке ямы

Череп повернут лицевой частью вверх. Нижняя челюсть плотно прижата к верхней и зафиксирована землей заполнившей рот до гортани.

Костяк № 2 (девочка (?) 13–15 лет) располагался на левом боку, охватывая руками шею костяка № 1. Череп этого скелета, повторяя движение туловища, находился на левом боку; лицевой частью был обращен к северу в сторону черепа костяка № 1. Таз развернут в сторону стенки ямы, ноги чуть расставлены. Бедренные кости расположены параллельно, но наклонно к плоскости дна, вероятно сохранив позу при падении сверху. Перепад высоты между правой и левой ногой составляет 11 см. Голени упираются в стенку ямы, но в целом, повторяют общее направление движения отдела нижних конечностей. Пальцы левой стопы упираются в дно котлована, пальцы правой стопы вывернуты (вывихнуты?) и прижаты к стенке ямы. У щиколотки правой ноги расчищен железный нож с деревянной рукоятью.

Костяк № 3 (мужчина 30–35) расположен в юго-восточной части объекта у стены на спине. Ноги согнуты в коленях и прижаты стопами к стенке котлована. Основание стопы правой ноги располагалось на голени левой ноги. Таз был развернут на левый

бок, как и туловище. Правая рука была согнута в локте. Плечевая кость расположена вдоль туловища, точнее на ребрах грудной клетки; кости предплечья находятся в области нижней части грудной клетки. Пальцы кисти правой руки находились на левой стороне низа грудной клетки под скрещенными голеними костяка № 1. Левая рука так же согнута в локте располагалась сбоку от туловища смыкаясь в районе нижней части грудной клетки (живота) с правой.

Лицевая часть черепа обращена влево и вниз. Общее направление черепа на северо-запад. Кости лицевого отдела разрушены, сам череп деформирован. Земли внутри черепной коробки не было.

Все три костяка были засыпаны одновременно, причем земля для погребения была взята непосредственно с самой ямой и зафиксирована при раскопках как яма № 6, соединявшаяся с ямой № 5 небольшой перемычкой. Расчет объема вынутой земли из ямы № 6 составляет от 1,2 м³ до 2,2 м³ что соответствует количеству земли использованному для заполнения нижней части котлована ямы № 5 – не менее 1,6 м³.

Предварительно ямы № 5 и № 6 раскопа XVIII датируются XII в.

Анализ материалов полученных при раскопках позволяет предполагать, что эти случаи захоронений связаны между собой. Следов тотальных пожаров и разрушений на селище фиксировалось при раскопках и ранее, но каков был характер этих явлений, оставалось не ясным. Трагедия происшедшая 800 лет назад проливает свет на историю данного поселения, позволяет понять и объяснить зафиксированные в ходе раскопок археологические данные.

* Благодарю д.и.н. А.П. Бужилову за определение данных антропологических материалов и консультации.

** Определение пола и возраста проведено Д.И. Гаутауллиной.

Э.А. Савельева

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья (итоги и перспективы исследований)

Планомерное археологическое изучение Европейского Северо-Востока, в том числе памятников эпохи средневековья, началось в конце 1950-х гг. В процессе сплошного археологического обследо-

вания Печорского бассейна В.И. Канивцом были открыты и исследованы, наряду с другими, и средневековые памятники. В 1960-е гг. проводились раскопки Канинской и Уньинской пещер (Канивец, 1961.

С. 91–99; Канивец, 1964), средневековые слои которых он сопоставлял с нижеобскими уграми (Канивец, 1961. С. 98; 1964. С. 118). В 1967 г. были проведены раскопки на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в Большеземельской тундре, в 1969–1971 гг. – на Адакском пещерном святилище, в процессе которых обнаружены богатейшие материалы, однако, в связи с трагической гибелью исследователя они не были введены им в научный оборот. Раскопки Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места были завершены А.М. Мурыгиным, на котором были выделены два культурно-хронологических горизонта, один из которых (VI–X вв.) сопоставлялся с аборигенным досамодийским населением (пещера и сииртя), второй (XI–XIV или XV вв.) – с пришлыми самодийскими племенами (Мурыгин, 1984. С. 27–30).

Исследование Адакского пещерного святилища было продолжено в 1984–1985 гг. Е.Н. Рябцовой и В.А. Семеновым (Рябцева, Семенов, 1990. С. 66–72). Значительная часть вещевого инвентаря памятника отнесена к эпохе позднего средневековья (XI–XIV вв.), ближайшие аналогии которому отмечены на памятниках вымской культуры. Этнокультурная принадлежность позднесредневекового слоя святилища исследователями не определяется, однако, отмечаются “сильные пермские этнокультурные связи”.

В.И. Канивец, основываясь на гипотезе о принадлежности древностей пещеры предкам коми-зырян (В.Т. Татишев, С.В. Бахрушин, А.А. Зимин и др.), считал, что пещера заметно отличалась от воинственных угров. С ней он сопоставлял “чуждые ямы” возле с. Аранец на Печоре, открытые в начале XX в. известным путешественником В.В. Русановым (Канивец, 1963. С. 74–80). Однако, большинство предметов аранецкой коллекции являются привозными из Новгородской земли и не могут служить этническим индикатором.

По мнению А.М. Мурыгина, летописной пещерой, которую он относит к досамодийскому, палеоазиатскому этносу, оставлено Эшмесское пещерное святилище X–XI вв. на р. Эшмес, притоке Белой Кедвы (Мурыгин, 1987. С. 35–42). К сожалению, специфика культурных остатков святилища (отсутствие керамики, украшений, орудий труда и предметов быта) затрудняют этнокультурную идентификацию памятника и не позволяют согласиться с аргументацией исследователя.

С пещерой связывается и исследованный на нижней Печоре в окрестностях древнего г. Пустозерска уникальный комплекс памятников, включающий городища и святилища с оговоркой, что различия между летописной пещерой и самоядью (пришлым населением) не определены (Ясински, Овсянников,

2003. С. 87). Таким образом, это предположение является чисто умозрительным.

На современном уровне археологической изученности региона более аргументированной представляется этнокультурная идентификация Нерицкого могильника X–XI вв. на средней Печоре, сопоставляемого с пещерой (Истомина, 1997. С. 106–119). Т.В. Истоминой в погребальной обрядности и керамике Нерицкого могильника выявлены черты сходства как с вычегодско-пермскими, так и с зауральскими угро-самодийскими памятниками, что объясняется или смешанным составом населения Печорского Приуралья или постоянными контактами “носителей разных этнокультурных традиций” (Истомина, 1997. С. 119).

Среди средневековых памятников Припечорья представляют интерес комплекс памятников у пос. Новый Бор на нижней Печоре, за полярным кругом, включающий угорские городища XII–XIII вв. (Плюснин, 1991. С. 115, 116) и неукрепленное поселение XIII – XV вв. с древнерусской керамикой (Багин. Отчет, 2002), а также городище Поньювом рубежа XII–XIII, начала XIII в. на р. Ижма, которое отнесено к вымской культуре (Плюснин, Волокитин, 1990. С. 11–12).

В Печорском бассейне выделяется группа памятников, в основном святилища, этнокультурная идентификация которых затруднена в связи со спецификой материалов культовых памятников или их малочисленностью. К ним относятся Адакское пещерное святилище Рябцева, Семенов, 1990. С. 66–72), ритуальный комплекс Лек-Ижман II на р. Ижма (Истомина, 1998. С. 112–120), скальное святилище Арка, а также городище XI–XII вв. у д. Васильевка в урочище Поганый нос на Ижме (Лузгин, 1972. С. 17).

В целом, эпоха средневековья Печорского края остается одним из археологически слабо изученных периодов Европейского Северо-Востока. Выделяются древности, сопоставляемые с уграми, к которым относятся позднесредневековые слои Канинской и Уньинской пещер, ряда поселений на верхней и средней Печоре, городища Новый Бор I–IV на нижней Печоре. Предположительно, пещерой оставлены Нерицкий, Аранецкий могильники, Эшмесское святилище, I слой Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, а также комплекс, включающий святилище и два городища возле Пустозерска на нижней Печоре. С древними самодийцами, предположительно, связан II слой Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места. Предварительно, с пришлым русским населением сопоставляется поселение Новый Бор III/3, на котором обнаружены гончарные сосуды. Возможно, вымчачи было основано городище Поньювом на Ижме.

В настоящее время более обеспеченной источниками является эпоха средневековья бассейна Вычегды, планомерное изучение которой началось в 1960-е гг., итогом которого стало выделение вымской культуры (Савельева, 1971; 1987), представленной шестью локальными вариантами (вымским, нижневычегодским, средневычегодским, удорским, прилузским и верхнесыольским), соответствующими территориально-племенным объединениям предков современных коми-зырян (Савельева, 2006). Ядром формирования культуры перми вычегодской являлась Вымская земля (Савельева, 1987). На нижней Вычегде известно четыре могильника, из них исследовано два (Чежтыягский и Ленский). Последний отличается большим своеобразием. По керамике, вещевому инвентарю он близок памятникам перми вычегодской, в погребальном обряде прослеживается прибалтийско-финский компонент. Не исключена вероятность смешанного состава населения, оставившего могильник (Савельева, 2005). Долина средней Вычегды была одним из периферийных районов обитания перми вычегодской (Королев, 1994 С. 24). На Удоре, Сыsole и в Прилузье культура перми вычегодской представлена единичными памятниками. На Удоре частично раскопан лишь один могильник – Вильгортский на Вашке, притоке Мезени, датируемый XIII–XIV вв. (Савельева, 1971). На верхней Сыsole исследовано два небольших могильника – Ужгинский I и II, которые сопоставляются с предками ужговских сырьян (Чеснокова, 1994). Вотчинский могильник X–XI вв. на средней Сыsole, по мнению Т.В. Истоминой, относится к особому культурному типу, близкому родановской, чепецкой и древнемарийской культурам (Истомина, 1999). Векшорский могильник на р. Луза предположительно отнесен к памятникам лузской пермцы (Савельева, Игушев, 1998). Особое место среди памятников эпохи средневековья занимают Лоемский могильник и поселение на р. Луза, которые оставлены пришлым из северо-западных районов Новгородской земли смешанным (финно-русским) населением (Савельева, 1995).

Одним из важных достижений современного этапа археологического изучения региона является исследование древнерусских памятников. В настоящее время они представлены тремя типами. К первому относятся небольшие слабо укрепленные поселения XII–XIII вв. (городища Новик и, возможно, Карыбйивское) (Королев, 2008. С. 123–130; Кленов, 2007. С. 146–147), ко второму – небольшие мысовые неукрепленные поселения типа Гуль-Чунь на Сыsole рубежа XII–XIII вв. (Кленов, Игушев, 2005. С. 78–90), к третьему – Пожегское городище с мощ-

ными дерево-земляными укреплениями, богатым культурным слоем, функционировавшее со второй половины XII в. до XIV в. (Савельева, Кленов, 1992).

Новейшие материалы исследований древнерусских поселений дают новые свидетельства глубокого воздействия древнерусской культуры на формирование культуры Перми вычегодской. Тот факт, что на всех древнерусских поселениях наряду с преобладающими древнерусскими представлены изделия местных мастеров, в том числе лепные сосуды, является свидетельством не только активных коми-русских контактов, но и бизтничного состава населения.

В целом эпоха средневековья бассейна Вычегды изучена неравномерно и преимущественно на материалах могильников, что значительно ограничивает возможности исторических реконструкций, как этнокультурных, так и социально-экономических. Исключительно актуальной остается проблема древнерусской колонизации региона, которая сыграла исключительно важную роль в формировании коми этноса, его материальной и духовной культуры.

- Багин А.Л. 2002. Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2001 г. Сыктывкар.
- Игушев А.Р., Кленов М.В., 2005. Поселение Гуль-Чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Истомина Т.В., 1997. Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков (научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса). Сыктывкар.
- Истомина Т.В., 1998. Средневековый ритуальный комплекс Лек-Ижман II на р. Ижме // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар.
- Истомина Т.В., 1999. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). (МАЕСВ; Вып. 16). Сыктывкар.
- Канивец В.И., 1961. Археологическое изучение Печорского Приуралья // Второе Уральское археологическое совещание. Итоги и проблемы изучения Урала. Свердловск.
- Канивец В.И., 1963. Археологические находки путешественника Владимира Русанова // ИФС. Сыктывкар.
- Канивец В.И., 1964. Канинская пещера. М.
- Кленов М.В., Игушев А.Р., 2005. Поселение Гуль-Чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Королев К.С., 1994. Долина средней Вычегды в эпоху раннего железа и средневековья: Автореф. дис.... к.и.н. Ижевск.
- Королев К.С., 2008. Городище Новик на Средней Вычегде

- (Республика Коми) // РА, № 2.
- Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.
- Мурыгин А.М., 1984. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. (Науч. докл./ КФАН СССР; Вып. 114). Сыктывкар.
- Мурыгин А.М., 1987. Древнее святилище в Эшмесской пещере // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Плюснин С.М., 1991. Городища Нового Бора // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Междунар. Симпоз.: Тез. докл. Сыктывкар.
- Плюснин С.М., Волокитин А.В., 1990. Средневековое городище на Ижме // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. Сыктывкар.
- Рябцева Е.Н., Семенов В.А., 1990. Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // КСИА. № 200. М.
- Савельева Э.А., 1971. Пермь вычегодская. М.
- Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.
- Савельева Э.А., 1995. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. МАЕСВ. Вып. 13. Сыктывкар.
- Савельева Э.А., 2005. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Савельева Э.А., 2006. Формирование этнической территории древних коми-зырян // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып. 4. Часть 1. – Москва-Сыктывкар.
- Савельева Э.А., Кленов М.В. 1992. Пожеское городище (Науч. Докл./ Коми науч. Центр УрО Рос.АН; вып. 278. Сыктывкар.
- Савельева Э.А., Игушев А.Р., 1998. Векшорский могильник // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. (МАЕСВ; Вып. 15). Сыктывкар.
- Чеснокова Н.Н., 1994. Жизнь на погосте. Предки зырян ужговских в их современном восприятии и в археологических источниках // Смерть как феномен культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар.
- Ясински М.Э., Овсянников О.В., 2003. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.

С.Е. Саранцева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Некоторые вопросы технологии изготовления черепицы чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.)

Петрографический метод изучения керамических изделий позволяет выяснить определенные звенья технологического процесса производства керамических изделий, например, такие, как выбор сырья, установление состава формовочных масс, выявление приемов обработки поверхности, ориентировочной температуры обжига изделий и другие вопросы (Жушиховская, Залищак, 1986. С. 55–67; Сайко, Жушиховская, 1990. С. 24–44; Гельман, Залищак, Болдин, 1998. С. 103–106 и др.). В последнее время появилась возможность апробировать данный метод и по отношению к черепице, обнаруженной на чжурчжэньских памятниках в Приморье.

На предмет установления качественного и количественного состава формовочных масс для изготовления черепицы, обнаруженной на чжурчжэньских памятниках в Приморье был произведен петрографический анализ 93 образцов из коллекций, собранных на Красноярском, Южно-Уссурийском, Западно-Уссурийском, Шайгинском, Николаевском,

Ананьевском, Горнохуторском, Екатериновском и Новонежинском городищах, а также Сергеевской печи №1 и Новоникольском памятнике*.

Красноярское городище. Изучению подвергнут 31 образец. Черепок представлен в разной степени запесоченной глиной, без искусственного добавления песка. Цемент каолиновый, реже каолинит-гидролюдистый, или гидролюдисто-каолиновый. Судя по содержанию алевритовой примеси в шлифах, можно сказать, что для изготовления красноярской черепицы использовались несколько сортов глин: 1) 10–20%; 2) 20–30%; 3) 30%; 4) 30–40%. Чаще других использовалась глина первого сорта (10–20%). Приведем некоторые результаты исследования.

Черепица верхнего горизонта памятника. При отборе образцов для анализа была выделена значительная группа изделий светло-серого цвета. Черепок однороден по качеству, без видимых включений, рыхлый, имеет крупные поры, легко крошится,

оставляя мельчайшие пылевидные частицы. При погружении в воду изделия легко «мываются». Исследование черепицы данной группы на водопоглощение показало, что она обладает достаточно высокими показателями: 21,3 – 25,5%, значительно превышающими средние данные.

С помощью петрографического анализа было установлено, что черепица изготовлена из разных глин: первого, второго и в одном случае третьего сорта. Черепок представлен глиной без добавок минерального отощителя, количество естественного песка колеблется от практически не содержащегося до 2–3%, только в двух шлифах отмечено 5–10% и 20–30% его содержание. В качестве отощающей добавки в 6 случаях из 14 применен шамот – по составу идентичный составу цемента черепка. Общее содержание шамота незначительно: от единичных зерен до 5%. Размер шамотных частиц 0,3–1–2 мм, форма зерен – округлая. Скорее всего, наиболее вероятной причиной неудовлетворительного качества черепицы является обжиговый недожог, либо ее недостаточная выдержка при максимальной температуре во время процесса обжига. В пользу этого свидетельствует также и высокая степень водопоглощения черепка.

Огромный интерес представляют собой образцы со следами технологического брака. Один из них представлен «вспученной» черепицей и два образца с остеклованной поверхностью.

Фрагменты «вспученной» черепицы имеют следы явного пережога, крупные поры и очень плотный, спёкшийся черепок. По данным петрографического анализа, содержание алевритовой примеси 10–20%; черепица была изготовлена из монтмориллонит-гидрофлюидной глины, содержащей 20–30% естественного песка, без добавления отощителя. Температура обжига черепицы не превышала 1100–1150°C. «Вспученность» черепка можно объяснить характерными особенностями использованного сырья. Дело в том, что глины монтмориллонитовой группы, в отличие от всех прочих, обладают специфическими свойствами. Они сильно набухают и имеют повышенную склонность к трещинообразованию во время сушки и вспучиванию в процессе обжига (Кошляк, Калиновский, 1990. С. 14, 20; Бурлаков, 1972. С. 161; Грим, 1967. С. 102).

Фрагменты черепицы с остеклованной поверхностью представлены глиной с содержанием алевритовой примеси 10–20 и 20–30%. Песок в обоих случаях практически отсутствует. Один из образцов содержит округлые пористые зерна (охра?), размером до 1 мм, с многочисленными круглыми пузырьками (пустотами) от мельчайших до 0,5–1 мм. Общее

количество этих зёрен составляет 10% от объема черепка. В другом образце также имеются зерна, но без пузырей.

Нижний горизонт. 2 образца. По содержанию алевритовой примеси глина характеризуется 10–20 и 20–30%, размер частиц которой 0,01–0,1 мм. Естественный песок в глине содержится в количестве 5 и 5–10%, состав и размер его частиц практически одинаковый. Шамот также содержится в количестве 2–3%. Размер шамотных включений до 1–2 мм.

Южно-Уссурийское городище. 8 образцов. Черепица серого и оранжевого цветов. Цемент каолиновый, в двух случаях каолинит-гидрофлюидный и гидрофлюидно-каолиновый. По содержанию алевритовой примеси использовано два сорта глин: 10–20% и 20–30%. Глина первого сорта представлена 4 образцами. Во всех шлифах песок отсутствует, либо почти отсутствует. Для второго сорта (3 образца) отмечено содержание песка в количестве 10–20% и 20–30%. Песок распределен равномерно, форма зерен угловатая. Размер песчаной фракции 0,2–0,5 мм. По составу песок представлен кварцем, олигоклазом, ортоклазом единичными зернами гранита, а также эпидота и биотита. В одном случае содержание песка достигает 20–30%, размер 0,2–2 мм, преобладающий – 0,5–1 мм. Состав песка: кварц, олигоклаз, микропегматит, единичные включения зеленого амфибола, эпидота. Также в образце отмечено присутствие единичных зерен шамота размером до 1 мм.

Новоникольский памятник. 6 образцов. Черепок представлен природной глиной, с некоторым содержанием в ней естественного песка. Цемент каолиновый, в одном случае – каолинит-гидрофлюидный. Алевритовая примесь 10–20% и только в одном случае 20–30%. Песок практически отсутствует, либо содержится в количестве 2–3% от объема черепка, представлен угловатой, иногда окатанной формой зерен мелкой фракции, размером 0,2–0,3 мм. Состав песка в разных образцах постоянен и состоит из кварца; полевые шпаты представлены олигоклазом и ортоклазом; также содержит биотит и мусковит, эпидот, пироксен и зеленый амфибол. Шамот присутствует практически во всех образцах, по составу идентичен цементу черепка. Количество его невелико: единичные округлые зерна размером 0,5–7 мм.

Западно-Уссурийское городище. 2 образца. Цемент у обоих образцов каолиновый. Алевритовая примесь 20–30%, ее размер – 0,01–0,1 мм до 0,2 мм. Содержание естественного песка 5–10% от общего объема, частицы угловатые, размером 0,1–1–2 мм. Состав песка: кварц, олигоклаз, ортоклаз, гранит, единичные зерна зеленого амфибола. Один из образцов имеет в своем составе шамот.

Николаевское городище. 24 образца. Все шлифы четко распадаются на две группы. По количеству алевроитовой примеси образцы представлены двумя сортами глин: 1) 10–20% (11 образцов) и 2) 20–30% (13 образцов). Кроме разного содержания алевроитовой примеси, обе группы различаются друг от друга разным количеством естественного песка, изначально присутствовавшим в глине, а также несколько отличающимся друг от друга по его составу.

В первой группе преобладают образцы с незначительным содержанием песка – 2–3%. Вторая группа представлена 5–10% содержанием естественного песка. Угловатая форма частиц песка и его размер – 0,1–1–2 мм является одинаковым для обеих групп. Типоморфными минералами являются зеленый амфибол и эпидозит. Судя по всему, для изготовления черепицы Николаевского городища применяли разные, но близкие источники глиняного сырья. Шамот использован практически в каждом случае, представлен в количестве от единичных зерен до 5 и 10%. Размер частиц шамота 0,5–1 мм, иногда 2 мм, форма – округлая. Шамот по составу идентичен составу черепка.

Шайгинское городище. Черепица Здания №1. 5 образцов. Цемент каолиновый. Алевроитовая примесь 10–20% и 20–30%. Черепок во всех шлифах представлен естественно запесоченной глиной. В двух образцах песок практически отсутствует. 3 образца содержат песок в количестве 5, 5–10 и 10%. Состав песка: кварц, олигоклаз, ортоклаз, гранит, единичные зерна зеленого амфибола (типоморфный минерал), иногда микропегматит, гранит, гранит-порфир, амфиболовый гранодиорит. Размер песка 0,1–2 мм. В двух шлифов отмечено присутствие зерен шамота в количестве 2–3%; размер частиц не превышал 1–2 мм. Черепица раскопа 13 (2003 г.). 5 образцов, песок искусственно добавлен. Алевроитовая примесь в также количестве 10–20 и 20–30%. Песок содержится в количестве 10, 10–20 и 20%, представлен угловатыми и окатанными зернами. Размер песка 0,2–2 мм, иногда до 3 мм. Преобладающий размер песка представлен мелкозернистой примесью – 0,3–0,5 мм. В составе песка отмечен кварц, олигоклаз, ортоклаз, основная масса гранит – порфиров (и риолитов) микрогранофировой и фельзитовой структуры, также зеленый амфибол и эпидот (типоморфные минералы).

Во всех образцах присутствует шамот, количество которого непостоянно: от единичных зерен – до 10%. Размер частиц 0,2–2 мм. По составу шамот близок к цементу черепка.

Сергеевские черепичные печи. 2 образца. Черепица бурого цвета. Черепок представлен глиной

с некоторым содержанием в ней естественного песка. Цемент каолиновый. Алевроитовая примесь 10–20%. Песок в количестве 5–10%, угловатый, размер 0,1–1 мм, единичные зерна кварца до 2 мм. Состав песка представлен кварцем, плагиоклазом, щелочными полевыми шпатами, единичными зернами гранит-порфира и риолита.

Екатериновское городище. Черепица серого и бурого цветов (3 образца). Цемент каолиновый и каолинит – гидрослюдистый. Алевроитовая примесь 10 и 10–20%. Песок во всех образцах содержится в количестве 5–10%. По составу представлен кварцем, плагиоклазом, щелочными полевыми шпатами. Размер зерен песка до 1–2 мм. В одном образце отмечено присутствие шамота, по составу идентичного черепку.

Таким образом, рецептурные схемы формовочных масс для изготовления черепицы сводились к следующему: 1) природная глина без искусственного минерального отощителя (42%); 2) глина + шамот (52,7%); 3) глина + шамот + песок (5,3%).

Как было установлено, в первом и во втором случаях черепок представлен природной глиной с естественным содержанием в ней песка. Содержание песка в шлифах неодинаково. Это, как правило, образцы, где песок почти отсутствует, либо содержится в незначительном количестве 2–3%. Имеются также весьма немногочисленные образцы содержанием песка 10–20%, изредка 20–30%. В большинстве случаев (55%) песок в глине отсутствовал, почти отсутствовал, либо его содержание не превышало 2–3%.

Размер включений естественного песка в формовочной массе представлен мелкой и средней фракцией – от 0,1 до 2 мм. Характер его распределения в шлифах в большинстве случаев равномерный. Песок представлен угловатыми зернами. Только в нескольких случаях наряду с угловатыми частицами зафиксированы и окатанные. Состав песка – кварц, а также полевой шпат в виде олигоклаза и ортоклаза, зеленый, изредка коричневый амфибол, а также эпидот, микропегматит, гранит и другие минералы. Как уже упоминалось выше, только 5% всех исследованных образцов имели добавленный минеральный отощитель в виде мелкозернистой примеси с преобладающим размером частиц 0,3–0,5 мм в своем составе. Песок для добавления в формовочную массу не дробили, но возможно, просеивали.

Шамот в шлифах второй и третьей рецептурных схем представлен непостоянным и незначительным количеством – от единичных зерен и 2–3% от общего объема, в редких случаях до 5% и 10%, округлыми обломками дробленного керамического черепка, по составу близкому (идентичному) цементу черепицы. Размер частиц шамота составляет от 0,5 до 2, в редких

случаях до 3 мм, форма частиц – округлая. В качестве добавки применялся бой керамического черепка.

*Петрографический анализ образцов был выполнен к. г.-м. н. Б.Л. Залищак (Дальневосточный Геологический Институт ДВО РАН), за что автор выражает ему глубокую благодарность.

Бурлаков Г.С., 1972 Основы технологии керамики и искусственных пористых наполнителей. М.

Гельман Е.И., Залищак Б.Л., Болдин В.И., 1999 Перспективный метод: петрографические исследования черепицы из Краскинского городища // Россия и АТР. № 3.

Грим Р., 1967. Минералогия и практическое использование глин. М.

Жушиховская И.С., Залищак Б.Л., 1986. Петрографический метод в изучении древней керамики (на материале неолитических – средневековых культур Приморья) // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток.

Кошляк Л.Л., Калиновский В.В., 1984 Производство изделий строительной керамики. М.

Сайко Э.В., Жушиховская И.С., 1990. Методы микроскопии в исследовании древней керамики. Владивосток.

В.К. Сингх

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Наковальни из раскопок в Новгороде

Наковальни были известны с древнейших времен и являлись основным опорным приспособлением для холодной и горячей обработки металлов. Форма наковален, как, впрочем, и большинства инструментов, диктовалась их функциями. Поэтому, будучи изобретенной в далекой древности, их форма дошла до наших дней без существенных изменений.

Со временем начала использования металла появляются и опорные приспособления для его механической обработки. Уже в раннем бронзовом веке, в качестве подобных инструментов использовались каменные опоры. Кроме того, наряду с каменными наковальнями использовались и металлические опоры (Aldeberg, 1942. С. 299). Форма железных наковален гальштатского и латенского времени на территории западной Европы уже практически не отличаются от средневековых наковалей.

При археологических исследованиях в Новгороде наковальни встречаются крайне редко. Однако собранная здесь коллекция, на сегодняшний день, является самой представительной на территории Древней Руси. Всего насчитывается 18 наковален.

Все новгородские наковальни имеют небольшие размеры и относятся к ювелирным. Они были изготовлены из железа, бронзы, дерева и глины.

Самая ранняя железная наковальня была найдена в напластованиях XI в. (рис. 1: 1). Она имеет форму перевернутой трапеции, расширяющейся кверху. Высота корпуса – 6,4 см, размеры рабочей площадки – 3,7 x 3,7 см. Данная наковальня на сво-

ей рабочей поверхности имеет небольшой желобок. В современном производстве также употребляют аналогичные приспособления с желобком. Это так называемые «нижники». Для каждой из них необходимы соответствующие верхние наковальни. Они служат для скругления металла или изготовления проволоки без помощи волочильной доски.

Еще одна железная наковальня была найдена в слое XII в. (рис. 1: 2). Она была изготовлена из железа, имела сужающуюся к низу прямоугольную форму. С одной стороны рабочей площадки имеется удлиненный рог. Вытянутый рог позволял производить на этой наковальне, кроме обычных ковочных, всевозможные фигурные работы (Колчин, 1959. С. 20). Высота – 11,2 см, длина рабочей площадки с рогом – 10,3 см, ширина – 6,4 см.

Наковальня XIII в. (рис. 1: 3) также имела четырехгранный корпус, заканчивающийся лопатковидным выступом, который забивался в деревянный чурбан. Высота корпуса – 4 см, длина выступа – 4,8 см.

Две железные наковальни были найдены в слое I пол. XIV в. Лицевая площадка одной из них (рис. 1: 4) была повреждена, но, судя по всему, имела трапециевидную форму. Нижняя часть корпуса наковальни имела коническую форму, сужающуюся к низу. Высота – 12,5 см, длина лицевой площадки – 8,1 см, ширина – 4,2 см.

Вторая наковальня (рис. 1: 6) была обломана с обеих сторон и представляла собой массивный бру-

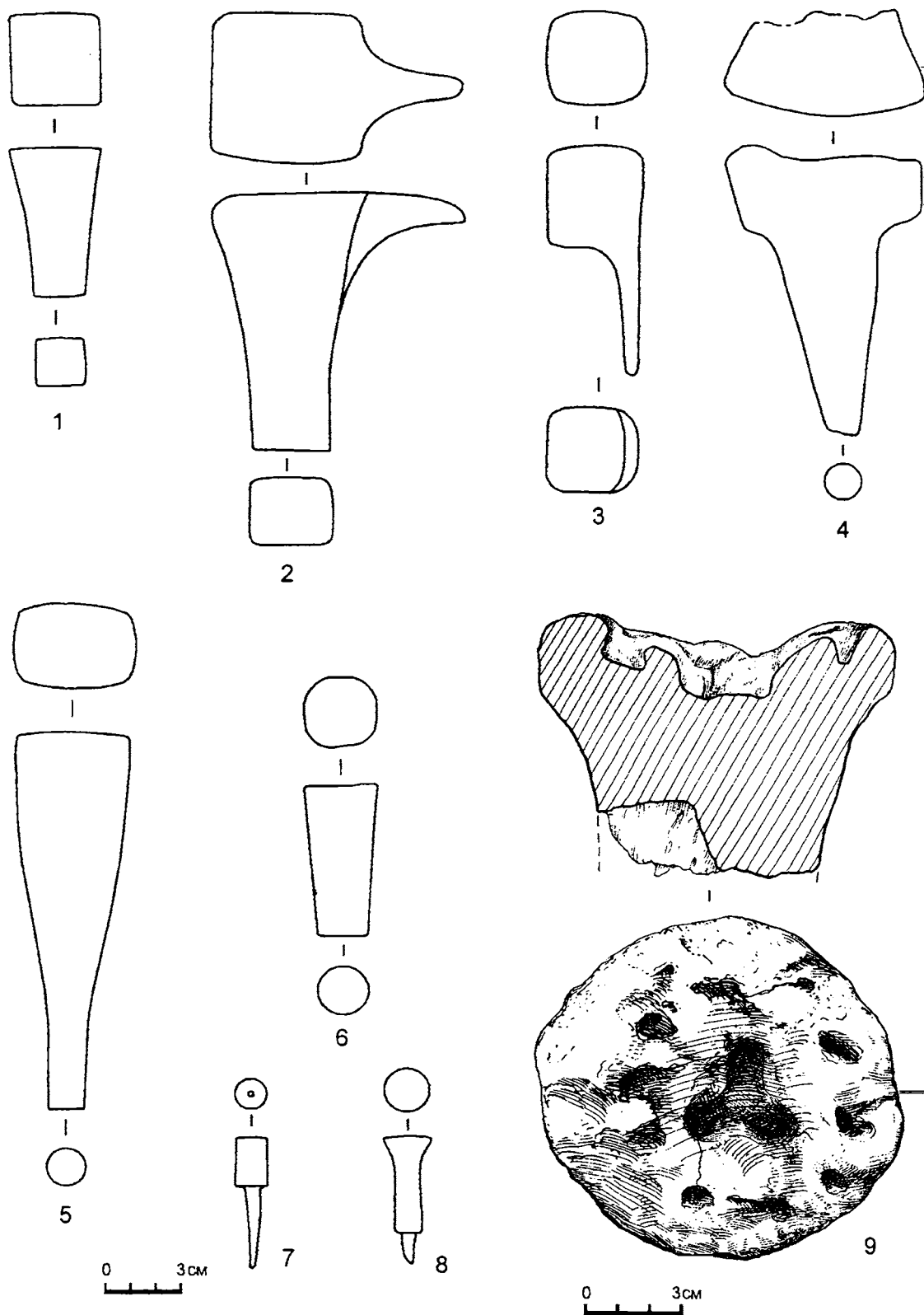

Рис. 1. Железные наковальни. 1 – Троицкий – 14-15/1690-1699; 2 – Неревский – 25/725; 3 – Неревский – 12/1676; 4 – Троицкий – 9/436; 5 – Неревский – 4/1656; 6 – Троицкий – 6/110; 7 – Нутный – 10/38; 8 – Троицкий – 2/1196; 9 – Троицкий – 18/1109 (В номере: раскоп – пласт/квадрат)

сок длиной 7,2 см, имеющий в сечении круг, переходящий в прямоугольник в верхней своей части.

Наковальня XV в. имеет высоту 15,7 см (рис. 1: 5). Рабочая площадка прямоугольной формы. В нижней трети своей высоты четырехгранный корпус наковальни приобретает округлую форму и заканчивается стержнем диаметром 1,5 см (Рындина, 1963. С. 222).

Ещё одна ювелирная наковаленка происходит из слоя начала XV в. (рис. 1: 7). Её рабочий край имеет вид круглого стержня длиной 2 см и диаметром 1 см. В центральной его части находится небольшое круглое углубление, диаметром 0,3 см. Другой конец оформлен в виде прямоугольного черенка длиной 3,4 см для закрепления в деревянной опоре, либо для вставки в специальное отверстие более крупной наковальни. Подобные вставные наковальни широко известны и применяются в современно ювелирном деле (Бреполь, 2000. С. 221–222).

Подобная же наковаленка, только из бронзы, была найдена в слое II пол. XIII в. (рис. 1: 8) Она имеет сходную конструкцию: небольшой цилиндр длиной 4 см, расширяющийся в верхней части. Диаметр рабочей площадки – 2 см. Нижняя часть наковальни представлена в виде четырехгранного стержня, длиной 1,2 см.

Уникальными являются находки мягких деревянных наковален, не имеющих аналогий на других древнерусских памятниках. Всего, при раскопках в Новгороде было найдено 9 таких приспособлений. Первые две наковальни были открыты на Неревском раскопе (Рындина, 1963. С. 220–222).

Все деревянные наковальни можно разделить на несколько типов:

Тип 1.

1. Наковальня имеет две круглые рабочие поверхности, расположенные на противоположных сторонах ее корпуса (рис. 2: 1). Высота наковальни – 11,8 см. Диаметр верхней площадки – 7 см. В ней имеется 2 полукруглых углубления, диаметром 0,9 см. Диаметр нижней площадки – 8 см. На ней вырезано 4 углубления аналогичных размеров. Корпус наковальни сужается в центральной части, так что в процессе работы мастер мог зажимать наковальню между ног (Рындина, 1963. С. 222).

2. Наковальня также имеет форму цилиндра, незначительно сужающегося в центральной части (рис. 2: 2). Высота – 12,3 см. Диаметр рабочей площадки – 7,5 см. Наковальня сильно обгорела в пожаре, особенно пострадала боковая и рабочая поверхности. Сохранилось лишь 2 полукруглых углубления диаметром около 1 см.

3. Наковальня цилиндрической формы, сужающаяся в центральной части корпуса (рис. 2: 3). Высота наковальни 9,5 см. Диаметр рабочей площадки – 6,5 см. В ней вырезано 6 круглых углублений, диаметром 1 см. Одно располагалось в центральной части площадки, а 5 других находились вокруг центрального. Противоположная сторона была плоская.

4. Миниатюрная наковаленка цилиндрической формы высотой 4 см и диаметром 4 см (рис. 2: 4). В центральной части корпуса намечается небольшое сужение. На верхней рабочей площадке имеется два круглых углубления диаметром 1 см. Кроме того, здесь был прорезан тонкий полукруглый желобок, шириной 0,2 см. На противоположной рабочей площадке также имеется углубление, однако оно сильно повреждено.

Тип 2.

5. Наковальня представляет собой небольшой цилиндр, высотой 8 см и диаметром 8,3 см (рис. 2: 5). На лицевой рабочей поверхности имеется 7 полукруглых углублений, диаметром 1 – 1,5 см. Одно отверстие расположено в центре, а 6 других расположены по кругу. Противоположная опорная сторона плоская.

6. Наковальня представляет собой небольшой цилиндр, высотой 8,2 см и диаметром 7 см (рис. 2: 6). Сохранилась лишь половина наковальни, однако можно проследить 6 полукруглых углублений на лицевой рабочей поверхности, диаметром 1 см. Одно отверстие находится в центре, а 5 других расположены по кругу.

7. Наковальня отличается от всех предыдущих своими довольно массивными размерами (рис. 2: 7). Она также представляет собой цилиндр, высотой 11,5 см и диаметром 14,3 см. Наковальня была изготовлена из березы, а на внешней её стороне сохранилась кора. На плоской рабочей площадке было вырезано 14 круглых углублений диаметром 1,2 см. Они были расположены следующим образом: одно отверстие в центре площадки, вокруг него расположено 6 углублений и ещё 6 более широким полукругом. Противоположная сторона была плоской.

Тип 3.

8. Наковальня имеет форму полушара, высотой 7 см (рис. 2: 8). Диаметр рабочей площадки – 11 см. В её поверхности также было вырезано 10 полукруглых отверстий. Одно отверстие расположено в центре, 6 окружают центральное и 4 размещены по самому краю на одинаковом расстоянии друг от друга. В нижней части корпуса наковальни имеется воронковидное отверстие для закрепления её на опорной подставке.

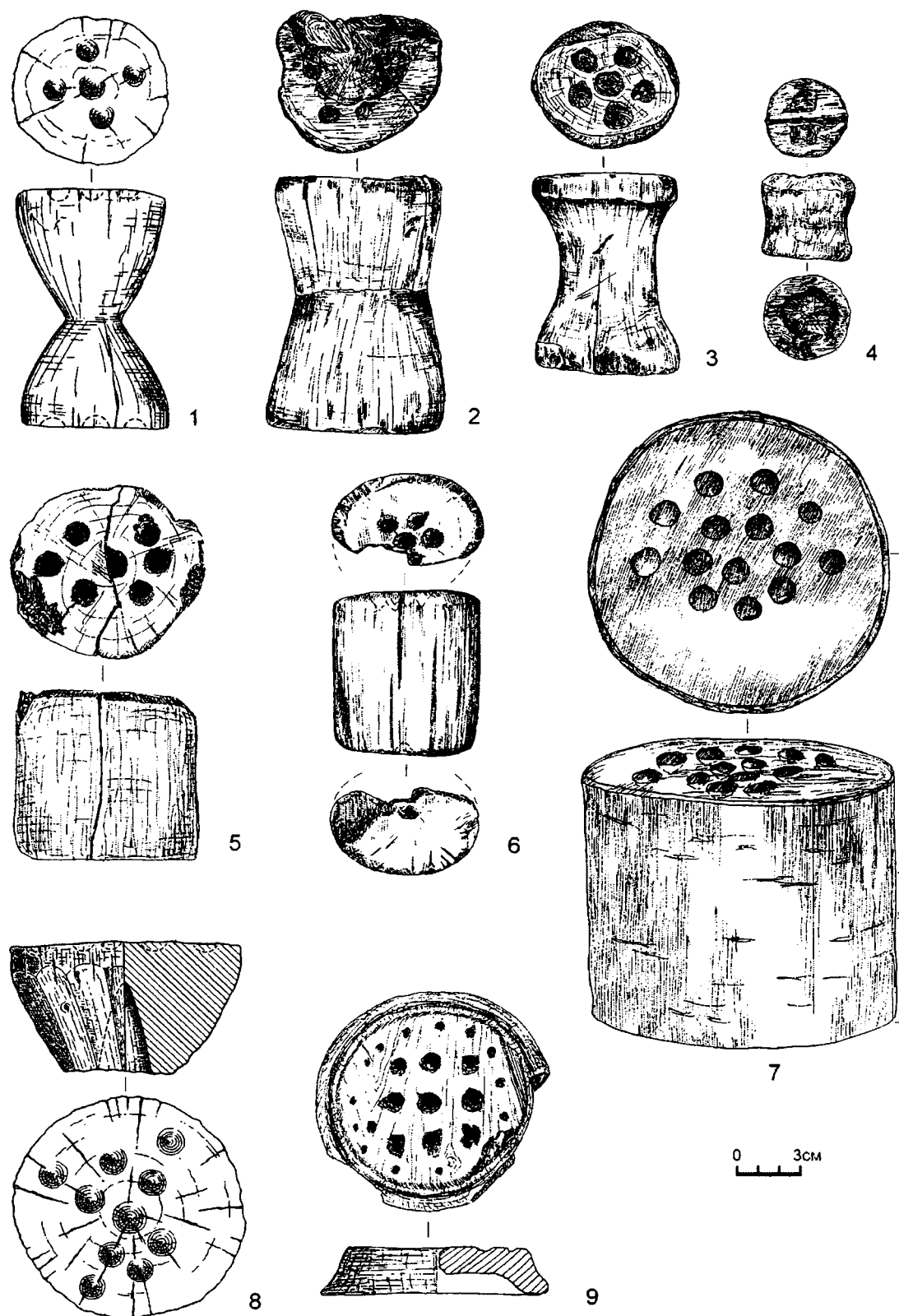

Рис. 2. Деревянные наковальни. 1 – Неревский – 31/723; 2 – Троицкий – 21/1553; 3 – Троицкий – 20/1383; 4 – Троицкий – 21/1442; 5 – Нутный – 32/2; 6 – Троицкий – 16/1111; 7 – Троицкий – кв. 579, яма 12; 8 – Неревский – 31/784; 9 – Нутный – 32/16.

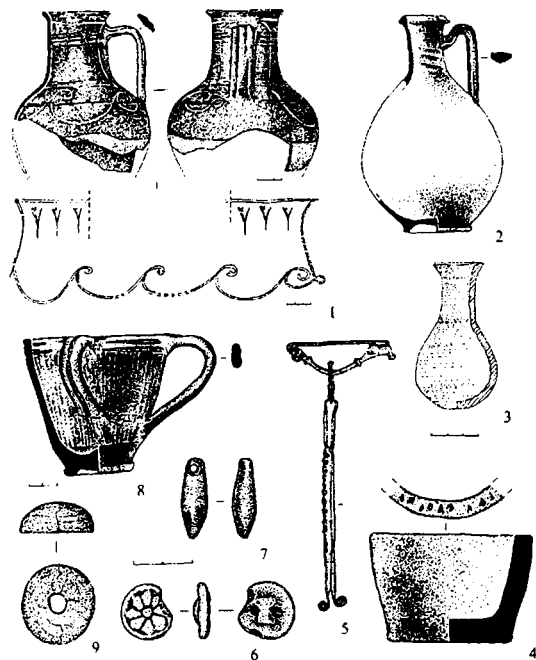

Рис. 2. Керамика и украшения из некрополя Паниардиса. 1 – кувшин, случайная находка, 1982; 2 – лекифы, случайная находка, 1972; 3 – флакон, п. 5 (Г) 2006; 4 – курильницы, п. 9 (К) 1972; 5 – фибула с амулетом, п. 3 (Л) 1981; 6 – подвеска, случайная находка 1972; 7 – бусина, п. 2 (К) 1972; 8 – кубок, п. 8 (К) 1972; 9 – подвеска, п. 10 (К) 1972

пряжка, выполненная из бронзового прута диаметром 0,5 см. Рамка пряжки имеет форму равнобедренного треугольника, от вершины которого отходит небольшой стержень, заканчивающийся крючком. Внешняя поверхность пряжки украшена семью коническими утолщениями (рис. 1: 7). Идентичных изделий неизвестно. Пряжки круглой формы со стержнем, заканчивающимся крючком и украшенные коническими утолщениями, известны из могильника Неаполя Скифского. Они относятся ко II–I вв. до н.э. (Сымонович, 1983. С. 104). Пряжка из Крепостного могильника, таким образом, может быть отнесена к I в. до н.э.

В могильнике Крепостного городища представлена различная посуда. Наиболее интересный экземпляр кувшина был обнаружен в ходе наблюдений над земляными работами в 1982 г. (рис. 2: 1). Кувшин относится к типу, который характеризуется отогнутым наружу венчиком со скосом внутрь, цилиндрическим горлом, округлым туловом, вертикальной ручкой и поддоном. Особенность его в том, что по горлу и верхней части тулова проходит сложный орнамент, исполненный накладкой белой краской. Рисунок состоит из двулистных и линий, которые вместе образуют законченную композицию. Подобной формы кувшины датируются в

Крым (Корпусова, 1977. С. 54) и в Танаисе (Арсениева, 1977. С. 54) I в. до н.э.

Лекифообразный сосуд – также случайная находка 1972 г. (рис. 2: 2). Аналогичные изделия из ряда крымских могильников относят к началу и первой половине I в. н.э. (Корпусова, 1983. С. 38, 99, 101, 110). Краснолаковый флакон (рис. 2: 3) из погребения 5(Г) 2006 характерен для первой половины I в. н.э. (Вязьмитина, 1972. С. 19; Корпусова, 1983. С. 53). Краснолаковая ойнохойя небольшого размера обнаружена в погребении 1 (Г) 2006. Вместе с ней найдена железная пряжка редкой формы, которая датируется в Центральной Европе началом н.э. (Madya, 1977. S. 362. Tabl. 1, 5).

Среди сероглиняной керамики могильника Крепостного городища – канфар из погребения 1 (К) 1972 с вертикальными стенками, сужающимися к ложному поддону, с двумя ручками, украшенными горизонтальными выступами с орнаментом в виде «елочки». Он является подражанием краснолаковой посуде и характерен для I в. до н.э. – I в. н.э. Сероглиняный кубок (рис. 2: 8) из погребения 8 (К) 1972 характерен для второй половины I в. н.э. (Анфимов, 1951. С. 191; Марченко, 1996. Таблицы). Как правило, лепная керамика редко привлекается в качестве датирующего материала. Однако две курильницы (рис. 2: 4) из погребения 9 (К) 1972 датируются I в. н.э. (Глухов, 2000. С. 37, 38).

В инвентаре погребений Крепостного городища встречаются различные украшения из египетского фаянса, сердолика, гешира и стекла. Остановимся на редкой бусине-подвеске из гешира от портупейного ремня, найденной рядом с мечом в погребении 10 (К) 1972 (рис. 2: 9). Дата – I в. н.э. Этим же временем датируются и гешировые бусы (рис. 2: 7) стрелковидной формы (Алексеева, 1978. С. 15, 18).

Редким экземпляром является пуговица-подвеска из египетского фаянса (рис. 2: 6). Она круглой формы, щиток украшен рельефным орнаментом в виде 8-лепестковой розетки. Экземпляры, происходящие из Фанагории, Поволжья, Кубани, относятся к III–I вв. до н.э. Наша подвеска может быть отнесена к I в. до н.э.

Таковы некоторые хроноиндикаторы из материалов Крепостного могильника. Исходя из полученных данных, можно относить возникновение памятника к последней четверти I в. до н.э. Предметов поздней второй половины – конца II в. н.э. на могильнике не встречено.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30.

А.А. Сланов

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ

Самый высокогорный храм Кавказа

В сентябре 2005 г. сотрудниками Горного отряда Института истории и археологии РСО-Алания (А.А. Сланов, М.Э. Мамиевым, Р.Т. Ельджаров и И.К. Дзугцев) была зафиксирована находка, достойная внимания. В самом сердце исторической Осетии, на одной из высочайших ее вершин г. Тепли обнаружен на высоте около 3500 м христианский храм, предварительно датируемый XI в. Для сравнения: прочие храмы Осетии расположены на высоте не более 2000 м, а на подобной высоте единичны даже небольшие культовые постройки.

Данный храм считается у местного населения первоначальным местом нахождения святилища Хохы дзуар (досл. «святилище Горы» или «Святилище на горе»), другое название которого Тербаты Уастырджы (Св. Георгий Тербат), одним из трех основных святилищ Туалгома – самого высокогорного и влиятельного среди обществ средневековой Осетии. Со временем святилище перенесли с горы в более доступное место – в долину р. Льядон, напротив самого последнего поселения ущелья Гуркумта – отселка с. Тапанкау – Лья. Здесь, судя по постройке, оно просуществовало недолго, и его приблизили к с. Тапанкау так, чтобы молитвенное место находилось в визуальной связи с этим селением. Перенос осуществляли путем принесения нескольких камней с первоначальной святыни, каковыми, по всей вероятности, и являются несколько резных травертиновых туфовых блоков на нижнем святилище. Именно травертиновые блоки, которые составляют основу конструкции соседних храмов Туалгома, Тырсыгома и Кударгома, датируемых XI в., позволяют отнести найденное сооружение к тому же времени. На сегодняшний день на территории Северной Осетии было известно всего четыре храма данного периода: 1. Зруджы Мады Майрæм – Зругский храм Богородицы (с. Хозитыкау); 2. Нары Уастырджы дзуар – Святилище св. Георгия селения Нар (с. Нар); 3. Хæстæг дзуар – Хуыцауы Кувæндон – Ближнее святилище – Место для молитвы Богу (с. Тли); 4. Хуыцауы Кувæндон – Место для молитвы Богу (с. Регах). Все они располагаются в Туалгоме и считаются одними из основных святынь общества. Из них Зругский и однотипный ему Тлийский храмы целиком облицованы туфом, а в Нарском и Регахском из него выполнены только отдельные декоративные элементы.

Помимо этих сохранившихся храмов в том же Туалгоме находились развалины и ряда аналогичных церквей из травертина, остатки которых в XIX в. Обществом восстановления православного христианства на Кавказе, были использованы на возведение церквей в сс. Абайтыкау, Кесатыкау, В.Зарамаг, Тиб и Лисри, на месте располагавшихся здесь средневековых святынь.

Примечательно, что согласно одному местному преданию, этот высокогорный храм считается запретным, проклятым местом, которое нельзя было посещать. В связи с упоминанием о запретности храма, интересен факт, что практически все травертиновые конструкции разрушены и разбросаны по разным направлениям (до десятков метров) от здания, что, впрочем, можно связать и с перенесением святилища, куда были спущены травертиновые блоки, изъятие одного из которых неизменно влекло развал и всей резной арки. При относительно хорошей сохранности фундамента, а также с учетом факта, что здание явно не перестраивалось, его форма настолько оригинальна (рис. 1), что не имеет аналогов среди культовых памятников Северного Кавказа: оно неправильной формы приблизительно 6 x 4,5 м, сориентированное на СВ, т.е. в сторону вершины г. Тепли, со входом, устроенном в середине юго-западной стены. Следует отметить такую особенность архитектуры горных культовых сооружений как нечеткая ориентация на восток, что объясняется тем фактом, что горный ландшафт, заслоняя восход солнца, мешает четко ориентироваться по сторонам света (что не имеет места на равнине). Поэтому культовые сооружения алтарной частью ориентируют в ту сторону, где визуально наблюдается восход солнца. Внутреннее пространство представлено камерой подквадратной формы 1,8 x 2,2 м с полом, приподнятым на 1 м над уровнем земли и выстланным сланцевыми плитами. Трехступенчатая алтарная стена выложена с использованием травертиновых блоков. Там же лежат фрагменты травертиновой арки, позволяющие думать, что здесь имелось алтарное окно. Судя по резным травертиновым блокам, входной проем имел арочную форму с прямоугольной деревянной дверью 1 x 0,5 м, остатки которой сложены возле стены храма. Внутри здания сохранились следы побелки. По размерам входного проема можно предположить, что высота стен по

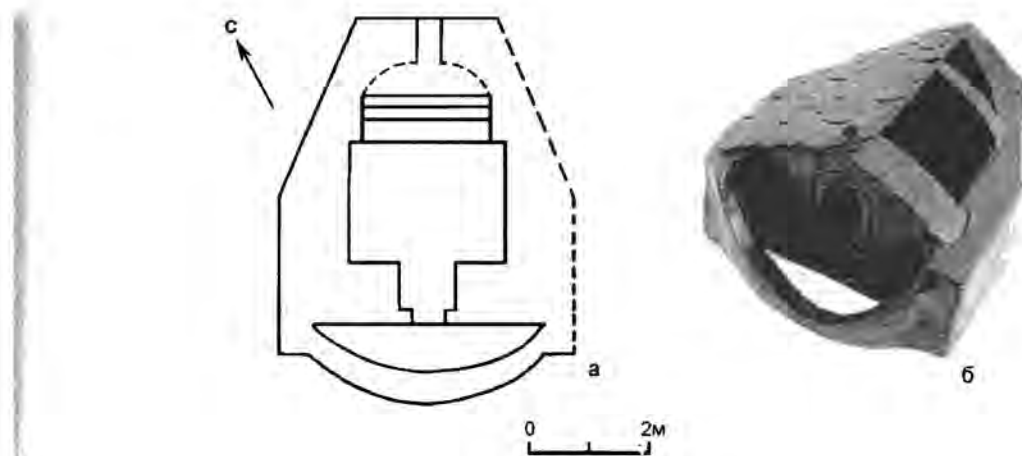

Рис 1. План (а) и макет (б) Хохы дзуара.

продольной оси была приблизительно на 1 м выше уцелевшей части, а по бокам они остались в первоначальном виде, высотой в 2 м. Алтарная стена снаружи как бы закруглена благодаря скошенным углам. Юго-восточная стена здания обрушена. Наибольший интерес вызывает фасадная стена, перед которой на всю длину выложена полукругом еще одна стенка.

Касаясь реконструкции, нужно отметить, что, судя по одинаковой высоте боковых стен, крыша была двускатной с перекрытием из сланцевых плит. Судя по большому количеству небольших травертиновых блоков прямоугольного сечения с небольшим изгибом по длине, два из которых сохранились вмонтированными вертикально по обеим сторонам алтарной части, здесь должно было находиться нечто похожее на арку алтарной преграды. Резной травертиновый блок арочной формы с характерным геометрическим орнаментом на нижнем Хохы дзуаре не может быть ничем иным как наружной частью алтарного окна с верхнего святилища.

Подобную форму можно расценивать как буквальное следование христианским догматам в отношении церковной архитектуры, зафиксированным в «Постановлениях апостольских»: «Да будет здание продолговато, обращено на восток, с патофориями по обеим сторонам к востоку, подобно кораблю».

Безусловно, из данного храма происходят травертиновые блоки на нижнем Хохы дзуаре, а также травертиновый крест с его филиала фамилии Бурнацевых. Нижняя постройка Хохы дзуара тесно связана с национальной архитектурной традицией, переключаясь со склеповым зодчеством. В качестве аналогов можно отметить такие известные культовые памятники Осетии как Нузальская церковь XIII в., Хуыцауы дзуар в с. Даргавсе, Сатай обау в с. Лез-

горе XV в., Чырын дзуар – в с. Бырытате и т.д. В этой связи интересен факт, что именно высокогорье Осетии и прежде всего Туалгом стало средоточием аланских христианских храмов эпохи расцвета государственности. С другой стороны, эта область лежит между родовыми землями двух аланских царских фамилий: на севере – Царзонта, возводящей свое название к римскому императору Цезарю, а на юге – Агуызата, называвшиеся так по императору Августу.

Туалгом, составляющий основу Центральной Осетии, отделен от Южной Осетии Водораздельным хребтом, а от Северной – цепью высочайших вершин Большого Кавказского хребта. Благодаря подобному изолированному положению он вполне мог считаться культовым центром средневековой Алании. Как отмечалось, гора Тепли, на которой располагается храм, находится в центре Осетии и считается пятой по высоте вершиной, но доступ к остальным затруднен и они не расположены в центре страны.

На первый взгляд, существование подобного храма в данном месте невозможно, поскольку христианские, как, впрочем, и иные культовые сооружения возводятся вблизи поселения, чтобы их могло посещать максимальное количество прихожан. А данное здание находится на расстоянии дневного пешего перехода от ближайшего ранее существовавшего села и в нескольких часах ходьбы от источника воды. Объяснение этому можно найти в национальных особенностях христианства у алано-осетин, представление которых о Боге органично соединилось с древнеарийским понятием Мировой Горы – центра мира.

Храму полагалось соответствовать идеально-

му прототипу – мифическому образу мироздания, воплощенному в виде мистической Мировой Горы, созданной при его сотворении. Здесь нельзя не вспомнить, что основные вершины Скалистого хребта считаются местом обитания святых осетинского пантеона (г. Кариу хох – Уастырджы (св. Георгий), г. Тбау хох – Уацилла (св. Илья), Мады хох – Мады Майрæм (Богородица), г. Чызджыты хох – Ног дзуар/Аларды (св. Варвара), г. Уаза хох – Никола (св. Николай)).

Многие главные древние святые горных обителей (речь идет только о зданиях) находятся на вершинах гор вдалеке от села (в Алагирском – Сонайы Уастырджы, Дагомы Бурзиаты дзуар, в Куртатинском – Дзири, в Тагаурском – Хуыцауы дзуар, в Дигории – Авд дзуар, в Тырсыгоме – Таранджелос, в Чесангоме – Джеры дзуар, в Кударгоме – Куайсайы Уастырджы и т.д.). Как известно, в древнеарийских представлениях о Вселенной небу отводилось место

обитания божеств. Поэтому для людей, которым изначально было присуще стремление приблизиться к высшей субстанции – небесному миру, горы представлялись местом наиболее приближенным к Богу, а собственно Мировая Гора, достигающая небес, представлялась лестницей на небо. Это и стало причиной строительства в аланское время культовых сооружений на горных вершинах. Долгий тяжелый подъем духовно очищал паломников, настраивая их на праведные мысли, а с другой стороны, становился преградой для слабых духом и верой и ограждал святое место от частых и ненужных посещений – на дзуар, как правило, ходили раз в году на день его праздника.

В силу недостаточной изученности аланской церковной архитектуры пока нет смысла делать обобщающих выводов на основе одних древностей Осетии, но сделанные нами замечания не противоречат имеющимся пока материалам.

А.М. Степанов

*Центр по обеспечению и организации археологических исследований
Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород*

Застройка усадьбы Т Троицкого раскопа в XII–XIV вв.

Археологические исследования на Троицком раскопе, расположенном в Людином конце средневекового Новгорода, были начаты в 1973 г. Общая площадь, изученная до материка, составляет 6348 кв. м. В настоящее время работы ведутся на XIII и XIV участках.

В северной и центральной частях Троицкого XIV раскопа основную площадь занимает усадьба У*, расположенная между участками застройки, тяготеющих к Черницыной (Троицкий XIII) и Рядятиной средневековым улицам**. Замкнутая со всех сторон, она имела выход на переулок, выведивший, по-видимому, к Пробойной улице и отделявший ее от усадьбы, ориентированной на Рядятину.

В южной части Троицкого XIV исследуется часть усадьбы Т Рядятиной улицы, часть ее располагается за пределами раскопа.

В площадь раскопа попала также небольшая часть усадьбы С, ранее изученной на Троицком XII раскопе.

На данном этапе полностью изучено 11 ярусов средневековой застройки (5–16), датируемых концом XI – второй половиной XIV вв. Так как раскоп

не докопан до материка, по-видимому, рано выделять строительные периоды, но ряд замечаний по поводу смены усадебной застройки уже можно сделать.

В конце XI в. (ярусы 16 и 15) на усадьбе Т основной постройкой были большие пятистенные срубы, располагавшиеся в восточной части двора и имевшие обноску из длинных бревен на уровне подкладок и нижних венцов (фундаментные площадки). В большой камере практически у всех сохранились остатки печей, находившихся в ближних к входу правом или левом углах основного помещения. Им сопутствовали подквадратные в плане однокамерные сооружения небольших размеров. Все постройки занимают северную часть усадьбы, вдоль ее границы с трассой мостовой. Застройка 16 яруса существовала непродолжительное время, уничтожена пожаром.

Ярус 14, по-видимому, можно рассматривать как промежуточный. В начале XII в. при пожаре полностью были уничтожены сооружения яруса 15. На их месте возводят две небольшие однокамерные постройки. Также в западной части усадьбы сохрани-

лась вымостка из выгоревших частоколин, которая перекрывала полностью сруб предыдущего яруса. Возможно, она выполняла роль фундаментной площадки третьего дома.

В ярусе 13 (предварительная датировка – 30-е годы XII в.) на усадьбе вновь возводят большой пятистенный дом, расположенный в западной части двора, и два однокамерных сруба. Застройка вытянута в линию вдоль северной границы. Пятистенник имел обноску с северной стороны и сложную систему подкладок под восточной стеной. Она представляла собой своеобразную фундаментную площадку, общую для пятистенника и одного из малых сооружений.

Большой пятистенник на усадьбе просуществовал достаточно долго, он отнесен к двум ярусам: 12 и 13. В 50-е годы XII в. (предварительная датировка) возводят два новых однокамерных сруба (ярус 12).

За весь период с конца XI до середины XII вв. на усадьбе У зафиксированы довольно крупные по размерам однокамерные сооружения, расположенные в юго-восточном углу двора. Сопутствующие им небольшие срубы располагались по-разному. На уровне застройки ярусов 15 и 13 к западу от основной постройки сохранились остатки от въездов с переулка. В середине XII в. в северной части усадьбы У возводят большой пятистенный сруб (участок Троицкого XIII раскопа). Вдоль восточной границы усадьбы во второй половине XII в. ставят небольшие однокамерные постройки (ярусы 12, 11 и 10).

Необходимо отметить, что сохранность древесины в ярусах 10–12 очень плохая, застройка указанных ярусов уничтожены при пожарах. Все это затрудняет реконструкцию сооружений и их датировку методом дендрохронологии.

Во второй половине XII в. на площади усадьбы Т сохраняется застройка вдоль северной границы, параллельно мостовой переулка. Но в этот период, по-видимому, она представлена только небольшими однокамерными сооружениями. Более подробно разделить яруса во времени можно только очень предположительно, так как все спилы для дендрохронологического анализа были взяты с подкладок. Они датируются 50–60-ми гг. XII в.

На рубеже XII–XIII вв. (предварительная датировка) застройка на усадьбах Т и У была полностью уничтожена пожаром. Практически полностью выгорела и синхронная ей конструкция мостовой переулка. Участок приходит в запустение, его заселение возобновляется через длительный промежуток времени, порядка 50 лет. В южной части Троицкого XIV раскопа в слое были прослежены корешки, воз-

можно, в этот период территория была частично задернована.

Первая застройка на дворе усадьбы Т появляется только в 60-е гг. XIII в. Она не сохранилась, но в ярусе 9 для дворовой вымостки использованы бревна от сруба, что определено по чашкам, плотничским меткам на венцах. В качестве одной из подкладок для конструкции вымостки была использована дверь. Полученные дендродаты для бревен, определенных как венцы разобранного сруба во вторичном использовании: 1262–1267 гг. В этот время (вторая половина XIII в.) происходит кардинальная перепланировка участка. На усадьбе ставится однокамерный дом, довольно больших размеров. Иногда в восточной части возводят один-два небольших сруба, расположенных близко к основной постройке. Возможно, небольшие в плане хозяйственные постройки могли быть смещены к югу, ближе к Рядятиной улице. Застройка, отнесенная к ярусу 9, возникает в начале 90-х гг. XIII в. Необходимо отметить, что площадь усадьбы Т была несколько увеличена за счет включения в нее трассы переулка. Граница двора прошла по северной стороне мостовой. В ярусе 9 она определяется дренажной канавой с облицованными деревом стенками. Был ли в 60-е годы возведен частокол, не ясно. Позднее по северному краю канавы его устанавливают.

Подобная застройка на усадьбе Т существовала до начала XIV в. (ярусы 6–9).

Отнесенные к ярусу 5 два сооружения сохранились фрагментарно. Очевидно, это небольшие в плане однокамерные постройки, расположенные в восточной части двора. Единственная дендродата, полученная с нижнего венца одного из срубов – 1336 г. Можно только предполагать изменение планировки на усадебном дворе во второй четверти XIV в. Все раскопанные фрагменты сооружений, отнесенные к ярусам 1–4, по-видимому, более поздние и относятся к XVII–XVIII вв.

Необходимо отметить тот факт, что застройка на усадьбе У после пожара рубежа XII–XIII вв. не восстанавливалась. Участок оставался в запустении продолжительное время, возможно, до XVII в. Предположительно он мог быть разгорожен на два и использовался в качестве подсобной территории. Судя по характеру находок, в какой-то период времени был свалкой для мусора.

*По принятому буквенному обозначению усадебных комплексов, введенному в 1973 г., начиная с А.

**Усадьба У частично вскрывается на площади XIII раскопа.

Ю.В. Степанова

Тверской государственной университет

Древнерусский костюм по материалам погребальных памятников и письменным источникам

Источниковую базу по изучению древнерусского костюма X–XV вв. формируют данные письменных, археологических и изобразительных источников. Основными для большинства исследователей древнерусского костюма являются археологические источники и, прежде всего, материалы раскопок погребений. Набор инвентаря в погребении, сохранившийся *in situ*, позволяет рассматривать украшения и застежки как части единого комплекса. Однако в этом содержатся как преимущества археологических источников по истории одежды и костюма, так и трудности, связанные с их изучением. Недолговечная основа внешнего убранства, ее формы практически отсутствуют, сама одежда, «фон», на который накладываются аксессуары, как правило, исчезает. Полностью сохранившиеся одежды являются крайне редкими археологическими находками. Это обстоятельство делает для исследователей древнерусского костюма особенно актуальным комплексный подход, предполагающий использование всех видов источников. Таких обобщающих комплексных исследований немного (Арциховский, 1969; Рабинович, 1986). Их малочисленность объясняется, вероятно, тем, что письменные источники содержат, как правило, лишь отрывочные сведения о внешнем виде древнерусских людей и их одеждах.

В корпус письменных источников по истории древнерусского костюма входят летописи, берестяные грамоты, духовные грамоты русских князей XI–XV вв. Письменные источники XI–XV вв. называют 92 термина, имеющего отношение к костюму. Из них около 40 относятся к одежде, 8 – обозначают различные виды или части головных уборов, 13 – украшения, 16 – обозначают разные виды тканей, 2 – кожи, еще 10 – обозначают цвета одежд или тканей, и 3 – относятся к обуви. В общей сложности количество упоминаний костюма в письменных источниках превышает 200. Эти фрагментарные данные оказываются более информативными при сопоставлении с археологическими материалами.

Материалы раскопок древнерусских погребений свидетельствуют о том, что древнерусский костюм был многосоставным. Он состоял из нескольких предметов одежды и дополнялся различными аксессуарами (украшениями, застежками, амулетами, атрибутами). Точно так же, большое количество терминов, обозначающих одежду, свидетельствует о сложном составе,

или, скорее, многослойности древнерусской одежды.

По материалам погребений восстанавливается женская и мужская нижняя одежды. Они имели сходный покрой – глухой, с небольшим разрезом спереди. Нарядные нижние одежды имели невысокие воротнички-стойки, украшенные вышивкой цветным шелком и золотными нитями (некрополи Суздаля, Дмитрова, сельские некрополи Верхневолжья, Новгородской земли). В качестве застежек горловины использовались металлические пуговицы и бусы. Письменные источники называют лишь один термин, который можно отнести к нижней одежде – сорочица (срачица, сорочка). Употребление одного и того же слова для обозначения как мужской, так и женской нижней одежды, соотносится с данными археологии.

Женский костюм, благодаря обилию украшений, значительно лучше поддается реконструкции по археологическим материалам. Мужской, украшенный более скупой и снабженный, как правило, лишь застежками, восстанавливается хуже и исследован гораздо слабее. По письменным источникам наблюдается «обратная» картина. Элементы древнерусского мужского костюма упоминаются в письменных источниках гораздо чаще, чем элементы женского. Мужской костюм описывается 24-мя терминами, тогда как женский – лишь 13-ю. При этом из «мужских» терминов 21 обозначает одежду, 3 – головной убор, и 1 – обувь, тогда как из «женских» 5 обозначают части головного убора, еще 5 – украшения, и лишь 3 – одежду.

К мужской одежде относятся различные типы накидок и верхней распашной одежды. По материалам погребальных памятников реконструируются накидки, застеживаемые фибулами. Плащи с застежками-фибулами были характерны, прежде всего, для дружинного сословия. Об этом свидетельствуют материалы погребальных комплексов Гнездово, Тимирево, Черная могила. В погребениях рядовых сельских некрополей X–XIII вв. остатки одежды, застеживавшейся фибулами, встречаются гораздо реже. Но, тем не менее, такая одежда была характерна для определенной части сельского населения. Так, в Верхневолжье одежда с застежками-фибулами входила в состав 11% комплексов мужского погребального костюма. По материалам погребений фиксируются разные способы ношения плащей: 1) с застежкой на шее (по центру или у плеча) (рис. 1: 2), 2) с застежкой сбоку, в области пояса (при

Рис. 1. Виды древнерусской мужской и женской одежды и женского головного убора по материалам погребальных памятников. 1 – верхняя мужская одежда из кургана Гульбище (по Б.А. Рыбакову); 2, 3 – мужская накидка-плащ и способы ее ношения; 4 – женская наплечная одежда типа «сарафана»; 5 – женская набедренная одежда; 6, 7 – женские многосоставные головные уборы (2–7 – по материалам Верхневолжья).

этом одна рука оставалась открытой) (рис. 1: 3) (Хвоцинская, 2004. С. 121; Степанова, 2000. С. 30). Вполне возможно, что плащи с разными способами застежки могли иметь и разные названия, но письменные источники здесь не дают возможности для уточнения.

К мужской верхней наплечной одежде типа на-

кидки относится целый ряд понятий. Пожалуй, это единственный вид одежды, обозначаемый таким количеством терминов: корзно, мятль, луда (лудиц), коц, япкыт, манатья. Однако, различия между ними появляются прежде всего в материале и декоре (луда – плащ из тяжелой материи с использованием золотной нити,

япкыт – по-видимому, войлочный плащ) и их принадлежности (манатя – одежда духовенства, коц – исключительно княжеский плащ).

Верхняя распашная мужская одежда реконструируется по находкам из кургана Гульбище (рис. 1: 1) (Рыбаков, 1949. Рис. 12), погребальных памятников Беларуси (Ласкавый, Дучиц, 2000. С. 62–65, рис. 3,4.). Письменные источники позволяют выделить группу наплечной распашной верхней одежды, к которой можно отнести свиту, бугай, охабень, опашень, терлик. Практически все эти виды одежды известны по этнографическим и изобразительным источникам, что позволяет уточнить характер их покроя, материал и способы ношения. Свита, первые упоминания которой относятся к XII в., просуществовала вплоть до начала XX в. Вполне вероятно, что весь период своего существования она представляла собой распашную приталенную одежду с рукавами, изготавливавшуюся из плотной льняной ткани или сукна. По этнографическим материалам известен способ ношения свиты не только в рукава, но и в накидку. Вероятно, точно так же носились охабень и опашень. Эти виды одежды, по способу их ношения, можно отнести к промежуточному варианту между накидкой и одеждой с рукавами.

Женский костюм, по данным погребальных памятников, включал в себя, помимо нижней одежды, головной убор с украшениями (чаще всего, височными), набедренную и/или наплечную одежду. О наличии набедренной одежды свидетельствуют находки пряжек и предметов, подвешенных на поясе, в редких случаях – находки разнородных тканей (рис. 1: 5). К такой одежде можно отнести лишь один термин письменных источников – понявица (исходя из рассказа Лаврентьевской летописи, этот термин может означать как женскую одежду, так и просто полотнище ткани).

Наплечная женская одежда реконструируется более сложно. В некоторых случаях можно говорить о наличии одежды типа туникообразного «сарафана» глухого покроя, либо наплечном покрывале, застегивавшемся фибулами или булавками (рис. 1: 4). Такая одежда более характерна для прибалтийских финнов и балтов, известна по материалам Новгородской земли и Верхневолжья.

По материалам погребений известны различные типы женских украшений, восстанавливаются способы их ношения (Сабурова, 1974; Степанова, 2002). Письменные источники называют целый ряд терминов, соответствующих известным по археологическим находкам типам украшений – колтки, монисто, ожерелье, усерязи. Усерязи, по предположению Н.В.Жилиной – подвески и поднизы, украшавшие головной убор. К головному убору следует также отнести косы – собственно косы или ленты, прикреплявшиеся к головно-

му убору у висков, украшенные височными кольцами или бляшками (Жилина, 2007. С. 219).

Наиболее полно изученным элементом женского костюма является головной убор. Материалы погребений свидетельствуют, что он мог состоять из нескольких частей, включая жесткую основу, различные виды «шапочек», одевавшихся под жесткую основу или поверх ее, головное покрывало, височные и иные украшения (рис.1: 6, 7). Названия головных уборов или их частей составляют целую группу среди терминов, относящихся к женскому костюму – юбрус, чело, повоец, привитка. Все приведенные названия хорошо известны и по этнографическим данным. Чело или очелье – передняя, возвышавшаяся надо лбом часть головного убора. Повоец (повойник), имевший вид мягкой шапочки, являлся нижней частью головного убора, носившейся под кокошником, сорокой, убрусом. Убрус (юбрус) – полотняная часть головного убора, надевавшаяся поверх его основных элементов (кики, повойника). Все они могли в сочетании с украшениями (усерязями, колтками, косами) могли носиться самостоятельно или одновременно, составляя сложный головной убор, аналогичный русскому этнографическому убору.

- Арциховский А.В., 1969. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч.1. Материальная культура. М.
- Жилина Н.В., 2007. Косы и усерязи тверской боярыни // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь.
- Ласкавый Г.В., Дучиц Л.В., 2000. Новые данные о костюме раннесредневекового населения Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
- Рабинович М.Г., 1986. Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.
- Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // МИА. № 11. М., Л.
- Сабурова М.А., 1974. Женские головные уборы у славян // СА. № 2.
- Сабурова М.А., Елкина А.К., 1991. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.
- Степанова Ю.В., 2002. Женский головной убор с височными кольцами X–XIII вв. (по материалам погребальных памятников Верхневолжья) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.
- Степанова Ю.В., 2000. Мужской костюм древнерусского населения Верхневолжья X–XIII вв. // Из архива тверских историков. Вып 2. Тверь.
- Хвошинская Н.В., 2004. Финны на Западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.

И.Ю. Стрикалов
Институт археологии РАН

Древнерусская колонизация Среднего Поочья в XI веке

Среди проблем средневековой истории Юго-Восточной Руси одной из центральных является вопрос о древнерусской колонизации Среднего Поочья. Этой проблеме в той или иной степени уделяли внимание все исследователи Рязанской земли. В его решении в историографии существуют две основные точки зрения.

В трудах большинства исследователей XIX–XX столетий, следовавших за летописным пассажем о происхождении вятичей, в котором говорится, что они «иже есть рязанци», колонизация Средней Оки связывалась с продвижением вятичей на восток в IX–XI вв. Эти данные подтверждались находками характерных украшений из немногочисленных исследованных курганов в бассейне Средней Оки, данные о находках которых были обобщены А.Л. Монгайтом и Т.Н. Никольской. Лишь в монографии В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича «Древняя столица Рязанской земли» этот вопрос был поставлен по-иному. По крайней мере, для Старой Рязани исследователи отмечали многокомпонентность первых насельников города, происходивших из разных районов «метрополии» – от Киевского Поднепровья и юго-западных областей Руси до Верхнего Поволжья. Основой для такого вывода послужили антропологические и вещевые материалы раннего (XI – половины XII вв.) городского некрополя.

Новые данные, полученные за последние десятилетия – в ходе раскопок Старой Рязани под руководством А.В. Чернецова, широкомасштабных разведывательных и стационарных работ на территории Рязанской и сопредельных областей – позволяют по-новому взглянуть на проблему характера и источников древнерусской колонизации Рязанского Поочья на начальном этапе этого процесса, хронологические рамки которого можно определить XI – первой половиной XII в.

Во-первых, обращает на себя внимание скудость материалов этого времени на указанной территории. В настоящее время известно лишь несколько памятников, которые однозначно можно датировать XI веком. Это Старорязанское городище, а также несколько сельских поселений в западной части региона, исследованных раскопками – Сосновское IV селище на Оке под Ростиславлем, исследованное В.Ю. Ковалем, и поселение Фефелов Бор I близ современной Рязани, котореизучала Т.Б. Попова в 1971–1974 гг. Кроме того, единичные находки керамики, которая датирована этим временем, встречены еще на нескольких посе-

лениях Оки и ее притоков. Поселений с материалами первой половины XII в. известно немногим больше: помимо Старой Рязани в список входят несколько сельских поселений в ее округе, и отдельные памятники на берегах Оки и ее основного притока в среднем течении – Прони (Пронское городище, селище Санское, городище Казарь, городище Земляной Струг, которое его исследователь В.П. Челяпов связывает с летописным Городцом Мещерским, и некоторые другие). Основная часть древнерусских поселений Среднего Поочья датируется временем не ранее второй половины XII в. При этом число памятников возрастает многократно.

Во-вторых, материалы XI в. Старой Рязани и двух указанных селищ западной части Среднего Поочья существенно отличаются друг от друга. Исследование материалов Сосновского селища, прежде всего керамики, было проведено В.Ю. Ковалем. В этой коллекции при преобладании лепной славянской керамики существенную долю составляет раннегончарная посуда. Ее анализ позволил автору датировать памятник второй половиной XI в. Сходный состав коллекции, вплоть до форм, орнаментов и технологии изготовления посуды, наблюдается и в материалах поселения Фефелов Бор. Однако здесь известны и более ранние чистые комплексы с лепной посудой. В Старой Рязани лепная керамика отсутствует (за исключением редких фрагментов лепных сосудов на Северном городище и посаде), а раннекруговая и развитая круговая керамика XI в. представлена более широким разнообразием форм и технологических схем.

Первая группа памятников, судя по анализу керамики поселения Фефелов Бор, генетически связана со славянским населением Оки и Верхнего Дона IX–X вв., ареал расселения которого достигал на востоке района современной Рязани. В последние годы в дополнение к ранее известным здесь было открыто и исследовано несколько славянских селищ с лепной керамикой. Общее число памятников такого типа в этом микрорегионе достигло почти двух десятков.

Специальный анализ ранней керамики Старой Рязани (рис. 1) свидетельствует об иных источниках перепоселенцев. В местном гончарстве присутствуют разнообразные приемы изготовления посуды, берущие начало в традициях Среднего Поднепровья, Волыни и Юго-Восточной Польши, Подвинья и Понеманья. Факты, полученные при анализе керамики Старой Рязани XI в., дополняют данные исследователей раннего

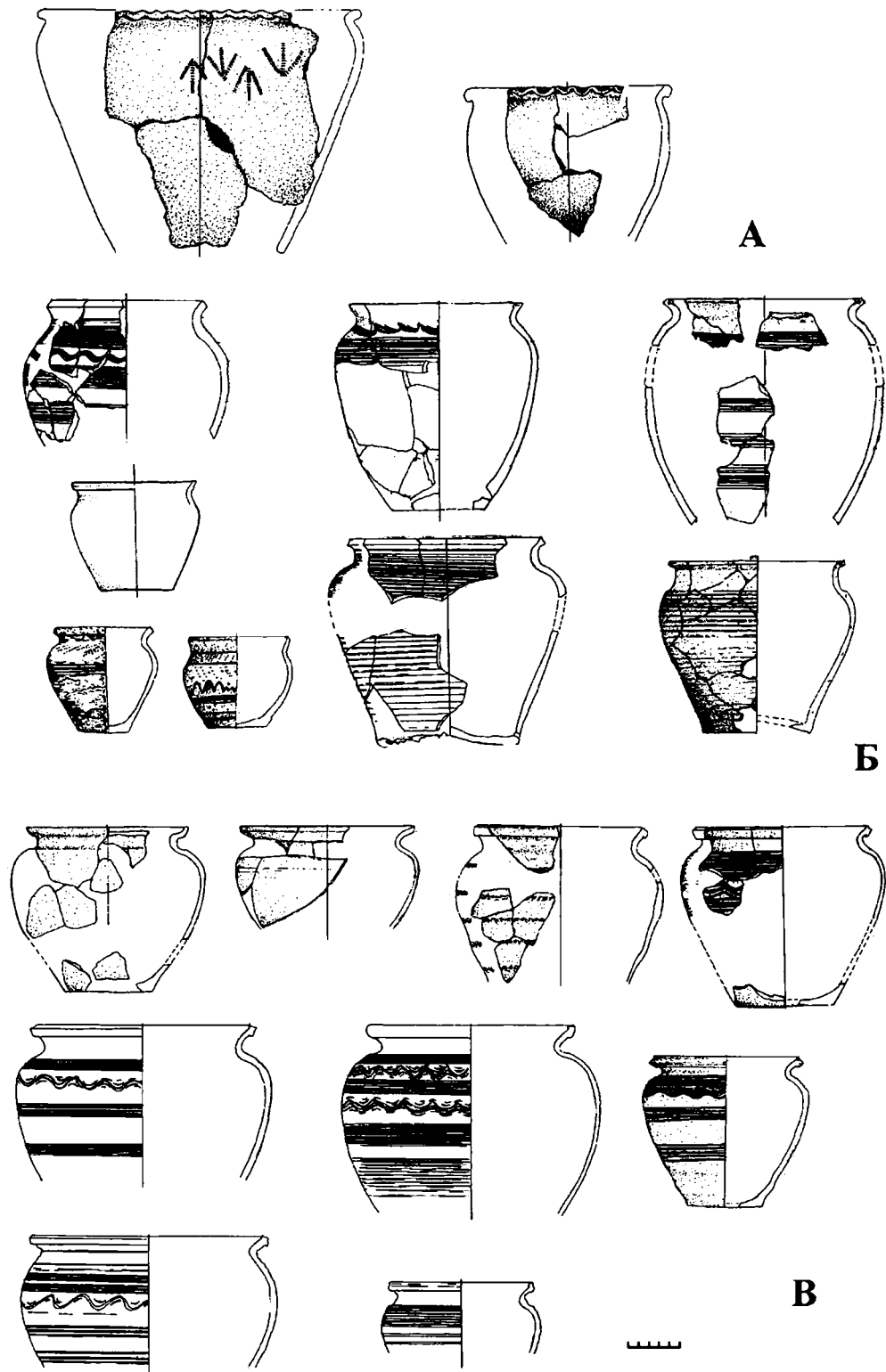

Рис. 1. Керамика XI – первой половины XII в. Старой Рязани. А – лепная, Б – круговая XI в., В – круговая первой половины XII в. 1, 2 – посад, раскоп 26; 3–5, 9, 10 – Северное городище, р. 28, ямы 63, 64а, 65–67; 6–8 – Южное городище, городской некрополь (6 – р. 20, погр. 5, 7 – р. 7АБ, погр. 3, 8 – р. 11, погр. 3); 11 – Северное городище, р.28, яма 60; 12–16, 18–19 – Северное городище, р. 28, яма 54; 17 – Северное городище, р. 28, яма 55.

городского некрополя и позволяют выдвинуть гипотезу об особом статусе Старой Рязани, как крепости на юго-восточных рубежах Древнерусского государства, подобной многочисленным «градам» в Среднем Поднепровье, строительство которых в самом конце X и начале XI в., судя по летописным и археологическим данным, сопровождалось их заселением выходцами из разных концов Русского государства.

В-третьих, две названные группы поселений отражают и две противоположные тенденции развития. Для потомков верхнеокских и верхнедонских славян на Средней Оке характерно сокращение поселений на протяжении XI столетия, вплоть до полного исчезновения в начале XII в. В то же время аналогичные Сосновскому селищу и Фефелову Бору поселения XI в. хорошо известны в Москворечье. Именно здесь продолжается их дальнейшее развитие, что отчетливо проявилось в формах и технологии посуды. Возможно, отток населения из Среднего Поочья шел в долину р. Москвы.

Гончарные традиции, характерные для москворецкого региона в XII–XIII вв., совершенно не характерны для Среднего Поочья. Памятники первой половины XII в., известные здесь, несут печать старорязанского влияния, где в это время на основе синтеза разнообразных приемов формируется собственная гончарная традиция, характерными признаками которой являются особенности формообразования верхней части сосуда (типы 6 и 7), формовочной массы (использование слабожелезистой глины с примесью среднего и мелкого песка) и орнаментации (значительный удельный вес посуды, украшенной зубчатым штампом, нанесенным колесиком). Картографирование памятников первой половины XII в. позволяет выявить их тяготение к восточной части Среднего Поочья – От Мурома до Старой Рязани. Несомненно, в этот период связи Му-

рома и Рязани способствовали освоению именно этого участка Оки.

Таким образом, на протяжении XI – первой половины XII в. в Среднем Поочье шло формирование древнерусского населения на основе государственной колонизации. Продвижение вятичей вниз по Оке было остановлено, скорее всего, именно этим процессом. Современное состояние источников не позволяет определить конкретные маршруты колонистов, но косвенные данные (вероятный отток вятичей на запад, освоение новоселами восточного участка региона) дают возможность предположить, что их путь пролегал в обход Земли Вятичей, которая в течение всего рассматриваемого периода оставалась слабоподконтрольной Киеву, и шел через Муром, вверх по течению Оки.

Колонизация шла в форме создания опорных пунктов, таких как Старая Рязань, вокруг которых постепенно формировались островки русского населения среди почти безлюдных пространств. Местное население, будь то славяне-вятичи или потомки местного финно-угорского населения, – в основной массе покидают этот край. Вятичи осваивают бассейн Москвы. Потомки населения культуры рязано-окских могильников в поздний период своей истории сохраняются на крайнем востоке своей бывшей территории – в низовьях Мокши и Цны. В восточной части региона известны немногочисленные памятники с лепной керамикой, которая, к сожалению, не подвергалась специальному исследованию, но явно носит неславянский характер. Лишь со второй половины XII в. ситуация переломилась: вся центральная часть Рязанского княжества за короткий отрезок времени была густо заселена. Исследование этой второй волны колонизации выходит за рамки работы, но можно отметить, что именно в этот период вятичский компонент составлял среди колонистов существенную долю.

В.В. Судаков, В.М. Буланкин, Д.А. Иванов

*ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»,
ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия», Рязань*

Дураковский комплекс поселений IX–XIII вв. на р. Вожа Рыбновского района Рязанской области

Проблема заселения славянами Среднего Поочья в VIII–XIII вв., несмотря на длительный период изучения, в настоящее время является одной из наиболее сложных и недостаточно решенных.

К сожалению, несмотря на более чем столет-

нее исследование данного региона с подавляющего большинства памятников мы имеем весьма немногочисленные материалы, представленные преимущественно фрагментами керамики, полученными при зачистке слоя и шурфовке или в ходе сбора подь-

емного материала. Все это затрудняет рассмотрение многих вопросов освоения данной территории славянами.

В связи с этим необходимо проведение широкомасштабных археологических раскопок на средневековых памятниках, особенно сельских поселениях и могильниках. Очень интересные материалы были получены при исследованиях Дураковских поселений у с. Алешня Рыбновского района Рязанской области.

Дураковский комплекс поселений включает 5 памятников (Дураковские I–V поселения), расположенных компактно в излучине правого берега р. Вожа на протяжении 0,9 км вдоль по течению р. Вожа в общем направлении с запада на восток и до 0,3 км от подножия поперек террасы реки вверх по склону в направлении С–Ю, примыкая друг к другу. Комплекс с востока ограничен дубовой лесополосой, на западе примыкает к СВ оконечности валов Дураковских ворот (XVII в.), в 2,7 км на ЮЗ от больницы в С. Алешня, в 1,6 км от западной окраины села. Археологические памятники располагаются на старопашотных землях, на темно-серых лесных суглинках, близких к черноземным почвам. В настоящее время поверхность в нижней части склона хорошо задернована, используется под пастбище, высота травы до 1–1,5 м, верхняя часть склона занята сеянными травами, высотой до 1 м, используется под сенокос. Обнажения почвы встречаются по берегам р. Вожа в отдельных местах. На основной территории встречаются отдельные рытвины и выбросы грунта из многочисленных кротовин и нор грызунов – единственный источник для сбора подъемного материала и наблюдения за структурой почвы.

Из данного комплекса памятников особо выделяются Дураковское II и III поселения.

Дураковское II поселение открыто и обследовано В.П. Челяповым в 1978 г., в 1997 году им же здесь был заложен раскоп площадью 20 кв. м.

Дураковское III поселение открыто и обследовано В.П. Челяповым в 1978 г., дополнительно обследовалось им же в 1997 году, а в 2000–2001 годах раскапывалось В.В. Судаковым. Общая площадь вскрытой площади составила около 540 кв. м.

Наблюдения за культурным слоем позволяют объединить Дураковские III и II поселения в единый памятник. Средняя мощность культурного слоя на поселении 0,6–0,8 м, он значительно переработан деятельностью грызунов, (кротовины и норы грызунов уходят в материк). В нижней части преобладает лепная керамика IX–X вв., в верхней части гончарная керамика XII–XIII вв. По всей площади поселения на гл. –0,4–0,6 м наблюдается резкое падение

количества археологического материала с заметным его возрастанием в нижнем слое. В среднем на памятнике лепная керамика составляет около 22% от общего количества, остальное – преимущественно гончарная керамика XII–XIV вв., в небольшой степени XV–XVII вв. Только на одном участке найдены материалы почти исключительно IX–X вв.

К сожалению, целиком постройки проследить не удалось, расчищены только остатки 5 глинобитных печей (в трех из них в конструкции применяются обломки известняка и мелкий валунный камень), а в материке обнаружено 13 подпольных и хозяйственных ям.

Не выявлено и культурного слоя эпохи бронзы, хотя и найдены фрагменты балановской керамики и кремневые отщепы.

Таким образом, выделяется по крайней мере 2 этапа заселения данной территории славянами: IX–X вв. и XII–XIII вв.

1-й этап – IX–X вв.

Из материалов IX–X вв. наибольший интерес представляют глинобитные печи и производственное сооружение – печь для предварительного отжига железной болотной руды. Почти полностью сохранилась печь № 1, исследованная в секторе 2 раскопа 2000 г. Развал печи круглой формы, глинобитный, размером 1,8 на 1,6–1,9 м. С внешней стороны развал представляет кольцо обожженной и прокаленной глины шириной в пласте 24–46 см, толщиной до 15 см. Подстилающий культурный слой прокален на 5–10 см. С северо-запада кольцо прокаленной глины разорвано на расстоянии до 80 см (устье печи). В средней части развала печи выявлено округлое скопление обломков известняка, располагавшееся в слое прокаленной глины размером 1,3 x 1,2 м. Размер обломков камней колебался от 5 до 15 см.

Производственное сооружение располагалось в восточной части раскопа 1997 г. Верх его представлял собой прокаленную глину с включением кусочков болотной руды, основная часть сооружения имела размеры 110 x 110 см. Центральная часть размерами около 60 x 44 см была прямоугольной формы с закругленными углами. Сверху шла обожженная глина с включением кусочков руды мощностью до 16 см., а под ним второй слой пережженной глины с включением золы мощностью 3–4 см. Еще ниже расчищен слой пережженной глины с включением золы мощностью 1–4 см. С трех сторон – востока, севера, запада – вокруг центральной части производственного сооружения до самого его низа расчищен слой болотной руды (?) шириной от 12 до 30 см. Вокруг руды шла прокаленная глина, которая, понижаясь, уходила под центральную часть сооружения. Мощ-

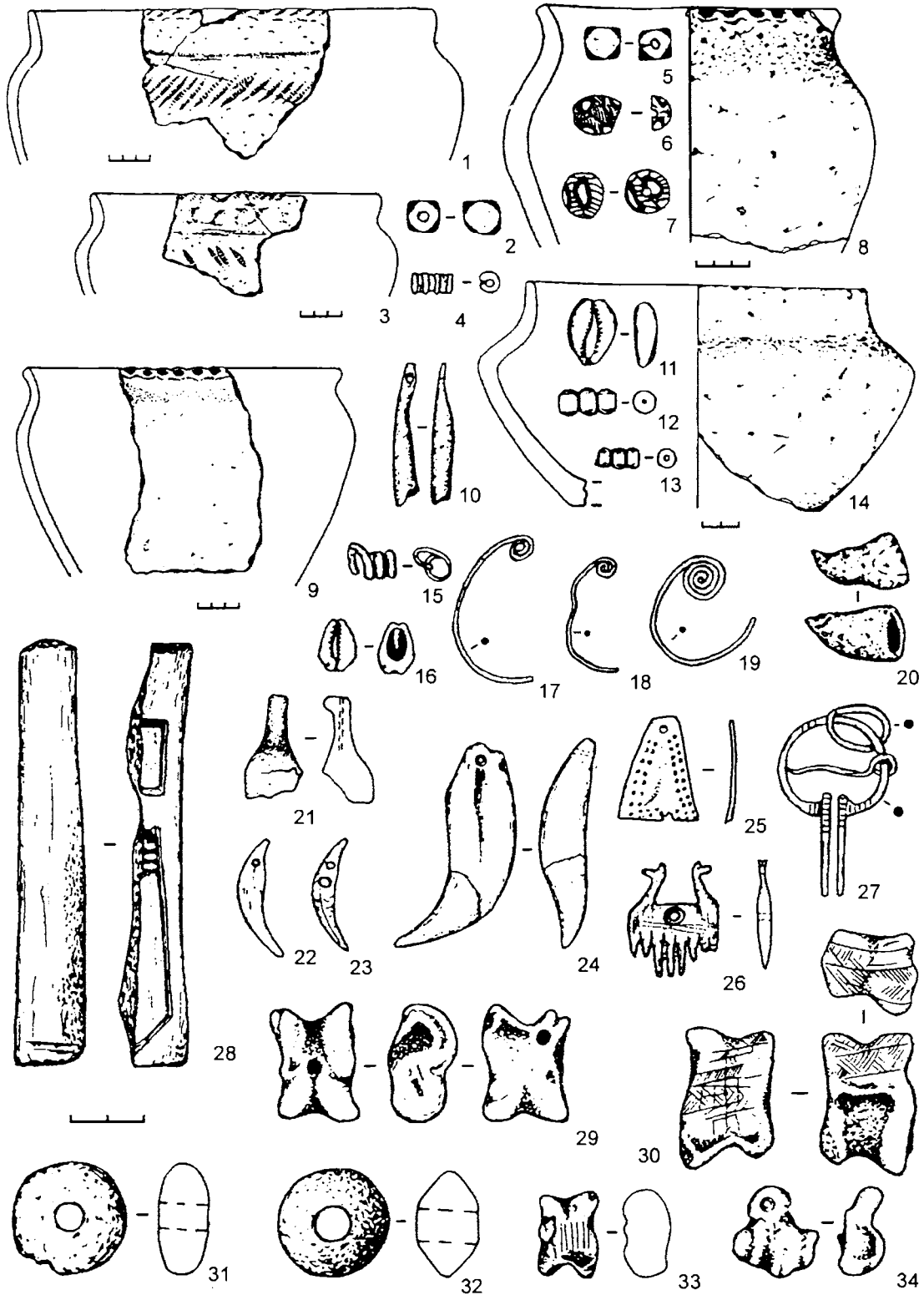

Рис. 1. Дураковский комплекс поселений. Материалы IX-X вв. 1, 3, 8, 9, 14 – лепные сосуды; 2, 4-7, 12, 13 – бусины; 11, 16 – раковины каури; 10, 21, 25 – привески; 15 – спиралевидная пронизка; 17-19 – височные кольца; 20 – изделие из глины; 22-24, 26, 34 – привески-амулеты; 27 – фибула; 28 – изделие из кости; 29, 30, 33 – бараньи альчики; 31, 32 – пряслица. 1, 3, 8, 9, 14, 20, 31, 32 – глина; 2, 4-7, 12, 13 – стекло; 11, 16 – раковина; 10, 15, 17-19, 21, 25, 27 – цветные металлы; 22, 23, 28-30, 33, 34 – кость.

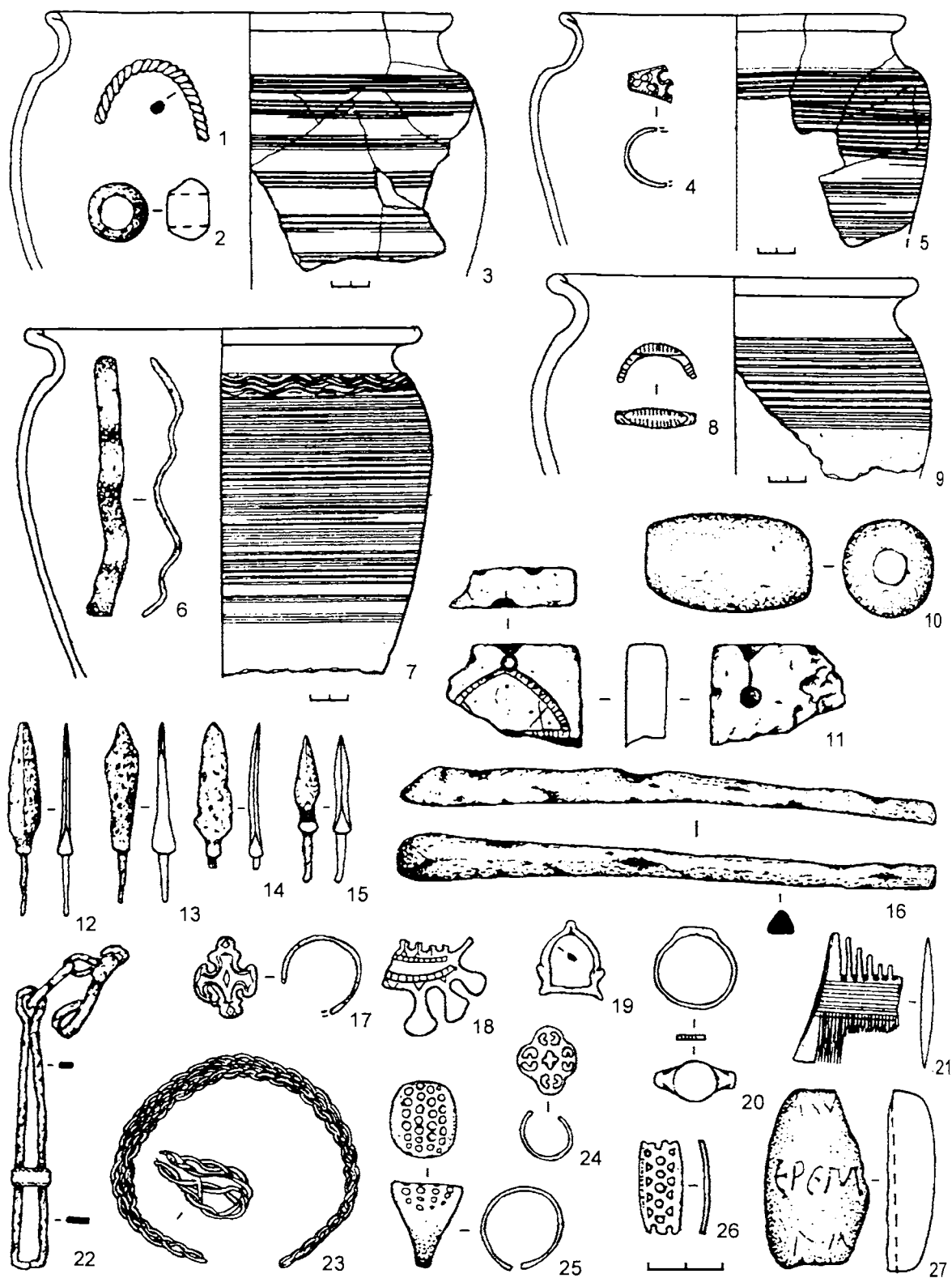

Рис. 2. Дураковский комплекс поселений. Материалы XII-XIV вв. 1, 6 – фрагменты изделий; 2 – грузик (?); 3, 5, 7, 9 – гончарные сосуды; 4, 8, 17, 20, 24-26 – перстни и их обломки; 10, 27 – грузила; 11 – литейная форма; 12-15 – наконечники стрел; 16 – слиток (?) металла; 18 – фрагмент височного кольца; 19 – пряжка; 21 – гребень; 22 – ювелирный пинцет; 23 – браслет. 1, 2, 4, 6, 8, 16-20, 23-26 – цветные металлы; 3, 5, 7, 9, 10, 27 – глина; 12-15, 22 – железо; 11 – камень; 21 – кость.

ность ее колебалась от 6 до 30 см. В северной части сооружения, в основном в слое прокаленной глины, был найден развал лепного сосуда.

На поверхности сооружения найдены фрагменты лепной керамики, целые и фрагменты глиняных блоков (хлебцы?)

С севера к производственному сооружению примыкало скопление обожженной глины, а к западу расчищено скопление кусков известняка.

В производственном сооружении не найдено железных шлаков, что не позволяет говорить об использовании его для варки железа. Вероятно, оно использовалось для сушки (обогащения) болотной руды.

Довольно информативными являются массовые и индивидуальные находки (рис. 1).

Основной категорией находок этого времени является лепная керамика, которая, по мнению В.Ю. Корня, датируется IX – началом XI в. и, скорее всего, связана с локальной группой славян, близких верхне-вятичам.

Хорошую датировку раннего этапа дают стеклянные бусы, которые, по мнению А.А. Тодоровой, относятся к IX – началу X в.

Из других находок следует отметить фрагменты бронзовых проволочных височных подвесок протосверянского типа (?) со спиральным концом, предметы, которые можно связать с угро-финнами или их влиянием (более многочисленная – железные шпильки, бронзовые трапециевидные, конусные, булочновидные подвески, спиральные пронизки), а также влиянием кочевников (аскизская традиция – предметы поясного набора: пряжки, накладки).

Предметами языческого культа являются костяные амулеты – подвески со сверлинами: 1 клык медведя, 1 клык лисицы, 2 таранных кости волка, а также 2 каменных амулета-подвески: галька со сверлиной и фрагмент шлифованной сланцевой фигурки с отверстием (рыба?).

2-й этап – XII–XIII вв.

Для этого времени также не удалось проследить постройки целиком и исследованы только остатки глинобитных печей и ям в материке.

Массовые и индивидуальные находки этого времени представлены на рис. 2.

Основная категория находок – гончарная керамика.

Обнаружены следы металлургического производства – многочисленные шлаки и крупные фрагменты кричного железа,

Следы ювелирного производства немногочисленны, но распространены на большей части поселения, что свидетельствует о наличии нескольких мастерских. Выявлены шлаки и выплески цветных

металлов, фрагменты тиглей и льячек, 1 фрагмент литейной каменной формы для отливки украшения, ювелирный пинцет.

О наличии христианского культа свидетельствуют 2 фрагмента каменных наперсных крестов (один из них типичный “корсунчик”), 2 бронзовых перстня с решетчатым изображением проросшего креста. Наибольший интерес из находок представляет фрагмент керамического рыболовного грузила с прочерченными буквами ЕРЕМ(А ?) по палеографическим данным относящейся к домонгольскому времени, выполненной четким профессиональным почерком.

Остальные предметы типичны для поселений домонгольского времени – железные предметы, пряслица и прочее.

Украшения представлены следующими предметами: фрагмент серебряного семипастного височного кольца вятичского типа, перстнями: решетчатыми, с гладкими щитками, рубчатыми – в целом, они ярко свидетельствуют об освоении данной территории в этот период вятичами.

На основании полученных материалов можно сделать следующие выводы:

1. Еще в эпоху бронзы на данной территории побывали племена балановской культуры.

2. Начальный этап славянского заселения Среднего Поочья относится к концу IX(?) – X вв. и связан он, преимущественно, с продвижением на данную территорию носителей роменско-боршевской культуры из районов Верхней Оки и, возможно, Верхнего Дона. Одновременно сюда проникают представители ранних вятичей и северян. Смешение разных групп славян, скорее всего, происходило уже на месте переселения.

3. В XI – первой половине XII в. поселения исчезают или резко сокращаются. На склоне террасы наблюдается разрыв между нижним слоем с лепной керамикой и верхним слоем с гончарной керамикой. Фрагменты раннегончарной керамики не обнаружены. Это, возможно, связано с увеличением набегов кочевников, а также изменением природных условий.

4. Новая волна славянской колонизации начинается с середины XII в., при этом шла она с разных направлений, при этом на правобережье Оки основную роль играли вятичи.

5. Устойчивость заселения одних и тех же территорий в разные исторические эпохи вероятно связано с существованием издревле сложившихся сухопутных путей с востока на запад в местах удобной переправы через заболоченную прежде, а ныне высохшую долину р. Вожа, о чем свидетельствует распространение на значительных территориях погребенного торфа.

А.В. Чернецов, И.Ю. Стрикало

Институт археологии РАН

Старорязанская экспедиция: новые исследования

Новый этап изучения Старой Рязани был начат в 1994 г. после длительного перерыва. Предшествующий цикл масштабных исследований проводился в 1966–1979 гг. (вначале под руководством А.Л. Монгайта, а с 1970 г. – В.П. Даркевича). Возобновление работ на памятнике стало возможным после того, как в ходе небольших охранных работ 1992 г. под руководством В.П. Даркевича был найден очередной клад ювелирных изделий.

Старорязанская археологическая экспедиция проводится совместно Институтом археологии РАН и Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником; с 1997 г. в ее работах принимает участие Российский государственный гуманитарный университет. Полевые исследования 1994 г. финансировались за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований, а с 1995 – Российского гуманитарного научного фонда (работы 2008 г. – проект 08-01-18116е), а в 1997–2004 гг. также в рамках Федеральных целевых программ государственной поддержки интеграции высшего образования и фундаментальной науки.

В 2003–2005 гг. работы экспедиции были поддержаны в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социо-культурном контексте». В 2006 г. экспедиция подключилась к новой программе ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». К работе над проектами по программе ОИФН РАН подключилась Ростиславльская экспедиция ИА РАН, исследующая один из малых городов Рязанской земли и его округу (руководитель к.и.н. В.Ю. Коваль), а с 2006 г. экспедиция ИА РАН, ведущая работы в еще одном крупном центре Рязанского княжества – Переяславле Рязанском (современной Рязани, руководитель д.и.н. В.И. Завьялов). В ходе работ над проектом по программе ОИФН РАН был подготовлен сборник «Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы» (М., 2005). Около трети сборника посвящены новым результатам работ в Старой Рязани и ее ближайшей округе.

На базе Старорязанской экспедиции за последние годы были проведены два полевых историко-археологических семинара. Это семинар 2002 г. «Старая Рязань. Археологическое изучение русско-средневекового города и его округи» и семинар

2007 г. «Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур К 770-летию трагедии Старой Рязани».

Старая Рязань расположена на высоком правом берегу Оки. Ее укрепления имеют трехчастную структуру. Древнейшая часть городища, Северный мыс (останец), освоенная еще в раннем железном веке, и затем в эпоху существования так называемых «рязано-окских» могильников, имеет площадь всего 0,4 га (в древности, учитывая разрушение склонов оползнями, могла быть несколько больше). Большая часть Северного мыса недоступна для исследователей, поскольку здесь находится действующее кладбище. Небольшой участок в северной части останца исследовался в 1966, 1967 гг. И.Г. Розенфельдт.

Дальнейшее развитие городских укреплений шло в направлении север – юг. Так называемое Северное городище Старой Рязани представляет собой довольно крупную пограничную крепость, основанную славянскими колонистами на рубеже X–XI вв. на незаселенной славянами территории. Площадь Северного городища в настоящее время 7,5 га. Площадка городища повреждена осыпями склонов и оврагами, здесь расположены четыре усадьбы с постройками и огородами, прорезана траншеями, связанными с исследованиями В.А. Городцова в 1926 г. В настоящее время подобная методика считается неприемлемой. Однако в первой трети XX в. такая она считалась нормальной; материалы, полученные В.А. Городцовым имеют большое значение. В дальнейшем, в 1945–50 и 70-х гг. на Северном городище проводились значительные работы, причем вскрывались, как правило, большие площади. Тем не менее, исследованию Северного городища уделялось явно недостаточное внимание.

В середине XII в., когда Старая Рязань становится центром крупного княжества, площадь укрепленной территории еще раз многократно увеличивается. Так называемое Южное городище занимает уже площадь 55–57 га (а городище в целом – 67,6 га). Общая протяженность городища с севера на юг – 1300 м, с запада на восток – 800. Длина укреплений памятника превышала 3 км, до нашего времени сохранились валы общей протяженностью 2300 м. Эта часть памятника, начиная с 1822 г., привлекала наибольшее внимание исследователей – здесь найдены почти все клады ювелирных изделий и другие предметы роско-

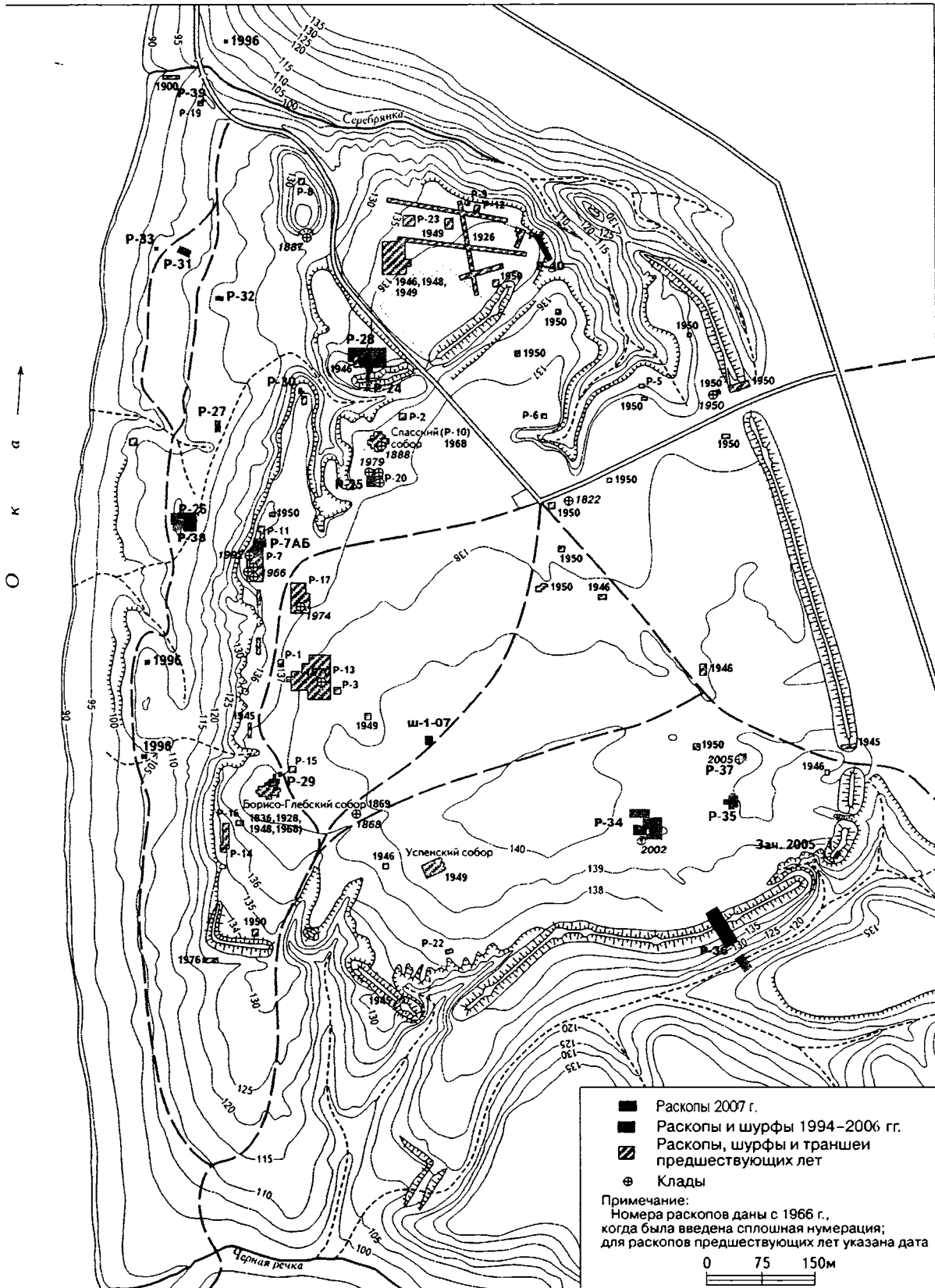

Рис. 1. План Старорязанского городища с указанием мест раскопов 2007 г.

ши, прослежены фундаменты трех храмов. Тем не менее, до сих пор изучена очень малая часть общей площади Южного городища.

У подножия террасы, на которой расположено Старорязанское городище, прослеживается средневековый культурный слой, связанный с неукрепленным посадом. Эта часть памятника остается наименее изученной, отчасти по той причине, что здесь расположены современные постройки и огороды. До начала работ 1994–2008 гг. здесь было вскрыто лишь 100 с небольшим кв.м, причем наиболее крупный раскоп не дал материалов по жилой и хозяйственной застройке, здесь была исследована братская могила жертв монголо-татарского нашествия.

Важной составляющей изучения древнерусских городов является исследование их ближайшей округи. Округа Старой Рязани до начала работ экспедиции 1994–2008 гг. не подвергалась сплошному систематическому обследованию, если не считать семикилометрового участка к югу от городища до устья р. Прони.

Возобновленные в 1994 г. работы экспедиции в значительной мере являлись продолжением исследований предшественников. Наряду с этим был намечен ряд новых направлений. Так, было обращено первостепенное внимание на стратиграфию и хронологию Северного городища. Для этого был принят разрез вала с целью увязать историю сооружения и ремонтов укреплений с напластованиями площадки городища. Эта задача была впервые решена в 1994–1995 гг., когда был осуществлен разрез вала, и в последующие годы, когда изучались напластования той части площадки городища, которая непосредственно примыкала к этому разрезу. Общая протяженность опорного разреза достигает 38 м. Параллельно с изучением стратиграфии велись работы по систематизации керамических материалов Старой Рязани, имеющих ключевое значение для датировки. Детальное исследование старорязанской керамики было проведено И.Ю. Стрикаловым и защищено в качестве кандидатской диссертации. В 2007 г. сделанные наблюдения удалось дополнить и уточнить в ходе обследования оползня в северо-восточной части городища, прорезавшего укрепления и культурные напластования (рис. 1).

Еще одна новая задача – изучение неукрепленного посада городища. Отметим, что работы здесь в 70-е годы рассматривались как малоперспективные. Все же, учитывая значение этой части города, экспедиция с 1996 г. обращается к ее изучению. К 2008 г. здесь было вскрыто более 540 кв.м. Наиболее существенными достижениями являются обнаружение перспективного участка с влажным культурным сло-

ем, а также находка фрагментов керамики роменского типа, древнейшей славянской керамики, найденной в Старой Рязани. Среди находок на посаде – первая в Старой Рязани берестяная грамота, дорогая импортная керамика, свинцовая актовая печать, каменная пластинка с именем ордынского хана. Исследования показали, что эта часть города отнюдь не являлась его захудалой периферией.

В 1999–2004 гг. Л.А. Беляевым были предприняты новые исследования руин Борисоглебского собора XII в., сильно поврежденных методически несовершенными раскопками первой половины XIX в. и постройкой нового храма в начале XX в. Удалось существенно уточнить план храма. Оказалось, что он был асимметричным, с четырьмя, а не тремя, как представлялось ранее, абсидами. Обнаружен ряд склепов, в которых погребались представители знати и высшего духовенства. Среди находок уникальные фрагменты витражного стекла с славянскими надписями, обломки богато орнаментированного оклада от иконы, плинфа с оттиснутым именем мастера.

Ряд раскопов был заложен на Южном городище. Необходимость исследований этой части памятника была обусловлена имевшими место кладоискательскими раскопками. В ходе этих незаконных работ в 2002 г. был открыт замечательный клад ювелирных изделий (в настоящее время в Рязанском музее). По следам кладоискателей были заложены раскопы, в

Рис. 2. Медальон из клада 2005 г. после реставрации.

которых были выявлены богатые усадьбы. В 2005 г. здесь был обнаружен очередной клад ювелирных изделий (рис. 2). В южной части Южного городища в 2005–2008 гг. велись исследования оборонительных сооружений (разрез вала и рва, рис. 1).

В 1970-х гг. было начато систематическое обследование ближайшей округи городища – обширной территории Спасской луки (около 50 кв. км, не считая заливаемой части поймы). Здесь учтено более 80 памятников. В 1997 г. были проведены исследования разрушавшихся оползнями гончарных горнов XIV–XV вв. на селище, примыкающем к Новоольговскому городищу. На поселении Устрань III вскрыто 200 кв. м площади памятника.

Географическое положение Старой Рязани и Великого Княжества Рязанского на границе со степными кочевниками, а позднее – с Золотой Ордой; важное значение речного пути по Оке для международной торговли (засвидетельствованное находками западноевропейского, византийского и восточного

происхождения) выводят изучение старорязанских древностей на всемирно-исторический уровень, позволяют на конкретном материале рассматривать вопрос о месте древнерусской культуры в мировом контексте.

Несмотря на значительные раскопочные работы на Старорязанском городище, начатые еще в 1822 г., на сегодняшний день исследовано всего около 6% территории городища. Принимая во внимание то, что к городу примыкал обширный посад (точные границы которого пока не установлены), эта цифра для памятника в целом окажется еще меньшей. Очевидно, что любые обобщающие заключения о памятнике остаются недостаточно обоснованными. Постоянное разрушение памятника, связанное с оползнями, развитием оврагов, хозяйственной деятельностью, наконец, с незаконными кладоискательскими раскопками заставляет торопиться с его изучением, ставить вопрос о его охране и музеефикации.

С.З. Чернов

Институт археологии РАН

Сфрагистический комплекс 1088–1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли

В 2001 г. на селище Могутово-2 в 120 м от Могутовского городища (Шерна-городок) (Щелковский район Московской области) кладоискателями было найдено 16 свинцовых вислых печатей (№ 1 – 13 зафиксированы и переданы в ГИМ (кроме №№ 8, 9), № 14, 15 брошены на месте, № 16 после реставрации передана в ГИМ), 12 свинцовых пломб XI–XII вв. и другие находки. Из них 6 печатей атрибутируются новгородским князьям Мстиславу Владимировичу (княжил в 1088–1094 гг. и в 1096–1117 гг. в Новгороде, в 1117–1125 – в Белгороде и Смоленске, в 1125–1132 – в Киеве) и Всеволоду Мстиславичу (княжил в Новгороде в 1117–1136 гг., наиболее вероятная датировка печатей с Благовещением и Св. Федором, по результатам исследований В.Л. Янина, – 1026–1136 гг.).

Присутствие печатей новгородских князей на территории, которая во второй половине XII в. располагалась в пределах Владимиро-Суздальского княжества, их изобилие, широкий хронологический диапазон, присутствие разных типов печатей, а также типов, которые были ранее неизвестны, заслужи-

вает самого тщательно исследования. Могутовская находка ставит целый ряд проблем, касающихся предыстории Московской земли и процессов политической истории первой половины XII в., связанных с взаимоотношением Новгорода и Суздальской земли.

Могутовский сфрагистический комплекс, в котором преобладают печати Мстислава Великого и Всеволода Мстиславича, ставит проблему новгородского политического присутствия в 1088–1136 гг. в районе, относившемся позднее к Москве. Решение (или приближение к решению) этих проблем станет возможным лишь после рассмотрения вопроса: остатками какого типа архива является сфрагистический комплекс из Могутова и с чем связано его появление в восточной части позднейших Московских земель. В связи с этим основной целью проекта стало проведение раскопок на селище Могутово-2 в районе обнаружения печатей (2002–2007 гг.).

Раскопы были заложены после проведения в зоне обнаружения сфрагистических материалов магниторазведки на площади (2000 кв.м). Раскоп 1

- Литвинский Б.А., 1981. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М.
- Мэнес Г., 1992. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск.
- Нарты, 1989: Осетинский героический эпос. В 3-х кн. М. Кн. 2.
- Уарзиати В.С., 1993. Ритуально-престижная трапеза у осетин // Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С. Жизнь осетинской семьи (этносоциологический аспект). Владикавказ.
- Яценко С.А., 1998. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // РА. № 3.

Л.А. Краева

Оренбургский государственный педагогический университет

Сарматская керамика с примесью талька из Южного Приуралья

Сарматская керамика часто привлекалась в качестве источника для реконструкций историко-культурного характера, а также хронологического индикатора. При этом исследователи нередко обращались к определениям примесей в глине, которые производились лишь визуально. Особенно острой и дискуссионной в науке стала проблема появления и исчезновения так называемой «тальковой» керамики.

Как «тальковая» в литературе рассматривается керамика без характеристики морфологических признаков с искусственной примесью талька в тесте, которая поддается визуальному определению. Однако, на наш взгляд, данный термин является не совсем корректным, т. к. визуальное определение примеси талька часто может оказаться ошибочным и, как правило, тальк является не единственной примесью в формовочной массе такой посуды. Кроме того, примесь талька в незначительной концентрации визуально не всегда фиксируется.

Причины появления и исчезновения «тальковой» керамики в Южном Приуралье неоднократно излагались исследователями. Можно выделить две точки зрения на эту проблему (Краева, 2007. С. 260–262):

1) «миграционную», в соответствии с которой появление «тальковой» керамики у сармат в IV в. до н.э. связано с миграцией племен зауральской лесостепи, а исчезновение – с возобладанием традиции более многочисленной местной группы населения (Мошкова, 1974. С. 22; Таиров, 1998. С. 93);

2) «контактную»: появление «тальковой» керамики связано не с миграцией лесостепного населения, а с ростом контактов сарматов с этим населением в IV в. до н.э., а исчезновение ее в III в. до н.э. – с прекращением прежних контактов и переориентацией интересов номадов на запад и юг (Железчиков,

Пшеничнюк, 1994. С. 8; Могильников, 1999. С. 133, 134; Савельев, 1999, С. 139, 140).

Исследование керамики с помощью микроскопа по методике А.А. Бобринского позволило прийти к следующим выводам (Бобринский, 1978; 1999; Краева, 2008).

В IV в. до н.э. (рубеж V – IV вв. до н.э.) в Южном Приуралье фиксируется появление лепной посуды, отличной от «савроматской». Она имеет грушевидное тулово с округлым дном, резко отогнутый венчик и сложный орнамент (рис. 1: 1–3). Изготовлена она из не характерной для ранних кочевников VI–V вв. до н.э. формовочной массы – глина+тальк+органика – или из тальковой глины с добавлением органических добавок; конструирование произведено лоскутным налепом с помощью формы-модели, а орнаментация нанесена штампованием.

Процент такой посуды невелик (8%). Попадание ее в среду ранних кочевников, на наш взгляд, нельзя объяснить исключительно брачными контактами или влиянием «моды», т. к. это противоречит закономерностям развития гончарного производства. Именно приход носителей рецепта формовочных масс глина+тальк+органика оказал значительное влияние на сложение технологических традиций в раннесарматском гончарстве. Следствием смешения этих пришлых групп с местными группами населения стали: 1) массовое появление круглодонной посуды, а также плоскодонной посуды с плавным переходом стенок в неустойчивое дно; 2) изменение в орнаментации (уменьшение доли орнаментов в виде пиктограмм; усложнение композиций; приоритетное украшение плечевых зон); 3) появление новых способов орнаментации; 4) массовое появление смешанных рецептов формовочных масс ИПС+шамот+тальк+органические добавки; 5) сло-

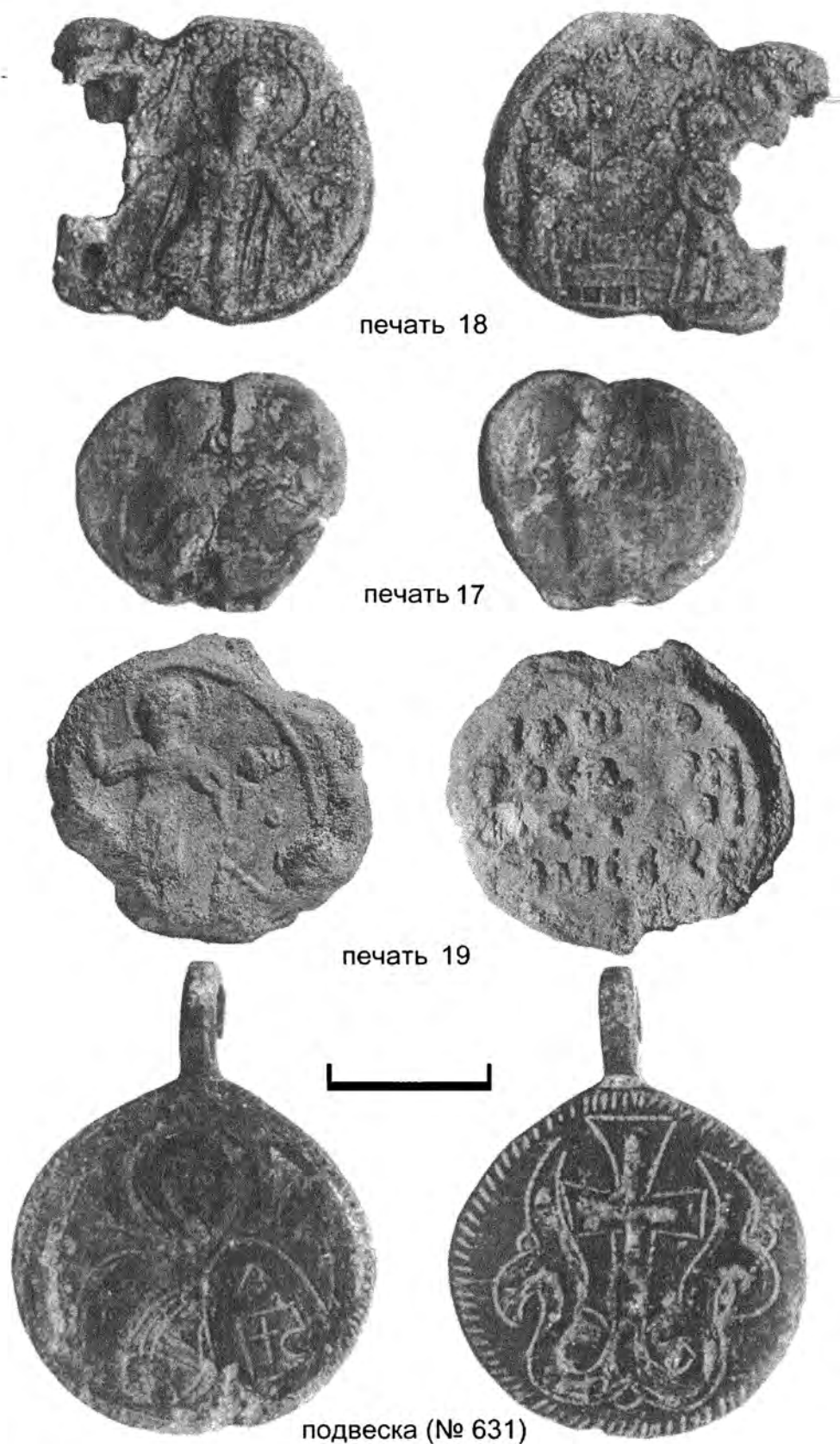

Рис. 1. Селище Могутово-2. Находки из раскопов.

рис. 1) и соседней с нею ямой на усадьбе А. В северной части усадьбы В в зоне расположения столбовой постройки (конюшня – ?) в заполнении столбовой ямы 45 была найдена свинцовая печать протопроедра Евстафия (тип 72 по каталога В.Л. Янина. 34-й экземпляр) с изображением на лицевой стороне греческой надписи «Возри на меня протопроедра Евстафия», а на оборотной – Святого Федора в полный рост с копьем в правой руке, щитом – в левой, и надписью «(оагиос Фе)одоро(с)». Изображение выполнено с четкой матрицы и не стерто. Этим оно отличается от аналогичной печати, которая была найдена в 2001 г. В.Л. Янин относит печати этого типа к первым годам правления в Новгороде кн. Мстислава Владимировича (правил с 1088 г.)

Таким образом, печати, найденные в ходе раскопок (рис. 1), располагались следующим образом:

1) печать 17 с изображением архангела, тип которой пока не установлен, была найдена в верхнем пахотном слое, в 10 м к юго-востоку от печати 18, на территории двора усадьбы В, между центральной жилой постройкой усадьбы второй половины XII в. и входом на усадьбу со стороны улицы;

2) печать 18 с изображением Св. Федора и Благовещенья (тип 137), связываемая с правлением кн.

Всеволода Мстиславича в Новгороде (1117–1125, 1125–1136 гг.), была найдена в заполнении клетки (яма 11) середины XII в., располагавшейся в центральной части усадьбы В;

3) печать 19 протопроедра Евстафия (тип 72) обнаружена в 12 м к северу от печати 19, в заполнении столбовой ямы, у северной границы усадьбы В.

Подобное расположение печатей позволяет предполагать, что грамоты, с которыми они были связаны, хранились в разных постройках усадьбы В.

Исследования в Могутове показали, что сфрагистический комплекс, наиболее поздняя печать которого датируется 1160-ми гг., связан с центральной группой сооружений усадьбы «В», которая датируется серединой – второй половиной XII в. Дальнейшие исследования могут пролить свет на социальный облик этой усадьбы и сопредельных с ней усадеб, что, в конце концов, позволит проверить предположение о существовании в Шерне «местного» правления Новгорода и великих владимирских князей (Шерна как и Волок Ламский не упоминается в ранних духовных грамотах московских князей), а также о политическом присутствии Новгорода в западной части Волго-Окского междуречья в первой половине XII в.

Ю.Ю. Шевченко

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

Планиметрия восточнохристианского пещерного храма в раннесредневековой Восточной Европе (VII–XII вв.)

Судя по легенде о пребывании св. ап. Андрея Первозванного в Пантикапее и Херсонесе (Крым) (Василевский, 1909. С. 268, 282), данные о его миссии здесь подтверждаются византийскими источниками (Ср.: Зубарь, Павленко, 1988. С. 48, 49), – христианские кинонии возникают на Крымском полуострове очень рано. Уже сосланный в Херсонес третий папа Римский св. Климент сообщает о Херсонской христианской общине в 2000 человек (ок. 96 г. н.э.) (Житие св. Климента, 1877. С. 153–162). В начале III в. епископ портуенский Ипполит (чья версия, возможно, лежит в основе грузинского «Жития» апостола), а на рубеже VIII–IX вв. иерусалимский монах Епифаний, обошедший почти все Причерноморье, записали все легенды о деятельности Первозванного апостола. Именно апостолы, которым, как и пророкам первохристианских времен,

запрещалось более чем трехдневное пребывание на одном месте (Дидахе, 1996. С. 71, гл. 11: 4, 5), были первыми трансляторами, осуществлявшими широкую, территориальную трансмиссию между далекими общинами, на которой держалось «бытовое единство» христианского мира: функция, позднее поддерживаемая пилигримами, а еще позднее – миссионерами и лицами, связанными с вопросами канонического общения.

Подземный храм на главной улице Херсонеса – один из древнейших исследованных первохристианских подземных памятников на Юге Восточной Европы, как мне представляется, – времен первоапостольских (Якобсон, 1959. С. 191–192; ср.: Беляев, 1989. С. 29–54). Он уже прекратил свое существование в конце V – начале VI века, судя по материалам засыпки (Беляев, 1989. С.29), а время его возникно-

вения археологическими методами точно не установлено. Не исключено, что значение Пещерного храма уменьшилось в результате строительства почти над ним наземной христианской базилики, возводившейся именно в это время. Та же ситуация наблюдается и в иных районах Херсонеса, где над позднеантичными цистернами возводили базилики и цистерны становились, вероятно, своеобразными «подаaltarными криптами». Но очень скоро такие цистерны оказывались заброшенными, и заполнялись строительным мусором. Аналогична ситуация с нижними специально устроенными помещениями в громадном храме св. Полиевкта в Константинополе, выстроенном Юлианой Аникией (462–528): Центральный проход в крипту был замураван еще на начальном этапе существования храма, а боковые коридоры стали недоступны уже в VII в. из-за завалов мусора (Беляев, 2000. С. 264–269, 298–299, прим.23).

Помещение Пещерного храма на главной улице Херсонеса могло быть переоборудовано из позднеантичной цистерны (Якобсон, 1959. С. 191–192), вырубленной еще до рубежа эр, и в результате землетрясения 64 г. до н.э. – заброшенной. Подобные подземные цистерны различного предназначения (для воды, рыбозасолочные и т.д.) обычные и часто встречаемые строения в античных причерноморских полисах. Был ли здесь, у Пещерного храма Херсонеса, в первые века христианской эры еще и монастырь, располагавший кельями, – пока неизвестно. Но обычно подземные цистерны располагались поблизости друг от друга группами, по две-три.

Ни объем, ни площадь этого сравнительно небольшого подземного храма, который мог существовать уже со времени пребывания Андрея Первозванного в Крыму в 52 г. н.э., не соответствует двухтысячной численности христиан-херсонесситов, встречавших в городе сосланного Папу Римского Климента в 96 году по Р.Х. Данное обстоятельство наводит на размышления о времени создания комплексов, расположенного поблизости от позднеантичного Херсонеса, Инкерманского Свято-Климентьевского пещерного монастыря, подземного монастыря св. Софии и многих других пещерных храмов и сооружений, группирующихся в этой местности.

Аналогий Пещерному храму на главной улице Херсонеса достаточно много. Руководитель археологической экспедиции в Иерусалиме проф. Саймон Гибсон (Великобритания) в монографии «Пещера Иоанна Крестителя» сообщает о крупной подземной цистерне, найденной в 2004 г. на южной окраине города, построенной в раннем железном веке. К ее объему ведет спуск в двадцать восемь ступеней,

а практически весь пол, кроме небольшого уступа у стен, продолговатой объемной пещеры с высоким сводом занимает прямоугольное углубление, где и поныне стоит вода.

Аналогичные цистерны II–I тыс. до н.э., приобретавшие храмовый характер в начале новой эры, давно известны на Ближнем Востоке, в том числе среди пещер первых вв. н.э. на горе Кармел, обычно, связываемых с эссенами (рис. 1). Но «сопрестолия» (рис. 1: 4) из этой пещеры, считающейся «эссенской», имеют полную аналогию в таком же архитектурно-каноническом элементе, но в первохристианских подземных храмах, таких как, например, египетская пещерная церковь Девы Марии в Вади Загра, которая была заброшена христианами-коптами уже к VIII в. (Беляев, 2000. С. 138, 151).

В ранневизантийские времена подтопленное помещение цистерны, обнаруженное С. Гибсоном у Иерусалима, продолжают посещать, о чем свидетельствуют граффити на стенах пещеры, прочерченные изображения крестов и рисунок заросшего бородатого старца во власянице под широким кожаным поясом, как канонически, с самых ранних времен определяется иконография Иоанна Предтечи (Крестителя). Здесь же в цистерне-храме находится изображение его головы (отдельно), что напоминает о казни Крестителя по приказу Ирода Антипы, – эти мощи, считаются хранящимися в Амьене, и под Константинополем; отдельно помещено изображение руки (напомним, что Константинопольские патриархи посвящались в сан мумифицированной рукой Иоанна Предтечи). У дальней стены пещеры установлен выступающий из воды «камень-следовик», на котором выполирован след правой босой ноги. Углубление «следа» соединено желобом еще с одним чашеобразным квадратным углублением, составляя некую единую «водосвятную чашу» (одно из «литургических устройств», необходимых как для храма – для подготовки Причастия; так и для баптистерия – для водосвятия и крещения). Небольшие размеры этой «водосвятной чаши» не позволяют отождествлять ее с крещальной купелью, поэтому не исключено, что камень мог быть и престолом, где углубление «следа Иоанна Предтечи» выполняло функции потира-дарохранительницы.

Пещера, укрывавшая пророка Иоаканна (Иоанна Предтечу) во времена Ирода Великого, превращена в храм-крещальню не позднее самых начальных фаз ранневизантийского периода (IV–VI вв.), и является одним из ранних аналогов Подземному храму на главной улице Херсонеса. С ней схожи и достаточно многочисленные памятники Палестины, в том числе – по сей день действующая цистерна вади-эйн-ас-

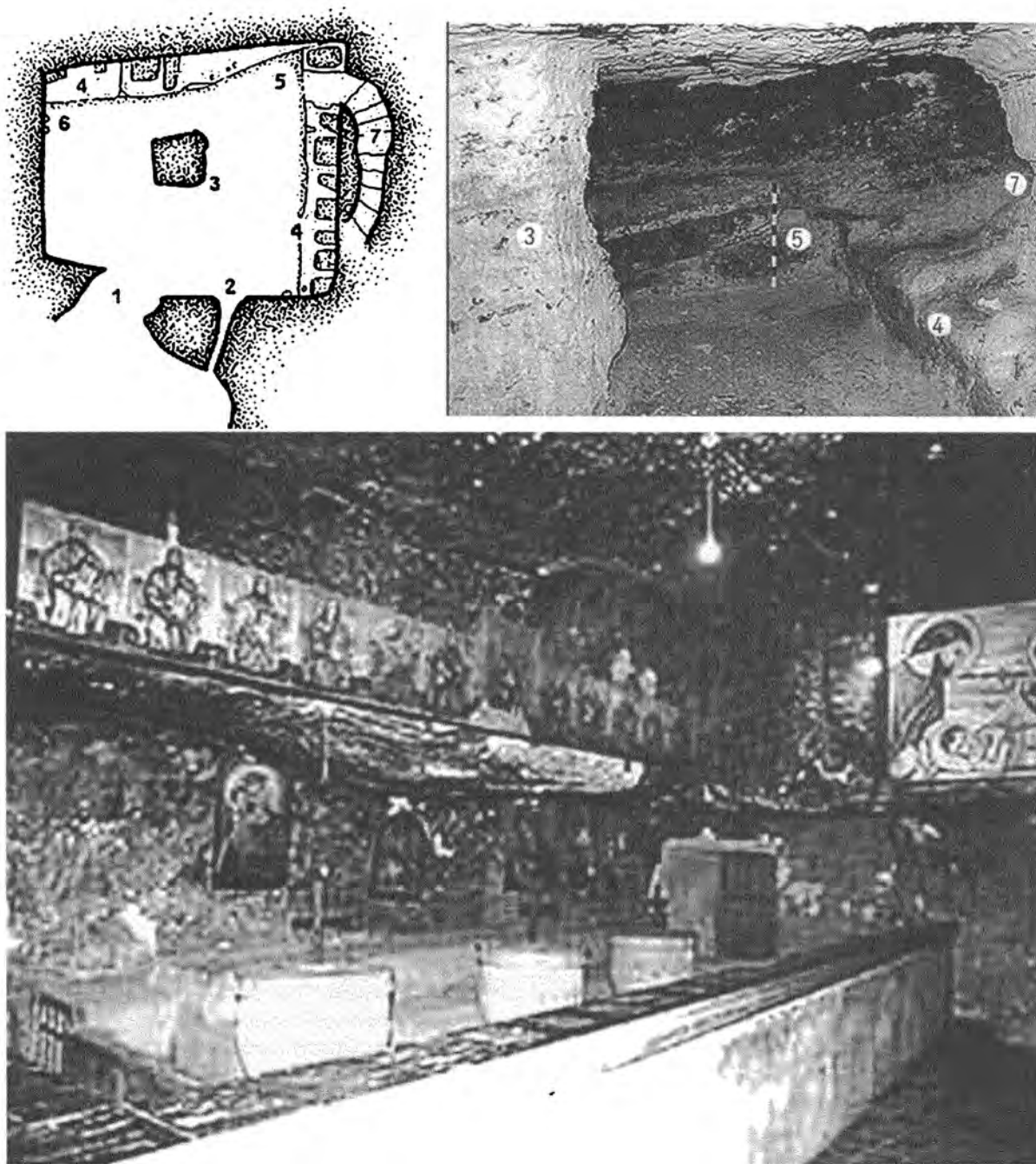

Рис. 1. Вверху: План и вид на вход в храмовую пещеру горы Кармел, Палестина. 1 – вход; 2 – оконце в скале, 3 – центральный столп-останец скалы; 4 – скальные выступы-останцы сопределий; 5 – возвышение, соответствующее «жертвеннику»; 6 – скальные выступы в виде полуколоннок; 7 – лестница на нижние уровни подземных помещений. Внизу: вид на сопределия пещерной церкви в Вади Загра. Египет.

Сиан на горе Кармел; цистерна под площадью перед входом в храм Гроба Господня, грот между «бассейнами Вирсавии», где Христос исцелил расслабленного, и др. (Yadin, 1963. P. 17–24, 227–254; Biddle, 1994. P. 73–148; Vincent, Abel, 1914. P. 669–742).

Фактов отнесения христианских пещерных памятников Крыма к ранним временам достаточно. О

ранних датах V–VIII вв. существования комплексов Челтер-Коба и Чилтер-Мармора свидетельствует анализ выброшенных из их подземных помещений обломков керамики (Веймарн, Чореф, 1978. С. 114–144; Беляев, Бушенков, 1978. С. 184–187; Даниленко, 1993. С. 99, 102–103). Документировано строительство V–VII вв. пещерных сооружений в Чуфут-Кале.

В склонах, где расположены укрепления этого города, ныне насчитывается 167 высеченных в скале пещерных помещений. Все они схожи между собой и соединялись лестницами, следы которых еще видны в скале. Эти лестничные соединения между пещерами в некоторых местах пересекает оборонительная стена, из чего следует вывод: «пещеры появились здесь ранее существующей ныне оборонительной стены и составляли первоначально единый комплекс, имеющий наибольшее сходство с пещерными монастырями Горной Таврики» (Герцен, Могаричев, 1993. С.43). А оборонительная стена Чуфут-Кале в ее нижних кладках относится к «раннесредневековой фортификации, расцвет которой приходится на VI–VII вв., причем не только в Таврике, но и на Балканах, в Северной Африке, Месопотамии, Малой Азии, Западном Кавказе, то есть в регионе, находившемся под политическим и культурным влиянием Восточной Римской империи, Византии» (Герцен, Могаричев, 1993. С.15). Все это свидетельствует о строительстве пещерных храмов Крыма не связи с иконоборческой эмиграцией VIII–IX вв., как считали В.Г. Василевский и Ю.А. Кулаковский (Василевский, 1912. С. 351–427; Кулаковский, 1914. С. 34), а намного ранее. Они синхронны ближневосточной волне монашеской эмиграции, связанной с наступлением ислама и арабскими завоеваниями 630–640 гг., когда запусевают православные монастыри Египта.

С храмами-крещальнями, устроенными в древних цистернах, типологически связаны особого вида храмы – и наземные и пещерные. Такой тип пещерного храма без притвора, но с хорошо выраженным и обособленным алтарным пространством, в связи с распространением из Каппадокии в VII в. одноапсидных небольших наземных и подземных церквей без притвора, – рассмотрел Георги Атанасов.

Престолы многих пещерных храмов Крыма, с цельным наосом (как в древних подземных цистернах) размещены в полном соответствии с древним чином литургии по св. ап. Якову Старшему (или по

чину Двенадцати апостолов), – для службы перед престолом (Струков, 1872, 1876, 1879; Шевченко, 2004. С. 196–201; 2005. С.521), когда престол примыкал к внутренней поверхности апсиды, составляя с ней единое целое. Древний чин был сменен обязательной службой вокруг престола по чину литургии Василия Великого, утвержденной к обязательному исполнению на праздник Благовещения решением VI Вселенского собора Единой Церкви в 692 г. С этого времени престолы возводятся в центре алтарного пространства, что заставляло обособить само пространство алтаря, выделив его из наоса храма. Этот процесс начался еще при появлении самой службы епископа Кессарии – Василия Великого, с дополнениями, внесенными святителем Иоанном Златоустом во время его патриаршества в Константинополе до 402 года.

Престолы храмов, выполненные для службы перед престолом по древнему чину литургии, когда престол примыкает к стене апсиды, как в пещерных храмах Шулдана, Эски-Кермена, Тепе-Кермена и некоторых других, относятся ко времени до Трулльского (VI-го) Вселенского собора (692). Исполнение алтаря в некоторых подземных храмах Крыма имеет и иные раннесредневековые аналогии. Один из алтарей храма «Судилище» в Эски-Кермене (Могаричев, 1997. С. 230, рис. 160) является дериватом по отношению к главному алтарю в пещерной церкви Вади Загра в Египте, заброшенной уже к VIII в. Такое сходство возможно лишь при прямом заимствовании, либо при выполнении данного алтаря в Крыму непосредственно самими египетскими христианами. К тому же древнему типу храма (до 692 г.) относятся отдельные пещерные сооружения Поднепровья (Зверинецкие пещеры) и Донского бассейна (Большие Дивы, Холковский пещерный скит, Костомарово, Шатрище и, возможно, др.), поскольку в их храмах наблюдаются признаки раннего, с точки зрения литургии, признаки устройства престола, примыкающего изнутри к алтарной стене (Шевченко, 2004, с. 196–201; 2005, с. 521).

Е.А. Шинаков

Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского

Восточная граница радимичей конца X – середины XII в.

Хронологические рамки доклада определяют периодом смены обряда кремации ингумацией и последним упоминанием радимичей как особой этно-территориальной общности. Нижняя грань детерминируется тем, что на территории этноопределяемых по погребальному инвентарю и обряду конца X – середины XII в. радимичей мы застаем лишь «агонию»* и пережитки обряда кремации, что предполагает иную территорию обитания радимичей в IX – середине (а может, и второй половине) X в.: это могут быть как земли Верхнего Поднепровья (Седов, 1970. С. 142, 143; Соловьева, 1968. С. 352–356), либо территория роменской культуры конца VIII – середины X в. (Шинаков, 1981. С. 17; 1993. С. 28) Верхняя грань (1169 г. – последнее упоминание «радимичей» как некоей этнокультурной либо территориально-административной единицы (ПСРЛ. Т. 2. Л. 191об.)), примерно совпадает со времени исчезновения этноопределимого курганного обряда.

Возобновление дискуссии связано с новыми находками и исследованиями.

1. Резкое увеличение количества и мест находок колец «деснинского типа» в Подмоскowie вновь заставило вернуться к вопросу об их этнической интерпретации. В современной литературе вопрос решается двояко: в духе Г.Ф. Соловьевой и Т.В. Равдиной. Решение его в первом варианте привело к мнению о связях Западного Подмоскowie «с исконными радимичскими землями» (Алексеев, 2001. С. 9; 2001; 2003. С. 30) и даже колонизации оттуда. В 20–30-е гг. XX в. на основании находок семилучевых колец, тогда еще считавшихся исключительно радимичским артефактом, уже высказывалось мнение о юго-восточном (до Гочева) направлении радимичской колонизации (Рыков, 1923). Теперь появилось северо-восточное направление на базе тех же аргументов (используются ссылки на находки не только «деснинских», но и «гибридных» лучевых колец), правда, с игнорированием современных классификаций лучевых височных колец, которых во времена П.С. Рыкова просто не было.

Другой вариант решения проблемы – возврат к точке зрения Т.В. Равдиной о несвязанности «деснинских» колец с определенной территорией (Равдина, 1975. С. 218) – представляется более предпочтительным в свете картирования современных

находок (Григорьев, 2005. С. 23. Рис. 1), хотя и заставляет автора отказаться от высказанного ранее иного мнения.

Височные кольца «деснинского типа» не могут служить маркером восточной границы «Земли радимичей», являясь каким-то социально-гендерным индикатором внутри и радимичей, и ранних вятичей.

Что же касается типологической и этнокультурной расчлененности лучевых височных колец, а не принадлежности их только радимичам, то об этом столько было написано разными авторами и на разных методических уровнях, что упомянем лишь одну из последних специально полемических статей: Шинаков, 1995а.

2. С восточной границей радимичей связывают один из четырех вариантов локализации места битвы на р. Пищане 984 г. Вариант появился еще на предыдущем «витке» интереса к теме, на рубеже 80–90-х гг. XX в., но вновь поддержан сейчас. Из новых аргументов – «радимичская» принадлежность Палужского некрополя на Десне, якобы отмеченная В.В. Седовым (Фетисов, Щавелев, 2004. С. 286), что, как мы писали недавно, не имеет соответствия (Гурьянов, Шинаков, 2006. С. 77, 78).

Во всех вариантах место битвы локализуется у границ территории радимичей (что естественно), только у разных: северных, восточных, юго-восточных, южных. Это предполагает просто разные исходные пункты движения войск Волчьего Хвоста: Смоленск (Гнездово) – при условии принятия традиционной, северной, локализации места битвы; Трубчевск (Кветунь) или Брянск – если верна точка зрения Крашенинникова (1990), Фетисова, Щавелева (2004); Стародуб (Левенка)** или Чернигов (Макушникаў, 1995. С. 202–213; Макушников, 1995. С. 52–56, Шекун, 2004). Как раз восточный (второй) вариант является наименее аргументированным в силу спорности этно-потестарной принадлежности Кветуни этого времени и вопроса о времени возникновения Брянска как социально значимого поселения.

3. Полевые исследования с целью уточнения межплеменных рубежей проводилось в 1987–1994 гг. на северяно (позднероменском) – русско-радимичском пограничье, в 1991–1996 гг. – на радимичско-кривичско-вятичском. В 1996–2003 гг. уточнялись северо-западные границы роменской

культуры, в 2005–2007 гг. – этнокультурный облик Брянского ополья, находящегося на стыке радимичей, северян, вятичей, русов. В итоге выяснено, что на юго-востоке радимичей от северян отделяет клин «Русской земли» со Стародубским ополем на севере, и участок «пути большого полядья» по средней Судости, и «демаркирован» юго-восточной участок границы расселения радимичей (Шинаков, 1986, 1990, 1991, 1993; Гурьянов, Шинаков, 1990; Шинаков, Гурьянов, 1994. С. 258–261).

Участок «выхода» радимичей на Десну на северо-востоке их границы был определен раскопками крайних юго-восточных некрополей кривичей на левом притоке Десны Ветьме (Чичеринка, Бацкино, Гришина Слобода), раскопками в Пеклино, поскольку и анализу его старых материалов, работами в Борче в лесном «коридоре» между правыми притоками Десны Угостью и Белизной. По этому межграницному региону были опубликованы десятки работ брянскими и калужскими (О.Л. Прошкин, Г.В. Кропачев) археологами, поэтому отметим лишь итоговые, концептуальные (Шинаков, Сарычева, 1993; Шинаков, Гурьянов, 1994. С. 262–264, Шинаков, Гурьянов, Миненко, 1998; Гурьянов, 2008). К сожалению, не увенчались успехом поиски в музеях лучевых височных колец неизвестного типа из Вщижа и Малфы, что не позволяет однозначно говорить об их радимичской (а не северянской или ранневятичской) принадлежности. По Вщижским курганам см.: Поляков, Миненко, 2004. С. 158. Что касается упомянутого Т.В. Равдиной «семилопастного» кольца во Вщиже (1978. С. 185), то под названным ею № 96247 оно в ГИМе не числится. Если же связать со Вщижом (что возможно, но сомнительно) опубликованное Б.А. Рыбаковым кольцо (1932, табл. VI: 10), то оно относится к северянским, а не радимичским типам. Что касается этнических интерпретаций и датировки артефактов Малфинского клада см.: Зайцев, Шинаков, 1995; Шинаков, Гурьянов, 2006. С. 31, 33.

Центрально-восточный участок радимичской границы был уточнен в ходе анализа материалов более ранних раскопок (Батагово: Шинаков, Гурьянов, Миненко, 1998. С. 144, 149), исследованиях в Хотылево и Брянске (Антоновка: Поляков, 1984; Шинаков, 1998. С. 311–312. Рис. 2; Бежичи: Шинаков, Шинаков, Миненко, Новожеев, 2000; С. 170–172) и на центрально-восточном участке Брянского ополья (Елисеевичи). Главный этноопределяющий аргумент здесь – не отдельные артефакты, а погребальный обряд, в частности, такой его элемент, как «огненные кольца» – крады. Они обнаружены во всех четырех исследованных в 2005–2007 гг. в с. Елисее-

вичи курганах Брянского района. Конечно, в более ранний период кремаций «крады» встречены у многих племен юга восточнославянского расселения (Бессарабова, 1973. С. 74–75; Седов, 1982. С. 105). Однако в ингумациях XI – начала XII в. ареал этого обряда резко сужается, по крайней мере у этнокультурных групп, граничащих с радимичами с севера, востока и юга. У кривичей есть кольцевые канавки и валики (Шмидт, 2002. С. 110–111), но без следов деревянных сооружений и тем более – их сожжений. У вятичей и северян XI в. и позднее этот обряд не отмечен вовсе. Поляне и другое христианизированное (но еще сохраняющее курганный обряд) население юга также не замечены в его использовании, хотя отдельные следы кремации здесь и прослеживаются, но в иных формах (Моця, 1990. С. 29–31).

На восточной оконечности «ядра» радимичской территории, на центрально-западном участке Брянского ополья, в 75 км от Десны и в стольких же – от древнерусского Брянска, сочетание сгоревшей кольцевой ограды с ингумацией на зольной подсыпке получило четкую радиоуглеродную дату – не позднее 1000 года, но близко к нему. Столбики оградки, что неудивительно для ополья, сделаны из дуба.

4. Кветуны в дискуссии конца 80-х гг. XX в. о восточной границе радимичей являлась ключевым пунктом. Тогда же (в 1986–1987 гг.) был проведен и первый компьютерный корреляционный анализ погребальных комплексов Кветуни, однако его результаты были использованы и тем более опубликованы в незначительной мере. Вывод о преобладании среди этноопределяемых женских погребений прежде всего северянских, после ранее проведенного типологического корреляционного анализа лучевых височных колец не явился неожиданным, как и присутствие в этом межплеменном предгородском центре – «граде» северян иноплеменных, в т. ч. и радимичских, комплексов (Шинаков, Гурьянов, Миненко, 1998. С. 143–144). В любом случае, какова бы не была окончательная социально-этническая атрибуция Кветуни, индикатором восточной границы радимичей она не является.

5. В итоге двадцатилетних полевых работ брянских, калужских, белорусских археологов и еще более длительных теоретико-типологических изысканий, восточная граница радимичей вырисовывается достаточно четко. Ее южный участок, буквально оконтуривающий с запада и севера Стародубское ополье – самый северный микрорегион «Русской земли» – был «демаркирован» еще на рубеже 80-х – 90-х гг. и отражен в вышеупомянутых публикациях этого времени.

Прохождение северного участка, особенно в

месте его «выхода» к Десне, было лишь намечено в те годы, но, как выяснилось позднее, удачно. Раскопки середины 90-х гг. XX в. в Борче подтвердили предположение о радимичском «лесном коридоре» между Белизной и Угостью.

Северо-западнее Белизны радимичско-кривичская граница отходит от Десны, «отдавая» кривичам Рославльско-Дубровское предполье, а радимичам оставляя Клетнянское поле.

В XXI в. главные результаты были достигнуты при определении центрального выступа восточной границы радимичей на северной оконечности Рамасухских лесов (к востоку от Судости и северу от р. Кривец с Малфинским кладом) и на западных окраинах Брянского ополья.

В нем самом радимичи жили чересполосно (разными поселениями) с северянами и русским христианизированным населением. Отдельные группы радимичей перебирались и через Десну в районе Брянска, проживая совместно с северянами (Батагово) у юго-западных вятичских границ, немного до Десны не доходившим. Ключевым и противоречивым пунктом при определении радимичско – северянской (позднероменской) границы в западной части ополья остается Вщиж и его округа в силу недостаточной четкости данных о раскопках 20-х – 40-х гг. XX в. Есть данные и о радимичском, и о северянском, и о вятичском происхождении якобы (вероятно) обнаруженных здесь лучевых (лопастных) височных колец.

Лучевые кольца Малфинского клада, скорее всего, все же принадлежали радимичам, т. к. первый исследователь его, С.С. Деев (1927 г.), не упоминает ни о каком орнаменте на них. Впрочем, имеются и 2 экземпляра колец группы V по форме, но абсолютно без орнамента – Моршанск и Старая Рязань. Это – вариант 43 типа «Т» по классификации 1977–1980 гг. (Шинаков, 1980. С. 117, 122. Рис.2).

Находящаяся на окраине Брянского ополья, напротив истоков р. Крупец, всего в 15 км к востоку от предполагаемого места находки клада, курганная группа у с. Елисеевичи «дает» пока только радимичский, конца X – XI в. обряд захоронения. И наконец, клад находится в столь «любимой» радимичами (по хозяйственным причинам) (Шинаков, Гурьянов,

1995) лесной зоне – долинно-зандровых лесах левого берега р. Судость (Рамасухские леса). Новые данные о расселении радимичей подтверждают выдвинутое ранее положение: «радимичи, жившие у западных границ пояса ополений, границ этих так и не переступали» (Шинаков, 1996. С. 243). Действительно, даже если допустить как факт присутствия радимичей во Вщиже, то он находится у крайних северо-западных границ Брянского ополья, рядом с «лесным коридором» между Белизной и Угостью. Елисеевичи также находятся на центрально-западном участке ополья, рядом с Рамасухскими лесами. В центре же ополья и на его деснинских склонах радимичских артефактов (кроме детского захоронения с несколькими десятками золотостеклянных бус в Хотылево, но это косвенный признак) не обнаружено. Батагово снова находится в лесах, но уже Деснинско-Жиздринских. Пока этнокультурно «белым пятном» остаются Мглинское и Тарасовское предполья, разделяющие радимичские Унечское и Клетнянское поле и «русско»-северянское Присудостьское ополье. Исследованных курганных групп здесь нет (Шинаков, Гурьянов, 1994. С. 260-261), а неисследованные – распаханы. Не исключено, что в XI – XII вв. часть предполья (Тарасовское, по крайней мере) могли быть вообще незаселенными, т.к. полностью не соответствовали ни радимичской (подсечно-огневой, позднее переложно-сошной), ни русско-северской (пашенной изначально) системам. Перспективными представляются архивно-музейные изыскания по Вщижу и полевым – по Мглинскому предполью, а также продолжение раскопок в Елисеевичах.

* По подсчетам последнего (на конец 80-х гг. XX в.) исследователя, комплексно изучавшего радимичей – В.В. Богомольникова – на 46 погребений по обряду кремации у них приходится 851 ингумация (Богомольников., 2004. С. 27), т.е. всего 5,4%. Кроме того, «курганы с трупопожжениями не составляют отдельных могильников» (Богомольников, 1988. С. 5).

** «Игровая, «но не менее, чем остальные, «фундированная» гипотеза (Шинаков, Гурьянов, 1994. С. 259–260; Шинаков, 1995б. С. 72–74, 77, 78, Гурьянов, Шинаков, 2006. С. 79).

С. В. Шполянский*Государственный исторический музей, Москва*

Археологическое изучение исторических сел Суздальского Ополя

В течение 7 полевых сезонов (2001–2007 гг.) Суздальской археологической экспедицией ИА РАН под руководством д.и.н. Н.А. Макарова проводились исследования с целью изучения средневекового расселения и культурного ландшафта на части территории, представляющей собой исторический центр Суздальской земли. В процессе работ был обследован небольшой участок площадью около 160 кв. км, располагавшийся по обоим берегам р. Нерли и в междуречье ее правых притоков – рр. Ирмеса и Каменки. В результате этих работ было открыто и обследовано 190 средневековых поселений и местонахождений второй пол. I – первой пол. II тыс. н.э. (Макаров и др., 2004, 2005а, 2005б).

Одним из наиболее значимых результатов исследований, стало получение представительных материалов, документирующих чрезвычайно плотное освоение земель Ополя, выраженное в формировании развитой многоуровневой структуры расселения.

Отличие от районов с доминированием лесных ландшафтов, в условиях Ополя, проявляется в возникновении чрезвычайно стабильной системы расселения, основой которой являются большие (от 3-га и более) поселения, не меняющие своего положения в течение нескольких столетий.

Стабильность размещения крупных поселений представляется важнейшим фактором средневековой истории региона, и свидетельствует о максимально полном освоении земельных ресурсов, высокой степени преэмптивности в размещении земельных угодий средневековых сел. Большинство наиболее крупных поселений, обследованных в процессе разведочных работ, находилось на территории существующих в настоящее время сел, расположение которых, в целом, соответствует размещению основных узлов средневековой системы расселения. Значительная часть ныне существующих поселений, относится к числу исторических сел, известных по письменным источникам (Макаров и др. 2005, С. 212–213), что свидетельствует о практически непрерывном существовании этих поселений от средневековья до настоящего времени. Всего были обследованы территории 32 существующих, или недавно исчезнувших сел и везде были обнаружены отдельные средневековые поселения, или скопления памятников.

Следующим после разведок этапом исследований сельских поселений Ополя стало проведение серии рекогносцировочных раскопок на памятниках, различающихся по размерам, топографическому положению, хронологическим позициям. Раскопки на одном из селищ, существовавшем в течение длительного периода и представлявшем собой один из крупных хозяйственных и владельческих центров, были в числе обязательных пунктов исследовательской программы.

Среди поселений ближайшей округи Суздаля своими размерами и центральным положением в большой группе памятников выделяется селище Кибол 5, расположенное в центральной части одноименного села. Селище, открытое Суздальской экспедицией в 2002 г., находится на возвышении левого коренного берега р. Каменки, в его излучине, на расстоянии 2,5 км к северо-западу от окраины города. Культурный слой памятника простирается вдоль берега полосой шириной от 120 до 190 м на протяжении более 700 м. Общая площадь поселения составляет более 11,5 га. Предварительные обследования и шурфовка показали, что селище возникло не позднее рубежа X–XI вв. и продолжало существовать в позднее средневековье и новое время, дожив до современности.

Первое упоминание села относится к середине XVI столетия, а по данным конца 20-х гг. XVII в., Кибол представляет собой крупное поселение, состоящее из 57 крестьянских и бобыльских дворов (Макаров и др., 2005. С. 202). Учитывая размеры Суздаля этого времени (менее 500 дворов: Платонов, 1995. С. 29–30), роль селения в хозяйственной жизни городской округи представляется значительной.

Территория средневекового поселения занимает большую часть современного села, тяготеет к краевой части берега, располагаясь на высоте от 4 до 18 м над уровнем воды в реке. На наиболее возвышенном участке берега, в северной части селища, располагаются две церкви села: Никольская и Флора и Лавра, построенные в 1750 и 1803 гг. (Памятники истории и культуры... 1996. С. 429, 474).

Раскопки поселения проводились в течение двух лет (в 2005 и в 2007 гг.). Мощностъ культурного слоя вне пределов сооружений составляла от 0,5 до 0,6 м. На большей части раскопанной площади верхние 0,3–0,37 м. представляли собой горизонт многолет-

ней огородной распашки, содержащий материалы XIV–XVIII вв. Под ним залегал непотревоженный культурный слой мощностью до 0,2 м.

В результате раскопок, на селище были исследованы котлованы 4 крупных построек (подпрямоугольные в плане ямы, площадью 16–22 кв. м и глубиной до 2,2 м), остатки 14 сооружений меньших размеров, развалы четырех глинобитных печей. Общая площадь котлованов построек, исследованных в раскопе, составляла более 120 кв. м., глубина их колебалась от 0,7 до 2,2 м. от уровня дневной поверхности. Одним из характерных моментов формирования заполнения крупных подполий, зафиксированных в процессе их разборки, было наличие хорошо читаемых прослоек древесного тлена, размещавшегося по стенкам котлованов и полого спускавшегося к центру ям, образуя там мощные (толщиной до 10–12 см) завалы. По характеру размещения древесного тлена его можно было интерпретировать как остатки опалубки стен сооружений и разрушившееся перекрытия.

Не смотря на сравнительно небольшую площадь, изученную в течение двух лет (184 кв. м), на данном этапе исследований можно, в первом приближении, наметить некоторые особенности планировочной структуры раскопанного участка. Котлованы всех крупных сооружений, интерпретируемые как остатки жилых построек, располагаются в центре и юго-востоке раскопа, поблизости от кромки высокого левого берега реки. На севере и западе раскопа, на удалении не менее 10 м от кромки берега находятся меньшие по размерам ямы различной формы, представляющие собой остатки хозяйственных сооружений. Важным моментом в расположении сооружений представляется закономерность в выделении жилой и хозяйственной зон, почти не пересекающихся на протяжении всего времени существования застройки. Высокая степень стабильности в размещении хозяйственных построек хорошо видна на примере ситуации в северо-восточной части раскопа, где в пределах сравнительно небольшого участка наблюдается последовательная смена целой серии построек близких по своим размерам, и, вероятно, назначению.

Датировка обнаруженных объектов может быть определена в широком диапазоне – от X до первой половины XVIII столетия. Большая часть сооружений относится к XII–XIV вв., что свидетельствует о существовании именно в это время наиболее плотной застройки.

Полученная при раскопках коллекция насчитывает 1209 находок, представлена более чем 50 различными категориями изделий, не содержит зна-

чительного количества т.н. «статусных» вещей, характерных для быта военно-торговой и феодальной элиты древнерусского общества. Состав коллекции отражает, в первую очередь, реалии повседневности сельского населения Суздальского Ополья. Тем не менее, в числе находок присутствует несколько предметов, бытование которых связано с воинским служилым сословием. В их числе т.н. «крылатый» псалий, украшенный инкрустацией, массивные панцирные пластины, серия наременных накладок. Особо стоит отметить три трехчастные, аналогичные друг другу железные поясные накладки с ременной наконечник, относящиеся, по-видимому, к одному поясному набору.

Одной из характерных черт сельских средневековых поселений Ополья, является высокая насыщенность их культурных слоев керамикой и костями.

Керамическая серия, собранная при раскопках на Киболе 5, состояла из 53400 фрагментов определенных сосудов, т.е. чуть менее 300 фрагментов керамики на 1 кв. м. раскопанной площади, общий вес ее составил более 890 кг. Костей животных было обнаружено около 150 кг, общий вес собранных в пределах раскопа фрагментов обожженной глины – около 330 кг.

В целом полученные в результате раскопок материалы позволяют характеризовать селище как существовавшее продолжительное время крупное поселение, разнообразный набор находок на котором позволяет в полной мере реконструировать быт и хозяйство средневекового села.

Открытые на памятнике сооружения с обширными подполами, следами деревянной опалубки их стен, а также зафиксированными остатками просевших или рухнувших деревянных перекрытий, свидетельствуют о капитальном характере строительства на селище Кибол 5, ориентированного на возведение больших долговременных построек. Это возможно лишь в условиях высокой стабильности размещения поселений и сельскохозяйственных угодий и наличия технических возможностей и ресурсов для подобного строительства. Крупные подпольные ямы, аналогичные раскопанным на Киболе 5, были открыты в последние годы уже на ряде суздальских селищ (Михали 1, Вась 5, Менчаково), что позволяет говорить о типичности таких сооружений для средневековых сельских поселений суздальской округи. Особенности домостроительства, отмеченные в результате раскопок 2004–2007 гг., представляются одной из наиболее значимых характеристик средневековых поселений Ополья домонгольской поры, заметно отличающей их от сельских памятников других территорий Северо-Восточной Руси.

- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., Федорина А.Н., 2004. Исследования в Суздальском Ополе // АО 2003 года.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Карпухин А.А., Шполянский С.В., 2005а. Обследование селищ в Суздальском Ополе // АО 2004 года.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005б. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н. э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Памятники истории и культуры Владимирской области: Каталог. Владимир, 1996.
- Платонов С.Ф., 1995. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время. М.

Е.А. Яковлева

АНО «Псковский археологический центр»

“Камерные” погребения псковского некрополя

С 2004 по 2007 г. в Окольном городе Пскова, в ходе спасательных раскопок, ведется изучение неизвестного ранее некрополя к. X в. Изученная площадь – более 1700 кв.м, открыто 4 подкурганых захоронения в деревянных гробницах.

Эта территория стала собственно городской лишь на рубеже XV/XVI веков, после строительства последнего кольца укреплений. В древности где-то здесь проходила граница летописных топонимов Полонище и Поле, которая смещалась вследствие роста города (Лабутина, 1985. С. 109). Участок начал осваиваться под селитьбу на рубеже XII/ XIII вв. Очевидно, тогда же была проведена нивелировка и срезаны выступающие части уже просевших насыпей курганов. Всплеск хозяйственной активности приходится на XVI–XVIII вв. Мощность культурного слоя (вместе с техногенными отложениями) – до 3 м.

Могильник расположен на возвышенной гряде, примерно в 1 км к югу от некрополя, открытого в Среднем городе в 70-х гг. XX в., в 350 м к востоку от р. Великой, на 16,5 м выше уровня воды в реке и примерно в 50 м от трассы древнейшей дороги южного направления, ставшей затем Великой улицей.

Несмотря на то, что изучена, вероятно, лишь незначительная часть могильника, богатый археологический материал дает основания для некоторых заключений.

Погребение № 1 (раскопки Е.А. Яковлевой, 2003/2004 гг.). Погребение женщины в полусидячем положении в сопровождении более 60 предметов, среди которых: ювелирные украшения, хозяйственный и торговый инвентарь, декоративные детали одежды, утварь, фрагменты тканей, одно из самых представительных (третья четверть – конец X в.). Ее

ювелирный набор состоит из: украшений из драгоценных металлов (гривны, браслетов, перстней, фибул, деталей ожерелья), и бус (19 экз.).

Позолоченные серебряные византийские милиарисии с изображениями крестов (Романа I (920–945 г.) и Константина VII и Романа II (945–959 г.) играли символическую и меморативную функцию. Контекст комплекса и наличие серебряного креста позволяют отнести их к предметам личного благочестия одной из первых русских христианок. По мнению А.Е. Мусина, серии монет из погребений соответствуют не только известным фактам из истории византийско-скандинавских отношений но и событиям христианизации (Мусин, 2002. С. 172). Представляется возможным соотнести находки с фактом раздачи милиарисиев Константином VII во время посольства и крещения кн. Ольги в Константинополе в 957 г. (Литаврин, 1982. С. 74)

Погребение № 2 (раскопки А.В. Михайлова, 2004 г.). Сохранность деревянных частей гробницы, костных останков и вещей – плохая. Сохранились: огниво с бронзовой рукоятью, в виде двух звериных голов; железный ключик; ножик с костяной рукоятью перевитой серебряной проволокой; не атрибутированный железный предмет с черешком. Подобные огнива производились в Прикамье, Ср. Поволжье, Ср. Зауралье и имели широкий ареал распространения во 2 пол. X – нач. XI в. Они есть в Тимерева, Ст. Ладого, Новгороде, Бирке, на территории Финляндии и Аландских островов. Там же найдены детали круглого деревянного ларца с замком и крышкой, украшенной 8-ю сегментовидными пластинами: бронзовыми и железными, чередующимися между собой. Бронзовые – орнаментированы в стиле Еллинг. Аналогии

известны в женских погребениях Дании и Швеции (первая пол. – середина X в.) (Михайлов, 2006).

Погребение № 3 (раскопки Е.А. Яковлевой, 2006 г.). Погребение было ограблено в древности (XII в. – сер. XVI в.). Грабители вынесли все ценные предметы, и останки. Сохранились мелкие серебряные украшения: сканная бусина; круглая привеска, изготовленная из лунницы, украшенной зернью; колючки для привешивания мелких предметов и вещи, спрятанные под полом. Это – свиток тканей (костюм), со скорлуповидными фибулами (конец X в.), помещенные в берестяной сосуд; три деревянных изделия, похожие одновременно на весла или хлебные лопаты; 2 длинных узких деревянных планки, напоминающие лыжи.

“Дом для мертвых” собран из деталей постройки, некоторое время прослужившей живым. Дерево для нее рубили в сер. X в. На месте предполагаемого местоположения останков найдены элементы сложного деревянного изделия, предположительно – ложа. Рядом – развал гончарного горшка. В камере найдены многочисленные восковые капли, части и целые свечи.

Погребение № 4 (раскопки Т.Е. Ершовой, 2007).* Крайне плохая сохранность органики. Вокруг останков, по периметру сруба собрано около 70 кованых гвоздей и предметов, напоминающих лодейные заклепки.** Наиболее важные находки сделаны на костяке. Это серебряные предметы: части ножен и навершие рукояти несохранившегося клинка. За стеной сруба, «в головах» основного погребения найдено захоронение мальчика-подростка в деревянном ложе, напоминающем лодку-долбленку (?), с боевым топориком.

Для трех наиболее представительных захоронений (№ 1, 3, 4) характерны общие черты обряда и конструктивных особенностей погребального сооружения (табл. 1).

Угольки в слое насыпи (максимальная концен-

трация по периметру ямы) указывают на то, что возможно, в Пскове, как и в Гнездове (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 192), погребальная яма была выкопана после сожжения на поверхности земли ритуального костра или костер устраивался на верхнем перекрытии.

Ориентация всего сооружения в т.ч. бревен пола, верхнего перекрытия и погребений – ЮЗ-СВ, с небольшими различиями (в т.ч. погребение № 2).

Деревянные камеры имеют срубную конструкцию – «в обло», с выпусками до 0,35 м, размеры прямоугольных ям на 0,6–0,8 м превосходят размеры сруба. Срубы имели верхнее перекрытие, выполненное из горбыля или плах, уложенных «кузовком» (в т.ч. и для погребения № 2). Верхние перекрытия, укладывались непосредственно на бревна верхнего венца сруба с опорой на края ям. Остатки перекрытия имеют следы горения с верхней стороны, наиболее выраженные по периметру ямы. Опорных конструкций и (или) столбов как дополнительных опор для перекрытия – не прослежено.

Внутри срубов устраивался бревенчатый пол на бревнах-подкладках (деревянный пол – в т.ч. и в камере № 2). Внутреннее пространство домов для мертвых делилось на две части: «жилую» и хозяйственную, как и в доме для живых. Пространства делилось примерно на равные части доской (или плахой)-перегородкой, установленной на ребро по оси ориентации погребения. Способ крепления перегородки не прослежен.

К моменту открытия, могилы не сохранили следов курганной насыпи. Вокруг погребений не прослежено следов синхронных земляных работ, значит, при устройстве насыпи использовался лишь объем грунта, извлеченного при рытье ямы, таким образом высота курганов незначительно превышала, или была равна глубине ям – ок. 1,8 м. Отсутствуют достоверные следы кольцевых ровиков. Зафиксированы следы погребального ложа или кресла;

Таблица 1. Основные параметры погребений.

№ погр.	Размеры ямы и сруба	Глубина ямы от поверхности материка (h сруба)	Диаметр кургана (реконструкция)	Пол / Возраст погребенного***
1	<u>4 x 4,5 м</u> 2,7 x 3,3 м	1,8 м	до 10 м	женск. / 25–35
2	<u>3 x 2,4 м</u> 2,45 x 1,6 м	до 1,3 м	до 8 м	женск. / 35–40
3	<u>4,7–5 x 3,9 м</u> 4,2 x 3,7 м	до 1,8 м	10–12 м	женск. / неопред.
4	<u>5,2 x 5,5 м</u> 4,2 x 4,1 м	до 1,8 м	10–12 м	мужск., мужск.

Размеры погребальных сооружений, состав находок позволяют отнести псковские камеры к разряду наиболее значительных памятников этого круга.

Проведенный анализ указывает на единство обряда, исполнители которого повторяли его даже в деталях во всех случаях. Эта общность позволяет нам, с объяснимой долей допустимости, интерполировать некоторые черты, свойственные отдельным погребениям на всю исследованную часть некрополя.

Этническая принадлежность погребений определяется особенностями самого обряда, позой погребенных (погр. № 1), элементами ювелирного набора (фибулы, подвески; погр. № 1–3) как близкая скандинавской культурной традиции. Однако, наличие «гибридных» ювелирных украшений и предметы бытовой утвари «нескандинавского» типа, да и само место захоронения снимает однозначность этого вывода. Характер обряда также несомненно дуалистичен. Он в равной мере совместил в себе черты языческого мировоззрения и элементы нового – христианского. В пользу последнего свидетельствуют ориентация костяка, наличие крестов (в т.ч. и на монетах), свечи. Интересно, что именно женские захоронения имеют подтверждения принадлежности погребенных к христианству.

Вещевой комплекс некрополя определяет его хронологические рамки второй пол. X в. Ряд общих черт погребальных обряда и сооружений, позволяют еще более сузить их и допустить относительную одновременность захоронений, которые оставила небольшая обособленная корпорация. В пользу этого свидетельствует и низкая концентрация захоронений на исследованном участке, отсутствие рядовых или отличных по обряду погребений, удаленность

камерных могил от центра Пскова и синхронного городского могильника. В историческом контексте, некрополь соответствует временам Святослава и Владимира, ранним периодам христианизации (подробно: Мусин, 2002), затронувшей, в первую очередь, элитные слои полиэтничного общества Древней Руси, в котором значительную роль играл скандинавский элемент, уже теряющий свою обособленность в рамках формирующейся древнерусской народности.

* Автор благодарит Т.Е. Ершову за предоставленную возможность публикации материала на основании данных полевой документации, т.к. отчет о работах находился в стадии завершения.

** Эти и другие предметы – на реставрации.

*** Антропологические определения Д.В. Пежемского.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А., 1989. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М.

Лабутина И.К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Литаврии Г. Г., 1981. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник.

Михайлов А.В., 2006. Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли.

Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках.

Яковлева Е.А., 2006. Камерное погребение Хв. из Старовознесенского раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли.

СЕКЦИЯ 11

АРХЕОЛОГИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

О.Б. Беликова

Томский государственный университет

Возможности этнической интерпретации кургана XVI–XVII вв. юга Западной Сибири

Одной из ключевых и сложнейших проблем в изучении позднего средневековья юга Западной Сибири остаётся этническая интерпретация памятников археологии. Каковы основные методико-теоретические подходы этого исследования? Насколько возможно определить этническую принадлежность археологического памятника позднего средневековья, в том числе конкретного кургана или погребения? Обращусь к опыту этнической трактовки всего одного объекта – кургана 1 Зырянского курганного могильника конца XVI–XVII в. из таежного Причулымья. Раскопан рекогносцировочно в 1985 г. на левом берегу р. Чулым (правый приток Оби), в междуречье р. Яя и Кия (левые чулымские притоки), у районного центра Зырянское Томской области.

Репрезентативный материал кургана 1 с единственным коллективным погребением под земляной насыпью, большей частью *in situ*, достаточно необычен для юга Западной Сибири. Основные признаки: совместное захоронение мужчины около 40 лет (косяк 2: всадник, воин, кузнец, возможно, земледелец) и двух женщин – 20–25 (косяк 1) и 30–40 лет (косяк 3); обширное применение огня в ритуале; фиксация мужского и одного женского косяков без черепа; обилие и незаурядность погребального инвентаря, огмеченного 160-ю отдельными местонахождениями; наличие рукотворного скопления с археоботаническими и другими компонентами (около 4 л). Реконструированы некоторые характеристики шаманства. Медиумными лицами определены кузнец (косяк 2) и женщина-шаманка (косяк 1), в практике которых явно превалировали разные обрядовые функции, в том числе у кузнеца – колдовские.

Для выявления этнической принадлежности кургана 1 Зырянского могильника привлекается

комплекс источников. Объективность исследования требует, что из них приоритетно должен рассматриваться сам археологический материал кургана. Его анализ показал присутствие нескольких культурных компонентов. Результаты этнического определения некоторых изложены ниже.

Тюркский компонент реконструирован на основе таких признаков обряда, как оставление рядом с насыпью частей голов минимум от трёх туш лошадей (определены обломок нижней челюсти и 6 зубов) и активное использование огня при сооружении погребения и кургана. Степень воздействия огня на тела умерших различна: косяк 1 – труположение; косяк 2 – частичное трупобожжение на месте захоронения; косяк 3 – неполное трупосожжение на месте захоронения. Применение огня может рассматриваться как свидетельство связи с южными соседями – енисейскими кыргызами XVI–XVII вв. или сохранения традиций местной, то есть среднечулымской группы енисейских кыргызов X–XIII вв. (Беликова, 1996. С. 139–152).

Тунгусский (?) компонент. Предположен на основе находки неординарного латунного набора из 9 накладок. Были зафиксированы *in situ* вдоль косяка 1 приблизительно от середины грудной клетки до середины бедренных костей: лежащими по одиночке, немного изогнутой полосой длиной в 0,5 м. Она могла декорировать нагрудник или верхнюю наплечную одежду. Для этого набора многочисленные аналоги выявлены среди шаманских атрибутов эвенков начала – первой четверти XX в.: по форме накладок (подквадратная), декору (элемент «жемчужник», мотив «крест»), материалу (цветной металл), общим композиционным особенностям (Иванов, 1954. С. 148, 150. Рис. 44, 1–3, 8; Маски..., 1975. С. 26, 29. Илл. 21, 22, 25, 26, 48; и др.)

Кетский (?) компонент. Выделение кетских элементов в археологии юга Западной Сибири представляет огромную сложность, как, впрочем, и тунгусских. По материалам кургана 1 Зырянского могильника присутствие кетского этнического компонента предполагается опосредованно. Дело в том, что результаты смысловой интерпретации материалов коллективного погребения позволили предположить для двух умерших (костики 1 и 2) те прижизненные социальные функции, которые этнографически зафиксированы именно у кетов: женщина-шаманка и культовое лицо категории банос, среди которых были кузнецы, лекари и пр. При этом у кетов длительно сохранялись пережитки «семейного шаманства» (Алексеенко, 1967. С. 127, 189). Добавлю, что исследователи неоднократно отмечали близость похоронного обряда кетов и чулымцев (Б.О. Долгих, А.П. Дульзон и др.).

Правомерность выделения рассмотренных этнических компонентов, которые реконструированы на основе именно археологического материала кургана 1, верифицируют другие источники – письменные, лингвистические, этнографические.

Письменные документы четко определяют расположение Зырянского могильника на территории расселения чулымских тюрков XVII–XX вв. Согласно «Схематической карте ясачных волостей Томского уезда XVII в.» А.П. Дульзона, район Яя-Кийского междуречья, где расположен Зырянский могильник, более всего совпадает с территорией Кызылдеевой волости (низовья правобережья р. Яя) (Дульзон, 1952. С. 84. Рис. 2).

Соответственно же «Чертёжной книге Сибири» С.У. Ремезова, составленной в 1699–1701 гг. и подводящей итог знаниям русских о Сибири, Зырянский могильник максимально близко приближен (со стороны верховьев Чулыма) к границам Адеевой волости. Эти границы определяются в левобережье Чулыма между его левыми притоками: р. Яей (снизу по чулымскому течению) и р. Бирлой (сверху). Как раз в низовьях правого берега Бирлы и был сооружён Зырянский могильник.

Лингвистические исследования А.П. Дульзона показали совпадение территории Кызылдеевой волости XVII в. и границ чибинского говора нижнечулымского диалекта тюрков Чулыма (Дульзон, 1973. С. 17). По его мнению, «чулымские тюрки сложились как особая народность на территории Причулымья путём ассимиляции тюрками селькупского и кетского субстрата – более древних аборигенов Чулыма» (Дульзон, 1959. С. 94). Согласно составленной А.П. Дульзоном карте топонимов бассейна Чулыма (Там же), Зырянский могильник находится в зоне

наложения ареалов кетского субстрата (преимущественно пумпокольского) и тюркских компонентов. «Пумпокольцы называли реку тет. При ассимиляции пумпокольцев тюрками из этого слова возникли варианты: тет, дет, тат, дат...» (Там же. С. 94). В районе расположения Зырянского могильника зафиксировано большое количество кетских гидронимов из пумпокольского наречия (Тондат, Туендат, Медодат, Латат, Итатка и др.), что упрочивает вероятность наличия кетского компонента в материалах кургана 1 этого памятника.

На основе неархеологических источников о пребывании тунгусов в таёжном Причулымье среди чулымских тюрков сегодня можно говорить, для времени, видимо, с XVII в. и вполне чётко – по первую треть XX в. Э.Л. Львова определяет тунгусов как жителей Корюковской волости. По «Схематической карте ясачных волостей...» XVII в. А.П. Дульзона она располагалась на р. Кия (ниже устья его правого притока р. Четь) (Дульзон, 1952. Рис. 2), вблизи от Зырянского могильника. Топонимы, связанные с тунгусами, есть и на Чети (Яранка). Название «Тунгусские камни» имеют кварцито-песчаниковые выходы на левобережье нижнего течения Чулыма на р. Кужербак, хранителями которых до конца 1920-х гг. были два старика-эвенка (Марков, 1953; и др.)

Многочисленны свидетельства о миграциях, проживании эвенков на территории таёжного Причулымья конца XIX – первой трети XX в. Л.А. Уткин, характеризуя Чулымскую низменную равнину (от юрт Тургайских до устья Чулыма), писал относительно начала XX в.: «Сюда приходят кочевники тунгусы с оленями на кочёвки в девственные лишайниковые леса» (Уткин, 1934. С. 349). Известно о проживании их на р.Кемчуг (правый приток р. Чулым) и его левом истоке – р. Большой Кемчуг. Упоминания о том, что тунгусы были первыми поселенцами по Кемчугу, выходы их «на зиму» на р. Большой Кемчуг и проживание их здесь в середине 1920-х гг. зафиксировала Больше-Кемчугская экспедиция августа 1927 г. под руководством А. Блюменау, организованная Ачинским музеем и краеведческим обществом (Розов, 1951. Л. 15 об. – 20). Как предположил В.А.Туголуков, этнографически кемчугские эвенки «составляли одно целое с сымскими эвенками» (1985. С. 261).

Основные выводы. Результаты анализа археологического материала кургана 1 Зырянского могильника и коррелирование их с другими данными позволяют говорить о том, что на левобережье р. Чулым в пределах Яя-Кийского междуречья в конце XV–XVII в. проживало население тюркского облика, в формировании которого, видимо, участвовали

кетский (пумпокольский) и тунгусский этнические компоненты.

Каждый случай этнической интерпретации археологического объекта позднего средневековья из таёжного Причулымья не может целиком полагаться на факт его размещения на территории волостей чулымских тюрков или селькупов XVII–XVIII вв. Процедуры этнической интерпретации археологических материалов любого уровня (комплекс – памятник – группа памятников) должно предшествовать тщательное исследование состава их культурных компонентов.

Алексеев Е.А., 1967. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л.

Беликова О.Б., 1996. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск.

Дульзон А.П., 1952. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. 9. Томск.

Дульзон А.П., 1959. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // Ученые записки Хакасского научно-

исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 7. Абакан

Дульзон А.П., 1973. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. № 2.

Иванов С.В., 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. (Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 22/М.; Л.

Марков И.М., 1953. К вопросу о «Тунгусских камнях» в Асиновском районе. // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 198. Томск

Маски народов Сибири, 1975 / Текст и подбор иллюстраций С.В. Иванова. Л.

Розов Н.С., 1951. Река Чулым и томские татары. // Архив Кабинета антропологии им. Н.С. Розова Томского государственного университета. Д. без номера. Л. 15об. – 20.

Туголуков В.А., 1985. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.

Уткин Л.А., 1934. Причулымский край // Труды I Всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.). Вып. 3. Л.

Л.А. Беляев

Институт археологии РАН

Персональная идентификация погребений и археология

1. В конце XX – начале XXI в. в России остро встала задача атрибуции останков исторических личностей средневекового и постсредневекового периода. Она продиктована мощным социальным и религиозным движением исторической самоидентификации, поддержанном (отчасти инспирированным) государством. Оно нарастало в 1980–2000-х гг. и находится сейчас, видимо, в высшей точке. Один за другим следуют «заказы» на обнаружение и/или идентификацию исторических погребений: их формулируют государственные органы, общество (например, церковные общины), даже отдельные лица. Исполнение этих «заказов» доверяют пестрым по составу группам специалистов (историки, судмедэксперты, представители естественных наук и др.), но зачастую просто непрофессиональным командам. При этом остается совершенно не узаконенной процедура идентификации исторических погребений и не сформулированы принципы, на которых она должна быть основана. Автор доклада полагает, что в этой процедуре археология до сих пор не обрела того ме-

ста, которое ей должно принадлежать. Причина – в традиционном отношении к археологии как к науке о глубокой древности, и в той общей неразберихе, которая наблюдается в сфере идентификации.

2. Место археологии в этом процессе должно быть центральным, поскольку только она способна убедительно и предметно восстановить общую картину событий прошлого, связанную с историей того или иного захоронения. Важно подчеркнуть, что археология в целом все меньше отворачивается от насущных задач позднего периода, что уже возникла русская историческая археология – раздел, занимающийся эпохой рождения и ранней стадии распространения системных элементов культуры, которая получила условное название русской цивилизации. Более того – сейчас это одно из важных направлений: в России оно чуть ли не единственное непосредственно изучает корни ныне существующего народа и его страны (см.: Беляев, 2006; Черная, 2007; Черная, 2008). Таким образом, методика выделения и атрибуции погребений, а также идентификация их с личностями, о жизни или

о погребении которых в конкретном месте известно из иных источников – одна из многих проблем русской исторической археологии. Попыток структурно представить способы ее решения до сих пор почти не делалось: отметим, в лучшем случае, попытки мониторинга (Смирнов, 2003) и критику особо неудачных без участия археологов и без разрешительных документов, идентификаций (Мусина, 2006. С. 313–324).

3. Всегда хорошо знать, откуда явление берет начало. Практика поиска и атрибуции погребений конкретных личностей не так уж нова. Ее средневековая история связана, в основном, с потребностями обретения мощей в православной и католической Церквях, а в Новое и Новейшее время – с поиском криминалистами методов идентификации останков (и даже живых людей). Со временем оба направления тесно переплелись, появились попытки проверить средневековые идентификации новыми методами («дела» об останках Данте в Италии и Томаса Бекета в Англии, см.: Butler, 1995), а также применять эти методы в поздней археологии (атрибуция останков Моцарта в Австрии, Коперника в Польше и многие другие: Vahn, 1991). В последние полвека в сиропалестинском регионе политическую актуальность обрела атрибуция библейских персонажей, которые могут быть признаны историческими личностями (см.: Беляев, 2008).

Почти во всех этих случаях и методы идентификации, и принципы обоснования выводов сильно отличаются от применяемых в археологии (самое весомое отличие – это внешнее по отношению к науке целеполагание, см. п.1). Поэтому кажется важным на всероссийском съезде предложить для обсуждения ряд общих принципов археологической атрибуции исторических погребений – тем более, что такие «методики», или скорее «кодексы поведения при атрибуции», уже формулируют за рубежом.

4. Однако, прежде чем формулировать, рассмотрим избранные примеры более-менее известных атрибуций.

4а. В 2000 г. в Никитском монастыре Переяславля-Залесского предприняли поиск останков св. столпника Никиты, канонизированного в XVI в. и убитого (согласно житию XVI в.) в 1186 г. Локализацию могилы произвели на основе церковного (в том числе письменно зафиксированного) предания, а также современных представлений о нем клира собора, которые воспринимались как прямые указания. Заложенный шурф не дал результата (никаких погребений не обнаружили), но его расширили и, найдя одно погребение, идентифицировали его как искомое. На этом работы прекратили и провели церковное освидетельствование погребения. Итоги работ достаточно подробно опубли-

ковал и прокомментировал производивший вскрытие представитель Звенигородского музея (Станюкович, 2001). При анализе ситуации он исходил, видимо, из априорной уверенности, что обнаружены останки искомого лица, толкуя в этом смысле любые наблюдаемые факты и отводя не укладывавшиеся в схему. Так, хотя в районе погребения обнаружено три надгробные плиты (две XIII/XV и одна XVI/XVII вв.), причем одна из ранних, несомненно, перекрывала погребение – вопроса о присутствии вблизи открытой могилы других погребений даже не ставился, а «лишнее» пространство шурфа вообще не прошли до материка. Наконец, автор обнаружил стремление апеллировать к традиции сверхчувственного метода идентификации (в публикации смешаны воедино предметные описания с субъективной оценкой явлений природы и ощущений, запахов и т.п.), что усугубило ощущение ненадежности. Антропологический анализ полученных таким образом останков, как бы профессионально он не выглядел – не может считаться аргументом. В итоге, хотя материалы идентификации опубликованы подробно, атрибуция останков выглядит слишком поспешной и необудительной.

4б. Более убедительные с точки зрения методики раскопок, но совершенно провальные в части атрибуционной работы, уже обсужденные в литературе (см.: Беляев, Бужилова, Петров, 2007. С. 58–63) – работы на сельском Исуповском кладбище (Костромская обл.) с целью обнаружить погребение Ивана Сусанина. Значительную часть кладбища (около 400 погребений) грамотно вскрыли, проведя тщательную полевую антропологическую экспертизу – но поставленной задачи не решили. Тогда составили новую группу экспертов, гипотетически соединившую останки неясного происхождения (т.н. «погребение № 13а») с прославленным именем и объявившую о достигнутой идентификации. Несмотря на тщательное проведение раскопок и хорошую полевую фиксацию, это пример фабрикации исторического свидетельства, в данном случае – останков исторического лица.

4в. До сих пор подробно не освещалась история «конструирования» останков Андрея Рублева. Она восходит к концу 1940-х гг., когда общественности были предложены сведения о находке его надгробия (разбор надписи: Авдеев, 2006. С. 160–185). Но главный этап стартовал в 1994 г., с началом незаконных работ в апсиде древнейшего из сохранившихся храмов Москвы, Спасского собора Андроникова монастыря, которые, к сожалению, не удается остановить до сих пор. Сквозь слой строительных насыпок прокопали яму до уровня древней почвы, под которой открыли погребения кладбища, существовавшего до постройки собора. Озвученные попытки доказать, что одно

из них принадлежит Андрею Рублеву, не поддержала ни Церковь, ни, разумеется, наука. Но яма в апсиде постепенно расширилась, заняв всю апсиду, а причт храма наконец «встретил понимание» у группы исследователей разных специальностей. Новонайденные в засыпке переотложенные кости еще двух человек объявили останками Андрея Рублева и (как ни парадоксально это с точки зрения истории) – Даниила Черного. По материалам этих наукообразных упражнений составили «Акт комплексного исследования по факту обнаружения останков двух человек в погребении № 5 в алтарной части храма Спаса Нерукотворного Образа в Андрониковом монастыре в Москве 19.05.2003 г. – 27.08.2004 г.», в котором заложили подписи 24-х (!) историков, искусствоведов, археологов, антропологов и других ученых (по крайней мере некоторые из них не участвовали в работах и своих подписей на акте не ставили). Эти акции породили целую волну недоверия и к источникам для биографии Андрея Рублева (среди которых есть достоверные), и к реконструкции состава его произведений (Beliaev, 2007. P. 117–134).

4г. Достаточно распространены случаи, когда грамотно документированные раскопки ложатся затем в основу ложных интерпретаций и заказных конструкций. Приведу только один. Сведения о возможном погребении основателя Москвы, киевского князя Юрия Владимировича Долгорукого в ц. Спаса на Берестове, возбудили не только желание москвичей (в общем, понятное) перенести в свой город останки его основателя, но и необоснованную интерпретацию погребений из 4-х найденных на некрополе вокруг храма в 1989–1990 гг. и абсолютно не связанных друг с другом каменных саркофагов как семьи князя Юрия и его самого (работы XIX–XX вв. открыли в храме и вокруг него несколько десятков погребений, в числе которых были внутривхрамовые; в них, скорее всего, и находились погребения ктиторовского рода, ныне утраченные безвозвратно: см.: Ивакин, 2008).

5. У специалистов-археологов складывается сомнение в самой возможности объективной проверки мест захоронения исторических личностей методами археологии. Сомнения усиливает то, что как раз при широких и тщательно проведенных работах церковное предание иногда не получает поддержки, оказывается «непроверяемым» (например, работы в Алексеевском Зачатьевском монастыре на Остоженке в Москве позволили многое прояснить в истории местности в конце XIV – XVIII вв., но не повели к обнаружению могил основательниц обители, показав, что на месте их традиционного почитания в XV – XVI вв. стояло заглубленное в землю хозяйственное сооружение.

Но пессимизм здесь излишен. В ряде случаев исторические погребения обнаруживают и атрибутируют с высокой степенью надежности и доказательности. В 2006 г. власти Данилова монастыря в Москве обратились в Институт археологии РАН с предложением провести поиск погребения архиепископа Никифора (Феотоки), умершего и погребенного в монастыре в 1800 г. Точное место погребения не было известно, а некрополь монастыря в настоящее время лишен всякой исторической маркировки. Чтобы решить задачу, был предпринят глубокий архивный поиск, и новые письменные источники сузили район поиска, но не локализовали самого погребения. Вероятный участок был раскопан методично (в течение 6 месяцев) и полно, причем атрибутировались все встреченные захоронения, независимо от их предполагаемой даты, а попутно велось изучение культурного слоя, в который погружен некрополь. В результате обнаружено погребение иерарха со значительной долей вероятности было связано с искомым. Однако для полной уверенности хотя бы в дате погребения и в его отождествлении пришлось предпринять целый ряд экспертиз артефактов из погребения (полностью сохранного и даже не потревоженного). Достаточно указать на общий набор датирующих элементов и на два предмета, имевших особое значение: ленту Ордена св. Андрея Первозванного (не ранее 1790-х гг.) и Четвероевангелие в восьмую долю листа с концевой гравюрой, единственное издание которого вышло в 1794 г. Эти атрибуции надежно отрезали погребение от более ранних архипастырских погребений на том же участке и сделали идентификацию бесспорной.

6. Итак, мы наблюдаем в работе как методы научных, так и методы ложных интерпретаций в поздней археологии, по сути дела – примеры фальсификации исторических источников исследователями, ангажированными той или иной частью общества. Ангажемент может иметь разные побудительные мотивы, в числе которых как достижение известности, так и вполне понятная духовная потребность социума (которую, однако, следует удовлетворять с большей разборчивостью в средствах). При этом, желание связать свое имя с громким открытием сильна не только в среде историков и археологов: поддержку всем версиям идентификаций оказывают, в первую очередь, представители естественных наук и судебной медицины (антропологи); конечно, их огромные знания и опыт – мощное оружие при атрибуции, но обращаться с ним нужно очень осторожно.

Предлагаю следующие формулировки базовых принципов археологической идентификации исторических погребений:

1. Смотри шире!

Задачу идентификации следует ставить как широкий исследовательский проект, затрагивающий не только интересующее заказчика погребение, но и весь памятник или группу аналогичных памятников.

2. Сходи в архив!

Углубленная архивная подготовка работ и критическое осмысление собранных данных обязательны для археолога: нельзя ограничиваться общеизвестными или просто опубликованными материалами (тем паче теми, что предоставляет заказчик).

3. Улови контекст!

Обязательно восстановить контекст, т.е. ситуацию, в которую включено погребение. Лучше всего начать с общего изучения памятника, а потом перейти к идентификации отдельных погребений.

4. Не ограничивайся одним погребением!

Вскрытие некрополя, его части или группы некрополей, с которыми связано искомое погребение, должно быть достаточно широким (сплошным или выборочным – зависит от ситуации): эксперт не должен работать с одним искусственно выделенным погребением, по поводу которого ему будут задавать вопросы о дате, поле, социальном статусе, персональной идентификации.

5. Меньше полагайся на других – больше думай сам!

Примат историко-археологических выводов, как более надежных и проверяемых и достигнутых в рамках традиционных способов атрибуции (стратиграфия, вещеведческая экспертиза и др.) не должен ставиться под сомнение. Захоронения, как памятники погребального обряда, должны в первую очередь изучаться методами гуманитарных наук, хотя вклад естественных наук, естественно, учитывается (см. п. 6–7).

6. Доверяй, но проверяй!

Для естественнонаучных заключений необходимо организовать контр-экспертизы и проверочные экспертизы; их авторы не должны быть информированы о степени важности и характере материала, с которым они работают (в противном случае нам не избавиться от уклончивых и опасных формул типа: «собранные факты не противоречат возможности»).

7. Не спеши публиковать! (Archaeology goes first!)

Выводы отдельных экспертиз можно публиковать не ранее, чем будет составлено и опубликовано общее историко-археологическое заключение. В скольконибудь сомнительных случаях предварительные публикации и несвоевременное привлечение масс-медиа вообще крайне нежелательны.

8. Выводы не голосуют!

Идентификация – не юридическая процедура, ее проблемы не решаются ни в судах, ни в административных органах. Ее надежность определяется путем взаимного убеждения: через научную публикацию и в ходе дискуссий между специалистами. Поэтому важен профессионализм экспертов, а не их количество или формальный статус.

Авдеев А.Г., 2006. К вопросу о надгробии преподобного Андрея Рублева // Вопросы эпиграфики. вып. 1. М.

Беляев Л.А., 2006. Археология Москвы и проблемы истории культуры позднего средневековья // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского АС (23-28. 10. 2006, г. Новосибирск). Т. 1. Новосибирск.

Беляев Л.А., Бужилова А.В., Петров А.Е., 2007. Патристический скелет в народном шкафу // Родина. 2007. № 8. (полная версия: Фальсификация источников и национальные истории. Материалы круглого стола. М., 2007).

Беляев Л.А., 2008. Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация источников и национальные истории. М.

Беляев Л.А., Кренке Н.А., Чернов С.З., 2001. Отчет о раскопках в Андрониковом монастыре (г. Москва) в 2000 г. М. // Архив ИА РАН.

Ивакин Г.Ю., 2008. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // РА. № 2.

Мусин А.Е., 2006. Вопиющие камни. СПб.

Смирнов Ю.А., 2003. Обретение и перенесение мощей святых, чтимых Русской Православной Церковью в России с 988 по 2001 г. // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород.

Станюкович А.К., 2001. Гробница преподобного Никиты Стопника, Переяславского чудотворца. Звенигород.

Чёрная М.П., 2007. Русская археология как новое направление в сибиреведении. Томск.

Чёрная М.П., 2008. Становление и развитие русской археологии Сибири // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л.А. Беляева. М.

Bahn P.G., 1991. The Face of Mozart // Archaeology. Vol. 44, n. 2. NY.

Beliaev L.A., 2007. Andrej Rublev: the Invention of a Biography // L'artista a Bizancio e nel mondo cristiano-orientale. A cura di Michele Bacci. Pisa.

Butler J., 1995. The Quest for Becket's Bones. New Hawen – L.

Н.Е. Бердникова, Г.А. Воробьева, И.М. Бердников

Иркутский государственный университет

Раскопки исторического центра Иркутска

В истории российской археологии Иркутск занимает особое место. Насыщенность городской территории разновременными археологическими объектами позволяет рассматривать Иркутск как своеобразный археологический феномен (Бердникова, Воробьева, Медведев, 2006).

Здесь в 1871 г. открыто первое в России палеолитическое местонахождение – Военный Госпиталь. На территории города исследован один из самых первых в России неолитический могильник, известный под названиями Глазковский могильник, могильник Локомотив. Существование городского поселения более 300 лет сформировало исторический культурный слой как особое археологическое образование. Традиционно на территории Иркутска исследовались стоянки и могильники каменного века и эпохи палеометалла, которых в настоящее время известно более 60. Изучение же культурного слоя исторической части города имеют непродолжительную историю (Северная Азия..., 2007).

Особенностью иркутской городской археологии является то, что при изучении древних археологических объектов с культуросодержащими отложениями и культурогенных отложений исторического слоя Иркутска применяются единые комплексные междисциплинарные подходы и методы. И те, и другие отложения при исследовании рассматриваются как многослойные (мультислойчатые) археологические объекты (Медведев, Воробьева, 1998), в которых каждый отдельный слой фиксирует какое-то событие (Бердникова, Воробьева, 2002).

Догородские (исходные) отложения представлены отложениями разного генезиса с естественными почвами. Они содержат в зашифрованном виде многоплановую природно-историческую информацию. Культурный исторический слой Иркутска выражается в виде культурогенных отложений, или урбаноземов. Комплексный междисциплинарный характер городских археологических исследований позволил: выявить для разных участков исторической части города исходные городские ландшафты; формы антропогенных преобразований исходных почв; этапы и особенности формирования культурогенных толщ; зафиксировать и объяснить следы экстремальных природных событий, произошедших на территории Иркутска в историческое время (Воробьева, Бердникова, 2003).

Наибольший интерес в археологическом плане вызывает место первого поселения Иркутска – территория Иркутского острога, расположенная на правом берегу р. Ангары недалеко от места впадения в ее правого притока р. Ушаковки и напротив впадения в Ангару ее левого притока р. Иркуты. Считается, что первый острог построен в 1661 г., хотя время и место основания Иркутска до сих пор является дискуссионным (Иркутская..., 1911).

После 1661 г. Иркутский острог перестраивался в 1669 г. и 1693 г.; изменялись его размеры (Бубис, 2001). В настоящее время границы территории последнего Иркутского острога можно определить только с южной стороны: они маркируются храмом во имя Спаса Нерукотворного образа (далее Спасская церковь), который был встроен в южную стену острога. Годы его постройки – 1706–1710 гг. В 1758 г. к западной стене церкви пристроена колокольня.

Первые археологические работы на территории Иркутского острога проведены А.М. Станиловским в 1902 г. (Станиловский, 1912); следующие – в 1928 г. С.Н. Лаптевым (Манассеин, 1936; Лаптев, 2001). В 1967 г. в связи с началом реставрационных работ проведены ограниченные раскопки вокруг Спасской церкви (А.М. Георгиевский, Н.А. Савельев, В.В. Свинин и др.). Но раскопки были прекращены, и в ходе реставрационных работ культурные отложения вокруг здания Спасской церкви сняты бульдозером на глубину 1–1,5 м.

В конце 2007 – начале 2008 г. Иркутским госуниверситетом по заказу Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области проведены археологические исследования на территории Иркутского острога, связанные с усилением фундаментов церковного здания. Работы имели экстраординарный характер, поскольку впервые в истории иркутской археологии в зимних условиях проводились раскопки на больших площадях (Бердникова, Воробьева, 2007).

Исследование строения отложений показало, что острог и Спасская церковь построены на I надпойменной террасе Ангары. Высота ее во время строительства церкви составляла 6 м над урезом Ангары. В строении террасы вскрываются следующие отложения (снизу): 1) русловая фасция аллювия – галечник с крупнопесчаным заполнителем; 2) пойменная фасция аллювия – супесчаные слабогумусирован-

ные слои (погребенные пойменные почвы) и разделяющие их песчаные прослойки. От кровли пойменного аллювия заложены криогенные клинья предположительно позднедриасового возраста (11 тыс. л.н.); 3) делювиальные суглинки, проработанные почвообразованием; в их строении выделяются горизонты лугово-черноземной исходной почвы: темноокрашенный гумусовый горизонт А, мощностью около 30 см, и срединная часть почвенного профиля (горизонт В).

Вдоль северного фасада церкви частично вскрыты остатки острожного тына в траншее, заложеной с поверхности исходной лугово-черноземной почвы. У западного и прилегающей к нему части южного фасадов обнажены деревянные конструкции из лиственничных бревен, связанных с фундаментом колокольни. На восточной стороне церковного здания вскрыты остатки каменной городской стены, которая располагалась на месте деревянной острожной стены острога 1693 г. На южной стороне найдены остатки деревянных столбов галереи 1769 г.; вертикальные кирпичные кладки неясного функционального назначения. У северного фасада вскрыты остатки фундамента северного придела, построенного в 177–1784 гг.

В раскопах вскрыто 356 захоронений приходского кладбища конца XVII – первой половины XVIII в. Основной массив погребений располагался вдоль восточной и южной стен церкви. На северной стороне они немногочисленны. Погребения выполнены по православному христианскому обряду: на спине, в вытянутом положении со скрещенными руками. Отмечается разнообразие в положении рук погребенных. Ориентация могил – запад – восток, погребенных – головой на запад, ногами на восток, в основном, в соответствии с ориентировкой здания церкви. Ямы грунтовые, в плане проявлялись только в нижней своей части. В двух случаях в засыпке могильной ямы отмечались кости животных.

Каменная стена, вскрытая на восточной стороне, как бы разделила приходское кладбище на две части. Захоронения, располагавшиеся на восточной стороне перед стеной, образовывали четко обозначенные небольшие группы; глубина залегания могил – до 1,5 м, отмечается вариативность ориентации погребений относительно здания церкви и между собой. Здесь же вскрыто погребение в так называемом «склепе» из кирпича. В нем находился мужчина в одежде с мундирными пуговицами. Особенности погребального сооружения и остатки мундира позволяют предположить его достаточно высокий социальный статус, что подтверждается и антропологически.

Погребения у восточного фасада за каменной стеной и вдоль южной стены церкви, как правило, ориентированы параллельно зданию церкви. Отмечено два захоронения, в которых умершие ориентированы по линии север – юг, головой перпендикулярно зданию церкви. Глубина могил, как правило, до 1 м.

Большинство умерших захоронено в дощатых гробах, почти во всех детских захоронения отмечены колоды. Более половины погребенных – новорожденные и недоношенные дети. Погребения располагались ярусами. Отмечаются коллективные захоронения, в основном женщины с детьми. В одном коллективном захоронении кости уложены с нарушенным анатомическим порядком. Встречено захоронение, в котором находилась только крышка гроба и часть его стенок. Дно гроба и костяк, кроме двух фаланг пальцев руки, отсутствовали.

Почти в каждом захоронении, включая и детские, найдены кресты-тельники. Формы их разнообразны. В двух погребениях рядом с умершими найдены фрагменты фарфоровой и стеклянной посуды. Сохранилась кожаная обувь, иногда с металлическими пряжками; головные уборы с золотым шитьем, кружевные повязки, пояса, тесьма, пуговицы, медные монеты, серьги, подвески, заколки, булавки. В одном из погребений на крышке гроба выложен крест металлизированной лентой.

Уникальность полученных материалов несомненна, поскольку в хорошем состоянии находятся комплексы, связанные с начальным этапом формирования Иркутска.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., 2001. Культуросодержащие и культурогенные слои в стратифицированных археологических объектах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., 2002. События и геоархеологические объекты // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Вып. 2. Иркутск.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., 2007. Новый этап исследований на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Медведев Г.И., 2006. Археологический феномен Сибири // Достояние поколений. № 1.

Бубис Н. 2001. Возникновение и этапы развития Иркутска // Земля Иркутская. № 15.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., 2003. Реконструкции природных и культурных событий на территории Ир-

- кутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. Иркутск.
- Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова), 1911 // Тр. Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Т. 5.
- Лаптев С., 2001. К материалам по истории Иркутска // Земля Иркутская. № 16.
- Манассени В.С., 1936. Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Изв. Общ-ва изучения Вост.-Сиб. Края. Иркутск. Т.1.
- Медведев Г.И., Воробьева Г.А., 1998. К проблеме группировки геoarхеологических объектов Байкало-Енисейской Сибири // Палеозология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т.2.Новосибирск.
- Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. 2007. Иркутск.
- Станников А.М., 1912. О раскопках близ Спасской церкви в Иркутске // Тр. Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Т. 7.

А.И. Боброва

Томский областной краеведческий музей

Хронология некрополей Нарымского Приобья X–XIV вв.*

Памятники XIV–XVII вв. в Нарымском Приобье оставлены древне-селькупским автохтонным населением, имеющим свои генетические корни в предшествующей релкинской культуре (Боброва, 2006. С. 254–256). II тыс. – время формирования нарымской археологической культуры, носители которой постоянно испытывали теснение со стороны тюркоязычного населения и угорских групп. Положение усугубилось с XIV в. с образованием Тюменского (Сибирского) ханства, устремления правителей которого были направлены на подчинение соседних территорий. Эти процессы нашли отражение в обряде и инвентаре некрополей Нарымского Приобья, проблема хронологии и датирования которых остаётся весьма актуальной. Развитое средневековье представлено репрезентативными материалами, сопоставимыми с комплексами Зауралья, Прииртышья, Сургутского, Юганского, Новосибирского, Томского Приобья, Причулымья. На основе аналогий и с учетом сопутствующего погребального инвентаря уточнялась их хронология. Датированные серии предметов из цветных металлов, в сочетании с бусинным материалом, стали надёжными маркерами при датировании отдельных погребений и их групп. Наиболее показательными являются принадлежности костюма и украшения: плоскоконические, крестовидные и дуговидные накладки с оборотными петлями, литые браслеты, щитковые подвески, бусы.

Плоскоконические литые пуговицы – гладкие и с орнаментом, выполненным по окружности диска шнуровым или жемчужным кантом, углубленными линиями. Обнаружены в грунтовом могильни-

ке Бедеревский Бор III, могильнике Алдыган, Тискинском (Яковлев, 1995. С. 318–319; Березовская, Боброва, 2001. С. 31–32). Широко представлены в памятниках X–XIII вв. Юганского (Семенова, 2001. С. 78) и Сургутского Приобья в конце XI–XIII вв. (Карачаров, 1999. С. 60), продолжали бытовать в XV в. (Там же. С. 62). В Прииртышье плоскоконические накладки известны в XI–XII (Коников, 1993. С. 154), в Притомье – XII–XIV вв. (Плетнева, 1997. С. 111). Пуговицы найдены и в культурных слоях городищ Сургутского Приобья, на жертвенном месте и городище Лор-Вож (Могильников, 1987). Основной ареал их распространения – лесное Зауралье, Нижнее и Среднее Приобье (Агпе, 1935; Чернецов, 1957; Викторова, 1973. С. 165, 167; Могильников, 1987; Зыков, Кокшаров, 2001; Семенова, 2001). Анализ сопутствующего инвентаря из могильников Бедеревский Бор III и Тискинского позволяет уточнить датировку изделий в пределах XII–XIV вв.

Бронзовые литые крестовидные накладки-пуговицы с оборотными петлями, гладкие и с орнаментом – наиболее распространенная категория украшений в некрополях Бедеревский Бор III, Иготкинский, Алдыган, Тяголовский. В некрополях вымской культуры они встречаются в XII–XIV вв. (Савельева, 1971. С. 87, 95). В лесном Зауралье они зафиксированы в X–XII (Кутаков, Старков, 1997. С. 131–138) и XII–XIII вв. (Викторова. С. 168). Накладки из Прииртышья, Б.А. Коников датирует X – нач. XII вв. (1993. С. 152). Аналоги им известны в Сургутском Приобье в XI–XII вв. (Зыков, Кокшаров. С. 182; Агпе, 1935). Появление их исследователи от-

носят к концу XII–XIII вв.; к XV в. они становятся массовым материалом, а наиболее поздние и второй пол. XV–XVI вв. (Зыков и С.Ф. Кокшаров. С. 182, 195–197). Причулымские комплексы с такими предметами О.Б. Беликова датирует X – первой пол. XI, изделия из Томского Приобья Л.М. Плетнева относят к XII–XIV вв. (1997. С. 187). Накладки представлены и в поселенческих комплексах: Сургутского Приобья (Угорское наследие..., 1991); Тазовской мастерской XII в. (Хлобыстин, Овсянников, 1973, С. 255); на Ямале в слое XII–XIV вв. поселения Тиутей Сале (Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998, С. 66), на местонахождении Юрибей 13 XII–XIV вв. (Брусиныца, Ошепков, 2000, с. 88, 92). В.А. Могильников считал их специфичными для памятников начала II тыс. таежного Прииртышья и Нижнего Приобья (1987. С. 173). Датировка предметов определяется в очень широких пределах – X–XIV–XVI вв. Наличие их в инвентаре Тяголовского, Тискинского, Иготкинского некрополей вместе с бусинным материалом золотоордынского времени позволяет ограничить их бытование XIII – первой пол. XIV вв.

Накладки дуговидной формы с оборотными петлями обнаружены в некрополях: Бедеревский Бор III, Тяголовский, Тискинский. Аналогичные изделия из Верхнего Прикамья исследователи относят к IX–X (Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С. 112), в Сургутского Приобья к XI–XIII вв. и ко второй пол. XIII – первой пол. XIV в. (Карачаров, 1991), XIV – нач. XV вв. (Зыков, Кошкар. С. 192). Сопутствующий инвентарь тяголовских и тискинского погребений определяет верхнюю дату нарымских изделий XIV в.

Бронзовые «браслеты обского типа», широкопластинчатые, несомкнутые, с орнаментом и зооморфными изображениями. Найдены около г. Стрежевого и в могильнике Алдыган (Яковлев, 1993. С. 151; Яковлев. С. 318–319). Основная территория их распространения – районы Нижнего и Сургутского Приобья. В.Н. Чернецов датировал изделия X–XII вв. (1957. С. 202). В настоящее время исследователи определяют их хронологию IX–X–XII вв. (Ате, 1935; Угорское наследие, 1994. С. 136–137). Датировка отдельных изделий в пределах X – нач. XII вв. уточнена К.Г. Карачаровым (1999. С. 156). Браслеты с зооморфными изображениями Юганского Приобья датированы IX – серединой XI вв. (Семенова, 2001. С. 103, 109). В Зауралье – X–XIII (Викторова. С. 167) и X–XII вв. (Кутаков, Старков. С. 137–138). Браслеты «обского типа» найдены в Прииртышье (Могильников, 1987) и на городище X – начала XII вв. Сургутского Приобья (Карачаров. С. 56). Большинство исследователей датирует их

эпохой развитого средневековья: X–XIII вв. К тому же времени относятся нарымские находки.

Подвески арочного типа. Бронзовые. Составные. Обнаружены в Тяголовском и Тискинском могильниках, Бедеревском Бору III. Щиток украшен по лицевой стороне спиралевидным орнаментом. По внешнему контуру имеет рубчатую окантовку. Изделия особенно характерны для памятников XIII–XIV вв. Прикамья (Савельева, 1987). Идентичен тяголовскому экземпляру из Тазовской мастерской XII в. (Хлобыстин, Овсянников, 1973. С. 255). Шумящие подвески с аналогичным оформлением известны в Сургутском (Чернецов, 1957) и Юганском Приобье. Они датируются XIII–XIV вв. (Семёнова. С. 110). Находки из Сургутского Приобья отнесены к XIII–XV вв. (Карачаров. С. 62). Единичные аналоги есть в Томском Приобье XIII–XIV вв. и в Причулымье – в XIV–XV вв. (Плетнева. С. 116; Дульзон, 1953. С. 201). Изделия характерны для северных угро-финских древностей X–XIV вв. (Викторова. С. 167). Комплекты из Тяголовского могильника и Бедеревского Бора III по аналогиям и сопутствующему инвентарю датируются не ранее XIII в.

Бусы. Стеклянные. Полихромные. Мозаичные и полосчатые обнаружены в могильниках Тяголовском, Тискинском, Иготкинском, Бедеревском Бору III. Датированы золотоордынским временем (Боброва, Валиулина, Храмченкова, 2007. С. 196–199).

Погребальный обряд и инвентарь некрополей Нарымского Приобья XII–XIV вв. отражают влияние носителей нижнеобской и усть-ишимской культур, обнаруживая особенно близкие аналоги с материалами грунтовых могильников Сургутского и Нижнего Приобья.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00427а.

Беликова О.Б., 1996. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск.

Березовская Н.В., Боброва А.И., 2001. Бедеревский Бор, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск.

Боброва А.И., 2006. Проблемы хронологии культурной и этнической принадлежности археологических памятников II тысячелетия нашей эры // Сб.: Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск.

Боброва А.И., Валиулина С.И., Храмченкова Р.Х., 2007. Бусы средневекового населения из Нарымского Приобья // Алтае-Саянская горная страна и проблема освоения ее кочевниками. Барнаул.

- Брусницына А.Г., Ощепков К.А., 2000. Памятники археологии Среднего Ямала // Древности Ямала. Вып. I. Екатеринбург, Салехард.
- Викторова В.Д., 1973. Ликийский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск.
- Дульзон А.П., 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. зап. ТГПИ. Т. 10. Томск
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., 2001. Древний Эмдер. Екатеринбург.
- Карачаров К.Г., 1999. Средневековье (Поздний железный век) / Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного земледелия хантов (материалы к Атласу). Екатеринбург.
- Конилов Б.А., 1993. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск.
- Кыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О., 1997. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В., 1997. Пылаевский грунтовый могильник // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург.
- Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М.
- Плетнева Л.М., 1997. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск.
- Савельева Э.А., 1971. Пермь вычегодская. М.
- Семенова В.И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья.
- Угорское наследие. Зыков А.П. Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Екатеринбург.
- Федорова Н.В., Косинцев П.А., Фицхью В.В., 1998. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург.
- Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В., 1973. Древняя «ювелирная» мастерская в западном Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА, № 58. М.
- Яковлев Я.А., 1993. Первая находка браслетов «обского типа» в Нарымском Приобье // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II. СПб.
- Яковлев Я.А., 1995. Работы Томского краеведческого музея // Археологические открытия 1994 года. М.
- Arne Barsoff, 1935. Gorodok. Stockholm.

А.Г. Векслер, В.А. Беркович

Комитет по культурному наследию города Москвы (Москомнаследие)

Печать “Добра человека” (московские печатки XVI–XVII вв. по материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг.)

Печатки-матрицы (предметы с обратным изображением знаков для оттиска на чем-либо), которыми исполнялись оттиски владельческих (личных) печатей непосредственно на документах и, возможно, на подвесных буллах, относятся к числу эпиграфических и изобразительных материалов, которые до сих пор недостаточно используются историками и археологами Московского периода.

Отметим, что печатки в Москве делали из всех пригодных материалов: металла, стекла, кости, поделочного камня и даже известняка. Это могли быть вставки или щитки перстней, двусторчатые «медальоны» с подвижным соединением створок, изделия из цельного камня и др.

Печатки-матрицы XVI–XVII вв. с текстами и/или

изображениями, несомненно, обладают значительным информационным потенциалом. За каждым артефактом и изображением на нем стоит вполне конкретная, уникальная, хотя и не всегда известная нам по имени, личность. Количество таких печатей в городе должно было, видимо, приближаться к числу самостоятельных горожан – дворовладельцев.

Вместе с тем, до настоящего времени при археологических исследованиях в Москве их находки оставались достаточно редки: так, например, печаток с надписями здесь по публикациям известно всего три. Это прикладная печатка-матрица с надписью «ПЕЧАТЬ ИВАНА КАРОВИ» второй половины XV в. из раскопок М.Г.Рабиновича в Зарядье, белокаменная печать “Офимши” из раскопок А.Г. Век-

слера на Волхонке и серебряный перстень XVI в. с надписью «ПЕЧАТЬ НА БУЗЕ МЧНКА ПРЪЧТА», обнаруженный во время наблюдения на ул. Солянке. В связи с этим остановимся подробнее на описании новых находок печаток с надписями, обнаруженных входе археологических исследований последних лет на территории Москвы.

Двойная печать-подвеска из медного сплава обнаружена в Москве при выборке заполнения погребов крупной городской усадьбы в Большом Трехсвятительском переулке, д. 1–3. Датировка – первая половина XVII в. (рис. 1: 1).

Печать-подвеска состоит из двух круглых двухсторонних матриц и овальной пряжки с килевидным завершением, скрепленных между собой подвижно, так называемым «цепным» соединением. Сквозь двойные «ушки» пряжки, двойные «ушки» одной матрицы и одинарное «ушко» другой пропущен заклепанный с двух концов стержень. Подвижное соединение позволяло получать отпечатки с двух сторон каждой из матриц (диаметр печатки 14 мм, пряжка 9 x 9 мм, диаметр отверстия в ней 5 мм).

На одной стороне первой матрицы помещена обратная углубленная надпись вязью в три строки, ниже нее – три изогнутых стебелька. Читается: «ПЕЧАТЬ// ДОБРА ЧЕ//ЛОВЕКА».

На другой стороне матрицы находилось углубленное изображение птицы (при оттиске «вправо»). На второй матрице также находились углубленные изображения: с одной стороны – Самсон, разрывающий пасть льву (при оттиске «вправо»), с другой – «зверь» с гривой, т.е. лев (при оттиске «вправо»).

Владелец печатки возможно предположительно установил. По имеющимся документам С.К. Богоявленский помещает на исследованном участке владения Никиты Вышеславцева и Никиты Тарутина.

Никита Васильевич Вышеславцев, в 1609 г. ярославский воевода, затем новгородский уполномоченный для предложений русского престола шведскому королевичу Филиппу; полномочный посол в Швецию (1616–1618) и Польшу (1621–1624) для размежевания земель, составитель писцовых книг по Устюжне.

Перепись 1620 г. указывает на принадлежность Никиты Тарутина к купеческому объединению – суконной сотне.

Хорошо сочетается с возможной принадлежностью печатки одному из названных Никит найденный в заполнении погребов медный нательный крест с изображением Никиты Бесогона.

Обозначение социального статуса владельца «Добрый человек» известно по находке в москов-

ском Казарменном переулке чернолощеного кувшина с надписью «Кувшин добра человека Григория Офонасева». «Добрый человек» Григорий Афанасьев был состоятельным торговцем, державшим в 1626 г. лавку в Китай-городе. «Добрые люди» в источниках XII–XVI вв. упоминаются как наиболее зажиточная часть податного (непривилегированного) населения Руси.

Целая серия печаток с надписью не имеет таких указаний на владельцев, но несет нравоучительные тексты-девизы.

Это перстень-печатка медного сплава, найденный при наблюдениях за земляными работами в Белом городе на ул. Рождественка, д. 17–19 В XVII в. здесь располагались дворы звонарей и сторожей кремлевских соборов. Датировка XVII в. (рис. 1: 6)

Щиток перстня овальный, 12 x 11 мм; внутренний диаметр шинки 20 мм. На щитке – углубленная зеркальная надпись в три строки, заключенная в линейную круглую рамку. Читается: «НЕ БО/ЙСЯ СМ(Е)/РТИ Б(ойся ...)» (буквы «И» и «Б» в конце надписи объединены в лигатуру). У В.И. Даля имеется близкая по смыслу поговорка: «Не бойся смерти, бойся греха». Интересно, что мастер, изготовивший печатку, случайно, а может быть намеренно допустил ошибку: буква «Н» при оттиске в зеркальном отображении читается как «И».

Перстень-печатка медного сплава, обнаруженный в Замоскворечье в ходе наблюдений за земляными работами на Кадашевской набережной, 30. В XVII в. здесь находились дворы Кадашевской слободы. Датировка XVII в. (рис. 1: 5)

Щиток восьмигранный (15 x 15 мм); шинка (внутренний диаметр 22 мм) в зонах, прилегающих к щитку, украшена полосами с косыми насечками (по две с каждой стороны). На щитке – углубленная зеркальная надпись в четыре строки, заключенная в восьмигранную рамку с орнаментом в виде насечек. Читается: «ЛЮБО(ВЬ)/ ТИ БУД/ЕТ НЕ/ОМАНА». Слово «оман» (обман) иллюстрирует специфическое явление диалектов новгородского типа: изменение бм в м. По памятникам древнерусской письменности северорусских территорий (Псков, Нарва) это явление фиксируется не ранее XVI в. Это парафраз изречения из «Послания апостола Павла Римлянам»: «Любовь (да будет) непритворна».

Круглая двусторонняя печатка-подвеска медного сплава (диаметр 15 мм), найденная в ходе исследований Центрального выставочного зала «Манеж», Манежная пл., д. 1. Датировка концом XVII в. (рис. 1: 4)

На одной стороне в круглой линейной рамке – углубленная зеркальная надпись. Читается: «ПРИ СЛАВЕ БУДИ С (мирен)» Надпись выполнена очень

Рис. 1. Печатки с надписями. 1 – Большой Трехсвятительский пер., д.1-3, 2003 г.; 2 – Кадашевская наб., 16 – 18, 1996 г.; 3 – Старый Гостиный двор, ул. Варварка, д. 3, 2000 г.; 4 – ЦВЗ «Манеж», Манежная пл., д.1, 2004 г.; 5 – Кадашевская наб., 30, 2002 г.; 6 – ул. Рождественка, д. 17 – 19, 2000 г.

развитой вязью с большим показателем (отношение ширины букв к высоте) и облием, для текста столь малого объема, штамбовых (имеющих общую мачту-

вертикаль) лигатур, объединяющих более двух букв. На другой стороне печатки помещено изображение орла (при оттиске «вправо»).

Переходный тип печаток, от надписных к несущим только символы, составляют печатки с подписанными изображениями.

Это стеклянная круглая вставка перстня-печатки из синего стекла, найденная на территории Кадашевской слободы XVII в. На вставке (диаметр 13 мм) помещено углубленное изображение птицы (при отпiske «влево»), клюющей змею, и полукруглая надпись «ОРЕЛ». Датируется XVII в. (рис. 1: 2)

Медных перстней-печаток и печаток – подвесок без надписей, но с различными изображениями найдено примерно в пять раз больше, чем подписных. Среди сюжетов больше всего – 10 экз. – изображений хищного «зверя» (7 – с гривой (лев), 3 – без гривы (барс)) и «птиц» – 6 экз. Других сюжетов гораздо меньше: «копыеносец» – 3 экз., «пегас» – 3 экз., «единорог» – 3 экз. «воин у дерева» и «всадник с саблей» – 2 экз. В 1-ом экземпляре пред-

ставлены изображения «кентавра», «сцены пира», «головы в короне» – по одной из версий, профиль Александра Македонского, «Самсона, разрывающего пасть льву». Форма матриц овальная, круглая, восьмигранная или сердцевидная.

подавляющее большинство печаток найдено на участках слободских дворов, ремесленных или военных, в зонах Кадашевской, Толмачевской, Татарской, Гончарных и Стрелецких слобод, Новгородской черной сотни, Устюжской полусотни, Ильинского торгового Китай-городе, Ленивых торжков в Занеглименье и Замоскворечье.

Все возрастающее количество находок печаток при раскопках в Москве и других древнерусских городах с четкой археологической привязкой и датировкой позволит в будущем осуществить анализ публикуемых артефактов, их надписей или изображений в более широком контексте.

А.Г. Векслер, К.В. Воронин, Л.В. Кондрашев, М.А. Молошникова

Комитет по культурному наследию города Москвы (Москомнаследие), ООО «Столичное археологическое бюро»

Археологические исследования исторической усадьбы «Царицыно» в Москве в 2005–2008 гг.

Широкомасштабные археологические исследования 2005–2008 гг. являлись неотъемлемой частью программы правительства Москвы по комплексной реставрации дворцово-паркового ансамбля Царицыно и внесли значимый вклад в изучение этой исторической территории, расположенной на юге Москвы.

История освоения территории. Археологические исследования свидетельствуют о заселении этой территории в эпоху бронзы (в первой пол. II тыс. до н. э.). Впоследствии в данной местности отмечены памятники дьяковской культуры (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.).

Позже (в XII–XIII вв.) здесь проживало восточнославянское племя вятичей, которое оставило на территории парка поселения и курганы.

Для изучения феодальной усадьбы особый интерес представляют документальные свидетельства об этапах развития данной территории в XVI–XVII вв.

В конце XVI в. эти земли, носившие название «Черная грязь», принадлежали семейству Годуновых.

Запустевшая в годы Смутного времени Черная Грязь в 1633 г. перешла во владение окольного Л.С. Стрешнева, который построил здесь боярский двор. До середины 1680-х годов вотчина оставалась

во владении Стрешневых, а затем перешла к князю В.В. Голицыну. С падением Голицына Черная Грязь была отписана «на государя» и оставалась в ведении дворцового ведомства до августа 1711 года, когда вотчина была пожалована Дмитрию Кантемиру (1673–1723). После смерти Д. Кантемира Черная Грязь перешла к его наследникам.

В 1775 г. Черная Грязь была куплена Екатериной II, которая пожелала устроить здесь подмосковную царскую резиденцию. Соответственно, и название вотчины стало другим – Царицыно. Создание усадебного комплекса было поручено прославленному московскому зодчему В.И. Баженову (1737–1799).

В.И. Баженов работал в Царицыне более десяти лет, успев за этот срок начерно возвести все строения усадьбы. Его проект не предусматривал создания большого дворца, который являлся бы ядром ансамбля, вместо этого архитектор возвел два одинаковых по размерам дворца для Екатерины II и для наследника Павла Петровича и несколько окружающих их павильонов.

В 1785 г. Царицыно посетила Екатерина II и, осмотрев ансамбль, неожиданно приказала сломать часть построек и перепланировать усадьбу заново.

Продолжать строительство Царицына было поручено именитому зодчему М.Ф. Казакову (1738–1812). М.Ф. Казаков работал в Царицыне в 1787–1793 годах. Он разобрал часть баженовских зданий и начал претворять в жизнь собственные проекты. К 1793 г. в Царицыне было возведено (подведено под крышу) здание Большого дворца, практически завершены другие постройки.

После смерти Екатерины II строительство Царицынского дворца прекратилось. Постройки были заброшены, с годами превратившись в заросшие травой и деревьями руины.

В XIX в. Царицыно было широко известно как одно из лучших мест для прогулок. Кроме живописных руин дворцов этому способствовало и создание в конце XVIII в. огромного, одного из лучших в Москве пейзажного парка, в котором архитектором И.В. Егоровым были построены несколько парковых павильонов, мостов и гротов. Кроме этого, в XIX вв. на территории несостоявшейся императорской резиденции функционировал оранжерейный комплекс.

В XX вв. Царицыно пришло в запустение – несмотря на существование здесь музея, большая часть территории была неблагоустроенной, постройки ансамбля разрушались и ветшали.

В 2005 г. было принято решение о комплексной реставрации дворцово-паркового Царицынского ансамбля, и одной из важнейших частей этой многоплановой работы стали археологические исследования памятников истории микрорегиона, а так же реставрация и музеефикация выявленных строений.

Этапы археологических исследований 2005–2008 гг. Проведение широкомасштабных исследований стало возможным благодаря слаженной работе сотрудников Москомнаследия, ООО «Столичное археологическое бюро», Института археологии РАН. Руководство работами осуществлял главный археолог г. Москвы, академик А.Г. Векслер. В раскопках принимали участие 40 археологов и большое количество технических специалистов и квалифицированных землекопов. Археологические работы на территории Царицыно продолжались в течение трех лет.

В 2005 г. были исследованы Большой дворец, построенный М.Ф. Казаковым, Хлебный дом, изучена восточная часть парка. В 2006 г. раскрыты фундаменты Большого Кавалерского и Камер-Юнгфарского корпусов, построенных В.И. Баженовым, частично исследован оранжерейный комплекс. В 2007 г. закончены раскопки оранжерейного комплекса и завершены исследования в северной и центральной частях парка. В 2008 г. продолжились исследования в южной части паркового комплекса.

Изучение дворцового комплекса. В процессе

исследований полностью изучено все внутреннее пространство Большого дворца (Векслер, 2005). Общая площадь раскопок составила 3900 кв. м. В ходе раскопок удалось не только выявить архитектурные элементы и конструктивные особенности самого строения (кирпичные и белокаменные основания печей, подколоники, кирпичные полы, белокаменные забутовки помещений), но и обнаружить фрагменты построек предшествующих строительных эпох – дворцов времени Баженова и Кантемиров.

Значимым результатом является выявление разных способов выборки фундаментов разрушенных дворцов постройки В.И. Баженова во время строительства Большого дворца М.Ф. Казакова. На вопрос, почему в западной и частично центральной части дворца фундаменты баженовских строений выбирались целиком вместе с окружающим грунтом, образовав обширный котлован, а в восточной части дворца – траншеями, проходящими четко по линиям фундаментов баженовских построек, однозначного ответа пока нет. Наиболее вероятными представляются две гипотезы: 1) разборка корпусов могла осуществляться различными артелями, 2). В западной части Большого дворца М.Ф. Казаковым изначально предполагалось наличие обширных подвалов, от которых пришлось впоследствии отказаться.

Таким образом, исследования внутри Большого дворца позволили получить важные сведения не только об истории его создания, но и о предшествующих ему дворцовых постройках.

Несмотря на то, что на территории Хлебного дома культурный слой оказался сильно нарушен в процессе хозяйственной деятельности XIX–XX вв., во дворе строения удалось проследить остатки деревянной дренажной системы, относящейся ко времени его строительства. Общая площадь вскрытой территории составила более 1200 кв. м.

При исследованиях Большого Кавалерского корпуса были практически полностью открыты фундаменты его стен, сложенные из ровных белокаменных блоков на известковом растворе. Общая площадь вскрытия составила 2300 кв. м. Фундаменты корпуса подготовлены к музеефикации.

При археологических работах на Камер-Юнгфарском корпусе полностью открыты фундаменты сооружения, сложенные из белокаменных блоков. Кирпичные стены, стоявшие на фундаментах, сохранились только в виде отдельных кирпичей. Общая площадь вскрытия составила 480 кв. м. Фундаменты корпуса подготовлены к музеефикации (рис. 1).

Археологические раскопки Оранжерейного комплекса.

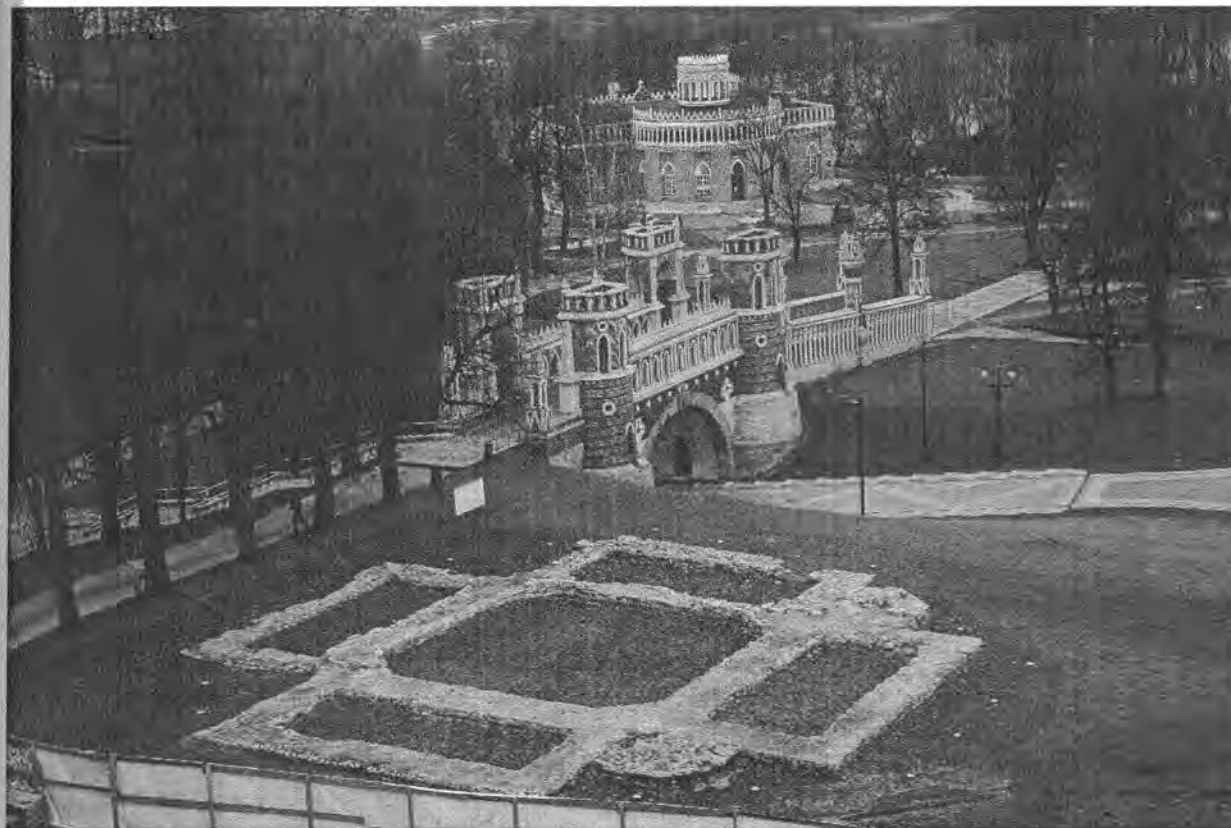

Рис. 1. Музеефикация основания Камер-Юнгфарского корпуса.

Исследования Виноградной оранжереи проводилось на площади 3200 кв. м. При исследованиях сооружения были получены данные о разных этапах ее существования, времени перестроек и ремонтов.

При проведении археологических исследований, связанных с поиском утраченного Домика Садовника (Векслер, 2006), была исследована площадь в 320 кв. м. В ходе раскопок был обнаружен фундамент Домика Садовника, выяснено время его строительства (1785–1786 гг.) и последующей переделки. Идентичность проектов Домика садовника и еще одного строения царицынского дворцового ансамбля – Домика управляющего, проект которого составлял Баженов, наводят на мысль, что зодчий создал проект и Домика садовника, несмотря на то, что во время строительства сооружения он был уже отстранен от работ. После завершения археологических работ фундаменты строения были музеефицированы.

Археологические исследования парковой части. В парковой части проведены исследования на площади свыше 60 га.

Изучены фундаменты парковых павильонов (Миловида, Нерастанкино, Башня-Руина), исследованы гроты (Трехкамерный и грот на Глухой дорожке), парковые мосты (Мост на Береговой до-

рожке, Третий готесковский мост, Мост на ручье в овраге). Проведены исследования покрытий парковых дорожек (вскрыто 99 шурфов, расположенных на трассах дорожек, обозначенных на планах конца XVIII – XIX в.). Локализован на всем протяжении лишь частично сохранившийся до наших дней вал, обозначавший границу парка в XVIII–XIX вв. Выявлены исторические контуры Ореховского и Оранжерейного прудов.

Индивидуальные находки. Интереснейшая коллекция индивидуальных находок (рис. 2) позволила сформировать археологическую экспозицию, представленную в трех залах Большого дворца, которая достойно представляет этапы истории Царицыно.

Среди обнаруженных находок особо стоит выделить белокаменные резные блоки вторичного использования, обнаруженные в кладках Камер-Юнгфарского и Большого Кавалерского корпусов постройки В.И. Баженова, которые являются архитектурными элементами из строений кантемировского времени. Также важны детали, сохранившиеся со времени баженовского этапа истории Царицына, которые были выявлены в стене, разграничивающей два помещения Большого дворца М.Ф. Казакова.

Среди прочих находок необходимо отметить

Рис. 2. Художественная накладка медного сплава.

прекрасную коллекцию муравленых, рельефно-полихромных и гладких расписных изразцов XVII–XVIII вв., иллюстрирующую все этапы развития Царицынского ансамбля.

Находки позднейшего времени представлены предметами быта, однако без них невозможно представить развитие Царицына в XIX в. как дачной и прогулочной местности.

Заключение. В целом, археологические работы в исторической части ГМЗ «Царицыно» позволили существенно расширить представления об особенностях существующих царицынских строений и открыть исчезнувшие под землей сооружения, собрать интереснейшую коллекцию находок. Археологические материалы органично вошли в собрание этого удивительного музея-заповедника, в экспозиции которого присутствуют не только предметы, обнаруженные при исследованиях, но и сами дворцовые и парковые сооружения, как прекрасные архитектурно-археологические иллюстрации к различным этапам истории Царицыно.

Векслер А.Г., 2005. Отчет о спасательных археологических полевых работах в комплексе большого дворца ГУК ГМЗ «Царицыно» в 2005 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 2006. Отчет о спасательных археологических полевых работах, связанных с реставрацией и приспособлением Оранжерейного комплекса ГМЗ «Царицыно» (работы по исследованию Домика садовника) в 2006 г. // Архив ИА РАН.

Г.П. Визгалов

ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология 1», Нефтеюганск

Новые археологические исследования первых русских поселений на крайнем севере Сибири

В последнее время археологи стали больше внимания уделять памятникам периода освоения русскими Сибири, но при этом больше раскопанных памятников приходится на южные регионы. На Крайнем Севере Западной Сибири исследования памятников русской археологии в 80–90-е гг. XX в. вообще не проводились. Между тем хозяйство, быт, культура русского населения Севера всегда были иными, чем в регионах, где имелось пашенное земледелие. Основными занятиями русских северян были торговля, ремесла, охотничьи и рыболовные промыслы. Их отличала легкость на смену места жительства, тяга к обследованию новых земель. С 2000 г. ООО «НПО Северная археология 1» проводит археологические исследования первых русских поселений на Севере Западной Сибири (рис. 1).

Мангазея – городище, впервые профессионально обследованное В.Н. Чернецовым в 1946 г. (Чернецов, 1947). В 1968–1970, 1973 гг. экспедицией

под руководством В.И. Белова, О.В. Овсянникова, В.Ф. Старкова были проведены археологические раскопки, результатом которых стала известная в научном мире монография. На долгое время в науке наступил перерыв, который частично объясняется заявлением исследователей, что Мангазея, является единственным практически полностью раскопанным памятником (Белов, Овсянников, Старков, 1980. С. 128).

В 2000 г. Г.П. Визгаловым были начаты новые исследования в раскопе 1973г. Выяснилось, что памятник раскопан фрагментарно, не на всю глубинную культурного слоя и содержит много находок и остатков построек (Визгалов, 2000. С. 238). В 2001–2004 гг. в старом раскопе было раскопано 14 построек, из них 6 – частично. (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 33–60). Найдено 10 833 находки не считая обрезков кожи, мелких фрагментов керамики, деревянных конструкций. Новые исследования дали ма-

Рис. 1. Карта-схема расположения исследуемых памятников.

териал, по количеству и разнообразию сравнимый с материалом, полученным экспедицией М.И. Белова на площади, превышающей в 57 раз площадь раскопок 2001–2004 гг. В 2005–2007 гг. было раскопано 256 кв. м, найдено 8 440 находок. Исследовано 10 построек, в том числе трехчастная постройка и здание, которое, судя по фундаменту, было двухэтажным. Выявлен слой, связанный с общегородским пожаром, раскопана четырехчастная постройка – изба, сени, 2 кладовые, коридор, туалет. В качестве нижних венцов и лаг использованы детали коча: кили, штевни, мачта, шпангоуты. Материалы раскопок позволяют сделать выводы о существовании постоянного населения в городе, о значительной роли ремесла и торговли, о наличии самого северного в мире скотоводства.

Город Березов – основан в 1593 г. В настоящее время слой города XVI–XIX вв. находится на территории пгт. Березово – районного центра ХМАО – Югра. Первые археологические исследования Березова проводились в 2004 г. А.В. Ермоленко. Им был обнаружен культурный слой поселения, прорезанный могильными ямами XIX в. (Ермоленко, 2006. С. 236–238). Но в результате этих раскопок остатки Березовской крепости конца XVI–XVIII вв. выявить не удалось.

В 2005 г. поиски остатков построек относящегося к раннему периоду существования города были продолжены Г.П. Визгаловым и С.Г. Пархимовичем. В трех траншеях были выявлены культурные слои с находками XVI–XVII вв.: керамика, слюдяные оконные пластинки, ружейный винт, сапожная подковка, судовые скобки. В 2007 г. на месте крепости XVII в. был заложен раскоп площадью 160 кв.м. В ходе раскопок были изучены остатки восьми построек, которые представляют собой основания изб с кирпично-глиняными печами. Из них две постройки датируются второй половиной XVIII в., шесть относятся к XVI–XVII вв. Находки (1742 ед.) из раскопа представлены 9 категориями: керамика, цветные и черные металлы, стекло, дерево, камень, кожа, ткань, береста. Кроме раскопа интересные предметы были найдены в разрушенном слое на посаде.

Дальнейшие раскопки представляются очень перспективными в научном отношении. Обследование разрушенного культурного слоя в посадской части показали, что там раскопки не менее перспективны, чем в кремлевской части.

Село Обдорское возникло из поселения при Обдорском остроге 1731 г. В 1807 г. острог был разобран местными жителями. Скоро сюда прибывают новые поселенцы – коми и русские, в XIX в. село

быстро растет благодаря высокому спросу на рыбу. В 2004–2007 гг. в исторической части г.Салехарда проводятся археологические исследования, которые были вызваны необходимостью аварийно-спасательных работ на стоянке Салехард I. Считалось, что на этом мысу была построена первая русская крепость, а до этого он служил местом пребывания остяцкого князя. В 2004–2005 гг. О.В. Кардашем было заложено 8 раскопов общей площадью 1107 кв.м. В верхнем слое обнаружены: остатки фундамента церковной ограды и церкви Петра и Павла XIX – нач. XX в., 6 деревянных склепов, в 4-х из которых находились гробы с усопшими, остатки дома священника, предметы XIX в. Ниже найдены остатки жилых каркасных построек, изделия из металла, дерева, рога, бересты, кости животных, связанные с Обдорским (Носовым) городком XVI – XVIII вв. местного князца рода Тайшиных и их предков. Предполагаемого культурного слоя Обдорского острога XVII–XVIII вв. выявлено не было (Кардаш. 2005.С. 20). В том же 2005 г. с целью выявления Обдорского острога Г.П. Визгаловым было заложено 17 археологических шурфов и 7 зачисток общей площадью 55 кв.м, в которых был исследован слой села Обдорского и собрано 656 находок XVIII–XIX вв.

В 2006 г. работы по выявлению Обдорского острога были продолжены – заложено 7 шурфов общей площадью 26,5 кв.м. В одном из них был обнаружен настил из жердей, относящиеся к остяцкому городку XIX в., а в другом – остатки жилой постройки рубежа XVIII–XIX вв. Всего было собрано 990 находок. В 2007 г. на месте шурфа был разбит раскоп площадью 49 кв.м, в котором исследованы остатки жилого строения XVIII–XIX вв. и собрана коллекция (575 ед.).

Таким образом, за 4 года в г. Салехарде был исследован культурный слой XVIII–XIX вв., выявлены 3 постройки этого времени, собрано более 2000 находок, общая площадь раскопов и шурфов составила 1268 кв.м. Сопоставив результаты археологических исследований с топографическим планом села Обдорского 1850 г., была определена территория села Обдорского XVIII–XIX вв. К сожалению, остатки острога 1731 г. не обнаружены. Причиной являются его малые размеры, а также, факт разборки острога в 1807 г. Существование в этом месте русского острога в XVI–XVII вв. ставится под сомнение, так как даже в слое аборигенного Обдорского (Носового) городка XVII в. почти нет русских вещей.

Старотуруханское городище. В 1607 г. в низовьях р. Турухан появилось Туруханское зимовье как пункт ясачного сбора (Миллер, 2000. Т 2. С. 30). В 1969–1972 гг. сюда переселились жители Мангазеи и здесь же был построен город Новая Мангазея,

который в 1708 году переименовали в Туруханск. В настоящее время на месте Туруханска (Новой Мангазеи) остался поселок Старотуруханск. Впервые памятник был обследован В.Ф. Старковым в 1970 г., который снял глазомерный план и заложил 12 шурфов (Старков 1971, С. 29–30).

В 2007 г. Г.П. Визгаловым было обследовано состояние памятника: осмотрены разрушения, собран подъемный материал, заложено 2 шурфа, выполнена тахеометрическая съемка. Выяснилось, что культурный слой XVII–XIX вв., сохранился на останце коренной террасы, включающем территорию современного посёлка. Размеры памятника 970 x 280 м, мощность слоя более 1 м. В обнажениях и шурфах собран разнообразный материал – 380 предметов. В том числе 126 монет, изделия из цветных металлов и железа, керамика, фрагменты деревянной посуды, кожаные и костяные изделия.

Ляпинский острог построен в 1731 г. на р. Ляпин. Первые раскопки проводил священник В.Н. Герасимов в 1897 г. (Адамов, Балюнов, Данилов, С. 19). В 1939 г. А.Ф. Палашенков снял план памятника, выявил остатки 30 построек и палисада, произвел их обмеры. В 1980 г. и 1990 г. попытки продолжить археологические исследования были предприняты Е.А. Курлаевым, а в 2003 г. разведочные работы были проведены Е.А. Жирных. Однако им не удалось найти ни остатки построек, описанных А.Ф. Палашенковым, ни датирующих находок. В 2007 г. Визгаловым Г.П. проводились разведочные работы по обследованию состояния памятника. Исследована местность, заложено 4 шурфа, сделана тахеометрическая съемка. Поиски объектов острога не дали результатов, но были найдены вал и ров ограждений, валы корчевания, поздние впадины. Осмотр местности выявил, что исследования Е.А. Курлаева и Е.А. Жирных проводились на участке, затопляемом в паводок. В шурфах были найден венчик керамики конца XVII в., фрагменты архаичных кирпичей, включая проволока, монета 1952 г., стеклянная посуда. Опрос населения показал, что в 40–50-х гг. на этом месте располагался склад взрывчатки геологоразведочной экспедиции, и значительная часть памятника была разрушена. Тем не менее, считаем, необходимо продолжить поиски сохранившихся участков.

Результаты работ показали, что на Крайнем Севере Сибири имеются перспективы археологических исследований первых русских поселений. Богатая коллекция предметов позволяет по-другому взглянуть на занятия и быт населения непашенной зоны.

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г., 2008. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск.

- юв М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л.
- Вгвалов Г.П., 2000. Мангазея: состояние памятника и перспективы изучения русской материальной культуры XVII века в Сибири // Русские староржины. Материалы III-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири". Тобольск – Омск.
- Вгвалов Г.П., Пархимович С.Г., 2008. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск – Екатеринбург.
- Молочко А.В., 2006. Град Березов: Опыт междисциплинарного исследования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск – Ханты-Мансийск.
- Кардаш О.В., 2005. Раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) в 1946 и 2000 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск.
- Миллер Г.-Ф., 1999, 2000. История Сибири. Т. 1. М.; История Сибири. Т. 2. М..
- Старков В.Ф., 1971. Отчет о работах Мангазейской экспедиции арктического и антарктического НИИ в 1970 г. Архив ИА РАН, Р-1, д.4402.
- Чернецов В.Н., 1947. О работах мангазейской экспедиции. КСИИМК. Вып. XXI. М..

М.А. Гаркуша

Омский филиал Института археологии этнографии СО РАН,

Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности, филиал в г. Омске

Антропология смерти в культуре тарских татар

Тема смерти, умирания и посмертного существования являются актуальными для каждого из живущих в современном мире. В настоящее время ассоциация с понятием смерть в первую очередь связана с окончанием функционирования жизненно важных систем организма человека. Современное общество двояко относится к пониманию смерти и процессу умирания. С одной стороны человечество боится, с другой пропагандирует и относится к ней хладнокровно. Мы редко задумываемся в течение жизни, что смертны, или если размышляем, то полагаем, что хватит времени до «конца», успеть сделать все свои прижизненные дела, морально и духовно подготовиться к этому естественному процессу.

Если взглянуть на средневековые общности, то мы видим обратное. Средневековый человек, жил в контексте и традициях своей культуры, в рамках заложенных с детства морально-этических норм. Культура изначально учила и направляла человека на спокойное реагирование и умение жить с мыслью о смерти, смотрела на мир через призму смерти. С этой целью во все времена, повсюду действовали разнообразные социально-культурные, религиозные институты подготовки к смерти и соответственно отправления обрядов сопровождения умирающих в мир иной, создавая определенный комплекс мифологем (Рязанцев). Земная жизнь рассматривалась как планомерная, последовательная подготовка к бу-

дущему умиранию. Не существует ни одной культуры, в которой не отводилось бы место ритуальным и практическим действиям. Цель ритуала продлить жизнь умершего, на социальном уровне в рамках общества и обеспечить бессмертие и благоприятный переход в мир мертвых. Понимая значение смерти, на жизнь и земные заботы смотрели иначе, ловя каждое мгновение, которое было наполнено неповторимыми событиями. С таким отношением к жизни, смерть не пугала и не была неожиданностью.

В данной работе мы попробуем рассмотреть отношение тарских татар с XVII–XVIII вв. по настоящее время к смерти через культурные явления жизни. Изменения отношения к смерти и видение жизни неизбежно отражается в погребальном обряде. Свой анализ мы проведем на основе археологических материалов и этнографических данных, постараемся проследить их трансформацию и значимость в погребальном обряде.

Исследование любого археологического памятника начинается с планиграфического анализа. По материалам Тарского Прииртышья значительная часть могильников XVII–XVIII вв. расположена ниже поселений по течению рек, но несмотря на одновременное функционирование кладбищ, есть памятники, расположенные выше. Мы не знаем точно, чем обусловлен подобный выбор, но можем предположить, что диктовался он предпочтением подходящего места для кладбища. Доминирующая ориен-

тация погребений на памятниках северо-западная, хотя для каждого погребального памятника имеются отклонения, которые объясняются природным ландшафтом. Исключения составляют могилы, ориентированные четко по линии север – юг. Неодинаковая ориентация одних и тех же представителей татарского этноса на кладбище может базироваться на определении сторон света по солнцу (Томилов, Шаргородский, 123). В более позднее время ориентировать погребенных начинают в сторону Мекки.

Форма могильных камер XVII–XVIII вв. у тарских татар была подпрямоугольной и овальной, которые могли обкладываться и перекрывать из досок и бересты. Зафиксировано несколько вариантов погребения: в деревянных колодах, завернутые в бересту, завернутые в ткань (Татауров, Тихонов). Сложно дать им четкую интерпретацию, так как они обнаружены в единичных случаях.

Над погребальной камерой возводили насыпь овальной или округлой формы. Над насыпью сооружали бревенчатый сруб в виде усеченной пирамиды или прямоугольной конструкции (со следами огня), который со временем оказывался под землей и принимал вид холма. Во время возведения насыпи, место, отведенное под погребение, ограничивали ровиком, который мог быть полностью замкнутым или иметь перемычку в северо-западной части.

За несколько столетий произошли существенные изменения в погребальном обряде тарских татар. Современные критерии расположения кладбища не всегда совпадают с выбором предшественников и зачастую диктуются практичным выбором или религиозными предписаниями. На наш взгляд это говорит об изменении обрядовой традиции и переоценки культурных ценностей.

Анализируя планиграфию могильников можно предположить, что для XVII–XVIII вв. существовала традиция создавать родовые группы, «кусты» могил. Тенденция объединения по родственным группам фиксируется и в настоящее время.

Современная погребальная камера представляет собой яму с боковой нишей – ляхэт. Ориентация тела изменяется, ориентируют головой на запад, на восток, так чтобы лицо было направлено в сторону юга (Корусенко, 60).

На современных мазаратах надмогильные конструкции возводят в виде прямоугольных срубов, которые имеют форму усеченной четырехгранной пирамиды. Эти сооружения не поддерживают в должном состоянии и постепенно они разрушаются, уходя «в землю». Традиция строительства деревянных конструкций уходит в эпоху средневековья и устойчиво продолжает функционировать по на-

стоящее время. В исламских предписаниях мы не находим каких-либо описаний этих конструкций, нет и точного описания надмогильного сооружения. У мусульманских могил не поддерживается обычай возведения ровиков вокруг надмогильного холма.

По археологическим материалам мы наблюдаем постепенное изменение мировоззрения на присутствие сопроводительного инвентаря в могиле. С принятием ислама, становится заметным его отсутствие, так как новая религия не приемлет ничего лишнего в погребальной камере. Что говорит об изменении отношения к душе и его перехода в иной мир.

С чем же связаны подобные изменения в обряде? По наличию археологического и этнографического материала, удастся исследовать обряд погребения на двух хронологических промежутках: конец XVI – начало XVIII в. и XX в. Получается, что XVI–XVII вв. – это время существования и постепенного угасания культурных традиций, которые складывались многовековыми древними поколениями, сочетаясь с раннесредневековым мировоззрением, где было нормой обжигать могильную камеру, применять огонь, возводить внутримогильные и надмогильные перекрытия и т.п. С XVIII в. наблюдается постепенная утрата сложившегося ранее традиционного культурного пласта, на смену приходит задокументированная исламская основа, приобретающая полностью сложившиеся культурные черты в XX в. В результате изменения культурного мировоззрения, меняется и отношение к смерти.

В духовном аспекте сложнее приблизиться к реконструкции погребального обряда, выявлению взгляда на смерть. Представления о месте живого и умершего человека в упорядоченном (и реальном и мифологическом) мире, о его состоянии после смерти, о путях достижения загробного мира, можно наиболее информативно выявить через призму семантических действий. Связи между ними не обрывались, они трансформировались с течением времени, а отношение одного этноса в рамках одной культуры на одни и те же действия со временем видоизменялись. Несмотря на то, что обращение с умершим опиралось на мировоззренческие, религиозные традиции отдельного этноса, общие черты погребального обряда, а именно духовной его части в контексте одной культуры выявить, возможно, но поверхностно, на тех данных, которые есть в наличии.

У татар, как и у любого другого этноса, существовало свое понимание смерти – как неотвратимого явления (Корусенко, 49). Вера в жизнь после смерти сохраняется до наших дней, но это иная вера, где воспринимается только душа.

Сложно воспроизвести отношение человека XVI–XVIII вв. к смерти, можно предположить, что они относились к жизни более ответственно и с такой же ответственностью готовились к умиранию. Человек осознавал свою обреченность «факт тотальной связанности жизни и смерти, бытия и небытия, рождения и умирания. Подготавливаясь к торжественному мигу окончательного расставания со всем земным, люди учились усматривать проявления смерти во всем, ... человек воспринимал смерть как неотъемлемую составляющую Мирового Жизненного Процесса» (Сельченок). На основе видения и отношения к смерти трансформировалась и погребальная традиция, которую мы наблюдаем на тех материальных фактах, которые до нас дошли. Основываясь на этом отношении, нам кажется, что страх смерти и та сторона «жизни» сейчас не так пугают человека как раньше, приобретая религиозную окраску, и веру в то, что душа «получит» по заслугам и попадет куда следует. В XVII–XVIII вв. мы видим обратное – другое восприятие этого процесса. В это время не существовало четкой границы между мирами. Погребальный обряд свидетельствует о том, что их участники считали умерших еще живыми и стремились принять некоторые меры предосторожности, чтобы полностью исключить их появление, а способы погребения сопровождалась особым ритуалом, частью которого, являлся вещевой комплекс. В могиле с погребенным обязательно должны были присутствовать вещи. В этих предметах был заложен тайный смысл, ведь погребальный инвентарь не только имел цель снабжения покойного необходимыми предметами, но и является сдерживающей силой его в могиле (Семенова, 129). Только с приходом ислама данная традиция начинает утрачиваться и полностью исчезает в XIX в.

Таким образом, средневековое представление

выражалось в вере в жизнь в другом мире, где существуют те же потребности, что и у живых, ассоциируясь с душой и телом воедино.

В современном обществе, отсутствует страх перед душой ушедшего, которая живет отдельно от тела, так как по современному представлению тарских татар душа умершего не может причинить особого вреда живым (Корусенко). Ислам утверждает, что физическая кончина не является итогом человеческого существования. Смерть становится окончательным рубежом, откуда обратного возврата нет, она переводит душу в иную ипостась, где главным критерием является «духовная чистота».

Таким образом, доисламская традиция погребального обряда направлена на возрождение человека, он может вернуться, когда настанет время. Исламский обряд выбрасывает человека в другой мир, где есть продолжение жизни, но в другом времени без права на обратный путь.

Корусенко М. А., 2003. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Том. 7. Новосибирск.

Рязанцев С., 1991. Танатология – наука о смерти. М.

Сельченок К. Психология смерти и умирания // <http://www.aquarun.ru/psih/smert/smert1.html>

Семенова В. И., 2006. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья // Дис. ... докт. культурологии. Томск.

Татауров С. Ф., Тихонов С. С., 1996. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т. 1. Новосибирск.

Томилов Н. А., Шаргородский Л. Т., 1990. Погребальный обряд барабинских татар // Обряды народов Западной Сибири. Томск.

Ю. В. Герасимов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,

Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности, филиал в г. Омске

Использование предметов вооружения в погребальном обряде сибирских татар: к постановке проблемы

В культурах многих народов, как традиционных, так и современных, оружие используется не только как инструмент войны, но и как магический артефакт в ритуалах перехода, в том числе и в по-

гребальном обряде – церемонии перевода человека из мира живых в мир предков, в мир мертвых. Археологические находки позволяют говорить о глубокой древности подобной традиции – корни ее

обнаруживаются в погребениях эпохи неолита, причем в культурах, не имеющих генетических связей; археологические культуры Сибири не являются исключением. Бытование обряда сопровождения оружием погребенных у различных народов Сибири подтверждают также этнографические наблюдения, подчеркивая при этом этническую дифференциацию деталей (Очерки культуургенеза, 1994. С. 360–365). Этнографическая информация об использовании сибирскими татарами оружия в погребальном обряде отсутствует, поскольку последний ориентирован на исламскую догматику. В настоящей работе мы тезисно рассмотрим использование предметов вооружения в погребальном обряде двух этнических групп сибирских татар – тарских и барабинских – в XVI–XVII вв.

В этнической и культурной истории сибирских татар данная эпоха занимает важное место. С падением Сибирского ханства на рубеже XVI–XVII вв. закончилась история суверенных политических образований автохтонов. Культура населения Прииртышья подвергается значительной трансформации, испытывая мощнейшее влияние, с одной стороны, русской, принесенной сюда переселенцами из-за Урала, а с другой стороны – исламской, носителями которой являлись казанские татары и выходцы из Средней Азии. Данное обстоятельство, объясняет как наличие в погребальных комплексах предметов русского и европейского происхождения, так и сосуществование на одних и тех же могильниках захоронений, содержащих вещевые комплексы и лишенных таковых. В нашей работе мы принимаем последнее утверждение в качестве гипотезы, поскольку оно не противоречит имеющимся данным и позволяет объяснить наблюдаемые особенности развития некрополей и трансформации погребального обряда.

Археологическое изучение поздних погребальных памятников на рассматриваемой территории становится регулярным с 1970-х годов благодаря усилиям новосибирских и омских ученых. Итоги исследований отражены в ряде публикаций монографического характера (Корусенко, 2003; Матющенко, 2003; Матющенко, Полеводов, 1994; Молодин, 1979; Молодин и др., 1990). Опыт обобщенной характеристики погребального населения рассматриваемого региона в эпоху позднего средневековья на основе археологических данных был предпринят в соответствующем разделе «Очерков культуургенеза народов Западной Сибири» (С. 290–293), но ограниченный круг источников, имевшихся в распоряжении исследователей, предопределил неполноту и краткость выводов. Сегодня сформирована представительная источниковая база, что дает возможность

привлекать для характеристики этнической истории сибирских татар не только письменные и этнографические, но и археологические данные (Томилов и др., 2006).

Всего нами изучено 536 погребений из состава могильников Чеплярово – 27, Окунево – 7, Бергамак – 2, Кыштовка – 1, 2, Садовка – 2, 4, Абрамово – 10, расположенных в северной части Барабинской лесостепи. Почти все использованные материалы уже публиковались ранее. Следует отметить, что среди исследователей нет единства в определении этнической принадлежности всех указанных могильников. Так, В.И. Молодин склонен считать могильники XV–XVII вв. с западной и северо-западной ориентации умерших южнохантыйскими; с такой атрибуцией согласны В.И. Соболев, А.И. Соловьев, Б.А. Коников (Коников, 1995; Молодин, 1979; Молодин и др., 1990). Омские исследователи полагают принадлежность указанных памятников аялынской группе тарских татар; подобная ориентация умерших сохраняется у тарских татар и сегодня (Корусенко, 2003). Во всех рассмотренных комплексах присутствуют захоронения с предметами вооружения; доля их составляет ~ 25%, а если учесть, что почти половина могил не содержат никакого инвентаря, то эта величина возрастет вдвое. на основе изученного материала можно сформулировать следующие выводы.

Состав комплекта вооружения, отправляемого в иной мир, достаточно однообразен: колчан со стрелами (иногда, возможно, его имитация), топор, нож; отклонения крайне редки (1 – в Окунево, 2 – в Бергамаке, 1 – в Садовке-2). Следует отметить, что эти предметы могут выполнять как боевые, так и хозяйственные функции; тем не менее, как нам представляется, эта номенклатура артефактов соответствует реальному положению дел: фольклорные богатыри используют такой же набор. Ординарным является размещение большинства предметов вооружения в области ног; исключение составляет нож, который в большинстве случаев размещен в области локтя, правого или левого. Как правило, предметы укладывались в могилу после того, как туда был помещен умерший, и только в единичных случаях можно предполагать включение предметов вооружения в погребальный костюм, причем на том же месте, где их носят и живые. Обычно оружие не подвергалось порче, такие случаи единичны; возможно, обряд «убивания» оружия не был характерен для этой этнической группы. Зафиксированы случаи использования предметов вооружения в качестве магических артефактов при сооружении могил; кроме того, обнаруженные в ряде погребений единичные

наконечники стрел в области черепа, грудной клетки или костей таза мы склонны рассматривать как приношения умершему, т. е. использование оружия в качестве пожертвования.

Умышленная порча оружия преследовала цель отправления его в страну мертвых, приведение его таким образом в соответствие канонам потустороннего мира: то, что живет здесь, там умирает, и наоборот. Подобно тому, как в фольклоре живой человек, случайно попавший в тот мир, остается невидимым для его обитателей, целый предмет вооружения не сможет служить своему хозяину, ибо он будет отсутствовать в его реальности. В археологических материалах следы подобного ритуала достаточно надежно фиксируются в виде сломанных или поврежденных образцов оружия, обнаруженных в погребениях. Таков первый подход к интерпретации находок вооружения в погребениях; это – прагматика другого мира: оружие продолжает выполнять свои прямые функции, но в ином измерении бытия.

Другая форма употребления оружия в погребальных ритуалах выполняет социально-семантические функции. В этом случае предмет вооружения используется уже не в качестве инструмента войны, а как маркер определенного социального статуса своего владельца. Логично полагать, что в этом случае при помещении оружия в могилу его не следовало повреждать. В археологических материалах подобное использование однозначно выявить сложно; не исключено, что определенную роль могло играть место расположения предмета вооружения в семантическом пространстве погребения.

Оружие могли приносить в качестве жертвы, или, скорее, помина уходящему в мир предков; но выделить данный ритуал в археологических памятниках вряд ли возможно. Мы обозначили использование предметов вооружения, если можно так выразиться, «для мертвых», но в погребальном ритуале оружие могли использовать и для защиты живых от посягательств мертвых. В этом случае его помещали либо в насыпь могилы, либо в саму могилу, укладывая умершему на грудь. Таким образом, существует достаточно оснований полагать, что помещение в могилу оружия не просто демонстрировало социальную принадлежность человека при жизни в этом мире, или предназначалось для дальнейшего использования в мире ином, но и выполняло магические функции.

Традиция сопровождения покойника предметами вооружения у сибирских татар сохраняется как минимум до второй половины XVII в., на что ука-

зывают совместные находки оружия и серебряных копеек Алексея Михайловича. Угасание этой традиции, вероятно, связано не столько со стабилизацией военно-политической обстановки в регионе, и, соответственно, снижением престижности военного сословия, сколько с утверждением новых религиозных представлений.

Конилов Б.А., 1995. Позднесредневековые памятники лесного Прииртышья // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995.

Корусенко М.А., 2007. Отчет об археологических раскопках курганно-грунтового могильника Чеплярово-27 (Муромцевский район Омской области) в 2006 году. Омск, Архив МАЭ ОмГУ, ф. II, д. 206-2.

Корусенко М.А., 2003. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XVIII вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.7. Новосибирск.

Матющенко В.И., 2003. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов // Новое в археологии Прииртышья, вып. 3. Омск.

Матющенко В.И., 2005. Отчет о раскопках могильника Окунево – 7 у с. Окунево Муромцевского района Омской области полевого сезона лета 2003 года. Омск. Архив МАЭ ОмГУ, ф. II, д. 194 – 1.

Матющенко В.И., Полеводов А.В., 1994. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск.

Мельников Б.В., 1991. Поздние погребальные памятники таежного Прииртышья. // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск.

Молодин В.И., 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири., 1994. Т.2. Мир реальный и потусторонний. Томск.

Тихомиров К.Н., 2000. Отчет о раскопках могильника Бергамак-2 в Муромцевском районе Омской области в 1991 году. Омск. Архив МАЭ ОмГУ, ф. II, д. 152-1.

Томилов Н.А., 1981. Тюркоязычное население Западной Сибири в конце XVI – начале – первой четверти XIX в. Томск.

Томилов Н.А., Бережнова М.Л., Корусенко М.А., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Смирнова Е.Ю., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н., Тихонов С.С., 2006. Этноархеологические исследования русских и татар Тарского Прииртышья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск – Омск.

В.Н. Гурьянов*Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского*

Средневековые монастыри Брянщины как объекты археологического наследия

Процесс возрождения православных монастырей России, активно развернувшийся в 90-е гг. прошлого века, естественным образом вызвал к жизни интерес к истории монастырей и к той роли, которую они сыграли в истории страны. Эта проблема рассматривалась в ходе работы ряда научных конференций (см. напр. «Монастыри в жизни России», 1997), появились книги, специально посвященные монастырской истории, в том числе истории монастырей Брянщины (Кизимова, Зубова, 1999). В работе С.П. Кизимовой и Е.М. Зубовой приведены данные о 38 монастырях и пустынях, когда-либо существовавших на территории современной Брянщины. По данным упомянутых исследователей, из этого числа обитателей два монастыря – Петропавловский и Свенский – были основаны в XIII в., один – Николо-Одринский – в XIV в. (правда, по легендарным сведениям), три – в XV в., семь в XVI в., девять в XVII в., двенадцать – в XVIII в., и оставшиеся три – в XIX в., в том числе один – в самом его конце. Даты образования наиболее древних монастырей основываются прежде всего на легендарных преданиях, или, как в случае с Николо-Одринским монастырем, на кочующей еще с XIX в. из одной краеведческой книжки в другую неверной трактовке письменного источника – духовной грамоты княгини Елены Ольгердовны (Пясецкий, 1899; Кизимова, Зубова, 1999. С. 119–120).

Между тем немаловажную роль в изучении начальных этапов монастырской истории могут сыграть данные археологии. В частности, объектами археологического изучения стали монастыри Москвы (Беляев, 1994), Верхнего Поочья (Калужская область), где археологические исследования монастырей ведутся с начала XX в. (Прошкин, 1999. С. 32, 40). Знаменитые на всю Россию Пафнутьев-Боровский монастырь и Оптина Пустынь изучались и в 90-е гг. (Болдин, 1997; 1999). Появились публикации по археологии монастырей Курского края (Чубур, 2003).

В отличие от соседних областей монастыри Брянщины в плане археологии изучены гораздо хуже. Культурные слои монастырей, даже такого древнего и известного, как Свято-Успенский Свенский, практически не исследованы. Изучение того же Свенского монастыря ограничивается лишь работами первого директора Брянского музея С.С.Деева в 1925 г. по по-

иску сокровищ, якобы зарытых монахами (при этом сам Деев писал, что на проведение археологических исследований у него не было полномочий (Коваленко, 1991. С.13) и публикациями С.А.Никулиной о случайных находках средневековых каменных надгробий в монастыре (Никулина, 1997а; 1997). На территории Петропавловского монастыря, расположенного на посаде средневекового Брянска, в 1980–90-е гг. Г.П. Поляковым и автором проводился лишь сбор подъемного материала на участках нового строительства (Гурьянов, 1995. С. 53). В мае 2004 г. во Введенском храме монастыря по инициативе Брянской епархии исследовалось место прежнего захоронения мощей святого благоверного князя Олега Брянского (Насырова, Станюкович, 2005. С. 8–10). В Трубчевском районе В.А. Падиным в 1960-е гг. обследовался Чолнский монастырь, расположенный на территории знаменитого Кветунского археологического комплекса, причем монастырь обследовался не специально, а в ходе обследования этого комплекса (Падин, 1968. С. 50). В последние годы небольшие по объему научные археологические исследования проводились В.В. Миненко и автором в Николо-Одринском монастыре, при этом в ходе исследований на территории монастыря помимо средневекового культурного слоя обнаружено поселение середины I тыс. н.э. (Миненко, 2000. С. 129; Гурьянов, 2005). Этим, пожалуй, и ограничиваются сведения об археологическом изучении монастырей Брянщины.

Между тем, как уже отмечалось выше, значительное число монастырей Брянщины возникло в средневековье. За сотни лет их существования на территории монастырей, безусловно, отложился культурный слой, скрывающий в себе следы существования человека в виде остатков зданий и сооружений (прежде всего культового характера), погребений монашествующих и мирян, различных артефактов культового и бытового характера. В современной археологической науке под культурным слоем понимается исторически сложившаяся система напластований, состоящая в основном из органических и строительных остатков, образовавшихся в результате деятельности человека. О наличии такого слоя свидетельствуют перечисленные выше сведения по археологическому обследованию ряда

монастырей Брянщины. Одним из основных источников информации о культурном слое являются археологические раскопки. Таким образом, в силу своей специфики культурный слой монастырей попадает под определение объектов археологического наследия, данное в статье 3 Федерального закона 473-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»: «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее – объекты археологического наследия)». Из этого вытекает, что монастыри в соответствии с упомянутым законом либо могут рассматриваться как ансамбли, в которые наряду с храмовыми комплексами и другими сооружениями должен быть включен и культурный слой; либо культурный слой монастырей должен быть взят под государственную охрану как отдельная категория объектов археологического наследия.

Целый ряд монастырей Брянщины, в том числе и древнейшие (Петропавловский, Свенский, Николо-Одринский и др.), переживают сейчас процесс возрождения. Возобновлена деятельность монастырей, на их территориях идет восстановление утраченного и новое строительство. К сожалению, не всегда при этом учитываются и соблюдаются требования законодательства по охране культурного наследия. Например, в Свенском монастыре построены водонапорная башня и братский корпус, в Николо-Одринском монастыре возведен новый храм. Ни в том, ни в другом случае не проводилось никаких мероприятий по изучению и сохранению монастырского культурного слоя, разрушенного при земляных работах. Примеры эти не единичны, их список можно продолжить. Отношение церкви к культурному наследию – вообще тема отдельного разговора. А ведь изучение культурного слоя монастырей на современном научном уровне могло бы дать новые сведения по их истории, времени основания, планировочному развитию территории и т.д., в немалой степени интересные и полезные для современных насельников монастырей. Не говоря уже о тех результатах, которые такое изучение даст для исторической науки, в первую очередь для истории региона. Таким образом, на наш взгляд, органам охраны культурного наследия необходимо рассмотреть вопрос о включении культурного слоя древнейших монастырей Брянщины в списки объектов культурного наследия региона.

- Авдусин Д.А., 1980. Полевая археология СССР. М.
- Беляев Л.А., 1994. Древнейшие монастыри Москвы по данным археологии. М.
- Болдин И.В., 1997. Археологические раскопки в Пафнютьев-Боровском монастыре (1993 г.) // Монастыри в жизни России. Материалы науч. конф., посв. 600-летию препод. Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнютьев-Боровского монастыря (19–20 апреля 1994 г.). Калуга – Боровск.
- Болдин И.В., 1999. Раскопки в Калужской области // АО 1997 года. М.
- Гурьянов В.Н., 1995. Новые данные о древнерусском Брянске // Из истории Брянского края. Материалы юбилейной историко-краеведческой конференции, посвященной 50-летию образования Брянской области и 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Брянск
- Гурьянов В.Н., 2005. Современное состояние археологического изучения средневековых монастырей Брянщины: Николо-Одринский монастырь // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской науч. конф. Калуга.
- Кизимова С.П., Зубова Е.М., 1999. По следам святых обителей: Из истории монастырей и пустыней Брянского края. Брянск.
- Коваленко З.П., 1991. Докладная записка заведующего Брянским губернским музеем С.С.Деева об обследовании подвалов Свенского монастыря // 70 лет Брянскому историко-революционному музею. Брянск.
- Миненко В.В., 2000. Работы в Брянской области // АО 1998 года. М.
- Монастыри в жизни России, 1997. Материалы науч. конф., посв. 600-летию препод. Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнютьев-Боровского монастыря (19–20 апреля 1994 г.). Калуга – Боровск.
- Насырова Н.Ш., Станюкович А.К., 2005. К методике консервации, реставрации и атрибуции кожаных изделий археологического происхождения // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской науч. конф. Калуга
- Никулина С.А., 1997а К вопросу о некрополе Свенского монастыря в XVI – XVII вв. // Монастыри в жизни России. Материалы науч. конф., посв. 600-летию препод. Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнютьев-Боровского монастыря (19-20 апреля 1994 г.). Калуга – Боровск.
- Никулина С.А., 1968. Надгробие инока Петра (Павла Дербышева) из Брянского Свенского монастыря // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3,

- ч. I. Археология. История промышленности и ремесел. Киров, 1997б.
- Падин В.А., 1968. Памятные места Трубчевского района. Брянск.
- Прошкин О.Л., 1999. История археологического изучения территории Калужской области // Археология Калужской области. Калуга.
- Пясецкий Г.М., 1899. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел.
- Чубур А.А., 2003. Монастырь Троицкая Лыпинова пустынь по археологическим данным // Куликово Поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т.2. Археология. История, этнография, искусствоведение. Тула.

Г.Е. Дуброви

Институт археологии РАН

Никитинский раскоп в Новгороде

Охранные работы на Никитинском раскопе проводились в 2002–2004 гг. Раскоп располагался неподалеку от северного берега ныне засыпанного Федоровского ручья на территории древнего Плотницкого конца между средневековыми улицами Никитиной и Маницыной. Площадь раскопа ок. 640 кв. м, мощность средневековых напластований – до 2,5 м.

На территорию раскопа попало три средневековые усадьбы (все частично). Две из них (А и Б) относятся к Маницыной улице и одна (В), наиболее богатая, к Никитиной. Уличные мостовые оказались за границами исследованной территории.

Всего на раскопе изучено более 100 построек, объединенных в ярус поздних впускных сооружений и 8–9 ярусов средневековой застройки XIV–XV вв. Найдено около 210000 единиц массовых находок и более 6300 индивидуальных (в том числе 11 берестяных грамот и 23 акты печати).

Исследованная местность в средневековье представляла собой участок периодически подтапливаемой прибрежной низины, простиравшейся на запад вплоть до р. Волхов. К востоку от раскопа рельеф повышался. Здесь располагалась первая надпойменная терраса. В центре раскопа в материке прослежено углубление, которое, по-видимому, являлось руслом ручья (или временной протоки), берущего начало на находившейся восточнее возвышенности.

Доярусный период (XIII – начало XIV в.)

Соответствующие этому периоду слабогумусированные предматериковые напластования (ок. 0,5 м), в которых отсутствовали следы каких-либо сооружений, были, в то же время, насыщены вещевым археологическим материалом, который может быть широко датирован в рамках XIII в. Можно предположить, что исследованный на раскопе участок в XIII в. являлся еще не застроенной окраиной находившегося восточнее на

возвышенности поселенческого массива, начало освоения которого (как и территорий в районе Плотницкой Пробойной улицы /Андреевский раскоп/) может быть отнесено к сер. – нач. второй пол. XIII в.

Среди представительного вещевого материала доярусного периода можно выделить три акты печати и 24 пломбы дрогичинского типа. К этому времени относятся интенсивные следы литейного производства изделий из цветных металлов. Традиции этой отрасли ремесла были продолжены (в первую очередь на усадьбе В) и в более позднее время.

Доусадобный период (10-е гг. XIV в. – ?)

Застройка доусадобного периода носила хаотичный характер и не была связана с последующей усадобной застройкой, появившейся на этой территории не ранее 40-х – 60-х гг. XIV в. По-видимому, между доусадобным периодом 10-х гг. и началом планомерного усадобного строительства сер. XIV в. существует хронологическая лакуна (?).

Среди находок можно выделить ажурную накладку из рога лося с изображением царя-псалмопевца Давида (будущая усадьба Б) (рис. 1: 3). Основная же масса находок обнаружена на территории будущей усадьбы В (оружие /в т.ч. обломок западноевропейского клинка/, предметы культа и т.д.). Продолжают фиксироваться следы литейного производства (в частности, свинцовых грузиков), хотя количество материала по сравнению с доярусным периодом несколько снижается. Основная масса находок сосредоточена в центральной и южной частях раскопа (преимущественно на территории будущей усадьбы В). В южной части территории будущей усадьбы В в это время появляются первые следы шерстобитного производства, получившего значительное развитие позднее. Здесь же отмечено скопление обрезков кожи, связанное с сапожным производством.

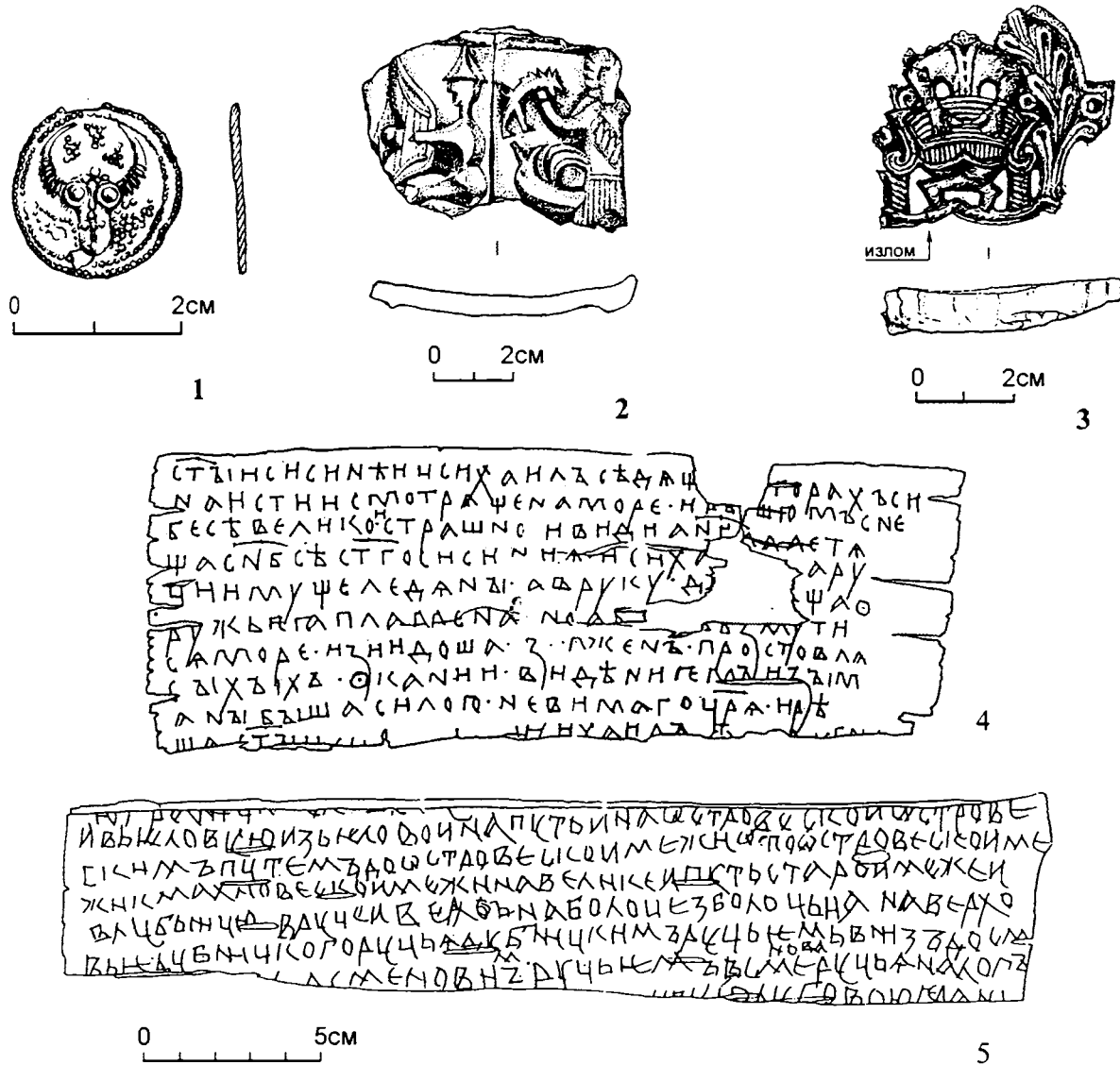

Рис. 1. Находки Никитинского раскопа. 1 – бронзовая привеска с изображением головы быка (28-134/77) (доярусный период – XIII в.); 2 – фрагмент глиняного водоеля (5а/6-22-90/62/) (усадьба Б; кон.60-х – нач. 90-х гг. XIV в.); 3 – обломок ажурной накладки из рога с изображением гуся (25-89/67/) (рисунок В.И. Поветкина) (доусадобный период – 10-е гг. XIV в.); 4 – берестяная грамота № 930 (4/5-21-4/13/) (усадьба Б; 80-е гг. XIV – нач. XV в.) (заговор против лихорадки /Сисниева легенда/); 5 – берестяная грамота №928 (Б/Б1-19-148/58/) (усадьба В; I пол. 30-х гг.XV в.) (описание земельного участка).

Усадобный период (40-е гг. XIV – середина XV в.)

Начало усадобной застройки (40-е – 60-е гг. XIV в.)

В середине XIV в. появляется первый часток, разделявший усадбы Маницыной улицы (А и Б), а также первые упорядоченные сооружения на усадбе А. От этих построек сохранились в основном подкладочные венцы, где широко использовался дуб. Застройка усадбы А была уже ориентирована на трассу Маницыной улицы, но планировочная схема усадбы тогда только начала складываться.

На территории усадбы Б в это время упорядоченная застройка еще отсутствует.

Представляет интерес берестяная грамота № 948 с усадбы Б (40-е – 50-е гг. XIV в.), где упомянут некий Остафья, которого можно предположительно сопоставить с известным плотничьим посадником Остафьей Дворянцем.

На усадбе В Никитиной улицы в кон. 40-х гг. возводится один капитальный сруб. На остальной же исследованной части территории усадбы следов сооружений нет. Такая картина прослеживается вплоть до 60-х гг. включительно.

В северной части усадьбы В отмечены находки, связанные с литейным производством (в первую очередь, свинцовых грузиков), число которых уменьшается по сравнению с доусадобным периодом. Все более заметным становится шерстобитное производство. Отмечены значительные скопления отходов сапожного производства.

Можно полагать, что в это время усадьбы Б и В были связаны между собой или даже образовывали единую территорию.

Конец 60-х гг. XIV – рубеж XIV/XV в.

Начиная с кон. 60-х гг. XIV в. на усадьбе Б появляется упорядоченная застройка. В ее южной части на границе с усадьбой В строится довольно крупный жилой сруб (аналогичные срубы на этом месте будут возводиться и в более поздних ярусах). В центральной части усадеб А и Б отмечены вымостки-гати, которые должны были компенсировать понижение рельефа – ложбину, пересекавшую территорию усадеб. В северной части усадьбы Б во второй половине 70-х гг. возводятся два небольших хозяйственных сруба, которые устанавливаются на единое мощное многоярусное фундаментное основание-платформу. Эта платформа вместе с вымостками-гатами отражает ситуацию начального освоения территории, когда приходилось строиться на неровной и периодически подтапливаемой местности.

Из находок с усадьбы Б наиболее интересна берестяная грамота № 937 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.), адресованная от Юрия к Носу. С известной долей вероятности можно отождествить адресата этой грамоты с одним из двух плотницких посадников: Василием Есифовичем или (что более предпочтительно) его отцом-Есифом Захарьиничем. Они носили фамильное прозвище Нос и происходили из рода прусского посадника Твердислава Михалковича. Находка грамоты на усадьбе Б позволяет предположить, что Есиф и/или его сын Василий могли проживать на этой усадьбе, которая, вероятно, входила в патрионию их рода, образовавшуюся после переселения его представителей с Прусской улицы на новые земли за Плотницким (Федоровским) ручьем.

Другая маницынской усадьба (А), в кон. 60-х – нач. 80-х гг. XIV в. выходит на традиционную схему планировки, которая будет сохраняться в общих чертах вплоть до сер. XV в. Из находок с этой усадьбы следует упомянуть берестяную грамоту № 938 (80-е гг. XIV в. – нач. XV в.) с упоминанием коробей ржи, которые задолжали некие Савва Пачин с братаном.

На усадьбе В, начиная с 70-х гг. XIV в., произошла перепланировка, в результате которой весь участок усадьбы, попавший на раскоп, стал дворовой

хозяйственной зоной, застроенной нежилыми постройками, связанными, как правило, с ремесленной деятельностью. Здесь отмечены сооружения, связанные с литьем изделий из цветных металлов (в частности, свинцовых грузиков), а также функционировавшая вплоть до руб. XIV/XV вв. мастерская по производству украшений из янтаря и изделий из кости. Продолжают здесь развиваться шерстобитное и сапожное производства.

Из находок последней трети XIV в. с усадьбы В можно упомянуть берестяные грамоты № 942 (приказ мужа жене Ульяне немедленно прибыть) и № 949 (от Петра Семену, Якову, Еремею и Степану); актовые печати; книжную застежку; костяную накладку с изображением зайца и птиц; фрагмент гудка.

Первая половина – середина XV века (ярусы 4-1; В-А)

В первой половине XV в. на маницынских усадьбах А и Б никаких изменений планировки не отмечено. Но в середине столетия здесь начинается своеобразный «строительный бум», причем, теперь возводятся в основном не отдельно стоящие сооружения, а комплексы-связи, совмещавшие в себе жилые и хозяйственные постройки.

Из находок этого времени с усадьбы А можно упомянуть берестяную грамоту №933 (нач. XV в. – I пол. 20-х гг. XV в.), адресованную от посадника Ивана к игумену и братии одного из монастырей.

С усадьбой Б связаны: берестяная грамота №930 (80-е гг. XIV – I пол. 20-х гг. XV в.) (рис. 1: 4), где представлен отрывок т.н. Сисиниевой легенды-заговора против лихорадки и орнаментированная кожаная рукавица с надписью «Не проси не искуси...».

В XV в. заметное развитие на маницынских усадьбах получает сапожное производство.

На рубеже XIV/XV вв. произошла перепланировка никитинской усадьбы В, и жилые постройки вновь вернулись на исследованную часть ее территории. Здесь зафиксированы остатки очень крупного сооружения, имевшего длину более 16 м и ширину более 6 м, представлявшего собой фундаментное основание или платформу типа рамы (замкнутые венцы с многочисленными перерубами), на которой, по-видимому, размещался комплекс сооружений (не менее двух), сочетавший в себе жилую (жилые?) и хозяйственные постройки. Остатки таких комплексов исследованы на этом месте в более поздних напластованиях (начиная с 30-х гг. XV в.). К северу и западу от жилой зоны застройки продолжал находиться усадебный двор с небольшими хозяйственными сооружениями связанными, в основном, с ремесленным производством.

Из находок I пол. XV в. следует упомянуть крестьянские грамоты № 932 (список бояр /судеб-; разбирательство?/); № 939 (о коробьях ржи); 931 (письмо Семену от жены) и № 928 (описание мельного участка) (рис. 1: 5); игрушечный деревянный кораблик с зеркальной надписью «АБВ»; говые печати; серебряную монету «новгородку»; тали музыкальных инструментов; предметы вооружения.

Литейное производство на усадьбе В в первой ети XV в. остается весьма заметным, но с 30-х гг. ю идет на убыль и во второй пол. 30-х гг. прекращается совсем. К сер. XV в. почти исчезают следы

сапожного производства. Шерстобитное производство после 20-х гг. XV в. становится менее интенсивным, но вплоть до 50-х гг. на усадьбе В войлок продолжали изготавливать.

Материалы Никитинского раскопа позволяют представить более полную картину жизни Новгорода XIII–XV вв. В частности, они дают много новой информации для моделирования процесса поэтапного заселения Торговой стороны и для решения тесно связанного с этим процессом вопроса о времени и характере формирования Плотницкого конца, а также о социальном составе его населения.

В.В. Енуков, О.Н. Енукова

Курский государственный университет

К 20-летию археологического изучения Курска

Курск относится к числу городов Южной Руси, история археологического изучения которых имеет юный возраст. В немалой степени это объяснялось тем, что исторический центр плотно застроен, и топографические признаки памятника, в первую очередь, остатки оборонительных сооружений, не сохранились. В результате сложилось мнение о полном уничтожении культурного слоя, некоторое представление о котором имелось только на основании сборов подъемного материала.

Переломным в деле изучения города стал 1988 г. Летом М.В. Фролов провел шурфовку, предваряющую реставрацию т.н. «палат бояр Ромодановских», в ходе которой был обнаружен культурный слой с материалами древнерусского времени и позднего средневековья. В этом же году в Курске начала исследования только что образованная Посемьская археологическая экспедиция Курского государственного университета (в то время пединститута), общим итогам которых и посвящено настоящее сообщение. Посылкой к ним послужила находка на стыке улиц Луначарского и Сони́на. В борте траншеи тепло-трассы под перекопами были обнаружены остатки заглубленной в материк постройки с немногочисленными фрагментами роменской керамики. В связи с этим было принято решение развернуть стационарные исследования на ближайшем к находке участке, свободном от коммуникаций и асфальтовых покрытий. Таковым оказалась клумба на изгибе ул. Сони́на. Первоначально здесь была заложена разведочная

траншея 2 x 10 м, которая удивительно удачно «села» на край оборонительного рва с остатками частокола. Участок исследований был расширен, в результате чего появился раскоп 1 (рис. 1).

Исследования города с перерывами продолжают вплоть до настоящего времени (приложение). Естественно, на исторической карте города остается еще много белых пятен, однако основные топографические контуры древнерусского Курска уже ясны.

Городище располагалось на высоком (20–30 м) мысу при слиянии Тускаря и Кура. Не вызывает особых сомнений существование здесь первоначального роменского поселка, линия укреплений которого реконструируются по поздним сообщениям и охватывает очень большую для этого времени территорию около 3 га (рис. 1). По целому ряду косвенных признаков есть даже основания полагать, что именно здесь располагался крупнейший племенной центр семичей (Енуков, 2005. С. 238–240. Рис. 53). Однако сегодня следует констатировать, что роменское городище полностью уничтожено в ходе строительства завода «Электроаппарат». Предполагалось, что остатки напластований могли сохраниться за его пределами, вдоль ул. Сони́на. К сожалению, эти надежды не оправдались, что было установлено разведочными работами 2007 г. Только в самом основании шурфа 25 был встречен небольшой участок культурного слоя, содержавшего роменскую и раннюю древнерусскую керамику. Его прорезало христианское погребение,

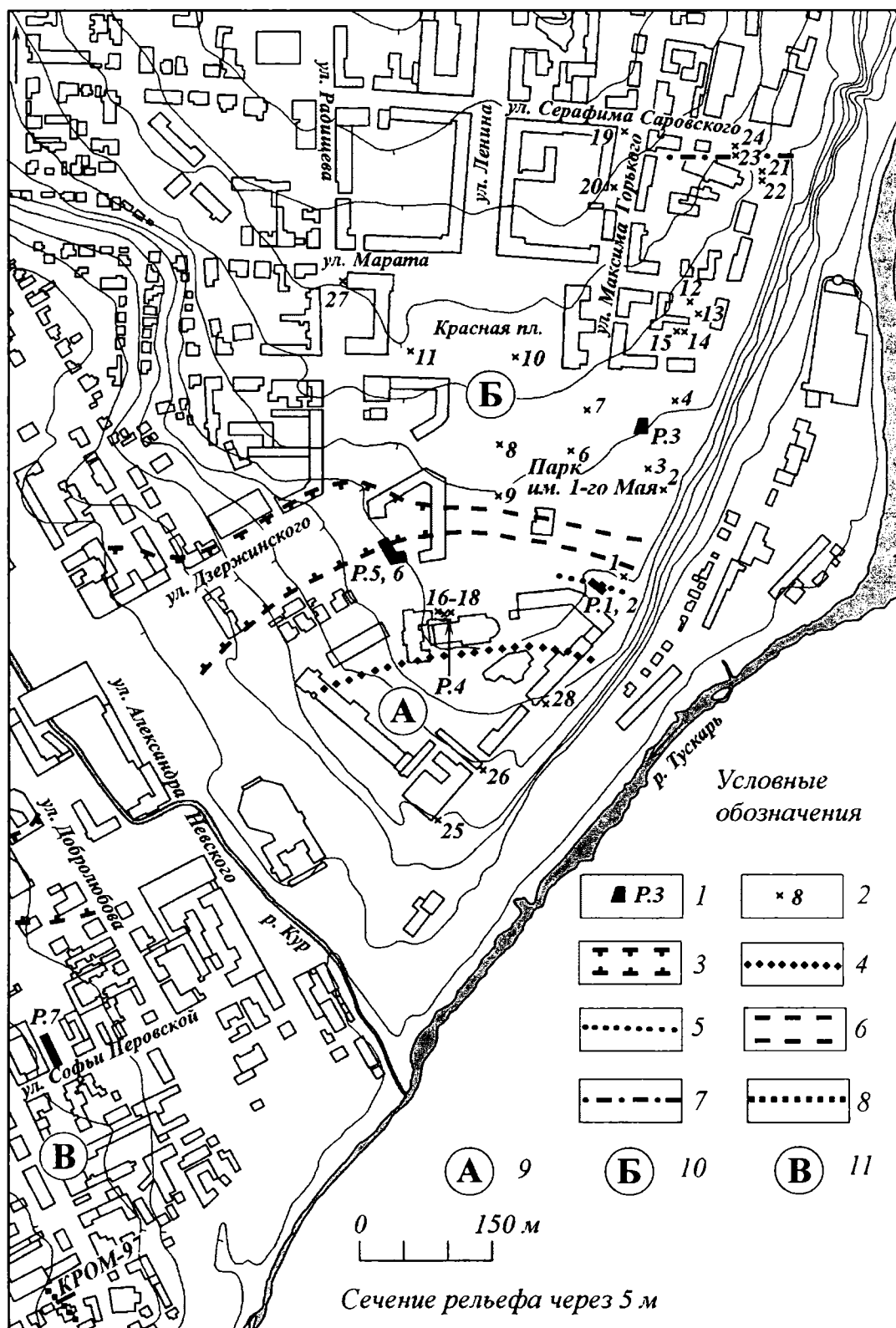

Рис. 1. Курск. План расположения раскопов и шурфов. Условные обозначения: 1 – раскоп; 2 – шурф; 3 – древние овраги; 4 – реконструированная линия оборонительных сооружений городища роменского времени; 5 – укрепления 1-й половины XI в.; 6 – ров детинца XI–XIII вв.; 7 – граница верхнего посада в XII–XIII вв.; 8 – линия укреплений нижнего посада в XI–XIII вв.; 9 – городище (детинец); 10 – верхний посад; 11 – нижний посад.

Таблица 1. Сводные данные об археологическом изучении Курска.

Год	Раскоп	Шурф	Площадь (кв. м)	Источники
1988	1		86	Енуков В. В. Отчет о раскопках в Курске в 1988 г.
1994	2	1–11	44 40	Енуков В. В. Отчет о раскопках в Курской области в 1994 г.
1995	3		156	Енуков В. В. Отчет о раскопках в Курске в 1995 г.
1997	КРОМ-97		96	Енукова О. Н. Отчет о работе Посемьской экспедиции в 1997 г.
1999	4	12–18	56 47	Енуков В. В. Отчет о раскопках в Курске в 1999 г.
2001	5		38	Енукова О. Н. Отчет об охранных раскопках в Курске в 2001 г.
2002	6		435	Енукова О. Н. Отчет об охранных исследованиях в Курске 2002 г.
2003	7	19	402 4	Енукова О. Н. Отчет об исследованиях Посемьской экспедиции Курского государственного университета в 2003 г.
2004		20	4	Енуков В. В. Отчет о разведочных работах в Курске в 2004 г.
2007		21–28	34	Енуков В. В. Отчет о разведочных работах в Курске в 2007 г.

которое с большой долей уверенности можно связывать с монгольским нашествием.

Самые ранние изученные укрепления Курска относятся уже к древнерусской эпохе и обнаружены в раскопах 1 и 2 на ул. Сониная (рис. 1). Основные результаты анализа полученных материалов опубликованы (Енуков, 1998. С. 84–98). Конструктивные особенности укреплений, состоящих из рва с частоколом из расколотых пополам бревен диаметром до полуметра, указывают на то, что в их сооружении участвовали представители роменского населения предшествующего периода. Хронология фортификаций была предложена главным образом на основе находок, полученных из настилов мостовых, проходивших по дну рва и въездные ворота. Был сделан вывод о том, что оборонительные сооружения были возведены где-то в середине XI в. Однако повторное обращение к этим материалам позволило предположить, что возникновение укреплений датируется 1-й половиной XI в., при этом нельзя исключать и конец X – начало XI вв.* К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений, свидетельствующих о возможном «повторении» укреплений на месте роменских фортификаций.

На раскопах 4–6 были встречены материалы, свидетельствующие об интенсивном строительстве Курска в период его становления в конце X – начале XI в. в качестве центра русского владычества на бывших племенных территориях. В числе жилых сооружений были открыты сложные дома, конструктивно связанные с традициями населения Среднего Поднепровья (Енукова, 2007. С. 71–72, 79–80). Застройка раннего

периода в существовании Курска тянулась вплоть до древнего, ныне полностью засыпанного, оврага, который проходил примерно по линии совр. ул. Дзержинского (рис.). Можно с уверенностью считать, что укрепления, открытые на раскопах 1 и 2, где-то смыкались с этим оврагом. Сразу оговоримся, что лепная роменская керамика вкуче с древнерусской XI вв. была встречена как на верхнем, и на нижнем посадах, однако ни разу не отмечена в закрытых комплексах. С учетом установленного факта изготовления населением Курской волости в небольших количествах лепной керамики роменского облика вплоть до XII вв. (Енуков, 2005. С. 284–286) полагаем, что пока более корректно в качестве ориентиров при определении первоначальной территории Курска принять линию укреплений по ул. Солниная и древний овраг по ул. Дзержинского.

В XII в. детинец города приобретает новый облик. Для этого от устья оврага на восток через современный парк им. 1-го Мая прокапывается ров, зафиксированный по данным геобурения и планам XVIII в. (Енуков, 1998. Рис. 1) (рис.). Остатки новых фортификаций были зафиксированы в раскопе 6. При их возведении был подрезан край оврага, в результате чего увеличилась его крутизна, а на его внутреннем склоне был выкопан дополнительный ров, который в разрезе имел вид перевернутой вверх основанием трапеции.

Конец XI – начало XII в. были явно переломными в жизни Курска, что проявляется в его бурном росте и усложнении топографии (возникновение верхнего и нижнего посадов). Вряд ли случайным является тот

факт, что на середину 1090-х гг. приходится первый опыт создания княжеского стола, который занимает сын Владимира Мономаха Изяслав. Город вступает в пору своего расцвета.

Верхний посад начинался сразу за укреплениями детинца. В 2007 г. разведочными работами была достаточно точно установлена его северо-восточная граница, которая почти совпадала с совр. ул. Серафима Саровского. Неизвестно, имелись ли на посаде укрепления, однако их наличие на нижнем посаде позволяет с заметной долей осторожности предложить положительное решение этого вопроса.

Раскопом 3 и серией шурфов на восточной половине посада зафиксирован типичный городской слой с большим количеством находок, чего, к сожалению, нельзя сказать о западной половине посада. В значительной степени это объясняется чрезвычайно плотной застройкой, практически не позволяющей проведения даже разведочных работ.

Нижний посад. Эта часть Курска, известная в новое и новейшее время как Закурный посад, располагалась на правом берегу Кура. Работами 1997 г. на территории «палат Ромодановских» (раскоп КРОМ-97) были обнаружены остатки укреплений в виде неглубокого рва, что позволяет в общих чертах реконструировать пределы посадской территории. Он протянулся полосой от слабовыраженного мыса на юго-востоке, выходящего к современному Станкостроительному заводу на ул. Литовской, до засыпанного ныне оврага на северо-западе, южный обрыв которого примерно совпадал с совр. ул. Красноармейской (рис. 1). Далее к северо-западу, за пределами оврага, вплоть до совр. ул. Карла Либкнехта, похоже, также шла древнерусская застройка, на что указывают находки в строительных траншеях древнерусской керамики.

Курск значительно пострадал от нашествия Батыя. Вероятно, его отражением является ряд сгорев-

ших сооружений, датирующихся первой половиной XIII в. Отчетливее всего следы погрома в виде мощной пожаришной прослойки зафиксированы на раскопе 4. Однако здесь сохранился незатронутый перекопами небольшой участок напластований с материалами второй половины XIII в. Еще лучше выражено это время в серии хозяйственных объектов на раскопе 3, которые примыкали к ограждению, вероятнее всего, усадьбы. Таким образом, есть основания полагать, что город, по крайней мере, в пределах детинца и верхнего посада, быстро отстроился и существовал еще несколько десятилетий. В дальнейшем в свите напластований везде фиксируется разрыв, свидетельствующий о затухании жизни до XVII в.

В заключение нельзя не отметить следующий печальный факт. В последние годы в историческом центре Курска идет активный процесс точечной застройки, которая зачастую ведется без предварительного археологического обследования. Разведочные работы последних лет показали, что в городе, за исключением парка им. 1-го Мая, не осталось участков, пригодных для полноценных стационарных исследований.

*Результаты дополнительного анализа содержатся в принятой к печати статье: Енуков В.В. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археологическим реалиям региона.

Енуков В.В., 1998. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.

Енуков В.В., 2005. Славяне до Рюриковичей / Курский край. Научно-популярн. серия. В 20 тт. Т. III. Курск.

Енукова О.Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Пела в IX–XIII вв. / Тр. НИИ археологии юго-востока Руси. Вып. 1. Курск.

А.В. Ермоленко

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Русские города за Уралом в XVI в. – от крепости к административному центру

Старейшее из русских укрепленных поселений за Уралом – Верхнетагильский острог. В литературе его нередко именуют «Ермаковым городищем». Сам покоритель Сибири, Ермак Тимофеевич, к это-

му городку отношения не имеет – только его сподвижники. В 1583 г. отряд ермаковцев, посланных из захваченного Искера с донесением в Москву, выдвинулся из столицы в обратный путь в Сибирь. Отряд

возглавлял воевода князь С. Д. Болховской, головы И. Киреев и И. В. Глухов. С ними – «казанских и свиянских стрелцов сто человек, да пермич и вятчан сто ж человек и иных ратных людей сто человек» (История Ханты-Мансийского...). Летом 1584 г. отряд достиг берегов р. Тагил, на которых, близ горы Медведь-Камень, на противоположном ей берегу был сооружен опорный пункт на пути продвижения русских войск за Урал. Оставив в нем почти все припасы и часть ратников, Болховской продолжил с ермаковцами путь в Сибирь.

Первым воеводой Верхтагильского острога стал нижегородский сын боярский Рюма Языков, служивший в отряде Болховского сотником при казанских стрельцах. По свидетельству ранней редакции Сибирского летописного свода, так называемой «Книге записной», первый тагильский воевода «прославился» своею нелепой гибелью – от клыков большого камышового кота, которого Языков привез с собою из Казани: «И все де ево держал подле себя Рюма. И тот кот спящему ему горло переяде и до смерти заяде в том городке» (Миллер, 1999).

В ходе археологической разведки А. В. Ермоленко в 2005 г. было отмечено, что укоренившееся в исторической, а в особенности краеведческой литературе клише о местонахождении памятника – «напротив горы Медведь-камень» весьма условно соответствует действительности. На самом деле острог находится значительно выше (около километра) излучины реки, против которой возвышается данная гора.

Верхнетагильский острог в настоящее время представляет собою еще достаточно хорошо сохранившийся памятник средневековой русской археологии. Памятник расположен на левом, возвышенном берегу р. Тагил. Высота над урезом воды, по состоянию на июль 2005 г. – до 4 м. Сохранились отчетливо распознаваемые остатки оборонительной системы – со стороны берега памятник окружен валом глубиной до 1 м и шириной до 1,5 м и, в некоторых местах, валом высотой до 1 м и шириной до 2 м. Размеры площадки памятника – 30 на 40 м.

На памятнике собран выразительный подъемный материал: фрагменты чернолощенной гончарной керамики, сапожный гвоздик, плотницкие скобы, миниатюрный железный нож с остатками деревянной рукоятки, а также железный сошник. Гончарная керамика, обнаруженная на Верхнетагильском городке, практически идентична керамике, обнаруженной в ходе раскопок Берёзовской крепости, проведенных А. В. Ермоленко в 2004 г. в черте п. г. т. Берёзово ХМАО-Югры. Подобным образом соотносятся также и находки железных плотницких скоб на Верх-

нетагильском остроге и обнаруженных при раскопках Берёзовской крепости. Находка же железного сошника для зауральских русских острогов XVI в. является уникальной – она позволяет поставить вопрос о том, что освоение Сибири в конце XVI в. носило не только военный, но и сельскохозяйственный характер.

После ликвидации в 1588 г. Верхтагильского острога его гарнизон и воевода – И. И. Ордин-Нащокин – были переведены в построенный на более удобном пути в Сибирь, Вишеро-Лозьвинском, Лозьвинский острог. Городок унаследовал функции своего предшественника, став перевалочной базой и военным опорным пунктом в краю манси. Лозьвинский острог стал центром обширного уезда, приблизительно совпадающего сегодня с границами Ивдельского района Свердловской области. Городок имел внушительные городовые и острожные укрепления с четырьмя шестигранным и башнями по углам. В крепости размещался гарнизон, состоящий из нескольких десятков стрельцов. Через город проходил большой транзитный поток грузов в Сибирь: там скапливалось до 900 тонн грузов и до 3000 человек временного населения. Под городом была устроена судоверфь.

Точные размеры памятника в ходе археологической разведки А. В. Ермоленко в 2005 г. оказалось определить достаточно затруднительно: оборонительной системы, маркировавшей его границы, не сохранилось. На площадке памятника, вытянутой вдоль берега р. Ивдель на 70-100 м при ширине до 15 м, фиксируется лишь несколько жилищных впадин. В целом современное состояние Лозьвинского городка и его сохранность как объекта историко-культурного наследия вызывает большое опасение. На площадке памятника обнаружено большое количество грабительских «закопшек» – следов работы металлоискателем.

Лозьвинский острог просуществовал 10 лет – до 1598 г. Затем он повторил судьбу своего предшественника – Верхтагильского острога. С обнаружением более удобной дороги в Сибирь через Верхотурье Лозьвинский острог был ликвидирован, а его стрельцы и казаки переведены в новые города – Верхотурье и Пелым. Лес, из которого был срублен острог, сплавили вниз по течению – в Пелымский острог. В Пелым же был переведен и последний Лозьвинский воевода.

Основанный близ слияния уральских рек Тавды и Пелыма в 1593 г. город Пелым – старейший из ныне существующих населенных пунктов Зауралья. Многие годы город был столицей огромного Пелымского уезда, крупным административным, торговым

и культурным центром, а также оборонительным рубежом России.

Первое подробное описание Пельма – единственная из известных в своем типе документов «Дозорная книга Пельми и уезда» (РГАДА, СП, кн. № 5, лл. 270–313) относится лишь к 1625 г., ее появление связано с «инспекционной поездкой» на Пелым по поручению тобольского воеводы тюменского боярского сына Неудачи Молчанова с подьячими «для письма». После пожара 1621 г. в Пельме появилась необходимость «дозрити и описать город, наряд и пр.». Приводится подробное описание места нахождения города: «Город Пелым стоит на Тавде реке, ниже Пельмского устья с версту», описание всех укреплений города – башен, стен, перечень «наряда» по укреплениям, в том числе – «на городе же бою на трех стенах 1000 колов, обострены на оба конца», описание Рождественской церкви («сооружение мирское»), с перечнем «церковного строения» – риз, икон и прочее; съезжей избы и казенных зданий, «острога» около посада, и так далее.

Первое графическое изображение Пельма содержится в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова 1701 г. Источники Ремезова, которыми он руководствовался в начертании «Чертежа земли Пельмского города», восходят к концу XVII века, и отражают картину застройки, произведенную после очередного пожара Пельма 1668 г. Пометки С.У. Ремезова с кириллическими обозначениями размеров на чертеже – «кругом мерою город 120 сажен» и «кругом острог мерою 278 сажен» совпадают с данными, которые нам сообщает «Городовой список Пельмского города» 1700 г. (РГАДА, СП, кн. № 1252, л. 1): «Город поставлен во 180-м году (1672 г.) на Пельмском старом городище. Метрою кругом города по стенам и з башнями 116 сажен бес полусажени». Как видим, размеры города по состоянию после пожара 1668 года были приведены Ремезовым на его чертеже с незначительным округлением.

Восстановление острожных укреплений после пожара 1668 г. происходило значительно медленнее, нежели городских, из чего можно сделать вывод о нецелесообразности поддержания высокого уровня обороноспособности Пельма в конце XVII века. Обратимся вновь к «Городовому списку Пельмского города»: «Да на Пельме ж новой острог построен в 200-м году (1692 г.) на старом острожном месте, высота 2 сажени. А мерою кругом острогу и з башнями 282 сажени с полусаженью». Опять же, данные о размерах острога на начало XVIII века с высокой степенью идентичности отражены на чертеже Пельма тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым – 278 сажен.

«Городовой список» 1700 года в совокупности с «Чертежом земли Пельмского города» 1701 года представляет четкую картину Пельма: «В городской стене 4 башни, в том числе Рождественская проезжая над Тавдою рекою, ширина 3 сажени, высота 5 сажен с полусаженью. Башня Никольская проезжая над Тавдою же рекою, ширина 3 сажени, высота пол 5 сажени. Башня Пельмская глухая, ширина 3 сажени, высота 5 сажен без четверти аршина. Башня Тюменская глухая, ширина 3 сажени бес полуаршина, высота 4 сажени и два аршина.

В острожной стене 2 башни проезжие, в том числе башня Никольская к Пельмке речке, ширина 3 сажени без четверти аршина, высота 4 сажени. Башня к Тавде реке, ширина 3 сажени без четверти аршина, высота 5 сажен без аршина. В острожной же стене третьи ворота подле Рождественской башни к Тавде реке. Обруб от Тавды реки под городовую стену построен в 205-м году (1697), мерою в длину 40 сажен без аршина, высота 2 сажени без четверти аршина».

Жителями Пельма, по данным «Городового списка» 1700 г., были 81 человек «служилых, и ружников, и обротчиков», а также 54 человека государевых крестьян – итого, с учетом женщин и детей, не отраженных в списке, не менее 200 человек.

Еще раз перестроенная после пожара 1709 г. деревянная Пельмская крепость просуществовала до XX в. – когда ее в 1916 г. вновь и навсегда уничтожил очередной пожар. Естественно, что крепость больше никогда не восстанавливалась, только лишь взамен сгоревшей деревянной церкви была выстроена в 1917 г. кирпичная церковь Рождества Христова, сохранившаяся до наших дней. Благодаря этой церкви, отстроенной по традиции на прежнем месте, сегодня представляется возможным точно восстановить облик Пельмской крепости в ландшафтных реалиях (рис. 1).

История этих трех городов-крепостей: Верхтагильского и Лозьвинского острогов и Пельма – отражает характер освоения зауральских просторов в конце XVI в. – поэтапное, с закреплением на вновь освоенных территориях. Однако если первые две крепости послужили лишь временными перевалочными пунктами на великом Сибирском пути, то Пелым разделил славу Берёзова, Тюмени, Сургута, Тобольска и Верхотурья, прожив многовековую жизнь в качестве крупного административного центра. К сожалению, сегодня поселок Пелым представляет собой печальную картину: культурные памятники находятся под угрозой исчезновения, а немногочисленные его жители – заключенные исправительно-трудовой колонии.

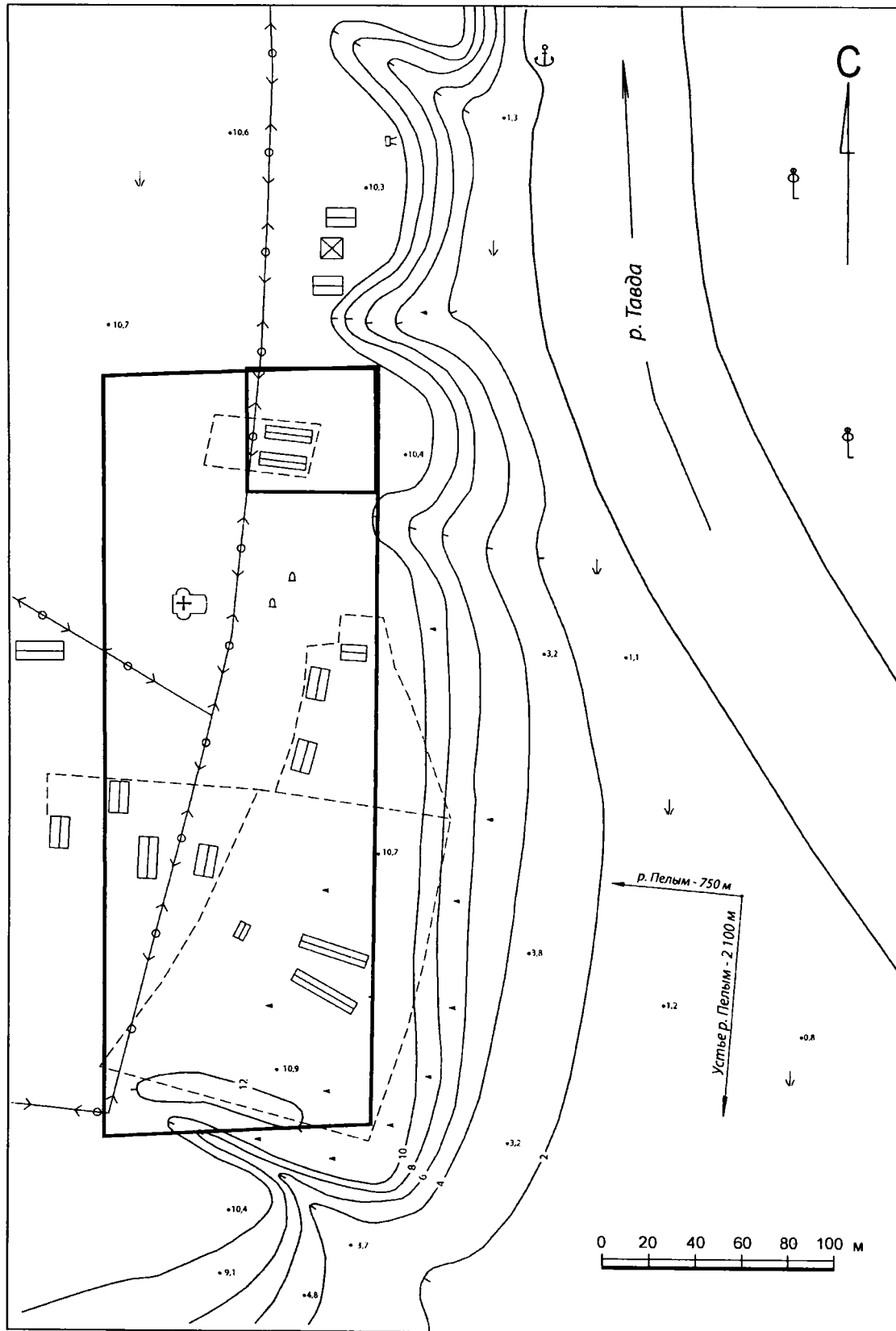

Рис. 1. Реконструкция Пельмского острова в современных ландшафтных реалиях.

История Ханты-Мансийского автономного округа: с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999.
 Миллер Г.Ф., 1999. История Сибири. Т. 1. М. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера.

Новосибирск, 1996. История Сибири: Первоисточники. Вып. VI. Чертежная книга Сибири, составленная Тобольском сыном боярским Семеном Ремезовым. 2003. Т. 1. Факсимильное издание. М.

В.И. Завьялов

Институт археологии РАН

Позднесредневековый культурный слой Кремля Перяславля Рязанского*

Культурный слой является ценнейшим источником по истории человеческого общества на всех этапах его развития. В последнее время всё заметнее становится тенденция к пристальному вниманию к напластованиям не только ранних (особенно дописьменных), но и поздних (включая период XVIII–XIX вв.) эпох. Образование культурного слоя – сложный процесс, поэтому при его изучении следует учитывать разнообразные факторы, как связанные с деятельностью человека, так и природные, оказывающие влияние на его характер и скорость накопления.

Перяславль Рязанский в XVI–XVII вв. был одним из наиболее крупных и экономически развитых городов Московского государства. Несмотря на несомненную значимость города в истории России, и с исторической, и с археологической точек зрения он изучен ещё недостаточно. Слои позднесредневекового времени там, где они встречались, описывались суммарно, как сильно перемешанные, с многочисленными включениями извести и кирпичной крошки. А.Л. Монгайт, например, на участке хорошо стратифицированного культурного слоя в архиерейском саду упомянул лишь погибший в огне большой сруб из дубовых брёвен, относящийся к XVII в. При этом комплекс находок, связанных с рассматриваемым временем, выделен не был; из артефактов XVII в. автор упоминает только фрагменты поливных изразцов.

Необходимо отметить, что слои позднего средневековья присутствуют далеко не на всей площади памятника. Так, они отсутствуют в юго-восточной части кремля у вала. Здесь встречены только отдельные предметы и немногочисленные фрагменты керамики этого времени. Данный факт объясняется не только смывом слоя из-за уклона местности, но и тем, что, по крайней мере, с XVI в., по этой территории проходила дорога.

С целью восполнить имеющиеся в археологическом изучении Перяславля Рязанского пробелы в 2004 г. были начаты фундаментальные исследования культурного слоя кремля. Раскоп площадью 160 кв. м разбит в северо-восточной части кремля на территории Архиерейского двора между Певческим корпусом и Амбарами («Гостиница черни»). С самого начала земляных работ культурные напластования не разделялись на так называемый балласт (техногенный слой) и стратифицированный слой древнерусского времени. С первых штыков слой снимался условными пластами по 20 см с тщательной переборкой грунта.

До глубины 60–80 см от условного репера (что соответствует 3–4 пластам) грунт оказался сильно перемешан с техногенными остатками XIX–XX вв. (битое оконное стекло, фрагменты фарфоровой посуды, железная проволока и гвозди, обломки пластмассовых изделий и т.п.). Но встречены и артефакты более раннего времени: чёрнолощёная керамика и фрагменты стеклянных браслетов.

Лишь начиная с пятого пласта характер культурного слоя меняется: в западной части раскопа он приобретает темно-коричневый цвет, в слое присутствует битый кирпич и мелкий белый щебень. Находки фарфора, фаянса и современного оконного стекла единичны. Керамика представлена мелким и фрагментами. Особенностью слоя является наличие прослоек и пятен известковой крошки, не имеющих четких границ.

Таким образом, можно констатировать, что напластования до уровня – 120 см сильно перемешаны и нарушены принесенным с других участков грунтом, а хорошо стратифицированные слои второй половины XVII–XIX в. на исследуемой территории отсутствуют. Отмеченная в слое примесь строительного мусора в виде битого кирпича, кирпичной и известковой крошки, белого щебня, по всей види-

мости, связана со строительными работами по перестройке Певческого корпуса в конце XVIII – начале XIX в.

Характер культурного слоя седьмого и восьмого пластов (-120 – -160 см) в целом повторял слой шестого пласта: это тёмно-коричневый довольно плотный суглинок. Строительная деятельность второй половины XVII в. документирована многочисленными пятнами и линзами извести, включениями кирпичной крошки. Под линзами извести на западном участке раскопа располагается мощная прослойка древесного угля, который в северной части раскопа достигает максимальной толщины 18–20 см. Под прослойкой древесного угля располагается тёмно-коричневый плотный культурный слой с небольшими линзами палевого суглинка.

Линзы извести заканчиваются на уровне 8 пласта. Эти напластования можно датировать временем середины XVII в. Углистую прослойку, располагающуюся под линзами извести («горизонт каменного строительства»), вероятно, можно связывать с пожаром 1646 г., полностью уничтожившим Переяславль Рязанский. Именно после такого глобального пожара стало возможным выделить значительную территорию в кремле под строительную площадку.

Слой 7–9 пластов могут быть датированы первой половиной XVII в. На это указывает состав керамического комплекса и ряд индивидуальных находок: серебряная монета Михаила Фёдоровича, фрагменты голландских стеклянных штофов, нательные крестики типа 1 по классификации Э.П. Винокуровой. Рубеж XVI–XVII вв. приходится на 10 пласт. Помимо керамики большое значение для датировки имеют данные дендрохронологического анализа, впервые проведённого на материалах из Переяславля Рязанского. Так, подкладки под сооружением № 2 (нивелировочная отметка -199 – 10 пласт) предварительно датируются 70-ми гг. XVI в. Происходят изменения и в комплексе находок. Начиная с 9 пласта, парадная чёрнолощёная посуда, составлявшая в 7–8 пласте до 10–15%, представлена единичными фрагментами. Многочисленные в этих же слоях фрагменты стеклянных сосудов, украшенных цветными полосками, в 9 пласте практически не встречены.

Большое значение для археологии Переяславля Рязанского имеет настил деревянной мостовой, обнаруженный на уровне девятого пласта. Длина прослеженного участка составляет более 10 м. Судя по данным дендрохронологии, мощение улицы осуществляется около 1620 г. Ранее этого времени улица не была замощена.

На площади раскопа в 8–13 пластах зафиксированы остатки десяти построек. Большинство из них

вошло в раскоп частично, а сооружения 8–9 пластов к тому же имеют плохую сохранность.

Полностью вскрыто сооружение № 5 в северо-западном углу раскопа и предшествующее ему сооружение № 6, полностью повторяющее размеры и ориентировку вышележащей постройки. Сооружение № 5 представляло прямоугольный сруб, рубленный в обло, размерами 3,65 x 3,7 м. Хорошо сохранился только нижний венец сруба. Углы постройки опирались на подкладки из обрубков дубовых брёвен диаметром 31–35 см и длиной 60–90 см.

Печь располагалась в северо-восточном углу, на что указывает пятно жёлтого хорошо отмученного суглинка с примесью песка в форме незамкнутого кольца и углистого слоя внутри этого кольца. Особенностью постройки был пол, настланный не из досок, а из плотно подогнанных друг к другу брёвен диаметром 18–20 см. Настилка пола из подобного материала редко применялась в русском домостроении, и свидетельствует о хозяйственном назначении сооружения. Судя по концентрации фрагментов кожаной обуви и обрезков кожи можно высказать предположение, что описанная постройка являлась мастерской сапожника.

Обработка археологических материалов из Переяславля Рязанского с помощью естественнонаучных методов позволила сделать предварительные выводы о пищевом рационе населения позднесредневекового города. Среди зерновых культур (анализ проведен к.и.н. Е.Ю. Лебедевой) преобладала рожь – 67,3%. Второй по значимости культурой был овес – 26,8%. Почти также часто встречаются гречиха и просо, но их доля в археоботаническом спектре значительно ниже. Доля пшеницы – всего 0,5%. К редким находкам можно отнести семена плодовых растений – груши или яблони. Дикорастущие и лесные растения представлены фрагментами скорлупок лесного ореха, семенами малины и косточками черемухи.

Не менее интересные результаты получены и при археозоологическом анализе на основании сто-процентной выборки остеологического материала (исследования проведены к.б.н. Е.Е. Антипиной). На большей части костей обнаружены следы погрызов их собаками, а половину тестовой выборки составили остатки со следами кухонной разделки. Эти следы и средняя степень раздробленности свидетельствуют о том, что исследованная выборка состоит главным образом из кухонных остатков. Большинство костей принадлежат домашним животным, которые относятся к обычным пяти видам – крупный рогатый скот, лошадь, овца, коза и свинья. Полученный остеологический спектр всех видов, даже

на предварительном этапе, оказался поразительно похожим на соотношение, подсчитанное для древнерусских городов XV–XVII вв.

Металлографическое исследование небольшой серии железных предметов из слоев XVI–XVII вв. продемонстрировало, что в это время активно применялась технологическая схема наварки. Сварка проводилась на высоком уровне. Обязательной операцией по улучшению рабочих свойств орудий была термообработка. Судя по микротвердости феррита, кузнецы применяли обычное кричное железо. Морфологически удается выделить импортную западноевропейскую продукцию, представленную столовыми ножами. По качеству исполнения кузнечных операций они ничем не выделяются из общей массы ножей, за исключением одного экземпляра, откованного из дамасской стали.

В результате комплексного исследования позднесредневековых слоев Кремля Переяславля Рязанского можно сделать следующие выводы. До сере-

дины XVII в. (до пожара 1646 г.?) на исследуемом участке располагалась городская застройка. В слоях конца XVI – первой половины XVII в. зафиксированы постройки типичные для древнерусских городов. Наряду с ремесленниками (сапожная мастерская в сооружении № 5) здесь проживало и привилегированное население (многочисленные фрагменты импортной стеклянной посуды, костяная печать, кости ловчей птицы). Во второй половине XVII в. в этой части кремля начинается формирование двора рязанских иерархов. Слои второй половины XVII в. в восточной части Архиерейского двора нарушены при строительстве каменных сооружений кремля. В это время сносятся существовавшие на этой территории дворы горожан, и позднее жилой застройки на этом участке кремля не было.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-01-53002а/Ц.

О.В. Кардаш

НПО «Северная археология», Нефтеюганск

Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XIV–XVII вв.)

Проблема заселения субарктики Западной Сибири остается одной из малоизученных. В статьях и открытых дискуссиях на региональных конференциях высказываются различные мнения о древнем населении, способном круглогодично проживать в заполярье. Разногласия основываются на анализе 112 памятников, выявленных сейчас на п-ве Ямал, из которых лишь 7 – долговременные поселения, а остальные – кратковременные стоянки (Косинская, Федорова, 1994. С. 33–48; Кардаш, 2007. С. 98–100). Причем на сопредельной территории в таежной зоне Северо-Западной Сибири соотношение иное. Из 4100 памятников, стационарные поселения составляют большинство, а кратковременные стоянки практически не учитываются.

Очевидно, что проблема освоения Крайнего Севера аборигенными народами тесно связана с уровнем развития орудий, технологий домостроения и особенностей архитектурных традиций, сформировавшихся в культуре, что, в свою очередь, взаимос-

вязано с ландшафтно-климатическими условиями проживания. Арктический регион Западной Сибири это побережье Карского моря, омывающего п-ов Ямал и Гыданский. В ландшафтном отношении это тундровые и лесотундровые равнины. Лето в регионе не продолжительное, и даже в южной части п-ва Ямал теплый период не превышает 2 месяца (Атлас, 2004. С. 123–128, 202–204). Именно в это время, спасаясь от гнуса, на арктическую равнину устремлялись большие стада дикого северного оленя, слеталась масса перелетных птиц. На северном побережье изобиловали морж, нерпа и белый медведь. В зимнее же время промысловые ресурсы сокращались до двух основных видов: северный олень и песец (Косинцев, 2006. С. 15–96).

Освоение п-ва Ямал началось в энеолите (Стоколос, 2004. С. 12–13). Тем не менее, укрепленные поселения появляются лишь в позднем средневековье. Самое раннее из известных городище Ярте 6, датированное XI–XII вв., находится в средней части п-ва

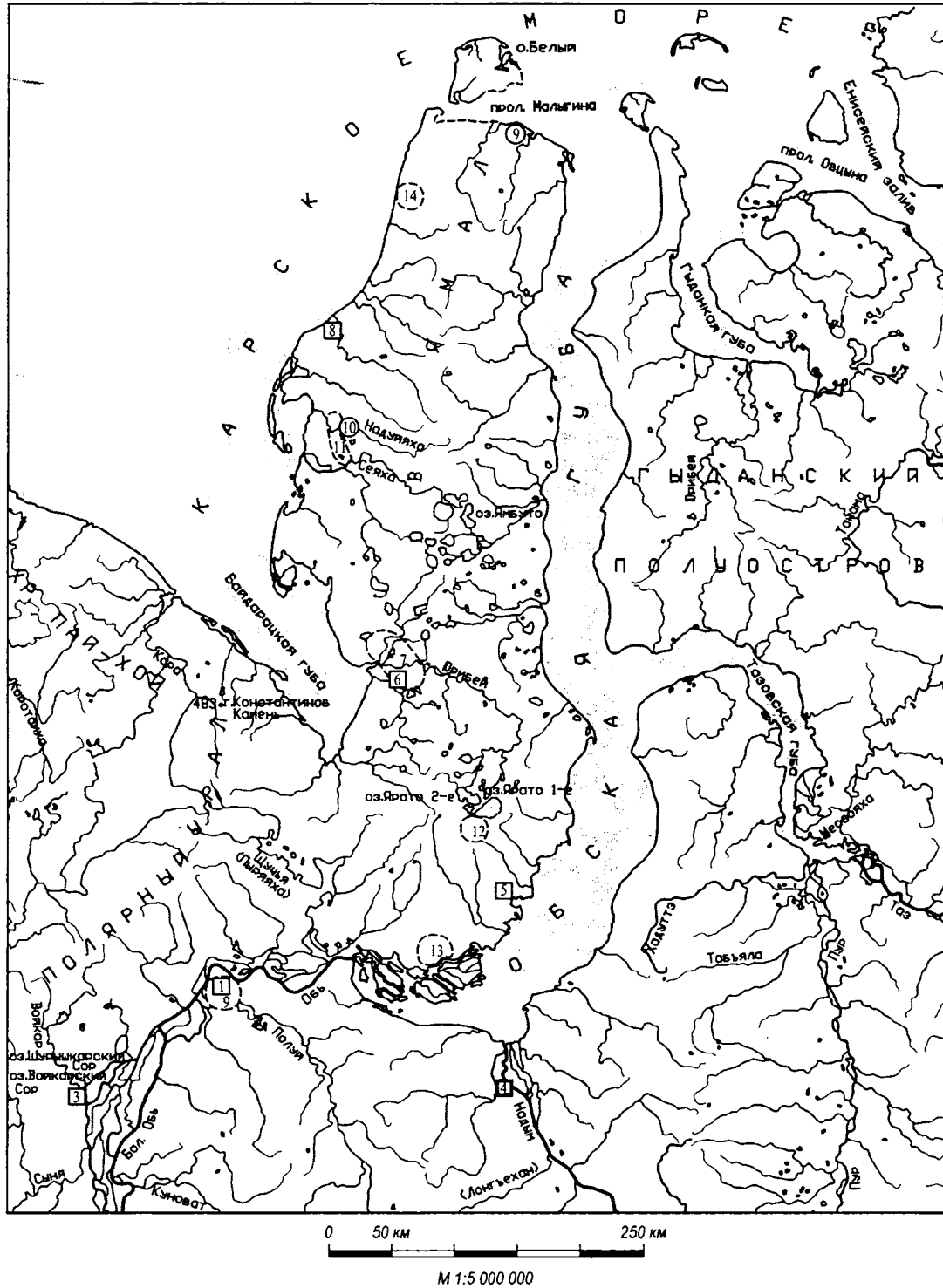

Рис. 1. Карта-схема расположения известных археологических объектов на территории Субарктической зоны Северо-Западной Сибири: 1. (Обдорский) Полуийский весенний городок XVI–XVII вв. 2. Усть-Полуйский археологический микрорайон III тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э. 3. Войкарский городок XIII–XIX вв. 4. Надымский зимний городок XIII–XVIII вв. 5. Городок Бухта Находка XII–XIV вв. 6. Городище Ярте XII–XIII вв. 7. Юрибейский археологический микрорайон III тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э. 8. Селище Тиутей-сале VIII–XIV вв. 9. Селище Хазн-сале XVI–XVII вв. 10. Селище Надуйяха VIII–XIV вв. 11. Юндыяхский археологический микрорайон сер. I – нач. II тыс. до н.э. 12. Яратинский археологический микрорайон сер. II тыс. до н.э. – нач. III тыс. н.э. 13. Ярсалинский археологический микрорайон сер. II тыс. до н.э. – нач. III тыс. н.э. 14. Стоянка Сядай-яха 1-4 сер. I – нач. II тыс. н.э.

Ямал на р. Юрибей (рис. 1). На мысу фиксировались 6 жилищных впадин (Косинская, Федорова 1994. С. 41). Памятник раскопан почти полностью, но не опубликован в связи с утратой полевых материалов, в частности, по архитектуре и планировочной структуре. По этой причине, к сожалению, использовать его в анализе, как полноценный источник не возможно.

Укрепленных поселений с выявленной раскопками архитектурой и планировочной структурой в регионе известно три. Причем следует отметить важную особенность этих памятников – замороженный культурный слой, сохраняющий все предметы из органических материалов, в том числе постройки и сооружения.

Один из них – Надымский городок (рис. 1). Он расположен в дельте реки Надым, в 25 км от устья, на пойменном острове. Раскопки, под руководством автора, проводились с 1998 по 2007 гг. Полностью изучены слои XVI–XVIII вв. Городок основан в конце XII в. и существовал до 1731 г. как населенный пункт аборигенов, функционировавший в XVII–XVIII вв. как зимняя резиденция вождей военно-политического объединения Большая Карачея, включавшего разнотничные общины остяков и самоедов (Кардаш, 2006. С. 128–129).

Территория Надымского городка имела форму овала, вытянутого по оси северо-запад – юго-восток, общим размером 80 x 40 м. В центре планировочной структуры располагалась жилая зона – комплекс построек внутри оборонительного сооружения общими размерами 35 x 20 м. Его планировочную композицию, сформированную наружной стеной в форме овала (прямоугольника), пересекала по длинной оси на равные половины улица. Внутреннее пространство сегментов разграничивалось перегородками на кварталы. Планировочная схема оборонительно-жилого комплекса реконструируется как четырех-, позднее, шестиквартальное сооружение (рис. 2: 1–2). Внутри кварталов располагались жилые и хозяйственные постройки разной архитектуры и размеров. Наличие в застройке сегментов построек, обращенных друг к другу выходами, определяет планировку как зеркально-симметричную. Сооружение имело единую кровлю, заложенную дерном. Комплекс опоясывала сформированная из культурного слоя терраса, участки которой имели разное функциональное назначение. При каждой реконструкции неизменными оставались контур наружных стен и ось улицы, а также соблюдение принципа зеркальности. Оборонительно-жилой комплекс городка предстает как специфическое фортификационное сооружение с архитектурой, основанной на особенностях ландшафтно-топографических условий.

Другой памятник – это Полуийский (Обдорский) городок, находящийся в черте города Салехард, на обширном мысу (80 x 110 м.) у правого коренного берега реки Полуи (правый приток реки Обь), высотой до 15 м над уровнем поймы (рис. 1). Исследования памятника велись под руководством автора в течение двух сезонов в 2004 и 2005 гг. (Кардаш, 2006 С. 128–129).

Раскопками были исследованы различные части территории памятника, которые позволили реконструировать его планировочную структуру, архитектуру. Укрепленная часть городка, размером 20×20м, состояла из четырех каркасных построек размером 8 x 8 м, с углубленным котлованом, дощатыми стенами, набранными из вертикально установленных досок (плах) и центральным очагом. Комплекс имел единое перекрытие и стены, заложенные дерном. Строения располагались друг напротив друга и небольшими коридорами соединялись с центральной улицей. За пределами сооружения зафиксированы хаотично расположенные остатки 10 жилых домов, составлявших своеобразный посад городка (рис. 2). Время функционирования городка XVI–XVII вв.

Третий, городище Бухта Находка расположенное близ устья реки Хардэ яха на восточном побережье п-ва Ямал в Ямальском р-не (рис. 1). После обследования в 2006 г., выяснилось, что памятник аналогичен по архитектуре, хронологии и сохранности культурного слоя выше приведенным городкам. В 2007 г. комплексной экспедицией под руководством автора были проведены стационарные исследования самого позднего слоя памятника. Общие размеры городища 35 x 23 м., оборонительно-жилого комплекса 18 x 23 м. Раскопками изучено две каркасные постройки размерами 7,5 x 7,0 м. со стенами из колотых жердей с центральным очагом. Судя по расположению комплекс имел зеркально-симметричную планировку (рис. 2). На сегодня это самое северное из известных в регионе стационарное, долговременное поселение. Время функционирования городища XII–XIV вв. (Кардаш, 2008. С. 53–54).

Общепринято считать определяющей причиной отсутствия стационарных поселений в тундре: суровый климат, отсутствие строительных материалов и топлива. Тем не менее, материалы исследований разных лет показывают принципиальную возможность строительства в субарктике стационарных сооружений. К примеру селище Хаэн-Сале (рис. 1). Скорее всего позднее появление таких селищ в тундре связано с другими причинами. Например наличием достаточных пищевых ресурсов на более южной территории и поздним появлением многочисленного населения на этой южной, которое, начало испытывать

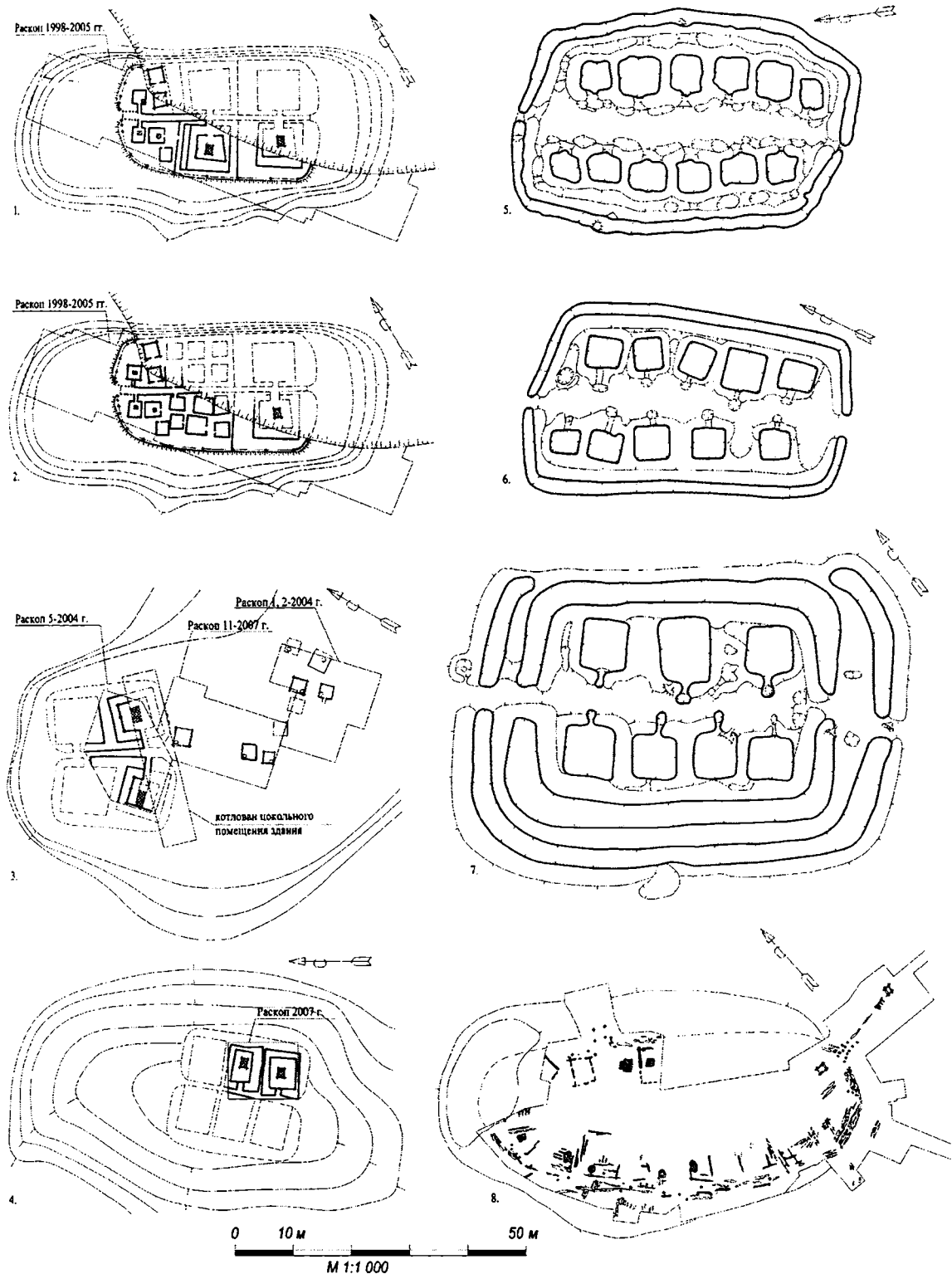

Рис. 2. Сравнительная таблица Западно-Сибирских городищ с зеркально-симметричной планировкой. 1. Надымское городище. Самоеды, остяки. XVII–XVIII вв. н.э. 2. Надымское городище. Самоеды, остяки. XVI–XVII вв. н.э. 3. Полуйский (Обдорский) городок. XVI–XVIII вв. н.э. 4. Бухта Находка. Городище «сихерти». XII–XIV вв. н.э. 5. Городище Соровское 39. Калининская археологическая культура VI–V вв. до н.э. 6. Городище Соровское 17. Зеленогорская археологическая культура VI–VII вв. н.э. 7. Городище Соровское 25. Кучминская археологическая культура VIII–IX вв. н.э. 8. Городище Лыхавере. Эсты. XII–XIII вв. н.э. (по В.В. Седову, 1997).

потребность в пищевых ресурсах, и начало активное освоение субарктики в середине I тыс н.э. Именно с этого времени на территории п-ва Ямал появляются многочисленные стоянки. (Косинская, Федорова 1994. С. 33–48; Кардаш, 2007. С. 98–100).

Генезис этого населения сложно проследить по орнаментам на посуде, поскольку к XII в. керамические сосуды исчезли из быта аборигенов. Культуропределяющим индикатором может стать архитектура жилых строений. Оборонительно-жилые комплексы с уличной зеркально-симметричной планировкой распространены на территории таежной зоны Северо-Западной Сибири. Они известны в Среднем Приобье – урочище Барсова гора и Сайгатино, и на реках Б. Салым и Б. Юган – комплексы археологических памятников на Соровских озера и Урочище Когончины (рис. 2: 5–7). Первые подобные сооружения появляются в середине I тыс. до н.э., и связаны с Калинкинской археологической культурой (рис. 2: 5). Эта культура выделена Ю.П.Чемякиным, и связана с мигрантами из южных регионов Западной Сибири (Чемякин, Карачаров, 2002. С. 38, рис. 12).

Вышесказанное могло бы определить южное происхождение архитектурной традиции городков Субарктики, и возможно и населения. Вместе с тем имеются аналогии с территории Северо-Восточной Европы. В частности, наиболее близкая, городище Лыхавере в Прибалтике (рис. 2: 8). Памятник расположен на останце в низкой местности. Городище было окружено по периметру деревянной стеной. Его размеры 65 x 18 м. Городище принадлежало эстам и датируется концом XII – началом XIII в. (Седов 1997. С. 22, табл. VI: 1). Один из его входов, имеющий форму лаза с проеомобразующими конструкциями из серии столбов шириной 0,8 м, аналогичен конструкции

входа Надымского городка (рис. 2: 1–2, 8).

Приведенные факты позволяют предполагать некую единую Северо-Евразийскую домостроительную традицию, существовавшую у ряда древних аборигенных народов населявших обширную территорию. Наиболее поздние образцы этой архитектуры сохранились только на Севере Западной Сибири и просуществовали до начала XVIII в.

- Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа, 2004. Омск.
 Косинская Л.Л., Федорова Н.В. 1994. Археологическая карта ЯНАО. Препринт. Екатеринбург.
 Кардаш О.В. 2006. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург.
 Кардаш О.В. 2007. Отчет о НИР: Проведение полевых исследований на территории Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа летом 2006 года. Нефтеюганск.
 Кардаш О.В. 2008. Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Нефтеюганск.
 Косинцев П.А. 2006. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург – Салехард.
 Седов В.В., 1997. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М.
 Стоколос В.С. 2000. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке. // Древности Ямала. Вып. I. Екатеринбург – Салехард.
 Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург.

В.Ю. Коваль¹, Н.А. Кренке¹, Н.А. Макаров¹, Т.Д. Панова², А.В. Энговатова¹

¹Институт археологии РАН

²Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»

Предварительные итоги раскопок в Тайницком саду Московского Кремля

В 2007 г. Институт археологии РАН и Отдел археологии Музеев Московского Кремля произвели совместные исследования одного из участков на территории Тайницкого сада. Работы велись на двух раскопах (общей площадью 693 кв. м), примыкавших с востока и запада к тому месту, где некогда располагалась церковь

Константина и Елены, впервые упомянутая в летописи под 1470 г., а в 1651 г. возведенная в камне. Эти работы стали первыми за полвека научно организованными археологическими раскопками на территории Московского Кремля (после исследований на месте строительства Дворца съездов в 1959–1960 гг.).

Мощность культурного слоя на раскопах колебалась от 3 до 10 м, причем на значительной части площади раскопов этот слой был «мокрым», т.е. содержал хорошо сохранившиеся материальные остатки из органических материалов (кожи, дерева, бересты, лыка). Максимальной мощности этот слой достигал на раскопе 2, попавшем на участок древней поймы. На раскопе 1 удалось полностью исследовать часть возвышенности, на которой стояла Константиноленская церковь, отделенной от кремлевского холма глубоким оврагом, полностью засыпанным лишь к концу XVI в. Культурные отложения на раскопах датировались от XII–XIII до XVII–XVIII вв. и были перекрыты поздними (XIX–XX вв.) засыпками строительного мусора мощностью 2–4 м. Наибольшую мощность и информационную насыщенность составляли слои XIV–XVI вв. Стратиграфическое членение культурного слоя оказалось возможным благодаря угольным прослойкам пожаров и обнаружению на раскопе 2 горизонта белокаменных отесков, вероятно, связанных со строительством кремлевской стены Дмитрием Донским. На ряде участков под средневековым культурным слоем обнаружены фрагменты пахотных горизонтов, содержавших мелкие обломки лепной гладкостенной керамики, атрибуция которых была затруднительна. Вместе с тем, находки в переотложенном состоянии несомненных образцов керамики дьяковской эпохи и обломка грузика дьякова типа позволяют допускать отложение этого материала в почву в эпоху раннего железного века. Возможно, поблизости от места раскопок, вероятно, выше по рельефу, существовало поселение этой эпохи. На раскопе 2 культурный слой подстилала луговая пойменная почва, сформировавшаяся на суглинисто-супесчаном аллювии. По почвенному гумусу этой почвы была получена радиоуглеродная датировка 1290 ± 50 (Ki-14279), что в календарных датах означает интервал 675–775 гг. н.э. (эта и нижеследующая даты предоставлены д.г.н. А.Л. Александровским (ИГРАН), проводившим почвоведческие исследования на раскопках, которому пользуемся случаем выразить свою глубокую благодарность за оказанную помощь). Нижний горизонт культурного слоя на том же раскопе состоял из переслоев щепы и стерильных материковых выбросов. По образцу щепы из основания слоя была получена радиоуглеродная датировка 815 ± 25 (Ki-14278), что при калибровке с вероятностью в 1 σ указывает на интервал 1216–1260 гг. н.э. Археологический материал (керамика, обломки стеклянных браслетов и византийских амфор) соответствует результатам радиоуглеродного датирования. На обоих раскопах обнаружен керамический материал до-

монгольского времени – обломки красноглиняных горшков москворецкой традиции с секировидными и цилиндрическими (или усеченно-коническими) венчиками, а также достоверные фрагменты XII в., орнаментированные прокаткой зубчатого колесика. Важно обнаружение относительно немногочисленных обломков белоглиняных горшков южнорусской традиции, бытовавших в Москворечье в середине – первой половине XII в. (Коваль, 2008).

Важнейшими результатами работ в Тайницком саду стали находки двух берестяных грамот, получивших номера 2 и 3 по сплошной нумерации таких грамот, обнаруженных в Москве, причем на территории Кремля это первые находки подобных грамот. Грамота № 2, состоявшая из двух кусков разношерстной бересты с тремя строчками обрывочного текста, написанного поперек прожилок, была найдена на раскопе 2 в слое конца XV в. Грамота № 3 (порванная в древности на лоскуты, но собирающаяся целиком) с текстом из 55 строк, написанных чернилами, была найдена на раскопе 1 в заполнении сгоревшего погребка конца XIV – начала XV вв. По мнению академика А.А. Зализняка, это документ, непосредственно связанный с духовной грамотой некоего Турабея, владевшего различным движимым имуществом (в основном, лошадьми) в Москве и Суздале. Не исключено, что находка происходит с территории усадьбы, принадлежавшей этому выходцу из Орды, имевшему, вероятно, довольно высокий социальный статус. На неординарный характер усадьбы, на которой найдена грамота № 3, указывают и другие находки: кожаный клубочок для ловчей птицы, многочисленные обломки причерноморской поливной керамики.

Особенно важное значение для археологии Москвы имеют расчищенные на исследованной раскопками площади полторы сотни деревянных сооружений, среди которых преобладали разного рода ограды, вымостки, водостоки, но имелось также 35 жилых и хозяйственных построек. Среди них выделяются наземные жилые дома XIII–XIV вв. с остатками глинобитных печей и многочисленные углубленные погребки и подклеты зданий XV–XVII вв. Анализ образцов древесины из этих построек (проводился в ИГРАН д.г.н. А.А. Гольевой, которой выражаем признательность за оказанное содействие) показал, что большинство из них были построены из молодого дуба, существенно реже использовалась древесина хвойных пород деревьев, а также осины, березы, липы и других пород деревьев. Наиболее ранние открытые постройки относились ко второй половине XIII и XIV вв.

Особенный интерес вызывает погреб, сгоревший

в первой половине или середине XV в. вместе с его владельцами, пытавшимися спрятаться здесь от пожара. Обугленные останки 4 индивидов (в их числе удалось определить девушку 15–17 лет и ребенка 5–7 лет) лежали на полу погребца, среди многочисленных вещей из дерева и лыка (циновка, корзина, сито, туес). Здесь же найдено несколько десятков красноглиняных рыболовных грузил сферической формы и развал золотоордынской поливной кашинной чаши второй половины XIV в. с полихромной подглазурной росписью красками и росписью белым ангобом. Наиболее вероятно, что пожар, в котором погибла эта постройка с людьми, случился в 1453 г.

Хуже сохранились остатки наземной постройки, принадлежавшей торговцу или ювелиру (здесь найдены ювелирные клещи, серебряная полтина, западноевропейские товарные пломбы, 2 целиком сохранившиеся стеклянные иконки-литики, обломки каменных нательных крестов и стеклянных изделий). Большинство исследованных построек являлись остатками хозяйственных помещений (погребов) и подклетов в жилых домах XV–XVI вв. Глубина заложения погребов составляла до 1,5 м от уровня древней поверхности. Размеры исследованных построек колебались в интервале от 2,5 x 2,5 м до 6 x 6 м. Во многих из них сохранились полы, перекрытия, лестницы для спуска в погребца.

Конструктивно все наземные и большая часть заглубленных в грунт построек относилась к числу срубов, концы которых были соединены с выпуском («в обло»). Наряду с ними, встречены несколько погребов XV в., у которых бревна соединялись «встык» (с затесом под 45°), а также с каркасно-столбовой системой крепежа, состоявшей из 2 горизонтальных бревенчатых обвязей (квадратных в плане), скрепленных с вертикальными столбами, стоявшими по углам построек. Именно эта конструкция являлась опорой для вертикальных колотых досок, прижатых к грунтовым стенкам котлована.

Датировка обнаруженных построек проводилась комплексно: по данным дендрохронологии (в настоящее время эти материалы обрабатываются А.А. Карпухиным), вещевым датирующим находкам и массовому керамическому материалу, обработка которого проводилась по различным взаимодополняющим друг друга методикам (старой «московской», разработанной М.Г. Рабиновичем и Р.Л. Розенфельдом и модернизированной С.З. Черновым, и новой, расширенной, предложенной В.Ю. Ковалем). В результате удалось получить даты комплексов с точностью до половины столетия, а синхронизация этих комплексов позволила выявить до 10 ярусов

построек, относившихся к разным усадьбам, непрерывно существовавшим здесь со второй половины XIII до середины XVII в.

Согласно полученным данным, самые ранние (притом наземные, в том числе жилые) постройки возникли на кремлевском «подоле» во второй половине XIII в., хотя к этому времени здесь уже успел отложиться небольшой по мощности культурный слой с материалами середины XII – первой трети XIII вв. Этот слой перекрыл пахотно-огородный горизонт, включавший немногочисленные обломки лепной (дьяковской?) посуды. Первые постройки появились на склоне оврага, проходившего параллельно склону Кремлевского холма с СВ на ЗЮЗ. Вероятно, с берега Москвы-реки их не было видно, поскольку их укрывало протяженное всхолмление. Возможно, на этом всхолмлении уже в XIV в. появилась церковь Константина и Елены, вместе с примыкавшим к нему кладбищем, 3 погребения которого изучены на раскопе 1. Лишь в самом конце XIV или начале XV в., после возведения стен белокаменного кремля Дмитрия Донского, стала застраиваться вершина всхолмления (прежде занятого кладбищем) и его склон, обращенный к берегу р. Москвы, а вернее – к стене Кремля, проходившей по этому берегу. Не позже рубежа XIV–XV в. на краю кладбища возникла усадьба с погребом, возможно, принадлежавшая выходцу из Орды Турабею. В первой половине XV в. появился и погреб на склоне всхолмления, сгоревший вместе со своими хозяевами в одном из пожаров середины XV в. (в 1453 г.).

На протяжении XIV и XV вв. овраг под склоном Кремлевского холма интенсивно засыпался органическим мусором, в результате чего поверхность подола стала выполаживаться. Вероятно, уже в первой половине XV в. по гребню Константиноеленинского всхолмления прошла улица, вдоль северной стороны которой размещались усадьбы, возникшие столетием или двумя ранее на склоне оврага. На южной же стороне этой улицы стояла церковь Константина и Елены и усадьбы, возникшие на москворецком склоне в конце XIV – первой половине XV в. Эта улица продолжала оставаться в неизменности на всем протяжении XVI в., пока в начале XVII в. (после завершения «смуты»?) ее трасса не была сдвинута на несколько метров к западу.

Количество вещевых находок, собранных при раскопках составляет 2880 шт. Больше всего изделий из органических материалов (дерева, кожи, кости, луба) – около 700. Немногим уступают им по численности изделия из железа. Почти 400 предметов были изготовлены из керамики (включая целые и реставрированные формы сосудов). Столь же ве-

лико число изделий из различных цветных металлов. Одних изделий из стекла обнаружено более 130. Основная часть находок датируется XIV–XVII вв. Обработка этого обширного массива потребует еще немало времени.

Комплексный характер проводившихся исследований предусматривал отбор образцов для различных естественнонаучных исследований (спилы древесины для дендрохронологического анализа; образцы угля для радиоуглеродного датирования; отмытки зерна для карпологического анализа; сбор всех костей животных для остеологического изучения; колонки образцов грунта для палинологического анализа). Осуществлялся постоянный контакт с почвоведом, палинологом, геоморфологами, специалистами других дисциплин, что позволяло оперативно решать возникавшие у полевых археологов

вопросы по поводу генезиса различных литологических образований.

Исследования в Тайницком саду показали высокую степень сохранности культурного слоя в этой части Московского Кремля, его информационную насыщенность и перспективность дальнейших исследований в Кремле.

*Грамоты № 1 была найдена в 1988 г. при раскопках С.З. Чернова в Историческом проезде.

** Определения А.П. Бужиловой, М.В. Добровольской, М.Б. Медниковой (ИА РАН).

Коваль В.Ю., 2008. Светлоглиняная керамика в Подмоскovie: Звенигородский регион // Археология Подмоскovie. Вып. 4. М.

С.И. Кочкуркина

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Укрепленные поселения Приладожской Карелии: итоги археологических исследований

В Приладожской Карелии (северо-западное Приладожье и Карельский перешеек) известны укрепленные поселения (городища): на побережье Ладожского озера вблизи пос. Куркиёки – Хямеенлахти, Соскуа, на островах р. Вуоксы – Тиверск, Корела, на берегах рек, в 1–2 км от их устья – Паасо и Лопотти. Одни из них изучены, другие – в процессе исследования. Для них характерны конструктивные особенности застройки с использованием защитных свойств микрорельефа, наличие рукотворных дополнительных укреплений из камня, и топонимы *linnavuori*, *linnamäki* (крепости на возвышенности).

Тиверский городок (Тиуринлинна) (рис. 1: 1). В конце XIII – начале XIV в. в Корельской земле при непосредственном участии новгородских властей начато строительство крепостей для защиты пограничных рубежей от шведских посягательств. Для этих целей в период между 1293 и 1323 гг. возводится Тиверский городок – военно-оборонительный и ремесленный центр на Карельском перешейке (Приозерский район Ленинградской области). Он располагался у порогов Тиури на острове, омываемом двумя рукавами р. Вуоксы. Городище площадью около 1 га (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С.И. Кочкуркиной в

1971–1974 гг. раскопано 1620 м²) окружено каменными стенами и валом. Первое сообщение о Тиверском городке содержится в Никоновской летописи под 1404 г., второе – под 1411 г., когда шведы неожиданно напали на него. Однако эти даты не означают, что городок существовал только в указанный короткий промежуток времени. Археологические раскопки выявили жилые и хозяйственные комплексы, крепкие оборонительные сооружения и захоронения погибших защитников крепости (28). Вскрыто 14 фундаментов жилищ, сложенных из мелких, плотно уложенных камней, обмазанных глиной. Дома строились из дерева. Отопительные сооружения из камней и глины чаще всего располагались в северо-западном углу дома, ближе к выходу. Площадь жилищ колебалась от 18–20 до 54 м². Постройки составляли двухрядную цепочку соответственно конфигурации острова и, располагаясь в шахматном порядке, составляли оборонительную линию (Кочкуркина, 1981. С. 30–62).

Собранный при раскопках инвентарь показывает, что жители Тиверска не только несли сторожевую службу, но и занимались ремеслами, сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыбной ловлей, участвовали во внешней и внутренней торговле.

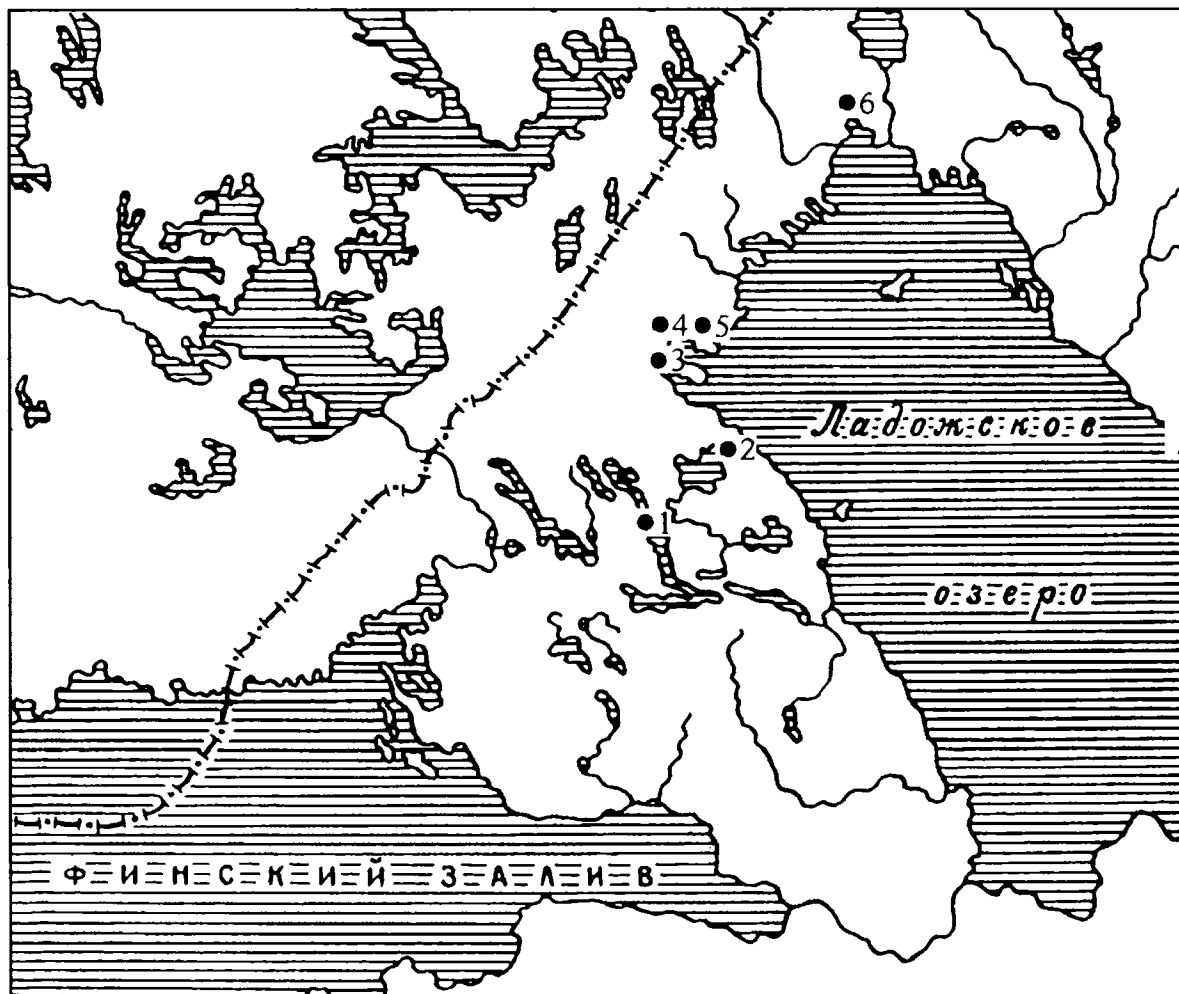

Рис. 1. Укрепленные поселения Приладожской Карелии. 1 – Тиверский городок, 2 – Корела, 3 – Хямеенлахти-Линнавуори, 4 – Лопотти, 5 – Соскуа-Линнамяки, 6 – Паасо.

Интересна найденная свинцовая печать. На одной ее стороне изображен сидящий Дмитрий Солунский, вынимающий правой рукой меч из ножен, на другой – надпись в пять строк: «Александр Матвеевич». Этой печатью, видимо, скреплялся какой-то важный документ, до наших дней, к сожалению, не сохранившийся. Предполагают, что печать принадлежала новгородскому купеческому старосте, упомянутому в документах 1436 и 1439 гг. (Янин, Гайдуков, 1998. С. 102, 209).

Городок назван Тиверским, возможно, по имени одного из пяти корельских родов – Тиврульцев. Большинство исследователей-лингвистов полагают, что слово «тиури» саамского происхождения. Существует и другое мнение, согласно которому наименование с тиури (в том числе и Tiurinlinna) происходит от имени варяжского предводителя Diuri (Nissilä, 1975. S. 218).

Корела (г. Приозерск Ленинградской области) –

«Корельский город» – Käkisalmi – Кексгольм – в XIV–начале XVII в. являлся форпостом на Северо-Западе России и торгово-культурно-экономическим центром Приладожской Карелии (рис. 1: 2). Оборонительные сооружения расположены на двух островах р. Вуоксы в 2–4 км от ее впадения в Ладожское озеро: небольшом, площадью около 6000 м², называемом по литературной традиции «Старой крепостью» (детинец), и на соседнем Спасском острове (посад), заселенном в конце XV в. Древняя крепость Корела – административный центр древнекарельской территории, упомянутой в русских летописях под 1278 и 1293 гг. как «Корельская земля». Археологические раскопки освещены в научной литературе (Кирпичников, 1984. С. 119–144; Uino, 1997. P. 261–268; Saks, 1998. S. 107–125).

Хямеенлахти-Линнавуори (рис. 1: 3). Возвышенность располагается на южной стороне залива Хямеенлахти (высота площадки 50 м над уровнем

моря). С востока ее ограничивает залив, с севера и с запада – низкие пашни, с юго-запада – долина. Северо-восточный и юго-западный склоны крутые, восточный низкий. Остатки каменных стен заметны на восточной и северо-западной сторонах возвышенности. Впервые памятник исследовался Я. Аппельгреном (Appelgren, 1891. S. 125–136). На вершине, представляющей собой четырехугольник (100x70 м), с востока на запад проходила сложенная из крупных валунов стена высотой 1 м при ширине 3,5 м, длиной до 40 м. В южной части линнавуори исследователь отметил низкий четырехугольный холм (2x3 м), на центральном плато – большое число каменных куч, заросших травой, под которыми прослеживался слой углей и золы. Размеры их, как правило, 2x4 м при незначительной высоте (0,2–0,4 м). Вещи обнаружены и в самих холмах и вокруг них в тонком слое земли. Это железные изделия, украшения, бусы, четыре серебряные монеты X–XI вв. и бытовой инвентарь.

В 1987 г. А.И. Сакса вскрыл на городище 52 м² и нашел около 30 фрагментов керамики, кусочки шлаков, лезвие топора. Анализ угля по С-14 дал вторую половину XIV в. По его мнению, памятник обжигался дважды: в период X–XII вв. и в XIII–XV вв. (Saksa, 1998. S. 141–145).

В 2007 г. мною на северной окраине четырехугольной площадки вскрыто 96 м². Расчищены остатки строительного сооружения, собран разнообразный инвентарь из глины, железа и цветного металла (78 предметов и 5 находок, оставленных грабителями). Проведены геофизические исследования и снят топографический план. Исследование городища следует продолжить, поскольку остались неизученными некоторые важные объекты: каменные стены в южной части площадки, груды камней на западной стороне городища, где грабители находили фрагменты глиняных и металлических сосудов, вещи из железа и цветного металла, а также шлаки, крицы и т.д.

Лопотти (рис.1:4). На древнекарельской территории укрепленные поселения сооружались и в XV–XVI вв., поскольку военная обстановка оставалась по-прежнему сложной. Так, на невысокой (31,77 м над уровнем реки) возвышенности Лопотти (окраина пос. Куркиёки Лахденпохского района республики Карелия) было построено городище. С севера оно омывалось р. Рахоланьёки, впадающей в залив Ладожского озера. Площадь поселения около 500 м² (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С.И. Кочкуркиной в 1971 г. вскрыто 444 м²). Помимо внешней линии оборонительных укреплений, сложенных из камней «насухо», защи-

щающих возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя – из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 м² имели печи-каменки в северо-восточном углу. Под юго-восточным углом фундамента при раскопках обнаружено сланцевое тесло, датирующееся поздним мезолитом или ранним неолитом. Видимо, положено оно под угол фундамента с какими-то ритуальными целями.

В 1987 г. А.И. Сакса в двух местах заложил шурфы: в первом на площади 12 м² нашел керамику XIII–XIV вв., во втором площадью 6 м² – керамику XV–XVI вв. Городище датируется приблизительно XV–XVI вв.

Наступление противника можно было ожидать с севера, со стороны реки, поэтому строители постарались максимально укрепить северный мыс. Поперек возвышенности они поставили заслон из жилищ, которые одной стороной примыкали к общей каменной стене. Среди немногих находок – единичные украшения, стамески, гвозди, железные накладки, ключи, точильные бруски – нет датирующих. Лопотти («lopotti»), по мнению топонимистов, – это несколько измененное русское слово «слобода».

Соскуа-Линнамьяки (рис. 1: 5). Городище обнаружено во время разведки в 2004 г., исследовалось С.И. Кочкуркиной в 2005–2006 гг. По своим топографическим особенностям, рельефу, микрорельефу и культурным остаткам относится к типичным укрепленным поселениям, оставленными древними карелами. Оно находится в 4,5 км (по прямой линии) юго-восточнее пос. Куркиёки, на левом берегу р. Соскуаньёки, в 1,8 км от ее впадения в залив Ладожского озера, на возвышенности высотой 44 м над уровнем моря. Мощные крутые скальные обрывы отмечены по юго-западному краю возвышенности. По более пологой юго-восточной части проходит тропа. На восточной границе площадки, на высоте 34–35 м прослежен отрезок стены, сложенной из камней без применения связующего раствора длиной около 15 м. Развал камней местами достигал 1,5 м. На возвышенности имеются два участка, пригодные для проживания: первая, снизу, на высоте 36–37 м, вторая – на высоте – 41–43 м. Вскрыто 76 м². Основные находки связаны с западаниями культурного слоя. Это предметы украшения из цветного металла, железные изделия, бытовой инвентарь.

Собранный материал не противоречит датировкам, установленным для других древнекарельских городищ, существовавших в границах XII–XV вв. Однако Соскуа-Линнамьяки, в сравнении с такими известными укрепленными поселениями, как, например, Паасо, Тиверск, видимо, была рассчитана

на защиту малочисленного местного населения и не носила стратегического характера.

Паасо (рис. 1: 6). Примером поселения XII–XIII вв. является городище Паасо (общая площадь 1000 м²), исследовавшееся мною в 1974–1975, 1978–1980, 2005, 2006 гг. Оно расположено между г. Сортавала и пос. Хелюля, примерно в 1 км от места слияния рек Тохмаъёки и Хелюляньёки, на высокой (83,2 м над уровнем Ладоги) заросшей лесом горе с крутыми скальными обрывами. Вскрыто 1000 м². Выявлены каменные фундаменты жилых построек площадью 40–48 м², печи, очаги, кузнечный горн. Общее число индивидуальных находок из железа и цветных металлов насчитывает более 1400 единиц. По насыщенности культурными остатками городище занимает ведущее место среди средневековых древнекарельских памятников северо-западного Приладожья. В лингвистической литературе предпринимались попытки объяснить слово «паасо». Одни предполагают заимствование от русского слова «погост», другие от личного имени (материалы археологических исследований 1974–1975, 1978–1980 опубликованы: Кочуркина, 1981. С. 73–87).

В итоге мне хотелось бы подчеркнуть два обстоятельства. Первое – возможности открытия новых археологических памятников в северо-западном Приладожье, несмотря на, казалось бы, довольно успешное исследование их в прошлом, далеко не исчерпаны, и второе – нашествие грабителей требует от археологов оперативного изучения историко-культурного наследия.

Кирпичников А.Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.

Кочуркина С.И., 1981. Археологические памятники карелы. Л.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М.

Ailio J., 1922. Karjalaiset soikeat kupurasoljet. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXXII.

Appelgren Hj., 1891. Suomen muinaislinnat. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XII.

Nissilä N., 1975. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu.

Saksa A., 1998. Rautakautinen Karjala. Joensuu.

Uino P., 1997. Ansient Karelia. Helsinki.

И.П. Кукушкин

Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области, Вологда

Археологические исследования «Вологодского городища»

«Вологодское городище» – историческая часть Вологды. «Традиционно» считается местом возникновения городского поселения, древнейшей его частью. «Традиционно», потому что историки-краеведы XVIII–XIX вв., пользуясь поздними источниками сомнительной достоверности, в которых упоминалась эта местность, закрепили этот статус. По этим же источникам датой основания города принят 1147 год. Первое же упоминание «волости Вологда» в Докончаниях Новгорода с великими князьями относится к 1264 г., в летописях к 1273 г. «Вологодское городище» как район города называется в Списке с писцовой книги г. Вологды 1629 года, а именование участка «городищем» бытовало у вологжан до середины XX века. Закономерно, что археологическое изучение Вологды начато именно с этой территории.

В настоящее время материалы археологических работ до 2008 года приведены в систему. Первые полевые исследования предприняты в 1947 г. П.И. За-

сурцевым. В 1948, 1955–1957 гг. масштабные археологические раскопки осуществлял А.В. Никитин, что позволило получить представление о материальной культуре Вологды в средневековье. Основываясь на его данных, письменных источниках, М.В. Фехнер реконструировала границы города в XV веке: «Укрепления начинаясь в устье Хрулева ручья, шли вверх по его течению, затем огибали Успенский Девичий монастырь, и, образуя неполную окружность, подходили к берегу реки Вологды несколько южнее конца современной улицы Ударников». Таким образом, протяженность границы составляла 2,9 км, в том числе, около 850 м вдоль р. Вологды.

Ниже в хронологическом порядке приводится перечень археологических работ, осуществленных «широкой площадью» до 2008 г. Кратко представлены итоги, указаны источники и литература. Кроме перечисленных проводились разведочные работы, шурфовка, археологические наблюдения, дополняющие материалы стационарных раскопок.

Раскоп 1. Адрес: ул. Бурмагиных, между дд. 13, 15. Рук. работ П.И. Засурцев, исследования 1947 г. Площадь 6 x 6 м. Мощность культурного слоя – 1,1–1,4 м. Слои перемешаны, обнаружены погребения. Датировка – не ранее XVI в. (Иванищев, 2007. С. 22).

Раскоп 2. Адрес: пересечение улиц Бурмагиных и Ударников. Рук. работ П.И. Засурцев, исследования 1947 г. Площадь 6 x 6 м. Мощность культурного слоя – не обозначена. Обнаружены остатки кирпичной стены церкви, погребения. Датировка – не ранее XVI в. (Иванищев, 2007. С. 22).

Раскоп 3. Адрес: ул. Бурмагиных, к северу от ц. Николы (Золотые кресты). Рук. работ А.В. Никитин, исследования 1948 г. Площадь 16 кв. м. Мощность культурного слоя – 0,9 м. «...Кроме позднего строительного мусора, керамики XVII в. и фрагментарных остатков дерева, ничего не было обнаружено» (Никитин, 1953. С. 100–101; Архив И.П. Кукушкина, ВГД-48).

Раскоп 4. Адрес: к Ю., Ю-В от д. 24 по ул. Бурмагиных (дома в наст. время не существует). Рук. работ А.В. Никитин, исследования 1948, 1955–1957 гг. Площадь 508 кв.м. Мощность культурного слоя, – 1,2–1,4 м. До глубины 0,8 м от уровня поверхности слой перемешан, ниже зафиксированы хорошо сохранившиеся жилые и хозяйственные постройки, настилы мостовых. Найден хозяйственно-бытовой инвентарь из железа, кости, дерева, украшения, игрушки. Датировка нижних слоев «домонгольский период» (Никитин, 1961. С. 6–24). Обращение к современной хронологической шкале корректирует датировку древнейших слоев в сторону омоложения – середина XIII в.

Раскоп 5. Адрес: у д. 11 по ул. Ударников. Рук. работ А.В. Никитин, исследования 1948 г. Площадь 72 кв.м. Мощность культурного слоя от 0,6 м. С этого уровня зафиксированы сруб, с юга к нему примыкает мостовая шириной 1,2–1,4 м, ориентированная запад – восток (направл. совр. ул. Ударников). Датировка – «не ранее XVI в.» (Никитин, 1953. С. 102–103).

Раскоп 6. Адрес: Луговая наб.. Рук. работ А.В. Никитин, исследования 1948 г. Площадь 64 кв.м. Мощность культурного слоя – 1,2–1,4 м. Выявлены конструкции, в том числе сруб с развалом печи. По обилию находок обрезков кожи и шерсти постройка интерпретирована как дом ремесленника-кожевника. Датировка – к. XV–XVI вв. (Никитин, 1953. С. 103–104).

Раскоп 7. Адрес: нечетная сторона ул. Ударников, в 12 м к ЮВ от Р. 5. Рук. работ А.В. Никитин, 1948 г. Площадь 24 кв.м. Слой вскрыт до глубины 0,8 м, ниже активное поступление грунтовых вод. На уровне 0,6–0,8 м от поверхности «вскрыт сруб со

следами настила ... найдены кирпичи ... Ориентировка сруба указывает, что дом был связан с улицей ... дата вскрытой постройки определяется временем не ранее XVI в.» (Никитин, 1953. С. 104; Архив И.П. Кукушкина, ВГД-48).

Раскоп 8. Адрес: ок. д. 3 по ул. Бурмагиных. Рук. работ А.В. Никитин, 1955 г. Площадь 18 кв.м. Мощность культурного слоя – 1,4–1,5 м., перемешан. Найден обл. стеклянного браслета (Никитин, 1961. С. 13).

Раскоп 9. Адрес: ок. д. 5 по ул. Бурмагиных. Рук. работ А.В. Никитин, 1955 г. Площадь 30 кв.м. Мощность культурного слоя до 1,5 м, перемешан. Найдены 2 янтарные бусины, обл. стеклянного браслета (Никитин, 1961. С. 13).

Раскоп 10. Адрес: у д. 22 по ул. Бурмагиных. Рук. работ А.В. Никитин, 1957 г. О площади раскопа и мощности культурного слоя данных нет. Каких-либо конструкций не обнаружено (Никитин, 1957).

Раскоп 11. Адрес: на месте д. 1 по ул. Воровского. Рук. работ А.М. Иванищев, 1988 г. Площадь 120 кв.м. Мощность культурного слоя 0,8–1,6 м. На материке остатки жилища, находки XIII–XIV вв. (Иванищев, 2007. С. 23).

Раскоп 12. Адрес: на месте д. 4 по Парковому пер.. Рук. работ И.П. Кукушкин, 1992 г. Площадь 110 кв. м. Мощность культурного слоя 1,2 м. На материке двухкамерное жилище с печью, настил мостовой, частокол. Материалы датированы XIII–XIV вв. (Башенькин, Кукушкин, 1994. С. 36–40).

Раскоп 13. Адрес: на месте д. 4 по ул. Ударников. Рук. работ И.П. Кукушкин, 1994 г. Площадь 151 кв.м. Мощность культурного слоя до 2,5 м. Постройки, ров, ряды частокола (элементы крепостных укреплений?) (Кукушкин, 1997. С. 36–46).

Раскопы 14, 15. Адрес: на месте д. 27 по ул. Бурмагиных. Рук. работ И.П. Кукушкин, 1995 г. Общая площадь 165 кв.м. Мощность слоя 1 м. Слои перемешаны, много находок XIII–XV вв. (Кукушкин, 1995).

Раскоп 16. Адрес: у д. 10 по ул. Воровского. Рук. работ Н.Г. Недомолкина, 2005 г. Площадь 50 кв.м. Мощность культурного слоя до 2 м. Слои перемешаны. Находки XV–XVII вв. (Недомолкина, 2007. С. 62–68).

Раскоп 17. Адрес: на месте д. 20 по ул. Бурмагиных. Рук. работ Н.Б. Васильева, 2006 г. Площадь 174 кв.м. Мощность культурного слоя до 1,7 м. «Оборонительная изгородь» – частокол, настил мостовой, находки XIII–XIV вв. (Васильева, Андрианова, 2007. С. 37–45).

Раскоп 18. Адрес: на месте д. 12 по Парковому пер. Рук. работ М.Л. Мокрушин, 2007 г. Площадь 230 кв.м. Мощность культурного слоя до 1,5 м.

Остатки построек, частоколов, 338 погребений, много переотложенных. Датировка XIV–XVI вв. (Мокрушин. Заключение...)

На Вологодское городище как памятник археологии составлен паспорт, установлена зона охраны. Археологически городище наиболее исследованный участок Вологды, что позволяет сделать некоторые выводы и уточнить устоявшиеся представления.

1. Археологические источники пока не подтверждают наличия на городище культурного слоя, который однозначно можно датировать XII в.

2. Культурный слой неоднороден, на ряде участков он в аэробном (воздухонасыщенном) состоянии и не сохраняет органику, на других, слой в анаэробном (водонасыщенном состоянии), содержит остатки деревянных конструкций (жилые дома, хозяйственные постройки, настилы мостовых, изгороди), сохраняет предметы из кожи, кости, бересты, шерсти, льна.

3. Не позднее конца XIII–XIV вв. Вологда имела определенную планировку, скорее всего радиально-кольцевую. Об этом свидетельствуют направления трассировок мостовых, реконструированные границы укреплений. Безусловно, площадь городища и границы крепости могли меняться.

4. Город имел сложную планировочную структуру. К граду примыкали пригороды-посады. Подтверждение тому известие о крупном пожаре 1525 г., где упоминаются «град», «посад», «кремль».

Анализ имеющихся материалов и новые полевые исследования «Вологодского городища» позволят сложить целостную картину становления средневекового городского центра Севера России.

Башенькин А.Н., Кукушкин И.П., 1994. Древняя Вологда // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда.

Васильева Н.Б., Андрианова Л.С., 2007. Исследования на Вологодском городище в 2006 году // Археология Вологды: история и современность. Сб. статей. Вологда.

Иванишев А.М., 2007. Культурный слой города Вологды – часть археологического наследия России: проблемы охраны и современное состояние археологических исследований // Археология Вологды: история и современность. Сб. статей. Вологда.

Кукушкин И.П., 1995. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Вологде в 1995 году // Хр.: Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Б/н.

Кукушкин И.П., 1997. Вологодское городище. // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда.

Мокрушин М.Л. Заключение о выполнении охранных археологических исследований на участке по адресу: Парковый пер., 12. // Архив ГУК «Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области».

Недомолкина Н.Г., 2007. В стороне от «красной линии» // Археология Вологды: история и современность. Сб. статей. Вологда.

Никитин А.В., 1953. Раскопки в Вологде в 1948 году // КСИИМК. Вып. 52. М.

Никитин А.В., 1957. Археологический отчет о раскопках в Вологде в 1957 г. (рукопись) // Архив И.П. Кукушкина. ВГД-57.

Никитин А.В., 1961. Древняя Вологда по археологическим данным. // Сб. по археологии г. Вологды. Вологда.

А.В. Курбатов

Институт истории материальной культуры РАН

Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России

Активизированные в последние годы аналитические работы в области русского кожевенного ремесла связаны с постоянным накоплением материалов археологических раскопок средневековых городов. Опыт отечественных и зарубежных исследователей показывает, что культурно-историческая оценка уровня кожевенного ремесла должна проводиться по группам массовых унифицированных изделий. А особенности древнерусского ремесла становятся особо

выразительными при сопоставлении представительных коллекций из многих средневековых городов Западной и Восточной Европы. На сегодня накоплен опыт обработки коллекций массового кожевенного материала, преимущественно, из городов лесной полосы Древней Руси – Старой Ладogi, Новгорода, Рюрикова Городища, Пскова, Твери, Торжка, Старой Руссы, Москвы, Дмитрова, Орешка, Ивангорода и некоторых других. Отдельные коллекции получили

монографическое отражение в научных разработках (Курбатов 2004а; Осипов 2006). Для Южной Руси небольшие по объему собрания кожаных предметов имеются только в Звенигороде Галицком, Заславле, Дорогобуже (Свешников, Брайчевська, 1990. С. 122–129; Заяц, 1995. С. 71–72, 92; Прищепа, Никольченко 1996. С. 36–37). География находок кожаных изделий в средневековых слоях городов Восточной Европы постоянно расширяется. Так, уже изучены отдельные комплексы во Владимире-на-Клязьме, где ранние слои долгое время считались «сухими», не сохраняющими органические материалы (Осипов, 2007. С. 134 и сл.). Кроме того, в последнее время складываются условия для систематизации средневекового пласта русской кожаной лексики (Курбатов, 2001. С. 399–416) и комплексной оценки памятников изобразительного и декоративно – прикладного искусства (Осипов 2006. С. 17–18; Курбатов, 2004б. С. 170–173). Анализ всего комплекса материалов по русскому кожаному ремеслу позволяет говорить, что устоявшиеся взгляды в настоящее время требуют серьезных корректив.

Опираясь на работы Е.И. Ояевой и С.А. Изюмовой, а также на разработки комплексов находок из многих городов, сделанные в последние годы, можно наметить несколько этапов в развитии древнерусского кожаного ремесла. Первый этап (VIII–X в.) охватывает раннесредневековый период. Это время становления городского кожаного производства, когда проходили отбор технологические принципы в ремесле, выбирались наиболее рациональные (технологичные) операции раскроя и пошива изделий. Тогда же складывались конструкции основных видов древнерусской обуви, ее моделей, фасонов и способов декорирования. Данный период прослеживается, почти исключительно, по находкам в Старой Ладогe (Курбатов, 2006. С. 54 – 71).

В древнейших слоях Ладоги представлена преимущественно обувь, в которой выделено не менее 8 форм кроя, сочетающих различные конструктивные и декоративные элементы, что придает своеобразию каждой модели (рис. 1). С другой стороны, раннесредневековая обувь Старой Ладогии имеет серии близких конструкций на памятниках северной части Европы, лежащих в ареалах Балтийского и Северного морей. Формы ладожской обуви находят аналогии: в погребении из Осеберга, на поселениях Хедебю, Дорестад, Елисенхоф, Волин, Рибе, Гросс Раден, Бирка, Миддельбург, Ведельспан Мозе, Йорк. При этом, находки последних лет в Старой Ладогии особенно подчеркивают однотипность конструкций и стилей обуви с моделями из определенного региона – Ютландии (Дания) и прилегающих районов современной Германии и Польши. Можно говорить о наиболее полной

сопоставимости изделий из Старой Ладогии и Хедебю. Выводы об идентичности техники пошива, фасонов и вариантов декора обуви Старой Ладогии и Хедебю, а также ограничение времени бытования ладожской обуви рамками второй половины IX – началом X вв., позволяют связывать эти изделия с переломным периодом в истории восточнославянских племен. Это период, когда в Новгород был приглашен княжить Рюрик, первоначально пришедший «со своим родом» в Ладогу. Таким образом, небольшая по объему коллекция кожаных предметов попадает в круг вопросов, традиционно рассматриваемых в связи с «варяжской проблемой» (Курбатов, 2006. С. 68–69).

Материалы из Поволховья отражают качественные изменения в крое и моделировки обуви в первой половине X в., указывающие на то, что около середины X в. в Северной Руси начинает складываться профессиональное средневековое кожаное ремесло. Для этого времени имеются формы обуви, пошитые с использованием устойчивых приемов раскроя, сшивания и декорирования. Тогда же в русских изделиях появляются черты своеобразия.

Второй этап (XI–XIII вв.) охватывает древнерусский период, когда в городах повсеместно появляются мастерские профессиональных кожевников и сапожников, использовавших выработанные универсальные технологические приемы. В большинстве городов Руси наблюдаются сходные виды и формы кожаных изделий. Прослеживается стабильный набор видов обуви – поршни, низкие туфли, полусапожки, сапоги и «комнатные туфли». Особенностью обувного ремесла было использование тонкой кожи для всех видов изделий, неразвитость внутренних элементов в конструкциях, повышенное внимание к декоративной отделке, подчас в ущерб практичности. До XIII в. низкая обувь (туфли и поршни) была повсеместной и преобладающей в русских городах, тогда как в последующем, в отдельных городах, уже отмечается доминирование сапог (Изюмова, 1959. С. 214). Попытки представить общие черты древнерусских и западноевропейских форм обуви (Изюмова, 1959. С. 210–211; Ояева, 1962. С. 83; Бебре, 1987. С. 28–30), на наш взгляд, не подтверждаются известными комплексами. Расширение географии изученных коллекций кожаных изделий позволило сформулировать некоторые особенности древнерусского обувного производства: 1) Закрепление в профессиональной сфере простейших форм обуви – поршней, в т.ч. ажурных; 2) Длительное сохранение моделей с удлиненной вытянутой пяткой подошвы, вшитой в соответствующий разрез верха; 3) Длительное сохранение расшивки, как основного и повсеместного вида декора.

Сегодня можно усомниться в раннее сделанных

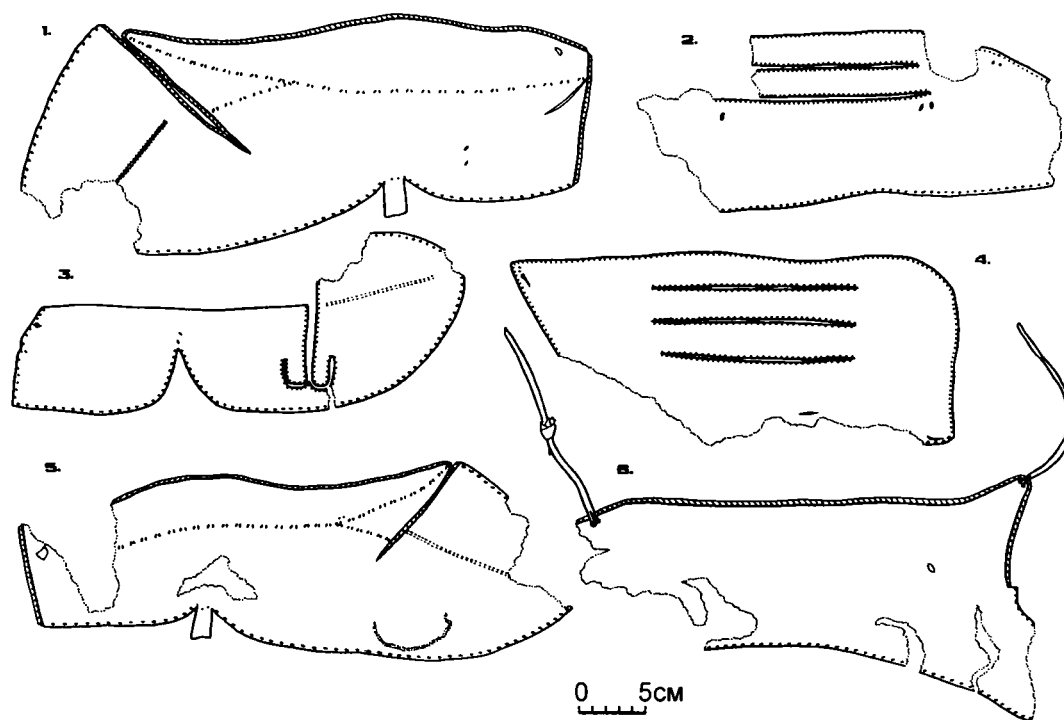

Рис. 1. Схемы раскроек обуви из древнейших слоев в Старой Ладогe.

выводах о высокой технологичности выделки кож уже в домонгольское время (Рыбаков, 1948. С. 400–403, С. 779–781; Изюмова, 1959. С. 195). Археологические материалы не подтверждают наличие цветной кожаной обуви, известной по миниатюрам, фрескам и письменным упоминаниям XI–XIII вв. В массе археологической кожи встречаются лишь единичные, определенно крашенные, предметы и обрезки только одного цвета – красные (Оятева, 1962. С. 88; Штыхов, 1975. С. 72). В то же время, качественный «скачок» в кожевенном деле Новгородской земли показывает коллекция кожаных изделий с Рюрикова Городища, относимая к концу XI – первой половине XII в., т.е. ко времени активизации жизни на городище с последней четверти XI в. (рис. 2). Здесь надо видеть переход в организации ремесла от его раннесредневековой формы к системе, характерной для развитого средневековья. На Городище встречаются разные варианты кроя мягкой низкой обуви, имеющие признаки и более ранних моделей (X–XI в.), и моделей более поздних (конца XII в. – первой половины XIII в.). Своеобразие ранних форм обуви на Городище можно видеть в использовании тонкой кожи и в «стиле» швов, выполненных короткими стежками и очень тонкой нитью. Подобная манера пошива говорит о сложении профессионального кожевенно-обувного ремесла и высокой технической квалификации мастеров. С другой стороны, эти признаки обособляют

находки с Городища от изделий XII–XIII вв. из Новгорода, Пскова и других древнерусских городов, где встречены более практичные приемы – стежки длиной 4–5 мм и более толстая нить.

Третий этап (XIV – первая пол. XVI в.) охватывает период развитого средневековья, когда полностью раскрывается своеобразие кожевенного ремесла в русских городах. Совершенствуется технология выделки кожи, что ведет к расширению сортамента кож различного качества и назначения. При пошиве обуви и других изделий начинают широко использовать относительно толстые шкуры взрослых особей КРС. Развитие технологии выделки, в частности, выражается в распространении техники киселевания, которую кожевник – технолог Г.Поварнин связывает с влиянием стран Востока (Поварнин, 1912. С. 25, 139–148). По его мнению, в конце XIII в. кисели появились в Торжке, затем в Твери, и в XIV в. распространились в других русских городах. Для XI–XIII вв. исследователь предполагает достаточно примитивную технологию выделки кожи на Руси, мало отличающуюся от выделки в более раннее время (Курбатов, 1997. С. 367–373).

Мнение Г. Поварнина требует особого внимания, поскольку в советской науке сложилась традиция негативного отношения к последствиям монголотатарского завоевания Руси, в том числе и для ремесла (Рыбаков, 1948. С. 525, 533–534; Муравьева, 1973.

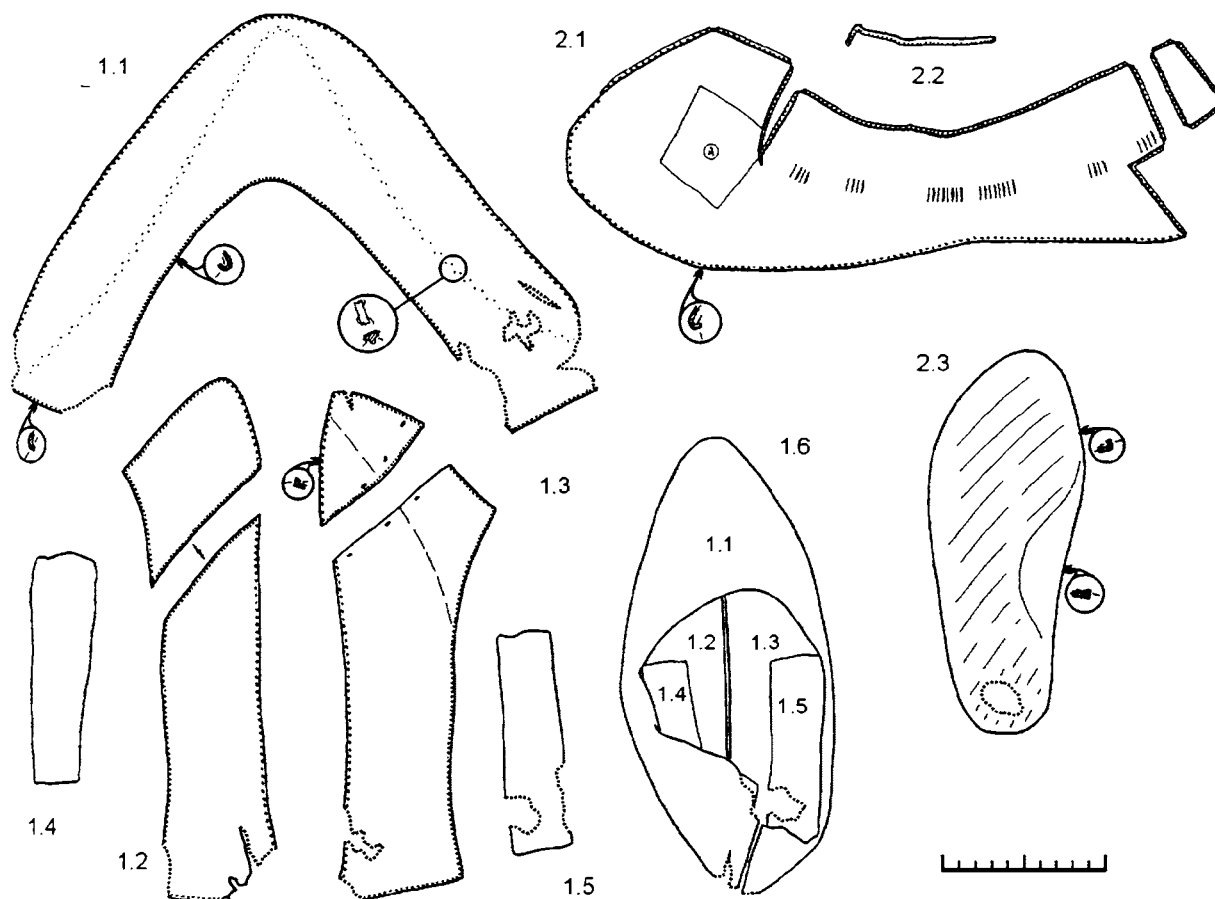

Рис. 2. Схемы раскроек обуви с Рюрикава Городища.

С. 112; Черепнин, 1977. С. 206 и др.). Тогда как аргументы в пользу положительных последствий монгольских завоеваний, таких как расширение связей между Европой и Азией, приводились редко (Борисов, 1976. С. 129–148; Хаара-Даван, 1991. С. 185–186; Ланда, 1995. С. 44 и сл.). Здесь уместно вспомнить вывод Ф.В. Баллода о том, что «ради собственных материальных интересов ханы заботились о восстановлении городской жизни, промышленности и торговли в завоеванных странах» (Баллод, 1923. С. 89–90). Об уровне русского ремесла можно сказать словами Б.А. Колчина: «Технический строй ремесла, культуру труда монголы разрушить не могли, все эти навыки оставались в народе» (Колчин, 1969. С. 156).

В XIII – первой половине XIV в. в русских городах отмечается расцвет обувного дела, выраженный в разнообразии фасонов мягкой низкой обуви и, особенно ее декора (рис. 3). В это время были популярны «ажурные» поршни и туфли с разнообразными видами нитяной расшивки. Среди многочисленных бытовых кожаных изделий встречаются экземпляры с расшивкой, аппликацией, вырезным орнаментом. Технологические изменения в выделке кожи, исполь-

зование для обуви, особенно подошв, более толстой и прочной кожи привели к изменению техники раскроя и пошива. Кроме того, восточное влияние проявляется в «моде» на обувь с высоким «глухим» голенищем – сапоги. В целом, в XIV–XV в., в русских городах меняются основные виды обуви. Доминирующей формой обуви становятся сапоги, среди которых к концу XV в. стали преобладать модели т.н. «жесткой конструкции», где использованы стандартизованные внутренние и промежуточные детали (Курбатов 1994. С. 190–193).

Резюмируя развитие кожевенного дела с XIV в., можно подчеркнуть, что в русских городах XIV – первой половины XVI в. сложились высокопрофессиональные кожевенное и сапожное производства, отличные от аналогичных ремесел в странах Западной Европы.

Четвертый этап (вторая половина XVI–XVII в.) связан с усиливающимся влиянием на русское кожевенное производство западной техники, технологии и моды. В это время начинается выделка новых сортов кож (сафьян), крашение кож, использование в декоре тиснения и вырезного орнамента, нанесенно-

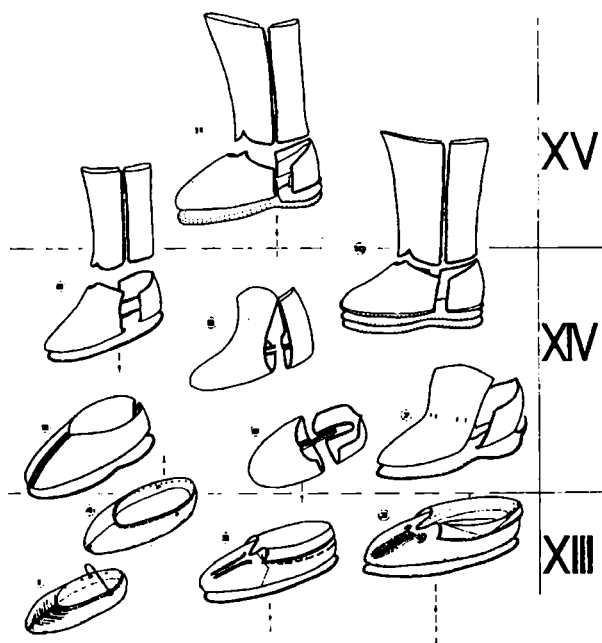

Рис. 3. Реконструкция форм обуви из Тверского кремля.

го специальными штампами. Меняется техника раскроя и пошива обуви: наряду с сапогами появляются туфли и башмаки жесткой конструкции на каблуках. Зафиксировано расширение ассортимента кожаных изделий.

В этот период в русскую среду наиболее активно проникают носители западной культуры, в том числе и мастера, приносящие западные ремесленные традиции. Это проникновение усилилось в период и после окончания Ливонской войны. Ряд городов-крепостей Северо-Запада России попал под власть шведской короны. В русских городах появляются разнообразные

модели и фасоны низкой обуви на каблуках, аналогичные по крою и декору западным (Курбатов, 1995. С. 203–204). Новая обувь не просто попадает сюда с носителями, но начинает производиться на месте. Для 80-х годов XVI в. в Новгороде фиксируется 1 специалист-каблучник (Арциховский, 1939. С. 7). Проникновение западной техники, моделей обуви и одежды, других элементов бытовой культуры в города России, в особенности на северо-запад, облегчила новая политическая ситуация в регионе, когда границы Швеции подошли почти вплотную к таким крупнейшим центрам ремесла, как Новгород и Псков.

Усилившееся с конца XVI в. западное влияние на русскую культуру, в том числе и на ремесло, показывает, что европеизация России активно началась не со времени реформ Петра Великого, а по крайней мере, на столетие раньше. Такой вывод подтверждается исследованиями историков численности и составе иностранцев, постоянно приживавших в России. Выясняется, что и в первой и во второй половине XVI в. в России постоянно находились на службе сотни западноевропейцев (Скобелкин, 2002. С. 49 и сл.).

Предложенная выше периодизация подтверждает выводы Г.Поварнина о непрерывном совершенствовании технологии кожевенного ремесла в средневековой России, основанные на изучении кустарного ремесла XIX – начала XX в. Эта периодизация сопоставима и с ранее предложенной Б.А. Колчиным периодизацией новгородского ремесла, разработанной на основе анализа технического строя ремесла, производительности труда, объема продукции и товарности ремесленных изделий на новгородском рынке (Колчин, 1975. С. 53–58).

С.А. Курочкина

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

Е.М. Пизгарёв

Музей-заповедник «Селитренное городище», Астрахань

Об одной из форм организации керамического производства золотоордынского города

Керамическое производство в городах Улуса Джучи до сегодняшнего дня остается предметом пристального изучения многих исследователей. Исследуя целые производственные комплексы золотоордынских городов, мы можем ответить на вопро-

сы: как было организовано керамическое ремесло; каков был уровень и объем его производства; какова была технология изготовления керамической продукции и т.п.

Огромное количество разнообразной керамики и

остатки производственных комплексов с Селитренного городища (г. Сарай ал-Махруса) позволяют, в частности, рассмотреть одну из форм организации керамического ремесла.

Г.А. Фёдоров-Давыдов выдвинул предположение о существовании трех форм организации керамического производства в нижеволжских золотоордынских городах (Федоров-Давыдов, 1994. С. 168). Анализ материала с Селитренного городища позволил нам, в дополнение к схеме, предложенной ранее Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, выделить четвертую форму организации керамического производства (Пигарев, 2008. С. 17).

Первой формой организации керамического ремесла являлась индивидуальная мастерская, с узкой специализацией труда, принадлежащая городскому мастеру. В подобной мастерской имелся один горн несложной конструкции и небольшого объема.

Второй формой организации являлась усадебная мастерская, принадлежащая горожанину средней руки (свободному ремесленнику, купцу), в зависимости у которого находилось два-три мастера (подмастерья). В ней присутствуют несколько различных по конструкции горнов и более широкая специализация. Какая-то часть продукции шла на обеспечение потребностей населения усадьбы, но большая часть была направлена на городской рынок.

Третьей формой организации являлась крупная усадебная мастерская, принадлежащая крупному вельможе или купцу. Для таких мастерских характерно наличие большого количества горнов разных видов и широкий ассортимент выпускаемой продукции для обеспечения потребностей рынка. В зависимости у владельца мастерской находилось до нескольких десятков человек. В работе таких мастерских фиксируется пренебрежение техническими приемами, использование свободных горнов для обжига заготовленной продукции не того типа, к которому эти горны были приспособлены, смешение различных навыков.

Четвертой формой организации являлось большое внеусадебное производство (мануфактура, фабрика), которое могло принадлежать хану или члену ханской семьи. Подобные мастерские назывались «корханэ». В «Тарих-и Вассаф» записано: «Было постановлено, чтобы каждый из царевичей довольствовался исчисленными тысячами [людей] и собственными мастерскими (карханеха-и-хасс) в Бухаре и Самарканде» (Петрушевский, 1960. С. 132, прим.).

Это были огромные производства с принудительным, главным образом, рабским трудом специалистов разных профилей под единым началом. Та-

кие предприятия оснащались большим количеством горнов разных конструкций, предназначенных для выпуска широкого ассортимента керамических изделий в большом объеме. Так как их работа была направлена на рынок, то трудились на них десятки и сотни человек. Для бесперебойной деятельности производства подобного уровня должна быть создана единая система снабжения топливом, сырьем, людскими резервами и отлажена система сбыта готовой продукции. Подобного рода предприятие могло принадлежать человеку с очень высоким социальным статусом и неограниченными возможностями.

К четвертой форме организации керамического ремесла нами отнесена мастерская 9 Селитренного городища, исследования которой проводились в 1922 г. В.Ф. Баллодом и в 2005 г. Е.М. Пигаревым.

Мастерская под № 9 располагается на участке, находящемся на юго-восточной окраине современного села Селитренное. Данный участок под названием «Черепяное поле» ранее был исследован и описан Ф.В. Баллодом. Весь район занимает площадь 3,18 км². На нем исследователь в 1922 г. зафиксировал 90 насыпей, содержащих в себе остатки сооружений производственного характера (Баллод, 1998. С. 109).

В 2005 г. во время работ на одном из безымянных бугров на «Черепяном поле» (раскоп XXXIX 2005 г.) была обнаружена часть гончарной мастерской, состоящей из двух горнов, где горн № 1 – это двухкамерный горн для обжига красноглиняной керамики; большой предтопочной ямы; двора мастерской, обнесенного деревянным забором; участка капитальной сырцово-каменной стены. В 70 м к ЮЮЗ от данного раскопа зафиксированы остатки топочной камеры еще одного горна для обжига керамики.

Вероятно, восточнее горна № 1 во дворе мастерской была устроена площадка, на которой сосуды сушили перед обжигом в горне, и куда сосуды выставлялись после обжига.

Обнаруженные и исследованные горны имели рабочий объем камер обжига более 20 м³. Помимо горнов, предназначенных для обжига бытовой посуды, здесь зафиксировано большое количество горнов для обжига кирпича (Пигарев, 2006. С. 4–10).

Данный производственный комплекс был вынесен за пределы жилой зоны Сарая. Это можно объяснить повышенной пожароопасностью производства и регламентированным его выносом на городскую окраину. Но наличие на территории жилой застройки Сарая мастерских форм 1–3 ставит под сомнение подобную причину размещения производства. Концентрация гончарных мастерских на бере-

говой линии между буграми Красный и Больничный позволяет локализовать этот городской участок как гончарный район.

Наличие большого количества горнов для изготовления кирпича и горнов для обжига керамической посуды может объяснить причины и время появления данной мастерской. Вероятно, она была открыта для снабжения городского рынка строительным материалом в период строительства города Сарая – в 1330–40-е гг., а обжиг красноглиняной посуды являлся «второстепенным» производством. После окончания основного строительного этапа, когда город в целом оформился, спрос на строительный материал снизился и удовлетворялся за счет работы мастерских форм 1–3. Поэтому необходимость в содержании мастерской формы 4 могла отпасть. В 1350-х гг. мастерская уже не работает.

Данное предположение подтверждается и нумизматическим материалом, который датирует этот район города 1330–50-ми гг., т.е. периодом наивысшей политической и экономической стабильности и активности государства и его столичного рынка.

Также в качестве доказательства особого статуса мастерской 9 можно использовать обработанный археозоологический материал.* Из 267 сильно раздробленных костей преобладают кости МРС. По характеру и количеству исследуемого материала хорошо видно, что это нежилой комплекс. Он очень раздроблен, в нем отсутствуют кости рыбы и птицы, которые обычно встречаются в хозяйственных ямах небогатого населения золотоордынского города.

В ходе исследований мастерской под № 9 было обнаружено большое количество обломков гончарной керамики. По ряду причин удалось обработать только 1/3 часть керамической коллекции из данной мастерской, поэтому приводимые здесь цифры носят «условный» характер. Пока просмотрено 10569 фрагментов керамики разных групп, не считая археологически целых форм. Мы предполагаем, что мастерская 9 относится к той группе мастерских, которые изготавливали и обжигали только неполивную красноглиняную керамику. Возможно, производство поливной керамики в данном районе вообще отсутствовало, так как встречено всего 7 ее фрагментов. Это стенки чаш на кольцевом поддоне с зеленой и желтой поливой. Единичны фрагменты кашинной керамики. Встречается местная штампованная серо-зеленая керамика. Есть небольшой процент импорта из Азака, Маджара, Северного Кавказа, Хорезма. Но почти 98% составляют фрагменты изделий, которые мы относим к местным группам керамики:

красноглиняная местная запесоченная – 7641 фр.;

красноглиняная местная плотная – 1677 фр.;

красноглиняная местная с округлыми порами – 554 фр.;

коричневоглиняная местная – 350 фр.;

перекаленная местная – 160 фр. (ошлакованная и бракованная керамика).

Видовой ассортимент неполивной красноглиняной керамики многообразен: амфоровидные кувшины, хумы, хумчи с линейным и линейно-волнистым орнаментом, дигири, кувшины тарные и средние, в том числе и со сливом, корчаги, афтоба, горшки, туваки, миски, тазы, трубы, крышки от больших сосудов, котлы. Это стандартный ассортимент местных мастерских в любом золотоордынском городе. В меньшем количестве здесь присутствуют кувшинчики, копилки, светильники, имеющие на дне следы среза с круга нитью.

Полученный керамический материал мы попытались «привязать» к определенной гончарной мастерской либо к конкретному мастеру-керамисту, используя отпечатки пальцев гончаров на керамических изделиях.

Для анализа было отобрано 26 ручек сосудов, на которых исследовались отпечатки пальцев гончаров на ручках и трассологические следы, оставленные инструментами мастеров. Только на 7 ручках из 26 хорошо «читались» следы пальцев, а на 15 – следы от орудия труда.

Из 26 рассмотренных образцов с определенной долей уверенности мы можем «привязать» к одному мастеру 11 изделий – это Мастер 1. Два изделия принадлежат Мастеру 2. На оставшихся 4 изделиях не произошло никаких совпадений. Вероятно, они могли быть сделаны 2, 3 или 4-мя разными мастерами. По крайней мере, мы с уверенностью можем сказать, что в раскопанном горне мастерской № 9 в 30-х гг. XIV столетия, как минимум, работало 2 мастера-керамиста, но их число могло быть и больше (до 6).

Все рассмотренные отпечатки кончиков пальцев гончаров находятся на ручках больших сосудов – это хумчи и одноручные тарные кувшины. Отпечатки оставлены на нижнем прилепе ручки, их число колеблется от 1 до 3.

Таковы предварительные итоги исследования мастерской 9 с Селитренного городища. Продолжение работ в производственной зоне Сарая, более тщательная и полная обработка керамического материала, полученного непосредственно с места изготовления, даст нам в дальнейшем возможность более полного понимания керамического производства золотоордынской столицы.

*Определение костных остатков из раскопа 39 провела к.и.н., зам. директора НИИ археологии Нижнего Поволжья при ВолГУ Л.В. Яворская.

** В настоящее время статья, где рассматривается данная проблема, готовится к печати: Курочкина С.А. Отпечатки пальцев гончаров на керамике (по материалам раскопа XXXIX / 2005 г. Селитренного городища).

Баллод Ф., 1998. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология. № 2 (3).

Петрушевский И.С., 1960. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV в. М. – Л.

Пигарев Е. М., 2006. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2005 году. Астрахань.

Пигарев Е.М., 2008. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Л.Д. Макаров

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Средневековая Вятка в памятниках археологии

За полуторавековое исследование археологических памятников Вятской земли (XII–XV вв.) накоплен внушительный фонд источников, позволяющий реконструировать историческое прошлое одного из русских народопрародств. Период, предшествующий полевым исследованиям (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.), ознаменовался в основном описанием вятских древнерусских городищ, оставленных участниками академических экспедиций (И.И. Лепёхин, Н.П. Рычков, П.С. Паллас), столичными профессорами (Е.Ф. Зябловский, К.И. Невоструев), политическими ссыльными (А.И. Герцен), местными краеведами из числа интеллигенции – священниками (В.Е. Блинов, П.Н. Кулыгинский), чиновниками (И.В. Шишкин, В.А. Короваев), учителями (А.И. Вештомов), анонимными авторами.

За первую часть указанного периода (вторая половина XIX – первая половина XX в.) исследования древнерусских памятников региона ограничивались сборами находок и весьма ограниченными раскопками (шурфы и траншеи), которые практически не отражены ни в музейных коллекциях, ни в качественных публикациях (П.В. Алабин, П.И. Лерх, И.Е. Глушков, М.В. Банников, М.В. Малахов, П.Н. Луппов, М.В. Талицкий, Н.А. Прокошев, А.П. Смирнов, М.П. Грязнов, В.Ф. Генинг, Л.М. Еговкина, И.С. Вайнер). Лишь небольшое число материалов опубликовали А.А. Спицын, А.С. Лебедев, А.В. Збруева. Таким образом, начальный период изучения русских памятников Вятского края дал лишь небольшой задел в решении общих проблем исторического прошлого края.

Львиная доля материалов была получена во второй части этого периода (вторая половина XX в.), начатого стационарными раскопками Л.П. Гуссаковского во второй половине 1950-х гг. и И.И. Стефановой в первой половине 1960-х гг., затем продолженного автором со второй половины 1970-х гг. до 1990 г. и завершено исследованиями коллег на отдельных памятниках региона во второй половине 1980-х гг. (Н.А. Лещинская) и в 1990-е гг. (В.В. Ванчиков, Л.А. Сенникова, Н.Е. Соколова, И.Ю. Трушкова). В настоящее время, проводятся лишь охранные работы на территории посада г.Хлынова, содержащие находки не ранее XVI в. (Е.А. Кошелева).

Древнерусским объектам предшествуют памятники предков современных финно-пермских народов – удмуртов, коми, марийцев, представленные поселенческими остатками начала II тыс. н.э. На трех поселениях выявлены следы двух жилищ (поселение Искра, XII–XIII вв.) и три хозяйственные ямы (две на Никульчинском городище, X–XII вв.; одна – на Ковровском городище). Дорусский культурный слой обнаружен на Вятском городище (XI–XIII вв.), а на Пижемском и Чижевском городищах собраны находки предположительно рубежа I и II тыс. н.э.

Материальная культура древнерусских поселений бассейна Средней Вятки имеет смешанный этнокультурный облик, что доказывается финно-угорскими украшениями и находками круговой керамики с нехарактерными для славян примесями в глиняном тесте, обычными для местной прикамской посуды (толчёная раковина, органика, навоз, режешамот).

Всего на Средней Вятке учтено 46 памятников XII–XV вв.: 21 селище, 15 городищ, 7 могильников, 3 местонахождения. Степень их изученности, конечно, разная, но наиболее важные памятники исследованы достаточно широкими площадями.

Из селищ почти полностью исследованы поселения Искра (221 кв.м), Покста II (153 кв.м), Мысы IV (297 кв.м), рекогносцировке подверглись Хлыновское, Никульчинское II, Родионовское и Шабалинское поселения, на остальных 13 селищах проведена шурфовка и сбор материалов. Выявлены элементы прибрежной рядовой планировки, остатки 5 наземных жилищ с подпольными ямами и следами глинобитных печей. Найдены остатки кладбищенской православной постройки, следы изгородей, дренажного жёлоба, кузницы, хозяйственных срубов и ям. Из вещевых материалов преобладает хозяйственно-бытовой инвентарь. Керамика здесь смешанного типа с превалированием прикамских рецептов теста, довольно примитивным использованием гончарного круга, некачественным обжигом, редкой линейно-волнистой орнаментацией, наличием донных клейм фино-пермского происхождения.

Из 15 городищ 14 – мысовые, одно – овальное на высоком холме (Подчуршинское). Мысовые памятники имели небольшую площадь (до 6 тыс. кв.м) и возникали, как правило, в дорусский период. Более крупные городища (6–40 тыс. кв.м) нередко превращались в детинцы городских поселений (Вятка-Хлынов, Никулицын, Котельнич, Слободской, Орлов) и со временем обрастали посадскими кварталами. Удалось выявить особенности крепостных сооружений, эволюционировавших от наиболее архаичных частоколов (Ковровское городище) к срубным стенам, нижний этаж которых использовался под жилье и хозяйственные нужды (Ковровское, Шабалинское, Никульчинское, Хлыновское, Слободское, Подчуршинское городища), что было наиболее характерно для Южной Руси XII–XIII вв., а позднее распространилось на весь Русский Север. На позднем этапе (XV–XVIII вв.) возобладала традиция возведения укреплений в виде бревенчатожердевых клетей, забутованных глиной (Хлынов, Котельнич, Слободской, Подрелье II). Следы башен зафиксированы в Котельниче, Слободском, Коврово, Подрелье II, но по письменным источникам хорошо известны во всех городских центрах.

На городищах прослежены элементы уличной планировки (Никульчино, Хлынов, Котельнич, Орлов), причем в Хлынове выявлено 7 ярусов деревянных мостовых и дренажная система. Исследование укрепленных поселений позволило выявить 68 жилищ – 20 полуземлянок и 48 наземных домов. Осо-

бенности первых выводят нас на их южнорусские корни, но в течение XIV в. эта традиция уступает место наземному домостроительству. Выявлены также остатки печей, подпольных ям, полов, а вдоль мостовых и по границам усадеб – изгородей, калиток и ворот. Обнаружены хозяйственные постройки – сараи, хлевы, погребя, хозяйственные ямы, а также производственные комплексы – сыродутные и гончарные горны, кузницы, гончарная и медеплавильная мастерские, «глинник», сопровождающиеся соответствующими инструментами, изделиями, отходами.

На Вятской земле исследовалось 7 могильников (310 погребений) с древнерусским погребальным обрядом, впитавшим в себя языческие славянские и финно-пермские традиции на фоне бесспорно православной обрядности. Наиболее архаичные черты славянского язычества демонстрирует ранняя часть Еманаевского могильника (XII–XIII вв.), сохранившая следы языческого храма, окруженного меняющими ориентацию могилами с полной или частичной кремацией, кенотафами, захоронениями черепов, погребениями умерших с согнутыми в коленях ногами. На могильнике Покста (XIV–XV вв.) обнаружены остатки кладбищенской церкви, но при этом в захоронениях фиксировались осязаемые языческие признаки. Последние выявлены и на других некрополях (Шабалинский, Усть-Чепецкий, Никульчинский I, Хлыновский I). Единственная известная нам братская могила – Северюхинская – была раскопана, к сожалению, любителями. Судя по описаниям, был вскрыт сплошной слой из более чем 20 человеческих скелетов без черепов, лежавших отдельно. В заполнении ямы обнаружено разновременное (преимущественно золотоордынского времени) оружие, датирующееся XIII–XVI вв.

На памятниках обнаружен значительный вещевой инвентарь: производственный, хозяйственный, промысловый, бытовой, предметы вооружения, украшения, языческие и православные подвески, керамика. Анализ посуды основных 15 древнерусских коллекций с поселений Вятской земли, проведенный автором и Д.А. Салангиным (2167 сосудов), показал чрезвычайную пестроту местной керамики. Выявлено преобладание группы славяно-русской посуды на всех памятниках, а в целом она составила 72,7% всего керамического комплекса. Керамика славяно-финно-пермского облика обнаружена на всех рассматриваемых поселениях, но в целом явно уступает предыдущей группе, составляя 18,3%. Болгарская керамика найдена единично (31 фрагмент) на нескольких памятниках и явно связана с импортом в вятские города. Особо выделяется керамика

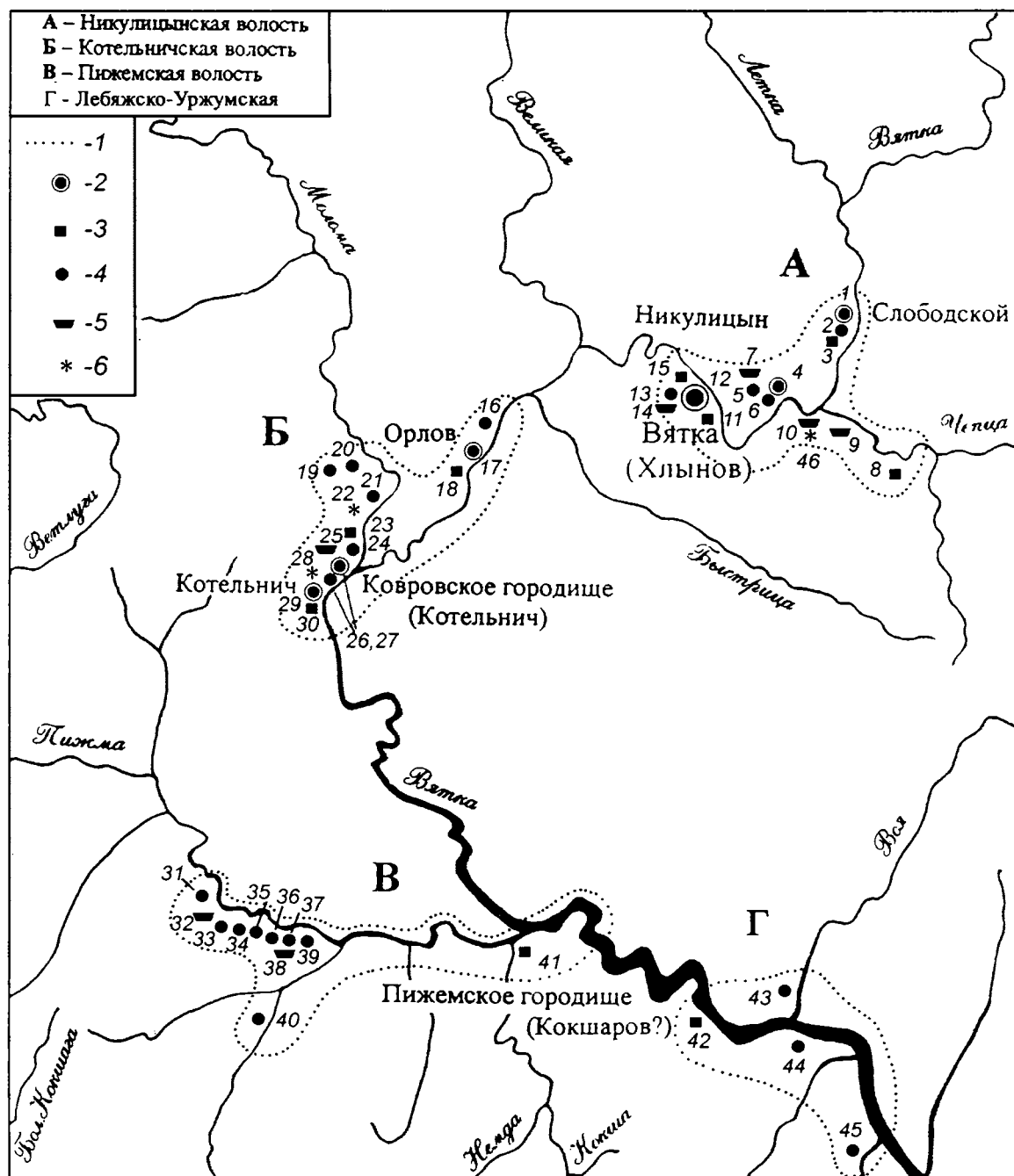

Рис. 1. Археологические памятники Вятской земли XII–XV вв. 1 – предположительные границы волостей; 2 – городские поселения; 3 – городища; 4 – селища; 5 – могильники; 6 – местонахождения. 1 – Слободской; 2 – Родионовское; 3 – Подчуршинское; 4 – Никулицын; 5, 6 – Никульчинские II и IV; 7 – Никульчинский; 8 – Кривоборское; 9 – Северюхинская; 10 – Усть-Чепецкий; 11 – Чижевское; 12 – Хлынов; 13 – Хлыновское; 14 – Хлыновский I; 15 – Вятское; 16 – Большеждановское; 17 – Орлов; 18 – Тороповское; 19 – Вязовое; 20 – Барзичи II; 21 – Спасское; 22 – Нижнекордаковская; 23–25 – Шабалинские; 26 – Ковровское; 27 – Искра; 28 – Искровское; 29 – Котельнич; 30 – Скорняжковское; 31 – Еманаевское I; 32 – Еманаевский; 33, 34 – Еманаевские IV и II; 35–37 – Покста I–III; 38 – Покста; 39 – Худьяковское; 40 – Грековское; 41 – Пижемское; 42 – Лебяжское; 43 – Ботылы IV; 44 – Мысы IV; 45 – Уржумское; 46 – Кирово-Чепецкая.

«татарских» истоков – посуда с рифленой поверхностью шейки и венчика и примесями песка и сухой глины, которая также единична – 51 фрагмент. Она

найдена на отдельных поселениях, находит аналогии с общеболгарской посудой и датируется преимущественно XIV–XVI вв. Часть керамики не впи-

сывается в вышеназванные этнокультурные группы и составляет 7,51%.

В административном отношении Вятская земля предположительно состояла из 4-х волостей:

Никулицынской и Котельничской, которые упомянуты в «Повести о стране Вятской», Пижемской, Лебяжско-Уржумской, выделенных по археологическим материалам (рис. 1).

А.Б. Малышев

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Средневековые материалы Алексеевского городища (по результатам раскопок 2006 г.)

Городище было обнаружено в начале XX в. представителем Саратовской учёной архивной комиссии Б.В. Зайковским. С памятника происходит серебряная пластинка с женским изображением, схожая с половецкими каменными изваяниями (Спицин, 1914. С. 104, рис. 39). В разные годы на городище проводили исследования: Б.В. Зайковский, С.Н. Чернов, П.Н. Шишкин, А.А. Кротков, Н.К. Арзютов, И.В. Сидницын, Ю.В. Деревягин, Т.А. Хлебникова, О.В. Кочерженко, А.Д. Матюхин, А.И. Юдин, В.В. Тихонов, И.И. Дрёмов, Ю.А. Зеленева, А.Б. Малышев.

Городище является многослойным памятником, где, в том числе, встречаются культурные отложения эпохи средневековья. Здесь были выявлены два грунтовых могильника XIV–XV вв., один на городище, другой – в 0,6 км западнее. Их погребения по обрядности и антропологии (преобладают европеоиды) были предположительно отнесены к древнерусским. В предыдущие годы были исследованы средневековые жилища и керамика, ремесленные изделия (включая наконечник копья) и погребения. По мнению А.И. Юдина, русская посуда может относиться к домонгольскому времени (Юдин, 2001. С. 55–59, 68–69).

Экспедиция Саратовского госуниверситета проводила раскопки городища в 2006 г. Были исследованы остатки двух хозяйственных сооружений золотоордынского времени. Хозяйственный комплекс «разделочная площадка» содержал обугленные остатки деревянных конструкций, скопление золы, угля, камней, золотоордынской и древнерусской керамики, костей и чешуи рыбы, предметов из железа (пластина, гвоздь, кинжал, крюк).

Обуодоострый железный кинжал без перекрестья имел черешок, плавно расширяющийся и переходящий в основание клинка (рис. 1: 1). Подобные «классические» кинжалы получили распространение в Европе, на Руси и в Волжской Булгарии

XI–XIII вв. (Медведев, 1959. С. 125, 129. Рис. 4, 14; Кирпичников, 1976. С. 73; Измайлов, 1997. С. 56–57; Рис. 29) Данный тип клинков иногда встречался у восточноевропейских кочевников (Захаров, Яворская, 2003. С. 239–240, Рис. 6, 2) и монголов (Худяков, 1991. С. 131–132; Рис. 73, 3, 7), хотя наибольшее распространение у них получили однолезвийные разновидности. Представляется, что клинок, служивший когда-то оружием, относился к болгарскому комплексу вооружения (Измайлов, 1997. С. 56–57. Рис. 29, 2), и вторично использовался в качестве разделочного ножа при обработке рыбы.

Сгоревшие деревянные плахи были деталями конструкции или постройки для разделки рыбы, железный крюк-вешало предназначался для подвешивания крупной рыбы (рис. 1: 3), а гвоздь – для крепления деревянных конструкций. Жестяная пластинка с загнутым краем могла быть фрагментом металлической ёмкости.

Остатки другого сооружения хозяйственно-жилого характера «приочажный участок наземной постройки», включали несколько объектов (очаг с каменной обкладкой, глиняную сырцовую обмазку дна хозяйственной ямы, скопление кухонных отбросов – костей МРС), связанных между собой. Хозяйственная яма имела круглую форму и могла быть предназначена для кожевенного производства (мездрение шкур). Открытый очаг с массой золы, угля, фрагментов древнерусских корчажек был устроен в неглубокой яме и имел каменную обкладку с западной стороны.

В средневековой керамике древнерусский комплекс (74 %) преобладает над золотоордынским (26 %). Следует отметить условный характер типологии древнерусской керамики городища, так как существует много переходных форм, а однотипные венчики встречаются у различных сосудов (Юдин, 2001. С. 58). В целом русская посуда вписывается

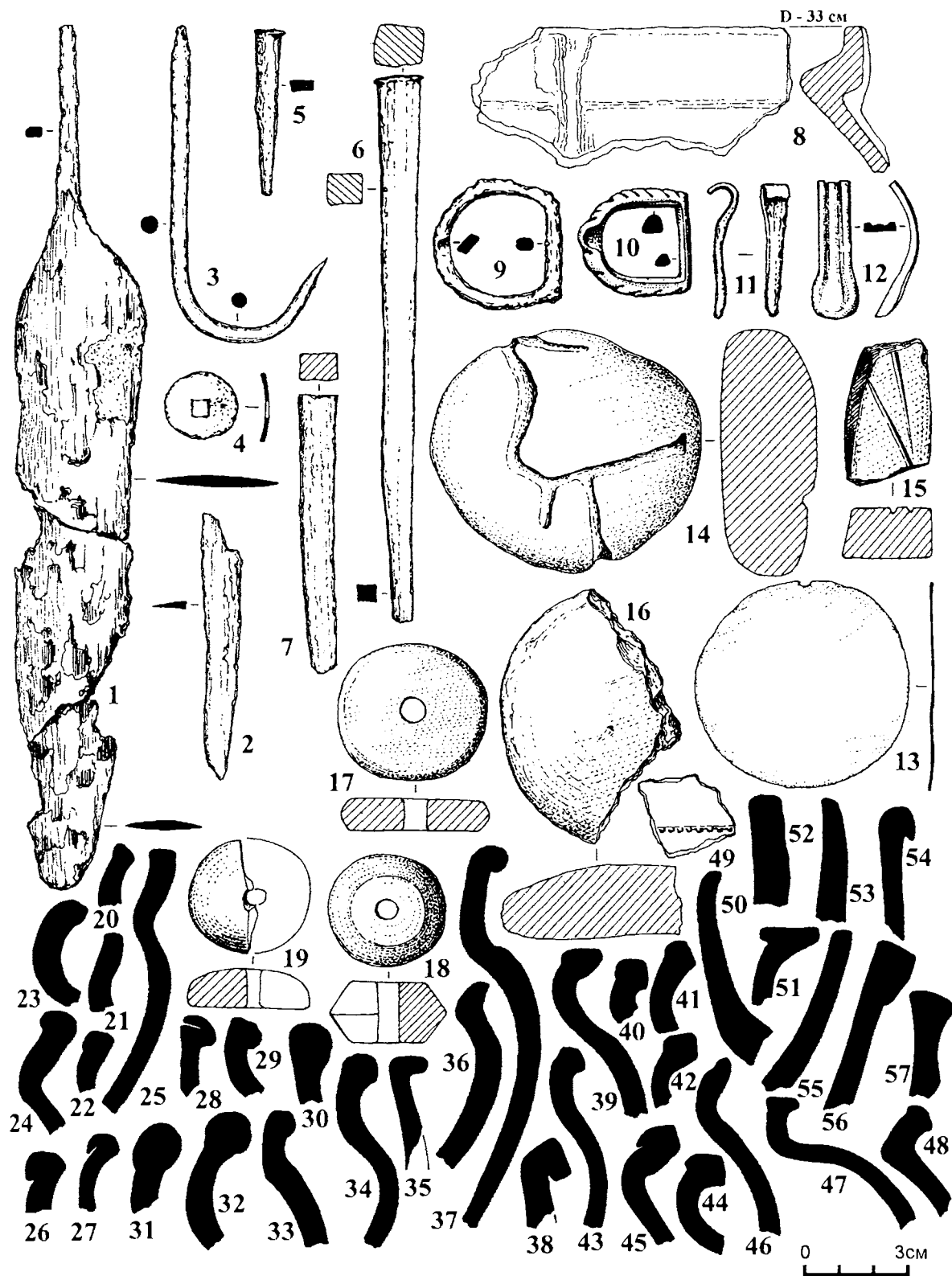

Рис. 1. Средневековые материалы Алексеевского городища (2006 г.) 1 – кинжал, 2 – нож, 3 – крюк-вешало, 4 – упор для ножа, 5-7 – стержни, 8 – фрагмент котла, 9, 10 – пряжки, 11 – язычок от пряжки, 12 – браслет, 13 – пластинка, 14 – диск с изображением, 15 – оселок, 16 – хлеб, 17-19 – пряслица, 20-48 – древнерусская посуда, 49-57 – золотоордынская посуда (1-3, 5-7, 9, 11 – железо; 4, 10, 12, 13 – бронза; 8 – чугун; 14, 15, 19 – камень; 16-18, 20-57 – керамика).

в типологию, разработанную для Среднего Подонья (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 21) и имеет многочисленные аналогии в керамике нижневолжских поселений (Полубояринова, 1978. С. 88–91; Недашковский, 2000. С. 106–112), хотя для Нижнего Поволжья данная типология нуждается в некоторой доработке. Наибольшее количество фрагментов относится к корчажкам со слабо отогнутыми наружу или прямыми венчиками (рис. 1: 20–23, 25–29, 31–34, 36, 37, 39–44, 46, 47), меньшее – к горшкам курганного типа или приземистым мискам с резко отогнутыми наружу венчиками (рис. 1: 24, 45, 48).

Фрагментов красноглиняной золотоордынской посуды найдено меньше: это части кувшинов (стенки, венчики, ручки), пиал, банок, мисок и горшков (рис. 1: 50–57). Обнаружены два фрагмента псевдокашанного сосуда с зелёной поливой, один из которых имел горизонтальный гребенчатый оттиск (рис. 1: 49).

К керамическим изделиям относятся также два пряслица: биконическое древнерусское (рис. 1: 18) и пряслице, изготовленное из стенки золотоордынского сосуда (рис. 1: 17). Фрагменты глиняных лепешек (рис. 1: 16), имеют аналогии в Старой Рязани. Это круглые или овальные, иногда орнаментированные «хлебцы», которые интерпретируют как детские игрушки, или ритуальные предметы (Монгайт, 1955. С. 126, 128; Рис. 89). Но возможна и другая трактовка: это обожжённые при проверке температуры печи керамические пробы.

Из каменных изделий обнаружены: половинка круглого пряслица из известняка (рис. 1: 19), фрагмент брусковидного оселка (рис. 1: 15) для подправки шильев и игл, и кресальный кремь.

К эпохе средневековья относятся несколько железных гвоздей и инструментов – трех пробойников различных размеров (рис. 1: 5–7). Типичным для древнерусских материалов является железный однолезвийный нож (рис. 1: 2) (Археология, 1997. С. 235; Табл. 9, 1, 17, 18, 23). Круглая изогнутая бронзовая пластинка с отверстием, вероятно, является щитковым упором для рукояти ножа, или иного инструмента (рис. 1: 4). Впрочем, подобные пластины могли быть также бляхами для кожаных и деревянных изделий (Фёдоров-Давыдов, 1994. С. 190–191, 196, 199, 202; Рис. 40, 4; 41, 4).

К золотоордынскому периоду относятся фрагменты венчика и стенки чугунного котла с примерным диаметром до 33 см. На внешней стороне котла заметен вертикальный литейный шов, а на внутренней – уступчик для крышки (рис. 1: 8). Подобные котлы появляются в Золотой Орде в XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 1994. С. 183).

В набор золотоордынских изделий входит тон-

кий круглый бронзовый диск с остатками полировки на поверхности (рис. 1: 13). Многочисленные варианты дисков известны в Золотой Орде (Фёдоров-Давыдов, 1994. С. 199, 202), хотя не исключено, что это одна из разновидностей зеркал.

Из элементов фурнитуры обнаружены две ремённые пряжки арочной формы: бронзовая (рис. 1: 10) и железная (рис. 1: 9), а также язычок к подобному изделию (рис. 1: 11). Интересен фрагмент бронзового пластинчатого овалноконечного браслета (рис. 1: 12), с орнаментом из двух продольных бороздок. Подобные браслеты с различным орнаментом известны в древнерусских (Археология, 1997. С. 70–303. Табл. 57), а также в золотоордынских материалах (Фёдоров-Давыдов, 1994. С. 193; Недашковский, 2000. С. 41, 45; Рис. 7, 25, 26). Было найдено множество железных шлаков, несколько фрагментов железных криц, а также стеклянных шлаков.

К предметам искусства следует отнести отшлифованный каменный диск (рис. 1: 14), заполированный с одной из сторон. На его оборотной стороне имеется изображение, напоминающее птицу, стоящую на одной ноге и повернувшую голову назад. Рельефный рисунок, скорее всего, является каналом хода морского червя палеогенового времени. Это сходство было замечено обитателями посёлка, и камень был приспособлен под какие-то нужды. Учитывая распространённость «птичьей» символики в золотоордынской и древнерусской нумизматике, эмблематике и орнаменте, наиболее вероятно датировать это изделие эпохой средневековья.

Таким образом, на Алексеевском городище в период средневековья существовало русское сельское поселение. Судя по керамическому материалу предметам древнерусского круга и двум могильникам, русский этнический компонент появился здесь в начале существования Золотой Орды и продолжал преобладать в дальнейшем. Материалы других памятников подтверждают проживание в Золотой Орде значительных групп древнерусского населения. Некоторое влияние на жизнь поселенцев оказали золотоордынское и булгарское ремесло и материальная культура. Русские жители сельских поселений находились в разной степени зависимости от представителей золотоордынской аристократии. Находки предметов вооружения свидетельствуют о разрешении поселенцам ношения оружия. Значительную роль в хозяйстве играли вылов и переработка рыбы. Вероятно, некоторое значение имела выделка кожи и меха. Поселенцы занимались металлообработкой, а, возможно, и изготовлением стеклянных изделий. Исследования Алексеевского городища существенно дополняют характеристику

этнокультурных процессов в Нижнем Поволжье и на прилегающих территориях в эпоху позднего средневековья.

Археология., 1997. Древняя Русь. Быт и культура (Археология СССР). М.

Захаров П.Е., Яворская Л. В., 2003. Памятники золотоордынского времени у села Нижняя Добринка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград.

Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань – Магадан.

Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.

Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49. Мате-

риалы и исследования по истории древнерусских городов. Т. IV. М.

Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золото Орде. М. Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Спицин А.А., 1914. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. СПб.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Худяков Ю.С., 1991. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Юдин А.И., 2001. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1998–2000 годах. Вып. 4. Саратов.

А.Н. Масловский

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

Купеческие дома из раскопок золотоордынского города Азака

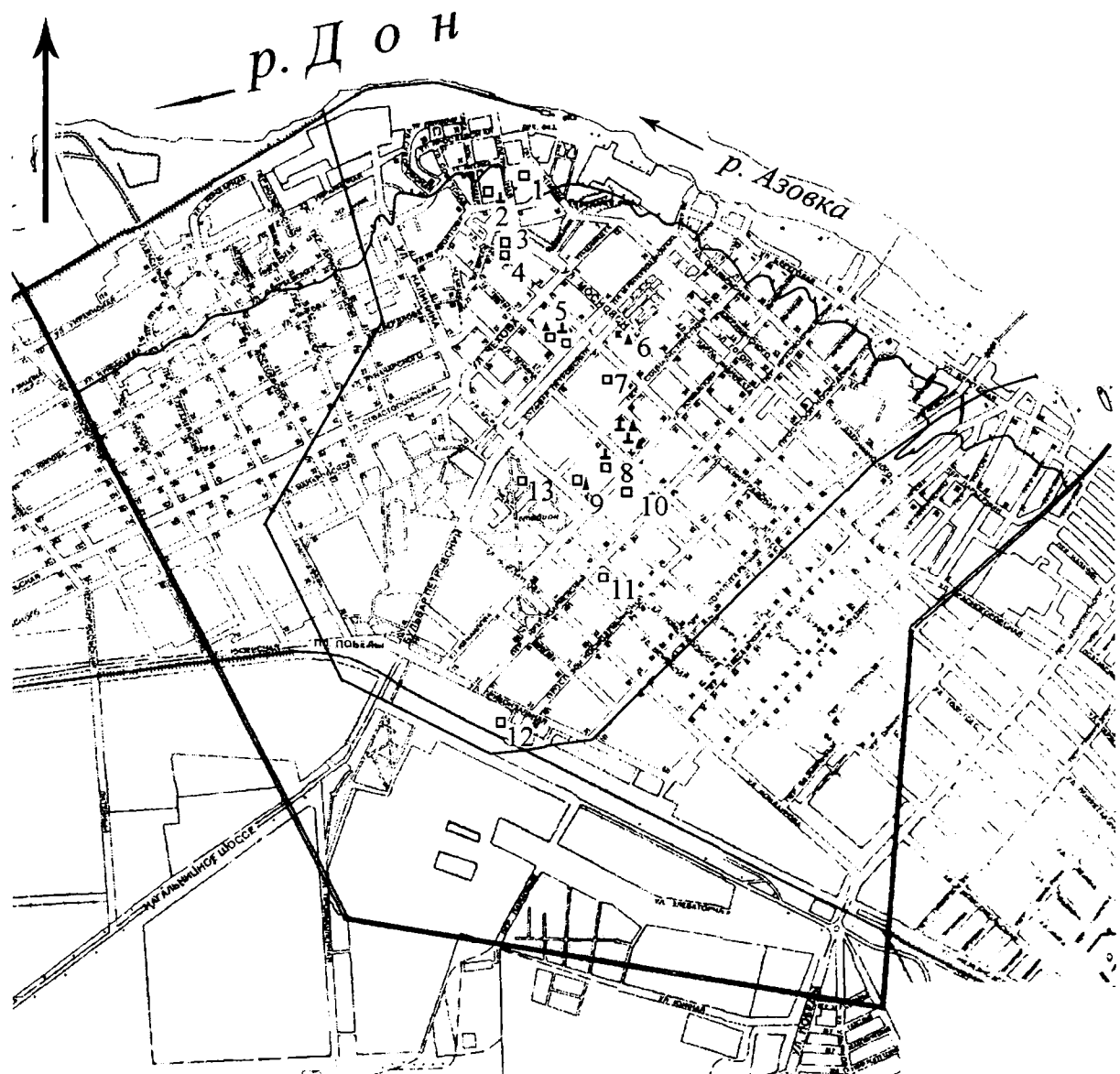
Среди построек золотоордынского города Азака особняком стоит тип земляночных сооружений, выделяющихся своими размерами и конструктивными особенностями. Их рассмотрение предоставляет в наше распоряжение ценную информацию о различных сторонах жизни Азака, как крупного городского центра, и шире, обо всех золотоордынских крупных городах.

На настоящий момент в Азове исследовано свыше полутора десятков таких сооружений (рис. 1), что составляет примерно 1/10 всех изученных построек. Реально их доля в городской застройке была значительно ниже. В условиях плотной современной застройки, крупные землянки сохраняются практически всегда, в то время как легкие турлучные домики основной части горожан прослеживаются только на отдельных участках с наилучшей сохранностью слоя.

Несмотря на то, что большинство из сооружений данного типа обнаружено при ведении спасательных раскопок и исследовано частично, их однотипность позволяет получить достаточно целостное представление об их облике. Пять из них исследованы практически полностью. Размеры землянок составляют

от 7 х 7 до 14 х 17 м, площадью 49–238 кв. м. Почти все они прямоугольной формы. Ширина их не превышает 7–8 м, что очевидно связано с размерами имеющегося строевого леса, шедшего на перекрытия. Единственная более широкая постройка (ширина 14 м) разделена внутренней продольной стенкой на два отсека. Ориентированы они в большинстве случаев длинными сторонами по оси север – юг. Глубина землянок от дневной поверхности XIV в. от 1,5 до 2,5 м.

Как правило, они не имеют никаких стационарных обогревательных сооружений и во всех них без исключения не выделен жилой отсек. Это отличает их от второго по размерам типа землянок имеющих площадь 24–40 кв. м, четко разделенных на два отсека, из которых жилой находится в дальней от входа части. В редких случаях, когда тандыр присутствует, он небольшого размера и при большом объеме не разделенного на отсеки помещения не мог служить для его обогрева. Довольно часто на материковых полах фиксируются прокаленные пятна, очевидно от временных очагов. В комплексах, погибших в пожарах, в заполнении фиксируются мощные завалы обрушившихся внутрь наземных частей стен из

План Азова.

0 250м

□ - купеческие дома	— - граница города по И.Д. Тиуну
┃ - весы	== - граница города по Н.М. Фомичеву
▲ - гири	--- - горизонталь 20м над уровнем моря

Рис. 1. Расположение остатков купеческих домов на карте современного Азова. 1 – Энгельса 15 (1998); 2 – Р.Люксембург 15 (1992); 3 – Московская 4 (2005); 4 – Ленинградская 11 (2000); 5 – Толстого 41 (2000-2003), Петровский бульвар 14 (2005); 7 – Ленинградская 66 (1991); 8 – Социалистический 61А (2006); 9 – Мира 35А (2002); 10 – Измайлова 49А (2002); 11 – Комсомольская 8 (2005); 12 – Привокзальная 10А (1999); 13 – Парк (2007).

жженого и сырцового кирпича, турлука или камня и большое количество обломков деревянных балок и досок. С этим типом построек связаны и немногочисленные случаи обнаружения кладок из сырцового или жженого кирпича. Даже в сравнительно

полно исследованных сооружениях вход фиксируется не всегда.

Большая глубина землянок в сочетании с мощными завалами надземных частей стен позволяет утверждать, что перед нами лишь подвальные части

больших домов. О наземной их части информации немного. В одном из подвалов расчищен компактный завал печи сложенной из сырцового кирпича рухнувший сверху. По крайней мере, часть наземных стен изнутри покрывалась глиняной штукатуркой и известковой побелкой. В одном случае сохранился фрагмент фрески выполненной красной и черной красками.

Стенки подвалов обшивались вертикально поставленными дубовыми досками, что зафиксировано в 6 случаях. Ширина досок 25–30 см. Обшивка, по крайней мере, иногда, крепилась в мощных горизонтальных балках, уложенных в траншеи прорытые вдоль стен. В других случаях горизонтальные брусья прижимали обшивку к стенкам. Между обшивкой и материковыми стенками оставлялась пауза, засыпанная глиной. В двух случаях зафиксированы дощатые полы. Причем в одном жилище они постелены на лаги, в другом непосредственно на глину. В нескольких других постройках достоверно удалось проследить отсутствие деревянного пола. Часто в полах устаивали дополнительные ямы погребов и иногда сливные ямы. В целом, несмотря на ряд общих конструктивных особенностей, сооружения данного типа достаточно индивидуальны. Сооружение такого подвала требовало значительных материальных затрат непосильных для рядового горожанина.

Находки в заброшенных и даже отчасти в сгоревших жилищах относятся преимущественно к мусорной засыпи. В силу значительных размеров подвалов, их могли использовать для свалки мусора десятилетиями. Поэтому вещей связанных с самими жилищами немного. Однако, фиксируется значительный, по меркам Азака, имущественный достаток их владельцев. Из них происходит – золотая серьга, одна из трех находок золотых вещей в городе, комплект вооружения арбалетчика, китайский фарфор с кобальтовой росписью, клады серебряных монет, большие сервизы поливной керамики, фляга пилигрима, антикварные монеты и др.

Хотя в большинстве случаев профессиональная деятельность владельцев дома не может быть установлена, есть три счастливых исключения. В наиболее крупном и хорошо сохранившемся подвале, исследованном по ул. Мира 35А в 2002 г., которое погибло около 1365 г. обнаружены десятки развалов амфор местного производства. Среди них были бракованные экземпляры. На ряде сосудов нанесено сложное по форме граффити, не встреченное нигде кроме этого комплекса. Оно отмечено также на сосудах других форм из этого подвала. Таким образом, перед нами крупная партия тарных сосудов, заку-

пленная оптом. Поскольку амфоры предназначались для экспортной торговли, то, очевидно, что перед нами дом крупного купца оптовика, занимавшегося международной торговлей. Из жидких, полужидких и сыпучих товаров, которые могли производиться в Азаке и его округе на вывоз, и для транспортировки которых целесообразно было использовать амфоры, письменные источники упоминают икру, преимущественно осетровых рыб. Поэтому мы с достаточной большой долей вероятности можем предположить, что перед нами дом купца торговавшего икрой. Во втором случае на полу землянки, погибшей в 1395 г., исследованной в 2000 г. на ул. Ленинградской 11, был расчищен слой из крупных фрагментов от 8–10 амфор трапезундского производства. Кроме них найдены развалы только 4 сосудов, из которых 2 пифоса и 1 крупный тарный кувшин. Можно предполагать, что перед нами подвал виноторговца. В 2005 г. на участке по ул. Московской 4 был частично исследован подвал дома, сгоревшего около 1343 г. Его заполнение было насыщено обугленным зерном, рассыпанным и по полу. В углу по уникальному стечению обстоятельств уцелело два больших мешка с мукой и короб из луба с зерном. Этот дом можно считать принадлежавшим торговцу зерном или мукой. Как видим, во всех трех случаях можно говорить о принадлежности хозяев дома к числу крупных купцов. Из сооружений данного типа происходит также единственная в Азаке находка весов типа безмена и нескольких свинцовых гирек.

Это не исключает вероятности того, что какие-то из подвалов могли использоваться иначе. Например, их могли использовать в качестве помещений для устройства ремесленных мастерских. В жилище, исследованном на участке по ул. Социалистической 61А, в выделенном отсеке находился гончарный горн. В другом случае в полах расчищена прямоугольная яма с зелеными стенками, которую можно определить как чан для обработки органических веществ. Наличие в пределах подвалов купеческих домов ремесленных мастерских не может удивлять, ведь именно купцы зачастую организовывали ремесленные предприятия.

Такую же картину – наличие под средневековыми купеческими домами обширных подвалов-складов, которые использовались для хранения товаров хозяина, мы видим и в других регионах Восточной Европы (Русь, Прибалтика). Насколько характерны такие дома с подвалами для других регионов Золотой Орды не ясно. Г.А. Фёдоров-Давыдов отнес большие землянки без отопительных сооружений к числу рабских казарм. Однако указанные им размеры 11–32 кв. м намного меньше самого маленького

из купеческих подвалов Азака. На мой взгляд, следует ожидать находок подобных домов и в других золотоордынских центрах.

Картографирование этих построек показывает, что они размещаются в узкой полосе, вытянутой с севера на юг через всё городище по его центральной оси (рис. 1), т.е. вдоль центральной городской магистрали. На раскопе по ул. Толстого, где обнаружена главная магистральная улица города, расчищено 4 подвала купеческих домов. С этого раскопа происходит очень большое количество монет и несколько весовых гирек, в т.ч. одна от кантара.

Генезис данного типа сооружений и этническая принадлежность их владельцев являются нерешенной проблемой. Лишь об одном жилище, где был найден комплекс вооружения арбалетчика, можно сказать, что его владельцем был итальянский купец. В целом же, материал жилищ не несет на себе каких либо особенностей выделяющих их среди окружающих комплексов.

Изученные комплексы датируются периодом

1320–1395 годами, но, учитывая капитальность этих построек, следует говорить об их появлении уже в ранний период истории города. Можно проследить лишь динамику их гибели. 1320-е гг. – 1 комплекс, середина XIV в. – 7 комплексов, 3 четверть XIV в. – 3 комплекса, конец XIV и вероятно начало XV вв. – 2 комплекса.

Обратим внимание на то, что купцы в Азаке проживали в разных частях города и очевидно не образовывали особых районов. Их окружали мелкие самостоятельные усадьбы городских ремесленников и мелких торговцев. Ремесленных мастерских в Азаке исследовано гораздо больше, и это при том, что большинство из них в отличие от купеческих подвалов бесследно стерты современным городом. Говорить о доминировании торговли в жизни Азака невозможно. Вместе с тем именно купеческие дома являются наиболее капитальными среди исследованных жилых построек Азака. Ни одной аристократической усадьбы в Азаке до сих пор не найдено.

А.В. Матвеев, О.М. Аношко, М.А. Сомова, Т.В. Селиверстова

Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета

Археологические исследования экспедиции Тюменского университета в г. Тобольске

Летом 2007 г. в Тобольске начались работы экспедиции Тюменского государственного университета, поводом для которых стала угроза разрушения городского культурного слоя в ходе строительства. О необходимости принять меры по его спасению и изучению говорилось на V Всероссийском съезде органов охраны памятников истории и культуры, который состоялся в Тюмени в 2006 г.

Первый раскоп площадью 501 кв.м, названный Гостиным, заложен на площади бывшего стадиона, к северу от Гостиного двора, в охранной зоне Тобольского кремля. В результате работ установлено, что на протяжении долгого периода данный участок являлся частью посадской территории. Раскопом вскрыты остатки примерно полутора десятков разновременных сооружений различного назначения, многие из которых имели углубленные в грунт котлованы и сохранившиеся деревянные конструкции.

Наиболее старым из этих объектов, относящимся, видимо, к XVII в., можно считать сооружение, возведенное на поверхности ископаемого почвенно-

горизонта. От него сохранились отдельные бревна сруба и застеленный берестой пол, сложенный из досок. По данным планиграфии и стратиграфии к несколько более позднему периоду относятся пять сооружений, которые имели впущенные в грунт котлованы с остатками срубов в несколько венцов. При этом две постройки, объединенные общими деталями конструкции, представляли собой единый комплекс. Со следующим условным временным интервалом, следует соотносить сгоревшее наземное сооружение, руины которого зафиксированы в виде обугленных плах пола и развалом печи на нем. На этом же уровне фиксировалась еще одна деревянная конструкция, от которой сохранились отдельные фрагменты плах и бревен, а также мощный провал со скоплением обломков кирпичей от развала печи. К группе позднейших объектов относятся четыре сооружения, котлованы которых с остатками срубов не только перерезали всю пачку культурных отложений, но и разрушили часть описанных выше построек. В заполнении одного из них обнаружен обломок

стеклянного клейма с указанием 1781 г.

С постройками связан представительный комплекс находок. Самую массовую категорию составили горшки, корчаги и банки, выполненные на гончарном круге. Среди фарфоровой посуды преобладают фрагменты блюдец и чашек, среди стеклянной — обломки рюмок, фужеров, бутылок и банок. На дне некоторых отмечены китайские иероглифы, а на одном — надпись «LONDON». Коллекция железных предметов представлена ножами, дверными петлями, скобами, фрагментами ножниц, гвоздями и т.п. Найдены остатки кожаной обуви — поршней, туфель и сапог, железные подковки, защищавшие каблук от изнашивания. В материалах присутствуют детали костюма — железные поясные пряжки, предметы туалета — роговые гребни, а также два нательных крестика из меди и серебра, деревянная шахматная фигурка, керамическая птичка-свистулька и другие изделия.

Нумизматическая коллекция, происходящая из Гостиного раскопа, состоит из восьми русских медных монет (четыре полушки 1737, 1739, 1740 и 1749 гг. и четыре деньги 1737, 1746 и 1748 гг.) и одной иностранной, которая, как это установлено А.Г. Емановым, является жетоном, изготовленным в мастерской Иоганна Адама Дизеля (1746–1768 гг.) в Нидерландах или западно-немецких землях.

Октябрьский раскоп площадью 204 кв. м разбит на месте случайно обнаруженных остатков острожной стены, в котловане, вырытом для отсыпки нового полотна проезжей части ул. Октябрьской. К началу работ культурный слой, достигавший трехметровой мощности, был уничтожен дорожниками, а поверхность раскопа представляла площадку, заваленную переотложенным грунтом и строительным мусором. После расчистки в северной части раскопа выявлен небольшой участок не потревоженного культурного слоя, насыщенного щепой, остатками навоза, обломками посуды и костями животных, здесь также обнаружены деревянная шахматная фигурка, роговые гребни, сплетенные из бересты уплощенные емкости с носиками, деревянный черпак, фрагменты кожаной обуви, ткани, войлока и другие предметы.

От частокола сохранилось около 90 бревен, основная часть которых является остатками тына, сооруженного для защиты города. Бревна устанавливались на дно канавы, ориентированной с юга на север. Учитывая мощность погребенной почвы, можно сделать вывод о том, что частокол вкопан в грунт примерно на 2 м. Все бревна ошкурены, по длине каждого из них вырубался паз, позволявший стыковать столб с соседним. Нижние торцы большинства столбов представляли горизонтальные

спилы, а некоторые заострены в виде клина. Нижняя часть одного из бревен напоминала прямоугольный выступ или шип, в котором проделано прямоугольное отверстие. Вероятно, шип вставлялся в соответствующее по размерам и форме гнездо и закреплялся в нем с помощью клина. Высказанные соображения не исключают атрибуции найденного бревна как нижней части мачты парусного судна. Сибирские летописи содержат упоминания об использовании деталей кораблей для городского строительства. Так, Книга записная, которая представляет собой наиболее раннюю редакцию Сибирского летописного свода, сообщая об основании Даниилом Чулковым Тобольска в 1587 г., уточняет, что он был «срублен из судового лодейнаго лесу» и окружен острогом (Сибирский летописный свод. Книга записная. С. 139). Не исключено, что «лодейный лес» из-за острой нехватки строевого материала долго служил жителям города, и какая-то его часть вполне могла пойти на постройку обнаруженного частокола. Другая гипотеза сводится к тому, что найденный предмет являлся когда-то деталью фортификационной или какой-то иной городской постройки.

Под остатками тына обнаружен подземный ход длиной около 7 м. Вход в него представлял собой вертикальную шахту, в заполнении которой сохранились остатки лестницы, представленные вертикально стоявшей доской и горизонтально лежавшими плахами-ступеньками. На дне ямы лежали четыре берестяных колчана с комплектами стрел, от которых уцелели металлические наконечники и древки. Потолок и стены подземного хода забраны досками, которые поддерживались невысокими опорами в виде вертикально установленных плах и бревен. Дощатое перекрытие подземелья проходило чуть ниже основания бревенчатой стены, при этом по горизонтальной штольне можно было передвигаться ползком поодиночке. На дне последней найдены еще два берестяных колчана и железное тесло с деревянной рукоятью, оставленное, видимо, для того, чтобы в случае просадки грунта у заваленных был шанс откопаться.

Датировать, а тем более идентифицировать остатки частокола с одним из тех, что упоминаются в летописных и иных источниках, пока трудно. Не подлежит сомнению только то, что этот объект находился на территории верхнего посада и выполнял оградительные функции. Он мог являться частью острога, который, неоднократно перестраивался и переносился с одного места на другое. Известно, что стену имел уже и Тобольск времен Даниила Чулкова, хотя отождествлять остатки обнаруженного тына со стеной «лодейного города» нет оснований, т.к. он

находился значительно южнее. В большем удалении от берега проходили острожные стены, строившиеся позднее, но сведения о них довольно скупы и касаются лишь фактов их перестройки и гибели при пожарах. Пролить свет могли бы планы Тобольска, составленные С.У. Ремезовым в 1687 и 1688 гг. и вошедшие в «Херографическую чертежную книгу» (Кочадамов, 1963. С. 24). К сожалению, они фактически недоступны для изучения, т.к. подлинник ремезовской рукописи хранится в США. Вместе с тем чертеж 1688 г. лег в основу других ремезовских планов. Один из них составлен не позднее 1701 г. и вошел в «Чертежную книгу Сибири» (2003а. С. 8, 9; 2003б. С. 44–47), а другой, относящийся к 1714 г., – в «Служебную чертежную книгу» (2006а. С. 36, 37; 2006б. С. 33–37). На каждом из них показан тын, прикрывавший восточную окраину города, тогда как исследованная нами стена находится в глубине верхнего посада. Однако на чертеже 1701 г. показан объект, обнесенный частоколом в непосредственной близости к востоку от церкви Успенского девичьего монастыря и к западу от приказа конных казаков. Из этого следует: во-первых, по местоположению нанесенный на ремезовские чертежи объект соответствует остаткам стены, обнаруженным в Октябрьском раскопе, и, во-вторых, он являлся значимым для города. Сказанное, в виде гипотезы, позволяет его датировать от 1688 г. до 1714 г., хотя не исключено, что и до 1757 г., когда Тобольск еще раз выгорел.

Вместе с тем в лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН В.М. Горячевым проанализированы более 40 спилов с бревен из Октябрьского раскопа. По его заключению, вероятным временем строительства частокола являются 50–60-е гг. XVIII в. С.П. Арефьевым в

Институте проблем освоения Севера СО РАН также определен абсолютный возраст одного из бревен. По мнению эксперта, дерево срублено в промежутке 1610–1620 гг. Первые результаты изучения древесины плохо согласуются между собой и вследствие отсутствия дендрохронологического ряда по сосне из района раскопок должны рассматриваться как предварительные. В ближайших планах – проведение радиоуглеродного датирования бревен частокола.

Результаты, полученные в ходе раскопок 2007 г., свидетельствуют о том, что в исторической части Тобольска имеются уникальные по своей научной значимости и сохранности культурные слои, обильно насыщенные остатками разновременных сооружений и артефактами. Это обстоятельство, а также начавшаяся реконструкция города ставят задачи ускорения темпов археологического изучения Тобольска, расширения масштабов раскопок и выработки действенных механизмов, которые бы обеспечивали возможность превентивного изучения участков будущего строительства.

Кочадамов В.И., 1963. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень.

Сибирский летописный свод. Книга записная // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. 36). М., 1987.

Служебная чертежная книга.. 2006а, б. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Т. 2. Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г., 2003а, б. Т. 1, 2. М.

Е.И. Нарожный

Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета

Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным)

Разделив территорию Восточной Европы, включая и Северный Кавказ, на курултае 1235 года между собой (Мыськов, 2003), Чингизиды приступили к их захватам лишь в конце 30-х годов XIII в. Тогда же был захвачен и Северный Кавказ (Лавров, 1965), вскоре оказавшийся в сфере непосредственного политико-экономического диктата и этнокультурных процес-

сов Золотой Орды. Версия о “быстром уходе” монголов с территории региона (Лавров, 1947; Хизриев, 1976), опровергается исследованиями этнографов, позволяющих утверждать о начале в 1240-е гг. массового переселения центральноазиатских кочевых орд, являвшее собой традиционное и характерное еще по Центральной Азии, “освоение пространства

и новых территорий” (Жуковская, 1988). Расселение здесь Чингизидов, впрочем, как и на всем пути их движения из Азии в Европу (Крамаровский, Щукин, 1992), иллюстрируют несколько выразительных погребальных комплексов кочевников “поколения внуков Чингисхана” – из Гашун-Уста (Крамаровский, 1995; 2001; 2001а), из пос. Семеновод (Нарожный, Охонько, 2000), у ст. Новоберезанской на Кубани (Зеленский, Каминская, 1995; Крамаровский, 2001) и из-под Ачик,улака (Северо-Западный Прикаспий) (Нарожный, 2005а). Вероятно, им сопутствовали и группы населения из Южной Сибири (Рудницкий, 1999; Нарожный, 2000) и с Дальнего Востока (Нарожный, 2007а). Происходит перегруппировка и перераспределение половецких орд, подчинившихся Чингизидам. Сохраняется на равнине и в предгорьях значительное количество прежнего, “домонгольского” населения Северного Кавказа, у некоторых из которых (“аланы и черкесы”), монголы оставляют их “царей” (Нарожный, 2008). В начале 1260-х гг. из Поросья, Поднестровья и Побужья, в составе войск Ногай (Добролюбский, 1990), на Северном Кавказе расселяются черные клобуки (Нарожный, 2000а; 2003), активно участвовавшие в Хулагуидо-Джучидском военно-территориальном противостоянии, а затем и в этнокультурных процессах на территории региона.

К XIV в. в Золотой Орде формируется “синкретическая материальная культура” (Федоров-Давыдов, 1974), которую, наверное, следует рассматривать и как следствие “синкретизма” материальных культур не только всех участников этого процесса, но и как закономерный результат этно-миксационных процессов, продолжавшихся на протяжении 60–70-лет, прошедших после захвата и “освоения новых территорий”. С этнографической точки зрения – это время активной жизнедеятельности, как минимум, двух поколений людей, уже родившихся и выросших в рамках золотоордынских реалий.

В литературе указывалось: одним из примеров происшедших инноваций этого периода стала замена старых, т.е., традиционных ориентировок в погребениях кочевников, на “всеобщую”, западную ориентировку (Нарожный, 2005, 2007; Нарожный, Охонько, 2007). Вполне реально, что происходило это тогда, когда кочевники стали “отказываться от сознательного сохранения ориентировок могил по странам света”, когда “они потеряли для них былой смысл, либо же, начинают приобретать какой-то новый” (Добролюбский, 1988). Однако вопрос о датировке указанных процессов продолжает оставаться дискуссионным и открытым. В развитие предположения укажем еще на несколько погребальных ком-

плексов с территории Северного Кавказа. Это три захоронения “монголов” (определение А.В. Шевченко), перекрытых одной подсыпкой в кургане № 1 группы 4 Калиновского курганного могильника в Наурском районе Чечни (рис. 1: I–III). Все они, по половинке бронзового зеркала (рис. 1: II, 1), типичного для памятников золотоордынского Поволжья, Северного Кавказа и восточноевропейских кочевников XIII–XIV вв. (Недашковский, 2000), синхронны. Такие же зеркала есть и в горной зоне Северного Кавказа (Чечня), датированные монетами Узбека и Джанибека (Нарожный, 1998). Следовательно, северная ориентировка в кочевнических захоронениях Калиновского кургана № 1 гр. 4 могла сохраняться вплоть до первой трети XIV в., параллельно сосуществуя и с уже распространявшейся, западной, использованной в погребении № 6. Аналогичную ситуацию демонстрируют и три захоронения из курганов в Шелковском районе Чечни (рис. 1: IV–IX): погребенные с северной и западной ориентировками, судя по находкам в них зеркал, также синхронны, т.к. зеркала из их инвентаря датируются – “концом XIII – первой половиной XIV в.”, либо же, “второй пол. XIII–XIV в.” (Недашковский, 2000). Следует указать и на кочевническое погребение с западной ориентировкой, с территории Алахан-Калинского городища, датированного серебряной монетой, тип которых (определение Г.А. Федорова-Давыдова), был характерен для таких монет конца XIII в. (Нарожный, 2008а). Отмеченные комплексы, вероятно, указывают на время изменений традиционных ориентировок у северокавказских кочевников периода Золотой Орды.

Интерес вызывают и исторические судьбы потомков “домонгольской” части населения, включенного в состав Золотой Орды. Не очень удачны термин–”позднеаланская культура” Северного Кавказа, определяющий период “X–XIV вв.” (обзор см.: Савенко, 2008), подразумевает сохранение аланского населения в регионе и в рамках Золотой Орды. В рамках “культуры” указывается на отдельные катакомбы Змейского раннесредневекового могильника, относимых ныне к золотоордынскому времени (Фидаров, 2004). Относительная их датировка может быть сопряжена с содержания политических процессов в округе Придарьяля в описаниях письменных источников, позволяя определять время и причины сохранения аланами своей традиционной погребальной обрядности.

Известно: Чингизиды, по окончании завоевательной кампании конца 1230-х годов, сохраняют “царей у аланов и черкесов” Северного Кавказа (Тизенгаузен, 1941). В Придарьяле, вплоть до 1262

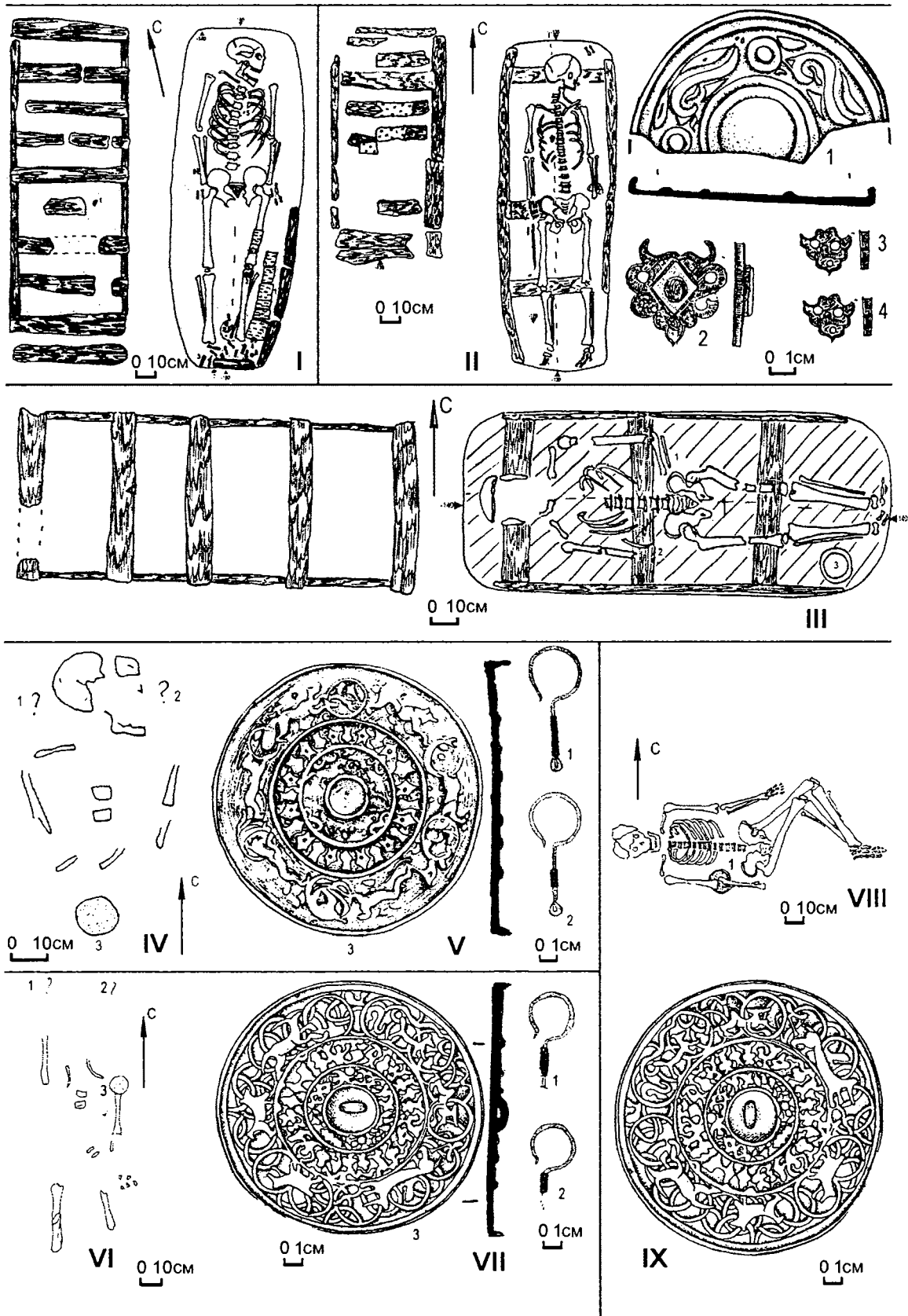

Рис. 1. Захоронения XIII–XIV вв. с территории Чечни.

года власть Джучидов опосредуется “царствующей особой по имени Лимачав” и ее окружением из “множества князей” (Цулая, 1980). Уход Лимачав вместе с потерпевшими поражениями Хулагуидами в Закавказье и последовавшее расселение аланов в Грузии, вероятно, существенно ситуацию в Придариалье не изменили. Поход Менгу-Тимура против “славного ясского города Деякова” и последовавший разгром города в 1278 году, свидетельствует об отсутствии здесь золотоордынских сил с 1262 по 1278 гг., что указывает на номинальный характер зависимости аланов Придариалье от Золотой Орды. Вплоть до конца 1270-х годов здесь не было и серьезных факторов, влиявших на трансформацию старых и традиционных систем их культуры и обрядности, включая и погребальный обряд. Установление в округе контроля Джучидов начинается уже после разгрома Деякова, хотя вплоть до середины 1290-х годов, согласно сведениям армянского источника, здесь находится только “стражи татарской”. Отсюда и название округа, закрепившееся в историческом сознании кавказцев: возникший в первой трети XIV в. на месте Деякова Верхний Джулат, обозначавших не иначе, как “Татартуп”, т.е., “стоянка татар”, “стража татар”: (Семенов, 1947). Следует полагать: в рамках указанных условий, старая обрядность, включая катакомбный характер захоронений в этой округе могла существовать на всем протяжении XIII – первой трети XIV в. в материалах уже XIV в. – захоронения на некрополях вокруг всех четырех христианских церквей и Большой мечети, в которых явно улавливается и аланский этнокомпонент (Алексеев, Беслекоева, 1963; Кузнецов, 2002; Фидаров, 2004), представлены только одиночными грунтовыми ямами и конструкции из кирпича, документируя кардинальную смену погребального обряда.

Определенный интерес вызывают и погребальные комплексы из округи Рим-горы (Кавминводы), в инвентаре отдельных катакомб которой встречаются наборы предметов вооружения “X-XIII вв.” и сопоставленные с инвентарем катакомб Змейского могильника в Осетии (Рунич, Михайлов, 1976). Отдельные сабли и шлем Рим-горы имеют полные аналогии среди предметов вооружения Келийского могильника (Ингушетия), надежно датированного монетами XIII-XIV вв. (Виноградов, Нарожный, 1988). По внутренней хронологии этого некрополя, интересующие нас сабли и шлем датируются серединой-концом XIII – первой третью XIV в. Аналогии: Рим-горы – Кели не только свидетельствуют об аланском влиянии на материальную культуру горной Ингушетии, но могут быть и примером “дожи-

вания” некоторых Рим-горских катакомб до периода конца XIII – первой трети XIV столетия. Выявленные же на Рим-горе одиночные захоронения эпохи Золотой Орды (Рудницкий, Фоменко, 2005), как и на Змейском могильнике (Фидаров, 2004), не ранее конца XIII – первой трети XIV в., указывая на характер этнокультурных процессов, происходивших на Кавминводах.

В рамках этого интереса, нередко, указывается и на “аланские катакомбы”, датированные монетами Узбека и Джанибека из сел. Ушкалой (Чечня), исследовавшихся М.Х. Багаевым, Р.А. Даутовой и Х.М. Мамаевым. Однако у “катакомб” отсутствуют входные ямы, а проемы, ведущее внутрь камеры, устроены со стороны склона. Эти детали позволяют сближать данный тип погребальных конструкций с т.н. “пещерными” или “скальными” захоронениями, больше знакомыми по раннесредневековым некрополям Верхней Кубани и Кавминвод (Коробов, 2004). Генезис раннесредневековых “скальников” может быть поставлен в прямую связь с тюркскими миграциями на Северный Кавказ, способствовавшими распространению уже к VII–VIII вв. каменных “оградок”, статуй древнетюркского облика, памятников, по И.Л. Кызласову, “кубано-тюркской группы” рунического письма (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, 2003, 2004; Нарожный, 2002) и пр. Вероятно, после событий 1230-х годов, носители данного обряда оказываются в системе политико-экономического контроля Джучидов, способствовавших и их широкому расселению с запада на восток региона. Данный процесс документируется “пещерами” Дзивгиса с монетами Русудан 1227 г., а затем и ушкалойскими погребальными комплексами первой пол. XIV в. Ныне, указанное население сопоставляется с фольклорными “боргаами” (в переводе с тюрк. яз. – “передвигающийся”, “перемещающийся”) региона (Нарожный, 1989, 2004). Оседлав выходы из горных ущелий, где ныне сосредоточена основная масса “скальников” Северо-Восточного Кавказа, носители данного погребального обряда постепенно начинают проникать в глубь горных территорий, что документируется, к примеру, “скальниками” Келийского могильника XIV–XV вв. (Нарожный, 1996), доживая там, судя по находкам курительных трубок, вплоть до XVIII в. (Семенов, 1956). Другая их группа принимает участие в сложных этнокультурных процессах посттимуровской эпохи, обитая в бассейне “р. Борагна-Цкали” – Брагунской реки (грузинских источников), т.е. на р. Сунжа (Виноградов, 1980; Нарожный, 1989), с которыми связывается и мавзолей Борга-Каш (“могила борганов”, или могила Боргана”) начала XV в.

Не меньший интерес вызывают раскопанные материалы ряда подкурганых памятников Североро-Западного Кавказа, суммарно, датируемых “XII–XIV вв.” из Цемесской бухты (Армарчук, Малышев, 1997), Лобановой щели (Марченко, Пьянков, 2002; Раев, Кохюменко, 2002), Молокановой щели (Дмитриев, 2008) и др.

При очевидной дискуссионности этнокультурной оценки данных памятников, их соотношение с общеадыгским этническим массивом (Марченко, Пьянков, 2002) сомнительно. Смешанный характер населения, с явной тюркской этносоставляющей, представлен индивидуальными и коллективными захоронениями внутри каменных оградок и без них. Варибельность обрядов демонстрируют захоронения в каменных ящиках и грунтовых ямах, кремации, кремации в разнотипных сосудах-урнах, сопровождающиеся захоронением коня на боку, а также – погребения лошади на боку, сопровождающей захоронение человека. Последние погребальные комплексы известны от Геленджика до Анапы и ст. Раевской (Федоров-Давыдов, 1966) и, возможно, у ст. Запорожской, предварительно датированного VIII–IX вв. (Чхаидзе, 2007). Судя по керамике, встречающейся на указанных могильниках, некото-

рая часть захоронений оттуда, как тюркско-аланское население XIII–XIV вв. Тюркский компонент имеет очевидную связь с населением постхазарского времени, на которое наслоилось и влияние черноклобуцкого населения (Армарчук, Малышев, 1997; Нарожный, 2003).

Заманчиво результат такой и достаточно длительной по времени миксации различных этнокомпонентов, в золотоордынскую эпоху связывать и со сведениями Шами и Йезди, сообщавших о походе войск Тимура, в т.ч. против “Буриберди и Буракана”, являвшихся “правителями асов” (Тизенгаузен, 1941). Тюркский характер ономастики указанных в источнике “правителей” (Ртвеладзе, 1976), вместе с анализом контекста сведений письменных источников позволяет локализовать их на отрезке от Новороссийска до Сочи и “уводить” именно сюда, вопреки сложившейся традиции, отдельные маршруты передвижений войск Тимура в конце XIV столетия (Нарожный, 2005б; 2006).

Рассмотренные явления не исчерпывают всей сложности и многообразия этнокультурных процессов в регионе лишь незначительная часть примеров сложных и трудноуловимых процессов этнокультурной истории региона в золотоордынское время.

И. Ф. Никитинский

Вологодский государственный историко-художественный музей-заповедник

Святылища и культовые камни междуречья Сухоны и Ваги

В данной работе впервые предпринята попытка собрать сведения о средневековых и древних святылищах, а также культовых камнях бассейнов рек Сухоны и Ваги. Их исследования начались относительно недавно, хотя упоминания о таковых можно встретить в краеведческой литературе XIX века.

В 80–90-е гг. XX в. автором данного доклада открыто несколько неизвестных ранее святылищ. Наиболее крупным и из них является Заборское святылище. Оно находится на левом берегу р. Кулой в нижнем ее течении. Святылище было открыто в 1980 и опубликовано в 2002г. в сборнике Вельского краеведческого музея «Важский край: источниковедение, история, культура» (Никитинский, 2002. С. 15–23). Оно представляет собой комплекс из шести крупных камней, на трех из которых имеются рисунки-петроглифы. Максимальный поперечник камней от 1,05 до 3,2 м. Они расположены на не-

большом возвышении неподалеку от берега р. Кулой. В горизонтальном плане камни святылища образуют треугольник с основанием 6,4 м и высотой 12,8. Этот треугольник вытянут вдоль течения реки вершиной к ее истокам. Три камня, несущие на себе петроглифы, расположены в один ряд параллельно друг другу. На их торцовых сторонах, обращенных к основанию треугольника, изображены слева направо: на камне № 1 каркасная постройка типа чума, на камне № 2 – решетка, на камне № 3 – сложный нехристианский крест и большая решетка с мелкой ячейей в нижней подземной части камня. На камне №1 рисунок имеется также и на одной из его боковых поверхностей. Это еще одна решетка. Линии рисунков от слабо заметных до врезанных в камень на глубину до 1см. Интерпретировать святылище по имеющимся материалам очень трудно. Скорее всего, Заборское святылище создавалось для регу-

лирования отношений между несколькими группами людей, объединенных одной общей целью. Надо полагать, это были сезонная рыболовство и охота, когда строятся общие заколы и езы для ловли рыбы и устанавливаются наземные сети-перевесища для ловли линяющей птицы. Решетчатые рисунки могут быть их символами. Не зря на камнях они показаны выше и ниже поверхности земли. Расположение камней – треугольник вершиной вверх по реке, указывает на важность этого направления для создателей святилища. На святилище могли проводиться ежегодные ритуалы общественного договора и согласия. Свидетельством тому могут быть глубоко, до 1 см, прорезанные линии сложного креста. Крест расшифровывается мифологами как символ связи верха и низа, неба и земли. Ежегодное возобновление этого символа, могло быть своеобразной подписью под общественным договором. Датировать Заборское святилище по имеющимся данным не представляется возможным. Однако можно утверждать, что оно было создано в дохристианский, языческий период. Несколько лет назад святилище испорчено бульдозером.

В Верховажском районе Вологодской области в 2–3 десятках километров южнее Заборского находится еще одно святилище. Место этого святилища известно у населения района как место, где находится «Писанный камень». Оно опубликовано автором в 2004 г. в еще одном сборнике Вельского музея (Никитинский, 2004. С. 201–213). Камень расположен в 3,5 км к юго-востоку от с. Верховажье, в лесу. С находящимся рядом оврагом и родниками в нем связано название «панская дорога». Рисунки на камне приписываются панам – «они писали». Длина камня 2 м, ширина 1,1 м. На двух из трех продольных граней имеются рисунки. Среди них есть рисунки, которые можно связывать с язычеством. На некоторых участках поверхности камня видны следы множества ударов, нанесенных острыми, твердыми предметами. В зачистке, выполненной в верхней части оврага, выявлен слой темно-серого песка с углем, мощностью до 16 см. Возможно, он связан со следами ритуалов. Следами ритуалов, скорее всего, являются следы точечных ударов имеющихся на «Писаном камне».

Можно предположить, что как языческий культовый объект «Писанный камень» функционировал до конца XIV столетия. Время начала функционирования неясно.

Средневековое языческое святилище около г. Кадникова. Оно представляет собой комплекс из «Окаменелой бабы» под Лисьей горой и святого родника, что у д. Теньково. Этот объект известен с XIX в. по краеведческой литературе как «окаменелая баба под Лисьей горой» (Степановский, 1890.

С. 432) и бытующим до наших дней легендам. Легенды упоминают о двух обгорелых, заостренных столбах возле «окаменелой бабы» и погребениях двух разбойников под ними. Имя одного из разбойников «Корелка». Неподалеку находится «святой родник». На Лисьей горе автором зафиксировано средневековое селище XII–XIII вв. Среди немногочисленных вещей, найденных на селище, есть звено литой бронзовой цепочки от шумящего украшения с перпендикулярно поставленными кольцами.

Поперечник камня достигает 4 м. В его форме просматривается слабое подобие женской фигуры. На одной из сторон каменной бабы, ниже прослеживаемой линии, по которую она была погружена в землю на прежнем месте, имеются следы линзы угля мощностью 15–20 см и длиной до 150 см. Возможно, это следы некогда проводившихся около нее огненных ритуалов.

Вероятно, в XII–XIII вв. при селище на Лисьей (Лысой) горе существовал культовый комплекс – святилище, в который входили упоминающиеся в легендах каменная баба, погребения под столбами и святой родник.

Небольшое придорожное святилище, состоящее из камня с именем «Старец» и алтаря находится у д. Залесье Сокольского района. У местного населения камень известен как «Старец» или «святой камень». Старца, но не монаха, в камень по его просьбе превратил бог, когда первого догоняли разбойники. До семидесятых годов нашего столетия каждый проходивший около камня человек оставлял на нем цветы, веточки, пучки травы, ленты, тряпочки, платки, монеты. Тряпочки и ленты оставляли на время, а потом привязывали в лечебных целях к больному месту. Он представляет собой природное образование, имеющее с одной стороны, в фас – антропоморфные, а с другой, в профиль – фаллические черты. В шурфе возле камня расчищена кладка из уплощенных камней с угольками, кусочками обожженной глины, обломками закопченных очажных камней и аморфными кремневыми отщепами на них. Можно предположить, что когда-то Старец стоял, и возле него был алтарь. Время возникновения этого небольшого, языческого по сути, святилища по имеющимся материалам назвать затруднительно.

Еще одно небольшое придорожное святилище находится у д. Макаровской того же района. Оно представляет собой группу из двух камней: камень-следовик и камень-кресло. Эта группа камней находится в 2,5 км южнее д. Макаровской на водоразделе рек Кубены и Сямжены. Камни расположены по обе стороны лесной дороги идущей из д. Макаровской в д. Шокша. Местная легенда говорит о том,

что на одном из камней сидел Иисус Христос, и на нем отпечаталось место. На другом камне отпечатался след его ноги. С камнями связаны легенды о кладах и богатстве. На камень – кресло садились путники. Этот камень представляет собой крупный валун без определенной формы. В форме углубления можно увидеть следы оставленные ягодицами человека. Второй, меньший камень, находится в 6 м. к юго-западу от первого на другой стороне дороги. На нем прослеживается углубление в виде правой, голой человеческой ступни. След на камне имеет, скорее всего, природное происхождение, и человек в его создании не участвовал.

Датировка этой группы из двух камней затруднена. Ритуалы в рудиментарном виде сохранились почти до наших дней.

Тиуновское святилище. Святилище открыто автором в 1985 г. и опубликовано в 1994 г. (Никитинский. 1994. С. 31–60). Материалы этого памятника не раз публиковались в последующие годы (Никитинский. 2005а. С. 369–378; Никитинский. 2005б. С. 48–55).

Для региона Верхней Кокшеньги и прилегающего участка р. Сухоны характерны языческие грунтовые могильники XIV–XV вв. Они сохранились в этнографических объектах – священных рощах-«кустах». К настоящему времени здесь исследовано 93 погребения в 5 могильниках и выявлено 16 священных рощ. Тиуновское святилище было создано формирующейся здесь в это время этнографической группой русского народа – кокшарами. Информация на Тиуновском святилище дана как отдельными символами-петроглифами, так и их блоками-сюжетами. Она нанесена на большой куполообразный, четырехугольный, ориентированный по сторонам света камень, а также передана устройством его составных частей:

основного камня и алтарной каменной плиты. Четырехугольное, связанное со сторонами света освоенное пространство – Заволочье, показано горизонтальным планом основного камня святилища. Трехуровневое вертикальное строение мира представлено символами – линиями неба, земли и подземного неба. Символ Древа Жизни (Мировое Древо) соединяет все три вертикальных уровня и горизонтальное пространство. Собственно Тиуновское святилище – объект преднауки конца XV в.

Имеются сведения конца XIX в. о еще одном крупном святилище на р. Кокшеньге в Тарногском районе с названием «Дворец дьявола». Объект не обследован. Собраны сведения о десятках культовых камней междуречья Сухоны и Ваги. Документировано несколько таких объектов.

Никитинский И.Ф., 1994. Тиуновское святилище // *Культура Русского Севера*. Вологда

Никитинский И.Ф., 2002. Заборское святилище на р. Кулой // *Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы*. Вельск.

Никитинский И.Ф., 2004. Культовые камни Верховая // *Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы*. Вып. 2. Вельск.

Никитинский И.Ф., 2005а. О Древе Жизни Тиуновского святилища // *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Т. 2. Донецк.

Никитинский И.Ф., 2005б. Об историко-культурном контексте существования Тиуновского святилища // *Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. Материалы научной конференции*. Вологда.

Степановский И.К., 1890. Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда.

Д.О. Осипов

Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»

Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле)

В 2007 г. объединенными силами Института археологии РАН и Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» на территории кремлевского Подола, впервые, после долгого перерыва, были проведены стационарные археологические работы площадь которых составила 520 м².

Повышенная влажность культурных напласто-

ваний на территории Кремлевского Подола, способствовала отличному сохранению органики, включающей «археологическую кожу», коллекция которой насчитывает 15517 единиц. Ценность коллекции повышает обилие условно закрытых комплексов в виде построек и ям, а также уникальные предметы, обнаруженные при раскопках впервые. Хронологи-

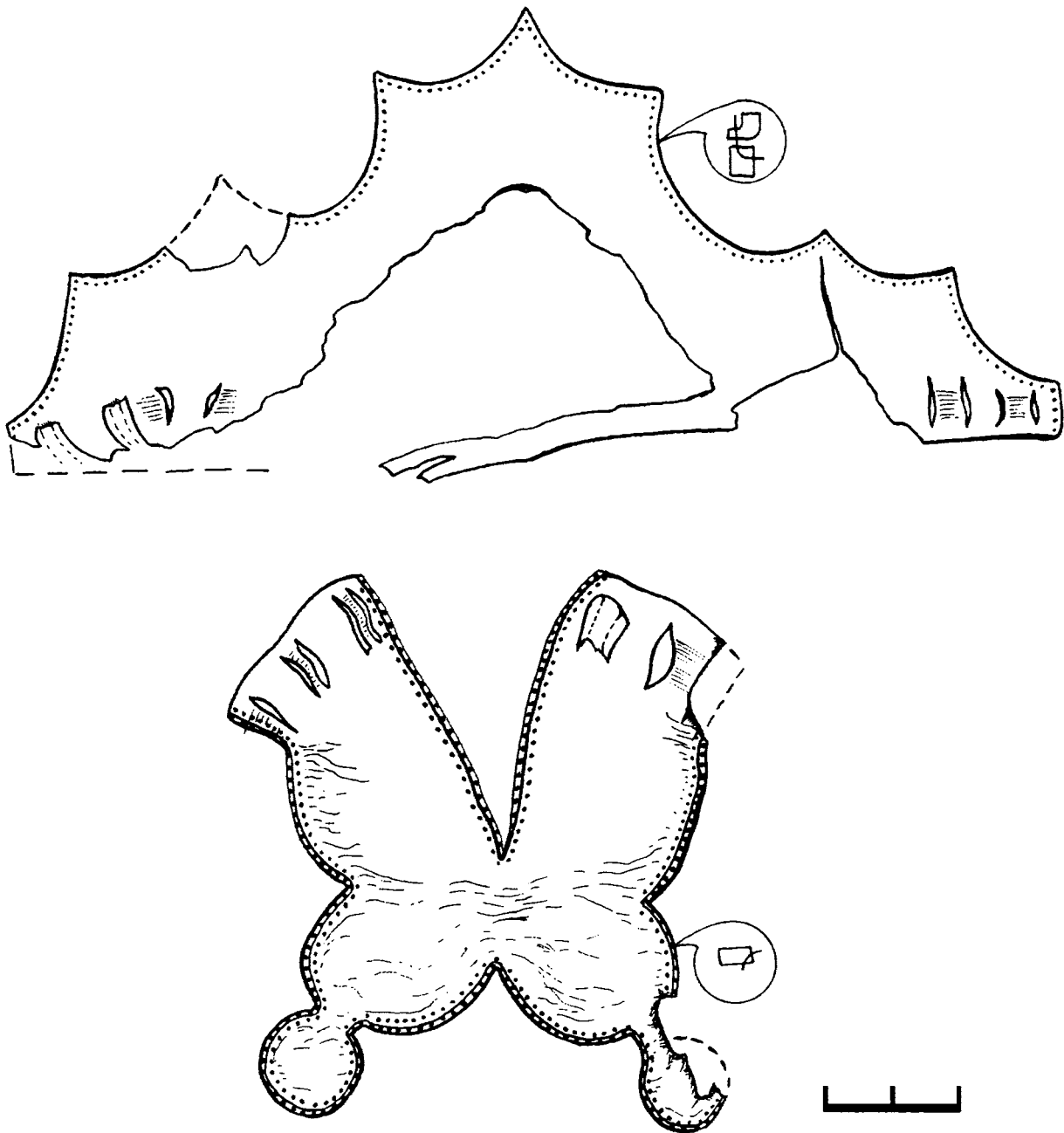

Рис. 1. Кожаный клубочек для ловчей птицы.

ческие рамки собранного нами материала охватывают период с конца XII в. до середины XVII в.

Основную часть материала составляют отходы сапожного производства, детали кожаной обуви и другие изделия из кожи (ножны, рукавицы, сумки, мячи). Кроме того, в коллекцию были включены сопутствующие изделия: железные обувные подковки, войлочные и шерстяные стельки, а также войлочная шапка – грешневик, изготовленная в виде колпака.

Прекрасная сохранность кожи, отдельные фраг-

менты которой сохранили изначальный цвет, позволяет нам реконструировать приемы раскроя и сборки средневековой обуви, среди которой имеются модели импортного производства. Высокое качество изделий и богатый декор указывает на высокий социальный статус проживавшего здесь населения.

Наряду с деталями обуви при раскопках найдены самые разнообразные изделия из кожи, в том числе рукавицы, ремни, мячи, накладки. К наиболее интересным находкам относятся:

– Небольшая, изяшно скроенная кожаная сумка, имеющая два отделения, закрывающиеся особым клапаном-крышкой с металлическим замком.

– Украшенные вышивкой чехлы для ложек, крепившиеся на поясе.

– Кожаные ножны, орнаментированные аппликацией.

– Чехлы для боевых топоров с петлями для крепления к поясу.

– Фрагменты сумки-чемоданца, использовавшегося для хранения кольца.

Уникальной находкой можно считать кожаный клубочок – наглазник для ловчей птицы, изготовленный в виде шапочки (рис. 1).

Клубок скроен из двух деталей. Передняя часть – т.н. «совка», имеет спереди отверстие подтреугольной формы. Задняя часть клубочка глухая. По середине детали имеется вертикальный надрез, прошитый тачным швом, по обе стороны которого заметно округлое вытяжение кожи. Очевидно, что при такой форме кроя надрез обеспечивал увеличение объема задней части клубочка, и обеспечивал более точную подгонку изделия.

Факты находок костей ловчих птиц при раскопках в древнерусских городах известны. Однако какие-либо детали средневекового охотничьего снаряжения использовавшегося для охоты с ловчими птицами удалось обнаружить впервые.

Находка происходит из заполнения впущенного в землю бревенчатого подклета размером 340 x 300 см. По керамическому материалу и индивидуальным находкам, заполнение постройки можно датировать концом XIV в. (В этой же постройке была найдена берестяная грамота № 3).

По заключению сотрудников орнитологической

службы СКМК ФСО России найденный нами клубок по размеру подходит для самки сокола-балобана (*Falco Lanagius*) или самца кречета (*Falco gyrfalco*). Он изготовлен из сафьяна (тонкая мягкая козлиная кожа растительного дубления). В настоящее время его цвет – темно коричневый, хотя изначально он, скорее всего, был цветным.

Кроме клубочка, при раскопках был найден обрывок должика – кожаного ремня, которым ловчая птица крепилась к перчатке или присаде. Должик был найден в заполнении постройки датирующейся началом XVI в.

Охота с ловчими птицами известна на Руси с глубокой древности исключительно как царская «потеха». Сцены соколиной охоты фигурируют во множестве письменных источников, а также представлены на фресках Софийского собора в Киеве (XI в).

Обилие обрезков от раскроя и сработанный инвентарь (сапожные ножи шилья, обувная колодка и пр.), маркируют деятельность сапожных мастерских существовавших на кремлевском Подоле на протяжении всего исследуемого периода.

Собранная нами коллекция средневековой обуви и изделий из кожи является самой массовой за все годы археологических исследований в Москве. Согласно основным принципам, изложенным в методической литературе таким как: значительная площадь исследования, обширный хронологический диапазон, наличие узко датированных комплексов и большое количество предметов позволяют считать ее эталонной. Она содержит ценную информацию, отражающую различные стороны жизнедеятельности населения кремлевского Подола и дополняет выводы сделанные на основе изучения других категорий находок.

В.С. Патрушев

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

Археология средневековых городов Марийского края

Основание русских городов в марийском крае связано с широким народным движением, направленным против феодально-крепостнического гнета царизма и вошедшим в историю под названием «черемисских войн». Для закрепления позиций Русского государства в 1574 г. на левом берегу р. Волги близ устья р. Большая Кокшага был основан город Кокшайск, в 1583 г. началось строительство Козьмо-

демьянска на правом берегу Волги, а в 1584 г. в глубине марийских земель был основан Царев город на реке Малая Кокшага, позднее названный Царевококшайском. Археологические исследования городов, начатые автором более 30 лет назад, дают основной материал по их системе укреплений и планировке, материальной и духовной культуре населения.

1. Кокшайск. Исторический центр Кокшайска

охватывает территорию вдоль берега протоки Волги протяженностью около 350 м, шириной 200 м. В 13 раскопах с 1988 по 2004 г исследована площадь около 200 кв.м. Культурный слой мощностью до 3 м насыщен остатками материальной культуры конца XVI–XVIII в. Интерес представляет дом на сваях с развалом печи, где открыт ларь с зерном, тигль для плавки металла и др. Во всех раскопах многочисленны фрагменты сероглиняной, белоглиняной, красноглиняной, глазурованной посуды, изразцов, цветного стекла, стеклянной и фаянсовой посуды, кирпичей с глазурью; найдены металлические орудия и украшения, монеты, крица, пряслица, фрагменты обуви, шерстяной ткани и др. К югу от современной Покровской церкви открыты остатки древнейшей деревянной церкви. Уникальной находкой является половинка овальной геммы с изображением церкви с тремя куполами и пятью барельефными фигурками ангелов: два с боков на уровне куполов и крестов и три на фоне церкви.

2. Козьмодемьянск. Исторический центр располагался на возвышенности и части низины правого берега р. Волги. В современном городе Козьмодемьянске видны остатки рвов и валов первоначальных оборонительных сооружений. Их остатки довольно точно передают облик древнего города на рисунке Олеария. В 10 раскопах общей площадью около 300 кв.м. обнаружены многочисленные остатки материальной культуры. Особенностью этого купеческого города является обилие фаянсовой, фарфоровой, хрустальной посуды, украшений, предметов купеческого быта.

Особый интерес представляют находки изразцов, среди них немного сероглиняных и несколько десятков красноглиняных и поливных. Красноглиняные изразцы подквадратной формы, с румпами, на их внешней поверхности обычно размещены барельефные изображения. На одном фрагменте передана верхняя часть тела дракона, весьма близко отражающая особенности дракона на древнем гербе Козьмодемьянска. Глаза переданы концентрическими овалами. Четко выделены торчащие почти вертикально рожки. Из раскрытой пасти высовывается толстый язык. Начиная от шеи, тело покрыто чешуей в виде небольших дуг. Над изображением дракона четко переданы растительные узоры, а выше них барельефная надпись. На другом фрагменте изразца изображен лев с мускулистыми бедрами, агрессивно приподнятыми лапой и хвостом, завершающимся кисточкой в виде цветка.

Часть изразцов украшена изображениями каменных сооружений. На одном из них часть каменной стены с четырьмя башнями, украшенными колоко-

ловидными узорами и завершающимися булавовидными навершиями. В правом верхнем углу изразца изображены торс и голова воина с большим копьем в руке. На одном фрагменте изразца изображена лысая голова человека, слева от головы – барельефная надпись «Самсон». На ряде изразцов изображены барельефные растительные узоры. Большинство их относится к типу рельефных красных поясовых изразцов, из которых составлялся длинный ряд с бесконечным однотипным орнаментом. Как известно, красные изразцы приходят на смену сероглиняным в середине XVII в.

В Козьмодемьянске богато представлены поливные изразцы. Среди них есть целые экземпляры. На одном фрагменте переданы часть лапы животного с когтями и семилучевая звездочка. На другом на фоне веточки находится головка петушка, на третьем темный петушок стоит на белых крыльях и т.д. Ряд рельефных красноглиняных поливных изразцов имеет растительный узор. Много также фрагментов плиток с глазурованной поверхностью,

3. Царевококшайск. Стационарными раскопками в центре древнейшей части города в 1984–2008 гг. исследована территория исторической зоны общей площадью около 2300 кв.м. Открыто кладбище первых жителей города (78 погребений), фундамент древнейшей Воскресенской церкви и система водоснабжения построенной на ее месте каменной церкви, остатки нескольких деревянных домов. Во всех 34 раскопах обнаружено огромное количество находок. Среди находок остатки оклада иконы с библейскими сюжетами, выполненными техникой перегородчатой эмали, накладки с пуансонными узорами, различные украшения, в том числе налобное золотое украшение из детской могилы, нательные крестики, медальон, пуговицы, курительная трубка с инициалами “О.П.” и др. Наиболее массовый материал – керамика, иногда украшенная узорами из рельефных горизонтальных или лошених полос, волнистых линий.

Особый интерес представляют материалы раскопок дома воеводы из трех частей, вытянутый с ВСВ на ЗЮЗ. Собственно дом воеводы в виде полуземлянки с углубленным в землю котлованом глубиной до 40 см имел размеры 560 x 620 см. Стены дома прослежены с глубины 80 см в виде золистоуглистой массы шириной до 120 см. Куски углей и древесные остатки волокнами с востока на запад предполагают наличие потолка. Выход из дома был в сторону реки, на ВСВ. Напротив выхода из дома находился крытый двор наземного типа без котлована размерами 420 x 620 см и очажной ямой размерами 140 x 115 см. В южной половине двора выявлены

пять столбовых ям диаметрами от 20 до 47 см, ограничивающие площадь 240 x 115 см. Автор полагает, что здесь мог быть стол на столбах. Восточнее от этого крытого двора открыта часть другого дома, также богатого, судя по находкам золоченой пуговицы и фрагментов хрустальной посуды. Можно предположить, что данный крытый двор соединял два дома.

Важнейшим объектом внутри дома воеводы является развал изразцовой печи, обнаруженный в юго-западной части дома на площади наибольшей длиной 440 и шириной до 340 см в виде углистого пятна с включениями оранжево-коричневой порошкообразной массы от пережженных кирпичей. На глубине 140–190 см найдены несколько фрагментов от чугунной дверцы печи. Размеры у основания печи составляют всего 150 x 120 см. Фундамент печи располагается ниже уровня пола дома, то есть он находился не на полу, а в подполье, что характерно для русского домостроительства. В непосредственной близости от печи начинался погреб размерами 370 x 260 см.

Изразцовая печь – уникальное открытие в археологии ранних русских городов Поволжья. Удаётся восстановить ее общий облик. Всего обнаружено 689 фрагментов изразцов. Из них 457 – части румпы, 93 экземпляра – полустержни с витыми узорами, украшавшие края печи, 210 с барельефными изображениями на внешней поверхности. Изразцы квадратной формы размерами от 10,6 x 10,6 до 12 x 12 см (площадь одного изразца колеблется от 112 до 144 кв.см). По имеющимся фрагментам определено общее количество изразцов – примерно 170 изразцов. Полустержней длиной 10–12 см каждая для украшения края печи составляют примерную суммарную длину 410 см (88 экз.). Длина подобных «поясовых» полустержней как раз соответствует ширине (120 см) и высоте двух сторон печи (160 + 160 см = 320 см), т.е. 440 см (за исключением всего недостающих 30 см).

Среди изображений на изразцах особенно много растительных узоров, образующих сложное переплетение веточек, листочков и плодов, нередко с символами мирового дерева. Довольно много изо-

бражений животных. Это изображение кентавра: удлинённое тело передано выпуклыми дугами и линзовидными косыми линиями, усиливающими впечатление быстрого бега. Внешние контуры ног и тела коня переходят и вертикальные контуры верхней половины человеческого тела, повернутого в фас на 90 градусов по отношению к телу коня. Непропорционально тонкие руки натягивают лук в сторону крупы животного: вытянутая правая рука держит небольшой дважды изогнутый лук скифского типа, а согнутая в локте левая рука натягивает тетиву лука. Любопытная деталь: вместо наконечника стрелы виден пестик цветка, а вокруг него – роскошные распутившиеся лепестки. Стрела-цветок направлена на ветку растения с явными элементами мирового дерева. Пространство между тетивой и луком украшают два выпуклых треугольника (символы неба). На уровне рта явно виден выпуклый ряд зубов с зажатой в зубах змеей. На голове – своеобразная корона в виде символов мирового дерева: между двойными листьями вырастает плод. В целом сюжет изображения передает сложную символику космогонических представлений в сжатой, емкой форме. Интерес представляют два фрагмента с изображением всадниц на коне. У фантастического существа «птицезверя» на другом фрагменте изразца хорошо видны усиленные выпуклинами мощные бедра и линзовидные выпуклины на теле, поднятый и изогнутый хвост, завершающийся кисточкой как у льва. Передняя половина грифона передает образ птицы: голова настороженно опущена, глаза обозначены округлыми выпуклинами, длинный клюв раскрыт, широкие крылья переданы в виде отдельных перьев, завершающихся стрелками. Подобное изображение напоминает образ славянского крылатого пса Симаргла, или позднее Переплута – хранителя посевов и урожая. Имеются также изображения птичек в окружении растительных узоров и кабана с узкими глазами.

Археологические исследования средневековых городов марийского края показали наличие значительного культурного слоя и перспективность дальнейших раскопок для выявления культурного наследия русского населения XVI–XVIII вв.

А. В. Пачкалов

Институт археологии РАН

Красноярское городище в дельте Волги

Красноярское городище золотоордынского времени расположено при слиянии р. Бузан и р. Маячная на бэровских буграх в райцентре Красный Яр Астраханской области. Городище почти полностью уничтожено современными жилыми постройками. Центральная часть городища располагалась на Красноярском бугре (правый берег р. Маячной). Некрополь городища (грунтовые могильники Маячный I и Маячный II) расположен на бэровском бугре к северу от Красного Яра, на левом берегу р. Бузан, и исследуется с 1980-х гг. (Котеньков, Васильев, Кутуков, Пантелеев, 1995. С. 213; Гречкина, Шнайдштейн, 2001. С. 6; Васильев, 2001. С. 34). В. Д. Белецкий определяет размеры городища: длина – 800–1000 м, ширина – 400–500 м (Белецкий, 1958. С. 34).

Памятник был известен уже во второй половине XVIII в., и упоминается в сочинении Екатерины II: «Ниже Чигит-Адхи по луговой стороне город Красный Яр, древнее и немалое строение было, но звания древнего никто не знает» (Катанов, 1907. С. 241). Известно Красноярское городище было и акад. И. П. Фальку (1770 г.) (Фальк, 1824. С. 143–144). Сохранились известия, что в 1850 г. местными жителями на городище были найдены глиняные водопроводные трубы и большой кувшин (Минх, 1898. С. 203). Отдельные упоминания находок в Красном Яру имеются в литературе второй половины XIX в. и начала XX в.

В 1957 г. городище было осмотрено экспедицией Государственного Эрмитажа (Белецкий, 1962. С. 61), а в 1963 г. – Поволжской археологической экспедицией. Однако, долгое время памятник вообще не исследовался, и лишь в 1988 г. были возобновлены исследования астраханским археологом П. В. Казаковым (Блохин, Яворская, 2006. С. 133). В 1989–1990 гг. П. В. Казаков и Е. В. Шнайдштейн продолжили изучение памятника (Казаков, Пигарев, 1998). В 1991 г. раскопки были проведены С. А. Котеньковым (Блохин, Яворская, 2006. С. 133). Всего было заложено несколько раскопов площадью более 300 кв. м. Были зафиксированы следы керамического производства. Разведочными работами 1991 г. был выявлен горн. Многочисленные фрагменты дигирных сосудов могут свидетельствовать о применении искусственного орошения (Пигарев, 1998. С. 192–193). Находки серпов, жернова, косточек винограда, зерен

проса, дынь, арбуза на городище и в могильнике являются подтверждением наличия здесь в золотоордынское время развитой сельскохозяйственной округи. В ходе исследований было установлено, что мощность культурного слоя составляет до 0,8 м. (Блохин, Яворская, 2006. С. 133). Исследователями памятника был сделан вывод о том, что «Красноярское городище являлось крупным центром городской культуры с развитой сельскохозяйственной округой» (Казаков, Пигарев, 1998. С. 82).

При исследованиях 1989–1990 гг. была найдена 21 монета (из них 3 серебряные, а остальные – медные). Все монеты чеканены в Сарае. По данным исследователей, самая ранняя монета относится к концу XIII в., самая поздняя – к 791 г. х. (1390–1391 гг.), но при этом большинство монет относится к концу 20–30 гг. XIV в. (Казаков, Пигарев, 1998. С. 72–83).

Новые нумизматические сборы 2001–2003 гг. («сборы производились как на территории села, так и в местах, прилегающих к автотрассе Красный Яр – Аксарайский, а также на окрестных бэровских буграх на западе и северо-западе от села») (Пигарев, Скисов, Лосев, Минаев, 2005. С. 148). Были найдены 52 пула, из них были определены 36 экз. периода 1330–1390-х гг. Из этих монет 5 экз. относились ко времени правления Узбека (чекан Сарая, со львом и солнцем), 12 экз. – время правления Джанибека или начальный период «великой замятни» (чекан Сарая ал-Джедид, с цветочным орнаментом), 16 экз. относились ко времени правления ханов периода «великой замятни» (главным образом, это чекан Сарая ал-Джедид), 3 экз. – время Токтамыша (Сарай, Сарай ал-Джедид, без обозначения места чекана) (Пигарев, Скисов, Лосев, Минаев, 2005. С. 148). Наибольшее количество экземпляров из этих сборов относится ко второй половине XIV в. Ранних монет практически не было найдено. Вместе с тем, возможно, что найденные монеты отражают денежное обращение не только самого Красноярского городища, т.к. они были собраны также и на прилегающей территории, «на окрестных бэровских буграх». Напротив, из материалов раскопок городища в 1989–1990 гг. видно, что на памятнике преобладают монеты времени правления Узбека.

Авторы, анализируя материал, приходят к выводу, что «городище не являлось крупным торгово-ремесленным центром, а возможно выполняло роль пограничного поселения Золотой Орды в восточной

части дельты Волги» (Пигарев, Скисов, Лосев, Минаев, 2005. С. 149). Вместе с тем этот вывод не является бесспорным, т.к. авторами публикации указывается, что «основная часть городища уничтожена или до настоящего времени еще не раскопана» (Пигарев, Скисов, Лосев, Минаев, 2005. С. 149). Ю.А.Зеленевым напротив недавно было отмечено, что «город, располагавшийся на месте Красноярского городища, возможно, по значимости соответствовал столичным городам» (Зеленеев, 2006. С. 134).

С.А. Котеньков и О.Ю. Котенькова предполагают, что, возможно, поселение на территории Красного Яра могло существовать и в домонгольское время (Котеньков, Котенькова, 2006. С. 144).

Важны для рассматриваемой темы также и данные исследований грунтового могильника Маячный бугор. Экспедицией Астраханского пединститута в 1989, 1991–1996 гг. исследовано более 300 погребений. По Д.В. Васильеву могильник относится ко времени существования городища (Васильев, 1994. С. 47). Исследователи отмечают, что могильник был оставлен оседлым населением золотоордынского городища Красный Яр (Вычегжанин, 2003. С. 78; Котеньков, 2004. С. 153; Пигарев, 1992. С. 37). Об оседлости населения, оставившего могильник, могут свидетельствовать находки семян дыни, винограда, арбуза и др. По данным Е.М.Пигарева, в погребениях могильника древнейшие датированные монеты относились к 1266 г., а позднейшие ко времени правления Узбека (Пигарев, 2000. С. 287–290). Некоторые монеты чеканены в Сарае, часть монет выпущена в Укеке. Монеты из раскопок могильника С.А. Котеньковым в 1991–1996 гг. охватывают период с 1271 по 1322 гг. По мнению исследователя, это может свидетельствовать о том, что «в последней четверти XIII в. город уже существовал, о чем свидетельствуют сырцовые конструкции в обнаруженных захоронениях. Производить в таком количестве стандартный кирпич-сырец, могли только городские мастера, изготавлившие в своих мастерских строительный материал не только для погребальных конструкций, но и для жилых и хозяйственных построек» (Котеньков, 2004. С. 158–159). Этот вывод оказывается особенно интересным в связи с проблемой локализации Сарая, столицы Золотой Орды.

Город Сарай возник уже в середине XIII в. Традиционно со Старым Сараем отождествляется Селитренное городище, однако этот памятник по своей датировке не может охватывать все время существования Сарая (с середины XIII до конца XV в.). Многолетние исследования Селитренного городища (в том числе и новые работы, проведенные на территории, занятой современным селом) позволяют пола-

гать, что город возникает в 1330-е гг., но не раньше. В Нижнем Поволжье вообще не известны крупные ордынские памятники с такой широкой датировкой – от середины XIII до конца XV в. Следовательно, Сарай не мог не переноситься с места на место. Город на месте Селитренного городища возникает практически в одно время с началом упоминаний в источниках Сарая ал-Джедид (Нового Сарая). Город на месте Селитренного городища соответствует второй столице Золотой Орды – Сараю ал-Джедид (вероятно, после переноса столицы новый город мог называться и просто Сараем). Нумизматический материал с Самосдельского городища в дельте Волги позволяет уточнить, что этот памятник был затоплен наступающим Каспийским морем в период правления хана Узбека. Эти данные согласуются с синхронными сообщениями нескольких письменных источников о повышении уровня моря в период правления Узбека. Возникновение на Волге и на Урале таких памятников, как Селитренное городище и Сарайчик (очевидно, это 1330-е гг.), очевидно, связано с гибелью поселений в дельтах этих рек (Самосдельское городище, Ак-Тобе). Вероятно, перемещение столицы было связано с трансгрессией Каспийского моря. Вместе с тем, в низовьях Волги, где располагался Сарай, сейчас известно лишь небольшое количество поселений, которые могли существовать в период до правления хана Узбека (это Самосдельское и Красноярское городища, а также, возможно, городище Мошаик).

На Всероссийской научно-практической конференции «Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий», состоявшейся в г.Астрахани в апреле 2001 г., автором было высказано предположение о возможности локализации на месте Красноярского городища первой столицы Золотой Орды – города Сарая. Главными основаниями для такого предположения явилась поздняя датировка Селитренного городища, и монеты, найденные при раскопках Красноярского городища и могильника Маячный бугор (см. также: Пачкалов, 2001; 2002). До настоящего времени монетное обращение Красноярского городища остается малоизученным, исследователи располагают небольшой информацией, однако, в настоящее время можно полагать, что город очевидно уже существовал во второй половине XIII в. (монеты XIII в. и начала XIV в. практически не участвовали в монетном обращении более позднего времени, а они встречаются в погребениях Маячного бугра, монета XIII в. отмечена и на самом городище).

Был ли Сарай до правления Узбека большим городом? Неразвитость города, отсутствие развитых экономических функций в Сарае в XIII в. отмечал

В.Л. Егоров (Егоров, 1985. С. 115). Очевидно, что Сарай XIII в. должен был значительно уступать Сараяу XIV в., и в археологическом отношении ранняя столица Золотой Орды должна представлять не столь значительный памятник, как крупнейшие города времени расцвета золотоордынского государства.

Большое количество джучидских монет XIII и начала XIV в., обнаруженных при исследовании погребений могильника Маячный бугор, полное отсутствие в могильнике монет времени правления Джанибека (времени, когда уже существует Новый Сарай – Селитренное городище) и монет более позднего периода, позволяют поставить вопрос о возможности локализации на соседнем с могильником Красноярском городище первой столицы Золотой Орды – Сарая. Д.В. Васильев, анализируя данные из раскопок могильника Маячный бугор, отметил, что «именно здесь обнаружено наибольшее в процентном отношении количество «богатых» захоронений (с серебряными и золотыми изделиями)». По мнению исследователя, «всё это позволяет наметить ещё одно направление будущих исследований – о статусе в Золотой Орде Красноярского городища

и оставившего могильник населения» (Васильев, 2007. С. 20). Не только обилие богатых захоронений, но и датировка их приводят к мнению, что могильник Маячный бугор может содержать в себе погребения, принадлежащие представителям ханской орды. Ханская орда возвращалась в Сарай, который может соответствовать Красноярскому городищу. Наличие монет чеканки Укека в могильнике может объясняться тем, что монеты попали в дельту Волги вместе с ханской ордой, кочевавшей по Заволжью с севера на юг. С.А. Котеньков и О.Ю. Котенькова, не связывая Красноярское городище с Сараем, вместе с тем отмечают, что, исходя из данных нумизматического материала в погребениях некрополя Красноярского городища, «можно предположить, что Красноярское городище является едва ли не ровесником Сарая» (Котеньков, Котенькова, 2006. С. 144–145).

В настоящее время нет полной уверенности в локализации Сарая на месте Красноярского городища, т.к. сам этот памятник может быть до сих пор неизвестен археологам, однако, на мой взгляд, исходя из данных, известных в настоящее время, Красноярское городище является наиболее вероятным претендентом для локализации раннего Сарая.

Е.М. Пигарёв

Музей-заповедник «Селитренное городище» – филиал Государственного астраханского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника

Погребения в склепах «гурхана» Селитренного городища (по материалам раскопок 2004–2005 гг.)

В 2004–2005 гг. на территории Селитренного городища были обнаружены и исследованы два кирпичных склепа типа «гурхана» с необычными для Нижней Волги и золотоордынской столицы элементами погребального обряда.

На раскопе XXXIII 2004 г. было вскрыто сооружение № 6, являвшееся подземным кирпичным склепом (Пигарёв, 2005). Склеп был построен в квадратной яме (размеры: 4 х 4 м) со скошенными под 45 градусов углами, образующими восьмиугольник. Яма выкопана в культурных слоях предшествующих периодов, и, частично, в материке. Конструкция сильно разрушена, наиболее сохранилась восточная стена сооружения. Стены и купол гурханы выложены из обожженного кирпича вторичного использования. Кладка велась на глинистом растворе шириной в один ряд, использовался как целый кирпич (осо-

бенно в нижней части), так и его обломки (преимущественно в купольной части). Перевязка вертикальных швов, в основном, соблюдалась. Обломки кирпича укладывались целой стороной внутрь гурханы. Пространство между кирпичной кладкой и стенами ямы заполнялось мелкими обломками кирпича и глинистым раствором. Внутреннее пространство гурханы имеет в плане форму неправильного восьмиугольника, с четырьмя длинными сторонами, и четырьмя короткими. Длина стен: длинных – 2,2–2,4 м, коротких – 0,8–0,9 м. До седьмого (снизу) ряда кирпичей стены сооружения строго вертикальные. С седьмого ряда кирпичи в коротких (угловых) стенах начинают выдвигаться внутрь конструкции на 1,5–2 см каждый ряд. С одиннадцатого ряда кирпичи выдвигаются уже по всему периметру. С десятого ряда кирпичам придается небольшой на-

клон внутрь склепа – так происходит формирование купола. Внутренняя поверхность стен гурханы была выровнена глиняной штукатуркой. Поверх обмазки была нанесена известковая побелка. Вход в склеп находился на центральной оси сооружения, на юге, с отклонением к западу (направление на кыблу). Вход был перекрыт аркой, от арки сохранились пяточные камни по обеим сторонам входа. Вход был оформлен двумя ступенями, выкопанными в материке.

Пол гурханы, представлял собой выровненную поверхность, на которой были обнаружены два погребения. Оба погребения не имели ям, костяки лежали прямо на земляном полу склепа.

Погребение № 1. Костяк взрослого мужчины, ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ, находился в положении «вытянуто на спине, с доворотом на правый бок». Костяк носит следы ритуального разрушения, произведенного после распада мягких тканей: нижняя челюсть находилась в естественном положении у правого плеча, в то время, как череп был поставлен на основание, лицевыми костями ко входу в гурхану (т.е. на юг, на кыблу) в 0,5 м от костяка. Кроме того, у костяка отсутствовали кости стоп и кистей, эти кости были в беспорядке разбросаны на расстоянии 0,3–0,5 м к югу от костяка. Вещей при погребенном не было.

Погребение № 2 обнаружено у северной стены склепа. Погребение детское, возраст 1–1,5 года. Кости плохой сохранности, погребение сильно разрушено. Сохранились фрагменты черепа, нижняя челюсть, отдельные ребра, длинные кости ног, кость руки. По расположению костей и их фрагментов прослеживалось, что костяк был ориентирован по линии СЗ–ЮВ, параллельно стене сооружения и костяку взрослого человека. В районе нижней челюсти, на органическом тлене, найдена стеклопастовая шарообразная бусина. В районе черепа и под костями ребенка был обнаружен скелет небольшой собаки (шенка). Череп у животного отсутствовал.

В 2005 г. на раскопе № XXXVII был обнаружен еще один кирпичный склеп (Зеленева, 2006). Склеп построен в квадратной яме-котловане, с размерами 456 х 462 см. Котлован вырыт в культурных слоях предшествующих периодов, и, частично, в материке. Стены и купол гурханы выложены из обожженного кирпича вторичного использования. Кладка велась на глинистом растворе шириной в один ряд, использовался как целый кирпич (особенно в нижней части), так и его обломки (преимущественно в купольной части). Обломки кирпича укладывались целой стороной внутрь гурханы. Внутреннее пространство конструкции имеет в плане форму правильного квадрата, в углах которого формируются ниши-паруса, образуя

щие в верхней части восьмиугольник, на который, в свою очередь, опирается круглый купол сооружения. Длина стен склепа 2,5 м. До пятнадцатого (снизу) ряда кирпичей стены склепа в центральных частях строго вертикальные. В углах высота вертикальных рядов доходит до 7 ряда, после которого кирпичи начинают выдвигаться внутрь гурханы на 1,5–2 см каждый ряд, образуя арочные паруса. Верхние точки парусов находятся на одном уровне с пятнадцатым вертикальным кирпичным рядом, с которого начинается формирование собственно купола, для чего всем последующим рядам кирпича придается небольшой уклон внутрь сооружения. Все стены сооружения имеют аналогичную конструкцию. По всему периметру сооружения кладка сохранилась на высоту 30 ряда. Внутренняя поверхность стен склепа была выровнена глиняной штукатуркой. Следов побелки не обнаружено. Вход в склеп находился на центральной оси сооружения, на юге, с отклонением к западу (направление на кыблу). Вход был увенчан арочным порталом. Изнутри вход, также как и паруса, был оформлен стрельчатыми арками. Пол гурханы представлял собой выровненную поверхность, на которой было обнаружено погребение № 9. Погребение не имело ямы, костяк находился прямо на земляном полу. Кроме того, у входа в сооружение был обнаружен костяк крупной собаки.

Погребение. Обнаружено в ходе расчистки внутреннего пространства склепа. Костяк взрослого человека (мужчина) располагался у северной стены на полу сооружения. Костяк находился в положении вытянуто на спине, ориентирован черепом на запад, лицевыми костями на юг. Кости таза и ног также показывают положение на спине. Кости грудной клетки, правого плеча, позвоночный столб, нижняя челюсть смещены со своих мест. Это позволяет предположить, что костяк носит следы ритуального разрушения, произведенного после распада мягких тканей. Погребальный инвентарь отсутствует.

Захоронение собаки. Костяк собаки обнаружен у входа в склеп. Костяк располагался на левом боку – «спящая поза», черепом ориентирован на СВ. Череп животного находился непосредственно под сводом входа склепа. Собака лежала на слое рыхлой слоистой супеси, образовавшемся внутри сооружения до того, как его вход был замурован. Костяк находится в анатомическом порядке. Маловероятно, что положение собаки у входа в склеп является случайным событием. Это может быть как ритуальным захоронением животного, так и естественной смертью у могилы хозяина. По строению и размерам череп животного напоминает овчарку (возможно среднеазиатская типа «алабай»). На черепе ярко выражены травмы, предположительно от клыков крупных жи-

вотных, что может говорить о бойцовых качествах данного экземпляра.

Описанные выше конструкции и погребения, по найденной на полу склепа 2005 г. монете, относятся нами к первой половине XV века. Строительство подобных погребальных сооружений характерно для представителей ногайской культуры. Аналогичные склепы неоднократно встречались в Нижнем Поволжье. Два склепа были раскопаны на Селитренном городище в 1969 г. (Фёдоров-Давыдов, 1970) и 1986 г. (Фёдоров-Давыдов, Егоров, 1987). В исследованном склепе 1969 г. был обнаружен клад из 23 серебряных монет 1430 гг. А в склепе, раскопанном в 1986 г. авторами также зафиксировано разрушение скелета. Три гурханы были найдены во время работ на городище у пос. Комсомольский (Плахов, 1992). Из восьми погребений, зафиксированных в этих склепах, три погребения несли на себе следы ритуального разрушения, и у всех костяков отмечается наличие древесного угля.

Таким образом, мы видим, что ритуальное разрушение скелетов в склепах было достаточно характерной традицией на Нижней Волге в XV в. Сложнее объяснить ритуал появления в погребальном обряде захоронений собак. Единственная известная нам к настоящему времени аналогия зафиксирована при раскопках городища Сарайчик в Казахстане (Курлапов, 2005), где в раскопанном склепе также был зафиксирован скелет собаки. В тоже время, ритуал захоронения собак неоднократно прослеживается в более раннем периоде, относящемся к концу XI – середине XIII в., который связывается с хазарской культурой (Марченко, Семенов, 1978; Масловский, 1997; Гудименко, 1998). Всеми авторами фиксируется разрушение человеческих скелетов, наличие захоронений собак, и отмечается северокавказский компонент салтовского погребального обряда.

Возможно, что появление подобного погребального ритуала на Нижней Волге связано с приходом в XV в. на земли Улуса Джучи ногайских кочевых групп с территории Северного Кавказа.

- Гудименко И.В., 1998. Итоги археологических исследований отряда «Дельта» экспедиции Азовского краеведческого музея в г.Азове и Азовском районе в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып.15. Азов.
- Зеленеев Ю.А., 2006. Отчет о раскопках Селитренного городища в 2005 году. Архив АГОИАМЗ. Йошкар-Ола.
- Курлапов А.З., 2005. Курени. История древности и средневековья долины реки Яик-Урал. Уральск.
- Масловский А.Н., 1997. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы). // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып.14. Азов.
- Марченко И.И., Семенов А.И., 1978. Новостроечные работы в окрестностях станицы Романовской. // АО 1977 года. М.
- Пигарёв Е.М., 2005. Отчет об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2004 году (раскоп № XXXIII). Том 2. Архив АГОИАМЗ. Астрахань.
- Плахов В.В., 1992. Отчет о раскопках участка городища 13–15 вв., расположенного у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1991 г. Архив ИА РАН, № 16333. Астрахань.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., 1970. Отчет о раскопках золотоордынского городища у с. Селитренное (Сарай-Бату) в 1969 г. Архив ИА РАН, №3909, 3909а. М.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., 1987. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1986 г. Архив ИА РАН, №11755, 11755а. М.

В.Г. Пуцко

Калужский областной художественный музей

Сюжетная каменная резьба в художественном ремесле средневекового Новгорода

Изучение новгородских художественных ремесел XIII–XV вв. уже давно обусловило необходимость тщательного исследования сохранившихся образцов каменной резьбы, преимущественно небольших по размерам каменных иконок, многие из которых двусторонние. Эти произведения на сегодняшний день

составляют преобладающее большинство известного общего фонда древнерусской мелкой каменной пластики. Материал в течение длительного времени входил в научный оборот благодаря отдельным публикациям либо проблемным статьям. Затем появились монография (Рындина, 1978) и свод (Николае-

ва, 1983), что ясно показало степень изученности материала, а также условность ряда принятых атрибуций. Стало очевидным, что необходимое представление изделий как органической части культурного наследия Новгорода, имеющего свои локальные отличия. Это, в свою очередь, обусловило обращение к оригиналам. Свод в данном случае может служить лишь общим ориентиром.

Вопрос о начале художественной обработки камня в Новгороде продолжает оставаться дискуссионным. Археологические находки произведений византийских мастеров XII в. могут быть определены как предметы художественного импорта (Седова, 1965. С. 262–266; Седова, 1994. С. 90–94). В XIII в. в Новгороде могли работать отдельные резчики по камню (Пуцко, 2000. С. 21–24). Но временем становления новгородского камнерезного дела скорее приходится считать конец XIII – начало XIV вв. (Пуцко, 2003. С. 141–152). Сказанное не исключает работу византийских ремесленников в различных русских городах, в том числе и в Новгороде, после 1204 г. (Пуцко, 2003а. С. 89–95).

Новгородские каменные кресты с рельефными сюжетными изображениями единичны, и самые ранние из них выполнены на рубеже XIII–XIV вв. Перынский и Знаменский кресты, с изображениями Распятия, в типологическом отношении служат воспроизведением византийско-русской меднолитой модели начала XIII в. (Пуцко, 1999. С. 164–172). Боровичский крест, с изображениями Деисуса, архангелов и избранных святых, находит иконографические и стилистические параллели в современной ему мелкой каменной пластике (Порфиридов, 1963. С. 184–195). Выделяющийся многофигурными композициями Алексеевский крест из Софийского собора, 1380-х гг., в известной мере отражает палеологовскую иконографическую схему, а не только политическую программу (Николаева, 1984. С. 86–93). В этот перечень вряд ли надо включать крест Серапиона, обычно датируемый XV в. (Матюшкина, 1970. С. 250–252), поскольку обозначенное имя не мастера, а заказчика – архиепископа Серапиона (1506–1509).

Т.В. Николаева наряду с подробным описанием многочисленных каменных иконок новгородского происхождения провела их разгруппировку по мастерским (Николаева, 1983. С. 25–34). В ее основу были положены стилистические признаки резьбы, манеры исполнения, характеризующей продукцию определенных групп ремесленников того или иного времени. При этом было высказано много различных предположений, в том числе явно нуждающихся в доказательной аргументации. Данная часть

работы должна быть осуществлена не ограничиваясь кругом произведений отнесенных к числу новгородских, так как материал легко подвергался миграции. Так, ряд паломнических иконок оказался в Ярославле (Пуцко, 2006. С. 11–14). Группа изделий XIV в. позволила обратиться к проблеме усвоения новгородской каменной пластики стилистического направления, выработанного на византийской почве в период существования Латинской империи на Востоке (Пуцко, 2002. С. 87–102). Источник инспирации мог оказаться и чисто западным, не совсем адекватно понятым русским копиистом и затем совершенно свободно интерпретированным (Пуцко, 2000а. С. 204–212).

Для новгородских каменных иконок характерна своя иконография, выливающаяся в «серийность» изображений Гроба Господня, Деисуса, Богоматери Умиление, свт. Николая (иногда представленного в окружении семи спящих отроков эфесских), с определенным варьированием определенного оригинала (Пуцко, 1995. С. 78–81). Все это отличается от продукции собственно византийских мастеров, резавших преимущественно на стеатите и сланце (Kalavrezou-Maxeiner, 1985). Новгородские ремесленники в качестве материала в основном используют различные породы сланца (шифера), иногда – известняк, мелкозернистый песчаник, и лишь изредка – темный либо темно-серый твердый камень, похожий на базальт. Развита, известная в различных иконографических вариантах композиции Гроба Господня обнаруживает знание ее палестинских оригиналов, в том числе имевший распространение в XII–XIII вв. (Пуцко, 1998. С. 159–183). Об усвоении западной иконографической формулы изображения тронного Христа с предстоящими донаторами говорят каменные образки Спаса на престоле с маленькими фигурами обращенных в молитву святых (Пуцко, 2005. С. 142–147). Типично новгородский иконописный мотив закономерно переходит в мелкую каменную пластику XIV в. (Пуцко, 2004. С. 29–31). Но и в иконографии святых всадников, нашедшей отражение в миниатюрных резных иконках из камня, тоже становятся популярными образцы, вышедшие из византийских мастерских XIII в., обслуживавших крестоносцев (Пуцко 1998а, С. 105–115). Особенно можно оценить роль новгородских каменных иконок при реконструкции ранних, весьма чтимых икон свт. Николая, не сохранившихся до нашего времени (Пуцко, 2007. С. 121–131).

Продолжая уже освещенные в литературе наблюдения над стилем новгородской каменной резьбы малых форм, оказалось возможным выделить и одну индивидуальную манеру (Пуцко, 2002а. С. 285–

288). Ее определение по совокупности типологических признаков, однако, носит условный характер, и, разумеется, может быть подвергнуто сомнению, как любой позитивный вывод. Но критика таких выводов плодотворна лишь при привлечении более убеждающих контраргументов, исключающих подмену дискуссии демагогией. Датировка каменных иконок, принятая в научной литературе, не всегда оказывается устойчивой, и во многих случаях требует уточнений. Все это оказывается столь же закономерным, как и выявление сомнительных по своему происхождению вещей. Неизбежно возникает вопрос о том, откуда в Новгороде в XIV в. могли появиться кадры профессионально владевших своим мастерством ремесленников, выполнивших сохранившиеся произведения. Они довольно разнообразны, различного качественного уровня, иногда с явными признаками использования в качестве образцов оригиналов выполненных в ином материале. Это заметно по фактуре резьбы, более характерной, скажем, для изделий из дерева. Впрочем такие примеры в основном встречаются уже в XV в.

Каменные иконки, особенно со сложной многофигурной резьбой высокого художественного уровня, были дорогостоящими, и большая их часть явно выполнена по частным заказам. В любом случае эти произведения отражают не только сюжетные предпочтения, но и эстетические вкусы наиболее состоятельных новгородцев. Некоторые образки очень изысканные по исполнению, хотя среди них нет классифицирующих по манере, что не говорит в пользу присутствия византийских столичных мастеров. Исключение может быть сделано разве для не раз обращавших на себя внимание нескольких иконок, относимых к концу XIII – началу XIV вв. (Пуцко, 2001. С. 149–156). Иконок, отличающихся схематизмом в трактовке фигур, тоже сравнительно немного. Практически нет той шаржированности, которая была обычным явлением у балканских ремесленников (Радойковић 1970. С. 19–30; Radojković, 1977. С. 27–28, il. 19, 20).

Художественное ремесло средневекового Новгорода известно главным образом по происходящим из археологических находок его лучшим образцам, местного изготовления и предметам импорта (Древний Новгород...). Наиболее основательно изучено ювелирное дело X–XV вв., представленное как уникальными изделиями, так и более массовым материалом (Седова, 1981). Можно утверждать, что наряду с металлическими украшениями резные каменные иконки занимают среди новгородских ремесел столь же значительное место, поскольку эти произведения

в целом характеризуют достижения пластического искусства средневековой Руси, и соответственно отвечают самым высоким критериям.

Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.

Матюшкина Г.И., 1970. Крест мастера Серапиона // СА. № 3.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. Вып. Е 1-60. М.

Николаева Т.В., 1984. Победный крест XIV в. // Древнерусское искусство. XIV–XV вв. М.

Порфиридов Н.Г., 1963. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры. Каменный крест из Боровичей // Древнерусское искусство XV – начала XVI веков. М.

Пуцко В.Г., 1995. Сюжеты новгородских каменных икон // Церковная археология. Ч. 2. СПб. – Псков.

Пуцко В.Г., 1998. «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). СПб.

Пуцко В.Г., 1998а. Святые всадники в новгородской каменной пластике // Староладожский сборник. СПб. – Старая Ладога.

Пуцко В.Г., 1999. Перынский каменный крест // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Пуцко В., 2000. Каменные иконки из археологических раскопок Новгорода // София. № 4.

Пуцко В.Г., 2000а. Загадочные явления в новгородском каменной пластике // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород.

Пуцко В.Г., 2001. Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб.

Пуцко В.Г., 2002. Новгородские каменные иконки XIV в. «романского» стиля // Староладожский сборник. Вып. 5. СПб. – Старая Ладога.

Пуцко В.Г., 2002а. Индивидуальная манера резьбы в каменной пластике средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.

Пуцко В.Г., 2003. Новгородская каменная резьба на рубеже XIII–XIV вв.: становление традиции // Новгородский исторический сборник. Вып. 9(19). СПб.

Пуцко В.Г., 2003а. Русские ранние каменные иконки. (К вопросу о начале художественной резьбы малых форм) // Уваровские чтения – IV. Муром, 14–16 апреля 1999 г. Муром.

Пуцко В., 2004. Новгородская каменная иконка Георгия Победоносца // София. № 1.

Пуцко В.Г., 2005. Об одной группе каменных икон Спаса на престоле // Археологические вести. № 12. Санкт-Петербург.

- Пуцко В., 2006. Каменные паломнические иконки из Новгорода // София. № 2.
- Пуцко В.Г., 2007. Русские иконы святителя Николая по данным мелкой каменной пластики XIII–XV веков // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М.
- Радојковић Б., 1970. Неки примерци византијских каменних иконица // Музеј примењене уметности. Зборник. Бр. 14. Београд.
- Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М.
- Седова М.В., 1965. Каменные иконки древнего Новгорода // СА. № 3.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М.В., 1994. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. Новгород.
- Kalavrezou-Maxeiner I., 1985. Byzantine icons in steatite. Wien.
- Radojković B., 1977. Sitna plastika u staroj srpskoj umetnosti. Beograd.

С.В. Рязанов

Центр этнологических исследований Уфимского научного центра РАН

Средневековые памятники черной металлургии на Южном Урале

Для Южного Урала характерно наличие большого количества относительно мелких месторождений бурого железняка с 50–60-процентным содержанием железа, вполне пригодных к разработке для нужд кустарных или небольших заводских предприятий. С учетом этих месторождений рудные запасы Южного Урала оценены как значительно превышающие ресурсы Северного и Среднего Урала (Матвеев, 1898. С. 8).

Руду добывали в ямах глубиной не более 6 метров, что не требовало больших трудозатрат. Это обстоятельство и наличие крупных лесных массивов послужило толчком к возникновению местной черной металлургии уже в раннем железном веке и развитию ее в крупное кустарное производство в позднее средневековье. Археологически зафиксированы остатки железных рудников на местонахождении Сосновка I (№ 17) (здесь и далее номера даны по карте на рис. 1), близ д. Талачево (№ 19) в виде нескольких полусасыпанных ям глубиной до двух метров (Ульянов, 1985. С. 3). Упомянуты некоторые древние рудники в литературе (Бакланов, 1935. С. 11; Вахрушев, 1927. С. 42).

На территории Республики Башкортостан известно около сорока археологических местонахождений, связанных с получением железа и чугуна (рис. 1). Поддающиеся хотя бы приблизительной датировке выделены в группу средневековых памятников металлургии. Для них характерно наличие полного набора «металлургических» находок: куски шлаков, обожженной глины или кирпичей, обломки воздушных конических трубок (сопла), иногда явные остатки печей или горнов, куски железа или чугуна

на как отходы металлургического производства. По находкам чугуна некоторые из них можно уверенно датировать временем не ранее XIV века, основываясь на том факте, что чугунолитейное ремесло и соответствующие находки на территории Восточной Европы в домонгольский период крайне редки (Рязанов, 1997. С. 4). Верхнюю дату, по ряду косвенных данных, можно определить не позднее XVII в. В Татарстане, на поселениях периода Казанского ханства, известны находки чугунных изделий (АПТ, № 232, 235). В некоторых случаях датировке помогают находки «булгарской» гончарной керамики и средневековые аналогии керамическим соплам.

Это местонахождения: урочище Бакинта (№ 1) (АКБ, № 1474); овраг Ярук (№ 2), где найдены остатки железодельных сыродутных горнов и формовочная яма для отливки чугунных котлов (Исмагилов, 1979. С. 41, Рис. 89, 90); д. Манеево I, II (№ 5) (Ульянов, 1984. С. 4; Тагиров, 1990. С. 10, 21); с. Талачево (№ 19) (Ульянов, 1984. С. 3; ПАБ, № 275); д. Шланлы (№ 4) (Ульянов, 1984. С. 4); д. Алексеевка (№ 6) (Тагиров, 1990. С. 22); д. Сосновка I (№ 17) (Рязанов, 2006. С. 3); селище Ново-Барятино (№ 45) (Морозов, 2004); с. Чуюнчи (№ 16) (Ульянов, 1985. С. 2); д. Асавбашево (№ 3) (ПАБ, № 268), где найден крупный обломок чугунного котла (Ульянов, 1984. С. 8), имеющего форму и технологические признаки литья, характерные для изделий золотоордынского периода (Рязанов, 1997. С. 15–17), видимо, такие котлы производили здесь же, как и на овраге Ярук; д. Веселовка (№ 33) (Ульянов, 1984. С. 2; ПАБ, № 269); селище Имсяк-Тау (№ 44) (Савельев, 2002); д. Муравьево (№ 21) (АКБ, № 1293); селище Санзяповское (№ 43)

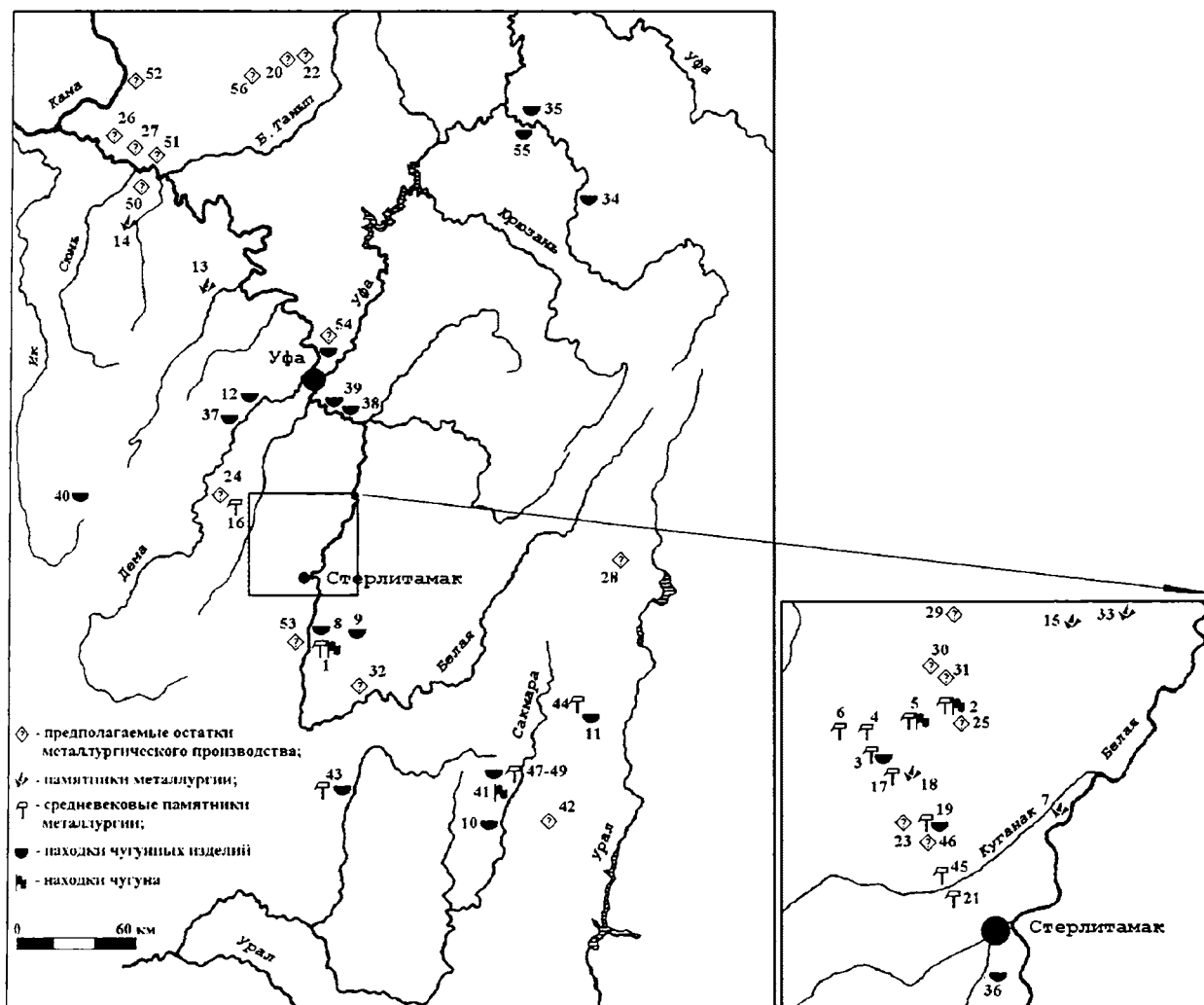

Рис. 1 Карта-схема памятников металлургии и находок чугуна на территории Башкортостана.

(Гарустович, 2005); селище Олоатау (№ 47) (САПРБ, № 79); селище Галтайкай-1 (№ 48) (САПРБ, № 82); селище Ивановы Горы-1 (№ 49) (САПРБ, № 88);

Для местонахождений, достоверно определяемых как памятники металлургии, без возможности их датировки, характерна информация о находках большого количества шлаков, как правило, на пашне. Это: д. Тартышево (№ 13) (ПАБ, № 22); с. Верхнее Яркеево (№ 14) (Матвеева, 1964); д. Куезбашево (№ 15) (устная информация от С.В. Ульянова); с. Красный Яр (№ 7) (Сальников, 1934); д. Сосновка II (№ 18) (Рязанов, 2006. С. 3). Почти все местонахождения этой группы можно отнести к средневековью, т.к. именно для датированных средневековым периодом памятников характерны обильные находки шлака.

Предполагаемые памятники металлургии – находки небольшого количества шлаков или руды, сделанные при сборе подъемного материала и при раскопках археологических памятников: селище

Сю-Сяй (№ 42) (Ахтарянова, 2005); городище Кардагушевское (№ 22) (ПАБ, № 69); селище Андреевка-2 (№ 50) (САПРБ, № 273); селище Киргизово-2 (№ 51) (САПРБ, № 300); д. Сараштыбашево (№ 20) (ПАБ, № 70); д. Садовка (№ 23) (Ульянов, 1984. С. 9; ПАБ, № 276); д. Красная Звезда (№ 24) (Матвеева, 1968); с. Месели (№ 25) (Тагиров, 1990. С. 9); стоянка Какры – Куль XIII (№ 26) (ПАБ, № 124); стоянка Какры-Куль VIII (№ 27) (ПАБ, № 119); д. Ново-Балапаново (№ 28) (ПАБ, № 341); д. Юламаново (№ 29), д. Балыккуль I, II (№ 30, 31) (осмотр местности автором в июле 1995 года); селище Апасево (№ 32) (АКБ, № 1497); д. Талачево (№ 46) (Ульянов, 1984. С. 9); городище Масляный мыс-1 (№ 52) (САПРБ, № 314); стоянка I Романовская (№ 53) (АКБ, № 1471); городище Кара-Абыз (№ 54) (Иванов, 1977).

Некоторые металлургические памятники сопровождаются находками чугуна и обломков чугунных котлов, что служит свидетельством существования

местного чугунолитейного ремесла в XIV-XVII вв. Кроме того, отмечены отдельные находки: с-ще Береговка (№ 8) (АКБ, № 1438); селище Береково (№ 9) (АКБ, № 1449); II Юлдыбаевские курганы (№ 10) (АКБ, № 1700); селище Ишкулово (№ 11) (АКБ, № 1907); селище Горново (№ 12) (Гарустович, 1994); городище Гумеровское (№ 34) (ПАБ, № 229); селище Абдулинское (№ 35) (ПАБ, № 223); с. Покровка (№ 36) (хранится в НМРБ, фонд археологии); селище Кучумовское (№ 37) (САПРБ, № 546); городище Охлебинино (№ 38) (Н.С.Савельев сообщил автору о случайных находках 2000 года); с. Нагаево (№ 39) (Рязанов, 2004); селище Брик-Алга (№ 40) (Гарустович, 2006); д. Юмашево (№ 41) (Савельев, 1998); селище Метелинское II (№ 55) (ПАБ, № 230).

АКБ – Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

АПТ – Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987.

Ахтарянова Д.И., 2005. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в южной части Баймакского района Республики Башкортостан в 2004 году. Архив ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа.

Бакланов Н.Б., 1935. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М. – Л.

Вахрушев Г.В., 1927. Полезные ископаемые Месягутовского кантона Башреспублики // Башкирский краеведческий сборник. № 2. Уфа

Гарустович Г.Н., 1995. Отчет 1994 г. Архив ИИЯЛ УНЦ РАН

Гарустович Г.Н., 2006. Разведка ГУОН МК РБ по землеотводам в 2005 году. Архив ГУОН МК РБ

Гарустович Г.Н., 2007. Отчет 2006 г. Архив ИИЯЛ УНЦ РАН

Иванов В.А., 1978. Отчет 1977 года. Архив ЦЭИ УНЦ РАН

Исмагилов Р.Б., 1979. Научный отчет об археологических исследованиях Стерлитамакского краеведческого музея

в 1978 году. Архив ЦЭИ УНЦ РАН. Стерлитамак
Матвеев А., 1898. Уральские металлы 1897 года. СПб.

Матвеева Г.И., 1965. Отчет 1964 г. Архив кабинета археологии Башкирского государственного университета

Матвеева Г.И., 1969. Отчет 1968 г. Архив кабинета археологии Башкирского государственного университета

Морозов Ю.А., Рутто Н.Г., 2004. Ново-Барятинское поселение эпохи поздней бронзы // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа.

ПАБ – Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981–1986 годы. Каталог. Уфа, 1988.

Рязанов С.В., 1997. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (препринт). Уфа

Рязанов С.В., 2004. Чугунная чаша из Уфы // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа

Рязанов С.В., 2006. Отчет о разведке в Аургазинском районе Республики Башкортостан в 2005 г. Архив ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа

Савельев Н.С., 1999. Разведка ГУОН МК РБ по землеотводам в 1998 году. Архив ГУОН МК РБ

Савельев Н.С., 2003. Разведка ГУОН МК РБ по землеотводам в 2002 году. Архив ГУОН МК РБ

Сальников К.В., 1934. Отчет 1934 г. Личный архив К.В. Сальникова в ИИЯЛ УНЦ РАН

САПРБ – Свод археологических памятников республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах. Уфа, 2004.

Тагиров Ф. М., 1990. Научный отчет об археологических исследованиях в Аургазинском и Илишевском районах БАССР. Часть 1. Уфа. Архив Национального музея Республики Башкортостан.

Ульянов С.В., 1984. Научный отчет об археологической экспедиции 1983 г. Архив ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа

Ульянов С.В., 1985. Научный отчет о результатах археологических разведок в Давлекановском, Стерлитамакском, Аургазинском районах БАССР в 1984 г. Архив ЦЭИ УНЦ РАН Уфа.

А.И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН

Древний Выборг. Становление средневекового города

Археологическое изучение Выборга было впервые предпринято в конце XIX в. финскими учеными. В последующее время вплоть до Второй мировой войны основное внимание уделялось исследованию средневековых культовых построек города. Был также налажен надзор за историческими памятниками

города и проводимыми в нем земляными работами.

В советский период археологические исследования Выборга были начаты в связи с образованием в замке краеведческого музея в 1960-е гг. С 1979 г. регулярные работы в городе стала проводить Выборгская архитектурно-археологическая экспедиция Ле-

нинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) под руководством В.А. Тюленева. Им в 1979–1994 гг. были проведены раскопки на территории Замкового острова (1979–1991 гг.), обследованы руины Кафедрального собора (1985, 1991 гг.), церкви монастырей доминиканцев (1985–1994 гг.) и францисканцев (1979, 1986 гг.). Раскопкам подверглись также основание средневековой Скотопрогонной башни и часть городской стены 1470-х гг. у Круглой башни на Рыночной площади (1978 г.). Незначительные по площади разведочные работы были проведены практически на всей территории средневекового города.

В 1998 г. ИИМК РАН работа экспедиции была возобновлена под руководством автора данной работы. Новый этап изучения древнего Выборга связан с спасательными работами на территории средневекового города в его восточной (1998–2001 гг.), западной (2003 г.) и центральной (2004, 2006 гг.) частях*. В общей сложности профессионально раскопано около 430 кв. м площади в различных частях средневекового города (рис. 1).

В 2000 г. в восточной части средневекового города в непосредственной близости от городской стены 1470-х гг. на месте строительства жилого дома были заложены два разведочных стратиграфических раскопа площадью 32 кв. м (раскоп № 5) и 24 кв. м (раскоп № 4) (рис. 1). В раскопе № 5 на поверхности скалы была расчищена средневековая вымощенная камнем улица шириной 2,1 метра. Улица проходила по линии запад – восток. Она, судя по карте 1630-х гг.,

вела от доминиканского монастыря к башне св. Андреаса (рис. 1). С севера к ней примыкает каменный фундамент постройки размерами 3 x 2,2 м.

Раскоп № 4 стал эталонным с точки зрения стратиграфии культурного слоя города и его строительной истории (в этой его восточной части). Его площадь 24 кв. м, мощность культурных напластований достигала 1,8 м. В нем исследовано 8 горизонтов застройки последней четверти XV–XIX вв. На глубине около 1,3 м зафиксированы нижние части двух деревянных построек – пола из досок и бревенчатой мостовой. В отличие от предыдущих горизонтов, постройка и мостовая этого горизонта ориентированы в направлении запад – восток по диагонали к линии улиц времени регулярной застройки (с 1640-х гг.). Ниже залегавший горизонт представлен основанием бревенчатой постройки и скоплением уже ранее бывших в употреблении бревен. В самой нижней части культурного слоя у поверхности скалы на глубине около 1,8 м вскрыта угловая часть сруба со скоплением обгоревших камней. Два спила из бревен постройки и соответствующего ей горизонта датированы 1478 и 1480 гг.

Начало строительной деятельности в этой примыкающей к городской каменной стене 1470-х гг. восточной части города по материалам этого раскопа можно, таким образом, отнести к последней четверти XV в. Время практически совпадает со строительством городской стены, но остается все же открытым один существенный вопрос, а именно, разрезала ли стена на этом самом опасном восточ-

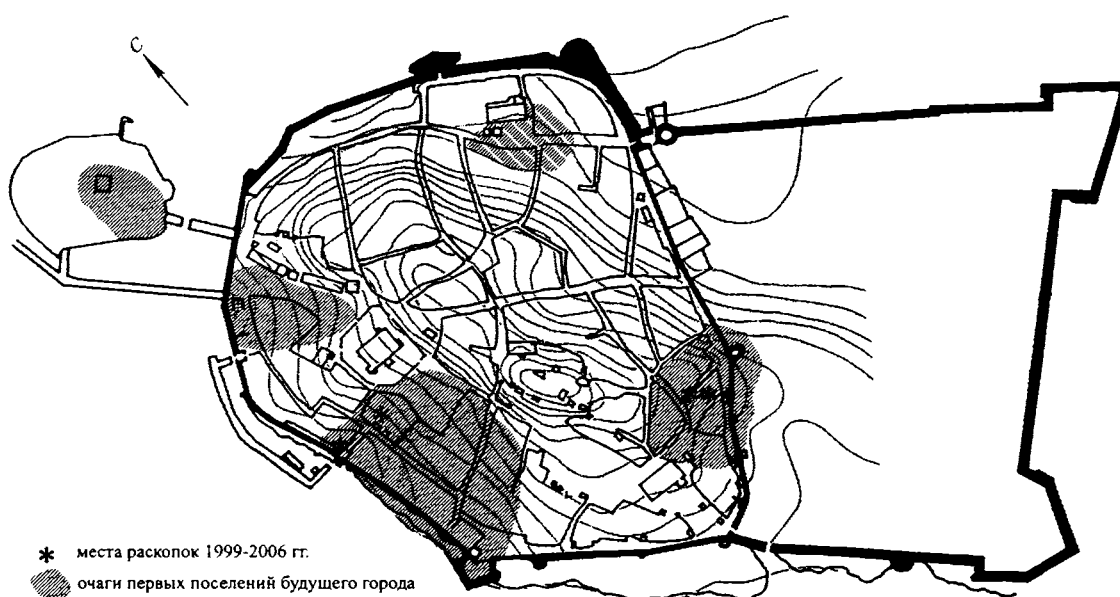

Рис. 1. План средневекового Выборга до регулярной застройки (1640-е гг.) с обозначением мест раскопок 1999–2006 гг.

ном направлении уже отчасти застроенную к этому времени часть города (учитывая то, насколько её строители были зависимы от сложного рельефа городского мыса) или население пришло сюда позднее под защиту городских стен?

Раскопки с внутренней и наружной стороны стены у Ратушной башни в 1999 и 2000 гг. показали, что первоначальный культурный слой с внутренней стороны у стены возник вскоре после ее возведения и носил характер вторичного, перемещенного. Он содержал значительное количество навоза и древесной щепы и имел отчетливый темный цвет, отличаясь кардинально от залегавшего выше слоя, накопившегося на этом месте в более позднее время. Другими словами, уже в стадии строительства стены или непосредственно по ее завершении население продвинулось к ее основанию.

Раскоп 2001 г. был заложен между раскопами № 4 и № 5 предшествующего года с целью получения более полной информации о культурном слое на этом участке и стратиграфический разрез

значительной части этого средневекового квартала, от выхода скалы в его северо-западной части и до городской стены в юго-восточной. Его общая площадь составляла 98 кв. м. Глубина культурного слоя от современной дневной поверхности достигала 2,4–3,2 м. В раскопе было выявлено 5 строительных горизонтов, относящихся к периоду средневековья. Наиболее хорошо элементы жилого горизонта сохранились во втором горизонте (рис. 2). Через всю центральную часть раскопа в направлении с запада на восток проходила мощная камнем улица, оконеченная бревнами и прерывающаяся в центральной части бревенчатой мостовой. Культурный слой представлял собой в этих двух горизонтах темный гумус, содержащий много щепы, костей домашних животных, керамику, целые и фрагментарные изделия из металла, дерева, бересты и кожи, монеты последней четверти XV – XVII в.

Ниже под подкладочными бревенчатыми конструкциями этого горизонта залегал мощный в 50–70 см слой темно-коричневого гумуса с большим со-

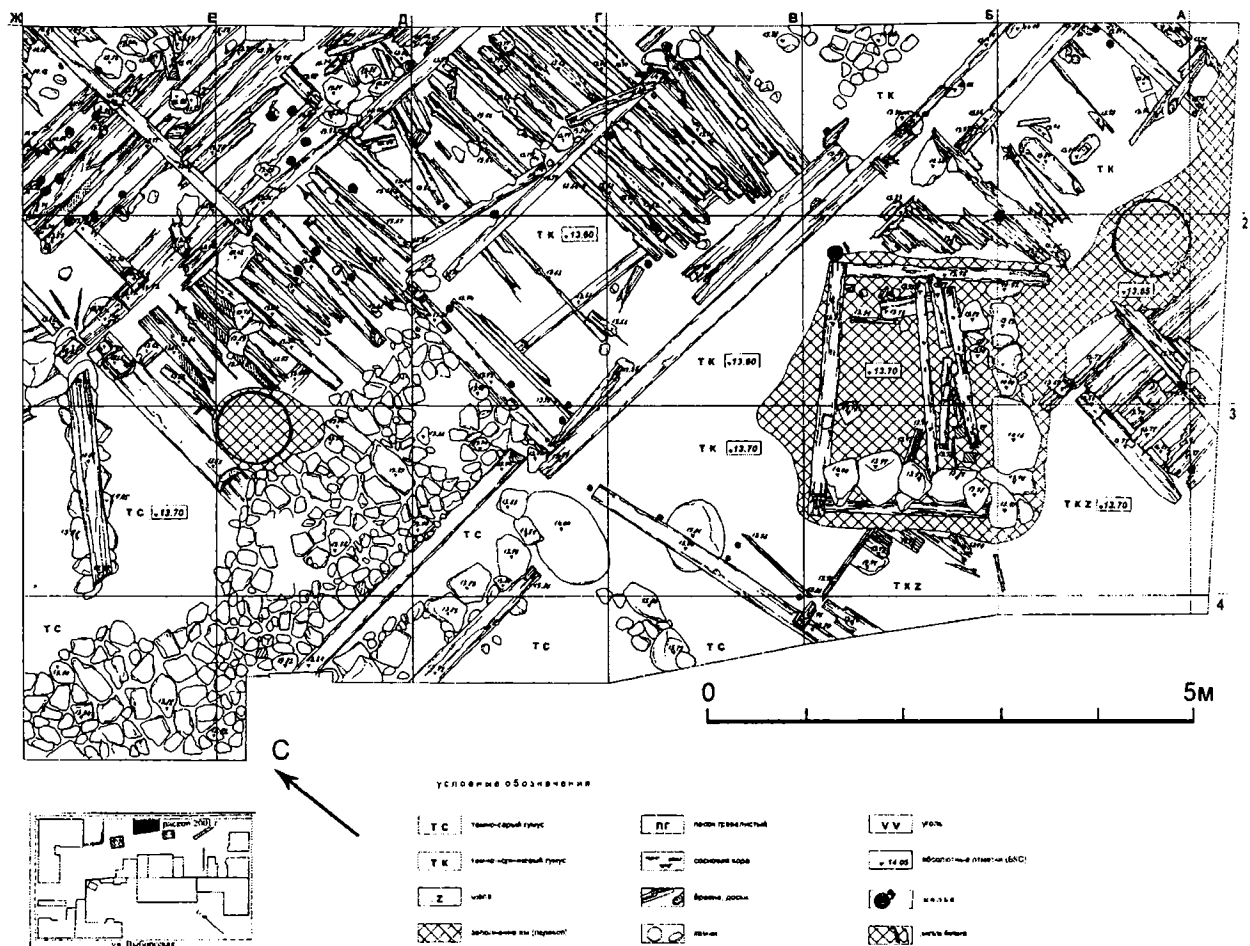

Рис. 2. План на уровне 2-го горизонта в раскопе 2001 г.

держанием щепы и навоза явно перемещенный сюда из другого места. Он содержал все признаки культурного слоя: помимо щепы и навоза в нем встречены кости домашних животных, керамика, в том числе и белостенная, характерная в XIV–XVI вв. для средневековых городов, сельских поселений и городищ древней Карелии, Новгородской земли и других древнерусских областей. С территорией новгородской Карельской земли этот слой ассоциируется также по значительному количеству находок поплавков рыболовных сетей из сосновой коры и грузил из камней и бересты. Не может ли тут идти речь о первоначальном карельском населении города?

Характер конструкций нижних горизонтов, как и состав культурного слоя существенно отличается от бревенчатых и дощатых настилов верхних. В нижних слоях обнаружено более десятка сделанных из бересты и камней грузил рыболовных сетей и целые скопления навоза. Слой имеет выраженный темно-коричневый оттенок. В верхних горизонтах основной состав находок – это импортная керамика из Швеции, Прибалтики, Польши, Германии и Голландии.

Раскоп 2001 г. выявил новые закономерности и общие тенденции раннего этапа становления и развития средневекового Выборга. Они, в значительной степени, определялись рельефом поверхности материковой части города, характеризующимся значительными перепадами подстилающей скальной поверхности, наличием скальных уступов – лбов, углублений и возвышенностей. Этим обстоятельством и объясняется наличие мощных слоев темно-коричневого гумуса с примесью древесной щепы и сосновой коры в нижнем горизонте. Именно на этом слое были заложены собственно городские деревянные конструкции 2-го и 3-го строительных ярусов, относящихся уже к зрелому средневековью (вторая половина XV – начало XVII вв.).

Речь в данном случае идет, несомненно, о перемещенном культурном слое, использованном для поднятия и выравнивания поверхности для строительства, поскольку естественного гравелистого песка, заполнявшего неровности скальной поверхности было явно недостаточно. Немаловажной проблемой для новых поселенцев была также борьба с грунтовыми водами, устройство дренажной системы. Результаты работ сезонов 1999–2001 гг. в восточной части средневекового Выборга позволяют предположить наличие в материковой части города поселений первоначального карельского населения, погибших или оставленных по какой-то причине до вторичного освоения рассматриваемого участка (вторая половина XV в.). Принимая во внимание

особенности рельефа Выборга, а также результаты наших раскопок 2003, 2004 и 2006 гг. в центральной и западной части средневекового города, естественно предположить, что такие предшествующие возникновению города поселения могли располагаться по периметру центральной городской скальной возвышенности (рис. 1). Лишь на рубеже XV/XVI вв. и в XVI в., когда в Выборге стало развиваться каменное строительство, сделалось возможным освоить склоны этой возвышенности и другие, наиболее сложные с точки зрения топографии участки.

Раскопки 2003 г. в обращенной к заливу западной части города на улице Южный вал и 2004 и 2006 гг. в центральной части неподалеку от Кафедрального собора по улице Выборгская показали ту же общую для ранней строительной истории Выборга закономерность. А именно, наличие многочисленных и регулярных горизонтов деревянной застройки. Количество их насчитывается от семи до одиннадцати. Мощность культурных напластований достигает 3-х и более метров. Причем, во всех случаях нижние представлены слоями черной земли с большим количеством щепы и костей животных, находками рыболовных принадлежностей, остатками деревянных конструкций, в которых даже в самых нижних частях использовались уже бывшие в употреблении бревна. Датируются эти нижние горизонты во всех исследованных частях города от начала XV до рубежа XV/XVI вв.

Именно на рубеже XV/XVI веков застраивается вся территория средневекового города, ограниченная каменной стеной 1470-х гг. (рис. 1). Начинается каменное строительство и формируется городская структура, основными элементами которой был Кафедральный собор, ратуша, монастыри доминиканцев и францисканцев, ограниченные уличной сетью городские кварталы с жилыми и хозяйственными постройками, развитые ремесло и торговля. В находках начинают преобладать импортная керамика, другие привозные изделия. Кардинально меняется весь характер материальной культуры, которая приобрела отчетливый городской облик.

Вместе с тем, целые участки в центре города оставались долгое время незастроенными. И причина этого находится в особенностях сложного городского рельефа, значительных неровностях скальной поверхности, наличии выходов скалы с крутыми и высокими «лбами» и террасами. Это хорошо иллюстрируется на примере раскопок 2004 и 2006 гг., заложенных в самом центре средневекового города в 120 м к ЮЮВ от руин кафедрального собора конца XV в. (рис. 1). Этот участок стал застраиваться лишь, начиная с 1410-х гг. Это кажется странным,

поскольку Выборг уже в 1403 г. получил права города. Объяснение нашлось в процессе раскопок, когда выяснилось, что изучаемый участок первоначально находился в ложбине, сформированной центральной городской возвышенностью и скальным выступом, на котором был в XVI или начале XVII в. построен каменный дом. Уже к середине – второй половине XV в. она заполняется слоем темно-коричневой земли мощностью 25–40 см с большим содержанием щепы, навоза (в западной части) и углей (в восточной). На этом слое возникают первые постройки нижних горизонтов XV в. К XVII в. на участке уже проходила уличная мостовая и стоял каменный дом

с колодезем, бревенчатым настилом у него и конюшней во дворе.

* Раскопки финансировались Фондом содействия изучению карельской культуры (г. Йоеенсуу, Финляндия). В 2003 г. на ул. Южный вал первый этап работы финансировался Международным центром социально-бытового обслуживания моряков. И только в 2007 г. финансирование охранных работ в Выборге было осуществлено строительными организациями. Исследовательская заключительная сторона работы опять же поддерживается Фондом содействия изучению карельской культуры.

Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин

Курский государственный областной музей археологии

Исследования средневекового замка (городища «Царский дворец»)

Городище «Царский Дворец» («ЦД») занимает один из мысов правого берега р. Псёл и входит в состав Гочевского археологического комплекса (Беловский р-н Курской обл.) (Кашкин, 1998. С. 138). Внутренняя площадка «ЦД» вытянута по линии ССВ–ЮЮЗ и имеет размеры 80 х 40 м. Ров охватывает полукольцом внутреннюю площадку с севера, запада и юга. На северо-востоке также имеется ров глубиной 2–3 м, который отделяет площадку от снижающейся террасы материкового останца. Площадка по краям укреплена валом, имеющим наибольшую мощность с напольной и мысовой сторон, склоны эскарпированы. Въезд находился в её ЮВ части. При установке на площадке опоры ЛЭП, ров с напольной стороны был частично засыпан на участке около 5 м, а вал на участке шириной около 8 м уничтожен. Грунт вала сдвинут на внутреннюю площадку крепости, перекрыв большую её часть. В центральной части культурный слой уничтожен опорой ЛЭП (Стародубцев, 2006. С. 165).

Внешняя площадка вытянута по линии С–Ю и имеет размеры 170 х 100 м. Примыкая к внутренней площадке с западной напольной стороны, она отделена от неё, помимо рва, небольшим валом, зафиксированным в её СВ части. С южной стороны территория укреплена валом и рвом в значительной степени сnivelированными распашкой. В её СЗ части в 1909 г. также был зафиксирован ров (Самоковасов, 1915. Табл. 1), который в настоящее время визуально не прослеживается вследствие многолетней распашки. Въезд находился в северо-восточной части.

В ходе раскопок 2004–2007 гг. начато исследование оборонительных сооружений внутренней площадки «ЦД», что, наряду с полученными находками, дало основания для предварительных выводов относительно датировки данного памятника.

При исследовании вала с напольной стороны выявлены особенности его сооружения. Установлено, что он возводилась в течение короткого промежутка времени. При строительстве использовался грунт из выкопанного рва. С наружной стороны вала зафиксированы остатки срубных деревянных конструкций, соединенных между собой «в паз», служившие для предотвращения оплыва насыпи в её нижней части.

В мысовой части обнаружены клетки оборонительных сооружений, располагавшиеся с внутренней стороны вала городища, по направлению ССЗ–ЮЮВ и сгоревшие во время пожара. На исследованном участке они имели наружные двойные деревянные стены, между которыми была забутована материковая глина. Внутренние помещения имели размеры от 1,2 х 1,8 до 2,4 х 2,3 м. Исходя из прослеженных конструктивных особенностей, можно предположить, что сооружения представляли собой деревянные стены, рубленные тарасами. Под ними зафиксированы деревянные конструкции, представлявшие собой срубы, венцы которых были соединены «в паз». Срубы не имели стен со стороны площадки городища. Их внутренняя часть забутована материковой глиной. С внешней стороны соору-

жения также были засыпаны при возведении вала. Исходя из прослеженной стратиграфии, удалось выяснить, что мыс до начала строительства крепости имел пологий уклон в сторону поймы. В начале её возведения площадка была снивелирована отсыпкой материкового грунта, который удерживали исследованные конструкции.

В общую оборонительную линию была вписана заглубленная в материк постройка (я.19) размером 2,5 x 1,95 м, выступающая за пределы внешней стены на 0,6–1,0 м. Её заполнение представляло собой серый суглинок, сильно насыщенный золой, углями, фрагментами мергеля. К западной стене примыкала вымостка из обломков кварцита размером 1,4 x 1,2 м. Камни были выложены плоской стороной вверх и плотно подогнаны друг к другу. На поверхности вымостки зафиксированы следы сильного прокала. В верхней части заполнения ямы обнаружены фрагменты кругового сосуда с волнистым орнаментом.

С южной стороны к я.19 примыкала клеть оборонительной стены полуземляночного типа. Вдоль СЗ стены постройки зафиксированы столбовые ямы. В ЮЗ углу обнаружены остатки глинобитной печи. Свод её был обрушен при гибели постройки, однако хорошо сохранился под со следами ремонта. Печь сооружена на вырезанной в материковой глине ступеньке и, вплотную примыкала к бревенчатой стене постройки. Отсутствие углей в печи позволяет предположить, что на момент гибели постройки она не использовалась, т.е. пожар произошёл в тёплое время года. При выборке я.13 удалось проследить остатки деревянного пола, сохранившиеся в виде золистой прослойки.

Находки в пределах раскопов представлены отдельными мелкими фрагментами лепной посуды раннего железного века, лепных и раннекруговых сосудов роменской культуры, многочисленными обломками круговой керамики 2 половины XIII–XIV вв. (в том числе ангобированной), обмазки, мергеля, кварцита, угля, а также рыбьей чешуей и костями животных. Среди круговой керамики зафиксированы обломки тарной киевской корчаги. В заполнении отапливаемой полуподземной клетки оборонительной стены обнаружен целый круговой сосуд, раздавленный при обрушении перекрытия во время пожара и датируемый второй половиной XIII–XIV вв.

Из числа датирующих индивидуальных находок, помимо редкого типа джучидского ярмака Менгу-Тимура чекана Крыма с датой 665 г.Х. (1266–67 г.), следует особо отметить предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи (рис. 1). К их числу относятся наконечники стрел и пики, панцирная пластина, фигурная железная накладка на сумку, конские

удила и фигурная ременная накладка (Стародубцев, Зорин, 2008). Три наконечника стрел (найлены при раскопках вала) относятся по А.Ф. Медведеву к типам 37, 91 и виду 2 типа 41 (Медведев, 1966. С. 63–65, 83). Пика согласно классификации А.Н. Кирпичникова – к типу V (Кирпичников, 1966. С. 15–16). Аналоги панцирной железной пластины известны в Северной Европе, в частности, среди захоронений Висбю, датированных 1361 г. (Lindholm, Nikolle, 2003. P. 12, 16.). Близкие по формам фигурные железные накладки на сумку встречены на Ковровском городище в бассейне р. Вятки (Макаров, 2001. С. 97. Рис. 53, 7) и на поселениях Устье 3 и Вединец 1 в районе Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 90. Табл. 6, 15, 16, 18). Фигурная железная ременная согласно классификации К.А. Руденко близка к накладкам типа I отдела Д. Ближайшие аналогии находке зафиксированы на памятниках Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 89. Табл. 8, 5, 8). Таким образом, все обнаруженные предметы вооружения, снаряжения и конской сбруи могут быть отнесены к XIV в.

Кроме того, следует отметить наличие на территории «ЦД» погребений. В 1909 г. Д.Я. Самоквасовым найдено 6 захоронений (Самоквасов, 1915б. С. 5–6), в 1958 г. Б.А. Шрамко – 1 (Шрамко, 1959. Л. 14–15. Табл. XV), в 2004–2007 гг. – 5 (одно из которых оказалось разрушенным). Последние (за исключением №5) прорезали остатки сгоревших конструкций внутренней площадки и находились в неглубоких ямках, контур которых не фиксировался в более поздних напластованиях. По мнению Б.А. Шрамко, это жертвы разгрома городища. А.П. Моця предположил, что погребения являются частью христианского кладбища, которое появилось здесь после гибели «ЦД» (Моця, Халиков, 1997. С. 124–127). Однако более верной следует всё же признать точку зрения Б.А. Шрамко.

Уточнить датировку гибели крепости могут помочь материалы, найденные на прилегающем к нему поселении. Среди них – фрагменты полуфаянсовых чаш, произведенных в поволжских городах Золотой Орды в середине – второй половине XIV в., серебряный данг Тохтамышша 787 г.Х. (1385–86 г.), три медных ордынских пула.

Таким образом, согласно предварительным результатам исследований, «ЦД» представляет собой мощный укрепленный пункт замкового типа, вероятно, основанный в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после присоединения территории верхнего Псла в 1360-х гг. Несомненно, он существовал ещё в конце XIV в. В таком случае гибель замка следует связать с военными действиями второй четверти XV вв. Именно

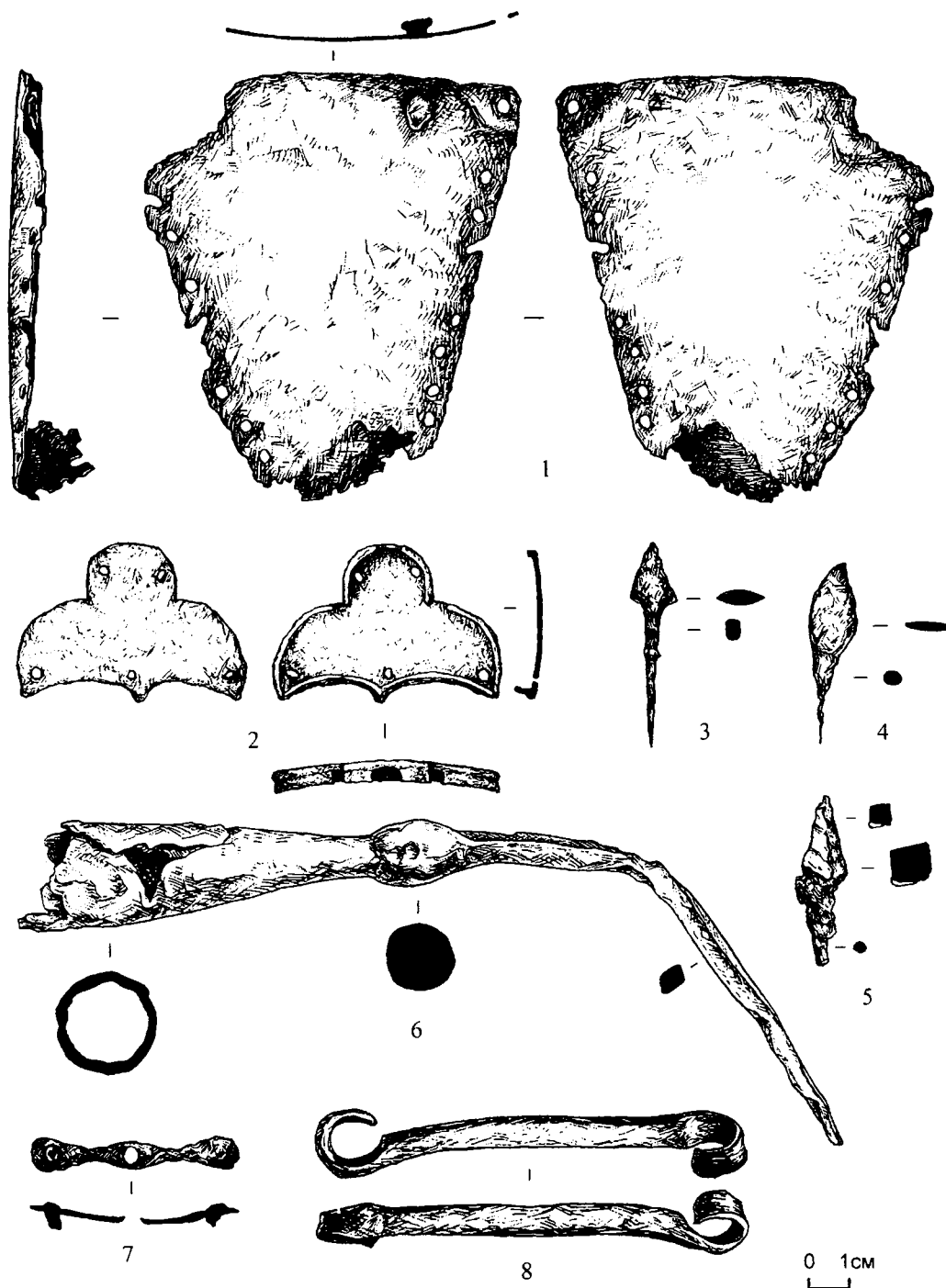

Рис. 1. Железные предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи: 1 – панцирная пластина; 2 – накладка на сумку; 3–5 – наконечники стрел; 6 – наконечник пики; 7 – ременная накладка; 8 – удила.

в этот период приходится борьба северского князя Свидригайло за власть в Великом Княжестве Литовском, осложненная соперничеством татарских ханов Улу-Мухаммеда и Сейид-Ахмеда (1432–1437 гг.). В частности известно, что в 1433 г. татары, которых привёл на помощь Свидригайлу воевода Ивашко

Монивидович, разорили Киевщину и Северскую землю, а в весной 1436 г. военные действия между войсками Свидригайло и Сигизмунда I велись в районе верхней Оки и на северо-востоке Северской земли (Гудавичюс, 2005. С. 280–290; Флоря, 2001. С. 180). Другая вспышка военной активности в ре-

гионе относится к событиям мятежа князя Михаила Сигизмундовича, который летом 1449 г. при помощи союзных татар захватил Стародуб, Новгород-Северский, Брянск и «ряд других замков» на Северной земле (Гудавичюс, 2005. С. 310; Флоря, 2001. С. 187). В обоих случаях ход борьбы вполне мог привести к разгрому и сожжению одной из пограничных крепостей на верхнем Псле.

Более детально судить о назначении и хронологии построек в системе укреплений «ЦД», можно будет после их полного исследования в ходе дальнейших раскопок.

- Гоняный М.И., 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Гудавичюс Э., 2005. История Литвы. Т. I. С древнейших времён до 1569 года. М.
- Кашкин А.В., 1998. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. // САИ. Вып. Е 1-36. М. – Л.

- Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X – XV вв. Ижевск
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ, Е 1-36. М.
- Самоковасов Д.Я., 1915а. Атлас Гочевских древностей. М.
- Самоковасов Д.Я., 1915б. Дневник раскопок у с. Гочево. М.
- Стародубцев Г.Ю., 2006. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994 – 2005 гг. // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 2–3. Брянск.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., 2008. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец» // Славяно-русские древности Днепропетровского Левобережья. Курск.
- Флоря Б.Н., 2001. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М.
- Шрамко Б.А., 1959. Отчет о работах в 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1843.
- Lindholm D., Nikolle D., 2003. Medieval Scandinavian Armies 1300–1500 // Osprey Men-At-Arms series. № 399. London.

Н.А. Суворова, Н.В. Харламова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

Антропологические особенности первопоселенцев Иркутска (по материалам раскопок на территории Иркутского острога)

В результате раскопок, проведенных в 2007–2008 гг. археологами Иркутского государственного университета на территории Иркутского острога, исследованы погребения конца XVII – первой половины XVIII в. Эти захоронения располагались на территории кладбища у здания Спасской церкви, построенной в южной стене острога в 1706–1710 гг. (см. статью Н.Е. Бердниковой и др. в настоящем сборнике).

Полученный в ходе раскопок антропологический материал был подвергнут комплексному рассмотрению, включающему краниометрический и краниоскопический анализ, изучение посткраниального скелета, анализ морфологических особенностей зубо-челюстного аппарата, фиксацию патологических изменений. На данный момент в нашем распоряжении оказались останки 167 индивидов: 23 – мужчин, 24 – женщин, 120 детей и подростков.

По стандартной краниологической программе

нами изучен 41 череп, 21 из которых принадлежал мужчинам и 20 – женщинам. Череп исследованных поселенцев-мужчин Иркутского острога может быть описан как среднелиннй и широкий, брахикранный. По высотно-продольному указателю череп высокий (гипсикрания). Он также является средним по абсолютной величине высотного диаметра, что подтверждается средним высотно-поперечным указателем (метриокрания). Лицевая часть черепа ортогнатная, среднеширокая и средневысокая, по верхнелицевому указателю мезенная. Углы горизонтальной профилировки средние, т.е. лицо по европеоидным меркам несколько уплощено. Орбиты средневысокие и среднеширокие (мезокохные). В абсолютных размерах нос широкий (хамэриния).

Череп исследованных женщин Иркутского острога можно описать как среднелиннй и узкий, мезокранный. По высотно-продольному указателю

череп высокий (гипсикрания). В тоже время, он является большим по абсолютной величине высотного диаметра, что подтверждается средним высотнопоперечным указателем (метриокрания). Лицевая часть черепа ортогнатная, широкая и высокая, по верхнелицевому указателю мезенная. Углы горизонтальной профилировки средние, как и у мужчин, лицо по европеоидным меркам несколько уплощено. Орбиты средневисокие и среднеширокие (мезоконхные). В абсолютных размерах нос средний (мезоринный).

Высокие значения стандартного отклонения по большинству признаков на данном этапе работы позволяют предположить смешанный состав населения.

Средний рост мужчин в группе составил 169,4 см, женщин – 151 см. Значение интермембрального индекса, отражающего соотношение длины руки к длине ноги, соответствует средним величинам как для мужчин, так и для женщин.

Основным заболеванием взрослых людей исследуемой группы был периостит костей ног, иногда сопровождающийся остеопорозом эпифизов. Скорее всего, воспаление надкостницы было вызвано переохлаждением конечностей. Обращает на себя внимание наличие практически у всех погребенных проявлений остеопорозов, вызванных, возможно, недостатком в пище кальция, нарушением работы щитовидной железы или другими причинами.

По одонтологической программе получены данные по 67 индивидуумам. Все они объединены на предварительном этапе анализа в суммарную выборку и рассматриваются не дифференцировано по полу. Такой подход продиктован двумя обстоятельствами: во-первых, дробление выборки, логичное с точки зрения конкретной исторической ситуации, повлечет за собой значительное сокращение числа наблюдений по отдельным признакам, что неминуемо скажется на статистической достоверности результатов; во-вторых, объединение данных по мужчинам и женщинам, особенно если речь идет не о современном населении, является традиционным для отечественной школы одонтологии и в публикациях, к которым мы обращаемся за сравнительными данными, материал организован именно таким образом.

Яркой особенностью первых поселенцев Иркутского острога является высокая частота лопатообразных резцов (25,0% для внутреннего и 37,5% для наружного). И хотя такое соотношение типично для популяций западного одонтологического ствола (Зубов, 1973. С. 104), сами значения очень высоки для русских выходцев с Европейской территории. Среди

средневековых славян единственная серия, дающая близкие показатели – это белозерские кривичи XI–XIII вв. (28,0% для первого резца). К сожалению, мы лишены возможности привлечь для сравнения данные более позднего времени. Единственная такая одонтологическая серия представляет население, захороненное на территории кремля г. Дмитрова Московской области (XII–XVII вв.) (Суворова, 2007. С. 378–393). Значения лопатообразности в этой серии не столь велики (13,8% и 20,0%). Таким образом, очевидно, что в составе поселенцев Иркутского острога прослеживается включение восточного компонента, повлекшего столь значительное повышение частоты лопатообразных резцов.

Скорее умеренна и частота встречаемости бугорка Карабелли (41,7%), максимальные значения которого приходится на представителей западного одонтологического ствола. Форма коронки нижних моляров свидетельствует о высоком уровне редукции в этом отделе: четырехбугорковые моляры отмечены в 10,0 и 88,4% наблюдений. Близкие значения по первому маляру мы находим в серии из Дмитрова (14,3%) и сборной серии словен IX–XIV вв. с территории Ленинградской области.

Повышена по европеоидному масштабу и частота коленчатой складки метаконида (20,7%) – восточного маркирующего признака, как и лопатообразность резцов. Интересно, что аналогичный показатель мы находим опять только у погребенных на территории дмитровского Кремля (17,5% для суммарной серии и 20,8% для выборки XII–XVI вв.). Из остальных имеющихся серий средневековых славян только у словен из Водской пятины и Хрепле показатель поднимается до 13,3%.

В целом, конечно, изученная выборка демонстрирует принадлежность к кругу западных одонтологических вариантов. Повышение частот некоторых восточных маркеров (коленчатой складки метаконида на первом нижнем моляре) в сочетании с четырехбугорковыми формами находит аналогии среди финских популяций и групп русского населения, включившего этот компонент в свой состав. Однако довольно высокие показатели лопатообразности верхних резцов, возможно, могут указывать и на влияние монголоидного компонента. Более определенные выводы мы сможем сделать, изучив полностью всю серию.

Зубов А.А., 1973. Этническая одонтология. М..

Суворова Н.А., 2007. Одонтологическая характеристика средневекового населения г. Дмитрова Московской области // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. II. М.

П.Е. Сорокин

Институт истории материальной культуры РАН

Археологические исследования Ландскроны и Ниеншанца

Земли в устье реки Охты, располагавшиеся на пересечении Невского водного пути и дороги, связывавшей Новгород с Карелией и Финляндией, возвышенные и недостижимые для наводнений, с гаванью для стоянки судов, защищенные водными рубежами, были одним из наиболее благоприятных для обитания мест в низовьях Невы. Согласно летописям, здесь в 1300 г. была основана шведская крепость Ландскрона, которая уже в 1301 г. была взята и разрушена русскими войсками (ПСРЛ. Т. 3. С. 91). Писцовая книга Водской пятины 1500 г. зафиксировала у устья Охты три деревни и сельцо (Временник... С. 119–121). В XVI в. это место неоднократно упоминается в документах в связи с военными действиями, а в конце этого столетия здесь появляется торговое поселение Невское устье, где имелись корабельная пристань, государев гостиный двор, таможня, церковь Михаила Архангела и велась международная торговля (Селин 1998. С. 269–272, Сорокин 2000. С. 27–32). Во время Русско-шведской

войны, в 1611 г., на мысу при впадении Охты в Неву была сооружена шведская деревоземляная крепость Ниеншанц, рядом с которой развивался город Ниен. Вскоре после разрушения этой крепости русскими войсками в 1656 г. она была перестроена. Новая земляная крепость на мысу между Невой и Охтой имела форму звезды с пятью бастионами и двумя воротными равелинами (рис. 1). Город Ниен размещался на правом берегу Охты (Гиппинг, 1909, Bonsdorff, 1891, Лаппо-Данилевский, 1913, Bagrow, Kohlin, 1953, Кальюнди, Кирпичников, 1975, Возгрин, Шаскольский, 1981, Сорокин, 2000). Город в устье Охты прекратил свое существование в начале Северной войны в конце 1702 г. (Шаскольский, 1987. С. 35). 1 мая 1703 г. был сдан Ниеншанц (Книга Марсова. С. 14–18, Сорокин, 2000. С. 83–88).

Первые разведочные археологические раскопки в устье реки Охты были проведены Санкт-Петербургской археологической экспедицией в 1992–93 гг. (Сорокин, 1994; 2000. С. 40–42, 65–72,

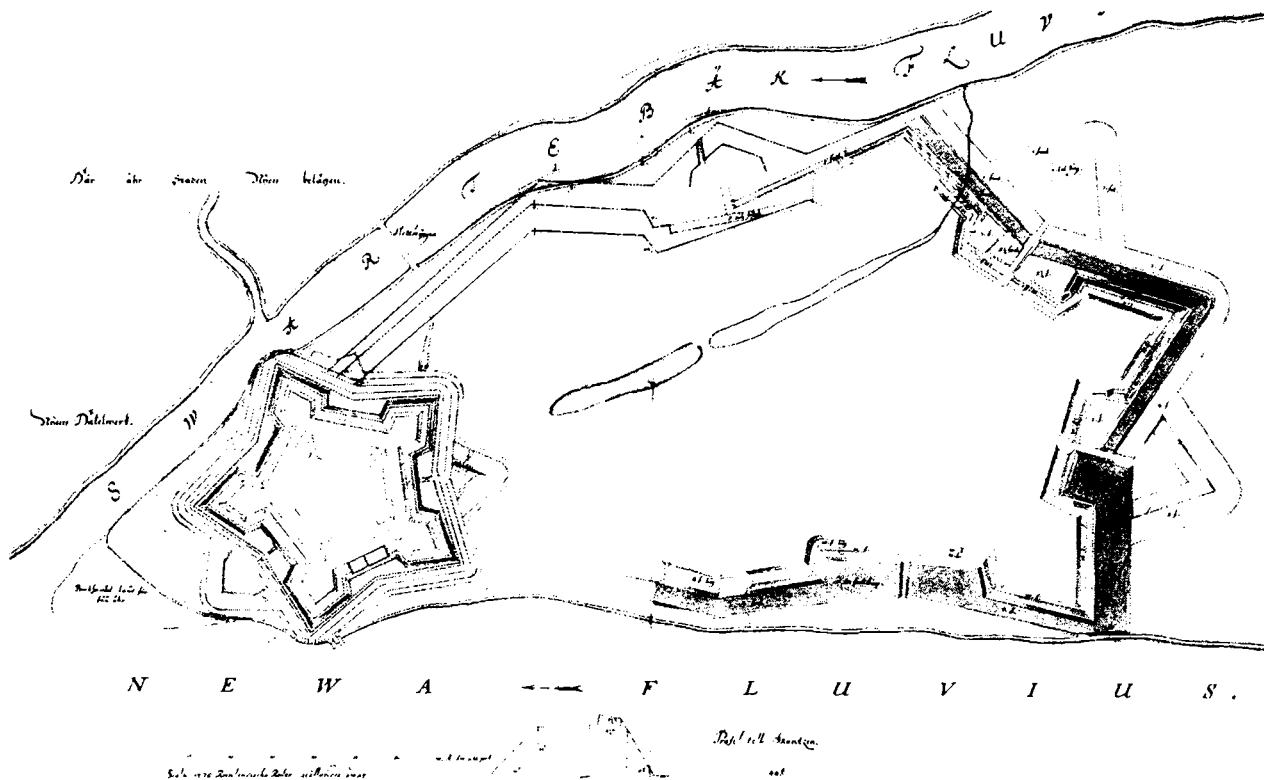

Рис. 1. Проектный план крепости Ниеншанц 1681 г.

Рис. 2. Внутренний ров Ландскроны. Вид с севера.

110). Здесь были выявлены культурный слой XVII в. и захоронения XVI в. В 2006 г., в связи с подготовкой нового строительства, корпуса Петрозавода были снесены, что позволило продолжить археологические раскопки на этой территории. В центральной части мыса были найдены остатки вала с деревянными конструкциями в основании, прослеженные на высоту до 5 венцов (1,2 м). Это были четырехугольные клетки, сложенные без врубок из стволов сосен, ориентированные по сторонам света и перекрытые песчаной засыпкой мощностью до 2 м. Вал перекрывал ложбину, прорезавшую возвышенную часть мыса и выходившую к Неве. Радиоуглеродные даты древесины, полученные в ИИМК РАН (Ле-7630: $800 \pm 35 \text{BP}$, Ле-7631: $790 \pm 25 \text{BP}$), позволяют связывать эти укрепления с 1265–1275 гг. Можно предположить, что еще до основания Ландскроны здесь мог существовать новгородский укрепленный пункт.

В ходе раскопок у левого берега Охты были изучены засыпанные рвы различных периодов существования фортификационных сооружений. Предваритель-

но можно выделить три этапа их строительства. Две линии рвов, относящиеся, вероятно, к крепости Ландскрона, были прослежены с восточной стороны крепости – вдоль берега реки Охты на протяжении около 70 м и с южной – напольной – стороны на протяжении около 50 м. Внешний ров трапециевидный в разрезе с плоским дном шириной около 15 м в верхней части и 9,5 м по дну, сохранился на глубину до 2,4 м. Стенки рва, имевшие угол наклона около 40° , были укреплены от оплывания деревянными плахами шириной 20–30 см, уложенными по склону вплотную друг к другу. Снизу они были закреплены рядом колов и продольными плахами. В 14 м ближе к центру мыса, западнее этого рва и параллельно ему, был расположен аналогичный по конструкции, но более узкий ров, шириной около 11 м в верхней части и около 6 м по дну, с углом наклона стенок около 60° . Он был заглублен с поверхности погребенной почвы и его глубина достигала 2,8 м. На внутреннем склоне рва исследованы нагромождения сгоревших деревянных конструкций, вероятно, остатки крепостных стен (рис. 2). В деревян-

ных конструкциях и в нижней части заполнения рва были обнаружены черешковые арбалетные болты и втульчатые наконечники стрел. Среди них имеются массивные наконечники стрел от баллист – станковых арбалетов – «самострелов», достигающие в длину 19 см. На площадке крепости найден наконечник копья. Все эти предметы вооружения могут быть датированы рубежом XIII–XIV вв. Судя по находкам, обнаруженным в верхней части заполнения обоих рвов, они могли быть использованы в XVI в., а также в самом начале XVII в., при строительстве первоначальных укреплений Ниеншанца. Рвы были окончательно засыпаны только в XVII в. В засыпке с южной стороны было найдено около сотни переотложенных погребений. В двух местах, во внешнем рву, где были сложены несколько десятков черепов, они носили следы перезахоронения, которые могли быть связаны с массовыми погребениями шведских воинов, погибших в Ландскроне. Отдельные человеческие кости и их небольшие скопления встречались также в засыпке рвов и в других местах. При этом часть из них принадлежала детям и женщинам, что позволяет связывать их с разрушенным позднесредневековым могильником.

Следующий этап строительства крепостных сооружений может быть отнесен к первым десятилетиям существования Ниеншанца, когда направление рва меняется. Его стенки, сделанные под углом около 60°, были укреплены дерновой обкладкой, шириной около 1,5 м, предохранявшей их от оползания. Третий этап фортификационного строительства связан с полной перепланировкой оборонительных сооружений Ниеншанца после войны 1656–61 гг., когда здесь была построена крепость в форме звезды. Внутренний участок рва вдоль юго-восточной куртины крепости между Карловым и Мертвым бастионами был исследован на протяжении около 50 м. В основании дерновой обкладки стенок, облицовывавшей склон рва под углом около 50°, находились деревянные срубные конструкции шириной около 2 м. Они состояли из уложенных вдоль склона двух рядов бревен, соединенных внахлест поперечинами. В 3 м от стенки рва был обнаружен палисад – ряд частокола из бревен диаметром до 20 см, который сохранился на высоту до 1,2 м. На месте примыкания куртины к Мертвому бастиону исследован потайной ход сортиа, выходящий в ров. Лестничный спуск шириной 1,3 м., под углом около 30°, был прослежен на протяжении более 3 м. Сверху он был перекрыт бревнами и листьями бересты. Со стороны рва выход был закрыт деревянной дверью размерами 1,2 м в высоту и 1,1 м в ширину. С внутренней стороны к южному фланку бастиона

примыкали остатки постройки, погибшей в пожаре времени падения Ниеншанца в 1656 г. В заполнении рва прослеживаются три слоя. Нижний связан с заплыванием рва в период существования крепости. Два других слоя характеризуют два этапа его засыпки. Первый связан с разрушением крепости после взятия и, вероятно, представляет собой частично снивелированные насыпи крепостных валов. Окончательно ров был засыпан слоем щепы уже в начале XIX в., когда здесь существовала Охтинская верфь. В процессе раскопок обнаружены находки разных эпох от неолитических каменных орудий и позднесредневековой белоглиняной керамики до предметов XIX в. Ко времени существования Ниеншанца относятся: фрагменты североевропейской керамики, голландских курительных трубок, кожаная и плетеная из бересты обувь, шведские монеты. Осколки мортирных бомб, ядра, картечь, найденные на дне крепостного рва, являются свидетельствами штурма крепости.

В 2001 г. территория крепости Ниеншанц была поставлена на государственную охрану в качестве «вновь выявленного» объекта культурного наследия. К 300-летию юбилею Петербурга по инициативе и при участии Санкт-Петербургской археологической экспедиции на месте Ниеншанца был сооружен памятный знак и учрежден историко-археологический музей «Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц». В связи с новыми открытиями существуют планы создания здесь музея Археологии Петербурга.

* Пользуясь случаем, выражаю благодарность участникам исследований в устье реки Охта – археологам О.А. Андреевой, С.Г. Попову, С.А. Семенову, К.А. Михайлову, А.В. Полякову, И.А. Лазаретову, В.Д. Гукину, М.М. Ахмадеевой, А.В. Ивановой, В. А. Глыбину, А.В. Карамышеву, А.К. Петрову.

Временник Московского общества и древностей Российских. Кн. 11. Переписная Окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 г. М., 1851.

Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., 1981. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов. // ВИД. Т. XII. Л.

Гиппинг А.И., 1909. Нева и Ниеншанц. СПб.

Кальюнди Е.А., Кирпичников А.Н., 1975. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник, т. XX., Таллин.

Книга Марсова или воинских дел. СПб., 1776.

Лаппо-Данилевский А.С., 1913. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И. Гиппингом и А.А. Куником. СПб.

ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись. Т. 3. М., 2000.

- Селин А.А., 1998. К исторической топографии Невского устья // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.
- Сорокин П.Е., 1994. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения. СПб.
- Сорокин П.Е., 2000. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.

- Шаскольский И.П., 1987. О судьбе архивных материалов города Ниеншанца // ВИД. Т. XVIII. Л.
- Bagrow L., Kohlin H. Maps of Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmo. 1953.
- Bonsdorff C. Nyen och Nyenskans. Helsingfors. 1891.

А.Ю. Тарасов

Служба по охране объектов культурного наследия администрации Красноярского края

В поисках Маковского острога (разведочные работы на территории с. Маковское Красноярского края)

В 2007 г. по инициативе директора музея истории г. Лесосибирска Сергея Максимова были организованы работы в с. Маковское Енисейского района Красноярского края с целью определения перспектив поиска следов Маковского острога и одноименного волока.

Село Маковское (70 км западнее г. Енисейска) выросло на месте Маковского (Макоцкого, Намацкого) острожка, поставленного осенью 1618(?) г. как промежуточное укрепленное место зимовки отряда служилых людей под командой боярских детей Петра Албычева и Черкаса Рукина (будущих строителей Енисейского острога) на территории родового стойбища остяцкого князя Намака.

«Маковской острог стоит на красном месте, на Кете на яру, левой стороне; а во остроге церковь, а дворов с 20, и тут дощаников и каюков зело множество розбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людем. А с полверсты от острогу есть слобода торговых людей, и тут анбаров множество построено для ради того, что торговые товары свои тут кладут и после того ходят чрез волок.» (Спафарий, 1882).

В дальнейшем, до середины XVIII в., Маковский острог выполнял роль «транспортного терминала» на рокадной трассе. По большой воде, через систему волоков соединяющих бассейны Оби и Енисея сюда доставлялись хлебные и соляные припасы, размещаемые в охраняемых служилыми людьми «государевых амбарах». Затем по зимнему пути перевозились в Енисейск – главный товарно-распределительный центр Восточной Сибири, где складировались в каменных подвалах Введенской церкви. С наступлением новой навигации из Енисейска их перевозили дальше, к местам назначения – в Красноярск, Якутск, Забайкалье.

«А от Маковского острогу поехали чрез волок в Енисей. А тот волок держит верст с 5 летнею порою, а зимним путем сказывают, что с 50 верст. А по всему волоку зело грязно живет, и для того везде по нем великие мосты построены для ради множества грязей, и болот, и речек.» (Спафарий, 1882).

С освоением Маковского волока было положено начало активному продвижению русских в Восточную Сибирь по системе рек: Обь – Кеть – Кемь – Енисей – Ангара – Лена.

Маковский волок, активно функционировавший еще в начале XIX века, постепенно, с изменением транспортных схем терял свое значение. Строительство Обь-Енисейского канала, развитие Московско-Сибирского почтового тракта и, позднее, – железной дороги привнесло в эти места запустение.

Маковский острог городом так и не стал. Место это осталось необжитым. Жизнь, кипевшая в этом регионе, постепенно пришла в упадок, а экономический кризис постперестроечного периода практически стер с лица земли данное поселение, которое в настоящее время существует благодаря нескольким семьям староверов, живущих охотой и рыбалкой.

В плане проведения археологических и этноархеологических изысканий окрестности Маковского остаются практически неизученными.

Единственным известным археологическим объектом в данном регионе является стоянка «Высокий» расположенная в 12 км ниже по течению р. Кеть, обнаруженная местными жителями и исследованная в 1959 г. Р.В. Николаевым (Николаев, 1963. С. 49–53).

В ходе проведения разведочных работ в 2007 г. в окрестностях села собрана разнообразная коллекция артефактов, которая была дополнена предметами, приобретенными у местного населения.

Уникальным предметом, попавшим в руки исследователей, оказался найденный местными жителями железный палаш длиной 86 см, удлиненно-треугольный в сечении с прямой спинкой (рис. 1: 7). Рукоять асимметрично-треугольная с заплечиком и отверстием в верхней части. Острие тупое, односторонне скошенное.

Идентичные изделия, хорошо представленные в западносибирских Елыкаевской и Парабельской коллекциях, Ишимском кладе из Ачинского уезда, относятся, по мнению А.И. Соловьева, к наиболее ранним формам, появившимся в конце первой четверти I тыс. и просуществовавшим до первых веков II тыс. (Соловьев, 1987. С. 73).

Коллекция наконечников стрел (рис. 1: 1-5) пред-

ставлена пятью железными черешковыми экземплярами:

– 3 плоскими: иволистной формы с шипами, широким секторовидным срезом с упором, боеголовковым с упором иволистной формы;

– 2 гранеными: асимметричным подтреугольно-игловидным, долотовидным с развернутой боевой частью.

Все изделия использовались вплоть до этнографической современности, причем граненые экземпляры, имеющие собственное наименование – пырнь-ол и аттель-тишше, предназначались в первую очередь для поражения тяжелооруженного противника (Соловьев, 1987. С. 47, 48).

На северной окраине села в районе кладбища и

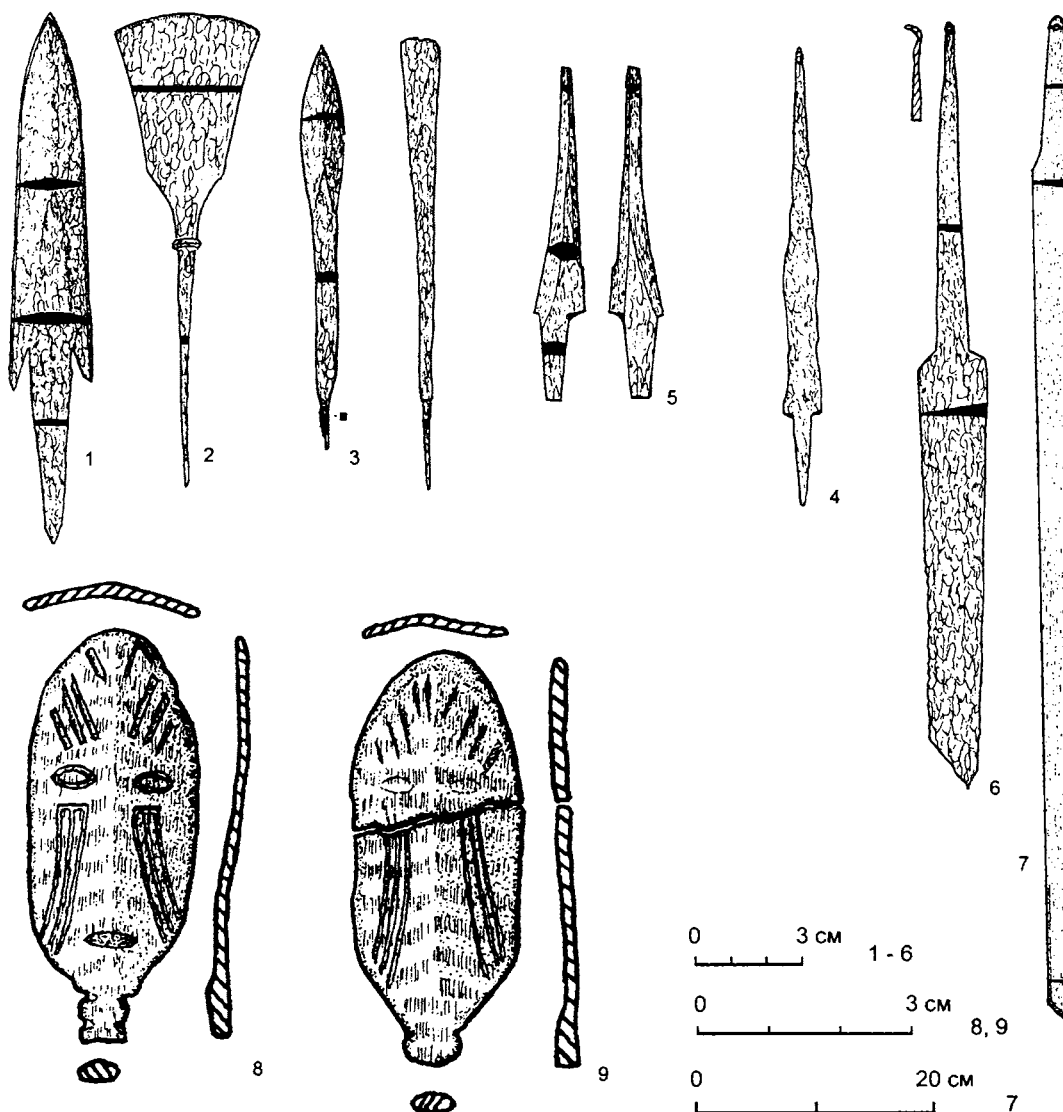

Рис. 1. С. Маковское. Разведка 2007 г. Находки: 1-5 – наконечники стрел, 6 – нож, 7 – палаш бронза; 8, 9 – личины. 1-7 – железо; 8-9 – бронза.

бывшей базы МТС в нарушенном гусеничной техникой дерновом горизонте на площади около 5 кв.м обнаружены две бронзовые личины «рёлкинского типа», одна из них преднамеренно повреждена (рис. 1: 8, 9), датируемые VI–IX вв. (Чиндина, 1991. С. 160).

В ходе проведения предварительного обследования обширной территории правобережной террасы р. Кеть, вовлеченной в процесс хозяйственного освоения населением Маковского, сформировалось мнение, что наиболее перспективным с точки зрения поисков следов острога, на наш взгляд, является северная окраина села., что подтверждается рядом признаков.

1. Северная окраина – левая оконечность яра «Маковской острог стоит на красном месте, на Кете на яру, левой стороне» (Спафарий, 1882). Далее, ниже по течению терраса выклинивается и подрезается руслом небольшого безымянного ручья образуя небольшую, подмываемую рекой площадку, отделенную узким гребнем от остальной территории. Данное место (господствующая высота), определяемое местным населением как территория острога и именуемое «Красной горой», хотя и обладает прекрасными естественными фортификационными свойствами в силу ограниченности пространства бесперспективно для размещения острожных сооружений. Можно, конечно, предположить, что в процессе берегопереработки территория острога была смыта, на что определенно бы указывали письменные источники и многочисленные факты обнаружения объектов (предметов и сооружений) из разрушаемого культурного слоя острога (не обнаруженного разведочной шурфовкой).

2. Северная окраина – одно из всхолмлений (маковок), на которых располагается село. Оно образовано 2 логами, – северным, спускающимся к реке где до настоящего времени существует лодочный «причал» и южным – более крупным, периодически вскрывающимся оврагом – постоянным местом сборов подъемного материала местным населением.

3. Северный лог отделяет территорию поселка от функционирующего до настоящего времени кладбища – очевидно, единственного за всю историю населенного места (что является достаточно редким явлением для существующих длительный период времени поселений).

4. На выбитом скотопрогоном западном склоне северного всхолмления на ограниченной площади обнаружено 3 серебряных монеты-чешуйки (одна – определимая – Михаила Федоровича). На остальной территории поселка (в том числе и со слов местного населения) имели место быть находки более поздних нумизматических материалов (в основном середина XVIII – первая половина XIX в.)

5. В разведочных шурфах, заложенных на верши-

не всхолмления на глубине 0,2–0,25 м, обнаружена прослойка битого полноразмерного кирпича, под которой зафиксированы небольшие сланцевые плитки. Площадь, занимаемая прослойкой (расстояние между шурфами 20 м), свидетельствует о значительных размерах сооружения (память местного населения не зафиксировала наличие каких-либо «старых» кирпичных построек в селе).

6. Обследование южной окраины села (именуемой местными слободой) выявило наличие многочисленных в большей или меньшей степени выраженных в рельефе котлованов западин, свидетельствующих о наличии на данной территории остатков торговой слободы: «А с полверсты от острогу есть слобода торговых людей, и тут анбаров множество построено для ради того, что торговые товары свои тут кладут и после того ходят через волок.» (Спафарий, 1882).

Подъемные материалы представлены шитковым перстнем-печаткой из оловянистого сплава с изображением человеческой фигуры, прямым крестом-тельником, двумя ажурными подвесками из светлой бронзы, одна из которых со стеклянной вставкой покрыта полихромной эмалью.

В целом, оценивая перспективы изучения археологических комплексов (как русского, так и дорусского пласта) на данной территории с учетом минимального антропогенного воздействия, можно оценить как достаточно высокие.

- Бродников А.А., 2002. Присоединение к русскому государству Левобережья Среднего Енисея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т.1. Вып.3 История. Новосибирск
- Ермолаев А.П., 1914. Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Вып. 1. Красноярск.
- Миллер Г.Ф., 2000. История Сибири. Т.2. М.
- Могильников В.А., 1968. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. № 1
- Николаев Р.В., 1963. Древние жилища у с. Маковского // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
- Николаев Р.В., 1963. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
- Соловьев А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск.
- Спафарий Н., 1882. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г., СПб.
- Чиндина Л.А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск.

Л.И. Федорова, В.А. Ткаченко
Музей ремесла, архитектуры и быта, Калуга

Комплексный подход к изучению производства глиняных курительных трубок XVIII–XIX вв.

Многочисленные находки глиняных курительных трубок в Калуге составляют подъемный материал при сносе домов и земляных работах на территории города. Естественно, возникает вопрос при исследовании этих трубок, среди которых имеются как красноглиняные, так и серо-, белоглиняные, это время бытования и место их изготовления.

Первые мастерские по изготовлению глиняных трубок возникли в середине 70-х гг. XVI в. в Англии. Это были простые трубки, без орнамента, без глазури. К началу XVII в. курение табака в трубках распространяется в Нидерландах. Производство глиняных трубок на территории Германии и Франции началось при короле Иакове I (Дворжак, 1982. С. 64). В Чехии их начали изготавливать во второй половине XVII в. (Калявский, 1984. С. 61). В Польше, на Украине, в Белоруссии – табакокурение также распространилось в начале XVII в. (Путь, 2002. С. 249). В Османской империи сероглиняные курительные трубки, подражая голландским белоглиняным трубкам с длинными мунштуками, начали изготавливать в начале XVII в. Красноглиняные трубки, носящие теперь название «турецкие», вошли в обиход в конце XVII в. (Гусач, 2002. С. 370). На территории России, сюда входит и Калужский край, в XVII в. табакокурение было запрещено. Лишь территория Брянщины, с 1618 по 1654 гг. входившая в состав Речи Посполитой, особых гонений за употребление табака не испытывала. Поэтому здесь находят глиняные курительные трубки XVII в. (Путь, 2002. С. 249).

Со слов А. Олеария, немецкого путешественника, в 1634 г. за воровскую продажу табака и водки в Москве наказывали кнутом. Он был свидетель, как преступникам дали 25 ударов кнутом из воловьей жилы, с тремя хвостами из невыделанной лосиной кожи. После наказания виновным повесили на шею по рожку с табаком, а продававшим водку по склянке с этим напитком. В таком виде их вели по городу, продолжая бить кнутом, и лишь потом отпускали. За употребление табака во времена А. Олеария в Москве рвали ноздри (Ключевский, 1991. С. 105, 106). И только с 1697 года официально было разрешено продавать и курить табак русским людям. Лишь старообрядцы придерживались правил отрицания табакокурения.

Таким образом, Калуга ощущала влияние Запада с его традицией курения табака. Кроме того, договор Петра I с Карматеном (соглашение о поставках табака в Россию) дал возможность Карлу Гутфелю, агенту английской табачной компании, в 1701–1702 гг. развернуть свою деятельность в трех регионах Русского государства: Смоленском, Калужском, включая Мещовский и Козельский уезды, Брянском. Карл Гутфель как способствовал распространению сбыта американского табака в этих уездах, так и занимался скупкой пеньки. Это давало членам табачной компании, которые специализировались на поставке корабельных товаров, успешно вести дела. Операции с пенькой приносили компании большие прибыли, русская пенька была ходовым товаром на биржах Лондона и Амстердама (Кондратенко, 1998. С. 48, 49). Но обилие среди населения Калуги старообрядцев сдерживало распространение этой привычки – курить трубочный табак. Поэтому и производство глиняных трубок на территории города Калуги должно иметь особенности, не вписывающиеся в общепринятые. Помогли решить эту проблему находки глиняных трубок на территории города, полуформа для изготовления глиняных трубок, найденная в 2007 г. около старой калужской переправы, напротив храма Казанской божьей матери, многочисленные находки круглых шариков –погремушек. Трубка, изготовленная в этой глиняной форме, имела гладкую поверхность, не имела орнамента. Орнамент, в данном случае, наносился позднее, по сырой глине специальными штампами. Большинство бытовавших в Калуге глиняных трубок имеют орнамент, нанесенный разнообразными торцовыми штампами: полупальпетонок, треугольных пирамидок, солнечных розеток, оттиск кольцевого штампа «каури», прокатка штампом – зубчатым колесом. Время, затраченное на оттискивание торцевым штампом и прокатывание штампом – колесом составляет незначительный процент в общем технологическом процессе. Но товарный вид, а значит и цену определяет качественное выполнение этих операций.

Многие исследователи старых производств высказывают мысль, что кроме исследуемой серии конкретных изделий, в мастерских могли изготавливаться и изготавливались другие изделия, Это позволяло

использовать навыки квалифицированных мастеров более продуктивно. В Калуге и окрестностях было много мастерских, в которых исходным сырьем была глина. Глиняные игрушки являются самым распространенным видом средневековых калужских игрушек. Среди них в Калуге бытовали с XVI в. детские игрушки – круглые погремушки. Нами изучено 17 изделий, как целых, так и фрагментов. Тринадцать погремушек изготовлены из красной глины, 4 экземпляра, более ранних погремушек, из светлой глины. Большая часть изученных круглых погремушек, датируемых концом XVIII – началом XIX в., имеет лощение и покрыты ангобом. Погремушки объединяет внешняя круглая форма и один шарик-ударник внутри для извлечения звука. Благодаря фрагментам круглых погремушек удалось определить, что формирование изделий, вероятно, происходило в разъемных цилиндрических формах с дном в виде полусферы, обеспечивающей стабильность наружных диаметров погремушек одного мастера или мастерской. Отсутствуют следы внутренних швов на поверхности изделий. Складки глины и следы пальцев подсказывают, что закрытие устья осуществлялось постепенным сжатием его пальцами обеих рук, после закладки вовнутрь глиняного шарика-ударника. Этот технологический прием отличает погремушки из Калуги от подобных круглых погремушек московского типа. В Москве корпус игрушки вдавливался в формочки в виде двух полушарий, готовые половинки затем соединялись. Орнамент на гладкой поверхности калужских изделий выполнен как зубчатыми рейками, так и зубчатыми колесиками. На поздних экземплярах круглых погремушек присутствуют элементы орнамента, украшающего красноглиняные трубки, из Калуги. Среди них представлены следующие погремушки.

1. Фрагмент круглой красноглиняной лощеной погремушки покрытой красным ангобом, диаметром 43 мм. Толщина стенок колеблется от 5 до 9 мм. Предположительно изготовлена в форме. Крестообразно от отверстия, по сырой глине, меридиально двумя инструментами нанесена орнаментальная полоса: двойная зубчатая, только одним краем, и полосой из пирамидок. По экватору поверхность погремушки разделена орнаментальной полосой из вдавленных пирамидок шириной 2,8–3 мм, на 1 см – 4 пирамидки. Всего поверхность шара поделена на 16 сегментов, в каждом из которых оттиск торцовым штампом «каури». В центре «каури» бугорок 7 x 3 мм. Калуга. XVIII – сер. XIX в.

2. Фрагмент круглой красноглиняной лощеной погремушки, покрытой светло красным ангобом. Имеется след одного сквозного отверстия, толщина стенок 6–9 мм. Видны следы пальцев и складки

глины, образовавшиеся при закрытии полости погремушки. Крестообразно от отверстия, по сырой глине, поверхность изделия делится на 4 части тройной орнаментальной полосой. Две крайние полоски нанесены мелким зубчатым инструментом шириной 1,5 мм, на 1 см – 13 зубцов. Центральная полоса состоит из крупных треугольных пирамидок, на 1 см – 5 пирамидок. По экватору поверхность делится еще на 8 частей. В треугольных секторах розетки диаметром 10 мм с 13-ю лучами. Между двумя лучами есть дополнительный четырнадцатый луч, который не соприкасается с другими. Точек нет. Калуга, ул. Первомайская, XVIII – середина XIX в. Находка 1996 г.

3. Фрагмент круглой красноглиняной лощеной погремушки XVIII – сер. XIX в., покрытой красным ангобом, диаметром 40 мм. Имеется след от отверстия, толщина стенок колеблется от 7 до 8 мм. Видны следы пальцев, что характерно при закрытии устья погремушки, после изъятия из формы. Крестообразно от отверстия, по сырой глине, двойным зубчатым колесиком, шириной 1,5 мм, по меридианам нанесен орнамент. Такой же орнамент по экватору, делит поверхность изделия на секторы. В них солнечная розетка, нанесенная торцовым штампом, диаметр которого 11,3 мм. Имеется 17 лучей, но точек нет. Калуга, ул. Первомайская, находка 1966 г.

Таким образом, возможно изготовление глиняных трубок и глиняных погремушек происходило в одних мастерских, поэтому имеется отличие в технологии изготовления погремушек по сравнению с другими городами Центральной России и использование одинаковых штампов для орнаментации в обоих случаях. Исследования по изучению технологий изготовления глиняных трубок, бытовавших в Калуге необходимо продолжить и расширить для получения новых подтверждений изготовления их в местных мастерских совместно с другими видами сопутствующей продукции.

Гусач И.Р., 2002. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азов.

Дворжак Я., 1982. Первые Европейские курительные трубки // Журнал «Умение и ремесла» № 2. Прага.

Каляевский М., 1982. Глиняные трубки из Банска-Штявницы // Журнал «Умение и ремесла». № 3. Прага.

Ключевский В.О., 1991. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.

Кондратенко А., 1998. Золотой век конопли. Орел.

Путь В.М. (Стародуб), 2002. Люльки малороссийской части Брянщины // Деснинские Древности. Брянск.

М.И. Федулов

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары

Средневековая этнокультурная история чувашского Присурья в свете данных археологии

В XIII–XVII вв. в Чувашском Присурье происходило активное взаимодействие между предками современных чувашей, марийцев, мордвы и русскими. Археологические материалы позволяют глубже понять особенности этнокультурных процессов в зоне контактов финно-угорских и тюркских народов, а также проанализировать начальные этапы освоения русскими левобережья Суры.

Финно-угорские племена долгое время являлись единственными обитателями на территории Волго-Окского междуречья. Городища городецкой культуры, выделенные в северо-восточную группу памятников, густой сетью покрывают присурские районы (Смирнов, Трубникова, 1965. С. 21–25). Начиная с V в. н.э., на данной территории формируются элементы древнемордовской и древнемарийской культуры.

К памятникам древнемордовской культуры (II–III – VII вв.) в Чувашии относятся Таутовский, Иваньковский, Яндашевский и Криушский могильники, а также более двух десятков городищ типа Ножа Вар (Жиганов, 1976. С. 38). Ключевым могильником нижнесурской мордвы является Иваньковский могильник IV–VIII вв. (Воронина, 2007. С. 154–165). Он является связующим звеном между памятниками городецкой культуры и средневековой мордвой Присурья. В I половине II тыс. н.э. существовало несколько могильников, территориально и хронологически близких к основному массиву древнемордовских памятников левобережья Суры в Мордовии и Ульяновской области (Степанов, 1969. С. 52, 54).

Следы сильного воздействия мордвы прослеживаются в позднесредневековых могильниках на всей территории республики (Краснов, 2006. С. 274–280). Наличие костяков в скорченном положении, особое устройство могильной ямы и инвентарь указывают на тесные связи чувашей и мордвы (Новоядринский могильник) (Зубарева, 2006. С. 100–105). Присурье до настоящего момента является основным регионом проживания мордвы в Чувашии.

Нижнее течение Суры заселяли марийцы. Территория распространения средневековых марийцев не ограничивается современными границами Горномарийского района Марий Эл и распространяется на

северные районы Чувашии. Материалы поселений указывают на формирование единой керамической традиции Марийско-Чувашского Поволжья (Хлебникова, 1985. С. 85–92). Позднесредневековые могильники содержат инвентарь и украшения, характерные для марийцев (Новоядринский, Верхнеочакский могильник и др.) (Шикаева, 1985. С. 100–117; Никитина, 2002).

Коренные изменения в истории региона происходят с приходом булгар. Находясь между крупными политическими образованиями – Русью и Волжской Булгарией, сменившей ее Золотой Ордой и Казанским ханством, в различные этапы своей истории Присурье испытывало влияние то одного, то другого государства.

В X – начале XIII в. булгары через систему факторов проникали на территорию проживания автохтонных финно-угорских племен. Чувашское Присурье в этот момент является западной периферией их сферы влияния. Мордовские и марийские племена имели пробулгарскую ориентацию, что способствовало интенсивной торговле, установлению дипломатических контактов и единичной инфильтрации булгар на их территорию.

О начальных этапах проникновения булгар на территорию современной Чувашии свидетельствует наличие керамики в поселениях. В основной массе керамики финно-угорской традиций она представлена небольшим процентом (Фахрутдинов, 1971. С. 182, 187–188; Хлебникова, 1967). Большая ее часть датируется золотоордынским периодом, но есть и находки, относящиеся к X–XIII вв. (Стемасы I и Устиновка) (Каховский, 1980. С. 3–18).

В процентном соотношении болгарской керамики в памятниках Чувашии больше, чем в памятниках Марийской Республики и Нижегородской области. Все это говорит о том, что связи местного населения с булгарами были более тесными, чем с русскими, и болгарские культурные традиции проникли глубже в эту среду (Николаенко, 2004. С. 69).

Булгарское влияние проявляется в появлении погребений со смешанной, неустойчивой обрядностью (могильник Палаху (погребение №17), могильники у д. Новое Ядрино (погребения №1 и 2), Большая Тояба и Б. Янгильдино) (Руденко, 2001. С. 131).

С XIV столетия происходит формирование этнографической группы чувашей-вирьял под сильным этнокультурным влиянием горных марийцев и мордвы-эрзи, что проявилось в антропологическом облике, языке, материальной и духовной культуре. Небольшая плотность поселений марийцев и мордвы в Присурском регионе позволила булгарам свободно расселиться и со временем частично отеснить и ассимилировать финно-угров.

Начальные этапы проникновения русских на территории современной Чувашии необходимо рассматривать в двух направлениях и по следующим этапам. Период XIV – середина XVI в. является начальным этапом колонизации, характеризующийся единичной инфильтрацией и присутствием русских в регионе, опирающийся на поддержку малых укрепленных пунктов. Со II половины XVI столетия колонизация носит массовый характер и опирается на большое количество городов-крепостей. Чувашское Присурье является первым направлением переселения русских в продвижении на восток.

Появление «славяноидной» керамики связывает с активной ролью русских близ восточных границ Руси, в зоне их этнического контакта с марийцами, чувашами и мордвой. С ослаблением болгарского влияния происходит более интенсивный приток русских вещей и русского населения (Хлебникова, 1967. С. 91; Макаров, 2004. С. 116).

Сосредоточение русских памятников близ устья Суры связано с древнерусской колонизацией этого района. Вероятно, до XII-XIV вв. и восточнее устья Суры проникновение русских носило торгово-дипломатический характер. Ряд памятников возникает на территории Нижегородского края (д. Отарские Выселки у устья р. Сура) и Республики Марий Эл (Николаенко, 2004. С. 68). В 1372 г. на Суре был основан г. Курмыш, в 1523 г. Васильсурск. С конца XIV в. северо-западные земли мордвы, включая нижнее течение Суры, становятся частью Суздальско-Нижегородского княжества, позднее входят в состав Русского централизованного государства.

Одним из ранних русских поселений в Чувашском Присурье является поселение у с. Порецкое. Керамика поселения имеет аналоги в памятниках XII-XV вв. в Нижегородской области (Зеленев, 2004. С. 316). Другое русское поселение XVI-XVII вв. располагалось у с. Антипинка. Сравнение этих двух памятников позволяет проследить изменения в материальной культуре русских Присурья (Каховский, 1980).

Изучение этнической истории Чувашского Присурья требует междисциплинарного подхода. Археологический материал, как основной вид источника,

дает фактические сведения по расселению народов и о процессе этнокультурного взаимодействия в полиэтническом регионе. В поселениях и могильниках содержатся находки, указывающие на активные миграции в среде финно-угров и интенсивное проникновение болгарских традиций. Ранние русские поселения дают сведения для датировки начальных этапов колонизации края. Данные археологии в сравнении с данными этнографии, позволяют исследователям, изучающим средневековый период истории Чувашского края, раскрыть особенности этнокультурных процессов.

Воронина Р.Ф., 2007. Нижнесурская мордва iv–viii вв. (по материалам Ивановского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. Пенза.

Жиганов М.Ф., 1976. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск.

Зеленев Ю.А., Краснов С.А., Михайлов Е.П., 2004. Исследования Порецкого поселения в Чувашской Республике // АО 2003 года.

Зубарева В.М. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядрино // КСИА. Вып. 129.

Каховский В.Ф., 1978. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары.

Каховский Б.В., 1980. Археологические исследования 1978 года в Чувашской АССР // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Вып. 105. Чебоксары.

Краснов С.А., 2006. Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола.

Макаров Л.Д., 2004. Славяно-финно-пермские этнокультурные процессы в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. э. // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / Археология и этнография Марийского края. Вып. 27. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола

Николаенко Т.Д., 2004. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. М.

Руденко К.А., 2001. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. Городская культура // САИ. Вып. Д1-14.

Степанов П.Д., 1969. Археологические памятники на территории Мордовии. Саранск.

Фахрутдинов Р.Г., 1971. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
 Хлебникова Т.А., 1967. Археологические памятники XII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР //

Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
 Шикаева Т.Б., 1985. Памятники XVI–XVII вв. Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 9. Йошкар-Ола.

К.Н. Фомин

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Укрепления «Земляного города» позднесредневековой Тулы

В ходе археологических исследований в городе Туле по проспекту Ленина, 17 в 2003 г. (Фомин, 2003), была вскрыта часть земляного вала, в котором были расчищены остатки деревянного сооружения из последовательных накатов бревен, диаметром около 0,20–0,25 м (рис. 1: 1). Сохранившаяся часть конструкции имеет не менее трех слоев бревен. Каждый слой бревен, кроме нижнего, лежит на

перпендикулярно положенных «лежнях» из таких же бревен, края которых покоятся на значительно-го размера известняковых камнях и плитах. С внутренней стороны вала «лежни» опираются на слой известняковых камней, который к тому же выполняет дренажную функцию. Расстояние между «лежнями» около 1 м. Бревна в каждом слое, для большей устойчивости сооружения, скреплены за-

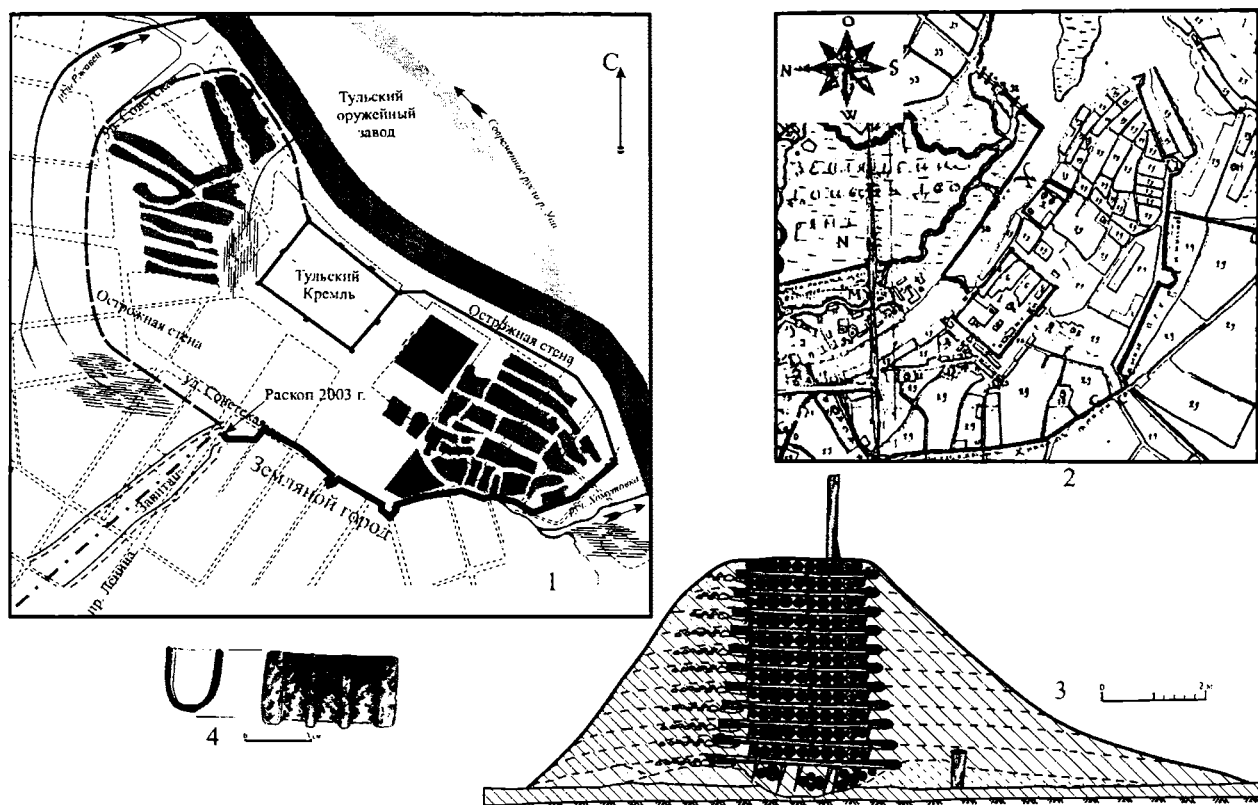

Рис. 1. 1 – Экспликационный план города Тулы на период XVII века. Пунктиром показана современная планировка города. 2 – Фрагмент плана города Тулы 1766 г. 3 – Реконструкция внутреннего строения «Земляного города». 4 – Корпус цилиндрического замка, найденный в заполнении вала на уровне 2-го наката бревен.

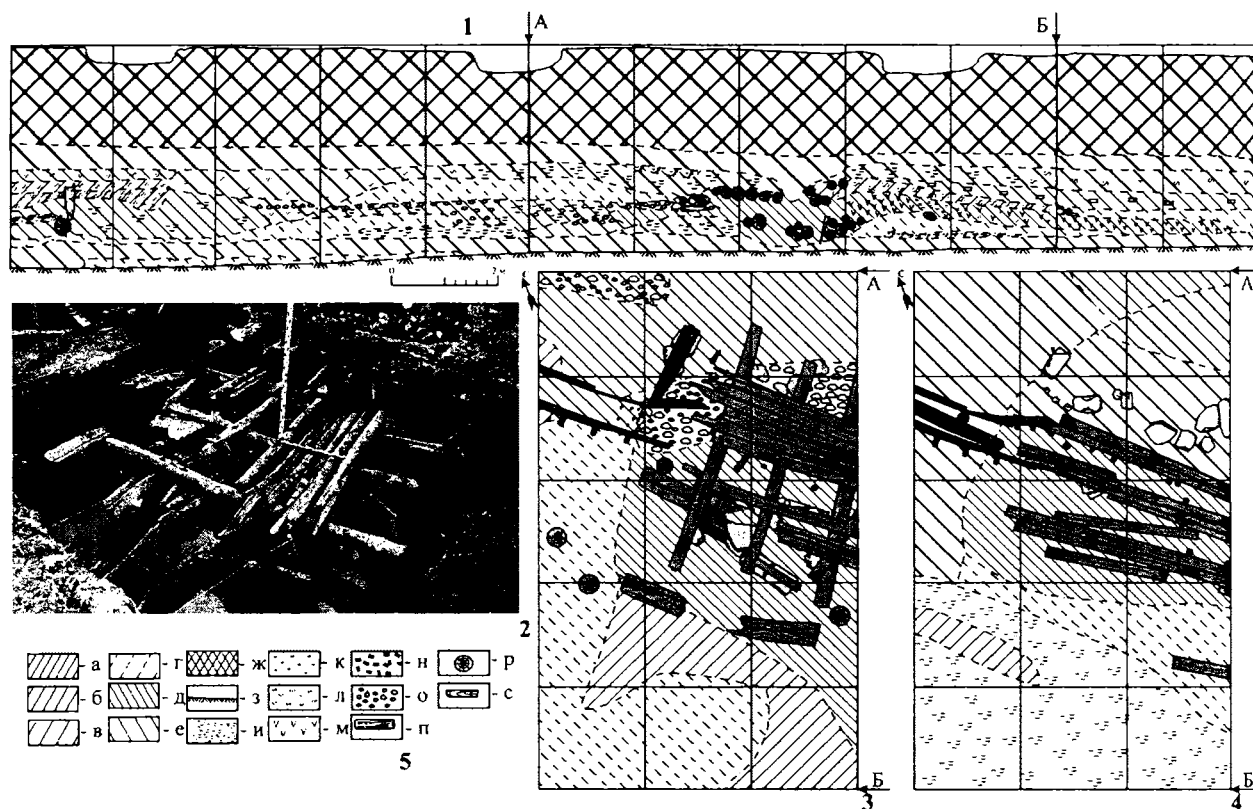

Рис. 2. 1 – Восточный борт Раскопа 1 по просп. Ленина 17 в Туле. 2 – Фото расширенной внутренней деревянной конструкции вала, вид с запада. 3 – План по линии А–Б на уровне расчистки 2-го наката бревен. 4 – План по линии А–Б на уровне расчистки 1-го наката бревен. 5 – Условные обозначения: а – темно-серый сильно гумусированный суглинок, б – темно-серый гумусированный суглинок, в – темно-серый слабо гумусированный суглинок, г – светло-серый суглинок, д – темно-бурый гумусированный суглинок; е – бурый гумусированный суглинок, ж – балласт, перекоп, з – материк, и – глина, к – обожженная глина, л – древесный тлен, м – древесный уголь, н – кирпичи, о – камни, п – бревно, р – столб, с – доска.

гнанными между ними рядами деревянных кольев (рис. 2).

Вал был возведен на слое темно-серого слабо гумусированного суглинка, отчетливо читавшегося на всей площади раскопа. Этот слой не содержал никаких находок и, наиболее вероятно, представлял собой уровень погребенной почвы (рис. 2: 1).

Бревна нижнего яруса также укреплены рядами вбитых в грунт кольев. Причем ближе к северному краю сооружения между бревнами сформирована полость, располагающаяся непосредственно под дренирующим слоем известняковых камней. Продолжением данной полости является водосточный желоб, сделанный из досок, опирающихся на вбитые в землю колья, которые, в свою очередь, продолжают ряд кольев, укрепляющих нижний ярус бревен (рис. 2: 4). Таким образом, водосточный желоб, непосредственно примыкающий к краю вала, удалял излишек влаги, просачивавшейся к основанию вала по дренирующим слоям. Вероятно, что вода по этому желобу стекала в расположенное на незначительном удалении болотце (Рис. 1: 1).

С внешней (южной) стороны видны следы разрушения вала и связанных с ним деревянных сооружений, зафиксированных в виде выклинивающегося в южном направлении слоя темно-серого сильно гумусированного суглинка, насыщенного древесным углем в нижней части слоя и золой в верхней. В толще слоя, над обугленной плахой, видны следы прокала суглинка (рис. 2: 1).

Верхняя часть остатков вала носит следы планомерной нивелировки, четко прекратившейся при обнаружении сплошного наката бревен 2-го яруса внутривальной бревенчатой конструкции. Однако в южной части вала сохранились «лежни» и несколько бревен 3-го уровня (рис. 2: 1).

Бревна, из которых возведена внутривальная конструкция – вторичного использования (рис. 2: 2). Во многих из них выбраны пазы, «четверти», абсолютно не нужные при строительстве данного сооружения. Кроме того, одно из бревен нижнего яруса заканчивалось четко вытесанным колом.

При расчистке этого сооружения была найдена

единственная находка – корпус цилиндрического замка (рис. 1: 4).

Раскоп площадью 144 м² представлял собой траншею, протяженностью 24 м, при ширине 6 м. Такая конфигурация раскопа позволила проследить стратиграфию не только самого вала, но и прилегающей территории, как к северу, так и к югу от него.

В северной части раскопа исследована часть постройки XVIII в., от которой сохранился нижний венец бревен. С южной стороны к постройке примыкала бревенчатая вымостка (состоящая из жердин и бревен мелкого диаметра около 0,10 м), шириной около 1 м, ограниченная с южной стороны дощатым парапетом. Это остатки небольшой улицы, ограничивающей квартал городской застройки.

Культурный слой, образовавшийся в результате существования к северу от вала городского квартала, поднял уровень дневной поверхности, из-за чего между краем городского квартала и валом стала образовываться канава. Канава была засыпана в период нивелировки вала. Вероятнее всего, это произошло в середине – третьей четверти XVIII в. Это подтверждается и находками монет, отчеканенных в середине XVIII в., в слое нивелировки между валом и поднявшимся уровнем дневной поверхности к северу от него, и наличием вала на карте, датированной 1766 г. (рис. 2: 1) (Потапов и др. Т. 1. Рис. 20).

Нивелировка вала произошла вследствие не только полной потери им своих оборонительных функций, но и того, что он стал помехой развития городской застройки, которая к этому времени перешагнула за рубеж, очерченный валом (рис. 1: 2) (Фомин, 2007. С. 49). Необходимо также отметить тот факт, что вал был скрыт именно до того уровня, до которого вырос культурный слой. Таким образом, можно утверждать, что работы по сносу вала носили именно характер нивелировки местности между кварталами города.

Писцовая книга города Тулы 1685–1686 гг. описывает вал следующим образом: «...въ толщину въ подошве земляного вала 4 саж., въ высоту 2 саж...» (Тула. Материалы... С. 44). Следовательно, на момент описания ширина вала в подошве составляла 8,53 м, а в высоту – 4,27 м. Максимальная ширина вала в его подошве, выявленная при археологических исследованиях, составляет 8,56 м.

Исходя из описания вала Земляного города в писцовой книге 1685–86 гг. (высота 2 сажени или 4,27 м), мы постарались графически реконструировать вал до полной его высоты. Предполагая идентичность его конструкции по всей его высоте, мы рассчитали, что в теле вала должно было находиться 11 уровней накатов бревен, верхний из которых поднимал непосредственно к его верхушке (рис. 1: 3).

На валу, видимо, стояли какие-то сооружения. Во-первых, внутривальная бревенчатая конструкция должна была выдержать вертикальную нагрузку. Во-вторых, по данным «Отписки Михаила Салтыкова и Петра Загряжского о сделании ими образцового земляного вала», «... длина тому образцу 8 сажень с полусаженью, а у подошвы в ширину стены 4 сажени с полусаженью, а вверху ширина стены, из-за чего биться, 4 сажень с полусаженью, а приступ, где людем быть за боем, сажень; а высота стен 2 сажени с полусаженью, кроме зубцов» (Акты Московского государства. № 179). Видимо, подобный вал нес на себе некоторую стену, за которой «приступ, где людем быть за боем». Кроме того, в упоминавшийся ранее писцовый список 1685–86 годов есть сведения о нахождении на земляном валу артиллерии: «...а наряду по земляному валу на деревянныхъ проѣзжихъ воротъ на башняхъ и въ воротѣхъ 4 пищали железные без станков...» (Тула. Материалы... С. 43). Представляется маловероятным, что пушки на валу могли располагаться вне каких-либо сооружений.

Практически идентичная конструкция была исследована в Новгороде Великом внутри вала, на котором стоит Новгородский кремль, на месте обрушения прясла стены между Спасской и Княжей башнями (Стененко. С. 22). Внутри Новгородского вала также располагалась конструкция из 11 уровней бревен и перпендикулярных им лежней, укрепленных камнями. Из нижнего яруса внутривальной конструкции выходил водоотводный желоб (Стененко. Рис. 2).

Сооружение укреплений «Земляного города» в Туле, по всей видимости, относится ко 2-й пол. 30-х гг. XVII в., где они приходят на смену располагавшемуся на его месте деревянному острогу, возведенному в 1-й пол. XVI в. (Фомин 2007. С. 47.) Во 2-й пол. 30-х гг. XVII в. на всем рубеже засечной черты происходят реконструкционные работы (Никитин. С. 170). Замена острожной стены, сильно пострадавшей в период Смутного времени, на «Земляной город», вероятно, отвечала не только новейшим тенденциям в оборонительном зодчестве, но и помогала наиболее органично вписать укрепления города Тулы в систему укреплений Засечной черты. Непосредственно к укреплениям «Земляного города» примыкали укрепления Засечной черты, именуемые «Завитай» (рис. 1: 1, 2).

Никитин А.В., 1955. Оборонительные сооружения засечной черты // МИА. № 44.

Отписка Михаила Салтыкова и Петра Загряжского о сделании ими образцового земляного вала // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отделение 2. СПб., 1877.

Потапов Л.А. и др. Проект зон охраны памятников истории и культуры г. Тулы. Т. 1. М., 1990.

Стеценко Н.К., 1993. Раскопки в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884.

Фомин К.Н., 2003. Отчет об археологических исследованиях в городе Туле и Тульской области в 2003. Архив ИА РАН. Р-1.

Фомин К.Н., 2007. Историческая топография города Тулы XVI – начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Тула.

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН

Военное дело тюркских народов Сибири в позднем средневековье*

Для изучения военной истории кочевых народов степного пояса Евразии важное значение имеет анализ оружия и военного искусства nomadов периода позднего средневековья и начала Нового времени. Это был определенный этап, завершивший длительный, продолжавшийся в течение нескольких тысячелетий, процесс эволюции военного дела nomadов. Материалы по истории оружия и военного искусства кочевых народов свидетельствуют о том, что военное дело nomadов интенсивно развивались. Кочевники предпринимали попытки освоить новые виды огнестрельного оружия и военной техники и тактические приемы их применения на поле боя.

Одним из регионов, на территории которого изучены позднесредневековые археологические памятники, относящиеся к культурам тюркских народов и этнических групп, являются южные районы Сибири. В лесостепных и степных районах Западной и Южной Сибири находились государственные образования сибирских татар, телеутов и енисейских кыргызов. Эти народы имели свои, достаточно боеспособные вооруженные силы и сохраняли устойчивые военные традиции. В историческом сибиреведении изучение военного дела тюркских народов Западной и Южной Сибири эпохи позднего средневековья традиционно основывалось на сведениях русских письменных исторических источников (Миллер, 1937. С. 230; Потапов, 1957. С. 18; Скрынников, 1982. С. 159). В последние годы исследователи стали шире привлекать фольклорные материалы, археологические находки из позднесредневековых памятников и предметы вооружения из старых оружейных коллекций из музеев России и стран Центральной Азии. Привлечение вещественных источников позволило существенно дополнить и расширить имеющиеся представления об уровне

развития военного дела тюркских народов региона, реконструировать комплекс боевых средств и особенностей военного искусства данных этносов. В процессе целенаправленного изучения были выявлены, проанализированы и систематизированы вещественные источники, охарактеризовано наступательное и защитное вооружение, реконструирован комплекс вооружения отдельных тюркских этносов Западной и Южной Сибири. В результате исследования было определено, что воины, воевавшие в составе войск Сибирского ханства, телеутских улусов и кыргызских княжеств, были вооружены обычным для эпохи позднего средневековья холодным оружием и средствами защиты, но в то же время были знакомы с действием огнестрельного оружия и предпринимали попытки приобретения его у русских и бухарских купцов, и стремились применять это оружие в ходе военных действий (Худяков, Бобров, 2005. С. 107–113).

Анализ вооружения и военного искусства воинов Сибирского татарского ханства в эпоху позднего средневековья выявил, они были вооружены сложносоставными луками с костяными накладками и стрелами с плоскими, линзовидными и четырехгранными в сечении наконечниками, предназначенными для поражения противника в дистанционной фазе боя; пиками и копьями, палашами и саблями, боевыми топорами, служившими для нанесения колющих и рубящих ударов в ближнем бою; использовали для защиты ламеллярные панцири и кольчуги. Вероятно, у них были и другие виды защитного вооружения, характерные для эпохи позднего средневековья, щиты, шлемы, наручья и поножи, но в памятниках сибирских татар они пока не обнаружены. Часть оружия поступала к ним из ремесленных центров Средней Азии. В распоряжении у хана

Кучума было две чугунные пушки, привезенные из Казани, которые он попытался применить в полевых условиях в бою на Чувашском мысу. Однако, среди сибирских татар, видимо не было умелых артиллеристов, поэтому воспользоваться своей артиллерией сибирскому хану не удалось. Возможно, что пушки имелись и у мурзы Бегиша. Помимо воинских подразделений, составленных из ногайцев и сибирских татар, составлявших наиболее боеспособную часть войска, в его состав входили и отряды, сформированные из вассальных угорских и самодийских племен (Худяков, 2007. С. 247). Для целей стационарной обороны сибирские татары строили оборонительные сооружения в естественно укрепленных местах, на возвышенностях по берегам рек и озер.

Военные отряды сибирских татар обеспечивали власть ханов на всей территории государства, держали в подчинении вассальные угорские и самодийские племена, и совершали военные походы через Уральские горы на окраины Московского царства. Однако, в конце XVI в. они не смогли противостоять казачьему отряду Ермака, несмотря на свое численное превосходство. Однако и после того, как была занята столица Сибирского ханства и другие татарские городки, и гибели Кучума, его наследники и потомки продолжали попытки восстановления ханства вплоть до второй половины XVII в.

Среди объединений тюркских кочевников эпохи позднего средневековья, игравших заметную роль в военно-политической истории того времени, были телеуты, населявшие часть территории Алтая и Западной Сибири. В подчинении у них были племена кыштымов, за владение которыми они боролись с енисейскими кыргызами. Телеутские улусы находились в зависимости от Джунгарии, однако их правители стремились сохранять мирные отношения с Россией. Телеуты были вооружены сложносоставными луками и стрелами с железными, плоскими наконечниками разных форм. Некоторые крупные железные наконечники снабжались костяными шариками-свистунками. Бронбойных стрел в позднесредневековых памятниках на территории телеутских улусов не обнаружено, хотя алтайским воинам приходилось воевать с противниками, защищенными металлическими доспехами. В то же время в погребальных комплексах эпохи позднего средневековья на Алтае обнаружены стрелы с костяными наконечниками. Вероятно, такими стрелами приходилось стрелять из-за нехватки железных наконечников. При сближении с противником телеутские воины атаковали своих противников копьями, саблями и секирами. На территории Алтай были найдены копье-рогатина с кольцевыми завитками на

втулке, сабля с чеканным орнаментом на клинках, перекрестии и навершии, секира с низким обухом и широким лезвием (Худяков, 2004. С. 315). В качестве основного средства индивидуальной металлической защиты воинов использовались кольчуги. Несколько кольчуг найдено в составе оружейных кладов в Горном Алтае. В русских источниках в качестве защитного вооружения, которое царская администрация запрещала продавать «колмацким людям», упоминаются «шлемы и пансыри» (Уманский, 1995. С. 67). В XVII–XVIII вв. телеуты стали приобретать и применять огнестрельное оружие. Несмотря на строжайшие запреты, содержащиеся в царских указах, согласно которым не разрешалось продавать или обменивать огнестрельное оружие и боеприпасы сибирским «иноземцам», казаки и служилые люди нередко их нарушали. Телеуты приобретали ружья и у бухарских купцов, привозивших это оружие из Средней Азии (Уманский, 1995. С. 65–66). Для обороны от противника телеуты возводили укрепления в горах и на возвышенностях, которые использовались кочевниками в периоды военной опасности.

В период существования Джунгарского ханства телеутские улусы находились в вассальной зависимости от джунгарских правителей. Военные отряды телеутов принимали участие в войнах, которые вели джунгары, в качестве союзников. После разгрома Джунгарии армиями маньчжурской империи Цин в середине XVIII в. большая часть телеутов нашла убежище в России.

В Южной Сибири в эпоху позднего средневековья существовало объединение четырех княжеств-улусов енисейских кыргызов, которое находилось в зависимости от правителей монгольского государства Алтын-ханов, а после него от Джунгарского ханства. В подчинении у кыргызских князей были вассальные кетские и самодийские племена – кыштымы. Из кыштымов формировались вспомогательные отряды, которые принимали участие в военных действиях в составе кыргызских войск. Енисейские кыргызы располагали своей оружейной базой. Изготавливали железное оружие шорские кузнецы – кыштымы, за господство над которыми им приходилось бороться с телеутами. Включение Кузнецкой котловины в состав Российского государства лишило кыргызские княжества возможности пользоваться оружием шорского производства.

В дистанционном бою кыргызские воины стреляли по цели из луков стрелами с железными плоскими, зигзагообразными и ромбическими в сечении наконечниками различных форм. Кыргызские луки, вероятно, были сложносоставными. Однако костя-

ные, или роговые накладки в кыргызских курганах, из-за обряда кремации, не сохранились. Русские казаки, воевавшие с кыргызами, считали их лучниками. «А бой у них лучной» – свидетельствуют русские источники о кыргызах (Потапов, 1957. С.18). Кыргызские воины использовали для поражения противника на расстоянии метательные копья с коротким, линзовидным, или ромбическим в сечении пером и боковым шипом. В ближнем бою кыргызы атаковали копьями с удлинённо-ромбическими наконечниками и боковыми завитками, и саблями с прямым, или изогнутым клинком. Защитное вооружение енисейских кыргызов состояло из сфероколических шлемов с бармицами, пластинчатых куяков, панцирей – бригандин, кольчуг. В XVI в. у кыргызов, под влиянием джунгар и русских, появилось огнестрельное оружие, ружья и пушки.

Наиболее боеспособной частью кыргызских войск были отряды панцирной конницы, которые формировались из воинов-дружинников. Тактика боя, применявшаяся отрядами кыргызских воинов, была традиционной для кочевников. Они осыпали противника стрелами, а затем атаковали копьями и саблями. Помимо военных отрядов, составленных из кыргызов, в войсках кыргызских княжеств были подразделения воинов – кыштымов. Их вооружение имело определенные отличия. В позднесредневековых археологических памятниках, относящихся к разным этническим группам кыштымов, были найдены костяные накладки сложносоставных луков различных форм. Наиболее эффективными были луки, имевшие деревянную основу, концевые вкладыши, плечевые и срединную фронтальные накладки (Скобелев, 1999. С. 176). Обнаружены в кыштымских погребениях железные и костяные наконечники стрел. Среди железных стрел наиболее употребительными были наконечники с плоским пером, удлинённо-ромбической и удлинённо-треугольной форм. В ближнем бою кыштымы использовали копья с железными наконечниками, мечи с двулезвийными клинками, железные топоры и секиры русского производства. Для защиты воинов кыштымы применяли панцири-бригандины, пластинчатые и комбинированные куяки. В эпоху

позднего средневековья в составе вооружения кыштымов появилось оружие ближнего боя и средства защиты (Худяков, 2002. С. 67).

Рассмотренные материалы наглядно свидетельствуют, что развитие военного дела у тюркских народов Западной и Южной Сибири в XVI–XVII вв. происходило во взаимодействии с народами сопредельных территорий, в том числе с русскими. Контакты между русскими, сибирскими татарами, телеутами, казаками, енисейскими кыргызами, способствовали заимствованию и принятию на вооружение наиболее передовых и эффективных для того времени видов наступательного, холодного и огнестрельного оружия, и средств металлической защиты.

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 07-01-00434

- Миллер Г.Ф., 1937. История Сибири. Т. 1. М. – Л.
- Потапов Л.П., 1957. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан.
- Скобелев С.Г., 1999. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея // РА. № 3.
- Скрынников Р.Г., 1982. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск.
- Уманский А.П., 1995. Телеуты и их соседи в XVII – первой половине XVIII века. Ч. 1. Барнаул.
- Худяков Ю.С., 2002. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., 2004. Комплекс боевых средств Алтая и юга Западной Сибири в эпоху позднего средневековья // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия: Восток-запад. Диалог культур Евразии. Вып. 4. Казань
- Худяков Ю.С., 2007. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография.
- Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2005. Этнокультурные контакты и взаимовлияние русских с тюркскими народами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия Южной Сибири. Вып. 2. Горно-Алтайск.

М.В. Цыбин*Воронежский государственный университет*

Среднее Подонье в период Золотой Орды (археологические памятники и письменные источники)

Сведения письменных источников о Среднем Подонье в XIII–XIV вв. фрагментарны, но они существенно дополняются данными археологических исследований (Цыбин, 2007).

В конце XIII – начале XIV в. при митрополитах Максиме (1283–1305 гг.) и Петре (1308–1326 гг.) между Сарайской и Рязанской епархиями возникает длительная тяжба о Червленом Яре – «переделе по Великую Ворону». В 1330 г. съезд епископов в Костроме вынужден был решать этот вопрос. Присутствовавший там сарайский епископ Софоний дал «отступную» грамоту с обязательством «... не вступатися в передел в Резанской по Велику от Ворону» (Акты..., 1964. № 310). Но спор двух епархий продолжался. В него были вовлечены митрополиты Феогност и Алексей. Сохранились списки двух грамот митрополита Феогноста (датируется ок. 1343–1352 гг.) и митрополита Алексея (ок. 1356 г.) властям, духовенству и православным жителям Червленого Яра о принадлежности этой области Рязанской епархии (Акты..., 1964. № 312, 313). Как следует из этих документов, в Червленом Яре было достаточно многочисленное население. Грамоты адресованы ко «всем крестьяном», упомянуты баскаки, сотники, игумены, попы, дьяконы, бояре. Не исключено, что этот перечень не отражает реальной ситуации, а представляет собой форму, принятую для такого рода посланий. Вызывает вопрос упоминание городов в грамоте Феогноста. Основная причина длительного спора епархий – право сбора церковной пошлыны с населения Червленого Яра.

В грамотах митрополитов в качестве основного географического ориентира упоминается р. Великая Ворона, отождествляемая с современной рекой Вороной. Упоминается и река Хопер. Именно район Прихоперья (р. Хопер с притоками Савалой, Карачаном, Вороной, Караем) географически может соответствовать Червленому Яру. Исторический контекст рассматриваемого сюжета анализировался в работах С.Н. Введенского и А.А. Шенникова (Введенский, 1905; Шенников, 1987).

Как соотносятся материалы исследований археологических памятников Прихоперья с информацией грамот митрополитов? Прежде всего, необходимо отметить, что в этом районе неоднократно проводи-

лись археологические разведки отрядов археологических экспедиций Воронежского госуниверситета (Т.С. Старцева, С.А. Гетманский, В.Р. Ляхов, В.И. Беседин, М.В. Цыбин), педуниверситета (В.В. Килейников, В.Д. Березуцкий и др.), госдирекции по охране историко-культурного наследия Воронежской области (К.Ю. Ефимов), Балашовского музея краеведения (А.А. Хреков). В результате этих работ было выявлено около 30 поселений с русской керамикой XIII–XIV вв. В данной статье приводится карта расположения этих памятников, в примечаниях к которой указаны авторы разведок и раскопок, годы проведения работ и сведения о публикации материалов (рис. 1). Ряд памятников подвергался раскопкам: экспедицией Балашовского музея краеведения под руководством А.А. Хрекова в 1978–1980, 1984 гг. проводились раскопки городища у с. Никольевка Балашовского района Саратовской области (см. АО 1979, 1980, 1984 гг.; Хреков, 1994) и поселения Шапкино II у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области на р. Ворона в 1984–1986 гг. (см. АО 1984, 1985, 1986 гг.; Хреков, 1994); отрядом археологической экспедиции Саратовского госуниверситета под руководством М.А. Изотовой в 1992–1994 гг. исследовалось поселение Алмазово II на р. Хопер, обнаруженное А.А. Хрековым в 1979 г. (Изотова, 1999).

Выявленные в ходе разведочных работ поселения с русскими материалами находились на первых надпойменных террасах, участках коренных берегов, возвышениях в пойме, у пойменных озер.

Характерной особенностью выявленных поселений является в целом слабая насыщенность слоя фрагментами керамики и другими находками. Создается впечатление, что русские поселки существовали в Прихоперье относительно непродолжительное время в рамках конца XIII–XIV вв. Золотоордынская неполивная керамика дает возможность надежно датировать русские поселки XIV в. Существование их в конце XIII в. можно предполагать пока только исходя из информации грамот митрополитов Феогноста и Алексея. На основе материалов археологических исследований можно говорить о присутствии русского населения в Прихоперье в период, когда шел упомянутый выше спор Рязанской и Сарайской епархий о принадлежности Червленого

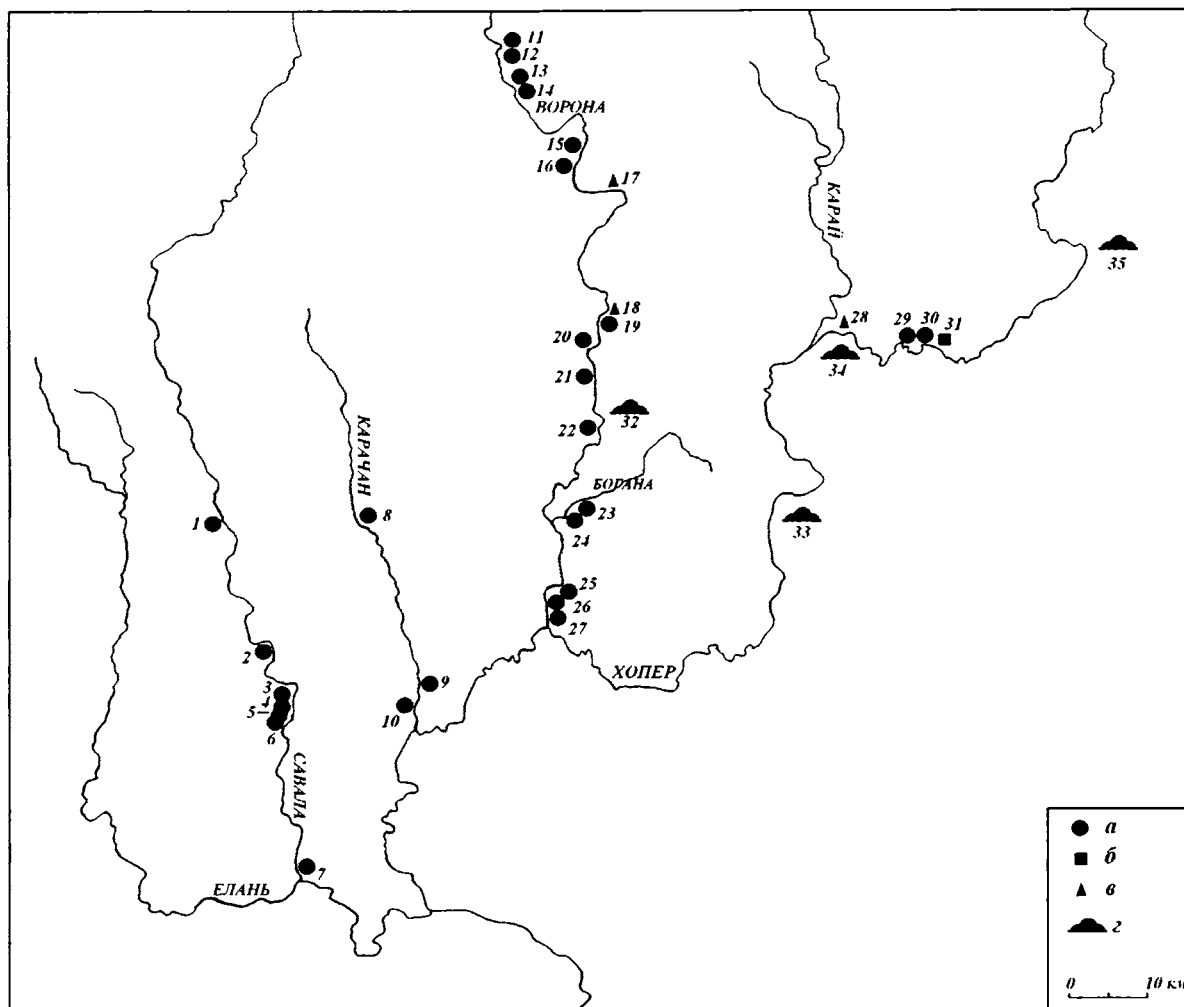

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников золотоордынского периода в Прихопёрье. А – поселение с русской керамикой; б – русское поселение на городище; в – местонахождение золотоордынской керамики; г – курганный могильник кочевников. 1 – с. Кутки, поселение Кутки – III (Т.С. Старцева, 1979, пункт 27); 2 – с. Поляна (С.А. Гетманский, 1981, пункт 37); 3 – с. Кутки, поселение Кутки – III (С.А. Гетманский, 1981, пункт 44); 4 – с. Кутки, поселение Кутки – IV (С.А. Гетманский, 1981, пункт 45); 5 – с. Кутки, поселение Кутки – VI (С.А. Гетманский, 1981, пункт 47); 6 – с. Кутки, поселение Кутки – VII (С.А. Гетманский, 1981, пункт 48); 7 – с. Некрылово (В.В. Килейников, 1981, пункт 58); 8 – с. Поповка, поселение 2 (К.Ю. Ефимов, 1983, пункт 11); 9 – с. Н. Карачан, поселение 3 (К.Ю. Ефимов, 1983, пункт 33); 10 – с. Васильевка, поселение 1 (К.Ю. Ефимов, 1983, пункт 35); 11 – хут. Гусевский, поселение 3 (В.И. Беседин, 1990, пункт 34); 12 – хут. Гусевский, поселение 2 (В.И. Беседин, 1990, пункт 33); 13 – с. Н. Шибряй (В.И. Беседин, 1990, пункт 22); 14 – с. Н. Шибряй (В.И. Беседин, 1990, пункт 21); 15 – с. Верхнее Чуево, поселение 1 (М.В. Цыбин, 1989, пункт 5); 16 – с. Верхнее Чуево, поселение 3 (М.В. Цыбин, 1989, пункт 3); 17 – с. Коростелево, поселение 2 (М.В. Цыбин, 1989, пункт 11); 18 – с. Шапкино, поселение Шапкино I (публикация: А.А. Хреков, 2003); 19 – с. Шапкино, поселение Шапкино II (раскопки А.А. Хрекова в 1984 – 1986, 1990 гг. См.: АО 1984, 1985, 1986 гг.); 20 – с. Посевкино, поселение Посевкино-1 (В.Р. Ляхов, 1983, пункт 24); 21 – с. Посевкино, поселение Посевкино-5 (В.Р. Ляхов, 1983, пункт 28); 22 – с. М. Алабухи (В.Р. Ляхов, 1983, пункт 37); 23 – с. Богана, поселение Богана-5 (В.Р. Ляхов, 1982, пункт 16); 24 – с. Богана, поселение Богана-2 (В.Р. Ляхов, 1982, пункт 13); 25 – г. Борисоглебск, поселение Борисоглебское-4 (В.Р. Ляхов, 1982, пункт 4; раскопки Я.П. Мулкиджаняна в 1991, 1997 гг.); 26 – г. Борисоглебск, поселение Борисоглебское-3 (В.Р. Ляхов, 1982, пункт 3); 27 – г. Борисоглебск, поселение Борисоглебское-2 (В.Р. Ляхов, 1982, пункт 2); 28 – с. Инясево (публикация: Хреков, 2003); 29 – с. Алмазово, поселение Алмазово II (А.А. Хреков, 1979; раскопки М.А. Изотовой в 1992–1994 гг.; публикация: Изотова, 1999); 30 – оз. Духовое (А.А. Хреков, 1986); 31 – с. Никольевка, городище Никольевка (раскопки А.А. Хрекова в 1978 – 1980 и 1984 гг.; информацию о памятнике см.: Хреков, 1994); 32 – с. Власовка, Власовский могильник (раскопки В.Д. Березуцкого в 1985 – 1987 гг.; публикация: Березуцкий, 1988); 33 – с. Третьяки, могильник (раскопки К.Ю. Ефимова в 1984–1986 гг.; публикация: Винников, Ефимов, Цыбин, 1993); 34 – с. Лесное (Свинуха), могильник (раскопки Н.К. Арзютова в 1931 г.; Воронежской лесостепной экспедиции в 1967 г.; публикация: Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 195–203; Цыбин, 1986, с. 259–264); 35 – с. Ключи, могильник (раскопки А.А. Хрекова в 1983, 1986 гг.; публикация: Хреков, 2003).

Яра. Следует отметить, что пока в археологических источниках нет эквивалента подразумеваемым в грамотах митрополитов монастырям, церквям, упоминаемым городам.

Особенностью Прихоперья в рассматриваемый период является сосуществование русского и кочевого населения Орды. Освоение половцами Прихоперья началось еще в XII в. Об этом свидетельствуют данные письменных источников, находки каменных изваяний и отдельные погребения половцев в могильниках Лесное и Третьяки.

В золотоордынский период Прихоперье являлось зоной хозяйственного освоения кочевых групп населения. Этому способствовало наличие остепненных водораздельных участков. Преимущественно зоной расселения кочевников было левобережье Хопра, где расположены могильники Ключи, Лесное, Третьяки. Но необходимо отметить наличие Власовского могильника на правобережье Хопра в бассейне Вороны в зоне распространения русских поселений (рис. 1). Кочевнические погребения относятся в целом ко второй половине XIII–XIV вв., но некоторые из них можно датировать более узко.

Обращает на себя внимание и факт различий в погребальном обряде кочевников в Прихоперье. Прежде всего, это касается ориентировки погребенных. Могильники отличаются по особенностям могильных ям и внутримогильных конструкций, наличию или отсутствию частей скелета лошади, кострища в площади кургана. Возможно, это объясняется этническими различиями кочевых групп населения в Прихоперье.

В могильниках Ключи, Лесное, Власовском погребения кочевников в курганах основные, что может указывать на достаточно долговременный характер хозяйственного освоения этой зоны.

По наблюдению А.А. Хрекова (Хреков, 2003), кочевникам могли принадлежать кратковременные стоянки, на которых найдена золотоордынская керамика (стоянки у с. Инясево Романовского района Саратовской области, Шапкино I в Мучкапском районе Тамбовской области). Природно-климатические условия Прихоперья в золотоордынский период позволяли кочевым группам населения в случае необходимости зимовать в этом районе. Исходя из имеющихся археологических данных, можно говорить и о сосуществовании русского и кочевого населения в Прихоперье.

Таким образом, накапливаемые материалы археологических исследований дают новую информацию к изучению и интерпретации грамот митрополитов Феогноста и Алексея.

«Пименово хождение в Царьград», известное

также под названием «Хождение Игнатия Смольянина», является одним из немногочисленных письменных источников, содержащих сведения о Верхнем и Среднем Подонье в конце XIV в. (ПСРЛ. Т. 11. С. 96; Прокофьев, 1978. С. 136).

Выделим археологические памятники, которые могли существовать в Среднем Подонье в конце XIV в. и, возможно, весной 1389 г., когда свита Пимена проплывала по Дону (рис.2). В источнике упоминаются географические ориентиры, относящиеся к Среднему Подонью: устье р.Воронеж, реки Тихая Сосна, Битюг, Похор (Хопер ?), Медведица. При этом нет упоминаний о существовании каких-либо населенных пунктов.

В нижнем течении р.Воронеж в конце XIV в. функционировало русское Шиловское поселение (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987). Об этом свидетельствуют находки на нем трех золотоордынских дирхемов: 1. Токтамыш, Сарай ал-Джедид, 791 г.х.; 2. Токтамыш, Орда ал-Муаззам, скорее всего 790-е г.х.; 3. Шадибек, Кафа ал-Джедид, 807 г.х. (определение Е.Ю. Гончарова).

В Донском Белогорье раскопками изучались поселения Верхнекарабутское 1 и 2 (рук. В.И. Погорелов), на которых получена серия русской и золотоордынской керамики (Цыбин, 1989).

Группа памятников второй половины XIV – начала XV в. находится в нижнем течении р. Битюг, упомянутой в «Хождении». В конце XIV – начале XV в. еще функционировали два золотоордынских мавзолея у пос. Красный. Один из мавзолеев был частично исследован В.П. Левашевой в 1948 г. (Левашева, 1960). В 2002 г. археологической экспедицией Воронежского госуниверситета под руководством автора были полностью вскрыты остатки второго мавзолея (Цыбин, 2007). За пределами мавзолея выявлены три погребения в узких могильных ямах с западной ориентировкой. Они и определяют финальный этап существования этого комплекса. В одном из погребений найдены пять дирхемов: 1. Токтамыш, место чекана не определяется, западные районы Улуса, 790-е гг.х.; 2. то же, что и № 1; 3. Токтамыш, дата и место чеканки не известны; 4. подражание джучидской монете Сарая ал-Джедид; 5. Токтамыш, Азак, 780-е гг. х. (определение Е.Ю. Гончарова).

Ниже по течению Битюга исследовался Таганский грунтовой могильник (Матвеев, Цыбин, 2004). В площади трех раскопов, закладывавшихся на возвышенностях дюнообразного древнего берегового вала, исследованы пятнадцать погребений, выявлены хозяйственные ямы и остатки наземной постройки с очагом. Получена серия неполивной золотоор-

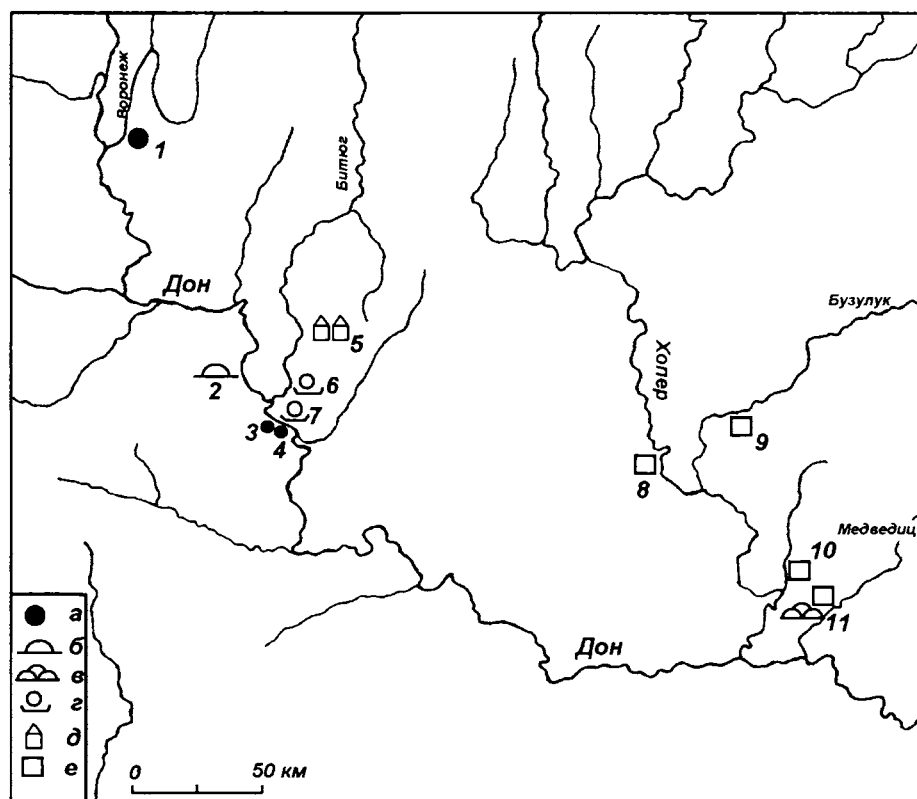

Рис. 2. Карта археологических памятников второй половины XIV – начала XV вв. в Среднем Подонье. 1 – Шиловское; 2 – Марки; 3 – Верхнекарабутское 2; 4 – Верхнекарабутское 1; 5 – Красный; 6 – Таганский; 7 – Затон-1; 8 – Тишанское; 9 – Дурновское; 10 – Кумылженское; 11 – Глазуновская. а – селище с русской керамикой; б – подкурганное кочевническое погребение; в – курганный могильник; г – грунтовой могильник и поселение золотоордынского круга; д – золотоордынский мавзолей; е – золотоордынское поселение с постройками из кирпича

дынской керамики (фрагменты кувшинов) и серия русской керамики.

Похожий памятник расположен несколько южнее, уже на Дону. На многослойной стоянке Затон-1 (раскопки С.Н. Гапочки 2001–2002 гг.) исследовано погребение с тремя монетами: 1. плакированное подражание денгу Токтамыша; 2. Токтамыш, место чекана и год не ясны; 3. Токтамыш, Крым, 786 г.х. (определение Е.Ю. Гончарова). В слое стоянки найдены отдельные вещи и керамика этого времени.

В Побитюжье известны и русские поселки, датировка которых определяется по находкам неполивной золотоордынской керамики (например, поселение Дрониха). Но существовали ли они в период плавания Пимена, утверждать сложно.

На водороздельных участках по течению Дона известны и погребения кочевников, относящиеся к XIV в. К интересующему нас периоду последней трети XIV в. относится погребение у с. Марки с монетой (Науруз, Гюлистан, 763 г.х.). Кочевые группы населения находились в Среднем Подонье в основном в летние месяцы, продвигаясь вверх по Дону

примерно до района г. Лиски. Весной 1389 г. Пимен и его спутники «обретохом первые татар» в районе «перевоза» (место сближения Дона и Волги).

В «Хождении» упомянута река Похор (Прокофьев, 1978. С. 137), скорее всего, это река Хопер, названная в одном из списков произведения. В бассейне нижнего течения реки Хопер находились три золотоордынских памятника с остатками кирпичных построек. Это поселение Тишанское на правом берегу р. Тишанка (правый приток Хопра) в районе ее устья на месте хут. Красный (сейчас Красновский); поселение Дурновское на левом берегу р. Бузулук (левый приток Хопра) у населенного пункта Дурновский; поселение Кумылженское на левом берегу р. Кумылга (левый приток Хопра) у станицы Кумылженская. Эти памятники не изучались, кроме того, они сильно разрушены.

Интересный комплекс памятников известен у станицы Глазуновской на р. Медведица (Мамонтов, Ситников, 1995). На территории станицы находилось кирпичное здание, украшенное мозаикой. В двух километрах южнее станицы исследовался кур-

ганный могильник, 12 курганов которого датированы XIV – началом XV в. К юго-западу от курганов на берегу старичного озера находилось селище этого периода.

Таким образом, после событий «великой замятни» в Орде, Куликовской битвы бассейн Среднего Дона полностью не запустел. Здесь, как показано выше, в период плавания Пимена существовали русские поселки, золотоордынские поселения и мавзолеи, поселки населения, оставившего грунтовые могильники типа Таганского. Продолжали вести хозяйственную деятельность в этом районе кочевые группы населения. Однако ситуация в Среднем Подонье в конце XIV – начале XV вв. была нестабильной, о чем свидетельствуют клады золотоордынских монет этого периода (Отрожки, Девицы).

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в., 1964. Т. III. М., Л.
- Березуцкий В.Д., 1988. Новые данные о поздних кочевниках на левобережье Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
- Введенский С.Н., 1905. Червлёный Яр. Церковно-исторический и географический этюд // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж.
- Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993. Погребения средневековых кочевников в могильнике у С. Третьяки // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.
- Изотова М.А., 1999. Древнерусское поселение Алмазово II // Археологическое наследие Саратовского края.

- Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов .
- Левашева В.П., 1960. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды ГИМ. Вып. 37. М.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1995. Памятники средневековья у станицы Глазуновской // Древности Волго-Донских степей. Вып.5. Волгоград.
- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовой могильник. Воронеж.
- Прокофьев Н.И., 1978. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Вып.2. М.
- Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Хреков А.А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.
- Хреков А.А., 2003. Археологические памятники средневековых кочевников на территории лесостепного Прихоперья (Червлёного Яра) // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий. Саратов.
- Цыбин М.В., 1986. Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в Среднем Подонье // СА. № 3.
- Цыбин М.В., 1989. Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж.
- Цыбин М.В., 2007. Периферия Золотой Орды в Подонье // КСИА. Вып. 221.
- Шенников А.А., 1987. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.

М.П. Чёрная

Томский государственный университет

Русское содержание российской колонизации Сибири в археологическом отражении*

Со второй половины 1990-х гг. обозначилась тенденция к пересмотру русского характера колонизации Сибири на российский в связи с тем, что среди переселенцев были не только русские, но и представители других национальностей. Этническая неоднородность отличала прежде всего и больше всего служилую среду. В «литовских» и «черкесских» списках «служилых иноземцев» XVII в.

встречаются украинцы, белорусы, поляки, литовцы, немцы, французы, голландцы, шотландцы, англичане, испанцы, итальянцы, греки, турки, румыны, венгры, молдаване и «африканский арап».

Могла ли полиэтничность, действительно присутствующая сибирскому обществу, внести хаос в установленный традиционный миропорядок русского православного общества и стать разрушительной силой

сложившихся традиционных канонов, как считает А.А. Люцидарская (1997. С. 158)?

На современном этапе культурное содержание колонизационного процесса может быть рассмотрено по археологическим источникам. Раскопки городских и сельских поселений, коммуникаций, основанных землепроходцами, а также некрополей, где покоятся их создатели, во многом способствовали переоценке поздних памятников XVIII–XIX вв., обладающих мощным историко-информационным потенциалом, с одной стороны, и отказу от абсолютизации письменных источников как исчерпывающего кладезя сведений, с другой стороны (Леньков и др., 1988. С. 7, 108–111).

Среди поздних памятников в овеществленном виде воплотивших процесс колонизации, первое место принадлежит городам. Именно города сыграли ключевую роль в присоединении и освоении сибирского края, а поздняя археология эпохи колонизации – это прежде всего городская археология.

В разнообразном множестве археологических источников сибирские города предстают именно как русские города, что нашло отражение в их расположении и облике, архитектурных и конструктивных элементах застройки, предметном мире, воспроизводящем образ жизни первопоселенцев, хозяйственных занятиях жителей.

В Сибири, где город XVI–XVII вв. выступает первичным по отношению к деревне типом поселения, особенно очевидна его ведущая роль в создании и развитии архитектуры (новой для этого региона), но принадлежащей единой русской архитектурной традиции и культуре в целом.

В сибирский край основной опыт строительства был перенесен из европейской России. В разнообразии деревянных сооружений Сибири от простейших зимовья, заимки, клетской избы, до усадьбы, величественного храма, развитого города и кремля с передовой строительной фортификацией воплотилась ускоренная, сжатая в считанные десятилетия, эволюция русского деревянного зодчества предыдущих столетий, и воспроизведение на новой земле старых, проверенных архитектурно-строительных методов и форм. Появление под влиянием местных условий своеобразных черт (простота и лаконизм архитектурных решений и декора, компактность, разнообразие планировок и т.д.) не привело к утрате сибирской архитектурой национального лица, она осталась значительной по масштабности и значению ветвью общерусской архитектуры, носительницей ее древних, самобытных традиций.

Традиционная и производственная культура русских сибиряков, представленная в археологических матери-

алах: в земледелии, скотоводстве, различных ремеслах – кузнечном, кожевенном, сапожном косторезном, гончарном и прочих применялись хорошо отработанные, типично русские технологии. По археологическим данным не приходится говорить о хозяйственном окультуривании русских сибирскими инородцами в области охоты и рыболовства. На первых порах знания о путях миграции животных, основных мест нереста русские получали от аборигенного населения, но способы добычи зверя и рыбы у русских были свои, принесённые «с Руси». Часть этих приёмов и орудий, например, давящие ловушки типа пасти, сложносоставные луки, капканы, невод и др., настолько давно и прочно заимствовали инородцы, что им стали приписывать происхождение ловчих приёмов и предметов снаряжения, авторство которых на самом деле принадлежит русским (Белов и др., 1981. С. 74; Визгалов, 2007. С. 40, 41, 134, 135; Скобелев, 1994. С. 41, 45; Татауров, 2002. С. 155, 156; и др.). Изучение русских археологических памятников в Сибири надёжную доказательную базу создаёт в отношении самостоятельного характера русской охоты и рыболовства в широком пространственно-временном диапазоне. Анализ этнографических материалов также позволяет сделать обобщающий вывод об устойчивости русской этнической культуры в новых для неё условиях, приспособление к которым происходило, главным образом, на базе культурного потенциала, наработанного на исторической родине (Рындина, 2003. С. 73–82).

Изучая материальную культуру русских XVII–XVIII вв. в Сибири, мы изучаем общерусскую культуру не потому, что подавляющее большинство бытовых предметов тогда были привозными, как считал А.Р. Артемьев (2005. С. 12). Ведь значительное присутствие русского импорта в аборигенных памятниках не изменило их этнического облика и содержания. Русские несли навыки своей социальной, хозяйственной, бытовой, духовной, досуговой культуры, укоренение и адаптация которой в сибирском крае совершались на своей этнической культурной основе. Среди переселенцев были представители других славянских и не славянских народов, о чём имеется немало письменных свидетельств. Но в археологическом материале их присутствие практически не отражено, поскольку иноэтничные и инокультурные элементы поглощались русской средой и культурой. Важные и нужные для воссоздания исторической картины прошлого частности в археологическом контексте сглаживаются, растворяются, зато предметно и выступает суть процессов и явлений. Археология объективно и конкретно выявляет русскую природу сибирского города и его созидательную роль в преображении громадного региона.

Успехи русской археологии внесли важный вклад в изменение отношения к русским, как к этносу, давно ставшему коренным не менее, чем малые аборигенные народы, и который, по выражению С.В. Бахрушина, «трудом и культурой» осваивал Сибирь.

Исследуя ископаемый русский город Сибири, который являлся двигателем исконных культурных традиций и фактором цивилизационного преобразования края, поздняя археология выступает как «национальная археология»: погружает нас в подлинный материальный мир эпохи освоения нашими предками Сибири, она помогает в процессе самопознания и самоидентификации, что делает «науку о древности» остро современной.

Русское заселение Сибири стало особым, ярчайшим этапом расширения русской этнической территории и распространения русской этнической культуры. Ни русская народность, ни ее культура отнюдь не потерялись в Сибири. Вливание в общий поток колонизации культурных традиций и особенностей, присущих различным регионам России, а также иноэтничных и инокультурных элементов, действие природно-географического фактора обусловило своеобразие сибирской культуры, придало ей характер локального (а точнее регионального – М.Ч.) варианта единого целого – общерусской культуры (Александров, 1981. С. 3–7; 1997. С. 6, 8).

Археологические исследования подтверждают то, что на макроуровне, где генерализируется основное, наиболее существенное, процесс колонизации предстает российским с точки зрения государственности и русским по культуре.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 07–01–00103а.

Александров В.А., 1997. Кто мы, русские? // Русские: Историко-этнографические очерки. М.

Артемьев А.Р., 2005. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.

Визгалов Г.П., 2006. Мангазея – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.

Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К., 1988. Командорский лагерь экспедиции Беринга: (Опыт комплексного изучения). М.

Люцидарская А.А., 1997. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск

Рындина О.М., 2003. Традиция и новация в системе жизнеобеспечения русских Нарымского края // Археолого-этнографические исследования в южнотатаежной зоне Западной Сибири. Томск.

Скобелев С.Г., 1994. Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк.

Татауров С.Ф., 2002. Русские в Тарском Прииртышье // Культура русских в археологических исследованиях. Омск.

Н.И. Шутова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

Тюркские элементы в культовой практике удмуртов XIX – первой половины XX в.: археолого-этнографический аспект

Удмурты – один из финно-угорских народов, проживающих в лесной зоне Восточной Европы, в междуречье рек Камы и Вятки. С давних времен эти территории являлись зоной межэтнических контактов местных финно-угров с разными группами населения: индоиранцами, тюрками, славянами. Во многом культурное своеобразие духовного наследия удмуртов явилось результатом их контактов с обитавшими прежде и проживающими здесь ныне народами. Настоящая статья посвящена теме «много-

угольного пространства» в верованиях и фольклоре удмуртов.

В XIX – начале XX в. у отдельных территориальных групп удмуртского населения сохранились разные типы дохристианских почитаемых мест. Как правило, планировка срубных сакральных построек куала и ограда большинства культовых мест традиционно имела прямоугольную и округлую (овальную) форму. На некоторых сакральных объектах южных удмуртов – в южных районах Удмуртии и

Пермского края, в северных районах Татарстана и Башкортостана, возводились шести– десятиугольные ограждения (Holmberg, 1914. Kuva 22, 23, 26, 27, 34, 35, 40). В наши дни аналогичные оградки встречены в двух случаях: на святилище Булда (д. Кузубаево, Алнашский р-н, Удмуртия) ограда имеет форму шестигранника, жертвенный костер разжигали в центре ограды, калитка располагалась на западной стороне; в роше Луд (д. Варклет-Бодья, Агрызский р-н, Татарстан) ограждение сакральной части с очагом в центре имеет форму 9-гранного многоугольника. Многоугольные ограждения использовались при оформлении таких разновидностей культовых мест, как священная роша Луд и святилище Булда.

Священная роша предназначалась для молений одному из хозяев Дикой Природы Луду. В удмуртской мифологии он предстает в двух ипостасях: полевик, луговик, ближайший помощник хозяина леса Нюлэсмурта; хозяин Священной роши Луд/ Керемет – строгий и взыскательный хозяин окрестной территории. Арабским словом *кагьмат* ‘сверхъестественное чудо, сила святого’ у болгарского населения Среднего Поволжья обозначали поначалу духа могилы святых людей. Позднее этим термином стали называть целое кладбище и, наконец, отдельно стоящие группы деревьев как места пребывания духов умерших предков или знаменитых людей. От болгар термин проник в удмуртскую среду и слился здесь с Лудом древним культом Священной роши. Общественные моления на святилище Булда посвящались божееству Булде – племенному или территориальному божееству, покровительствующему немногочисленной группе южнудмуртского населения.

В удмуртских фольклорных текстах понятие многоугольность обозначено выражением «сэрего, сэрего», буквальный перевод которого звучит как «углами, углами». Подобное выражение встречается в рекрутских песнях южных и срединных районах Удмуртии, их исполнение происходило в ситуации прощания новобранца с родными и односельчанами (Бойкова, Владыкина, 1992. №№ 132, 138, 150 и др.). Термин сэрего но сэрего ‘с углами да с углами’ употребляется при упоминании родительского дома корка – четырехугольного бревенчатого строения, полей, лугов, леса, улицы родной деревни и т. д. В целом, это понятие используется для обозначения родного дома / края как символа освоенного пространства.

В конце XIX – начале XX в. зимним жилищем удмуртов являлась корка – небольшая бревенчатая курная изба прямоугольной или квадратной формы,

печь в ней располагалась чаще на правой стороне у двери. Со второй половины XIX в. ее повсеместно заменила белая изба (Шкляев, 1993. С. 108–114]. В прошлом у удмуртов, несомненно, существовали сезонные или временные летние сооружения наподобие чума коми и обских угров с округлым или квадратным основанием. Переносное жилище чум, наряду с войлочной юртой, бытовало у многих народов Сибири (ханты, манси, селькупы, алтайцы, буряты, тувинцы, хакасы и др.). Очаг-костер в чуме располагался в центре (Соколова, 1997. С. 314, 332–333).

Археологические материалы показывают, что с I тыс. до н.э. финно-угорское население Приуралья строило наземные дома столбовой или срубной конструкции. Такие жилища имели слабо углубленное в грунт основание, прямоугольную форму, выход в виде выступа в торцевой стене. Как правило, жилища были многоочажные или с очагом в центре. Средневековые пермские жилища представлены прямоугольными (квадратными) бревенчатыми домами, сезонными постройками столбовой конструкции с округло-четыреугольным основанием. Очаг чаще располагался в центре, реже – в углу жилища (Черных, 2002. С. 106–112, 116–124).

Традиционное жилище ближайших к удмуртам тюркоязычных соседей – башкир и татар варьировалось у разных территориальных и локальных групп. В XIX – начале XX в. основным башкирским жилищем являлись бревенчатые дома, плетневые мазанки, дома из камня-плитняка, землянки, избы из самана и пластов дерна. На летовках сооружались временные летние жилища: юрты, бревенчатые домики или конические шалаши. Наследие средневековых кочевников – юрты были разнообразны: тюркские войлочные решетчатые из 5–6 решеток, у состоятельных – до 7–8 или 10–12 звеньев или монгольские, меньших размеров, редко состоявшие из более, чем пяти решеток. Центральный купол был предназначен для освещения и выхода дыма. Имелись круглые жилища со столбовым каркасом. В XIX – начале XX в. у юго-восточных башкир можно было увидеть шести – и восьмигранные складные юртообразные постройки (Шитова, 1984. С. 81–106, 129–146).

Большинство сельских татар в лесной и лесостепной природных зонах жили в простых одноэтажных бревенчатых срубных домах, в безлесных же районах строили саманные, глинолитые или каркасно-столбовые дома. В строительной культуре татар вплоть до конца XIX в. сохранялись архаичные типы построек – землянки, временные жилища шалаши (Халиков, 2001. С. 225–249). Археологи-

ческие данные свидетельствуют, что старинными постройками тюркоязычных народов Среднего Поволжья являлись срубные и столбовые землянки прямоугольной или квадратной формы; столбовые или срубные полуземлянки прямоугольной формы; наземные дома срубные, столбовые, турлучные или каркасно-глинобитные и юртообразные (Хузин, 2001. С. 259, 267–268; рис 103,104). На Муромском городке выявлены остатки жилища юртообразного типа, неправильной овальной формы с открытым или переносным очагом в центре, входом на юге (Кочкина, 2005. С. 98–108). Возможно, это были следы многоугольного жилья?

Наиболее близкие аналоги многоугольным оградкам дохристианских удмуртских святилищ выявлены нами среди многотипных жилых построек коренных жителей Горного Алтая. Все жилища алтайцев относятся к наземным жилищам: четырехгранные юрты, пяти–четырнадцатигранные бревенчатые строения, конусообразные постройки из жердей и коры, цилиндрические войлочные юрты (Тихонов, 1984. С. 55–56; Кызласов, 2005. С. 33–39). Анализ археологических материалов по древностям Саяно-Алтайского нагорья показал, что многоугольная форма жилища алтайцев восходит к древнетюркским многоугольным бревенчатым строениям с купольно-шатровым перекрытием и открытым очагом в центре гунно-гяньгуньской эпохи (Кызласов, 2005. С. 55–61).

Известным фактом является уподобление в фольклорных текстах Алтая многограннику, как освоенному, защищенному пространству. Исследователи культуры тюрков Южной Сибири считают, что «...многоугольный (многогранный) Алтай – это метафора пространства, имеющего границы, пределы, т.е. пространства ограниченного, замкнутого. Освоенное пространство, подобно шестигранному жилищу-аилу, в фольклоре выступает как многогранник» (Традиционное мировоззрение, 1988. С. 34).

Заключение. Приведенные материалы свидетельствуют, что среди отдельных территориальных групп южноудмуртского населения сохранились представления о многоугольном пространстве. Эта идея материализована на отдельных дохристианских святилищах и выражена в рекрутских песнях, в которых пространство родной деревни/края (возможно, Вселенной) ассоциируется с многогранником (сэрего, сэрего). Подобные мотивы обнаруживают явную сопряженность с мужской частью удмуртского сельского сообщества (рекрутские песни, мужские капища Луд и Булда). Важным обстоятельством является факт наличия многоугольного ограждения на

священных местах в честь божеств Луда/Керемета и Булды, в культе которых чувствуется восточное влияние.

Представление о многоугольности освоенного пространства не является исконной чертой верований лесных оседлых обитателей Прикамья. С давних времен большинство жилых и культовых сооружений удмуртов имели прямоугольную/квадратную, реже – округлую/овальную форму. Да и возникновение самого понятия в удмуртском языке (сэрего, сэрего ‘углами, углами’) изначально восходит к представлению о пространстве четырехугольного (прямоугольного, квадратного) жилища. Идея о многоугольном устройстве окружающего мира не является характерной чертой верований удмуртов и их тюркоязычных соседей. Близкие параллели этому явлению имеются в территориальной отделенной среде – среди многоугольных строений алтайцев и представлений о многогранном Алтае как символе освоенного пространства. В свою очередь, истоки многоугольных строений и связанных с ними представлений о многограннике как обжитом пространстве связаны с древними тюрками Саяно-Алтайского нагорья гуннской эпохи. Подобные идеи на каком-то этапе оказались заимствованы лесными обитателями Приуралья и мозаично сохранились среди локальных групп южноудмуртского населения.

Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г., 1992. Удмуртский фольклор: Песни южных удмуртов. Вып. I. Ижевск.

Дьяконова В.П., 1995. Жилище народов Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб.

Кочкина А.Ф., 2005. К истории домостроительства в Волжской Болгарии X – начала XIII вв. (по материалам Муромского городка) // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследование культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань.

Кызласов И.Л., 2005. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара.

Соколова З.П., 1997. Жилище народов Сибири // Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М.

Тихонов С.Н., 1984. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988. Вып. I: Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск, 1988.

Халиков Н.А., 2001. Поселения и жилища // Татары. М.

Хузин Х.Ф., 2001. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань.

Черных Е.М., 2002. Древнепермское жилище: итоги археологического изучения // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск.

Шитова С.Н., 1984. Традиционные поселения и жилища башкир. М.

Шкляев Г.К., 1993. Поселения и жилища // Удмурты: историко-этнографический очерки. Ижевск.

Holmberg U, 1914.. Perimalaisten uskonto // Suomen Suvun Uskonnot. КТ. 4. Borga.

Б.Е. Янишевский

Институт археологии РАН

Можайск. Археологическое открытие города

Город Можайск, районный центр Московской области, расположен в 100 км к западу от Москвы. Древность города ни у кого не вызывает сомнений, письменные источники относят появление города к XIII в. Дискутируется лишь вопрос, какое из двух упоминаний в летописи считать первым: под 1231 или 1277 г.

Уточню сразу: ни одно из этих двух упоминаний топонима «Можайск» к этим годам не имеет отношения. В 1231 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович совершил поход против черниговского князя. В Лаврентьевской летописи в этом рассказе написано: «В лето 6739 (1231)... Того же лета ходи князь Ярослав ратью к Чернигову на князя великого Михаила и пожже Шернеск и стояв под Можанском възвратися в своя си без мира а города не взяша. (ПСРЛ. Т. I. 2001. С. 511). В Новгородской первой летописи, однако, написано «Мосаиском» (ПСРЛ. Т. III. 2000. С. 280). Судя по упоминанию Серенска, логичней предположить, что написание этого топонима в Новгородской 1-й летописи более правильное, то есть события происходили у расположенного недалеко от города Серенска города Мосальска (в нынешней Калужской области), стоящего также как и Можайск на р. Можайка. Такой же точки зрения придерживается и большинство исследователей (см. напр., Зайцев.1982. С. 35–37).

Рассказ, приведенный в летописи под 1277 г., касается истории о поездке Федора Ростиславича, кн. ярославского, внука Мстислава Давыдовича кн. Смоленского, в Орду. Это событие послужило поводом для рассказа о том, как его обидели братья, дав ему «Можайск един». Тут же рассказывается о женитьбе кн. Федора. В Ермолинской летописи XV в. и в Воскресенской XVI в. рассказы практически идентичны (ПСРЛ. Т. XXIII. 2004 С. 90; ПСРЛ. Т. VII. 2001. С. 173). В Никоновской летописи этот рассказ намного подробней (ПСРЛ. Т. X. 2000.

С. 153–154). Однако обида князя Федора относится к более раннему времени, когда умер его отец. Это событие произошло в 1249 г., после чего произошел раздел Смоленского княжества, а брат кн. Федора Глеб Ростиславич стал Смоленским князем. Правда, А.В. Экземплярский считал, что кн. Федор получил Можайск около 1260 г. (Экземплярский, 1884, с. 74–75).

Таким образом, первое упоминание топонима «Можайск» относится к середине XIII в. Несмотря на форму слова, характерную для городов, городом в современном понимании Можайск еще не был. Чтобы стать городом, здесь должны были появиться, кроме княжеского стяга, укрепленный кремль, посады, ремесленное производство, торговля, церкви. Появление этих составляющих города трудно проследить только по письменным источникам, которые становятся более представительными только в XIV–XV вв., благодаря сохранившимся духовным и договорным грамотам московских князей (с 1303 г. Можайск вошел в состав Московского княжества). Ремесло и торговля, а также фортификационные сооружения прослеживаются и изучаются в основном археологическими методами. Вот тут мы подходим к сути статьи: Можайск археологически до 2005 г. практически не изучался. То есть отдельные шурфы были в кремле (Молчанов, 1983. С. 70–71; Молчанов, 1984. С. 73) и даже был исследован могильник на посаде (Энговатова, 1994. С. 155–169). Но в целом, как городское поселение, Можайск не исследовался.

С 2005 г. начались планомерные археологические исследования Можайска во всей его совокупности, т.е. исследования укрепленного центра – кремля, посада, расположенного на обеих сторонах реки Можайки, к этому были приложены произведенные ранее исследования округа города, входившей в 1389–1456 гг. в Можайское княжество.

В кремле в 2005–2006 гг. были исследованы 5 раскопов, общей площадью более 150 кв. м. Несмотря на то, казалось бы незначительную площадь, удалось выяснить многие важнейшие для города составляющие – датировать первоначальное поселение на кремлевском холме, исследовать укрепления всех периодов постройки, проследить развитие системы фортификации города, толщину культурного слоя, стратиграфию во всех частях кремля, кладбища и даже предположить место ранней церкви.

Ранняя дата заселения кремлевского холма установлена на основании находки в раскопе 3 и 4 фрагментов лепной керамики раннего железного века, керамического грузика «дьякова типа» и пряслица. Грузик был найден в переотложенном слое, как и все слои в раскопе 1. В раскопе 4 исследована округлая по форме яма 5 (0,9 x 1,2 м), выделявшаяся на фоне желтого материка черным заполнением, содержащим большое количество мелкодисперсного угля. В этой яме найдена исключительно лепная керамика, содержащая дресву в тесте. Кроме керамики в яме 5 найдена половинка янтарной бусины. Находки раннего железного века датируют заселение холма концом I тыс. до н.э – II–III вв. н.э. Яма с керамикой позволяет считать, что это было именно поселение, а не временная стоянка.

Вторично кремлевский холм был заселен уже в XII в. Материалов этого времени при раскопках в кремле найдено много. Это, прежде всего, керамика так называемого «курганного типа». Из находок XII–XIII вв. можно назвать наиболее характерные: бусина из горного хрусталя, калачевидное кресало, фрагменты амфор, раковины каури, фрагменты стеклянных перстней и браслетов. Таким образом, находки XII в., распространенные по всей территории холма показывают, что холм в это время был обжит полностью (Янишевский, 2008. С. 137–138).

Самые ранние укрепления Можайска найдены в раскопе внутри Никольского собора. По керамическим материалам они датированы второй половиной XIII в., что соответствует времени правления кн. Федора Ростиславича. Размер укреплений XIII в. устанавливается по отсутствию насыпи XIII в. в раскопе 2 в 45 м восточнее раскопа в соборе, то есть первоначальная крепость туда не доходила и имела размеры около 60 x 60 м.

В юго-восточной части Можайского кремля к югу от собора Петра и Павла выявлены остатки вала двух периодов XIV в. Первичный вал, в отличие от вала XIII в., окруживший уже весь кремлевский холм, был построен не ранее присоединения города к Москве в 1303 г. Это подтверждает и наличие небольшого количества красноглиняной грубой кера-

мики в слое под валом. 1303 г. можно считать нижней датой строительства первичного вала. Верхней датой его постройки можно принять 1340 г. – год перед приходом войска литовского кн. Ольгерда в 1341 г., когда был сожжен только посад, а крепость выстояла.

Площадь укрепленной части Можайска в XIV в. увеличилась до 4,5 га. Таким образом, размер Можайской крепости достиг величины, необходимой для того, чтобы быть полноценным городом: заключать в себе дворы горожан и аристократии, княжеский двор.

В раскопе 2 в Можайском кремле исследовано кладбище двух периодов: конца XIII в., располагавшееся вне стен первоначальной крепости, перекрытое в XIV в. валом, и несколько более позднее, устроенное изнутри у подножия вала конца XIV в. Погребения обоих периодов практически идентичны, устроены по христианскому обряду, в гробах, собранных в могильных ямах без гвоздей (Янишевский, Меньшиков, 2007. С. 284–287).

В 2005–2007 гг. производилось изучение посадов города. Правобережный посад застроен, однако в древнейшей заселенной части сохранилась малоэтажная застройка, планировка же сохраняет «екатерининскую» разметку кварталов, середины которых заняты огородами. Это позволило произвести в 2005 и 2006 г. уникальные акции по сплошному сбору подъемных материалов на огородах. Сборами было охвачено более 250 участков. Изучение полученного, в основном, подъемного материала позволило составить карту расширения правобережного посада с XII до XV в., после чего пятно застройки распространилось на всю территорию посада (Янишевский, Балашов, 2008).

Левобережный, «заречный» посад в настоящее время (с сер. XVII в.) не застроен, в последнее время распаивался. Это дало возможность изучать его более свободно, чем правобережный посад. Пока произведены сборы подъемного материала на площади более 6 га и раскопки на площади 350 кв. м. В результате сборов неожиданно найдено 8 предметов угро-финского происхождения, датированных концом XI–XII вв. (Янишевский, 2008. С. 139). В раскопе найден производственный металлургический комплекс XIV–XV вв. Он состоял из печей по выплавке железа (две ямы), большого количества металлургического шлака, четырех мастерских по обработке черного металла, причем одна по производству кольчато-пластинчатого доспеха. На изготовление этого доспеха на месте указывают кольчужные кольца, как сомкнутые (сваренные и склепанные), так и еще не сомкнутые, части коль-

чуги (до 15 колец), железные пластины от панциря, а также найденный здесь же инструмент – зубило. В данной постройке, по-видимому, существовала и печь (горн). Мастерская бронника должна была обслуживать дружинную верхушку и князя, поскольку продукция такого рода была очень дорогой. Другая, расположенная здесь же мастерская, занималась выплавкой изделий из цветного металла. В ней найдены полуфабрикаты изделий и куски льячек. В другой постройке (исследован подпол-ледник) найден медный лом для последующей переработки, что тоже косвенно указывает на существование мастерской (Меньшиков, 2008. С. 146–151).

Таким образом, в результате раскопок в городе Можайске выяснены многие аспекты жизни средневекового города, но многое еще предстоит изучить.

Зайцев А.К., 1982. Подмосковные Уполозы 1231 г. // Проблемы исторической географии России. Вып. I. М. 1982.

Меньшиков А.Ю., 2008. Мастерская «бронника» на посаде Можайского кремля (по результатам раскопок

2006 г.) // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.

Молчанов А.А., 1983. Работы в Можайском кремле // АО 1981 года. М.

Молчанов А.А., 1984. Раскопки в Можайском кремле // АО 1982 года. М.

Экземплярский А.В., 1884. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб.

Энговатова А.В., 1994. Погост начала 15 века в г. Можайске // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 1.

Янишевский Б.Е., 2008. Исследования древнего Можайска в 2005–2007 гг. // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.

Янишевский Б.Е., Меньшиков М.Ю., 2007. Раскопки в г. Можайске // АО 2005 г. М.

Янишевский Б.Е., Балашов А.Ю., 2008. О результатах регулярных наблюдений за земляными работами в городе Можайске // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской научной конференции. Калуга (в печати).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия. Москва.
АС – Археологический съезд.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград – Санкт-Петербург.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН.
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН.
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы.
ИЛ – Ипатьевская летопись.
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). Москва.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва.
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского северо-востока. Сыктывкар.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. Москва.
НПЦ – Научно-производственный центр.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПВЛ – Повесть временных лет.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Российская археология. Москва.
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СА – Советская археология. Москва.
САИ – Свод археологических источников. Москва.
СО РАН – Сибирское отделение РАН.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН.
УрО РАН – Уральское отделение РАН.
ЦЭИ (УНЦ РАН) – Центр этнологических исследований.
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AJA – American Journal of Archaeology.

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Структура издания «Трудов II (XVIII) Всероссийского археологического съезда»	4
Секционные доклады	5
Секция 6. Скифо-сарматская эпоха: кочевники и их окружение	
<i>Акулов А.Г., Паульс Е.Д.</i> К изучению тагарской курганной архитектуры	5
<i>Алексеев А.Ю.</i> «Старшие» келермесские курганы	9
<i>Берсенева Н.А.</i> Погребение как ансамбль: гендерные стереотипы и погребальная практика саргатской культуры. . .	10
<i>Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю.</i> Бронзовое зеркало с «тамгообразным» знаком из могильника Коол-1 (р. Актру, Горный Алтай)	12
<i>Бородовский А.П.</i> Деревянное защитное вооружение скифского времени Горного Алтая	14
<i>Герман П.В.</i> Локальные различия и проблема генезиса тагарской культуры	17
<i>Горбенко А.А., Косяненко В.М.</i> Редкие хроноиндикаторы из некрополя Паниардиса – Крепостного городища (г. Азов)	20
<i>Гуляев В.И.</i> Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам курганов Среднего Дона скифской эпохи)	22
<i>Ермоленко Л.Н.</i> О трюичной и двоичной композиционных структурах в искусстве Скифии	25
<i>Зайцева Г.И., Ковалев А.А., Тишкин А.А., Дирксен В.Г.</i> Радиоуглеродная хронология культур Тувы, Алтая и Монголии начала раннего железного века	27
<i>Канторович А.Р.</i> Редуцированные изображения конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы	30
<i>Коробкова Е.А., Яворская Л.В.</i> Комплексы костей животных в погребальных памятниках сарматских культур (по материалам могильников бассейна реки Есауловский Аксай)	33
<i>Краева Л.А.</i> Сарматская керамика с примесью талька из Южного Приуралья	36
<i>Кузнецова Т.М.</i> Келермес – единый скифский памятник периода архаики	39
<i>Леус П.М.</i> Терезин – новый памятник гунно-сарматского времени в Центральной Туве	42
<i>Лукьяшко С.И.</i> Нижнедонская Скифия	44
<i>Майоров А.В.</i> <i>Venadisarmatae</i> античных памятников: традиция этнического сближения венедов и сарматов в свете данных современной археологии и этнографии	45
<i>Максименко В.Е.</i> Особенности археологических памятников кочевого населения Нижнего Дона эпохи раннего железа и проблемы их этнической интерпретации	48
<i>Марсадолов Л.С.</i> Историография и ритмичность процессов (на примере истории изучения памятников кочевников Алтая I тыс. до н.э.)	50
<i>Матрёнин С.С.</i> Хронологические и территориальные особенности погребального обряда населения Горного Алтая хуннско-сяньбийского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.)	52
<i>Раев Б.А.</i> Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр.	55
<i>Рябкова Т.В.</i> Чешуйчатые панцири раннескифского времени	58
<i>Семенов В.А.</i> Уюкско-саглынская культура	61
<i>Сергацков И.В.</i> Проблемная ситуация в археологии среднесарматской культуры	64
<i>Скаков А.Ю.</i> Урарту и Колхида: к вопросу о связях	67
<i>Скаков А.Ю., Джошуа А.И.</i> Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования	69
<i>Скрипкин А.С.</i> Савроматская археологическая культура (проблемы идентификации)	

<i>Смирнов Н.Ю.</i> Предстоящие у Древа (принципы трансформации культурных рецептов в среде горно-степного населения Евразии в I тыс. до н.э.)	73
<i>Сутягина Н.А.</i> Наборный пояс в культуре Шацзин (по материалам некрополей провинции Ганьсу, КНР)	76
<i>Таиров А.Д.</i> Пути глобальных миграций кочевого населения в Евразийском поясе степей	78
<i>Тишкин А.А.</i> Памятник Яломан-II как показатель культурно-исторических процессов на Алтае в хуннское время	79
<i>Тишкин А.А., Хаврин С.В.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ золотых изделий из памятника Бугры (северо-западные предгорья Алтая, скифо-сакское время)	82
<i>Тишкин А.А., Чугунов К.В.</i> Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая	86
<i>Туаллагов А.А.</i> Начало позднесарматского периода на территории современной Северной Осетии	88
<i>Фирсов К.Б., Демиденко Ю.В., Лантратова О.Б.</i> Уникальные одежды из Большого Катандинского кургана на Алтае: проблемы сохранения археологических памятников из собрания ГИМ	90
<i>Фролов Я.В.</i> К вопросу о реконструкциях этнокультурной ситуации в лесостепном Алтае в эпоху раннего железа	95
<i>Чугунов К.В.</i> Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2	98
<i>Шайхетдинов М.А.</i> К вопросу об импортах в культурах племен лесостепного Приуралья	102
<i>Шаров О.В.</i> Культурный комплекс Таракташ в горном Крыму	103
<i>Шелепова Е.В.</i> Изучение ритуальных комплексов кочевников Алтая раннескифского времени (бийкенская культура)	104
<i>Шульга П.И.</i> Особенности снаряжения лошади на Саяно-Алтае в раннескифское время	108
<i>Кисель В.А.</i> Σαγάρης Геродота в арсенале древних кочевников	110

Секция 7. Античные памятники Причерноморья и Средней Азии

<i>Березин А.А.</i> Изучение подводно-археологических памятников античной эпохи Северного Причерноморья в досоветской России	113
<i>Бутягин А.М.</i> Боспорская аристократия IV в. до н.э.: археологические свидетельства	114
<i>Вахтина М.Ю.</i> Порфмий – греческий город на восточной границе Европейского Боспора (некоторые итоги и перспективы исследования)	116
<i>Гаибов В.А.</i> Образ царя в искусстве Маргианы парфянского времени	118
<i>Горлов Ю.В., Требелева Г.В.</i> Раннехристианский архитектурный комплекс в Севастополе	122
<i>Григорьев Д.В.</i> К вопросу о торговых связях эллинских колоний Северного Причерноморья и местного населения в VII в. до н.э.	124
<i>Журавлев Д.В., Шлотцауер У.</i> Новые исследования на Таманском полуострове	126
<i>Завойкин А.А., Завойкина Н.В.</i> Святилище элевсинских богинь на Азиатском Боспоре	128
<i>Зинько В.Н., Масленников А.А., Поротов А.В.</i> Реконструкции прибрежной полосы хоры в районе античных поселений Восточного Крыма (на примерах Тиритаки и Чокракского озера)	131
<i>Кашаев С.В.</i> Уникальные материалы грунтового некрополя Артюшенко-2	133
<i>Кисельников А.Б.</i> История освоения кратчайшего морского пути от мыса Карамбий до мыса Криу Метопон	135
<i>Кошеленко Г.А.</i> Монеты первых парфянских царей	138
<i>Медведев А.П.</i> Исследование Восточного некрополя Фанагории (2005–2007 гг.)	140
<i>Мокроусов С.В.</i> Архитектура сельских поселений Восточного Крыма ранневизантийского времени (по материалам поселения Зеленый Мыс)	143
<i>Пилипко В.Н.</i> Археологические данные о Старой Нисе	145

Секция 8. Ранний железный век лесной зоны Евразии

<i>Башенькин А.Н., Васенина М.Г.</i> Комплекс памятников раннего железного века и средневековья у д. Куреваниха на р. Мологе в Вологодской области	149
<i>Берлина С.В.</i> Реконструкция типов фортификационных сооружений саргатской культуры и их оборонительных возможностей	152
<i>Данченко Е.М., Полеводов А.В.</i> Среднее Прииртышье в древности и средневековье: на стыке культурных общностей	155

<i>Завитаев А.Н.</i> Строительные сооружения городищ культуры на территории Прихопёрья	157
<i>Зимина О.Ю.</i> Некоторые проблемы в изучении комплексов переходного времени – начала раннего железного века Притобоя	160
<i>Мандрыка П.В.</i> Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья	162
<i>Папин Д.В., Тур С.С.</i> Материалы могильника Бобровка как источник для реконструкции этнокультурных процессов в Верхнем Приобье в переходное время от бронзы к железу	165
<i>Плетнёва Л.М.</i> Металлические зеркала эпохи раннего железа из памятников Томского Приобья	167
<i>Разуваев Ю.Д.</i> Городецкие поселения лесостепного Подонья: пространственно-хронологический анализ	170
<i>Сыроватко А.С.</i> Дьяковские этнокультурные трансформации и керамика: возможности реконструкции	173
<i>Федорова Н.В., Гусев А.В.</i> Древнее святилище Усть-Полуй: на перекрестке культурных традиций	175
<i>Цембалюк С.И.</i> Итоги и проблемы изучения баитовской культуры раннего железного века Зауралья	178
<i>Чикунова И.Ю.</i> Взаимодействие культур как способ адаптации (по материалам поселений раннего железного века Зауралья)	180
<i>Чиндина Л.А.</i> Юго-восточный фронт в кулайское время	182

Секция 9. Раннее средневековье Евразии: культурно-исторические процессы

<i>Акимов Д.В.</i> Опыт реконструкции этно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону	187
<i>Баранов Ю.М., Чарусова И.С., Баранов М.Ю.</i> Археолого-этнографическое обоснование реконструкции жилища VI–VII вв. городища Сургутское 1	191
<i>Башенькин А.Н.</i> Славяне на востоке Новгородской земли. V–IX вв.	194
<i>Васютин С.А., Васютин А.С., Онищенко С.С.</i> Характер взаимодействия кочевого и оседлого населения на юге Западной Сибири в период раннего средневековья	197
<i>Вихляев В.И.</i> Земледелие древней и средневековой мордвы	199
<i>Волков В.В.</i> Вопросы изучения болгарских сельских поселений на территории Чувашии в 1950–1960-х гг.	200
<i>Воронцов А.М.</i> Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела	202
<i>Гавритухин И.О.</i> Актуальные проблемы изучения ранней истории славян и славянского расселения на юг и запад (пражская культура)	206
<i>Гаджиев М.С.</i> Горная стена «Даг-бары»: новейшие исследования	209
<i>Горюнова В.М.</i> О дате позднерубинских памятников типа Картамышево II – Терновка 2 (по материалам поселения «Сильник» – Боброва 3)	211
<i>Гурьянов В.Н., Фатков А.М.</i> О времени появления роменской культуры в Брянском Подесенье (по материалам поселения Курово 6)	214
<i>Дашковский П.К.</i> Памятники эпохи средневековья Чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае: предварительные итоги исследования и интерпретация	216
<i>Добровольская М.В., Сыроватко А.С.</i> К методике изучения кремнированных материалов из погребально-поминальных памятников середины – второй половины I тыс. н.э. в центральных и северных районах Европейской России	219
<i>Дьякова О.В.</i> Древние и средневековые морские магистрали Японского моря и Татарского пролива	222
<i>Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.</i> О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги	224
<i>Казаков Е.П.</i> Комплексы тюркоязычных кочевников в древностях Волжской Болгарии	226
<i>Китаева А.А.</i> Археологические свидетельства христианства в Центральной Азии в I тыс. н.э.	228
<i>Королев К.С.</i> Климатический фактор в этногенезе коми-зырян (по археологическим материалам средней Вычегды)	231
<i>Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.</i> Исследование городища Чинтолгой-балгас в Монголии	234
<i>Кубарев Г.В.</i> Копья с втулками у древних тюрок (по раннесредневековым петроглифам Алтая)	236
<i>Кудряшов А.В.</i> Невалинские древности в бассейне р. Шексы	240
<i>Кулаков В.И.</i> Личины на фибулах X в. из Трусо и Каупа	242
<i>Кызласов И.Л.</i> Алтайская проблема в свете археологии	244

<i>Лещенко Н.В., Болдин В.И.</i> Прихрамовые постройки буддийского комплекса на Краскинском городище в Приморье	247
<i>Митько О.А.</i> Огонь в средневековых погребениях с конем в степной части Среднего Енисея (по материалам поселения Маркелов Мыс II)	252
<i>Новиков А.В.</i> Погребальная обрядность могильников верхнеобской культуры южно-таежного Приобья	255
<i>Обломский А.М., Терпиловский Р.В.</i> О происхождении восточной ветви ранних славян (I–V вв. н.э.)	257
<i>Павлова А.Н.</i> Отражение этнокультурного взаимодействия в символике костюма волжских финнов рубежа I–II тыс. н.э.	263
<i>Панкратова Л.В.</i> Реконструкция кулайских обрядов (по материалам Саровского комплекса археологических памятников)	265
<i>Пономарёв Л.Ю.</i> Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X в.	268
<i>Попов П.В.</i> Семиреченские элементы в керамике Самосдельского городища.	270
<i>Поселянин А.И.</i> Тризны в таштыкских поминальниках.	274
<i>Радюш О.А.</i> Археологическая ситуация в верхнем Посемье в позднеиримское время (современное состояние исследований)	277
<i>Родинкова В.Е.</i> Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния	280
<i>Румянцева О.С.</i> Организация стеклоделия в эпоху поздней античности – раннего средневековья (обзор зарубежной литературы)	285
<i>Серигов Ю.Б.</i> Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере	289
<i>Смагулов Е.А.</i> Раннесредневековый храмовый комплекс на цитадели Сидака (Средняя Сырдарья).	292
<i>Соловьев В.С.</i> Изучение Кафиркалы – раннесредневековой столицы области Вахш (Северный Тохаристан).	296
<i>Терпиловский Р.В.</i> Новые памятники III–V вв. в Северо-Восточной Украине.	297
<i>Хреков А.А.</i> О соотношении постзарубинецких погребальных и культовых комплексов лесостепного Прихопёрья.	300

Секция 10. Средневековая археология: урбанизация, расселение, материальная культура

<i>Алпаткина Т.Г.</i> Из истории исследований Музея Востока в Средней Азии (к 80-летию первых археологических экспедиций музея в Старом Термезе)	302
<i>Артемьева Н.Г.</i> Городища империи Цзинь (1115–1234 гг.) на территории Приморья	305
<i>Андреев С.И.</i> О времени освоения древнерусским населением верховьев реки Цна (Тамбовская область).	308
<i>Бычкова Я.В., Енисова Н.В., Нилус И.М., Пушкина Т.А.</i> Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнёздова.	312
<i>Васильева Т.А.</i> Екатерининское городище – памятник культуры чжурчженей Приморья.	315
<i>Веретюшкин Р.С.</i> Гончарные традиции Курской земли в XI–XIII вв.	317
<i>Ефремова Д.Ю., Асылгараева Г.Ш., Алибеков С.Я.</i> Естественнонаучные методы исследования в изучении святилищ эпохи средневековья в Марийском Поволжье.	320
<i>Жилина Н.В.</i> Хронология украшений древнерусских кладов IX–XI вв.	324
<i>Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.</i> Роль Балтийско-Волжского пути в распространении технологических инноваций.	329
<i>Зайцева И.Е.</i> Сплавы цветных металлов Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии: сравнительно-исторический анализ.	331
<i>Захаров С.Д.</i> Методика реконструкции застройки средневековых поселений (по материалам раскопок белозерских селищ)	334
<i>Зозуля С.С.</i> Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв.	337
<i>Коваль В.Ю.</i> Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмосковье)	340
<i>Красильникова К.Ю.</i> Происхождение каркасных наземных жилищ аборигенов субарктики Западной Сибири	345
<i>Красникова А.М., Федорина А.Н.</i> Небольшие поселения ближней округи Суздаля (по материалам исследований селищ Вишенки 3 и Кистыш 3)	347
<i>Кручинкина Е.В.</i> Перстни с чернью из Кельгининского могильника X–XV вв.	349

<i>Кузьмин С.Л.</i> Культурно-исторические процессы на западе Новгородской земли в конце I – начале II тыс. н.э.	352
<i>Мамедова А.М.</i> Монетная чеканка и денежное обращение Азербайджана VIII–IX вв.	354
<i>Медынцева А.А.</i> Автограф мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.	357
<i>Милованов С.И.</i> Торговля Старой Рязани в достолитичный период (XI – первая половина XII в.).	360
<i>Моргунов Ю.Ю.</i> Древо-земляные стены домонгольских укреплений	363
<i>Мурашева В.В.</i> Византийские связи Гнёздова (по материалам раскопок пойменной части поселения).	367
<i>Недашковский Л.Ф.</i> Взаимодействие золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их округой	369
<i>Никитина Т.Б.</i> Этнокультурные контакты марийцев в эпоху средневековья (к проблеме «славяноидной» керамики)	371
<i>Покровская Л.В.</i> Предметы прибалтийско-финского облика Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа).	375
<i>Руденко К.А.</i> О необычных захоронениях на Остолоповском селище X–XII вв. в Татарстане	378
<i>Савельева Э.А.</i> Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья (итоги и перспективы исследований).	379
<i>Саранцева С.Е.</i> Некоторые вопросы технологии изготовления черепицы чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.).	382
<i>Сингх В.К.</i> Наковальни из раскопок в Новгороде.	385
<i>Сланов А.А.</i> Самый высокогорный храм Кавказа.	390
<i>Степанов А.М.</i> Застройка усадьбы Т Троицкого раскопа в XII–XIV вв.	392
<i>Степанова Ю.В.</i> Древнерусский костюм по материалам погребальных памятников и письменным источникам.	394
<i>Стрикалов И.Ю.</i> Древнерусская колонизация Среднего Поочья в XI в.	397
<i>Судаков В.В., Буланкин В.М., Иванов Д.А.</i> Дураковский комплекс поселений IX–XIII вв. на р. Вожа Рыбновского района Рязанской области	399
<i>Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.</i> Старорязанская экспедиция: новые исследования	404
<i>Чернов С.З.</i> Сфрагистический комплекс 1088–1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли	407
<i>Шевченко Ю.Ю.</i> Планиметрия восточнохристианского пещерного храма в раннесредневековой Восточной Европе (VII–XII вв.).	410
<i>Шинаков Е.А.</i> Восточная граница радимичей конца X – середины XII в.	414
<i>Шполянский С.В.</i> Археологическое изучение исторических сел Суздальского Ополя	417
<i>Яковлева Е.А.</i> «Камерные» погребения псковского некрополя.	419

Секция 11. Археология Московского государства и Российской империи

<i>Беликова О.Б.</i> Возможности этнической интерпретации кургана XVI–XVII вв. юга Западной Сибири.	422
<i>Беляев Л.А.</i> Персональная идентификация погребений и археология	424
<i>Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М.</i> Раскопки исторического центра Иркутска	428
<i>Боброва А.И.</i> Хронология некрополей Нарымского Приобья X–XIV вв.	430
<i>Векслер А.Г., Беркович В.А.</i> Печать “Добра человека” (Московские печатки XVI–XVII вв. по материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг.)	432
<i>Векслер А.Г., Воронин К.В., Кондрашев Л.В., Молошникова М.А.</i> Археологические исследования исторической усадьбы «Царицыно» в Москве в 2005–2008 гг.	435
<i>Визгалов Г.П.</i> Новые археологические исследования первых русских поселений на крайнем севере Сибири	438
<i>Гаркуша М.А.</i> Антропология смерти в культуре Тарских татар	441
<i>Герасимов Ю.В.</i> Использование предметов вооружения в погребальном обряде сибирских татар: к постановке проблемы.	443
<i>Гурьянов В.Н.</i> Средневековые монастыри Брянщины как объекты археологического наследия	446
<i>Дубровин Г.Е.</i> Никитинский раскоп в Новгороде.	448
<i>Енуков В.В., Енукова О.Н.</i> К 20-летию археологического изучения Курска.	451
<i>Ермоленко А.В.</i> Русские города за Уралом в XVI в. – от крепости к административному центру.	454
<i>Завьялов В.И.</i> Позднесредневековый культурный слой Кремля Переяславля Рязанского	458
<i>Кардаш О.В.</i> Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XV–XVII вв.)	460
<i>Коваль В.Ю., Кренке Н.А., Макаров Н.А., Панова Т.Д., Энговатова А.В.</i> Предварительные итоги раскопок в Тайницком саду Московского Кремля	464

<i>Кочуркина С.И.</i> Укрепленные поселения Приладожской Карелии: итоги археологических исследований	467
<i>Кукушкин И.П.</i> Археологические исследования «Вологодского городища»	470
<i>Курбатов А.В.</i> Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России	472
<i>Курочкина С.А., Пигарёв Е.М.</i> Об одной из форм организации керамического производства золотоордынского города	476
<i>Макаров Л.Д.</i> Средневековая Вятка в памятниках археологии	479
<i>Мальшев А.Б.</i> Средневековые материалы Алексеевского городища (по результатам раскопок 2006 г.)	482
<i>Масловский А.Н.</i> Купеческие дома из раскопок золотоордынского города Азака	485
<i>Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В.</i> Археологические исследования экспедиции Тюменского университета в г. Тобольске	488
<i>Нарожный Е.И.</i> Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным)	490
<i>Никитинский И.Ф.</i> Святилища и культовые камни междуречья Сухоны и Ваги	494
<i>Осипов Д.О.</i> Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле)	496
<i>Патрушев В.С.</i> Археология средневековых городов Марийского края	498
<i>Пачкалов А.В.</i> Красноярское городище в дельте Волги	501
<i>Пигарёв Е.М.</i> Погребения в склепах «гурхана» Селитренного городища (по материалам раскопок 2004–2005 гг.)	503
<i>Пуцко В.Г.</i> Сюжетная каменная резьба в художественном ремесле средневекового Новгорода	505
<i>Рязанов С.В.</i> Средневековые памятники черной металлургии на Южном Урале	508
<i>Сакса А.И.</i> Древний Выборг. Становление средневекового города	510
<i>Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В.</i> Исследования средневекового замка (городища «Царский дворец»)	512
<i>Суворова Н.А., Харламова Н.В.</i> Антропологические особенности первопоселенцев Иркутска (по материалам раскопок на территории Иркутского острога)	517
<i>Сорокин П.Е.</i> Археологические исследования Ландскроны и Ниеншанца	519
<i>Тарасов А.Ю.</i> В поисках Маковского острога (разведочные работы на территории с. Маковское Красноярского края)	522
<i>Федорова Л.И., Ткаченко В.А.</i> Комплексный подход к изучению производства глиняных курительных трубок XVIII–XIX вв.	525
<i>Федулов М.И.</i> Средневековая этнокультурная история чувашского Присурья в свете данных археологии	527
<i>Фомин К.Н.</i> Укрепления «Земляного города» позднесредневековой Тулы	529
<i>Худяков Ю.С.</i> Военное дело тюркских народов Сибири в позднем средневековье	532
<i>Цыбин М.В.</i> Среднее Подонье в период Золотой Орды (археологические памятники и письменные источники)	535
<i>Чёрная М.П.</i> Русское содержание российской колонизации Сибири в археологическом отражении	539
<i>Шутова Н.И.</i> Тюркские элементы в культовой практике удмуртов XIX – первой половины XX в.: археолого-этнографический аспект	541
<i>Янишевский Б.Е.</i> Можайск. археологическое открытие города	544
Список сокращений	547

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале

Том II

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Редакторы *С. Васильев, М.Б. Медникова, Е.Е. Сырнева*

Художественные редакторы *Н.С. Сафронова, И.С. Торопов*

Редакционная группа: *К.Е. Агеева, И.В. Рукавишникова,
А.В. Ковальчук, В.Н. Чхаидзе, О.И. Александрова*

Компьютерная верстка *И.Н. Матюхин*

Обложка *Н.С. Сафроновой*

Подписано к печати 08.09.2008.
Формат 60 x 84 1/8. Усл.печ.л. 53,5. Уч.-изд.л. 56,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 564. Тираж 900 экз.

Институт археологии РАН, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отп. в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.